СМЕРТЬ КНЯЗЯ ГВОЗДЕВА, ШУТА ЦАРЯ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Картина Неврева, гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XI

№ 1140 -

"ISTORICHESKII VESTNIK"

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XI

1883

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1883

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1883).

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА.

I.

Московскія торговки.

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ, въ Москвѣ, встрѣчается своеобразный типъ женщинъ, промышляющихъ ручною разносною торговлею, типъ, не исчезнувшій совершенно и до настоящаго времени. Эти женщины ходили со двора на дворъ, изъ дома въ домъ, въ одномъ мѣстѣ покупали вещи, въ другомъ продавали. Тѣ изъ этихъ торговокъ, что были попроще и побѣднѣе, ограничивались разною ветошью и мелочью и носили кличку ветошницъ: у нихъ въ разносѣ были разные лоскуты мѣховъ и тканей, старыя юбки кандячныя и байберсковыя, холстинныя рубашки и всякія бездѣлушки, какъ серебряныя пуговки, стеклярусъ, хрустальные и оловянные стаканчики и тарелки и пр. Попадались по случаю въ ихъ руки и болѣе цѣнныя вещи. Другія, которыя были поразбитнѣе и посметливѣе, находили возможность имѣть кредитъ у купцовъ; у такихъ торговокъ можно было достать и жемчугъ, и серьги съ дорогими каменьями, и золотые перстни, и камки, и другія матеріи, и собольи мѣха. Предметомъ ихъ торговли были также монеты русскія и иностранныя. Иногда торговки обмѣнивались между собою продажными вещами и довѣряли ихъ одна другой для продажи. Съ ранняго утра до ночи шатаясь по Москвѣ, онѣ были вхожи въ дома и знатныхъ и простыхъ, и благородныхъ и подлыхъ, знали ихъ и попы, и церковники, и купцы, и мастеровые, и барскіе слуги, составлявшіе тогда чуть не треть народонаселенія Москвы, и самые бары. Не

брезговали ими важныя госпожи, угощали ихъ у себя чаемъ, оставляли ночевать, показывали имъ свои уборы, продавали или отдавали на продажу то, что считали у себя лишнимъ, пріобрѣтали отъ нихъ то, что имъ нравилось, и вели съ ними интимныя бесѣды. Вѣчно-бродячія бабы не были скучны; съ ними всегда было о чемъ поговорить. Онѣ были большія сплетницы. Въ нѣкоторыхъ домахъ онѣ сходились и дружили съ господскою прислугою, отъ ней узнавали, какъ живутъ господа, кромѣ того и сами присматривались въ домѣ, куда ихъ допускали, подмѣчали всякіе признаки, по которымъ смекали, какъ гдѣ живется, гдѣ что дѣлается, и обо всемъ этомъ сообщали въ другихъ домахъ. Отъ нихъ можно было услышать, что вонъ тамъ-то мужъ не ладитъ съ женою, тамъ родители недовольны дѣтьми или дѣти родителями, такой-то мужчина ухаживаетъ за такою-то женщиною или дѣвицею, тамъ готовятся къ свадьбѣ, тамъ скоро нужно ожидать похоронъ, тотъ проигрываетъ въ карты или проматываетъ свое имѣніе на прихоти, тотъ скряжничаетъ и копитъ деньги, тотъ собирается покупать имѣніе, а тому угрожаетъ опасность, которой онъ и не чаетъ: о всѣхъ чужихъ дѣлахъ у нихъ былъ готовый запасъ свѣдѣній. И торговыя дѣла были имъ знакомы: знали они, что въ Москвѣ подешевѣло, что подорожало, какой купецъ получилъ большіе барыши, какой близокъ къ тому, чтобы въ трубу вылетѣть—все это какъ на ладони выложитъ вамъ шатающаяся по Москвѣ торговка-вѣстовщица. Посѣщали эти вѣстовщицы московскіе монастыри и архіерейскія подворья, узнавали, что вотъ тамъ-то будутъ ставить въ попы, постригать въ монахи, посвящать въ схимники, присутствовали сами при такого рода церемоніяхъ и чувствительно описывали ихъ въ своихъ разсказахъ, сообщали новости о явленіяхъ чудотворныхъ иконъ, о слезахъ, истекавшихъ отъ иконы Богоматери, о случившихся при иконахъ и мощахъ исцѣленіяхъ: все это съ удовольствіемъ слушалось тамъ, гдѣ были ханжи, а ихъ въ тотъ вѣкъ было гораздо больше чѣмъ теперь въ первопрестольной столицѣ. Вмѣстѣ съ такими благочестивыми свѣдѣніями вѣстовщицы эти ловили и разносили по Москвѣ скандальные анекдоты о сановныхъ людяхъ духовнаго чина, а русскіе люди всегда были падки, при всемъ своемъ усердіи къ церкви, слушать и вымышлять скандальные анекдоты о своемъ духовенствѣ. Московскія барыни, замкнутыя въ узкій кругъ частнаго домашняго быта своего званія, не читали газетъ, въ которыхъ тогда не сообщалось ничего, что-бы могло быть для нихъ интереснымъ, не читали и книгъ, потому что тогда не писали книгъ, приспособленныхъ къ чтенію для такихъ госпожъ; въ свиданіяхъ съ другими госпожами своего званія барыня изъ приличія должна была соблюдать осторожность, не смѣла всего говорить, не могла всего услышать, чего бы ей хотѣлось. Барынѣ было скучно, сидя дома, и потому явленіе такой вѣстовщицы и сплетницы было большимъ

развлеченіемъ. То, что мы теперь читаемъ въ обзорахъ текущихъ событій, печатаемыхъ въ нашихъ газетахъ, то самое передавалось тогдашнею московскою торговкою, и приходъ ея въ домъ имѣлъ такое значеніе, какъ въ наше время доставка газеты. Такія точно стереотипныя выраженія какими насъ угощаютъ газеты въ родѣ: мы слышали, намъ сообщаютъ, мы узнали навѣрное, были въ обычаѣ и у московскихъ торговокъ, только онѣ смѣлѣе относисились о личностяхъ, чѣмъ наши газеты, которыя опасаются преслѣдованія за диффамацію. Торговки не имѣли привычки скрывать настоящее имя того, о комъ передавалась сплетня; никто не преслѣдовалъ ихъ за сплетни, потому что и преслѣдовать было невозможно: никто не могъ доискаться, кто первый вымыслилъ сплетню; разъ она пущена была въ обращеніе, то скоро измѣнялась такъ, что иногда самъ первый сочинитель ея не узналъ бы своего произведенія: сплетницы отличались способностію и охотою разукрашивать пойманную ими вѣсть добавленіями собственнаго искусства. Притомъ надобно замѣтить и то, что обыкновенно лица, имѣвшія право принимать сплетню на свой счетъ и оскорбляться за нее, узнавали о ней тогда уже, когда она успѣетъ облетать пол-Москвы и принять такой видъ, что уже трудно рѣшить—дѣйствительно-ли она относится къ этому лицу, а не къ иному. Поэтому сплетни и вѣсти, разносимыя по дворамъ московскими торговками, такъ же безслѣдно исчезали, какъ и возникали. На счетъ ихъ у русскихъ всегда была на готовѣ поговорка: собака брешетъ, вѣтеръ носитъ!

Но бывали сплетни, говоря о которыхъ, нельзя было приложить такой поговорки. Это были тѣ сплетни и вѣсти, которыя касались высокихъ особъ царскаго дома и дѣйствій верховной власти. Тутъ бѣдная вѣстовщица могла попасть въ такія тенета, изъ которыхъ нельзя было выпутаться, и принять такую бѣду, что лучше бы ей на свѣтъ не родиться, чѣмъ терпѣть ее. А этому статься было такъ легко! Вѣстовщица, по своимъ качествамъ, не отличалась сдержанностію на языкъ и осторожностію въ выборѣ пріятельскихъ знакомствъ, а въ охотникахъ закричать: «слово и дѣло» не было недостатка, даромъ что и тому самому, кто произнесетъ эти страшныя слова, придется солоно. По такимъ словамъ начнется розыскъ, и тутъ съ бѣдной вѣстовщицы будетъ струями литься кровь, члены будутъ выходить изъ своихъ суставовъ, вздуются волдыри отъ кнутовъ и раскаленнаго желѣза, станутъ ее мучить затѣмъ, чтобъ допытаться, откуда вышло предосудительное для чести высокой особы, а она этого сказать не въ состояніи, и невозможенъ будетъ ей исходъ изъ страшнаго заточенія. Есть у насъ примѣръ двухъ такихъ несчастныхъ московскихъ торговокъ: ихъ скорбную, ужасающую исторію мы намѣрены разсказать читателямъ.

Въ 1731 году, въ числѣ многихъ торговокъ, ходившихъ по Москвѣ, было двѣ: одну звали Татьяною, другую Акулиною.

Татьяна была вдова сержанта Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, Павла Посникова, убитаго въ сраженіи лѣтъ назадъ тому около тридцати. Съ тѣхъ поръ, оставшись безъ мужа, она проживала въ Москвѣ и года за четыре или за пять передъ 1731 годомъ поселилась въ Сущевской слободѣ за Тверскими воротами, въ приходѣ церкви Казанской Богоматери, въ домѣ посадскаго человѣка Тимоѳея Дмитріева, стоявшемъ рядомъ съ домомъ кригсъ-цейхмейстера Воейкова. Прежде когда-то занималась Татьяна скорняжнымъ шитьемъ, а достигши старости, пропитывалась тѣмъ, что ходила по домамъ съ разными вещами, продавала ихъ и брала вещи для продажи, получая себѣ вознагражденіе за трудъ.

Акулина была вдова двороваго человѣка господъ Телепневыхъ, Василія Степанова, отпущеннаго на волю назадъ тому лѣтъ тридцать наслѣдниками умершихъ господъ своихъ. Потомъ Акулина вмѣстѣ съ мужемъ проживала въ наймахъ у разныхъ лицъ лѣтъ тринадцать; тогда овдовѣла и съ той поры жила у пасынка своего, портного Ѳедора Смирнова, помѣщавшагося въ избѣ, выстроенной на землѣ, принадлежавшей Садовой слободы посадскому человѣку Ивану Васильеву, на Тверской улицѣ, въ приходѣ церкви Николы Чудотворца, что въ Гнѣздникахъ. И Акулина, какъ Татьяна, получала пропитаніе тѣмъ, что ходила по дворамъ, но она торговала ветошью и извѣстна была подъ именемъ Акулины ветошницы.

Много было сходнаго между собою въ занятіяхъ этихъ двухъ торговокъ. Обѣ онѣ въ одинаковой степени вѣстовщицы и сплетницы. Но какъ по своей наружности, такъ и по внутреннимъ качествамъ характеровъ онѣ представляли собою одна другой противуположность. Татьяна—женщина лѣтъ за пятьдесятъ, сангвиническаго темперамента живая, быстрая, разбитная, словоохотливая, одна изъ тѣхъ, что какъ затараторитъ, такъ ей и удержу нѣтъ. Баба такая, что хоть куда проберется, со всякимъ пытается познакомиться, обо всемъ заводитъ разговоръ, чтобы побольше чего провѣдать; если ей гдѣ-нибудь не удастся и ее, какъ говорится, огрѣютъ, она не сердится, не скорбитъ, а спѣшитъ обратить все въ шутку, на смѣхъ, если же ей что-нибудь разскажутъ, она тотчасъ пускается въ восклицанія, показывающія, какъ ее сказанное занимаетъ. Ничего у ней долго не удержится въ секретѣ, тотчасъ что услышитъ, другимъ переноситъ. Она вхожа къ знатнымъ господамъ, съ ними любезна, вкрадчива, забавна, и за то ее господа любятъ и принимаютъ. Акулина—баба лѣтъ за шестьдесятъ, сухощавая, глядитъ какъ-то сумрачно, съ-подлобья, не болтлива, болѣе серьозна, не допытывается усильно, когда хочетъ что-нибудь узнать, а начинаетъ рѣчь какъ-бы вскользь, будто ее это мало занимаетъ и для ней все равно, скажутъ-ли, или не скажутъ ей. А когда слышанное и узнанное она переносила другимъ, то дѣлала это безъ увлеченія, не такъ какъ Татьяна, а разсказывала шепотомъ, съ видомъ большого секрета; пусть-де ду-

маютъ, что она много кое-чего знаетъ, да не всякому скажетъ, а открываетъ только тѣмъ, кому особенно довѣряетъ. Татьяна любила хвастать, что бываетъ у большихъ господъ, и ее вездѣ ласкаютъ; Акулина никогда съ этимъ не выказывалась, а хоть и случалось ей бывать у господъ, не разсказывала о томъ каждому. Акулина была скупа и большая постница: по средамъ и по пятницамъ круглый годъ не ѣла рыбы и не пила вина, а въ великую четыредесятницу всѣ дни, исключая субботы и воскресенья, не ѣла ничего вареннаго. Она была набожна и простаивала длиннѣйшія монастырскія богослуженія, не дозволяя себѣ ни прислониться къ стѣнѣ, ни облокотиться, ни даже переступать съ ноги на ногу, хотя это не мѣшало ей иногда выражаться о духовныхъ лицахъ очень язвительно, причемъ, однако, она каждый разъ, какъ-бы опомнившись, творила крестное знаменіе и произносила: «Боже, прости мое согрѣшеніе!» Татьяна хоть и ходила въ церковь, но часто, встрѣтивши тамъ пріятельницу, выходила съ нею на паперть, и обѣ тамъ смѣялись, разсказывая дружка дружкѣ что-нибудь вовсе не благочестивое. Обѣ торговки знали одна другую, познакомившись на площади у китай-городской стѣны, гдѣ собирался ветошный рынокъ.

Однажды, въ рождественскій постъ 1731 года, Татьяна отправилась къ Акулинѣ; она узнала, что послѣдняя пріобрѣла серьги съ изумрудами, и хотѣла купить у ней эти серьги, чтобы понести на продажу въ господскіе дома. Въ это время, такъ-сказать, злобою дня въ Москвѣ была ссылка князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Его обвинили въ произнесеніи хульныхъ словъ о государынѣ императрицѣ, и въ томъ же обвинили и жену его. Собственно, однако, онъ предъ государынею Анною Ивановною былъ виноватъ тѣмъ, что былъ Долгорукій; Анна Ивановна ни за что не хотѣла простить роду Долгорукихъ ни намѣренія ограничить самодержавную власть россійскихъ монарховъ, ни плутовской попытки возвести на престолъ одну изъ дѣвицъ Долгорукихъ на томъ странномъ основаніи, что она была невѣстою покойнаго императора Петра II. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, однако, не только не принималъ участія въ этой продѣлкѣ своихъ родичей, но отнесся къ ней съ омерзѣніемъ; тѣмъ не менѣе, когда между вельможами шла рѣчь о томъ, кому передать упраздненный престолъ по прекращеніи мужеской линіи дома Петра Перваго, онъ предлагалъ избрать государынею не Анну Ивановну, тогда еще герцогиню курляндскую, а царицу Евдокію, отвергнутую первую жену Петра Перваго. Этого знатнаго боярина, носившаго важный чинъ фельдмаршала, московскій народъ любилъ и уважалъ до чрезвычайности. Князь Василій имѣлъ репутацію человѣка правдиваго, неспособнаго ни къ какой лести, готоваго хоть государю въ глаза высказать колкую правду. Онъ уже потерпѣлъ отъ царя Петра Перваго во время страшнаго процесса надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Вся вина князя

Василія Владимировича состояла въ томъ, что онъ совѣтовалъ царевичу идти въ монастырь, прибавивши съ своимъ обычнымъ остроуміемъ, что вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ. Объ этомъ объявилъ при допросахъ самъ трусливый царевичъ, котораго ничтожность понималъ самъ князь Василій Владимировичъ. Петръ наказалъ князя Василія Владимировича лишеніемъ всѣхъ почестей и ссылкою въ одно изъ отдаленныхъ имѣній; если его не постигла тогда болѣе суровая кара, онъ обязанъ былъ заступничеству князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго, который выступилъ защитникомъ чести своего рода предъ грознымъ, но къ нему всегда милостивымъ царемъ. Народъ русскій въ дѣлѣ между отцомъ-царемъ и сыномъ-царевичемъ былъ своимъ сочувствіемъ не на сторонѣ царя-отца, а соболѣзновалъ о судьбѣ царевича и всѣхъ съ нимъ и за него пострадавшихъ. Опала, постигшая въ то время князя Василія Владимировича, понималась народомъ какъ терпѣніе за правое дѣло и увеличивала къ нему любовь и уваженіе. По ходатайству жены въ эпоху устроенной Петромъ ея коронаціи, Петръ облегчилъ участь князя Василія Долгорукаго, а по смерти Петра возвращено ему было все прежнее величіе. Народъ любилъ князя Василія Владимировича еще и за то, что онъ былъ совсѣмъ русскій человѣкъ, горячо преданъ былъ русской народности и ненавидѣлъ нѣмцевъ до крайности, а нѣмцевъ въ тѣ времена не терпѣлъ и народъ. И эта ненависть князя Василія Владимировича Долгорукаго къ нѣмцамъ чуть ли не была главнѣйшею причиною постигшей его опалы, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ Анны Ивановны наступило могущество нѣмцевъ въ Россіи, и самъ человѣкъ, подавшій на князя Долгорукаго доносъ, былъ нѣмецъ, состоявшій на русской службѣ въ генеральскомъ чинѣ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Императрица указала сослать князя Василія Владимировича въ Иванъ-Городъ. По обычаямъ того времени, знатныхъ лицъ, подвергавшихся царской опалѣ, не сразу карали полною карою, какой считали ихъ достойными; сперва назначали имъ кару сравнительно легкую, а по прошествіи нѣкотораго времени вдругъ, безъ всякой новой причины, увеличивали. Такъ произошло и съ княземъ Василіемъ Долгорукимъ: къ концу царствованія Анны Ивановны онъ очутился въ Соловкахъ и притомъ въ самомъ суровомъ заключеніи, а былъ освобожденъ уже императрицею Елисаветою.

Этого-то любимца московскаго народа готовились, въ концѣ 1731 года, отправлять въ ссылку. Выставленъ былъ на московскихъ улицахъ для всенароднаго свѣдѣнія царскій указъ, гдѣ излагались вины князя Василія Долгорукаго, навлекшія на него опалу и ссылку. Независимо отъ того, что московскіе жители, какъ мы уже говорили, очень любили князя Василія Владимировича, надобно присовокупить, что русскій народъ вообще не вѣрилъ прямому смыслу того, что ему объявлялось отъ правительства, а склоненъ былъ по-

дозрѣвать иныя причины, которыхъ ему не хотятъ открывать и до которыхъ онъ начиналъ докапываться собственнымъ умомъ. Отсюда возникали выдумки и сплетни. Въ Москвѣ только и думы было у всѣхъ, что о ссылкѣ любимаго князя, но говорили объ этомъ только шепотомъ и оглядываясь по сторонамъ. Много было сочувствія къ судьбѣ князя, но слишкомъ мало смѣлости гласно заявлять его.

Въ это-то время пришла Татьяна къ Акулинѣ и обѣ кумушки заговорили о томъ, что̀ тогда всю Москву занимало. Акулина въ видѣ глубокаго секрета шепотомъ сказала Татьянѣ: «близко государыни живетъ иноземецъ — имени его вотъ не выговорю, мудреное какое-то, заморское — и государыня отъ него стала брюхата, хочетъ наслѣдникомъ учинить того ребенка, что даетъ ей Богъ, и вотъ скоро народъ погонятъ присягать. А князь Василій Долгорукій ей государынѣ за то выговаривалъ и оспаривалъ, и за то осерчавши, государыня велѣла его сослать въ ссылку».

Татьяна не утерпѣла, чтобъ не разболтать слышаннаго при первомъ случаѣ. Была она вхожа въ домъ Воейковыхъ, своихъ сосѣдей. Жена Воейкова покупала у Татьяны вещи и давала ей на продажу свои. Когда Татьяна вошла къ нимъ въ домъ, господа въ то время пили чай. И Татьянѣ чаю поднесли. Татьяну такъ вотъ и подмывало подѣлиться съ господами свѣжею новостью и она передала имъ сплетню, слышанную отъ Акулины. Воейковъ человѣкъ бывалый и смекавшій дѣла, тревожно сказалъ ей:—чорта ли ты врешь!—Затѣмъ, обратившись къ женѣ, сказалъ:—не было бы кого въ горницѣ за печью? — Татьяна въ свою очередь заглянула за печку и увидѣла тамъ спящаго тринадцатилѣтняго мальчика, племянника Воейковыхъ. Но тотъ не слыхалъ ничего.

У Воейковыхъ не постигла Татьяну опасность; она только получила тамъ предостереженіе, но имъ не воспользовалась. Немного спустя, передъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, встрѣтила она на Тверской улицѣ знакомаго ей двороваго человѣка Воейковыхъ Артемьева. Остановившись и очутившись съ нимъ на-единѣ, Татьяна завела разговоръ о томъ и семъ и между прочимъ сообщила и ему новость, слышанную отъ Акулины, но уже нѣсколько въ измѣненной и поясненной редакціи: «нынѣ у насъ дѣлается присяга о учиненіи, по соизволенію ея императорскаго величества, наслѣдника на всероссійскій престолъ, а бывшій фельдмаршалъ князь Василій Долгоруковъ посланъ въ ссылку за то, что государыня императрица брюхата, прижила съ иноземцемъ графомъ Левольдою, и его, Левольду, наслѣдникомъ учинила, а князь Василій въ томъ ей, государынѣ, оспорилъ».

Видно, что Татьяна передъ тѣмъ еще съ кѣмъ-то говорила объ этомъ и узнала имя того иноземца, о которомъ сообщала ей Акулина, не умѣя выговаривать его иностраннаго прозвища. Кромѣ того, Акулина говорила Татьянѣ, что государыня хочетъ учинить

наслѣдникомъ ребенка, который долженъ родиться отъ иноземца, теперь же Татьяна говорила, что государыня хочетъ учинить наслѣдникомъ этого самаго иноземца.

Этотъ перековерканный московскою торговкою графъ Левольда былъ никто иной, какъ Рейнгольдъ Левенвольде, сильный и вліятельный человѣкъ изъ иноземцевъ въ описываемое время. Нѣкогда взятый въ плѣнъ офицеръ шведской арміи на полтавскомъ сраженіи, онъ вступилъ въ русскую службу и, благодаря вліянію своего отца, который еще прежде служилъ царю Петру, когда сынъ его находился въ службѣ у непріятеля Петрова, молодой Левенвольде быстро возвысился. Онъ былъ красивъ собою и чрезвычайно счастливъ въ любовныхъ дѣлахъ. При Екатеринѣ I-й онъ былъ гофмейстеромъ. Когда Анна Ивановна была еще курляндскою герцогинею, Левенвольде въ Россіи работалъ въ ея пользу вмѣстѣ съ ея сторонниками съ цѣлію возвести ее на всероссійскій престолъ. Когда, наконецъ, это исполнилось, Левенвольде былъ осыпанъ милостями новой государыни, надѣленъ богатствами и получилъ важное мѣсто маршала двора, дававшее ему возможность распоряжаться всѣмъ дворцовымъ бюджетомъ. Онъ зажилъ роскошно и пользовался безпредѣльнымъ довѣріемъ императрицы. Извѣстно было многимъ, что онъ одерживалъ блестящія побѣды надъ женскими сердцами, подозрѣвали даже, что онъ былъ въ связи съ Екатериною I.

Догадывались, что императрица Анна Ивановна непремѣнно должна имѣть фаворита изъ иноземцевъ, которые брали такой верхъ надъ всѣмъ со дня ея воцаренія, но кто былъ этотъ избранникъ—не могли отгадать. Бирона предварительно женили для того, чтобъ все было шито-крыто. На Левенвольде, какъ на бѣднаго Макара шишки, повалились народныя сплетни.

Впрочемъ, какъ всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти сплетни имѣли корень въ дѣйствительно происходившемъ фактѣ, хотя изуродованномъ въ народной молвѣ. По извѣстіямъ Бирона въ его запискѣ, писанной послѣ его ссылки въ Сибирь, вскорѣ по вступленіи Анны Ивановны на престолъ, Остерманъ и Левенвольде составили проектъ объявить заранѣе манифестомъ о приведеніи народа къ присягѣ тому наслѣднику, котораго захочетъ назначить послѣ себя императрица. Когда, послѣ многихъ разсужденій по этому поводу, присталъ къ ихъ совѣту архіепископъ новгородскій, Анна подписала представленный ей проектъ. Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде взялся доставить племянницѣ императрицы, Аннѣ Леопольдовнѣ, жениха, долженствовавшаго произвести на свѣтъ необходимаго наслѣдника, а впослѣдствіи, при его стараніи, его родной братъ Карлъ-Густавъ нашелъ принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго. Хотя проектъ этотъ вначалѣ держали въ секретѣ, но, такъ какъ нѣтъ ничего тайнаго, что̀ бы, по евангельскому слову, не могло стать явнымъ, то вѣсть объ этомъ, какъ видно, проникла въ народъ, пошла

разгуливать съ произвольными измѣненіями и породила сплетню, повторявшуюся московскими торговками. Какъ ни нелѣпа сама по себѣ эта сплетня, но она не была, какъ говорится, высосана изъ пальца, существовала-таки нѣмецкая странная хитромудрая выдумка заставить русскій народъ присягать въ вѣрности такому наслѣднику престола, котораго не было на свѣтѣ, но который долженъ откуда-то явиться. Народная фантазія окрасила ее по-своему.

Артемьевъ, дворовый человѣкъ господъ Воейковыхъ, въ то время содержался подъ арестомъ при компанейской конторѣ за корчемство. Преступленіе этого рода было въ ходу въ оныя времена. Многіе предметы потребленія составляли царскія регаліи, и продавались отъ казны дороже, а между тѣмъ представлялась возможность пріобрѣсть ихъ дешевле, нанося ущербъ царской казнѣ. Смѣльчаки соблазнялись этимъ и отваживались на рискованное предпріятіе, хотя имъ за то угрожало наказаніе батогами, а за неоднократное корчемство и ссылка въ Сибирь. Артемьевъ попадался уже не въ первый разъ въ корчемствѣ, и теперь попалъ въ кругъ товарищей, изъ которыхъ были такіе-жъ, какъ и онъ, рецидивисты. Артемьева караульные капралы уже не разъ отпускали изъ-подъ ареста на побывку во дворъ его господина и такимъ же образомъ отпустили его наканунѣ праздника Рождества Христова, когда онъ, идя въ дворъ Воейкова, встрѣтился на Тверской улицѣ съ Татьяною. По возвращеніи къ мѣсту своего заключенія, Артемьевъ на другой день праздника сидѣлъ на окнѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей заключенія, посаженнымъ подъ арестъ также за корчемство, артиллерійскимъ столяромъ Ѳедоровымъ. Оба глядѣли на улицу, гдѣ народъ толпился вокругъ прибитаго царскаго указа. Указъ былъ о ссылкѣ князя Василія Владиміровича Долгорукова.—За что это его ссылаютъ? спрашивалъ Ѳедоровъ. Артемьевъ сообщилъ ему сплетню, слышанную отъ Татьяны, но не сказалъ, откуда онъ узналъ объ этомъ.

Ѳедоровъ проболтался объ этомъ третьему товарищу, сидѣвшему въ тюрьмѣ за то же преступленіе, какъ и прочіе, московскому посадскому человѣку Басманной слободы Ивану Маслову.

5-го января 1732 года, позвали Ивана Маслова въ судейскую и прочли приговоръ, которымъ онъ присуждался за неоднократное корчемство къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на вѣчное житье въ Охотскъ. Тогда Масловъ объявилъ, что за сидѣвшими съ нимъ колодниками есть великое государское дѣло по первому пункту.

Въ наше время можетъ показаться страннымъ, какъ человѣкъ, чтобъ отклонить немедленно ожидающія его муки наказанія, рѣшается на такое дѣло, гдѣ ему угрожаютъ горшія мученія, потому что почти всегда доносчикъ подвергался пыткѣ, послѣ того какъ обвиняемое лицо отвергало взводимое на него обвиненіе. Однако, въ судебной практикѣ XVIII-го вѣка замѣчается обычное явленіе, что

присуждаемый къ наказанію за какое нибудь преступленіе провозглашаетъ противъ кого нибудь страшное «слово и дѣло». Это, по нашему мнѣнію, объясняется, во-первыхъ, общимъ человѣческимъ свойствомъ устрашаться бѣды близкой, тогда какъ далекая не представляется ему въ такомъ ужасномъ видѣ, хотя бы на самомъ дѣлѣ она была ужаснѣе, подобно тому, какъ застигнутый на пожарѣ огнемъ готовъ стремглавъ кинуться въ воду, не думая тогда о вѣрной своей гибели; во-вторыхъ, могла такихъ лицъ соблазнять надежда, что въ вознагражденіе за открытіе государственнаго преступленія они получатъ облегченіе или даже прощеніе кары за свое прежнее преступленіе.

Маслова препроводили въ московскую тайную канцелярію. Онъ сообщилъ, что̀ слышалъ отъ Ѳедорова. Сдѣлали допросъ Ѳедорову. Тотъ оговорилъ Артемьева и отъ страха показалъ еще на двухъ женщинъ крестьянскаго званія, сидѣвшихъ съ нимъ въ тюрьмѣ неизвѣстно за что.

Дали знать въ главную тайную канцелярію, находившуюся въ Петербургѣ. Начальствующій ею, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, потребовалъ присылки къ нему всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу колодниковъ. Они были доставлены 16-го февраля 1732 года.

Въ первый же день по доставкѣ обвиняемыхъ, Ѳедорова подверли пыткѣ и дали ему двадцать ударовъ кнутомъ. На этотъ разъ онъ объявилъ, что ни отъ Артемьева, ни отъ тѣхъ женщинъ, что сидѣли въ тюрьмѣ, которыхъ онъ оговорилъ, не слыхалъ ничего, а выдумалъ все самъ и говорилъ съ-пьяна.

Ѳедоровъ, видно, былъ душа добрая, хоть и не крѣпкая. Ему совѣстно стало подвергать мукамъ другихъ, и онъ самъ рѣшался лучше понести на себѣ наказаніе, которое, какъ за преступленіе неумышленное, совершенное въ пьяномъ видѣ, должно было по закону быть мягче.

Но не такъ отнесся къ дѣлу неумолимый и проницательный Андрей Ивановичъ. Ему, вѣроятно, извѣстна была ходившая о государынѣ сплетня и онъ не могъ повѣрить, что Ѳедоровъ выдумалъ ее съ-пьяна. 26-го февраля, онъ велѣлъ Ѳедорова вести снова въ застѣнокъ.

Ѳедорову влѣпили двадцать два удара и довели до такого изнеможенія, что несчастный потребовалъ отца духовнаго, исповѣдался и послѣ исповѣди по увѣщаніямъ священника объявилъ, при дежурномъ капралѣ и канцеляристѣ тайной канцеляріи, что дѣйствительно Артемьевъ ему говорилъ, та̀къ какъ онъ показалъ сначала, но ему потомъ стало жалко Артемьева и онъ съ него сговаривалъ. Отъ женщинъ же, которыхъ онъ оговорилъ, онъ не слыхалъ ничего.

9-го марта, привели въ застѣнокъ Ѳедорова и Артемьева. Ѳедоровъ на этотъ разъ въ виду новыхъ истязаній показалъ снова, что

слышалъ непристойныя рѣчи отъ Артемьева. Артемьевъ отпирался. Подняли на дыбу Өедорова, закатили двадцать ударовъ—Өедоровъ подтверждалъ, что говорилъ ему непристойныя рѣчи Артемьевъ. Подняли на дыбу Артемьева, влѣпили и ему двадцать ударовъ: Артемьевъ твердилъ, что не говорилъ ничего подобнаго.

20-го марта, по приказанію Андрея Ивановича Ушакова, Артемьева повели снова къ пыткѣ.

— Я повторю, сказалъ Артемьевъ,—не говорилъ я никогда Өедорову непристойныхъ рѣчей.

Но ему вложили руки въ хомутъ, подняли на дыбу, начали бить кнутомъ. Онъ до крайности былъ измученъ уже предшествовавшею пыткою и теперь совершенно изнемогъ и закричалъ, что все говорилъ, какъ показывалъ Өедоровъ, а не сознавался прежде оттого, что страшился жестокаго наказанія за свои затѣйливыя вымышленныя слова. Тутъ же онъ показалъ на Татьяну.

Послѣ шести ударовъ пытку прекратили. Артемьевъ сдѣлался боленъ и просилъ священника. На другой день его исповѣдали и онъ, по увѣщанію священника Петропавловской церкви, при капралѣ и при канцеляристѣ изъ тайной канцеляріи, яснѣе и отчетливѣе подтвердилъ, что слышалъ все отъ московской торговки Татьяны

Андрей Ивановичъ Ушаковъ послалъ въ Москву приказаніе сыскать торговку Татьяну Николаеву вдову Посникову и допросить ее въ московской тайной канцеляріи.

Въ Москвѣ нашли Татьяну и допрашивали. Она твердила, что не говорила никому никакихъ непристойныхъ словъ. Ее поставили въ ремень и обнажили. Татьяна твердила одно и то же.

Получивши изъ Москвы такое извѣстіе, Андрей Ивановичъ Ушаковъ послалъ туда приказаніе доставить Татьяну въ Петербургъ въ главную тайную канцелярію.

Ее доставили по назначенію, и 17-го апрѣля сдѣланъ былъ Татьянѣ первый допросъ съ пристрастіемъ у дыбы. Она все отпиралась. Ей дали очную ставку съ Артемьевымъ. Татьяна не сознавалась, чтобъ говорила Артемьеву то, что онъ на нее показывалъ, но тутъ уже поколебалась, прибавила, что можетъ быть она и говорила Артемьеву, да не то, что онъ на нее показываетъ. Затѣмъ она или спутавшись, или испугавшись угрожавшихъ ей мукъ пытки, оговорила торговку Акулину и показала, что отъ ней слышала непристойныя рѣчи о государынѣ, о которыхъ шло теперь дѣло.

На другой день, по поводу разнорѣчій, бывшихъ между показаніями Артемьева и Татьяны, обоихъ повели въ застѣнокъ, подняли на дыбу и пытали подъ кнутомъ. Татьяна, послѣ семи ударовъ, повторила сказанное объ Акулинѣ и впутала въ дѣло Воейкова, разсказавши о томъ, какъ она передавала въ его домѣ слышанное отъ Акулины. Впослѣдствіи, однако, 1-го мая, подъ новою пыткою,

она измѣнила свое показаніе насчетъ Воейкова и такимъ образомъ избавила этого господина отъ привлеченія въ тайную канцелярію по этому дѣлу.

Ушаковъ послалъ въ Москву приказаніе съискать Акулину, допросить ее и всѣхъ тѣхъ, на кого она покажетъ, а при этомъ подвергнуть ихъ и пыткѣ по одному разу, доставивши ихъ розъискныя рѣчи въ Петербургъ. 3-го мая, въ Москвѣ Акулина была отъискана, подвергнута пыткѣ двадцатью пятью ударами, и ни въ чемъ не повинилась. Андрей Ивановичъ Ушаковъ, получивши такое свѣдѣніе, потребовалъ присылки самой Акулины въ Петербургъ. Изъ Москвы сообщилъ ему секретарь Казариновъ, что Акулина, послѣ розыска и пытки, сдѣлалась очень больна, исповѣдовалась и причастилась св. тайнъ, и нѣтъ возможности отправлять ее больную въ Петербургъ, потому что она можетъ умереть въ дорогѣ. Но Андрей Ивановичъ Ушаковъ послалъ приказаніе привезти въ Петербургъ Акулину, хотя бы и больную, немедленно подъ крѣпкимъ карауломъ.

Лейбъ-гвардіи московскаго баталіона солдатъ Петръ Мякининъ 8-го іюня того же года привезъ въ Петербургъ торговку Акулину, закованную въ ножныхъ желѣзахъ, за крѣпкимъ карауломъ, и сдалъ въ тайную канцелярію.

Тогда въ петербургской тайной канцеляріи между двумя старухами началось состязаніе въ терпѣніи и продолжалось втеченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Ихъ пытали обѣихъ. Татьяну водили въ застѣнокъ семь разъ [1]), Акулину шесть разъ [2]). Пытки давались имъ такъ, что когда одну встягивали на дыбу, другая стояла подлѣ дыбы. Пытка для обѣихъ была такъ жестока, что Татьяна два раза послѣ пытки просила дать ей священника для напутствія къ смерти. Акулинѣ, которую жестоко истязали въ Москвѣ, въ Петербургѣ отпускали меньшее число ударовъ, чѣмъ Татьянѣ, потому что Акулина была слабая дряхлая старуха. Обѣ твердили одно и то же, каждая свое: Татьяна подъ пытками показывала, что слышала отъ Акулины тѣ непристойныя слова о государынѣ, за распространеніе которыхъ ее, Татьяну, привлекли къ отвѣтственности; Акулина стояла твердо на томъ, что никогда ничего такого не произносила. Дѣло запуталось и не могло никакъ разъясниться; не могли никакъ допытаться до открытія первоначальнаго источника, откуда вышли оскорбительныя сплетни о высокой особѣ ея величества. Оставить вопросъ нерѣшеннымъ и выпустить Акулину, за которой не было

[1]) 9-го іюня дали 30 ударовъ, 20-го іюня—20 ударовъ, 27-го іюля—14 ударовъ, 29-го іюля — 12 ударовъ, 17-го августа — 12 ударовъ, 31-го августа — 15 ударовъ.

[2]) 27-го апрѣля, въ Москвѣ, дали 25 ударовъ, 22-го іюня—7 ударовъ, 10-го іюля (неизвѣстно сколько дали ударовъ), 27-го іюля—15 ударовъ, 17-го августа—9 ударовъ, 31-го августа—15 ударовъ.

никакихъ юридическихъ уликъ, почитали невозможнымъ: слишкомъ большая важность придавалась тогда всему, что касалось чести царственной особы. 5-го сентября, рѣшили только участь Маслова, Ѳедорова и Артемьева, и безъ того уличенныхъ уже прежде въ неоднократныхъ корчемствахъ: всѣхъ ихъ приговорили наказать кнутомъ и сослать въ Сибирь. Маслова не спасло доносничество, которымъ онъ затѣвалъ выгородиться; вмѣсто Охотска, куда прежде хотѣли его, по наказаніи кнутомъ, сослать, онъ попадалъ разомъ съ Ѳедоровымъ на работы въ серебряныхъ рудникахъ вѣчно, а Артемьева отправляли въ Охотскъ. Обѣихъ московскихъ торговокъ, Татьяну и Акулину, задержали въ походной канцеляріи впредь до указа.

Пошли годы за годами. Обѣ несчастныя сплетницы не получали свободы. 21-го февраля 1736 года, тяжко больная Акулина попросила священника, исповѣдалась и причастилась св. тайнъ. Видно было, что страданія ея окончатся скоро. Къ ней привели въ послѣдній разъ Татьяну на очную ставку. Татьяна по-прежнему утверждала, что слышала отъ Акулины непристойныя слова о государынѣ императрицѣ. Акулина по-прежнему стояла на томъ, что никогда ихъ не говорила. Прошло еще немного дней и 5-го марта умерла Акулина. Дѣло такъ и осталось не конченнымъ, вопросъ нерѣшеннымъ. О Татьянѣ мы имѣемъ извѣстіе, что въ мартѣ 1738 года она отправлена была въ синодъ, но по какому поводу—неизвѣстно.

Размышляя объ этомъ потрясающемъ событіи изъ прошлой исторіи нашего народнаго быта, мы затрудняемся рѣшить: болѣе должно ли намъ возмущаться безчеловѣчнымъ тиранствомъ, господствовавшимъ надъ русскимъ народомъ, или удивляться терпѣнію, стойкости и необычной силѣ воли въ личностяхъ слабаго пола изъ этого народа, притомъ изъ того класса, который тогда, какъ и долго впослѣдствіи, носилъ наименованіе «подлаго».

II.

Царскій родичъ.

Великимъ страшилищемъ для русскаго народа въ XVIII-мъ вѣкѣ былъ вопросъ объ оскорбленіи чести царственныхъ особъ. Въ предъидущемъ разсказѣ мы показали, какія тенета разставлялъ этотъ вопросъ для людей изъ такъ-называемаго подлаго происхожденія. Не избѣгали такихъ же страшныхъ тенетъ и люди происхожденія благороднаго и даже попадались въ нихъ чаще, чѣмъ простолюдины. Можно выставить многочисленный мартирологъ высшихъ государственныхъ лицъ, внезапно сверженныхъ съ высоты своего величія, попадавшихъ въ когти тайной канцеляріи, претерпѣвавшихъ тамъ мучительныя пытки и кончавшихъ жизнь въ нищетѣ въ грустныхъ сибирскихъ пустыняхъ, а не то—и подъ руками палачей. Но изо-

бражать судьбы этихъ историческихъ лицъ не въ нашихъ цѣляхъ, притомъ приключенія многихъ изъ нихъ довольно общеизвѣстны изъ исторіи. Бывали, однако, очень немногіе исключительные случаи, когда иначе велось дѣло въ такомъ вопросѣ. Эти случаи представлялись тогда, когда обвиняемое лицо находилось въ родствѣ съ царскимъ домомъ. Мы собственно знаемъ одинъ такой случай въ царствованіе Петра Втораго. Случаи такіе стали немыслимы съ тѣхъ поръ, какъ члены царствующаго рода стали вступать въ супружество съ лицами изъ царственныхъ домовъ иностранныхъ государствъ и между царскими подданными не могло быть уже законной родни. Послѣдній бракъ русскихъ царей съ подданными былъ бракъ царя Петра съ Евдокіею Лопухиною, бракъ, имѣвшій такія печальныя послѣдствія. Вся родня царицы Евдокіи не только не пользовалась при царѣ Петрѣ Первомъ почетомъ и вліяніемъ, но подвергалась гоненіямъ. Иначе относился этотъ царь къ другому родственному дому, собственно къ роднѣ своей матери, къ Нарышкинымъ. Петръ Первый горячо любилъ свою мать, во всю жизнь хранилъ о ней добрую память и постоянно былъ милостивъ и внимателенъ къ ея роду. Дядя Петра, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, былъ въ большой чести, носилъ боярскій санъ и въ то время, когда царь, уѣзжая изъ Россіи въ первое свое путешествіе по Европѣ, оставилъ управленіе государствомъ совѣту изъ бояръ, подъ предсѣдательствомъ князя Ромодановскаго, носившаго титулъ кесаря, Левъ Нарышкинъ былъ первымъ лицомъ въ этомъ боярскомъ совѣтѣ послѣ предсѣдателя. Онъ скончался въ 1705 году. Любовь къ нему царя перешла и на его дѣтей, изъ которыхъ одинъ сынъ, Александръ Львовичъ, заслуживалъ ее и своими отличными дарованіями. Петръ всегда обращался съ нимъ какъ съ любимымъ родственникомъ, а не какъ съ подданнымъ. Несмотря на то, что Александръ Львовичъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, во время страшнаго процесса надъ послѣднимъ, Александръ Львовичъ не былъ привлеченъ къ допросамъ и не утратилъ царской милости. Впрочемъ, и другой Нарышкинъ, Семенъ Григорьевичъ, находившійся въ гораздо отдаленнѣйшей кровной связи съ царемъ и сильно компрометированный по дѣлу царевича, хотя и былъ удаленъ въ дальнюю деревню свою, но не былъ лишенъ имущества, а это показываетъ исключительную внимательность царя Петра къ роду Нарышкиныхъ, такъ какъ въ процессѣ надъ сыномъ Петръ Первый вообще показывалъ себя чрезвычайно жестокимъ и безжалостнымъ и не обращалъ вниманія на прежнія заслуги и преданность къ себѣ многихъ знатныхъ и близкихъ лицъ. Александръ Львовичъ до смерти царя пребывалъ въ его постоянной милости и молва, проникавшая даже въ иностранныя газеты, дѣлала его предполагаемымъ женихомъ царской дочери, царевны Анны, вышедшей потомъ за герцога голштинскаго. Александръ Львовичъ, никогда не

игравшій важной роли въ ряду государственныхъ дѣятелей въ концѣ царствованія царя Петра Перваго, былъ начальникомъ морской академіи и считался въ службѣ по флоту. Екатерина Первая, стараясь вообще, чтобы ея царствованіе было продолженіемъ Петрова и привлекая всѣхъ милостями и благорасположеніемъ, была милостива и внимательна ко всѣмъ Нарышкинымъ и даже возвратила изъ ссылки въ деревню Семена Григорьевича и назначила при дворѣ гофмейстеромъ. Положеніе Александра Львовича, какъ близкаго царскаго свойственника, возгордило его. По смерти Екатерины онъ не сошелся съ Меншиковымъ; Нарышкинъ не думалъ гнуть шеи передъ могучимъ временщикомъ, а Меншиковъ, въ свою очередь, не терпѣлъ Нарышкина. Преслѣдуя Девіера и Толстого съ компаніей, Меншиковъ, пользуясь своимъ всемогуществомъ, именемъ несовершеннолѣтняго царя Петра Второго, находившагося у него въ зависимости, удалилъ Александра Львовича отъ двора. Нарышкинъ уѣхалъ въ свои подмосковныя вотчины. Но Меншиковъ скоро палъ. Его мѣсто заступили другіе временщики, Долгорукіе, которые подготовляли молодого царя къ связи съ своимъ родомъ черезъ супружество царя съ дѣвицею изъ своего рода, подобно тому, какъ дѣлалъ Меншиковъ для себя неудачно. Они перетащили молодого царя на жительство въ Москву, гдѣ отвлекали царственнаго юношу отъ ученія и серьезныхъ занятій и забавляли охотою. У царя Петра Второго эта забава стала страстію. Нарышкинъ, надѣясь на свою родственную близость къ царскому дому, сталъ давать молодому царю наставленія, побуждая отстать отъ забавъ и заниматься полезнымъ дѣломъ. Это не понравилось царю, не понравилось и Долгорукимъ. Нарышкинъ, человѣкъ гордый и избалованный давнею милостію къ себѣ царя Петра Перваго, надулся и уѣхалъ въ свое подмосковное село Чашниково. Молодой царь всю осень 1728 года провелъ въ шатаніи по лѣсамъ и полямъ со сворами собакъ, въ постоянномъ сообществѣ Долгорукихъ, сопровождаемый своими придворными и въ такомъ видѣ заѣзжалъ въ дачу Чашникова, но владѣлецъ, Александръ Львовичъ, не счелъ нужнымъ являться къ нему и тѣмъ менѣе объясняться на счетъ немилости, которую замѣчалъ къ себѣ. Послѣ утомленія отъ шатерной жизни въ поляхъ, Петръ возвращался въ Москву, чтобы снова пускаться на охоту. И вотъ 10-го декабря 1728 г. на царскій дворъ явился новгородецъ, подъячій Кузьма Шульгинъ, и объявилъ караульному офицеру, что имѣетъ подать доносъ на Александра Львовича Нарышкина и, кромѣ того, желаетъ объяснить на словахъ, но никому не откроетъ, кромѣ какъ лично государю.

Его допустили къ царю и онъ подалъ доносъ въ собственныя руки его царскаго величества. Въ доносѣ излагалось слѣдующее: живетъ онъ, Шульгинъ, на квартирѣ у сторожа вотчинной коллегіи, Семена Никитина Крылова, въ Кисловской слободѣ. Въ про-

шедшемъ ноябрѣ къ его хозяину пріѣзжала женщина изъ подмосковнаго села Филей, вотчины Александра Львовича Нарышкина, жена садовника иноземца, по имени Анна Иванова, ночевала двѣ ночи и разсказывала, что когда государь былъ на охотѣ близъ вотчины Нарышкина Чашникова, Александръ Львовичъ Нарышкинъ у себя дома поносилъ государя неподобными словами. Это она сказывала при свидѣтеляхъ: сторожѣ Семенѣ Крыловѣ, при женѣ его Иринѣ Акундиновой, при фельдшерѣ гречанинѣ Юріи Брестѣ и при женѣ послѣдняго Авдотьѣ Ивановой.

Царь передалъ доносъ для изслѣдованія Остерману и князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, двумъ самымъ приближеннымъ къ царю особамъ.

Кузьму Шульгина посадили за караулъ, потомъ потребовали къ допросу. Онъ объяснилъ дѣло такъ:

Когда садовница Анна Ивановна была въ гостяхъ у сторожа Семена Крылова и всѣ гости сѣли за ужинъ, бывшій въ числѣ гостей бритовщикъ Юрій Исаевъ спросилъ ее: когда его величество былъ на охотѣ въ Чашниковѣ, отчего вашъ баринъ Нарышкинъ не выѣхалъ къ нему и не просилъ прощенія? Садовница на это отвѣчала: «какъ ему прощенія просить, когда онъ въ то время неоднократно ругалъ государя и говорилъ: что «мнѣ къ этому щенку ходить и прощенія просить?» Садовница, говоря это, не была пьяна. Я хотѣлъ было немедленно донести объ этомъ его величеству, но въ то время скончалась великая княжна Наталья Алексѣевна, и я напрасно три раза приходилъ во дворецъ, а 10-го декабря пришелъ уже въ четвертый разъ и велѣлъ чрезъ караульнаго офицера доложить о себѣ и подалъ прошеніе.

Позваны были свидѣтели, на которыхъ указывалъ Шульгинъ, что слышали слова садовницы. Они подтвердили доносъ Шульгина.

Послали за садовницею, но Нарышкинъ сообщилъ, что она уже съ недѣлю назадъ ушла неизвѣстно куда, и мужъ ея находится третій день въ безвѣстной отлучкѣ.

Но 13-го декабря, вечеромъ, эта садовница была отыскана и на другой день подвергнута допросу. Она объявила вотъ что:

— Я живу въ вотчинѣ Нарышкина, въ селѣ Филяхъ. Назадъ тому недѣль восемь—подлинно когда не упомню—приходилъ Александръ Львовичъ, сказалъ: «что мнѣ ему такому щенку кланяться? Я почитать его не хочу». При этомъ онъ ругалъ государя всячески. Въ другой день, Александръ Львовичъ Нарышкинъ съ дворяниномъ Козловымъ пріѣхалъ изъ Кунцова въ Фили и пошли они вмѣстѣ по саду гулять. Козловъ и сталъ говорить ему, что вотъ скоро императоръ будетъ на охотѣ въ Чашниковѣ, и онъ бы Нарышкинъ поѣхалъ къ нему. На это Нарышкинъ отвѣтилъ ему прежними словами и прибавилъ: «Я думаю, и я таковъ же, какъ и онъ, и

думалъ на царствѣ сидѣть. Отецъ мой вѣдь государствомъ правилъ. Дай вотъ мнѣ только выйти изъ этой нужды, такъ я буду знать, что дѣлать». При этомъ разговорѣ былъ братъ Козлова, Василій, и двое пажей нарышкинскихъ, я и мужъ мой садовникъ Иліасъ фонъ Поммарнъ. Я тогда же сообщала объ этомъ дѣвкѣ Марьѣ Савиной, живущей у Арбатскихъ воротъ, но она не донесла, потому что ея дѣло женское и случая къ тому не представлялось.

Позвали и допросили дворянъ братьевъ Козловыхъ и пажей нарышкинскихъ, которыхъ садовница выставляла свидѣтелями. Тѣ заперлись во всемъ и не подтвердили доноса.

15-го декабря, позвали самого Александра Львовича Нарышкина. Сначала онъ во всемъ заперся, а потомъ сознался, что точно ему кто-то говорилъ, чтобъ онъ ѣхалъ къ государю, когда государь былъ на охотѣ въ Чашниковѣ, но кто именно ему это говорилъ—онъ не помнитъ. Александръ Львовичъ просилъ дать ему четыре дни на размышленіе и на припоминаніе.

Ему дали шесть дней. 21-го декабря, позвали его снова и онъ объявилъ, что вспомнилъ: говорилъ ему о томъ, чтобъ ѣхать къ государю Козловъ, а на счетъ своего родителя Александръ Львовичъ не одинъ разъ а неоднократно говаривалъ, что отецъ его нѣкогда государствомъ правилъ. Здѣсь, конечно, разумѣлось то время, когда царь Петръ Первый, уѣзжая въ чужіе края, оставлялъ управленіе государствомъ совѣту бояръ, между которыми отецъ Александра Львовича, Левъ Кириловичъ, занималъ такое видное и почетное мѣсто. Это была правда и не заключала въ себѣ ничего предосудительнаго. Во всемъ прочемъ, что взводили на Александра Львовича, Нарышкинъ запирался.

Тогда Остерманъ и князь Долгорукій приказали привести сидѣвшую подъ карауломъ садовницу, въ присутствіи Нарышкина прочитали ея доносъ, объявили ей «съ пристращеніемъ», чтобъ она говорила сущую правду, и предупредили, что если Нарышкинъ окончательно запрется, то ее станутъ пытать. «Я подтверждаю свой доносъ, сказала садовница, — я сказала сущую правду и готова за нее пострадать».

Нарышкинъ, какъ видно, чувствовалъ, что въ доносѣ заключается значительная доля правды, и ему какъ будто стало совѣстно подвергать пыткѣ женщину, которая хотя и хотѣла причинить ему вредъ, но говорила справедливо. Онъ попросилъ дать ему еще три дня на размышленіе, чтобъ имѣть возможность припомнить всѣ прошедшія обстоятельства. Ему дали желаемый срокъ.

24-го декабря, его позвали снова. Тогда онъ рѣшительно объявилъ, что ничего не можетъ болѣе вспомнить, и во всякомъ случаѣ утверждаетъ, что не произносилъ такихъ словъ, за какія его обвинить хотѣли. Онъ зналъ и знаетъ, что за произнесеніе такихъ словъ придется голову потерять.

До сихъ поръ это дѣло велось съ исключительнымъ льготнымъ для обвиняемаго характеромъ. Ни прежде ни послѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ не давалось отсрочекъ. Самое требованіе срока для размышленій и припоминаній набрасывало на обвиняемаго сильное подозрѣніе: еслибъ онъ не чувствовалъ за собою ничего дурного, то ему тутъ нечего было ни размышлять, ни припоминать; достаточно было стоять твердо на одномъ—не говорилъ ничего такого, и только. Конечно, тѣ, которые готовились быть его судьями, понимали это и не добивались отъ него немедленнаго сознанія, не приступали къ стѣснительнымъ мѣрамъ. Въ послѣдній день передъ праздникомъ Рождества Христова Нарышкина отпустили и не пытали въ его присутствіи садовницы, какъ угрожали. На святкахъ садовница тяжело заболѣла и казалась близкою къ смерти, однако, спрошенная еще разъ, не сговорила съ Нарышкина своего обвиненія. Садовница не умерла, а выздоравливала, и Остерманъ съ княземъ Долгорукимъ представили императору, что дѣло о Нарышкинѣ остановилось въ такомъ положеніи, что приходится вести его розыскомъ надъ прикосновенными къ нему лицами, начиная съ садовницы.

Государь, по силѣ воздѣйствовавшихъ въ то время на него вліяній, могъ положить рѣшеніе только въ духѣ тѣхъ господъ, которые были докладчиками по этому дѣлу, потому что эти самые господа были его воспитателями и руководителями. Задача состояла не въ томъ, чтобъ добраться до истины, а въ томъ единственно, чтобъ не допустить соблазна и не дать распространиться въ народѣ слуху, что царскій свойственникъ обругалъ царя. Положили, какъ говорится, замять, затереть это дѣло. Послѣдовала такая всемилостивѣйшая резолюція: «Его императорское величество по природной своей къ милосердію склонности и великодушію не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное яко весьма мерзкое и ужасное не могло разгласиться и такимъ образомъ въ народѣ разсѣяно быть, того ради его величество указалъ, какъ его Александра Нарышкина, такъ и прочихъ всѣхъ, которые въ томъ дѣлѣ приличились, послать: его Александра Нарышкина въ дальнюю его деревню и велѣть ему тамъ быть безвыходно, а прочихъ всѣхъ въ другія дальнія мѣста и учинить тѣмъ, которые по ихъ доводамъ правы явились для ихъ пропитанія опредѣленіе съ награжденіемъ». Указъ этотъ былъ подписанъ 14-го января 1729 года.

Ясно видѣть можно, что была увѣренность въ томъ, что доносъ былъ справедливъ, и что Нарышкинъ дѣйствительно произносилъ оскорбительныя слова противъ царской особы, но желаніе предупредить всякую молву объ этомъ было такъ велико, что должны были потерпѣть болѣе не дѣйствительно виновные, а тѣ, которые случайно слышали отъ Нарышкина оскорбительныя слова или даже слышали о нихъ отъ другихъ лицъ. Нарышкинъ, знатный баринъ, хотя и былъ удаляемъ отъ двора и столичнаго круга въ глушь, но

могъ проживать въ собственномъ гнѣздѣ, пользуясь многими удобствами, которыя доставляли ему тамъ богатства и знатность происхожденія, тогда какъ другіе, люди не знатные и не богатые, осуждались на стѣсненія и лишенія безъ всякой вины съ ихъ стороны.

27-го февраля 1729 года, лейбъ-гвардіи московскаго батальона каптенармусъ Степанъ Венгеровъ получилъ указъ везти Александра Львовича Нарышкина съ четырьмя при немъ служителями въ Симбирскій уѣздъ, въ принадлежавшее ему Нарышкину сельцо Покровское, и тамъ оставить на безвыѣздное житье. Съ Нарышкинымъ не велѣли поступать такъ, какъ обыкновенно поступали съ сосланными господами. Не указывалось никакого стѣсненія и ограниченія свободы. Обыкновенно къ отправляемому въ ссылку господину на пути во время переѣзда не дозволялось допускать постороннихъ лицъ, равно запрещалось ему писать. Офицеру, посланному съ Нарышкинымъ, приказывалось только наблюдать: кто изъ постороннихъ будетъ пріѣзжать къ нему, за чѣмъ и откуда, и доносить объ этомъ. Нарышкинъ не торопился своимъ отъѣздомъ изъ Москвы и отправился въ назначенный ему путь только 6-го марта. Когда онъ отъѣхалъ десять верстъ отъ столицы, въ селѣ Выховѣ встрѣтилъ его родной братъ Иванъ Львовичъ, флота капитанъ, и съ нимъ двое Нарышкиныхъ Григорьевичи Иванъ и Михайло, братья того Семена Григорьевича, который при царѣ Петрѣ Первомъ былъ въ ссылкѣ по цѣлу царевича Алексѣя Петровича, а теперь находился въ большомъ приближеніи у царя. 7-го марта, проѣхавши двадцать верстъ отъ Москвы, увидалъ Александръ Львовичъ пріѣхавшаго проститься съ нимъ отставного поручика Александра Раевскаго. 16-го марта, въ деревнѣ Кондыревой явился къ нему отдать поклонъ мѣстный помѣщикъ, а марта 18-го въ селѣ Вознесенскомъ пріѣзжалъ къ нему съ тою же цѣлію поручикъ Азовскаго драгунскаго полка Савинъ Раевскій. За 550 верстъ отъ Москвы, въ Керенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ушникахъ, догналъ Венгерова курьеръ изъ Петербурга съ приказаніемъ Остермана объявить Нарышкину, что государь император разрѣшилъ не принуждать его ѣхать въ Симбирскую свою деревню, а позволилъ остановиться и жить въ Шацкомъ своемъ имѣніи въ деревнѣ Рождественкѣ впредь до указа.

Когда, наконецъ, 25-го марта прибылъ Нарышкинъ въ Шацкій уѣздъ, многіе дворяне и офицеры изъ этого уѣзда, прослышавъ о водвореніи такого знатнаго барина въ ихъ средѣ, стали являться къ нему съ поклономъ, но Александръ Львовичъ не принималъ ихъ и тотчасъ по своемъ прибытіи въ свое имѣніе сталъ усердно заниматься хозяйственными дѣлами. У него въ усадьбѣ была многочисленная дворня—шестьдесятъ два человѣка, а съ женскимъ поломъ состоявшая изъ семидесяти четырехъ душъ.

Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ отдѣлался сравнительно легко отъ грозившей ему бѣды. Онъ не только избавился отъ

розыска, но въ самой ссылкѣ предоставили ему жить довольно свободно съ надеждою на возвращеніе къ себѣ царской милости, что скоро и случилось, хотя уже при другомъ царствованіи. Не безъ основанія полагали, что ему помогло ходатайство Семена Григорьевича Нарышкина, котораго молодой царь любилъ и цѣнилъ, памятуя преданность его родителя. Тяжелѣе была судьба, постигшая другихъ, прикосновенныхъ къ дѣлу особъ. Всѣ тѣ, которые оказывались свидѣтелями вины Александра Львовича или только имѣли несчастіе услыхать о ней отъ другихъ, были въ первыхъ числахъ марта того же года отправлены въ Сибирь. Дворяне Василій и Алексѣй Козловы принуждены были ѣхать въ Сибирь на безвыѣздное житье «въ дальные сибирскіе малые городки»; вольнаго фельдшера грека Юрія Бреста съ женою Авдотьею, вотчиннаго сторожа Семена Никитина съ женою Ириною, отправили также въ Сибирь на житье съ опредѣленіемъ имъ пристойнаго пропитанія. Это дѣлалось, какъ и выражено въ протоколѣ, изъ предосторожности, «чтобъ они, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ жительства, не повторяли слышаннаго». Были тогда также по этому дѣлу, безъ означенія причинъ, сосланы въ Сибирь: конюхъ шведъ Алексѣй Савинъ, служители Александра Львовича, Василій Бѣляевъ, Евфимъ Бѣхтѣевъ, кучеръ Яковъ Гавриловъ, садовникъ Иванъ Астамуковъ, дворовый человѣкъ Кузьма Тюринъ и служитель московскаго вице-губернатора Вельяминова-Зернова Иванъ Таракановъ. За что именно эти люди простаго званія пошли тогда въ Сибирь—неизвѣстно, но, вѣроятно, они почему-то возбуждали подозрѣніе, что имѣютъ возможность распространять въ народѣ слухи о «поносныхъ» словахъ противъ императорской особы, произнесенныхъ Нарышкинымъ. Главную доносчицу и распространительницу вѣсти о поносныхъ словахъ садовницу Анну Иванову, вмѣстѣ съ ея мужемъ иноземцемъ Иліею фонъ Поммарнъ, велѣно сослать въ Сибирь и тамъ отдать ихъ обоихъ въ монастырь, впрочемъ, учинивъ имъ пристойное пропитаніе. О Кузьмѣ Шульгинѣ до насъ не дошло свѣдѣній, что съ нимъ сталось послѣ поданнаго имъ доноса, но, вѣроятно, и его куда нибудь упрятали, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые слышали отъ Анны Ивановой разсказъ о «поносныхъ» словахъ наравнѣ со сторожемъ Семеномъ, его женою и грекомъ фельдшеромъ, подвергшимся ссылкѣ въ Сибирь за такое слышаніе.

Царствованіе Петра Второго представляется вообще болѣе мягкимъ и кроткимъ въ сравненіи съ другими царствованіями въ XVIII вѣкѣ. И въ самомъ настоящемъ дѣлѣ не видимъ мы страшныхъ пытокъ и притомъ о сосланныхъ въ Сибирь приложено было попеченіе, чтобъ дать имъ пристойное пропитаніе. Тѣмъ не менѣе, однако, рѣшеніе дѣла этого по своему принципу остается вопіющею неправдою.

Н. Костомаровъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ.

(Разсказъ изъ семейной хроники).

ЗЛОПОЛУЧНАЯ участь дяди моего, роднаго брата моей матери, Іоасафа Николаевича П—ва, представлялась мнѣ часто, волновала меня чрезвычайно, и я не разъ порывался разсказать печальную исторію, хорошо мнѣ извѣстную, во всѣхъ подробностяхъ. По настоящему, надо было бы сдѣлать это вслѣдъ за напечатаннымъ, слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, разсказомъ о дядѣ моемъ Николаѣ Михайловичѣ П—вѣ. Однако, какое-то властное побужденіе все останавливало меня отъ этаго.

Иногда, сознавая въ себѣ, даже съ нѣкоторымъ смущеніемъ, эту странную мою нерѣшимость, я начиналъ усиленно думать, все стараясь уяснить ея коренную причину, и именно для того, чтобы преодолѣть ее. И долго казалось мнѣ, что я еще слишкомъ страстно настроенъ, что еще слишкомъ ненавистна мнѣ память о князѣ .....скомъ, такъ злобно и каверзно погубившемъ дѣда и весь родъ его: «стало быть, разсуждалъ я, нельзя же мнѣ, при такомъ настроеніи духа, соблюсти полную безпристрастность, полную истину, столь необходимыя при повѣствованіяхъ не беллетристическихъ, а чисто бытовыхъ». Но теперь ясно вижу, что тутъ было совсѣмъ иное: я просто-на-просто не понималъ тогда исторіи моего дяди; болѣзненный образъ его выступалъ передъ моимъ воображеніемъ не въ надлежащемъ освѣщеніи, и значеніе разныхъ событій, доведшихъ дядю до погибели, вообще было затемнѣно для меня не

только вышеуказанными ошибочными моими предположеніями, но и самыми подробностями всей исторіи, слишкомъ рѣзко, какъ-то угловато выдававшимися и раздражавшими меня чрезвычайно.

Впрочемъ, хорошо, что я долго промедлилъ: тяжкое чувство памятованія о старомъ злѣ погасло, и уже не помѣшаетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ въ разсказѣ.

I.

Приходится говорить, прежде всего, о родныхъ моихъ мѣстахъ. Надо же познакомить читателей хоть нѣсколько съ той старинной помѣщичьей усадьбой въ сельцѣ Михѣевѣ, гдѣ родичи моей матери съ давнихъ поръ жили постоянно и гдѣ перевелись они, наконецъ.

Я уже не засталъ старую усадьбу, но слышалъ о ней много, да и все-таки видѣлъ въ дѣтствѣ моемъ кое-какіе остатки ея, которые въ настоящее время совсѣмъ исчезли.

Усадьба,—собственно родовая, п—ская,—была большая, очень просторно занесенная, и со многими постройками. Когда она устроивалась въ томъ видѣ, въ какомъ еще была во время происшествій, закончившихъ существованіе стараго рода П—выхъ, русскіе помѣщики, и не очень богатые, вездѣ широко селились и обстроивались.

Не мало пустырей изъ-подъ разныхъ прежнихъ построекъ засталъ я на обширномъ пространствѣ. По многимъ, тутъ же лежавшимъ, пнямъ большихъ и не большихъ, давно уже срубленныхъ деревьевъ, замѣтно было, что здѣсь находился большой садъ съ аллеями, конечно, изъ липъ, тогда такъ любимыхъ, даже чтимыхъ за цѣлебныя свойства своего цвѣта помѣщиками срединныхъ великорусскихъ губерній. Но между деревьями вокругъ новой помѣщичьей усадьбы въ Михѣевѣ, заведенной моимъ отцомъ уже въ гораздо меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ, старыхъ липъ вовсе не было, а остался съ одной стороны двора только рядъ огромныхъ березъ, да отдѣльно и неблизко отъ новаго дома стояло нѣсколько такихъ деревьевъ, которыя, должно быть, тоже ограничивали когда-то старый господскій садъ. Надо сказать, что прежній помѣщичій домъ, а также почти всѣ хозяйственныя и другія усадебныя постройки, равно какъ и тотъ большой садъ, все это почему-то было сведено до тла какъ-разъ послѣ катастрофы съ дядею Іосафомъ Николаевичемъ. Вообще, оставшіеся при мнѣ признаки старинной усадьбы: пустыри съ мусоромъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были постройки, рытвины какія-то, заросшія крапивою и чернобыльникомъ, полусгнившіе огромные пни, да и эти огромныя же березы со мшистою корою на стволахъ, съ низко-опущенными, какъ у плакучихъ ивъ, вѣтвями,—производили печальное впечатлѣніе, и оттого болѣе, какъ кажется мнѣ, что новая усадьба нисколько не прикрывала остатковъ старой, почему и сама она имѣла видъ какъ бы полуразрушенной.

Мнѣ разсказывали, что старый господскій домъ въ Михѣевѣ былъ великъ, даже черезъ-чуръ великъ, отнюдь не по семьѣ П—выхъ, которая во всѣхъ трехъ послѣднихъ ея поколѣніяхъ состояла изъ немногихъ членовъ. Но по тогдашнимъ понятіямъ, бывшимъ въ ходу между почти всѣми помѣщиками съ достаточнымъ сколько нибудь состояніемъ, въ п—скомъ домѣ завсегда проживали бѣдные родственники и неимущіе дворяне-знакомцы: стало быть, этотъ излишній просторъ былъ тогда даже совершенно необходимъ. О внутреннемъ расположеніи и обстановкѣ дома при строившемъ его прадѣдѣ моемъ Михаилѣ Ероѳеевичѣ П—вѣ [1]) я не имѣю понятія: отъ того времени изъ мебели, напримѣръ, а также и изъ посуды ничего не осталось, должно быть потому, что домъ этотъ былъ совсѣмъ заново омеблированъ дѣдомъ моимъ, Николаемъ Михайловичемъ, когда онъ перебрался въ Михѣево на постоянное житье. Впрочемъ, я все-таки нашелъ нѣсколько предметовъ, указывавшихъ на вкусы и на умственное развитіе дворянскаго семейства, проживавшаго въ старинной михѣевской усадьбѣ. То были книги и картины. Я нашелъ тутъ много книгъ и славянской и гражданской печати; всѣ послѣднія—елизаветинскаго, екатерининскаго времени, и даже печатанныя при Петрѣ Первомъ. И довольно замѣчательно: по большей части книги гражданской печати были содержанія историческаго или сельско-хозяйственнаго. Кромѣ того здѣсь находился большой архивъ старинныхъ бумагъ: царскихъ жалованныхъ грамотъ на земли, купчихъ крѣпостей, раздѣльныхъ актовъ, рядныхъ записей, условій на выстройку мельницъ, плановъ и межевыхъ книгъ по генеральному межеванію 1767 года, черновыхъ прошеній и отписокъ по тяжебныхъ дѣламъ, и, наконецъ, масса циркулярныхъ распоряженій тогдашнихъ московскихъ властей о принятіи мѣръ противъ чумы и противъ разбойниковъ.

Немало интересовали меня и картины изъ стараго михѣевскаго дома. Въ мое дѣтство ихъ на-лицо состояло около тридцати, но прежде было гораздо больше. Всѣ онѣ изображали апостоловъ и изъ верховныхъ и изъ семидесяти, призванныхъ верховными къ великому дѣлу распространенія новой религіи. Живопись этихъ картинъ (а не иконъ, какъ признавалось въ нашемъ домѣ) была не высокаго достоинства; однако, нѣкоторыя изъ нихъ и въ художественномъ отношеніи были дѣйствительно весьма недурны. Особенно помню лица апостоловъ-евангелистовъ: Матвѣя, Луки, Іоанна и Марка, да еще одного изъ семидесяти — Варѳоломея. Выраженіе этихъ лицъ спокойное, величавое, именно величавое, было передано сильно, недаромъ же памятно мнѣ про это даже и теперь.

Кто изъ старыхъ русскихъ художниковъ, конечно не доморо-

---

[1]) Онъ былъ убитъ во время прусской войны, сколько помню, въ сраженіи при Цорндорфѣ.

щенныхъ, писалъ эти картины, кто изъ моихъ предковъ и по какому поводу заказывалъ ихъ, мои домашніе не могли мнѣ объяснить.

Кажется, уже по этимъ остаткамъ книгъ и картинъ можно заключать, что семья П—выхъ принадлежала съиздавна и послѣдовательно къ дворянскимъ семьямъ, отнюдь не уклонявшимся отъ образованія. Такъ и должно было быть: П—вы, исконные помѣщики въ тамошней мѣстности, проживали недалеко отъ Москвы; а притомъ, они состояли въ связяхъ родства или добраго знакомства со многими богатыми и знатными родами.

И матеріальныя средства П—выхъ были довольно обширны: еще прадѣду моему, Михаилу Ероѳеевичу, принадлежало въ разныхъ губерніяхъ до тысячи душъ; впрочемъ, дѣдъ мой, Николай Михайловичъ послѣ разгульнаго своего житья въ Петербургѣ уже имѣлъ въ своемъ владѣніи гораздо меньше, а подъ конецъ его жизни, вслѣдствіе несчастной тяжбы съ княземъ ......скимъ оставалось у него, считая тутъ и приданое жены, только съ небольшимъ сто душъ;— но и изъ этого остатка бабка моя для уплаты долговъ, накопившихся во время упомянутой тяжбы, принуждена была продать свою послѣднюю приданную деревню,

Не могу кстати не упомянуть, что усадьба П—выхъ находилась въ весьма близкомъ разстояніи отъ сельца Михѣева, почти сливалась съ нимъ. До нѣкоторой степени это доказывало добрыя патріархальныя отношенія между стариннымъ дворянскимъ родомъ и подвластными ему крестьянами. Я замѣчалъ, что въ прежнее время до отмѣны крѣпостнаго права отдаленно отъ селеній держались усадьбы лишь тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне состояли постоянно на барщинѣ, при которой, какъ извѣстно, крѣпостные вообще находились не въ цвѣтущемъ состояніи, что и сознавали они, что иногда и выводило ихъ изъ терпѣнія.

Да! съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю, что у моихъ предковъ со стороны моей матери отношенія къ крѣпостнымъ ихъ крестьянамъ были нисколько не утѣснительны и, стало быть, отличались дѣйствительно патріархальнымъ характеромъ. Оттого михѣевцы наши, жители небольшой деревни, занимались всегда разными промыслами, а ихъ смышленость, нѣкоторое развитіе, особенно же зажиточность были очень замѣтны. Недаромъ изстари въ тогдашнюю глухую для народнаго образованія пору водились между ними грамотники, чѣмъ, конечно, обусловливалась и эта способность ихъ къ промысловымъ занятіямъ на сторонѣ. Недаромъ, изстари же домашняя ихъ жизнь представляла удобства, не часто далеко не вездѣ и въ настоящее время существующія по великороссійскимъ деревнямъ. Мелкій поселокъ михѣевцевъ, шедшій длинной ломаной линіей по одному только берегу нашей шибко бѣгучей рѣчки, былъ обстроенъ хорошо: почти каждый крестьянскій дворъ всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ

указывалъ и на зажиточность и на домовитость своего хозяина, ибо кромѣ просторныхъ, по большей части крытыхъ тесомъ, двухъ избъ, кромѣ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, особенно нужныхъ въ крестьянскомъ быту, тутъ были и впереди и сзади двора огороды, хмѣльники, бани, овины и пчельники. Вообще, маленькое по численности своего населенія Михѣево (въ мое дѣтство въ немъ было всего до семидесяти ревизскихъ мужескаго пола душъ) казалось довольно большой деревней.

Прямо передъ окнами крестьянскихъ избъ въ виду также и господской усадьбы какъ разъ за рѣчкою тянулась широкая луговая равнина, ежегодно «понимаемая» весеннимъ разливомъ Оки и вдали замкнутая туманной полосою Дѣдновскаго бора. Пріятно было смотрѣть на эту равнину и во время половодья, и въ лѣтнюю пору, и даже осенью. По крайней мѣрѣ на меня широкій ея видъ, всякое на ней движеніе вполнѣ мирнаго характера, дѣйствовали всегда успокоительно.

Въ этомъ родовомъ имѣніи П — выхъ, постоянно благоустроенномъ по зажиточности крестьянъ (и оттого возбуждавшемъ зависть въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ помѣщикахъ), въ этой мѣстности вообще скуднаго Егорьевскаго уѣзда, мѣстности довольно производительной и промысловой, разнообразной и красивой, а притомъ густо заселенной народомъ смышленымъ, бойкимъ,—весело, спокойно можно было бы жить дворянской семьѣ, имѣвшей почти до самаго конца своего достаточно хорошія матеріальныя средства. Но не такъ пожилось тутъ послѣднимъ представителямъ стариннаго рода П—выхъ.

II.

Страшная, долговременная болѣзнь моего дѣда и зависѣвшая отъ того печальная домашняя обстановка производили на дѣтей больнаго вліяніе чрезвычайно вредное для развитія ихъ физическихъ и нравственныхъ силъ: единственный сынъ и двѣ дочери Николая Михайловича П — ва были очень болѣзненны, а притомъ какъ-то неестественно, не по дѣтски, склонны къ мрачной задумчивости. Особенно же это было замѣтно на сынѣ (дядѣ моемъ) Іоасафѣ Николаевичѣ. Еще въ началѣ отрочества онъ выказывалъ много страннаго.

Начать съ того, — онъ былъ необыкновенно дикъ и нелюдимъ. Надежда Ивановна (мать его), начавшая послѣ кончины мужа посѣщать сосѣдей, никогда не могла взять его съ собою по причинѣ упорнаго, непреодолимаго его нежеланія; въ пріѣзды же гостей въ Михѣево онъ всячески старался не показываться имъ на глаза, запрятывался гдѣ нибудь въ домѣ, въ саду, или же убѣгалъ въ деревню. Онъ былъ дикъ до того, что и отъ взрослыхъ домашнихъ какъ-то все сторонился; онъ былъ гораздо болѣе дикъ, чѣмъ Миша

Г—въ (его побочный братъ), у котораго, при всей неблагопріятной для нормальнаго его развитія домашней въ Коломнѣ обстановкѣ, нашлось много постоянной энергіи въ характерѣ, чрезъ что Миша, отнюдь ни съ кѣмъ мирно не сближаясь, все-таки сталкивался съ людьми, его окружавшими, и даже какъ будто искалъ столкновеній; дядя же Іоасафъ Николаевичъ въ дѣтствѣ своемъ былъ такъ несообщителенъ, что рѣдко игрывалъ и съ дворовыми своими сверстниками, а отъ деревенскихъ мальчиковъ пугливо убѣгалъ, вынося ихъ присутствіе только при тѣхъ случаяхъ, когда Надежда Ивановна брала его съ собою на страстно имъ любимую рыбную ловлю въ рѣчкѣ, въ мельничныхъ прудахъ и въ прилегавшемъ къ Михѣеву озерѣ.

Этою же дикостью характера приходится объяснять его тогдашнія отношенія къ матери. Она любила его видимо больше, чѣмъ своихъ дочерей, даже страстно любила, берегла во всемъ, не спуская съ него глазъ, баловала чрезъ мѣру, исполняя малѣйшія и самыя причудливыя его желанія; а этотъ столь любимый сынъ никогда не умѣлъ или не хотѣлъ отвѣчать выраженіемъ нѣжности на материнскую любовь, хотя при всякомъ замѣтномъ для него случаѣ огорченія матери приходилъ онъ въ такое возбужденное состояніе, которое болѣзненными своими припадками внушало Надеждѣ Ивановнѣ тревожныя и горестныя опасенія.

Насчетъ баловства матери и исполненія ею всѣхъ причудливыхъ желаній страннаго мальчика,—что̂ разсказывавшіе мнѣ о немъ признавали главнѣйшей причиною послѣдовавшихъ бѣдствій,—никакихъ особенно характерныхъ подробностей не передавалось, и все наивно сводилось только на одно: на дозволеніе мальчику предаваться потѣхѣ, въ которой дѣйствительно проявлялось нѣчто очень диковинное. Потѣха эта началась рано и продолжалась настолько, что точно могла произвести глубокое впечатлѣніе на дѣтскую душу.

Еще въ возрастѣ отъ семи до десяти лѣтъ маленькій Іоасафъ сталъ уединяться въ какомъ нибудь отдаленномъ, глухомъ, густо заросшемъ уголку сада, а то уходилъ на пчельникъ за садомъ, гдѣ «сидѣлъ» старикъ Мокѣичъ, котораго, повидимому, онъ очень любилъ. Затѣмъ облюбовалъ онъ особенно «Облонье», кочковатое, кой гдѣ мшистое мѣсто за пчельникомъ надъ болотистой частью главнаго мельничнаго пруда, гдѣ въ рѣдкомъ разстояніи одна отъ другой росли огромныя дуплистыя ветлы и ольхи. Надеждѣ Ивановнѣ крайне не нравились эти послѣднія прогулки, и она всячески старалась удержать его отъ нихъ, но всегда съ непреодолимымъ тоже упорствомъ мальчикъ настаивалъ на своемъ и продолжалъ туда ходить. Наконецъ, въ возрастѣ за десять лѣтъ онъ какъ будто еще болѣе полюбилъ Облонье, посѣщалъ его ежедневно, и не въ лѣтнюю только пору, но даже осенью. Впрочемъ, осенью онъ уходилъ туда уже не одинъ, а въ сопровожденіи дворовыхъ мальчиковъ; они

были нужны ему для помощи въ той именно потѣхѣ, къ которой онъ тогда чрезвычайно пристрастился. Обыкновенно, Іоасафъ оставался на Облоньѣ до вечера, иногда до поздней ночи, и Надежда Ивановна была вынуждена уступать странной блажи сына, должно быть изъ опасенія, какъ бы противорѣчіемъ его волѣ не довести его до болѣзни.

И вотъ, какъ начинали спускаться сумерки, мальчикъ приказывалъ своимъ товарищамъ устраивать возлѣ какого нибудь стараго пня, на который усаживался, большой костеръ изъ сухихъ вѣтвей.

Разгоравшееся пламя, вспышки, переливы огня, окрестность, омраченная волнистыми тѣнями сумерекъ, то странно укладывавшимися между кустами, то мрачно подступавшими къ костру, то быстро убѣгавшими куда-то, отраженіе красноватаго пламени на предметахъ, на лицахъ, въ формахъ скользящихъ и фантастическихъ, трескъ сгорающихъ вѣтвей, звонкіе дѣтскіе голоса, шелестъ и шорохъ въ кустахъ, и какіе-то иногда смутные гулы ночи,—все это должно было страшно возбудительно дѣйствовать на воображеніе черезчуръ нервознаго мальчика и безъ того болѣзненно напряженное (я самъ знаю, до какой степени могло быть сильно такое дѣйствіе, ибо испыталъ его нѣсколько разъ на себѣ). Но Надежда Ивановна, какъ ни тревожилась сначала изъ-за потѣхи сына, додумалась, что это занятіе бодритъ его, ибо онъ такъ оживленно командуетъ окружавшими его мальчиками, такимъ смѣлымъ тутъ является, а это-то по соображеніямъ ея и нужно было, какъ подготовленіе для его будущей жизни уже взрослымъ человѣкомъ, придется ли ему служить въ военной службѣ, или же проживать дома среди помѣщиковъ-сосѣдей, которые такъ любятъ развлеченія, требующія много физической силы и ловкости.

Я не знаю, какъ шло домашнее образованіе моего дяди; впрочемъ, думаю, что врядъ ли успѣшно: дѣтское воображеніе его было слишкомъ наполнено фантастическими представленіями. По всей вѣроятности, если бы онъ оставался всегда дома, болѣзненное развитіе его духа, начавшееся въ раннемъ возрастѣ, рано же принесло бы свои плоды: или разстроило бы совершенно физическое его здоровье, или довело бы его быстро до умственнаго разстройства, которое во-время было бы замѣчено. И такъ ужъ, конечно, было бы гораздо лучше и для него самого, и для его близкихъ. Но въ исторіи дяди все сплеталось какъ-то особенно.

Когда Іоасафу П—ву исполнилось отъ роду ровно двѣнадцать лѣтъ, крестный отецъ его, Николай Захарьевичъ Апухтинъ, счелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло окончательнаго его образованія. Онъ самъ пріѣхалъ въ Михѣево за мальчикомъ, чтобы отвезти его въ кадетскій корпусъ, куда онъ былъ записанъ заранѣе. И не будь сильной настойчивости со стороны Апухтина, врядъ ли рѣ-

шилась бы Надежда Ивановна разстаться съ любимымъ сыномъ; она непрочь была отъ того, чтобы сынъ уже совсѣмъ на возрастѣ поступилъ бы въ военную службу, но ей казалось ужаснымъ помѣстить такого слабаго здоровьемъ мальчика въ военно-учебное заведеніе, въ которомъ, какъ было общеизвѣстно, обращались съ воспитанниками крайне сурово. Очень долго противилась она Апухтину, все высказывая, что сердце ея предчувствуетъ тутъ какую-то бѣду. Но старикъ не внялъ всякимъ мольбамъ матери уже потому, что хорошо подмѣтилъ какъ сынъ ея изнѣженъ и избалованъ. Онъ настоялъ таки на своемъ, убѣдивъ окончательно Надежду Ивановну тѣмъ, что самъ будетъ постоянно и заботливо наблюдать за положеніемъ крестника въ кадетскомъ корпусѣ. Обѣщанію этому она должна была повѣрить; не говоря уже о томъ, что Апухтинъ былъ искреннимъ другомъ ея мужа, онъ, и по своему служебному положенію (кажется, онъ былъ тогда уже сенаторомъ), и по родственнымъ отношеніямъ своимъ къ извѣстному Руничу, могъ пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ даже въ учебномъ мірѣ военнаго вѣдомства.

Итакъ, Апухтинъ увезъ тогда въ Петербургъ моего дядю, захвативъ также съ собою двоихъ сыновей Николая Андреевича Берсенева, да и Мишу Г—ва,—первыхъ для помѣщенія въ кадетскій же корпусъ, а послѣдняго, чтобы пристроить къ какому нибудь коммерческому дѣлу.

Не знаю я, какъ учился и въ кадетскомъ корпусѣ Іоасафъ П—въ, пробывшій тамъ что-то очень долго, чуть ли не болѣе восьми годовъ, но, должно быть, тамошнее ученье его было опять-таки неудовлетворительно: по окончаніи курса, онъ былъ выпущенъ «для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ» съ чиномъ коллежскаго регистратора, а извѣстно, что такъ всегда выпускали изъ кадетскихъ корпусовъ лишь такихъ кадетовъ, которые по успѣхамъ въ наукахъ были уже совсѣмъ плохи. Впрочемъ, можетъ быть, и физическая болѣзненность Іоасафа П—ва воспрепятствовала выпуску его въ военную службу.

Что же касается до положенія дяди въ кадетскомъ корпусѣ, то Апухтинъ вполнѣ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ заботился о своемъ крестникѣ, какъ истый родной. Конечно, мальчику и при всѣхъ тогдашнихъ суровыхъ порядкахъ въ корпусахъ было очень сносно и ничто не могло его тамъ ожесточить. Но тѣмъ неменѣе корпусное воспитаніе не оказало хорошаго вліянія на нравственную природу михнѣевскаго дикаря, оно нисколько не дисциплинировало его дикій характеръ, а притомъ не придало ему и должной силы даже для простой деревенской жизни, какъ это и обнаружилось очень скоро.

Впрочемъ, мнѣ разсказывали тоже, что на Іоасафа П—ва, во время его пребыванія въ кадетскомъ корпусѣ, имѣлъ самое не хо-

рошое влияніе побочной братъ его Михайло Николаичъ Г—въ. Но никакими фактами это не подтверждалось, да и трудно предположить даже то именно—какъ могли тогда входить между собою въ сношенія молодые люди, изъ которыхъ одинъ воспитывался въ стѣнахъ строго-замкнутаго военно-учебнаго заведенія, а другой занимался извозничествомъ.

III.

Іоасафъ Николаевичъ П—въ возвратился домой, не предувѣдомивъ о томъ свою мать. Пріѣздъ его въ Михѣево былъ совершенной неожиданностью.

Къ тому времени Надежду Ивановну очень состарили, почти совсѣмъ одолѣли въ физической силѣ и немощи преклонныхъ лѣтъ, и заботы по дому, переполненному, какъ и прежде, большой дворнею, разными приживальцами, а всего болѣе состарило, одолѣло то, что она не могла позабыть горестныя событія при жизни своего несчастнаго мужа. Какъ и прежде, добрая, милостивая, старушка сдѣлалась мало-по-малу брюзгливою, о чемъ-то всегда тоскующею, на все ропщущею и нерѣдко всѣми недовольною. Можетъ быть, это происходило отъ того, что разлучили ее «насильно» съ сыномъ, на которомъ, чуть ли не со времени его рожденія, сосредоточивались всѣ ея надежды. Но отъ слишкомъ долгаго отсутствія сына надежды эти все больше и больше потухали—и замѣнились, наконецъ, безотраднымъ, почти гнѣвнымъ ожиданіемъ его возвращенія. И уже поэтому, можетъ быть, она встрѣтила любимаго своего сына вовсе не радостно, даже какъ будто тоскливо.

Старшей сестры (моя мать), съ которою въ дѣтскіе годы Іоасафъ довольно ладилъ, онъ не засталъ уже дома; за полгода до его пріѣзда она вышла замужъ, а вскорѣ потомъ уѣхала съ мужемъ въ Черниговскую губернію, гдѣ и пробыла слишкомъ три года. А съ младшей сестрою онъ никогда не ладилъ, несмотря на то, что характеръ ея, тоже склонный къ фантастичности, казалось, и подходилъ къ его характеру... Эта сестра отнеслась къ брату, при первой встрѣчѣ его, съ особенно-замѣтнымъ равнодушіемъ, даже съ какимъ-то оскорбительнымъ пренебреженіемъ.

Но и крѣпостная домашняя прислуга приняла молодаго михѣевскаго барина не хорошо, безъ малѣйшаго проявленія радости; напротивъ того, она выказала въ отношеніи къ нему явно преувеличенную, совершенно тогда неосновательную боязливость. Прислуга эта, нисколько незапуганная барскимъ съ ней обращеніемъ, почему-то, съ перваго же взгляда, порѣшила объ Іоасафѣ Николаевичѣ, что «ужъ больно горденекъ молодой баринъ, знать, и на всю-то жизнь понахватался чужаго духа,—и наврядъ можно будетъ уживаться съ нимъ»...

Кстати тутъ скажу: предположеніе о гордости Іоасафа Николаевича, появившееся у михѣевской прислуги на первыхъ же порахъ, было довольно странно, ибо у молодаго человѣка рѣшительно ни въ чемъ не выражалась такая черта характера, черта, вообще, очень крупная, такъ сказать, прямо бьющая въ глаза; однако всѣ: и приживальцы, и сосѣди-помѣщики, и даже мать, считали Іоасафа Николаевича въ высшей степени горделивымъ;—такъ наивные тогдашніе люди объясняли мрачную его сторону. Впрочемъ, Богъ вѣсть, ошибались ли они, или же внутреннимъ чутьемъ своимъ вѣрно угадывали.

Самый домъ да и вся столь знакомая родная усадьба, должно быть, показались новому хозяину непривѣтными, холодъ на душу наводящими: недаромъ, на первыхъ же порахъ по возвращеніи домой, не однажды проговаривалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, а какъ бы съ самимъ собою разсуждая, что, однако, было подслушано домочадцами: «тюрьма какая-то здѣсь,—даже тяжко дышать,—ничуть не лучше прежняго»...

Эта послѣдняя ссылка на что-то «прежнее» непріятна была домочадцамъ: они такъ понимали ее, что баринъ осуждаетъ всю прошлую жизнь въ родительскомъ дому.

«Ну, и за что, про что охаиваетъ, инда родителевъ своихъ трогаетъ, баловникъ эдакой!»—говорили они объ этомъ промежъ себя и съ приживальцами.

Господская усадьба въ Михѣевѣ, въ то время уже очень обветшалая, должна была показаться Іоасафу Николаевичу чрезвычайно мрачною оттого больше, что всѣ некровные ему въ этой усадьбѣ пугливо сторонились отъ него, а кровныя, мать и сестра, глядѣли какъ-то нерадостно. Онъ видѣлъ—и тяжко почувствовалъ все это. Вырвавшись, наконецъ, изъ стѣнъ, въ которыхъ такъ горьки были и неволя и полная отчужденность отъ всего роднаго, привычнаго съ юныхъ дней, онъ не находилъ дома той отрады, о какой, навѣрное, страстно мечталъ. Простора же, свободы деревенской покуда еще не могъ онъ подмѣтить, — и скорбное, томящее чувство охватило его мгновенно и, на бѣду, до конца не покинуло.

Но и самъ онъ былъ причиною, что явилось это скорбное чувство. Уже первая встрѣча его съ матерью и съ сестрою указываетъ на то рѣзко и твердо.

Онъ вошелъ въ михѣевскій своей домъ, какъ послѣ только что оконченной и не долгой прогулки, на которой ничто не обратило его вниманія, про которую нечего было ему разсказать. Очень холодно поздоровался онъ съ матерью и сестрою, прошепталъ, какъ-то мимоходомъ, что, вотъ, «слава Богу, живы и здоровы», потомъ, ни о чемъ не разспрашивая, ничего не разсказывая, началъ говорить, что очень усталъ отъ долгой дороги и что соснуть ем

тотчасъ же хочется; ни съ кѣмъ же изъ домашней прислуги и изъ приживальцевъ даже и слова онъ не промолвилъ.

Надежда Ивановна была поражена тогдашней холодностью сына. Она не вытерпѣла и сразу стала на то жаловаться и своимъ домашнимъ, и постороннимъ лицамъ.

— Развѣ можно такъ домой вернуться?—говорила она:—а восемь годовъ не видалися!.. Въ восемь годовъ что я о немъ передумала, какъ горевала!.. А онъ словно чужой... Коли тамъ позабывалъ про насъ,—оно и немудрено: пожалуй и некогда было вспомнить, — такъ дома-то, при первой-то встрѣчѣ, какъ бы всего не вспомнить?.. А еще,—и это главное для меня,—хоть бы про то поразсказалъ: какъ тамъ, въ корпусѣ-то, было, какъ маялся, и какъ тамъ учили... Вѣдь я обо всемъ этомъ думала, думала!..

Подъ этимъ «все» старушка подразумѣвала многое-многое, отъ чего часто ныла душа ея, переполненная тоскою о единственномъ, любимомъ сынѣ, котораго «насильно» оторвали отъ нея. Она не могла не огорчаться до глубины души при видѣ этой неестественной холодности сына, выказанной имъ при возвращеніи домой послѣ столь продолжительной разлуки.

Онъ съ неспокойной душею возвратился въ родныя мѣста. И это могло быть очень замѣтно для простыхъ людей, окружавшихъ его дома. Но, конечно, не будучи въ состояніи опредѣлить причину и степень этого неспокойства,—не могли они сострадательно извинить молодому человѣку того черезчуръ несообщительнаго, нивѣсть отъ чего мрачнаго обращенія со всѣми, которое, всего скорѣе, и истолковывали крайне брезгливой горделивостью, съ особенной силою пробудившеюся въ Іоасафѣ Николаевичѣ при видѣ совсѣмъ обветшалаго родительскаго дома, при видѣ и всей скудной обстановки въ этомъ домѣ.

И въ дни, послѣдовавшіе за возвращеніемъ, Іоасафъ Николаевичъ велъ себя какъ чужой, какъ постоялецъ на короткое время, и притомъ, какъ постоялецъ крайне капризный. Ни-съ-того, ни-съ-сего, онъ часто перемѣнялъ свое помѣщеніе въ домѣ и, такимъ образомъ, обошелъ больше половины комнатъ. Ему нигдѣ не жилось, должно быть, все казалось, что вездѣ-то ему мѣшаютъ. И ничѣмъ, что тогда было во всеобщемъ ходу у нашихъ помѣщиковъ, онъ не занялся: ни псовой охотою, ни верховою ѣздой, ни посѣщеніями сосѣдей, ни хозяйничаньемъ по дому и по имѣнію. А между тѣмъ, послѣднее занятіе, хотя бы и мало соотвѣтствовавшее его не зрѣлой и крайне неопытной молодости, очень бы нужно было по Михѣеву. Правда, Михѣево чуть не споконъ вѣку состояло на оброкѣ и, стало быть, не представлялось въ немъ тѣхъ заботъ, какія неминуемы были въ барщинныхъ имѣніяхъ; но двѣ хозяйственныя статьи требовали и тутъ помѣщичьяго наблюденія, помѣщичьихъ распоряженій. Во-первыхъ, половина луговъ находилась всегда въ

непосредственномъ господскомъ пользованіи, частью убиралась для надобностей усадьбы, а частью сдавалась ежегодно постороннимъ съемщикамъ; и вотъ, тотчасъ послѣ того какъ разливъ Оки спадалъ съ луговъ михѣевскихъ (объ эту-то пору и вернулся домой Іоасафъ Николаевичъ), надо же было барину внимательно осмотрѣть эти луга, чтобы разцѣнить ихъ подесятинно, и затѣмъ во-время «заказать», то-есть запретить для пастьбы деревенскаго скота, запустивъ уже «подъ траву» для сѣнокошенія, назначивъ также заранѣе, какія десятины для усадьбы убирать и какія можно выпустить въ отдачу. Во-вторыхъ, водяная мукомольная мельница, на которой «сидѣлъ» мельникъ обыкновенно изъ коломенцевъ, знатоковъ по этой части, тоже находилась въ пользованіи господскомъ— и всегда послѣ половодья требовалось много хлопотъ по исправленію всего перепорченнаго водою въ плотинѣ и въ мельничномъ установѣ. Надежда Ивановна, пока была въ силахъ, сама распоряжалась по обѣимъ вышеозначеннымъ доходнымъ статьямъ, но уже года за три до возвращенія сына вынуждена была она предоставить все въ распоряженіе прикащику Петру Леонтьеву, человѣку хоть и честному, вѣрному, но крайне безхарактерному и неумѣвшему ладить съ крестьянами. Іоасафъ Николаевичъ долженъ бы былъ тотчасъ же приняться тутъ за дѣло, на что и надѣялась его мать, о чемъ и просила она его нѣсколько разъ, но онъ, какъ пріѣхалъ въ Михѣево, ни разу не изволилъ побывать ни на лугахъ, ни на мельницѣ, — не только не побывалъ, но и не пообѣщалъ взглянуть на хозяйственныя статьи, составлявшія довольно значительную часть въ тогдашнемъ годовомъ бюджетѣ П—выхъ.

Все это было непріятно Надеждѣ Ивановнѣ. А впрочемъ, она еще не очень сѣтовала на то, что сынъ не хочетъ заняться хозяйскимъ дѣломъ, что даже вовсе не обращаетъ на него вниманія: она кручинилась собственно о томъ, что Іоасафъ «вотъ ничего-таки не поразскажетъ, какъ все тамъ, въ Питерѣ, было», что «онъ и говорить-то съ матерью почти-что не желаетъ», что онъ «прячется отъ всѣхъ, словно нивѣсть-какихъ бѣдъ гдѣ-то понадѣлалъ».

Послѣднюю черту въ домашнемъ поведеніи сына старушка вѣрно подмѣтила. Точно: онъ какъ будто прятался отъ всѣхъ. Не говоря уже о томъ, что онъ рѣшительно не хотѣлъ, хоть бы единожды, объѣхать сосѣднихъ помѣщиковъ,—когда кто нибудь изъ нихъ навѣщалъ михѣевскую усадьбу, онъ тотчасъ уходилъ изъ дому и бродилъ по окрестностямъ до отъѣзда гостей; если же гости оставались ночевать, и тогда не доводилось имъ увидать новаго михѣевскаго помѣщика, такъ какъ онъ отправлялся къ священнику села Маливы, гдѣ и заночёвывалъ. Іоасафъ Николаевичъ даже съ особеннымъ какимъ-то намѣреніемъ сторонился отъ людей, равныхъ ему по общественному положенію: въ воскресные дни и въ большіе годовые праздники онъ уѣзжалъ къ обѣднѣ не въ свою приходскую

церковь въ селѣ Макшеевѣ, а въ церковь села Маливы, тогда уже состоявшаго въ казенномъ вѣдомствѣ, и гдѣ нельзя было встрѣтить сосѣдей-помѣщиковъ. А это обстоятельство очень огорчало Надежду Ивановну,—она «не могла понять», какъ это можно ѣздить къ обѣднѣ въ чужую церковь, да и не вмѣстѣ со своей семьею. Наконецъ, и эта безпрерывная перемѣна комнатъ для жилья въ своемъ собственномъ домѣ, на которую, какъ на причину всегдашняго безпорядка, очень гнѣвалась младшая сестра Іоасафа Николаевича, тоже указывала до нѣкоторой степени, что михѣевскій дикарь-баринъ и у себя прячется отъ самыхъ близкихъ ему людей.

Надежда Ивановна, хоть и видимо недовольная сыномъ,—не даромъ она многимъ и часто жаловалась на него,—все-таки его любила, хоть, можетъ быть, и меньше прежняго. Я даже предполагаю, что навѣрное такъ: она любила тогда уже нестолько его самого, сколько будущее родной семьи... Впрочемъ, она постоянно заботилась о всяческомъ спокойствіи сына: и чтобы домашній столъ приготовлялся по его вкусу, по его желаніямъ, которыя она и старалась угадывать, такъ какъ самъ онъ никогда ихъ не высказывалъ, и чтобы въ выбираемой имъ для себя комнатѣ все было расположено и устроено, какъ ему хочется, и чтобы домашняя прислуга угождала ему на каждомъ шагу. И все это отнюдь не приводило къ внутреннему ладу въ домѣ. Конечно, всего болѣе мѣшалъ тутъ Іоасафъ Николаевичъ полнѣйшимъ невниманіемъ къ заботамъ о немъ же, да и сама Надежда Ивановна мѣшала именно тѣмъ, что никакъ не могла воздержаться отъ попрековъ сыну за непонятную эту нелюдимость его, за рѣшительное его уклоненіе отъ всякаго хозяйственнаго дѣла по имѣнію, младшая же сестра уже и слишкомъ пылко высказывала свое неудовольствіе на «причуды» брата.

Старушка все-таки была правѣе. Чуткимъ материнскимъ сердцемъ она вѣрно угадывала въ то время, что сынъ ея, этотъ нелюдимый дикарь, отъ всѣхъ и отъ ней самой диковинно сторонящійся, не то что прихотничаетъ, или скучаетъ дома въ семьѣ, но именно тоскуетъ о чемъ-то, а если тоскуетъ, то, стало быть, болѣетъ душею. И много страдала она изъ-за того, да не смогла тутъ «дѣломъ разобраться», все не додумывалась—чѣмъ бы унять окончательно эту тоскливость. Ей казалось одно лишь возможнымъ съ ея стороны: постоянной твердой настойчивостью насчетъ того, чтобы принялся онъ хоть сколько нибудь за хозяйство,—отвлечь его отъ тоскливыхъ мыслей. Но, должно быть, въ этихъ настойчивыхъ стараніяхъ своихъ она ошибалась: по всей вѣроятности, лучше было бы, если-бъ оставила она сына въ совершенномъ спокойствіи, ни съ чѣмъ къ нему не приставая,—какъ, навѣрное, она и сдѣлала бы при прежнихъ душевныхъ своихъ силахъ, при прежней своей проницательности. Но все же старушка была права. Во всѣхъ отношеніяхъ ея къ сыну несомнѣнно выражалась искренняя заботливость только

о немъ одномъ. А этотъ сынъ и младшая его сестра, конечно, были неправы: онъ—въ этой странной тоскливости своей, она—въ своемъ пылкомъ неудовольствіи на брата за безурядицу въ домѣ; оба они были слишкомъ эгоистичны, только самихъ себя видѣли...

Іоасафъ Николаевичъ, точно, тосковалъ и, разумѣется, не по жизни въ кадетскомъ корпусѣ и не о томъ, что уже нѣтъ вокругъ него разнообразнаго движенія большаго города; такой тоски не могло быть въ немъ, въ человѣкѣ съиздавна сосредоточенномъ въ самомъ себѣ. Онъ тосковалъ о чемъ-то иномъ, непонятномъ нетолько для другихъ, но и для него самого. Кто знаетъ, можетъ быть, то было смутное сознаніе безсилія собственной воли, того безсилія, которое зародилось въ немъ вслѣдствіе душевныхъ потрясеній во время страшной болѣзни его отца, а развилось сначала дома отъ возможности предаваться потѣхѣ, чрезмѣрно подавлявшей воображеніе, а потомъ,—посреди казенной обстановки кадетскаго корпуса,—отъ горько почувствованнаго одиночества; но, можетъ быть, тутъ сказывалось и общее ослабленіе душевныхъ силъ по причинѣ какихъ либо вредныхъ вліяній—въ-родѣ, напримѣръ, предполагаемаго отъ сообщества съ Михайлою Г—вымъ... Но я рѣшаюсь и то думать, что въ тогдашней тоскливости моего несчастнаго дяди участвовало до нѣкоторой степени и болѣзненное предчувствіе рокового конца для него, послѣдняго представителя угасающаго рода. Предположеніе мое можетъ показаться страннымъ, мистичнымъ, но я не отрѣшусь отъ него...

IV.

Іоасафъ Николаевичъ скоро узналъ, что его нелюдимость для всѣхъ въ дому непріятна: однажды сестра его прямо въ глаза ему и очень запальчиво высказала, что его «всегдашнія причуды все вверхъ-дномъ въ домѣ поставили, а нелюдимость его добрыхъ людей начинаетъ отъ нихъ отбивать» (что̀ и было уже на самомъ дѣлѣ). Онъ ничего не отвѣтилъ на эти обвиненія, но, какъ видно, тогда же рѣшился какъ можно меньше оставаться дома. И вотъ, пустился онъ бродить по окрестностямъ Михѣева съ ружьемъ, какъ будто для охоты, и всегда одинъ-одинёшенекъ.

Сильно была встревожена этимъ Надежда Ивановна; ей вообразилось, что ея дикарь—Есаня, истосковавшись совсѣмъ, задумалъ покончить съ собою самоубійствомъ, какъ сдѣлалъ это незадолго передъ тѣмъ какой-то молодой человѣкъ изъ зарайскихъ дворянъ. Не добившись никакими убѣжденіями, чтобы сынъ оставилъ свои «опасныя» прогулки, она придумала, наконецъ, подослать къ нему, для постояннаго, бдительнаго за нимъ наблюденія, двороваго малаго, Макарку, котораго хоть и не жаловала вообще за разныя его про-

казы, но считала по его смышлености какъ нельзя болѣе способнымъ не только исполнить въ точности ея порученіе, но и понравиться барину.

Выборъ сдѣланъ былъ удачно. Макарка, расторопный, веселый и даже умный малый, очень годился для такого дѣла. Къ тому же, порученіе барыни пришлось ему съ чего-то по-нраву — и онъ такъ ловко принялся за него, что сразу пристроился, а затѣмъ и подладился къ мрачно-задумчивому, ни съ кѣмъ неласковому барину. Макарка даже полюбилъ барина, какъ и доказалъ это на дѣлѣ впослѣдствіи. Полюбилъ его и Іоасафъ Николаевичъ, и, должно-быть, потому именно, что вообще противоположные характеры всего скорѣе сходятся. Но въ этомъ сближеніи моего дяди съ крѣпостнымъ малымъ (кстати сказать, ровестникомъ ему по возрасту) тоже проявилось что-то роковое.

Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени, прислуга михѣевской господской усадьбы стала подмѣчать, что между молодымъ бариномъ и Макаркою образовалась какая-то тайна, что недаромъ же Макарка все уводитъ барина изъ окрестностей Михѣева въ чужія мѣста—по направленію къ Маливскому-бору и куда-то дальше, что эти прогулки дѣлаются вовсе не для ружейной охоты, что, наконецъ, недаромъ Макарка «слѣдъ заметаетъ», ничего не разсказываетъ о прогулкахъ, а однажды прогналъ и даже приколотилъ мальчонку, подосланнаго подсмотрѣть, куда отъ Маливскаго-бора дальше пойдутъ эти охотники, всегда возвращавшіеся домой съ пустыми руками. Изо всего этого прислуга предположила нехорошія шашни—и вдругъ какая-то случайность разомъ открыла въ чемъ дѣло. Оказалось, что михѣевскій баринъ познакомился слишкомъ близко съ солдаткою Маринкою, проживавшею въ одной изъ деревень, принадлежавшихъ къ бывшему маливскому имѣнію князя ......скаго.

Знакомство это сладилось очень просто и черезъ самого Іоасафа Николаевича. Набродившись какъ-то до изнеможенія, онъ зашелъ въ первое попавшееся ему на глаза жилье, чтобы попросить воды напиться, а хозяйка жилья, одиноко въ немъ проживавшая, приняла его чрезвычайно ласково—и сразу полюбилась ему. Но михѣевская дворня именно Макаркѣ приписала и первое свиданіе, и послѣдовавшее затѣмъ «знакомство», приписала потому, что малый-то былъ очень шаловливъ по части любовныхъ похожденій.

Услужливыя дворовыя женщины не преминули тотчасъ же доложить старой барынѣ о такихъ нехорошихъ проказахъ.

А старая барыня сильно прогнѣвалась. Можетъ быть, на этотъ разъ ей особенно горько припомнился подобный же грѣхъ покойнаго ея мужа; но ее взволновало и то, что связь сына съ этой солдаткою, о красотѣ и разгулѣ которой было извѣстно во всемъ околоткѣ, могла очень попрепятствовать созрѣвшимъ уже тогда у На-

дежды Ивановны планамъ—женить сына, чтобы такимъ образомъ поскорѣе сдѣлать его настоящимъ помѣщикомъ, настоящимъ семьяниномъ-хозяиномъ.

Надежда Ивановна немедленно же и съ большой горячностью высказала сыну все свое неудовольствіе на его связь съ развратной «хамкой», на его поведеніе, которое можетъ вовлечь его въ пагубу, которое во всякомъ случаѣ, даже и безъ пагубныхъ послѣдствій должно будетъ показаться всѣмъ честнымъ людямъ крайне зазорнымъ.

И странно: Іоасафъ Николаевичъ выслушалъ упреки матери тихо, вполнѣ покорно, каялся искренно въ проступкѣ, просилъ со слезами прощенія и за себя, и за Макарку, который въ глазахъ Надежды Ивановны былъ «особенно» виноватъ. Впрочемъ, совершенно успокоенная полнымъ раскаяніемъ сына, Надежда Ивановна тотчасъ же простила обоихъ виновныхъ.

Однако, скорехонько стало видно, что за улаженіемъ этого непріятнаго дѣла не водворилось въ домѣ спокойствіе, какъ надѣялась-было старушка. Послѣдствія, быстро развившіяся, показали, что тутъ все какъ-то происходило на бѣду...

Во-первыхъ, очень легко послушавшись матери въ дѣлѣ немаловажномъ, Іоасафъ Николаевичъ не сдѣлался покорнѣе въ отношеніи другихъ, и самыхъ простыхъ, ея требованій. Такъ, опять онъ отказывался на-отрѣзъ посѣтить сосѣдей. Впрочемъ, предлогомъ для этого отказа онъ выставлялъ сначала именно то, что ему теперь некогда разъѣзжать по гостямъ и принимать гостей, такъ какъ онъ хочетъ непремѣнно дополнить самостоятельнымъ трудомъ свое образованіе, слишкомъ недостаточное по причинѣ частаго его нездоровья въ кадетскомъ корпусѣ.

— Но ты еще успѣешь позаняться этимъ, замѣтила старуха.

— Успѣю сойтись и съ сосѣдями... Это немудрено: стоитъ только сдѣлаться завзятымъ охотникомъ съ борзыми да гончими,—а нето пуститься въ карты играть, всего же лучше въ выпивкѣ отличиться... довольно рѣзко возразилъ онъ.

Старушка обидѣлась.

— Развѣ я посылаю тебя къ сосѣдямъ для картежной игры, для выпивокъ этихъ? Да съ чего ты взялъ, что наши сосѣди картежники да пьяницы?... Грѣшно такъ-то зря отзываться о добрыхъ людяхъ!... То-то я вижу, очень ужь ты горденекъ пріѣхалъ изъ этого нѣмецкаго Питера.

Онъ ничего не отвѣтилъ на это, и Надежда Ивановна не стала съ нимъ больше спорить, потому что онъ все-таки обѣщалъ дѣломъ позаняться.

И пошло все по-прежнему, то-есть, какъ все сложилось въ п—скомъ домѣ вскорѣ по возвращеніи Іоасафа Николаевича. Онъ былъ такъ же несообщителенъ, угрюмъ, холоденъ со всѣми. Но одну новость можно

было замѣтить въ его домашнемъ образѣ жизни: онъ перестал мѣнять комнаты, облюбовалъ себѣ наиболѣе отдаленную отъ всѣхъ прочихъ жилыхъ и чуть-ли не самую худшую — и никуда уже не выходилъ изъ нея.

Мать не оставила его и теперь безъ наблюденія, и наблюдала лично. Сначала казалось ей, что все идетъ довольно благополучно. Іоасафъ Николаевичъ, точно, принялся за чтеніе книгъ, привезенныхъ имъ въ немаломъ количествѣ, и читалъ ихъ, повидимому, съ большимъ усердіемъ. Вскорѣ хватился онъ и за домашнія старыя книги, которыя, однако, на первыхъ же порахъ ему не понравилась. Тогда досталъ онъ себѣ отъ маливскаго священника всѣ части Четьи-Минеи. Огромныя книги эти всего болѣе заняли его: за ними онъ сидѣлъ постоянно, вслухъ все читалъ ихъ, когда былъ одинъ въ своей комнатѣ, и нерѣдко проводилъ за этимъ чтеніемъ большую часть долгой осенней ночи.

Конечно, все это замѣтила мать—и опять встревожилась. Она соображала, что угрюмая задумчивость сына сдѣлалась въ послѣднее время особенно мрачною отъ чтенія духовныхъ книгъ, отъ котораго, какъ она слыхала отъ приживальца, старичка Суховеркова, многіе разстроивались въ умѣ. А ей такъ памятна была душевная болѣзнь ея мужа, да и подозрѣвала она нѣсколько, что Есаня ея отчего-то душевно поразстроенъ. И въ самомъ дѣлѣ признаки какого-то новаго состоянія души этого несчастнаго человѣка были такъ очевидны: задумчивость его усилилась до высшей степени, такъ что по цѣлымъ днямъ онъ иногда ни съ кѣмъ не говорилъ и на самые простые вопросы не отвѣчалъ, ѣсть онъ сталъ чрезвычайно мало и неохотно, а это долгое чтеніе по ночамъ уже указывало на начавшуюся безсонницу, почти всегда несомнѣнную предвѣстницу умственнаго разстройства.

Такъ заканчивались эти попытки молодого человѣка дополнить свое образованіе самостоятельнымъ трудомъ, постояннымъ чтеніемъ, чему было порадовалась старушка-мать. Теперь она рѣшительно не знала, что̀ сдѣлать ей съ сыномъ.

А между тѣмъ настала поздняя уже октябрская осень. На ту пору рѣдко появлялись заморозки, все больше дожди сѣяли да сѣяли. Ночи стояли темныя-претемныя. Въ михѣевской усадьбѣ какъ-то еще мрачнѣе и глуше стало, можетъ быть, потому особенно, что уже никто въ нее не наѣзжалъ. Въ это-то время безпокойство Надежды Ивановны о сынѣ достигло высшей степени, вслѣдствіе новой перемѣны въ ежедневныхъ занятіяхъ Іоасафа Николаевича.

Онъ вдругъ оторвался отъ всякихъ книгъ, покинулъ свое уединеніе и опять пустился бродить по окрестностямъ Михѣева. Какъ ни уговаривала его мать, представляя, что и холодно, и сыро, и такъ неприглядно теперь въ поляхъ и лугахъ, онъ ничему не внималъ и уходилъ непремѣнно.

Опасенія старушки были очень основательны, гораздо основательнѣе, чѣмъ при первыхъ прогулкахъ Іоасафа Николаевича: теперь онъ выходилъ изъ дому явно уже безъ мысли объ охотѣ, хотя и бралъ всегда съ собою охотничье ружье, такъ какъ выходы свои пригонялъ къ вечеру, когда начинались уже сумерки, а возвращался уже ночью, иногда даже очень поздно. Скрѣпя сердце, Надежда Ивановна рѣшилась опять приставить къ сыну для наблюденія расторопнаго Макарку, наказавъ ему однако строго-на-строго, чтобы уже отнюдь не осмѣливался онъ провожать барина къ Маринкѣ.

Сначала Іоасафъ Николаевичъ былъ крайне недоволенъ, что Макарка тоже участвуетъ въ его прогулкѣ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней онъ все прогонялъ его отъ себя.

— Подосланъ ты, шпіонъ!.. кричалъ онъ: — подосланъ подсматривать, мѣшать тоже... А какъ это глупо! что захочу, никто ничѣмъ не помѣшаетъ...

Мало-по-малу онъ допустилъ-таки къ себѣ Макарку, но не попрежнему, никогда уже не говорилъ съ нимъ и даже какъ будто вовсе не замѣчалъ его.

Впрочемъ, скоро Макарка понадобился ему. Онъ сталъ захаживать уже на одно только мѣсто, на любимое свое Облонье, гдѣ, наконецъ, опять принялся за потѣху, которую такъ любилъ, бывало, въ пору своего отрочества.

На старомъ какомъ-нибудь пнѣ усаживался онъ, подзывалъ къ себѣ Макарку, а тотъ уже зналъ, что ему дѣлать. Проворный малой устраивалъ огромный костеръ и зажигалъ его. Работа нельзя сказать, чтобы была легкая: часто дождь мѣшалъ да и трудненько было развести большой огонь въ кострѣ изъ отсырѣвшихъ сучьевъ. Но баринъ не дозволялъ позвать кого нибудь на помощь, строго приказывалъ онъ, чтобы Макарка одинъ хлопоталъ, — и тотъ такъ усердствовалъ, что костеръ-таки разгорался, пылалъ ярко и долго. И такъ прихватывалось много ночной поры.

О чемъ тогда думалъ мой бѣдный дядя, всматриваясь въ омраченную глубокими тѣнями осенней ночи мѣстность, и при дневномъ свѣтѣ дикую, неприглядную?.. Видно было только одно, что душу его сильно охватило какое-то разстройство. Онъ такъ неспокоенъ былъ: часто и порывисто схватывался со своего пня, начиналъ говорить, разсуждать о чемъ-то съ самимъ собою, и вообще волненіе его было такъ чрезвычайно, что даже пугало Макарку.

И вотъ что странно—теперешнее зажиганье костровъ на Облоньѣ уже не удовлетворяло Іоасафа Николаевича. Онъ уже не видѣлъ въ немъ того, что такъ оживляло, бодрило его, какъ по крайней мѣрѣ думала мать. Всякій разъ, уходя домой, онъ говорилъ самому себѣ, видимо чѣмъ-то недовольный:

— Нѣтъ! Это не то... И вовсе не того бы надо...

Слова постоянно были одни и тѣ же; конечно, и тайный смыслъ ихъ былъ одинаковъ. Но этотъ смыслъ такъ и остался неразгаданнымъ.

Что вышло бы изъ этого нравственнаго состоянія, если бы оно еще продолжалось при всей тогдашней обстановкѣ дяди,—конечно, нельзя навѣрное сказать, но можно съ основаніемъ предполагать, что окончилось бы оно въ самомъ скоромъ времени окончательнымъ умопомѣшательствомъ. И, повторяю, если-бъ такъ случилось, было бы гораздо лучше, по крайней мѣрѣ болѣзнь была бы во-время замѣчена, а тамъ она не представила бы уже особенно опасныхъ явленій.

Какъ-разъ при наставшемъ послѣ долгой осени первозимьѣ, пріѣздъ въ Михѣево гостя издалека вдругъ оживилъ Іоасафа Николаевича, вызвалъ въ немъ энергію и, такимъ образомъ, какъ будто вывелъ его изъ душевнаго состоянія, близкаго къ сумасшествію.

V.

Въ одинъ изъ красныхъ дней первозимья, лихая коломенская тройка съ колокольцами и бубенчиками, съ громкимъ посвистомъ молодаго ямщика, подкатила къ крыльцу п—скаго дома. Изъ саней проворно выскочилъ молодой человѣкъ въ лисьей крытой синимъ сукномъ шубѣ, подпоясанной краснымъ шелковымъ кушакомъ. То былъ нежданный-негаданный гость, Михайло Николаичъ Г—въ.

Его сразу всѣ узнали, и хозяева дома, и прислуга.

Онъ очень выросъ, возмужалъ лицомъ и всѣмъ станомъ; это былъ уже мужчина годовъ подъ триддать, въ полномъ развитіи силъ, молодцеватый и красивый, хоть и не хороша была его рыжая, клочковатая бородка, къ тому же костюмъ столичнаго щеголя-купца уже ничуть не напоминалъ въ немъ того невзрачнаго деревенскаго жителя, который въ мѣшковатомъ кафтанчикѣ восемь лѣтъ тому назадъ уѣхалъ съ Апухтинымъ въ Питеръ. Словомъ, Михайло Николаичъ Г—въ противу прежняго совершенно измѣнился; однако всѣ его узнали. Да и какъ было не узнать? Большіе синіе глаза съ зоркимъ, упорно-пристальнымъ, смѣлымъ до дерзости взглядомъ были тѣ же, что и прежде, равно какъ и голосъ нѣсколько глухой, и рѣчь рѣзко-твердая, медленная, отрывистая.

И никто ему не обрадовался, кромѣ Іоасафа Николаевича, который, какъ только увидѣлъ его, съ чрезвычайнымъ восторгомъ и волненіемъ кинулся къ нему на шею; да пожалуй, можно сказать, что обрадовалась и Надежда Ивановна. Старушка приняла своего питомца привѣтливо, хотя и безъ особенной изліятельности,—можетъ быть, потому, что втеченіе слишкомъ восьми лѣтъ ни одного письма она не получила отъ него.

Онъ привезъ всѣмъ хорошіе, цѣнные подарки. Уже это могло указывать, что онъ хотѣлъ добромъ вспомнить свое сиротское житье въ Михѣевѣ, что онъ хотѣлъ задобрить въ отношеніи себя всѣхъ, съ кѣмъ прежде жилъ такъ неладно. А притомъ со всѣми онъ былъ на рѣчахъ очень вѣжливъ и ласковъ. Однако, ни столичные гостинцы, ни ласковыя рѣчи не произвели на людей, невзлюбившихъ его еще мальчикомъ, ни малѣйшаго въ его пользу впечатлѣнія. Всѣ поблагодарили за подарки, но словно остались недовольны и ими, какъ были недовольны слишкомъ явно въ самый разъ его неожиданнаго пріѣзда. Въ михѣевской дворнѣ, у которой, какъ видно, были свои общія традиціонныя понятія о характерахъ чужихъ людей, порѣшили скорёхонько, что «Миша-Бѣлый (это прозвище завсегда оставалось за нимъ въ Михѣевѣ) навѣрнякъ все таковъ же, какимъ и прежде былъ, даромъ что сдѣлался какъ есть питерскимъ купцомъ; что Миши-Бѣлаго, какъ онъ тамъ ни подлаживайся ко всѣмъ, всякой, кто его зазналъ еще парнишкою, остерегаться долженъ, по той самой причинѣ, что онъ чисто-на-чисто волчьей природы: не присталъ къ дому съ первоначалу, ну и никогда-таки добромъ не пристанетъ».

И это довольно странное предубѣжденіе противъ Миши-Бѣлаго росло и развивалось съ каждымъ днемъ. Скоро начались въ дворнѣ оживленные толки насчетъ того: «зачѣмъ, дескать, онъ сюда отъявился? Долго ли прогоститъ у насъ? И чѣмъ такимъ станетъ крутить-мутить въ домѣ?» Толки эти, занимавшіе рѣшительно всѣхъ михѣевскихъ домочадцевъ, не могли не дойти до Надежды Ивановны, владычествовавшей въ своемъ господскомъ дому патріархально и всегда знавшей все, что въ немъ происходитъ. И на нее произвели они немалое впечатлѣніе. Тотчасъ же ей самой пришло на мысль: «а зачѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхалъ Миша?» Какое-то смутное подозрѣніе вдругъ встревожило ее. Она рѣшилась спросить «питомца» о «настоящей» цѣли его пріѣзда и о томъ также, долго ли онъ думаетъ прогостить въ Михѣевѣ.

Онъ видимо обидѣлся.

— Матушка-сударыня, сказалъ онъ хоть и тихимъ, ровнымъ голосомъ, но очень понахмурившись:—а кажись бы никого я не обезпокоилъ тѣмъ, что въ Михѣево это заѣхалъ.

— Да я вовсе не о безпокойствѣ, продолжала старушка: — видишь, по правдѣ сказать, мнѣ какъ-то странно; вѣдь съ самаго отъѣзда въ Питеръ хоть бы единымъ словечкомъ вѣсточку о себѣ подалъ,—ну и думалось: стало быть, совсѣмъ отрѣзанный ломоть... Анъ, вотъ поди, вдругъ словно съ неба свалился! Ты повѣрь, я нисколько не тягощусь, я даже рада, что вижу тебя такимъ молодцомъ и въ достаткѣ, а все же хотѣлось бы знать: что̀ такое вдругъ напомнило тебѣ объ насъ?

— Извѣстно-съ, ужъ это такъ заказано издавна... отвѣчалъ онъ,

и раздраженіе его явно стало прорываться наружу:—извѣстно, долженъ же я помнить, что здѣсь меня, сироту, кормили, одѣвали-обували, на ноги тоже для дѣла поставили... А захотѣлося побывать и на родимой сторонѣ, хоша тамъ нѣту ни кола, ни двора, ну, вотъ и сюда заѣхалъ. Вы и сами, какъ встрѣтили-то, кажись ничего супротивъ не имѣли, баринъ же, Есафъ Николаичъ, такъ и оченно милостиво приняли меня. А коли изволите, сію же минуту уѣду...

Но Надежда Ивановна какъ будто и не слыхала послѣднихъ словъ насчетъ отъѣзда; ее особенно заинтересовало упоминаніе о пріемѣ Миши Г—ва Іоасафомъ Николаевичемъ. Она вдругъ сообразила, что сынъ ея, столь холодный въ обращеніи со всѣми родными, что-то ужъ черезчуръ обрадовался Мишѣ, на котораго онъ «долженъ бы» смотрѣть какъ на чужаго,—и это внезапное соображеніе пошло почему-то и дальше.

— Скажи-ко ты мнѣ, по всей откровенности, спросила она, смотря на него опять-таки подозрительно:—ну, съ чего такого могъ Есаня... Нѣтъ! впрочемъ, я не про то хотѣла... Охъ, да ужъ спрошу напрямки: стало быть, тамъ, въ Питерѣ, видалися вы частенько, и надо быть очень сошлись... Ну, какъ же это? Вотъ объ этомъ-то я и хотѣла бы знать досконально.

Этотъ вопросъ окончательно раздражилъ Г—ва.

— Оно и точно-съ, по одной-то статьѣ стою я, пожалуй, хуже нищаго, почитай-что хуже собаки, такъ и не пристало бы михѣевскому барину водиться съ такимъ-то... А какъ быть, грѣху этому тяжкому простить придется, матушка-сударыня, а хоша бы вы и прогнѣваться изволили, такъ дѣло-то ужъ сдѣлано... А больше просіе самое ничего не скажу, отвѣчалъ онъ съ недобрымъ, ядовито-насмѣшливымъ выраженіемъ и въ голосѣ, и въ самыхъ словахъ.

— И понять не могу: что тутъ такое?.. Да Богъ же съ тобой, если ты... старушка, однако, не договорила, разомъ перервавъ разговоръ. Вѣроятно, она уже спокаялась, что какъ-то невзначай его затѣяла.

Разговоръ имѣлъ послѣдствія.

Тотчасъ же замѣтили домашніе, что послѣ того Миша-Бѣлый прошелъ въ комнату Іоасафа Николаевича, долго съ нимъ бесѣдовалъ и, должно быть, бесѣда была секретная, потому что все время продолжалась она при наглухо затворенныхъ дверяхъ и все шепотомъ. Затѣмъ вдругъ Іоасафъ Николаевичъ непривычно-громкимъ голосомъ отдалъ приказаніе, чтобы лошадей ему скорѣе закладывали.

Надежда Ивановна сильно всполошилась, когда услыхала объ этомъ неожиданномъ приказаніи.

— Да куда же ты, Есаня?.. И какъ же это вдругъ, не сказавшись напередъ? заговорила она съ тревогою, спѣшно войдя въ комнату сына.

— Миша уѣзжаетъ, а я ѣду провожать, отвѣчалъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Это еще что такое! Выдумки какія-то! Прогоняютъ его что ли отсюдова?

— Матушка-сударыня, промолвилъ Г—въ:—ужъ какъ же быть, надобно мнѣ уѣхать безпремѣнно. Здѣсь-то что же мнѣ проживать? Я вѣдь докладывалъ, что заѣзжалъ въ ваше Михѣево только для того, чтобы поблагодарить за всѣ прежнія милости... Въ Питерѣ же у меня промыселъ, которымъ хлѣбъ добываю.

— Ну, голубчикъ, сухо возразила старушка:—ты-то уѣзжай, твоя воля, насильно милъ тебѣ не будешь, и то сказать... А тебѣ, Есаня, не слѣдъ...—Да нѣтъ же! добавила она, уже съ ласкою обращаясь къ своему питомцу:—какъ это и тебѣ, Миша, вздумалось покидать насъ ровно по всполоху? Самъ разсуди: ну, какъ передъ обѣдомъ отъѣзжать, да и въ дальнюю еще дорогу? Отъ хлѣба-соли нельзя отказываться. И вспомнить же долженъ, что приглашаютъ тебя къ хлѣбу-соли не въ чужомъ же дому... Вотъ пообѣдаешь съ нами, и поѣзжай съ Богомъ. А Есаню, голубчикъ, пожалуйста, не неволь къ дальнимъ проводамъ...

— За̀-хлѣбъ, за̀-соль ваши, отвѣчалъ онъ тихо, но съ особенной, рѣзкой твердостью: — за̀-хлѣбъ, за̀-соль поблагодарилъ я, какъ умѣлъ, а уѣхать—уѣду сейчасъ же. Такъ оно порѣшено и никто не удержитъ. Коли вы не прикажете лошадей мнѣ дать, я и пѣшкомъ уйду... Такъ-то-съ. А насчетъ проводовъ, я Есафа Николаича съ собою не подзывалъ,—и какъ ему будетъ угодно-съ...

— Что же ты... мучить что-ли меня хочешь?.. Я поѣду, провожу, хочу, хочу проводить!.. Я жъ велѣлъ запрягать... И развѣ не могу... не имѣю воли и въ этомъ!.. вскричалъ Іоасафъ Николаевичъ въ чрезвычайномъ волненіи, которое испугало Надежду Ивановну.

— Ахъ, поѣзжайте... больше ни слова не вымолвлю... прошептала она и вышла изъ комнаты.

Сначала старушкѣ было только обидно и какъ хозяйкѣ дома, и какъ матери; но вдругъ и страшно показалось ей, что Есаня поѣдетъ куда-то вотъ съ этимъ «сорви-головою», о которомъ она не могла теперь и подумать безъ негодованія. Не рѣшилась она, однако, опять пойти для переговоровъ съ сыномъ и отправила къ нему свою любимицу Елизарьевну, вдову камердинера своего мужа, чтобы она, женщина ловкая и степенная, упросила барина вернуться домой поскорѣе, какъ только проводитъ онъ Мишу Г—ва до Коломны, куда, по предположенію Надежды Ивановны, отъѣзжалъ теперь ея «неблагодарный» питомецъ.

Но посланничество ловкой Елизарьевны ровно ни къ чему не повело. Іоасафъ Николаевичъ явно разсердился, какъ только заговорила она о порученіи своемъ къ нему отъ барыни, не захотѣлъ

и дослушать ея мягкихъ, жалобныхъ рѣчей и даже ногами на нее затопалъ, а Миша-Бѣлый «по своему обычаю» сталъ «сбивать ее съ толку».

— «А ты, Елизаръ Елизарычъ,—такъ вотъ обозвалъ меня, матушка-барыня, разсказывала степенная любимица Надежды Ивановны:—а ты доложи, что, молъ, вернется баринъ, когда ему надобно это будетъ, самъ вѣдь разсудить можетъ о томъ, не птенецъ же онъ махонькой да безкрылой... Ну, и то, пожалуй, доложи, что въ самой Коломнѣ да и вокругъ Коломны премного есть монастырей мужскихъ и женскихъ, такъ, молъ, захотятъ тоже пообъѣхать монастыри, богомолье, вишь, у нихъ на умѣ»... — А при такихъ-то рѣчахъ вдругъ какъ захохочетъ!.. Это все онъ, матушка, это все онъ, выродокъ эдакой эхидный, прости Господи!

Послѣ того, Надежда Ивановна и не пыталась больше переговариваться. Лишь одно пришло-было ей на мысль изъ особенной предосторожности: она хотѣла приказать, чтобы Макарка отнюдь не смѣлъ отправляться съ бариномъ; но баринъ ему именно и велѣлъ ѣхать за кучера. Старушка не воспротивилась этому, а затѣмъ даже и не взглянула въ окно, когда молодые люди выѣзжали со двора.

Это было еще первое распоряженіе Іоасафа Николаевича, явно сдѣланное въ противность волѣ матери, распоряженіе тѣмъ болѣе непріятное для нея, что прежде онъ, хоть и настойчивый чрезвычайно насчетъ своихъ домашнихъ занятій, никогда и ничего не дѣлалъ по дому самовластно, предоставляя все рѣшительно матери, столь уже давнишней домовладыкѣ.

Впрочемъ, бѣда была не въ этомъ непокорствѣ Іоасафа Николаевича, какъ бы рѣзко ни началось оно, и даже не въ дальнѣйшихъ еще болѣе непокорныхъ его поступкахъ; а именно въ томъ оказалась бѣда, что по причинѣ всѣхъ этихъ поступковъ бѣдная мать какъ-то совсѣмъ отвлеклась отъ первоначальныхъ своихъ предположеній о душевномъ разстройствѣ сына.

VI.

Надежда Ивановна предчувствовала, что поѣздка для проводовъ Миши Г—ва поведетъ къ чему-то недоброму; такъ оно и случилось. Недаромъ Іоасафъ Николаевичъ вернулся домой только на четвертый день.

Нехорошо провелъ онъ время въ Коломнѣ. Надежда Ивановна удостовѣрилась въ этомъ вполнѣ.

На другой же день послѣ отъѣзда сына, видя, что онъ не возвращается и безпокоясь изъ-за того, она отправила прикащика михѣевскаго Петра Леонтьева (роднаго брата кучера того же имени)

съ приказаніемъ розыскать и упросить барина, чтобы «сдѣлалъ божескую милость», ѣхалъ бы домой немедленно, такъ какъ, дескать, старая барыня нездорова (она и въ самомъ дѣлѣ прихворнула отъ волненія и огорченія по поводу послѣдней исторіи). Черезъ него-то и узнала все Надежда Ивановна.

Петръ Леонтьевъ исполнилъ, однако, свое щекотливое порученіе не во всей точности. Онъ розыскалъ барина очень скоро, а переговорить съ нимъ отнюдь не рѣшился и даже на глаза ему не показался. Поступилъ же онъ такъ по самой необходимости.

Іоасафъ Николаевичъ все время былъ не одинъ; Михайло Г—въ держался при немъ безотлучно. Подступиться къ Іоасафу Николаевичу оттого еще было труднѣе, что молодые люди остановились не въ гостинницѣ (тогда въ уѣздныхъ городахъ ихъ и не существовало), даже не на постояломъ дворѣ, а у какого-то разудалаго ямщика-троечника, почему-то хорошо знакомаго Г—ву. И тутъ «всего было»,—шло такое веселье, что михѣевскій прикащикъ, все-таки вертѣвшійся около дома ямщика и потому знавшій, что̀ тамъ происходитъ, даже диву дался.

И какъ было не подивиться? Этотъ молодой баринъ, дичившійся всѣхъ въ Михѣевѣ и, помимо недолгой своей блажи съ Маринкою, ведшій дома жизнь самую тихую, скромную, почти-что монашескую, вдругъ выказываетъ шумную, на все безудержную удаль, какой уже никакъ невозможно было бы ожидать отъ него. И гдѣ выкаваетъ удаль эту? «Въ чужомъ-то городѣ, на чужихъ-то людяхъ», которые, глядя на него, съ издѣвкою проговаривали Леонтьичу: «а вишь ты, молодой баринъ вашъ весело начинаетъ погуливать, ну, и вамъ надо ждать, куда весело будетъ».

Старому служителю дворянскаго дома, въ которомъ, по причинѣ особенно тяжкихъ и печальныхъ обстоятельствъ, уже издавна все шло тихо, скромно и очень чинно, въ высшей степени было непріятно слышать такой отзывъ чужихъ людей о новомъ своемъ баринѣ, и хотя онъ видѣлъ, что молодаго человѣка втянулъ и втягиваетъ въ кутежъ Миша-Бѣлый, тѣмъ не менѣе и то ему показалось, что это—не впервòй уже такъ, что «Есафу-то Николаевичу за привычку такія нехорошія дѣла, что надо быть еще въ Питерѣ подкатился къ нему съ этимъ Мишка-Бѣлый, недаромъ же такъ и обрадовались они другъ другу, свидѣвшись въ Михѣевѣ».

По возвращеніи домой, Петръ Леонтьевъ ничего-таки не таилъ отъ барыни: ни про все коломенское разгулье, ни про то, что слышалъ отъ чужихъ людей о баринѣ, ни про свои вышеуказанныя предположенія и выводы, которые, пожалуй, были и не безосновательны. А старушкѣ барынѣ и въ голову не пришло попрекнуть прикащика за неточное выполненіе всего ея наказа. Новая неожиданность со стороны сына поразила ее. Она даже слегла въ постель, разнемогшись уже очень серьезно.

Но возвратился Іоасафъ Николаевичъ въ должномъ порядкѣ, прямо сказать нисколько не пьяный. Только на лицѣ его, всегда блѣдномъ, очень худощавомъ, съ правильными, нѣсколько женственными чертами, замѣтны были слѣды крайняго физическаго утомленія, а притомъ и темносѣрые глаза его, прежде всегда прямо и пристально устремляемые на того, съ кѣмъ онъ начиналъ говорить,— характерный признакъ членовъ его рода,—были теперь полузакрыты и какъ бы робко потуплены въ землю.

Войдя въ переднюю, онъ видимо собирался съ духомъ, чтобы спросить встрѣтившаго его лакея, гдѣ находится мать, въ диванной или въ спальнѣ? и только послѣ довольно продолжительнаго раздумья рѣшился войти въ ея комнату.

Она тяжело привстала съ постели и, не говоря ему ни слова, заплакала.

— Простите... вы, конечно, ужъ знаете... прошепталъ онъ, но вдругъ громко и твердо добавилъ:—Не могъ же я, матушка, забыть, что онъ братъ мнѣ по отцу. Да я и люблю его.

— Есаня! возразила старушка: — можно бы помнить, что онъ братъ тебѣ, можно бы признавать это хоть передъ цѣлымъ свѣтомъ и безъ того, что у васъ тамъ было.

— Что жъ... онъ желалъ весело проститься... онъ такъ просилъ... промолвилъ Іоасафъ Николаевичъ уже опять робкимъ голосомъ.

И ничего больше не было сказано.

Надежда Ивановна, женщина очень умная, давно привыкла управлять душевными своими движеніями, когда вдругъ случалось ей находиться въ трудныхъ обстоятельствахъ, и на ту пору она была еще въ силахъ преодолѣвать гнѣвное свое раздраженіе противъ сына, хотя въ глазахъ ея онъ былъ виноватъ чрезвычайно. Но она легко тогда сообразила, что попреки ея сыну ни къ чему не поведутъ, развѣ только породятъ въ немъ тайное неудовольствіе, которое при случаѣ скажется въ порывѣ непокорства ея волѣ, подобно тому, что проявился при проводахъ Михайлы Г—ва.—«Благо самъ повинился, порѣшила она:—такъ лучше оставить его безъ выговоровъ, да и смотрѣть, что дальше будетъ».

А кстати и Макарка, строго допрошенный, много успокоилъ ее; онъ клялся, божился, что хотя баринъ и покутилъ съ Мишей-Бѣлымъ, который уже уѣхалъ въ Питеръ, но больше ничего худого не было, и баринъ къ Маринкѣ не заѣзжалъ, и даже объ ней не вспомнилъ (объ этомъ-то особенно крѣпко старушка допрашивала).

Затѣмъ, въ михѣевской господской усадьбѣ все пошло тихо, гладко и несравненно лучше прежняго. Іоасафъ Николаевичъ вдругъ измѣнился окончательно. Онъ сталъ обходительнѣе со всѣми и какъ будто веселѣе, уже не сидѣлъ все время въ своей комнатѣ, охотно разговаривалъ съ матерью, разсказывалъ ей и про кадетское житье-бытье и про домъ Апухтиныхъ, и уклонялся отвѣчать только на

вопросы объ отношеніяхъ своихъ къ Г—ву: какъ и гдѣ сблизился, и почему такъ сильно полюбилъ этого человѣка, столь несходнаго съ нимъ по характеру.

Такая перемѣна въ сынѣ (впрочемъ, очень странная и по внезапности ея, и потому, что она произошла какъ разъ послѣ событій, выказавшихъ въ молодомъ человѣкѣ черты нехорошія) несказанно обрадовала Надежду Ивановну и она въ первый же хорошій зимній день весело предложила Іоасафу Николаевичу съѣздить вмѣстѣ съ нею къ уѣздному предводителю дворянства Андрею Ивановичу Повалишину. Молодой человѣкъ отговаривался сначала, просилъ отложить на нѣкоторое время поѣздку, но это противорѣчіе его было не продолжительно, и онъ согласился ѣхать тогда же.

Въ эту первую поѣздку сдѣлали даже два визита: отъ Повалишина заѣжали къ ближайшимъ сосѣдямъ, Змѣевымъ, а вскорѣ потомъ объѣхали всѣхъ прочихъ сосѣдей. И все обошлось такъ хорошо. Новый михѣевскій помѣщикъ, о которомъ уже начинали было сосѣди думать неблагопріятно, все-таки понравился имъ, несмотря на его неразговорчивость, даже какую-то дикость (что впослѣдствіи было истолковано въ смыслѣ неукротимой его гордости); онъ былъ недуренъ собою, да замѣтили всѣ, по тихой вѣжливости его рѣчей и пріемовъ, что онъ привыченъ къ хорошему обществу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и все было безмятежно, вполнѣ благополучно. Повеселѣла старая михѣевская усадьба. Опять стали посѣщать ее сосѣди, и уже ни разу не прятался отъ нихъ Іоасафъ Николаевичъ. Правда, нападала иногда на него тоскливость, мрачная какъ и прежде, но Надежда Ивановна уже не тревожилась, такъ какъ подобное настроеніе скоро проходило. Старушка опять стала разсчитывать, что планъ ея о женитьбѣ сына, объ окончательномъ устройствѣ его судьбы, удастся теперь непремѣнно. Она уже не сомнѣвалась, что въ этомъ важномъ дѣлѣ, о которомъ она думала и денно и нощно, сынъ безпрекословно послушается. Стало быть, надобно было только подъискать ему добрую жену, что оказывалось, однако, не легкимъ дѣломъ, такъ какъ въ сосѣднихъ помѣщичьихъ домахъ не было подходящихъ невѣстъ.

Весна настала, первая по возвращеніи Іосафа Николаевича домой. Разливъ Оки, нашей рѣчки и окрестныхъ озеръ уединилъ тогда михѣевскую господскую усадьбу довольно надолго отъ всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ; но отъ того не скучнѣе въ ней стало. Пора половодья всегда особенно оживляла наше Михѣево. Плаванья на «острова», ловъ остатковъ отъ разбитыхъ ледоходомъ зазимовавшихъ на Окѣ барокъ (этимъ «береговымъ» правомъ Михѣевцы очень пользовались), гулянья во всю Святую недѣлю на лодкахъ и челнахъ по широкому разливу, — все это возбуждало въ михѣевцахъ расторопную, бодрую, смѣлую и веселую дѣятельность, и тогдашнее ихъ веселье сочувственно отзывалось въ господской усадьбѣ; тамъ съ

ранняго утра до поздней ночи разсказывалось о разныхъ происшествіяхъ съ жителями нашей деревни, о похожденіяхъ ихъ при вышеуказанныхъ занятіяхъ, объ удачахъ и неудачахъ, даже о случаяхъ при праздничной гульбѣ, и шли обо всемъ этомъ нескончаемые разговоры и толки. Такъ бывало прежде, такъ было и при новомъ михѣевскомъ баринѣ.

Онъ веселился на ту пору, какъ никогда, конечно, не было въ его жизни. Онъ плавалъ и на «острова», катался ежедневно въ лодкѣ по разливу вокругъ Михѣева, — дальше, на самое «стремя» Оки, Надежда Ивановна упросила-таки его отнюдь не пускаться,—и уже нисколько не дичился михѣевскихъ своихъ крестьянъ, такъ что охотно входилъ въ ихъ интересы и даже принимался иногда за разборъ ихъ споровъ и мелкихъ ссоръ. Радовала его вполнѣ эта простая и мирная крестьянская жизнь со всѣми ея подробностями, которую онъ еще недавно какъ будто и не замѣчалъ вовсе, радовала до того, что о своемъ родномъ гнѣздѣ, о Михѣевѣ, онъ отзывался уже съ чрезвычайнымъ восторгомъ. Радовалась и Надежда Ивановна, глядя на все это; но, бѣдная, она не замѣтила что этотъ восторгъ черезчуръ уже силенъ, что, можетъ быть, онъ и не по силамъ для этой больной и уже много разстроенной души.

Слила полая вода съ михѣевскихъ луговъ, и настало время для хозяйственныхъ распоряженій по «заказу» этихъ луговъ, по разцѣнкѣ ихъ и по распредѣленію—чтò оставить для потребностей господской усадьбы, чтò пустить подъ отдачу съёмщикамъ; всѣмъ этимъ по желанію матери съ большой охотою занялся молодой михѣевскій баринъ.

Тогда Надежда Ивановна уже совсѣмъ увѣрилась, что сынъ ея сталъ какъ иной человѣкъ, что прежняя блажная хандра никогда не проявится въ немъ, почему и рѣшилась переговорить съ нимъ «окончательно» о своемъ задушевномъ планѣ насчетъ его женитьбы. Но она опять очень ошиблась. Іоасафъ Николаевичъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ; притомъ онъ выказалъ такое огорченіе, что можно было и очень тому подивиться.

Какъ ни тяжело было матери отказаться отъ столь желаннаго плана опять на неопредѣленное время, она только разъ поговорила о томъ и то не настойчиво.

Но и отъ такого малозначущаго разговора, который къ тому же не возобновлялся, осталось въ Іоасафѣ Николаевичѣ впечатлѣніе тягостное и очень продолжительное. Тотчасъ послѣ того онъ сталъ удаляться отъ матери и отъ всѣхъ и, вообще, тоскливое настроеніе духа вдругъ воротилось къ нему. И уже не одна мрачная печаль замѣчалась въ этомъ настроеніи, но и какое-то постоянное раздраженіе. Онъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми, при малѣйшемъ противорѣчіи его волѣ вспыхивалъ въ немъ сильнѣйшій гнѣвъ—и раза два-три въ отношеніяхъ его къ домашней жизни проглянуло что-то крутое и суровое.

VII.

Прошелъ покосъ, пора веселая и оживленная, но Іоасафа Николаевича не развлекло общее веселье. Онъ былъ мраченъ, раздражителенъ и по-прежнему не склоненъ къ дѣльнымъ занятіямъ. И вдругъ вывелъ его изъ этой апатіи наѣздъ пьянаго дѣдновскаго бурмистра на михѣевскіе луга для отгона скота нашей деревни. Молодой человѣкъ воспламенился-было чрезвычайно и хотѣлъ бѣжать на луга со своимъ двуствольнымъ ружьемъ, да къ счастью Надежда Ивановна уговорила его предоставить самимъ михѣевцамъ защитить свой скотъ отъ нападающихъ.

Затѣмъ, по желанію матери, онъ отправился къ генералу Измайлову съ жалобою на бурмистра и на дѣдновцевъ, и тогда-то случилось то роковое происшествіе, котораго Надежда Ивановна уже никакъ не ожидала, считая поводъ къ нему навсегда устраненнымъ.

На возвратномъ пути изъ горецкой усадьбы генерала Измайлова Іоасафъ Николаевичъ вдругъ приказалъ свернуть съ дороги на Дѣдново и Михѣево на ту, которая вела въ г. Коломну.

— А куда-жъ это теперича поѣдемъ? возразилъ кучеръ Петръ Леонтьевъ, остановивъ лошадей на перекрёсткѣ дорогъ.

— Въ Коломну мнѣ надо. Ну, пошелъ же! крикнулъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Хоша воля ваша барская, опять-таки возразилъ кучеръ, съиздавна привыкшій откровенно объясняться со своими господами:—ну, да какъ же ѣхать въ Коломну, когда барыня ждетъ-недождется?.. И лошади тоже устали. Нѣтъ, ужъ воля ваша!

И онъ поворотилъ на дорогу въ Дѣдново.

Стремительно схватилъ баринъ за шиворотъ ослушника кучера, перегнулъ его съ козелъ во внутрь коляски, избилъ нещадно и съ неестественною силою выкинулъ бѣдняка черезъ дверцу на-земь. А тѣмъ-временемъ Макарка уже успѣлъ подобрать возжи, выпавшія изъ рукъ оторопѣвшаго Леонтьича, и усѣлся на его мѣстѣ во всей исправности.

— Макарка!.. знаешь дорогу въ Коломну?... чуть внятнымъ отъ волненія голосомъ проговорилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Знаю! во весь голосъ гаркнулъ Макарка и шибко погналъ четверню старыхъ но хорошихъ лошадей михѣевской господской усадьбы по направленію къ городу.

Петръ Леонтьевъ такъ былъ избитъ, что насилу дотащился до Михѣева. Было время позднее, послѣ ужиновъ, когда онъ явился къ Надеждѣ Ивановнѣ и доложилъ обо всемъ, много плачась и жалуясь на столь большую обиду, нанесенную ему, старому и вѣрному служителю. Но, выслушавъ докладъ, барыня на Леонтьева же напустилась съ горькими попреками за то именно, «какъ могъ онъ

довести дѣло своими глупыми противорѣчіями до того, что, вотъ, баринъ взялъ да и уѣхалъ съ этимъ негодяемъ Макаркою, отчего теперь и невѣдомо будетъ, съ кѣмъ и какъ компанію поведетъ Іоасафъ Николаевичъ въ Коломнѣ, когда и куда оттуда отправится?..» И долго попрекала она Леонтьича, говоря ему, что по глупости своей не понимаетъ онъ, какой бѣды надѣлалъ, а бѣда выйдетъ великая, неминучая.

Упрямый кучеръ отнюдь не понималъ, за что̀ это его же, разобиженнаго, такъ бранятъ-тачаютъ, и много жаловался уже на самоё барыню. Но не до него теперь было всѣмъ въ михѣевской дворнѣ.

И точно: всѣ тамъ переполошились, и гораздо-гораздо болѣе, чѣмъ было послѣ неожиданной поѣздки барина съ Мишею-Бѣлымъ. Побои Петру Леонтьеву страшно перепугали прислугу. Особенно дворовыя замужнія женщины ужасались и волновались.

— Ахъ, матушка-барыня, говорили онѣ Надеждѣ Ивановнѣ, и поодиночкѣ, а иной разъ собираясь и на общую жалобу, — ахъ, и какъ же будетъ теперeча? Баринъ-то драться началъ!.. Извѣстно, воля ваша барская, а допрежь-сего николи такъ-то не бывало... Вѣдь, пожалуй, со свѣту сживетъ!..

Но и приживальцы (которыхъ на ту пору оставалось уже не много): дальній родственникъ, старичекъ Суховерковъ, молоденькая Бѣгичева и какая-то Анна Петровна, тоже сильно заволновались. Всѣ они, особенно же кривая и пресердитая Анна Петровна, стали приставать къ Надеждѣ Ивановнѣ, — какъ, дескать, изволитъ она посовѣтовать и приказать, «что̀ имъ-то, горемыкамъ, дѣлать теперeча? При такой горячности Есафа Николаевича какъ-бы и имъ худа не вышло? И не лучше ли, дескать, будетъ, если хоть бы на время поразъѣхались они изъ Михѣева, ихъ же добрые люди гдѣ нибудь все-таки примутъ».

Въ этомъ безпокойствѣ михѣевскихъ домочадцевъ проявлялось нѣчто въ родѣ общественнаго мнѣнія, или, лучше сказать, общественнаго чувства. Надежда Ивановна отнеслась къ нему безъ малѣйшаго раздраженія, хотя дѣло шло о близкомъ ей человѣкѣ.

Осторожно уговаривала она всѣхъ, чтобы не тревожить черезчуръ, «вотъ, молъ, пріѣдетъ Есафъ Николаичъ, такъ она тотчасъ же и порядкомъ ему выговоритъ за то, что руку поднялъ на вѣрнаго служителя и притомъ рѣшительно воспретитъ обижать эдакъ-то людей; да наконецъ, баринъ добрый, кроткій человѣкъ, а что вспылилъ онъ невзначай грѣхомъ какъ-то это содѣялось, и ужъ, конечно, нельзя еще того ждать...»

Она успокоивала другихъ, а сама страшно безпокоилась и печалилась. Ясно было, что опять все пошло на разладъ въ семьѣ, и какъ-то странно, безъ всякой особенной причины. Ну, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, послѣ свиданія съ генераломъ Измайловымъ, окончившагося такъ благополучно (про что̀ разсказалъ ей кучеръ), сынъ,

вмѣсто того, чтобы обрадовать ее этимъ извѣстіемъ, вдругъ уѣзжаетъ нивѣсть зачѣмъ въ Коломну... Стало быть, таилъ же онъ на умѣ что нибудь нехорошее...

Она догадывалась о причинѣ этой внезапной поѣздки; тутъ дѣло шло уже не о кутежѣ съ Михайлою Г—вымъ, «а должно быть, надумался,—и видно было, что думаетъ-думаетъ о чемъ-то,— опять навѣстить ту проклятую хамку, которая, можетъ-статься, и колдовствомъ приманиваетъ его къ себѣ». Эта мысль о «хамкѣ» представлялась старушкѣ неотразимо, и казалась ей въ высшей степени ужасною.

И что̀ было тутъ подѣлать? Ни о посылкѣ за непослушнымъ сыномъ, ни о своей поѣздкѣ за нимъ нельзя было и думать. Оставалось, скрѣпя сердце, ждать и ждать, что̀ будетъ дальше, — да «Господу Богу надо теперь молиться по-всякъ-часъ, чтобы миновалось безвредно лихое напущеніе это отъ проклятаго колдовства»...

VIII.

А между тѣмъ, Іоасафъ Николаевичъ стремглавъ бросался къ тому, о чемъ онъ думалъ давно и трудно, все съ болѣе и болѣе разгоравшеюся страстностью.

Хотѣлось бы выяснить, какъ это сдѣлалось.

Когда мать строго упрекнула его за Маринку, онъ тотчасъ же покаялся и совсѣмъ разорвалъ связь, еще далеко неокрѣпшую. Можно было подумать при этомъ, что дѣло, начавшееся случайно и прекращенное такъ, разомъ,—простая, ничтожная шалость молодаго человѣка. Но уже потому, въ какомъ настроеніи духа очутился онъ послѣ того, слѣдовало бы замѣтить, что нелегко онъ переносилъ этотъ разрывъ. Впрочемъ, возвращаясь изъ Коломны послѣ кутежа съ побочнымъ своимъ братомъ, онъ не заѣхалъ къ удалой солдаткѣ, хоть это было и по дорогѣ; а во-вторыхъ, все его затѣмъ поведеніе, когда онъ былъ такъ спокоенъ, сообщителенъ со всѣми и даже веселъ, казалось, уже несомнѣнно доказывало, что страсть его къ этой женщинѣ совершенно исчезла. Соображая все это, невольно признаешь очень страннымъ психическимъ явленіемъ, что страсть, совсѣмъ исчезнувшая, безъ малѣйшаго внѣшняго повода пробудилась съ непреодолимой силою.

Я полагаю, что неосторожно, не-въ-пору сообщенное со стороны матери намѣреніе приступить къ исполненію плана насчетъ женитьбы все-таки не могло быть тутъ побудительною причиной. Конечно, главнѣйшая причина лежала гораздо глубже. То была, дѣйствительно, страсть роковая, и не по однимъ только послѣдствіямъ ея, а по самой ея сущности. То была страсть человѣка, совершенно еще неокрѣпшаго въ умственныхъ своихъ силахъ, человѣка по при-

роднымъ своимъ качествамъ способнаго увлечься чрезвычайно всѣмъ, чтò съ перваго же разу могло подѣйствовать властно на его слишкомъ живую, болѣзненно развившуюся, фантазію... Но, можетъ быть, и тотъ разговоръ съ матерью насчетъ женитьбы, послѣ котораго онъ сталъ опять мраченъ и раздражителенъ, нѣсколько посодѣйствовалъ бѣдѣ, по крайней мѣрѣ ускорилъ ее; впослѣдствіи было дознано, что какъ разъ затѣмъ и начались потаённыя бесѣды Іоасафа Николаевича съ Макаркою все объ удалой солдаткѣ.

Впрочемъ, онъ ничего тогда не говорилъ насчетъ намѣренія своего опять сблизиться съ Маринкою. Онъ только разспрашивалъ: «гдѣ она? чтò подѣлываетъ? весело ли ей, бѣдной? или же нехорошо живется: доводится не пѣсни распѣвать, а мозолить руки на черной, тяжелой работѣ у чужихъ людей?..» Онъ все жалѣлъ о ней, разспрашивая, такъ жалѣлъ, что волненіе его было очень замѣтно и для Макарки, который надивиться не могъ тому, что баринъ черезчуръ уже безпокоится изъ-за эдакой «самой простой бабёнки».

Но вотъ михѣѐвскій баринъ на перепутьѣ — въ Коломнѣ. Онъ ни на минуту не остановился бы тамъ, но надо же было выкормить усталыхъ лошадей. И какъ же онъ сердился на это промедленіе какъ торопилъ Макарку, чтобы скорѣе запрягалъ «проклятыхъ клячъ»! Бѣдный Макарка, все время пока выкармливались лошади, не зналъ куда и дѣваться отъ порывовъ нетерпѣнія и гнѣва барина. Затѣмъ, какъ тронулись въ путь, даромъ-что пришлось проѣхать не болѣе восьми верстъ, крѣпко досталось михѣевскимъ старымъ кòнямъ. Вплоть до деревни, подлѣ которой проживала солдатка Маринка, грозно понукаемый бариномъ, Макарка летѣлъ сломя голову.

На ту пору Маринка была дома, въ своей «хибаркѣ», стоявшей на-отлётѣ отъ небольшой деревушки за малымъ лѣскомъ у вершины глубокаго, длиннаго, заросшаго густыми кустами, оврага, конецъ котораго входилъ въ другой большой и темный лѣсъ. Эту удобную по мѣстоположенію «хибарку» удалая солдатка выстроила какъ-то безпрепятственно со стороны казенныхъ крестьянъ на денежки, добытыя отъ всякой кутящей братіи, всего же болѣе отъ молодыхъ купчиковъ торговаго города Коломны, куда она въ базарные дни отправлялась съ большою охотою и откуда, однако, къ ночи всегда домой возвращалась хозяйничать, заниматься своими какими-то дѣлами.

И въ самомъ дѣлѣ, Маринка, несмотря на весь свой солдатскій разгулъ, была хозяйка домовитая. Въ «хибаркѣ» ея, по наружности весьма неказистой, хорошо все было устроено, прилажено и прибрано, да и просторно, даже черезчуръ просторно для одной жилицы.

Кстати, должно быть, домишко Маринкинъ, въ которомъ было три комнатки: двѣ свѣтлыхъ, съ оконцами, а третья совершенно темная, имѣлъ два выхода—одинъ прямо на дорогу, неподалеку отъ которой

стоялъ этотъ домишко, а другой изъ темной комнатки чрезъ темныя же сѣни, съ нѣсколькими чуланами, да черезъ задній совсѣмъ пустой дворикъ съ калиткою, какъ-разъ на крутой обрывъ въ тотъ оврагъ, о которомъ выше сказано.

Поговаривали въ околоткѣ, что у солдатки Маринки иногда по ночамъ бываютъ гости, нехорошіе люди, что иногда эти гости слишкомъ шумно гуляютъ, ссорятся и озорничаютъ, и что при такихъ случаяхъ Маринка спасается отъ нихъ черезъ какой-то особый выходъ изъ своего жилья въ темный оврагъ, гдѣ ее ужъ никакъ нельзя найти. Вообще и сама разгульная солдатка, уроженка не той деревни, подлѣ которой она жила, и жилье ея диковинное, походившее снаружи не на избу, въ сторонкѣ построенную, а на какую-то громадную кучу соломы и хворосту,—довольно давно уже были отмѣчены въ толкахъ окрестныхъ крестьянъ и не добромъ поминались...

Въ этотъ-то страшный притонъ спѣшилъ теперь Іоасафъ Николаевичъ, увлекаемый и разгорѣвшеюся въ немъ страстію, и несчастною судьбою.

Маринка встрѣтила его радостно,—это было очень замѣтно; но внезапному пріѣзду послѣ столь долговременной разлуки она какъ будто вовсе не удивилась.

— А я такъ и знала, крикнула она, когда онъ выскакивалъ изъ коляски,—а я такъ и знала, что темноглазый мой баринъ не забудетъ-таки меня, и заѣдетъ, безпремѣнно заѣдетъ!.. (Разсказывая объ этомъ свиданіи, Макарка всего болѣе дивился тому, «ну, какъ могла она знать, что баринъ безпремѣнно заѣдетъ къ ней,—видно, и впрямь была она колдовка настоящая...»).

Прекрасная лицомъ, статная, подвижная, какъ ртуть, съ развязною, находчивой рѣчью, ласковая притомъ безконечно, а пуще всего веселая, веселая до того, что веселость ея сообщалась неотразимо всякому, кто былъ съ нею,—она, конечно, должна была имѣть чрезвычайно сильное вліяніе на болѣзненно-впечатлительную натуру моего дяди.

Встрѣча была искренно-нѣжная и жаркая. Эта женщина, такая обольстительная и внезапно обрадовавшаяся, этотъ молодой человѣкъ, до высшей степени возбужденный страстью,—я готовъ былъ бы сказать про эту ихъ встрѣчу, что сама-по-себѣ она такъ хороша, что, глядя на нее, нельзя не увлечься радостнымъ чувствомъ, если-бъ не зналъ, чѣмъ все это кончилось.

Миновали восторги встрѣчи и рѣзко выглянули, только не для Іоасафа Николаевича, иныя стороны въ характерѣ удалой солдатки.

— А привезъ ты мнѣ гостинцевъ? стала она спрашивать у своего «темноглазаго» барина, — ѣхалъ, вѣдь, изъ города, ну, какъ бы не привезти... Анъ не привезъ, не надумался!.. Чай, и угощеньица разнаго нѣту съ собой?.. Вишь, совсѣмъ на-легкѣ! А ѣдетъ въ такой колымагѣ, что можно бы добрый возъ всякой-всячины

наложить... Эхъ ты, а еще баринъ, и молоденькой такой, а за бабами гоняешься!.. Есть ли деньги-то при тебѣ, по-крайности, на угощеньица?

Денегъ у него оказалось очень маловато на покупку всего, что было нужно по ея разсчету.

— Ну, это не важность, сказала она, — давай-ко, что у тебя есть, а я своихъ добавлю, у меня еще не всѣ перевелися, какія недавнышко добыла,—и при послѣднихъ словахъ, громко смѣясь, плясомъ прошлась она по комнаткѣ.

Потомъ проворно стала она распоряжаться, и кое-что въ этихъ распоряженіяхъ должно было бы показаться очень страннымъ, очень подозрительнымъ; но михѣевскій баринъ какъ будто и не слышалъ, что она говорила.

Во-первыхъ, она приказала Макаркѣ немедленно же ѣхать въ Коломну, тамъ оставить на постояломъ дворѣ, или гдѣ онъ знаетъ, коляску и тройку лошадей, а на четвертой скорёхонько, «вскачь», воротиться сюда, въ хибарку, съ купленными угощеньицами; во-вторыхъ, тутъ же объявила, что эту четвертую лошадь «здѣсь-то, на всякъ случай надо будетъ поставить, ужъ нечего дѣлать, въ сѣнцахъ»; что наконецъ, барина и Макарку продержитъ она у себя во весь завтрашній день, а пожалуй и на всю слѣдующую ночь,— «продержала бы и дольше, больно хотѣла бы продержать, да вишь ты, еще нельзя, покуда не распорядилась она насчетъ пріѣздовъ «темноглазенькаго баринка».

Все такъ и сдѣлалъ Макарка, какъ велѣла ему эта бойкая женщина, которой слушался онъ пуще, чѣмъ барина. Впрочемъ, онъ и самъ додумался, чѣмъ дополнить предусмотрительныя, «на всякъ-случай», распоряженія хозяйки притона; оставивъ коляску и тройку лошадей у знакомаго коломенскаго ямщика, онъ вернулся къ хибаркѣ на самой худшей лошади, чтобы не такъ убыточно было, если ужъ придется тутъ пропадать.

Денегъ дано было Макаркѣ довольно; онъ привезъ много «хорошаго» вина и много всякихъ закусокъ, и тотчасъ же началось угощенье, веселье шумное и разгульное.

Но Макаркѣ было не весело. На ту пору, въ первый еще разъ показалъ онъ, что искренно и твердо преданъ своему барину. Не выходили у него изъ ума слова Маринкины насчетъ того, что надо припрятать лошадь въ сѣнцахъ, что она, Маринка, хочетъ продержать у себя барина во весь завтрашній день, а пожалуй продержитъ и во всю слѣдующую ночь. Онъ рѣшился наотрѣзъ отказываться отъ угащиванья хозяйки и сладкою водочкою, и хорошимъ виномъ. Сидя на порогѣ калитки, надъ обрывомъ въ оврагъ, онъ все всматривался въ лѣсъ, неоглядно раскинувшійся по обѣ стороны оврага и на ту пору, отъ бѣлесоватой мглы іюльской ночи, казавшійся темнымъ-претемнымъ; онъ все вслушивался въ забиравшіеся

иногда въ глубь оврага какіе-то гулы. Невольно оторопь охватывала молодаго парня, хотя и шаловливаго, но очень пріобыкшаго къ тишинѣ михѣевской господской усадьбы, да притомъ и очень сметливаго. Правда, хибарка Маринкина была хорошо знакома ему съ той самой поры, какъ баринъ сознакомился съ хозяйкою; но тогда баринъ захаживалъ сюда только днемъ, оставался ненадолго и самъ поспѣшалъ уходить передъ вечеромъ, да и хозяйка, бывало, всегда выпроваживала его отъ себя. А теперь она оставляетъ барина на двѣ ночи; ночью же все это мѣсто кажется такимъ глухимъ, «нехорошимъ» мѣстомъ, да и тѣ загадочныя слова Маринки, сказанныя передъ посылкою его въ Коломну и на которыя баринъ почему-то не обратилъ ни малѣйшаго вниманія,—все это возбуждало въ маломъ тяжкую подозрительность и сильнѣйшую робость.

Раза два-три, вслѣдъ за выходомъ къ нему хозяйки для угощенья, онъ провожалъ ее во внутрь хибарки, «чтобы посмотрѣть на своего барина». И не успокоивалъ, а еще больше тревожилъ его баринъ.

Іоасафъ Николаевичъ то лежалъ на сдвинутыхъ скамьяхъ, закинувъ руки за голову, съ закрытыми глазами и о чемъ-то думалъ,—думалъ, навѣрное, что было замѣтно по напряженно-сдвинутымъ бровямъ, по судорожнымъ движеніямъ рта, по тому, наконецъ, что все лицо его по временамъ вдругъ становилось не то что сердитымъ, а «страшнымъ»; то вскакивалъ и начиналъ пылко цѣловать Маринку, да упрашивать ее, чтобы пѣла, «веселѣе пѣла»; а то вдругъ, приказавъ ей замолчать, опрометью выбѣгалъ во входную со стороны дверь, какъ будто для того, чтобы присмотрѣться и прислушаться къ чему-то. «И Богъ его знаетъ, что съ нимъ тогда было, только наврядъ, чтобы оченно запьянѣлъ, того ничуть-таки нельзя было заприметить...»,—такъ вообще разсказывалъ Макарка о тогдашнемъ странномъ состояніи Іоасафа Николаевича.

А удалая солдатка все «вилась» вкругъ темноглазенькаго своего баринка и на чудные порывы его волненія какъ будто не обращала никакого вниманія, можетъ быть и потому, что уже слишкомъ хорошо знала его чудный характеръ.

И вотъ, Макарка, посмотрѣвши еще разъ на барина своего, когда онъ показался ему особенно «чуденъ», уже совсѣмъ поддался тоскливому своему страху и рѣшился немедленно переговорить «обо всемъ» съ хозяйкою.

— Марина Прокофьевна, сказалъ онъ, выпивъ на этотъ разъ полный стаканъ вина и по неотступной ея просьбѣ и ради смѣлости, такъ какъ онъ чувствовалъ, что оторопь въ конецъ его одолѣваетъ:—буду просить теперича, въ ногахъ буду валяться,—барина-то нашего пожалѣйте...

— Какъ это пожалѣть? спросила она, вдругъ понахмурившись и уже не веселымъ своимъ голосомъ.

— Да ужъ больно чуденъ становится, захмѣлѣлъ, что ли... Оно бы ничего, случалось и дома такъ-то: чудитъ, чудитъ... А неровенъ часъ, чудить здѣсь-то, ка-быть, вовсе не приходится, здѣшнее мѣсто... не въ осуду будь сказано, охъ, и больно-то оно глуховато!..

— Вижу, куда ты гнешь, ну и что-жъ такое!.. А подумалъ бы: коли было бы чего бояться, не задержала бы. Про нынѣшнюю ночь нечего и калякать, тоже и на завтра, надо быть... А на всякъ случай, для завтрашней ночи... Эхъ, да никого-таки сюда не пущу! И отбиться можно: насъ трое,—я, вѣдь, тоже за себя постою, у насъ же два топора есть, а съ ними лежитъ и большой ножъ отточенный... А не моги и приставать ко мнѣ изъ-за этаго! Я за все отвѣчаю!

Уже другая она была, какъ это говорила: стоитъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопанная, голова позакинута вверхъ, лицо блѣдное и строгое-строгое, а глаза, широко раскрытые и устремленные на темный лѣсъ, страховито горятъ...

Всю эту ночь Макарка не смыкалъ глазъ и только съ началомъ разсвѣта маленько соснулъ. Когда же проснулся и увидалъ хозяйку, а баринъ тогда еще не вставалъ, прежніе страхи вдругъ въ немъ возникли и онъ опять пустился въ разспросы, очень путаясь, однако, въ нихъ: «а какъ бы, молъ, не случилося чего въ другую-то ночь? какъ бы сдѣлать, чтобы никакого худа навѣрнякъ уже не вышло?» Но на этотъ разъ хозяйка ничуть не позадумалась, а только смѣялась надъ «глупёхонькими» разспросами и, наконецъ, пообѣщала подарить Макаркѣ за бабью его трусость свой рваный сарафанъ.

Въ этотъ день, показавшійся Макаркѣ чрезвычайно длиннымъ, Іоасафъ Николаевичъ съ своей полюбовницей много гулялъ по опушкѣ лѣса. Имъ тамъ весело было. Гулко, раскатисто раздавался по лѣсу голосъ Марины Прокофьевны и иногда вторилъ ея пѣснямъ мужской голосъ, ужъ конечно ни кого другого, а михѣевсаго барина. Имъ было весело, а невольному свидѣтелю этого веселья становилось все жутче и жутче; онъ все раздумывалъ и ни о чемъ иномъ не могъ думать, что вотъ и вечеръ не задолго, а тамъ скорёхонько подступитъ и ночь, какъ грозная, грозная туча.

Передъ самымъ вечеромъ опять-таки перепугало Макарку внезапное появленіе новаго лица; словно вынырнулъ передъ нимъ изъ оврага мальчишка, повидимому, годовъ двѣнадцати, коренастый, головастый, въ большихъ истоптаныхъ лаптяхъ, съ длиннымъ кнутомъ на плечѣ, должно быть, подпасокъ изъ сосѣдней деревни.

— Ты зачѣмъ? крикнулъ Макарка на мальчика.

— А какъ-же, отвѣчалъ подпасокъ:—сама посылала, я и пришелъ сказать, что̀ ей надо.

— О чемъ-такомъ? Отвѣтъ, что-ли, отъ кого?... Ты мнѣ скажи, а я ей тотчасъ же... Вѣдь, хозяйки дома нѣту.

— Знаю и самъ... возразилъ мальчикъ и засмѣялся чему-то. Потомъ, словно подумавъ, добавилъ:

— Тамъ-то не подступиться къ ней теперича... А пожалуй, ты скажи, что-жъ мнѣ въ другой разъ приходить... Такъ скажи Маринушкѣ, что, молъ,—не будетъ, навѣрнякъ не будетъ...

Вымолвивъ это, мальчикъ вдругъ впрыгнулъ въ оврагъ и также быстро исчезъ, какъ и явился.

Теперь Макарка уже вполнѣ увѣрился, что было чего опасаться на нынѣшнюю ночь. Стало быть, былъ же гдѣ-то тамъ, и навѣрное неподалеку, человѣкъ, прихода котораго и ждала, и боялась Маринка. Кто-жъ это, да и одинъ ли тотъ человѣкъ? Мальчонка принесъ извѣстіе, что «онъ не будетъ», а какъ тому повѣрить?... Не сказать ли барину про все это? Но онъ слышалъ же, что говорила Маринка, отправляя его, Макарку, въ Коломну, слышалъ и ни надъ чѣмъ тутъ не призадумался... А и то, какъ сказать барину про все такое? вѣдь, пожалуй, это будетъ супротивъ самой Марины Прокофьевны... А не сбѣгать ли, покуда они (т. е. баринъ и Марина) въ лѣсу гуляютъ, не сбѣгать ли на деревню, да не попросить ли тамошнихъ мужичковъ, чтобы нынѣшнею ночью постерегли вкругъ Маринкина жилья и помощь подали бы въ случаѣ-чего? Но и не знаетъ-то онъ никого изъ тамошнихъ мужичковъ, и неизвѣстно, каковы-то они сами, живя тутъ, при густомъ, большомъ лѣсѣ, и какъ на то посмотрятъ; и баринъ, словно ослѣпшій, аль хуже того, совсѣмъ ошалѣвшій, и эта Марина Прокофьевна!... Въ концѣ своего тяжкаго раздумья, Макарка, и при всемъ страхѣ своемъ не потерявшій сметливости, рѣшился на одно—переговорить лишь съ хозяйкою, и переговорить очень настойчиво; онъ все-таки довѣрялъ ея распорядительности и никакъ не допускалъ, чтобы она задумывала какое-либо зло противъ барина.

Когда она вернулась изъ лѣсу, и Макарка, улучивъ минуту, сообщилъ ей, какое извѣстіе принесъ мальчикъ-подпасокъ, она промолвила: «Ну, и ладно! стало-быть, не будетъ, и не будетъ» и больше ничего не захотѣла слушать отъ «сарафанника», какъ стала она называть вѣрнаго служителя «темноглазаго баринка».

«Угощеньицъ» оставалось еще довольно, и ночь въ хибаркѣ опять началась разгульно и очень весело. Марина была чуть-ли не веселѣе вчерашняго. Много пѣсенъ она пѣла, пѣсенъ тоже веселыхъ, и лишь одна пѣсня вышла не такая.

Вдругъ Марина запѣла—и такимъ протяжнымъ, суровымъ голосомъ:

«А пойдемте, ребята, къ моему дядѣ,
У моего, у дяди, денегъ много.
А дядюшка скажетъ: «денегъ нѣту...»
А тетушка скажетъ: «нѣту ни копѣйки...»
Берите, ребята, всѣ то по полѣну!
Щепайте лучину помелчаѣ,

Кладите подъ дядю пожарчаѣ...
А тетку-лебедку—
На саму середку...»

Не смѣялся, и даже не улыбнулся Іоасафъ Николаевичъ, слушая странную эту пѣсню. Когда же Марина кончила пѣть, онъ сказалъ ей тихо, но очень серьезно:

— Не пой больше такихъ пѣсенъ. И откуда онѣ у тебя?...

Затѣмъ, онъ вышелъ изъ хибарки и довольно долго ходилъ подъ окнами, какъ-будто пересиливая какое-то свое неудовольствіе. А Марина, по уходѣ его, промолвила полушепотомъ Макаркѣ:

— Нѣженка твой баринъ... Ну, да я не стану ему пѣть этой пѣсни... А жаль, хорошая...

Впрочемъ, Іоасафъ Николаевичъ не былъ уже чуденъ въ эту ночь. Воротившись въ хибарку, онъ скоро развеселился, много разговаривалъ съ Мариною и много пилъ. Вынужденъ былъ пить и Макарка, такъ приставала къ нему съ этимъ Марина. Но, подъ вліяніемъ все не проходившаго у него страха, онъ нисколько не запьянѣлъ, по крайней мѣрѣ, такъ онъ разсказывалъ, чему и не совсѣмъ можно повѣрить.

А какъ онъ ни силился не спать, сонъ одолѣвалъ-таки его. Сидя у калитки надъ оврагомъ, онъ заснулъ прекрѣпко. Но, вотъ, онъ былъ внезапно разбуженъ хозяйкою. Она стояла какъ разъ возлѣ него у калитки и молча указывала ему рукою на оврагъ, а сама прислушивалась такъ внимательно. Въ оврагѣ, нето въ серединѣ, нето ближе, было какое-то движеніе, какъ-будто пробирался тамъ кто-то сквозь кусты. Но скоро гулъ этотъ сталъ отдаляться и мало-по-малу замеръ гдѣ-то уже въ большомъ лѣсу.

— Ну, и ничего!... тихо, полушепотомъ проговорила Марина. А ты, малый, лучше не спи,—и до свѣту ужъ недалеко. И здоровъ же ты спать, дрыхнешь, какъ котъ на печи... Слушай-ко: чуть забрезжитъ зорька, скачи въ Коломну и пріѣзжай скорехонько въ вашей колымагѣ. Барину надо еще поутру вернуться домой.

Остальная часть ночи прошла спокойно. Затѣмъ, Макарка быстро выполнилъ приказаніе Марины. Михѣевскій баринъ вернулся въ Михѣево часу въ десятомъ утра.

IX.

Іоасафъ Николаевичъ не встрѣтилъ дома непріятностей, которыхъ, вѣроятно, ожидалъ встрѣтить немало,—по крайней мѣрѣ, уже не пришлось ему объясняться съ матерью ни насчетъ побой Петру Леонтьеву, ни насчетъ того, гдѣ былъ и что дѣлалъ втеченіе

почти трехъ сутокъ своего отсутствія. Надежда Ивановна ни о чемъ его не спросила, даже о поѣздкѣ къ генералу Измайлову. Впрочемъ, негодованія ея нельзя было не замѣтить; она ни слова, когда онъ подошелъ поздороваться, не отвѣтила на вопросъ о здоровьѣ, и такъ строго посмотрѣла на него, что онъ не выдержалъ, тотчасъ ушелъ въ свою комнату, гдѣ и заперся на цѣлый день.

Зато Макаркѣ досталось. Онъ подвергся самымъ строгимъ разспросамъ, начиная которые старая барыня погрозила, что если онъ не скажетъ всей правды, то угодитъ непремѣнно «подъ красную шапку», и хотя бы самъ баринъ сталъ за него заступаться, такъ онъ, Макарка, тѣмъ отнюдь не спасется, ибо она, барыня, попроситъ предводителя Андрея Ивановича избавить ее навсегда отъ негодяя двороваго малаго, который «непрерывно соблазняетъ барина на такія дѣла». (Надежда Ивановна все-таки была увѣрена, что именно этотъ «негодяй» первоначально соблазнилъ Іоасафа Николаевича на связь съ «проклятою хамкою»).

Макарка очень струсилъ передъ барскимъ гнѣвомъ и расплакался горькими слезами, пока барыня приграживала ему; однако, въ то же время, онъ, какъ ловкій малый, сообразилъ, что отнюдь не слѣдуетъ разсказывать барынѣ про все, по крайней мѣрѣ не надо ей знать про то именно, что пугало его самого въ маринкиной хибаркѣ. И онъ разсказалъ только, что точно, молъ, заѣзжали къ Маринкѣ-солдаткѣ, въ чемъ самъ-то онъ ничуть не виноватъ, такъ-какъ что-жъ онъ могъ подѣлать супротивъ такой барской воли; не скрылъ онъ, наконецъ, и того, какъ въ Коломну его посылали за «угощеньями», на покупку которыхъ давала деньги сама Маринка.

Это послѣднее извѣстіе какъ-то особенно заинтересовало старушку-барыню, и она въ подробности стала расправшивать, что было куплено и насколько?

— Но откуда же деньги у ней, что такъ-то сорить ими? вѣдь, это-жъ немалыя деньги!... Ахъ, Господи! и съ такой-то тварью на ея-то подлыя деньги кутить-угощаться!... Этого еще не доставало!.. вскричала она въ сильной горести, и заплакала.

Затѣмъ, допросъ пошелъ уже гораздо легче для Макарки. Слезы его и слезы, вызванныя у самой барыни послѣднимъ признаніемъ малаго, совсѣмъ смягчили ее. Подъ-конецъ, она снизошла даже до того, что стала упрашивать Макарку, чтобы онъ постоянно оберегалъ барина отъ всякаго лиха, когда онъ грѣшнымъ-дѣломъ опять будетъ у этой лиходѣйки, чтобы при этомъ все бы замѣчалъ для доклада ей, а главное старался бы всячески отвести барина отъ такого зла, спасти его отъ грѣшной и опасной связи.

Макарка, конечно, обѣщалъ, что будетъ во всемъ этомъ стараться съ превеликимъ усердіемъ, и обѣщаніе его отзывалось такою искренностью, что старушка это очень замѣтила. Онъ и въ

самомъ дѣлѣ былъ искрененъ, даже по разсудку; онъ уже твердо смекалъ, что свиданія барина съ Маринкою въ этой ея хибаркѣ, стоящей на-отлетѣ отъ деревни, надъ темнымъ оврагомъ и у большаго лѣса, не доведутъ до добра, что тутъ, того-и-гляди, выдетъ большая бѣда, которая не минуетъ и его самого.

Надежда Ивановна, хотя и глубоко была огорчена послѣдними поступками сына, хоть огорченіе это постоянно питали, даже усиливали толки и пересуды приближенныхъ къ ней людей, съ которыми не могла же она не говорить обо всемъ этомъ, все-таки твердо рѣшилась не входить ни въ какія объясненія съ сыномъ, ничѣмъ не поперечить ему и тогда, какъ онъ опять станетъ уѣзжать къ своей любовницѣ. Только до одного она уже никакъ не хотѣла его допускать, именно до жестокаго обращенія съ домочадцами, о чемъ и высказала ему прямо и на-отрѣзъ, что, десвать, рѣшительно того не допуститъ, а если опять онъ осмѣлится поднять на кого-нибудь руку, то она немедленно же покинетъ родной домъ, переберется на житье къ сосѣдямъ, будетъ перекочевывать изъ одного чужаго дома въ другой чужой домъ, и да будетъ надъ нимъ, надъ сыномъ ея, до того ее доведшимъ, судъ Божій,—не говоря уже о тяжкомъ зато нареканіи отъ всѣхъ добрыхъ людей.

Съ совершенной покорностью выслушалъ все Іоасафъ Николаевичъ.

— Матушка! того уже не будетъ, сказалъ онъ,—увѣряю васъ, даже при всякихъ грубостяхъ и дерзостяхъ отъ нихъ... Это я могу вынести,—и мнѣ не тяжело,—такъ легко забываю... Но насчетъ одного... Матушка! простите... это такъ ужъ сильно... всей душей моею...

— Понимаю, про что путаешься въ словахъ, прервала старушка,—да нечего и говорить, рѣшительно не дозволяю, и намека о томъ слышать не хочу!... Пошлетъ Господь милость свою, подкрѣпитъ тебя, можетъ быть, устыдишься и образумишься. А если нѣтъ,—какъ быть,—пускай свершается судьба твоя!...

И опять строго она добавила:

— Смотри же, ни въ какомъ случаѣ ни поднимай на нихъ руки, не моги быть жестокимъ. Нѣтъ причины у тебя для ожесточенности.

Но онъ и не былъ жестокъ.

Напротивъ того, онъ былъ кротокъ нравомъ, кротокъ настолько, что могъ съ величайшимъ терпѣніемъ отнестись ко всему, что не затрогивало прямо обуявшую имъ, роковую страсть. Доброта, великодушіе его были поистинѣ необыкновенны; говорили мнѣ люди, даже осуждавшіе сильно его поступки, что онъ способенъ былъ отдать нуждающемуся человѣку послѣднюю свою рубашку, и рѣчи объ этомъ были такъ искренни, что, по всей вѣроятности, въ нихъ не было преувеличенія. Но при всемъ этомъ, въ минуты проявле-

нія той страсти, раздражительность, неестественная подвижность душевныхъ силъ могли увлечь его непреодолимо къ страшнымъ дѣламъ. Тутъ дѣйствовала не крайняя вспыльчивость, а какое-то бѣшеное изступленіе. Тутъ являлась та чрезвычайная неуравновѣшенность душевныхъ силъ, которая, рано ли, поздно ли, должна была неминуемо привести къ совершенному обезсиленію воли и, затѣмъ, неизцѣлимой душевной болѣзни, не говоря уже о тѣхъ бѣдственныхъ случайностяхъ, какія могли притомъ произойти. И, на бѣду, примѣшалась еще страсть къ женщинѣ, наклонности и особенное положеніе которой только распаляли его фантазію. Наконецъ, примѣшались еще и сторонния обстоятельства: соблазны къ кутежамъ, какъ ни были они рѣдки, и эта слишкомъ упорная настойчивость матери.

Катастрофа должна была явиться, и не поздно, а скоро. Такъ она и явилась, захвативъ въ свой коловоротъ и не одного несчастнаго моего дядю.

Однако, на него очень подѣйствовалъ послѣдній разговоръ съ матерью. Больше недѣли, а это было уже много для его страсти, онъ сдерживалъ пламенное свое желаніе навѣстить опять любовницу. Затѣмъ, эта сдержанность вдругъ исчезла, но не сама-посебѣ, а подъ вліяніемъ со стороны. Марина соскучилась по своемъ «темноглазомъ» баринѣ и подъискала случай увѣдомить его о томъ. Онъ отправился къ ней немедленно уже одинъ, безъ Макарки. Видно было, куда онъ уѣзжаетъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Замерло сердце у Надежды Ивановны уже и потому, что онъ ѣдетъ на вечеръ и одинъ. Но скрѣпилась она и не стала удерживать его отъ этой поѣздки.

Онъ пробылъ въ хибаркѣ не какъ въ прошлый разъ, утромъ же ранёхонько на другой день вернулся, и тотчасъ позвалъ къ себѣ Макарку, который замѣтилъ сразу, что баринъ «какъ черная ночь», и не оттого, должно быть, что «гулялъ» чрезъ мѣру.

— Говори мнѣ правду, сурово началъ Іоасафъ Николаевичъ: — въ прошлый разъ, тамъ, у Марины, видѣлъ ты кого нибудь?..

— Кого-жъ бы тамъ видѣть?.. Какъ есть никого... отвѣчалъ Макарка, нѣсколько запинаясь, что̀ и замѣтилъ Іоасафъ Николаевичъ.

Онъ подбѣжалъ къ малому и промолвилъ съ сильнѣйшей угрозою:

— Смотри! смотри ты у меня!.. Слушай, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и притомъ дрожа всѣмъ тѣломъ:—не знаю, лжешь или нѣтъ, можетъ и не лжешь... А я видѣлъ!.. Тамъ, у ней былъ... Волосы коротко обстрижены, торчмя стоятъ, борода только-что заростаетъ... Большой такой, здоровенный, видно, сила есть... И одѣтъ такъ странно... А она говоритъ: не чужой, братъ кровный... Слышишь ты? Слышишь?

Макарка слышалъ, но не зналъ, что̀ отвѣтить.

— Какъ же ты думаешь, спросилъ опять Іоасафъ Николаевичъ, уже едва-разборчивымъ шепотомъ, — какъ же ты думаешь: кто это?.. не лжетъ она?..

— Не могу знать, кротко отвѣчалъ сначала Макарка; но вдругъ припомнивъ приказаніе Надежды Ивановны, чтобы старался онъ отвадить барина отъ «проклятой хамки», добавилъ не безъ особенной смётки: — а можетъ и то, сударь: это какой ни-на-есть изъ старыхъ знакомыхъ—чай, ихъ не мало. Вѣдь бабёнка гулящая была...

— Молчи!.. неистово закричалъ Іоасафъ Николаевичъ:—Молчи!.. Гуляла!.. такъ ужъ этого нѣтъ... И если ты понапрасну, убью тебя, какъ собаку!

Кто-то изъ домашнихъ слышалъ, что баринъ такъ кричитъ на Макарку. Но этого малаго уже не взлюбили въ дворнѣ за послѣднее время, да и барина начали очень побаиваться, а потому и не сказали ничего Надеждѣ Ивановнѣ. Такъ это и осталось. Но тутъ упущенъ былъ случай, при разъясненіи котораго еще разъ, можетъ быть, оказалась бы нѣкоторая возможность предохраниться отъ великой бѣды.

Затѣмъ, почти ежедневно сталъ отправляться Іоасафъ Николаевичъ къ Маринѣ, и иногда бралъ съ собою Макарку, собственно въ угожденіе матери, которая рѣшилась-таки попросить его только объ этомъ. Все шло, какъ будто и надо было тому быть. И видѣлъ Макарка, что баринъ «пристращается» къ своей полюбовницѣ все больше и больше, что и ничего-таки нельзя супротивъ этого подѣлать, «больно ужъ ласкова она къ нему, такъ ласкова, какъ развѣ бываютъ русалки, отъ которыхъ, сказываютъ, ничѣмъ тогда не отдѣлаешься...»

А разъ видѣлъ Макарка и того человѣка, о которомъ разспрашивалъ его баринъ.

Ночью вдругъ вышелъ человѣкъ большого роста, широкоплечій, точно-что здоровенный, въ мужичьей зимней шапкѣ, надвинутой низко на лобъ, въ рваной одежѣ, съ ружьемъ за спиною, вышелъ такъ незамѣтно, что Макарка обомлѣлъ передъ нимъ.

— Ты съ михѣевскимъ бариномъ, что ли? спросилъ этотъ человѣкъ глухимъ, хриплымъ голосомъ.

Макарка, до крайности перепуганный, не могъ и слова вымолвить въ отвѣтъ.

— Вишь, словно ты, малый, перепугался, продолжалъ тотъ неизвѣстный: — Эхъ, вы проворные на ногу лакеишки! Ну, братецъ ты мой, такого намъ, въ лѣсу, а-ни-для-чего не надоть-бы... Поди-ко, скажи Маринѣ Прокофьевнѣ, что, молъ, братъ пришелъ, дожидается. Да нѣтъ! и того, чай, пе съумѣешь сдѣлать. Постой, я самъ вызову.

И онъ свиснулъ какимъ-то особеннымъ посвистомъ, похожимъ на ребячій крикъ совы.

Солдатка скорёхонько выскочила, велѣла Макаркѣ отойти въ сторону, и за угломъ своего дворика о чемъ-то тихо переговорила съ братомъ. Затѣмъ оба вошли во дворикъ.

— Ну, хорошо, сказала Марина уже громко, — я вынесу тебѣ. А напрасно нейдешь: онъ, какъ-есть, ничего, гораздо полегче онамеднишнаго, привыкать тоже надо бы... Да и спроситъ же, кому несу. А спроситъ, такъ ужъ я прямёхонько отвѣчу, что, молъ, это—брату.

— Нѣту! не неволь, отвѣтилъ «братъ», — будетъ и того, что однова показался. Нешто не помнишь, что̀ тогда было? И что̀ безъ толку глаза мозолить.

Скоро она вынесла «брату» цѣлый полуштофъ французской водки, бутылку какого-то вина и довольно большой свертокъ изъ синей сахарной бумаги.

— Тамъ выпьешь и закусишь. Хватитъ и про другихъ... Теперича здѣсь тебѣ дѣлать нечего, уходи-ко мигомъ, промолвила она скороговоркой и проворно убѣжала въ хибарку.

А онъ, уходя, по-своему простился съ Макаркою.

— Прощай, малой, сказалъ онъ, крѣпко ударивъ малаго по плечу, — прощай, хоть-бы не видѣть тебя больше, ты и впрямь сарафанникъ, какъ прозвала тебя сестра.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕНЕРАЛЪ АНТОНІЙ ЕЗЁРАНСКІЙ.

Происхожденіе и воспитаніе.—Бѣгство за границу.—Поступленіе въ венгерскія войска. — Переходъ въ Турцію. — Передъ Крымской кампаніей и во время самой кампаніи.—Переѣздъ въ Варшаву. — Новыя знакомства. — Езеранскій припоминаетъ прошлое.—X-й павильонъ варшавской цитадели.—Освобожденіе.—Выѣздъ изъ Варшавы для командованія бандою въ Радзивиловскихъ лѣсахъ подъ Равой. — Нападеніе на Раву. — Пріѣздъ генерала Лангевича въ лагерь Езеранскаго подъ Ропотицами. — Соединеніе отрядовъ. — Битва подъ Малогощемъ.—Армія Сандомірскаго воеводы переходитъ въ Гощу. — Интриги партіи, которая способствовала оглашенію Лангевича диктаторомъ.—Графъ Адамъ Грабовскій.—Оглашеніе Лангевича диктаторомъ. — Выходъ изъ Гощи. — Битва подъ Гроховисками.—Бѣгство Лангевича за-границу.—Арестованіе его австрійскими войсками. — Езеранскій формируетъ новую банду.—Битва подъ Кобылянкой.—Секретный отъѣздъ Езеранскаго изъ отряда.—Жондъ народовый лишаетъ его званія люблинскаго воеводы и отдаетъ подъ судъ.—Судъ его оправдываетъ. — Новое формированіе банды. — Арестъ и заключеніе въ крѣпости Куфштейнъ.

ЕВРАЛЯ 16-го н. ст. прошлаго года, умеръ во Львовѣ польскій повстанскій генералъ Антоній Езеранскій, на 60-мъ году отъ рожденія. 19-го февраля происходили торжественныя похороны, при огромномъ стеченіи народа; гробъ былъ засыпанъ множествомъ вѣнковъ и цвѣтовъ; на кладбищѣ говорились рѣчи, изъ которыхъ наиболѣе выдавалась рѣчь стараго Яна Добржанскаго, редактора самой распространенной и популярной въ Восточной Галиціи «Газеты Народовой» („Gazeta Narodowa“) [1]).

Жизнь Езеранскаго любопытна, какъ жизнь неугомоннаго, безпокойнаго кондотьера, и потому мы считаемъ нелишнимъ разска-

---

[1]) Подробности похоронъ изложены въ № 42-мъ *Gazety Narodowej* 1882 г., стр. 2, столбецъ 5, и стр. 3, столбецъ 1 и 2.

зать ее читателямъ «Историческаго Вѣстника» въ главныхъ, существенныхъ чертахъ, отбрасывая въ сторону мелочи, которыя могутъ быть любопытны для немногихъ, или то, что уже очень извѣстно.

Антоній Езеранскій, сынъ гвардейскаго капитана бывшихъ польскихъ войскъ, родился въ Варшавѣ, въ 1822 году, и отданъ родителями въ с.-петербургское строительное училище, гдѣ кончилъ курсъ и воротился домой въ Варшаву еще очень молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ (моложе 20-ти лѣтъ), исполненнымъ кипучихъ силъ и готовымъ отдать ихъ всѣ цѣликомъ, во всякую минуту, не то чтобы любезному отечеству, а просто—первой авантюрѣ; разъѣзжать въ какой нибудь мудреной странѣ изъ угла въ уголъ, съ препятствіями, опасностями, безъ законнаго паспорта, биться съ самыми неопредѣленными врагами, воображая впрочемъ, что такая служба, такъ или иначе, особымъ фантастическимъ карамболемъ отразится на судьбахъ Польши!.. И сколько было и есть такихъ поляковъ, у которыхъ головы построены точно такъ же, какъ у Езеранскаго, и которые всю жизнь служатъ Богъ вѣсть кому и чему, воображая пресерьезно, что служатъ своему несчастному, угнетенному и страдающему отечеству!..

Время было несовсѣмъ спокойное, когда бурный юноша очутился въ Варшавѣ: вторая половина сороковыхъ годовъ. Западная Европа мечтала о серьезной ломкѣ обветшалыхъ порядковъ, о принужденіи монарховъ къ подачѣ огуломъ въ отставку. Монархи чувствовали, что какія-то страшныя историческія волны катятся на нихъ неудержимо; что безъ всякаго сомнѣнія что нибудь да будетъ; иные, не такъ практическіе и сообразительные, трухнули—и стали гдѣ обѣщать своимъ подданнымъ разныя спасительныя реформы и уступки, а гдѣ и вовсе давать коечто. Безхарактерный и слабый австрійскій императоръ Фердинандъ I, послѣ февральской катастрофы въ Парижѣ, въ 1848 г., даровалъ своей монархіи свободу печати и разрѣшилъ формированіе національной гвардіи, а 15-го марта н. ст. того же 1848 года, созвалъ общій конституціонный сеймъ изъ представителей всѣхъ провинцій, по выбору народа. Вѣсть объ этомъ мгновенно перенеслась и въ нашу Польшу. Молодежь и немолодежь забурлила. Многіе стали сбираться въ дорогу—куда? Зачѣмъ? Какъ? Объ этомъ очень долго полякъ не разсуждаетъ. Менѣе всего разсуждалъ одаренный кондотьерскими наклонностями и способностями Езеранскій и нѣсколько его ближайшихъ пріятелей. Имъ казалось, что «нужно быть только поскорѣе тамъ, за граничной чертой, готовыми на всякій случай, а работа скоро будетъ! Это ясно какъ день».

Переѣзды черезъ границу изъ нашей Польши безъ паспортовъ, теперь значительно упрощенные, тогда, при страшномъ военномъ диктаторѣ, были неимовѣрно трудны. Надо было обладать особенною юркостью и ловкостью, быть отчаяннымъ, молодымъ, ни-

чего не боящимся и ни отъ чего не унывающимъ парнемъ, чтобы перетащиться, при помощи какого-нибудь контрабандиста, по глухимъ, никому невѣдомымъ тропинкамъ, черезъ пограничную черту, наблюдаемую конными объѣздчиками; а потомъ и за-границей умѣть тоже найтись. Надо помнить, что паспортная система была тогда вездѣ одна и та-же.

Езеранскій, съ кузеномъ своимъ, Юліемъ Долянскимъ, и его пріятелемъ—пустились въ такой опасный и рискованный путь, въ первыхъ числахъ мая по н. ст. 1848 г., и счастливо добрались до Галиціи, при содѣйствіи разныхъ знакомыхъ, съ которыми условились заранѣе. Первая деревня, въ которой они расположились довольно спокойно и комфортабельно, былъ Диковъ,—большое имѣніе графовъ Тарновскихъ, арендуемое двумя братьями Трояцкими, къ которымъ странники имѣли рекомендательныя письма. Трояцкіе приняли ихъ очень любезно. Пошли живыя бесѣды о томъ, о семъ, приправляемыя время отъ времени добрыми закусками, чаемъ, старымъ венгерскимъ...

Езеранскій очень скоро спросилъ: «а гдѣ тутъ формируется польское войско?»

Трояцкіе поглядѣли другъ на друга и не знали, что̀ отвѣчать.

— Вѣроятно вы, господа, сказалъ одинъ изъ нихъ немного погодя, разумѣете подъ польскимъ войскомъ народную гвардію, которую формируетъ народный совѣтъ во Львовѣ, для соблюденія порядка и охраненія конституціи?

— А кто командуетъ этою народною гвардіею? спросилъ одинъ изъ странниковъ.

— Генералъ Выбрановскій!

— Можно будетъ поступить въ ея ряды?

— Отчего нѣтъ?

— Такъ доставьте насъ пожалуйста какъ нибудь поскорѣе во Львовъ! сказалъ Езеранскій.

— Этого сдѣлать вдругъ нельзя, замѣтилъ одинъ изъ Трояцкихъ. Не прыгайте такъ своимъ воображеніемъ! Все уладится. Вы будете во Львовѣ.

На другой или на третій день послѣ этого, кондотьеровъ отвезли на домашней телѣжкѣ Трояцкихъ въ какой-то пунктъ; оттуда точно такимъ же способомъ препроводили далѣе, и наконецъ они очутились во Львовѣ, исполненномъ неопредѣленнаго, довольно бурнаго движенія. Такихъ, желающихъ служить войнѣ гдѣ-нибудь и ради чего—неизвѣстно личностей набралось во Львовѣ довольно. Наѣхали они Богъ вѣсть откуда; были между ними и молодые, и старые. Послѣдніе называли себя *старой эмиграціей*, т. е. эмиграціей 1831 года. Недавніе выходцы носили названіе *молодой эмиграціи*. Старые находились подъ таинственнымъ управленіемъ члена Цен-

трализаціи демократическаго общества [1]), Виктора Гельтмана. Молодые — подъ начальствомъ нѣкоего Квятковскаго, прибывшаго изъ Варшавы. Езеранскій и его пріятели сочли за лучшее сойтись съ «молодою эмиграціей», вслѣдствіе чего познакомились съ Квятковскимъ, были на нѣсколькихъ бурныхъ засѣданіяхъ его партіи и по выслушаніи разныхъ мнѣній относительно того, «чтó дѣлать полякамъ въ настоящую минуту», согласились съ представленіями одного разсудительнаго поляка среднихъ лѣтъ, что «поступленіе во Львовѣ въ народную гвардію, либо на провинціи въ особую, провинціальную, не имѣетъ большаго смысла, такъ точно какъ и сочиненіе какого-то *патріотическаго общества* или *клуба*. А вотъ—перебраться въ Венгрію и поступить въ тамошнія войска или въ отдѣльный польскій легіонъ, если такой образуется — это другое дѣло, вопервыхъ потому, что это войско, какъ войско, а вовторыхъ: не сегодня—завтра венгерцы столкнутся въ габсбургскою монархіей на ратномъ полѣ—и пошла потѣха!»

Главный кондотьеръ, Езеранскій, сталъ съ этой минуты думать только о томъ, какъ бы перебраться поскорѣе въ земли, прилегающія къ венгерской пограничной чертѣ.

Тѣмъ временемъ съѣзжались во Львовъ военные поляки прежнихъ дней изъ разныхъ сторонъ, болѣе всего изъ Парижа, и обращали на себя вниманіе народа. Появился генералъ Двернидкій, майоръ Лось, капитанъ Высоцкій, а въ заключеніе прибылъ генералъ Бемъ. Все это было какъ-то странно; точно въ улицахъ Львова уже начиналась — Венгрія!.. Дверницкій смотрѣлъ «національную гвардію», представленную ему Выбрановскимъ. Гвардія кричала популярному ветерану «ура!». Чуткій носъ могъ слышать запахъ пороха...

Езеранскій нашелъ какіе-то ходы къ Бему и прямо высказалъ ему желаніе «служить подъ его командой въ Венгріи». Бемъ (знавшій его отца) отвѣчалъ только: «посмотримъ!»... Послѣ этого они видѣлись еще нѣсколько разъ. Однажды Бемъ сказалъ Езеранскому: «вообрази, являлась ко мнѣ депутація отъ національной гвардіи и предлагала командованіе одною своею ротой! Это великолѣпно!.. Они тутъ играютъ въ куклы, а совсѣмъ не такое теперь время, чтобъ играть въ куклы!.. Мнѣ, братъ, здѣсь нечего дѣлать. Я скоро уѣду. Прощай покамѣстъ! Можетъ до свиданія на землѣ, гдѣ мы оба можемъ быть болѣе полезны отечеству!»

Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро исчезъ.

Езеранскій, уже сильно мечтавшій о своихъ будущихъ подвигахъ въ Венгріи, сталъ частенько заговаривать съ Квятковскимъ,

---

[1]) См. объясненіе этого слова и списокъ членовъ централизаціи за десять лѣтъ 1835—1845,—въ книгѣ моей: *Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1863*, Москва, 1873, стр. 43 и 44.

нельзя ли какъ нибудь туда уѣхать, однако-жъ такъ, чтобы не сдѣлать какого либо политическаго промаха, не вернуться съ носомъ назадъ. Квятковскій сказалъ ему однажды, что «именно теперь идутъ переговоры съ венгерскимъ правительствомъ по этой части, при посредствѣ бывшаго офицера польскихъ войскъ, полковника Булгарина». А вскорѣ затѣмъ сообщилъ Езеранскому, что переговоры кончились: Венгрія разрѣшила у себя формированіе *польскаго легіона* въ тысячу двѣсти человѣкъ, — оттого такъ мало, что, по нѣкоторымъ причинамъ, опасается присутствія польскихъ массъ въ своихъ рядахъ. «Ты бы теперь поѣхалъ на венгерскую границу и постарался завести тамъ кое какія сношенія для облегченія впослѣдствіи нашимъ перехода на венгерскую землю!» — заключилъ Квятковскій. Немного времени спустя, Езеранскій былъ уже въ Кросно, какъ «инструкторъ гвардіи».

Тамъ онъ сошелся очень скоро съ отдаленнымъ своимъ родственникомъ, докторомъ Каллаемъ, который принималъ близкое участіе въ формированіи національной гвардіи въ тѣхъ мѣстахъ. Кучка какихъ-то усачей, человѣкъ 30, подъ названіемъ «роты», сбиралась всякій день на площади передъ его домомъ, и тутъ же училась разнымъ воинскимъ артикуламъ и маршировкѣ, подъ руководствомъ Калицкаго, офицера бывшихъ польскихъ войскъ. Капитаномъ въ ротѣ, иначе сказать, ея ротнымъ командиромъ, былъ какой-то аптекарь. Хозяинъ дома, гдѣ жилъ Каллай, считался поручикомъ въ ротѣ. Еще какіе-то двое помѣщиковъ были подпоручиками.

Въ другомъ пунктѣ города обучался точно такимъ же образомъ «эскадронъ» уланъ, человѣкъ въ 50, подъ руководствомъ Лобаржевскаго.

Послѣ событій, происшедшихъ въ Краковѣ и во Львовѣ въ самомъ началѣ ноября 1848 года и по уничтоженіи правительствомъ данной галиціанамъ конституціи, въ Кросно стало являться, что ни день, множество странствующихъ, никому изъ мѣстныхъ жителей незнакомыхъ, поляковъ. Полиція начала вглядываться въ этихъ непрошенныхъ гостей. Иногда происходили аресты. Пришелъ приказъ изъ Львова арестовать и Езеранскаго. Но его спасъ Каллай, отвезши на своихъ лошадяхъ въ горы, откуда Езеранскій перебрался въ Венгрію — и тутъ, въ концѣ ноября 1848 года, вступилъ простымъ рядовымъ въ «польскій легіонъ», который формировался въ городѣ Прешовѣ подъ наблюденіемъ стараго шестидесятилѣтняго ветерана польскихъ войскъ Наполеона I-го, изрубленнаго и изстрѣляннаго (больше на дуэляхъ, чѣмъ на войнѣ), полковника Тхуржницкаго. Ни лошадей, ни мундировъ, ни оружія у этихъ «уланъ» (какъ ихъ называли) тогда еще не было. Учились на одной площади только маршировкѣ, каждый въ такой одеждѣ, въ какой пришелъ. Инструкторомъ былъ у нихъ офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ, Липскій. Но эти ученья происходили не долго: 11-го декабря н. ст.

перешелъ венгерскую границу генералъ Шликъ и, подойдя къ Прешову, пустилъ въ него нѣсколько бомбъ. Это произвело страшную тревогу между жителями. Венгерскій гарнизонъ сейчасъ же выступилъ изъ города — и пошелъ куда глаза глядятъ. Польскимъ уланамъ Тхуржницкаго (незадолго передъ тѣмъ получившимъ оружіе) оставалось сдѣлать то же самое.

Послѣ разныхъ приключеній, даже одной небольшой схватки съ австрійцами, подъ деревнею Барча, всего полмили отъ Прешова, пѣшіе уланы Тхуржницкаго очутились въ Мишкольцѣ, и тутъ соединились съ венгерской арміей, защищавшей сѣверную часть Венгріи. Въ этой сѣверной арміи было довольно польскихъ партій, сформированныхъ на деньги, выхлопотанныя у венгерскаго правительства капитаномъ Высоцкимъ, котораго отправила въ Пештъ Централизація демократическаго общества. Прибывшій туда же немного позже, генералъ Бемъ (немедля приглашенный Кошутомъ въ венгерскую службу), не совѣтовалъ послѣднему формировать отдѣльнаго польскаго легіона (прямо изъ опасеній столкновенія съ Россіею), но противъ поступленія поляковъ въ венгерскія войска онъ не имѣлъ ничего. То-есть, ему хотѣлось, чтобы поляки дѣйствовали слитно съ венгерцами, въ одной и той же массѣ, но отнюдь не имѣли своихъ отдѣльныхъ польскихъ полковъ, съ польскими знаменами и командой, дабы никто не могъ сказать, что Галиція, что ея недавняя, бѣжавшая изъ Львова, Кракова и другихъ городовъ, національная армія или гвардія идетъ рука-объ-руку съ возставшими противъ своего монарха венгерцами, служа дурнымъ, соблазнительнымъ примѣромъ полякамъ двухъ другихъ захватовъ.

Централизація, полагавшая всю душу и всѣ средства, какими могла располагать, въ формированіе польскихъ отрядовъ при венгерскихъ войскахъ и ожидавшая отъ этого Богъ-вѣсть какихъ результатовъ, сочла такія «непатріотическія» дѣйствія Бема интригами противу ея глубоко-обдуманныхъ и спасительныхъ плановъ, и рѣшилась уничтожить этого вреднаго для интересовъ всей Польши человѣка. Нашелся «патріотъ», нѣкто Колодзейскій, который предложилъ Централизаціи свои услуги по этой части. Когда онѣ были приняты, онъ вошелъ однажды въ кабинетъ Бема, легко-доступный всякому поляку, вынулъ изъ кармана пистолетъ и выстрѣлилъ въ генерала въ упоръ, но съ пулей что-то сдѣлалось: она не причинила никакого вреда генералу, ударившись будто бы (какъ говорили послѣ) обо что-то такое, лежавшее у него въ боковомъ карманѣ... Бемъ, хорошо владѣвшій собою во всякую минуту, показалъ только Колодзейскому на дверь и проговорилъ быстро: «убирайся поскорѣе, а не то тебя схватятъ; да учись, шутъ гороховый (błaznie), лучше стрѣлять» [1]!

[1] Pamiętniki Jeziorańskiego, I, 35.

Тѣмъ не менѣе, онъ выпустилъ въ свѣтъ громовое воззваніе противъ Централизаціи, гдѣ зацѣпилъ сильно и Высоцкаго. Венгерское правительство сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло, въ эти ссоры и свары двухъ партій, одинаково нужныхъ предстоящей, недалекой революціи. Разрѣшено формированіе польскихъ отрядовъ съ польскими знаменами и командой. Дѣло это закипѣло шибко. Венгерскія и польскія массы были за него. Возражали и соглашались съ Бемомъ (которому пришлось уѣхать въ Семиградскую область) немногіе. Кошутъ былъ на его сторонѣ, но не высказывался громко. Идти тогда противъ формированія польскихъ отрядовъ, польскаго легіона, это значило: поднять противъ себя весь край. Немного позже (8-го апрѣля н. ст. 1849 г.), на смотру венгерскихъ и польскихъ войскъ въ Гёдёллё, хитрый мадьярскій дипломатъ, когда мимо его дефилировали въ церемоніальномъ маршѣ поляки, снялъ шляпу и оставался все время съ непокрытой головой; тогда какъ при маршировкѣ мимо него своихъ, только приподнималъ легонько шляпу передъ каждымъ батальономъ [1]).

Описывать здѣсь хода всей венгерской кампаніи 1848—1849 мы, конечно, не станемъ. Все это—не очень важныя «дѣла минувшихъ дней», всѣмъ хорошо извѣстныя. Какъ Бемъ предвидѣлъ, такъ и случилось: русскіе вошли съ большою арміею въ предѣлы Венгріи и рѣшили участь этой землицы, начинавшей, вмѣстѣ съ поляками, мечтать Богъ вѣдаетъ о чемъ, впрочемъ, можетъ... и весьма раціонально...

Полковникъ Владиславъ Замойскій [2]) (правая рука и неизмѣнное копье князя Чарторыскаго, всегда дѣйствовавшій въ интересахъ *hôtel Lambert)*, присовѣтовалъ полякамъ, служившимъ у венгерцевъ, уйти въ Турцію, гдѣ на первыхъ порахъ помогутъ имъ агенты Чарторыскихъ, находящіеся въ Константинополѣ и частію въ другихъ городахъ въ значительномъ числѣ. Такъ и сдѣлали. Кошутъ съ Замойскимъ отправились напередъ, чтобы уладить желающимъ способы перехода черезъ турецкую границу. Турки согласились впустить къ себѣ вооруженныя массы поляковъ, венгерцевъ и итальянцевъ на слѣдующихъ условіяхъ: «нижніе чины обязаны сложить всякое оружіе, при нихъ находящееся; офицерамъ будутъ оставлены сабли и пистолеты; лошади поступаютъ въ соб-

---

[1]) *Pamiętniki,* I, 66.

[2]) Братъ графа Андрея Замойскаго, извѣстнаго по своимъ приключеніямъ и соперничеству съ Велепольскимъ въ послѣднее восстаніе 1861—1863. Родился въ 1803 году, умеръ въ 1868 году, въ чинѣ генерала турецкихъ и англійскихъ войскъ. Женатъ былъ на графинѣ Ядвигѣ Дзялынской, сестрѣ Яна Дзялынскаго, умершаго недавно бездѣтнымъ, вслѣдствіе чего знаменитый Курникъ, большое имѣніе Дзялынскихъ подъ Познанью, съ его превосходной библіотекой, перешелъ въ родъ графовъ Замойскихъ. Тамъ живетъ теперь сынъ генерала Владислава Замойскаго, по имени тоже Владиславъ.

ственность тѣхъ кавалеристовъ, которые совершили па нихъ кампанію. Пушки передаются турецкому правительству».

Переправа поляковъ черезъ Дунай совершилась передъ Орсовой, между 18-го августа н. ст. 1849 г. Тутъ перешелъ и Езеранскій. Первая стоянка была противъ Орсовы на сербской территоріи. Неподалеку стали отдѣльными группами венгерцы и итальянцы. Сербы относились къ своимъ гостямъ не очень любезно. Езеранскій выражается объ этомъ въ своемъ *Запискахъ:* «prócz powietrza i wody nic nam nie chcieli użyczyć». (Кромѣ воздуха и воды ничего не хотѣли намъ удѣлить [1]). Иные намекали прямо, что «лучше было бы, если бы незванные гости вовсе ушли». Нечего дѣлать: перешли въ Болгарію, тогда еще турецкую провинцію—и тутъ съ большимъ трудомъ выпросили, въ Виддинѣ, у тогдашняго губернатора, Махмуда-паши, позволеніе остаться нѣкоторое время подъ городомъ. Имъ были отведены на берегу особые военные бараки. Изъ одной турецкой палатки поляки сдѣлали часовню, гдѣ «полковой» ксендзъ служилъ по праздникамъ обѣдню.

Изъ Виддина поляки перебрались въ Шумлу, на подводахъ, доставленныхъ турецкимъ правительствомъ. Тутъ венгерцы, имѣвшіе надобность остаться въ городѣ нѣсколько долѣе, простились съ поляками. Кошутъ во главѣ своихъ, въ черной чамаркѣ и круглой шляпѣ съ перомъ цапли, выѣхалъ къ легіону верхомъ и подалъ руку Дембинскому, сказавъ: «не могу каждому изъ васъ пожать руку—жму ее у вашего вождя. Поляки! Съ давнихъ поръ вы были связаны съ нами узами братской дружбы. Отнынѣ ваше слитіе съ нами въ боевомъ огнѣ, ваше самоотверженіе и жертвы закрѣпили эти узы навѣки»!

Въ Шумлѣ поляковъ размѣстили по турецкимъ казармамъ. Иные наняли квартиры у болгаръ по чрезвычайно дешевой цѣнѣ. Большая комната съ кухней стоила въ мѣсяцъ 24 піастра [2]). Солдаты спали на тапчанахъ. Ѣли то, что̀ готовили себѣ турецкія войска (рисовый супъ, баранину, хлѣбъ); но позже устроили себѣ свою кухню. Получали отъ турецкаго правительства жалованье, которое въ скоромъ времени было уменьшено. Здѣсь каплица или часовня у поляковъ была устроена въ каменномъ баракѣ и тоже служились въ ней по праздникамъ обѣдни. По окончаніи каждой обѣдни, всѣ, находившіеся въ церкви, пѣли неизбѣжно хоралъ Уейскаго: *Z dymem pożarów* [3]). Когда умеръ одинъ польскій офицеръ Юревичъ, болгаре не позволили похоронить его на своемъ кладбищѣ, говоря, что онъ «другой вѣры и съ ихъ покойниками лежать не можетъ». По-

---

[1]) *Pamiętniki,* I, 97.

[2]) Выходитъ менѣе двухъ гульденовъ. (Гульденъ равнялся тогда шестнадцати піастрамъ).

[3]) Можно видѣть въ брошюрѣ: *Wiadomości z kraju*, Lipsk, 1868, стр. 45—46. По-русски: февральская книжка *Библіот. для Чтенія*, 1864, стр. 19—21.

ляки обратились съ просьбою къ туркамъ, чтобы они дозволили похоронить умершаго на своемъ кладбищѣ: турки дозволили безпрекословно. Позже, поляки устроили свое собственное кладбище, поставивъ на немъ каменный столбъ, съ слѣдующею надписью на польскомъ языкѣ: «Здѣсь покоятся на турецкой землѣ поляки, которые были приняты султаномъ Абдулъ-Меджидомъ очень милостиво». Турки совѣтовали написать то же самое по-турецки, чтобы охранить памятникъ и самое кладбище отъ разрушенія; поляки не послушались, и какъ только ушли ихъ отряды оттуда,—болгаре сейчасъ же все поломали и раскидали. Езеранскій, проѣзжая послѣ этими мѣстами, видѣлъ лично слѣды разрушенія. Такъ-то южный славянинъ инстинктивно понимаетъ, что полякъ—не братъ ему и братомъ быть не можетъ...

Изъ Шумлы выступилъ «легіонъ» 12-го декабря н. ст. 1850 года. 20-го прибылъ въ Варну, сѣлъ на пароходъ и на немъ переѣхалъ въ Константинополь. Здѣсь поляковъ размѣстили въ кавалерійскихъ казармахъ *рулеси-кишляръ*, на другой сторонѣ Босфора. Каждому дано по 500 піастровъ и сказано, что «они могутъ отправиться, куда имъ угодно». Большая часть пустилась въ Ливерпуль, на Сардинскомъ парусномъ суднѣ *Арпа (Агра)*. Езеранскій, по настоянію полковника Владислава Замойскаго и Садыкъ-паши—Чайковскаго, остался въ Турціи (оба они говорили ему, что скоро будетъ хорошая работа)—и поступилъ на турецкую службу при особѣ Азисъ-паши, какъ офицеръ, для обученія турецкихъ солдатъ правиламъ и дисциплинѣ европейскихъ армій. Спустя нѣкоторое время, Азисъ-паша назначенъ былъ комендантомъ въ Бѣлградъ. Езеранскій отправился съ нимъ въ видѣ адъютанта, но въ Бѣлградѣ пришла фантазія Азизъ-пашѣ сдѣлать изъ своего адъютанта серба. Езеранскій сталъ учиться по-сербски и назвался Антоніемъ Іовановичемъ. Насколько онъ былъ сербомъ для сербовъ—это ужъ его дѣло, и какая изъ этого преображенія вышла польза для него, для турецкой дипломатіи, для Польши—это тоже его дѣло... Агентъ Чарторыскихъ Ленуаръ (Lenoir — Звѣржховскій) представилъ Езеранскаго-Іовановича князю Александру Карагеоргіевичу, его свитѣ и высшимъ сербскимъ сановникамъ. Вскорѣ, по нездоровью, Ленуаръ переѣхалъ въ Парижъ, а мѣсто его въ Бѣлградѣ занялъ историкъ Францискъ Духинскій.

Подробности службы Езеранскаго на Востокѣ для насъ покрыты тайной...

Многаго онъ, конечно, не сдѣлалъ; скорѣе—не сдѣлалъ вовсе ничего. При появленіи на берегахъ Босфора англійской и французской армій, всѣ поляки, жившіе тамъ, тѣмъ болѣе военные, какъ Езеранскій, хлопотали усиленно о сформированіи «польскаго легіона». Теперь хорошо извѣстно, что̀ это былъ за легіонъ, къ чему клонилась вся эта затѣя... Жалѣешь тутъ одного старика Мицкевича:

къ чему онъ разыгралъ подъ старость лѣтъ такого шута — и кончилъ жизнь такъ глупо и такъ жалко, на чужой сторонѣ, вдали не только отъ своей Польши и Литвы, но и отъ своего парижскаго очага, гдѣ жилъ до того времени довольно спокойно и прожилъ бы навѣрное еще лѣтъ десять, можетъ быть, сдѣлавъ что нибудь для поэзіи...

Послѣ заключенія Парижскаго мира, 25-го апрѣля н. ст. 1856 г., поляки сильно опустили головы, ходили какъ убитые... Езеранскій, услыхавъ объ амнистіи, дозволявшей полякамъ возвратиться въ край, выпросилъ у Азисъ-паши шестимѣсячный отпускъ, увидѣлся съ нашимъ бѣлградскимъ консуломъ Поповымъ, который, сдѣлавъ наскоро выправку, можно ли Езеранскому воротиться, а можетъ и не дѣлавъ ровно никакихъ выправокъ, выдалъ ему паспортъ для отъѣзда въ царство Польское. Езеранскій оставилъ Бѣлградъ 29-го декабря н. ст. 1859 года. Когда онъ прибылъ на станцію варшавско-вѣнской желѣзной дороги, его встрѣтилъ комиссаръ IX-го цыркула, Скулскій (тогда и позже очень извѣстный въ Варшавѣ, можно сказать: историческій), потребовалъ паспортъ и предложилъ перенести всѣ вещи въ ближайшую гостинницу, а потомъ—явиться къ коменданту города, генералъ-майору Тутчеку.

— Но неужели жъ это нужно непремѣнно сдѣлать сейчасъ? Вѣдь ужъ двѣнадцатый часъ ночи! замѣтилъ Езеранскій.

— Непремѣнно сейчасъ!

— Но я сильно усталъ и измучился дорогой. Въ Вѣнѣ былъ боленъ. Наконецъ, хочу смертельно ѣсть!

— Дайте мнѣ честное слово, сказалъ Скульскій, — что вы никуда не выйдете изъ гостинницы до завтрашняго дня!

— Извольте, даю слово!

— Въ такомъ случаѣ останьтесь дома, а утромъ въ 9 часовъ я къ вамъ явлюсь и мы вмѣстѣ отправимся къ коменданту.

— А теперь пойдемъ и поужинаемъ! сказалъ Езеранскій (входя въ первую взглянувшую на него гостинницу на Маршалковской улицѣ, вблизи станціи варшавско-вѣнской желѣзной дороги). Комиссаръ согласился и они сѣли ужинать...

На другой день, въ 10-мъ часу утра, Езеранскій съ комиссаромъ отправился къ коменданту. Онъ принялъ гостя въ высшей степени любезно, но тутъ же сказалъ, что «Езеранскій собственно не подходитъ подъ амнистію, какъ сражавшійся противъ насъ въ самое послѣднее время [1]).—Консулъ сдѣлалъ ошибку, выдавъ вамъ паспортъ».

---

[1]) См. въ моихъ «Запискахъ» о польскихъ заговорахъ—рѣчь государя императора 27-го мая 1856 г., стр. 148.

— Я въ этой ошибкѣ нисколько не виноватъ, замѣтилъ Езеранскій:—я не могъ знать, живя въ такомъ отдаленномъ краю, всѣхъ правилъ, постановленныхъ на этотъ конецъ для эмиграціи.

— Конечно! сказалъ Тутчекъ:—никто васъ и не винитъ. Вамъ будетъ сдѣлано возможное снисхожденіе. Можно ли вамъ оставаться въ царствѣ, или нельзя — это рѣшитъ Петербургъ. А пока васъ отвезутъ на гауптвахту. Что дѣлать: вы будете (по всѣмъ вѣроятностямъ недолго) арестованы и за вами будутъ строго смотрѣть. Иначе никакъ невозможно.

Дежурный офицеръ проводилъ Езеранскаго на саксонскую гауптвахту, гдѣ онъ занялъ небольшую комнату, съ желѣзными рѣшетками. Но онъ сидѣлъ тамъ всего одинъ день: намѣстникъ Горчаковъ разрѣшилъ ему, въ уваженіе къ разстроенному здоровью, переѣхать на квартиру, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ нашелъ за себя трехъ поручителей изъ числа болѣе или менѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ въ городѣ личностей. За Езеранскаго ту же минуту поручились: графъ Андрей Замойскій, помѣщикъ Руцкій и братъ, служившій въ коммиссіи финансовъ.

Позволеніе изъ Петербурга оставаться Езеранскому въ царствѣ Польскомъ пришло скоро. Ему не разрѣшалось, однако, поступить на государственную службу ранѣе какъ черезъ три года. Друзья предлагали ему выгодныя занятія въ разныхъ частныхъ учрежденіяхъ, но онъ отъ всего этого отказался, взявъ въ аренду у своей матери домà ея въ Варшавѣ и склады лѣсу и дровъ на Сольцѣ.

Время катилось для отставнаго кондотьера незамѣтно. Между старыми знакомыми оказалось много новыхъ. Были и такіе, съ кѣмъ Езеранскій несъ всякія тяготы военной службы въ Венгріи и жилъ послѣ на Востокѣ. Говорили безъ умолку. Вспомнимъ, какое было время: 1860-й годъ — годъ первыхъ манифестацій! Всѣмъ извѣстно, какъ бурлила и клокотала тогда Варшава; какое множество партій образовалось въ ней, одна другой задорнѣе, одна другой горячѣе. Старый кондотьеръ съ удовольствіемъ прислушивался ко всему этому шуму, присматривался къ необыкновенному движенію улицъ, ресторановъ, клубовъ, баварій... Онъ вспоминалъ прежніе годы, какъ, лѣтъ десятокъ тому назадъ, онъ также кипятился и думалъ только о томъ, какъ бы стать подъ какое либо знамя и громить враговъ отечества и свободы!..

Сначала онъ лишь выслушивалъ всякія бредни горячихъ головъ у себя дома, въ глухомъ кабинетѣ, но потомъ сталъ заглядывать и въ чужіе кабинеты и въ разные неопредѣленные притоны заговорщиковъ; попадалъ на бурныя засѣданія сумасбродовъ всякаго возраста; бывалъ онъ временами даже и на засѣданіяхъ кружка, откуда вышелъ Центральный комитетъ, и на засѣданіяхъ Военнаго комитета, на углу Свентокраковской улицы и Варецкой площади. Тутъ ужъ онъ велъ себя, какъ опытный, окуренный поро-

хомъ повстанецъ, трактовалъ важно, свысока, давалъ совѣты, сочинялъ планы... Кончилось тѣмъ, что его пригласили быть предсѣдателемъ этого комитета. Езеранскій, не чувствуя того самъ, пошелъ быстрыми шагами по дорогѣ, по которой шли тогда очень многіе его соотечественники живаго темперамента — и менѣе всего думалъ, что онъ теперь уже не холостой бобыль, какъ въ 1848 году и позже, которому «нечего терять и не съ кѣмъ разставаться», а только что женившійся [1]), проживающій со своею женою первые медовые мѣсяцы; не думалъ, что всякое несчастіе, какое обрушится на его голову, касается не его одного, но цѣлаго семейства. Кондотьеръ вообще очень мало думаетъ о такихъ пустякахъ, какъ жена и семейство... Съ другой стороны и то сказать: что и жена его и тесть тоже не особенно много задумывались надъ тѣмъ, что̀ будетъ, если вдругъ Езеранскаго кто нибудь выдастъ, или сама полиція (у которой онъ состоялъ подъ надзоромъ) вдругъ что либо откроетъ, подсмотритъ, подслушаетъ. Жена его и тесть знали, куда онъ ходитъ—и молчали. Таково уже было тогда всеобщее настроеніе: всѣ шли куда-то, не спрашивая, хорошо это или дурно, умно или глупо... Не мудрость, и весьма не мудрость, если тутъ же, подъ эту волну, попалъ и Езеранскій—этотъ недавній странствователь по разнымъ арміямъ, бившійся искренно и отважно за чужіе интересы, служившій чужимъ возстаніямъ вѣрой и правдой какъ будто своимъ. А вѣдь тутъ сочинялось свое, родное возстаніе и, повидимому, нешуточное!..

Разъ ночью, въ половинѣ декабря мѣсяца 1861 года, очень сильно застучали въ наружныя двери квартиры Езеранскихъ. Прежде всего проснулась жена, потомъ прислуга, потомъ онъ — и, конечно, догадались ту же минуту, кто можетъ ночью такъ безцеремонно стучать. Езеранскій схватилъ со стола всѣ запрещенныя газеты и изданія революціонныхъ кружковъ (Sfrażnica, Głos Kapłana и др.), а также и «планъ военныхъ дѣйствій», принесенный наканунѣ Витольдомъ Марчевскимъ, бросилъ все это въ печку, поджегъ свѣчей и заперъ дверцы. Послѣ того подошелъ къ наружнымъ дверямъ и спросилъ:

— Кто тамъ?

— Отворяй, а не то прикажу выбить двери! отвѣчалъ голосъ комиссара Скульскаго, того самаго, съ которымъ Езеранскій не очень давно такъ пріятно ужиналъ и который въ то время былъ такъ неслыханно любезенъ, на все соглашался, все разрѣшалъ!.. Ясно, что обстоятельства перемѣнились.

---

[1]) На дочери помѣщика Наполеона Горбовскаго, судьи Равскаго уѣзда, Варшавской губерніи, когда-то улана польскихъ войскъ и подъ Гроховымъ (25-го февраля н. ст. 1831 г.)—секретаря диктатора Хлопицкаго. Свадьба была 20-го ноября н. ст. 1860 г.

Когда двери были отворены, вошелъ жандармскій офицеръ, за нимъ комиссаръ, потомъ полиціантъ и, наконецъ, двое жандармовъ, которые стали у порога, обнаживъ сабли. Жандармскій офицеръ съ комиссаромъ приступили къ осмотру кабинета, отпирали всѣ ящики, забирали письма, бумаги... въ это время сообразительная жена Езеранскаго, вспомнивъ, что онъ имѣлъ обычай, читая разныя прокламаціи, записки пріятелей, писавшихъ ни о чемъ другомъ какъ объ ихъ «тогдашнихъ дѣлахъ», и тому подобное засовывать по прочтеніи подъ подушки креселъ, дивановъ: все это внимательно осмотрѣла, нашла такого добра пропасть, унесла на свою половину и сожгла въ печи. Впрочемъ, офицеры не заглядывали въ другія комнаты, рѣшивъ, можетъ быть, что «и того довольно, чтò захвачено въ кабинетѣ» (въ самомъ дѣлѣ, было довольно) — и предложили Езеранскому потеплѣе одѣться и ѣхать съ ними. У воротъ стояли двѣ «дружки». Езеранскій быстро одѣлся, простился съ женою, вышелъ на улицу и сѣлъ въ одну изъ дружекъ, съ жандармскимъ офицеромъ; насупротивъ помѣстились стоявшіе у дверей два жандарма. Скульскій съ полиціантомъ заняли другую дружку, и все это двинулось. Въ улицахъ было пусто. Дулъ вѣтеръ; порошилъ снѣгъ. Езеранскій рѣшился спросить у своего сосѣда-офицера, куда они ѣдутъ? — Въ цитадель! отвѣчалъ тотъ. Потомъ оба молчали до конца путешествія.

Въ 4 часа ночи прибыли въ X-й павильонъ. Огромныя желѣзныя ворота тяжело отворились и затворились, показавъ пару жандармовъ съ обнаженными саблями и пару солдатъ съ ружьями на плечахъ, вѣчно тамъ торчащихъ... На порогѣ каменнаго дома, который потомъ обрисовался за кустами небольшаго садика (гдѣ днемъ арестанты прохаживаются, подъ наблюденіемъ стражи), встрѣтилъ прибывшихъ очень извѣстный повстанцамъ того времени страшный и неумолимый для нихъ жандармскій капитанъ Жучковскій, который вполнѣ отвѣчалъ мѣсту, имъ занимаемому. Онъ служилъ ревностно, съ любовью, съ увлеченіемъ и нимало не скучалъ этимъ убійственнымъ однообразіемъ явленій, этими рядами солдатъ и жандармовъ, двигающихся по коридорамъ; этимъ отворяніемъ и затвореніемъ дверей въ казематы, откуда выходили арестанты въ комиссію и потомъ возвращались назадъ; этой перекличкой часовыхъ по валамъ цитадели; наконецъ, этой ночной «музыкой» (по его выраженію), какая начиналась съ наступленіемъ всякихъ сумерекъ въ казематахъ: арестанты стучали другъ ко другу въ стѣны и такъ между собою разговаривали. Все это было занимательно для капитана Жучковскаго—сегодня, завтра, послѣ завтра, какъ другому опера, какъ любое развлеченіе европейскаго общества...

Принявъ арестанта и его бумаги, Жучковскій приказалъ ему за собою слѣдовать. Езеранскій зашагалъ по коридорамъ, слабо

освѣщеннымъ фонарями; рядомъ съ нимъ шли два солдата съ ружьями; кромѣ того, сзади слѣдовалъ жандармъ съ фонаремъ.

— Семнадцатый номеръ! крикнулъ Жучковскій.

Семнадцатый номеръ отворился; Езеранскій вошелъ въ него и былъ тотчасъ внимательно осмотрѣнъ. Затѣмъ Жучковскій сказалъ ему: «покойной ночи!» и двери замкнулись.

Езеранскій спать не могъ, не столько отъ того, что его тапчанъ былъ несовсѣмъ спокойной и удобной постелью, а просто отъ наплыва разнообразныхъ тревожныхъ мыслей. Онъ спрашивалъ себя: «кто бы могъ его выдать?»... Припоминалъ содержаніе захваченныхъ у него бумагъ и писемъ... Такъ разсвѣло. Въ 9 часовъ явился Жучковскій и спросилъ у Езеранскаго: «какъ ему спалось?»

— Да не особенно!

— Чего теперь хотите: чаю или кофею?

— Лучше бы чаю. Я бы просилъ еще сигаръ.

— Этого не могу разрѣшить безъ коммиссіи. Комиссія вамъ многое разрѣшитъ, и постель вамъ принесутъ изъ дому, только не затягивайте дѣла, не запирайтесь, тѣмъ болѣе, что и безъ вашихъ признаній все уже извѣстно! сказалъ Жучковскій и, поклонившись, вышелъ.

— Распѣвай, братъ, тамъ! подумалъ Езеранскій:—ничего отъ меня не услышите и не узнаете: буду во всемъ запираться — и конецъ!

Черезъ четверть часа принесли чайникъ съ горячимъ чаемъ, стаканъ, сахаръ и двѣ булки. Чай оказался очень хорошимъ. Въ полдень принесли весьма сносный обѣдъ, состоявшій изъ крупеника съ говядиной, жаркова, каши; при этомъ было чрезвычайно много хлѣба.

На четвертый день арестованнаго пригласили въ *коммиссію*, предсѣдателемъ которой былъ тогда генералъ-маіоръ Рожновъ, помощникомъ его очень извѣстный во дни возстанія (никакъ не менѣе если не болѣе Жучковскаго) полковникъ (потомъ генералъ) Тухолка.

Началось съ обычныхъ вопросовъ: «Кто? Какъ прозываетесь? Гдѣ воспитывались? Кто родители?» и т. п. На все это Езеранскій отвѣчалъ точно и опредѣленно. Когда же спросили: «что̀ вы дѣлали послѣднее время на Востокѣ?» арестованный отвѣчалъ: «что̀ бы тамъ ни дѣлалъ, но вѣдь государь меня за это простилъ!»

— Вы и не будете поэтому отвѣчать передъ судомъ ни за какой изъ тогдашнихъ вашихъ поступковъ, замѣтилъ Рожновъ, — но все-таки намъ нужно знать, что̀ вы именно дѣлали послѣднее время на Востокѣ. Разскажите все это откровенно!

— Это, во-первыхъ, очень длинная исторія, сказалъ Езеранскій.

— Но мы не поскучаемъ ее выслушать съ начала до конца, замѣтилъ Рожновъ.

— Во-вторыхъ (продолжалъ Езеранскій),—вслѣдствіе забытія всего моего прошедшаго самимъ государемъ императоромъ, я не считаю удобнымъ сообщать факты того времени, дабы кто нибудь не сталъ выводить изъ нихъ какихъ либо не соотвѣтственныхъ теперешнимъ обстоятельствамъ заключеній.

Далѣе налегать не рѣшились. Началось выпытываніе разныхъ секретовъ настоящей минуты. «Знаетъ ли Езеранскій того, другаго, третьяго? Кто бывалъ на собраніяхъ заговорщиковъ тамъ-то, гдѣ и его видали? Какъ попала въ «Стражницу» статья, которую нашли у Езеранскаго въ рукописи въ письменномъ его столѣ? Значитъ: ему извѣстна *редакція* «Стражницы»? Гдѣ эта редакція?»

На всѣ эти вопросы и многіе другіе такого же свойства арестованный отвѣчалъ весьма уклончиво, иной разъ прямымъ запирательствомъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю!» Чтò ни дѣлали, какъ ни уговаривали, какъ ни устрашали разными невыгодными послѣдствіями такого упорства, — отвѣты были постоянно одни и тѣ же: ничего не открывали болѣе того, чтò комиссія уже знала изъ бумагъ и показаній другихъ арестантовъ.

Восемь мѣсяцевъ сидѣлъ такимъ образомъ Езеранскій въ своемъ 17-мъ номерѣ, допрашиваемый въ три, въ четыре дня одинъ разъ; и трудно сказать, сколько бы онъ просидѣлъ тамъ еще, если бы не стали о немъ усиленно хлопотать у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ друзья и родственники, которыхъ у него было въ Варшавѣ очень много. Весьма можетъ статься, что за него замолвилъ гдѣ нибудь въ высокомъ салонѣ доброе слово всѣми уважаемый тузъ, графъ Андрей Замойскій, еще не разорвавшій окончательно своихъ связей съ правительствомъ, съ кѣмъ намѣстникъ, напротивъ, искалъ именно въ ту минуту (середина 1862 г.) искренняго сближенія. *Комиссія* смягчилась къ Езеранскому. Перестали на него кричать и топать и высказывать ему разные страхи. Только вначалѣ сентября н. ст. (1862 года) попугали его Модлиномъ (т. е. Новогеоргіевскою крѣпостью), а потомъ 18-го того же мѣсяца выпустили на свободу.

14-го января н. ст. 1863 г., вечеромъ, вошло къ Езеранскому нѣсколько человѣкъ изъ числа самыхъ ближайшихъ его друзей — не менѣе близкихъ къ возстанію. Хозяинъ сію же минуту смекнулъ, что вошедшіе такой кучей ночью явились не даромъ: что нибудь да есть! Пригласилъ ихъ въ кабинетъ, заперъ двери и спросилъ:

— Ну, чтò?

— Чтò? Въ эту ночь произойдетъ наборъ на исключительныхъ основаніяхъ, отвѣчали ему.—Чтò дѣлать: нѣсколькихъ, можетъ и очень порядочное количество, мы потеряемъ. Но все-таки масса заговорщиковъ выйдетъ изъ города. Центральный коми-

тетъ одобрилъ возстаніе. Сегодня же въ ночь онъ именемъ народнаго правительства выпуститъ соотвѣтственный обстоятельствамъ *манифестъ*. Освобожденіе крестьянъ, провозглашаемое этимъ манифестомъ, и уравненіе правъ всѣхъ гражданъ, безъ сомнѣнія, привлечетъ къ намъ значительныя массы хлоповъ и... нехлоповъ внутри края. Солдатъ у насъ во всякомъ случаѣ довольно. Не достаетъ только офицеровъ. Ты, конечно, не откажешься принять участіе въ этомъ великомъ предпріятіи, которое одинаково раздѣляютъ всѣ захваты, эмиграція, Европа!.. Идетъ, что ли?

— Хорошо, господа, отвѣчалъ Езеранскій:—но есть ли у васъ оружіе, одежда для выходящихъ воиновъ и для тѣхъ, на сочувствіе которыхъ вы разсчитываете въ краѣ? Есть ли провіантъ для нихъ? Все это въ подобныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, вопросы первой важности.

На это ксендзъ Микошевскій, бывшій тутъ же, отвѣчалъ:

— Чтò можно было сдѣлать — сдѣлано. Остальное надо предоставить Богу!

— Пословица говоритъ: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! замѣтилъ Езеранскій: — я долженъ знать непремѣнно, чѣмъ я буду командовать, дабы рѣшить здѣсь же, въ Варшавѣ, чтò дѣлать. Воевать на-авось мнѣ бы не хотѣлось и моимъ годамъ не къ лицу!

— Да вѣдь молодежь уже ушла, а завтра выйдетъ еще нѣсколько партій. Воротить нельзя, остановить — также. Нужно дать вышедшимъ, во что бы то ни стало, какихъ либо руководителей, сказалъ Витольдъ Марчевскій, членъ Центральнаго комитета. — Биться за венгерцевъ, за турокъ—на это тебя хватило; а пришлось выступить за свой родимый край—ты на попятный дворъ! На чтò это похоже!

Езеранскій, припертый къ стѣнѣ, замѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ указаній съ этой стороны отъ Центральнаго комитета, какого нибудь приказа, чего либо въ этомъ духѣ.

— Вотъ тебѣ приказъ Центральнаго комитета о назначеніи тебя военнымъ начальникомъ Равскаго уѣзда, сказалъ Марчевскій.

Почему Равскаго, а не другаго какого нибудь, — легко было понять: у Езеранскаго въ Равѣ, вслѣдствіе того, что тамъ былъ уѣзднымъ судьею отецъ его жены, Горбовскій,—имѣлись различныя связи и знакомства. Не то что десятки, но цѣлыя сотни лицъ могли заняться разными приготовленіями по данному начальникомъ рецепту: отыскать и направить къ извѣстному пункту людей, снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ на первыхъ порахъ, даже укрыть, если потребуется, на тайныхъ квартирахъ. Въ милѣ отъ станціи Радзивилловъ [1]) находилось у Горбовскаго хорошее имѣніе, Долецкъ, гдѣ

---

[1]) Полустанокъ между Рудой-Гузовской и Скерневицами, отъ послѣдней станціи 10½ верстъ, отъ первой 11½. Отъ Равы около тридцати верстъ.

самъ вождь отряда могъ найти во всякое время вполнѣ безопасный пріютъ...

Езеранскій, подумавъ немного, спросилъ у Марчевскаго:

— А когда нужно выѣхать въ Раву?

— Надняхъ, отвѣчалъ тотъ, получишь извѣщеніе объ этомъ за 24 часа.

Такъ былъ пріобрѣтенъ Центральнымъ комитетомъ этотъ хорошій и опытный офицеръ,—можетъ быть, самый лучшій офицеръ возстанія 1863 года.

Черезъ 4 дня послѣ описаннаго разговора въ его квартирѣ, именно 18-го января н. ст. 1863 г., въ 5 часовъ утра, Езеранскій выѣхалъ изъ Варшавы по желѣзной дорогѣ на Радзивилловъ, вмѣстѣ съ молодымъ искателемъ приключеній, Өомою Винницкимъ, который замѣнялъ ему довольно долгое время адъютанта и начальника штаба. 18-го выѣхали, а 19-го было у нихъ въ радзивилловскихъ лѣсахъ уже слишкомъ 100 человѣкъ разнаго воинства! 20-го пришло еще 38. Эти доставили 4 фуры неоправленныхъ косъ, нѣсколько охотничьихъ ружей и нѣсколько сабель, изъ которыхъ одну Езеранскій привѣсилъ ту же минуту себѣ, Өома Винницкій—другую. Нашлись кузнецы: давай, что̀ нужно, ковать, насаживать на древки. Бывшихъ въ военной службѣ Езеранскій подѣлалъ офицерами и унтеръ-офицерами и велѣлъ имъ учить народъ всякимъ военнымъ пріемамъ и марширoванію. Обозную или лагерную службу преподавалъ самъ. Въ обращеніи съ подчиненными былъ чрезвычайно простъ, но только требовалъ отъ нихъ самаго точнаго и отчетливаго исполненія своихъ обязанностей. Ѣлъ съ ними изъ общаго котла, спалъ, какъ и всѣ прочіе, на землѣ, подъ открытымъ небомъ. По счастію для повстанцевъ, холода̀ стояли тогда очень умѣренные. Скорѣе можно сказать: было тепло, нежели холодно.

Такъ было положено начало одному изъ хорошихъ повстанскихъ отрядовъ этого возстанія. Другіе формировались подобнымъ образомъ, гдѣ хуже, гдѣ лучше, гдѣ скорѣе, гдѣ медленнѣе: все зависѣло отъ характера главнаго начальника, его опытности и способностей.

22-го числа января 1863 г., по н. ст., было назначено Центральнымъ комитетомъ поголовное возстаніе всѣхъ «присягнувшихъ» (Sprzysiężonych) во всемъ царствѣ Польскомъ. Оно должно было начаться, какъ извѣстно, нападеніемъ повстанцевъ врасплохъ на наши спящія войска по разнымъ городамъ и деревнямъ, гдѣ только стояли какіе либо гарнизоны. Езеранскій не сдѣлалъ въ этотъ день ничего, не имѣя достаточнаго количества людей для нападенія на самый малый правительственный отрядъ. Это нѣсколько удивило Центральный комитетъ, называвшійся уже «жондомъ народовымъ» (народнымъ правительствомъ). 25-го января н. ст. онъ отправилъ къ Езеранскому нарочнаго съ письмомъ, гдѣ, «одобряя всѣ его распоряженія,

спрашивалъ, отчего начальникъ такихъ силъ, обутыхъ, одѣтыхъ какъ слѣдуетъ и сносно вооруженныхъ, не приступилъ до сихъ поръ къ дѣйствіямъ (nie rospoczyna większéj akcji wojennéj), когда получены извѣстія объ успѣшныхъ столкновеніяхъ съ «москвою» гораздо меньшихъ партій».

Езеранскій отвѣчалъ: «Собираю людей, вооружаю ихъ чѣмъ могу и обучаю военной службѣ. Поймалъ нѣсколько казаковъ. Не дозволяю правильно ходить русскимъ почтамъ. Захватилъ всѣ деньги въ кассахъ казенныхъ лѣсничествъ. Строго держусь покамѣстъ системы партизанской войны. Нападеній на отряды дѣлать еще не могу за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ силъ. Но какъ только будетъ можно, сейчасъ же перейду къ дѣйствіямъ наступательнымъ. Здоровье солдатъ удовлетворительно».

Вскорѣ послѣ этого, услыхавъ, что разные русскіе отряды ходятъ около него, какъ будто бы узнавъ объ его мѣстопребываніи, Езеранскій снялся и пошелъ на Раву, съ цѣлію, если будетъ можно, ее атаковать. По дорогѣ пристало къ партіи нѣсколько молодыхъ помѣщиковъ, сидѣвшихъ безъ всякаго дѣла по своимъ хуторамъ и имѣвшихъ хорошее вооруженіе. Не доходя до Равы съ милю, Езеранскій сталъ лагеремъ въ скерневицкихъ лѣсахъ и узналъ, что войскъ въ Равѣ довольно: пѣхоты 628 человѣкъ, казаковъ 60, жандармовъ 18, всего 706 человѣкъ. Отрядъ же Езеранскаго заключалъ въ себѣ тогда 154 стрѣлка, 160 косинеровъ, 60 кавалеристовъ, всего 374 человѣка, т. е. почти вдвое меньше, чѣмъ у непріятеля. Къ тому же, послѣдній сидѣлъ за разными прикрытіями, а поляки были всѣ до единаго въ полѣ. Нападеніе оказывалось невозможнымъ. Езеранскій собирался, постоявъ немного въ томъ пунктѣ, гдѣ раскинулъ лагерь, повернуть куда нибудь въ пущую гущину и тьму лѣсовъ и идти, куда случится. Вдругъ нанесло на него банду ветерана бывшихъ польскихъ войскъ, полковника Смѣховскаго, человѣкъ въ 200 слишкомъ, сносно одѣтыхъ и вооруженныхъ. Смѣховскій просто шелъ, куда глаза глядятъ. Соединиться съ Езеранскимъ для него ничего не значило. Они стали вмѣстѣ лагеремъ подъ Равой. Езеранскій объявилъ новому товарищу о своемъ намѣреніи «ударить на Раву», не высказывая, однако, никакихъ страховъ и опасеній. Но дабы какъ нибудь не задѣть его самолюбія, какъ младшій его чиномъ [1]), предложилъ ему командованіе надъ обоими соединенными отрядами; но Смѣховскій, человѣкъ прямой и простой, не чувствуя въ себѣ достаточныхъ способностей командовать кучей повстанцевъ (въ сущности все-таки довольно плохаго и неопытнаго войска), отказался отъ такой чести, сказавъ: «Я, душа моя, старый солдатъ, умѣю исполнять, что̀ мнѣ прикажутъ, но брать городъ рекрутами — не рѣшусь ни за что на свѣтѣ. Если ты на-

---

[1]) Езеранскій имѣлъ тогда чинъ не выше майорскаго.

дѣешься какъ нибудь прилично извернуться въ этомъ случаѣ—тебѣ и книги въ руки: прими начальство надъ нами надо всѣми, а мы будемъ тебя безпрекословно слушать!»

— Ну, ладно, сказалъ Езеранскій, и сталъ готовиться къ атакѣ. При помощи мѣстной равской «организаціи», которая съ нимъ постоянно сносилась, онъ построилъ хитрый планъ нападенія, гдѣ главную роль игралъ «красный пѣтухъ». Организація обѣщала приготовить въ разныхъ пунктахъ города кучи всякаго сора и легковоспламеняющихся предметовъ, и все это въ минуту нападенія зажечь и тѣмъ произвести въ гарнизонѣ переполохъ. Такъ и сдѣлано. Солдаты наши, мгновенно открывшіе меткій штуцерный огонь по рядамъ поляковъ, подошедшихъ къ городской чертѣ, сейчасъ же увидѣли себя окруженными огнемъ, который явился въ разныхъ пунктахъ улицъ точно по какому-то волшебству. Конечно, догадались, что̀ это за волшебство, но тѣмъ не менѣе нужно было спасаться, такъ-какъ пожаръ грозилъ распространиться. Отрядъ нашъ отступилъ за городскую черту. Повстанцы вошли въ городъ, захвативъ въ сумятицѣ нѣсколько казаковъ и жандармовъ. Фейерверки были скоро погашены, не причиня жителямъ никакого вреда, или до крайности незначительный, на что не слышалось нигдѣ ни малѣйшихъ нареканій. Напротивъ, всѣ были веселы, торжествовали побѣду. Езеранскій огласилъ народное правительство, прочитавъ жителямъ манифестъ Центральнаго комитета, jako Rądu Narodowego, и спѣшилъ поскорѣе выбраться изъ покоренныхъ стѣнъ, потому что тотъ же самый отрядъ, который часъ тому назадъ вышелъ изъ города, могъ воротиться и надѣлать повстанцамъ большихъ хлопотъ, если только не забрать ихъ всѣхъ руками, какъ куръ...

2-го февраля н. ст. [1]) «побѣдители» уже маршировали къ Пршедборжу. На маршѣ, 3-го февраля н. ст., Езеранскій получилъ отъ жонда «поздравленіе съ побѣдой и чинъ полковника». 4-го былъ уже въ Пршедборжѣ, запасся тулупами, сапогами, бѣльемъ и, отдохнувъ порядкомъ, двинулся 8-го февраля на фольваркъ Студзянну; по дорогѣ имѣлъ небольшую стычку съ какимъ-то русскимъ отрядомъ подъ дер. Любохни. Въ Студзянну пришли 10-го февраля н. ст. Силы отряда были тогда такія: 466 стрѣлковъ, 197 человѣкъ кавалеристовъ, 212 косинеровъ, всего 885 человѣкъ.

Въ Студзяннѣ соединились съ Езеранскимъ остатки разныхъ разбитыхъ нами партій, между прочимъ, Стройновскаго (котораго Езеранскій предупреждалъ объ опасности и давалъ ему кое-какіе совѣты, но тотъ не хотѣлъ слушаться). Изъ Олькушскихъ желѣзныхъ заводовъ были доставлены кѣмъ-то двѣ пушки и единорогъ, негодившіеся однако въ употребленіе.

---

[1]) Нападеніе на Раву было 1-го февраля н. ст. 1863 г., въ ночь. «Журналъ Воен. Д.», № 6, стр. 7, показываетъ другое число: 22-е января (3-е февраля), вѣроятно ошибочно.

18-го февраля н. ст., зачинивъ по возможности всякія «прорѣхи» въ своемъ отрядѣ: пополнивъ недостатокъ аммуниціи, оружія, снарядовъ, чѣмъ и какъ пришлось, Езеранскій двинулся къ Кѣльцамъ (лелѣя въ себѣ нѣкоторыя надежды «взять этотъ городъ» при помощи мѣстной организаціи, съ которою имѣлъ сношенія). 19-го февраля были въ м. Радковѣ, гдѣ пристало къ Езеранскому нѣсколько солдатъ Куровскаго, разбитаго подъ Мѣховымъ, а на другой день присоединилась цѣлая банда нѣкоего Новака, въ 200 человѣкъ.

Со всѣми этими силами Езеранскій перенесся покамѣстъ въ дер. Ропотицы, принадлежавшую отдаленному его родственнику, Новаковскому, и сталъ тамъ лагеремъ подлѣ чрезвычайно густаго и темнаго лѣса, куда, въ крайнемъ случаѣ, можно было безопасно укрыться. Въ это время подъѣхала со стороны Малогоща (который лежитъ отъ Ропотицъ въ разстояніи одной мили) бричка и изъ ней вышелъ господинъ невысокаго роста, въ голубыхъ очкахъ, въ сѣрой короткой чамаркѣ, подбитой чернымъ барашкомъ; у боку мотался кое-какъ подвѣшенный палашъ; за ременный поясъ былъ заткнутъ висѣвшій на шнуркѣ, обмотанномъ около шеи, револьверъ. За нимъ вылѣзъ высокій полный ксендзъ и, наконецъ, соскочилъ сидѣвшій на передкѣ молодой человѣкъ въ красной конфедераткѣ.

Господинъ въ очкахъ, подойдя къ Езеранскому, стоявшему на ту пору передъ своей палаткой, рекомендовался «генераломъ Лангевичемъ», ксендзъ — «гражданскимъ начальникомъ Краковскаго воеводства», посланнымъ Котковскимъ, молодой человѣкъ—«адъютантомъ генерала». (Въ сущности это была женщина, одѣтая по-мужски: г-жа Генрика Пустовойтова).

Езеранскій сталъ ихъ всѣхъ внимательно оглядывать... Въ это время Лангевичъ досталъ изъ кармана «номинацію» жонда на чинъ генерала и подалъ Езеранскому. Тотъ прочиталъ и спросилъ спокойнымъ голосомъ:

— Откуда вы, генералъ?

— Изъ Свенто-Кршискихъ горъ. Отрядъ же мой стоитъ теперь въ Малогощѣ. А твой отрядъ какой силы, коллега?

— Не могу вдругъ сказать: народъ все прибываетъ. Во всякомъ случаѣ будетъ тысяча съ хвостомъ.

— И хорошо вооруженъ?

— Такъ себѣ. Нѣсколько десятковъ штуцеровъ; остальное — охотничьи ружья. Много косинеровъ. Кавалерія лучше всего: лошади превосходныя, каждый всадникъ имѣетъ палашъ и револьверъ, не то—двустволку.

— Я пріѣхалъ сюда просить тебя, коллега, соединить твой отрядъ съ моимъ, потому что, дѣйствуя врозь, мы натворимъ немного путнаго.

— А какъ великъ отрядъ въ Малогощѣ и какъ вооруженъ?

— Въ эту минуту его надо полагать не больше какъ въ 800

человѣкъ, отвѣтилъ Лангевичъ.—Но если я соберу всѣ силы воеводства въ одну массу, можно будетъ, конечно, попробовать вытурить изъ воеводства «москву»!

— Ничего не выйдетъ изъ этого, сказалъ мрачно Езеранскій:— не вытурите!

— А почему?

— По той простой причинѣ, что оружіе плохо, нѣтъ хлѣбныхъ магазиновъ, а безъ нихъ прокормить большую армію, собранную въ одномъ пунктѣ, нельзя. Поэтому не вижу никакой существенной надобности соединять наши отряды въ одинъ.

Тутъ вставила Пустовойтова такое словцо:

— Генералъ Лангевичъ имѣетъ право располагать всѣми силами воеводства, какъ ему заблагоразсудится!

Езеранскій окинулъ ее строгимъ взглядомъ и сказалъ немного улыбаясь, что «онъ еще не увѣдомленъ объ этомъ оффиціально». Тогда ксендзъ Котковскій вынулъ изъ-за пазухи *приказъ* жонда, гдѣ говорилось, между прочимъ, что «отряды, входящіе въ какое либо воеводство, подчиняются начальнику военныхъ силъ этого воеводства» [1]).

— Ясно какъ день и нечего тутъ спорить и толковать, сказалъ Езеранскій.—Мнѣ кажется только, что точное исполненіе этого приказа не всегда и не вездѣ полезно. Еще разъ напоминаю о томъ, что я сказалъ о недостаткѣ хорошаго вооруженія и о хлѣбныхъ магазинахъ. Все это, впрочемъ, мои личные взгляды и замѣчанія. Что касается *приказа* жонда, онъ будетъ исполненъ мною въ точности, только я не принимаю на себя отвѣтственности за послѣдствія.

— Я принимаю всю отвѣтвенность на себя, сказалъ Лангевичъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ говорить объ этомъ предметѣ больше нечего. Отрядъ мой—въ вашемъ распоряженіи, генералъ!

— Итакъ, ожидаю васъ въ Малогощѣ, сказалъ весело Лангевичъ и подалъ Езеранскому руку. Бричка, забравъ всѣхъ пріѣхавшихъ, загремѣла.

Отрядъ Езеранскаго вскорѣ двинулся къ Малогощу. Въ верстѣ отъ города Лангевичъ встрѣтилъ своихъ гостей верхомъ на большомъ гнѣдомъ конѣ, окруженный многочисленной свитой. Отрядъ остановился. Лангевичъ проѣхалъ по рядамъ. Солдаты сдѣлали «на-караулъ» и прокричали «ура!» Послѣ этого отрядъ тронулся къ городу и когда вошелъ въ него, одинъ изъ адъютантовъ Лангевича показалъ пригорокъ подлѣ кладбища какъ мѣсто, гдѣ прибывшіе должны были расположиться лагеремъ. Езеранскій хотѣлъ было отправиться туда же, но Лангевичъ просилъ его подъѣхать къ мѣстному малогощинскому отряду, собранному среди города на площади. Езеранскій исполнилъ его желаніе. Солдаты точно также

[1]) Лангевичъ былъ тогда сандомірскимъ воеводой.

сдѣлали «на-караулъ» и прокричали «ура». Затѣмъ Лангевичъ сталъ просить Езеранскаго, чтобы онъ помѣстился на одной съ нимъ квартирѣ въ плебаніи. Езеранскій отказался, замѣтивъ, что «привыкъ никогда не разлучаться съ солдатами, особенно когда они находятся въ невыгодныхъ условіяхъ»...

Только что онъ началъ потомъ устраивать насколько можно лучше размѣщеніе своихъ солдатъ, бесѣдуя урывками со Смѣховскимъ (который потерялъ отчего-то весь свой юморъ) явились отъ Лангевича посланцы: Тромпчинскій, бывшій офицеръ русской службы, и капитанъ Пюро: просить гостя на «военный совѣтъ въ плебанію». Езеранскій отправился—и увидѣлъ прежде всего накрытый большою скатертью столъ съ приборами вокругъ. Тутъ же, въ сторонѣ, кипѣлъ самоваръ и около него суетились штабные.

— Я пригласилъ тебя, коллега, на военный совѣтъ, сказалъ Лангевичъ, послѣ обычнаго привѣтствія, своему гостю:—онъ сейчасъ начнется; занимать тебя долго не станемъ.

— Очень радъ служить чѣмъ могу, отвѣчалъ Езеранскій,—но долженъ замѣтить, что у меня въ отрядѣ есть офицеры, которыхъ присутствіе на совѣтѣ было бы весьма нелишнимъ.

— Кто это?

— Полковникъ Смѣховскій и Винницкій.

— Левковичъ! крикнулъ Лангевичъ на офицера, сидящаго въ другой комнатѣ:—пригласите этихъ господъ сюда, а покамѣсть они явятся, прошу, господа, къ чаю!

Стали пить чай. Тѣмъ временемъ подошли Смѣховскій и Винницкій. Совѣтъ начался, въ той же самой комнатѣ, подъ бряканье стакановъ, слѣдующею рѣчью хозяина:

— Такъ какъ мы потрепали москалей въ нѣсколькихъ схваткахъ, то имъ, вѣроятно, не скоро придетъ охота задрать какой нибудь изъ нашихъ большихъ отрядовъ. Поэтому намъ не мѣшаетъ теперь, пользуясь затишьемъ, собрать разныя партіи въ одно мѣсто и образовать родъ благоустроенной арміи, одѣть ее, вооружить и затѣмъ уже дѣйствовать, какъ потребуютъ и позволятъ обстоятельства.

Езеранскій сказалъ на это:—«Судя по тѣмъ извѣстіямъ, которыя я получилъ сегодня, положеніе нашихъ дѣлъ представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ изобразилъ его генералъ: москали идутъ на насъ съ трехъ сторонъ: отъ Кѣльцъ, Ендржеева и Хенцинъ и здѣсь очень скоро будетъ серьезное сраженіе».

— Эти вѣсти получены, вѣроятно, отъ тѣхъ, кто желалъ бы въ этой сторонѣ поскорѣе отъ насъ избавиться, возразилъ Лангевичъ.

— Я не привыкъ во время войны почерпать извѣстія изъ сомнительнаго источника, сказалъ Езеранскій,—по крайней мѣрѣ всегда знаю, чему вѣрить и чему не вѣрить. То, что я сообщилъ о движеніи противъ насъ москалей, не подлежитъ никакому сомнѣнію: они будутъ здѣсь, самое позднее, черезъ 48 часовъ, и непре-

мѣнно насъ атакуютъ. Намъ, въ этой котловинѣ, въ какой лежитъ Малогощъ, защищаться будетъ трудно.

Изъ всѣхъ сидѣвшихъ въ залѣ совѣта одинъ Чаховскій (начальникъ тоже довольно серьезной банды) сообразилъ скорѣе другихъ, что Езеранскій дѣло смыслитъ и говоритъ не на-обумъ:—если вы утверждаете, сказалъ онъ, обращаясь къ нему,—что полученныя вами свѣдѣнія вполнѣ достовѣрны, то скажите пожалуйста, что̀ нужно дѣлать теперь по вашему?

— По-моему, биться теперь не слѣдуетъ, отвѣчалъ спрошенный:— а раздѣливъ всѣ собранные здѣсь силы, разойтись по разнымъ угламъ и заняться приведеніемъ въ порядокъ всего того, что̀ у насъ безпорядочно. А тамъ видно будетъ, что̀ дѣлать далѣе, когда будетъ у насъ армія, какъ армія... а здѣсь, при тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся, насъ разобьютъ, помяните мое слово, разобьютъ!

— Мое намѣреніе — бить москалей: въ этомъ заключается весь мой планъ веденія военныхъ дѣйствій, сказалъ Лангевичъ, а чтобъ бить—нужно предварительно заняться соединеніемъ всѣхъ разбросанныхъ силъ въ одну, а не играть въ партизанскія перепрыгиванія съ мѣста на мѣсто. На раздѣленіе моей собранной здѣсь арміи согласиться никоимъ образомъ не могу!

— Ну, что-жъ? и спорить не будемъ! отвѣчалъ Езеранскій.—Только, если намъ предстоитъ неизбѣжно биться, то лучше было бы предупредить непріятеля: атаковать его, пока онъ еще двигается сюда отдѣльными отрядами. А когда онъ соединитъ ихъ здѣсь, около Малогоща, мы, повторяю вамъ еще разъ, будемъ непремѣнно разбиты. Позиція наша самая проклятая и невыгодная, какую только можно себѣ представить.

— Нужно будетъ, однако, убѣдиться какъ нибудь, что москали дѣйствительно идутъ на насъ, и уже отсюда якобы не далеко, сказалъ Лангевичъ:—вѣдь, можетъ быть, это басни!

— Убѣждайтесь, а я достаточно убѣжденъ! проговорилъ сухо Езеранскій.

— Теперь, я думаю, лучше всего поужинать! сказалъ Лангевичъ, въ главной квартирѣ котораго ужины, завтраки, обѣды, закуски и чаи играли немаловажную роль.

Езеранскій и его офицеры отказались отъ ужина и ушли къ отряду.

Бой подъ Малогощемъ, 12-го (24-го) февраля 1863 года, былъ не разъ описанъ довольно подробно. Мы побѣдили—это правда; но—только «побѣдили»—и ничуть не воспользовались побѣдой. Между тѣмъ, положеніе повстанцевъ было таково, что слѣдовало не просто ихъ разбить, а взять, по крайней мѣрѣ, половину въ плѣнъ. Если этого не сдѣлано, виноватъ начальникъ штаба ра-

домскаго военнаго отдѣла, подполковникъ Добровольскій [1]), которому даны были черезчуръ большія полномочія. О немъ говорили передъ тѣмъ въ Варшавѣ и во многихъ другихъ городахъ очень невыгодно. Носились слухи о несомнѣнныхъ сношеніяхъ его съ Сѣраковскимъ; за каждымъ шагомъ его слѣдила полиція; даже на его квартирѣ жилъ одно время цѣлый мѣсяцъ жандармскій полковникъ Гацфельдъ, который долженъ былъ распечатывать всѣ приходящія къ нему, откуда бы-то ни было, письма...

Послѣ всего этого, Добровольскому слѣдовало очиститься въ горнилѣ какой нибудь крупной побѣды, хоть просто—разбить большую банду повстанцевъ. Эффектнѣе всего было разбить Лангевича, о которомъ шумѣли всѣ газеты. Добровольскій, прибывъ въ Хенцины, съ довольно большимъ отрядомъ, изъ Радома, собралъ «военный совѣтъ», на которомъ было постановлено «атаковать непріятеля въ Малогощѣ съ трехъ сторонъ: изъ Кѣльцъ (полковникъ Ченгери), изъ Ендржеёва (майоръ Голубевъ) и изъ Хенцинъ (подполковникъ Добровольскій)», и назначены были часы для выступленія каждаго отряда съ мѣста. Добровольскій выступилъ раньше, дабы явиться передъ непріятелемъ прежде всѣхъ и дѣйствовать одному. Онъ одинъ разсчитывалъ обратить въ бѣгство повстанцевъ, не имѣвшихъ ни хорошаго дальнобойнаго оружія, ни артиллеріи. Если-бъ Добровольскій исполнилъ диспозицію въ точности, дождался бы товарищей, то на полѣ битвы былъ бы старшимъ полковникъ Ченгери; ему принадлежала бы главная команда, главная награда и—слава. Добровольскій остался бы на второмъ, или даже неизвѣстно на какомъ, планѣ, былъ бы затерянъ. Онъ рѣшился, во что бы-то ни стало, не допустить этого—и не допустилъ. Рапортъ о ходѣ всего дѣла зависѣлъ вполнѣ отъ него: написали съ Ушаковымъ, что̀ имъ вздумалось. Добровольскій получилъ чинъ полковника...

А повстанская армія сандомірскаго воеводы, почти въ томъ же видѣ, какъ была до битвы предъ Малогощемъ, шла себѣ да шла глухими лѣсами Слупи и Шренявскими, по направленію къ Песковой скалѣ, куда прибыла 2-го марта новаго стиля и стала лагеремъ подъ самымъ замкомъ владѣльца этого имѣнія, графа Мѣрошовскаго. 4-го марта новаго стиля, Лангевича атаковалъ отрядъ князя Шаховскаго: Песковая скала была взята; при этомъ сильно пострадали прекрасныя картины древнихъ мастеровъ, статуи, бронза, мебель... Изъ числа извѣстныхъ повстанцевъ въ битвѣ этой палъ Потебня, расписанный «Колоколомъ».

---

[1]) Въ послѣднюю турецкую кампанію онъ командовалъ дивизіей подъ Плевной, имѣя чинъ генералъ-майора. Убитъ при штурмѣ Плевны, 30-го августа 1877. — «*Часъ*» о немъ, 1863, № 53, стр. 1, столбецъ 5. Наши газеты никогда не печатали о немъ ни строки.

Оттуда всѣ отряды воеводы двинулись къ Гощѣ, куда прибыли 6-го марта новаго стиля.

Здѣсь разыгрался одинъ изъ крупныхъ эпизодовъ возстанія 1863 года: возведеніе Лангевича въ диктаторы, чему способствовала особая партія бѣлыхъ, которую поляки назвали потомъ тарговичанами. Тарговичане имѣли въ виду прибрать къ рукамъ «одного изъ выдающихся повстанскихъ вождей Радомской губерніи, какъ центра главныхъ военныхъ дѣйствій того времени, и располагать имъ какъ вздумается, какъ потребуютъ обстоятельства». Для цѣлей, ими задуманныхъ, наиболѣе казался подходящимъ недавній скромный студентъ берлинскаго университета, Лангевичъ, во всѣхъ отношеніяхъ мало опытный и мало видавшій, особенно недалекій въ политикѣ. Въ Краковѣ балотировка прошла, при помощи разныхъ сложныхъ пружинъ, благополучно. Нужно было продѣлать теперь то же самое въ лагерѣ, и потомъ провозгласить торжественно диктатуру. Здѣсь сильнымъ препятствіемъ къ приведенію всего этого въ исполненіе могъ быть Езеранскій, который довольно давно зналъ, чтò такое готовится—и, разумѣется, считалъ себя жестоко обиженнымъ, уязвленнымъ, забытымъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ лучшимъ вождемъ изъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ тогда въ царствѣ. Онъ видалъ виды, бывалъ во многихъ серьезныхъ сраженіяхъ, изучалъ военное ремесло подъ руководствомъ солидныхъ предводителей большихъ армій. Лангевичъ, сравнительно съ нимъ, смотрѣлъ въ глазахъ всѣхъ понимающихъ дѣло просто рекрутомъ, начинающимъ военную карьеру, хоть и назывался генераломъ и состоялъ подъ особенной протекціей жонда народоваго, — чтò было, впрочемъ, искусно подстроено тѣми же «тарговичанами». И они знали, что Езеранскій недосягаемо выше Лангевича по военнымъ способностямъ и опытности; но имъ нужны были не способности диктатора, а его покладистость. Этого у Езеранскаго не было: онъ былъ сильно непокладистъ.

Боясь, какъ бы онъ не испортилъ всего дѣла какою нибудь выходкой (чтò ему было такъ легко, имѣя значеніе въ рядахъ всѣхъ повстанскихъ отрядовъ и располагая бòльшими силами нежели кто нибудь) — лица, сносившіяся съ Лангевичемъ изъ Кракова и посвятившія его въ тайну, совѣтовали ему позондировать Езеранскаго *лично*—«чтò онъ думаетъ насчетъ диктатуры?» Лангевичъ такъ и сдѣлалъ. Они жили въ Гощѣ на одной квартирѣ. Когда однажды они пришли оба домой, отдохнуть отъ различныхъ дневнихъ хлопотъ и волненій (которыхъ у всякаго повстанскаго вождя гораздо больше, чѣмъ у начальника регулярнаго отряда) — сонъ бѣжалъ отъ ихъ очей. Лангевичъ велѣлъ дать чаю и, наливая Езеранскому стаканъ, спросилъ его: «скажи, пожалуйста, откровенно, какъ ты смотришь на предложенную мнѣ диктатуру?»

— Откровенно?.. Я скажу тебѣ откровенно: я—противъ дикта-

туры; потому противъ, что мы вовсе не въ такихъ условіяхъ, чтобы сочинять подобныя вещи. Будь у насъ нѣсколько сотъ миль завоеванной территоріи, да сто тысячъ войска и деньги—я бы заговорилъ другое. Я бы прямо присовѣтовалъ тебѣ, безъ всякихъ съ твоей стороны вопросовъ, принять диктатуру; а теперь, извини меня, это—безсмыслица!

— Можетъ быть, ты и правъ, сказалъ Лангевичъ,—но... если я не приму диктатуры, ее возьметъ кто нибудь другой, скорѣе всего Мирославскій.

— Это совсѣмъ иное дѣло, возразилъ Езеранскій:—за этимъ другимъ будетъ по крайней мѣрѣ форма: диктатуру дѣйствительно берутъ, а не принимаютъ!

Лангевичъ увидѣлъ, что дѣло пошло на фразы и не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ. На другой день онъ передалъ пріятелямъ весь этотъ разговоръ. Партія рѣшилась прибѣгнуть къ такому маневру: уговорили старика Высоцкаго пріѣхать въ Гощу и объясниться съ Езеранскимъ. Высоцкій отправился, но не доѣхалъ до Гощи, а остановился неподалеку оттуда, въ такъ называемой *бараньей таможнѣ* [1]), въ то время пустой, и послалъ къ Езеранскому особаго курьера, прося его убѣдительно пріѣхать къ нему. Езеранскій накинулъ на себя чамарку, подбитую бараномъ, нахлобучилъ рогативку, положилъ въ оба кармана, налѣво и направо, по револьверу, подпоясалъ саблю и выѣхалъ, въ сопровожденіи небольшаго эскорта, въ сторону «бараньей таможни». Кругомъ шумѣлъ голый лѣсъ. Въ одномъ мѣстѣ, на полянѣ, Езеранскій и его спутники замѣтили нѣсколько темныхъ фигуръ. Это былъ Высоцкій со свитой. Онъ сказалъ гостю своему прямо, безъ всякихъ прелюдій, какъ только они остались одни: «ты, братъ, заводишь тамъ какія-то свары! Время ли теперь заниматься этимъ! Ты только подумай, въ какомъ мы находимся положеніи: намъ нуженъ диктаторъ—для Европы! Не выбрали ни меня, ни тебя—ну, и Богъ съ ними! Надо только молить Всевышняго, чтобы имъ не сдѣлался какъ нибудь Мирославскій!.. Ради самого Создателя, ради воскресающей отчизны, заклинаю тебя: покорись обстоятельствамъ, какъ я покоряюсь. Я вѣдь тебя постарше: вы всѣ были мальчиками, когда я билъ въ Венгріи москалей и австрійцевъ, будучи тогда уже генераломъ [2]). Однако, видишь, смиряюсь, не ропщу, не заявляю претензій... не заявляй же, ради Бога, и ты! Иначе мы уложимъ воскресающую отчизну снова въ могилу... Подчинись Лангевичу, нечего дѣлать, и прочитай вотъ это войскамъ!» При этомъ сунулъ ему въ руку какую-то бумагу. Это была довольно давно

---

[1]) Оффиціально называется: Баранъ (Baran przykomorzec celny). Находится на границѣ Мѣховскаго уѣзда и Австріи.

[2]) Собственно произведенъ въ генералы подъ-конецъ кампаніи за защиту Коморна.

отпечатанная въ Краковѣ, на большомъ веленевомъ листѣ, прокламація или манифестъ диктатора Маріана Лангевича къ народу.

— Я не раздѣляю вашихъ взглядовъ на диктатуру, сказалъ Высоцкому Езеранскій,—но сдѣлаю то, чего вы требуете, единственно въ виду вашихъ заслугъ и доказаннаго всему свѣту патріотизма. Мы служили съ вами подъ одними и тѣми же знаменами, отстаивая свободу благородной и храброй націи и, кажется, на свой пай поработали. Мнѣ нельзя, мнѣ... было бы грѣшно идти противъ васъ. Вы найдете во мнѣ всегда вашего покорнѣйшаго слугу... во всю жизнь!

— Такъ ступай же, братъ, и кончи тамъ все, какъ слѣдуетъ, а я поплетусь въ Краковъ!.. Прощай, не заводи сваръ!

И они разъѣхались въ разныя стороны.

Езеранскій, по прибытіи въ Гощу, сообщилъ Лангевичу въ формахъ, какія нашелъ наиболѣе приличными, весь свой разговоръ съ Высоцкимъ. «Теперь медлить нечего: собери для проформы совѣтъ—и оглашайся! Я обѣщалъ старику прочесть передъ войсками твой манифестъ и исполню это!»

Лангевичъ пошелъ объявить обо всемъ слышанномъ отъ Езеранскаго своимъ протекторамъ. Грабовскій, играя роль уполномоченнаго комиссара народнаго правительства (какую игралъ незадолго передъ тѣмъ въ Краковѣ), составилъ совѣтъ изъ слѣдующихъ лицъ: генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго [1]), комиссара краковскаго воеводства, Войтѣха Бѣхонскаго, Өомы Винницкаго, члена краковскаго комитета, Леона Хршановскаго, помѣщика Владислава Бентковскаго и самого Лангевича.

Послѣ краткой рѣчи, построенной болѣе или менѣе на тѣхъ же мотивахъ какъ и рѣчь, произнесенная въ Краковѣ, Грабовскій предложилъ Лангевичу, отъ имени жонда народоваго, диктатуру и спросилъ присутствующихъ, «чтò они объ этомъ думаютъ»? Такъ-какъ карты были уже давнымъ-давно подтасованы и всѣмъ было извѣстно о генеральномъ совѣтѣ по тому же самому предмету въ Краковѣ и о томъ, что настоящій лагерный совѣтъ есть ничто иное какъ пустая проформа, то всѣ, кромѣ Бѣхонскаго и Винницкаго, объявили, что они вполнѣ раздѣляютъ взгляды жонда и не находятъ препятствія къ осуществленію его предложенія. Бѣхонскій и Винницкій, болѣе всѣхъ другихъ, имѣвшіе возможность знать о правахъ Грабовскаго дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ,—промолчали и сочтены согласившимися. Нечего говорить, что самъ Лангевичъ выразилъ согласіе.

---

[1]) Езеранскій произведенъ въ генералы въ концѣ февраля 1863 за отличіе въ битвѣ подъ Малогощемъ. Онъ узналъ объ этомъ по прибытіи въ Гощу (Pamiętniki, I, 226). Графъ Александръ Валигурскій былъ полковникомъ шведской арміи и съ этимъ чиномъ прибылъ, въ 1861, въ генуэзскую школу. О времени его производства въ генералы ничего неизвѣстно.

Послѣ этого войска выстроились на одной площади, за деревней (это было 10-го марта н. ст., въ первомъ часу дня). Лангевичъ съ большой свитой прибылъ туда, а генералъ Езеранскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, объявилъ имъ, что «военный начальникъ краковскаго и сандомірскаго воеводствъ, генералъ Маріанъ Лангевичъ, по соглашенію съ жондомъ народовымъ, возводится въ диктаторское достоинство». Послѣ этого прочелъ войскамъ *манифестъ диктатора къ народу*—ту бумагу, которую ему передалъ Высоцкій въ бараньей таможнѣ.

Вотъ что̀ тамъ говорилось:

«Соотчичи! Подъ напоромъ насилій и угнетенія со стороны русскаго правительства пламенные сыны Польши начали, во имя Божіе, борьбу съ исконнымъ врагомъ свободы и просвѣщенія,—съ наѣздомъ русскимъ, попирающимъ нашъ народъ, начали для того, чтобы завоевать краю свободу и независимость.

«Несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ врагъ нашъ рѣзкими и крутыми мѣрами вызвалъ вооруженное возстаніе,—борьба, начатая съ голыми руками противъ огромной русской арміи, не только тянется около двухъ мѣсяцевъ сряду на значительномъ пространствѣ нашего края, но и возрастаетъ и развивается больше и больше, благодаря энергіи и самоотверженію, какими проникнутъ весь народъ, рѣшившійся освободиться или погибнуть. Польская кровь льется потоками на поляхъ многочисленныхъ битвъ, льется по улицамъ городовъ и селъ нашихъ, которые азіатскій наѣздникъ обращаетъ въ прахъ, избивая безоружныхъ жителей и отдавая остатки ихъ имущества разъяренному солдатству.

«Въ виду этой отчаянной борьбы, этой рѣзни, пожаровъ и хищничества, которыми врагъ нашъ знаменуетъ свои походы, съ болью въ сердцѣ видитъ Польша, рядомъ съ величайшимъ самоотверженіемъ и увлеченіемъ многихъ тысячъ сыновъ своихъ, недостатокъ явнаго, сцентрализованнаго управленія, которое бы не дозволяло гибнуть понапрасну проявившимся уже силамъ, а дремлющія могло бы разбудить. Положеніе вещей и самый способъ войны привели къ тому, что, кромѣ повстанскаго лагеря, нѣтъ мѣста на всей землѣ нашей, гдѣ бы такое явное сцентрализированное управленіе могло установиться. Вотъ почему тайное временное правительство, образовавшееся изъ бывшаго Центральнаго комитета, не стало явнымъ передъ народомъ и свѣтомъ.

«Хотя безъ сомнѣнія скрываются въ народѣ мужи, несравненно выше меня способностями и заслугами, хотя я вполнѣ чувствую всю громадность долга и отвѣтственности, соединенныхъ съ высшею народною властію посреди столь трудныхъ обстоятельствъ, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій, которыя вопіютъ громкимъ голосомъ, требуя, чтобы въ минуты смертной борьбы съ мно-

гочисленными войсками наѣздника, управляемыя волею одного человѣка, крѣпли и множились силы и доблести народа посредствомъ соединенія въ однихъ рукахъ власти военной и гражданской, — я, по соглашенію съ временнымъ тайнымъ народнымъ правительствомъ, принимая нынѣ высшую диктаторскую власть, которую обязуюсь, по сверженіи русскаго ига, сложить въ руки народа, въ лицѣ его представителей.

«Оставляя себѣ непосредственное управленіе военными дѣйствіями, равно и право назначать высшихъ военныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, считаю нужнымъ ввѣрить гражданскія дѣла возстанія, а также и устройство освобожденной части края, особому гражданскому правительству, дѣйствующему по моему утвержденію и подъ моимъ верховнымъ контролемъ. Аттрибуты и организація такого правительства будутъ опредѣлены и урегулированы отдѣльнымъ постановленіемъ.

«Не предпринимая въ началѣ моего диктаторскаго управленія ничего новаго, но только продолжая дѣло временнаго народнаго правительства, подтверждаю во всей силѣ и оглашаю вновь принципы онаго, въ отзывѣ его, отъ 22-го января сего года, опубликованные, во имя которыхъ воздвигнута хоругвь борьбы народной за свободу и независимость нашей отчизны, а именно: за гражданскую свободу и равенство всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія вѣроисповѣданія, сословій и происхожденія, равно за безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, которою они владѣютъ на правахъ чинша или барщины, съ вознагражденіемъ притомъ помѣщиковъ, долженствующихъ понесть убытки изъ общихъ доходовъ государства.

«А теперь, народы короны, Литвы и Руси, въ одинъ польскій народъ соединенные, взываю къ вамъ еще разъ, во имя Божіе: встаньте всѣ, какъ есть, противъ наѣзда и варварства Москвы! Слитіе воедино всѣхъ сыновъ Польши, безъ различія сословій и исповѣданія, искренняя связь всѣхъ усилій, самоотверженіе и единство стремленій одушевитъ и увеличитъ, въ страшныхъ для врага размѣрахъ, разрозненныя силы наши и добудетъ намъ независимость отчизны, свободу и счастіе будущихъ поколѣній, а также и высокую, безсмертную память тѣхъ, кто ляжетъ костьми въ этомъ священномъ побоищѣ.

«Къ оружію, братья, къ оружію! За свободу и независимость отчизны!

«Генералъ Маріанъ Лангевичъ, диктаторъ».

Торжественный актъ присяги войскъ диктатору, а диктатора войскамъ, совершился двумя днями позже, въ дер. Сосновкѣ ($^3/_4$ мили отъ Мѣхова), на полянѣ, среди густыхъ лѣсовъ. Езеранскій въ своихъ *Запискахъ* увѣряетъ, что иные солдаты, вмѣсто: присягаю диктатору Маріану Лангевичу, повторяли: присягаю отчизнѣ, или Польшѣ. Диктатору это не понравилось и онъ ве-

лѣлъ, будто бы, одного такого арестовать и тотъ просидѣлъ подъ арестомъ до первой битвы [1]).

Само собою разумѣется, оставаться диктатору на мѣстѣ было нельзя. О немъ уже вездѣ распространялись слухи, и многимъ нашимъ отрядамъ хотѣлось поскорѣе отличиться: разбить армію диктатора, а если можно—то взять и его въ плѣнъ. Это мечталось многимъ. Особенно часто думалъ объ этомъ Ченгери.

Первый отрядъ, получившій опредѣленныя извѣстія о мѣстопребываніи Лангевича, уже диктатора, былъ—ближайшій къ нему, мѣховскій, начальникъ котораго, князь Багратіонъ, послалъ сейчасъ же майора Бентковскаго, съ тремя ротами смоленцевъ, полуэскадромъ драгунъ, двадцатью казаками и пятидесятью объѣздчиками, для произведенія рекогносцировки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали армію Лангевича. Бентковскій наткнулся на него, 13-го марта н. ст., близъ дер. Щепанковице, и имѣлъ съ нимъ небольшую перестрѣлку. Лангевичъ, видимо уклоняясь отъ боя, двинулся на дер. Маркотице и потомъ на селеніе Гура, откуда вскорѣ перешелъ въ Хробежъ. Бентковскій не спускалъ его съ глазъ, разсчитывая, что въ непродолжительномъ времени явится тамъ какой нибудь другой отрядъ, вмѣстѣ съ которымъ, можетъ статься, позволительно будетъ предпринять что либо серьезное. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ явился полковникъ Ченгери съ довольно большимъ отрядомъ и еще нѣсколько малыхъ. Они окружили армію диктатора въ лѣсу, носившемъ названіе Гроховиски. При болѣе искусныхъ маневрахъ, ни одинъ повстанскій «генералъ» изъ этого лѣса не долженъ бы уйти. Силъ у насъ было достаточно, но какъ-то случилось, что каждый отдѣльный начальникъ дѣйствовалъ, руководствуясь личными фантазіями и соображеніями и нисколько не согласуясь съ дѣйствіями другихъ. Старшій всѣхъ чиномъ, Ченгери, вслѣдствіе отсутствія повиновенія младшихъ и надлежащей военной субординаціи, вышелъ изъ себя—и сдѣлалъ непростительную ошибку: ушелъ вдругъ, со своими войсками, составлявшими самую существенную часть изъ всего того, что̀ тамъ было собрано,—на сѣверъ лѣса, а югъ, обращенный къ границѣ, оставилъ безъ всякихъ наблюденій. Диктаторъ, считавшій, что уже пришелъ конецъ, не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда ему сказали, что русскіе открыли ворота къ уходу повстанской арміи внутрь края или заграницу, устроилъ, прежде всего (иные увѣряютъ, будто бы, по совѣту Езеранскаго) тайный побѣгъ для себя съ Пустовойтовой, но въ Устьѣ, на пограничной австрійской таможнѣ, арестованъ.

Далѣе все извѣстно.

Езеранскій перебрался черезъ границу благополучно и вскорѣ нашелъ способъ представиться одному изъ самыхъ вліятельныхъ и

[1]) Pamiętniki, I, 237.

богатыхъ магнатовъ восточной Галиціи, князю Адаму Сапѣгѣ, человѣку молодому, энергическому, умному и проницательному. Сапѣга сейчасъ увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло—и поручилъ Езеранскому формированіе банды на его счетъ. Эти дѣла дѣлались тогда въ Галиціи очень просто, на глазахъ австрійцевъ, которые ни во что подобное не мѣшались. Въ главной квартирѣ Езеранскаго, Войтковицахъ, Пршесмыцкаго обвода, толпился народъ какъ на ярмаркѣ; одни пріѣзжали, другіе уѣзжали. Ихъ кормили въ лагерѣ до отвалу. Столы вѣчно стояли накрытыми съ приборами на большое количество гостей. Когда отрядъ, превосходно обмундированный и всѣмъ необходимымъ снабженный, былъ совсѣмъ готовъ,— Езеранскій перебрался съ нимъ въ царство Польское—и занялъ болотистую мѣстность Кобылянку, въ глуховскомъ лѣсу, неподалеку отъ австрійской границы. Здѣсь онъ имѣлъ удачное дѣло съ начальникомъ замосцьско-грубешовскаго военнаго отдѣла, полковникомъ Мѣдниковымъ, 24-го апрѣля—6-го мая, 1863 г. Дождавшись прибытія подкрѣпленія, Мѣдниковъ возобновилъ атаку—и выбилъ повстанцевъ изъ Кобылянки. У Езеранскаго опустились руки. Онъ сдалъ команду Смѣховскому, а самъ тайно (подобно Лангевичу по выходѣ изъ гроховискаго лѣса) уѣхалъ за-границу. Съ войсками случилось то-же самое, что тогда съ войсками Лангевича: они начали кричать: «измѣна, измѣна»! и въ безпорядкѣ двинулись къ границѣ. Тѣ, которые перешли въ Галицію, были обезоружены австрійцами. Жондъ народовый, получивъ обо всемъ этомъ донесеніе, лишилъ Езеранскаго званія люблинскаго воеводы и отдалъ подъ судъ, но судъ его оправдалъ. Старый кондотьеръ жилъ то во Львовѣ, то въ Краковѣ, то—гдѣ случится, на хуторахъ у пріятелей; временами чрезвычайно скучалъ,—и вдругъ вздумалъ опять формировать банду, на средства того же Сапѣги, нисколько не соображаясь съ тѣмъ, что обстоятельства сильно измѣнились не въ пользу повстанцевъ. Героя Кобылянки (какъ его вездѣ называли) заперли въ Куфштейнъ, гдѣ онъ просидѣлъ два года и съ трудомъ былъ выручень оттуда родными, при помощи генерала Бенедека, который лично видѣлъ Езеранскаго въ Куфштейнѣ и нашелъ его здоровье крайне разстроеннымъ.

Послѣ этого Езеранскій поселился во Львовѣ, вызвалъ туда свое семейство, велъ *записки* обо всемъ видѣнномъ и испытанномъ; часть этого была напечатана во Львовѣ, въ двухъ томахъ (Pamiętniki Jenerala Antoniego Jeziorańskiego), которыя читаются легко, исполнены простоты и правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ себѣ множество недосмотровъ и хронологическихъ ошибокъ. Съ этимъ «матерьяломъ» можетъ имѣть дѣло только человѣкъ, хорошо знакомый съ тѣми же событіями по другимъ, болѣе солиднымъ источникамъ.

Н. Бергъ.

А. А. ГРИГОРЬЕВЪ И Л. А. МЕЙ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Изданіе Д. И. Калиновскимъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала «Свѣточъ» началось въ 1860 году и я былъ приглашенъ завѣдывать его редакціей. Съ этого времени я особенно сблизился съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, котораго прежде изрѣдка встрѣчалъ въ литературныхъ кружкахъ и зналъ по его переводамъ изъ Шекспира и Байрона и по критическимъ статьямъ въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ. У него было немало литературныхъ противниковъ, которые не умѣли или не хотѣли оцѣнить его самобытнаго критическаго таланта. Онъ не принадлежалъ ни къ эстетическимъ критикамъ, опиравшимся на одни законы изящнаго, ни къ школѣ критики исторической, считавшей искусство прямымъ результатомъ жизни, а выработалъ свое собственное воззрѣніе, которое назвалъ органической критикой и основалъ на сліяніи жизни и искусства, направляемыхъ къ высшему идеалу. Съ обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ у него соединялось чувство красоты и сила глубокаго убѣжденія: читая статьи его, нельзя было не видѣть, что авторъ влагалъ въ нихъ всю свою душу, что его мысли и воззрѣнія, говоря его собственными словами, были его плотью и кровью. Съ перваго взгляда нѣкоторыя мнѣнія его казались парадоксальными, но при внимательномъ изученіи вы невольно сознавали ихъ правдивость. И время вполнѣ оправдало это. Не говоря о высказанныхъ имъ сужденіяхъ о Пушкинѣ, Тургеневѣ и другихъ русскихъ и иностранныхъ поэтахъ, довольно вспомнить, что онъ первый разгадалъ и оцѣнилъ значеніе Островскаго въ то время,

когда одни изъ нашихъ критиковъ видѣли въ немъ драматурга славянофильской школы, а другіе—послѣдователя обличительнаго натурализма Гоголя. Григорьевъ съ необыкновенной критической чуткостью понялъ истинный характеръ нынѣшняго представителя русской драмы въ то время, когда тотъ еще не высказался во всей полнотѣ.

Наружность Аполлона Александровича Григорьева съ перваго взгляда располагала въ его пользу. Его умное, чисто-русское лицо, открытый взглядъ, смѣлость въ сужденіяхъ и какая-то во всемъ искренность и непринужденность—были очень симпатичны.

Желая пригласить его къ сотрудничеству въ порученномъ мнѣ журналѣ, я въ первый разъ поѣхалъ къ Григорьеву. Онъ жилъ въ небольшой квартирѣ, недалеко отъ Знаменской церкви. Я засталъ у него нѣсколько до тѣхъ поръ незнакомыхъ мнѣ лицъ и въ томъ числѣ А. И. Фета. Гости пили чай, а хозяинъ въ красной шелковой рубашкѣ русскаго покроя, съ гитарой въ рукахъ, пѣлъ русскія пѣсни. Голосъ у Аполлона Александровича былъ гибкій и красивый, и ему придавали особую красоту какая-то задушевность въ чувствѣ и тонкое пониманіе характера нашей народной поэзіи. На гитарѣ игралъ онъ мастерски. Этотъ, почти совсѣмъ уже забытый въ наше время, инструментъ въ его рукахъ прекрасно гармонировалъ съ русскими мотивами. Мы много говорили о Москвѣ, которую оба любили, и гдѣ прошли годы первой нашей молодости Это послужило, между прочимъ, къ нашему сближенію. Григорьевъ охотно согласился участвовать въ «Свѣточѣ» и на другой же день привезъ мнѣ переведенное имъ стихотвореніе Байрона. Послѣ того мы видались часто.

Въ жизни Аполлонъ Григорьевъ былъ совершенный поэтъ романтической эпохи, т. е. не умѣлъ основательно позаботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Еще въ то время, когда онъ состоялъ на службѣ въ Москвѣ съ опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ, по собственному сознанію, постоянно нуждался, а живя теперь въ Петербургѣ безъ мѣста, однимъ литературнымъ трудомъ, еще больше терпѣлъ недостатка и подъ-часъ даже сильно бѣдствовалъ. Изрѣдка только выпадали ему счастливыя полосы, когда, напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ редакторовъ при журналѣ графа Кушелева-Безбородко «Русское Слово». Но и въ такіе рѣдкіе періоды сравнительной обезпеченности онъ не выходилъ изъ долговъ, и не разъ по этому поводу переселялся на болѣе или менѣе продолжительное житье въ долговое отдѣленіе, или, такъ-называемую, тарасовскую кутузку. Тамъ по неволѣ онъ долженъ былъ отказываться отъ нѣкоторыхъ удовольствій, на какія обыкновенно тратилъ деньги. На свободѣ онъ не въ состояніи былъ работать регулярно, лѣнился по цѣлымъ недѣлямъ, не доставлялъ обѣщанныхъ статей къ условленному сроку и не любилъ писать по заказу, какъ бы ни были на-

стоятельны его нужды. Но въ тарасовомъ домѣ, за недостаткомъ развлеченій, онъ занимался усидчиво и высылалъ статьи въ редакціи съ необычной для него въ другое время аккуратностью. Помню, однажды М. М. Достоевскій, не получая долго отъ Григорьева какой-то обѣщанной работы для журнала «Время», сказалъ ему шутя: «Знаете, Аполлонъ Александровичъ, что̀ я придумалъ? Вамъ нужны деньги: я дамъ вамъ подъ краткосрочный вексель, посажу васъ за неплатежъ въ долговое отдѣленіе, и вы будете тамъ писать мнѣ славныя статьи. Неправда-ли, хорошая мысль!».

Одинъ изъ такихъ финансовыхъ кризисовъ былъ у Григорьева въ концѣ перваго года изданія «Свѣточа». Часто бралъ онъ изъ редакціи деньги впередъ, по приблизительному разсчету, за обѣщанныя или доставленныя, но еще не напечатанныя статьи. Наканунѣ новаго 1861 года получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ: «я кончаю два довольно большихъ стихотворенія Байрона и заѣду къ вамъ съ ними сегодня въ семь часовъ. Ради Бога (если они вамъ, разумѣется, понравятся), дайте мнѣ за нихъ нынче-же, т. е. когда я къ вамъ пріѣду и прочту, денегъ по четвертаку за стихъ. Отъ этого зависитъ—посадятъ-ли меня завтра, т. е. въ новый годъ, въ долговое, или нѣтъ!» Вмѣсто двухъ стихотвореній, онъ привезъ однако-же только одно; это былъ прекрасный переводъ «Прометея» Байрона, изъ котораго потомъ почти половина была отрѣзана цензоромъ. Гонораръ за эти стихи позволилъ Григорьеву встрѣтить новый годъ на свободѣ, но не спасъ его совсѣмъ отъ переселенія въ долговое отдѣленіе. 11-го января вечеромъ, я получилъ отъ него лаконическую записку слѣдующаго содержанія: «Я сажусь... Навѣстите меня какъ-нибудь въ тарасовомъ домѣ.»

Въ долговомъ отдѣленіи Аполлонъ Григорьевъ былъ въ какомъ-то привиллегированномъ положеніи и даже пользовался нѣкоторымъ почетомъ, напоминавшимъ положеніе мистера Доррить въ лондонской тюрьмѣ, въ извѣстномъ романѣ Диккенса «Крошка Доррить». Это зависѣло частію отъ того, что онъ уже былъ тамъ знакомъ и поселялся не въ первый разъ, а частію и отъ личности самого блюстителя несостоятельныхъ узниковъ. Это былъ добрый старичекъ, большой почитатель пишущей литературной братіи. Онъ смотрѣлъ на своего талантливаго заключенника съ нескрываемымъ уваженіемъ, оказывалъ ему возможное снисхожденіе и давалъ разныя льготы, даже отпускалъ иногда въ городъ, на честное слово воротиться ночевать; а если нашего узника навѣщалъ кто-нибудь изъ литераторовъ, то старикъ позволялъ видѣться съ нимъ вмѣсто общей залы въ своей собственной квартирѣ и только просилъ позволенія самому присутствовать, какъ онъ выражался, «при умной бесѣдѣ господъ сочинителей». Когда мы съ М. М. Достоевскимъ пришли въ первый разъ навѣстить Аполлона Александровича въ заточеніи, его вызвали въ пріемную, гдѣ было въ то время нѣсколько дру-

гихъ узниковъ съ своими гостями: грузинская царевна въ золотой повязкѣ съ камнями, купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, франтъ съ предлинными усами въ бархатномъ пиджакѣ и еще кое-какія долговыя личности съ сосредоточенными физіономіями. Мы едва успѣли осмотрѣться, какъ смотритель, узнавъ наши фамиліи, немедленно разрѣшилъ намъ идти въ номеръ нашего пріятеля, а потомъ пригласилъ всѣхъ на чай въ свою квартиру. Старикъ видимо старался угодить намъ.

За чайнымъ столомъ Григорьевъ былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся, читалъ на память стихи Майкова, Полонскаго, Фета и между прочимъ, сказалъ, что намѣренъ воспользоваться временемъ настоящаго сидѣнья въ тарасовкѣ и заняться литературной работой. Онъ обѣщалъ мнѣ приготовить нѣсколько статей для ближайшихъ книжекъ «Свѣточа». И въ самомъ дѣлѣ, 25-го февраля, я получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Обѣщанная статья «Объ идеализмѣ и реализмѣ по поводу изданій сочиненій Тургенева и Писемскаго» благополучно начата, благополучно продолжается и, вѣроятно, благополучно кончится къ средѣ. Ежели вамъ угодно получить ее, то прошу васъ прибыть ко мнѣ въ среду вечеромъ или въ четвергъ утромъ. Я ее вамъ прочту, а вы, если найдете ее соотвѣтствующею вашему журналу, вручите мнѣ впередъ до окончательнаго расчета по напечатаніи пятьдесятъ рублей, такъ какъ она выходитъ болѣе одного листа съ четвертью. Четвертью придется доплатить за то, что мать наша цензура не пропустила въ «Промеѣ». Статья дѣйствительно была кончена къ назначенному дню, что рѣдко случалось внѣ поощрявшаго къ труду тарасовскаго дома.

По выходѣ изъ своего Патмоса, Аполлонъ Григорьевъ, стѣсняясь необезпеченной жизнью и постоянными лишеніями, вздумалъ поступить опять на службу, и при помощи нѣкоторыхъ знакомыхъ успѣлъ получить мѣсто учителя словесности въ оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Пріятели, хорошо знавшіе его свычаи и обычаи, тогда же предсказывали, что онъ недолго проживетъ на этомъ казенномъ мѣстѣ. Прежнее его кратковременное учительство въ Москвѣ, въ Сиротскомъ домѣ и въ первой гимназіи, показывало несовмѣстимость педагогическихъ занятій съ его характеромъ и образомъ жизни. Это не отъ того, чтобы онъ былъ не подготовленъ къ нимъ: его знанія и умѣнье объясняться могли бы, конечно, вполнѣ удовлетворить такому назначенію, но его разсѣянность, неспособность подчиниться аккуратности и дисциплинѣ, необходимыхъ при классныхъ занятіяхъ, дѣлали его совершенно неудобнымъ для исполненія усидчивыхъ и регулярныхъ занятій преподавателя. Онъ слишкомъ дорожилъ независимостью, слишкомъ чуждался всякаго подчиненія и ограниченія своей свободы. И дѣйствительно, предсказанія его друзей сбылись: онъ и года не пробылъ въ Оренбургѣ. Онъ самъ потомъ говорилъ, что готовъ лучше просидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ каж-

дый день ходить по барабану. Особенно не могъ онъ пріучить себя вставать и одѣваться къ опредѣленному часу и нерѣдко вовсе пропускалъ первыя утреннія лекціи. По возвращеніи въ Петербургъ, Григорьевъ нѣкоторое время былъ редакторомъ еженедѣльной газеты «Якорь» и участвовалъ въ критическомъ отдѣлѣ «Эпохи», которую, послѣ запрещенія журнала «Время», издавалъ М. М. Достоевскій, а потомъ братъ его Ѳедоръ Михайловичъ. Это были послѣдніе литературные труды Аполлона Григорьева; осенью 1864 года онъ скончался, выйдя не задолго передъ смертью изъ долговаго отдѣленія, куда посаженъ былъ кредиторами за какую-то ничтожную сумму. Говорили, что на этотъ разъ его выкупила одна дама, писательница, на условіи, чтобы онъ исправилъ ея сочиненіе.

Разсѣянность Аполлона Александровича Григорьева нерѣдко доводила его до весьма неловкихъ, а иногда и комическихъ положеній. Во время своего редакторства въ «Русскомъ Словѣ», онъ послалъ однажды въ типографію для набора, вмѣсто приготовленной статьи, какой-то случайно попавшій къ нему пасквиль на самого себя и продержалъ корректуру, занятый только слогомъ, а не содержаніемъ. Статью остановили уже другіе. Онъ самъ разсказывалъ случай, бывшій съ нимъ за-границей во время поѣздки съ семействомъ князя Трубецкаго, при дѣтяхъ котораго онъ былъ гувернеромъ. Когда они пріѣхали въ Венецію и остановились въ отелѣ на Canal Grande, онъ вечеромъ вздумалъ прогуляться. Забывъ, что въ этомъ своеобразномъ городѣ мѣсто улицъ замѣняютъ каналы и выходы изъ домовъ прямо опускаются въ воду, Григорьевъ отворилъ наружную дверь, шагнулъ не осматриваясь впередъ и попалъ на неожиданное купанье. Къ счастью, ему удалось схватиться за сваю, къ которой у подъѣздовъ привязываютъ гондолы, и прибѣжавшіе на крикъ люди успѣли вытащить его изъ канала. «Это было мое первое плаваніе по лагунѣ!» говорилъ онъ.

Главной причиной бѣдственнаго положенія, въ которомъ постоянно находился Аполлонъ Григорьевъ, служила несчастная слабость, нерѣдко присущая очень даровитымъ русскимъ людямъ. Она безъ сомнѣнія значительно сократила и жизнь его. Тяжело было видѣть этого образованнаго и талантливаго человѣка въ такомъ ненормальномъ состояніи, что нужно было понимать и уважать его прекрасное дарованіе, чтобы помириться съ нимъ. Мнѣ случалось заставать его въ такія минуты, но и тутъ онъ не терялъ своей обычной веселости и свойственнаго ему добродушія. Однажды, когда я былъ у Мея и слушалъ его художественный переводъ «Еврейскихъ Пѣсенъ», Аполлонъ Григорьевъ вошелъ противъ обыкновенія какъ-то тихо и незамѣтно. Онъ остановился въ дверяхъ, прислушался къ стихамъ, которыя зналъ уже на память, и подойдя неровными шагами къ Мею, прочелъ своимъ звучнымъ голосомъ:

«Милый мой, возлюбленный, желанный,
Гдѣ, скажи, твой одръ благоуханный?»

И проговоря эти прекрасные стихи изъ библейской пѣсни, онъ осмотрѣлся, подошелъ къ мягкому дивану, служившему хозяину постелью, повалился на него и тотчасъ же заснулъ. Мы невольно расхохотались.

У Григорьева было много общаго съ Меемъ. Ихъ сближала и родственность художественнаго таланта, и горячая любовь къ искусству, и наконецъ, одна и та же слабость и необезпеченность въ жизни. Нерѣдко они занимали другъ у друга деньги, если кошелекъ не былъ одинаково пустъ у того и другого. Однажды произошла вотъ какая сцена. Мей, въ минуту одного изъ своихъ денежныхъ кризисовъ, вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ перехватить рубль-другой у Григорьева, но оказалось, что и Григорьевъ въ это самое время былъ въ такомъ же точно печальномъ положеніи и отправился съ такою же цѣлью къ Мею. Они встрѣтились на Невскомъ проспектѣ почти въ одинаковомъ разстояніи отъ своихъ квартиръ.

— Я къ тебѣ, дружище.

— А я къ тебѣ.

— За грошами.

— И я за тѣмъ-же.

— Значитъ, на мели?

— Да, и ты?

— Совсѣмъ.

— Скверно! Ну, пойдемъ... Не встрѣтимъ-ли на Невскомъ какого капиталиста.

Левъ Александровичъ Мей получилъ образованіе въ Александровскомъ лицеѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ къ числу даровитѣйшихъ воспитанниковъ заведенія, въ которомъ возникли первыя появленія таланта Пушкина, Дельвига и другихъ представителей русской литературы. Я не думаю входить здѣсь въ критическую оцѣнку дарованія Мея, но не могу не замѣтить, что въ ряду писателей нашей лучшей литературной эпохи немногіе въ состояніи сравниться съ нимъ въ глубокомъ знаніи русскаго языка и умѣньи пользоваться сокровищами народной рѣчи, безъ всякой тривіальности, безъ малѣйшаго уклоненія къ простонародной грубости. Его переводъ «Слова о полку Игоревѣ» до-сихъ-поръ остается лучшимъ и по удачному воспроизведенію русскаго народнаго размѣра, и по силѣ и красотѣ языка. Его переложенія изъ библейскихъ книгъ и собственныя сочиненія на мотивы изъ Священнаго Писанія и греческой и римской классической поэзіи отличаются удивительнымъ искусствомъ въ передачѣ духа и тона самыхъ образцовъ. Его историческая драма «Псковитянка» принадлежитъ безспорно къ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ въ нашей

литературѣ и можетъ быть поставлена на ряду съ историческими трагедіями А. Толстаго. Въ сценическомъ отношеніи она едва-ли даже не выше. Къ сожалѣнію, для театра она до сихъ поръ остается запретнымъ плодомъ, и по цензурнымъ соображеніямъ не допущена на сцену. Давали только прологъ изъ нея, но онъ также, какъ и опера Мусоргскаго, не даетъ понятія о драмѣ. Аполлонъ Григорьевъ высоко цѣнилъ талантъ Мея, хотя и относился къ нему всегда критически. Ставя третій актъ «Псковитянки» на ряду съ лучшими сценами изъ «Бориса Годунова» Пушкина, онъ находилъ однако-жъ въ ней исторически невѣрнымъ характеръ царя Ивана Грознаго. Но если, по его замѣчанію, талантъ поэта не возвысился тутъ до опредѣленнаго и яснаго міросозерцанія, то по внѣшнимъ качествамъ, по богатству фантазіи, красотѣ языка, это произведеніе должно быть поставлено высоко.

Съ Меемъ познакомился я также во время завѣдыванія редакціей «Свѣточа». Онъ жилъ тогда на углу Николаевской улицы и Колокольнаго переулка, недалеко отъ типографіи журнала и квартиры Д. И. Калиновскаго. Съ первой встрѣчи онъ привлекъ меня своими мѣткими сужденіями о тогдашнихъ корифеяхъ нашей литературы и скромными отзывами о собственныхъ сочиненіяхъ, съ которыми я былъ уже давно знакомъ. Подобно Аполлону Григорьеву, онъ высоко цѣнилъ нашу старую народную поэзію и древніе памятники языка и литературы; въ нихъ видѣлъ онъ лучшую школу для русскихъ писателей. Однажды, когда мы говорили о нашей народной поэзіи, онъ прочелъ на память то стихотвореніе Хомякова, въ которомъ поэтъ, вглядываясь въ ночное звѣздное небо, видитъ какъ за ближайшими свѣтилами въ необъятной глубинѣ его открываются однѣ за другими тьмы другихъ звѣздъ, незамѣтныхъ съ перваго взгляда.—«Вотъ такъ и въ нашей старой поэзіи, замѣтилъ Мей;— чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ нее, тѣмъ больше находишь поразительныхъ сокровищъ русской мысли и слова!»—И его сочиненія доказываютъ вѣрность этого поэтическаго сравненія.

Въ «Свѣточѣ» Левъ Александровичъ напечаталъ нѣсколько своихъ стихотвореній и одну прекрасную повѣсть «Батя», которая, впрочемъ, значительно искажена цензурою. Съ этой повѣстью, помимо хлопотъ у цензора, вышелъ еще забавный случай. Какъ-то вечеромъ, когда я сидѣлъ у Д. И. Калиновскаго, прибѣжалъ изъ типографіи наборщикъ съ испуганнымъ лицомъ и заявилъ, что факторъ напился пьянъ и бросилъ въ печь рукопись Мея, которая была въ наборѣ для ближайшей книжки журнала. Мы бросились въ типографію. Къ счастію, бѣда оказалась не такъ велика, какъ мы думали: повѣсть почти вся была уже набрана, и факторъ сжегъ нужныхъ только листа два изъ авторской рукописи. Но во всякомъ случаѣ дѣло было непріятно, приходилось не мѣшкая обра-

титься къ самому Мею. Было уже часовъ девять, и я тотчасъ-же къ нему отправился.

Я засталъ Льва Александровича въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на которомъ, кромѣ книгъ и бумагъ, стояла бутылка краснаго вина и сладкій кондитерскій пирогъ. Онъ лакомился имъ и, запивая виномъ, писалъ какое-то стихотвореніе на библейскую тему. Я объяснилъ ему непріятный случай съ его повѣстью, передалъ взятую мною изъ типографіи корректуру всего набора, и просилъ, если нѣтъ у него черновой рукописи, написать вновь окончаніе статьи, и притомъ не откладывая до другаго дня, чтобы не задержать выхода книжки журнала.

— Три страницы, разбойникъ, истребилъ! сказалъ Мей, просмотрѣвъ корректуры и уцѣлѣвшую часть оригинала.—Я теперь весь ушелъ въ еврейскій мотивъ; не знаю, наладится ли повѣсть.

— Что дѣлать! Перейдите какъ нибудь съ сіонскихъ высотъ въ русскую деревню.

— Попробую... Только вотъ устрицъ бы да бутылку шампанскаго...

— Что же русскаго въ шампанскомъ и устрицахъ?

— На всѣ мотивы вдохновляютъ.

— Если такъ, сейчасъ же пошлемъ.

— Отлично, батенька... Мы выпьемъ, а я сейчасъ и «Батю» закончу.

Черезъ нѣсколько минутъ принесли устрицы и шампанское. Мы выпили по стакану. Левъ Александровичъ просилъ, чтобы я остался у него, но мнѣ не хотѣлось мѣшать ему и я ушелъ опять къ Калиновскому. Въ одиннадцать часовъ Мей самъ пришелъ къ намъ и принесъ вновь написанное окончаніе повѣсти. Сколько помню, оно вышло нѣсколько короче, чѣмъ въ сожженной рукописи. Разумѣется, мы были очень довольны, что непріятное приключеніе благополучно кончилось.

Мей, какъ я уже сказалъ, жилъ въ то время, когда я съ нимъ познакомился, на Николаевской улицѣ, въ угловомъ домѣ. Очень приличная квартира его въ белэтажѣ состояла изъ нѣсколькихъ высокихъ, свѣтлыхъ комнатъ. Большой, выходившій на двѣ улицы, кабинетъ его былъ довольно порядочно меблированъ. Посерединѣ стоялъ массивный письменный столъ, по стѣнамъ широкіе диваны, этажерки съ книгами. Но самой цѣнной вещью въ кабинетѣ былъ, по-моему, шкафъ, не потому, чтобы онъ самъ по себѣ составлялъ изящную или дорогую мебель или чтобы въ немъ хранились какія нибудь рѣдкости и замѣчательныя книги. Напротивъ, это былъ очень невзрачный крашеный ящикъ изъ простаго дерева, который могъ быть купленъ на Щукиномъ дворѣ за какіе нибудь пять рублей. Въ немъ и не хранилось ничего, кромѣ графина съ стаканомъ да кое-какихъ бумагъ. Но шкапъ этотъ былъ замѣчателенъ

тѣмъ, что Мей сдѣлалъ изъ него свой литературный альбомъ. Дѣло въ томъ, что вся некрашенная внутренность его, между верхними полками, противъ дверцы и съ боковъ, исписана была прозой и стихами. Тутъ, по просьбѣ хозяина, всѣ знакомые литераторы посвятили ему на память по нѣскольку строкъ, и подъ этими автографами видны были имена многихъ представителей нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Повидимому, владѣлецъ этого оригинальнаго альбома очень дорожилъ имъ, потому что все написанное хорошо сохранялось: карандашъ бережно покрытъ былъ лакомъ, и я не видѣлъ ни одной стертой или полуизглаженной строки. Жалѣю, что я не догадался списать нѣкоторыхъ, особенно любопытныхъ посвященій.

Въ жизни Л. А. Мей былъ очень непрактиченъ. Деньги, получаемыя за сочиненія, тратилъ онъ безъ всякаго разсчета: у него водились иногда изысканныя гастрономическія лакомства и въ то же время не доставало самаго необходимаго въ хозяйствѣ. Однажды, напримѣръ, захотѣлось ему устрицъ, а въ наличности было всего три рубля. Не задумываясь нисколько, онъ взялъ извощика, поѣхалъ въ Милютины лавки, купилъ устрицъ, вина и возвратился буквально безъ гроша, между тѣмъ какъ въ домѣ не оказалось ни куска хлѣба. Квартиру нанималъ онъ на своихъ дровахъ, а потому при частомъ безденежьи она не топилась иногда по нѣскольку дней. Какъ-то зимою зашелъ я къ Льву Александровичу во время довольно сильнаго мороза. Меня еще въ передней предупреждали, чтобы я не снималъ шубы, такъ какъ въ квартирѣ не очень тепло. Несмотря на это, я раздѣлся, но войдя въ залу, почувствовалъ, что дѣйствительно не было возможности оставаться безъ верхняго платья. Въ кабинетѣ стоялъ такой холодъ, что отъ дыханья паръ подымался столбомъ. Мей ходилъ взадъ и впередъ, окутанный сверхъ пальто черной турецкой шалью.

— Холодненько? спросилъ онъ меня.

— Не жарко, отвѣчалъ я.

— Надѣньте-ка шубу, а я сейчасъ распоряжусь.

Онъ предложилъ мнѣ стаканъ вина, потомъ позвалъ дѣвушку и приказалъ ей сходить за дворникомъ. Черезъ нѣсколько минутъ дворникъ въ нагольномъ тулупѣ, шагая мокрыми сапогами по паркету, вошелъ прямо въ кабинетъ.

— Холодно нынче? спросилъ его Мей.

— Морозно, Левъ Александровичъ! отвѣчалъ мужикъ, потирая руки.

— Топоръ принесъ?

— Какой топоръ!

— Ну, чѣмъ дрова рубишь.

— Да на что же онъ вамъ?

— А вотъ изрубить этотъ шкапъ! сказалъ Мей, показывая на свой интересный альбомъ.

— Для чего же его рубить?

— Для того, чтобы затопить каминъ.

— Что вы, Левъ Александровичъ! Какъ же можно на это хорошій шкапъ порѣшить. Я ужъ лучше вамъ дровецъ принесу, отъ другихъ жильцовъ возьму. Мы вашей милостью довольны. А то этакую вещь портить!

— Ну, такъ орудуй живѣе.

Не знаю, серьезно ли думалъ Мей уничтожить свой интересный шкапъ, отъ чего, конечно, я отговорилъ бы его, или это былъ только фальшивый маневръ, чтобы добыть какъ нибудь топлива для камина. Послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Дворникъ скоро принесъ порядочную охапку дровъ, и хозяинъ налилъ ему стаканъ вина.

— Водочки бы лучше, Левъ Александровичъ, сказалъ мужикъ.

— Самъ выпилъ бы, да нѣтъ. Бери, что даютъ.

Подобнаго рода сцены случалось мнѣ видѣть нерѣдко. Разъ я засталъ его въ потьмахъ, потому что не было свѣчи и комната освѣщалась только слабымъ отблескомъ уличныхъ фонарей. А между тѣмъ, на столѣ было вино и дорогіе дюшессы.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ были въ большомъ ходу литературно-музыкальные вечера и утреннія чтенія, которыя устраивались обыкновенно съ какой нибудь благотворительной цѣлью. Мнѣ не разъ случалось участвовать въ нихъ. Публика очень усердно посѣщала эти чтенія — концерты, и часто большія залы въ благородномъ собраніи, въ домѣ Бенардаки и въ нѣкоторыхъ клубахъ были биткомъ набиты посѣтителями. Особенно много сходилось въ тѣ дни, когда на афишѣ стояли имена Тургенева, Некрасова, Майкова, Ѳ. Достоевскаго. Послѣдній, недавно возвратясь изъ ссылки, пользовался тогда большимъ сочувствіемъ и возбуждалъ любопытство и участіе. Эпизоды изъ «Мертваго дома», въ которыхъ онъ описывалъ каторжный острогъ, при его выразительномъ чтеніи, производили сильное впечатлѣніе. И кто не желалъ выслушать разсказа о темномъ и страшномъ бытѣ каторги изъ устъ даровитаго литератора, который самъ провелъ четыре года въ ссылкѣ, среди всякаго рода преступниковъ и несчастныхъ? Самая фигура Достоевскаго, съ кроткимъ и мрачнымъ выраженіемъ на страдальческомъ лицѣ, и его нѣсколько глухой, но трогающій голосъ сильно дѣйствовали на публику. Невольно приходило на умъ сравненіе его съ Дантомъ: онъ казался выходцемъ изъ того сибирскаго ада, который знали только по неяснымъ слухамъ. Обыкновенно на чтеніяхъ его встрѣчали и провожали сочувственными рукоплесканіями. Помню также, что на одномъ изъ такихъ литературныхъ вечеровъ, въ залѣ второй гимназіи, въ числѣ участниковъ былъ П. Л. Лавровъ. Онъ читалъ даволько длинную статью объ

Амвросіи Медіоланскомъ, которая замѣтно всѣмъ наскучила своими утомительными подробностями. Смотря тогда на этого скромнаго артиллерійскаго офицера, съ розовымъ, улыбающимся лицомъ и мягкимъ пѣвучимъ голосомъ, едва ли кто могъ подумать, что черезъ нѣсколько лѣтъ изъ него выйдетъ безпокойный агитаторъ, политическій фанатикъ и неисправимый коммунаръ. Въ музыкальной части литературныхъ вечеровъ участвовали многіе извѣстные артисты — Никольскій, Саріотти, Леонова, Пуни, Зейфертъ, Цабель и друг.

Аполлонъ Григорьевъ и Мей не любили публичныхъ литературныхъ чтеній. Первый, сколько я знаю, вовсе въ нихъ не участвовалъ, а послѣдній, кажется, разъ только былъ на такомъ вечерѣ, и то потому, что его успѣли уговорить близкіе его друзья. Это было, если не ошибаюсь, въ залѣ первой гимназіи, и чтеніе это не обошлось безъ забавнаго скандала. На афишѣ, въ послѣднемъ отдѣленіи, между прочимъ значилось, что Л. А. Мей прочтетъ стихотвореніе собственнаго сочиненія, но не показано было—какое именно. Кажется, при предварительномъ соглашеніи, онъ самъ еще не рѣшилъ, что̀ предполагаетъ прочесть. Публики собралась довольно много, и вечеръ шелъ какъ слѣдуетъ: играли, пѣли, читали. Наконецъ, дошла очередь до Мея. Онъ долго не выходилъ въ залу, потому что, какъ узнали мы послѣ, зашелъ въ какую-то отдаленную комнату, гдѣ и нашли его за бутылкой вина съ другимъ литераторамъ, который уже кончилъ свое чтеніе въ первомъ отдѣленіе. Взойдя на каѳедру, Мей обвелъ глазами слушателей и остановился, какъ будто что припоминая.

— «Давиду Іеремiемъ», проговорилъ онъ медленно и нерѣшительно и началъ читать:

«На рѣкахъ вавилонскихъ
Мы сидѣли и плакали, бѣдные.
Вспоминая въ тоскѣ и слезахъ
О вершинахъ сіонскихъ...»

Онъ проговорилъ еще стиховъ пять, остановился, провелъ рукою по бровямъ, и откинувъ назадъ свои густыя волосы, сказалъ:

— Не взыщите, господа! я это стихотвореніе забылъ, а книжки съ собой не взялъ... Все равно: прочту что нибудь другое.

Съ минуту стоялъ онъ въ раздумьѣ, потомъ сдѣлалъ выразительное движеніе рукой и сталъ декламировать съ видимымъ одушевленіемъ:

«Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Подгородная, посельная, попольная,
Непогодою, невзгодою повитая...
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!..»

Мей снова остановился, и ни мало не смущаясь, сказалъ: «Дальше не помню! Позвольте... что бы такое взять?» Въ рядахъ слушателей раздался смѣхъ, но повидимому никто не претендовалъ на забывчиваго поэта. Онъ самъ добродушно улыбнулся и продолжалъ: «Кажется, теперь прочитаю: недавно писалъ... вѣроятно не забылъ... вотъ что:

«Какъ наладили: «дуракъ,
Брось ходить въ царевъ кабакъ!»
Такъ и ладятъ все одно:
«Пей ты воду, не вино;
Вонъ хоть рѣчкѣ поклонись,
Хоть у быстрой поучись».
Ужъ я къ рѣченькѣ пойду...»

— Нѣтъ, господа, и этого не припомню... Извините!

Онъ сошелъ съ каѳедры и направился къ выходу изъ залы. Раздались рукоплесканія, хохотъ, крики «браво», вызовы; онъ остановился въ дверяхъ, улыбнулся и махнулъ рукой. Публика была очень довольна этимъ забавнымъ происшествіемъ. Его проводили дружными аплодисментами.

Отношенія Л. А. Мея къ литературнымъ собратіямъ были всегда пріязненныя: онъ радовался всякому успѣху начинающаго писателя и не любилъ обличительной критики въ журналахъ даже на людей не сочувственнаго ему направленія. Въ литературныхъ спорахъ онъ рѣдко принималъ участіе и при этомъ обыкновенно старался найти хорошую сторону въ томъ, противъ кого высказывались рѣзкіе обвиненія. Для него дороже всего было искусство, и въ воззрѣніи на него онъ близко сходился съ покойнымъ Дружининымъ. Современные общественные вопросы мало занимали его, а политическими событіями онъ интересовался еще меньше. Когда заходилъ бывало разговоръ на подобную тему, онъ или уклонялся отъ него, или старался свести его на литературу. Въ послѣднее время матеріальное положеніе его значительно улучшилось, и онъ могъ посвятить себя поэзіи, не прибѣгая къ обязательной работѣ въ журналы. Но, къ сожалѣнію, ему не долго пришлось этимъ пользоваться. Мей умеръ въ пору полнаго развитія таланта, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы ему суждено было жить дольше, онъ обогатилъ бы еще русскую литературу не однимъ самобытнымъ произведеніемъ и не однимъ художественнымъ переводомъ классическихъ поэтовъ. Онъ думалъ, между прочимъ, перевести весь «Потерянный рай» Мильтона. Судя по напечатаннымъ отрывкамъ, это былъ бы такой капитальный трудъ, который слѣдовало бы поставить на ряду съ переводами гомеровскихъ поэмъ Гнѣдича и Жуковскаго.

А. Милюковъ.

ШИПКА ВЪ 1877 ГОДУ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

I.

ЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ дѣйствующею арміей, его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ, перенесъ, 25-го іюня 1877 года, свою квартиру изъ Зимницы въ Румыніи въ Болгарію и расположился бивакомъ, въ 5-ти верстахъ отъ Систова, при селеніи Царевичи.

Въ Царевичахъ предполагалось пробыть нѣсколько дней, но такъ какъ вечеромъ 26-го іюня получено было извѣстіе, что генералъ Гурко съ своимъ передовымъ отрядомъ занялъ Тырново, то главнокомандующій 27-го числа выступилъ также на Тырново вмѣстѣ съ 8-мъ корпусомъ генерала Радецкаго. Корпусъ этотъ составлялъ тогда и авангардъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наши главныя силы.

Въ полдень 30-го іюня, главная квартира прибыла въ Тырново, а генералъ Гурко съ послѣдними частями своего отряда пошелъ далѣе на Габрово, передовыя же части его отряда уже были далеко впереди.

Въ званіи состоявшаго въ распоряженіи главнокомандующаго, я слѣдовалъ при главной квартирѣ и, 30-го іюня, прибывъ въ Тырново, внезапно заболѣлъ лихорадкой или слабымъ тифомъ. Семь дней пролежавъ въ постели, 8-го іюля я могъ стать на ноги, а 9-го іюля пользовавшій меня лейбъ-хирургъ Обермиллеръ посовѣтовалъ

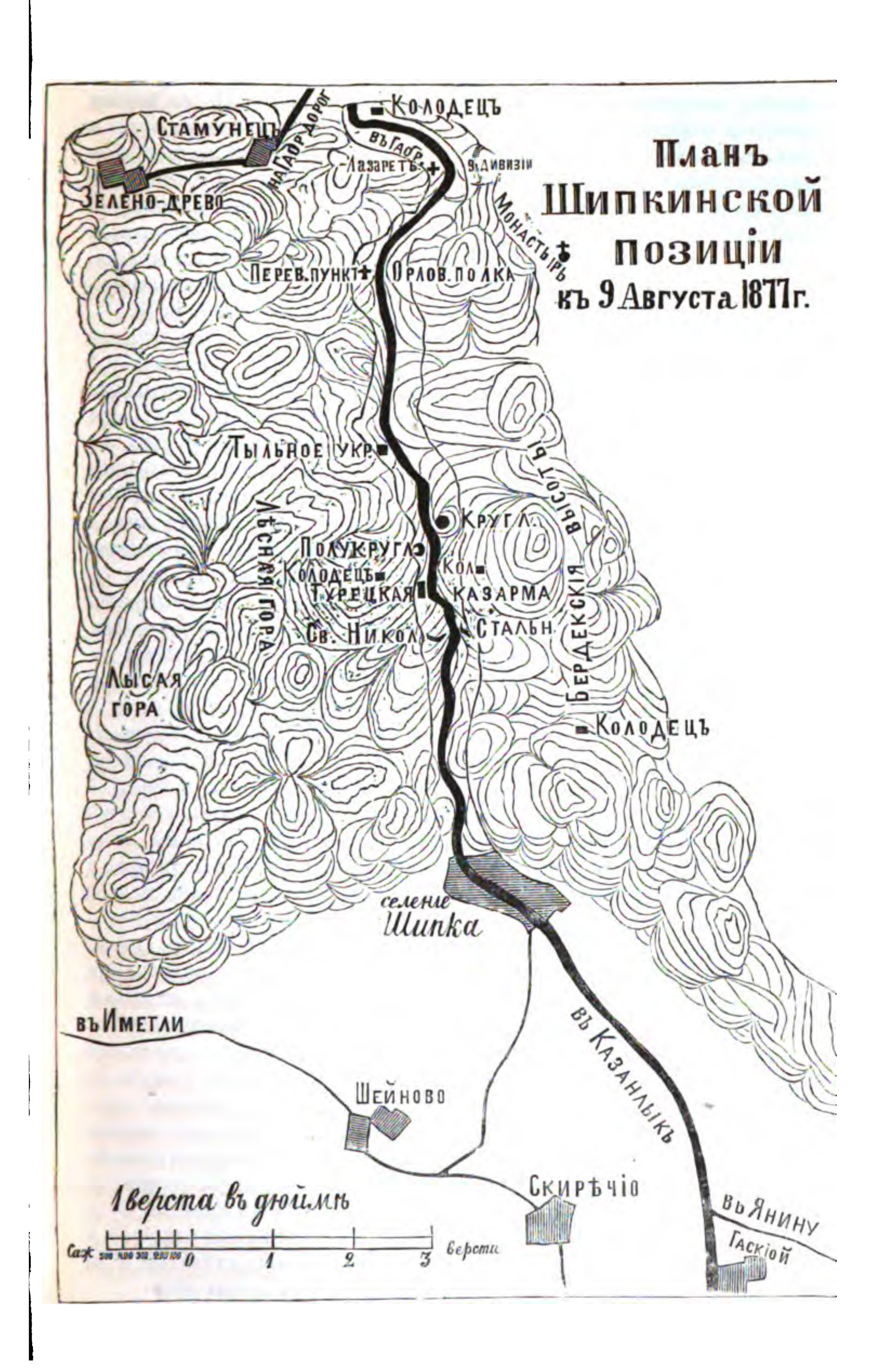
мнѣ идти къ завтраку великаго князя, посидѣть для развлеченія, и я, едва передвигая ноги, пошелъ къ великому князю съ рѣшительнымъ намѣреніемъ просить увольненія изъ арміи, о чемъ письмомъ предупредилъ и семью свою. Я сознавалъ свою немощь, боялся быть безполезнымъ бременемъ для арміи; всѣ видѣли, что я дѣйствительно былъ болѣнъ; время для увольненія изъ арміи больнаго старика было самое удобное: все ликовало отъ нашихъ успѣховъ и побѣдъ, два дня, кажется 5-го и 7-го іюля, были торжественныя молебны, по случаю взятія Никополя и перехода Гурко за Балканы, провозглашалось торжество нашего оружія, въ полевомъ штабѣ громко говорили, что съ паденіемъ Никополя нашъ правый флангъ совершенно обезпеченъ, что мы смѣло и быстро можемъ идти впередъ. Понятно, что при неудачахъ нашихъ я и не подумалъ бы просить увольненія изъ арміи, оставался бы до конца дѣлить общую участь. Но только что я показался великому князю, его высочество, не давъ мнѣ произнести слова, самъ обратился ко мнѣ съ ласкою, какъ бы дружески, чтобы я отправлялся на Шипку, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и устроилъ бы тамъ дорогу, которая должна служить главнымъ нашимъ путемъ за Балканы. Великій князь прибавилъ, что онъ надѣется, что я справлю это дѣло, и приказалъ мнѣ обратиться къ начальнику штаба, генералу Непокойчицкому, за всѣмъ, что мнѣ нужно. Стоявшій тутъ же помощникъ начальника штаба, свиты его величества генералъ-маіоръ Левицкій, сказалъ мнѣ, что сюда уже вытребована команда 7-го сапернаго баталіона съ двумя офицерами, что онъ дастъ знать этимъ офицерамъ, чтобы они ту же минуту явились ко мнѣ; на замѣчаніе мое, что необходимо, по крайней мѣрѣ, одно отдѣленіе полеваго инженернаго парка съ инструментами, Левицкій отвѣчалъ, что распорядится этимъ.

Спустя два часа времени, ко мнѣ явились 7-го сапернаго баталіона подпоручикъ Владиміръ Александровичъ Романовъ и прикомандированный къ тому же баталіону военный инженеръ поручикъ Викторъ Михайловичъ Ивановъ. Эти два офицера, а вскорѣ и третій, поручикъ Владиміръ Сергѣевичъ Юрьевъ, были постоянными моими спутниками во все время пребыванія моего въ Турціи, о нихъ мнѣ придется часто и много говорить. Мы условились, чтобы въ тотъ же день выступить по дорогѣ на Габрово. Команда при нихъ состояла всего въ числѣ 20 саперъ. Въ 8 часовъ вечера я откланялся великому князю и Непокойчицкому. Главнокомандующій сказалъ мнѣ, что при первой возможности пришлетъ въ мое распоряженіе цѣлый саперный баталіонъ, а начальникъ штаба прибавилъ, что я могу брать рабочихъ отъ ближайшихъ пѣхотныхъ частей. Отдѣленіе инженернаго парка замѣшкалось сборомъ такъ, что мы выступили изъ Тырнова хотя и 9-го же числа, но въ 11-мъ часу вечера, имѣя при себѣ проводникомъ и переводчикомъ болгарина Стоянова, присланнаго мнѣ, по моей просьбѣ, тырновскимъ губер-

наторомъ, генеральнаго штаба генералъ-маіоромъ Домантовичемъ. Стояновъ воспитывался въ Россіи и былъ весьма развитый и любезный болгарскій патріотъ, вѣровавшій въ освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и мечтавшій о томъ, что Тырновъ сдѣлается столицей Болгаріи. Стояновъ впослѣдствіи игралъ видную роль въ Болгаріи.

10-го іюля, не столько для отдыха саперной команды, слѣдовавшей пѣшкомъ, сколько для моего личнаго отдыха, я расположился на ночлегъ въ городѣ Драновѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Тырнова, а 11-го числа утромъ прибылъ въ Габрово. Здѣсь я повидался съ начальникомъ 9-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, который разсказалъ мнѣ о неудачной первой атакѣ нашей на Шипку съ сѣверной стороны, причемъ обвинялъ себя только въ томъ, что поторопился донести объ огромномъ числѣ людей безъ вѣсти пропавшихъ, потому что послѣ донесенія большая часть этихъ людей подошла къ своимъ ротамъ. На просьбу мою дать мнѣ рабочихъ для устройства дороги, Мирскій отвѣчалъ, что рѣшительно не имѣетъ возможности исполнить это, что изъ всей дивизіи собственно въ его распоряженіи находятся только 7 ротъ Орловскаго полка, въ ослабленномъ составѣ послѣ потерь, понесенныхъ при атакѣ Шипки, и самое большое, что онъ можетъ удѣлить мнѣ, это 20 — 25 человѣкъ. При этомъ князь Мирскій говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ распоряженій полевого штаба, что не знаетъ, подчиненъ ли онъ генералу Гуркѣ; что здѣсь, въ Габровѣ, онъ съ дивизіоннымъ штабомъ и съ бригаднымъ командиромъ Дерожинскимъ находится всего при 7-ми ротахъ Орловскаго полка, что остальныя 8 ротъ этого полка, съ двумя батареями артиллеріи занимаютъ Шипкинскія высоты, что бывшему тутъ же Минскому полку приказано немедленно идти на Сельвію, и передалъ, какъ самую свѣжую новость, что турки въ значительныхъ силахъ показались у Плевны и что наша 5-я пѣхотная дивизія имѣла неудачное дѣло подъ Плевной.

Съ 20-ю саперами и 25-ю рабочими Орловскаго полка невозможно было приступить къ постройкѣ шоссе на Шипку, и я обратился къ габровскому окружному начальнику, капитану Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона Михаилу Николаевичу Маслову, чтобы онъ собралъ болгаръ на работу. Масловъ былъ еще новичкомъ на своемъ посту, но очень скоро освоился и съ дѣломъ, и съ болгарами, и былъ до того энергиченъ, что удивлялъ всѣхъ и каждаго, кто только обращался къ нему. Оставивъ инженера Иванова въ Габровѣ помогать Маслову въ сборѣ рабочихъ болгаръ, я съ Романовымъ и командою саперъ и орловцевъ, въ числѣ всего 45 чел., выступилъ изъ Габрова 12-го іюля утромъ и расположился въ 7-ми верстахъ отъ этого города, при началѣ Шипкинскаго подъема. Ловкій, энергичный В. М. Ивановъ, очаровывавшій всѣхъ своимъ даромъ слова, скоро сдру-



План
Шипкинской
позиціи
къ 9 Августа 1877 г.
Колодецъ
Стамунецъ
Зелено-древо
на Габр. дорог
въ Габр.
Лазаретъ
9. дивизіи
Монастырь
Перев. пункт
Орлов. полка
Тыльное укр.
Кругл.
Полукругл.
Колодецъ
Кол.
Турецкая
Казарма
Св. Никол.
Стальн.
Лѣсная гора
Бердекскія высоты
Лысая гора
Колодецъ
селеніе
Шипка
въ Иметли
въ Казанлыкъ
Шейново
Скирѣчіо
въ Янину
Гаскіой
1 верста въ дюймѣ
Саж.
0
1
2
3
версты

жился съ Масловымъ и оба, общими усиліями, собрали изъ Габрова и окрестныхъ селеній до 500 болгаръ и успѣли запастись для нихъ печенымъ хлѣбомъ на 3 дня. 13-го іюля, Ивановъ прибылъ ко мнѣ, а утромъ 14-го числа подошли рабочіе. Послѣ небольшаго отдыха, съ полудня 14-го числа приступили къ работѣ, всѣ предварительныя распоряженія для которой были уже сдѣланы. Вечеромъ 15-го іюля я послалъ первое донесеніе, № 16-й, начальнику штаба Непокойчицкому:

«При всѣхъ энергическихъ настояніяхъ не удалось собрать рабочихъ ранѣе полудня 14-го числа. Къ тому времени собрано до 500 болгаръ, 25 рядовыхъ Орловскаго полка, наряжаемыхъ для полицейскаго надзора за болгарами, и 20 саперъ. Сегодня прибыли еще 150 болгаръ. Постройка новой шоссированной дороги началась въ 7-ми верстахъ отъ Габрова, съ того мѣста, гдѣ начинается Шипкинскій подъемъ. Дорога прокладывается въ 4 сажени ширины и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во избѣжаніе чрезвычайной ломки камня, съуживается фута на два. Къ вечеру 15-го числа, въ 1½ дня, совершенно отдѣлано дороги 375 саженей и разработывается еще 95 саженей. Разработано самое дурное мѣсто Шипкинскаго прохода; впереди работа будетъ легче и, надѣюсь, пойдетъ быстрѣе. Совершенно отдѣланная часть дороги никакъ не хуже тырновскаго шоссе».

По мѣрѣ успѣха работы, я 17-го іюля поднялся со своимъ станомъ на 3 версты выше, 20-го числа подвинулся еще на 3 версты. а 23-го іюля перешелъ на вершину Шипки, къ горѣ св. Николая, За работой шоссе наблюдали трое: лично я, Романовъ и Ивановъ, послѣдній при этомъ часто ѣздилъ въ Габрово къ Маслову, сбирать болгаръ и запасать для нихъ хлѣбъ. Болгары высылались на работу безплатно, имъ давали только хлѣбъ; заготовка хлѣба разложена была на городъ Габрово и окрестныя селенія также безплатно, и потому неудивительно, что болгары и выходили на работу и работали очень неохотно; за рабочими требовался бдительный надзоръ, и все-таки они и днемъ и ночью убѣгали съ работы цѣлыми партіями, иногда въ 100 и болѣе человѣкъ. Работа была дѣйствительно чрезвычайно тяжелая, дорога высѣкалась часто въ огромныхъ обнаженныхъ скалахъ; мы были первыми піонерами для такой работы въ этой дивной по красотѣ своей мѣстности. Мы прокладывали путь молотомъ, ломомъ, киркой, мотыгой и взрывами динамита. Балканы съ перваго взгляда представляются грозно величественными, но скоро однообразіемъ своимъ утомляютъ глазъ. Подъемъ на Шипку съ сѣверной стороны представлялъ извилистую, узкую дорожку, перерѣзанную огромными камнями. Дорожка эта часто превращалась въ тропинку, по которой съ трудомъ можно было проводить вьючнаго осла. Подъемъ съ южной стороны былъ далеко въ лучшемъ состояніи, и болгары говорили намъ, что не только на Шипкинскомъ проходѣ, но и на всѣхъ перевалахъ черезъ Балканы, подъемы съ южной сто-

роны лучше, чѣмъ съ сѣверной; турки не только не исправляли сѣверныхъ подъемовъ, но, казалось, умышленно портили ихъ.

Погода съ 10-го по 29-е іюля была прекрасная, вполнѣ благопріятствовавшая работѣ, и хотя порученіе, возложенное на меня, не соотвѣтствовало ни чину моему, по прежнему служебному положенію, но я былъ доволенъ и это благотворно повліяло на мое здоровье; я сталъ замѣтно укрѣпляться въ силахъ.

Генералъ Гурко съ своимъ летучимъ отрядомъ пошелъ за Балканы безъ обоза, который оставался у подъема на Шипкинскій перевалъ, у того мѣста, откуда мы начали разработку дороги [1]). Когда мы вновь устроенною дорогою поднялись на три версты, на то же разстояніе поднялся и обозъ Гурки; но 20-го іюля мы были озадачены отступленіемъ всего обоза Гурки. Скоро со стороны Шипки показался отступающимъ и вьючный обозъ съ заводными лошадьми, бывшими при Гуркѣ, и пронеслась молва, что Гурко, атакованный огромными массами турокъ, принужденъ былъ отступить. Съ тылу, со стороны Плевны, вѣсти доходили еще печальнѣе. Эти толки дошли и до рабочихъ моихъ болгаръ; побѣги ихъ съ работы усилились, а оставшіеся на лицо работали лѣниво, какъ бы сознавая безполезность работы, или, что еще хуже, болгарамъ казалось, что при неудачахъ нашихъ они работаютъ въ пользу турокъ, но я съ Ивановымъ и Романовымъ бодрствовали, не ослабляя энергіи, и подвигались впередъ и впередъ.

22-го іюля, проѣхавшій со стороны Шипки, штабъ-офицеръ Казанскаго драгунскаго полка передалъ намъ, что отрядъ Гурки отступилъ на Балканы двумя колоннами, одна съ самимъ Гуркой направилась въ Ханкіойскій проходъ, а другая подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха — на Шипку; что оба брата герцоги Лейхтенбергскіе, Николай и Евгеній Максимиліановичи, на Шипкѣ, голодные, не имѣютъ даже солдатскаго сухаря. Я послалъ ихъ высочествамъ булку и компотъ изъ сливъ и грушъ, за что они впослѣдствіи усердно благодарили меня.

21-го іюля, началось переселеніе болгаръ; жители Іени и Эски-Загры, Карлова, Казанлыка и окрестныхъ селеній, послѣ отступленія Гурки, бѣжали за Балканы въ направленіи на Тырново. 21, 22 и 23-го іюля, особенно 22-го, вся дорога, нами возводимая, буквально была загромождена бѣжавшими болгарами, которые уходили со своимъ скарбомъ; тянулись пѣшія семьи, навьюченныя узлами; тянулись и безконечные обозы на волахъ и буйволахъ, вьюки на ослахъ, всадники на лошадяхъ, сидѣвшіе на одной лошади самъ-другъ и самъ-третей; на ночлегахъ они располагались таборами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Скрипъ телѣгъ, крикъ ословъ, плачъ и

---

[1]) Прилагаемый планъ, съ сѣвера, начинается подъемомъ на Шипкинскій перевалъ.

вой женщинъ и дѣтей, производили на насъ потрясающее впечатлѣніе. Всѣ бѣжавшіе болгары были одѣты въ лучшія платья, очевидно съ цѣлію спасти ихъ; но женщины шли босыми, ноги ихъ по каменной дорогѣ были изрѣзаны до крови, большинство изъ нихъ голодало; солдаты наши дѣлились съ ними послѣднимъ сухаремъ. Многіе умирали на дорогѣ; у колодцевъ лежало по нѣскольку труповъ; въ томительный зной бѣжавшіе болгары опивались холодной водой и тутъ же умирали; многія женщины рожали на дорогѣ. Мы, строители дороги на Балканы, бывшіе свидѣтелями этаго ужаснаго бѣгства народа, сознавали, что обаяніе имени русскаго будетъ потеряно для болгаръ, такъ какъ русскій отрядъ не могъ защитить ихъ отъ ярости турокъ.

Подъѣзжая на работу, я догналъ одну молодую болгарку, одѣтую хорошо, но усталую, изнуренную, голодную, съ окровавленными ногами и несущую груднаго ребенка; отъ голода и усталости у ней запеклись губы, изсякло молоко и она едва была въ состояніи произнести нѣсколько словъ. Я посадилъ ее въ свой экипажъ, далъ стаканъ краснаго вина, булку, рубль денегъ и подвезъ до той партіи, отъ которой она отстала; проговорить благодарность она не могла, а только плакала. Это было 22-го іюля 1877 года, и какая странная случайность: почти на томъ же мѣстѣ, 13 января 1878 г., я опять нагналъ эту женщину; она возвращалась домой, веселая, счастливая; я ее не узналъ, но она меня узнала, и кучеръ мой узналъ ее; она пріостановилась, усердно кланялась и опять заплакала. Кучеръ мой изъ малороссовъ замѣтилъ мнѣ, что это добрая встрѣча, что и мы, Богъ дастъ, благополучно возвратимся домой.

25-го іюля, уѣхали оба герцога Лейхтенбергскіе; Николай Максимиліановичъ, по болѣзни, на Габрово и далѣе на Тырново, а Евгеній Максимиліановичъ въ Ханкіой. Вслѣдъ за ними уѣхалъ и генералъ-маіоръ Раухъ, поручивъ командованіе шипкинскимъ отрядомъ начальнику болгарскаго ополченія, генералъ-маіору Николаю Григорьевичу Столѣтову. Тогда же извѣстили Столѣтова, что князь Святополкъ-Мирскій отозванъ изъ Габрова, что въ этомъ городѣ оставленъ генералъ-маіоръ Дерожинскій, которому поручено было командованіе всеми тремя передовыми отрядами: на Шипкѣ, на Бердякѣ и въ Габровѣ. Оффиціальныхъ извѣстій мы ни откуда не получали, но по слухамъ знали, что главная квартира главнокомандующаго изъ Тырнова перешла сперва въ селеніе Болгарини, а потомъ въ Горный Студень, что въ Тырновѣ остался генералъ Радецкій со своимъ штабомъ, а корпусъ его разбитъ на отряды. Скоро стали доходить до насъ слухи, что между Іени и Эски-Заграми Сулейманъ паша формируетъ армію, въ которой производятся ежедневно усиленныя ученья. Оставшіеся на Шипкѣ, Столѣтовъ съ флигель-адъютантами полковниками княземъ Вяземскимъ и графомъ Толстымъ и полковникомъ Депрерадовичемъ начали заботиться объ

укрѣпленіи шипкинской позиціи; я помогалъ имъ съ состоявшею при мнѣ горстью саперъ. Не получая отвѣта на первое свое донесеніе, я, 27-го іюля, за № 17, послалъ второе донесеніе Непокойчицкому, на которое также не получилъ отвѣта; я писалъ:

«Шоссированной дорогой, въ 4 сажени ширины, къ вечеру 27-го іюля, пройдено всего 9¹/₄ верстъ, достигнута высшая точка Шипкинскаго перевала и 27-го числа начатъ спускъ къ селенію Шипкѣ. Первые 3 версты подъема круты, тяжелы для лошадей, четвертая верста горизонтальная, остальныя 5¹/₄ верстъ хотя и представляютъ большею частью постоянный подъемъ, но не очень крутой и не тяжелый для лошадей. Спускъ къ Шипкѣ составитъ отъ 5 до 6 верстъ—не болѣе. Замедленіе въ работѣ произошло отъ слѣдующихъ причинъ: двухдневное движеніе болѣе 30.000 болгарскаго народа съ семьями и домашнимъ скарбомъ, бѣжавшаго изъ Карлова, Іени и Эски-Загры и Казанлыка — на Габрово, на два дня почти прекратили работу дороги; нескончаемые хлопоты со сборомъ на работу болгаръ, которые по ночамъ уходятъ съ работы иногда двумя сотнями и болѣе, и въ послѣдніе дни мы частію отвлечены заложеніемъ фугасовъ изъ турецкаго пороха; фугасы закладываются съ турецкими гранатами для усиленія позиціи на перевалѣ. Если, доведя дорогу до самаго селенія Шипки, не получу особаго приказанія, то, не распуская рабочихъ, возвращусь къ сторонѣ Габрова, для исправленія дороги отъ Габрова до шипкинскаго подъема, на протяженіи около 7 верстъ. Это дорога мѣстами очень плоха, особенно необходимо устроить обходы около мостовъ, которые чрезвычайно опасны и уже былъ примѣръ несчастнаго паденія съ мѣста четырехконной фуры Орловскаго полка».

28-го іюля, слухи о томъ, что армія Сулеймана паши сосредоточивается у Ески-Загры усилились и я послалъ въ Тырново Ф. Ф. Радецкому телеграмму:

«Если въ Тырново пришелъ саперный баталіонъ, то нельзя ли прислать двѣ роты съ гальваническими фурами для усиленія фугасами позиціи на Шипкинскомъ перевалѣ и для усиленія постройки военной дороги; главнокомандующій хотѣлъ усилить меня саперами; прошу скораго отвѣта».

Радецкій отвѣчалъ, что въ его распоряженіи нѣтъ ни одного сапера.

29-го іюля, прошелъ слухъ, будто бы Сулейманъ отходитъ отъ Ески-Загры по направленію на Іени-Загру, и что партіи баши-бузуковъ, рыскавшія по сю сторону Ески-Загры, скрылись въ направленіи на Казанлыкъ. Подъ вліяніемъ этаго слуха, мы сдѣлались спокойнѣе и старались укрыться отъ внезапно наступившихъ холодовъ и дождей. Іюльскую ненастную погоду на Балканахъ можно сравнить съ петербургскимъ октябрскимъ или ноябрскимъ ненастьемъ и все-таки осенніе петербургскіе дожди не настолько про-

низываютъ, какъ балканскіе; петербургскіе осенніе туманы не настолько мрачны и темны, какъ стоявшіе на Шипкѣ съ 29-го іюля по 2-е августа 1877 года. Тучи проходили часто не надъ нами, а между нами; не падая въ видѣ дождя, онѣ мочили насъ хуже дождя. Въ палаткахъ постели, платье, бѣлье, вещи внутри чемодановъ— все было мокро, притомъ такъ было холодно, что никакая одежда не согрѣвала, и такой сильный вѣтеръ, что мы едва могли удерживать палатки.

30 и 31-го іюля и 1-го августа, у меня не оставалось ни одного рабочаго; всѣ они куда-то исчезли. Съ утра 2-го августа я сталъ ихъ вновь собирать, и чтобы согрѣться, перенесъ свой станъ на южный склонъ Балканъ, расположась почти по срединѣ его у бывшаго постоялаго двора. Сюда же перенесъ свою палатку и Столѣтовъ, имѣя при себѣ двѣ дружины, а впереди, въ самомъ селеніи Шипка, была расположена одна дружина и сотня уральскихъ казаковъ подъ командою есаула Кирилова. Такимъ образомъ, я съ рабочею командою попалъ на самый передовой постъ нашей арміи. Днемъ не было никакой опасности, а на ночь мѣры осторожности усиливались. Въ четыре холодные, сырые дня, съ 29-го іюля по 2-го августа, слабый шипкинскій отрядъ потерялъ изъ строя много больныхъ лихорадкой и горячкой; заболѣлъ и мой Романовъ, но скоро оправился; изъ болгарскихъ дружинъ усилились побѣги; это не было дезертирствомъ, а самовольною, временною отлучкой, съ цѣлію обогрѣться въ ближайшихъ селеніяхъ. Въ эти дни пало много лошадей; но хуже всего было то, что по нераспорядительности интендантства, отрядъ нашъ крайне нуждался въ хлѣбѣ, до такой степени, что по просьбѣ Столѣтова я выдалъ на его болгарскія дружины 72 пуда хлѣба. Этотъ хлѣбъ мой Ивановъ заготовилъ для рабочихъ, но такъ какъ рабочіе разбѣжались, то хлѣбъ можно было передать голоднымъ. Фуражъ же для лошадей заготовлялъ тотъ, кому принадлежали лошади; на Шипку въ то время не показывался ни одинъ интендатскій чиновникъ, ни агентъ отъ товарищества по продовольствію арміи; фуражемъ служили немолотая пшеница и кукуруза, срѣзываемыя съ полей, оставленныхъ бѣжавшими болгарами.

Съ 3-го до полудня 7-го августа, продолжалась работа дороги на южномъ склонѣ Балканъ. На этомъ склонѣ, до появленія арміи Сулеймана-паши, успѣли отдѣлать 1³/₄ версты дороги. Всего на Шипкинскомъ перевалѣ построено было шоссе на 11 верстъ длины. За вычетомъ прогуловъ, работа производилась 18 дней, ежедневно обращалось на работѣ отъ 500 до 1.000 человѣкъ, но такихъ дней, когда работало до 1.000 человѣкъ, было не много, приблизительно можно считать, что въ средній день было 650 рабочихъ, или обратившимися всего на работѣ 12.000 человѣкъ. А если считать всѣхъ высылавшихся на работу и потомъ убѣгавшихъ съ нее, то будетъ

около 18.000. Не знаю, на какомъ основаніи въ книгѣ г. Зыкова «Война 1877—1878 годовъ», на страницѣ 503, сказано: «въ этой работѣ въ 10 дней перемѣнилось болгаръ до 3.000 человѣкъ, сошедшихся изъ 70-ти слишкомъ деревень» (вмѣсто 70-ти деревень вѣрнѣе поставить цифру 17).

Въ распоряженіи генерала Столѣтова находилась экстраординарная сумма; я просилъ его о возвращеніи мнѣ 12 р. 40 к., истраченныхъ на осмолку фугасовъ, но въ отчетѣ Столѣтова показано, что выдано генералъ-лейтенанту Кренке на устройство шоссе 12 р. 40 к. Такимъ образомъ, по оффиціальному отчету значится, что на постройку шоссе длиною 11 верстъ, шириною 4 сажени, истрачено 12 руб. 40 коп.

Князь Черкаскій и приближенныя къ нему лица, по гражданскому управленію въ Болгаріи, впослѣдствіи укоряли меня за скупость, почему я не назначилъ поденной платы болгарамъ, хоть по одному франку въ день, да на хлѣбъ и приварокъ еще по франку, всего по два франка въ день на человѣка, что составило бы всего отъ 7-ми до 9-ти тысячъ рублей; расходъ не великъ, и великій князь главнокомандующій, по довѣрію ко мнѣ, вѣроятно, безпрекословно утвердилъ бы его. Говорили, что я могъ бы назначить поденную плату и солдатамъ, постоянно находившимся на работѣ. Я возражалъ, что при командированіи меня на постройку дороги не было и помину о наймѣ рабочихъ; что мнѣ не дали ни одной копѣйки на примѣрный расходъ, значитъ не желали расхода; самъ же я и по закону, и по убѣжденію не могъ отважиться на расходъ казенныхъ денегъ, не получивъ предварительнаго на то разрѣшенія; мнѣ не было извѣстно, на какихъ основаніяхъ брали болгаръ на работу въ другихъ пунктахъ театра войны; не отрицая трудности работы, я находилъ, что болгары могли и должны были потрудиться для своего спасенія, если русскіе жертвовали для нихъ и трудомъ, и людьми, и деньгами своими, а солдаты, участвовавшіе въ работѣ, получали нѣкоторое денежное вознагражденіе тѣмъ, что суточныя приварочныя деньги они почти не расходовали; прекрасный приварокъ доставался имъ почти даромъ; мясо, овощи и крупу они добывали безвозмездно.

II.

Утромъ 4-го августа, вышли изъ Казанлыка черкесы и башибузуки, въ числѣ до 150 человѣкъ; наша уральская сотня, подъ командою есаула Кирилова, атаковала ихъ; бой между ними, на нашихъ глазахъ, продолжался часа два; баши-бузуки отступили и скрылись изъ вида.

Съ этого дня я оставилъ при себѣ третьяго сапернаго офицера, 4-го понтоннаго баталіона, подпоручика Юрьева; онъ находился въ

составѣ на-скоро сформированнаго конно-пiонернаго дивизiона, въ передовомъ отрядѣ Гурки и упраздненнаго по отступленiи этого отряда.

5-го августа, Кириловъ со своею сотнею намѣревался рекогносцировать Казанлыкъ, но, встрѣченный сильнымъ огнемъ баши-бузуковъ и турецкихъ жителей изъ домовъ, принужденъ былъ отступить, причемъ три казака были убиты и самъ Кириловъ легко раненъ пулею въ лобъ, вскользь. Послѣднему болгарскому обозу, стоявшему у селенiя Шипки, приказано было немедленно переваливать на сѣверную сторону Балканъ. 6-го августа, ничего не предпринималось, ни съ той, ни съ другой стороны.

Не понимаю, какимъ образомъ въ рапортѣ генерала Столѣтова на имя командира 8-го корпуса, отъ 2-го сентября («Военный Сборникъ», ноябрь 1877, страница 71), вкралась ошибка, будто турецкая пѣхота у Казанлыка показалась рано утромъ 6-го августа; это было положительно 7-го числа. Тутъ же есть и другая ошибка, будто бы Столѣтовъ 6-го же августа просилъ меня объ устройствѣ на Шипкинскомъ перевалѣ возможно большаго числа динамитныхъ фугасовъ. Объ этомъ былъ разговоръ 28-го iюля, передъ отправленiемъ мною депеши Радецкому, когда Столѣтовъ впервые узналъ, что у меня есть до 50 пудовъ динамита, и что я воспользуюсь имъ, когда добуду гальваническiя батареи. До того же времени мы пытались примѣнить артиллерiйскiе запасы къ воспламененiю минъ; этимъ занимались Романовъ и Ивановъ съ артиллерiйскими офицерами; но проба не привела къ хорошимъ результамъ.

7-го августа, рано утромъ, замѣчены были разъѣзды баши-бузуковъ со стороны Янины, селенiя, лежащаго на востокъ отъ селенiя Шипки, откуда можно было пробраться въ Габрово на Травну, минуя Шипкинскiй проходъ,—и вскорѣ вдали за Казанлыкомъ показалась турецкая пѣхота. Генералъ Столѣтовъ притянулъ къ себѣ послѣднюю болгарскую дружину изъ селенiя Шипки и оставался на половинѣ южнаго шипкинскаго спуска. До полудня я продолжалъ работу на шоссѣ и былъ какъ бы посторонним зрителемъ приближенiя турецкихъ войскъ.

Около 2-хъ часовъ дня, Сулейманъ-паша на востокъ отъ Казанлыка выстроилъ свою пѣхоту въ три линiи, въ каждой по 14 таборовъ, всего 42 табора. Хотя турецкая армiя находилась отъ насъ слишкомъ въ 12-ти верстахъ растоянiя, но съ высотъ, занимаемыхъ нами, при помощи биноклей можно было слѣдить за движенiемъ каждаго табора. При этомъ сыпались разныя замѣчанiя на счетъ турокъ: одинъ говорилъ, что Сулейманъ-паша дѣлаетъ парадъ своимъ войскамъ въ нашу честь; другой полагалъ, что Сулейманъ-паша, зная многочисленность нашего отряда, развертываетъ свои силы, чтобы застращать насъ; третiй подмѣтилъ, что одинъ изъ таборовъ походитъ на кучу связанныхъ болгаръ и т. п. Въ это время Столѣ-

товъ читалъ мнѣ донесеніе свое Дорожинскому, а чрезъ него и Радецкому, въ которомъ говорилъ о появленіи турецкой арміи, рѣшительномъ намѣреніи Сулеймана-паши атаковать Шипку и просилъ помощи изъ Габрова. Возражая Столѣтову, я говорилъ: «такъ писать даже и не-порыцарски; вы знаете, что опасность угрожаетъ одинаково и Шипкѣ и Габрову—черезъ Янину и Травну; можетъ быть, Сулейманъ-паша пойдетъ прямо на Габрово, тамъ только 5 ротъ Орловскаго полка; можетъ быть, Сулейманъ-паша одновременно атакуетъ и Габрово, и Шипку; что же будетъ, если Габрово останется безъ защиты?» Столѣтовъ смягчилъ свое донесеніе и вмѣсто словъ о рѣшительномъ намѣреніи атаковать Шипку, сказалъ, что Сулейманъ-паша повидимому намѣренъ атаковать Шипку. На замѣчаніе мое, что теперь наше мѣсто не здѣсь, на южномъ склонѣ, а на главной позиціи, и что я ѣду къ горѣ св. Николая, Столѣтовъ отвѣтилъ, что только пообѣдаетъ и поѣдетъ туда же. Въ 4 часа дня палатка моя была разбита по срединѣ шипкинской позиціи, у турецкихъ домиковъ, рядомъ съ палаткой князя Леонида Дмитріевича Вяземскаго. Вяземскій въ званіи командира бригады въ болгарскомъ ополченіи оставался на шипкинской позиціи старшимъ, пока Столѣтовъ былъ впереди. Я предложилъ Вяземскому, чтобы онъ отъ себя послалъ нарочнаго въ Габрово къ Дерожинскому съ донесеніемъ, что непріятель въ такихъ-то силахъ, выстроился тамъ-то, но что еще нельзя опредѣлить, куда направленъ будетъ его ударъ, на Шипку или Габрово, или вмѣстѣ на оба эти пункта.

Поднявшись на гору св. Николая вмѣстѣ съ Вяземскимъ и почти со всѣми артиллеристами, мы увидѣли, что турецкая армія приближалась къ южной подошвѣ Балканъ и, какъ казалось, въ среднемъ направленіи между селеніями Яниной и Шипкой. Это подтвердило справедливость моего возраженія Столѣтову, что еще нельзя говорить о рѣшительномъ намѣреніи непріятеля. Предъ сумерками, 7-го числа, мы обошли позицію и осмотрѣли расположеніе артиллеріи; я указалъ мѣста для помѣщенія резерва; тутъ Вяземскій и другіе частные начальники говорили мнѣ, чтобы я объявилъ свое старшинство и принялъ бы на себя командованіе войсками. На это я промолчалъ, а теперь могу сказать откровенно, что разсуждалъ такъ: совѣтовать и даже руководить обороной я могу и не командуя ничѣмъ, но принять команду самовольно есть уже преступленіе; просить же разрѣшенія на то было поздно, и если бы Шипка пала, хотя бы я и не остался живымъ, все-таки явилось бы общее нареканіе на меня; каждый имѣлъ бы право сказать, что виноватъ старикъ, сунувшійся не въ свое дѣло. Притомъ я былъ увѣренъ, что такой прямой, честный человѣкъ, какъ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ, всегда приметъ добрый совѣтъ [1]).

---

[1]) Въ дневникѣ генералъ-майора Федора Михайловича Депрерадовича, издан-

Поздно вечеромъ, 7-го августа, Столѣтовъ съ южнаго склона прибылъ на позицію и расположился въ палаткѣ князя Вяземскаго; тотчасъ были собраны къ нему всѣ начальники отдѣльныхъ частей и составился нѣчто въ родѣ военнаго совѣта [1]). Моя палатка, какъ уже сказано, стояла рядомъ съ палаткой Вяземскаго, и я слышалъ все, что говорилось въ собраніи у Столѣтова. Столѣтовъ составлялъ подробную диспозицію обороны, и когда на заявленіе Вяземскаго, что я совѣтовалъ отдѣлить резервъ, Столѣтовъ не принялъ этого совѣта, то я вошелъ къ нему въ палатку. Всѣ видимо были очень довольны моимъ появленіемъ; я сказалъ Столѣтову: «Николай Григорьевичъ! резервъ необходимъ, онъ или нанесетъ рѣшительное пораженіе туркамъ, или спасетъ насъ отъ окончательнаго пораженія, тогда только можно упорно отстаивать свой постъ, когда знаешь, что въ случаѣ неустойки есть близкая помощь». Столѣтовъ согласился оставить резервъ, назначилъ командира 1-й болгарской дружины подполковника Кесякова начальникомъ резерва и приказалъ ему давать помощь по требованію начальниковъ отдѣловъ обороны, т. е. начальника фронта, тыла, праваго фланга и лѣваго фланга. Я рѣшительно возсталъ противъ такого распоряженія и говорилъ, что такое распоряженіе уничтожитъ резервъ; начальникъ отдѣла по чувству самохраненія будетъ просить помощи и резервъ можетъ получить неправильное назначеніе. «Резервъ долженъ состоять въ личномъ вашемъ распоряженіи, говорилъ я Столѣтову, и только по личному или письменному вашему приказанію, или по приказанію вашему, переданному начальнику резерва лицомъ, ему извѣстнымъ, онъ можетъ расходовать резервъ». Потомъ я говорилъ,

---

номъ подъ заглавіемъ: «Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ бывшаго командира 1 бригады болгарскаго ополченія въ 1881 году» — вкралась ошибка. Въ дневникѣ 8-го августа, на стр. 156, говорится: «Столѣтовъ полагалъ, что непріятель ни въ какомъ случаѣ не рѣшится атаковать позицію съ фронта отъ селенія Шипки и произведетъ здѣсь только демонстрацію, а попытается двинуться въ обходъ на Травну или Габрово,—послалъ флигель-адъютанта Вяземскаго осмотрѣть ущелье, ведущее отъ Янины къ Травнѣ». Это было не такъ: Столѣтовъ, съ перваго появленія Сулеймана-паши, съ утра 7-го августа, былъ убѣжденъ, что ударъ обрушится на Шипку и не ошибся въ томъ, а я предостерегалъ Столѣтова, чтобы онъ преждевременно не доносилъ начальству о рѣшительномъ намѣреніи непріятеля, что ошибка въ этомъ отношеніи можетъ имѣть гибельныя послѣдствія. Далѣе: не 8-го, а 7-го августа, въ сумерки, въ бесѣдѣ съ кн. Вяземскимъ я замѣтилъ, что необходимо хорошо осмотрѣть Янинскій проходъ на Габрово, и князь Вяземскій самъ вызвался произвести эту рекогносцировку на разсвѣтѣ 8-го августа, я только совѣтовалъ Вяземскому взять съ собой такихъ казаковъ, у которыхъ лошади надежны, и ѣхать прямо на Травну, а Столѣтовъ только разрѣшилъ князю Вяземскому ѣхать на рекогносцировку и послалъ еще штабъ-ротмистра Лукашева осмотрѣть южную часть Бердекскаго прохода.

[1]) Это было въ ночь съ 7-го на 8-е августа, а не съ 8-го на 9-е, какъ пишетъ Депрерадовичъ, на стр. 157 и 158.

что при такомъ слабомъ отрядѣ, какъ нашъ, много четырехъ начальниковъ отдѣловъ, достаточно двухъ: фронтъ и лѣвый флангъ поручить князю Вяземскому, но съ тѣмъ, чтобы подъ его вѣдѣніемъ собственно фронтомъ командовалъ временно-командовавшій Орловскимъ полкомъ подполковникъ Хоменко, а правый флангъ и тылъ поручить полковнику Деперадовичу. Флигель-адъютанта полковника гр. Толстаго тогда еще не было на Шипкѣ; съ прибытіемъ его предполагалось поручить ему командованіе фронтомъ позиціи. Затѣмъ толки о второстепенныхъ предметахъ продолжались уже безъ меня, часу до 3-го ночи, или, вѣрнѣе, утра 8-го числа.

Шипкинскую позицію составляло вновь устроенное шоссе. Фронтъ позиціи (южная сторона) примыкалъ къ горѣ св. Николая, бывшую командующею точкой надъ всею окрестностью; но самая гора св. Николая такъ не обширна, что представлялась какъ бы высокимъ холмомъ и потому не могла доставить никакой защиты флангамъ позиціи отъ окружающихъ высотъ. Наша позиція съ лѣваго фланга, или съ восточной стороны, совершенно открывалось Бердекскимъ высотамъ, а съ праваго фланга, или съ западной стороны,—высотамъ Лысой горы; и тѣ и другія высоты тянулись почти въ параллельномъ направленіи къ шоссе. Бердекскія высоты отстояли отъ шоссе отъ $1^1/_2$ до 2 верстъ, а отъ Лысой горы отъ $2^1/_2$ до 3 верстъ. Тылъ позиціи примыкалъ къ скалистой высотѣ, на которой находился турецкій редутъ слабой профили, названный нами тыльнымъ редутомъ. Длина позиціи, отъ горы св. Николая или, вѣрнѣе, отъ высшей точки Шипкинскаго перевала до сѣверной стороны тыльнаго редута, по изгибамъ шоссе, составляла $2^1/_2$ версты, и не только на этомъ $2^1/_2$ верстномъ протяженіи позиціи не было ни одного аршина земли, гдѣ бы можно было укрыться отъ выстрѣловъ, но и слѣдующія $2^1/_2$ версты, по изгибамъ же шоссе, на сѣверъ къ сторонѣ Габрова до перевязочнаго пункта Орловскаго полка, точно также обстрѣливались турками. Сообщеніе производилось только по шоссе, и чтобы со стороны Габрова придти къ горѣ св. Николая, надобно было послѣднія пять верстъ проходить подъ безпрерывнымъ огнемъ. Турки, понимая это, направляли огонь свой преимущественно на шоссе, а когда по шоссе шла группа людей, то по ней стрѣляли залпами. Шоссе тянулось на голой скалѣ, близъ него не было деревьевъ, за которыми можно было бы укрываться отъ выстрѣловъ; къ нему безпрестанно примыкали то голыя скалистыя высоты, то глубокіе, крупные овраги, а вся мѣстность по обѣ стороны представляла волны горъ съ крутыми подъемами и глубокими обрывами, большею частью покрытыми или лѣсомъ, или колючимъ кустарникомъ. Камень на шоссе былъ мягкой породы, отъ большой ѣзды онъ скоро измельчался и распыливался, а при дождѣ обращался въ грязь, такъ что и новое натуральное шоссе, гдѣ и почва и подпочва были каменныя, все-таки требовало

большаго ремонта и на немъ легко образовывались глубокія выбоины. Вообще, позиція наша представляла какъ бы лощинку среди окружающихъ ее высотъ, да иначе и быть не могло; позиціей служило шоссе, а для проложенія дороги, понятно, выбирались мѣста менѣе возвышенныя и, для удобства сообщенія, высоты были по возможности обходимы. Только совершенный недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ заставилъ меня обходъ около горы св. Николая, или южный спускъ Шипкинскаго прохода, направить по крутому восточному склону св. Николая; спускъ по западному склону былъ бы значительно отложе, но и значительно длиннѣе восточнаго; при изслѣдованіи западнаго обхода, инженеръ Ивановъ наткнулся на слѣды турецкой нивелировки горы. При проложеніи шоссе я руководствовался только задачею устроить дорогу для наступательнаго движенія арміи, или для удобства сообщенія въ тылу арміи. Если бы тогда можно было предвидѣть, что шоссе сдѣлается оборонительной позиціей, какъ бы осажденной крѣпостью, то, конечно, удлиннивъ нѣсколько шоссе, можно было бы воспользоваться нѣкоторыми возвышеніями, которыя прикрывали бы шоссе съ боковъ.

Гора св. Николая составляла оплотъ нашего фронта; на ней была построена батарея на 8 девяти-фунтовыхъ орудій—батарея Дроздовскаго. Орудія можно было поворачивать направо, къ сторонѣ Лысой горы, и налѣво—на Бердекскія высоты. При подошвѣ горы, по другую сторону шоссе, или на востокъ, была исправлена турецкая батарея, вооруженная 7-ю турецкими дальнобойными стальными орудіями, съ захваченными турецкими же снарядами по 70 на каждое орудіе. Эта батарея, названная стальною, могла дѣйствовать и на Бердекъ, и по лощинѣ между Бердекомъ и св. Николаемъ, и частію обстрѣливала подъемъ на перевалъ съ юга по шоссе; лѣвѣе этой батареи стояло одно турецкое же горное орудіе, но дальнобойное. Батареею командовалъ подпоручикъ артиллеріи Кисимскій. Впереди этой батареи и лѣвѣе по склонамъ горъ, а также и правѣе николаевской батареи или на западъ отъ нея, были устроены нами ложементы для пѣхоты. Всего на фронтѣ было 16 орудій. Фронтъ былъ не длиннѣе 100 саженей, а въ глубину позиція мѣстами съуживалась до широты шоссе.

Отъ горы св. Николая къ Габрову, или по сѣверному склону, въ одной верстѣ отъ высшей точки перевала, у самаго шоссе, находилась старая турецкая казарма; въ ней былъ устроенъ перевязочный пунктъ для поданія первой помощи; около казармы, направо или на западъ, помѣщенъ резервъ, а налѣво или на востокъ, по склонамъ, было устроено нѣсколько ярусовъ ложементовъ для болгарскихъ дружинъ. Эти ложементы и составляли нашъ лѣвый флангъ; правѣе ихъ, или южнѣе, были устроены Юрьевымъ мины и не вдалекѣ находился пороховой погребъ. Правѣе шоссе или, на западъ,

на скалистомъ курганѣ, была исправлена турецкая батарея; ее вооружили 4-мя четырехъ-фунтовыми орудіями—то батарея Поликарпова или полукруглая; впереди ея были ложементы, а нѣсколько южнѣе фугасы Романова. Батареею Поликарпова оканчивался нашъ правый флангъ.

Тылъ составляли: высокій курганъ по лѣвую сторону шоссе, или на востокъ отъ него, на которомъ было исправлено турецкое укрѣпленіе, названное нами круглою батареею, или батареею Бенецкаго; она была вооружена также 4-мя четырехъ-фунтовыми орудіями; южнѣе батареи былъ вагенбургъ изъ войсковыхъ повозокъ, прикрытый ложементомъ. Еще сѣвернѣе, на скалистомъ курганѣ, далеко превышающемъ и круглую и полукруглую батареи, по правую сторону шоссе, находился турецкій редутъ слабой профили, названный тыльнымъ редутомъ; онъ не былъ занятъ нами до 11-го августа.

Въ ночь съ 7-го на 8-е августа, когда Столѣтовъ составлялъ диспозицію обороны, Шипкинскій отрядъ составляли:

2 баталіона или 10 ротъ Орловскаго полка, изъ которыхъ 8 ротъ назначены были для занятія стальной и николаевской батареи и ложемента съ праваго фланга, а 2 роты поступили въ резервъ [1]).

5 дружинъ болгарскаго ополченія, ослабленныхъ боемъ у Эски-Загры и болѣзнями. Изъ нихъ 3 дружины назначены въ ложементы лѣваго фланга, одна въ резервъ и одна, оставленная временно Столѣтовымъ на половинѣ южнаго склона Балканъ, должна была поступить въ прикрытіе стальной батареи. 24 орудія, какъ было сказано, стояли на позиціи и 4 горныя орудія, батареи Константинова, поступили въ резервъ. 3 сотни казаковъ разныхъ полковъ, поступившихъ на Шипку изъ упраздненнаго передоваго отряда Гурки; но лошади у казаковъ были до того измучены, что для нихъ требовался продолжительный отдыхъ.

Я не былъ согласенъ со Столѣтовымъ въ пользѣ оставленія одной дружины на южномъ склонѣ Балканъ и говорилъ, что дружина эта, при своемъ отступленіи, можетъ заслонить собой нашъ огонь, можетъ на плечахъ своихъ подвести къ намъ непріятеля и лишить насъ возможности встрѣчать его дальнимъ огнемъ. При несоразмѣрности нашихъ силъ съ непріятелемъ, мы тогда не могли и помышлять объ активной оборонѣ.

Необходимо замѣтить еще, что какъ на совѣтѣ, въ ночь съ 7-го на 8-е августа, такъ и гораздо ранѣе, были голоса, которые совѣтовали занять Лысую гору и Бердекскія высоты, но я рѣшительно возставалъ противъ этого, говоря, что покуда положительно не опредѣлится, какую помощь и когда мы можемъ получить, до тѣхъ

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ Депрерадовича, на стр. 157, вкралась ошибка; онъ говоритъ, что нѣсколько ротъ Орловскаго полка занимали тогда селеніе Зеленое Древо. Селеніе это тогда вовсе не было занято нами.

поръ нельзя разбрасываться съ нашимъ слабымъ отрядомъ, особенно теперь, въ виду страшныхъ силъ непріятеля.

III.

На разсвѣтѣ 8-го августа, по отъѣздѣ Вяземскаго и Лукашева на рекогносцировку, я вмѣстѣ со своими офицерами, Ивановымъ, Юрьевымъ и Романовымъ, вышелъ на шоссе. Все еще спало, на Шипкѣ царила тишина, утро было прелестное, мы спокойно обходили позицію, какъ бы по-хозяйски присматривались къ ней. При этомъ было рѣшено не затѣвать большихъ работъ, не утомлять солдатъ—пусть они отдыхаютъ передъ предстоящимъ боемъ. Иванову поручено было собрать повозки военнаго обоза, разбросанныя по всей позиціи и при склонѣ круглой батареи устроить изъ нихъ вагенбургъ, прикрывъ его эполементомъ, приспособленнымъ къ оборонѣ. Юрьеву поручено заложить ложементы и фугасы на лѣвомъ флангѣ позиціи, а Романову то же самое на правомъ флангѣ и на фронтѣ у николаевской батареи. Такъ какъ въ нашемъ распоряженіи былъ только динамитъ, а изъ бывшихъ у нас двухъ гальваническихъ батарей одна разбилась при паденіи фуры, въ которой она везлась, то мы рѣшили воспламенять мины стопиномъ [1]).

---

[1]) Г. Зыковъ въ книгѣ своей «Война 1877—1878 годовъ», на стр. 503, говоритъ: «Тотчасъ по окончаніи шоссе принялись-было за устройство укрѣпленій на перевалѣ. Генералъ Кренке хотѣлъ прочно укрѣпить гору св. Николая, прорыть безопасныя траншеи для сообщенія между различными частями отряда, блиндировать помѣщенія для стрѣлковъ, минировать гору и т. п. Небольшая команда саперъ начала уже было эту работу, но при самомъ началѣ ея къ Шипкѣ подошла армія Сулеймана-паши. Такимъ образомъ, пришлось намъ ограничиться почти одними лишь турецкими укрѣпленіями, которыя были найдены нами на Шипкѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ бѣгства турокъ съ перевала». Въ дѣйствительности было не такъ. Шипкинское шоссе не было кончено къ появленію арміи Сулеймана; подъемъ на гору съ сѣверной стороны былъ конченъ; шоссе было построено и на самомъ перевалѣ, и начатъ былъ шоссированный спускъ по южному склону Балканъ, но до селенія Шипки или до казанлыкской дороги оставалось провести шоссе еще верстъ на 5. Работа шоссе прекращена въ полдень 7-го августа, когда турецкія войска развертывались у Казанлыка. Въ самомъ началѣ августа носились настойчивые слухи о приближеніи турокъ, и я, предвидя, что шоссе не можетъ быть кончено до появленія непріятеля, могъ бы въ послѣдніе дни всѣхъ своихъ рабочихъ вмѣсто постройки шоссе употребить на усиленіе шипкинской позиціи, но въ то же время доходили до насъ и отрадные, хотя къ сожалѣнію ложные слухи, что будто бы нанесено сильное пораженіе туркамъ и подъ Плевной, и подъ Бѣлой. Я могъ ожидать, что на выручку Шипки придетъ цѣлый корпусъ, и для облегченія наступительныхъ его дѣйствій, долженъ былъ торопиться постройкою шоссе, да это составляло и сущность возложеннаго на меня порученія. Точныхъ указаній о положеніи дѣлъ въ нашей арміи мы тогда ни откуда не получали. Далѣе: во время продолженія работы шоссе, изъ состоявшихъ при мнѣ офицеровъ двое, Юрьевъ и Романовъ, работали

Въ 7-мъ часу утра подошелъ ко мнѣ Столѣтовъ и сообщилъ, что онъ приказалъ своему начальнику штаба, подполковнику Рынкевичу, наблюдать за непріятелемъ или съ николаевской батареи, или съ устука на южномъ склонѣ Балканъ. Стали подходить старшіе офицеры отряда и я, обратясь къ нимъ, сказалъ, что надобно быть готовымъ на всякій случай, что мы можемъ отбить 20, 30 нападеній, но на 31-мъ нападеніи наша длинная линія можетъ быть прорвана и потому, въ этомъ крайнемъ случаѣ, надобно знать куда собираться отряду. Столѣтовъ торопливо сказалъ: «я уже подумалъ объ этомъ и выбираю гору св. Николая». Я спокойно замѣтилъ: «какъ же вы, Николай Григорьевичъ, хотите добровольно отрѣзать себя отъ сообщенія съ Габровымъ». Столѣтовъ возражаетъ, что гора св. Николая командующая. На это я отвѣчалъ, что тамъ гарнизонъ останется безъ зарядовъ, безъ хлѣба и воды, и тылъ св. Николая все-таки совершенно открытъ выстрѣламъ непріятеля. Столѣтовъ горячо говоритъ: «мы вездѣ подвергнемся той же участи и я рѣшаю избрать редюитомъ гору св. Николая». «Нѣтъ, ваше превосходительство, говорю я, редюитомъ должна быть круглая батарея вмѣстѣ съ тыльнымъ укрѣпленіемъ; въ этомъ отношеніи намъ нельзя полагаться на личный свой авторитетъ, спросите присутствующихъ». Всѣ конечно согласились съ моимъ мнѣніемъ; тогда Столѣтовъ сказалъ, что и онъ соглашается. Это было первымъ и единственнымъ преканіемъ моимъ со Столѣтовымъ, затѣмъ мы были во всемъ согласны.

Послѣ полудня 8-го августа возвратились кн. Вяземскій и Лукашевъ и сообщили, что на Травно-бердекскомъ проходѣ все покойно и нѣтъ признаковъ близкаго сосѣдства турокъ. Тогда стало очевиднымъ, что ударъ обрушится на Шипку. Вскорѣ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ болгарскихъ дружинъ, командиръ 1-й дружины подполковникъ Кесяковъ, служившій прежде въ Преображенскомъ полку, родомъ болгаринъ, высокій, стройный мужчина. Онъ, очевидно, уловилъ минуту, когда я былъ одинъ и спросилъ меня, слышалъ ли я, что турки еще усилились вновь подошедшими таборами, что теперь всѣхъ таборовъ до 60; на отвѣтъ мой, что не слыхалъ объ этомъ, что уже болѣе двухъ часовъ не видѣлъ Столѣтова, Кесяковъ продолжалъ: «да, тяжелая доля выпала на насъ, и что будетъ съ нами завтра, одному Богу извѣстно, солдатики предчувствуютъ бѣду, мои ратники справедливо говорятъ, что вѣрно за грѣхи отцовъ они должны страдать;

по усиленію шипкинской позиціи; они исправляли турецкія батареи, вновь возводили ложементы, пороховые погреба, закладывали фугасы, имъ дано было нѣсколько саперъ изъ команды, при мнѣ состоявшей, а рабочихъ къ нимъ наряжали отъ болгарскихъ дружинъ и Орловскаго полка. Наконецъ, о блиндированіи помѣщеній для стрѣлковъ мы и не мечтали; при нашихъ средствахъ невозможно было и говорить о томъ.

они сознаютъ безнадежность нашего положенія и что участь ихъ можетъ быть еще хуже той, которую потерпѣли товарищи ихъ подъ Эски-Загрой, и говорятъ: «почему это насъ несчастныхъ болгаръ ставятъ вездѣ подъ первую пулю». Я отвѣчалъ: «правда, одному Богу извѣстно, что будетъ съ нами завтра, но хуже смерти ничего не можетъ быть; сколько бы ни было турокъ, имъ не выбить насъ съ позиціи; они могутъ нанести намъ страшную потерю, но атаки ихъ будутъ нашимъ спасеніемъ; посмотрите кругомъ: откуда бы турки ни бросились, всюду горсть людей можетъ отбить сотни нападающихъ, а что болгарскія дружины вторично попали въ критическое положеніе—это случайность войны». При этомъ я привелъ себя въ примѣръ: «вотъ и мнѣ, повидимому, дано было самое мирное порученіе, а я можетъ быть попаду въ самое отчаянное дѣло». Заслышавъ выстрѣлы съ николаевской батареи, мы пошли туда и узнали, что по турецкимъ таборамъ, переходящимъ отъ селеній Янины и Шипки по направленію на Шейново, Столѣтовъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ; что къ туркамъ новыхъ подкрѣпленій не прибывало, но подошли многочисленные обозы, которые подняли страшную пыль, и сначала казалось, что шли новые таборы. Я тихонько сказалъ Кесякову: «вотъ видите, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ». Онъ отвѣтилъ: «понимаю, къ чему это относится».

Переговоривъ съ Романовымъ о мѣстѣ расположенія фугасовъ при горѣ св. Николая и повѣривъ перестановку орудій на стальной батареѣ, на случай направленія выстрѣловъ по южному склону шоссе, я уже въ сумерки медленно возвращался въ свою палатку. По вечерамъ обыкновенно на всѣхъ бивакахъ раздавалось громкое пѣніе пѣсенъ, но 8-го августа, какъ и 7-го, слышно было пѣніе въ полголоса и уже не пѣсенъ, а молитвъ; солдатики съ большимъ чувствомъ пѣли: Отче нашъ, Вѣрую, Херувимскую, Царю-Небесный, Достойную, Святый-Боже и проч.

Въ 10 часовъ вечера подошли на Шипку остальныя 5 ротъ Орловскаго полка изъ Габрова, а въ 12 часовъ, кн. Вяземскій, войдя ко мнѣ въ палатку, тихо сказалъ: «пойдемте, дѣло начинается, турки наступаютъ по шоссе къ горѣ с. Николая». Тревоги не били, но весь отрядъ поднялся; мы пошли къ стальной батареѣ. Къ приходу нашему ружейная пальба уже затихла и оказалось, что турки сдѣлали небольшое движеніе впередъ отъ селенія Шипки и нѣсколькими ружейными залпами заставили отступить оставленную тамъ 4-ю болгарскую дружину Рѣдкина. Съ дружиною отошла и сотня казаковъ; на южномъ склонѣ оставленъ былъ только сильный казачій разъѣздъ.

Ночь была прекрасная, лунная. Около 3 часовъ я возвратился въ свою палатку, но было ужъ не до сна, да и не многіе спали въ тяжелый канунъ предстоящей битвы. Сдѣлавъ обычныя замѣтки

въ своей памятной книжкѣ, заочно простившись съ семьей и пославъ ей благословеніе, я сѣлъ за письмо къ великому князю главнокомандующему, въ которомъ излагалъ посмертную просьбу относительно семьи своей. Но не ладилось писаніе, и много черновыхъ пришлось разорвать.

В. Кренке.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ГВОЗДЕВА.

1.

Ой, не веселъ пиръ у Ивана царя!
Онъ пьетъ изъ ковша золотаго
И очи сверкаютъ, какъ угли горя,
И хмурятся брови сурово.

2.

Онъ пьетъ одиноко за царскимъ столомъ,
Лишь рабъ его вѣрный Малюта
Поодаль съ желѣзнымъ стоитъ топоромъ
И смотритъ въ молчаніи люто.

3.

Хоть крѣпки заморскія вина и медъ,
Да нѣту Ивану похмѣлья...
И вотъ онъ Малютѣ приказъ отдаетъ
Покликать шутовъ для веселья.

4.

Шуты государевы входятъ толпой;
На лицахъ ихъ блѣдныхъ улыбки,
Гремятъ бубенцы ихъ одежды цвѣтной,
Въ рукахъ балалайки и скрипки.

5.

Князь Гвоздевъ предъ всѣми идетъ впереди...
Царь глянулъ и молвилъ съ усмѣшкой:
«У ногъ моихъ, князенька, сядь — посиди,
Сшути-ка мнѣ шутку, не мѣшкай.

6.

«Болитъ мое сердце, неможется мнѣ,
Тоска меня гложетъ, нѣтъ мочи.
Веселья найти не могу я въ винѣ,
И пиръ мнѣ не въ пиръ въ часъ полночи.

7.

«Затмили мнѣ радость, затмили мнѣ свѣтъ
Князья-лиходѣи, бояре:
Что больше казню ихъ, то больше мнѣ нѣтъ
Услады въ похмѣльномъ угарѣ.

8.

«Напрасно огнями мой блещетъ чертогъ —
Все адова тьма передъ взоромъ...
Сядь, князенька, сядь-ка у царскихъ ты ногъ,
Потѣшь-ка царя разговоромъ».

9.

И шутъ близъ Ивана присѣлъ на полу.
Царь меду поволилъ дать шуту;
Цѣлуетъ онъ царской одежды полу
И молвитъ, косясь на Малюту:

10.

«Эхъ, царь, не радѣютъ холопья тебѣ,
Во всемъ-то ихъ глупость повинна:
Что толку, коль ты въ полуночной гульбѣ
Меды испиваешь да вина?

11.

«Холопьевъ прямая была бы любовь,
Избылъ бы свои ты печали,
Когда бы те княжью, боярскую кровь
За пирнымъ столомъ наливали!»

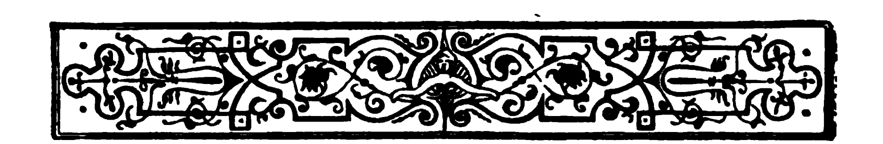
12.

И шутъ засмѣялся и вслѣдъ за шутомъ
Самъ царь залился, закатился;
И ножъ захватилъ и, играя ножемъ,
Онъ къ князю внезапно склонился.

13.

«Ну, князенька, добрый совѣтъ мнѣ даешь:
Вотъ не было, право, догадки!..»
И вновь засмѣялся... И въ грудь ему ножъ
Да самой вонзилъ рукоятки!

В. Буренинъ.



БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ МЫСЛИ.

(Историко-литературные очерки).

I.

Старая земля и молодое человѣчество. — Научныя аксіомы и непризнаніе ихъ большинствомъ. — Мыслебоязнь нашего времени. — Что такое исторія человѣчества?—Дарвинизмъ въ исторіи.—Грубая сила и право мыслить.—Ненормальныя явленія въ мірѣ логики и разума. — Религіозныя преслѣдованія, война и рабство.—Мыслю—значитъ существую.—Источники выраженія мысли.—Слово, какъ орудіе развитія идей.— Громадная область исторіи мысли.—Необходимость ограничиться проявленіями мысли въ формѣ литературныхъ произведеній.—Свобода писать и говорить въ древнемъ мірѣ.—Свобода печати въ новомъ мірѣ.—Колыбель человѣческой цивилизаціи. — Аріи въ Индіи.—Боги, какъ силы природы.—Отсутствіе борьбы за религіозныя мнѣнія. — Борьба со стихійными силами. — Боги ведъ.—Уничтоженіе мысли въ молитвѣ и человѣка въ пантеизмѣ.—Борьба въ санскритскихъ поэмахъ.—Идея воплощенія Вишну, какъ борьба со зломъ.—«Бгагавадгита», какъ протестъ противъ идолопоклонства и атеизма.—Санскритская драма, какъ выраженіе борьбы съ судьбою и людьми. — Борьба знанія со счастіемъ въ «Урваси».—Борьба съ чувствомъ въ «Глиняной колесницѣ».—Вражда Гарши съ браминами.—Причины отсутствія борьбы за мысль въ Индіи.—Гоненія книгъ и науки въ Китаѣ. — Атеизмъ китайцевъ. — Борьба Конфуція противъ аристократіи. — Сущность его философіи.— Изгнаніе Мен-цзы.—Удаленіе въ пустыню Лао-цзы.—Идея троицы.—Сущность китайской философіи.—Ян-цзы-шенъ или благородный доносчикъ.—Гоненія на писателей въ Японіи.—Поэтеса Ононо-Комачъ.—Исторія лониновъ.—Свѣтъ и слово въ зендскомъ языкѣ.—Борьба добра и зла въ персидской религіозной литературѣ.—Гвоздеобразныя надписи Ассиріи и Вавилона.—Финикіяне и ихъ фонетическая азбука.—Туранцы-халдеи.—Сирія.—Растлѣніе нравовъ въ азіатскихъ государствахъ. — Исторія Фирдуси. — Борьба страстей въ поэмѣ Джами.—Руми и Гафизъ.—Міровоззрѣніе Саади.—Афганскіе и курдскіе писатели.—Отсутствіе борьбы въ Египтѣ. — Борьба Моисея съ фараономъ и со своими соотечественниками. — Преобразованіе еврейскаго общества. — Пророки. — Надежды евреевъ. — Значеніе Востока въ дѣлѣ протеста за развитіе мысли.

ЕМЛЯ наша, по мнѣнію ученыхъ, существуетъ милліоны лѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ на ней, по охлажденіи ея коры, явились первые признаки жизни, наука насчитываетъ сотни тысячелѣтій. Между появленіемъ первобытнаго человѣка и зачатками общественной жизни, прошли также долгіе періоды времени, которые невозможно исчи-

слить. Высказывались предположенія—и довольно основательныя,—что наша планета начала уже старѣться, что въ будущемъ, хотя и очень отдаленномъ, ее ждетъ участь нашего мертваго спутника, луны, лишенной всякаго признака жизни, воздуха, воды. Но если между серьезными учеными не всѣ раздѣляють мнѣніе, что земля очень стара, между ними нѣтъ разногласія относительно убѣжденія, что человѣчество еще очень молодо. Правда, въ сравнительно непродолжительное время своего историческаго существованія, оно сдѣлало очень много, но всѣ его великія идеи, открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія въ индивидуальномъ и общественномъ быту совершены только немногими, отдѣльными, избранными личностями, въ то время когда массы остаются въ младенчествѣ, въ мракѣ невѣжества и предразсудковъ. Еще въ области техническихъ знаній, массы, хотя и съ трудомъ, усвоивають себѣ улучшенія, выработанныя наукою, но ея отвлеченныя теоріи и идеи для большинства остаются темны и непонятны, а философскія и нравственныя истины зачастую не сознаются не только массою, но и ея болѣе интелигентными представителями. И это непризнаніе научныхъ аксіомъ не всегда происходить отъ личныхъ расчетовъ или страстей, но и отъ умственной незрѣлости лицъ, вполнѣ развитыхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отъ нежеланія ближе вникнуть въ дѣло и разстаться съ рутинными взглядами, перешедшими отъ отцовъ, наконецъ, просто—отъ мыслебоязни, боязни, распространенной и въ наше время гораздо больше, чѣмъ можно этого ожидать отъ поколѣнія, богатаго ошибками своихъ предковъ и позднимъ раскаяніемъ потомковъ. Если обсуждая, въ области фактовъ, съ точки зрѣнія вѣчной истины, поступки людей, соединившихся въ общества и государства, мыслители-пессимисты назвали всю исторію человѣчества — повальнымъ безуміемъ, или, по крайней мѣрѣ, лѣтописью предразсудковъ и заблужденій, то какимъ именемъ назвать, въ области умозрѣнія, исторію развитія человѣческой мысли, вѣчно преслѣдуемой и стѣсняемой во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всѣхъ попыткахъ уяснить себѣ вѣчные законы истины?

Когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдъ за великими изслѣдователями жизни природы, наука признала однимъ изъ главныхъ условій этой жизни борьбу за существованіе, большинство отнеслось сначала съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ къ этому афоризму, только съ теченіемъ времени подтвержденному новыми изысканіями и сдѣлавшемуся аксіомой. Метафизика, правда, всегда видѣла въ жизни человѣка борьбу, но съ его страстями, съ обстоятельствами, а тутъ неопровержимая аксіома доказывала, что во всей природѣ все, что одарено жизнью, борется за свое существованіе, и право на него пріобрѣтаетъ только то, что, укрѣпившись естественнымъ подборомъ, уничтожаетъ вокругъ себя все болѣе слабое и менѣе развитое. Исторія этой борьбы такъ ясно и подробно передана Дарвиномъ, что

послѣдователямъ его пришлось не много прибавить къ изысканіямъ натуралиста. Но если эта исторія возбуждаетъ интересъ ученыхъ, то развѣ менѣе интересна для мыслящаго человѣка исторія борьбы за существованіе не видовъ органическаго міра и отдѣльныхъ индивидуумовъ, а драгоцѣннѣйшаго дара человѣка, ставящаго его выше всѣхъ другихъ созданій — его мысли, произведеній его умственной дѣятельности, его творческой фантазіи?

Но если понятна борьба за жизнь, за существованіе, потому что въ природѣ нерѣдко одинъ видъ созданій мѣшаетъ развитію другого вида, а индивидуумы, не руководимые закономъ разума и справедливости, встрѣчая на пути своемъ такихъ же непросвѣщенныхъ сознаніемъ существъ, не находятъ другого средства устранить ихъ съ своей дороги, кромѣ истребленія,—то какъ же возможна борьба противъ высшаго, не матерьяльнаго свойства человѣка: мыслить, обсуждать, создавать, и борьба не тѣмъ же равнымъ духовнымъ оружіемъ, а грубою, матерьяльною силою, принудительными, физическими средствами? Но несомнѣнные, явные факты этой борьбы, наряду со многими печальными явленіями въ исторіи человѣчества, больше всего доказываютъ, какъ еще оно молодо и какъ далеко отъ полнаго развитія своихъ внутреннихъ, умственныхъ силъ. Если подчиненіе себѣ неодушевленной природы, употребленіе на свою пользу ея неорганическихъ силъ, достиженіе матерьяльныхъ удобствъ жизни потребовало многихъ тысячелѣтій, то пройдетъ еще не одно столѣтіе, прежде чѣмъ соціально-философскія истины, сознаваемыя теперь представителями интелигенціи, сдѣлаются достояніемъ массы. Давно ли со страницъ исторіи исчезли такія явленія, какъ сожженіе людей за то, что они молились не такъ, какъ предписывала офиціальная церковь, или за то, что имѣли сношеніе съ злыми, то есть не существующими, духами? Давно ли люди поняли весь стыдъ, все преступленіе рабовладѣльчества, то есть перестали считать вещью и своею собственностью людей одинаковаго съ ними происхожденія, даже одного племени и одной вѣры? Развѣ мы не видимъ, и въ нашъ вѣкъ, людей развитыхъ во многихъ отношеніяхъ, стоящихъ у кормила правленія и, въ то же время, явныхъ и сознательныхъ крѣпостниковъ? А развѣ предвидится въ близкомъ будущемъ уничтоженіе такого возмутительнаго, страшнаго явленія, какъ убійство людей массами, тысячами, во имя какихъ-то отвлеченныхъ принциповъ: національной вражды, оскорбленія государственнаго достоинства, политическаго преобладанія? Что же и говорить о преслѣдованіи мысли, о стремленіи уничтожить ее, помѣшать ея распространенію. Конечно, мысль убить труднѣе чѣмъ человѣка, какъ въ этомъ убѣждены мыслеубійцы, не понимающіе, что она безсмертна и составляетъ всего человѣка въ высокомъ, настоящемъ значеніи этого слова. Cogito—ergo sum, говорилъ философъ. Но несмотря на это, лица, власть имѣющія и одержимыя

мыслебоязнью, не перестаютъ, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, гнать эту бѣдную мысль, увѣряя, что преслѣдуютъ не самую мысль, а ея вредное направленіе, подрывающее всякія основы и возбуждающее недовѣріе къ разнаго рода авторитетамъ. И однако эти авторитеты противъ ложной, по ихъ мнѣнію, мысли вооружаются не другою истинною мыслью, а грубою силою, стараются не убѣдить своихъ противниковъ, а зажать имъ ротъ, не доказать, что они заблуждаются, а заставить ихъ молчать, то есть не мыслить, такъ какъ мысль, не выраженная человѣкомъ, приравниваетъ его къ вовсе немыслящимъ существамъ.

Для своего выраженія у мысли главный источникъ—слово изустное, мимолетное, или увѣковѣченное въ видимыхъ знакахъ—письмѣ, печати. Въ искуствахъ мысль выражается не такъ ясно и конкретно. Ни живопись, ни скульптура, а тѣмъ менѣе другіе виды искуства не передаютъ мысль такъ ясно и рельефно, какъ живая рѣчь.

Исторія мысли, выраженной въ словѣ, обнимаетъ собою всю сферу человѣческаго знанія, культуры, прогреса. Еще обширнѣе и разнообразнѣе проявленія мысли въ сферѣ дѣятельности историческихъ событій, въ области отвлеченныхъ философскихъ системъ, въ практическомъ примѣненіи созданій ума и фантазіи. Исторія развитія идей заключала бы въ себѣ исторію всего человѣчества; для составленія такой исторіи нужны десятки лѣтъ и томовъ и, при развитіи въ наше время всѣхъ отраслей знанія, едва ли нашелся бы такой всеобъемлющій геній, который могъ бы представить исторію мысли во всей полнотѣ, со всѣми подробностями. Попытка составить такую книгу явилась въ знаменитомъ трудѣ Бокля, но и осталась не болѣе какъ попыткою. Цѣль нашего очерка—представить борьбу за развитіе мысли не въ примѣненіи ея къ политической дѣятельности, къ борьбѣ мысли въ сферѣ философскихъ, религіозныхъ и практическихъ явленій, но единственно въ литературныхъ произведеніяхъ, въ созданіяхъ, выраженныхъ словомъ. И въ этой обширной области мы отмѣтимъ только главные, выдающіеся факты, могущіе характеризовать свой вѣкъ, съ его стремленіями и идеалами. Наша исторія борьбы за существованіе мысли будетъ собственно исторіею свободы говорить и писать въ древнемъ—печатать въ новомъ мірѣ. Мы не имѣемъ возможности представить полную картину этой борьбы и по-неволѣ ограничимся только ея рельефными сторонами.

I.

Происхожденіе человѣка отъ одной пары индивидуумовъ, или одновременное появленіе его въ разныхъ поясахъ земного шара, составляетъ спорный вопросъ въ наукѣ. Достовѣрно извѣстно только

то, что колыбель современной цивилизаціи, Европа, заселилась пришельцами изъ Азіи, съ отроговъ Гималая—горной системы, протяженіе которой вдвое болѣе всей Европы. Пришельцы эти, западная отрасль которыхъ перешла изъ Бактріаны въ Европу, нашла здѣсь такое же дикое племя аборигеновъ, какое встрѣтила и восточная отрасль того же племени въ Индіи. И тамъ жило черно-кожее племя, сходное съ четверорукими; его покорили и истребили пришельцы, называвшіе себя—аріями, т. е. избранными людьми, происходившими, по ихъ легендамъ, отъ глины и солнечныхъ лучей. Это племя говорило богатымъ, вполнѣ совершеннымъ, конкретнымъ языкомъ. На этомъ прекрасномъ языкѣ, который по гибкости и богатству правильнѣе и проще греческаго, точнѣе и опредѣлительнѣе латинскаго, написаны произведенія, переносящія насъ въ глубину первобытныхъ вѣковъ. Въ первыхъ религіозныхъ гимнахъ (ведахъ) этого племени возсылаютъ молитвы огню, освѣщающему, согрѣвающему и питающему аріевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прогоняющему отъ ихъ жилищъ злыхъ существъ. Народъ-пастырь смотрѣлъ на женщину, какъ на созданіе равное себѣ во всемъ; жена арія исполняла самыя легкія домашнія работы. Боги у нихъ были первоначально только силами природы; имъ не поклонялись и въ отношеніяхъ къ нимъ не было никакого раболѣпства. Въ Ригъ-Ведѣ перечислены случаи, когда можно было разжаловать бога, не оказывающаго покровительства аріямъ. Во времена бѣдствій, бога просто исключали изъ общаго списка боговъ и говорили: «мы тебя создали и поклоняемся тебѣ не для того, чтобы ты былъ тираномъ». Тамъ же подробно описаны допросы, которые дѣлались богу, какъ подсудимому. Борьба съ приверженцами религіи была неизвѣстна для аріевъ, такъ какъ у нихъ не было ни жрецовъ, ни храмовъ; раджи, т. е. властители, были сильнѣе самихъ боговъ, даже въ эпоху кастъ, образовавшихся гораздо позже и браманизма, придумавшаго самую чудовищную миѳологію съ нелѣпѣйшими чудесами. Раджа Висмавитра въ минуту гнѣва хотѣлъ истребить небо и землю и всѣхъ боговъ, такъ что они, собравшись у его дома, умоляли, чтобы онъ пощадилъ ихъ. Идея борьбы съ живыми существами была чужда аріямъ; въ поэмѣ ихъ «Рамаянѣ» основная идея—полное братство цѣлаго міра между людьми, богами и животными; другъ и союзникъ героя поэмы Рамы — орангутангъ. Аріи вели борьбу только съ враждебными силами природы, съ условіями тяжелой, трудовой жизни; только въ Атарва-ведѣ, священной книгѣ жрецовъ, помѣщены проклятія ихъ врагамъ. Въ ведахъ хвалятъ боговъ за ихъ матеріальныя качества, говорится объ ихъ красотѣ, могуществѣ, объ алчности, съ которою они пожираютъ жертвоприношенія, но ни слова объ ихъ правосудіи и разсудительности; о будущей жизни встрѣчаются очень рѣдкіе, темные намеки; въ нихъ впервые является различіе между духомъ и матеріей; но идеи по-

каянія, отреченія отъ земныхъ радостей, самоистязанія являются уже въ эпоху созданія большихъ санскритскихъ поэмъ. Здѣсь цѣлью спиритуалистовъ, аскетовъ дѣлается уничтоженіе мысли въ молитвѣ и индивидуальности человѣка въ міровомъ пантеизмѣ. Основаніемъ Рамаяны служитъ преданіе о войнѣ злыхъ духовъ—Ракшаса противъ боговъ и людей.

Въ Магабгаратѣ изображено воплощеніе Вишну—третьяго лица индійской троицы (Тримурти). Богъ сходитъ на землю въ видѣ Кришны, переноситъ всевозможныя несчастія и мученія для того, чтобы ниспровергнуть господство зла и сдѣлаться образцомъ для людей. Вся поэма представляетъ только эпизодъ борьбы свѣтлой мысли противъ дурныхъ началъ; въ нихъ также дѣйствуютъ злые духи — Ракшаса; власть надъ природою даетъ святая и непорочная жизнь; однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы является царь змѣй. Преданіе о потопѣ передается въ ней сходно съ еврейскимъ. Высокую степень умственнаго развитія индусовъ представляетъ эпизодъ поэмы подъ названіемъ Бгагавадгита—божественная пѣсня, представляющая позднѣйшую вставку въ поэму. Въ этомъ эпизодѣ проповѣдуется пантеистическій монотеизмъ, опровергается идолопоклонство, деизмъ и атеизмъ, сознается ничтожество человѣка, безнравственность и безполезность войны. Чисто религіозныя поэмы Индіи извѣстны подъ именемъ Пуранъ (древнее писаніе); здѣсь изложены преимущественно ученія браминовъ, сотвореніе міра, основаніе богословія. Серьезная борьба съ судьбою, съ людьми, съ различнаго рода препятствіями гораздо рельефнѣе высказывается въ индійской драмѣ; тутъ герой Сакунталы—Душманта, послѣ долгихъ заблужденій, приходитъ къ мысли, что земные цари должны желать могущества только для того, чтобы составить счастіе подвластныхъ имъ народовъ. Другая драма Калидасы—«Урваси» оканчивается выраженіемъ желанія, чтобы знаніе и счастіе перестали враждовать между собою и чтобы ихъ союзъ привелъ къ общему благу человѣчество. Въ драмѣ царя Судраки — «Глиняная колесница» (Мрич-чакатикамъ) изображена борьба истиннаго чувства. Баядерка Васантасена влюбляется въ брамина Чарудату, хотя у него есть жена и сынъ; любовь совершенно перерождаетъ эту женщину, нажившую своимъ постыднымъ ремесломъ огромное богатство. Она даже скорѣе соглашается погибнуть, чѣмъ измѣнить своей любви, а жена Чарудаты не высказываетъ ни малѣйшей ревности къ Васантасенѣ, хотя убѣждена въ любви къ ней своего мужа. Одинъ изъ индійскихъ драматурговъ—Гарша царствовалъ въ Кашемирѣ; отецъ лишилъ его наслѣдства и передалъ престолъ своему племяннику, но Гарша вскорѣ прогналъ его и овладѣлъ престоломъ. Брамины ненавидѣли его за то, что онъ закрылъ множество монастырей и конфисковалъ ихъ богатства. Они всячески старались взбунтовать его подданныхъ и, наконецъ, на двадцать третьемъ

году его царствованія вспыхнуло народное возстаніе, во время котораго Гарша былъ убитъ. Драма его «Ратнавали» довольно неправдоподобная любовная исторія, тогда какъ жизненная драма самого автора полна борьбы и катастрофъ.

Въ Индіи борьба за мысль, за убѣжденія высказывалась рѣдко, не оставляла послѣ себя замѣтныхъ слѣдовъ. Жаркій климатъ, растительная пища лишали народный характеръ энергіи, дѣятельности. Несмотря на пылкое воображеніе, индійцы во всѣ вѣка покорялись игу, какого не вынесло бы другое племя ни отъ своихъ владыкъ, ни отъ пришельцевъ. Этотъ древнѣйшій народъ въ мірѣ оставался въ постоянномъ застоѣ. Утонченныя чувства смѣшиваются въ немъ съ дикими понятіями: онъ плачетъ о попавшемся ему подъ ноги и нечаянно раздавленномъ насѣкомомъ и приказываетъ женщинѣ сгорѣть на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ ея мужа. Фанатическая, скованная кастами, суевѣрная, беззаботная, невѣжественная Индія и теперь та же, какъ тридцать вѣковъ тому назадъ. Теократическая система погрузила ее въ неподвижность, чудовищная религія лишила физической и нравственной энергіи. Пріучившись покоряться самому строгому формализму, укрощать самыя естественныя стремленія, ожидать лучшей жизни только въ лучшемъ мірѣ, индусъ послушно склонилъ отуманеную браминами голову подъ ярмо всѣхъ завоевателей отъ баснословнаго Вакха до современныхъ англичанъ.

Четыреста милліоновъ жителей, обитающихъ въ восточной части Азіи на пространствѣ болѣе двухсотъ тысячъ квадратныхъ миль принадлежатъ къ первобытнымъ жителямъ Китая. Это доказываютъ ихъ лѣтописи, обычаи и законы. Языкъ ихъ моносилабическій, мягкій и бѣдный носитъ явные признаки элементарной организаціи. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ Китай обладаетъ богатою, оригинальною литературою, обнимающею всѣ отрасли знанія, всѣ виды творческой фантазіи. Книгопечатаніе было открыто въ Китаѣ за 860 лѣтъ прежде чѣмъ въ Европѣ; книгъ издано тамъ громадное число, несмотря на то, что богдыханъ Ки-гоанг-ти въ 213 г. до Р. Х. приказалъ сжечь всѣ книги за то, что ученые и писатели осуждали его деспотическое правленіе и безчеловѣчные поступки. Дикое приказаніе это, конечно, не было исполнено въ точности, и императоръ приказалъ зарыть живыми въ землю сто восемдесятъ ученыхъ, осмѣлившихся прятать книги. Зато другой богдыханъ Сематанъ собралъ и привелъ въ порядокъ всѣ историческіе документы, спасенные отъ истребленія, а сынъ его Ссематчанъ былъ знаменитѣйшимъ изъ китайскихъ историковъ. Послѣ исторіи, въ Китаѣ болѣе всего процвѣтала философія; только религіозныхъ сочиненій почти вовсе нѣтъ въ этой странѣ; вмѣсто миѳовъ и легендъ о богахъ и чудесахъ самыя древнія книги Китая заключаютъ въ себѣ только уроки общественной нравственности. Китайцы не за-

нимаются метафизическими бреднями, или заботами о будущей жизни, а стараются сдѣлать эту жизнь сколько можно пріятнѣе. Всѣ древнія учрежденія ихъ—только политическія и моральныя. Религія явилась въ послѣднее время съ ея нелѣпыми обрядами и суевѣріемъ; ни о всемогущемъ богѣ, ни о безсмертіи души нѣтъ и помину въ первой священной книгѣ И-Кингъ, составленной изобрѣтателемъ китайской азбуки Фу-чи. Только со временъ Конфуція, родившагося въ 551 г. до Р. Х. утвердились въ Китаѣ погребальные обряды и поклоненіе мертвымъ. Философъ предпринялъ произвести реформу въ общественной и государственной жизни. И то и другое ему не удалось—центральная власть въ его время ослабѣла въ обширныхъ провинціяхъ; каждая изъ нихъ имѣла свои особенныя формы правленія. Конфуцій проповѣдовалъ единство и централизацію власти и съ этой цѣлью разъѣзжалъ по провинціямъ. Вездѣ его принимали ласково, слушали, но продолжали жить и управлять по прежнему. Тогда онъ удалился въ мѣсто своего рожденія, гдѣ открылъ школу и сдѣлался сначала судьею, потомъ правителемъ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на исправленіе нравовъ, значительно улучшилъ земледѣліе, облегчилъ налоги и въ особенности способъ взиманія ихъ. Болѣе всего заботился онъ о простомъ народѣ, видя въ немъ источникъ благосостоянія государства; принимая всѣ мѣры для развитія образованія въ низшемъ сословіи, онъ обуздывалъ власть аристократіи, враждебной его реформамъ. Она успѣла наконецъ сдѣлать философа подозрительнымъ императору, и Конфуцій былъ изгнанъ. Одиннадцать лѣтъ провелъ онъ въ бѣдности и изгнаніи, но пріобрѣлъ громадное значеніе въ исторіи Китая, былъ его моралистомъ и законодателемъ, хотя никогда не вдавался въ метафизику и не занимался изслѣдованіемъ началъ бытія. О богѣ и душѣ онъ не говоритъ ни слова, но вѣритъ въ духовъ, считая ихъ первобытными началами существъ. Онъ говоритъ, что небо хранитъ людей, что оно расположено къ народу и что между ними существуетъ тѣсное сношеніе; поэтому тѣ, кто правятъ народомъ, должны быть къ нему внимательны и воздерживаться отъ произвола. Философія Конфуція не отвлеченная, а практическая. За двѣ тысячи лѣтъ до Гегеля китайскій мудрецъ признавалъ, что все существующее законно. Широкая гуманность, недоступная другимъ древнимъ ученіямъ, составляетъ основаніе морали Конфуція. Въ отношеніи ко всѣмъ людямъ предписывается полное снисхожденіе. Способность привлекать къ себѣ сердца должна быть удѣломъ всѣхъ людей. Это ученіе сдѣлалось догматомъ китайцевъ. Ему слѣдовала могущественная аристократія ученыхъ и писателей, управлявшихъ страною. Главный принципъ этого ученія—самоусовершенствованіе, сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ людей, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Государство и семейство должны управляться одними и тѣми же законами;

властитель, не обладающій качествомъ, необходимымъ для управленія семьею: умѣньемъ управлять своими страстями,—недостоинъ быть главою государства, имѣть надъ подчиненными ту же неограниченную власть, какую имѣетъ отецъ надъ своими дѣтьми. Но власть эта должна быть отвѣтственна и члены семьи могутъ смѣнить властителей, управляющихъ не такъ, какъ слѣдуетъ отцамъ семейства.

Въ то время какъ Конфуцій не встрѣчалъ сопротивленія къ распространенію своего ученія и боролся напрасно только противъ централизаціи власти, ученикъ его Мен-цзы былъ изгнанъ за свои смѣлыя проповѣди князьями-деспотами, властвовавшими въ провинціи. Онъ считалъ человѣка добрымъ по своей натурѣ и высшая мудрость, по его мнѣнію, состоитъ въ слѣдованіи законамъ гуманности и справедливости. Въ пустынѣ же, въ уединеніи, вдали отъ людей кончилъ жизнь и третій философъ—Лао-цзы, занимавшійся изслѣдованіемъ природы и верховнаго существа. Богъ, по его понятіямъ, существо неподвижное, не имѣющее ни формы, ни цвѣта, ни начала, ни конца. Главный атрибутъ его—пустота, небытіе. Люди—существа временныя, стремящіяся возвратиться въ небытіе; поэтому ихъ страданія и наслажденія—скоропреходящая случайность, которую безполезно останавливать; поэтому надо быть равнодушнымъ ко всему, отказаться отъ всѣхъ страстей, отъ всѣхъ желаній, образовать вокругъ себя пустоту и погрузиться въ бездѣйствіе. Всякое стремленіе къ чему нибудь есть зло; истинный мудрецъ избѣгаетъ всякой дѣятельности. Необходимое слѣдствіе знанія есть также зло; главное средство водворить на землѣ царство добродѣтели—запретить всякое образованіе; одно незнаніе можетъ возвратить человѣка къ его первобытной чистотѣ. Ученикъ Лао-цзы—Цзы-гоа-цзы развилъ ученіе о троицѣ(тріадѣ); единство проявляется только въ троичности, а троичность въ единствѣ. Единица—это основаніе всего, два — форма, въ которой проявляется основаніе, троица—принципъ, производящій измѣненія — духъ божественный. Всѣ созданія происходятъ изъ единства, существуютъ въ двойственности, достигаютъ совершенства въ троицѣ. Изъ другихъ учениковъ Лаоцзы—Ліе-цзы прожилъ сорокъ лѣтъ пустынникомъ въ одной рощѣ и написалъ книгу о пустотѣ и безтѣлесности. Философія такъ уважалась въ Китаѣ, что императоръ Сунчи самъ написалъ предисловіе къ книгѣ Ванг-сянга «Тан-манг-канинг-фань», то-есть—книга о наградахъ и наказаніяхъ. Преданіе говоритъ, что философъ всю жизнь собирался издать свою книгу, но умеръ, не успѣвъ сдѣлать этого и, во вниманіе къ важной цѣли сочиненія, небо возвратило жизнь философу. Книгу его богдыханъ настойчиво рекомендовалъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Она начинается мыслью, что счастіе и несчастіе зависятъ отъ самихъ людей; духи наблюдаютъ за ихъ грѣхами и, судя по нимъ, сокращаютъ

или продолжають жизнь человѣка; соблюдающій всѣ предписанія разума самъ можетъ сдѣлаться духомъ.

Китайская литература особенно богата романами; лирика ихъ отличается дидактическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ разсудительный характеръ прилагаетъ ко всему поученія и наставленія. Драма, всегда процвѣтала и преобладала въ Китаѣ, куда перешла изъ Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ. Въ драмахъ встрѣчаются сюжеты, относящіеся къ борьбѣ за мнѣнія и принципы. Такъ, въ драмѣ «Доносъ», происходящей во времена династіи Минъ, выведены историческія событія и характеры. Монголы, занявъ пограничныя области, требовали свободной торговли съ Китаемъ; при пекинскомъ дворѣ сильная партія хотѣла, во что бы то ни стало, мира и склонялась къ уступкамъ. Небольшое число царедворцевъ оставалось вѣрными поборниками національной самобытности и не хотѣло слышать ни о мирѣ, ни о торговлѣ, ни о сношеніяхъ съ варварами. Главою этой партіи былъ Ян-цзы-шенъ, подававшій государю адресы о томъ, чтобы не уступать варварамъ. За это богдыханъ приказалъ его пытать и потомъ сослать, но ничто не могло побѣдить его твердости и онъ настоялъ на прекращеніи сношеній съ монголами. Еще съ незажившими ранами отъ пытокъ вернулся онъ изъ ссылки и подалъ доносъ на злоупотребленія всемогущаго временщика, погубившаго многихъ патріотовъ. Ян-цзы-шенъ хотѣлъ открыть глаза богдыхану—и былъ казненъ какъ преступникъ. Впослѣдствіи, когда память его была оправдана, духъ его былъ произведенъ въ генія—хранителя Пекина и кумиръ его чествуется до настоящаго времени. Его имя дорого китайцамъ, какъ идеалъ гражданскаго стоицизма, уважаемаго во всей странѣ. Доносъ свой Ян-цзы-шенъ оправдывалъ тѣмъ, что хотя онъ былъ не изъ цензоровъ, которые одни имѣютъ право дѣлать увѣщанія государю, но если онъ будетъ молчать, то никто уже не осмѣлится сказать ни слова. А между тѣмъ всѣ шесть членовъ фамиліи временщика, занимая важные посты, безчинствовали и для своего обогащенія продавали важнѣйшія должности въ государствѣ. Жена напоминаетъ доносчику, что были мудрые мужи, которые уклонялись отъ опасныхъ предпріятій и однако сохранили свой долгъ, честь и имя. Онъ отвѣчалъ ей, что сохранить долгъ и принести жертву во имя правды—одно и то же. Мудрецы, спокойно наслаждавшіеся жизнью, при первомъ представившемся случаѣ, не задумались бы пожертвовать собою для общаго блага. Измѣнить правдѣ изъ любви къ жизни не въ духѣ доблестнаго мужа; убить свое тѣло ради блага—вотъ достоинство мужчины.

Тридцати трехъ миліонное племя, родственное китайцамъ и населяющее 3.850 японскихъ островов, въ недавнее время изумило весь цивилизованый міръ, совершивъ политическій и общественный переворотъ, ниспровергнувшій вѣковые обычаи и преданія, власть

неограниченную и божественнаго происхожденія. Еще не прошло пятнадцати лѣтъ, какъ кончилась борьба между представителями реформы и рутины, развитія и закоснѣнія, свѣтской и духовной власти. Въ древней японской литературѣ мысль не возставала противъ освященыхъ вѣками преданій, хотя нѣкоторые писатели подвергались сильнымъ гоненіямъ; такъ, поэтеса Ононо-Комачъ—красавица изъ благородной фамиліи, пользовалась громкою славою и уваженіемъ; она не знала другой страсти, кромѣ сочиненія стиховъ, и ее обожатели, отвергнутые ею, стали распускать объ ней дурные слухи. Оклеветанная, она впала въ немилость при дворѣ, потеряла все свое состояніе и, изгнанная самимъ микадо, дошла до крайней степени нищеты, бродя по деревнямъ и собирая скудное подаяніе въ корзинку, гдѣ хранились ея стихотворенія. Исхудалая, сѣдая старуха садилась усталая на ступени храма, къ ней сбѣгались толпою дѣти, и она читала имъ свои стихи, учила ихъ удивляться красотамъ природы. Бонзы и ученые съ уваженіемъ переписывали стихи, спрятанные въ нищенской котомкѣ безпріютной скиталицы. Она умерла всѣми забытая, но ея имя сдѣлалось народнымъ въ Японіи. Романы и драмы также процвѣтаютъ въ этой странѣ. Лучшія изъ драмъ посвящены исторіи народныхъ героевъ лониновъ — офицеровъ въ свитѣ феодальныхъ князей-даймiосовъ, по чудовищному закону обязанныхъ отвѣчать за всѣ проступки своего начальника. Въ самой популярной исторической драмѣ «Сорокъ семь лониновъ» представлено убійство всемогущаго министра этими лонинами, мстящими за своего даймiоса, казненнаго по приказанію министра. Отрубивъ голову министру въ его дворцѣ, утромъ они приходятъ къ тайкуну и отдаютъ стражѣ оружіе, объявляя о своемъ преступленіи. Двое изъ нихъ отправляются на гробницу даймiоса и кладутъ на нее голову его врага, свидѣтельствующую, что ихъ господинъ отомщенъ. Потомъ они возвращаются въ столицу и присоединяются къ своимъ товарищамъ, заключеннымъ въ тюрьму. Ихъ ждетъ неизбѣжная смерть за убійство перваго министра, но въ томъ вниманіи, что ихъ преступленіемъ руководила благородная страсть мщенія, имъ разрѣшаютъ самимъ убить себя, посредствомъ «гарикари», т. е., взрѣзыванія себѣ живота. Лонины принимаютъ въ тюрьмѣ множество посѣтителей, восхваляющихъ ихъ доблесть, потомъ отправляются на могилу министра и упавъ ницъ, просятъ у него прощенія, — что они, простые «самураи» (плебеи) осмѣлились поднять руку на могущественнаго вельможу. Потомъ они, въ присутствіи офицеровъ тайкуна, распарываютъ себѣ животъ. Удивленіе подвигу лониновъ дошло до того, что одинъ изъ ихъ друзей, завидуя ихъ славной смерти, убилъ себя на ихъ могилахъ и съ тѣхъ поръ могилы эти не разъ обагрялись кровью самоубійцъ, предпочитающихъ кончить жизнь на гробахъ народныхъ героевъ.

Литература древней Персіи сохранила только религіозныя и историческія сочиненія, да нѣсколько лирическихъ пьесъ. Первобытный языкъ этихъ произведеній—зендскій, происходящій отъ санскритскаго и сохранившійся въ гвоздеобразныхъ надписяхъ и въ Зенд-Авестѣ (живомъ словѣ)—священной книгѣ, составленной Заратуштромъ или Зороастромъ. Предметъ этой книги религіозные и законодательные вопросы, преданіе о созданіи міра, молитвы на разные случаи. Въ Зенд-Авестѣ находятся указанія на доисторическую жизнь отрасли аріевъ, населившихъ Персію въ то время, когда другая отрасль заняла Индію. Племена эти вели патріархальную жизнь; старшій членъ каждой семьи былъ повелителемъ. Жрецы явились уже гораздо позднѣе; о храмахъ Зенд-Авеста не упоминаетъ вовсе; огонь уважался персами, но не былъ у нихъ богомъ, какъ въ Индіи; животныя были друзьями, но не братьями. Кодексъ общественной жизни, преподаваемый Зенд-Авестою, состоялъ въ обработываніи земли, дѣланіи добра, чистотѣ нравовъ и правосудіи. Свѣтъ и слово на зендскомъ языкѣ синонимы,—и это понятно: свѣтъ озаряетъ землю, слово озаряетъ мысль; безъ свѣта никто бы не зналъ природы, безъ слова не знали бы, есть ли у человѣка мысль. Этотъ первобытный народъ жилъ безъ кастъ, безъ городовъ, безъ государей, почти безъ всякой религіи. Вся жизнь его была полна борьбою: надо было воздѣлывать землю, защищать плоды ея отъ стихійныхъ силъ и враговъ. Древній персъ вездѣ видѣлъ злыхъ духовъ и впослѣдствіи составилъ себѣ чудовищную миѳологію. Главное основаніе его религіозныхъ воззрѣній, основная мысль его вѣрованій, заключалась въ борьбѣ двухъ началъ: добраго и злого—Ормузда и Аримана. Эта борьба была вездѣ: въ мірѣ, на землѣ, въ сердцѣ человѣка. Ею наполнены священныя книги, составленныя Заратуштромъ (или Зердуштомъ). Новѣйшія изысканія доказываютъ, что Заратуштра только названіе греческаго сана, а родовое имя составителя Зенд-Авесты было Спитама. Сначала онъ жилъ одинокимъ, гонимый и притѣсняемый; онъ самъ говоритъ о себѣ: «никто въ народѣ не чтитъ меня; владыки мнѣ не вѣрятъ. Два духа равные по существу, говоритъ его ученіе, добро и зло—оба властвуютъ въ мысли, въ словѣ, въ дѣлѣ. Между ними предстоитъ вамъ выборъ; худшій жребій вынетъ себѣ тотъ, кто пристанетъ къ лукавому. Ищи себѣ ума тамъ, гдѣ царитъ благоразуміе».

Гвоздеобразныя надписи древнихъ персовъ, которыхъ каждый знакъ изображалъ гласную букву или въ связи съ согласною, составляли уже первый шагъ впередъ противъ іероглифическаго изображенія звуковъ человѣческаго голоса, гдѣ просто рисовались цѣлые предметы, или въ сравненіи съ азбукой китайцевъ, изображавшею цѣлыя слова. Языкъ зендскій выработался впослѣдствіи въ языкъ пеглеви, потомъ въ парсійскій. Гвоздеобразная азбука упо-

треблялась также въ Ассиріи и Вавилоніи, но тамъ эти знаки представляютъ не только фонетическіе слоги, но и идеографическія понятія. Многія вавилонскія сочиненія перевелъ на арабскій языкъ Ибн-Вахшія въ началѣ X вѣка; такъ онъ перевелъ книгу о набатейскомъ (вавилонскомъ) земледѣліи, составленную ученымъ Кутами, богатымъ владѣльцомъ помѣстьевъ на восточномъ берегу Тигра, въ эпоху господства въ Вавилонѣ ханаанской династіи, въ XIV вѣкѣ до Р. Х. Въ книгѣ Кутами много эпизодовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ земледѣлію; такъ онъ ведетъ пространную и горячую полемику противъ отшельниковъ въ черномъ платьѣ, съ длинными волосами и ногтями, ведущихъ въ пустыняхъ аскетическую жизнь и увѣряющихъ, что они находятся въ сношеніи съ богами и могутъ предсказывать будущее. Сочиненіе это бросаетъ яркій свѣтъ на исторію вавилонской цивилизаціи. Въ книгѣ вавилонянина Тенхелуши упоминается объ огромныхъ энциклопедическихъ сочиненіяхъ той эпохи. «Книга таинствъ солнца и луны» описываетъ, какимъ образомъ изъ данныхъ веществъ искуственно воспроизводить растенія, металлы и даже живыя существа. Въ самой глубокой древности Ассирійскаго царства, упоминается Таммуза, проповѣдникъ новаго ученія, боровшійся и погибшій за него. Кромѣ его, божественныя почести воздавались и другимъ мудрецемъ, какъ напр. цивилизатору Вавилона, Деванаи. Азада-пророкъ былъ первымъ проповѣдникомъ религіи отрицанія. За это его гнали властители и высшія сословія, но народъ уважалъ его. Противъ идолопоклонства боролся небезуспѣшно пророкъ Анука. Агрономъ и ханаанскій мудрецъ Мази, за 2400 лѣтъ до Р. Х., проповѣдовалъ ученіе, которымъ запрещалось приносить въ жертву богамъ живыя существа, а Дагритъ училъ, что для воздѣлыванія почвы и отвращенія бѣдствій нужны не жертвы богамъ, а хорошіе способы удобренія.

Маленькому народу, занимавшему по азіатскому берегу Средиземнаго моря пространство въ 50 миль въ длину и 10 въ ширину, цивилизація обязана величайшимъ изобрѣтеніемъ — фонетическою азбукою. Во время господства въ Египтѣ династіи царей-пастырей, финикіяне заимствовали большую часть своей азбуки изъ демотическихъ письменъ, отвѣчавшихъ основнымъ звукамъ финикійскаго языка, а остальныя буквы взяли изъ іератическихъ письменъ. Эту азбуку Кадмъ перенесъ въ Грецію и она сдѣлалась родоначальницею европейскаго алфавита. Изъ литературы финикіянъ, богатой историческими сочиненіями и путешествіями, до насъ дошло только нѣсколько надписей да небольшіе отрывки изъ космогоніи Санхоніатона въ греческихъ цитатахъ Евсевія и Порфирія. Финикійскій языкъ принадлежалъ къ видоизмѣненіямъ еврейскаго. Хананеяне, какъ и евреи, не любили увѣковѣчивать надписями подвиги своихъ дѣятелей. Въ Финикіи памятники, публичныя зданія, даже сарко-

фаги были безъ надписей. Сидоняне вырѣзывали свои законы и поученія не на камняхъ, а на металѣ, и потому надписи ихъ не сохранились, такъ какъ металъ обыкновенно переплавлялся завоевателями. У Санхоніатона исторія міровзданія изложена во многомъ согласно съ библіею, но безъ участія высшаго существа въ сотвореніи міра, который создался самъ собою. Изъ финикійскаго діалекта, которымъ говорили въ Кареагенѣ, до насъ дошло только шестнадцать стиховъ въ комедіи Плавта «Кареагенецъ» (Poenulus), да нѣсколько надписей, вырѣзанныхъ на камняхъ.

Всѣ эти племена и народы принадлежали къ арійскому племени, господствовавшему въ Азіи, но въ этой колыбели человѣческаго рода жили и потомки аборигеновъ, первобытныхъ жителей — туранцы. Типъ туранскаго племени сохранился чище всего въ Халдеѣ, вошедшей въ составъ ассирійско-вавилонской монархіи. Преданія этого племени говорятъ, что колыбель его была на сѣверѣ, въ долинѣ Алтая. Долина была окружена со всѣхъ сторонъ высокими горами, изобилующими желѣзомъ; геологическій переворотъ разрушилъ преграду, отдѣлявшую эту мѣстность отъ остальнаго міра, и жившее въ ней племя разсѣялось по землѣ; меньшая часть направилась въ Европу, гдѣ послѣдними представителями его остались баски; большая часть спустилась къ югу, заняла Бактріану, перешла Гиндукушъ и остановилась въ западной части Иранской возвышенности, названной потомъ Мидіею; отдѣльныя племена пошли на востокъ, въ Арменію и Малую Азію, другія на югъ, на берега Тигра и Евфрата. Эти рѣки халдеи урегулировали каналами и плотинами. Они перенесли на Евфратъ свою религію и законодательство, даже свои письмена, до сихъ поръ еще не вполнѣ разобранныя. Халдеи умѣли хорошо обработывать металлы. Женщина пользовалась у нихъ большими правами, могла имѣть даже замужемъ личную собственность. Сына, не признававшаго матери, «отлучали отъ земли и воды», зато жену, бросившую мужа, топили въ рѣкѣ. Для нихъ все оканчивалось въ этой жизни; въ другой нѣтъ ни наказанія злымъ, ни награды добрымъ. Туранцы впослѣдствіи были почти совершенно поглощены семитическимъ племенемъ кушитовъ, между которыми преобладало племя акадійцевъ. Халдеецъ Берозъ, жрецъ Ваала въ Вавилонѣ, написалъ исторію Вавилоніи и Халдеи; сохраненное имъ преданіе о потопѣ весьма сходно съ библейскимъ. Къ западу отъ Халдеи лежала Сирія, языкъ которой принадлежитъ къ арамейской вѣтви семитическаго діалекта. Восточные писатели считали этотъ языкъ древнѣйшимъ и утверждали, что на немъ говорили первобытные люди — Адамъ и его потомки. Языкъ этотъ одного корня съ еврейскимъ и халдейскимъ и дѣлится на нѣсколько нарѣчій; главныя изъ нихъ несторіанское и сабейское. Въ IX-мъ вѣкѣ онъ совершенно смѣшался съ арабскимъ, но до XIII-го вѣка сирійцы были представителями культуры и интелигенціи на Во-

стокѣ. Въ XIV-мъ вѣкѣ языкъ ихъ сдѣлался мертвымъ и сохранился только въ священныхъ книгахъ. Сочиненія, писанныя на этомъ языкѣ, особенно важны для исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Одно изъ нарѣчій сирійско-халдейскаго діалекта — самаритянское также имѣло свою литературу.

Кромѣ огромныхъ царствъ Ассиріи, Вавилона, и Сиріи, въ древнемъ мірѣ было еще много владѣній, то поглощавшихъ другъ друга, то жившихъ независимо. Мидія въ центральной Азіи, Кападокія, Паѳлагонія, Виѳинія, Мизія, Лидія, Фригія, Карія и др. имѣли въ исторіи эпохи блестящаго процвѣтанія и громкаго паденія. Ихъ религіозныя вѣрованія были не болѣе какъ чудовищныя басни. Вмѣсто того, чтобы сдерживать людскія страсти и пороки, эти религіи возводили ихъ въ культъ. Всѣ эти азіатскія царства славились развратомъ, освящаемымъ религіею. Главное божество—Астарта или Астаротъ соединяло въ себѣ оба пола. Въ храмахъ господствовала священная проституція; жертвы Молоху были отвратительны; браки между ближайшими членами одного и того же семейства одобрялись законами; тризна Адонею сопровождалась неслыханными оргіями. По разрушеніи Ниневіи все это переселилось въ Вавилонъ, гдѣ господствовали тѣ же нравы; но и персы, покоривъ вавилонянъ, погрязли въ ихъ роскоши и развратѣ; даже Александръ, побѣдитель персовъ, усвоилъ себѣ распущенность побѣжденныхъ. И греки перенесли отъ нихъ на свою родину постыдное растлѣніе нравовъ.

Новоперсидская литература начинается грустнымъ для писателей фактомъ. Султанъ Махмудъ газнійскій восторгался стихами поэта Абул-Мансура и далъ ему прозваніе Фирдуси (райскій). Въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ написалъ онъ огромную національную поэму въ 120.000 стиховъ, заключающую въ себѣ исторію первыхъ династій. Султанъ, слышавшій многія пѣсни поэмы, пригласилъ автора ихъ къ своему двору и приказалъ визирю за каждую тысячу стиховъ выдавать поэту столько же золотыхъ монетъ. Когда же, послѣ тринадцатилѣтней работы, Фирдуси окончилъ свой трудъ, то, вмѣсто обѣщанныхъ 60.000 червонцевъ, получилъ отъ султана только 60.000 серебряныхъ монетъ. Въ гордомъ негодованіи поэтъ отвергнулъ этотъ даръ и роздалъ деньги прислужникамъ бань и трактировъ. Потомъ онъ написалъ сатиру на султана и навсегда оставилъ Газну. Говорятъ, что нерасположеніе султана къ Фирдуси поддерживалось любимцемъ Махмуда Айяромъ, которому поэтъ не хотѣлъ подслужиться. Даже въ то время, когда онъ писалъ свою поэму, ему не всегда давали содержаніе, и друзья не разъ принуждены были помогать Фирдуси, чтобы онъ не голодалъ. Когда поэтъ умеръ въ бѣдности и изгнаніи, Махмудъ послалъ въ Тусъ, гдѣ жилъ Фирдуси, двѣнадцать верблюдовъ съ богатыми дарами. Царскій подарокъ встрѣтился въ воротахъ города съ трупомъ поэта,

который везли на кладбище. Дары предложили дочери Фирдуси, но она отвергла ихъ. Судьба другого персидскаго поэта—Джами была гораздо лучше, хотя, выйдя изъ народа, онъ охотнѣе посѣщалъ жилища бѣдняковъ, чѣмъ дворъ султана. Это не помѣшало однако султану похоронить на свой счетъ поэта, которому воздвигли великолѣпный памятникъ. Борьба со страстью рельефнѣе всего выразилась въ поэмѣ Джами «Меджнунъ и Леила», самое популярное произведеніе на Востокѣ. Предводитель кочевыхъ арабовъ Меджнунъ любитъ Леилу, но семейства ихъ враждуютъ между собою и отецъ Леилы отдаетъ ее замужъ за другого. Мужъ Леилы, видя, что она любитъ Меджнуна, самъ умираетъ отъ горя и отъ любви къ ней. Леила, оставшись вдовою, можетъ соединиться со своимъ возлюбленнымъ, но уже поздно. Послѣ ея свадьбы онъ удалился въ пустыню и тамъ сошелъ съ ума, отчего и получилъ названіе Меджнуна—безумнаго. Онъ умираетъ вскорѣ-же послѣ своего соперника, а за нимъ, узнавъ о его смерти, и Леила. Послѣдняя просьба ея, чтобы одинъ и тотъ же гробъ принялъ прахъ ея и Меджнуна—исполняется ея родителями.

Не менѣе распространена на Востокѣ поэма «Юсуфъ и Зюлейка». Эта библейская исторія Іосифа, передѣланная на персидскій ладъ. Лирика персовъ отличается мистическимъ оттѣнкомъ, очень часто облекаемымъ въ чувственные образы. Представителемъ мистицизма въ персидской литературѣ былъ Мухамедъ-Джелаль-Эддинъ, прозванный Руми (грекъ). Ревностный приверженецъ секты Софи и основатель до сихъ поръ существующаго ордена танцующихъ дервишей—Руми пострадалъ въ борьбѣ за свои религіозныя убѣжденія и долженъ былъ навсегда покинуть родину. Другой поэтъ—Шемесдинъ, прозванный Гафизомъ (хранителемъ), враждовалъ съ духовенствомъ, которое не хотѣло даже хоронить его за то, что онъ въ своихъ стихахъ воспѣвалъ соблазнъ и безвѣріе. Но поклонники таланта Гафиза одержали верхъ надъ фанатизмомъ духовенства и похоронили поэта съ величайшими почестями. Къ гробницѣ его въ Ширазѣ собираются до сихъ поръ поклонники поэта читать его стихи и дѣлать кейфъ. Знаменитѣйшій изъ поэтовъ-моралистовъ—Саади считается святымъ за то, что онъ утѣшалъ народъ, страдавшій подъ гнетомъ неправосудія и читалъ нравоученія халифамъ и сильнымъ міра. Саади былъ мистикъ, какъ почти всѣ персидскіе поэты, искавшіе утѣшенія въ религіи отъ беззаконія деспотовъ. Боясь какимъ нибудь смѣлымъ словомъ оскорбить своего владыку, Саади писалъ мѣстами такъ туманно, что его нельзя понять, несмотря на всѣ коментаріи. Въ поэмѣ «Гюлистанъ», онъ проповѣдуетъ необходимость превозносить величіе падишаха. Единственную защиту противъ царя слѣдуетъ искать въ собственной слабости и ничтожествѣ. Властитель поэта былъ милосердъ, но милосердіе это является безъ всякаго отношенія къ добру и справедливости, личнымъ произволомъ, безъ

10*

разумнаго и гуманнаго побужденія, совершенно случайнымъ и безсмысленнымъ. Далѣе высказывается мысль, что для вѣры нисколько не необходимы добрыя дѣла и что благочестіе выражается только въ словахъ и извѣстныхъ обрядахъ. Вѣрующій—рабъ Бога, а у раба не можетъ быть своей воли. Любовь, по мнѣнію поэта, только капризъ. Онъ отрицаетъ вліяніе воспитанія на человѣка; лучшій способъ воспитанія—побои и истязанія. Воспитаніе необходимо только для знатныхъ и богатыхъ людей и состоитъ въ томъ, чтобы говорить обдуманно и имѣть спокойный характеръ. Простирать милосердіе на злыхъ—значитъ наносить обиды добрымъ; прощать притѣснителей—значитъ угнетать притѣсненныхъ. Основная идея духовныхъ воззрѣній персидскихъ писателей—матеріализмъ, заключающійся въ наслажденіяхъ житейскими благами, за которыя фаталистъ воздавалъ благодареніе Богу и его тѣни на землѣ—падишаху, которому необходимо льстить и повиноваться безпрекословно, такъ какъ отъ прихоти деспота зависитъ и матеріальное благосостояніе, и самая жизнь. И умирая вѣрующій разсчитывалъ въ будущей жизни на тѣ же матеріальныя наслажденія, сожалѣя, что въ этомъ мірѣ старость не позволяетъ пользоваться ими. Поэтъ Хакани, борясь противъ придворныхъ интригъ, былъ заключенъ въ крѣпость и по освобожденіи оставилъ навсегда дворъ султана.

Афганскій писатель Мирза-ханъ долго боролся съ духовенствомъ, обвинявшимъ его въ ереси, и принужденъ былъ удалиться въ Индію, гдѣ вѣротерпимость народа позволяла ему жить спокойно. Подъ старость онъ опять обратился къ религіи, за что его считали чуть не святымъ. Поэтъ Хушаль-Ханъ семь лѣтъ былъ плѣнникомъ Ауренгзеба, въ крѣпости Гваліоръ. Вернувшись на родину, онъ поднялъ афгановъ противъ монголовъ, но былъ побѣжденъ, передалъ власть своимъ 37 сыновьямъ и самъ удалился въ уединеніе, гдѣ занялся поэзіею. Но сыновья его стали враждовать другъ съ другомъ и отецъ принужденъ былъ принять участіе въ ихъ распряхъ. Вслѣдствіе измѣны одного изъ нихъ онъ бѣжалъ въ горы и умеръ тамъ отъ горя и бѣдности. Абдул-Кадир-ханъ, одинъ изъ сыновей Хушаля, былъ храбрымъ воиномъ и поэтомъ. Онъ велъ долгую борьбу мечомъ и перомъ противъ своего племянника, но былъ схваченъ и казненъ имъ.

Даже курдскіе поэты вели долгую и упорную войну противъ духовенства. Одинъ изъ нихъ говоритъ прямо, что священники всѣхъ религій дѣлаютъ вообще мало добра. Они требуютъ только, чтобы это исполнялъ народъ, а сами шага не сдѣлаютъ для бѣдныхъ.

Первые арійскіе переселенцы, проникнувшіе въ Египетъ черезъ Суэзскій перешеекъ, принадлежали къ семитическому племени. Въ дельтѣ Нила, впадавшаго въ Средиземное море, тамъ, гдѣ теперь городъ Мемфисъ, пришельцы нашли черную расу аборигеновъ, которую оттѣснили внутрь страны. Втеченіе многихъ вѣковъ здѣсь

развились цивилизація и религія, неимѣвшія ничего общаго съ Индіею, Китаемъ, Персіею. Египтяне были очень религіозны и съ покорностью несли иго жрецовъ и фараоновъ. Жрецы эти славились какъ мудрецы, но наука ихъ была полна мистическихъ бредней. Чудовищная религія держала народъ въ полномъ порабощеніи, но по египетской теологіи вина отца не переходитъ на сына. Изида-аторъ (всеобщая мать) нашла сына врага своего Тифона— черное мохнатое существо съ головою шакала. Онъ былъ брошенъ и плакалъ; она его взяла и выкормила своею грудью. Зато этотъ Анубисъ, сынъ злодѣя, изобрѣлъ всѣ искуства, одарилъ людей памятью и научилъ ихъ сохранять трупы умершихъ, въ ожиданіи того дня, когда Озирисъ будетъ судить ихъ. Вся земля въ Египтѣ принадлежала царю; только одну треть ея онъ уступалъ духовенству за то, что оно поддерживало его власть. Подданные должны были обработывать всю землю, удерживая за эту работу часть произведеній земли, достаточную для пропитанія. Все, что египтянинъ заработывалъ въ жизни, откладывалъ онъ въ кассу мертвыхъ и этимъ покупалъ себѣ право быть набальзамированнымъ послѣ смерти. По суммѣ, оставленной умершимъ, жрецъ рѣшалъ, гдѣ должно похоронить покойника. Царскій писецъ въ то же время свѣрялъ по инвентарю имущество, оставленное умершимъ. Если онъ хорошо обработалъ землю, увеличилъ достояніе, царь позволялъ старшему сыну умершаго продолжать это фермерство, въ противномъ случаѣ семейство изгонялось и ферма передавалась другому. Какая участь постигала выгнанныхъ, объ этомъ никто не заботился. Люди гибли тысячами, воздвигая по прихоти царей громадные обелиски и пирамиды. Для постройки Эльскаго обелиска Рамзесъ согналъ изъ отдаленныхъ провинцій 120.000 молодыхъ людей. Окончивъ работу, они возвратились на родину стариками и безъ куска хлѣба. Жрецы держали невѣжественный народъ въ той мысли, что чѣмъ больше страданій на землѣ, тѣмъ выше будетъ награда по смерти. И народъ не думалъ бороться противъ такой мысли и ждалъ смерти, въ надеждѣ купить на скопленныя деньги милость бога. Деньги эти попадали, конечно, въ руки жрецовъ. Даже въ молитвахъ, обращенныхъ къ богамъ, египтянинъ просилъ не о себѣ, а о томъ, чтобы «богъ далъ полную жизнь фараону, хлѣбъ его животу, воду его горлу, ароматъ его волосамъ». Образованіе было въ большомъ почетѣ въ Египтѣ; школъ было не мало, но у учениковъ «кости были переломаны, какъ у ословъ» — по словамъ одного папируса. И въ то время, когда ребенокъ учился, его мать приносила всякій день учителю хлѣбъ и напитки. Уже въ эпоху фараоновъ въ египетской литературѣ было много романовъ и сказокъ. Въ нихъ преобладаетъ элементъ чудеснаго; женщины играютъ незавидную роль, хотя онѣ пользовались полною свободою въ Египтѣ, а при второй династіи даже царствовали. Но писатели называютъ

ихъ «сборищемъ всякихъ беззаконій, мѣшкомъ всякаго рода хитростей и обмановъ».

На ряду съ иранскимъ племенемъ важная роль въ исторіи восточной цивилизаціи принадлежитъ семитическому племени. Колыбель его—Аравія, главныя вѣтви его — арамейская, еврейская и арабская. Арамомъ называется въ библіи Сирія и Месопотамія. Кромѣ этихъ странъ на арамейскомъ языкѣ говорили халдеи и части вавилонскаго и ассирійскаго царства. Эта вѣтвь, вмѣстѣ съ Финикіею и Самаріею, признавала многобожіе въ то время, когда другіе семиты исповѣдывали вѣру въ единаго бога. Евреи появились изъ-за Евфрата, въ южной Сиріи, за 1.300 лѣтъ до Р. Х., завоевали землю амореевъ и вели постоянную борьбу съ сосѣдними племенами аммонитовъ, филистимлянъ, амалекитовъ и друг. Священныя книги евреевъ однѣ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, хотя языкъ ихъ далеко не самый древній. Въ нихъ заключается законодательство евреевъ, ихъ поэзія и философія, космогоническія и историческія преданія, обрядовая сторона ихъ быта, всѣ ихъ научныя свѣдѣнія. Первыя шесть книгъ библіи приписываются Моисею. Въ нихъ ясно видѣнъ высокодаровитый писатель и вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель, историкъ, философъ, администраторъ. Всѣ вѣка и народы относились съ глубокимъ уваженіемъ къ высокой личности Моисея. Легенду о его жизни знаетъ весь востокъ. Полная чудесныхъ событій, она приписывается многимъ миѳическимъ личностямъ. Въ долинахъ Хорева и Синая, на пустынныхъ берегахъ Краснаго моря, задумалъ онъ освободить свой народъ отъ египетскаго ига, и его борьба съ фараономъ Рамзесомъ IV-мъ полна высокаго драматизма. Косноязычный, восьмидесятилѣтій вождь евреевъ, послѣ многихъ усилій и чудесъ, которымъ не могли подражать египетскіе жрецы, также дѣлавшіе чудеса, онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли—вывелъ свое племя изъ Египта, обѣщая именемъ Іеговы своимъ соотечественникамъ обладаніе землею, кипящею молокомъ и медомъ. Евреи не скоро однако достигли обѣтованной земли. Легковѣрный, страстный, впечатлительный народъ, они, во время долгаго странствованія по пустынямъ, не разъ возставали противъ своего вождя и своего бога. Моисей успокоивалъ ихъ, добывалъ имъ продовольствіе, разбивалъ враговъ, нападавшихъ на нихъ, разбиралъ ихъ споры и жалобы, наконецъ, далъ имъ законы на Синаѣ, сказавъ, что получилъ ихъ отъ Іеговы. Но въ то же время онъ сурово относился къ своему народу, связалъ его кровавыми постановленіями и, вслѣдъ за возвращеніемъ съ Синая, истребилъ 23.000 возставшихъ противъ него евреевъ. Въ то же время онъ учредилъ всѣ религіозные обряды, назначилъ жрецами Аарона и его сыновей, устроилъ ковчегъ завѣта, сдѣлалъ народную перепись, давшую всего 625.000 человѣкъ, сформировалъ армію изъ четырехъ корпусовъ, учредилъ празднованіе пасхи, положилъ на-

чало синедріону, однимъ словомъ, вполнѣ организовалъ свой народъ. Онъ не вошелъ однако самъ въ землю обѣтованную и, раздѣливъ ее между всѣми колѣнами Израиля, велѣлъ истребить всѣхъ жителей земли Ханаанской. Истинное значеніе Моисея, возродившаго свой народъ къ новой государственной жизни, заключается въ томъ, что онъ сорвалъ покровъ со множества основныхъ истинъ, которыя до него скрывали отъ народа и считали запрещенными, доступными только избраннымъ — жрецамъ и властителямъ. Въ Египтѣ на всемъ лежала печать молчанія и таинственности. Въ Палестинѣ въ первый разъ на всемъ Востокѣ прогремѣло свободное слово. Переходъ Моисея по пустынѣ былъ переходомъ древняго общества въ новыя гражданскія формы. Зародыши многихъ современныхъ принциповъ можно найти въ законахъ Моисея; онъ далъ своему народу экономическую формулу: «каждому смотря по его нуждамъ». Несмотря на это, еврейскій народъ долго сопротивлялся своему осводителю. Привыкшій къ рабству, онъ не цѣнилъ, не понималъ высокой идеи своего освобожденія, жаловался на матеріальныя лишенія. Стоило не мало труда внушить ему идею о единомъ Богѣ, культу котораго посвящена была вся жизнь Моисея. Законодатель отдѣлилъ свой народъ отъ другихъ племенъ, исповѣдовавшихъ многобожіе, внушалъ ему, что онъ народъ избранный Богомъ, чтобы возсоединить всѣ остальныя племена. Моисей установилъ между евреями равенство, хотя еще неправовое, но племенное. Онъ не могъ уничтожить вполнѣ язвы древняго міра—рабства, но смягчилъ его сколько было можно, по понятіямъ только что возрождающагося общества. Собственность приняла также другія формы. Земля не принадлежала какъ въ Египтѣ царю, а была раздѣлена по равнымъ частямъ между всѣми гражданами. Ростовщичество строго преслѣдовалось между евреями. Неограниченный диктаторъ, безпощадно каравшій всякое сопротивленіе, Моисей не былъ однако жестокъ по своей природѣ. Онъ казнилъ и истреблялъ въ силу идеи, а не по прихоти тирана, незнающаго преграды своему самовластію. Моисей являлся безчеловѣчнымъ только, когда хотѣлъ оградить свой народъ отъ соприкосновенія съ язычниками.

Послѣ Моисея величайшимъ организаторомъ еврейскаго народа былъ Эздра. Ему приписываютъ составленіе канона ветхаго завѣта изъ двадцати двухъ книгъ. Соединивъ въ Іерусалимѣ своихъ соотечественниковъ, разсѣявшихся по разнымъ странамъ, онъ посвятилъ себя исправленію народныхъ нравовъ. Преемникъ его Неэмія былъ достойнымъ помощникомъ Эздры въ дѣлѣ возрожденія евреевъ. Замѣчательную особенность въ еврейской литературѣ представляютъ книги пророковъ. Пророчество было всегда отличительною чертою національнаго характера евреевъ. Во всѣ эпохи ихъ исторической жизни являлись лица, поставлявшія себѣ обязанностью бороться противъ современныхъ постыдныхъ явленій, предсказывать за нихъ

наказанія въ будущемъ, или обѣщать, въ болѣе или менѣе отдаленное время, избавленіе отъ страданій. Эти вдохновенныя, фанатическія личности имѣли огромное вліяніе на свой народъ. Съ неограниченною смѣлостью возставали они противъ беззаконія своихъ царей, потрясали и даже низвергали ихъ престолы, ослабляя государственную силу своего отечества, но усиливая энергію его національности. Исаія — первый изъ еврейскихъ пророковъ по блестящему, образному языку, смѣлымъ мыслямъ, меткимъ сравненіямъ; его упреки народу, юношеству, рѣзки и краснорѣчивы. Іеремія напрасно съ энергическимъ краснорѣчіемъ возставалъ противъ стражей закона и властителей, которые вели позорную жизнь. По его словамъ, «священники учатъ ради корысти, судьи подобны волкамъ, рыскающимъ за добычею; они судятъ и управляютъ за деньги, да и самый народъ не лучше своихъ властителей—у него глаза, чтобы не видѣть, и уши, чтобы не слышать, онъ не обрѣзанъ сердцемъ, умъ его грубъ и никто не идетъ по пути правды». Пророка не разъ сажали въ темницу, заключали въ оковы и уводили въ плѣнъ, гдѣ онъ, вѣроятно, и погибъ. Пророкъ Амосъ громитъ злыхъ богачей, упрекаетъ ихъ за великолѣпіе жилищъ, изысканность пищи, обвиняетъ судей въ притѣсненіи невинныхъ, народъ въ порокахъ и злодѣяніяхъ. Народъ-скиталецъ, потерявшій родину, искалъ главную опору своей народности въ религіозномъ элементѣ, преобладающемъ въ еврейской литературѣ. Но долгіе годы плѣна, подчиненность разноплеменнымъ властителямъ, уничтожили замкнутость этой литературы, ввели въ нее чуждые элементы. Изъ накопившихся въ долгое время разнородныхъ преданій развился талмудизмъ. Не разъ возставая противъ своихъ поработителей, евреи нерѣдко ставили въ главѣ возстанія ученыхъ, какъ Акибу-бен-Іосифа, стремившагося найти единство въ еврейскихъ преданіяхъ и связать ихъ съ книгами Моисея. Побѣжденный римлянами, онъ былъ захваченъ и замученъ ими. Гоненія, которымъ подвергались евреи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, были ужасны, особенно въ первые вѣка. Исторія ихъ настоящій мартирологъ, но надо сказать, что они нигдѣ не хотѣли слиться съ гражданами той страны, гдѣ поселились ихъ предки и вездѣ были чужды интересамъ этой страны, живя особнякомъ, составляя государство въ государствѣ. Несмотря на признаніе въ послѣднее время цивилизованными государствами полной равноправности евреевъ со всѣми гражданами, евреи — что весьма естественно — мечтаютъ о возстановленіи своего древняго царства, о пришествіи Мессіи. Они признаютъ только одного царя— небеснаго и молятся о томъ, чтобы «тотъ, кто вывелъ предковъ ихъ изъ рабства на свободу, освободилъ ихъ въ скоромъ времени и собралъ разсѣянныхъ съ четырехъ концовъ земли, дабы израильтяне составили одно цѣлое».

Въ борьбѣ за развитіе идей Востокъ игралъ второстепенную роль. Мыслители и писатели слабо выражали протесты противъ господствовавшихъ заблужденій, еще слабѣе отстаивали свои положенія. Ни Индія, ни Китай, ни Персія не выработали ни одного изъ принциповъ современнаго общества. Только Моисей явился великимъ реформаторомъ, но и онъ, введя новыя начала общества въ своемъ народѣ, обособленностью его положилъ предѣлъ его развитію. Одна Японія въ самое послѣднее время пошла смѣло по пути прогреса, но вступила на него еще такъ недавно, что нельзя сказать положительно, не сойдетъ ли съ него снова. Но религіозныя вѣрованія всѣхъ этихъ національностей не имѣютъ зачатковъ распространенія между другими племенами. Только два ученія, родившіяся на Востокѣ — буддизмъ монголовъ и манджуровъ и мусульманство арабовъ и турковъ—могутъ имѣть будущность. Объ этихъ ученіяхъ мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ, прежде чѣмъ перейти къ первымъ европейскимъ національностямъ—греческой и римской.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжки).

ХОЛМОГОРСКАЯ СТАРИНА.

Сѣверная Двина за 112 верстъ до впаденія въ Бѣлое море образуетъ своими рукавами нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ находится уѣздный городъ Архангельской губерніи—Холмогоры. Съ восточной стороны онъ прилегаетъ къ рукаву Двины, называемому Куроползкою, а съ остальныхъ трехъ сторонъ окруженъ обширными и роскошными лугами, омываемыми рѣчкою Оногрою. По этимъ лугамъ идетъ въ Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она, — не въ примѣръ всѣмъ другимъ архангельскимъ дорогамъ. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, съ пустынными полянами, кочками и болотами, лѣсами съ чахлыми, малорослыми деревьями, отдыхаютъ на веселыхъ, раскинувшихся въ даль лугахъ, замыкаемыхъ волнистою линіею холмовъ и пригорковъ съ разбросанными на нихъ деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогоръ, настолько же некрасивъ и бѣденъ самый городъ. По срединѣ его тянется грязная, кривая улица, прерываемая пустырями, заросшими травой. Сотни полторы домовъ, искривленныхъ и почернѣвшихъ отъ ветхости, виднѣются въ разныхъ направленіяхъ на двухъ верстномъ пространствѣ. Единственный въ городѣ каменный казенный домъ представляется роскошными палатами среди своихъ убогихъ деревянныхъ сосѣдей... И еще грязнѣе и унылѣе кажется городъ, когда взглянешь на его роскошную рѣку, на зеленые острова съ деревнями на холмахъ и полями по косогорамъ.

А между тѣмъ этотъ городокъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ на Руси и игралъ нѣкогда довольно важную роль въ исторіи сѣверо-востока нашего отечества. Пронеслись надъ нимъ чуть не сказочныя времена владычества бѣлоглазой чуди, видалъ онъ и буйную вольницу новгородскую, былъ центромъ администраціи и торговли на дальнемъ сѣверѣ во времена московскихъ царей, здѣсь жили правители Двинской области и архіереи холмогорской и

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь въ Холмогорахъ.

важской епархіи. Однимъ словомъ, вся древняя исторія сѣвернаго края Россіи выразилась въ исторіи Холмогоръ, точно такъ же какъ новая исторія этого края тѣсно связана съ Архангельскомъ.

Изъ памятниковъ старины, свидѣтельствующихъ о быломъ значеніи Холмогоръ, до нашихъ дней сохранилось только два: соборъ во имя Преображенія Господня и женскій Успенскій монастырь, передѣланный изъ прежняго архіерейскаго дома, гдѣ почти сорокъ лѣтъ томилось въ тѣсномъ заключеніи Брауншвейгское семейство. Объ этихъ памятникахъ мы и хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Спасо-Преображенскій соборъ, во времена Петра Великаго, считался, въ сравненіи съ другими, первымъ въ краѣ по величинѣ и красотѣ. Онъ каменный, пятиглавый, построенъ въ византійскомъ стилѣ и не имѣетъ придѣловъ. Свѣтъ проходитъ въ окна, расположенныя въ два яруса и въ трехъ куполахъ, опирающихся на четыре столба; остальные два купола не имѣютъ оконъ. Колокольня въ видѣ башни, въ нижней своей части четырехъ-угольная, а въ верхней восьми-угольная; по срединѣ ея вдѣланы стариннаго устройства желѣзные часы съ боемъ. Иконостасъ собора деревянный, четырехъ-ярусный, окрашенъ голубой краской съ вызолоченной, потемнѣвшей отъ времени, рѣзьбой. Престолъ и жертвенники изъ кипариса. Въ напрестольномъ ковчегѣ хранятся части мощей св. Василія Анкирскаго, св. великомученика Никиты, мученика Христофора и частица гроба Господня. У южной и сѣверной стѣнъ храма находятся десять надгробій, покрытыхъ черными пеленами; здѣсь покоятся умершіе архіереи, погребенные подъ церковнымъ помостомъ. Прежде надъ гробницами висѣли и портреты усопшихъ, но теперь они убраны во избѣжаніе порчи отъ сырости. Соборъ заложенъ при первомъ архіепископѣ холмогорскомъ Афанасіи 27-го августа 1685 года, въ четвертый годъ по учрежденіи здѣсь епархіи. Постройка окончена въ шесть лѣтъ; на нее употреблено 6.504 рубля 47 коп. частію изъ суммъ пожалованныхъ государемъ, и частію на иждивеніи домовыхъ имѣній преосвященнаго и добровольныхъ пожертвованій.

Архіерейскій каменный домъ, нынѣ женскій Успенскій монастырь, построенъ почти одновременно съ Преображенскимъ соборомъ, именно въ 1691 году. До 1744 года въ немъ имѣли постоянное жительство архіереи; но въ этомъ году онъ былъ отобранъ въ казну и назначенъ мѣстомъ заточенія Брауншвейгскаго семейства.

Печально и неудобно было жилище несчастной принцессы Анны Леопольдовны, ея мужа и дѣтей. Обширный дворъ архіерейскаго дома, заключающій въ себѣ вмѣстѣ съ землею, занятой строеніями, до 2.084 квадратныхъ саженъ, былъ обнесенъ высокимъ тыномъ или оградою, вокругъ которой днемъ и ночью постоянно ходили часовые для того, чтобы никто не смѣлъ сюда приближаться. Главное зданіе, служившее тюрьмой для Брауншвейгскаго семейства и занимаемое теперь монастыремъ, возвышается у юго-восточной стороны ограды. Въ верхнемъ этажѣ каменнаго дома, примыкающаго къ монастырской церкви, находится небольшая комната, съ однимъ окномъ на дворъ и двумя дверями, изъ которыхъ одна прямо противъ входа, а другая въ лѣвой стѣнѣ. Эта небольшая комната служила передней помѣщенія Анны Леопольдовны. Здѣсь стоитъ небольшой, низенькій комодецъ изъ дубоваго дерева съ массивными мѣдными ручками и замочными бляхами, принадлежавшій бывшей правительницѣ Россіи. Сохранилось еще туалетное зеркало въ рѣз-

ной на ножкахъ рамѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ скрѣпленной веревочками; оно составляло собственность дочерей Анны Леопольдовны и нѣкогда отражало ихъ лица. Дверь, противоположная входу въ переднюю, ведетъ въ огромный залъ, занятый теплою монастырской церковью. Въ правой сторонѣ устроенъ алтарь съ небольшимъ иконостасомъ. Потолокъ безъ сводовъ; въ срединѣ онъ поддерживается четырехугольнымъ каменнымъ столбомъ, около котораго помѣщены иконы. При Брауншвейгскомъ семействѣ церкви здѣсь не было; эта огромная комната служила заломъ. Она очень слабо освѣщена нѣсколькими окнами, находящимися на одной только сторонѣ. Часть

Комната Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря.

свѣта проходитъ также въ стеклянныя двери въ стѣнѣ противъ входа, ведущія въ другую церковь, гдѣ богослуженіе отправляется только лѣтомъ. Церковь имѣетъ куполъ. До прибытія Брауншвейгскаго семейства она была крестовою (потому что здѣсь жили архіереи), а затѣмъ переименована въ церковь Зачатія св. Анны и поступила въ придворное вѣдомство. По отправкѣ Брауншвейгскаго семейства въ Данію, въ 1780 году, императрица Екатерина II-я приказала перевезти иконостасъ этой церкви въ деревню Ракулу, въ 60 верстахъ отъ Холмогоръ, а вмѣсто него поставить новый.

Дверь въ лѣвой стѣнѣ передней ведетъ въ комнату, называемую гостиной Анны Леопольдовны. Эта комната со сводами и хорошо освѣщена тремя окнами, выходящими на почтовую дорогу; она была

раздѣлена деревянною перегородкою на двѣ части: большая имѣла до 13-ти шаговъ въ длину и столько же въ ширину. Мебель гостиной состоитъ изъ дивана, стула и двухъ столовъ. Надъ диваномъ висятъ три портрета, между которыми средній, Петра Великаго, довольно схожій; въ простѣнкѣ оконъ большой образъ Божіей Матери. Видъ этой комнаты изображенъ на прилагаемомъ здѣсь рисункѣ.

Передъ домомъ, въ оградѣ, находится большой прудъ, на которомъ заключеннымъ позволялось кататься въ шлюбкѣ; они выходили къ пруду по маленькому крыльцу, существующему до сихъ поръ возлѣ комнаты принцессы Анны. Близь пруда былъ сарай, вмѣщавшій въ себѣ старую карету; узники пользовались правомъ отъѣзжать въ ней иногда сажень на двѣсти отъ своего жилища. Въ карету обыкновенно впрягали шесть лошадей; обязанности кучера, форейтора и лакеевъ исполняли солдаты. На такомъ незначительномъ протяженіи совершались всѣ ихъ прогулки. Арестанты никого не видѣли кромѣ людей, приставленныхъ къ нимъ для услуженія. Одна команда караульныхъ солдатъ помѣщалась въ особой казармѣ, построенной у входа въ ограду, а другая находилась въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ содержалось Брауншвейское семейство. Обѣимъ командамъ, хотя и имѣвшимъ одно и тоже назначеніе, было строго воспрещено сноситься между собою. Глубокая, непроницаемая тайна окружала жилище узниковъ. Ни одинъ посторонній, любопытный взоръ не проникалъ во внутренность; никто, даже врачъ, не допускался къ нимъ безъ разрѣшенія губернатора, изрѣдка пріѣзжавшаго въ Холмогоры изъ Архангельска. Холмогорскіе жители знали, что въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ живутъ какіе-то «важные арестанты», но какіе именно, того не вѣдалъ никто. Народъ далъ этой тайнѣ названіе «неизвѣстной комиссіи», которое повторяется на мѣстѣ до сего времени.

На содержаніе Брауншвейгскаго семейства не было назначено опредѣленной суммы; но отпускалось ежегодно изъ архангелогородскаго магистрата отъ 10 до 15 тысячъ рублей. Деньги эти расходовались по усмотрѣнію губернаторовъ, которые поступали относительно несчастныхъ узниковъ крайне недобросовѣстно, заставляя ихъ терпѣть во всемъ нужду и лишенія.

Умственная жизнь арестантовъ была самая жалкая. Какъ уже сказано, они не видѣли вокругъ себя никого, кромѣ прислуги и солдатъ. Единственныя развлеченія ихъ состояли въ чтеніи церковныхъ книгъ, игрѣ въ карты, или шашки, работахъ въ саду и ухаживаніи за курами и утками. Приставленные къ нимъ люди тоже не могли ни куда ходить съ архіерейскаго двора, что, разумѣется, вредно отражалось на ихъ нравственности. Рапорты, посылавшіеся въ Петербургъ, наполнены донесеніями о ссорахъ, дракахъ, дерзостяхъ прислуги, о незаконно прижитыхъ дѣтяхъ и т. п.

Ненормальныя условія жизни вліяли также на здоровье и физическое развитіе узниковъ: всѣ дѣти Анны Леопольдовны, жившіе въ Холмогорахъ, принцы Петръ и Алексѣй и принцессы Екатерина и Елисавета, были или косноязычны, или горбаты, кривобоки, страдали разными хроническоми болѣзнями [1]).

Анна Леопольдовна и принцъ Антонъ-Ульрихъ умерли въ холмогорской тюрьмѣ, но это нисколько не облегчило участи ихъ дѣтей,

Деревня Денисовка.

которые и послѣ смерти родителей продолжали томиться въ тѣсномъ заключеніи еще шесть лѣтъ, до 1780 года, когда, наконецъ, императрица Екатерина рѣшилась освободить ихъ и выслать въ Данію. Но къ чему была теперь свобода этимъ одичавшимъ, полуграмотнымъ, больнымъ людямъ? они сами отказывались отъ нея.

— Прежде для насъ было очень желательно жить въ большомъ свѣтѣ, говорила принцесса Елисавета А. П. Мельгунову, присланному императрицей въ Холмогоры для отправки Брауншвейгскаго

---

[1]) Старшій сынъ Анны Леопольдовны, императоръ Иванъ Антоновичъ, содержался, какъ извѣстно, отдѣльно, въ шлиссельбургской крѣпости.

семейства за границу,—по молодости своей мы надѣялись еще научиться свѣтскому обращенію; но въ теперешнемъ положеніи не остается намъ ничего больше желать какъ только того, что бы жить здѣсь въ уединеніи. Разсудите сами, можемъ ли мы пожелать чего нибудь, кромѣ этого. Мы здѣсь родились, привыкли къ здѣшнему мѣсту и застарѣли. Теперь большой свѣтъ не только для насъ не нуженъ, но и будетъ тягостью; мы даже не знаемъ какъ обходиться

Мѣсто, гдѣ находился домъ Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ.

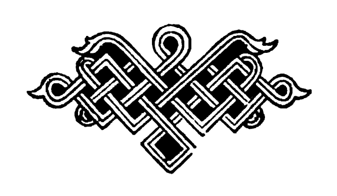
съ людьми, а научиться тому уже поздно. Но просимъ васъ исходатайствовать намъ у ея величества милость, чтобы позволено намъ было выѣзжать изъ дома на луга для прогулки; мы слыхали, что тамъ есть цвѣты, какихъ въ саду нашемъ нѣтъ. Офицеры, которые теперь при насъ, имѣютъ женъ; мы просимъ позволенія имъ ходить къ намъ, а намъ къ нимъ, для препровожденія времени, а то иногда намъ бываетъ скучно. Просимъ еще дать намъ такого портнаго, который могъ бы на насъ шить платья. По милости государыни, присылаютъ намъ изъ Петербурга корсеты, чепчики и токи; но мы ихъ не употребляемъ, для того, что ни мы, ни дѣвки наши не знаемъ какъ ихъ надѣвать и носить. Сдѣлайте милость, пришлите такого человѣка, который умѣлъ бы на-

ряжать насъ. Баня въ саду стоитъ близко къ нашимъ деревяннымъ покоямъ; мы боимся, чтобы намъ не сгорѣть; прикажите отнести ее подальше. Если вы исходатайствуете намъ все это, то мы будемъ очень довольны, ни о чемъ болѣе утруждать не станемъ, ничего больше не желаемъ и рады остаться въ такомъ положенiи на вѣкъ».

Эти скромныя желанiя, высказанныя принцессой Елисаветой Мельгунову, показываютъ до какой степени были ограничены требованiя и вкусы несчастныхъ узниковъ, и какъ мало интересовались они тѣмъ, что находилось за предѣлами ихъ тюрьмы. Впрочемъ, принцесса Елисавета была совершенно права, упрашивая императрицу оставить ихъ въ мѣстѣ долголѣтняго заключенiя. Отправленные въ Данiю, дѣти Анны Леопольдовны до самой смерти влачили тамъ весьма жалкое существованiе и много разъ съ сожалѣнiемъ вспоминали о Холмогорахъ...

Говоря о холмогорской старинѣ, нельзя не упомянуть о деревнѣ Денисовкѣ, мѣстѣ рожденiя Ломоносова. Деревня эта, называемая въ народѣ «Болотомъ», находится всего въ трехъ верстахъ разстоянiя отъ Холмогоръ, на юго-западной части Куръ-острова, образуемаго рукавами Двины: Курополкою и Куростровкою. Денисовка имѣетъ всего 10 домовъ. Земля, на которой родился и жилъ Ломоносовъ, принадлежитъ въ настоящее время крестьянину Шубному. Отъ дома, бывшаго жилищемъ Ломоносова, не сохранилось и слѣда. Существуютъ только полусгнившiе остатки сруба, служившаго фундаментомъ другому дому, построенному какимъ-то крестьяниномъ на этомъ мѣстѣ; послѣднiй находится между домомъ Шубнаго и амбаромъ; позади его виднѣется на высокомъ холмѣ вѣтряная мельница, а впереди каменная куростровская церковь, близь которой начинается песчаный берегъ мелкой и не широкой Курополки, огибающей Куръ-островъ почти подъ прямымъ угломъ. Жители Денисовки совершенно равнодушны къ памяти своего знаменитаго уроженца и самое имя его уже начинаетъ забываться ими...

С. Ш.

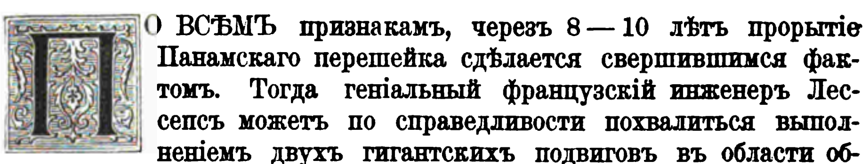


Видъ Панамы.

Негритянская деревня на рѣкѣ Шагресъ.

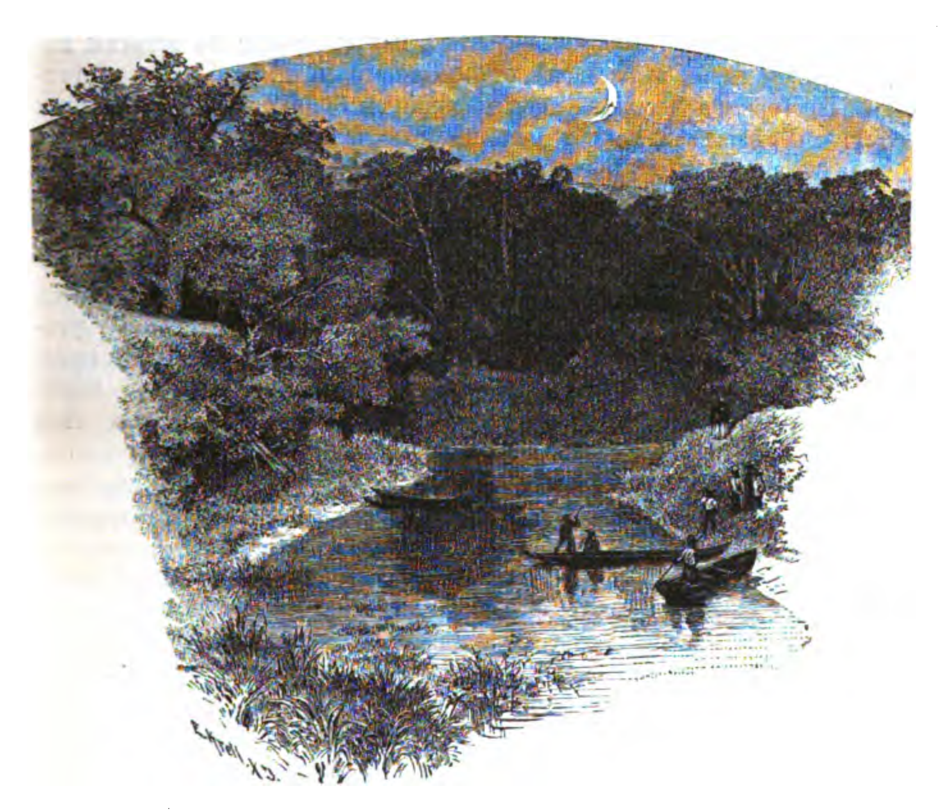
ПАНАМСКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ.

(Статья Гуго Цольнера).



По всѢмъ признакамъ, черезъ 8—10 лѣтъ прорытіе Панамскаго перешейка сдѣлается свершившимся фактомъ. Тогда геніальный французскій инженеръ Лессепсъ можетъ по справедливости похвалиться выполненіемъ двухъ гигантскихъ подвиговъ въ области общественныхъ работъ, подвиговъ величайшихъ не только въ нашемъ вѣкѣ, но во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ. По значенію своему для мореходства и міровой торговли, Панамскій каналъ не можетъ быть сравниваемъ съ Суэзскимъ; сообщеніе между Старымъ Свѣтомъ съ одной стороны, а съ другой съ Индіей, Ки-

таемъ, Австраліей и Восточной Африкой во всякомъ случаѣ важнѣе того пути, который откроетъ Панамскій каналъ. Прорытіе Панамы сблизитъ европейскій міръ съ извѣстной частью западнаго прибрежья Сѣверной и Южной Америки, съ Южнымъ океаномъ, отчасти съ Японіей, Китаемъ и Австраліей; но львиная доля выгодъ отъ прорытія Панамскаго перешейка достанется все-таки Соединеннымъ Штатамъ; морской путь изъ Нью-Іорка до Вальпарайзо сократится вмѣсто 4.300 до 1.600 морскихъ миль, а путь



Рѣка Шагресъ около Шамбоа.

изъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско вмѣсто 6.400 до 1.700 миль. Надо предполагать, что Панамскій каналъ не будетъ подобно Суэзскому служить исключительно для пароходнаго сообщенія. И дѣйствительно, въ Красномъ морѣ вѣтры препятствуютъ парусньмъ судамъ пользоваться Суэзскимъ каналомъ, но вѣроятно въ Панамскомъ каналѣ возможно будетъ установить сообщеніе посредствомъ парусныхъ судовъ.

Новое предпріятіе Лессепса само по себѣ такъ грандіозно, что представляется почти сверхъестественнымъ; но кромѣ того особыя

условія почвы, на которой должны производиться работы, не мало усиливали сомнѣнія, возникавшія относительно исполнимости этого подвига. Панамскій перешеекъ—мѣстность далекая, своеобразная, и даже мало извѣстная, несмотря на то, что по немъ уже болѣе трехъ столѣтій пролегаетъ оживленный торговый путь. Кто бы могъ подумать, что встрѣтитъ здѣсь, на американской почвѣ, вдоль всей линіи проектируемаго канала, почти исключительно однихъ курчавыхъ негровъ? Между тѣмъ, штатъ Панама насчитываетъ ровно столько же краснокожихъ жителей, сколько чернокожихъ — приблизительно по 100.000 человѣкъ каждой расы; но остатки индѣйцевъ живутъ въ сторонѣ отъ большаго пути, въ мало доступной внутренней части страны, и даже тѣ 50.000 креоловъ, янки и другихъ бѣлыхъ и полубѣлыхъ, которые являются представителями интеллегенціи и предпріимчивости, стушевываются въ сравненіи съ негритянской расой. Да и можетъ ли быть иначе, когда бѣлые могутъ существовать или по крайней мѣрѣ трудиться въ этомъ климатѣ лишь временно, а не продолжительно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Креолъ, потомокъ испанской крови, по прежнему будетъ заниматься политикой, сѣверо-американскій или европейскій уроженецъ всегда будетъ руководить торговлей и общественными предпріятіями, но несомнѣнно, что если не образуются новыя, болѣе выносливыя смѣшанныя расы, то черная работа на вѣки останется на долю сильныхъ негровъ. А такъ какъ сангвиническіе, безпечные негры предаются полнѣйшей лѣни съ тѣхъ поръ, какъ надъ ними не тяготѣетъ рабство, то мы видимъ въ этой благодатной странѣ, изобилующей всякимъ добромъ, тотъ странный фактъ, что всѣ потребности жизни удовлетворяются извнѣ, рабочая плата несоразмѣрна съ трудомъ, а дороговизна почти баснословная. О земледѣліи нѣтъ и помину. Кромѣ нѣсколькихъ плантацій бананов, страна отъ самаго прибрежья представляетъ лѣсистую, почти безлюдную пустыню, живописность которой однако мало вознаграждаетъ за отсутствіе удобствъ жизни. Нѣтъ въ мірѣ бо̀льшого контраста, какъ между обоими перешейками Суэзскимъ и Панамскимъ. Вокругъ перваго желтые, однообразные пески безъ малѣшей растительности, а вдали массивныя, но такія же голыя скалы; здѣсь же волшебно-прекрасная мѣстность, невысокія, хорошо орошенные горы и холмы, покрытые дѣвственной чащей.

Панамскія роскошныя пальмы и другія тропическія растенія, мало напоминающія выхоленныя экземляры нашихъ оранжерей, представляютъ естествоиспытателю цѣлый міръ, для изученія котораго нужны цѣлые годы. Но именно эта роскошь природы, восхищающая натуралиста, и представляетъ величайшія трудности для прорытія канала. Дѣвственныя лѣса препятствуютъ сообщеніямъ и изысканіямъ, кропечныя рѣчки и потоки въ ноябрѣ вздуваются и превращаются въ широкія рѣки, отъ испареній обильной расти-

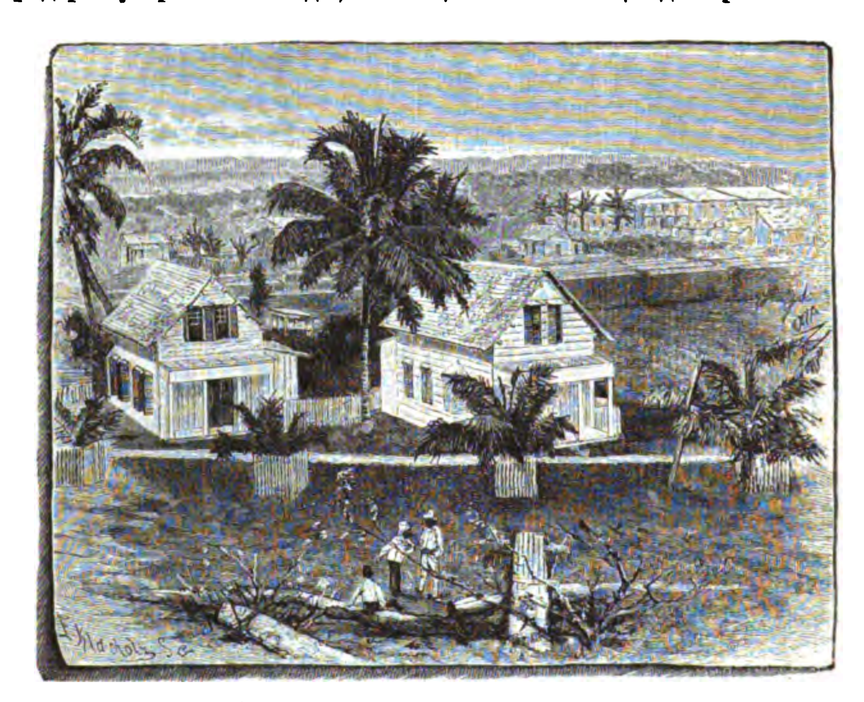
тельности развиваются злокачественныя лихорадки, которыя при постройкѣ панамской желѣзной дороги (въ 1850—1855) погубили уже тысячи рабочихъ. Самая низкая температура, и то изрѣдка въ самое сухое время года, достигаетъ 14°, а самая высокая—28° R.

Въ періодъ лихорадокъ всякая работа, ходъ которой въ Европѣ можно разсчитать съ математической точностью, зависитъ отъ множества случайностей. Не будь этого, уже раньше принялисьбы за прорытіе канала. При королѣ испанскомъ Филиппѣ II впервые возникъ подобный проектъ; въ 1830 г. колумбійское правительство снова возбудило этотъ вопросъ, но ему не было дано дальнѣйшаго хода. Лишь въ 1875 году международный географическій конгрессъ въ Парижѣ серьезно взглянулъ на дѣло и 15-го мая 1879 года былъ принятъ одинъ изъ семи представленныхъ проектовъ, принадлежавшій Лессепсу. Въ концѣ 1879 года, Лессепсъ самъ отправился въ Панаму въ сопровожденіи техниковъ и инженеровъ; послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ, постройки госпиталей, рельсовыхъ путей и т. п., 23-го января 1882 года приступлено было къ взрывамъ первыхъ скалъ. Такъ какъ принадлежащая сѣвероамериканцамъ желѣзная дорога обладала привиллегіей на прорытіе канала, то общество, во главѣ котораго стоитъ Лессепсъ, должно было скупить бо́льшую часть акцій этой желѣзной дороги; кромѣ того приходилось бороться съ завистью и дипломатическимъ сопротивленіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время работами по прорытію канала занято $2^1/_2$ тысячи рабочихъ и 400 инженеровъ. Разсчитываютъ, что для окончанія предпріятія придется уда-

Картина растительности въ окрестностяхъ Панамы.

лить до 75 мил. кубическихъ метровъ земли и скалъ, и что все дѣло съ уплатой процентовъ по акціонерному капиталу обойдется около 640 милліоновъ марокъ [1]). Если же по прорытіи канала за провозъ каждыхъ 5 мил. тоннъ будетъ взиматься по 12 марокъ, то годовой доходъ достигнетъ 60 мил. марокъ.

Центральное управленіе работами находится въ Панамѣ, гдѣ пріобрѣтено зданіе Grand Hôtel'я за 1 милліонъ марокъ. Въ Эмперадорѣ устроены склады, помѣщаются жилища для рабочихъ и



Городъ Колонъ.

инженеровъ, занимающихся прорытіемъ скалъ, которыя достигаютъ здѣсь высоты 87 метровъ надъ уровнемъ моря; въ Гамбоо устроены склады матеріаловъ для сооруженія гигантской плотины, долженствующей предупреждать разлитіе рѣки Шагреса, а изъ Гатуна производятся работы по нижнему теченію Шагреса, отличающемуся болотистой почвой. Общая длина канала будетъ равняться 73 километрамъ, между тѣмъ какъ длина Суэзскаго 164 километровъ.

Рабочіе набраны изъ колумбійскихъ метисовъ и, преимущественно, изъ индійскихъ негровъ, которые стекаются сюда изъ Ямайки, привлеченные высокой платой (отъ 4 до 6 марокъ въ день). Въ составѣ инженеровъ много французовъ, уже работавшихъ при прорытіи

---

[1]) Марка равняется 31 копѣйкѣ.

Суэзскаго канала, кромѣ того, есть сѣверо-американцы, англичане, эльзасцы, швейцарцы, австрійцы и одинъ нѣмецъ. Европейцы-надсмотрщики получаютъ отъ 100 до 150 пезетовъ[1]), обыкновенные инженеры 125—250 пезетовъ, начальники отдѣленій и другіе высшіе чиновники отъ 400 до 500 пезетовъ въ мѣсяцъ. Многіе французы страдаютъ отъ болѣзней, которыя проявляются въ видѣ маляріи, а въ худшихъ случаяхъ въ видѣ желтой лихорадки.

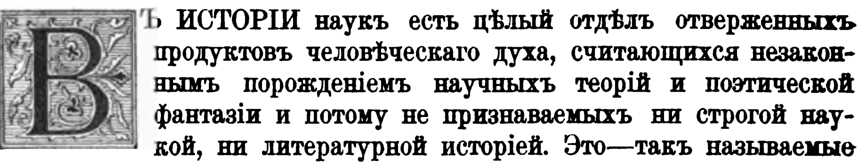
Но какъ ни велики трудности, представляемыя климатомъ и случайностями, они, однако, не помѣшаютъ выполненію великой задачи. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, вынесенное авторомъ этой статьи, посвятившимъ въ началѣ нынѣшняго года цѣлыхъ шесть недѣль на подробное изученіе работъ по прорытію канала.

---

[1]) Пезетъ равняется 25 копѣйкамъ.

СОЦІАЛИЗМЪ ВЪ РОМАНѢ.

(Историческій очеркъ).



ВЪ ИСТОРІИ наукъ есть цѣлый отдѣлъ отверженныхъ продуктовъ человѣческаго духа, считающихся незаконнымъ порожденіемъ научныхъ теорій и поэтической фантазіи и потому не признаваемыхъ ни строгой наукой, ни литературной исторіей. Это—такъ называемые соціалистическіе, государственные романы. Идеальная фантастичность ихъ содержанія считается столь удаленной отъ почвы дѣйствительности, что наука государственнаго права спѣшитъ откреститься отъ нихъ, не желая признать ихъ своимъ дѣтищемъ. Съ другой стороны, въ этихъ произведеніяхъ обычныя требованія отъ художественнаго творчества настолько нарушены, что было бы неосновательно зачислять ихъ въ область созданій изящной словесности.

Но если этому литературному жанру нельзя подыскать подобающаго мѣста ни въ строго спеціальной наукѣ, ни въ узаконенныхъ рамкахъ поэзіи, то исторія культуры все же не можетъ оставить его безъ вниманія. Во-первыхъ, въ пользу такого вниманія къ государственному роману говоритъ его очень почтенный возрастъ. Слѣды подобнаго рода произведеній человѣческаго духа можно указать на пространствѣ болѣе двухъ тысячелѣтій. Во-вторыхъ, самое зарожденіе ихъ и постепенное развитіе легко прослѣдить при новомъ освѣщеніи исторіи, легко отыскать и авторовъ ихъ, и мотивы, заставившіе прибѣгнуть этихъ авторовъ къ своеобразной художественной формѣ. Наконецъ, подъ маской фантастической кар-

тины мы находимъ въ нихъ развитіе тѣхъ идеаловъ и принциповъ общественнаго строя, которые въ наше время признаются результатомъ изслѣдованій философіи. Все это, безъ сомнѣнія, должно возбуждать любознательность историка культуры. Ниже мы постараемся въ сжатомъ очеркѣ охарактеризовать содержаніе этого литературнаго жанра, выбирая, разумѣется, или тѣ изъ подобныхъ произведеній, которыя получили историческую извѣстность, или же наиболѣе типическія изъ нихъ, послужившія образцами для позднѣйшей литературной производительности въ томъ же родѣ. Основная цѣль всѣхъ этихъ романовъ—нарисовать идеалъ общественной и государственной жизни. Въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться хронологическаго порядка въ ихъ появленіи.

I.

Республика Платона.

Обращаясь къ классической древности, мы встрѣчаемъ зачатки соціализма въ государственномъ ученіи Платона. Это ученіе можно назвать строго послѣдовательнымъ коммунизмомъ, коренящимся на аристократическихъ основахъ государства. Исходя изъ основнаго положенія Сократа, что лишь тотъ въ состояніи быть добродѣтельнымъ, кто знаетъ, въ чемъ заключается существо добродѣтели, Платонъ распространилъ дальше этотъ тезисъ въ такомъ смыслѣ, что только люди, обладающіе знаніемъ, причастные къ тайникамъ знанія, могутъ установить нравственность на прочномъ, незыблемомъ фундаментѣ. Эти люди, т. е. философы, суть лучшіе въ республикѣ. Это—аристократія знанія. Только тогда страданіе исчезнетъ изъ міра, по Платону, когда власть будетъ въ рукахъ мудрыхъ или когда правящій классъ посвятитъ себя изученію философіи. За этимъ первымъ сословіемъ, опирающимся на господствѣ высшаго разума, слѣдуетъ военное сословіе, главной доблестью котораго является героизмъ и мужество. Низшаго порядка свойства души, аффекты и страсти, служатъ отличительною особенностью третьяго сословія, представители котораго, какъ напримѣръ, торговый людъ, заботятся о матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ и главнымъ образомъ о наслажденіи. Четвертое сословіе—трудящійся людъ, земледѣльцы и ремесленники—не имѣетъ ни свободы, ни правъ. Благоденствіе государства, слѣдовательно, возможно только тогда, когда философы познаютъ философію, воины проявляютъ храбрость, сообразуясь съ требованіями разума, пріобрѣтатели не вполнѣ предаются своимъ страстямъ и вождѣленіямъ. Они, эти пріобрѣтатели, должны чуждаться всякихъ заботъ о сельскомъ хозяйствѣ, ихъ дѣло—имѣть помѣстья

и матеріальныя блага. Первымъ двумъ сословіямъ не подобаетъ заботиться о такихъ низменныхъ вещахъ, какъ бренный металлъ: это—дѣло трудящагося и коммерческаго люда. При этомъ у нихъ до крайности строго проведенъ принципъ совмѣстной жизни. Жены общія, дѣти принадлежатъ государству и воспитываются имъ на началахъ, предписываемыхъ философіей. Мало того, государство обязано заботиться о выращиваніи добродѣтельнаго поколѣнія. Поэтому, предписывается строго наблюдать, чтобы при брачныхъ узахъ можно было разсчитывать на унаслѣдованіе хорошихъ качествъ. Поэтому же государство обязывается само выбирать невѣстъ юношамъ. Предѣлами брачнаго возраста указаны для мужчинъ 25—35-лѣтіе, для женщинъ 18—20-ти лѣтіе. Въ случаѣ безплодія бракъ расторгается по прошествіи 10-ти лѣтъ. О новорожденныхъ берутъ на себя заботу общественныя заведенія. Каждый мужчина и каждая женщина изъ сословія правящихъ и военныхъ называютъ другъ друга братьями и сестрами, отцами и матерями, ибо, говоритъ Платонъ, никто тутъ не знаетъ, съ кѣмъ и въ какомъ родствѣ имъ придется состоять между собою. О какихъ-либо правовыхъ гарантіяхъ одинъ прекрасный день превратился въ военнаго генерала, то по и помину нѣтъ въ Платоновой республикѣ. Женщина, въ которой Платонъ видитъ воплощеніе болѣе низшаго вида мужчины, не отличаясь, однакожъ, существенно въ интеллектуальномъ и психическимъ отношеніи отъ мужчины, занимаетъ соотвѣтственное мѣсто въ этой республикѣ. Такъ, напримѣръ, женщины обязаны слѣдовать и на войну, но ихъ воинская доблесть будетъ достигнута, если онѣ станутъ пріучать къ тому, чтобъ владѣть оружіемъ болѣе юныхъ дѣвицъ.

Положеніе поэтовъ въ Платоновой республикѣ незавидное. Этотъ поэтъ среди мыслителей причисляетъ всѣхъ поэтовъ и художниковъ къ третьему сословію; они не пользуются государственнымъ воспитаніемъ, устранены отъ сношеній съ высшими классами. Напротивъ, они имѣютъ право владѣть частной собственностью и пользоваться семейной жизнью. Очевидно, Платонъ отнималъ у искусства самостоятельную эстетическую цѣль. Оно только терпѣлось по стольку, по скольку можетъ служить цѣлямъ нравственности и средствомъ государственнаго воспитанія. Изученіе Гомера, Гезіода и трагиковъ запрещалось Платономъ, напримѣръ, потому, что изображеніемъ человѣческихъ страстей и слабостей, которыя ими переносились на боговъ, подкапывали въ корнѣ религіозное чувство. Музыка допускалась лишь по стольку, по скольку она отвѣчала пылу воинской отваги.

Нашелъ ли Платонъ подражателей себѣ въ древности? Трудно отвѣтить съ точностью на этотъ вопросъ. Замѣчательно только, что дошедшіе до насъ отрывки подобнаго рода послѣ сочиненія Платона не пользуются ни малѣйшей долей того уваженія, какимъ пользовался во всемъ античномъ мірѣ самъ изобрѣтатель

ученія объ идеяхъ. Не было недостатка, конечно, въ авторахъ, строившихъ идеальное государство по внушеніямъ собственной фантазіи, но отъ нихъ почти вовсе ничего любопытнаго дошло до позднѣйшихъ временъ.

II.

XVI-й вѣкъ.—«Утопія» Томаса Моруса.

Напрасно стали бы мы искать слѣдовъ разсматриваемаго рода литературы на пространствѣ дальнѣйшаго полутора-тысячелѣтія. Ихъ нѣтъ ни у римлянъ, ихъ не было и во всѣ средніе вѣка. И это вполнѣ понятно. Пережитыя человѣчествомъ въ этотъ періодъ потрясенія, ломки, переходное состояніе, не могли пробудить поэтическаго вдохновенія, не могли внушить никому желанія противопоставить стѣсненіямъ реальнаго общества какой либо идеальный образъ. Интереснѣйшій изъ историческихъ періодовъ, переходная эпоха, когда совершалось преобразованіе древнеязыческаго міра въ христіанскій,—эпоха, изъ которой большая часть современныхъ культурно-историческихъ романовъ черпаютъ свой матеріалъ,—могъ бы, правда, послужить весьма удобной почвой для государственнаго романа. Но первые христіане заняты были составленіемъ своего религіознаго идеала—небеснаго царствія, а о земномъ идеальномъ государствѣ не помышляли. Средніе вѣка, къ тому же, не имѣли понятія о гуманитарныхъ началахъ, полагаемыхъ въ основу идеальнаго переустройства государства и общества. Свѣтская и духовная власть церкви, какъ ее разумѣлъ Ѳома Аквинскій, строя на ней свое ученіе о государствѣ, и еще менѣе принципъ феодализма, способны были бы пробудить подобное направленіе въ литературѣ. Лишь съ наступленіемъ XVI вѣка мы точно переносимся въ другой міръ.

Религіозное, политическое и соціальное положеніе Европы, представляетъ лишь весьма мало сходства съ предшествующимъ періодомъ. Давно уже прекрасная Эллада исчезла, на мѣстѣ могучаго міроваго господства римлянъ возникли новыя государства, всемогущая церковь уже цѣлую тысячу лѣтъ владѣла сердцемъ и умомъ человѣчества; занималась заря новой жизни, геоцентрическое воззрѣніе Птоломея ниспровергнуто было геліоцентрической системой Коперника, открытіе Колумба расширило кругозоръ человѣчества. Въ нравственной сферѣ тоже совершается переворотъ: реформація потрясла систему схоластики и на ней основанный строй церкви. Въ это то время, въ 1516 г., явилась книга, замѣчательная и интересная по личности и судьбѣ ея автора. Книга эта носила названіе «De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia» и авторомъ ея былъ ни кто иной, какъ Томасъ Морусъ,

несчастный канцлеръ Генриха VIII англійскаго. Причиной къ разрыву, завершившемуся для Моруса эшафотомъ, какъ извѣстно, послужило его противодѣйствіе капризу короля, пожелавшаго развестись съ своей супругой Екатериной Аррагонской и жениться на Аннѣ Болейнъ. Трагическая смерть Томаса Моруса содѣйствовала не мало распространенію его сочиненія и многочисленнымъ подражаніямъ ему. И дѣйствительно, «Утопія» явилась исходнымъ пунктомъ и прототипомъ для цѣлой литературы государственнаго романа въ позднѣйшія времена.

Сочиненіе это имѣетъ достаточно внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ, чтобъ объяснить его по истинѣ феноменальный успѣхъ. Написанное чистой, классической латынью, въ то время все больше и больше вытѣснявшейся господствомъ варварской книжной латыни, оно своею художественной, діалогическою формой, напоминало діалоги Платона. Гуманисты, хотя еще и не въ небольшомъ числѣ, были уже тогда во всѣхъ государствахъ Европы и успѣли распространить вкусъ къ возраждавшейся вновь древнеклассической литературѣ. Они считали себя членами республики, идеалъ Платона былъ для нихъ образцомъ. Какъ было не обратить вниманіе на сочиненіе Томаса Моруса, тѣмъ болѣе, что оно ставило основной формой идеальнаго общественнаго строя демократическій принципъ? Значеніе романа Моруса такъ велико, что названіе его впослѣдствіе сдѣлалось терминомъ для обозначенія политическихъ стремленій, объединенныхъ принципомъ общности имуществъ съ безусловнымъ равенствомъ. Романъ начинается съ описанія дипломатической миссіи автора во Фландрію. Тамъ онъ познакомился, черезъ посредство своего друга Петра Жилля, съ однимъ португальцемъ, много путешествовавшимъ и разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Рафаэль Гитводэй, такъ звали этого португальца, сопровождалъ знаменитаго Америко-Веспучи въ трехъ его путешествіяхъ, и съ нимъ возвратился въ Европу. По просьбѣ Моруса этотъ путешественникъ разсказываетъ ему о собранныхъ имъ наблюденіяхъ, во время путешествій, относительно политическихъ и религіозныхъ условій жизни различныхъ народовъ. Проблески критики здѣсь нерѣдко перемѣшаны съ государственно-политическими размышленіями, по которымъ можно судить о воззрѣніяхъ самаго англійскаго канцлера. Въ этомъ состоитъ содержаніе первой части сочиненія. Вторая посвящена главной задачѣ его, описанію жизни и политическаго состоянія жителей острова Утопіи.

Имя острову далъ одинъ завоеватель Утопусъ. Чтобъ изолировать жителей этого острова отъ остальнаго міра, Утопусъ отдѣлилъ ихъ отъ континента. Прежде чѣмъ, однако, предпринять свою политическую реформу, онъ объявилъ равенство всѣхъ религій. Демократическій принципъ его преобразовательной идеи выражается въ полномъ сходствѣ по внѣшности, напр., домовъ и улицъ утопи-

ческаго города, одежды жителей, не подчиняющейся измѣненіямъ моды. Исключеніе допущено только для холостыхъ, которые иначе одѣты, чѣмъ прочіе жители острова. Священники носятъ небольшіе символическіе значки. Главное занятіе на островѣ земледѣліе, молодежь изучаетъ теорію его, каждый изъ жителей долженъ заниматься земледѣліемъ по крайней мѣрѣ втеченіе двухъ лѣтъ, прежде нежели избрать себѣ какое нибудь другое ремесло. Этимъ измѣненіемъ образа жизни обезпечивается здоровье утопистовъ, насчетъ котораго, впрочемъ, указываются и другія мѣропріятія. Извѣстное ремесло наслѣдственно въ семьѣ. Тотъ же, кто хочетъ посвятить себя другому ремеслу, долженъ быть усыновленъ семьею, гдѣ принятъ данный родъ ремесла. На Утопіи осуществляется требованіе современной соціаль-демократіи относительно нормы рабочаго дня. Только шесть часовъ въ сутки должны идти на работу, остальное время принадлежитъ досугу, умственному наслажденію и сну. Утописты любятъ искуство, въ особенности музыку и пѣніе. Также и отъ игръ они не прочь; очень излюблена ими, напр., игра въ «состязаніе пороковъ и добродѣтелей», служащая полезнымъ и пріятнымъ упражненіемъ въ принципахъ моральной философіи.

На Утопіи нѣтъ частной собственности. Трудиться должны всѣ. Каждыя десять лѣтъ мѣняется жилище, чтобы не укоренялось желаніе обратить его въ собственность. Какъ производство, такъ и потребленіе соразмѣряется съ потребностями каждаго. Каждая семья беретъ изъ общихъ складовъ столько припасовъ и издѣлій, сколько потребуется на ея содержаніе. Преимущественно же и прежде всѣхъ заботятся о больныхъ, затѣмъ состраданіе считается одной изъ главныхъ добродѣтелей, о насажденіи которыхъ стараются утописты. Поэтому ни одинъ утопистъ не занимается ни охотой, ни ремесломъ мясника, ибо умерщвленіе животныхъ мало-по-малу ослабляетъ въ человѣкѣ чувство состраданія. Также къ туземнымъ чертамъ ихъ принадлежитъ простота во всемъ. Никто не можетъ, напр., имѣть золотыхъ и серебряныхъ украшеній, посуды и пр. Только рабы и тѣ, надъ кѣмъ тяготѣетъ позоръ преступленія, пользуются подобными вещами. Даже въ торговыхъ сношеніяхъ неизвѣстны серебро и золото. Брачныя узы неразрывны. Семья считается священной. Въ каждомъ городѣ утопистовъ должно быть 6 тысячъ семей; изъ нихъ каждые десять семей имѣютъ своего представителя. При увеличеніи населенія, часть его можетъ переселиться на континентъ и основать тамъ колонію, которая въ своемъ строѣ подчиняется основнымъ требованіямъ утопистской метрополіи. Образъ правленія республиканскій. Поставленный во главѣ государства регентъ или президентъ избирается представителями семейныхъ союзовъ изъ четырехъ гражданъ, предложенныхъ народомъ. На ряду съ президентомъ стоитъ сильный сенатъ, собственно и исполняющій функціи управленія. Въ важныхъ же государственныхъ вопросахъ окон-

чательное рѣшеніе принадлежитъ собранію всего народа. Войну утописты признаютъ средствомъ безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, допуская ее лишь въ двухъ случаяхъ, именно когда дѣло идетъ объ оборонительной войнѣ для самозащиты, и во вторыхъ, если надо оказать помощь противъ тирановъ народу, управляемому по утопическимъ принципамъ. На войну идутъ женщины и дѣти, чтобы мущины, при видѣ ихъ, упорнѣе сражались. Администрація гуманная и обходительная, смертной казни не существуетъ, за тяжкія преступленія виновный зачисляется въ классъ рабовъ. Большинство утопистовъ монотеисты, хотя и встрѣчаются поборники иного типа религій. Духовенство должно быть безбрачнымъ, обязано имѣть попеченіе о больныхъ и вести аскетическій образъ жизни.

Когда Гитводэй окончилъ свой разсказъ, государственный канцлеръ поблагодарилъ его за поученіе, но отказался отъ критики слышаннаго имъ. Во многомъ, однакожъ, онъ долженъ былъ согласиться внутренно съ своимъ собесѣдникомъ и въ заключеніи романа выражаетъ желаніе, чтобъ многое отъ утопистовъ перешло и въ Европу. «Я, впрочемъ, болѣе желаю, чѣмъ надѣюсь на возможность этого», прибавляетъ Морусъ.

III.

XVII-й вѣкъ.—«Царство солнца» Кампанеллы.

Болѣе столѣтія прошло, прежде нежели идиллическая мечта Томаса Моруса нашла себѣ подраженіе и именно въ человѣкѣ, личность и судьба котораго представляетъ не меньшій интересъ. Доминиканскій монахъ Томасъ Кампанелла, мыслитель и мученикъ за идею, подобно своимъ землякамъ, Джіордано Бруно и Галлилею, этотъ замѣчательный человѣкъ, о которомъ, къ сожалѣнію, не существуетъ ни одной, достойной его имени, біографіи, написалъ не менѣе 82 сочиненій, гдѣ заявилъ себя и натуралистомъ, и астрономомъ, и медикомъ, теологомъ, моралистомъ и ученымъ юристомъ. Кромѣ того, онъ былъ высокодаровитымъ поэтомъ. Кампанелла (род. 1568 г. въ Калабріи) 27-ми лѣтъ попалъ въ руки инквизиціи и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ (1639 г.) въ темной кельѣ доминиканскаго монастыря въ rue St.-Honoré въ Парижѣ. Охарактеризовать философскія воззрѣнія его въ сжатомъ очеркѣ рѣшительно не мыслимо. Личность Кампанеллы служитъ воплощеніемъ того процесса броженія, который въ концѣ XVI и началѣ XVII-го вѣка совершался во многихъ великихъ головахъ того времени и нашелъ свое выраженіе въ борьбѣ богословской схоластики среднихъ вѣковъ, еще тогда не вымершей совершенно, съ пробивавшимися наружу естественно-научными воззрѣніями.

«Civitas solis» («Царство солнца») Кампанеллы, появившееся во Франкфуртѣ въ 1620 г., какъ часть его «Philosophia epilepztica realis», можетъ быть причислена къ тому же роду литературы, какъ и «Утопія» Томаса Моруса. Написанъ онъ не такой изящной латынью, какъ «Утопія», но недостатки языка восполняются богатствомъ блестящихъ образовъ и картинностью. И въ «царствѣ солнца» преобладаетъ діалогическая форма. Это «царство» открыто однимъ генуэзскимъ капитаномъ во время его морскаго путешествія. Разсказъ о жизни этого капитана, изложеніе религіозныхъ и соціальныхъ основъ «царства солнца» и составляетъ содержаніе романа, по соціалистической тенденціи примыкающаго къ сочиненіямъ Платона и «Утопіи» Моруса. Общность имуществъ и женъ и здѣсь также составляетъ основу государственной жизни. Разница только въ томъ, что Кампанелла своему зданію, построенному на коммунистическомъ фундаментѣ, даетъ іерархическо-теократическую крышу.

Отдѣльные города жителей «царства солнца» образуютъ въ своемъ родѣ монастырскія группы, гдѣ мужчины и женщины подчиняются предписаніямъ строгаго образа жизни. Каждый даетъ обѣтъ праздности и бѣдности; на работу полагается четыре часа въ сутки, да и тѣ каждымъ должны быть распредѣлены такъ, чтобы заработаннаго было достаточно для потребностей всѣхъ. Искусство и науки въ этой общинѣ занимаютъ высокое положеніе. Въ силу господствующей здѣсь системы воспитанія, каждый имѣетъ возможность научиться всѣмъ наукамъ. Главой общины является мудрѣйшій изъ всѣхъ, такъ называемый «великій метафизикъ», избираемый пожизненно. Въ его лицѣ соединяются полномочія свѣтской и духовной власти. У него три министра по имени «Pon», «Son» и «Moz», что на языкѣ солнцежителей означаетъ силу, мудрость и любовь—три стороны, какими обнаруживаетъ себя божество. По нимъ соотвѣтственно опредѣляются и полномочія министровъ: первый завѣдываетъ войной, второй—наукой, искусствомъ и промышленностью, третій—институтомъ брака и, сверхъ того, всѣмъ, что служитъ къ облагороженію человѣческой натуры, къ уходу за домашними животными и култивированію полезныхъ растеній. Спеціальное отправленіе всѣхъ этихъ обязанностей находится въ многовѣтвистой іерархіи чиновниковъ, назначаемыхъ великимъ метафизикомъ. Администрація избѣгаетъ формальностей, но дѣйствуетъ строго и справедливо.

Въ предписаніяхъ относительно заботъ о физически и морально здоровыхъ поколѣніяхъ Кампанелла напоминаетъ Платона. Онъ удивляется, что объ улучшеніи породъ скота люди хлопочатъ больше, нежели объ улучшеніи человѣческаго рода. На это онъ обращаетъ особенное вниманіе. Какъ и на «Утопіи», такъ и въ «царствѣ солнца» дома, жилища, работа и трапезы общія. На послѣднихъ, которыя устраиваются публично, красивѣйшія дѣ-

вушки должны поддерживать застольное удовольствіе музыкой и пѣніемъ. Благородными, какъ и механическими искусствами занимаются оба пола, причемъ мужчины главнымъ образомъ изучаютъ такія искусства, которыя содѣйствуютъ развитію и укрѣпленію силы. Производство и потребленіе, какъ равно и все, что касается хозяйственной части, распредѣляется уполномоченными сообразно потребностямъ всѣхъ и каждаго.

Теократическій характеръ государства находитъ свое внѣшнее, наглядное выраженіе въ священномъ, возвышающемся надъ всѣми остальными зданіями, храмѣ солнца. Красота и великолѣпіе его несравненны. Здѣсь, въ этомъ національномъ святилищѣ, исполняются важнѣйшіе акты общественной и частной жизни. Здѣсь изучаются всѣ науки и философія, жители солнца примѣняютъ методъ нагляднаго обученія не только къ математическимъ и естественно-историческимъ наукамъ, но и къ абстрактнымъ отраслямъ знанія, каковы: юриспруденція, философія, богословіе. И такимъ образомъ создается научная символика, благодаря которой каждый можетъ усвоить свѣдѣнія самыя конкретныя и самыя отвлеченныя. Подобно тому, какъ было въ Спартѣ, въ «царствѣ солнца» старики и зрѣлые мужи служатъ образцами для юношества. Кампанелла, кажется, былъ вполнѣ убѣжденъ въ приложимости его принциповъ, ибо онъ надѣялся не только на торжество ихъ, но думалъ, что все болѣе прогрессирующія въ своемъ развитіи естественныя науки должны будутъ упрочить планъ его реформы. Когда нибудь, думалъ онъ, будетъ изобрѣтенъ такой величины телескопъ, изъ котораго можно будетъ видѣть чудеса другихъ міровъ, и когда нибудь устроютъ такой силы слуховую трубу, что музыка вселенной будетъ слышна людямъ. Тогда-то и придетъ время, что государственныя учрежденія будутъ управляться всѣми людьми.

IV.

Подражатели Моруса и Кампанеллы.

Со времени Кампанеллы государственный романъ входитъ во всѣхъ странахъ въ моду. Этотъ родъ литературы съ XVII вѣка пріобрѣтаетъ международное значеніе. «Утопія» и «Царство солнца» служатъ образцами вездѣ, какъ въ выборѣ матеріала, такъ и по формѣ. Большинство этихъ подражаній чужды поэтическаго вдохновенія своихъ образцовъ и лишь не многія изъ нихъ напоминаютъ изяществомъ стиля Моруса или возвышенность образовъ Кампанеллы. Обыкновенно, недостатокъ поэтическаго вдохновенія въ позднѣйшихъ романахъ подобнаго рода восполняется большей, сравнительно съ ихъ оригиналами, обстоятельностью въ изученіи изла-

гаемаго матеріала. Примѣромъ можетъ служить сочиненіе одного германскаго богослова.

Іоганъ Валентинъ Андрее († 1654 г.) извѣстенъ за яраго диспутанта. То ему приходилось вести споры о пустыхъ догматическихъ тонкостяхъ протестантскихъ богослововъ, то нападалъ онъ на суть схоластики своего времени. Андрее выказывалъ при этомъ большую наклонность къ сатирѣ и аллегоріи. Но сочиненія этаго швабскаго діакона все-таки нельзя считать образчикомъ остроумія. Напротивъ, подражаніе его сочиненію Кампанеллы, извѣстное подъ названіемъ «Reipublicae christiano-politanae descriptio» считается безвкусіемъ и отсутствіемъ творческаго вдохновенія. Тутъ вмѣсто богатыхъ красками фантастическихъ образовъ выступаютъ благочестивыя размышленія, религія бога солнца замѣнена протестантской ортодоксіей, и взамѣнъ идей общей любви является прозаическая строгость нравовъ. Принципъ общности имущества и здѣсь допускается, но не развитъ въ его частностяхъ. Вмѣсто верховнаго главы въ «царствѣ солнца» выдвигается нѣчто въ родѣ тріумвирата. Все сочиненіе Андрее производитъ такое впечатлѣніе, точно авторъ хотѣлъ въ своихъ соотечественникахъ возбудить, во что бы то ни стало, сочувствіе къ коммунистической доктринѣ, для чего и старался смягчить ея строгія требованія различными уступками слабостямъ своей среды.

Болѣе къ сочиненію Томаса Моруса примыкаетъ государственный романъ другаго автора. Къ сожалѣнію, имѣется только отрывокъ изъ «Nova Atlantis» Бэкона Веруламскаго, и это тѣмъ болѣе жаль, что по другимъ источникамъ извѣстно, что великій основатель экспериментальнаго метода при изученіи природы излагаетъ въ этомъ сочиненіи свои общія воззрѣнія на государственный и общественный строй. Поэтому о государственныхъ принципахъ Бэкона можно судить лишь по намекамъ и догадкамъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что онъ считалъ ученую интеллигенцію основой своего общественнаго строя и такимъ образомъ думалъ создать родъ аристократіи ума, которая въ его глазахъ гарантировала бы одинаково и соціальную организацію массъ. Безъ сомнѣнія, изъ государства Бэкона должны быть изгнаны всѣ схоластики и послѣдователи Аристотеля, а также и всякое изученіе природы и человѣка должно совершаться по методѣ его «Organon'а».

Болѣе практичную цѣль преслѣдовалъ «Oceana» (изд. 1656 г.), романъ, въ свое время весьма распространенный. Англійскій публицистъ Джемсъ Гартингтонъ принадлежалъ къ наиболѣе ярымъ противникамъ послѣдняго Стюарта, но онъ въ тоже время не становился вполнѣ и на сторону Кромвелля. Если онъ и оправдывалъ поступки желѣзнаго протектора, то дѣлалъ это единственно съ цѣлью расположить его въ пользу своего государственнаго плана. Сочиненіе Гартингтона, по составу и характеру своему, мало отли-

чается отъ предшествовавшихъ ему государственныхъ романовъ. Основная идея его сводится къ защитѣ представительства демократіи съ выборной администраціей. О собственности, бракѣ, государственномъ воспитаніи, въ книгѣ его не упоминается. Политическій строй, господствующій на островѣ «Oceana», таковъ: кромѣ ежегодно избираемой коллегіи правителей, состоящей изъ лорда стратега, лорда оратора и двухъ цензоровъ, существуетъ еще комиссаръ государственной печати и народной казны. Имъ подчинены нѣсколько, также выборныхъ, низшихъ коллегіальныхъ учрежденій. Законодательная власть принадлежитъ парламенту, въ сенатѣ триста членовъ, въ нижней палатѣ 1050 депутатовъ, избираемыхъ на трехлѣтіе, но по выходѣ ихъ изъ парламента не могущихъ быть избираемыми вновь. Третья часть парламента ежегодно возобновляется. Отсюда видно, насколько Гартингтонъ старается въ своемъ планѣ приблизиться къ политическому строю Англіи. Въ общемъ же, его сочиненіе болѣе отвѣчаетъ практическимъ цѣлямъ, нежели сочиненія того же рода его предшественниковъ, но за то оно страдаетъ педантизмомъ, отсутствіемъ творческаго воображенія и государственно-философскаго идеала.

Преимуществами поэтической формы для проведенія своего полическаго идеала воспользовался болѣе удачно, нежели Гартингтонъ, его современникъ, французъ Вэрассъ. Его «Histoire des Sevarambes» появилась только годомъ позже Гартингтоновой «Oceana». Тутъ представлено живое и картиное воспроизведеніе быта народа севарамбовъ. Мѣстами авторъ даже черезчуръ выходитъ за предѣлы вѣроятнаго. Само собою разумѣется, на картѣ нельзя найти царства севарамбовъ, какъ и утопистовъ, и обитателей солнечнаго царства и проч. Важно, главнымъ образомъ, замѣтить, что романъ Вэрасса не только много читался его современниками, но и служилъ источникомъ для позднѣйшихъ коммунистическихъ писателей (Кабэ, Фурьэ и друг.). Общественная жизнь въ Севарамбіи представляетъ не мало странностей. Брачные узы основаны на особаго рода смѣшеніи моногаміи и полигаміи. Обыкновенному смертному полагается только одна жена; лишь въ случаѣ бездѣтности ея, дозволяется мужчинѣ брать себѣ въ сожительницы служанку. Зато чиновникамъ разрѣшается полигамія и чѣмъ выше рангъ, тѣмъ больше женъ можетъ имѣть администраторъ, а въ распоряженіе главы государства предоставляется двѣнадцать женъ.

Въ Севарамбіи практикуется добровольный обмѣнъ женъ и такой обычай, по словамъ Вэрасса, весьма извѣстенъ обитателямъ этой страны. До 17—18-ти лѣтъ мужчины и женщины совершенно отдѣлены между собой. Вмѣшательство государства въ Севарамбіи простирается до того, что законъ заботится о томъ, напримѣръ, чтобъ новобрачные въ первые годы не злоупотребляли супружеской жизнью и не вредили своему потомству. До семи лѣтъ допускается

пребываніе ребенка въ семьѣ, съ этого же возраста дѣти помѣщаются въ общественныя заведенія.

Эта общность простирается на всѣ стороны жизни. Жители распредѣлены въ общественныхъ зданіяхъ одинаковой формы, въ каждомъ изъ нихъ полагается по тысячѣ человѣкъ, каждое имѣетъ четыре этажа, построено въ видѣ квадрата, въ центрѣ котораго находятся сады и фонтаны, крыши плоскія и на нихъ устраиваются прогулки. Трапезы общія днемъ, только для вечернихъ трапезъ допускается исключеніе. Въ Севарамбіи нѣтъ частной собственности. Все производство въ рукахъ государства и каждому гражданину взамѣнъ его труда выдѣляется часть продуктовъ и жизненныхъ припасовъ, сообразно съ его потребностями. Основнымъ предметомъ общественнаго образованія служитъ земледѣліе; изученіе его обязательно одинаково мальчику и дѣвочкѣ отъ 11-ти до 14-ти лѣтъ. Затѣмъ, каждый изъ нихъ можетъ выбрать себѣ соотвѣтствующее своимъ вкусамъ занятіе или ремесло. Болѣе даровитые изъ севарамбовъ посвящаютъ себя наукамъ и искусствамъ, которые въ этой блаженной странѣ должны процвѣтать. Образъ правленія основанъ не совсѣмъ на демократическомъ принципѣ: въ немъ видны слѣды аристократическихъ элементовъ. Право народнаго выбора простирается только на извѣстную часть государственныхъ чиновниковъ, ибо относительно нѣкоторыхъ разрядовъ администраціи, главѣ государства принадлежитъ право назначать и смѣщать администраторовъ. Представители всѣхъ общинъ составляютъ большой совѣтъ, имѣющій полномочіе законодательной власти; малый совѣтъ образуется изъ выборныхъ, по 8-ми человѣкъ отъ каждой большой общины; 24 старшихъ сочлена малаго совѣта составляютъ сенатъ, которому подчинены высшія государственныя должности. Глава государства избирается пожизненно большимъ совѣтомъ по жребію изъ четырехъ кандидатовъ. Наслѣдственныхъ привиллегій не существуетъ въ Севарамбіи, права на отличіе и высшіе ранги даются только талантомъ и заслугами. Судебная часть весьма упрощена. Гражданскихъ процессовъ тамъ не знаютъ, такъ какъ не извѣстны и самыя понятія о моемъ и твоемъ, о собственности, наслѣдствѣ и т. д. Уголовныя кары очень строги и за извѣстныя преступленія полагается тѣлесное наказаніе. Обязанность военной службы продолжается до 49-ти лѣтъ одинаково для мужчинъ и для женщинъ, причемъ, однако-жъ, каждая двѣнадцатая часть всего населенія находится подъ ружьемъ лишь втеченіе трехъ мѣсяцевъ.

Надо отдать справедливость автору этого идиллическаго общественнаго строя, — онъ высказалъ въ своей «Histoire» большое мужество, рѣшившись писать въ періодъ управленія Франціей Людовика XIV-го, когда всякая свобода мысли каралась тюрьмою и смертью, когда за всякимъ проявленіемъ свободомыслія

зорко слѣдила цензура знаменитаго графа д'Аржансона, этого «ока престола», какъ его называли тогда придворные льстецы.

Гораздо менѣе привлекателенъ романъ другого француза, Габріэля Фуаньи, францисканскаго монаха, перешедшаго въ протестантизмъ. Романъ этотъ называется «Aventures de Jacques Sadeur dans la découverte des terres australes» (изд. въ Женевѣ, въ 1676 г.). Онъ не заслуживалъ бы упоминанія, если бы въ немъ не попадались такія черты фантастической изобрѣтательности, которымъ трудно подыскать какое либо физіологическое или политическаго свойства объясненіе. Въ изображаемой имъ странѣ господствуетъ, конечно, общность имуществъ. Но относительно условій брачной жизни воображеніе монаха не знаетъ предѣловъ, ибо въ его изумительной странѣ каждый обитатель ея есть мужчина и женщина въ одномъ и томъ же лицѣ. Физіологическій элементъ брака совершенно отрицается въ «Aventures», и такимъ-то упрощеннымъ способомъ разрѣшается весь женскій вопросъ. По этому примѣру можно судить о прочихъ учрежденіяхъ Фуаньи. Въ его сочиненіи великая проблемма разрѣшена, всѣ противорѣчія ниспровергаются однимъ ударомъ. Правительственной власти не существуетъ въ странѣ, изображаемой Фуаньи, а между тѣмъ по всюду царитъ свобода, равенство и полный порядокъ. Даже войска безъ предводителя и однакоже жители этой страны ведутъ побѣдоносныя войны и т. п.

XVII-му столѣтію принадлежатъ еще два автора государственныхъ романовъ,—французъ ле-Гранъ, написавшій «Scydromedia» и неизвѣстный нѣмецкій сочинитель «Des Königreich Ophir» но оба они не излагаютъ системы идеальнаго государственнаго строя, основаннаго на коммунистическихъ принципахъ, а изображаютъ идеальныхъ правителей и разъясняютъ тѣ правила, которыми руководствуются эти правители.

V.

XVIII-й вѣкъ.

Соціалистическая литература XVIII-го вѣка весьма богата произведеніями разсматриваемаго рода; но не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Относительно нѣкоторыхъ трудно рѣшить, насколько они дѣйствительно служили цѣлямъ государственнаго романа. Таково, напримѣръ, увлекательное сочиненіе «Les aventures de Telemaque» (1700 г.). По мнѣнію однихъ ученыхъ, сомнительно было бы считать это сочиненіе примыкающимъ къ категоріи соціалистическихъ романовъ; другіе не допускаютъ, чтобъ архіепископъ Камбре, состоя воспитателемъ дофина, думалъ о недагогическомъ значеніи государственно соціалистическихъ идей. Затѣмъ иные изъ романовъ, какъ сочиненіе шевалье де-Рамзая, личнаго друга Фенелона,

«Les voyages de Cyrus» (изд. въ Парижѣ 1727 г.), гдѣ авторъ знакомитъ своего героя съ Зороастромъ, Ликургомъ, Солономъ, Пизистратомъ и Дандиломъ, касаясь государственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, выказываютъ недостатокъ творческаго воображенія и живости въ изложеніи. Де-Рамзай нерѣдко впадаетъ въ дидактическій тонъ, вставляя въ свой разсказъ длинныя ученыя разсужденія по исторіи государствъ и религій древности, отчего интересъ дѣйствующихъ лицъ романа совершенно стушевывается. Болѣе ума и фантазіи видно въ сочиненіи аббата де-Терассона «Sethos, historie ou vie tirée de monuments anecdotes de l'ancienne Egypte» (изд. въ Амстердамѣ въ 1732 г.). Это исторія одного египетскаго правителя, жившаго до троянской войны. Заслуга Терассона заключается въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на древнѣйшую культуру человѣчества именно въ то время, когда объ египтологіи въ нынѣшнемъ ея значеніи никто еще и не помышлялъ.

Гораздо выше, по сравненію съ только что перечисленными, долженъ быть поставленъ появившійся въ срединѣ XVIII-го вѣка романъ, авторомъ котораго считался нѣкогда знаменитый философъ Берклей. Романъ, однакожъ, оказался не больше, не меньше, какъ французскимъ переводомъ англійскаго оригинала, и подъ названіемъ «Mémoires de Gaudence de Luques» составляетъ часть «Voyages imaginaire» (VI-й томъ). Мѣстомъ дѣйствія этого романа, написаннаго занимательно и художественно, служитъ центральная Африка. Обитающій здѣсь народъ, меззораніи, живетъ въ идиллическомъ и счастливомъ состояніи, благодаря своимъ своеобразнымъ учрежденіямъ. Эти послѣднія направлены къ тому, чтобъ не только достигнуть общности и равенства въ матеріальномъ быту, но и довести меззораніевъ до высшей степени нравственнаго совершенства. Образъ правленія—демократически патріархальный, глава государства—общій отецъ всѣхъ. Меззораніи держатся основныхъ принциповъ всѣхъ коммунистическихъ государствъ. Но если въ образѣ правленія этихъ государствъ преобладаетъ то теократическая форма, то подражаніе античнымъ республикамъ, то просто копія первобытнаго состоянія полуцивилизованныхъ или даже нетронутыхъ культурой націй, которыя стали извѣстны въ эпоху великихъ открытій, если одни изъ этихъ государствъ отводятъ главное мѣсто свободѣ и самоуправленію, другія—идеямъ абсолютнаго равенства народа и связаннаго съ нимъ государственнаго строя, большинство же стремится осуществить принципъ абсолютнаго равенства въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ и политическихъ правъ, то у меззораніевъ на первомъ планѣ, главнымъ нравственнымъ принципомъ, признается идея братства и любви.

Наше обозрѣніе достигло средины XVIII-го вѣка. Въ это время въ соціалистическій романъ стала проникать мало по малу политическая сатира. Насколько два предшествовавшія столѣтія

упрочили принципъ авторитета въ дѣлахъ вѣры и политическаго абсолютизма, настолько же задачей послѣдующаго столѣтія было разрушить это зданіе. Работа предстояла колоссальная. Приходилось подкопаться подъ тысячелѣтнее зданіе церкви, аристократическаго строя и деспотизма и ниспровергнуть его духовнымъ оружіемъ. И государственно-соціалистическій романъ постепенно пріобрѣлъ агитаторскую силу. Онъ заявляетъ о себѣ въ разсматриваемый періодъ во всевозможныхъ видахъ. Такъ, идиллически буколичесская форма еще находитъ себѣ поборниковъ. Ее мы встрѣчаемъ напр., въ «République des philosophes, ou histoire des Ajaviens», авторомъ которой съ малой вѣроятностью считается Фонтенель. Тѣмъ же колоритомъ, хотя и съ нѣсколько болѣе конкретнымъ содержаніемъ, запечатлѣны «Entretiens d'un Européen avec un insulaire du royame de Dimocala» (1756). Въ обоихъ сочиненіяхъ исходный пунктъ общій: разсказъ ведется здѣсь и тамъ объ экипажѣ одного разбитаго корабля, попавшемъ на невѣдомый островъ, гдѣ господствуютъ идиллическія учрежденія, подобныя охарактеризованнымъ нами выше. Любопытно, что авторомъ названныхъ «Entretiens» былъ никто иной, какъ Станиславъ Лещинскій, недолго владѣвшій польской короной и поселившійся во Франціи послѣ потери своего престола.

Идеалъ правителя стремятся установить и государственные романы Альбрехта Галлуа. Знаменитый физіологъ поддался вліянію духа времени и изложилъ свои политическія идеи въ формѣ романа. Разносторонность его взглядовъ видна, между прочимъ, изъ того, что каждый изъ его героевъ является носителемъ особаго политическаго идеала. Въ разсказахъ Галлуа нѣтъ недостатка и въ критикѣ современныхъ ему общественныхъ условій. Въ «Usony, eine morgenländische Geschichte» (изд. въ Бернѣ въ 1771 г.) выставляется, такъ сказать, высшій идеалъ деспотизма. За этимъ романомъ послѣдовалъ другой «Alfred, König der Angelsachsen» выставляющій преимущества монархіи съ парламентскимъ представительствомъ въ сравненіи съ деспотическимъ образомъ правленія. Конституціонная система изложена здѣсь совершенно въ духѣ Монтескьё. Однако-жъ, и этотъ политическій романъ не удовлетворилъ Галлуа. Въ слѣдующемъ году явился третій его романъ «Fabius und Cato», гдѣ рекомендуется предпочтеніе аристократическаго принципа на счетъ демократическаго. Всѣмъ тремъ сочиненіямъ Галлуа нельзя отказать въ живости и образности изложенія, какъ и вообще въ художественныхъ достоинствахъ.

Чѣмъ глубже выдающіеся умы затрогивали недостатки эпохи, тѣмъ больше фантастичность и сатирическій элементъ проникаютъ въ государственный романъ и по формѣ, и по содержанію. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія «Code de la nature» Аббата Морелли, служившій источникомъ какъ для Руссо, Вольтера, Дидро и

энциклопедистовъ, такъ собственно и для теоретиковъ соціализма Бриссо де-Варвилля, Сенъ-Симона и Фурье. Это сочиненіе, отличающееся глубиной мыслей, написано было Морелли противъ нападокъ на его болѣе раннее сочиненіе, въ своемъ родѣ фантастическій эпосъ, подъ названіемъ «Naufrages des îles flottantes ou la Basiliade de Bilpaï» (1753 г.). Въ этомъ фантастическо-сатирическомъ государственномъ романѣ можно встрѣтить не мало чертъ изъ сочиненій Платона, Моруса и т. д. Но главнѣйшія идеи, положенныя въ основу его коммунистическаго государственнаго строя, имѣютъ источникомъ своимъ глубокія воззрѣнія Морелли на природу. При этомъ краски такъ искусно смѣшаны, что трудно отдѣлить идеальные планы будущаго отъ саркастическихъ характеристикъ, направленныхъ противъ древняго общественнаго строя. Темныя стороны послѣдняго выставлены здѣсь съ безпощадной рѣзкостью. Ни правители съ ихъ придворными, ни аристократія, ничто не избѣгло ударовъ сарказма. Не мудрено, что на автора посыпались со всѣхъ сторонъ нападки. Морелли отвѣчалъ на нихъ, какъ подобаетъ мудрецу: онъ доказалъ, что эти кажущіеся призраки суть символы глубочайшей истины.

Нѣсколько уклоняется отъ поименованныхъ формъ романъ анонимнаго французскаго писателя, появившійся въ 1771 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ «L'an deux mille quatre cent quarante». Это—нѣчто въ родѣ политическаго пророчества. Авторъ — не утопистъ; онъ, очевидно, разносторонне образованный человѣкъ, не ослѣпленный недостатками своего времени. Онъ представляетъ читателю фантастическій образъ государства по прошествіи семнадцати столѣтій.

Надежды и упованія его весьма умѣренны,—онъ желаетъ, напримѣръ, свободы печати, свободы сходокъ и т. п. Многія изъ его предсказаній осуществились гораздо скорѣе, нежели онъ полагалъ. Именно, самостоятельность Соединенныхъ Штатовъ, колонизація Австраліи, устройство сношеній съ Японіей, запрещеніе сожженія вдовъ въ Индіи.

Каррикатурный жанръ въ соціалистическомъ романѣ развился о времени плодовитаго и не лишеннаго дарованія, остроумнаго писателя Ретифа де-ла-Бретонъ. Въ «La decouverte australe par un homme volant» (изд. въ Парижѣ въ 1786 г.) выведенъ особый родъ людей, звѣроподобныхъ, обитавшихъ на одномъ изъ океанійскихъ островов. Здѣсь читатель знакомится съ различными рѣдкими экземплярами творенія, какъ львы-люди, слоны-люди и т. п. Центральнымъ пунктомъ разсказа Ретифа служитъ описаніе мудраго и счастливаго народа, меганатагонцевъ. Осуществимость своихъ общественныхъ идеаловъ Ретифъ де-ла-Бретонъ разбираетъ не только въ интеллектуальной и моральной области, какъ дѣлали это до него соціалистическіе романисты, но еще и по физіологическимъ слѣд-

ствіямъ этихъ идеаловъ. Введеніе коммунистическихъ учрежденій, по его мнѣнію, можетъ сдѣлать людей болѣе мудрыми и лучшими, и физически болѣе сильными, крѣпкими и рослыми. Онъ надѣется, что отъ воздѣйствія коммунизма удвоится продолжительность человѣческой жизни, изощреніе чувства и т. д., короче сказать, послѣдуетъ полное измѣненіе и физіологическихъ функцій человѣка. Затѣмъ все, что появилось въ области фантастически сатирическаго романа, уже не имѣло того значенія, какъ раньше. Вкусъ къ поэтическимъ фикціямъ пропалъ. Реальная дѣйствительность занимала современные умы, ибо въ двери столѣтія стучалась революція.

XIX-й вѣкъ. — Кабэ.

Съ провозглашеніемъ революціей принципа равноправности, какъ фундамента всякаго государственнаго строя, впервые въ исторіи могли получить практическое направленіе древнѣйшія идеи о матеріальномъ равенствѣ и общности имуществъ. Требованіе «Contrat social» Руссо исполнилось. Правительство провозглашено было лишь выразителемъ и исполнителемъ народной воли, а съ этимъ вмѣстѣ заложенъ былъ прочный фундаментъ демократическаго государственнаго строя. Но все же республиканскій образъ правленія могъ удовлетворить только извѣстной части тѣхъ требованій, какія предъявлялись жизнью новому обществу, слагавшемуся на развалинахъ стараго. Ниспроверженіе отжившаго политическаго строя оказывалось все-таки недостаточнымъ для массы народа. Слишкомъ скоро далъ себя почувствовать пауперизмъ, слишкомъ скоро раскрылась пропасть между имущими и неимущими. Изъ городскаго и сельскаго пролетаріата образовалось четвертое сословіе, вожди котораго не могли не поставить ребромъ вопросъ: чѣмъ помогли бѣдному и страждущему республика и политическая свобода? Франсуа Ноэль Бабёфъ, горячій поклонникъ «Code de la nature» Морелли, былъ первымъ изъ революціонныхъ коммунистовъ, стремившихся провести въ дѣйствительность мечты соціалистическаго романиста. Но сорокъ лѣтъ спустя послѣ его казни, во Франціи явился человѣкъ, который поставилъ задачей своей жизни осуществить общественный идеалъ своего поэтическаго произведенія на дѣвственной почвѣ Америки. Это—Кабэ.

Кабэ родился за годъ до взрыва великой революціи (2-го января 1788 г.). На судьбу его роковымъ образомъ должно было повліять, что вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка прошла среди цѣлаго ряда заговоровъ и тюремныхъ заключеній. Публицистическое и литературное дарованіе Кабэ не малое. Изъ всѣхъ соціалистическихъ органовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ имъ редактируемый «Populaire» пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Но не меньшее значеніе, упрочив-

шее за его именемъ выдающееся мѣсто въ литературной исторіи государственнаго романа, имѣетъ его «Voyage en Icarie, roman philosophique et social» (изд. въ Парижѣ въ 1840 г.). Романъ этотъ, не смотря на простоту и незамысловатость его фабулы (здѣсь рѣчь идетъ объ англичанинѣ, который разсказываетъ о своемъ четырехмѣсячномъ пребываніи въ Икаріи), отъ начала до конца приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. Написанный прекраснымъ языкомъ, романъ Кабэ изобилуетъ поэтическими красотами. Но и по содержанію своему «Voyage» представляетъ извѣстную долю оригинальности. Если Кабэ, подобно своимъ предшественникамъ, вспоминаетъ о Платонѣ, Морусѣ и другихъ, то съ другой стороны, авторъ «Икаріи» почерпаетъ себѣ матеріалъ изъ сферы новѣйшей культурной жизни, набрасывая идеальный образъ коммунистическаго государства.

Вотъ вкратцѣ очеркъ государственнаго строя въ Икаріи.

Вся страна раздѣлена на сто провинцій, въ каждой изъ нихъ по десяти общинъ почти одинаковой величины и населенности. Въ народномъ представительствѣ отъ этихъ общинъ принимаютъ участіе двѣ тысячи депутатовъ, по два, слѣдовательно, отъ каждой коммуны. Главой государства является избранный народомъ президентъ, при немъ состоятъ пятнадцать министровъ. Какъ эти послѣдніе, такъ и всѣ правительственныя лица, избираются и смѣщаются народомъ. Ежегодное обновленіе половины членовъ народнаго собранія открываетъ притокъ къ нему свѣжихъ силъ. Пятнадцать избирательныхъ округовъ, на которые распредѣляется народное представительство, обнимаютъ всю общественную жизнь Икаріи. Ихъ контролю подчинены земледѣліе, промышленность, воспитаніе, распредѣленіе жилищъ, пищи, одежды и т. д. Во всемъ въ Икаріи господствуетъ строгое внѣшнее и внутреннее однообразіе. Города, правильной и красивой постройки, содержатся чисто и изобилуютъ здоровой атмосферой. Вся страна уподобляется цвѣтущему саду,—такъ отдѣланъ въ ней каждый клочекъ земли. Искуство въ Икаріи стоитъ на высокой степени развитія, о немъ заботится само государство; поэтому-то нигдѣ нельзя встрѣтить столько мраморныхъ статуй, картинъ и архитектурныхъ, художественныхъ памятниковъ, какъ въ икарійскихъ городахъ.

На Икаріи частной собственности нѣтъ;—все общее. Всѣ науки въ этой блаженной странѣ находятъ себѣ почву для практическаго приложенія. Естественныя науки служатъ тутъ къ доведенію сельскаго хозяйства до возможнаго совершенства, такъ что каждый земледѣлецъ оказывается свѣдущимъ въ физикѣ, метеорологіи и агрономической химіи. Нравственныя, юридическія и государственныя науки, а равно и религіозный культъ, также имѣютъ въ виду практическое пользованіе историческими и философскими знаніями. Привиллегій отдѣльныхъ сословій не существуетъ; про-

стой рабочій пользуется здѣсь тѣми же правами, какъ и величайшій мыслитель, ибо для благоденствія государства они оба необходимы. Женщина въ Икаріи, какъ вообще во всѣхъ подобнаго рода романахъ, занимаетъ въ обществѣ совершенно одинаковое положеніе съ мужчиной. Здѣсь встрѣчаются женщины-священники, женщины-судьи, женщины-врачи. Икарійская педагогика, обнимающая всѣ области знанія, имѣетъ въ виду развитіе яснаго мышленія, склонностей къ практической дѣятельности и живаго эстетическаго чувства. Преподаваніе религіи находится въ рукахъ философовъ. Судебная часть не сложна, такъ какъ преступленій въ Икаріи не полагается. Эгоистическія вождѣленія должны заглохнуть въ отдѣльномъ индивидуумѣ подъ дѣйствіемъ общественныхъ учрежденій, преслѣдующихъ общее благо. Убійство изъ ревности признается съумасшествіемъ. Извѣстные пороки, какъ лѣность, неблагодарность и непослушаніе, караются презрѣніемъ, какъ и вообще здѣсь наказанія болѣе моральнаго нежели юридическаго свойства. Высшей мѣрой наказанія считается лишеніе нѣкоторыхъ или всѣхъ политическихъ правъ. Подобно Платону, Кабэ очень строгъ къ поэтамъ, и авторы произведеній, разстроивающихъ воображеніе читателя или проповѣдующихъ вредныя для государства тенденціи, должны подлежать наказанію. Трудъ и досугъ въ Икаріи, по возможности. уравновѣшиваются, такъ что жизнь икарійскаго гражданина течетъ въ полномъ и гармоническомъ равновѣсіи.

Этимъ очеркомъ Икаріи мы заключаемъ обзоръ литературы государственно-соціалистическаго романа, обзоръ, при составленіи котораго мы пользовались недавно напечатанной монографіей Морица Браша о «Statsroman'ѣ». Лейпцигскій ученый не берется рѣшать вопроса о томъ, насколько тенденціи этого рода литературныхъ произведеній обязаны своимъ происхожденіемъ философскимъ теоріямъ права, начиная отъ Гоббеса и Гуго Гроція до Руссо и Канта включительно, или, наоборотъ, въ какой степени эти послѣднія теоріи въ свою очередь находятся въ зависимости отъ вліянія фантастическихъ романовъ. По всей вѣроятности, по замѣчанію Браша, тутъ должно существовать извѣстное взаимодѣйствіе. Но во всякомъ случаѣ опредѣлить степень этого взаимодѣйствія, а равно и установить границы, въ какихъ разсмотрѣнная нами отрасль литературной дѣятельности, исключаемая изъ области эпической поэзіи и отвергаемая наукой государственнаго права, находится къ политикѣ и поэзіи всѣхъ вѣковъ—это—задача, достойная вниманія со стороны историка культуры. Разрѣшеніе такой задачи позволило бы прослѣдить принципы современнаго соціализма вплоть до ихъ первоначальнаго и древнѣйшаго фантастическаго источника въ государственномъ романѣ.

В. Ѳ.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПЕЧАТЬ О РОССІИ ВЪ 1882 ГОДУ.

«Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу-бую умудриться,
Не можно-жъ вѣкъ носить личинъ
И истина должна открыться...»

ЕСЛИ БЫ не современнику пришлось писать исторію Россіи за прошлый 1882 годъ по даннымъ, сообщеннымъ о ней впродолженіе его въ массѣ статей, помѣщенныхъ въ европейской журналистикѣ, то онъ могъ бы справедливо задать себѣ вопросъ: какимъ образомъ еще существовало это государство, занимающее собою значительную часть Европы? Дѣйствительно, въ большинствѣ органовъ заграничной печати преобладаетъ заранѣе составленное, враждебное мнѣніе о Россіи, о ея государственной организаціи, о ея финансовой, военной, политической самостоятельности, и подъ вліяніемъ подобной предвзятой идеи, каждое явленіе въ жизни нашего отечества объясняется въ пользу тѣхъ интересовъ, которые въ данный моментъ необходимо защищать или осуществлять въ той или другой части Европы. Не многіе европейскіе публицисты и литераторы отрѣшаются отчасти отъ такого заранѣе усвоеннаго нерасположенія къ Россіи и дѣлаютъ попытки изучить ея исторію, ея государственный строй по русскимъ источникамъ, даннымъ и статьямъ, напримѣръ Лероа-Болье, Мекензи Уоллесъ, но и эти добросовѣстные изслѣдователи насчитываются пока единицами. Политическая печать, питаясь преимущественно эффектными сообщеніями, находитъ для себя богатое поле въ этомъ отношеніи въ Россіи, откуда всякая небывальщина принимается за несомнѣнный фактъ, тѣмъ болѣе, что читателямъ западной Европы нѣтъ возможности

и нѣтъ надобности провѣрять справедливость извѣстія, заманчиваго по своимъ подробностямъ, удовлетворяющаго извѣстнымъ требованіямъ политической партіи, доставляющаго матеріалъ для разговора въ салонѣ, въ ресторанѣ, на биржѣ. Въ этомъ отношеніи Россія обѣтованная земля для европейской публицистики, бьющей на эффектъ порнографическаго романа, политической интриги, семейнаго скандала. Чтобы лишиться добровольно подобнаго источника, особенно когда неправдоподобные разсказы о нигилизмѣ и нигилистахъ, объ «исторіяхъ» въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, подносятъ своего рода каенскій перецъ пресыщенному любопытству читателей газетъ,—необходимо большое журнальное мужество.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ изложить ту массу лжи, которая впродолженіе 1882 года появлялась о Россіи въ заграничной журналистикѣ. Лживость многихъ извѣстій доказана была ходомъ самихъ событій, а нелѣпость другихъ была очевидна для каждаго, здраво и безъ увлеченія духомъ партій обсуждающаго текущія явленія политической жизни. Наконецъ, предсказанія о катастрофѣ Россіи, какъ государства, составлявшія любимыя темы статей о нашемъ отечествѣ органовъ непримиримыхъ, красныхъ, соціалъ-демагоговъ и нигилистовъ, потерпѣли рѣшительную несостоятельность, потому, что ни одно изъ нихъ не сбылось въ прошломъ году. Если бы всѣ сообщаемыя заграницею о Россіи неправды и небылицы соотвѣтствовали въ своей сущности дѣйствительности, то наше государство давно должно было бы прекратить свое самостоятельное политическое существованіе. Но какъ вода по каплѣ пробуравливаетъ камень, какъ клевета, переходя отъ одного къ другому, видоизмѣняясь, оставаясь безъ опроверженія, начинаетъ приниматься, наконецъ, за правду, такъ и ложныя неправдоподобныя свѣдѣнія о Россіи, являясь ежедневно въ газетахъ и при томъ отовсюду, постепенно усвоиваются умами, потому что остаются неопроверженными. Такой образъ дѣйствія враговъ Россіи наноситъ ей существенный вредъ, особенно относительно ея государственнаго кредита, основаннаго болѣе всего на нравственномъ сознаніи, на довѣріи. Для устраненія этого вреда, правительство въ 1882 году неоднократно пользовалось своимъ органомъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» для опроверженія искаженныхъ фактовъ и цифръ, касавшихся нашихъ государственныхъ финансовъ, а также и при другихъ случаяхъ. Подобныя ясныя опроверженія ложныхъ извѣстій, а также вымысловъ, могли бы, по нашему мнѣнію, съ пользою для дѣла, появляться чаще.

Возстановленіе истины во многихъ подобныхъ случаяхъ необходимо, какъ для заграничныхъ, такъ и для русскихъ читателей: у насъ давно существуетъ поговорка «слухомъ земля полнится». Эта поговорка какъ бы олицетворяется въ русскомъ обществѣ, лишенномъ такихъ органовъ, которые ежедневно или въ извѣстныя эпохи

года, сообщали бы къ общему свѣдѣнію всѣ данныя о политической, общественной, экономической жизни государства, благопріятныя и неблагопріятныя, и тѣмъ прекращали бы нарожденія слуховъ до наполненія ими «русской земли». Такое положеніе русскаго общества, не рѣдко, бываетъ источникомъ небылицъ, передаваемыхъ заграницу, и наоборотъ, усвоиваемыхъ имъ, потому что онѣ появились въ иностранныхъ газетахъ, были прочитаны и какъ новость переданы отъ одного другому. По нашимъ наблюденіямъ, впродолженіе 1882 года, появленію въ заграничной печати очень многихъ нелѣпыхъ слуховъ о Россіи, политическихъ, финансовыхъ, административныхъ, предшествовало распространеніе ихъ въ русскомъ обществѣ. Точно также очевидныя небывальщины, народившіяся въ парижскихъ газетахъ рошфоровскаго пошиба, въ газетахъ Кракова, Львова, Познани, Вѣны, чрезъ нѣсколько дней передавались въ Петербургѣ однимъ лицомъ другому какъ достовѣрный слухъ, свѣжая новость дня.

Такъ, по отношенію къ внѣшней политики Россіи, заграничная печать почти безъ исключенія старалась выставить ее въ 1882 г. задирательною, наступательною, между тѣмъ какъ въ современную эпоху къ намъ болѣе, чѣмъ когда либо, примѣнимы знаменитыя слова Горчакова о необходимости «войдти въ себя» (se recueillir). Россіи приписывались военные замыслы противъ Германіи, Австріи, Англіи, Турціи, словомъ, какъ по рецепту, прописывалось то лекарство, которое могло бы сильнѣе всего возбудить нервы газетныхъ читателей. Назначеніе новаго представителя Россіи при турецкомъ султанѣ, Нелидова, и прибытіе его къ своему посту было приправлено, между прочимъ, такою окраскою, что ему поручено: «требовать выступленія англійскихъ войскъ изъ Египта, созванія конференціи, которой должны быть предъявлены на обсужденіе всѣ акты и договоры, заключенные Англіею по турецкимъ дѣламъ съ 1878 года; если бы Англія не согласилась на такое требованіе Россіи, то она отказалась бы отъ обязательности для себя берлинскаго трактата 1878 г. и стала бы на почву санъ-стефанскаго договора». Окончаніе египетскаго похода Англіей доказало, что г. Нелидовъ не представлялъ подобныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что и отношенія между Великобританіею и Россіею не обострились въ 1882 году. Между тѣмъ московскій корреспондентъ «Times», поясняя роль Россіи въ египетскомъ вопросѣ, писалъ, что положеніе, принятое г. Нелидовымъ въ Константинополѣ, «произвело въ Москвѣ большое удовольствіе, потому что оно согласуется съ извѣстными политическими направленіями, которыя гораздо болѣе преобладаютъ въ неоффиціальномъ мірѣ Москвы, чѣмъ въ оффиціальныхъ сферахъ Петербурга». Дѣйствія г. Нелидова выставляются «торжествомъ истинныхъ русскихъ идей надъ космополитическими и изношенными традиціями министерства иностранныхъ дѣлъ, тѣмъ

болѣе, что съ начала нынѣшняго столѣтія внѣшнею политикою Россіи руководили люди, или по меньшей мѣрѣ очень существенно на нее вліяли, которые не были коренными русскими». Но какимъ образомъ корреспондентъ допустилъ подобную фразу, когда почти двадцать пять лѣтъ дѣлами внѣшней политики Россіи завѣдывалъ коренной русскій, князь Горчаковъ, достигнувшій указанной ему, при самомъ назначеніи его министромъ иностранныхъ дѣлъ, цѣли— отмѣны стѣснительнаго для нашего государства парижскаго трактата 1856 года? Для того, чтобы рядомъ послѣдующихъ сопоставленій заподозрить прямоту отношеній г. Нелидова къ министерству иностранныхъ дѣлъ, установить разладъ между послѣднимъ и «недальновидными политиками Москвы» и, такъ сказать, вселить въ умы читателей безпочвенность внѣшней политики петербургскаго кабинета, корреспондентъ утверждалъ, что г. Нелидовъ, «воспитанный въ школѣ Игнатьева», долженъ былъ, по мнѣнію московскихъ политикановъ, выступить противникомъ наступательнаго образа дѣйствій Англіи въ египетскомъ вопросѣ, образовать въ Константинополѣ анти-англійскую коалицію, словомъ, держать «высоко русское знамя» и дать понять Турціи и Европѣ, что Россія «не оставила своего первенствующаго положенія въ восточномъ вопросѣ». Если г. Нелидовъ не находилъ поддержки своей программы у министра иностранныхъ дѣлъ, то онъ пользовался ею свыше, и въ такомъ случаѣ министръ долженъ былъ, по мнѣнію корреспондента, сообразовать свой образъ дѣйствій съ политикою, которая вовсе не въ его вкусѣ.

Въ то же время англійскій консервативный журналъ «Saturday Review» сообщалъ, что на азіатской границѣ Россіи и Турціи происходило «подозрительное сосредоточеніе русскихъ войскъ», которое побудило политическія сферы въ Англіи внимательнѣе слѣдить за образомъ дѣйствій русскаго правительства и вообще за ходомъ дѣлъ въ русской имперіи. Послѣдняя вновь обвинялась въ стремленіи нарушить независимость и нераздѣльность Турціи. Этотъ журналъ не вѣрилъ, однако, угрозѣ со стороны Россіи вознаградить себя занятіемъ Босфора, если бы Англія овладѣла Суэзскимъ каналомъ. Но подобное намѣреніе, приписанное Россіи, было столь же неправдоподобно, какъ и сосредоточеніе русскихъ войскъ на Кавказѣ противъ Турціи. Но англійскую публику необходимо было держать въ возбужденномъ состояніи относительно Россіи, когда египетскій вопросъ могъ поставить великобританское правительство въ затруднительное положеніе. Между тѣмъ запугиваніе Россіею, приписываніе ей воинственныхъ стремленій, въ конечномъ результатѣ имѣли пониженіе нашихъ процентныхъ бумагъ, отъ которыхъ заграничные капиталисты старались освободиться до вспышки настоящей войны.

Но когда политика Россіи въ египетскомъ вопросѣ фактически опровергла всѣ подобныя измышленія, тогда ее стали заподозривать съ

другой стороны, чтобы не дать установиться покойному, безпристрастному взгляду на наши отношенія къ другимъ государствамъ. По словамъ вѣнской газеты «Neue Freie Presse», французское правительство конфиденціально сообщило англійскому предложенія, сдѣланныя ему графомъ Игнатьевымъ, въ его бытность осенью въ Парижѣ. Франціи былъ предложенъ союзъ Россіи, такъ какъ «послѣдняя желаетъ предупредить первенство Англіи въ Египтѣ, потому что оно будетъ имѣть послѣдствіемъ перевѣсъ ея и въ Азіи», что должно соотвѣтствовать также и видамъ Франціи. Лондонская газета «Standard» придумала даже особыя условія для такого союза Россіи съ Франціею. Россія соглашалась всѣми силами, между прочимъ, поддерживать политику Франціи въ Сѣверной Африкѣ, особенно въ важныхъ, нынѣ поднятыхъ вопросахъ въ Тунисѣ и Египтѣ, если французское правительство съ своей стороны вполнѣ удовлетворитъ желаніямъ петербургскаго кабинета въ вопросѣ о выдачѣ преступниковъ и объ ограниченіи размѣра покровительства, оказываемаго во Франціи политическимъ преступникамъ. Такого рода переговоры начаты были будто бы графомъ Игнатьевымъ во время его пребыванія въ Парижѣ, а окончаніе ихъ поручено было тамошнему русскому послу. Со времени появленія этихъ извѣстій прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, и нѣтъ признаковъ, которые указывали бы на возможность осуществленія чего либо подходящаго къ нимъ.

Въ прошломъ году, графъ Игнатьевъ занималъ собою по преимуществу заграничную печать, особенно когда онъ состоялъ еще въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Можно сказать, что ни одинъ изъ министровъ Россіи не удостоивался еще такого вниманія со стороны европейской публицистики. Иностранныя газеты уже съ января стали предсказывать предстоящій выходъ графа Игнатьева изъ министровъ. Каждое повышеніе или пониженіе нашего вексельнаго курса или нашихъ процентныхъ бумагъ связывалось съ его выходомъ изъ министерства или съ его пребываніемъ въ немъ. Ловкія руки старались выставить угнетенное состояніе нашего фондоваго рынка находящимся въ прямой зависимости отъ сохраненія за графомъ Игнатьевымъ мѣста министра внутреннихъ дѣлъ. Напримѣръ, 5-го (17-го) апрѣля, въ «Pariser Boersenblatt» было сообщено: «Шифрованныя телеграммы нѣкоторыхъ вѣнскихъ и берлинскихъ газетъ извѣщаютъ, что съ каждымъ днемъ необходимо ожидать выхода графа Игнатьева изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Все осязательнѣе обозначающееся уже впродолженіе нѣсколькихъ дней повышательное движеніе въ пользу русскихъ фондовъ, какъ на берлинской, такъ и на лондонской биржахъ, равно какъ и постоянное улучшеніе цѣны кредитнаго рубля, какъ тамъ, такъ и въ Парижѣ, служатъ только предвѣстниками этого желательнаго государственнаго событія». Къ такому же роду сенсаціонныхъ извѣстій

принадлежала и слѣдующая выходка: «По извѣстіямъ изъ Петербурга, русское правительство намѣрено сдѣлать выпускъ облигацій общества закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ на сумму около 40 мил. рублей. Вѣроятно, для подготовленія капиталистовъ и денежной публики въ Западной Европѣ къ такой денежной операціи, по новѣйшимъ телеграммамъ изъ столицы Россіи, приказано правительствомъ выѣхать изъ этого государства всѣмъ владѣльцамъ аптекъ, принадлежащимъ къ еврейскому племени, или отказаться отъ содержанія аптекъ». Въ концѣ апрѣля мы прочитали въ той же газетѣ, «Pariser Boersenblatt», особеннаго рода дерзкую вылазку: «Сегодня получено въ Парижѣ чрезъ Берлинъ извѣстіе, требующее, однако, еще подтвержденія, что фанатизмъ русскихъ крестьянъ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ разразился, наконецъ, и надъ одною нѣмецкою колоніею. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, надъ графомъ Игнатьевымъ вскорѣ разразится грозное слово князя Бисмарка: quos ego!» [1]).

Графъ Игнатьевъ уже нѣсколько мѣсяцевъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, но положеніе нашего вексельнаго курса въ послѣднюю половину 1882 года оказалось хуже бывшаго въ первую его половину. Несмотря на увѣренія берлинскихъ, лондонскихъ, парижскихъ, вѣнскихъ финансовыхъ и другихъ органовъ, что съ выходомъ графа Игнатьева непремѣнно улучшится цѣна русскому кредитному рублю,—такой перемѣны не послѣдовало. Всѣ подобныя утвержденія доказали, что нашъ вексельный курсъ зависитъ не отъ того, какое лицо находится во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и что «война европейскихъ биржевиковъ» противъ графа Игнатьева, имѣвшая только его въ виду и вызванная его мѣрами противъ евреевъ, оставила послѣ себя глубокіе слѣды.

Но и съ оставленіемъ графомъ Игнатьевымъ поста министра, заграничныя газеты, послѣ кратковременнаго перерыва, вновь занялись имъ. Поводомъ къ тому была его поѣздка осенью за-границу. Такъ, въ «National» сообщали, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Дюклеркъ, имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ представителемъ Россіи въ Парижѣ, преимущественно по вопросу о «возможности назначенія вновь графа Игнатьева министромъ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателемъ совѣта министровъ» (подобной должности, какъ извѣстно, въ Россіи не существуетъ и она сопряжена съ отвѣтственностію министровъ, чего также у насъ нѣтъ). «Кельнская Газета» съ своей стороны дополнила, что «слухи о такомъ назначеніи были распущены въ Парижѣ русскими агентами». Графъ Игнатьевъ въ это время находился въ Италіи. Любопытно, что въ то же время «Wiener Allgemeine Zeitung» объявила, что «графъ Игнатьевъ забо-

---

[1]) «Я тебя!» Угроза Нептуна непослушнымъ вѣтрамъ, въ Энеидѣ Виргилія (I, 135).

лѣлъ душевною болѣзнію и что врачи, замѣтивъ въ немъ, вскорѣ по оставленіи имъ поста министра внутреннихъ дѣлъ, признаки психическаго разстройства, посовѣтовали ему предпринять поѣздку за-границу. Графъ Игнатьевъ не хотѣлъ и слышать о томъ, но для побужденія его къ такому путешествію ему шепнули, что ему по высочайшему повелѣнію дается тайное порученіе за-границу. Тогда онъ поѣхалъ. Этому обстоятельству необходимо приписать во всякомъ случаѣ очень странныя выраженія, слышанныя отъ него въ Парижѣ. Впрочемъ, если это сообщеніе несправедливо, то оно во всякомъ случаѣ не лишено остроумія». Такимъ образомъ, для остраго словца можно объявить человѣка утратившимъ разсудокъ! Уже въ декабрѣ, при извѣстіи о вступленіи графа Дерби въ составъ кабинета Гладстона, заграничныя газеты вновь вспомнили о графѣ Игнатьевѣ, назначая его вторично министромъ государственныхъ имуществъ. «Это извѣстіе,—писали берлинскія газеты,—требуетъ еще подтвержденія; если же оно осуществится, то ему не будутъ рады ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ Англіи. Наступательная русская политика, представителемъ которой считаютъ графа Игнатьева, не представляетъ опасности ни для Австро-Венгріи и Германіи, ни для Англіи и при такомъ положеніи дѣлъ великобританская политика остережется пренебрегать дружбою этихъ двухъ имперій, которыя могутъ сдѣлаться самыми дѣятельными ея союзниками для отраженія дальновидныхъ завоевательныхъ плановъ Россіи».

Россіи нельзя соорудить крѣпости, провести стратегической желѣзной дороги, вызванной новыми условіями обороны, сдѣлать реформу въ своей арміи, чтобы не возбудить старой сказки о ея жадныхъ замыслахъ на того или другаго сосѣда. Объ этой «сказкѣ о бѣломъ бычкѣ» не стоило бы и упоминать, если бы она не дала повода къ новымъ разоблаченіямъ. Таковыми оказались сообщенія «Кельнской Газеты» о пресловутомъ союзѣ между Германіею и Австро-Венгріею, заключенномъ княземъ Бисмаркомъ въ Вѣнѣ въ 1879 году, подъ вліяніемъ разочарованія берлинскимъ трактатомъ. Какъ со временъ разгрома Наполеона I-го русскими войсками западную Европу пугали «нашествіемъ казаковъ», такъ съ 1879 г. Россію пугаютъ «австро-германскимъ союзомъ» при каждой оборонительной мѣрѣ, принимаемой нашимъ государствомъ, при каждомъ выраженіи русскаго народнаго чувства. Извѣстны споры, вызванные переговорами, въ 1879 году, Бисмарка съ австрійскими министрами Андраши и Геймерле: именно, былъ-ли австро-германскій союзъ обусловленъ только протоколомъ между этими государственными людьми, или онъ по всей формѣ подписанъ императорами Вильгельмомъ и Францемъ-Іосифомъ. Побѣда осталась за формальнымъ трактатомъ, состоявшимся 3-го (15-го) октября 1879 года. Нынѣ «Кельнская Газета» дополнила эти данныя сообщеніемъ, что «означенный австро-германскій договоръ заключенъ на пять лѣтъ,

т. е. по 3-е (15-е) октября 1884 года, что, находясь въ Вѣнѣ, князь Бисмаркъ ежедневными письмами къ императору Вильгельму, бывшему въ то время въ Баденъ-Баденѣ, убѣдилъ его подписать трактатъ о союзѣ, который въ извѣстномъ случаѣ могъ обратиться противъ Россіи, между тѣмъ какъ императоръ считалъ основаніемъ своей политики тѣсную связь съ Россіею и со своимъ дорогимъ другомъ, Александромъ II-мъ». Эти письма Бисмарка 1879 года, по словамъ газеты, оказываются мастерскими произведеніями. Императоръ Вильгельмъ, при подписаніи трактата, постановилъ однако условіемъ, что «о немъ будетъ сообщено петербургскому кабинету, съ указаніемъ на исключительно миролюбивую его цѣль. Но самый трактатъ, повидимому, не былъ отосланъ въ Петербургъ. Очевидно, онъ не препятствуетъ союзнымъ державамъ оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, какъ это, къ счастію, существуетъ въ настоящее время. Ручательствомъ тому служитъ поѣздка русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Гирса, въ Варцинъ».

Но это доказательство миролюбія Россіи и нежеланія ссориться съ сосѣдями было иначе истолковано. «Главнѣйше, какъ сообщала «Neue Freie Presse», внутренняя система чаще всего ставитъ Россію въ необходимость доводить самымъ громкимъ образомъ свои миролюбивыя настроенія къ свѣдѣнію своихъ сосѣдей, между тѣмъ какъ весь міръ сомнѣвается въ нихъ, тогда какъ, можетъ быть, они еще никогда не были столь чистосердечны, какъ при нынѣшнемъ правительствѣ. Если слухи молчатъ о вопросахъ, подлежавшихъ обсужденію въ Варцинѣ, то посѣщеніе его г. Гирсомъ дало по крайней мѣрѣ въ результатѣ довѣріе общественнаго мнѣнія въ Австріи и Германіи къ искреннимъ миролюбивымъ намѣреніямъ Россіи». Поѣздку статсъ-секретаря Гирса въ Берлинъ и въ Вѣну (на обратномъ пути министра изъ Италіи, куда его вызвали семейныя обстоятельства) нѣкоторыя газеты старались объяснить «противовѣсомъ посѣщенію Парижа графомъ Игнатьевымъ», такъ какъ, по извѣстіямъ изъ Петербурга, «два соперничествующія теченія въ правительственныхъ сферахъ этой столицы, имѣющія своими представителями г. Гирса и графа Игнатьева, нисколько не уменьшились въ своемъ политическомъ значеніи и въ своемъ напряженіи со времени оставленія послѣднимъ мѣста министра внутреннихъ дѣлъ».

Неправильными обобщеніями, незнакомствомъ съ ходомъ дѣлъ, измышленіемъ несуществовавшихъ фактовъ, отличается и большая часть статей и извѣстій о внутреннемъ бытѣ Россіи за прошлый годъ, особенно сообщенныхъ «корреспондентами изъ собственныхъ источниковъ», а не заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ и частныхъ газетъ. На основаніи такихъ собственныхъ извѣстій, Россія вся выгорѣла втеченіе 1882 года: столько въ ней было пожаровъ и притомъ не отъ несчастныхъ случаевъ, а отъ поджоговъ! Города

наши загорались одновременно въ разныхъ мѣстахъ и по потушеніи немедленно вновь были поджигаемы. «Все это заставляетъ полагать, что эти поджоги суть дѣло нигилистовъ, тѣмъ болѣе, что поджигатели были находимы только въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Повидимому, нигилисты убѣдились въ безцѣльности борьбы посредствомъ кинжала и динамита и направили свою главную дѣятельность на увеличеніе существующаго неудовольствія нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ—усиленіемъ всеобщей нужды». Все это было бы справедливо, если бы фактъ, положившій начало всему умозаключенію, былъ вѣренъ, то-есть если бы въ дѣйствительности красный пѣтухъ господствовалъ въ Россіи въ 1882 году. Между тѣмъ пожары прошлаго года, значительные сами по себѣ, не превосходили тѣ же бѣдствія предшествовавшихъ лѣтъ, когда горѣли Симбирскъ, Оренбургъ, Иркутскъ. Авторъ статьи о пожарахъ въ Россіи отыскалъ также и причину существующаго неудовольствія, которымъ воспользовались нигилисты, согласно съ его вымысломъ. Причина—«возстановленіе жандармскаго корпуса» какъ независимаго учрежденія при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, и подчиненіе его чистокровному (de pur sang) жандарму (генералу Оржевскому)». Между тѣмъ, автору слѣдовало бы знать, что корпусомъ военныхъ чиновъ, каковыми пока на дѣлѣ состоятъ жандармы, нельзя командовать гражданскому высшему чину, какимъ оказался министръ внутреннихъ дѣлъ, съ назначеніемъ въ эту должность, на мѣсто «генерала-лейтенанта» графа Игнатьева, «дѣйствительнаго тайнаго совѣтника» графа Толстого. Правда, въ Англіи военными министрами бываютъ гражданскіе чиновники, но они также не командуютъ военными чинами, т. е. арміею. Со времени причисленія, 26-го августа 1880 г., корпуса жандармовъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, во главѣ послѣдняго находились военные генералы, которые могли совмѣстить въ своемъ лицѣ и обязанности командира жандармскаго корпуса, но съ назначеніемъ графа Толстого это оказалось аномаліею, при существующихъ понятіяхъ о военной іерархіи. Сверхъ того, пожары начались у насъ съ весны, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ еще графъ Игнатьевъ и когда не было «возстановленія жандармскаго корпуса въ независимое учрежденіе».

Назначеніе въ прибалтійскія губерніи для ревизіи сенатора Манассеина вызвало рядъ корреспонденцій, преимущественно въ нѣмецкія газеты, гдѣ

«оскорбленному есть чувству уголокъ».

А оскорбилось нѣмецкое населеніе прибалтійскаго края потому, что прочувствовало то равенство народностей, которое должно имѣть результатомъ подобная ревизія. Нѣмецкая печать громитъ Россію за безправіе въ ней народностей, но только не латышской и не эстонской. По ея ученію, послѣднія двѣ народности должны оставаться въ самомъ лучшемъ случаѣ въ «батрачествѣ», такъ какъ въ нашъ

вѣкъ о рабствѣ не можетъ быть рѣчи. «Оскорбленное чувство» чуть не ежедневно наполняло и наполняетъ германскіе журналы извѣстіями «о печальномъ состояніи прибалтійскихъ губерній Россіи», о «высоко поднимающихся волнахъ броженія среди тамошняго сельскаго населенія», что «раздраженіе прибалтійскихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и имущихъ классовъ постоянно возрастаетъ и, по единогласнымъ частнымъ извѣстіямъ, надобно быть готовымъ къ серьезнымъ событіямъ» и т. д. Словомъ, съ лѣта предсказывалась «революція» въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ, произведенная сенаторомъ Манассеиномъ, а между тѣмъ миновали мѣсяцы и ничего подобнаго не случилось. Запугиваніе подобными сообщеніями имѣло цѣлью прекращеніе ревизіи сенатора Манассеина, «произведшей такой переполохъ въ мирной жизни провинцій, что крайняя небезопасность, кражи со взломомъ, разбойническія нападенія, убійства, сдѣлались обыкновеннымъ дѣломъ, плодомъ игнатьевскаго строя». Если бы дѣйствительно существовали въ прибалтійскихъ губерніяхъ подобные «страхи», то, очевидно, или все имущественное населеніе бѣжало бы оттуда, или правительство послало бы туда нѣсколько полковъ для возстановленія законнаго порядка. Но ни того, ни другого не случилось. Если же страхъ нагоняютъ прошенія сенатору отставныхъ солдатъ «объ увеличеніи пенсіи», «объ учрежденіи латышскаго университета», о «желаніи батраковъ сдѣлаться земельными крестьянами», то каждому дозволено желать себѣ лучшаго и хлопотать о томъ, но принятіе подобныхъ прошеній не даетъ права «Силезской Газетѣ», напримѣръ, утверждать, что «разъѣзжающіе по Лифляндіи чиновники ревизующаго ее сенатора Манассеина содѣйствуютъ, съ своей стороны, разъясненію народу неправоты владѣнія нѣмецкими помѣщиками и крестьянскими земельными собственниками». Германская печать, ея «одноплеменные» сотрудники и «оскорбленное чувство», забываютъ, что если ревизія сенатора Манассеина вызвана чувствомъ справедливости, то она приложится ко всѣмъ слоямъ населенія въ прибалтійскомъ краѣ, и что поэтому самому ея цѣлью не можетъ быть «вызовъ революціи въ Лифляндіи».

Неосновательными обобщеніями и невѣрными толкованіями отличались сужденія иностранной печати и о многихъ другихъ событіяхъ и новыхъ мѣропріятіяхъ въ Россіи. Такъ, по мнѣнію одной берлинской газеты, «новая правительственная мѣра по печати (образованіе особаго присутствія изъ четырехъ министровъ и проч.) вызвана была враждебнымъ направленіемъ многихъ русскихъ журналовъ, которые, подъ предлогомъ патріотизма, рѣзко порицали правительство и возбуждали народъ къ политическимъ страстямъ. Особенно имѣлись при этомъ въ виду московскія газеты». Арестованіе въ Гельсингфорсѣ одного учителя гимназіи дало поводъ несправедливо утверждать, что «у всѣхъ профессоровъ гельсингфорскаго университета произ-

ведены были полицейскіе обыски, послѣ чего двое изъ профессоровъ были арестованы», а далѣе дополнить извѣстіемъ, что «арестованные принадлежатъ къ тайному обществу, имѣющему многочисленныхъ соумышленниковъ между профессорами, гвардейскими офицерами, высшими чиновниками, студентами въ Петербургѣ, Москвѣ, Гельсингфорсѣ, Кронштадтѣ и другихъ городахъ. Поэтому, сверхъ двухъ профессоровъ, въ названныхъ городахъ арестовано, въ началѣ сентября, около тридцати выдающихся лицъ, въ сильной степени замѣшанныхъ въ этомъ заговорѣ». Между тѣмъ, сколько извѣстно, арестовъ выдающихся лицъ не было.

Вообще много курьезныхъ слуховъ и извѣстій о Россіи можно найти въ европейской печати 1882 года. Такъ, еще въ концѣ іюня было ею сообщено, что министръ императорскаго двора, графъ Воронцовъ-Дашковъ, впалъ въ немилость и вскорѣ будетъ уволенъ отъ этой должности. Не прошло одного мѣсяца съ назначенія графа Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, какъ уже ему были найдены преемники въ лицѣ статсъ-секретаря Грота, а затѣмъ генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова. О министрѣ финансовъ, тайномъ совѣтникѣ Бунге, было сообщено много недѣль назадъ, что его увольненіе — совершившійся фактъ (fait accompli). Всѣ эти извѣстія довершены были новымъ сообщеніемъ, «что всѣ нынѣшніе министры останутся при своихъ постахъ до совершенія коронаціи». Такъ какъ предсказанныя перемѣны не осуществились, то легче всего было примириться съ подобною неудачею сохраненіемъ за министрами ихъ портфелей на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Графа Игнатьева то назначали русскимъ посломъ въ Константинополь на мѣсто г. Нелидова, то сообщали о немъ, что «онъ арестованъ въ своемъ помѣстьѣ по распоряженію правительства и подъ конвоемъ препровожденъ въ Петербургъ». «Силезская Газета» утверждала, что, по случаю безпорядковъ въ университетахъ, «министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Толстой, рѣшительно не согласился на закрытіе университетовъ, которое имѣлъ въ виду министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ», что «правительство воспретило подписку въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ», между тѣмъ извѣстно, что петербургская городская дума приняла значительныя денежныя пожертвованія, присланныя изъ Москвы.

Одесскій корреспондентъ «Berliner Boersen Zeitung» разсказываетъ, будто бы въ концѣ августа въ Одессѣ проживалъ нѣсколько мѣсяцевъ одинъ изъ молодыхъ нигилистовъ, подъ именемъ швеи Агаѳьи Семеновой, сильно замѣшанный въ провозѣ динамита чрезъ границу. Никто не могъ подозрѣвать въ молодой пригожей швеѣ, жившей на Дворянской улицѣ, одного изъ дѣятельныхъ агентовъ нигилистовъ. Когда онъ былъ наконецъ арестованъ, то въ его квартирѣ нашли парикъ, накладные усы и бакенбарды. Всѣ эти принадлежности переодѣванія были надѣты на арестованнаго и тогда

многіе изъ полицейскихъ узнали въ немъ того человѣка, который въ послѣднее время неоднократно бывалъ съ ними вмѣстѣ и выдавалъ себя за тайнаго агента петербургской полиціи. Другую подобную «нигилистическую исторію» сообщили въ ту же газету изъ Петербурга, а именно, что въ октябрѣ съ скорымъ поѣздомъ изъ заграницы полученъ былъ ящикъ съ пассажирскимъ багажемъ, заключавшій въ себѣ апельсины. Никто изъ пассажировъ не заявилъ себя владѣльцемъ этого ящика, а потому онъ былъ отодвинутъ въ сторону, но въ это время отскочила одна доска покрышки и изъ ящика покатился апельсинъ, который, ударившись о что-то, взорвался. Оказалось, что въ апельсинахъ провозился динамитъ. Подобныхъ романтическихъ разсказовъ о нигилистахъ было не мало. Небывалыя безпокойства въ прибалтійскихъ губерніяхъ были приписаны газетою «Presse» женевскимъ агентамъ русскихъ нигилистовъ, а въ Петербургѣ берлинскія газеты въ ноябрѣ открыли какой-то задуманный «бунтъ рабочихъ», о чемъ здѣсь ничего не было слышно, для котораго прибыли сюда два заграничные эмиссара Краузе и Ландау, которые были открыты и арестованы петербургскою полиціею. Вообще, русскіе нигилисты и нигилизмъ доставляли заграничнымъ газетамъ обильный сенсаціонный матеріалъ въ 1882 году. Мы представили только немногіе образцы, потому что всего не умѣстить въ журнальной статьѣ. Въ вымыслахъ относительно подвиговъ нигилистовъ пальма первенства принадлежитъ газетѣ «Intransigeant», Рошфора. Чѣмъ неправдоподобнѣе оказывалось какое либо извѣстіе о Россіи, тѣмъ онъ охотнѣе отводилъ ему мѣсто въ своей газетѣ. Такъ, напримѣръ, онъ объяснялъ, что Скобелевъ не умеръ естественною смертью, но «былъ задушенъ, для чего ему передъ тѣмъ влили въ вино одуряющаго напитка». По словамъ Рошфора, Скобелевъ былъ опаснѣе «самаго дерзкаго нигилиста», потому что «однимъ своимъ словомъ могъ взбунтовать противъ правительства всю армію». Подобныя нелѣпости, несмотря на ихъ явный вздоръ, находятъ однако себѣ читателей, потому что онѣ по вкусу врагамъ Россіи, для которыхъ и выдумываются.

А между тѣмъ, значительная часть вздора, печатаемаго заграницею о Россіи, сочиняется въ ней самой...

П. У.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

La Sorbonne et la Russie. Par le reverand pere Pierling. Paris. 1882.

Недавно вышедшее сочиненіе отца Пьерлинга, «La Sorbonne et la Russie», заключаетъ въ себѣ немало новыхъ подробностей о положеніи церковнаго вопроса въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Какъ извѣстно, сорбонская коллегія была основана въ 1253 году нѣкоимъ Робертомъ Сорбономъ въ Парижѣ и имѣла цѣлью—открыть доступъ молодымъ людямъ къ изученію богословія. Въ 1635 году, она была преобразована въ академію, ученые магистры которой имѣли громадное вліяніе на религію во Франціи

Отецъ Пьерлингъ, подобно отцу Мартынову, отцу Гагарину (умеръ 19 іюля 1882 года) и нѣкоторымъ другимъ русскимъ, перешедшимъ въ католическую вѣру, принадлежитъ къ ордену «Святаго Іисуса» и посвятилъ себя литературѣ, занимаясь преимущенно разработкой религіозныхъ вопросовъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ.

Остается пожалѣть, что сочиненія его, касающіеся Россіи, пишутся имъ не на русскомъ языкѣ, потому что, составленные болѣе чѣмъ добросовѣстно, они, конечно, имѣли бы въ Россіи бо́льшее число читателей, чѣмъ во Франціи. Задавшись цѣлью описать попытку сорбонскихъ докторовъ къ обращенію Россіи—сліяніемъ католической и православной вѣры въ одну, отецъ Пьерлингъ не удовольствовался тѣми матеріялами, которые можно почерпнуть изъ разныхъ русскихъ источниковъ, а перерылъ, такъ сказать, всю библіотеку г. Труа (Troyes), гдѣ хранятся въ настоящее время архивы, касающіеся этого вопроса.

Такимъ образомъ, онъ нашелъ возможность воспроизвести съ большей полнотой и живостью дѣятельность заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ тогдашней эпохи.

Въ 1717 году, 3 (14) іюня, Петръ Великій въ бытность свою въ Парижѣ посѣтилъ сорбонскую академію.

Ученые доктора ея захотѣли воспользоваться присутствіемъ царя-реформатора и развили ему цѣлую религіозную теорію, доказывая, что къ сліянію православія съ католицизмомъ вовсе не представляется столько препятствій, какъ вообще предполагается, и что при нѣкоторой доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ, легко найдется способъ примиренія даже самыхъ главныхъ пунктовъ различія.

На это Петръ отвѣтилъ, что не видитъ, какимъ образомъ «признаніе папы главою церкви», «исхожденіе Духа отъ Отца и Сына» и «принятіе причащенія подъ однимъ только видомъ» могутъ быть признаны русскимъ духовенствомъ, что, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ и его слѣдуетъ предложить на обсужденіе русскихъ іерарховъ, что онъ на себя ничего не беретъ, но проситъ магистровъ изложить пункты предлагаемаго примиренія на бумагѣ и что на проектъ этотъ послѣдуетъ по его настоянію формальный отвѣтъ. Въ виду скораго отъѣзда Петра, магистры поспѣшили составленіемъ этого документа и, послѣ 24-хъ часоваго труда, разобрали главные пункты настолько, насколько было возможно въ такой короткій срокъ и съ тѣми слабыми понятіями, которыя они имѣли о «русскомъ» православіи. Затѣмъ, они набросали планъ примиренія, перевели все на латинскій языкъ, подписали (18 человѣкъ) и вручили эту бумагу Петру, находившемуся уже на пути въ Голландію.

Нужно помнить, однако, что сорбонская академія въ то время вовсе не являлась представительницею папы.

«Духовныя размышленія» Кесвеля, давшія въ началѣ XVIII-го столѣтія совершенно новый взглядъ на католицизмъ, вызвали со стороны папы Климента XI-го извѣстную буллу «Unigenitus», по которой осуждались 101 принципъ Кеснеля.

Результатомъ буллы явилось то, что въ средѣ католиковъ образовались двѣ партіи: одна—признававшая, а другая—янсенистская, не признававшая этой буллы. Сорбонская академія, принадлежавшая къ послѣдней, не вступила, однако, въ открытую войну съ Римомъ, а держалась, такъ сказать, золотой середины и не безъ основанія полагала, что если ей удастся примирить православіе съ католичествомъ, то нѣтъ такой уступки, на которую папа не пошелъ бы.

Петръ Великій далеко не былъ сторонникомъ католицизма, и если, какъ предполагаютъ многіе историки, онъ и искалъ способа для устраненія религіознаго различія съ Западомъ, имѣя въ виду большее съ нимъ сближеніе, то, во всякомъ случаѣ, онъ скорѣе

тянулъ на сторону протестантовъ, примѣръ жизни которыхъ имѣлъ случай видѣть въ Голландіи.

Процессъ царевича Алексѣя Петровича обнаружилъ Петру, что значительная часть русскаго духовенства враждебно осносилась къ его реформамъ и желала ему смерти, что царевичъ хотѣлъ съѣздить въ Римъ и просилъ аудіенціи у папы, называя его лучшимъ своимъ другомъ... Нужно ли было мнительному царю бо́льшихъ доказательствъ въ проискахъ католицизма и не было ли это достаточной причиной для уничтоженія его вліянія въ Россіи?.. Однако, крайне осторожный во внѣшнихъ сношеніяхъ, Петръ не порвалъ коротко съ затронутымъ вопросомъ о сближеніи церквей, а ограничился принятіемъ крутыхъ мѣръ для преслѣдованія у себя католиковъ, въ чемъ ему не мало содѣйствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нетрудно отгадать, какого содержанія былъ отвѣтъ, данный сорбонской академіи. Дѣйствительно Ѳеофанъ Прокоповичъ составилъ записку, въ которой говорилъ, что предвидя много затрудненій къ созванію собора патріарховъ, онъ считаетъ лучше всего вступить въ оффиціальную переписку съ академіей, и при помощи ея выяснить всѣ существенные пункты недоразумѣнія. Безполезно пояснять, чего можно было ожидать отъ такого бумагомаранія!

Сорбонскіе магистры все-таки не отчаялись и постановили послать въ Россію своего собственнаго агента. Мы увидимъ, какія обстоятельства способствовали осуществленію ихъ желанія.

Князь Сергѣй Петровичъ Долгорукій назначенъ былъ Петромъ посломъ въ Голландію. Отправляясь на мѣсто назначенія, онъ взялъ съ собою жену и дѣтей. Здѣсь, за неимѣніемъ подъ рукой русскаго священника, княгиня стала обращаться къ католическому (по нѣкоторымъ предположеніямъ—къ Жюбе), послѣдствіемъ чего явилось рѣшеніе ея перейти въ католичество. Собираясь уѣхать обратно въ Россію, княгиня пожелала имѣть при себѣ католическаго духовника и обратилась съ этою просьбою къ сорбонской академіи. Такая просьба какъ нельзя болѣе подходила къ только что поставленному академіей рѣшенію и магистры ея назначили къ княгинѣ собрата своего Жюбе, снабдивъ его всѣми полномочіями для переговоровъ съ русскимъ духовенствомъ для сближенія церквей. Но такъ какъ открыто исповѣдывать католическую вѣру княгиня въ Россіи не могла, то дѣло было улажено такъ, что Жюбе долженъ былъ явиться въ домъ князя въ качествѣ наставника дѣтей.

Яковъ Жюбе родился въ 1674 году отъ весьма бѣдныхъ родителей, и только благодаря добрымъ людямъ получилъ возможность поступить въ школу, гдѣ способностями своими обратилъ на себя вниманіе учителей. Чтобы посѣщать классы, онъ выходилъ изъ дому рано утромъ и возвращался поздно вечеромъ въ деревню, отстоящую въ 10-ти верстахъ отъ Парижа. Поступивъ впослѣд-

ствiи въ Сорбонну, онъ въ то же время изучалъ восточные языки и вышелъ изъ академiи съ большими познанiями. Наконецъ, вполнѣ раздѣляя убѣжденiя своихъ собратьевъ-янсенистовъ, онъ прославился сочиненiемъ своимъ, написаннымъ въ защиту этихъ убѣжденiй. Подтверждая слово дѣломъ, онъ сталъ открыто преслѣдовать своихъ противниковъ и выказалъ настоящiй фанатизмъ во время своей священнической дѣятельности въ аббатствѣ «Asnières». Принужденный покинуть это аббатство вслѣдствiе разныхъ недоразумѣнiй съ епископомъ, онъ скрывался одно время за-границей и прибылъ въ Парижъ только по настоятельному приглашенiю принять на себя постъ «миссiонера» въ Россiи.

Таковъ былъ сопровождавшiй княгиню въ Россiю сорбонскiй агентъ.

Въ Россiи только что произошла перемѣна: послѣ Екатерины I-й на престолъ вступилъ малолѣтнiй Петръ II-й. Влiянiе всемогущаго Меншикова рушилось и главную силу при дворѣ составлялъ трiумвиратъ изъ князей: Василiя, Алексѣя и Ивана Долгорукихъ, не подпускавшихъ рѣшительно никого къ молодому царю. Закрѣпивъ свое влiянiе обрученiемъ Петра съ княжной Долгорукой, они додостигли апогея власти.

Между тѣмъ Жюбе, имѣвшiй доступъ ко всѣмъ придворнымъ лицамъ чрезъ княгиню Долгорукову, началъ вить понемногу свою паутину.

Чтобы уяснить себѣ положенiе католицизма въ Россiю въ то время, необходимо бросить бѣглый взглядъ назадъ.

Въ концѣ царствованiя Петра I, Ѳеофанъ Прокоповичъ чуть ли не открыто сталъ раздѣлять убѣжденiя кальвинистовъ и поведенiемъ своимъ возмутилъ противъ себя большинство духовенства. «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, написанный по поводу одного крупнаго скандала, случившагося въ 1713 году въ Москвѣ, не былъ пропущенъ цензурою Петра, какъ противорѣчившiй его личнымъ убѣжденiямъ. То же было и при Екатеринѣ, правительство которой, олицетворяемое Меншиковымъ, продолжало дѣйствовать въ томъ же направленiи. Въ послѣднiй годъ ея царствованiя, въ Смоленской губернiи состоялось обращенiе нѣсколькихъ лицъ въ католичество, что̀ вызвало со стороны правительства цѣлый рядъ репрессалiй. По вступленiи Петра II-го на престолъ и по сверженiи Меншикова, религiозное направленiе измѣнилось, и однимъ изъ первыхъ признаковъ тому была немилость къ Ѳеофану и приказанiе отпечать «Камень вѣры». Къ тому же времени относится возвышенiе преслѣдованныхъ Ѳеофаномъ: Лопатинскаго, Колетти, Вонатовича и сближенiе этихъ представителей духовенства съ Жюбе. Несмотря, однако, на всѣ интриги, Жюбе не имѣлъ оффицiальнаго положенiя при дворѣ и не чувствовалъ еще подъ собой твердой почвы. Случай помогъ ему и въ этомъ.

На постъ посланника при русскомъ дворѣ испанскій король назначилъ герцога де Лиріа—человѣка чрезвычайно дѣятельнаго и страстно преданнаго своей религіи. Герцогъ съумѣлъ заслужить въ Москвѣ расположеніе самаго вліятельнаго изъ всѣхъ Долгорукихъ—князя Ивана и пріобрѣсть дружбу Остермана. Къ нему-то Жюбе и обратился за поддержкой. Надежды его оправдались и герцогъ оффиціально сдѣлалъ его, въ 1729 г., своимъ духовникомъ. Теперь Жюбе былъ въ относительной безопасности и ему оставалось лишь дѣйствовать. При испанскомъ посольствѣ состоялъ еще нѣкій доминиканецъ Рибера, хотя и не раздѣлявшій всѣхъ взглядовъ Жюбе-янсениста, но тѣмъ не менѣе готовый всѣми силами души способствовать великому дѣлу обращенія Россіи. Жюбе, конечно, не упустилъ случая заручиться и его содѣйствіемъ. Чтобы скрыть секретную переписку свою отъ нескромныхъ читателей въ Россіи, Жюбе принялъ за правило писать аллегорическими выраженіями друзьямъ своимъ за-границу и подъ словомъ «шуба», напримѣръ, означалъ «императрица», «позолота» — «архіереевъ» и пр. Обезпеченный съ этой стороны, онъ настоялъ на томъ, чтобы княгиня Долгорукова устроила у себя часовню, гдѣ бы могло собираться небольшое общество «вѣрующихъ», и дѣятельно занялся распространеніемъ сорбонскихъ брошюръ и катехизиса Флёри. Но одна мертвая буква писанія была недостаточна для привлеченія къ «истинной вѣрѣ», а потому Жюбе употребилъ на тайныхъ сходкахъ все свое убѣдительное краснорѣчіе, выставляя въ такомъ контрастѣ преимущества католичества надъ православіемъ, что большинство слушателей стало мало-по-малу подпадать его вліянію. Какъ на доказательства немалыхъ успѣховъ Жюбе въ этомъ отношеніи, авторъ ссылается на показанія княгини Долгоруковой при слѣдствіи, на личную корреспонденцію Жюбе и на сохранившіяся «Посланія къ вѣрующимъ». Къ этому же времени относится сближеніе Жюбе съ Кантеміромъ и Вешняковымъ.

Между тѣмъ Рибера, пользуясь покровительствомъ герцога, тоже не дремалъ и, ознакомившись съ догматами православія, взялся за перо, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Въ «Catechitica confessio», написанномъ имъ по-латыни, онъ доказывалъ «истинное происхожденіе католической вѣры», «верховную власть папы» и указывалъ на то, что русскіе догматы противорѣчатъ во многомъ сами себѣ. Первыя четыре главы своего сочиненія онъ послалъ самому Ѳеофану, прося его сдѣлать личныя замѣтки, а въ краснорѣчивомъ посланіи по поводу соединенія церквей напоминалъ ему, что въ его власти дать ходъ этому прекрасному дѣлу. Ѳеофанъ на это письмо не отвѣтилъ, однако, ни слова.

Къ этой эпохѣ относится и вступленіе герцога де-Лиріа въ переписку съ австрійскимъ дворомъ.

Въ архивахъ «Simancas» хранится интересное письмо отъ 30-го

марта 1729 г., которое авторъ приводитъ цѣликомъ. Въ письмѣ этомъ испанскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ отъ имени императрицы настоятельно проситъ герцога обратить вниманіе на положеніе католиковъ въ Россіи и принять участіе въ судьбѣ княгини Долгоруковой, которую начали уже тогда немного безпокоить. 15-го мая де-Лиріа отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ обстоятельно разбиралъ различные пункты и прекрасно обрисовывалъ положеніе католиковъ. Въ концѣ письма онъ, опять-таки въ отвѣтъ на предложенные ему вопросы, высказалъ, какими мѣрами, по его мнѣнію, можно достигнуть сліянія церквей и увѣрялъ, что среди русскаго духовенства немало такихъ лицъ, которыя съ радостью вступятъ въ серьезные переговоры. Далѣе авторъ приводитъ любопытную выходку герцога и Жюбе: однажды де-Лиріа, въ сопровожденіи Жюбе и нѣсколькихъ другихъ близкихъ лицъ, явился неожиданно въ деревню князя Д. М. Голицына, пользовавшагося большимъ вліяніемъ при дворѣ и сочувствовавшаго мысли о сближеніи церквей. Здѣсь, послѣ долгихъ споровъ, составленъ былъ, наконецъ, общій проектъ дѣйствій и переименованы были тѣ лица, съ которыхъ надо было начать для успѣшнаго веденія интересующаго всѣхъ дѣла. Любопытный документъ этотъ, къ сожалѣнію, сохранился не цѣликомъ, но и тѣ пункты, которые остались, вполнѣ обрисовываютъ тогдашнее настроеніе умовъ. Остерманъ и князья Долгорукіе играли въ этомъ дѣлѣ, конечно, не послѣднюю роль, причемъ согласіе послѣднихъ разсчитывалось пріобрѣсти предложеніемъ возвести въ патріарха внука князя Василія, хорошо изучившаго богословіе.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ эти интриги стали близиться къ опредѣленному плану дѣйствій и что если бы не новая перемѣна царствованія, то кто знаетъ, не возникли ли бы формальныя сношенія между обѣими церквами?..

Съ воцареніемъ въ 1730 году Анны Ивановны началось преслѣдованіе католиковъ и всѣ надежды Жюбе и его партіи разсыпались прахомъ. На Долгорукихъ воздвиглось страшное гоненіе и вѣроисповѣданіе княгини Ирины Петровны Долгоруковой не могло оставаться тайной при этихъ условіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, въ мартѣ 1731 года, Жюбе, какъ видно изъ одного письма его, пытается еще распространить нѣсколько брошюръ, послѣ чего помышляетъ лишь о благополучномъ отступленіи изъ Россіи. Въ августѣ 1731 года Жюбе получаетъ строгое предписаніе выѣхать за-границу и въ началѣ 1732 года мы видимъ его уже въ Варшавѣ.

Авторъ приводитъ затѣмъ нѣсколько подробностей объ остальной жизни Жюбе, упоминаетъ о его сношеніяхъ съ семействомъ Долгорукихъ и, указывая на то, что Жюбе умираетъ въ бѣдности, формально опровергаетъ утвержденіе князя Петра Долгорукаго (въ

изданныхъ имъ мемуарахъ), будто бы Жюбе обобралъ княгиню Ирину Петровну.

Изъ сочиненія о. Пьерлинга видно, что магистры сорбонской академіи смотрѣли на дѣло сближенія церквей несравненно серьезнѣе, чѣмъ можно было до сихъ поръ предполагать, и что какъ ни ничтожны были ихъ средства для достиженія цѣли, но такой дѣятельный агентъ, какъ Жюбе, съумѣлъ придать жизнь подобному фантастическому проекту.

И. Я. В.

Переписка Кавура, томъ I. Туринъ, 1882 г.

Родоначальникомъ Кавуровъ былъ саксонскій пилигримъ, пришедшій въ Піемонтъ въ 1085 году, такъ что въ древнемъ гербѣ графа Бенто ди Кавура находился страннический посохъ съ надписью «Богъ требуетъ правды». Нѣтъ надобности распространяться объ историческомъ значеніи Кавура, какъ одного изъ создателей нынѣшняго единства Италіи. Вышедшій первый выпускъ содержитъ въ себѣ переписку графа Кавура до эпохи, послѣдовавшей за сраженіемъ при Новарѣ. Въ числѣ писемъ замѣчательно адресованное Кавуромъ къ одной русской дамѣ, молодой, умной, въ которую онъ влюбился, живя въ Парижѣ въ 1835 году. Она упрашивала его поселиться навсегда въ Парижѣ. Послѣ утомительной душевной борьбы, Кавуръ превозмогъ себя, отказался отъ пребыванія въ Парижѣ и по этому поводу отправилъ къ нашей соотечественницѣ письмо, которое оканчивалось слѣдующимъ образомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не достигаетъ славной цѣли тотъ, который бѣжитъ изъ своей отчизны, потому что оно находится въ несчастіи. Горе тому, кто покидаетъ страну, гдѣ онъ родился, не цѣня ее, и отрицается отъ своихъ соотечественниковъ, какъ будто бы они не стоили его! Что касается до меня, то мое рѣшеніе готово: я никогда не отдѣлю моей судьбы отъ участи піемонтцевъ. Въ бѣдѣ, какъ и въ счастіи, моя жизнь принадлежитъ отчизнѣ; я не могу измѣнить ему даже если бы я зналъ, что въ другомъ мѣстѣ мнѣ улыбаются честь и счастіе».

Послѣ сраженія при Новарѣ въ 1849 году, когда піемонтцы были окончательно поражены австрійцами и король Карлъ Албертъ бѣжалъ въ Португалію, отрекшись отъ престола въ пользу своего сына, Виктора-Эмануила, когда слѣдовательно все, повидимому, было потеряно, Кавуръ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Мы не должны терять мужества; пока хотя въ одномъ уголкѣ Италіи существуетъ свобода, мы не должны сомнѣваться въ будущности. Пока Піемонтъ въ состояніи охранить свой государственный строй отъ деспотизма и анархіи, онъ всегда будетъ давать способы трудиться на возрожденіе отечества».

Этой свободѣ стали однако вскорѣ угрожать, какъ это видно изъ ноты тогдашняго піемонтскаго министра-президента и министра иностранныхъ дѣлъ, Массимо д'Азеліо, отправленной имъ къ сардинскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и Парижѣ, 28-го ноября (10-го декабря) 1851 года, чрезъ недѣлю послѣ декабрскаго переворота въ Парижѣ. Эта нота впервые обнародована нынѣ въ «Перепискѣ Кавура». «Государи Австріи и Пруссіи (писалъ д'Азеліо) дали нашему королю Виктору-Эммануилу совѣтъ, чрезъ посредство одного глубоко уважаемаго лица, согласовать направленіе его правительства съ настроеніемъ остальныхъ государствъ Италіи и одновременно открыто выразили угрозу, что за упорство сохранить нынѣшній образъ правленія въ Піемонтѣ можно будетъ вскорѣ серьезно раскаяться. Замѣчанія, сдѣланныя королю посредникомъ отъ имени обоихъ государей, касаются слишкомъ большой свободы, предоставляемой у насъ конституціоннымъ строемъ, слишкомъ большой свободы печати, словомъ такого рода пунктовъ, которые уже неоднократно были поводомъ къ жалобамъ со стороны правительствъ, уничтожившихъ у себя свободу и непріязненно относящихся ко всякаго рода свободѣ. Король отвѣчалъ посреднику, что политическое направленіе, которому онъ слѣдуетъ, было избрано имъ при самомъ восшествіи на престолъ, какъ результатъ глубокаго убѣжденія и непоколебимаго чувства долга; что онъ и нынѣ считаетъ это направленіе за самое разумное и во всякомъ случаѣ умѣренное; что оно вызывается интересами государства и благомъ его подданныхъ; что онъ понимаетъ серьезность своего положенія, какъ и идей Европы; что онъ не упуститъ ничего, чтобы согласовать свою политику съ требованіями такого положенія дѣлъ, но что въ то же время вполнѣ убѣжденъ, что онъ лучше всего можетъ обезпечить спокойствіе и счастіе своего государства наступательнымъ движеніемъ по усвоенному имъ пути умѣренности и осторожности. Его величество замѣтилъ посреднику, что политическое положеніе государствъ, сообщающихъ ему нынѣ угрозы, по его мнѣнію, само нуждается скорѣе въ совѣтахъ другихъ и не даетъ права дѣлать замѣчанія другимъ. Король присовокупилъ, что онъ господинъ у себя (maitre chez lui), и что онъ сохраняетъ за собою такую же свободу дѣйствія, какую онъ предоставляетъ другимъ государямъ въ ихъ владѣніяхъ, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣла».

П. У.

Эпохи славянской исторіи до 1526 года, Гефлера [1]).

Читатели «Историческаго Вѣстника» не посѣтуютъ на насъ за то, что мы нѣсколько поздно знакомимъ ихъ съ пикантными результа-

[1]) Höfler. Die Epochen der Slavischen Geschichte bis zum Jahre 1526 (Sitzungsberichten der Philologisch-Historischen Classe der Kaiserlichen Akademie er Wissenschaften. Wien, 1881).

тами изслѣдованій вѣнскаго академика въ области славянской исторіи: тэма такъ свѣжа, такъ полна современнаго интереса, что могла бы остановить вниманіе и на болѣе устарѣлой книгѣ. Въ виду того, что «славяне въ настоящее время стараются прибрать міръ къ своимъ рукамъ, отвергаютъ повсюду нѣмецкій языкъ и нѣмецкую культуру, представляютъ нѣмцевъ врагами и сыплютъ на ихъ головы неслыханные упреки, забывая, что обязаны имъ всей своей культурой», авторъ задался цѣлью изслѣдовать, что сдѣлали славяне въ тѣ столѣтія, которыя принадлежали имъ, когда они могли развиваться свободно по всѣмъ направленіямъ для развитія человѣческаго общества, какое мѣсто завоевали они себѣ своими страданіями, своей національной и политической борьбой, какую степень культурнаго развитія они могутъ разсматривать какъ свое духовное достояніе, чего можно ожидать отъ нихъ на основаніи историческихъ антецедентовъ, когда имъ дѣйствительно удастся стать во главѣ европейскихъ народовъ, и они будутъ направлять исторію человѣчества. Всѣ эти вопросы, которыми, по убѣжденія автора, нѣмецъ обязанъ заняться, разрѣшаются на какой нибудь сотнѣ страницъ, причемъ около трети изслѣдованія занято повтореніемъ одного и того же.

Славяне дебютируютъ на исторической сценѣ вмѣшательствомъ въ борьбу, которая происходила между германцами, носителями новой культуры, и гуннами, разрушителями старой, ставши на сторону послѣднихъ. Втеченіе перваго періода (отъ переселенія народовъ до 626 года) они идутъ по слѣдамъ отступающихъ нѣмцевъ чрезъ горы, долины и непроходимые лѣса, стараясь по возможности ограничить сферу германскихъ поселеній; подобно германцамъ они дѣлаютъ нападенія на земли Римской имперіи, но не для того, чтобы, какъ готы, обновить ее, а для того, чтобы уничтожить всякую культуру. Во второмъ періодѣ, до 895 года, разрозненыя племена, не имѣющія никакой организаціи, объединяются въ Богеміи подъ вліяніемъ нѣмца Само, на востокѣ подъ вліяемъ варяговъ, на Балканскомъ полуостровѣ подъ вліяніемъ тюрковъ-болгаръ. Въ этотъ періодъ славяне принимаютъ христіанство и тутъ впервые обнаруживаютъ стремленіе противопоставить себя остальному міру: не оказавши никакихъ услугъ христіанству, они предъявляютъ претензію, чуждую нѣмцамъ, имѣть свое собственное богослуженіе. Съ этого момента забота о своемъ языкѣ и его торжествѣ охватываетъ славянъ всякій разъ, какъ сосѣдніе культурые народы думаютъ сойтись съ ними на почвѣ высшихъ духовныхъ интересовъ; они подкарауливаютъ каждый моментъ, въ который несчастіе другихъ можетъ обезпечить достиженіе ихъ національныхъ интересовъ. Въ третьемъ періодѣ (895—1204), когда Европѣ и христіано-германской культурѣ угрожала опасность отъ тюркскихъ, финскихъ и скандинавскихъ варваровъ, славяне оказались плохими пограничными

стражами и торжествовали при всякой опасности, грозившей нѣмецкой имперіи извнутри или извнѣ. На берегахъ Балтійскаго моря они ведутъ борьбу одновременно противъ нѣмцевъ и христіанства во имя національной независимости, язычества, человѣческихъ жертвоприношеній. Съ юговостока изъ Болгаріи распространяется на западъ манихеизмъ, породившій въ романскихъ земляхъ ожесточенную борьбу, государственные перевороты и измѣненія въ строѣ городскихъ общинъ—манихеизмъ, въ которомъ только тѣ могутъ видѣть прогресивное явленіе и осуждать нѣмцевъ за ихъ равнодушіе къ нему, кто въ разложеніи и уничтоженіи христіанства видитъ спасеніе міра. Благодаря этому подарку славянъ, европейскіе народы ознакомились съ византійскими наказаніями еретиковъ и въ первый разъ испытали притѣсненія въ вопросахъ вѣры. Въ Сербіи дѣятельность Саввы направлена не на распространеніе научнаго образованія, а на созданіе національной церкви, на то, что должно было служить къ изолированію сербскаго народа, а не къ единенію его съ другими. Въ четвертый періодъ (1204—1396) съ особенной рѣзкостью обнаруживалось стремленіе славянъ занять исключительное положеніе среди другихъ народовъ. По ходу историческаго развитія, въ Европѣ могло быть только двѣ имперіи—византійская и нѣмецкая; романскіе народы покорились этому порядку; славяне задумали образовать свою собственную имперію. Притязанія болгарскихъ и сербскихъ царей въ этомъ направленіи погубили Византію; цари эти работали не для себя, а для турокъ; для турокъ они расшатали византійскую имперію, и вся политика ихъ является цѣпью глупостей. Какъ четвертый періодъ характеризуется стремленіями болгаръ и сербовъ уединиться отъ запада и разрушить культуру христіанскаго востока, такъ въ пятомъ періодѣ (1396—1526) чехи ставятъ своей задачей окончательный разрывъ съ прошлымъ и одностороннюю славянизацію страны. Религія, искусство, наука, королевская власть, законный порядокъ—все приносится въ жертву этому фантому. Во имя національности совершаются нападенія на науку, во имя политической, религіозной и соціальной свободы совершается на этотъ разъ славянами разрушеніе соціальнаго порядка и разжигается борьба расъ. Ознаменовавъ себя втеченіе всего своего историческаго существованія бозпокойнымъ стремленіемъ занять всѣми возможными путями мѣста рядомъ съ другими народами—и мѣсто непремѣнно господствующее, — внесши въ исторію Европы громадное движеніе, поглотившее неизмѣримые капиталы, славяне въ русскомъ нигилизмѣ несутъ Европѣ разрушеніе всего нравственнаго порядка, разложеніе человѣческаго общества. Нѣмцы должны точно оцѣнить значеніе ихъ дѣятельности; дѣло идетъ о разрушительной силѣ, дѣйствіе которой не ограничивается однимъ прошедшимъ.

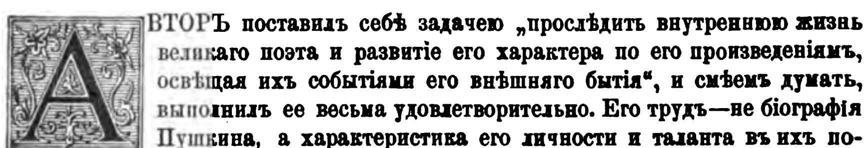
Мораль басни имѣетъ отношеніе къ той страстной борьбѣ на-

ціональностей, которая происходитъ въ настоящее время въ имперіи Габсбурговъ. Тенденція, съ которой авторъ приступилъ къ разрѣшенію вопроса, помѣшала ему удержаться на чисто научной почвѣ. Только нѣкоторыя детали исполненія указываютъ на то, чего могъ бы достигнуть авторъ, если бы онъ за все время работы преслѣдовалъ только цѣли научнаго изслѣдованія. Къ такимъ деталямъ можно, напримѣръ, отнести попытку найти въ воздѣйствіи однородной географической среды объективный критерій для опредѣленія суммы творческихъ силъ народовъ (германцевъ и славянъ), подвергнувшихся одинъ за другимъ ея вліянію.

И. С.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799—1826). Сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1882.



Авторъ поставилъ себѣ задачею „прослѣдить внутреннюю жизнь великаго поэта и развитіе его характера по его произведеніямъ, освѣщая ихъ событіями его внѣшняго бытія“, и смѣемъ думать, выполнилъ ее весьма удовлетворительно. Его трудъ—не біографія Пушкина, а характеристика его личности и таланта въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, характеристика не только достаточно полная, но также—что весьма важно—достаточно ясная и опредѣленная. У г. Незеленова мы не находимъ той пустой шумихи, какая иногда встрѣчается у другихъ, когда они заводятъ рѣчь о Пушкинѣ; онъ не отдѣлывается одними звонкими фразами, не высказываетъ одни апріорныя положенія, но постоянно указываетъ на тѣ или другія данныя и уже на нихъ основываетъ свои заключенія.

Сочиненіе его касается перваго и второго періодовъ жизни и дѣятельности нашего великаго поэта. Первымъ періодомъ авторъ называетъ время отъ дѣтства Пушкина до переѣзда его въ село Михайловское; вторымъ — время пребыванія его въ Михайловскомъ; время отъ переѣзда изъ Михайловскаго въ Москву до смерти поэта онъ относитъ къ третьему періоду, котораго въ настоящемъ сочиненіи не касается. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ въ виду всѣ сколько-нибудь замѣчательныя произведенія Пушкина, написанныя до августа 1826 года включительно, и только по какой-то странной причинѣ, совершенно умалчиваетъ о двухъ изъ нихъ: объ первыхъ пяти главахъ „Евгенія Онѣгина“, относящихся ко времени жизни Пушкина на югѣ Россіи и въ Михайловскомъ, и объ „Андреѣ Шенье“,—произведеніяхъ, которыя, кажется, заслуживали бы его полнаго вниманія.

Г. Незеленовъ весьма основательно изучилъ сочиненія Пушкина и если иногда и дѣлаетъ промахи, увѣряя, напримѣръ, что Пушкинъ осмѣиваетъ Наину (въ „Русланѣ и Людмилѣ") только за ея старость (стр. 57), или полагая, что Алеко (въ „Цыганахъ") потому не довѣряетъ любви къ нему Земфиры, сомнѣвается въ ея вѣрности, что помнитъ прежнія измѣны, которыя нѣкогда онъ самъ испытывалъ или совершалъ (стр. 166),—то эти промахи сравнительно ничтожны и не оказываютъ никакого вліянія на достоинство его труда. То, что писано въ нашей литературѣ о Пушкинѣ и его сочиненіяхъ, также хорошо извѣстно автору; правда, онъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на прекрасную статью г. Гаевскаго о жизни Пушкина въ лицеѣ и его лицейскихъ стихотвореніяхъ (въ „Современникѣ" 1863 г.) и несправедливо отдаетъ предпочтеніе нѣкоторымъ указаніямъ г. Ефремова предъ указаніями Анненкова (напримѣръ, согласно съ первымъ и вопреки послѣднему, онъ считаетъ „Сцену изъ Фауста" написанною въ 1825 году въ Михайловскомъ, тогда какъ ее вѣрнѣе относить къ концу 1826 года, ко времени сближенія поэта съ кружкомъ московскихъ литераторовъ, и считать написанною въ отвѣтъ на вызовъ Д. В. Веневитинова въ его стихотвореніи „къ Пушкину"), но и это мало вредитъ сочиненію г. Незеленова. Главный его недостатокъ—это отсутствіе необходимаго безпристрастія и недостатокъ критическаго пониманія произведеній Пушкина.

Разсматривая „Кавказскаго Плѣнника" и сличая характеръ героя этого произведенія съ характеромъ разныхъ байроновскихъ героевъ, мы не можемъ не придти къ заключенію, что Пушкинъ поставилъ себѣ задачею изобразить байроновскій типъ, но не былъ въ состояніи съ нимъ справиться. Рядомъ съ стихами, характеризующими „Плѣнника", какъ человѣка разочаровавшагося въ жизни и порвавшаго всѣ связи съ своимъ прошлымъ, мы находимъ стихи, рисующіе его совсѣмъ съ другой стороны:

„... разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый...
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою".

А г. Незеленовъ находитъ, что въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ" Пушкинъ „борется съ байронизмомъ"; что онъ „возстаетъ противъ байронизма" (стр. 79—80)! Признавая Алеко „оригинальнымъ созданіемъ Пушкина въ духѣ байронизма", авторъ полагаетъ, что въ его лицѣ „байроническій характеръ развѣнчанъ русскимъ поэтомъ" (стр. 167), причемъ указываетъ на то, что у Алеко слово оказывается противорѣчащимъ дѣлу: именно, смерть Земфиры и ея любовника онъ не встрѣтилъ „свирѣпымъ смѣхомъ", и она не была ему „смѣшна и сладка", а напротивъ того, увидавъ, что похоронили молодую чету,

„Онъ молча медленно склонился
И съ камня на траву свалился".

Здѣсь, очевидно, произошло нѣкоторое недоразумѣніе: г. Незеленовъ не замѣтилъ, что Алеко обѣщалъ старику-цыгану ликовать при гибели врага, а не при гибели предмета своей любви! Бориса Годунова авторъ цѣнитъ очень высоко и считаетъ его вполнѣ живымъ, вполнѣ художественнымъ типомъ; въ немъ, „въ первой попыткѣ самостоятельнаго творчества,—по мнѣнію г. Незеленова,—ученикъ не уступилъ учителю" Шекспиру (стр. 225). По Борисъ

Годуновъ значительно разнится отъ главныхъ героевъ Шекспира: онъ является на сцену опредѣленнымъ, законченнымъ типомъ, между тѣмъ какъ главные герои Шекспира—типы, развивающіеся передъ зрителемъ. Пушкинъ имѣлъ передъ собою только одинъ типъ, который онъ долженъ былъ развить на сценѣ,—типъ самозванца, но что онъ изъ него сдѣлалъ? Отрепьевъ — монахъ такъ далекъ отъ Отрепьева-самозванца, между ними такъ мало общаго, что ихъ трудно признать за одно и то же лицо! Послѣ этого можно ли говорить о равенствѣ Пушкина драматургу Шекспиру? Этого мало: по мнѣнію г. Незеленова, „Пушкинъ переросъ германскаго гиганта поэзіи", т. е. Гёте; взглядъ его на жизнь „оказался нравственно выше міросозерцанія Гёте, умственный кругозоръ его оказался шире" (стр. 232—233). Эти слова вызваны ничѣмъ инымъ, какъ „Сценой изъ Фауста", произведеніемъ, показывающимъ лишь то, что нашъ поэтъ не понялъ Фауста Гёте! Окончаніе „Сцены", гдѣ Фаустъ безъ всякаго основанія произноситъ суровый приговоръ надъ ни въ чемъ неповиннымъ кораблемъ, доказываетъ это какъ нельзя лучше и яснѣе.

Пристрастіе автора къ Пушкину замѣчается даже въ мелочахъ, часто въ ущербъ фактической истинѣ. Рылѣевъ (впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ декабристовъ), описывая въ одной изъ своихъ „Думъ" щитъ Олега, помѣстилъ на немъ двуглаваго орла; Пушкинъ въ частномъ письмѣ указалъ на его ошибку и замѣтилъ, что двуглавый орелъ есть гербъ византійскій, принятый нами только при Іоаннѣ III. Изъ этого замѣчанія можно сдѣлать только тотъ выводъ, что Пушкинъ въ данномъ случаѣ оказался болѣе свѣдущимъ въ русской исторіи, чѣмъ Рылѣевъ, но авторъ нашелъ возможнымъ вывести нѣсколько иное заключеніе и сдѣлать изъ мухи слона: „быть можетъ, говоритъ онъ, это настоятельное указаніе Пушкина на историческую ошибку Рылѣева... выражаетъ вообще его взглядъ на декабристовъ; поэтъ подмѣтилъ въ одномъ изъ главныхъ дѣятелей тайнаго общества диллетантизмъ въ вопросахъ русской исторіи" (стр. 114). Подобнымъ образомъ, изъ того обстоятельства, что Пушкинъ, живя въ Михайловскомъ, записалъ (вѣроятно, отъ многоизвѣстной няни и другихъ своихъ дворовыхъ) нѣкоторое количество народныхъ пѣсенъ, составившихъ, по свидѣтельству П. В. Кирѣевскаго, сборникъ „замѣчательный" (по величинѣ ли своей, или по значенію пѣсенъ—неизвѣстно), г. Незеленовъ вывелъ такое неожиданное заключеніе: „Пушкинъ ходилъ въ народъ, собирая пѣсни, изучая бытъ и нравы мужика и по поэтической своей впечатлительности сливаясь жизнью и душею съ этимъ бытомъ и этими нравами" (стр. 190). Наконецъ, по поводу того, что нашъ поэтъ сперва хотѣлъ назвать своего „Бориса Годунова" „Комедіей о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ", въ подражаніе названію одного драматическаго произведенія петровской эпохи: „Комедія о Фронталисѣ, царѣ эпирскомъ, и о Мирандомѣ, сынѣ его",— авторъ замѣтилъ, что это обстоятельство „проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на чтеніе Пушкинымъ произведеній древней нашей словесности: онъ читалъ ихъ, должно быть, много и увлекался ими сильно" (стр. 225). Замѣчаніе ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не оправдываемое, кромѣ пристрастія г. Незеленова къ своему герою.

Важною заслугою автора должно считать то, что онъ поставилъ на болѣе реальную почву вопросъ о вліяніи на Пушкина разныхъ русскихъ и не русскихъ писателей, чѣмъ его предшественники. Прежде говорили, что Пушкинъ подражалъ Жуковскому, Байрону, Шекспиру, но ни кто не бралъ на себя труда въ точности указать, въ чемъ именно состояло это подражаніе.

Г. Незеленовъ свелъ Пушкина лицомъ къ лицу съ Жуковскимъ, Байрономъ, Шекспиромъ, съ русской народной словесностью, и указалъ, въ чемъ онъ имъ слѣдовалъ, причемъ не упустилъ изъ виду даже и мелочей. Но не всѣ указанія автора равно удачны. Онъ часто ставитъ въ взаимную связь то, что не имѣетъ между собою почти ничего общаго, и эта произвольность сближеній составляетъ другой существенный недостатокъ его сочиненія. Бѣлинскій, разбирая „Руслана и Людмилу", призналъ 4-ю пѣснь этой поэмы за пародію „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ" Жуковскаго, и при этомъ намекнулъ на слѣдующіе стихи „Руслана", обращенные къ Жуковскому:

„Прости мнѣ, сѣверный Орфей
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу!
Друзья мои, мы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей" и т. д.

Слово „теперь" вполнѣ подтверждаетъ мысль знаменитаго критика, но г. Незеленовъ находитъ, что не одна четвертая пѣснь, а вся поэма Пушкина есть передѣлка „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ", „такъ сказать, реализація поэмы Жуковскаго" (стр. 49). Онъ старается доказать свое мнѣніе сопоставленіемъ дѣйствующихъ лицъ обѣихъ поэмъ, и при этомъ оказывается, что по его мнѣнію, Вадимъ Жуковскаго раздѣлился у Пушкина на Руслана и Ратмира, великанъ Жуковскаго, похитившій кіевскую княжну, раздвоился на Черномора и богатырскую голову, св. угодникъ Жуковскаго превратился въ „Русланѣ" въ финна, бѣсъ въ Наину. Но что же въ сущности общаго хотя бы между бѣсомъ и Наиной? Столько же неудачно авторъ сопоставляетъ „Руслана и Людмилу" съ русскими былинами. Отчего онъ не попробовалъ сопоставить эту поэму съ русскими сказками и между прочимъ съ лубочнымъ „Еруслановъ Лазаревичемъ"? Пушкинъ заимствовалъ не только имя главнаго героя (имя Людмилы заимствовано имъ изъ стихотворенія Василія Пушкина „Людмила и Усладъ", имя Черномора—изъ „Ильи Муромца" Карамзина, имя Ратмира — изъ одного разсказа въ журналѣ „Соревнователь просвѣщенія", 1818 года), но и поле старой битвы, и богатырскую голову. Точно также совершенно произвольно сближеніе нѣкоторыхъ мѣстъ „Кавказскаго Плѣнника" и „Чайльдъ Гарольда" Байрона, „Братьевъ разбойниковъ" и „Корсара„, „Бахчисарайскаго фонтана" и „Гяура".

Сверхъ всего этого, г. Незеленовъ сдѣлалъ нѣсколько довольно крупныхъ промаховъ. Вліяніе на Пушкина Вольтера, оставившее слѣдъ только въ двухъ лицейскихъ стихотвореніяхъ „Стансы" и „Сонъ", имъ излишне преувеличено (стр. 11—13), а на вліяніе Парни и Батюшкова, сказавшееся въ цѣломъ рядѣ лицейскихъ стихотвореній и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ болѣе поздняго времени (напримѣръ, въ стихотв. „Прозерпина", 1824 года) и отразившееся даже на внѣшнемъ ихъ видѣ, напротивъ того, обращено имъ слишкомъ мало вниманія (стр. 14). О вліяніи на нашего поэта Андрея Шенье и Руссо у г. Незеленова совсѣмъ не упомянуто; но первому изъ этихъ писателей несомнѣнно обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ антологическія пьесы Пушкина („Нереида", „Дорида", „Доридѣ" и пр.), которыя авторъ считаетъ написанными подъ вліяніемъ „остатковъ древняго греческаго искусства въ Крыму"

(стр. 65), и изъ которыхъ одно—„Доридѣ“ въ собраніи сочиненій Пушкина (изд. 1881 года) прямо названо подражаніемъ А. Шенье. Что касается „краснорѣчиваго сумасброда“ Руссо, то его вліяніе чувствуется, и весьма легко, въ „Цыганахъ“. Здѣсь, сопоставляя дикаго старика-цыгана съ сыномъ цивилизаціи Алеко, Пушкинъ рѣшаетъ вопросъ о достоинствѣ цивилизаціи согласно съ Руссо, т. е. не въ пользу ея; то же онъ дѣлаетъ, влагая въ уста Алеко стихи въ родѣ слѣдующихъ:

„.. Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье,
Или блистательный позоръ!“

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о словѣ „русскій“, словѣ, которое г. Незеленовъ, вслѣдъ за нѣкоторыми другими нашими писателями, нерѣдко употребляетъ всуе. Авторъ находитъ, что Пушкинъ въ „Братьяхъ разбойникахъ“ идеализируетъ разбой и убійство и такимъ образомъ доходитъ до крайности, и объясняетъ это тѣмъ, что у Пушкина была „русская душа“ (стр. 103); говоря о „Борисѣ Годуновѣ“, онъ замѣчаетъ, что главный герой этой драмы—„русскій человѣкъ“, и что именно поэтому онъ сдержанъ и спокоенъ (стр. 224). Причемъ тутъ „русскій“? Развѣ, напримѣръ, англичанинъ не можетъ доходить до крайностей, не можетъ быть сдержаннымъ и спокойнымъ?

А. С—кій.

Боярская Дума древней Руси. В. Ключевскаго. Москва. 1882 г.

Если бы изслѣдованіе г. Ключевскаго и не имѣло особенныхъ достоинствъ, то и въ такомъ случаѣ оно не могло бы пройти незамѣченнымъ, ибо вопросъ, разсматриваемый авторомъ, помимо его важности въ нашей исторіи, сколько намъ извѣстно, ни разу не былъ поднятъ въ нашей ученой исторической литературѣ, а именно вопросъ о значеніи боярства въ русской жизни, его задачахъ, стремленіяхъ, средствахъ, которыми оно пользовалось для достиженія упомянутыхъ задачъ и цѣлей. Но, принявъ въ соображеніе выходящія изъ ряда достоинства труда г. Ключевскаго, основаннаго на такихъ историческихъ данныхъ, которыхъ до сей поры не знала наша историческая наука; принявъ въ соображеніе непобѣдимую логику доказательствъ, проходящую чрезъ всю книгу, отъ первой до послѣдней страницы, новые факты, бросающіе яркій свѣтъ на многія событія русской исторіи, мы тѣмъ болѣе считаемъ долгомъ познакомить читателей „Историческаго Вѣстника“ съ содержаніемъ замѣчательнаго изслѣдованія г. Ключевскаго.

„Исторія нашихъ общественныхъ классовъ, говоритъ авторъ, представляетъ немало поучительнаго въ научномъ отношеніи. Въ ходѣ ихъвозникно-

венія и развитія, въ процессѣ опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, мы видимъ дѣйствіе условій, похожихъ на тѣ, какими создавались общественные классы въ другихъ странахъ Европы; но эти условія у насъ являются въ другихъ сочетаніяхъ, дѣйствуютъ при другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, и потому созидаемое ими общество получаетъ своеобразный складъ и новыя формы". „Въ исторіи общественнаго класса, продолжаетъ г. Ключевскій, различаются два главные момента, изъ которыхъ одинъ можно назвать экономическимъ, другой политическимъ".

Стѣсненные объемомъ нашей статьи, мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на толкованіяхъ и объясненіяхъ автора относительно упомянутыхъ моментовъ, а укажемъ только, что, по мнѣнію его, вопросъ о господствѣ того или другого процесса можно выразить въ такой формѣ: какой изъ двухъ моментовъ, экономическіи или политическій, предшествовалъ другому въ образованіи нашихъ общественныхъ классовъ и всегда ли одинъ и тотъ же изъ нихъ шелъ впереди другаго?

Г. Ключевскій приходитъ къ заключенію, что въ исторіи нашего общества, повидимому, господствуютъ смѣшанные процессы. При кіевскомъ князѣ въ концѣ X вѣка, мы встрѣчаемъ правительственный классъ или кругъ людей, которые служатъ ближайшими правительственными сотрудниками князя. Эти люди называются то боярами, то дружиной князя и составляютъ его обычный совѣтъ, съ которымъ онъ думаетъ о ратныхъ дѣлахъ, объ устроеніи земли. Со времени принятія христіанства подлѣ князя являются новые совѣтники—епископы. Равнымъ образомъ совѣтниками князя являются и старцы градскіе, когда возникаетъ вопросъ, выходящій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія. Вотъ первоначальные элементы будущей Боярской Думы.

Совѣтники князя прежде всего—воины. Города—центры торговые и укрѣпленные. Правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговыя дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составился изъ двухъ элементовъ, изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Сначала вся власть въ городахъ и ихъ областяхъ находится въ рукахъ городской старшины; но въ X вѣкѣ этотъ правительственный классъ долженъ былъ дѣлиться властью съ соперникомъ, созданію котораго самъ всего болѣе содѣйствовалъ. Это былъ князь съ своей дружиной, выдѣлившійся изъ той же военно-торговой аристократіи большихъ городовъ.

Съ XI вѣка правительственный совѣтъ при князѣ кіевской Руси является односословнымъ боярскимъ. Если требуютъ обстоятельства, то князь и дружина являлись на вѣче, чтобы сообща обсудить дѣло и уговориться. Дума и вѣче представляли не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія.

Общественное мнѣніе тогдашней Руси давало большую политическую цѣну боярскому совѣту и считало его необходимымъ условіемъ хорошаго княжескаго управленія. Дружина дѣлилась на старшую или большую и младшую. Члены первой были постоянными совѣтниками князя и назывались „мужами, боярами". Въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ галицкихъ, встрѣчаемъ людей неслужилаго происхожденія не только изъ духовнаго званія, но и отъ племени смердья, по выраженію лѣтописца. Правительственный составъ Думы (перваго времени) доступенъ изученію не болѣе со-

ціальнаго. Трудно сказать, каково было административное положеніе членовъ Думы, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кіевской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII вѣковъ встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ: то были: тысяцкій съ сотскими, командовавшій полкомъ стольнаго города, дворскій или дворецкій, печатникъ, стольникъ, меченоша, мечники, конюшій и друг.

Въ дѣятельности боярскаго совѣта, какъ изображаетъ ее лѣтопись XII вѣка, мало порядка, совсѣмъ незамѣтно канцелярскихъ формальностей, зато много шума, говора, движенія. Если вѣрить лѣтописи, то можно почувствовать, какъ откровенно любили высказываться князья и ихъ бояре, какъ они привыкали къ устному слову и гласному обсужденію дѣлъ, какіе были охотники и мастера говорить. Съ половины XII вѣка въ служиломъ классѣ замѣтны признаки большей осѣдлости. Боярское землевладѣніе дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, боярство становится менѣе бродячимъ, вмѣстѣ сь чѣмъ и Дума болѣе и болѣе приближается къ постоянному учрежденію. Если обычай совѣщаться съ боярами не могъ считаться правомъ послѣднихъ, то нарушеніе его создавало важныя неудобства для обѣихъ сторонъ. Общество не довѣряло князю, который дѣйствовалъ безъ соглашенія съ боярами, не думая съ ними; князь могъ задумать дѣло, которому они не могли или не хотѣли содѣйствовать. Значитъ совѣщаніе съ боярами было не политическимъ правомъ бояръ или обязанностью князя, а практическимъ удобствомъ для обѣихъ сторонъ, не условіемъ взаимнаго договора, а средствомъ его исполненія. Обязательность, прибавляетъ г. Ключевскій,—понятіе изъ области права, а необходимость—простой фактъ. Гдѣ дѣйствуетъ постоянное обязательное право, тамъ не остается мѣста для личнаго уговора; совѣщаніе князя съ боярами было возобновленіемъ ихъ личнаго уговора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, практическимъ приложеніемъ его къ обстоятельствамъ минуты.

Исторія боярства на сѣверѣ Россіи, по мнѣнію автора, представляетъ иныя явленія, чѣмъ на югѣ: военный сторожъ и подвижной вотчичъ всей русской земли, князь съ XIII вѣка становится на сѣверѣ сельскимъ хозяиномъ вотчинникомъ своего удѣла.

Князь не правилъ своимъ княжествомъ, а эксплуатировалъ его. Онъ считалъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями. Люди, свободныя лица, юридически не входили въ составъ этой собственности. Свободный человѣкъ приходилъ, работалъ и уходилъ, былъ экономической случайностью въ княжествѣ. Князь не видѣлъ въ немъ подданнаго въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Этихъ политическихъ понятій тогда не существовало, не существоволо и отношеній изъ нихъ вытекающихъ. Словомъ „государь" выражалалась тогда личная власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, какъ холопомъ, и удѣльный князь, подобно всякому землевладѣльцу, считалъ себя государемъ только для своей челяди.

Князь, садившійся въ своемъ удѣлѣ, вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю въ своемъ удѣлѣ уступалъ владѣльцу, который былъ нуженъ ему для службы, или монастырю, который былъ нуженъ ему для молитвы, и свои государственныя права въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, превращая его такимъ образомъ въ свое административное орудіе.

Общество удѣльнаго княжества на сѣверѣ становится болѣе сельскимъ, чѣмъ оно было прежде на югѣ. Далѣе г. Ключевскій доказываетъ, что согласно съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя на сѣверѣ и удѣльное управленіе было довольно точною копіей устройства древне-русской боярской вотчины. Дѣйствительно, названіе лицъ, управлявшихъ тою или другою частью хозяйства въ боярскомъ домѣ совпадаютъ съ названіями тѣхъ же лицъ, управлявшихъ хозяйствомъ князя. Боярская Дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ, введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ.

Путными назывались всѣ дворцовые чиновники, высшіе и низшіе, получившіе за службу дворцовыя земли и доходы въ путь или кормленіе (Въ древне-русскихъ памятникахъ „путемъ“ называлось все, что давало доходъ, чѣмъ доходили до извѣстной прибыли, пользы; отсюда „путный“ въ смыслѣ полезнаго, годнаго, дѣльнаго; отсюда и выраженіе „въ немъ пути не будетъ“). Бояринъ введенный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ. Но какъ большой бояринъ онъ возвышался надъ простыми путниками, которые не были главными управителями отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго хозяйства. Занятые постоянно текущими дѣлами дворцоваго управленія, бояре введенные и путные съ своими людьми не могли отрываться отъ своихъ должностей для несенія поземельной повинности „городной осады“, и потому князья въ своихъ договорахъ освобождали ихъ отъ этой обязанности.

Разсмотрѣвъ многіе акты, авторъ приходитъ къ заключенію, что боярскій совѣтъ при князѣ удѣльнаго времени не имѣлъ постояннаго состава. Совѣтниками князя были всѣ его бояре введенные (вѣроятно, отъ глагола вводить, т. е. человѣкъ, котораго князь ввелъ въ свой домъ, хозяйство). Мѣстная нижегородская грамота XIV вѣка упоминаетъ, въ числѣ совѣтниковъ Думы, и тысяцкаго княжеской столицы. Боярская Дума этого времени не была законодательнымъ или совѣщальнымъ собраніемъ государственныхъ совѣтниковъ. Званіе боярина еще не получило такого спеціальнаго правительственнаго значенія. Онъ былъ просто старшимъ служилымъ человѣкомъ князя и удовлетворялъ различнымъ потребностямъ княжескаго управленія. Онъ водилъ полки своего князя въ походы, былъ въ тоже время бояриномъ введеннымъ, т. е. занималъ какую-нибудь должность по центральному дворцовому управленію; онъ же служилъ орудіемъ областной администраціи, получалъ какой-либо городъ въ кратковременное кормленіе за свою службу. Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель. Онъ свободно переходилъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собственности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ. Онъ былъ совѣтникомъ князя, потому что былъ его слугой, а не потому, что имѣлъ вотчину въ предѣлахъ его владѣній, хотя часто становился вотчинникомъ въ княжествѣ потому, что служилъ его князю.

Московская боярская Дума уже въ XV вѣкѣ, съ образованіемъ въ Москвѣ болѣе плотнаго боярства, становилась дворцовымъ совѣтомъ по недворцовымъ дѣламъ.

Московское боярство XIV и XV вѣковъ представляетъ новое явленіе: въ Думѣ съ княземъ бояринъ былъ нуженъ послѣднему не столько какъ прикащикъ, завѣдующій извѣстною частью дворцонаго хозяйства или какъ пріѣзжій вольный наемникъ, котораго надобно было связать словомъ въ

пользу извѣстнаго предпріятія; здѣсь онъ былъ важенъ для князя больше какъ хранитель мѣстной политической пошлины, какъ старый и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его вотчинѣ, связанный съ ними одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое вліяніе, съ какимъ является московское боярство при своемъ князѣ въ событіяхъ XIV и XV вѣковъ. Князь того времени едва ли могъ еще сказать своимъ боярамъ, что говорилъ потомъ отецъ Грознаго своимъ: „мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре". Но московскій князь XIV вѣка говорилъ имъ: „вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей". Современникъ біографъ, вложившій эти слова въ уста умирающаго великаго князя Дмитрія Донского, заставляетъ его сказать своимъ дѣтямъ: „бояръ своихъ любите, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте".

Придя путемъ ясныхъ историческихъ доказательствъ къ выводу, что борьба между князьями за столы, старшинство или очередь, смѣнилась борьбою за землю, за рабочія тяглыя руки, авторъ говоритъ: „поэтому не было случайностью и свойство историческихъ памятниковъ удѣльнаго времени, по которымъ мы узнаемъ дѣятельность Боярской Думы не съ той стороны, съ какой изображаетъ ее древняя лѣтопись. Думу XI и XII вѣковъ мы встрѣчаемъ преимущественно въ лѣтописномъ разсказѣ о важныхъ, торжественныхъ минутахъ, когда для князя рѣшался вопросъ власти, чести, даже иногда жизни, а дѣятельность удѣльной Думы открывается преимущественно изъ мелкихъ ежедневныхъ случаевъ управленія, по актамъ поземельнымъ, жалованнымъ, купчимъ, межевымъ" и т. д.

Къ концу разсматриваемаго нами періода бояре могли обозначить перемѣну, съ ними совершившуюся, слѣдующими словами: „теперь уйти стало некуда, такъ надобно подумать, какъ намъ сидѣть съ своимъ государемъ". Благодаря такой перемѣнѣ, московская Боярская Дума вынесла изъ удѣльнаго времени двѣ задачи, важныя для дальнѣйшей судьбы представляемаго ею класса: она должна была строить объединявшуюся землю вмѣстѣ съ государемъ и устроить отношенія своего класса къ этому государю.

Пропуская главу, въ которой доказывается, что въ Новгородѣ и Псковѣ, съ XIII—XIV вѣка, Боярская Дума при князѣ, превратилась въ исполнительный и распорядительный совѣтъ выборныхъ городскихъ старшинъ при вѣчѣ, какъ равнымъ образомъ и главы о томъ, что изъ разсѣянныхъ по удѣламъ князей и ихъ слугъ XV вѣка, вслѣдствіе московскаго собиранія Руси, складывается въ Москвѣ правительственная аристократія и о томъ, что въ составѣ московской боярской думы XVI вѣка отразились довольно точно перемѣны въ составѣ московскаго боярства съ половины XVI вѣка и наконецъ, о томъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ московская боярская дума стала оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ въ московскомъ боярствѣ при его новомъ составѣ, пропуская въ высшей степени логичныя и вѣскія доказательства, приводимыя г. Ключевскимъ, перейдемъ къ тому фазису развитія Боярской Думы, когда въ нее проникли новые элементы: въ описаніи боярской думы при князѣ удѣльнаго времени было замѣчено, что съ усложненіемъ администраціи въ московскомъ великомъ княжествѣ Боярская Дума постепенно превращалась въ совѣтъ дворцовыхъ управителей по дѣламъ, выходившимъ изъ круга дворцоваго хозяйства. Накопленіе такихъ дѣлъ вызывало съ теченіемъ времени сложную систему приказовъ, параллельныхъ дворцовымъ и вѣдавшихъ государственныя недворцовыя дѣла. Начальники этихъ приказовъ и явились въ Думу на смѣ-

ну прежнихъ дворцовыхъ бояръ введенныхъ. Съ тѣхъ поръ какъ они образовали главный элементъ въ правительственномъ составѣ думы, можно сказать, что она изъ государевой дворцовой Думы при князѣ удѣльнаго времени превратилась въ государственный совѣтъ при государѣ московскомъ и всей Руси. По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что такое превращеніе совершилось еще до XVI вѣка. Вмѣстѣ съ этой перемѣной въ правительственномъ устройствѣ московской Думы замѣчаемъ и другую. Въ удѣльное время всѣ совѣтники князя, управлявшіе разными отраслями дворцоваго хозяйства, носили одно общее названіе бояръ, различаясь только должностями. Теперь члены думы раздѣляются еще по чинамъ—на бояръ и окольничихъ. Новыми же потребностями администраціи были вызваны къ жизни думное дворянство и думное дьячество.

Въ удѣльное время, извѣстный правительственный актъ считался приговоромъ князя съ боярами, все равно, присутствовали ли при этомъ всѣ наличные совѣтники князя или только два-три боярина, которыхъ, по занимаемымъ ими дворцовымъ должностямъ, спеціально касалось дѣло. Теперь приговоромъ бояръ признавалось только постановленіе, состоявшееся въ обычномъ общемъ собраніи постоянной Боярской Думы. Отсюда въ памятникахъ XVI вѣка появляется выраженіе, получившее значеніе обычной правительственной формулы „со всѣхъ бояръ приговору“.

Въ продолженіе большей части XVI вѣка, говоритъ г. Ключевскій, боярство занимало выгодное положеніе въ государствѣ, но не видно, чтобъ оно чувствовало потребность оградить выгоды этого положенія рядомъ законовъ и учрежденій отъ случайностей, которыя предвидѣли его же литературные представители (князь Курбскій и друг.). Оно не пытается сдѣлать это даже тамъ, гдѣ, повидимому, стоило ступить лишь одинъ шагъ впередъ, чтобы закрѣпить выгодные факты обычными предосторожностями права. Съ особенной любовью бояре разработывали свое мѣстничество, которое имѣло для боярства особенную политическую цѣну, какъ средство охраны его служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ, и можно сказать, что во весь XVI в. это было единственное надежное и признанное средство. Но казалось бы, что бояре должны были дорожить имъ лишь на столько, насколько оно ограждало выгоду ихъ положенія, и что они будутъ развивать ту его сторону, которая дѣлала его такимъ охранительнымъ средствомъ. Случилось напротивъ: съ съ этой именно стороны въ немъ оставались существенные пробѣлы, хотя въ XVI вѣкѣ оно уже успѣло сложиться въ стройную, законченную систему отношеній служилыхъ лицъ и фамилій.

Доказывая очень наглядно и ясно существо мѣстничества, его значеніе въ жизни боярства, значеніе очень оригинальное и освѣщенное совершенно новымъ свѣтомъ, авторъ говоритъ, что пока родовитые бояре усчитывали другъ друга предками, занимались своей ариѳметикой прошедшаго (т. е. разсчитывали ступени родословной лѣстницы), изъ ихъ рукъ незамѣтно стала ускользать власть надъ настоящимъ. Извлеченіе нами сдѣланное изъ прекрасной книги г. Ключевскаго, кажется, вполнѣ характеризуетъ весь ходъ развитія, какъ боярства, такъ и Боярской Думы. Намъ остается только сожалѣть, что объемъ статьи лишаетъ насъ возможности дойти до конца въ развитіи идеи, положенной почтеннымъ авторомъ въ основаніе своего труда.

Въ заключеніе скажемъ только о зародившемся, съ теченіемъ времени, въ силу историческихъ обстоятельствъ, стремленіи бояръ ограничить царскую

власть, что въ книгѣ г. Ключевскаго изложено съ большимъ талантомъ и, конечно, какъ нельзя болѣе вѣрно исторически, насколько можно судить по представляемымъ имъ документамъ и фактамъ.

Политическое значеніе думы, въ періодъ времени отъ Василія Шуйскаго до царствованія Михаила, держалось не на правительственномъ только обычаѣ, но и на формальномъ договорѣ съ государемъ. Мысль объ этомъ договорѣ, незнакомая прежнимъ поколѣніямъ правительственнаго класса, возникала и развивалась постепенно подъ вліяніемъ историческихъ перемѣнъ (совершившихся по преимуществу въ періодъ смутнаго времени). Уже въ началѣ царствованія Шуйскаго нѣкоторые въ Москвѣ желали установить избирательную монархію, подобную польской.

Въ первые годы опричины (которая, кстати замѣтимъ, по мнѣнію г. Ключевскаго, по происхожденію своему была тѣсно связана съ ближней Думой, а послѣдняя составляла бесѣду, совѣщаніе царя съ самыми приближенными изъ бояръ, совѣщаніе, такъ сказать, въ началѣ домашнее и противополагавшееся большой Думѣ) худородные московскіе эмигранты упрекали знатное боярство, что у него Богъ за грѣхи, видно, умъ отнялъ, если оно съ такимъ терпѣніемъ отдаетъ себя въ жертву царской жестокости, не жалѣя своихъ женъ и дѣтей. Однако дальнѣйшія дѣйствія опричниковъ заставили бояръ взяться за умъ, подумать о себѣ и о своихъ семьяхъ, а опалы Годунова образумляли ихъ еще болѣе. Пресѣченіе династіи помогло найти средство обезпеченія личной безопасности. При отношеніяхъ, какія существовали между боярствомъ и старой династіею, странной показалась бы боярину мысль о формальномъ политическомъ контрактѣ съ государемъ. Но она была естественна, когда на престолъ вступилъ одинъ изъ своей же братіи бояръ Эта мысль, надобно думать, жила уже среди боярства при избраніи Годунова на престолъ: только ея присутствіе дѣлаетъ понятной комедію, устроенную тогда „лукавой лисой“, какъ называетъ лѣтописецъ Бориса. Вступленіе на престолъ перваго самозванца показываетъ, что именно прекращеніе прежней династіи было для большихъ бояръ ближайшимъ источникомъ мысли объ ограниченіи верховной власти. Годъ спустя, эти бояре обязали царя Василія Шуйскаго извѣстными условіями, а бродягу признали царемъ безъ условій, хотя многіе знали, что онъ не сынъ Грознаго. Но самозванецъ шелъ въ личинѣ царевича стараго царскаго рода, съ которымъ договариваться не доводось, не было въ обычаѣ. По грамотѣ, которою новый царь Василій (избранный въ цари партіею бояръ) извѣстилъ государство о своемъ избраніи, власть его ограничивалась одними боярами, т. е. Боярской Думой: „безъ нея, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“, онъ обязывался никого не предавать смерти, не отнимать имѣнія у семейства преступниковъ и ихъ родственниковъ, если они не участвовали въ преступленіи, не слушать доносовъ, но разслѣдовать дѣло, ставя обвиняемаго и обвинителя „съ очей на очи“, наказывать ложныхъ доносчиковъ! Вотъ всѣ политическія обезпеченія, выговоренныя первостепеннымъ боярствомъ. Они не шли далѣе личной и имущественной безопасности отъ произвола сверху и дѣлали Боярскую Думу единственнымъ оплотомъ этой безопасности; Дума становилась высшимъ судилищемъ по самымъ важнымъ преступленіямъ и преимущественно политическимъ. Остается неяснымъ, какое значеніе имѣлъ земскій соборъ по боярской конституціи Шуйскаго. Василій былъ выбранъ на престолъ не земскими людьми, а случайной толпой и правилъ безъ содѣйствія выборныхъ отъ земли. Разсмо-

трѣвъ упомянутый вопросъ съ разныхъ сторонъ по отношенію къ боярству, земству, г. Ключевскій заключаетъ такъ: „значитъ бояре и всякіе люди находили, что дѣлить власть съ земскимъ соборомъ царю не повелось, а дѣлить ее съ Боярской Думой повелось“.

Мы видѣли до какой степени боярство было мало развито политически; оно только чувствовало потребность оградить себя отъ повторенія грозившей именно этой безопасности полицейской диктатуры Грознаго, испытанной еще разъ въ царствованіе Годунова, но не понимало необходимости обезпечивать договоромъ свое общее участіе въ управленіи и безъ того освященное вѣковымъ обычаемъ. Иначе настроена была другая часть правительственнаго класса, состоявшая изъ довольно посредственной знати съ выслужившимися дѣльцами приказовъ, дьяками. Самымъ виднымъ человѣкомъ въ этомъ кругу былъ бояринъ М. Гл. Салтыковъ. За нимъ стоитъ цѣлый рядъ дьяковъ и торговый дѣтина Ѳ. Андроновъ.

Салтыковъ съ своими товарищами по Тушинскому лагерю рѣшился отъ имени московскаго государства предложить московскій престолъ сыну польскаго короля на извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, былъ заключенъ подъ Смоленскомъ договоръ, 4 февраля 1610 г., первый московскій опытъ построенія государственнаго порядка, основаннаго на формальномъ ограниченіи верховной власти.

Не приводя статей этого договора, замѣтимъ только, что между нимъ и договоромъ, заключеннымъ съ Василіемъ Шуйскимъ, огромная разница, и первый доказываетъ не малый шагъ впередъ въ развитіи политическихи идей его составителей, что, конечно, объясняется въ извѣстной степени польскимъ вліяніемъ. Г. Ключевскій замѣчаетъ: „притомъ трактатъ вырабатывался среди переговоровъ съ польскими панами и русскіе политики, незамѣтно для самихъ себя, подчинились дѣйствію политическихъ обычаевъ и формъ Рѣчи Посполитой“.

Замѣчательны заключительныя слова главы 19-й книги г. Ключевскаго. „Отмѣна мѣстничества въ 1682 г., говоритъ онъ, отмѣтила довольно точно историческій часъ смерти боярства, какъ правительственнаго класса и политическую отходную прочиталъ надъ нимъ, какъ и подобало по заведенному чину московской правительственной жизни, выслужившійся дьякъ. Въ 1687 г. Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, увѣряя, что препятствій не будетъ. „А патріархи и бояре?“ возразили стрѣльцы. „Патріарха смѣнить можно“, отвѣчалъ Шакловитый,—„а бояре—что такое бояре? Это зяблое, упавшее дерево“.

И. В—ъ.

Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Вл. Зотова. Спб. 1877—1882 г.

Недавно окончилось печатаніе обширнаго сочиненія, начатаго пять лѣтъ тому назадъ, составившаго четыре объемистые тома мелкой, компактной печати и несомнѣнно стоившаго значительнаго труда его автору. Мы говоримъ объ „Исторіи всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ“ Вл. Зотова.

Къ удивленію, мы до сихъ поръ не встрѣчали въ печати ни одного отзыва объ этомъ сочиненіи, а между тѣмъ оно вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы публика обратила на него вниманіе. Эти четыре тома представляютъ, по возможности, полную картину всего, что̀ создали, въ области слова, мысль и творческая фантазія. Нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго литературнаго имени или произведенія, какихъ бы ни было эпохъ и у какого бы ни было народа, о которомъ не оказалось бы отзыва въ этой исторіи. Весьма подробныя оглавленія каждаго тома представляютъ указатель всѣхъ замѣчательныхъ авторовъ и сочиненій, отдѣльно по каждой націи. Цѣль и направленіе „Исторіи всемірной литературы" видны изъ слѣдующихъ строкъ, которыми заканчивается предисловіе къ послѣднему IV тому: „Слѣдя за развитіемъ литературныхъ идей у разныхъ народовъ, любопытно видѣть, какъ одни и тѣ же образы и созданія проходили длинный рядъ вѣковъ, націй и поколѣній, видоизмѣняясь сообразно съ особенностями каждаго вѣка и племени, но оставаясь вѣрными своему первоначальному типу. Во всѣ времена, въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей, литература была выраженіемъ общественныхъ стремленій, надеждъ, идеаловъ. Много свѣтлыхъ идей и здравыхъ убѣжденій выносишь изъ знакомства съ представителями мысли и слова, но важнѣе всего та увѣренность, какую даетъ намъ „Исторія всемірной литературы", что никакія гоненія, никакія ухищренія, не могутъ убить честную мысль и правдивое слово, что всѣ преслѣдованія, всѣ усилія властей и цензуры, не въ состояніи измѣнить направленія идей, вошедшихъ въ сознаніе общества и выражающихся въ произведеніяхъ литературы. Можно только на время положить искусственныя преграды потоку общественныхъ идей, но рано или поздно онъ прорветъ всѣ плотины и разольется тѣмъ неукротимѣе, чѣмъ они были выше. Изъ всѣхъ видовъ свободы—свобода слова устнаго и печатнаго всего дороже для человѣка, и для нея онъ готовъ жертвовать всѣми другими благами міра. А что вездѣ эта свобода беретъ верхъ надъ всѣми препятствіями, побѣждаетъ всѣхъ своихъ враговъ—это доказываетъ „Исторія всемірной литературы".

Въ такомъ громадномъ трудѣ, и притомъ исполненномъ силами одного человѣка, естественно найдутся недостатки и недосмотры, но онъ всетаки является пока единственнымъ, законченнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ по исторіи всеобщей литературы на русскомъ языкѣ, а уже это одно составляетъ немаловажную заслугу.

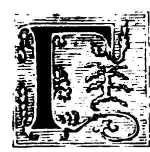
С. П.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Форменная прическа въ царствованіе императора Николая I.

„Приказъ начальника главнаго морскаго штаба его императорскаго величества.

„Въ С.-Петербургѣ, ноября 29 дня 1837 года, № 447.



ОСУДАРЬ императоръ изволилъ замѣтить, что нѣкоторые изъ гг. военнослужащихъ дозволяютъ себѣ имѣть на головѣ весьма длинные волосы, и причесываютъ ихъ или даже завиваютъ, подражая всѣмъ прихотямъ новыхъ, странныхъ обычаевъ, нерѣдко изъ-за границы къ намъ достигающихъ.

„Его императорское величество, находя неприличнымъ допускать это въ войскахъ, высочайше повелѣть соизволилъ, вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ гг. воинскимъ начальникамъ строго наблюдать: дабы ни у кого изъ подчиненныхъ ихъ небыло никакой прихотливости въ прическѣ волосъ, чтобы вообще волосы были стрижены единообразно, и непремѣнно такъ, чтобы спереди на лбу и на вискахъ были не длиннѣе вершка, а округъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены съ-права на-лѣво.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество изволилъ повелѣть недопускать никакихъ странностей и въ усахъ и въ бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усами, то также не ниже рта, выбривая ихъ на щекахъ противъ онаго.

„О таковой монаршей волѣ объявляется по морскому вѣдомству къ точному и непремѣнному исполненію.

Подписалъ: за отсутствіемъ начальника главнаго морскаго штаба,

генералъ-адъютантъ Колзаковъ.

Сообщено Я. Н. Бутковскимъ.

Неизданное стихотвореніе Д. В. Давыдова [1]).

„О! кто, скажи ты мнѣ, кто ты,
Владычица моей страдальческой мечты?
Скажи мнѣ, кто-же ты?—Мой ангелъ-ли хранитель,
Иль злобный геній—разрушитель
Всѣхъ радостей моихъ?—не знаю—но я твой!
Ты смяла на главѣ вѣнокъ мой боевой,
Ты изъ души моей изгнала жажду славы
И грезы гордыя и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбилъ войну;
Я въ мысляхъ, я въ душѣ храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Какъ свѣтъ очамъ моимъ, какъ воздухъ для дыханья.
Ахъ! чтобъ безъ ропота, безъ ужаса терпѣть
Разгнѣванной судьбы и грозы, и волненья,
Мнѣ нужно на тебя глядѣть, всегда глядѣть,
Глядѣть безъ устали, какъ на звѣзду спасенья.
Уходишь ты—и за тобою вслѣдъ
Стремится мысль, душа несется
И стынетъ кровь и жизни нѣтъ!..
Но только-что во мнѣ твой шорохъ отзовется,
Я жизни чувствую приливъ, я вижу свѣтъ
И возвращается душа и сердце бьется!"

Сообщено **М. И. Пыляевымъ.**

Предсмертное завѣщаніе русскаго атеиста.

Приводимъ одинъ документъ, который служитъ образцомъ взгляда „екатерининскихъ либераловъ" на православіе и вообще на христіанскую религію.

Это—предсмертная исповѣдь ярославскаго дворянина Ивана Михайловича Опочинина. Драма, которую разыгралъ самъ надъ собою несчастный самоубійца, случилась уже такъ давно, что не должна смущать ни религіозное чувство, на фамильную щекотливость отдаленныхъ потомковъ Опочинина.

Происшествіе, о которомъ мы говоримъ, случилось въ 1793 году, слѣдовательно въ самый разгаръ великой французской революціи. Идеи ея отозвались въ умѣ нѣкоторыхъ русскихъ дворянъ, жившихъ на берегахъ Волги, въ своеобразныхъ оттѣнкахъ. Тогдашній либералъ—крѣпостникъ презиралъ и самого себя, какъ раба, и духовенство, какъ представителя христіанской религіи, хотя онъ былъ самъ не безгрѣшенъ въ нравственномъ и матеріальномъ порабощеніи сельскихъ поповъ, дьяконовъ, пономарей и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, екатерининскій „свободомыслящій" либералъ прибѣгалъ (какъ Опочининъ) къ единственной своей „отрадѣ", т. е. къ чтенію „любезныхъ" книгъ.

---

[1]) Стихотвореніе это списано изъ альбома г-жи Мацневой, рожденной Е. Д. Золотаревой, которой партизанъ-поэтъ посвятилъ не мало лучшихъ своихъ стихотвореній.

Но онѣ его не удовлетворяли. Возникалъ въ головѣ господъ Опочининыхъ жгучій вопросъ: зачѣмъ жить въ рабской, или (какъ выражается текстъ предлагаемаго документа) „въ здѣшней сторонѣ?"—Роковой и жгучій вопросъ разрѣшался смертельнымъ выстрѣломъ, которому предшествовало завѣщаніе.

„Моя покорнѣйшая просьба—кто въ сей домъ пожалуетъ: умирающій человѣкъ въ полномъ спокойствіи своего духа проситъ покорно, ежели кто благоволитъ пожаловать къ нему, дабы не произошли напрасныя на кого нибудь подозрѣнія и замѣшательства, прочесть нижеслѣдующее:

„Смерть есть ни иное что, какъ прехожденіе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе.

„Мой умъ довольно постигаетъ, что человѣкъ имѣетъ существованіе движеніемъ натуры, его животворящей; и сколь скоро рессоры въ немъ откажутся отъ своего дѣйствія, то онъ, вѣрно, обращается въ ничто. Послѣ смерти нѣтъ ничего!

„Сей справедливый и соотвѣтствующій наивѣрнѣйшему правилу резонъ,—сообщая съ онымъ и мое прискорбіе въ разсужденіи краткой и столь превратной нашей жизни, заставилъ меня взять пистолетъ въ руки. Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существованіе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ своевольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоропостижно; а напослѣдокъ самое отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу.

„О! Если бы всѣ несчастные имѣли смѣлость пользоваться здравымъ разсудкомъ, имѣя въ презрѣніи протчее суевѣріе, ослѣпляющее почти всѣхъ слабоумныхъ людей до крайности, и представляли бы свою смерть какъ надлежитъ въ истинномъ ея образѣ,—они бы вѣрно усмотрѣли, что столь же легко отказаться отъ жизни, какъ напримѣръ, перемѣнить платье, цвѣтъ котораго перестал нравиться.

„Я точно нахожусь въ такомъ положеніи. Мнѣ наскучило быть въ общественномъ представленіи: занавѣса для меня закрылась. Я оставляю играть роли на нѣсколько времени тѣмъ, которые имѣютъ еще такую слабость.

„Нѣсколько частицъ пороху чрезъ малое время истребятъ сію движущуюся машину, которую самолюбивые и суевѣрные мои современники называютъ безсмертною душою!

„Господа нижніе земскіе судьи! Я оставляю вашей командѣ мое тѣло. Я его столько презираю... Будьте въ томъ увѣрены.

„Теперь остается мнѣ покорно просить моего брата Алексѣя Михайловича, также и прочихъ малолѣтнихъ моихъ братьевъ, чтобы они сдѣлали для меня послѣднюю милость:

„Тита Максимова съ семьею, также и Андрея Алексѣева съ семьею же, за ихъ ко мнѣ вѣрную и усердную службу отпустить на волю.

„Весь хлѣбъ мнѣ принадлежащій, который находится у меня въ амбарахъ, прошу покорно раздать его весь моимъ мужикамъ ершевскимъ, да прежде бывшимъ моимъ же крестьянамъ деревни Глишкова и Нефедкова—по равнымъ частямъ.

„Книги! Мои любезныя книги! Не знаю, кому оставить ихъ? Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны... Прошу покорно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню.

„Онѣ были первое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей

жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ, еслибы не онѣ, моя жизнь была бы въ безпрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ.

„Вотъ я какой спокойный духъ имѣю, что я нѣкоторые стихи сочинилъ (sic!) съ французскаго діалекта при своемъ послѣднемъ концѣ:

„О, Боже, котораго мы не знаемъ!
О, Боже, котораго всѣ твари возвѣщаютъ!
Услыши послѣднія вѣщанія, кои уста мои произносятъ.
Если тогда я обманулся, то въ изслѣдованіи твоего закона.

Безъ всякаго смущенія взираю я на смерть, предстоящую предъ моими очами...“ и т. д. [1]).

„Любезный братъ Алексѣй Михайловичъ! Ты обо мнѣ не безпокойся: мнѣ давно была моя жизнь въ тягость. Я давно желалъ имѣть предѣлъ злого моего рока. Я никогда не имѣлъ ни самолюбія, ни пустой надежды въ будущее, ниже какого суевѣрія. Я не былъ изъ числа тѣхъ заблужденныхъ людей- которые намѣрены жить вѣчно на другомъ небываломъ свѣтѣ. Пускай они заблуждаются и о невозможномъ думаютъ: сія у нихъ только и есть одна пустая надежда и утѣшеніе. Всякій человѣкъ больше склоненъ къ чрезвычайности, нежели къ истинѣ. Я всегда смотрѣлъ съ презрѣніемъ на наши глупыя обыкновенія: прошу покорно, братецъ, въ церквахъ меня отнюдь не поминать!“

„Вѣрный слуга и братъ твой Иванъ Опочининъ“.

Приписка другой рукой: „Застрѣлился 1793 года, генваря 7-го дня, въ 7-мъ часу пополудни“.

Страшнымъ холодомъ и спокойствіемъ могилы вѣетъ отъ предсмертной исповѣди Опочинина, который, разумѣется, не представлялъ собою исключительнаго, единичнаго явленія въ средѣ нашего дворянства екатерининской эпохи: вѣдь не производила же она, въ русскихъ помѣщичьихъ усадьбахъ, только Митрофанушекъ Простаковыхъ. Нѣтъ, она производила и Гамлетовъ— Опочининыхъ. Сіи Гамлеты „въ россійскомъ вкусѣ“ приходили тоже къ убѣжденію: „какой злодѣй, какой я рабъ презрѣнный!“ [2]) Въ дѣйствительности же они чуждались рабства и ужъ во всякомъ случаѣ не были злодѣями.

Исполнилась ли въ точности воля несчастнаго самоубійцы, русскаго „вольнодумца“, который, за нѣсколько минутъ до своей кончины, переводилъ стихотвореніе Вольтера, мы не знаемъ, т. е. документы наши не говорятъ, отпущены ли были на волю его слуги, выданъ ли былъ крестьянамъ его хлѣбъ и, наконецъ, сожжена ли его библіотека или она поступила, какъ наслѣдство, въ родъ Опочининыхъ.

Замѣтимъ, что одинъ изъ послѣднихъ представителей этого почтеннаго рода, мышкинскій уѣздный предводитель дворянства Ѳедоръ Константиновичъ Опочининъ, соединенный родствомъ съ домомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, скончался минувшимъ лѣтомъ отъ горловой чахотки и погребенъ въ своемъ мышкинскомъ родовомъ имѣніи. Покойный дѣлалъ важные вклады въ наши журналы, посвященные исторіи, доставляя имъ (преимущественно „Русской Старинѣ“) матеріалы изъ своей превосходной и обширной библіотеки, которая, какъ мы слышали, досталась старшей его племянницѣ, графинѣ Богарне. Какъ земскій дѣятель по народному образованію, онъ также заслужилъ добрую о себѣ память.

Сообщено Л. Н. Трефолевымъ.

---

[1]) Въ рукописи переведено все стихотвореніе. Л. Н.
[2]) „Гамлетъ“, ак. II, сц. 2-я, переводъ Кронеберга.

Къ матеріаламъ для исторіи отношеній между православіемъ и расколомъ въ прошлое царствованіе.

Покойный ключарь кишиневскаго каѳедральнаго собора, протоіерей Евгр. П. Понятовскій, поручилъ намъ для передачи въ Церковно-Археологическое Общество, при Кіевской духовной академіи, большую связку разныхъ бумагъ, доставшихся ему послѣ смерти кишиневскаго архіепископа Антонія Шокотова, въ 1871 году. Въ числѣ этихъ бумагъ оказалось много самыхъ драгоцѣнныхъ и еще неизвѣстныхъ матеріаловъ для исторіи раскола вообще и въ особенности—въ прошлое царствованіе. Мы исполнили порученіе протоіерея Понятовскаго, и вотъ, на основаніи переданныхъ нами въ Церковно-Археологическое Общество бумагъ архіепископа Антонія, секретарь этого Общества, профессоръ Кіевской академіи Н. И. Петровъ, уже написалъ интересные очерки по исторіи раскола и помѣстилъ ихъ отчасти въ кіевскомъ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“, прошлаго года (Расколъ въ царствованіе императора Николая I-го), а отчасти въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1882 года (Отношеніе къ расколу московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго). Но передавая въ Церковно-Археологическое Общество бумаги архіепископа Антонія Шокотова, мы нѣкоторые изъ бывшихъ между ними документовъ по исторіи раскола, показавшіеся намъ особенно интересными, списали для себя, и вотъ теперь предлагаемъ ихъ вниманію читателей „Историческаго Вѣстника“. Этихъ документовъ три: a) Письмо Филарета, митрополита московскаго, къ Никанору, митрополиту с.-петербургскому; b) Письмо митрополита Никанора къ митрополиту Филарету и c) Письмо митрополита с.-петербургскаго Григорія къ оберъ-прокурору св. синода графу А. П. Толстому. Письма Филарета и Григорія имѣютъ, по нашему мнѣнію большую важность какъ для характеристики ихъ отношеній къ расколу, такъ и вообще для біографіи этихъ архипастырей, замѣчательныхъ въ исторіи русской церкви. Читатели „Историческаго Вѣстника“ оцѣнятъ интересъ предлагаемыхъ нами документовъ въ виду возникшихъ было, и въ послѣднее время горячихъ, толковъ по вопросу о судьбахъ раскола, вновь вызванному неусыпными и въ извѣстные историческіе моменты особенно настойчивыми желаніями раскольниковъ — этихъ отвергнутыхъ сыновъ русскаго государства и русской церкви, отвергнутыхъ и потому пылающихъ злобой и ищущихъ не столько примиренія, сколько отмщенія... И этой злобой своей они дышутъ не столько противъ государства, сколько противъ церкви. Государство они надѣялись бы смягчить, не будь имъ стойкаго отпора со стороны представителей церкви. Въ этой стойкости нынѣшніе представители церкви преемственны съ тѣми, письма которыхъ мы теперь сообщаемъ. Но для того, чтобы сколько нибудь внести миръ въ среду раскольниковъ, въ эти озлобленныя души, и положить надежду на смягченіе ихъ сердецъ и на зарожденіе въ нихъ жажды примиренія, вмѣсто страсти отмщенія, недостаточно однихъ мѣръ отрицанія и отпора. Возможенъ и умѣстенъ со стороны церкви, имѣющей въ своемъ основаніи не гордаго папу, а Христа-человѣколюбца, возможенъ и положительный актъ милосердія и снисходительности къ раскольникамъ, подобный когда-то изшедшему отъ нея — учрежденію единовѣрія. Какъ этотъ послѣдній умягчилъ ожесточенныя сердца и принесъ церкви пользу въ пріобрѣтеніи цѣлыхъ тысячъ заблудшихъ овецъ, такъ и новый актъ такого же мило-

сердія, готоваго быть всѣмъ вся, да всяко нѣкія пріобрѣсти и спасти, актъ, соображенный съ современными потребностями и отношеніями, несомнѣнно возъимѣетъ самыя благотворныя послѣдствія... Не уступка нужна, а именно милосердіе и прощеніе. Милосердіе къ врагу, къ заблудшему, не есть уступка, а напротивъ — побѣда любви... Но быть можетъ еще не приспѣло время и милосердію... Духъ Божій, живущій и дѣйствующій въ св. церкви, внушаетъ пастырямъ ея сообразныя съ временами и лѣтами церковныя мѣры. Будемъ терпѣть и чаять откровенія въ церкви не только духа карающей и отвергающей правды, но и духа прощающей и привлекающей любви... Во всякомъ случаѣ церковь не терпитъ измѣняемости, если живущій въ ней духъ Божій въ извѣстное время обнаруживаетъ въ ней одни свои свойства, а въ другое иныя... Неизмѣняемость церкви гарантируется не тѣмъ, что она уже не переворшаетъ разъ сдѣланныхъ ею рѣшеній, а тѣмъ, что она никогда не измѣняетъ святости въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководятъ ею въ постановленіи такихъ или иныхъ рѣшеній. На рѣшенія церкви имѣютъ вліяніе времена и лѣта, такое или иное состояніе людей; въ этомъ случаѣ церковь имѣетъ свою экономію..., а святость ея побужденій и задачъ выше всѣхъ временныхъ соображеній и никогда неизмѣняется. А отвратить грѣшника отъ заблужденія пути его — какая святая задача? И если нельзя этого достигнуть страхомъ и отверженіемъ, то не справедливо ли будетъ испробовать средства ласки и любви?..

I.

Письмо Филарета, митрополита московскаго, къ Никанору, митрополиту с.-петербургскому.

Секретно.

„Высоко-преосвященнѣйшій владыко,

„Милостивѣйшій архипастырь!

„Духовнаго регламента о дѣлахъ епископовъ статья 4-я велитъ епископу въ трудномъ случаѣ и недоумѣніи писать къ ближайшему епископу или къ иному искусному. Лучшимъ и полезнѣйшимъ образомъ сіе исполняемо было въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіи чрезъ довѣренныя сношенія епископовъ съ вашими предшественниками. Съ благодарностію долженъ я вспомнить, что и я самъ пользовался до послѣднихъ болѣзненныхъ лѣтъ блаженныя памяти владыки Серафима. Послѣ него не находилъ я для сего удобства по причинамъ, отъ меня не зависѣвшимъ. Позвольте мнѣ возобновить сіе.

„Московскіе расколоводители присмирѣли было: и чрезъ то открывалось желающимъ удобство присоединяться къ православію или единовѣрію. Но въ прошедшемъ году, со дня присяги, начали болѣе и болѣе тяготѣть надъ раскольническимъ простонародьемъ, то неблагонамѣренными разглашеніями, то дѣйствіями, которыми стараются выказать свою возрастающую силу.

„Заботою о семъ побуждаюсь—списокъ съ доношенія моего св. синоду, отъ 16-го сего февраля, препроводить при семъ къ вашему высокопреосвященству, полагая, что вы можете имѣть такія свѣдѣнія и соображенія, изъ которыхъ могъ бы родиться полезный мнѣ отъ васъ совѣтъ. Ваше собственное попеченіе о благѣ св. церкви будетъ предъ вами за меня предстательствовать.

„Смиренно прося святительскихъ молитвъ вашихъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства покорный слуга Филаретъ, митрополитъ московскій.

Февраля 18, 1856 г.

„Больной пишу, не могши участвовать въ нынѣшней соборной молитвѣ общей печали.

„Замѣтки рукою митрополита Никанора: „Получ. 21 февр. 1856 г. „Съ приложеніемъ записки отвѣтъ на сіе письмо послалъ преосв. митрополиту 6 марта“.

Тутъ же въ письмѣ и слѣдующая выписка, копію съ которой, вѣроятно, отослалъ митрополитъ Никаноръ митрополиту Филарету:

„Его императорскому величеству благоугодно было на всеподданнѣйшемъ докладѣ г. исправляющаго должность оберъ-прокурора св. синода въ 4 день марта собственноручно написать: „разсмотрѣть не медля въ секретномъ комитетѣ и принять неотложныя мѣры къ обузданію преступнаго своеволія раскольниковъ“, а на донесеніи митрополита московскаго, противъ словъ: „не получили ли они на сіе дозволенія отъ начальства“, его величество изволилъ отмѣтить собственноручно же: „отъ какого“?

II.

Письмо Никанора, митрополита с.-петербургскаго къ Филарету митрополиту московскому.

Секретно.

„Высокопреосвященнѣйшій владыко,

„Милостивый архипастырь и отецъ!

„Получивъ 20 сего іюня записку отъ статсъ-секретаря Суковкина, увѣдомляющаго меня о высочайшемъ утвержденіи мнѣнія шести членовъ секретнаго комитета о дѣйствіяхъ раскольниковъ рогожскаго кладбища, я поспѣшилъ довести до свѣденія вашего высокопреосвященства и копію съ означенной записки, и копію съ нашего мнѣнія, полагая, что защитники поповщинской секты не скоро сообщатъ вамъ рѣшительное утвержденіе, весьма утѣшительное и ободрительное для православныхъ и единовѣрцевъ. Три раза собирался комитетъ для обсужденія одного и того же предмета. Въ послѣднее собраніе одинъ изъ членовъ согласился принять умѣренную мѣру для обузданія раскольниковъ, на что согласились и мы, а три члена остались непреклонными, одинъ по опасенію какихъ-то непріятныхъ послѣдствій, а другой за не имѣніемъ въ дѣлѣ законнаго изслѣдованія. Такимъ образомъ ожидаемое вслѣдствіе многихъ разсужденій и убѣжденій единство во мнѣніи сообраэкенномъ съ обстоятельствами и основанномъ на законѣ не исполнилось; а мнѣніе трехъ членовъ осталось безъ вниманія.

„Въ тоже послѣднее собраніе была предложена комитету записка статсъ-секретаря кн. Голицына съ изложеніемъ высочайшей резолюціи, послѣдовавшей по просьбамъ рогожскихъ раскольниковъ, просящихъ себѣ священниковъ не зависимыхъ отъ архіереевъ, и раскольниковъ изъ другихъ губерній. Утѣшительно было бы для православныхъ и единовѣрцевъ, если бы возможно было сообщить имъ высочайшія рѣшенія въ пользу православія и къ ослабленію раскола. Копію съ записки, предложенной въ комитетѣ, и копію съ прошенія рогожскихъ раскольниковъ поставляю долгомъ препроводить къ вашему высокопреосвященству для свѣденія.

„Испрашивая вашего благословенія и поручая себя вашимъ святымъ молитвамъ, имѣю честь быть съ особеннымъ уваженіемъ и совершенною преданностію вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Никаноръ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

21 іюня 1856 г.
Новгородъ.

III.

Письмо Григорія, митрополита с.-петербургскаго къ оберъ-прокурору св. синода графу А. П. Толстому [1]).

„Сіятельнѣйшій графъ,

„Милостивый государь!

„Прочиталъ я записку его превосходительства. Очень много усердія въ сочинителѣ, и оно очень почтительно, но, къ сожалѣнію, ошибочно.

„Онъ видѣлъ, что всѣ мѣры, до нынѣ употребленныя правительствомъ и церковію, не прекратили раскола, и ищетъ къ обращенію раскольниковъ средства въ уступкѣ расколу.

„Но мѣра уступки противна неизмѣняемости св. церкви и ученію Господа нашего Іисуса Христа. То, чего св. церковь держится въ своемъ основаніи, выдумано не настоящимъ ея духовенствомъ, а предано св. апостолами и утверждено постоянною практикою въ св. церкви. Ежели бы нынѣшняя церковь отступила отъ постоянной практики св. церкви, то она перестала бы быть не только святою, но и церковью, а сдѣлалась бы расколомъ, или, смотря по мѣрѣ отдаленія, даже ересью.

„То, что мѣры св. церкви до нынѣ не произвели желаннаго результата, должно располагать св. церковь не къ оставленію мѣръ, ею употребляемыхъ, а только къ постоянному продолженію и возможному успѣянію ихъ. Ибо именно такъ поступалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Его св. апостолы и ихъ преемники, не смотря на то, что за стойкость въ ученіи самаго нашего Господа распяли, св. апостоловъ всѣхъ умертвили, и на всѣхъ послѣдователей ихъ вездѣ воздвигаемы были кровавыя гоненія и они подвергаемы были смерти. Нашъ Господь, посылая своихъ учениковъ проповѣдывать свое ученіе, велѣлъ имъ только учить такъ, какъ Онъ училъ ихъ Самъ. Такъ, посылая своихъ учениковъ, Онъ конечно предвидѣлъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди не примутъ Его ученія. Но на таковые случаи, чтобъ его ученіе удобнѣе было принято, Господь отнюдь не далъ своимъ ученикамъ позволенія дѣлать какія либо уступки или перемѣну въ своемъ ученіи, а велѣлъ только уходить изъ тѣхъ мѣстъ: иже аще не послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ дому или изъ града того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ. Точно такъ и поступали св. апостолы. Апостолъ Павелъ всякаго учителя, который бы захотѣлъ почему либо передавать ученіе Господа иначе, велѣлъ подвергать анаѳемѣ (Гал. I, 8).

„Люди, которые не хотятъ оставить нѣкоторыхъ церковныхъ дѣйствій, осужденныхъ великимъ соборомъ 1667 года, и которые однако же желаютъ, чтобы православная церковь назвала ихъ восточно-каѳолическою, соборною, апостольскою церковью, — желаютъ прямо нелѣпости. Они желаютъ, чтобы православная церковь явно, вопреки собственному прежнему опредѣленію, признала расколъ истинною церковію и тѣмъ сама себя объявила не твердою въ своихъ постановленіяхъ или, что яснѣе, сама объявила себя расколомъ.

„Дозволеніе единовѣрческой церкви было сдѣлано изъ крайняго состраданія къ противникамъ св. церкви, желанія избавить ихъ отъ погибели и въ на-

[1]) Настоящее письмо сохранилось въ черновомъ видѣ. Два прежнія списаны нами съ подлинниковъ. Л. М.

деждѣ совершеннаго соединенія ихъ съ церковію, и это была самая крайняя мѣра снисхожденія къ нимъ. Больше сего снисхожденія св. церковь не можетъ сдѣлать, не сдѣлавшись отступницею отъ истинной святой—соборной, апостольской церкви. Можетъ ли св. церковь рѣшиться на такой безумный поступокъ? Сочинитель говоритъ: „ежели церковь не будетъ разрѣшена по его мысли, то произойдетъ огромное зло". Что же дѣлать? Неужели намъ посему измѣнить вѣрѣ и самимъ подвергнуться анаѳемѣ (т. е. вѣчному осужденію)?.. Господь нашъ предвидѣлъ, что отъ его стойкости долженъ былъ быть отверженъ весь Израиль, избраннѣйшій народъ, однако же остался твердъ въ своемъ ученіи. Такъ должно стоять и намъ, чего бы то ни стоило. Пусть хоть всѣ казаки уйдутъ въ расколъ, или пусть хоть завтра же всѣхъ насъ перерѣжутъ, будемъ стоять въ ученіи Господа твердо! Пострадать—не грѣхъ, но отступникомъ быть—грѣхъ крайне тяжкій.

„Говорятъ о новомъ соборѣ. Соборъ собрать можно, но что онъ сдѣлаетъ? Какой ни соберутъ, онъ не будетъ больше собора 1667 г. Притомъ предметъ разсмотрѣнія будетъ тотъ же, какой былъ въ разсмотрѣніи собора 1667 г. Но нынѣшній соборъ, какъ равный собору 1667 г., не будетъ имѣть права переворшить рѣшеніе собора 1667 г.

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства и проч.

Февраля, 1859 г.

Сообщено Л. С. Мацѣевичемъ.

СМѢСЬ.

† **Леонъ Гамбетта.** Телеграфъ принесъ намъ изъ Парижа прискорбную вѣсть о кончинѣ Леона Гамбетты, послѣдовавшей въ полночь на 20-е декабря. Оцѣнку замѣчательнаго характера этого геніальнаго человѣка, такъ равно и его политической карьеры мы сдѣлаемъ въ ближайшей книжкѣ „Историческаго Вѣстника". Пока же сообщаемъ главнѣйшія біографическія данныя о покойномъ.

Леонъ Гамбетта родился 3-го апрѣля 1838 года въ Кагорѣ. Родители его были коммерсанты генуэзскаго происхожденія. Онъ воспитывался сперва въ небольшой кагорской семинаріи, потомъ въ лицеѣ и слушалъ лекціи въ парижской „Ecole de droit". Въ 1859 г. онъ записался въ сословіе адвокатовъ.

Пробывъ нѣкоторое время секретаремъ у извѣстнаго адвоката Лашô, тоже недавно умершаго, и Адольфа Кремье, онъ явился защитникомъ въ нѣсколькихъ политическихъ дѣлахъ, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ механика завода Кайля, обвиненнаго въ заговорѣ противъ государства, и во многихъ дѣлахъ, касавшихся печати. Имя его получило первоначальную извѣстность вслѣдствіе рѣчи, произнесенной имъ, 17-го ноября 1868 года, въ защиту главнаго редактора газеты „Reveil", Делеклюза, отданнаго подъ судъ за открытіе подписки на сооруженіе памятника представителю народа, Альфонсу Бодэну. Кліентъ Гамбетты былъ осужденъ, но эффектъ, произведенный его рѣчью, былъ громаденъ. Въ мартѣ 1869 г. процессъ тулузской газеты „Emancipation" вызвалъ на югѣ Франціи шумныя манифестаціи въ пользу молодого адвоката.

На общихъ выборахъ 1869 г. въ законодательный корпусъ, Гамбетта одновременно явился въ Парижѣ и Марсели кандидатомъ „непримиримой оппозиціи" и нѣсколько разъ говорилъ на публичныхъ сходкахъ. Въ Парижѣ главнымъ его соперникомъ былъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ депутатовъ — Карно; но Гамбетта одержалъ надъ этимъ конкуррентомъ полную побѣду и былъ выбранъ большинствомъ 12,865 голосовъ.

Въ мѣсяцы, послѣдовавшіе за этою многотрудною кампаніей, Гамбетта, вслѣдствіе горловой болѣзни, находился вдали отъ Парижа. Какъ скоро здоровье дозволило ему вернуться въ законодательный корпусъ, онъ крѣпко занялъ въ немъ положеніе депутата непримиримой оппозиціи. Многія изъ его рѣчей въ собраніи обратили на себя вниманіе, особенно же та, въ которой онъ протестовалъ противъ взятія подъ стражу товарища его, Анри Рошфора (7-го февраля 1870 г.). Рѣчь, произнесенная имъ противъ плебесцита, въ которомъ онъ усматривалъ отрицаніе всякой конституціи (5-го апрѣля), сдѣлала его имя политическимъ знаменемъ. Не сопротивляясь войнѣ противъ Пруссіи въ такой мѣрѣ, какъ многіе изъ его товарищей, принадлежавшихъ къ оппози-

ціи, онъ отказывался искать въ затрудненіяхъ, причиненныхъ правительству первыми пораженіями, благопріятный поводъ къ революціоннымъ попыткамъ и, въ виду народнаго движенія, отвергъ предложенія „интернаціонали". Но послѣ седанской катастрофы, онъ занялъ мѣсто въ ряду лицъ, подготовившихъ республику.

Провозглашенный 4-го сентября членомъ временного правительства національной обороны, Гамбетта былъ назначенъ на другой день министромъ внутреннихъ дѣлъ. Три дня спустя, онъ обнародовалъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, воззваніе къ избирательнымъ коллегіямъ, приглашая ихъ собраться 18-го октября для избранія учредительнаго собранія. Быстрота обложенія Парижа и побѣдоносное шествіе непріятеля по нѣсколькимъ департаментамъ побудили правительство отсрочить выборы. Такъ какъ организація народной обороны казалась недостаточно гарантированною тѣмъ, что въ Туръ послана была до осады делегація отъ правительства, то декретомъ 7-го октября въ эту делегацію назначенъ былъ Гамбетта, съ предписаніемъ: „занять постъ свой безъ промедленія".

Онъ отправился въ Туръ на воздушномъ шарѣ и, преодолѣвъ немало опасностей, ознаменовалъ свой пріѣздъ прокламаціями, патріотическій языкъ которыхъ произвелъ въ департаментахъ глубокое впечатлѣніе, и дѣятельностью, распространявшеюся на все, что потребно было для національной обороны. Не отступая ни передъ какою отвѣтственностью, онъ соединилъ въ своихъ рукахъ три министерства—внутреннихъ дѣлъ, военное и финансовъ. Человѣкъ слова и дѣла, онъ вмѣшивался во все: въ администрацію, въ устройство армій, въ стратегическія комбинаціи, въ военныя дѣйствія на полѣ битвы. Пользуясь свободными еще во Франціи желѣзными дорогами, онъ поочередно ѣздилъ, для ободренія упавшихъ духомъ или для подавленія безпорядковъ, то въ Орлеанъ, то въ Лилль или Ліонъ.

При такихъ-то условіяхъ Гамбетта четыре мѣсяца сряду пользовался, благодаря своей всепоглощающей дѣятельности, сильнымъ авторитетомъ. Возбужденное имъ общественное мнѣніе долго его поддерживало, и строгое порицаніе безполезности или слабости пылкихъ его усилій явилось только къ концу этой, вынужденной обстоятельствами, диктатуры. Изъ ряда дѣйствій или рѣчей, которыми она ознаменовалась, вспомнимъ декретъ о призывѣ мобилизованной національной гвардіи и о возложеніи расходовъ по ея содержанію на департаменты; вспомнимъ прокламацію, извѣстившую Францію о сдачѣ Меца и объ измѣнѣ Базена; вспомнимъ заключеніе у англійскихъ капиталистовъ займа въ 250.000,000 франковъ, распущеніе генеральныхъ совѣтовъ, вызвавшее общій протестъ, организацію, одну за другой, двухъ луарскихъ армій сѣверной и, наконецъ, восточной, пораженіе которой было ускорено перемиріемъ.

Несмотря на противорѣчивость мнѣній о Гамбеттѣ, кандидатура его разомъ возникла на выборахъ 8-го февраля въ значительномъ числѣ департаментовъ. Онъ восторжествовалъ въ десяти департаментахъ, особенно въ тѣхъ, которые Франція рисковала потерять.

5-го ноября 1871 года вышелъ подъ руководствомъ Гамбетты первый нумеръ ежедневной, совершенно анонимной газеты „République Française", которая не замедлила занять важное мѣсто въ парижской печати. Впослѣдствіи была учреждена (12-го апрѣля 1876 года) газета „La petite République Française", которая вскорѣ стала сильно расходиться и тѣмъ способствовала распространенію въ рабочихъ классахъ политическихъ взглядовъ Гамбетты.

Первымъ важнымъ актомъ его послѣ войны была рѣчь, произнесенная, 14-го іюля 1872 года, въ Ла-Фертэ-су-Жуарръ, на банкетѣ, устроенномъ въ память взятія Бастиліи. Онъ провозглашалъ въ ней необходимость возстановленія союза среднихъ классовъ, важность свѣтскаго и обязательнаго обученія и всеобщей воинской повинности; наконецъ, онъ превозносилъ въ ней политику согласія, увѣнчанную амнистіей. Это заявленіе принциповъ рѣзче обрисовалось во время поѣздки на югъ Франціи и оттуда въ Гренобль, гдѣ онъ въ частномъ собраніи (26-го сентября) обратился къ своимъ слушателямъ съ рѣчью, содержащей въ себѣ слѣдующее мѣсто, пріобрѣвшее громкую извѣстность: „Да, я предчувствую, я сознаю, я возвѣщаю появленіе и существованіе новаго общественнаго слоя, который стоитъ во главѣ управленія

дѣлами уже скоро восемнадцать мѣсяцевъ и, конечно, далеко не ниже своихъ предшественниковъ". Фраза эта надѣлала чрезвычайно много шума, еще усиленнаго постояннымъ запросомъ генерала Шангарнье, убѣждавшаго г. Тьера противиться „возростающей дерзости радикализма" (18-го ноября). На сходкѣ въ Бельвилѣ Гамбетта объявилъ, что онъ и друзья его, не преклоняясь ни передъ кѣмъ, не насилуя своей совѣсти и не нарушая строгости своихъ принциповъ, вели себя не какъ люди партіи, и четыре или пять разъ оказали правительству содѣйствіе, безъ котораго оно погибло бы.

Въ февралѣ 1874 года, Гамбетта взялъ на себя починъ запроса лѣвой стороны о внутренней политикѣ, повергшаго страну въ большое волненіе. Когда г. Брольи оказался вынужденнымъ уступить свой портфель г. Фурту, Гамбетта сдѣлалъ запросъ новому министру насчетъ бонапартистскихъ происковъ, обличенныхъ документомъ, который добылъ Сипріенъ Жираръ. Когда Руэръ, въ отвѣтѣ, примѣшалъ къ защитѣ своей партіи воспоминаніе о революціи 4-го сентября, Гамбетта воскликнулъ: „Вотъ люди, за которыми я не признаю права и основанія требовать отчета за революцію 4-го сентября: это—негодяи, погубившіе Францію!" Когда же президентъ призвалъ его къ порядку, онъ возразилъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что употребленное мною выраженіе заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ оскорбленіе: оно клеймитъ позоромъ, и я оставляю его въ полной силѣ" (9-го іюня).

Въ послѣдніе мѣсяцы 1874 года и въ началѣ 1875 года, Гамбетта принялъ самое дѣятельное участіе въ попыткахъ примиренія различныхъ фракцій лѣвой стороны и праваго центра, чтобъ добиться соглашенія на счетъ принятія конституціонныхъ законовъ. Рѣчь, съ которой онъ обратился къ большинству 12-го февраля, была одною изъ самыхъ ловкихъ и краснорѣчивыхъ, когда нибудь имъ произнесенныхъ, и съ этого дня такъ называемая „опортунистская" политика сдѣлалась политикой лѣвой стороны. Переговоры Гамбетты привели къ принятію одною частью большинства конституціи 25-го февраля, сдѣлавшей республику законнымъ правительствомъ Франціи. На частной сходкѣ „вожакъ лѣвыхъ сторонъ" онъ пояснилъ своимъ бельвильскимъ избирателямъ, какимъ образомъ республиканская партія, могла, безъ умаленія себя, согласиться на эти комбинаціи, и не побоялся похвалить сенатъ, въ учрежденіи котораго, при всемъ его несовершенствѣ, онъ усматривалъ „великій совѣтъ французскихъ общинъ". Онъ возобновилъ эти заявленія на годичномъ банкетѣ, организованномъ въ Версали въ честь Гоша. Во всю остальную часть года онъ былъ самымъ страшнымъ противникомъ министерства Бюффе, не уклоняясь, однако, отъ принциповъ, которые опытъ парламентскихъ боевъ заставилъ его принять и которые побудили его сказать однажды: „умѣренность, это—политическій разумъ".

Вліяніе его было не менѣе преобладающимъ во время выборовъ въ сенатъ. Благодаря ему, Фрейсинэ одержалъ верхъ надъ Викторомъ Гюго, котораго выбрали только пятымъ. Выборы въ палату депутатовъ также очень озабочивали Гамбетту, который, не пренебрегая своими личными кандидатурами, вошелъ въ сношенія съ делегатами комитетовъ всей Франціи и внушалъ или одобрялъ ихъ выборъ. 20-го февраля 1876 г., Гамбетта былъ выбранъ въ Парижѣ, Лиллѣ и Марсели. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался болѣе, чѣмъ когда нибудь, безспорнымъ главою республиканскаго большинства въ новой палатѣ. 24-го марта онъ высказался за необходимость противодѣйствовать клерикализму, а 5-го апрѣля былъ выбранъ въ президенты бюджетной коммиссіи. Во имя опортунистской политики, онъ воздержался отъ подачи голоса за потребованную Распайлемъ полную амнистію и поддержалъ частную амнистію по тремъ категоріямъ, предложенную г. Мартомъ (19-го мая). 26-го октября 1876 года, онъ, въ присутствіи 5,000 человѣкъ, собравшихся на частную сходку въ Бельвилѣ, произнесъ рѣчь, въ которой разгромилъ своихъ противниковъ. При министерствѣ Жюля Симона, Гамбетта сохранилъ все свое преобладаніе; когда же Жюль Симонъ былъ уволенъ маршаломъ Макъ-Магономъ, палата утвердила переходъ къ очереднымъ дѣламъ въ томъ смыслѣ, что палата изъявитъ довѣріе только кабинету, свободному въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшающемуся управлять страною на основаніи республиканскихъ принциповъ. Этотъ переходъ, утвержденный большинствомъ 355-ти голосовъ противъ 157-ми, обратился, по присоединеніи къ нему отсутствовавшихъ восьми членовъ, въ знаменитый переходъ къ очереднымъ дѣламъ 363-хъ.

По распущеніи палаты, Гамбетта старался успокоить страну, подвергавшуюся, по историческому выраженію, толчкамъ со стороны министерства Брольи-Фурту, рѣчами, произнесенными 9-го іюня въ Амьенѣ и 11-го — въ Аббевилѣ. Во время краткой и бурной сессіи, открывшейся 16-го іюня, онъ успѣшно нападалъ въ палатѣ на „правительство патеровъ". Когда сенатъ согласился, по желанію кабинета, на распущеніе палаты, онъ продолжалъ оставаться главою оппозиціи и 15-го августа произнесъ въ Лиллѣ знаменитую рѣчь, оканчивавшуюся словами: „Когда Франція возвыситъ свой державный голосъ, повѣрьте, господа, вамъ придется или покориться (se soumettre), или сложить съ себя ваши званія (se demettre)". За эту рѣчь его предали суду по обвиненію въ оскорбленіи президента республики и министровъ. Десятое отдѣленіе сенскаго суда приговорило его къ трехмѣсячному тюремному заключенію и денежной пени въ 2,000 франковъ, но онъ подалъ на апелляцію. Въ это время умеръ Тьеръ, смерть котораго доставила вожаку лѣвыхъ фракцій еще большее преобладаніе. 9-го октября, въ циркѣ Шато д'О собралась важная частная сходка, а пять дней спустя Гамбетта былъ выбранъ въ двадцатомъ округѣ большинствомъ 13,812-ти голосовъ противъ 1,611-ти, доставшихся бонапартистскому кандидату Перрену. 20-го ноября его вновь выбрали въ президенты бюджетной комиссіи.

30-го іюня, когда Жюль Греви сдѣлался президентомъ республики, онъ былъ выбранъ, большинствомъ 314-ти голосовь противъ 91-го, въ президенты палаты депутатовъ.

14-го ноября 1881 года, пало министерство Жюля Ферри и президентъ республики поручилъ составленіе новаго министерства Леону Гамбеттѣ. Кабинетъ, имъ составленный, продержался, однако, во власти всего два мѣсяца и нѣсколько дней. 26-го января 1882 года онъ былъ низвергнутъ палатою, отказавшеюся утвердить представленный правительствомъ законопроектъ пересмотра конституціи, и Гамбетта вмѣстѣ со всѣми своими товарищами подалъ въ отставку.

† **Луи Бланъ.** Въ Каннѣ, близъ Ниццы, умеръ извѣстный публицистъ и историкъ Луи Бланъ. Бланъ (Жанъ-Жозефъ-Луи) родился въ 1813 году, въ Мадридѣ, гдѣ отецъ его, въ правленіе Іосифа-Бонапарта, былъ оберъ-инспекторомъ финансовъ. Онъ получилъ первоначальное образованіе въ Родезской гимназіи и потомъ съ 1830 года слушалъ лекціи въ Парижѣ, гдѣ ему пришлось жить въ большой бѣдности. Пробывъ два года домашнимъ учителемъ въ Аррасѣ, онъ вернулся въ 1834 году въ Парижъ и сталъ принимать участіе въ радикальныхъ газетахъ. Онъ писалъ статьи для газеты „National", былъ сотрудникомъ „Revue Républicaine", потомъ сотрудничалъ въ газетѣ „Nouvelle Minerve" и въ 1836 году сдѣлался главнымъ редакторомъ газеты „Le bon sens", которую и издавалъ до 1838 года. Послѣ этого онъ учредилъ газету „La revue du progres", въ которой обсуждалъ соціальные вопросы и впервые опубликовалъ свою теорію „Организаціи труда", которая потомъ была отпечатана особо. Въ своихъ планахъ соціальныхъ улучшеній онъ приписываетъ нужду массъ „индивидуализму" и вытекающей изъ него конкуренціи и требуетъ поглощенія личности „солидарными" отношеніями, причемъ каждый долженъ получить столько, сколько ему необходимо, и обязанъ производить лишь ту работу, которая ему по силамъ. Послѣдствіемъ этой системы является равенство рабочей платы, несмотря на неравенство труда, потому что въ „соціальной мастерской" пружина индивидуальнаго интереса, да и вообще всякая эгоистическая пружина утрачиваетъ свое дѣйствіе и мѣсто ея занимаетъ безкорыстная забота каждаго въ отдѣльности о благѣ всѣхъ. Соціалистская публицистика эта надѣлала много шума, но еще болѣе громкую извѣстность Луи Бланъ пріобрѣлъ, какъ демократическій историкъ. Успѣхъ его „Histoire de dix ans, 1830—1840" былъ такъ великъ, что во Франціи одновременно вышли четыре изданія, а въ Германіи столько же переводовъ. Причина успѣха крылась въ интересѣ раскрытыхъ фактовъ, въ рѣзкости изложенія событій и въ величайшей отдѣлкѣ слога. Произведеніе это явилось популярнымъ выраженіемъ всѣхъ жалобъ оппозиціи на іюльскую династію. Еще болѣе непосредственный ударъ существовавшему порядку Луи Бланъ пытался нанести изданіемъ сочиненія „Histoire de la Révolution Française" (1847 года), первый томъ которой, заключавшій въ себѣ рядъ историческихъ и литературныхъ трактатовъ, возвѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ

торжество соціализма и отодвигалъ зародышъ революціи 1789 года къ до-лютеровскимъ временамъ. Революція 1848 года сдѣлала смѣлаго реформатора членомъ временнаго правительства и его приверженцы ожидали отъ него устройства рабочихъ порядковъ на соціалистскихъ началахъ. Бланъ предложилъ учрежденіе „министерства прогресса", и, когда товарищи отъ этого отказались, онъ добился учрежденія такъ называемаго „правительственнаго комитета для рабочихъ", который засѣдалъ подъ его предсѣдательствомъ въ великолѣпномъ дворцѣ упраздненной палаты пэровъ. Учрежденіе „государственныхъ мастерскихъ", оказавшихъ на тогдашнюю французскую республику столь пагубное дѣйствіе, исходило, однако, не отъ него, а было только мѣрою, принятою по нуждѣ, наиболѣе умѣренными изъ его товарищей. Открытіе „бесѣдъ рабочихъ" въ люксамбургскомъ дворцѣ возбудило, съ одной стороны, самыя радостныя надежды, а съ другой — величайшій ужасъ. Старый общественный строй предполагалось перевернуть со всею его государственной торжественностью, съ передачей господства отъ образованныхъ и имущихъ классовъ къ пролетаріямъ. Однако, конгресъ рабочихъ и его президентъ доктринеръ не съумѣли создать ничего прочнаго и вину въ этомъ безсиліи старались отнести къ контръ революціи. Страшная манифестація 17-го марта, шествіе 200,000 человѣкъ по улицамъ напуганной столицы, было какъ бы приглашеніемъ Луи Блану со стороны пролетаріата и соціализма принять диктатуру. Луи Бланъ не рѣшился, однако, на попытку такимъ образомъ провести свою систему, а воспользовался, напротивъ, значеніемъ своимъ для поддержанія порядка, вслѣдствіе чего быстро утратилъ довѣріе пролетаріата. Весьма двусмысленную роль игралъ онъ во время попытки овладѣть національнымъ собраніемъ 15-го мая, а потомъ былъ замѣшанъ въ возникшей по поводу этого событія уголовный процессъ. Луи Бланъ самъ защищался весьма энергически, но удалился во время совѣщанія судей, результатъ котораго можно было предвидѣть, добрался до бельгійской границы и оттуда уѣхалъ въ Англію. Во время изгнанія, онъ продолжалъ свою писательскую дѣятельность. Между прочимъ, онъ помѣщалъ въ газетѣ „Temps" „Письма изъ Лондона", которыя обратили на себя большое вниманіе и сборникъ которыхъ онъ издалъ подъ названіемъ „Письма объ Англіи" (1866—1867 годы). Кромѣ нѣсколькихъ политическихъ брошюръ и полемическихъ сочиненій, онъ два года издавалъ ежемѣсячный журналъ „Le Nouveau Monde" (1849—1851 годы) и окончилъ свою „Histoire de la Révolution Française" (1852—1862 годы), которая, съ одной стороны, содержитъ въ себѣ много замѣчательныхъ документовъ, а съ другой — отстаиваетъ и превозноситъ принципы дѣятелей и событія временъ революціи. Въ 1865 году онъ женился на миссъ Христинѣ Гро, которая умерла потомъ въ Парижѣ въ 1876 году. Въ концѣ 1869 года, во время либеральной эволюціи, породившей кабинетъ 2-го января 1870 года, разнесся слухъ, что Луи Бланъ вернется во Францію; но онъ остался въ Лондонѣ до конца революціи 4-го сентября 1870 года и прибылъ въ Парижъ только 8-го сентября. Въ надеждѣ еще на вмѣшательство нейтральныхъ державъ, многіе граждане убѣждали его вернуться въ Англію, чтобы разъяснить дѣло кабинету Гладстона и возбудить въ англійскомъ народѣ симпатіи къ Франціи. Правительство народной обороны, „разсчитывая на преданность и патріотизмъ" г. Луи Блана, присоединилось къ желанію, которое ему было выражено (24-го сентября), но обложеніе Парижа и отказъ въ пропускномъ свидѣтельствѣ со стороны прусскаго главнаго штаба не дали этому желанію осуществиться. Во время инсурекціонной попытки 31-го октября, имя его, безъ его согласія, было внесено въ списки „комитета общественнаго спасенія", и онъ принялъ множество депутацій, но рѣшительно отказался поддержать своимъ вліяніемъ или именемъ движеніе, котораго не одобрялъ. Послѣ капитуляціи Парижа, Луи Бланъ, заявившій, что признаетъ за созваннымъ національнымъ собраніемъ одно только право—заключить миръ или объявить войну, былъ избранъ, 8-го февраля 1871 года въ представители департамента Сены, первымъ изъ 43-хъ кандидатовъ, большинствомъ 216.471 голоса изъ 328.970. Во время возмущенія 18-го марта 1871 года онъ призналъ законность требованій о возвратѣ муниципальныхъ вольностей, но энергически противился притязаніямъ, предъявленнымъ комуной къ центральному правительству. Предложенный противъ его воли кандидатомъ въ члены комуны на выборахъ 26-го февраля въ 14-мъ округѣ Парижа, онъ получилъ, не бывъ выбранъ, 5.680 голосовъ. Въ націо-

нальномъ собраніи, гдѣ онъ занялъ мѣсто на крайней лѣвой сторонѣ, онъ противодѣйствовалъ словомъ и подачей голоса различнымъ попыткамъ монархической реставраціи. Изъ числа его главнѣйшихъ рѣчей необходимо напомнить о тѣхъ, которыя онъ произнесъ въ пользу перенесенія собранія въ Парижъ, о муниципальномъ избирательномъ законѣ, противъ организаціи сената и о принятіи конституціонныхъ законовъ. Онъ высказался вовсеуслышаніе за единственное представительное собраніе и во время голосованія поправки Валлона утверждалъ, что республика не должна быть пущена на голоса, потому что не можетъ подлежать спору. Онъ принялъ, однако, эту поправку вмѣстѣ съ различными фракціями лѣвой стороны. Луи Бланъ, предложенный кандидатомъ на выборахъ въ сенаторы отъ департамента Сены (въ январѣ 1876 года), не былъ избранъ, но 30-го февраля онъ былъ трижды выбранъ въ Парижъ въ депутаты; онъ остановилъ свой выборъ на пятомъ округѣ, занявъ мѣсто на крайней лѣвой сторонѣ. Послѣ переворота 16-го мая 1877 года, онъ былъ однимъ изъ 363-хъ депутатовъ, отказавшихся изъявить довѣріе министерству герцога Брольи. На выборахъ 14-го октября онъ вновь былъ избранъ въ пятомъ округѣ большинствомъ 12,228 голосовъ изъ 15,400. Въ 1876 году онъ предпринялъ изданіе ежедневной газеты „L'homme Libre", которая прекратила свое существованіе по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и отъ управленія которою онъ отказался раньше, вслѣдствіе разногласія съ однимъ изъ его сотрудниковъ. Съ 1879 года Луи, Бланъ рѣдко появлялся въ палатѣ и почти не произносилъ рѣчей.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Павелъ I и Чичаговъ.

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины" напечатаны первыя главы записокъ Я. Н. де-Санглена, касающіяся послѣднихъ лѣтъ жизни императрицы Екатерины II и царствованія Павла I. Записки эти изложены очень живо и потому обратили на себя общее вниманіе; но, къ сожалѣнію, въ нихъ встрѣчается не мало разныхъ погрѣшностей и ошибокъ, что, впрочемъ, понятно: въ описываемое время, авторъ, носившій скромный чинъ прапорщика и занимавшій не менѣе скромную должность переводчика адмиралтействъ-коллегіи, не могъ быть личнымъ свидѣтелемъ внутренней жизни двора и зналъ о ней болѣе „по слухамъ" которые, какъ извѣстно, не всегда бываютъ вполнѣ достовѣрны. Къ тому же де-Сангленъ (какъ поясняетъ сама редакція „Русской Старины") писалъ свои записки въ глубокой старости, въ 1860 году, т. е. шестьдесятъ четыре года спустя послѣ кончины Екатерины II, а на такомъ пространствѣ времени довольно трудно сохранить въ памяти съ точностью всѣ мелочи и анекдоты, обильно разсыпанные имъ въ своемъ сочиненіи. Такъ, между прочимъ, онъ разсказываетъ о столкновеніи императора Павла съ извѣстнымъ впослѣдствіи адмираломъ Чичаговымъ, тогда еще бригадиромъ, при чемъ подробно приводитъ крупный разговоръ, происходившій между ними въ кабинетѣ и окончившійся будто бы тѣмъ, что Павелъ ругалъ, „немилосердно билъ" Чичагова, оборвалъ у него мундиръ, камзолъ, и не безъ сопротивленія истязуемаго, крѣпко державшагося „за фалды царскаго сюртука", вытолкалъ его собственноручно вонъ, крича: „въ крѣпость его"! на что вытолкнутый Чичаговъ, обратясь къ государю, сказалъ: — „прошу книжку мою съ деньгами поберечь, она осталась въ боковомъ карманѣ мундира" и т. д.

Нѣсколько иначе разсказывается этотъ эпизодъ, въ другихъ болѣе достовѣрныхъ источникахъ, именно въ „Запискахъ“ адмирала А. С. Шишкова и въ книгѣ „Eastern Europe and the emperor Nicholas“ изданной еще при жизни Чичагова, въ 1846 году, въ Лондонѣ, однимъ англійскимъ дипломатомъ, лично знавшимъ нашего адмирала, который съ 1813 года безъвыѣздно проживалъ за границей и въ 1834 году даже принялъ англійское подданство.

Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сынъ знаменитаго адмирала Екатерининскихъ временъ, Василія Яковлевича, родился въ 1767 году и вступилъ въ службу въ 1779 году гвардіи сержантомъ. Черезъ три года, произведенный въ поручики арміи, онъ былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ своему отцу и въ славную кампанію 1789 и 1790 годовъ противъ шведовъ командовалъ стопушечнымъ кораблемъ Ростиславъ, при чемъ за Ревельское сраженіе былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса, а за Выборгское—золотой шпагой съ надписью „за храбрость“ и чиномъ капитана перваго ранга. Затѣмъ, 1792 году, онъ былъ посланъ въ Англію „для довершенія практическихъ морскихъ примѣчаній“ откуда возвратился въ 1793 году и вступилъ въ командованіе кораблемъ Софія-Магдалина.

При восшествіи на престолъ Павла I, Чичаговъ получилъ чинъ бригадира и находился въ іюлѣ 1797 года на большомъ смотру, сдѣланномъ государемъ Балтійскому флоту. Не смотря на то, что передъ смотромъ, на фрегатѣ Эммануилъ, на которомъ долженъ былъ выдти въ морѣ императоръ, случился пожаръ, замедлившій на нѣсколько часовъ отплытіе, Павелъ остался очень доволенъ морскими маневрами, осыпалъ участниковъ щедрыми наградами и, въ числѣ прочихъ, назначилъ Чичагову орденъ св. Анны 4 степени. Самолюбивый, надменный и крайне рѣзкій въ поступкахъ и словахъ, Чичаговъ обидѣлся такой ничтожной наградой и, не стѣсняясь, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражалъ свое неудовольствіе противъ государя. Однажды, за большимъ обѣдомъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ, зашла рѣчь о пожарѣ на фрегатѣ Эммануилъ. — „Какъ жаль, что онъ не загорѣлся нѣсколько позже!“ громко сказалъ Чичаговъ. Слова эти были переданы Павлу, который тотчасъ же уволилъ его въ отставку, безъ пенсіи, „по молодости лѣтъ“, какъ сказано въ указѣ, и приказалъ ему отправиться на жительство къ отцу въ деревню.

Черезъ два года, когда императоръ, присоединившись къ коалиціи Англіи и Австріи, объявилъ войну Франціи и рѣшилъ отправить небольшую эскадру для совмѣстнаго дѣйствія съ англійскимъ флотомъ, англійскій посланникъ, которому были извѣстны особенныя симпатіи Чичагова къ Англіи, выразилъ желаніе, чтобы онъ получилъ назначеніе на эскадрѣ. Павелъ, вообще не злопамятный, велѣлъ немедленно вызвать Чичагова въ Петербургъ. Когда онъ пріѣхалъ и явился къ вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи и любимцу государя адмиралу Кушелеву, послѣдній, объяснивъ ему, что императоръ намѣренъ не только принять его вновь на службу, но и произвести въ контръ-адмиралы, прибавилъ:

— Надѣюсь, вы позволите мнѣ засвидѣтельствовать передъ его величествомъ о чувствахъ вашей признательности за тѣ милости, которыя онъ вамъ оказываетъ?

— Зачѣмъ же? возразилъ Чичаговъ. У меня нѣтъ особенныхъ причинъ быть благодарнымъ. Во-первыхъ, мое здоровье совсѣмъ разстроено; во-вторыхъ, со времени оскорбительнаго для меня удаленія со службы, многіе бывшіе подчиненные мои на столько быстро подвинулись впередъ, что, не смотря

на производство мое въ контръ-адмиралы, я всетаки долженъ буду находиться у нихъ подъ начальствомъ.

На другой день, Чичаговъ былъ потребованъ во дворецъ. Едва онъ вошелъ въ кабинетъ, какъ Павелъ въ страшномъ гнѣвѣ бросился къ нему.

— И такъ, сударь, вскричалъ онъ, вы недовольны! Вы не желаете мнѣ служить! Вы якобинецъ! вы намѣрены поступить въ англійскій флотъ!

Чичаговъ хотѣлъ что-то возразить, но государь не далъ ему говорить.

— Молчать! Не смѣйте мнѣ возражать! Я васъ проучу! Отправить его въ крѣпость! продолжалъ онъ кричать, отворяя дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ находились нѣкоторые изъ приближенныхъ. Возьмите у него шпагу! Сорвите съ него ордена! Нѣтъ! этого мало! Снимите съ него мундиръ,—онъ не достоинъ его носить!

Услужливые царедворцы поспѣшили раздѣть Чичагова и въ такомъ видѣ отвезли его къ генералъ-губернатору графу Палену, весьма дружному съ его отцомъ.

— Что дѣлать! говорилъ Паленъ, стараясь утѣшить Чичагова, сегодня ваша очередь, завтра, можетъ быть, моя... я увѣренъ, что императоръ не замедлитъ отмѣнить свое распоряженіе, а пока отправляйтесь въ крѣпость; я постараюсь облегчить насколько возможно ваше заключеніе.

Но отмѣны распоряженія не получалось. Потрясенный столь трагическимъ происшествіемъ, Чичаговъ заболѣлъ. Паленъ пріѣхалъ его навѣстить.

— Если бъ вы предвидѣли, что случилось, сказалъ онъ, то, безъ сомнѣнія, предпочли бы службу тюрьмѣ.

— Я предпочелъ бы вовсе не служить, отвѣчалъ Чичаговъ, но, само собою разумѣется, служить лучше, нежели сидѣть въ казематѣ.

— Отлично, я попробую уладить дѣло.

Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время Паленъ пріѣхалъ опять и сказалъ:

— Императоръ считаетъ себя удовлетвореннымъ. Я объяснилъ ему, что вы раскаяваетесь въ своемъ поступкѣ и еслибъ могли предвидѣть постигшее васъ несчастіе, то поступили бы на службу безъ всякихъ возраженій. Поѣдемте со мной къ государю. Вы еще не оправились, но дѣлать нечего.

Павелъ, желая загладить нанесенное Чичагову подъ вліяніемъ необузданнаго гнѣва оскорбленіе, принялъ его очень милостиво, взялъ за руку и, держа ее въ своей, сказалъ, улыбаясь:

— Я знаю, что вы якобинецъ, но представьте, что у меня на головѣ красная шапка и служите мнѣ усердно.

— Я знаю, ваше величество, отвѣчалъ Чичаговъ, что на вашей головѣ императорская корона и съ полнымъ убѣжденіемъ въ этомъ клянусь служить вамъ честно.

Чичаговъ въ тотъ же день былъ опредѣленъ на службу съ прежнимъ старшинствомъ, произведенъ въ контръ-адмиралы и сдѣланъ начальникомъ эскадры изъ 6 кораблей, 5 фрегатовъ и 2 транспортовъ, которая была назначена для перевозки дивизіи генерала Эссена въ Голландію.

Здѣсь будетъ кстати разсказать и о дальнѣйшей карьерѣ Чичагова.

При восшествіи на престолъ императора Александра, онъ былъ зачисленъ въ свиту его величества, а въ 1802 году, по производствѣ въ вице-адмиралы, получилъ мѣсто товарища министра морскихъ силъ. Министерство это было образовано подъ вліяніемъ Чичагова, дѣятельно занявшагося приведеніемъ въ порядокъ флота и устройствомъ всѣхъ частей морскаго вѣдомства. Въ іюлѣ 1807 года, онъ пожалованъ въ адмиралы и вступилъ въ управленіе министерствомъ, но спустя два года уѣхалъ по болѣзни за границу, сдавъ министерство

адмиралу маркизу де-Траверсе. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ, въ 1811 году, состоять при особѣ государя и вскорѣ сдѣланъ главнокомандующимъ Молдавской арміей, правителемъ Молдавіи и Валахіи и главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота. Въ маѣ 1812 года, онъ прибылъ съ особыми полномочіями въ Бухарестъ, но предмѣстникъ его, Кутузовъ, уже успѣлъ заключить славный миръ, положившій конецъ пятилѣтней войнѣ съ Турціей. Послѣ того, Чичаговъ участвовалъ со ввѣренной ему Дунайской арміей въ Отечественной войнѣ, оттѣснилъ австрійцевъ и саксонцевъ въ герцогство Варшавское и затѣмъ, согласно съ общимъ планомъ дѣйствій, двинулся въ тылъ главной французской арміи къ рѣкѣ Березинѣ. Медленность и ошибочность распоряженій Чичагова дали возможность Наполеону не только избѣжать плѣна, но и спасти остатки своихъ войскъ. Дѣйствія Чичагова возбудили общее осужденіе и навлекли на него охлажденіе и немилость императора Александра. Онъ получилъ безсрочный отпускъ „до излеченія болѣзни“, но съ сохраненіемъ содержанія, и съ того времени безвыѣздно проживалъ заграницей, преимущественно во Франціи.

Въ 1825 году вступилъ на престолъ Николай I. Письменно поздравляя новаго государя, Чичаговъ спросилъ, должно ли, вслѣдствіе этого событія, въ чемъ нибудь измѣниться его личное положеніе. Императоръ отвѣчалъ, что воля покойнаго брата для него священна и что относительно Чичагова она будетъ неизмѣнно соблюдаема. Но, въ 1834 году, появился высочайшій указъ, которымъ предписывалось всѣмъ русскимъ подданнымъ, проживавшимъ въ чужихъ краяхъ, возвратиться въ опредѣленный срокъ въ отечество, съ угрозой потери всего имущества въ случаѣ неповиновенія. Чичаговъ, основываясь на обѣщаніи, данномъ ему государемъ, полагалъ, что указъ этотъ не можетъ касаться его и остался заграницей, какъ вдругъ получилъ увѣдомленіе, что онъ лишенъ содержанія, а имѣнія его конфискованы. Тогда Чичаговъ порвалъ всякія связи съ Россіей и принялъ англійское подданство. По этому поводу, онъ помѣстилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи любопытное объясненіе, очень хорошо рисующее его гордый, самолюбивый характеръ. Оно было напечатано въ 1853 году, въ „Gasette des Tribunaux“ (№ 29 декабря).

„Послѣ произвольныхъ мѣръ императора Николая,—говоритъ Чичаговъ,—лишившихъ русское дворянство его преимуществъ, правъ собственности и личной свободы, а меня въ частности законной пенсіи, слѣдуемой мнѣ за мои заслуги и присвоенной полученнымъ мною орденамъ, я считаю недѣйствительной данную ему мною присягу и чтобы возвратить себѣ человѣческія права присоединяюсь къ націи, умѣющей охранять разумную свободу, и принимаю англійское подданство. Я требую, чтобы никакимъ русскимъ властямъ не было позволяемо вмѣшиваться въ какіе либо дѣла, меня касающіяся, но прошу моихъ дочерей передать имъ ордена мои: св. Александра Невскаго, св. Владиміра, св. Анны и св. Георгія“.

Чичаговъ умеръ въ Парижѣ 10 сентября 1849 года. Онъ оставилъ послѣ себя записки, отрывки изъ которыхъ, относящіеся главнымъ образомъ къ кампаніи 1812 года и оправдывающіе дѣйствія Чичагова при Березинѣ, были изданы неизвѣстнымъ лицомъ въ 1812 году, въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: „Memoires de l'amiral Tchitchagoff. Avec une notice biographique. D'après des documents authentiques.“ Небольшая книжка эта, за исключеніемъ первой половины, гдѣ разсказывается о послѣднихъ дняхъ жизни императора Павла, была переведена и напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 и 1870 годовъ.

И. Глѣбовъ.

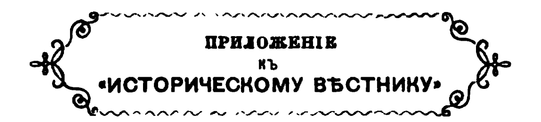
КРОМВЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Ю. РОДЕНБЕРГА

(АВТОРА «ВСЕМІРНАГО ПОТОПА»)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1883

Часть I.

ГЛАВА I.

Майское дерево.

Вечерние лучи апрѣльскаго солнца освѣщали башню небольшой Чильдерлейской церкви и головы поселянъ, собравшихся передъ нею.

— Клянусь честью, что майское дерево будетъ поставлено на этомъ мѣстѣ съ лентами, пѣтухомъ и флагами, прежде, чѣмъ мы услышимъ вечерній колоколъ! воскликнулъ молодой широкоплечій парень, обращаясь къ присутствующимъ, которые съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за его работой. Онъ стоялъ на колѣняхъ передъ длиннымъ пестро раскрашеннымъ шестомъ и въ эту минуту придѣлывалъ къ его верхушкѣ безформенный предметъ, который уже много лѣтъ, въ воображеніи сельскихъ жителей, представлялъ собой деревянное изображеніе пѣтуха.

— Знаешь ли, Мартинъ, сказала здоровая крестьянская дѣвушка, ближе другихъ стоявшая возлѣ него,—обидно смотрѣть на крылья пѣтуха: на нихъ не осталось и капли позолоты.

— Не моя вина, возразилъ Мартинъ,—если даже этого несчастнаго пѣтуха не могутъ оставить въ покоѣ! Наступили тяжелыя времена, Ганна! Ну, да Богъ съ ними, мы все-таки поставимъ здѣсь майское дерево, вмѣстѣ съ этимъ пѣтухомъ, добавилъ онъ, поднявъ голову съ вызывающимъ видомъ.

— Мы это еще увидимъ! замѣтилъ хриплый голосъ въ толпѣ.— У насъ въ приходѣ найдутся благочестивые люди, которые не потерпятъ такого идолопоклонства!

Въ отвѣтъ на эти слова послышался ропотъ:

— Мельникъ правъ! говорили одни.

— Стòитъ ли слушать болтовню этихъ пуританъ! замѣтили вполголоса другіе.

Мартинъ въ это время вбилъ послѣдній гвоздь и поднялся съ земли съ молоткомъ въ рукѣ.

— Пѣтухъ сидитъ крѣпко, воскликнулъ онъ, — я желалъ бы знать, кто посмѣетъ дотронуться до него!

— Смотри, поддразнивай еще! отвѣтилъ мельникъ. — Вотъ мы проучимъ тебя!..

Мартинъ прервалъ своего собесѣдника громкимъ хохотомъ.

— Узнаю тебя, почтенный Пикерлингъ, святоша въ бѣломъ передникѣ! воскликнулъ онъ.—Взгляните на этого божьяго человѣка! Всю жизнь онъ отмѣривалъ муку людямъ дырявой мѣрой, и вдругъ на старости лѣтъ сдѣлался ханжой, чтобы покрыть прежніе грѣхи! Это недорого стоитъ и, какъ говорится въ священномъ писаніи, «иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной...»

— Замолчишь ли ты, грѣховодникъ! крикнулъ Пикерлингъ, выступая изъ толпы.—У меня здоровые кулаки; я попотчую ими всякаго, кто вздумаетъ упоминать всуе имя Божіе!

— Отдаю должную справедливость твоимъ кулакамъ, возразилъ Мартинъ съ насмѣшливымъ поклономъ, — ты видишь у меня въ рукахъ молотокъ и долото; не совѣтую никому слишкомъ близко подходить къ майскому дереву, потому что въ писаніи сказано: «онъ простеръ руку»...

Пикерлингъ окончательно потерялъ терпѣніе при послѣднихъ словахъ и бросился съ сжатыми кулаками на своего противника, который, хотя и вооружился молоткомъ, но, повидимому, не имѣлъ серьезнаго намѣренія употребить его въ дѣло.

— Мы слишкомъ долго терпѣли гнетъ и позволяли издѣваться надъ собой! продолжалъ Пикерлингъ, не помня себя отъ ярости.— Возстаньте, братья, покарайте дерзновеннаго! Вы совершите этимъ богоугодное дѣло!..

Слова мельника подѣйствовали на толпу, которая раздѣлилась на двѣ партіи: почти вся молодежь собралась около Мартина, между тѣмъ какъ на сторонѣ Пикерлинга остались только нѣкоторые изъ его работниковъ и весьма не многіе покупатели. Въ то же время деревенскія красавицы, обращаясь къ представителямъ обѣихъ партій, краснорѣчиво умоляли «пощадить майское дерево и не лишать ихъ лучшаго удовольствія». При этомъ Ганна сказала вполголоса Мартину, но такъ, что всѣ могли слышать: «Если ты поставишь майское дерево, то я завтра танцую съ тобой первый танецъ».

— Дѣлать нечего, сказалъ мельникъ, обращаясь къ своимъ малочисленнымъ союзникамъ, — мы должны будемъ обратиться за по-

мощью въ Честертонъ и Коттенгэмъ; тамъ живутъ благочестивые люди, которые поддержатъ насъ въ неравной борьбѣ. Въ противномъ случаѣ мы обречены на вѣрную гибель, такъ какъ вамъ извѣстно, что̀ сказано въ писанiи о добромъ и худомъ деревѣ. «Но блаженъ мужъ, иже не идетъ на совѣтъ нечестивыхъ и не вступаетъ на путь грѣшниковъ...»

Съ этими словами Пикерлингъ указалъ рукой на холмъ, виднѣвшійся въ недалекомъ разстояніи отъ деревни Чильдерлей, окаймленный съ одной стороны лѣсомъ, а съ другой рѣчкой Кемъ, которая живописно извивается вдоль пастбищъ юго-западной части кембриджскаго графства и, становясь все шире и глубже, впадаетъ въ Оузу за городомъ Кембриджемъ. На вершинѣ холма, покрытаго густой массой зелени, возвышалась башня, построенная въ стилѣ шестнадцатаго столѣтія, зубцы которой, освѣщенные красноватымъ цвѣтомъ вечерней зари, горѣли какъ въ огнѣ.

— Однако пора поставить майское дерево, сказалъ Мартинъ, не обращая вниманія на высокопарную рѣчь мельника,—оно всегда стояло тутъ и будетъ стоять завтра, 1-го мая, тысяча шестьсотъ сорокъ пятаго года. Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Мартинъ Бумпусъ и что я завѣдую погребомъ достопочтеннаго сэра Товія Кутсъ, владѣльца замка Чильдерлей, въ кембриджскомъ графствѣ.

Послѣ этого торжественнаго заявленія, Бумпусъ и его друзья наклонились къ землѣ, чтобы поднять пестрый шестъ, разукрашенный лентами и флагами, но ихъ остановило восклицаніе Пикерлинга:

— Что это значитъ! Вотъ идетъ нашъ священникъ!

Въ это время съ каменной лѣстницы сосѣдняго дома сходилъ стройный молодой человѣкъ, средняго роста, съ тонкими чертами лица, въ которыхъ вмѣстѣ съ выраженіемъ доброты можно было замѣтить оттѣнокъ глубокой грусти. Черная священническая одежда представляла пріятный контрастъ съ свѣтло-каштановымъ цвѣтомъ его волосъ и темноголубыми глазами. За нимъ слѣдовали представители общины Чильдерлей; впереди всѣхъ шелъ церковный служитель съ большимъ листомъ бумаги въ рукахъ.

— Друзья мои, сказалъ священникъ, обращаясь къ толпѣ,—я вижу, вы собираетесь поставить майское дерево, и мнѣ очень обидно, что я долженъ помѣшать вашей радости... Но мы всѣ обязаны повиноваться властямъ...

— Хорошо сказано! замѣтилъ Пикерлингъ, важно кивнувъ головой въ знакъ одобренія.

— Никогда не осмѣливался я возражать вашей милости, сказалъ Мартинъ,—но на этотъ разъ позвольте спросить васъ, что можетъ быть дурнаго въ томъ, чего намъ не запрещалъ ни одинъ король? Неужели грѣхъ ставить майское дерево, когда наши отцы и дѣды продѣлывали это изъ году въ годъ!

— Грѣхъ всегда отличался мѣднымъ лбомъ! воскликнулъ Пикерлингъ. — Но пора положить конецъ безбожію и уничтожить остатки папизма и служеніе идоламъ...

— Довольно! сказалъ священникъ, останавливая краснорѣчіе мельника повелительнымъ жестомъ руки,—здѣсь не мѣсто разсуждать о подобныхъ вещахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ церковнослужителю, онъ приказалъ ему прочесть вслухъ полученную бумагу.

Этотъ началъ чтеніе.

«Всѣмъ добрымъ и вѣрнымъ гражданамъ городовъ и жителямъ мѣстечекъ и графствъ англійскаго королевства и княжества уэльскаго нижеслѣдующее:

«...Принимая во вниманіе, что день Господень и понынѣ оскверняется майскими деревьями (сообразно языческому обычаю, ведущему къ суевѣрію и грѣховности), мы, лорды и представители общинъ, повелѣваемъ, чтобы всѣ майскія деревья были сняты и уничтожены судейскими властями, казначеями, сборщиками податей, старшинами общинъ и учителями въ приходахъ, гдѣ окажутся таковыя деревья; и чтобы затѣмъ не было поставлено или допущено ни одного майскаго дерева въ англійскомъ королевствѣ или княжествѣ уэльскомъ. Мѣстное начальство обязано взыскивать штрафъ съ каждаго изъ поименованныхъ должностныхъ лицъ по пяти шиллинговъ въ недѣлю, пока будетъ стоять хотя бы одно майское дерево».

Когда чтеніе было окончено, священникъ сошелъ съ лѣстницы въ сопровожденіи старшинъ и, взявъ изъ рукъ церковнаго служителя листъ, на которомъ былъ изображенъ англійскій гербъ, а внизу приложена печать общины Чильдерлей, торжественно приклеилъ его къ церковнымъ дверямъ.

Собравшаяся толпа молча слушала и смотрѣла подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній: одни были видимо огорчены, другіе едва скрывали свою радость. Въ числѣ послѣднихъ былъ мельникъ Пикерлингъ.

— Ну, теперь, воскликнулъ онъ,—всѣ не только слышали полученный приказъ, но могутъ сами прочесть его на церковныхъ дверяхъ. Я желалъ бы видѣть того человѣка, который осмѣлится идти наперекоръ подобному запрещенію. Да будетъ благословенно имя Господа нашего!

При этомъ Пикерлингъ, несмотря на свои набожныя слова, бросилъ торжествующій взглядъ на Мартина, который стоялъ съ опущенной головой передъ разукрашеннымъ майскимъ деревомъ.

— Я поклялся, что поставлю сегодня майское дерево! пробормоталъ послѣдній вполголоса.

— Слова безбожника писаны на пескѣ, вѣтеръ заметаетъ ихъ! возразилъ стоявшій возлѣ него мельникъ назидательнымъ тономъ.

Мартинъ Бумпусъ не удостоилъ его отвѣтомъ.

— Пять шиллинговъ съ каждаго, пять, десять, пятнадцать... такъ наберется порядочная сумма, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой, пересчитывая должностныхъ лицъ, которыя, въ случаѣ его непослушанія, принуждены будутъ или употребить надъ нимъ насиліе, или заплатить штрафъ.

Между тѣмъ священники и старшины, исполнивъ свою обязанность, собирались разойтись по домамъ, но имъ загородилъ дорогу человѣкъ, неожиданное появленіе котораго вызвало громкія восклицанія радости со стороны собравшихся поселянъ.

— Вотъ и сэръ Товій! кричала толпа, размахивая руками и бросая въ воздухъ шапки.—Да здравствуетъ нашъ баронетъ!

Одинъ только Пикерлингъ и его приверженцы не раздѣляли общаго восторга. Лицо мельника, сіявшее отъ злорадства, внезапно омрачилось; онъ отошелъ въ сторону, назвавъ сквозь зубы баронета «откормленнымъ быкомъ», но такъ тихо, что его никто не могъ разслышать.

Мельникъ имѣлъ нѣкоторое основаніе выразиться такимъ образомъ о почтенномъ баронетѣ. Сэръ Товій Кутсъ, владѣлецъ Чильдерлея, былъ широкоплечій осанистый человѣкъ; блескъ глазъ и объемистая фигура свидѣтельствовали о превосходномъ его погребѣ и изобиліи кухни. На его лицѣ, исполненномъ благосклонности, гостепріимства и доброты, было какъ будто написано приглашеніе для каждаго, кто съумѣлъ бы оцѣнить его вино и былъ хорошимъ товарищемъ за столомъ. У него была медленная походка, но онъ ступалъ по землѣ съ твердымъ сознаніемъ, что онъ не хуже многихъ, которые странствуютъ по ней. Съ тѣмъ же сознаніемъ собственнаго достоинства опирался онъ на золотой набалдашникъ своей палки, окованной снизу желѣзомъ, и многозначительно поднималъ и опускалъ ее во время разговора.

— Здравствуйте, дѣти мои! здравствуйте! говорилъ онъ, отвѣчая на привѣтствіе толпы.

Онъ называлъ всѣхъ жителей деревни Чильдерлей своими дѣтьми, хотя многіе изъ нихъ могли быть не только его братьями, но и родителями. Правда, сэръ Товій давно пережилъ юношескій возрастъ, и ему было около пятидесяти лѣтъ, но это былъ бодрый человѣкъ, полный силъ и жизни. Онъ добродушно относился къ людямъ и люди любили его; а жители деревни Чильдерлей готовы были идти за нимъ въ огонь и воду.

— Да здравствуетъ сэръ Товій! Ура! крикнули они еще разъ, когда онъ подошелъ къ нимъ и снялъ свою шляпу, украшенную бѣлыми перьями.

— Какъ жарко сегодня, дѣти мои! сказалъ онъ, и вынувъ изъ кармана желтыхъ кожаныхъ панталонъ носовой платокъ тончайшаго полотна, вытеръ имъ лобъ.

Сэръ Товій Кутсъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ жарко во всякое время года и во всякую погоду. Въ виду этого онъ одѣвался такъ легко, какъ только позволяла мода. На немъ былъ широкій коричневый камзолъ, подбитый шелковой матеріей и обшитый кружевами, съ большими серебряными пуговицами. Онъ надѣвалъ плащъ только въ торжественныхъ случаяхъ и по большимъ праздникамъ; но всегда носилъ шарфъ черезъ плечо и шпагу у пояса.

Когда онъ немного пришелъ въ себя отъ утомленія, причиненнаго ходьбой отъ замка до деревни, то увидѣлъ, по выраженію лицъ и раздѣленію толпы на двѣ партіи, что произошло нѣчто не обыкновенное.

— Мое почтеніе! сказалъ онъ священнику.—Здравствуйте, господа! добавилъ онъ, слегка кивнувъ головой церковнымъ старшинамъ.—Позвольте спросить, что случилось здѣсь?

Священникъ, вмѣсто отвѣта, молча указалъ рукой на листъ прибитый къ церковнымъ дверямъ.

Баронетъ, поднявъ палку, направился мѣрнымъ шагомъ въ указанномъ направленіи; но прошло довольно много времени, пока онъ прочелъ приказъ и понялъ его, потому что почтенный баронетъ, ссылаясь на слабость зрѣнія, читалъ съ трудомъ и только въ крайнихъ случаяхъ принимался за такое несвойственное ему занятіе. Хотя въ лѣсу онъ могъ различить звѣря на огромномъ разстояніи и рѣдко давалъ промахъ изъ ружья, но передъ листомъ бумаги глаза отказывались служить ему. По крайней мѣрѣ сэръ Товій самъ вѣрилъ этому и старался увѣрить другихъ въ слабости своего зрѣнія.

Чтеніе приказа замѣтно взволновалъ его: съ лица исчезъ всякій слѣдъ добродушія, щеки поблѣднѣли отъ гнѣва. Онъ ударилъ палкой по землѣ и быстро повернулся къ толпѣ. Глаза его остановились на Мартинѣ, который въ печальной позѣ стоялъ около майскаго дерева.

— Мартинъ Бумпусъ, началъ баронетъ слегка дрожащимъ голосомъ, такъ какъ старался подавить взрывъ негодованія.—Что ты дѣлаешь тутъ?

— Завтра первое мая, сэръ! Вотъ мы и собрались сюда, мужчины, женщины, дѣвушки и парни деревни Чильдерлей, чтобы поставить майское дерево по старому обычаю, къ которому мы всѣ привыкли съ дѣтства...

— Ну, такъ что-же?

— Намъ прочитали приказъ, и все дѣло разстроилось!

— Какой приказъ? спросилъ сэръ Товій, наморщивъ лобъ и кусая губы, чтобы не сказать что нибудь лишнее.

— Вотъ этотъ, отвѣтилъ Мартинъ; при этомъ онъ презрительно пожалъ плечами и указалъ головой на бумагу, приклееную къ церковнымъ дверямъ.

— Кто издалъ этотъ приказъ?

— Лорды и представители общинъ, сэръ! отвѣтилъ одинъ изъ церковныхъ старшинъ.

Почтенный баронетъ снова ударилъ палкой по землѣ, и снова сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобы сдержать гнѣвъ, продолжалъ еще болѣе дрожащимъ голосомъ:—Его величество, Карлъ I, Божіей милостью король Англіи, Ирландіи и Шотландіи (при этихъ словахъ баронетъ снялъ шляпу и затѣмъ медленно одѣлъ ее), соизволилъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ издать декретъ, въ которомъ сказано, что «по окончаніи богослуженія никто не долженъ препятствовать увеселеніямъ его добраго народа, или удерживать отъ танцевъ, стрѣльбы изъ лука, майскихъ и другихъ игръ, также не мѣшать ему варить пиво во время праздника жатвы, ставить майскія деревья и т. п., если означенныя увеселенія будутъ происходить въ надлежащее время, а не въ часы, назначенные для богослуженія...» Вотъ подлинныя слова его величества, и теперь вопросъ: кого мы собственно должны слушать — короля или парламентъ?

Въ отвѣтъ на это раздался громкій и радостный крикъ толпы: Да здравствуетъ король Карлъ I! Ура!

Мельникъ Пикерлингъ стоялъ въ нерѣшимости; благочестіе боролась въ немъ съ уваженіемъ къ баронету и божій страхъ съ боязнью мести со стороны Мартина и его друзей; но онъ тотчасъ же пріободрился, и обращаясь къ небольшой группѣ своихъ единомышленниковъ, сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Воздадимъ хвалу Господу и воскликнемъ: да здравствуетъ парламентъ!

Сэръ Товій едва не вспылилъ, но священникъ успѣлъ во-время остановить его.

— Мы обязаны повиноваться властямъ, сэръ! сказалъ онъ.

— Благодарю васъ! отвѣтилъ баронетъ, дружески пожимая руку священнику за своевременное предостереженіе.

Сэръ Товій былъ вспыльчивый человѣкъ, и ему стоило немало труда молчать, если онъ видѣлъ несправедливость. «Какая польза быть честнымъ человѣкомъ, если нельзя называть подлецовъ ихъ настоящимъ именемъ», говорилъ онъ, обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ. Этого правила придерживался онъ всю свою жизнь и только въ послѣдніе годы сталъ онъ какъ будто осмотрительнѣе. Поверхностный наблюдатель могъ бы объяснить такую перемѣну благоразуміемъ и разсчетомъ, хотя почтенный баронетъ менѣе всего обладалъ этими качествами. Правда, замокъ его и деревня стояли нетронутые, несмотря на войну, которая уже три года опустошала англійскія поля, превращала въ груды пепла и развалинъ города и деревни. Вслѣдствіе этого, многіе составили себѣ высокое понятіе о ловкости владѣльца Чильдерлея и несовсѣмъ довѣряли его безкорыстію и честности. Но тѣ, которые лучше знали его, были убѣ-

ждены, что ему покровительствуетъ какой нибудь сильный человѣкъ и что онъ, не желая злоупотреблять этимъ, считаетъ нужнымъ сдерживать себя. Догадка эта не была лишена основанія, и близкіе друзья баронета, посвященные въ тайну, всегда спѣшили остановить его, когда ему грозила опасность сказать что нибудь лишнее.

На этотъ разъ баранету было особенно трудно сдержать свое негодованіе, но онъ мало-по-малу овладѣлъ собой и, обращаясь къ толпѣ, сказалъ отрывистымъ голосомъ:

— Изъ этого приказа видно, что, во-первыхъ, парламентъ предписываетъ больше не ставить майскихъ деревьевъ; второе предписаніе парламента заключается въ томъ, чтобы каждое должностное лицо платило штрафъ по пяти шиллинговъ въ недѣлю за всякое майское дерево, которое отнынѣ будетъ поставлено вопреки запрещенію. Но само собою разумѣется, что изъ этихъ двухъ предписаній только одно можетъ быть приведено въ исполненіе. Мы или вовсе не поставимъ майскаго дерева и не будемъ платить штрафа, или-же заплатимъ штрафъ и тогда можемъ поставить дерево...

— Вѣрно! Баронетъ правъ! послышалось въ толпѣ.

— Я уже думалъ объ этомъ, сэръ, возразилъ Мартинъ нерѣшительнымъ голосомъ, — но вѣдь для этого нужно много, много денегъ...

Почтенный баронетъ задумался и послѣ минутнаго малчанія сказалъ:

— Я беру на себя весь штрафъ; у васъ будетъ майское дерево!

Толпа громче прежняго выразила свой восторгъ. — Да здравствуетъ баронетъ! крикнули всѣ присутствующіе за исключеніемъ Пикерлинга, который едва скрывалъ свое неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что соблазнъ былъ настолько великъ, что онъ боялся измѣны со стороны своихъ немногихъ приверженцевъ.

Радость сіяла на лицахъ, которыя за минуту передъ тѣмъ казались мрачными и печальными.

— Посторонитесь! воскликнулъ Мартинъ Бумпусъ, къ которому вернулась его прежняя энергія и сознаніе собственнаго достоинства.—Прочь отсюда, молодыя дѣвушки, развѣ не видите, что вы загородили всю дорогу.

— Ну, не сердись! сказала Ганна, щеки которой пылали отъ удовольствія еще ярче, нежели ихъ окрасила природа,—я хотѣла только напомнить тебѣ, что мы танцуемъ съ тобой первый танецъ.

— Смотри же, сдержи слово! отвѣтилъ Мартинъ съ самодовольной улыбкой. Благодаря перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ снова сдѣлался центромъ деревенскаго сборища. Его приказанія тѣмъ охотнѣе исполнялись, что онъ усерднѣе всѣхъ принялся за работу.

Посреди площади вырыли яму противъ церковной двери, гдѣ былъ прибитъ приказъ. Всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи, предвкушая заранѣе удовольствія предстоящаго праздника. Не много

нужно для народа, чтобы перейти отъ унынія къ радости, такъ какъ масса имѣетъ непосредственную связь съ природой; достаточно дуновенія вѣтра, чтобы склонить народъ въ ту или другую, иногда даже совершенно противоположную сторону.

Между тѣмъ молодой священникъ казался озабоченнымъ; на его лицѣ можно былъ замѣтить борьбу различныхъ ощущеній.

— Докторъ, сказалъ почтенный баронетъ, обращаясь къ нему съ видимымъ желаніемъ вызвать его на объясненія, — я не понимаю, почему мы не можемъ доставить удовольствія этимъ людямъ, оно такъ невинно само по себѣ...

— Не спорю противъ этого, возразилъ священникъ, — но мы живемъ въ такія времена, когда нужно избѣгать даже невинныхъ вещей, которыя могли бы подать поводъ къ лишнимъ толкамъ и раздору.

— Милый другъ, сказалъ баронетъ, — я самъ читалъ библію, хотя у меня не всегда найдется готовое изреченіе, какъ у этихъ ханжей, которые выворачиваютъ глаза изъ желанія придать себѣ благочестивый видъ! Чтобы ихъ ч....

— Мнѣ кажется, сказалъ священникъ, прерывая его, — что о такихъ вещахъ можетъ судить только тотъ, который читаетъ въ сердцахъ людей.

— Вы правы... я хотѣлъ только сказать, что довольно сносно знаю библію, хотя давно не читалъ ее. Однако я не нашелъ въ ней ни одного слова, которымъ бы запрещались танцы. Напротивъ того, сколько помнится, тамъ написано, что царь Давидъ самъ плясалъ передъ ковчегомъ завѣта. Объясните пожалуйста, почему же эти люди не могутъ танцовать около майскаго дерева?

— Лучше не спрашивайте меня объ этомъ, сказалъ священникъ вполголоса.

— Говорите прямо, что̀ вы думаете, г-нъ докторъ; я всегда готовъ выслушать ваше мнѣніе.

— Вы знаете, что въ восточныхъ графствахъ далеко не благопріятное настроеніе умовъ, а тѣмъ болѣе въ Кембриджѣ. Я съ ужасомъ думаю объ уединенномъ мѣстопребываніи епископа и прекрасномъ соборѣ въ трехъ миляхъ отсюда. Мы не должны обманывать себя. Время испытанія приближается! Благо намъ, если мы останемся вѣрны Богу и... добавилъ онъ почти шопотомъ,—нашему королю. Но мы не должны ломать преждевременно послѣдней преграды.

— Тепѐрь я понимаю, на что вы намекаете! Но я не хочу и слушать объ этомъ!.. Да проститъ Господь владѣльцу Чильдерлея, если онъ разъ въ жизни нарушитъ слово, данное мертвымъ, чтобы сдержать то, которое онъ далъ живымъ людямъ. Нѣтъ, г-нъ докторъ, не говорите больше объ этомъ! продолжалъ сэръ Товій съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ волненія, и обращаясь къ толпѣ деревенскихъ жителей, добавилъ:

— Ну, дѣти мои, даю частное слово, что у васъ будетъ музыка и вы попляшете вдоволь. Мало этого, завтра, съ восходомъ солнца, мы всѣ торжественно отправимся къ «евангельскому» дубу. Мои дѣти и домочадцы будутъ сопровождать шествіе въ костюмахъ, какъ было въ обычаѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ домъ Чильдерлей, и по примѣру того, какъ дѣлали это мои предки изъ рода въ родъ.

Всѣмъ было извѣстно, что баронетъ всегда держитъ свои обѣщанія, и поэтому слова его были встрѣчены громкими криками восторга, тѣмъ болѣе, что предстоящій праздникъ долженъ былъ превзойти самыя смѣлыя ожиданія.

Между тѣмъ работа настолько подвинулась, что можно было поставить майское дерево.

— Давайте его сюда! крикнулъ Мартинъ, стоя въ вырытой ямѣ. — Ну, хорошо! сказалъ онъ, когда съ полдюжины здоровыхъ деревенскихъ парней исполнили его приказаніе.—Теперь привяжите флагъ и вѣнокъ! Смотрите только, чтобы не слетѣлъ пѣтухъ!

Дерево укрѣпили въ ямѣ и сравняли вокругъ него землю, такъ что оно скоро предстало во всемъ великолѣпіи передъ глазами восхищенныхъ жителей. Цвѣты въ вѣнкѣ и остатки позолоты на крыльяхъ пѣтуха блестѣли красноватымъ свѣтомъ, освѣщенные лучами заходящаго солнца.

— Вотъ и угощеніе нашему распорядителю работъ! воскликнулъ хозяинъ деревенскаго шинка подъ вывѣской: «the pig and whistle» (свинья и свистокъ), подходя къ своему другу Мартину съ большой оловяной кружкой, наполненной до краевъ темножелтымъ элемъ.

Мартинъ лѣвой рукой вытеръ лобъ, а въ правую взялъ кружку и провозгласилъ слѣдующій тостъ, который былъ съ восторгомъ принятъ окружающими:

«Вотъ стоитъ майское дерево,
Поэтому пью я пиво
За здоровье всѣхъ,
Кто оказалъ мнѣ помощь;
Ахъ, нѣтъ, сперва пью за тѣхъ,
Кто заботливо и съ стараніемъ
Свилъ ему корону изъ цвѣтовъ»...

Импровизаторъ при послѣднихъ словахъ почтительно поклонился деревенскимъ красавицамъ и выпилъ большой глотокъ; но такъ какъ встарину кружки были почтенныхъ размѣровъ, то элю осталось достаточное количество, и оловянный сосудъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки.

Въ это время раздался серьёзный и торжественный звонъ стараго деревенскаго колокола.

— Развѣ я не сказалъ вамъ, воскликнулъ Мартинъ,—что майское дерево будетъ стоять на этомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ мы услышимъ вечерній колоколъ! Вотъ оно предъ вами!

Всѣ невольно бросили взглядъ на высокій шестъ, красиво и богато разукрашенный снизу до самой верхушки.

— Однако, прощайте, дѣти мои! сказалъ владѣлецъ замка, собираясь въ обратный путь; затѣмъ онъ протянулъ руку священнику и сказалъ вполголоса:—не забудьте, что вы обѣщали поужинать съ нами; мы будемъ ждать васъ.

— Благодарю васъ, я прійду, отвѣтилъ священникъ, направляясь медленными шагами въ скромный приходскій домъ.

Мало-по-малу опустѣла площадь передъ церковью, которая еще такъ недавно была переполнена шумной толпой. Позже всѣхъ оставался на мѣстѣ благочестивый Пикерлингъ съ тремя или четырьмя своими приверженцами; онъ молча слѣдилъ глазами за владѣльцемъ Чильдерлея, который съ видимымъ трудомъ поднимался по крутой дорогѣ, ведущей къ замку, и наконецъ исчезъ въ зелени.

— Теперь, друзья мои, пойдемте на мельницу! сказалъ Пикерлинъ, обращаясь къ своимъ приверженцамъ.—Я долженъ посовѣтоваться съ вами, такъ какъ считаю необходимымъ сообщить немедленно нашимъ благочестивымъ сосѣдамъ о совершенномъ святотатствѣ, чтобы сообща вооружиться противъ него.

Наконецъ, все затихло на церковной площади, и только надъ замкомъ Чильдерлей виднѣлись послѣдніе красноватые лучи вечерняго солнца.

ГЛАВА II.

Замокъ Чильдерлей и нѣкоторые изъ его обитателей.

Сэръ Товій продолжалъ путь. Сначала онъ шелъ своей обычной равномѣрной походкой, не особенно быстрой, не медленной, но которая вполнѣ соотвѣтствовала его годамъ, званію и темпераменту. Однако, мало-по-малу, незамѣтно для него самаго, онъ сталъ дѣлать то маленькіе, то большіе шаги, шелъ медленно или очень быстро, изъ чего можно было заключить, что голова его занята мыслями, нарушавшими его душевное спокойствіе.—Не подлежитъ сомнѣнію, разсуждалъ онъ самъ съ собой, внезапно останавливаясь, если они выберутъ этотъ путь, то могутъ проѣхать въ Гутигдонъ черезъ Нортемтонъ или Бедфордъ. Эти два графства вполнѣ безопасны, тамъ всюду лѣса и тропинки между живыми изгородями, тогда какъ у насъ въ Кембриджѣ, едва всадникъ съѣдетъ съ большой королевской дороги, то попадаетъ въ степь или болото и можетъ совсѣмъ завязнуть въ немъ. Все затрудненіе заключается въ томъ, какъ я доставлю ихъ туда...

Вопросъ этотъ былъ настолько важенъ, что баронетъ снова пустился въ путь ускореннымъ шагомъ, чтобы обдумать на свободѣ планъ дѣйствій.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, покачивая головой и поднимаясь по тропинкѣ, которая, обогнувъ холмъ, шла почти отвѣсно вверхъ; это будетъ слишкомъ рискованно! Я умалчиваю о Чильдерлеѣ, хотя и здѣсь завелись у насъ негодяи, которые не только вскидываютъ глаза къ небу и бормочутъ молитвы при всякомъ удобномъ случаѣ, но могутъ сдѣлать доносъ и вовлечь въ величайшую опасность любаго изъ кавалеровъ, преданныхъ королю [1]). Ну, а проѣхать верхомъ по другимъ деревнямъ въ рыцарскомъ вооруженіи, или даже пройти пѣшкомъ—все равно что прямо разоблачить тайну. Нужно придумать что нибудь другое, потому что у этихъ лицемѣровъ замѣчательно тонкое чутье.

Баронетъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и остановился передъ однимъ изъ большихъ старыхъ каштановъ, окаймлявшихъ тропинку, ведущую къ замку.—Вотъ здѣсь, сказалъ онъ (намѣтивъ точку на пескѣ остріемъ своей палки)—Оксфордъ, гдѣ король расположился съ своимъ дворомъ, знатью и арміей; а тутъ, добавилъ онъ, (указывая на другую въ пескѣ),—Чильдерлей, гдѣ живетъ вѣрный роялистъ, домъ котораго къ несчастью находится среди самаго мятежнаго графства; а вотъ и дорога! (при этомъ сэръ Товій провелъ палкой прямую линію отъ одной точки къ другой),—Богъ знаетъ, удастся ли имъ благополучно добраться до мѣста! Если бы дѣло шло объ ихъ личной безопасности, то я былъ бы совершенно спокоенъ и ручаюсь, что ни одинъ круглоголовый съ своими ослиными ушами не осмѣлился бы потревожить ихъ въ моемъ домѣ. Но вопросъ въ томъ, что они должны немедленно передать секретныя бумаги его величеству, а это не такъ легко устроить...

Тутъ баронетъ медленнѣе обыкновеннаго поднялся на вершину холма, на которомъ стоялъ замокъ, построенный въ стилѣ Тюдоровъ. Темноголубая вечерняя тѣнь покрывала красноватыя стѣны и широкую дорогу, ведущую къ воротамъ между двумя башнями. Передъ владѣльцемъ Чильдерлея разстилался весеній ландшафтъ съ нѣжной окраской этого времени года, въ моментъ солнечнаго заката, когда вечернія сумерки мало-по-малу опускаются надъ землей. Чуть слышно доносились звуки колокольчиковъ изъ обширной равнины, покрытой лугами, гдѣ паслись оставленныя на ночь стада. Вдали черной лентой извивалась рѣка на свѣтлозеленой поверхности пастбищъ, гдѣ мѣстами были разбросаны группы вѣковыхъ дубовъ и вязовъ и деревни, гонтовыя крыши которыхъ были

[1]) Дворяне, обязанные по феодальному праву нести съ своими вассалами конную службу въ королевскомъ войскѣ, назывались **кавалерами** въ противоположность республиканцамъ или **круглоголовымъ**.

живописно окаймлены бѣлоснѣжными цвѣтами плодовыхъ деревьевъ. Между тѣмъ на западѣ, на самомъ краю горизонта, все еще виднѣлась надъ лѣсомъ пурпуровая полоса свѣта, на которой отчетливо обрисовывались разнообразные контуры дерьевъ. Картина эта была настолько знакома владѣльцу зàмка, что онъ едва ли могъ найти въ ней что либо новое, но теперь все его вниманіе было привлечено лѣсомъ лежащимъ на западѣ. Въ лицѣ и манерахъ почтеннаго джентльмена произошла внезапная перемѣна; онъ замахалъ шляпой, какъ бы привѣтствуя новую мысль, озарившую его голову.—Браво! воскликнулъ онъ;—вотъ Лонгстовскій лѣсъ! Этой дорогой поѣдетъ посланный ея величества черезъ Бедфордъ и Букингемъ, а оттуда прямо въ Оксфордъ!

Сэръ Товій Кутсъ еще нѣкоторое время простоялъ въ нѣмомъ созерцаніи знакомаго ландшафта, который все болѣе и болѣе погружался въ сумерки, и отъ котораго уже вѣяло сырымъ дуновеніемъ ночи. Съ сердцемъ, исполннымъ радостной увѣренности, направился онъ къ подъемному мосту надъ рвомъ, окружавшимъ зàмокъ. Ровъ былъ очень глубокій, но совершенно высохшій, и только кое-гдѣ виднѣлись остатки шлюзовъ и подземныхъ водопроводовъ. За рвомъ возвышался высокій земляной валъ, обросшій травой, такъ что на извѣстномъ разстояніи можно было видѣть только верхніе этажи зàмка и четырехугольныя башни. Подъемный мостъ велъ къ главному входу, который былъ защищенъ рѣшеткой и наглухо закрытой дверью изъ толстыхъ досокъ, окованныхъ желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ въ стѣнныхъ бойницахъ были вставлены длинныя тонкія пушки, называемыя въ тѣ времена «полевыми шлангами». Зàмокъ съ своими рѣшетками, стѣнами и разными приспособленіями къ защитѣ производилъ впечатлѣніе хорошо вооруженной крѣпости, хотя не видно было ни одного солдата, кромѣ сторожа при башнѣ. Но въ эту безпокойную эпоху, когда война и миръ были также неразлучны, какъ песокъ съ водой на морскомъ берегу, все мужское населеніе зàмка было всегда готово взяться за оружіе по первому знаку своего властелина.

Едва баронетъ прошелъ нѣсколько шаговъ по двору зàмка, какъ послышались радостныя восклицанія двухъ звонкихъ молодыхъ голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ, на встрѣчу ему выбѣжала дѣвушка, стройная фигура которой обрисовывалась тонкими граціозными линіями въ вечернихъ сумеркахъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея шелъ ея младшій братъ, держа за повода малорослую бѣлую лошадь.

— Добрый вечеръ, Оливія! сказалъ баронетъ, цѣлуя лобъ дочери;—вотъ и мистеръ Джонъ! Откуда вы?

— Мы бѣгали по лугу, пока наши лошади щипали траву. Правда ли, сэръ, что они поставили тамъ въ деревнѣ «майское дерево», и мы завтра отправимся переряженные въ лѣсъ за майской вѣткой?

— Да, Оливія, возразилъ отецъ, — тебѣ сказали правду, и ты будешь завтра исполнять роль Маріаны.

— Ахъ, какъ я рада, слышишь ли, Джонъ! воскликнула дѣвушка, хлопая въ ладоши отъ восхищенія.

— А я буду Робинъ Гудъ, сказалъ мальчикъ; — годъ тому назадъ меня все еще называли маленькимъ Джономъ, но съ тѣхъ поръ я выросъ на нѣсколько вершковъ!

— Разумѣется, отвѣтилъ сэръ Товій,—ты надѣнешь завтра зеленое платье и возьмешь съ собой лукъ и стрѣлы.

— Кто же будетъ Тукомъ? спросилъ Джонъ, который не хотѣлъ больше брать на себя свою прежнюю роль, тѣмъ болѣе, что для своего тринадцатилѣтняго возраста былъ довольно великъ ростомъ.

— А кто будетъ Вилль Стукели? спросила Оливія.

— Мы уже позаботимся, чтобы все было въ порядкѣ! возразилъ баронетъ успокоительнымъ тономъ.

Дѣти его, выросшіе въ одиночествѣ деревенской жизни, въ непосредственномъ сообщеніи съ природой, хотя по годамъ своимъ вышли изъ ранняго дѣтства, но сохранили душевную свѣжесть, подобно цвѣтамъ при утренней росѣ, пока до нихъ не коснется солнечный лучъ или человѣческая рука.

— Оливія, сказалъ баронетъ ласковымъ голосомъ, протягивая руку дочери,—ты должна привыкать къ обязанностямъ хозяйки дома, такъ какъ тебѣ извѣстно, что съ тѣхъ поръ какъ умерла твоя мать, зàмокъ Чильдерлей сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Ты теперь настолько выросла и поумнѣла, что ни въ чемъ не уступишь любой молодой леди въ нашемъ сосѣдствѣ. Если ты намѣрена еще долго бродить на свободѣ по лѣсамъ и полямъ, то все-таки не слѣдуетъ забывать, что домъ дворянина долженъ быть всегда открытъ для пріема гостей...

— Я была бы счастлива сэръ, сказала дѣвушка серьезнымъ тономъ, который представлялъ странный контрастъ съ свойственнымъ ей дѣтскимъ простодушіемъ, — если бы могла, по примѣру матери, придать комфортабельность дому Чильдерлей и успокоить моего дорогаго отца. Привѣтствую заранѣе гостей, которыхъ онъ ждетъ сегодня.

— Гости уже давно здѣсь, сказалъ баронетъ, понизивъ голосъ.

— Гости здѣсь! повторила съ удивленіемъ Оливія. — Когда же они пріѣхали?

— Сегодня утромъ съ восходомъ солнца.

— Какъ странно, что я ничего не слыхала объ этомъ!

— Никто не знаетъ этого, кромѣ меня; и Боже избави, если у кого нибудь явится тѣнь подозрѣнія...

— Это, вѣроятно, кавалеры, которые скрываются отъ враговъ? спросила Оливія, боязливо прижимаясь къ отцу.

— Хуже этого! отвѣтилъ баронетъ вполголоса. — Ихъ послала сюда королева.

— Наша несчастная королева?

— Да, Генріэта Марія, продолжалъ владѣлецъ Чильдерлея, пожимая руку дочери.—Оливія, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—ты сама дочь кавалера, и не заставишь меня раскаяться въ моемъ довѣріи къ тебѣ.

— Никогда въ жизни! воскликнула Оливія съ искреннимъ порывомъ молодости.

Баронетъ одобрительно кивнулъ головой.—Весь день я долженъ былъ скрыть ихъ въ моемъ зàмкѣ, сказалъ онъ,—но вечеромъ мы угостимъ нашихъ гостей соотвѣтственно ихъ званію и чести дома Чильдерлей. Докторъ Гевиттъ также обѣщалъ придти къ ужину.

— Очень рада буду видѣть нашего почтеннаго священника. Онъ не только мой учитель, но и лучшій другъ.

— Прежде всего необходимо сохранить строжайшую тайну, продолжалъ сэръ Товій. — Хотя я надѣюсь, что измѣна и лицемѣріе еще не успѣли проникнуть въ нашъ зàмокъ, но я могу ошибаться. Въ деревнѣ уже завелись ханжи; кто можетъ поручиться, что я обезпеченъ отъ этого зла въ своемъ домѣ. Въ одномъ человѣкѣ я вполнѣ увѣренъ, и знаю, что онъ стоитъ также твердо на своихъ ногахъ, какъ любой дубъ въ лонгстовскомъ лѣсу. Гдѣ Мартинъ Бумпусъ?

Оливія поспѣшно удалилась, чтобы позвать Бумпуса, который былъ самой необходимой особой въ патріархальномъ хозяйствѣ кавалера Чильдерлей и, совмѣщая въ себѣ всевозможныя должности, былъ, такъ сказать, человѣкомъ на всѣ руки. Ему было знакомо ремесло плотника, бочара, столяра и маляра; при этомъ онъ былъ красивый малый, веселаго характера, силачъ и пользовался предпочтеніемъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя охотно танцовали съ нимъ. Въ замкѣ Чильдерлей онъ не только завѣдывалъ всѣми кладовыми, но и погребомъ, гдѣ былъ большой запасъ бѣлыхъ и красныхъ испанскихъ и французскихъ винъ; при изготовленіи мѣстнаго вина изъ крыжовника онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе. Въ торжественныхъ случахъ онъ отправлялся на кухню и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы вертелъ оборачивался съ надлежащей медленностью, а жиръ стекалъ въ одно мѣсто по всѣмъ правиламъ искусства. Никто лучше его не приготовлялъ дичины, которую онъ большею частью убивалъ собственными руками. Это преимущество было предоставлено ему за мѣткость выстрѣловъ, и на охотѣ онъ всегда ѣхалъ рядомъ съ своимъ господиномъ. Во время годичныхъ праздниковъ, которые справлялись по старинному обычаю, напримѣръ, Рождество, когда на столъ ставили кабанью голову или въ день его патрона св. Мартина, когда подавали гуся,— онъ исполнялъ роль распорядителя пира—«master of therevel». Если

въ замкѣ были гости, то онъ являлся въ качествѣ церемоніймейстера, а въ обыкновенное время исполнялъ должность дворецкаго. Однимъ словомъ, не было случая, гдѣ бы Мартинъ Бумпусъ оказался неспособнымъ, хотя онъ былъ не только первымъ должностнымъ лицомъ въ господскомъ домѣ, но и послѣднимъ слугой; кромѣ того, баронетъ постоянно давалъ ему всевозможныя порученія.

Мартинъ Бумпусъ, большею частью называемый бочаромъ по своей первоначальной профессіи, поспѣшилъ на зовъ своего господина, такъ какъ расторопность была не послѣднимъ его достоинствомъ. Окончивъ сооруженіе майскаго дерева на церковной площади, онъ немедленно вернулся въ замокъ, который былъ главнымъ центромъ его разнообразной дѣятельности.

Бумпусъ предсталъ передъ своимъ господиномъ въ большомъ кожаномъ передникѣ, съ руками, засученными по локоть, и съ подковой въ рукѣ, такъ какъ въ случаѣ надобности исполнялъ обязанность кузнеца.

— Мартинъ, сказалъ баронетъ, — я вижу, тебя оторвали отъ работы.

— Она будетъ окончена въ нѣсколько минутъ! отвѣтилъ вѣрный слуга.—Я хотѣлъ только подковать пони молодой леди для завтрашняго выѣзда.

— Нѣтъ, оставь это до другаго раза, сказала Оливія, которая вслѣдъ за Мартиномъ вошла въ комнату.—Пони и такъ пробѣжитъ въ лѣсу; тамъ ровная дорога. Ты нуженъ сегодня въ замкѣ, чтобы приготовить ужинъ для гостей.

— Господи помилуй! воскликнулъ съ удивленіемъ Мартинъ.— Сегодня вечеромъ будетъ ужинъ! Гдѣ же гости?

— Они уже здѣсь, сказалъ баронетъ, — совѣтую тебѣ держать языкъ за зубами и никому не болтать объ этомъ!

— Понимаю! отвѣтилъ Мартинъ многозначительнымъ тономъ; при этомъ лицо его приняло серьезное, сосредоточенное выраженіе.

— Наши гости, продолжалъ баронетъ, — только что совершили длинный путь; поэтому нужно подкрѣпить ихъ порядочнымъ ужиномъ.

— Pro primo, сказалъ бочаръ, который на своей родинѣ, Гутингдонѣ, выучился немного по-латинѣ въ приходской школѣ, и любилъ употреблять латинскія слова въ тѣ минуты, когда владѣлецъ замка удостоивалъ его особеннымъ довѣріемъ.

— Позаботься также, чтобы не было недостатка въ винѣ; подай лучшее, какое у насъ есть въ погребѣ. Гости наши должны набраться силъ къ дорогѣ, хотя она и не такъ велика, какъ та, по которой они проѣхали, но можетъ быть еще опаснѣе и затруднительнѣе.

— Pro secundo, сказалъ бочаръ, между тѣмъ какъ его живая фантазія рисовала ему длинный рядъ разставленныхъ на столѣ бутылокъ всевозможной формы.

— Ты будешь самъ прислуживать намъ, продолжалъ баронетъ,— никто въ зàмкѣ не долженъ знать: кто наши гости, какъ ихъ зовутъ и откуда они?

— Это тѣмъ легче исполнить, возразилъ вѣрный слуга,—что я самъ ничего не знаю о нихъ.

— Ну, пойди и приготовь все, какъ я тебѣ приказалъ, добавилъ баронетъ, —когда я позвоню, ты внесешь свѣчи въ большую залу.

— Хорошо, сэръ! все будетъ исполнено! отвѣтилъ Бумпусъ, поспѣшно выходя изъ комнаты съ подковой въ рукахъ.

— Теперь я тебя оставлю одну, Оливія, чтобы ты могла сдѣлать необходимыя распоряженія, сказалъ баронетъ, обращаясь къ дочери. — Я надѣюсь, что ты надлежащимъ образомъ исполнишь роль хозяйки зàмка, хотя она совершенно новая для тебя. Само собою разумѣется, что нельзя научиться быть привѣтливой и услужливой, такъ какъ для этого нужно имѣть прежде всего доброе сердце. Но въ этомъ ты совсѣмъ похожа на мать, моя дорогая Оливія.

Онъ подошелъ къ дверямъ и опять вернулся.

— Ты можешь сообщить брату о томъ, чтò я говорилъ тебѣ. Мальчугану скоро исполнится четырнадцать лѣтъ. Онъ долженъ научиться хранить тайны короля; можетъ быть, со временемъ на его долю выпадутъ не легкія испытанія. Сегодня вечеромъ онъ будетъ ужинать вмѣстѣ съ нами; посовѣтуй ему, чтобы онъ велъ себя какъ взрослый мужчина и честный человѣкъ, чтобы со временемъ сдѣлаться такимъ же храбрымъ и безупречнымъ кавалеромъ, какъ эти господа.

ГЛАВА III.

Гости.

Въ то время, какъ въ погребѣ зàмка Чильдерлей послышался необычайный шумъ и огонь ярко запылалъ на кухнѣ, сэръ Товій Кутсъ направился къ лѣстницѣ, ведущей къ средней части зàмка, которая только и была обитаема въ данное время. Боковые флигеля находились въ состояніи полнаго запустѣнія, такъ какъ уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начались междуусобія въ королевствѣ и особенно со смерти хозяйки дома, зàмокъ Чильдерлей не видѣлъ больше веселыхъ празднествъ, торжественныхъ пріемовъ и пировъ, которые такъ часто устраивались здѣсь для сосѣдняго дворянства. Большинство дворянскихъ фамилій въ Кембриджскомъ графствѣ и Гунтингдонѣ измѣнило королю и присоединилось къ парламенту. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ этой

мѣстности, лордъ Монтегъ, графъ Манчестеръ, зàмокъ котораго Кимбольтонъ находился не болѣе какъ въ десяти миляхъ отъ Чильдерлея,—не только перешелъ на сторону парламента, но даже самъ сдѣлался предводителемъ мятежниковъ. Съ этихъ дней общаго разъединенія опустѣли гостепріимныя залы Чильдерлей-гауза, обширныя комнаты, роскошно убранныя галлереи, гдѣ нѣкогда баронетъ и его супруга радушно принимали изысканное общество сосѣднихъ графствъ: лордовъ, леди, ихъ юныхъ сыновей и дочерей. Теперь эти самыя залы, комнаты и галлереи были превращены въ кладовыя, гдѣ хранились овощи, запасы хлѣба и другіе съѣстые продукты.

Владѣлецъ Чильдерлея вошелъ въ широкія сѣни, въ концѣ которыхъ находилась большая зала. Она не была освѣщена, но въ каминѣ противъ входной двери горѣли яркимъ пламенемъ съ трескомъ и хрустѣніемъ толстыя дубовыя полѣнья. Встарину люди не такъ скупились на дрова, какъ теперь; цѣлые лѣса уничтожались для топки печей и каминовъ; никто не бралъ въ разсчетъ время года, и не считалъ нужнымъ думать о томъ: можетъ ли онъ обойтись безъ огня или нѣтъ. Въ тѣ времена, когда щедрой рукой наполнялись тарелки и кружки, также щедро уничтожались и дрова. Въ апрѣльскій вечеръ, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, стало довольно свѣжо послѣ солнечнаго заката, особенно въ высокой мрачной залѣ, гдѣ поломъ служили каменныя плиты. Уютный свѣтъ огня далеко распространялся по полу, противоположной стѣнѣ и поднимался до самого потолка; между тѣмъ какъ остальная комната была погружена въ таинственный полумракъ. Налѣво, вдоль длинной стѣны, виднѣлся рядъ широкихъ стрѣльчатыхъ оконъ, стекла которыхъ казались бѣловатыми на туманномъ фонѣ; кое-гдѣ отражались въ нихъ полосы огня. Все было тихо въ залѣ и вокругъ нея.

Баронетъ шелъ чуть слышными шагами на свѣтъ камина; затѣмъ подошелъ къ правой стѣнѣ, которая была украшена подъ потолкомъ оленьими рогами. Слабый отблескъ свѣта тускло освѣщалъ старинное и новѣйшее оружіе, развѣшанное на стѣнѣ: алебарды, пики, рыцарскія мечи, пистолеты и ружья. Баронетъ остановился у стѣны, и хотя онъ зналъ, что никого нѣтъ въ залѣ, но все-таки боязливо оглянулся по сторонамъ и началъ прислушиваться. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ полной безопасности, онъ трижды постучалъ пальцемъ въ дубовую панель, покрывающую стѣну; въ тотъ же моментъ раздались глухіе шаги, которые поспѣшно приближались и остановились около стѣны съ другой стороны. Баронетъ еще разъ постучалъ въ стѣну, и услышалъ мужской голосъ, который спросилъ:

— Вы ли это, сэръ Товій?

— Разумѣется, я; да поможетъ мнѣ Господь! отвѣтилъ почтен-

ный джентльменъ, и, вынувъ ключъ изъ кармана, вложилъ его въ замокъ, прикрытый панелью; послѣдняя тотчасъ же подалась и за нею образовалось отверстіе, въ которое человѣкъ могъ пройти только согнувшись. За этимъ отверстіемъ была потайная комната; даже въ свѣтлый день она была едва освѣщена сверху; а теперь въ ней царилъ такой мракъ, что невозможно было различить фигуры того человѣка, съ которымъ такъ таинственно разговаривалъ сэръ Товій.

Въ тѣ времена въ Англіи чуть ли не въ каждомъ роялистическомъ зàмкѣ было устроено одно или нѣсколько такихъ убѣжищъ, называемыхъ «the priests'holes» т. е. «священническія норы», такъ какъ первоначально они не имѣли другаго назначенія, какъ только служить убѣжищемъ католическимъ священникамъ. На послѣднихъ прежде всего обрушилась злоба англійскаго народа въ первый періодъ возстанія, которое вскорѣ должно было переродиться въ революцію и междоусобную войну. Но въ одинъ прекрасный день священническія норы заняли люди съ иными лицами и покроемъ платья, принадлежащіе къ духовенству англиканской церкви. Хотя фактически, благодаря Лютеру, они были отдѣлены отъ католической церкви, но на нихъ пало подозрѣніе, что въ случаѣ крайности они не отказались отъ помощи, которую одни находили въ королѣ, другіе въ лицѣ королевы. Прошло еще нѣкоторое время и въ «священническихъ норахъ» появились богато одѣтые графы, маркизы, герцоги; сначала они поддерживали гонимыхъ священниковъ и епископовъ, а затѣмъ сами должны были спасаться отъ преслѣдованій въ тайникахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха. Такъ, во время революціи, на сцену выступаютъ личности, всплываютъ то вверхъ, то опять опускаются внизъ и исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ. Между тѣмъ, подъ землей неустанно несется мрачный могучій потокъ, который насильственно стремится къ цѣли съ роковой, неудержимой силой, тогда какъ на поверхности образуются партіи, обвиняютъ другъ друга въ измѣнѣ, ведутъ ожесточенную борьбу, побѣждаютъ одни другихъ и уносятся волной вмѣстѣ съ пѣной бурнаго потока.

Быть можетъ, тѣ же мысли смутно проснулись въ головѣ баронета, когда онъ наклонился къ отверстію, чтобы подать руку таинственному человѣку, стоявшему за стѣной.

— Выходите, другъ мой! сказалъ онъ,—только будьте осторожны, дверь настолько низка сверху и высока снизу, что можно легко упасть и сломать себѣ спинной хребетъ. Тѣмъ не менѣе, эта проклятая нора служила убѣжищемъ многимъ храбрымъ кавалерамъ, которымъ я желалъ бы доставить лучшее помѣщеніе.

Тотъ, къ кому была обращена эта рѣчь, слѣдуя совѣту гостепріимнаго хозяина, осторожно вылѣзъ изъ отверстія; видно было, какъ онъ, войдя въ залу, выпрямился во весь ростъ, хотя въ те-

мнотѣ нельзя было разглядѣть его фигуры, кромѣ гордой и внушительной осанки.

— Дайте мнѣ вашу руку, сэръ Гарри, сказалъ баронетъ,—мнѣ всегда пріятно пожать руку честнаго человѣка. Будьте какъ дома въ замкѣ Чильдерлей! Сегодня сырая ночь; подойдите къ огню и погрѣйтесь.

— Въ этомъ нѣтъ никакой необходимости! замѣтилъ улыбаясь сэръ Гарри.—Я сидѣлъ между двумя затопленными печами и не чувствовалъ холода.

— Ваша правда, я забылъ объ этомъ обстоятельствѣ. Но держу пари, что вы скоро забудете о своемъ неудобномъ помѣщеніи! Я принесъ вамъ хорошую вѣсть.

Съ этими словами владѣлецъ замка повелъ своего гостя къ камину, красноватое пламя котораго ярко освѣтило фигуру незнакомца.

Костюмъ его былъ полувоенный, но безъ панцыря и латъ, такъ что грудь и руки были открыты; на широкой перевязи висѣла прямая шпага; длинные темные волосы на половину прикрывали кружевной воротникъ. Лицо незнакомца то освѣщалось огнемъ камина, то снова исчезало въ полумракѣ; виденъ былъ высокій лобъ, впалыя щеки, рѣзко очерченный выразительный профиль и борода à la Henri IV, по придворной модѣ того времени, которая придавала какъ серьознымъ, такъ и беззаботнымъ лицамъ кавалеровъ, почти грустный оттѣнокъ, какъ мрачное воспоминаніе о давно исчезнувшихъ дняхъ рыцарства, безупречной честности и служенія женщинамъ.

— Завтра-же вы можете продолжать путь, сэръ Гарри,—сказалъ баронетъ.—Мнѣ очень жаль, что я долженъ такъ скоро разстаться съ такимъ хорошимъ собесѣдникомъ какъ вы; но когда я вспомню, что не могу вамъ доставить болѣе комфортабольнаго помѣщенія, какъ темной конуры на чердакѣ, то мирюсь съ мыслью о разлукѣ съ вами.

— Мы всѣ пережили лучшія времена, сэръ Товій! Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю радушный пріемъ, который я нашелъ въ замкѣ Чильдерлей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мы всѣ собрались здѣсь для охоты къ дню св. Губерта; гости были помѣщены въ прекрасныхъ комнатахъ обитыхъ шелковыми обоями; постели были съ балдахинами пурпуроваго цвѣта и подушками обитыми золотой парчей...

— Потомокъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ лѣсномъ округѣ Англіи дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести, вспоминая объ этомъ! возразилъ хозяинъ дома. — Но Богъ милостивъ, вы опять пріѣдете сюда на охоту, и будете ночевать въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ, что и въ тѣ счастливыя времена, если только его королевскому величеству и нашей храброй арміи удастся раздавить

гнѣздо лицемѣрныхъ дворянъ, которыхъ я невольно сравниваю съ змѣями, согрѣтыми на монаршей груди, и въ особенности, мятежный парламентъ и весь этотъ сбродъ странствующихъ проповѣдниковъ. Да, сэръ Гарри, это будетъ радостное событіе для Чильдерлей-гауза; и тогда съ божьей помощью я устрою такой праздникъ, какого еще до сихъ поръ не бывало, не только въ Кембриджѣ, но и въ другихъ графствахъ Англіи...

При этомъ почтенный баронетъ настолько увлекся мыслью о торжествѣ своей партіи, что невольно воодушевился отъ собственныхъ словъ и возвысилъ голосъ.

Гость счелъ нужнымъ напомнить ему, что время, о которомъ онъ говоритъ, наступитъ не скоро, и что въ непріятельской землѣ не слѣдуетъ выражать такъ громко ни своихъ надеждъ, ни своихъ опасеній.

— Вы совершенно правы, сэръ Гарри; я хотѣлъ собственно сказать вамъ, что завтра утромъ вы можете продолжать путь; и если мой планъ увѣнчается успѣхомъ, то черезъ нѣсколько дней вы предстанете передъ его величествомъ и исполните возложенное на васъ порученіе.

— Это было бы весьма важно какъ для государства, такъ и для самаго короля... Я уже говорилъ вамъ, что война должна принять другой оборотъ съ того момента, какъ король прочтетъ содержаніе бумаги, которую я доставлю его величеству.

— Отъ души вѣрю этому! возразилъ баронетъ.

— Видите ли, все затрудненіе заключается въ томъ, чтобы проѣхать благополучно наше графство, гдѣ благонамѣренные люди также рѣдки, какъ колосья на каменистой почвѣ. Не говоря уже о другихъ приходахъ, даже въ моей собственной деревнѣ завелись негодяи, которые гладко выбриваютъ себѣ волосы вокругъ головы и выставляютъ на-показъ свои ослиныя уши! Но къ счастью завтра первое мая. По старинному обычаю отсюда отправится торжественное шествіе въ Лонгстовскій лѣсъ къ такъ называемому «евангельскому» дубу, который стоитъ въ самой чащѣ. Само собой разумѣется, что мы безъ того подняли у нихъ всю желчь, такъ какъ сегодня вечеромъ поставили въ деревнѣ передъ самой церковью майское дерево, какъ въ доброе старое время, когда парламентъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля. Я знаю, что сильно досадилъ имъ; но это собственно и была моя главная цѣль; врядъ ли они осмѣлятся предпринять что либо противъ владѣльца Чильдерлея и пойти противъ его желанія. Въ противномъ случаѣ, клянусь честью, никто не помѣшаетъ мнѣ повѣсить на стѣнѣ любаго изъ этихъ круглоголовыхъ, обагренныхъ кровью Босфордъ-Фильда или зарядить одинъ изъ пистолетовъ, изъ которыхъ мой храбрый предокъ стрѣлялъ въ чернь на улицахъ Лондона.

— Ну, Богъ дастъ, до этого не дойдетъ, сэръ Товій! сказалъ гость успокоительнымъ тономъ.

— Я бы самъ не желалъ этого! возразилъ баронетъ.—Видите ли, шествіе состоится завтра утромъ съ восходомъ солнца. Вы и ваши спутники присоединитесь къ толпѣ въ крестьянскомъ платьѣ; и какъ только доберетесь до лѣсу, то будете внѣ опасности. Подойдите сюда, къ этому окну и вы поймете мой планъ...

Владѣлецъ Чильдерлея повелъ своего гостя къ одной изъ широкихъ нишъ, которыя окаймляли окна своими массивными изогнутыми арками и поднялъ окно. Свѣжій и влажный ночной воздухъ сразу наполнилъ комнату. Далеко можно было различить предметы въ весеннемъ туманѣ, который растилалъ по долинѣ свой тонкій колеблющійся покровъ. Весь ландшафтъ казался поддернутыхъ голубымъ цвѣтомъ и серебромъ; въ глубинѣ долины виднѣлись поля и рѣка, вдали лѣсъ, а напротивъ, на самомъ горизонтѣ, заходящій мѣсяцъ слабо освѣщалъ землю, умѣряя блескъ звѣздъ на ясномъ весеннемъ небѣ.

Въ то время, какъ кавалеры разговаривали между собой за ихъ спиной, у потаенной двери, которую сэръ Товій оставилъ открытой, появилась голова съ роскошными темными локонами, за нею виднѣлась другая. Какъ двѣ серны въ лѣсной чащѣ, они съ любопытствомъ всматривались въ темному; въ это время пламя камина, раздуваемое легкимъ порывомъ вѣтра изъ окна, ярко освѣтило ихъ фигуры. Это были двое юношей въ первой порѣ молодости; одинъ изъ нихъ представлялъ собой типъ мужественной красоты и силы; другой робкій и боязливый по граціи движеній напоминалъ Эльфа.

— Войдемъ въ залу! шепнулъ первый. — Иди за мной, не бойся.

Съ этими словами онъ ловко проскользнулъ въ потайную дверь, и протянулъ руку товарищу, который нерѣшительно перешагнулъ черезъ нее.

— Вотъ мы и на свободѣ! сказалъ юноша, голова котораго была покрыта густыми темными локонами.

— Если-бы вы знали, милордъ, какъ у меня бьется сердце! отвѣтилъ шопотомъ нѣжный, мелодичный голосъ.

— Развѣ ты не чувствуешь пожатія моей руки, Мануэль?

— Вы не должны называть меня такъ, когда мы наединѣ; вспомните ваше обѣщаніе.

— Я дѣлаю это чтобы привыкнуть; вѣдь я могу ошибиться и назвать тебя иначе при людяхъ.

— Если-бы свѣту было все извѣстно, то я могла бы оправдаться въ его глазахъ; но онъ не проститъ мнѣ этой комедіи! Вы пользуетесь ею, чтобы отказать мнѣ въ томъ уваженіи, которое вы должны имѣть ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что дали честное слово.

— Ну хорошо, Мануэлла, сказалъ молодой лордъ, дѣлая видъ, что хочетъ поцѣловать стоящую около него дѣвушку, одѣтую въ мужское платье.

Но Мануэлла быстро отвернулась отъ него и энергически сжала свои хорошенькія губки.

Владѣлецъ Чильдерлея былъ настолько погруженъ въ разговоръ съ гостемъ, что не слышалъ того, что дѣлалось на другомъ концѣ залы. Указывая рукой на ночной ландшафтъ, онъ объяснялъ пріѣзжему кавалеру, какое пространство нужно пройти до опушки лѣса.—Лонгстовскій лѣсъ, сказалъ онъ,—единственный въ здѣшней мѣстности; онъ стоитъ на рубежѣ двухъ смежныхъ графствъ; множество тропинокъ пересѣкаютъ его во всѣхъ направленіяхъ. Среди лѣса ростетъ большой старый дубъ, называемый «евангельскимъ», который пользуется особеннымъ почетомъ у многихъ человѣческихъ поколѣній. Каждое первое мая къ этому дереву отправлялось веселое шествіе, такъ какъ вѣтка его считалась необходимой, чтобы украсить верхушку майскаго дерева.

— Да, продолжалъ баронетъ, послѣ небольшой паузы,—въ тѣ дни, когда люди оставались вѣрны королю, признавали законы и порядки, установленные Богомъ, мы могли радостно привѣтствовать утро перваго мая и возвращеніе весны. Но теперь, мой дорогой сэръ, когда самыя ожесточенныя битвы происходятъ между братьями, и вся Англія разъединена на партіи, кто можетъ веселиться и быть довольнымъ жизнью. Иногда мнѣ кажется страннымъ, что годъ въ своемъ неизмѣнномъ теченіи по прежнему надѣляетъ насъ дарами природы, что свѣтитъ солнце, поютъ птицы... Но, простите меня, сэръ, я кажется утомилъ васъ своими разсужденіями.

— Нѣтъ, напротивъ, я слушаю васъ съ величайшимъ вниманіемъ; но меня безпокоитъ мысль, какъ мнѣ удастся исполнить важное порученіе, которымъ удостоила меня королева...

Говоря это, сэръ Гарри усиленно прислушивался, такъ какъ ему показалось, что онъ слышитъ на другомъ концѣ залы таинственный шопотъ.

— Не думайте, мой дорогой сэръ, продолжалъ баронетъ,—что мы сочувствуемъ страданіямъ отечества, хотя эта часть графства, замокъ и деревня уцѣлѣли отъ ужасовъ войны. Если хлѣбъ созрѣваетъ на нашихъ поляхъ, въ то время какъ въ сосѣднихъ графствахъ мечъ и пушки собираютъ обильную жатву, то мы все-таки не можемъ наслаждаться душевнымъ спокойствіемъ. Шумная жизнь въ этомъ оазисѣ, среди междоусобной войны, служитъ мнѣ горькимъ упрекомъ; я увѣренъ, что чувствовалъ-бы себя счастливѣе, если бы видѣлъ свой замокъ въ развалинахъ, хижины моей деревни объятыя пламенемъ! Вѣрьте искренности моихъ словъ, сэръ Гарри. Меня терзаетъ мысль, что я спокойно сижу въ своемъ домѣ

въ то время, когда мои друзья и братья тамъ, гдѣ ихъ призываетъ долгъ... у короля... Но къ несчастью, я связанъ... не спрашивайте меня: почему? а сынъ мой еще ребенокъ...

Сэръ Гарри, занятый своими мыслями почти не слышалъ баронета, который продолжалъ растроганнымъ голосомъ:

— Я не считаю дѣло проиграннымъ, потому что королевское знамя еще развѣвается надъ нашей храброй арміей; одна выигранная битва можетъ разрѣшить эту запутанную задачу... Наконецъ, не находите ли вы страннымъ такое счастливое стеченіе обстоятельствъ? Это тайное шествіе, задуманное въ видѣ забавы, какъ будто нарочно устроенное для того, чтобы вы могли благополучно окончить путешествіе. Завтра, какъ только вы доберетесь до священнаго дуба въ Лонгстовскомъ лѣсу, сверните въ сторону: по близости дерева проселочная дорога, извѣстная весьма немногимъ, по которой вы въ нѣсколько часовъ можете доѣхать до замка сэра Гарлея, одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его величества. Мой ключникъ, человѣкъ вполнѣ заслуживающій мое довѣріе, проводитъ васъ до безопаснаго мѣста, откуда вы съ Божьей помощью можете отправиться прямой дорогой въ Оксфордъ...

Въ это время въ залѣ опять послышался шорохъ и сильнѣе прежняго. Молодой лордъ, замѣтивъ, что своимъ присутствіемъ привлекъ вниманіе одного изъ почтенныхъ джентльменовъ, сдѣлалъ быстрое движеніе, чтобы удалиться съ своимъ спутникомъ черезъ потайную дверь. Но сэръ Гарри предупредилъ его, такъ какъ внезапно оставилъ своего собесѣдника и вышелъ на средину залы.

Баронетъ поспѣшилъ закрыть окно.

— Какъ вы не осторожны, милордъ! сказалъ сэръ Гарри, обращаясь съ упрекомъ къ одному изъ юношей.—Я убѣжденъ, что вы до тѣхъ поръ будете гонятся за опасностями, пока, наконецъ, не встрѣтите ее въ недобромъ мѣстѣ.

— По крайней мѣрѣ не заставляйте меня возвращаться въ эту проклятую нору! отвѣтилъ съ веселымъ смѣхомъ тотъ, къ кому относилось замѣчаніе сэра Гарри.

Между тѣмъ присутствіе постороннихъ лицъ видимо встревожило хозяина дома; сэръ Гарри поспѣшилъ успокоить его:

— Какъ видите, дорогой другъ, это мои спутники. Герцогъ хотѣлъ сдѣлать намъ сюрпризъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Я ничего не имѣю противъ этого, возразилъ улыбаясь баронетъ.—Невозможно требовать отъ молодежи, чтобы она сидѣла за стѣной въ душной норѣ, когда рядомъ просторная зала съ затопленнымъ каминомъ, и въ немъ ведутъ бесѣду двое честныхъ людей. Очень радъ, милордъ, что случай привелъ васъ въ мой замокъ! Но въ залѣ совсѣмъ темно; я велю принести огня, чтобы мы могли видѣть другъ друга. Надѣюсь, что намъ нечего бояться свѣта.

Съ этими словами баронетъ потянулъ за шнурокъ, висѣвшій съ потолка по рединѣ залы, и въ ту-же минуту раздался звонъ колокола, настолько громкій, что его можно было разслышать за стѣнами замка, на дворцѣ и въ паркѣ. Въ тогдашнихъ домахъ вмѣсто нынѣшнихъ колокольчиковъ употреблялись настоящія колокола, которыхъ можно повѣсить на любую башню, такъ какъ въ тѣ времена все дѣлалось въ почтенныхъ размѣрахъ и вещи отличались прочностью работы.

ГЛАВА IV.

Докторъ Гевитъ и сэръ Гарри знакомятся другъ съ другомъ.

Едва замолкъ колоколъ, какъ отворилась дверь, и въ комнату вошелъ Мартинъ Бумпусъ, держа въ каждой рукѣ по громадному серебрянному канделябру въ половину человѣческаго роста. Въ каждомъ изъ нихъ было вставлено по десяти большихъ восковыхъ свѣчей. Мартинъ высоко поднялъ руки, чтобы поставить ихъ на дубовый столъ, стоящій среди залы, которая вся освѣтилась сразу, потому что массивные канделябры походили на двѣ огненныя башни. Впрочемъ, эта была послѣдняя пара отъ полдюжины такихъ-же канделябровъ, нѣкогда освѣщавшихъ большую залу Чильдерлея въ торжественныхъ случаяхъ. Двѣ пары ихъ, вмѣстѣ съ другой серебрянной посудой очутились въ плавильпой печи Оксфорда, и теперь въ видѣ монеты съ изображеніемъ его величества на лицевой сторонѣ, переходили изъ рукъ въ руки солдатъ храброй арміи и ея благонамѣренныхъ сторонниковъ: содержателей тавернъ и пивныхъ. Равнымъ образомъ не пренебрегали этими деньгами приверженцы парламента: хозяева домовъ, лавочники и ремесленники, такъ какъ серебро никогда не теряетъ своей цѣны.

— Изъ деревни пришелъ священникъ Гевитъ! доложилъ Мартинъ Бумпусъ своему господину.

— Попроси его сюда, отвѣтилъ баронетъ, оглядывая съ видимымъ удовольствіемъ свою залу, гдѣ на стѣнахъ блестѣло оружіе, ярко освѣщенное свѣчами, а за спиной сэра Гарри виднѣлись въ тѣни изящныя фигуры двухъ юношей.

Священникъ вошелъ съ низкимъ поклономъ въ дверь, которую Мартинъ Бумпусъ настежъ отворилъ для него.

— Позвольте познакомить васъ съ докторомъ Гевитомъ, сэръ Гарри, сказалъ баронетъ, указывая рукой на священника;—я не имѣю отъ него никакихъ тайнъ, вы можете смѣло говорить съ нимъ о возложенномъ на васъ порученіи.

— Если не ошибаюсь, то вы сэръ Гарри Слингсби? спросилъ священникъ съ вѣжливымъ поклономъ.

— Точно такъ, многоуважаемый докторъ! Очень радъ, что имѣю случай познакомиться съ такимъ ученымъ служителемъ алтаря и вѣрнымъ приверженцемъ короля. Вы на хорошемъ счету въ Оксфордѣ.

— Мнѣ очень лестно слышать это отъ васъ, сэръ, хотя я не заслуживаю такихъ похвалъ! отвѣтилъ краснѣя молодой священникъ.—Во всякомъ случаѣ мнѣ очень пріятно узнать, что меня не забыли въ Оксфордѣ, гдѣ я получилъ воспитаніе и провелъ нѣсколько лѣтъ.

— Тамъ составилось о васъ мнѣніе, какъ о спокойномъ и разумномъ человѣкѣ, который среди военныхъ смутъ вѣритъ въ возможность примиренія между враждующими партіями.

— Вѣдь это не болѣе какъ междоусобная война, сэръ! замѣтилъ священникъ.

— Или, другими словами, возразилъ съ живостью Слингсби,— борьба на жизнь или смерть! Она можетъ кончится только полнымъ уничтоженіемъ той или другой партіи. Если двѣ различныя націи ведутъ между собой войну, то онѣ могутъ заключить миръ ради политическихъ цѣлей, изъ благоразумія или какихъ либо другихъ побужденій. Но въ такой борьбѣ какъ наша, когда враждуютъ граждане одного государства, сыновья одного отца или матери, вопросъ можетъ быть рѣшенъ только съ помощью обнаженнаго меча.

— Люди дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страстей, которыя могутъ утихнуть, сказалъ священникъ взволнованнымъ голосомъ.—Не разрушайте во мнѣ этой вѣры, она поддерживаетъ мое мужество, такъ какъ я не вижу иного исхода изъ настоящей тяжелой борьбы. Желаніе мира и надежда на примиреніе единственная связь, существующая между нами и нашими противниками. Если она порвется, то наша гибель неизбѣжна.

— Странно слышать это отъ служителя нашей церкви! воскликнулъ Слингсби съ удивленіемъ, въ которомъ слышался упрекъ.— Весьма немногіе изъ людей вашего званія отнеслись бы снисходительно къ тому взгляду, который вы только что изволили высказать мнѣ.

— Вы совершенно правы, и это глубоко огорчаетъ меня. Тяжело жить въ такое время, когда люди, обязанные распространять евангеліе въ народѣ, проповѣдуютъ войну вмѣсто мира и месть вмѣсто прощенія.

— Мы слишкомъ далеко зашли, возразилъ Слингсби,—теперь не можетъ быть и рѣчи о примиреніи или забвеніи обидъ. Затронуты наши основные принципы! Надѣюсь, г-нъ священникъ, что ваше

милосердіе къ врагамъ не простирается до той степени чтобы усумниться въ божественномъ правѣ короля.

Лицо молодаго священника приняло серьезное, сосредоточенное выраженіе.—Божественное право короля, сказалъ онъ торжественнымъ тономъ,—представляется мнѣ такимъ же непреложнымъ, какъ символъ вѣры; послѣ Бога это самое святое, что я признаю на землѣ.

— Тѣмъ не менѣе вы допускаете возможность соглашенія съ мятежниками, которые отвергаютъ это право.

— Нѣтъ, они не думаютъ отвергать его, иначе не могло быть и рѣчи о соглашеніи.

— Какъ! воскликнулъ Слингсби,—развѣ парламентъ не переполненъ этими негодяями пресвитеріанцами! развѣ онъ не объявилъ войну королю и не хотѣлъ уничтожить наше епископальное правленіе! Вы еще защищаете эту шайку отверженцевъ общества, которые присягнули ковенату [1]) и измѣннически призвали шотландцевъ въ нашу страну!

— Я душевно скорблю объ ошибкахъ и заблужденіяхъ этой партіи, но пока я считаю себѣ вправѣ упрекать ихъ въ недостаткѣ уваженія къ королевской коронѣ и ея представителю, помазаннику Божьему. Если наступитъ день, когда преступная рука осмѣлится посягнуть на нихъ, то полный разрывъ неизбѣженъ, но не доводите до крайности нашихъ противниковъ. Правда, они ведутъ борьбу противъ короля, которому я поклялся въ вѣрности, противъ церкви, которой я посвятилъ свою жизнь; но тѣмъ не менѣе рядомъ я вижу, что Ферфаксъ вербуетъ свои войска «именемъ короля и парламента». Слѣдовательно, я не имѣю достаточно данныхъ, чтобы сдѣлать окончательное заключеніе о нашихъ врагахъ.

— Все это одно лицемѣріе! воскликнулъ съ горячностью сэръ Гарри.—Каждый ихъ шагъ двухсмысленъ, но мы сорвемъ съ нихъ маску! Борьба должна скоро разразиться, и она будетъ безпощадная. Побѣдитель всегда правъ!

— Кто можетъ сказать заранѣе, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, если же...

Голосъ священника задрожалъ отъ волненія, онъ не могъ кончить начатой фразы.

— Побѣда всегда на сторонѣ праваго дѣла! сказалъ Слингсби;—всякій храбрый солдатъ долженъ идти въ битву съ этимъ убѣжденіемъ.

— Но побѣдитель будетъ торжествовать надъ трупами своихъ соотечественниковъ. Англія съ ея цвѣтущими садами превратится

---

[1]) Ковенатъ или неразрывный союзъ, заключенный около этого времени между Англіей и Шотландіей для поддержанія церковнаго порядка и парламента.

въ пустыню; замолкнуть большіе города, рынки, дѣятельные центры торговли и ремеслъ, пока не исполнится слово пророка Исаіи...

— Нѣтъ ужъ пожалуйста, избавьте отъ подобныхъ цитатъ! воскликнулъ сэръ Товій, который до этого молча слушалъ разговоръ двухъ собесѣдниковъ. — Неужели я дожилъ до того, что въ собственномъ домѣ долженъ выслушивать выдержки изъ Ветхаго Завѣта, гдѣ приводятся слова этихъ ненавистныхъ жидовъ, которыхъ я не терплю, потому что они распяли Спасителя и еще болѣе за то, что ихъ текстами пользуются проповѣдники бунтовщиковъ противъ нашего короля.

При послѣднихъ словахъ баронета, замѣтное безпокойство овладѣло однимъ изъ юношей, стоявшихъ вдали отъ стола. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и машинально отодвинулъ отъ себя стулъ.

— Ради Бога, постарайся овладѣть собой! шепнулъ ему старшій товарищъ, наклонясь къ нему.

Баронетъ испуганно оглянулся, между тѣмъ, какъ сэръ Гарри продолжалъ съ одушевленіемъ:

— Сорная трава должна быть вырвана съ корнемъ, чтобы произростало сѣмя, потому что для обоихъ нѣтъ мѣста на одной и той же почвѣ. Англія не достаточно велика для короля и парламента. Слѣдовательно, долой парламентъ!

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! добавилъ рѣшительно баронетъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, господа, сказалъ священникъ,— что вы слишкомъ мало знаете характеръ нашего народа. Англія желаетъ мира, и это требованіе вполнѣ естественно. Развѣ не будетъ стремиться къ дому и къ семьѣ тотъ, кто долго былъ разлученъ съ ними! Но съ другой стороны каждый англичанинъ скорѣе согласится умереть, видѣть груду пепла вмѣсто своего дома, оставить жену вдовой, дѣтей сиротами, чѣмъ отступиться отъ того, что онъ считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ. Въ виду этого я не совѣтовалъ бы доводить нашихъ противниковъ до послѣдней крайности. Народъ жаждетъ мира; многочисленная и сильная партія какъ въ лагерѣ короля, такъ и парламента готова принять на себя роль посредницы.

— Я перевѣшалъ бы всѣхъ этихъ посредниковъ! воскликнулъ хозяинъ дома.

— Во всякомъ случаѣ партія эта будетъ уничтожена, сказалъ Слингсби.—Горе тому, кто становится между молотомъ и наковальней. Правда можетъ быть только на одной сторонѣ, и поэтому не говорите мнѣ о посредничествѣ. Всѣмъ извѣстно къ чему послужили переговы въ Окфордѣ и Уэксбриджѣ. Если бы его величество послѣдовалъ совѣту этихъ посредниковъ, то онъ былъ бы теперь

властелиномъ безъ земли и войска, королемъ безъ короны, презрѣннымъ орудіемъ въ рукахъ парламента. Но къ счастію, вліяніе королевы настолько велико, что она избавила насъ отъ подобнаго позора! Хотя Генріетта Марія скитается въ чужой землѣ, вдали отъ супруга и дѣтей, почти безъ средствъ къ жизни, такъ какъ она заложила свои драгоцѣнности, чтобы вооружить нашу армію, но тѣмъ не менѣе эта мужественная дщерь Бурбоновъ осталась такой же неустрашимой, какой я видѣлъ ее однажды на кораблѣ, нагруженномъ оружіемъ и боевыми снарядами, который перевозилъ ее изъ Голландіи. Свирѣпствовала буря. Высоко поднималось море; вокругъ насъ свистѣли пули съ непріятельскаго военнаго судна. Всѣ были въ отчаяніи; самъ капитанъ ждалъ съ минуты на минуту, что бѣшенныя волны разобьютъ нашъ корабль въ дребезги. Но Генріетта Марія спокойно стояла у руля, устремивъ глаза въ ту сторону, гдѣ сквозь сѣроватый покровъ тумана виднѣлся берегъ Іоркшира. «Королевы не тонутъ!» сказала она окружающимъ, гордо приподнявъ голову. Она высадилась въ Бурлингтонѣ и во главѣ сѣверной арміи отправилась къ королю, всюду разбивая непріятеля, который встрѣчался на ея пути. Жаль, что у насъ нѣтъ ни одного такого мужчины, какъ она! Хотя она была нѣсколько разъ покинута своими и должна была спасаться бѣгствомъ, но тѣмъ не менѣе наша судьба въ ея рукахъ. Если волна возстанія поднимется еще выше, то эта женщина не колеблясь будетъ стоять среди бушующаго потока и поддержитъ наше мужество. Вотъ и теперь на моей груди ея письмо; оно положитъ конецъ этой нелѣпой войнѣ, которая продолжается уже три года. Одна наша королева думаетъ и дѣйствуетъ за насъ въ то время, какъ мы толкуемъ здѣсь о какихъ-то договорахъ и сдѣлкахъ. Нѣтъ, мы не нуждаемся въ нихъ; обнажимъ мечъ въ послѣдній разъ! Все обѣщаетъ намъ успѣхъ. Монрозъ, побѣдитель Арджайля и герой Инферлохи стоитъ на-готовѣ съ своими шотландцами; католики въ Ирландіи произвели возстаніе въ пользу короля и высадятся на нашъ берегъ подъ предводительствомъ графа Гламоргана. Данія, Голландія и Франція обѣщали намъ свою помощь... Но почему у васъ такой печальный видъ, г. докторъ? Это письмо должно возвратить прежній блескъ англійской коронѣ...

Лицо молодого священника казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ отвѣтилъ взволнованнымъ голосомъ:—сожгите это письмо, сэръ Гарри, умоляю васъ. Король можетъ лишится короны изъ-за него; или даже еще хуже...

— Милостивый государь, я не желалъ бы слышать подобныхъ словъ...

— Нѣтъ, выслушайте меня, пусть услышатъ всѣ, которые заинтересованы въ рѣшеніяхъ короля! продолжалъ Гевитъ. — Англія устала отъ кровопролитія и всѣмъ сердцемъ жаждетъ мира; съ

другой стороны, неужели вы думаете, что Англія, этотъ вѣрный оплотъ протестантизма, отворитъ ворота католикамъ или будетъ спокойно смотрѣть, какъ чужеземныя арміи станутъ попирать ногами ея свободную почву! Нѣтъ, англійскій народъ еще не дошелъ до такого нравственнаго упадка; въ противномъ случаѣ я предпочелъ бы самое ужасное пораженіе полному исполненію вашихъ надеждъ...

— Докторъ Гевитъ, воскликнулъ съ запальчивость хозяинъ дома,—вы сами не знаете, что говорите! Въ войнѣ, которую народъ ведетъ противъ своего природнаго повелителя, каждое средство дозволительно.

— Да, каждое, только не измѣна отечеству! возразилъ священникъ болѣе спокойнымъ голосомъ.—Не вы ли, сэръ Гарри, нѣсколько минутъ тому назадъ назвали измѣнниками тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые присягнули ковенанту и призвали шотландцевъ въ страну! Хотя, то и другое одинаково ненавистно мнѣ, но я считаю долгомъ замѣтить, что ковенантъ не болѣе какъ союзъ протестанскихъ сектантовъ, а шотландцы говорятъ на одномъ языкѣ съ нами, имѣютъ ту же вѣру, того же короля, Стюарта, шотландской крови. Вы же намѣреваетесь призвать въ страну католическихъ еретиковъ папистовъ, этихъ кровожадныхъ ирландцевъ, которые въ одну ночь перебили до сорока тысячъ нашихъ собратій протестантовъ. Мало этого, вы говорите о союзѣ съ давнишними врагами англичанъ—французами!

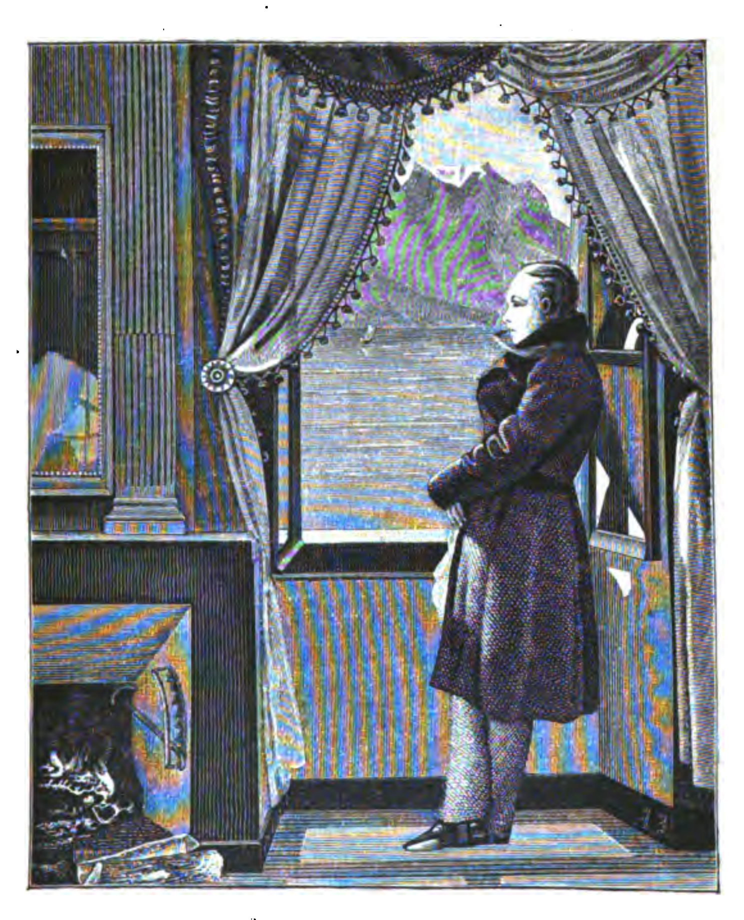
— Это наше едиственное спасеніе! крикнулъ владѣлецъ Чильдерлея ударивъ такъ сильно кулакомъ по дубовому столу, что сотрясеніе было даже замѣтно на массивныхъ серебрянныхъ канделябрахъ. — Да поможетъ мнѣ Господь, я скорѣе соглашусь быть французомъ, чѣмъ подчиняться этому проклятому парламенту...

Молодой священникъ подошелъ къ баронету и, положивъ руку на его плечо, сказалъ.—Если страсть настолько ослѣпляетъ васъ, сэръ, что вы не въ состояніи различить правды отъ несправедливости, то вспомните, по крайней мѣрѣ, о данномъ вами словѣ...

Это предостереженіе и тонъ, съ которымъ говорилъ священникъ, произвели внезапную перемѣну въ почтенномъ кавалерѣ. Онъ овладѣлъ собой, но лицо его сильно покраснѣло и глаза сдѣлались влажными. Трудно было рѣшить: взволновало ли его воспоминаніе или въ эту минуту онъ испытывалъ тяжелое чувство принужденія, которому долженъ былъ покориться.

— Мое мнѣніе останется неимѣннымъ, хотя я долженъ умолчать о немъ, продолжалъ баронетъ послѣ небольшой паузы. — Хорошо, по крайней мѣрѣ, что я имѣю сына, котораго могу воспитать въ моихъ принципахъ. Можно связать себя честнымъ словомъ, но это не имѣетъ никакого отношенія къ убѣжденіямъ!..

Онъ направился къ двери, въ которую вошли его дѣти, и взявъ ихъ за руки, подвелъ къ камину и представилъ своимъ гостямъ.



В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Съ гравированнаго портрета Уткина. Рѣз. на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Дозволено ценз. Спб., 28 января 1883 г.

Тип. А. Суворина, Эртел. пер., д. 11—2

ВОСПОМИНАНІЯ Ф. В. ЧИЖОВА.

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ Чижовъ, изъ небогатыхъ дворянъ Костромской губерніи, родился въ 1811 г., образованіе получилъ въ императорскомъ петербургскомъ университетѣ, откуда вышелъ кандидатомъ физико-математическихъ наукъ въ 1832 г. Въ слѣдующемъ году былъ приглашенъ въ университетъ преподавать начертательную геометрію; въ 1836 г. получилъ степень магистра математическихъ наукъ за диссертацію «Объ общей теоріи равновѣсія, съ приложеніемъ къ равновѣсію жидкихъ тѣлъ и опредѣленію фигуры земли». Спб. 1836. Онъ издалъ вскорѣ затѣмъ очень дѣльное и весьма полезное въ свое время сочиненіе: «Паровыя машины. Исторія, описаніе и приложеніе ихъ, со множествомъ чертежей» (на основаніи трудовъ Пертингтона, Стефенсона и Араго), и принималъ сверхъ того живое участіе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ университетѣ онъ продолжалъ читать лекціи до 1840 г., когда вышелъ въ отставку и отправился за-границу.

Еще раньше Чижовъ сталъ интересоваться литературою, искусствами, исторіею. Въ 1832 г. онъ издалъ прекрасный для своего времени трудъ, переводъ Галлама—«Исторія европейскихъ литературъ въ XV—XVI-мъ стол.», снабдивъ его прекрасными, дѣльными примѣчаніями. Въ 1841 г. вышелъ другой трудъ Чижова, переводъ и передѣлка съ англійскаго: «Призваніе женщинъ».

Съ 1840 по 1847 г. Чижовъ прожилъ большею частью за-границею, объѣздилъ значительную часть западной Европы, посѣтилъ славянскія земли Австріи, Сербію, Черную Гору, но всего больше прожилъ въ Италіи, изучая исторію искусствъ, а также и итальянскую исторію вообще, въ особенности же исторію Венеціи.

Въ 1847 г. онъ задумалъ издавать еженедѣльный журналъ «Русскій Вѣстникъ». Но его направленіе было найдено вреднымъ, онъ былъ признанъ «мечтателемъ безполезнымъ», человѣкомъ, «изъ котораго не выйдетъ ничего существеннаго». Чижову запрещено было жить въ столицахъ и дозволено выбрать для жительства одну изъ внутреннихъ губерній. Онъ выбралъ Кіевскую, гдѣ

вскорѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и энергіею занялся шелководствомъ. Плодомъ этихъ занятій Чижова была замѣчательная книжка: «Письма о шелководствѣ». Москва. 1870 (Новое изданіе).

Въ 1858 г. Чижовъ вмѣстѣ съ проф. Бабстомъ сталъ издавать «Вѣстникъ промышленности», а потомъ газету «Акціонеръ», сначала какъ приложеніе этого журнала, а потомъ газеты «День». Вслѣдъ за тѣмъ Чижовъ совершенно посвятилъ себя русской промышленности и сталъ вскорѣ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ дѣятелей по этой части въ Москвѣ и вообще въ Россіи. Онъ сталъ предсѣдателемъ московскаго купеческаго банка, строителемъ и хозяиномъ московско-троицкой дороги, однимъ изъ обладателей московско-курской желѣзной дороги. Чижовъ умеръ 14-го ноября 1877 г., оставивъ по себѣ память высоко-честнаго, энергичнаго, необыкновенно даровитаго дѣятеля. Живя тихо, скромно, во многомъ себя стѣсняя, Чижовъ завѣщалъ большое свое состояніе, слишкомъ въ полтора милліона рублей, на основаніе высшаго техническаго училища въ г. Костромѣ, и нѣсколькихъ низшихъ школъ въ разныхъ городахъ Костромской губерніи. При жизни Чижовъ пожертвовалъ 200 тыс. руб. на одно промышленное общество въ бѣломорскомъ краѣ. Съ юности своей до конца жизни Чижовъ велъ постоянно дневникъ, который завѣщалъ Румянцевскому музею, съ правомъ изданія его или пользованія имъ по прошествіи сорока лѣтъ съ его смерти. Прилагаемыя замѣтки и воспоминанія Чижова достались намъ въ руки, благодаря одному счастливому случаю. Они представляютъ высокій интересъ и любопытный матеріалъ какъ для исторіи такъ называемаго славянофильства, такъ и для біографіи Чижова, одного изъ самыхъ видныхъ и достойнѣйшихъ русскихъ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій.

В. Ламанскій.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, я довольно часто встрѣчалъ Ѳ. В. Чижова въ домѣ тогдашняго московскаго почтъ-директора Н. С. Кожухова и съ юношескимъ увлеченіемъ слушалъ его всегда живую и умную бесѣду. Помню очень хорошо, какъ однажды онъ разсказывалъ, что тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ заграничнаго путешествія, въ 1847 году, былъ арестованъ и привезенъ въ III Отдѣленіе, которое, почти ничего не зная до того времени о славянофилахъ, пожелало ознакомиться съ ихъ направленіемъ. Чижову были предложены вопросные пункты и онъ далъ на нихъ подробное и откровенное объясненіе. Хотя послѣдствіемъ допроса и было освобожденіе Чижова, но вмѣстѣ съ тѣмъ надъ нимъ учреждено секретное наблюденіе и воспрещено изданіе предполагавшагося имъ журнала. Судя по формѣ случайно доставшагося В. И. Ламанскому и благосклонно сообщеннаго имъ редакціи «Историческаго Вѣстника» отрывка изъ бумагъ Чижова, мнѣ кажется, можно предположить, что это именно есть сохранившаяся черновая рукопись отвѣтовъ Чижова на вопросы. предложенные ему въ III Отдѣленіи. Ред.

Начиная съ 1840 г., я былъ два раза за-границею. Первый разъ мое путешествіе было предпринято съ цѣлью прежде всего поправить здоровье и потомъ заняться изученіемъ исторіи искусствъ, какъ однимъ изъ самыхъ (по моему понятію) прямыхъ путей къ изученію исторіи человѣчества. Планъ мой былъ обширенъ и потому въ самомъ началѣ я предположилъ пробыть за-границей

какъ можно дольше;—пробылъ я около пяти лѣтъ. Сначала былъ на водахъ въ Маріенбадѣ, потомъ объѣхалъ часть Германіи, и къ зимѣ пріѣхалъ въ Италію. Съ того перваго пріѣзда Италія сдѣлалась постояннымъ моимъ мѣстопребываніемъ въ зимнее время; лѣтомъ же я ѣздилъ первый годъ въ Бельгію и Германію и прожилъ мѣсяца полтора въ Дюссельдорфѣ; другой годъ въ южно-славянскихъ земляхъ, о чемъ скажу сейчасъ подробнѣе; третье лѣто я прожилъ въ Парижѣ и исключительно занимался по исторіи Италіи и искусствъ, что̀ видно и изъ моего дневника. Послѣднее лѣто я снова былъ въ южно-славянскихъ земляхъ.

Изъ славянскихъ странъ я былъ въ первый разъ въ Богеміи, именно въ Прагѣ, тотчасъ по выѣздѣ за-границу, потомъ, въ 1843 г., въ Истріи, Далмаціи и Черногоріи; въ 1844 г. ѣздилъ въ Истрію, чтобы отвезти церковную утварь, ризы, книги и вообще все посланное, по моей просьбѣ, господиномъ Голубковымъ для Перойской церкви, что на южномъ берегу полуострова Истріи, близь города Пола. Наконецъ, самое большое путешествіе по славянскимъ землямъ я сдѣлалъ въ 1845 г.; именно, начиная съ Тріеста, я былъ въ Фіумѣ (Рѣкѣ), оттуда проѣхалъ чрезъ Аграмъ (Загребъ), гдѣ пользовался холодною водою, по методѣ Притвица; былъ во многихъ мѣстахъ Кроаціи (Хорватіи), доѣзжалъ до военныхъ границъ Австріи, потомъ черезъ Сремъ и Славонію пріѣхалъ въ Сербію. Тутъ я прожилъ недѣли двѣ въ Бѣлградѣ, съ недѣлю (помнится мнѣ) путешествовалъ по внутренности Сербіи и на обратномъ пути изъ Сербіи въ Вѣну по Дунаю останавливался во многихъ славянскихъ городахъ, въ Славоніи, въ срединѣ Венгріи и у словаковъ; у послѣднихъ я нѣсколько дней пробылъ въ Пресбургѣ.

Что касается до цѣли, то первый заѣздъ въ Прагу былъ безъ цѣли, просто проѣздомъ въ Дрезденъ. Въ Прагѣ я познакомился съ г. Ганкою; его славянскія идеи, т. е. понятія о близости всѣхъ славянскихъ племенъ между собою и ихъ будущемъ сближеніи, увлекли меня, но не оставили почти никакого слѣда. Въ 1843 г. я отправился въ Истрію совершенно случайно съ однимъ русскимъ архитекторомъ—Эпингеромъ. Мы пошли въ городъ Пола, чтобъ видѣть тамошнія древности. Тамъ услышалъ я, что въ двухъ часахъ ѣзды отъ города находится греческое селеніе съ греческой церковью, и въ первое воскресенье отправился туда къ обѣднѣ. Вмѣсто греческой церкви, я нашелъ тамъ славянскую, гдѣ служеніе происходило на славянскомъ языкѣ, по нашимъ кіевскимъ печатнымъ книгамъ. Священникъ и народъ, видѣвшій мою набожность и услышавшій, что я русскій, были въ восторгѣ до такой степени, что въ слѣдующее воскресенье не только безъ моего намека, но даже безъ моего вѣдома, священникъ при великомъ выходѣ произнесъ за здравіе государя Николая Павловича. Послѣ, чтобъ не было старику священнику какой либо непріятности, я далъ ему за-

писку, что прошу его вынуть заздравную часть за моихъ родныхъ и что, какъ мы, русскіе, не иначе начинаемъ нашу молитву, какъ моленіемъ о здравіи нашего царя, то прошу его при выниманіи части упомянуть за царя и потомъ за боярина такого-то и такого-то. Бѣдность церковной утвари и всего находящагося поразила меня, и, надѣясь на множество моихъ знакомыхъ, сказалъ тутъ же, что я постараюсь помочь церкви. Тотчасъ же послѣ я написалъ объ этомъ въ Москву къ бывшему откупщику Голубкову, и онъ выслалъ мнѣ почти на тысячу рублей серебромъ всего, что нужно было для церкви.

Это было первымъ моимъ сближеніемъ съ южными славянами.

Изъ Истріи отправился я вмѣстѣ съ г. Эпингеромъ (весьма далекимъ отъ идей) въ Фіуме (Рѣку), что въ углу залива между полуостровомъ Истріею и Далмаціею, а потомъ въ Далмацію. Начало этого путешествія было тоже совершенно безъ всякой опредѣленной цѣли: мнѣ хотѣлось видѣть весь берегъ Адріатическаго моря, побывать въ Салонѣ (подлѣ нынѣшняго Спалатро или Сплѣта), древнемъ городѣ императора Діоклитіана, и проѣхать въ Черногорье. Все это было у насъ съ Эпингеромъ сегодня задумано, завтра сдѣлано, до того, что я не зналъ о томъ, что онъ ѣхалъ на мои деньги, и поэтому въ Рагузѣ остался безъ гроша.

Впродолженіе всего этого путешествія, я видѣлъ самое пламенное сочувствіе ко мнѣ, какъ къ русскому, до того, что въ одномъ мѣстѣ, именно въ городѣ Зара (Задрѣ), мнѣ тайно показывали булавочки съ портретомъ государя императора. Особенно такое сочувствіе высказывалось со стороны православныхъ славянъ. Здѣсь въ этихъ отвѣтахъ мнѣ было бы невозможно передавать всего, потому что на всякомъ шагу я встрѣчалъ знаки любви и глубокаго уваженія къ имени русскаго. Идей во всей Далмаціи очень мало; тамъ не терпятъ австрійцевъ за притѣсненія, народъ любитъ русскихъ за вѣру и за то, что у насъ есть очень много общаго въ простотѣ нравовъ.

Черногорье было послѣднимъ мѣстомъ, которое совершенно привязало меня къ славянамъ и заставило невольно всѣмъ моимъ понятіямъ сосредоточиться на этомъ вопросѣ, о которомъ до того мнѣ не приходило и въ голову. Всѣ, кого я ни встрѣчалъ изъ народа, первымъ словомъ привѣтствовали меня: «ты, брате, руссъ», второе—страстною преданностью къ бѣлому царю «Николѣ». Владыко былъ очень любезенъ, но въ его привязанности не было уже и тѣни той чистоты, съ какою преданъ народъ. Тутъ замѣшивались и деньги, даваемыя ему государемъ, и надежда на политическое покровительство.

Вотъ начало моихъ славянскихъ понятій. Въ уединеніи римской моей жизни они развились; я ихъ не останавливалъ, потому что хотѣлъ самъ себѣ рѣшить вопросъ со всею отчетливостью:

«минутная ли это вспышка, или что нибудь болѣе существенное?» Это одно. Второе: что за бытъ славянскій, какъ онъ выкажется въ жизни внѣшней, особенно политической? Передавать ходъ идей также невозможно,—разумѣется, тутъ входили и понятія о конституціи, о республикѣ, и я, давши себѣ полную волю, на нѣсколько времени сдѣлался больше славяниномъ, безъ роду, безъ племени, чѣмъ русскимъ.

Только что это попереварилось немножко въ моей головѣ, я въ 1844 г. отправился въ Парижъ. Здѣсь, намѣреваясь отдаться моимъ главнымъ занятіямъ по исторіи искусствъ, я непремѣнно хотѣлъ тоже познакомиться со всѣми главными представителями польскихъ партій и мнѣній. При этомъ мнѣ вездѣ препятствовало одно: по понятіямъ я былъ идеальнымъ славяниномъ; едва только доходило до дѣла, я былъ заклятымъ русскимъ. Само собою разумѣется, что это было первымъ препятствіемъ къ сближенію со мною не только поляковъ, но и самихъ французовъ, различныхъ, такъ сказать, сектъ, т. е. фурьеристовъ, сенъ-симонистовъ, коммунистовъ и мютюалистовъ. Стараясь изслѣдовать ихъ, я ими не удовлетворялся, и хотя еще несовсѣмъ ясно, а все находилъ полное удовлетвореніе въ русской жизни; меня все тянуло въ Россію, даже внѣ моихъ собственныхъ привязанностей. Здѣсь я долженъ упомянуть о поѣздкѣ моей въ Бельгію и о томъ, какъ при встрѣчѣ въ монастырѣ съ Печеринымъ меня уговаривали всѣми средствами быть католикомъ и іезуитомъ, предлагая мнѣ подъ рукою удовлетвореніе всѣмъ прихотямъ моей природы, особенно намекая на то, что женщины въ моемъ распоряженіи, и что нѣтъ такой высоко-поставленной особы, которая не была бы подъ моимъ вліяніемъ, при моей силѣ убѣжденія. Послѣ долгихъ полушуточныхъ, полудѣльныхъ споровъ, я, наконецъ, сказалъ, что все это подъ условіемъ, чтобы я перемѣнилъ вѣру, тогда—говорю—я буду въ раю, а всѣ русскіе будутъ въ аду, и мнѣ такъ будетъ скучно, что я убѣгу изъ рая, и потому, во избѣжаніе этого, я лучше останусь русскимъ; Россія есть земной рай мой.

Въ 1846 году, я поѣхалъ уже въ славянскія земли полный идей о славянскомъ братствѣ, о славянскомъ мірѣ, въ которомъ, искренно говоря, я не могъ дать себѣ порядочнаго и точнаго отчета. Я видѣлъ и вижу, что настоящій порядокъ европейской нравственной, умственной, политической и гражданской жизни нисколько никого не удовлетворяетъ; видѣлъ, что всѣ системы Сенъ-Симона, Фурье и всѣхъ соціалистовъ—не прихоть, а необходимость какъ нибудь выйти изъ того, что тѣснитъ и жметъ не отъ лица и не отъ злоупотребленій, а отъ хода и устройства самой жизни. Въ мистическихъ понятіяхъ Мицкевича проскальзывало болѣе простаго христіанскаго чувства, но все сливалось съ какою-то враждою и къ Европѣ, и къ русскому правительству. Потомъ еще одно: всѣ они, не исклю-

чая и Мицкевича предписывали міру то, другое, и я не находилъ, чтобъ исполненіе предписаній начиналось съ нихъ самихъ. Первымъ моимъ словомъ было: «господа, да не лучше ли намъ войти въ самихъ себя и себя преобразовать, изъ себя сдѣлать христіанъ и людей, приближающихся къ нашимъ понятіямъ; тогда внѣшняя форма, въ какой мы явимся, будетъ гораздо ближе къ лучшей, нежели та, какую теперь вы назначаете людямъ». Коммунистамъ и фурьеристамъ это казалось, какъ они говорили, гнилостью загрубѣлой вещественности, которая ищетъ одного покоя. Мицкевичъ отвѣчалъ мнѣ на это слѣдующее: «Любезный другъ, вы говорили мнѣ то же, что говорили поляки во время революціи. Они толковали о томъ, чтобъ чеканить монету и быть народными, а я говорилъ: надобно драться съ русскими; вашимъ путемъ вы проживете хорошо, но проживете одни, а надобно идти и двигать все впередъ».

Но возвращаясь къ вопросу, дѣло все въ томъ, что я уцѣпился за славянскую жизнь, чтобы найти въ ней рѣшеніе современныхъ вопросовъ, и прибавлю—уцѣпился невольно. Съ такими понятіями я пріѣзжаю въ Кроацію, и она съ перваго шага начала меня съ одной стороны втягивать еще болѣе въ сочувствіе къ славянамъ, съ другой просвѣтлять, что я долженъ быть чисто-на-чисто русскимъ, что, оставаясь истинно русскимъ, я всего ближе буду къ улучшенному состоянію человѣка; что быть истинно современнымъ человѣкомъ — значитъ быть истинно русскимъ; что ухватиться за какую нибудь другую формулу — значитъ отставать отъ вѣка, и усиливать въ себѣ внутреннія боренія собственныхъ требованій съ внѣшними явленіями жизни.

Все это разовьется ясно въ рѣшеніи другихъ вопросовъ. Теперь я заключу тѣмъ, что въ прошломъ 1846 г. я поѣхалъ съ намѣреніемъ побывать во всѣхъ юго-славянскихъ странахъ, но только чтобы имѣть вездѣ людей, могущихъ мнѣ сообщать ходъ литературныхъ и современныхъ событій.

Вопросъ. Съ кѣмъ изъ иностранныхъ славянофиловъ видѣлись вы заграницею, какія имѣли съ ними сужденія насчетъ славянства и соединенія славянскихъ племенъ?

Съ Ганкою, Іосифомъ Шафарикомъ (что̀ въ Бѣлградѣ), Мицкевичемъ (въ Парижѣ), Гаемъ, Кукулевичемъ, Вразомъ, Шулекомъ, барономъ Руссландомъ, Бабукичемъ, графомъ Нужаномъ, митрополитомъ Раячичемъ и многими изъ его свиты (это въ Кроаціи). Со всѣми въ Сербіи, изъ которыхъ нѣтъ особенно замѣчательныхъ именъ въ отношеніи къ современно распространеннымъ идеямъ о славянствѣ; съ Колларомъ и молодымъ человѣкомъ Кадави въ Пештѣ; со Штуромъ, Янко Кралемъ и многими—не зналъ или забылъ имена, въ Пресбургѣ. Въ Варшавѣ съ Маціёвскимъ и русскимъ Дубровскимъ. Еще въ тотъ день, какъ я былъ въ Варшавѣ, происходило собраніе членовъ варшавской библіотеки; я зашелъ,

былъ отрекомендованъ нѣсколькимъ, но изъ множества не встрѣтилъ ни одной знакомой фамиліи; къ тому же началось сейчасъ чтеніе, котораго я не понималъ, и потому тотчасъ же незамѣтно вышелъ. Встрѣтился еще съ однимъ французомъ, кажется, съ Marmier или Merimée—не помню, за table d'hôte въ Парижѣ, но весь нашъ разговоръ состоялъ въ томъ, что онъ говорилъ, будто бы былъ въ Россіи, что хорошо знаетъ русскій языкъ и производилъ слово «князь» отъ «кнута», великій князь—отъ grand кнутъ. Онъ обратился ко мнѣ, я отвѣчалъ очень спокойно, что такое словопроизводство не всегда вѣрно, потому что все его основаніе на одинаковости первыхъ двухъ буквъ и больше ни на чемъ, и что поэтому можно вывести слово français отъ слова fripon. Что касается до нашихъ разговоровъ и сужденій со славянами за-границею, то обо всемъ, для избѣжанія повтореній, я буду говорить въ отвѣтѣ на 6-й вопросъ:

Вопросъ. Для чего видѣлись вы съ польскими изгнанниками — Мицкевичемъ и Гуровскимъ, въ какихъ отношеніяхъ были съ ними, и объясните смыслъ писемъ, полученныхъ вами отъ этихъ выходцевъ?

Съ Мицкевичемъ, равно какъ и со всѣми представителями партій, мнѣ хотѣлось познакомиться, какъ я уже писалъ выше, для узнанія всѣхъ оттѣнковъ славянскаго вопроса, но съ другими, кромѣ его не удалось, потому что, несмотря на желаніе съ ними встрѣтиться, я усердно занимался главнымъ моимъ дѣломъ и къ тому же много времени употребилъ на объѣздъ сѣверной Франціи и на осмотръ тамъ готическихъ соборовъ. Я прямо обратился къ Мицкевичу послѣ того, какъ слышалъ его лекцію и, не заставъ его дома, оставилъ визитный билетикъ. Послѣ, кажется, на третій день, пошелъ снова; онъ меня принялъ; я говорю ему: «честь имѣю представиться—я русскій путешественникъ Чижовъ.» Онъ наклоняется ко мнѣ, какъ будто съ ожиданіемъ чего-то. Я думалъ, что онъ не понялъ, сказалъ тоже по-французски. Онъ снова выслушалъ меня съ тѣмъ же ожиданіемъ. Я очень усилилъ голосъ и говорю ему: «peut être que vous attendez des titres, je n'ai qu'un titre des titres—je suis russe». Тутъ онъ перемѣнился и принялъ меня чрезвычайно ласково. «Donc nous sommes compatriotes», отвѣчалъ онъ; «c'est-à-dire d'une grande patrie des pays slaves». Я сказалъ ему съ намѣреніемъ, чтобы показать, что уваженіе мое, какъ къ поэту и современному мыслителю, никакъ не заставитъ меня въ угодность ему измѣнить что нибудь въ моемъ убѣжденіи русскаго. Это потомъ дало общій тонъ всѣмъ нашимъ бесѣдамъ. Мицкевичъ часто ругалъ русское правительство вообще, безъ лицъ, но всегда въ разговорахъ со мною съ большимъ уваженіемъ говорилъ о государѣ и потомъ о русскомъ народѣ. При сужденіяхъ о людяхъ онъ чрезвычайно много говорилъ хорошаго о покойномъ графѣ Бенкендорфѣ, о графѣ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ Орловѣ, какъ истинно русскомъ. Мнѣ помнится, что я

его видѣлъ разъ семь или шесть—не могу сказать утвердительно. Однажды заговорили о наукѣ; я говорю, что въ Европѣ «il y a des connaissances, mais il n'y a pas de la science, — онъ этимъ былъ восхищенъ и попросилъ позволенія ввести другаго господина, который очень порядочно говорилъ по-русски. Я думалъ было, что это Товянскій, но послѣ по описанію узналъ, что не онъ; кто же то былъ? Мицкевичъ мнѣ не сказалъ и вообще всегда говорилъ мнѣ: «намъ нѣтъ надобности до именъ», т. е. отстранялъ меня въ вопросѣ объ имени двухъ-трехъ лицъ, которыхъ я у него видѣлъ. Кромѣ этого, я всегда избѣгалъ всѣхъ споровъ. Однажды, напримѣръ, когда онъ оправдывалъ свою пропагандическую дѣятельность въ Парижѣ и говорилъ, что Франція должна подать руку помощи славянскимъ племенамъ сдѣлаться свободными, я отвѣтилъ ему, что это никакъ не укладывается въ головѣ моей: какимъ образомъ юное племя, слѣдовательно, сильное, вводитъ новыя начала жизни и должно опираться на томъ, что отжило свое время и, слѣдовательно, въ чемъ всякое движеніе есть защита своихъ закоснѣлыхъ понятій и убѣжденій. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «любезный другъ! Не будемте входить въ споры, человѣкъ не измѣнитъ убѣжденія: оно влагается Богомъ». Я хотѣлъ было снова возразить, но мнѣ стало жаль его болѣзненной природы и, къ тому же лично, внѣ своихъ убѣжденій и бездны заблужденій, онъ заставилъ меня полюбить себя. Не скрывалъ я отъ него и того, что не считалъ его не только русскимъ, по моему высокому понятію о русскихъ, но даже и истиннымъ славяниномъ. «Vous êtes un parvenu, говорилъ я ему,—vous n'êtes pas noble dans la noblesse de la race». «У васъ, продолжалъ я, ваши понятія и то, что въ нихъ чистаго, пріобрѣтены вашими страданіями и волненіями жизни — у меня они чистая принадлежность моего племени. Тогда какъ вы высоки, вы высоки, какъ Мицкевичъ,—я высокъ внѣ имени только потому, что я истинный русскій».

О политическихъ формахъ жизни и о славянскомъ внѣшнемъ, именно политическомъ соединеніи, Мицкевичъ со мною никогда не говорилъ; сознавался только въ одномъ,—что Польша должна принадлежать Россіи, что это послано ей, какъ наказаніе за ея беззаконную жизнь. Какъ мнѣ кажется, не говорилъ онъ не потому, чтобъ увертывался отъ этого, а потому, что наши свиданія всегда бывали очень коротки и онъ всегда облекалъ всѣ свои понятія въ таинственно-религіозныя формы, и потому что я больше слушалъ его или самъ говорилъ, а не спрашивалъ. Мнѣ очень хотѣлось узнать все, какъ они понимаютъ дѣло, и, сколько мнѣ показалось, у нихъ не можетъ быть ничего опредѣлительнаго. Въ концѣ письма Мицкевичъ говоритъ: «mes rapports avec vous sont basés sur un sentiment nouveau, parcequ'il s'élève au-dessus des convenances des passions et des intérets du jour». Это имѣетъ прямое отношеніе съ его мистическимъ вѣрованіемъ, по которому у славянъ есть особое

чувство понимать Бога, какъ онъ выражался и какъ, гораздо позже уже моего знакомства съ нимъ, передалъ онъ въ своей книгѣ «Messianisme».

Съ графомъ Гуровскимъ я познакомился совершенно случайно въ Римѣ. Нашъ генеральный консулъ бѣлградскій, полковникъ Данилевскій (чрезвычайно обласкавшій меня въ бытность мою въ Бѣлградѣ), жилъ въ Римѣ, въ Hôtel de la Minerve. Тамъ за общимъ столомъ обѣдалъ и Губе, находящійся при Блудовѣ. Однажды туда пришелъ Гуровскій, и тутъ или у Губе, не помню хорошо, они и познакомились. Данилевскому понравились русскія чувства Гуровскаго; послѣ онъ читалъ его книжку «Impressions de voyage en Suisse», далъ ее мнѣ,—этимъ заставилъ и меня желать познакомиться съ нимъ, съ условіемъ, если это знакомство не будетъ у меня отнимать времени и не повлечетъ за собою пустыхъ приличій. Это условіе и то, что Данилевскій самъ всего раза три видѣлся съ Гуровскимъ, сдѣлали то, что я съ нимъ не сходился. Когда Данилевскій уѣзжалъ изъ Рима, я пришелъ его проводить; тутъ же зашелъ и Губе, а съ нимъ и Гуровскій. Здѣсь мы познакомились и сошлись очень хорошо. Особенно насъ сблизило то, что, не возставая ни противъ Фурье, ни противъ коммунистовъ и не прибѣгая ни къ какимъ ссылкамъ (цитатамъ), мнѣ случалось довольно удачно уничтожать всѣ притязанія этихъ системъ на то, чтобы быть законодательными правилами жизни. Точно также было и въ разговорахъ о философіи и исторіи. Гуровскій прибѣгалъ иногда къ Гегелю,—я всегда смѣялся надъ нимъ, что всѣ они, защищая, не могутъ не ссылаться на подтвержденіе того, кого я не принимаю никакъ законодателемъ, хотя и глубоко уважаю, какъ мыслителя. Самъ Гуровскій мнѣ сильно нравился своею открытостью, своими самыми благонамѣренными сужденіями и особенно тѣмъ, что почти во всѣхъ, о комъ онъ ни говорилъ изъ нашихъ сановниковъ, да и вообще въ сужденіяхъ о большей части людей, кромѣ поляковъ, онъ умѣлъ показать прекрасную сторону. О государѣ онъ отзывался болѣе, нежели съ уваженіемъ, а съ благоговѣніемъ. Я говорилъ съ нимъ искренно и называлъ поступокъ его—уѣхать изъ Россіи въ величайшей степени легкомысленнымъ. Кромѣ того, что графъ Гуровскій нравился мнѣ по многимъ добрымъ качествамъ, еще я имѣлъ въ сближеніи съ нимъ и цѣль личную. Онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ всѣхъ европейскихъ происшествій. Я при моихъ занятіяхъ не могу слѣдить такъ неослабно, потому и надѣялся въ его письмахъ имѣть вкратцѣ отчетъ о всемъ, что дѣлается въ Европѣ. Письмо его № 6 показываетъ, что точно я не обманулся; въ немъ онъ пишетъ о всѣхъ римскихъ происшествіяхъ. Слова, гдѣ онъ говоритъ о полякахъ, какъ о народѣ, озападнившемся;—это суть слѣдствіе моихъ съ нимъ разговоровъ, въ ко-

торыхъ я ему доказывалъ, что на всѣхъ путяхъ жизни поляки всегда жили подражательно.

Вопросъ. По какому случаю вы были въ перепискѣ съ Louis Lucien Buonaparte?

L. L. Buonoparte, сынъ Луціана Бонапарта, меньшой братъ Карла Луціана, Prince de Canina, занимается много славянскими языками, т. е. вообще индо-европейскими языками. Меня съ нимъ познакомилъ одинъ тріестинецъ, докторъ Біазолетти, который приглашалъ меня участвовать на съѣздѣ итальянскихъ ученыхъ еще въ 1844 году. Бонапартъ первый написалъ ко мнѣ весьма вѣжливое письмо, прося напутствовать его въ изученіи славянскихъ языковъ; я отвѣтилъ ему и даже подарилъ славянскую библію, которой онъ сильно добивался. Онъ подарилъ мнѣ итальянскую. Послѣ, въ бытность мою во Флоренціи, я былъ у него, и мы сошлись очень хорошо. Ему хотѣлось читать правильно по-русски, хотя и безъ того онъ читалъ очень порядочно. Я ему предложилъ руководствовать его, а онъ взамѣнъ ознакомилъ меня съ основаніемъ бискайскаго языка (la langue Basque). Къ тому же мнѣ понравилась и цѣль или, лучше, то исканіе, которое заставляло его трудиться надъ изученіемъ языковъ. Онъ хочетъ издать словарь первообразныхъ словъ на 60 языкахъ и въ формахъ языка найти одно изъ важныхъ доказательствъ того, до чего онъ дошелъ изученіемъ естественной исторіи, именно—что различныя племена народовъ не суть разности одного и того же вида, но виды одного рода. Чтобы яснѣе передать, я скажу по-французски, гдѣ этимъ словамъ дано весьма опредѣленное значеніе: que les différentes races sont des différentes espèces du même genre, mais pas des différences de la même espèce. Мнѣ понравилось это, потому что я пришелъ къ тому же заключенію изученіемъ исторіи человѣка, а особенно руководствуясь въ немъ исторіею искусства и исторіею правилъ развитія общества.

Всѣ мои сношенія съ Бонапартомъ ограничивались извѣщеніями и указаніями на лексиконы, грамматики и библіи на разныхъ языкахъ, чтò видно изъ письма его ко мнѣ (№ 7). Я далъ ему слово писать изъ Россіи тоже по подобнымъ порученіямъ и исполню это въ первое свободное время.

Вопросъ. Для чего вы носите бороду?

Самъ я началъ носить бороду въ 1841 г. за-границею, сперва просто потому, что тамъ всѣ носятъ и что это доставляло мнѣ большое удобство, при моей очень малой заботливости о внѣшности. Послѣ, пріѣхавши изъ-за границы, я оставилъ ее больше по сдѣланной мною привычкѣ, пока еще безъ всякой цѣли и намѣренія. Когда я проѣхалъ отъ Радзивилова до Кіева, потомъ до Прилукъ, Новгородъ-Сѣверска, съѣздилъ въ Москву и въ деревню моей матушки въ Костромской губерніи, я нашелъ, что борода моя дала мнѣ много способовъ прямѣе и лучше смотрѣть на ходъ вещей,

потому что всѣ были со мною за-просто; мужики разсказывали всѣ подробности ихъ быта и ихъ промышленности, что меня очень занимало. Тутъ тоже меня пріятно поразила вѣжливость на станціяхъ, чего прежде и не было, и чего я никакъ не могъ приписать моему чину, потому что объ немъ всегда узнавали уже послѣ изъ подорожной. Потомъ вѣжливость высшихъ чиновниковъ и крайнее пренебреженіе, оказываемое низшими, пока они принимали меня за купца. Но всего болѣе заставилъ меня послѣ съ нѣкоторымъ упрямствомъ носить бороду предметъ моихъ прошлогоднихъ и нынѣшняго года занятій. Въ послѣднее время я очень много занимался исторіею искусствъ; еще въ Римѣ, въ Венеціи и въ Сіенѣ, увидѣлъ я ясно, что византійская школа имѣетъ свою особенность, что она была прямымъ источникомъ, (а не только поводомъ, какъ говорятъ во Франціи, Германіи и Италіи) для итальской живописи, наконецъ, что въ ней сохранился именно тотъ характеръ, который существенно отличаетъ образъ отъ картины. Бывши въ Сербіи, я нашелъ церковную стѣнопись XIII и XIV столѣтія, которая утвердила меня еще болѣе въ той мысли, что Византія нѣкогда не только имѣла свою самостоятельность въ иконахъ, но и въ стѣнныхъ изображеніяхъ евангельскихъ и библейскихъ происшествій. Тутъ же, тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Россію, попалась мнѣ въ руки вышедшая русская книга о иконописаніи. Выводомъ моимъ изъ всего было то, что наша иконопись требуетъ изученія, что авторъ книги о иконописаніи, какой-то епископъ, занимался очень много изученіемъ иконописи, но зато сильно слабъ въ изученіи живописи, и что потому онъ вовсе неясно и неопредѣленно понимаетъ ихъ значеніе. Пріѣзжаю я осенью 1845 года въ Петербургъ; вижу, что и наши художники, понявъ, что государь императоръ любитъ все русское, начали тоже писать въ византійскомъ стилѣ (по ихъ выраженію). Таковы образа Брюлова въ церкви св. Екатерины на Аптекарскомъ островѣ и таковы нѣкоторыя попытки Бруни въ его картинѣ Покровъ Божіей Матери. Но эти произведенія византійскаго стиля—рѣшительно ворона въ павлиньихъ перьяхъ. Въ нихъ есть поддѣлка подъ византійскіе образа, искаженіе итальянской живописи и ничего самостоятельнаго. Тутъ я принялся за изученіе нашей иконописи дѣльнѣе, и тутъ моя борода доставила мнѣ возможность видѣть такія драгоцѣнности у раскольниковъ, какихъ никакими иными средствами видѣть невозможно. Человѣку, не упражнявшемуся въ присматриваніи къ образамъ, покажется это изслѣдованіе пустымъ; но я съ этимъ никакъ не могу согласиться.

Вотъ полный ходъ причины, почему я началъ носить нашу бороду, и прошу позволенія еще нѣсколько времени носить ее, если это нисколько не навлечетъ на меня неблагорасположенія правительства. Что борода моя не соединяется съ французскими

идеями, въ томъ легко убѣдиться, взглянувши на простоту моей одежды и войдя въ то, что я никакъ и никогда не искалъ и не ищу какого-бы-то ни было значенія въ свѣтскомъ обществѣ. Что я точно смотрю дѣльно на вопросы о русской иконописи, также какъ церковныя лѣтописи, и нашей церковной архитектурѣ, въ томъ могутъ увѣрить двѣ мои критическія статьи, помѣщенныя во второмъ томѣ «Ученаго и Литературнаго Сборника»: одна на «римскія письма» Муравьева, другая на «Памятники московскихъ древностей» Снегирева.

Объ около-московныхъ дворянахъ я не могу ничего сказать, потому что не знаю. Знаю, что никто изъ нихъ не носилъ бороды, и знаю еще одно, что всѣ изъ моихъ знакомыхъ и пріятелей, весьма много занимаясь вопросомъ о нравственномъ и умственномъ развитіи Россіи, никакихъ политическихъ намѣреній не имѣютъ,—по крайней мѣрѣ, мнѣ никогда ничего не повѣряли, хотя мои московскіе знакомые со мною весьма искренни. Сколько я могу проникнуть въ ходъ современной жизни, думаю и, кажется, могу утверждать, что въ Россіи политическихъ намѣреній теперь родиться не можетъ, не изъ боязни, потому что всегда находятся отчаянные, и не отъ того, чтобъ теперь стали тише, чѣмъ были прежде, а именно потому, что всѣ истинно русскіе образованные люди убѣждены, что Россія и царь слиты во едино нераздѣльное, что любить одну, не любя другаго, нѣтъ возможности и что въ томъ и состоитъ быть русскимъ, чтобъ это убѣжденіе перешло за предѣлы личныхъ небольшихъ непріятностей и личнаго незначительнаго утѣсненія.

Все это я говорю такъ, какъ я сказалъ бы, идя принимать причастіе. Ручательствомъ въ истинѣ словъ моихъ для самого меня—мое глубокое душевное убѣжденіе; для правительства—то, что при самыхъ либеральныхъ моихъ понятіяхъ въ 1830 году (прибавлю при этомъ: при моемъ открытомъ характерѣ и при моей удобоувлекаемости), я никогда не сдѣлалъ ничего, въ чемъ бы выказалась враждебность къ правительству; говорилъ, писалъ много для себя; особенно говорилъ, но объ этомъ будетъ особенный вопросъ.

Въ заключеніе отвѣта на пятый вопросъ, я, какъ благородный человѣкъ, считаю непремѣнною обязанностью моею прибавить слѣдующее: до сего времени никто изъ русскихъ не передавалъ мнѣ никакихъ политическихъ намѣреній, и ни у кого я не могъ ихъ проникнуть. И то и другое я говорю утвердительно. Но случись, что я проникъ бы ихъ,—пусть меня правительство судитъ,—я скажу искренно, что я избѣгъ бы встрѣчи, дабы не слышать ничего. Если бы я услышалъ изложенными на словахъ подобныя намѣренія, я заставилъ бы говорящаго объявить ихъ, но не въ состояніи былъ бы доносить ихъ. Можетъ быть, это назовутъ во мнѣ мелочными и ложными понятіями о чести, я не буду оспаривать;

а только покорнѣйше прошу позволить мнѣ со всею искренностью передать ихъ, чтобы правительство видѣло меня такимъ, каковъ я есть, а не такимъ, какимъ, можетъ быть, я бы долженъ быть по его понятіямъ. Говоря это, я не разумѣю правительственныхъ лицъ, о которыхъ всѣ и каждый говорятъ и судятъ вездѣ, но общій порядокъ управленія.

Что касается до особъ царскаго дома, то тотъ, кто бы рѣшился объявить мнѣ о какомъ бы то ни было рѣзкомъ противъ нихъ поступкѣ, былъ бы непремѣнно и всенепремѣнно заставленъ мною объявить это самое самому правительству. Слова эти не вызваны моимъ настоящимъ арестомъ, но они давно уже составляютъ основу моихъ нравственно-политическихъ правилъ.

Ходъ моихъ славянскихъ понятій и сближенія моего со славянами я изложилъ подробно въ отвѣтъ на первый вопросъ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ сближеніемъ, разумѣется, измѣнялись у меня и понятія о славянскомъ мірѣ. Я прошу позволенія изложить отвѣтъ очень обширно, потому что онъ же будетъ отвѣтомъ и на второй вопросъ, и на вопросъ 12-й. Здѣсь я поневолѣ долженъ буду прежде всего обратиться, во-первыхъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ объ исторіи; во-вторыхъ, къ ходу собственно моего историческаго изученія, потому что безъ того и другаго многое покажется или неяснымъ, или страннымъ.

Изучая исторію, я не могъ понять: зачѣмъ передаютъ намъ сотни тысячъ событій, которыя ни къ чему нейдутъ и нисколько ни около чего не сосредоточиваются въ головѣ. Послѣ, когда очень пошли въ ходъ, такъ называемыя, идеи народовъ и ихъ призванія, и когда нѣмецкія системы и французскіе профессора и соціалисты очень умно подвели подъ нихъ всѣ событія, я часто, совершенно разноглася съ ними въ самомъ себѣ, опять спрашивалъ себя: откуда же эти идеи, и брошены ли онѣ въ міръ на удачу, или являются и, такъ сказать, навязываются на каждый народъ по какому нибудь общему закону развитія человѣчества? Въ этихъ изысканіяхъ прошло у меня болѣе десяти лѣтъ; разумѣется, на каждой ступени старался я себѣ опредѣлить формы жизни во всякомъ народѣ и, не могши сбросить съ себя западныхъ понятій, по моей свѣжей природѣ русской, бросался въ крайности понятій либеральныхъ. Мои предварительныя занятія физіологіею въ университетѣ,—послѣ, когда я уже былъ магистромъ физико-математическихъ наукъ, посѣщенія лекцій въ медицинской академіи, особенно же чтеніе физіологіи—навели меня прямо на естественный ходъ всеобщаго развитія. Слѣдуя за нимъ, если я и не рѣшилъ подробностей историческихъ, то, по крайней мѣрѣ, ясно понялъ ходъ и историческую необходимость всѣхъ событій отъ индусовъ до послѣднихъ европейскихъ переворотовъ. Не заходя дальше, скажу самые близкіе выводы.

Каждый періодъ въ исторіи являлся въ мірѣ непремѣнно съ поступленіемъ на историческую дѣятельность новаго племени; ни разу не было изъ этого исключенія.

Вновь вступавшее племя было не умнѣе предшествовавшихъ, но въ своей природѣ носило начало чего-то, самому ему не видимое, что̀ потомъ двигало его шагомъ впередъ и что дѣлало образованность каждаго послѣдняго періода, при полномъ его составѣ и оконченности, гораздо болѣе развитою, нежели періода, до него бывшаго.

Каждое племя (race) раздѣлялось на вѣтви (branches); изъ нихъ однѣ истощали свои силы преждевременно раннимъ сліяніемъ съ бывшимъ до нихъ племенемъ и пропадали безъ всякой особой исторической самостоятельной дѣятельности; другія долгимъ отчужденіемъ и своею отдѣльностью жизни сохраняли въ себѣ всю силу своей природы и потому, вступая въ дѣятельность всемірную, совершенно преобразовывали міръ. Индусы, египтяне, греки, римляне, народъ итальянскій или романскій, народъ ґерманскій, народъ германо-британскій,—вотъ всѣ отдѣльнные періоды исторіи. Сущность ихъ природы—Всебожіе, всѣ-Божіе (разница въ томъ, что первые принимали нераздѣльно всю природу за Бога, вторые называли божествомъ все во внѣшней природѣ отдѣльно), человѣкобытіе, переходъ его къ христіанству, христіанство, въ первомъ періодѣ итальянское—подъ условіемъ господства чувства, въ Германіи—господства ума или анализа, въ Германо-Британіи—подъ условіемъ дѣятельности.

Формы, въ какихъ каждое племя вступало на историческую дѣятельность, были одинаковы въ томъ, что въ нихъ всегда являлся непреложный законъ развитія, и совершенно различны по подробностямъ, потому что всегда заключали въ себѣ различную сущность.

Этихъ двухъ чисто отвлеченныхъ, повидимому, понятій уже довольно, чтобъ объяснить, почему при общемъ недовольствѣ всей Европы, при общемъ ожиданіи и стремленіи къ лучшему и, къ тому-же, на всѣхъ путяхъ жизни, т. е. въ быту нравственномъ, гражданскомъ и политическомъ,—почему тотчасъ многіе увидѣли, что приходитъ время вступить въ исторію новому племени. Эти многіе произнесли, что грядущее племя будетъ славянское, котораго мы, русскіе, прямые и едва ли не единственные представители, потому что изъ остальныхъ племенъ, всѣ, болѣе сохранившіе въ себѣ нетлѣнность природы, близки къ русскимъ и любятъ русскихъ не по идеямъ, а просто называютъ «брате» и «бѣлаго царя» только что не называютъ своимъ царемъ.

Что славянское племя и мы, его главные представители, выбраны не случайно, а на историческихъ основахъ, то показали явленія той же исторіи.

Первымъ явленіемъ нашей всемірно-исторической дѣятельности было соединеніе насъ съ Европою Петромъ Великимъ. Не вините насъ, если мы, русаки, глубоко уважая личное его величіе, никакъ не можемъ съ благоговѣніемъ принимать всѣ подробности самаго преобразованія. Это не враждебность, а просто дань тому благодѣтельному переходному состоянію, которое вывело насъ изъ прошедшаго поколѣнія, стыдившагося говорить по-русски, никогда не думавшаго по-русски и желавшаго Россіи самаго нерусскаго счастія, то есть просто гибели, несмотря на то, что многіе изъ желавшихъ были весьма благородны и чисты въ предѣлахъ своего убѣжденія.

Второе явленіе, хотя еще тоже, если и не страдательное, то, по крайней мѣрѣ, не больше какъ такое, при которомъ только отстаивали и защищали свое,—была встрѣча у насъ Наполеона. Не только народъ, но и всѣ тѣ, которые получали воспитаніе самое нерусское,—все возстало и не нашлось нисколько ни измѣнниковъ, ни даже такихъ, которые увлеклись бы величіемъ всеевропейскаго завоевателя. Вотъ гдѣ начинается рѣшительное явленіе новаго племени, и гдѣ на дѣлѣ высказалось, какія изъ его вѣтвей будутъ средоточіемъ и какія погибнутъ безъ всякаго историческаго самостоятельнаго значенія. Кто былъ подъ знаменемъ Наполеона, тотъ втянулся въ западно-европейскую жизнь, слѣдовательно, тому не суждена уже жизнь самостоятельная.

Третіе явленіе, именно начало нашего дѣятельнаго вступленія на поприще, есть царствованіе Николая Павловича. Мы стали русскими, гордимся тѣмъ, что мы русскіе, на всѣхъ путяхъ жизни, даже отвлеченной, какъ то—въ искусствѣ и наукѣ стремимся быть русскими — какъ вамъ угодно, а если не называть это переворотомъ, и самымъ благодѣтельнымъ переворотомъ, тогда протестантство и подавно нельзя назвать имъ. Что у насъ все дѣлается тихо и спокойно, за это намъ остается только благодарить Бога; къ тому же, вникая въ ходъ исторіи и въ сущность прежнихъ и настоящаго ея періодовъ, нельзя было иначе и предполагать. При отвѣтахъ моихъ въ настоящемъ случаѣ, гдѣ между мною и первыми правительственными лицами нѣтъ никого посторонняго, я считаю долгомъ не останавливаться на первыхъ ступеняхъ искренности и прибавить, что, по моему историческому и практическому убѣжденію, всѣ представимые уму перевороты должны происходить у насъ тихо и непремѣнно безкровно, и тѣмъ тише, чѣмъ будетъ естественнѣе и народнѣе наше развитіе и ходъ нашего образованія . . . . . .

. . . .

. . . .

Вопросъ. Вы намѣрены издавать съ 1848 г. «Русскій Вѣстникъ»—не предполагали ли вы распространять посредствомъ этого журналъ свои славянскія идеи?

Я предполагалъ, между прочимъ, напечатать всѣ мои статьи, вошедшія въ составъ 2-й части «Литературнаго и Ученаго Московскаго Сборника», потомъ отрывки путешествія моего по славянскимъ странамъ изъ моего дневника, далѣе постоянно слѣдить за литературою всѣхъ славянскихъ народовъ, получая извѣстія изъ всѣхъ мѣстъ, но это не ежемѣсячно, а изрѣдка, мѣсяца въ три разъ. Вотъ все, что я предлагалъ въ отношеніи къ славянамъ; не для распространенія славянскихъ идей, а просто какъ свѣдѣнія и какъ вопросы чисто литературные и ученые. Что касается до идей моихъ, то какую статью мою ни прочтите—онѣ русскія и чисто русскія. Въ журналѣ моемъ мнѣ хочется помѣщать все оригинальныя статьи, совершенно, если можно, избавиться отъ переводовъ, а только подробно разбирать всѣ замѣчательныя современныя сочиненія Европы, такъ чтобы такіе разборы давали полное понятіе и о содержаніи, и объ исполненіи, и были бы составлены умнымъ русскимъ. Хотѣлъ я просить позволенія также разбирать всѣ сочиненія, выходящія за-границею о Россіи, разумѣется, если они въ предѣлахъ умѣренности. Если позволятъ, тогда будетъ другая просьба: чтобъ такіе разборы не шли въ обыкновенную цензуру, а въ канцелярію его величества. Ихъ должно быть очень немного, два или три въ годъ. Все остальное желалъ бы я имѣть чисто русское. Но отъ меня зависитъ одно желаніе, а успѣю ли, или нѣтъ, это уже покажется на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, скорѣе откажусь по истеченіи года отъ изданія журнала, нежели рѣшусь наполнять противурусскими по направленію статьями.

Вопросъ. «Кто въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи преданъ славянскимъ идеямъ? Опишите подробно образъ мыслей въ этомъ отношеніи Шевырева, Хомякова, Кирѣевскихъ, Соловьева, А. Попова, А. Языкова (въ Симбирскѣ), Панова и прочихъ, изъ коихъ одни будутъ участвовать въ вашемъ журналѣ, а другіе находятся въ сношеніи съ вами.»

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ, знаю я еще Николая Ригельмана въ Кіевѣ, профессора Бодянскаго въ Москвѣ, профессора Погодина, Елагина. Вотъ, кажется, и всѣ. По крайней мѣрѣ, я другихъ не припомню въ эту минуту. Профессора Бодянскій и Погодинъ извѣстны мнѣ своими сочиненіями, не больше. Съ обоими я знакомъ, но чисто ученымъ образомъ. Съ Бодянскимъ потому, что далъ я въ ихъ «Чтенія историческаго общества» перепись бумагъ, найденныхъ мною въ венеціанскомъ архивѣ, относящихся къ сношеніямъ венеціанской республики съ Россіею. Съ Погодинымъ сходимся больше и, сколько узналъ его, онъ русскій совершенно. Повидимому ,политическихъ идей никогда не касался. Я сужу по тому, что никогда въ разговорахъ съ нимъ не случалось ничѣмъ касаться не только политическихъ, но и нравственныхъ вопросовъ о славянствѣ по Россіи. Всегда онъ оставался въ области довольно сухой исторіи и однихъ изслѣдованій, часто даже безъ выводовъ.

Шевыревъ сочувствуетъ славянамъ по одному языку, нравамъ и религіи, но всегдашнее его слово бывало: «намъ надобно, чтобъ всѣ лучше были русскіе, нежели намъ, русскимъ, искать какого нибудь другаго начала. Онъ исключительно преданъ русской литературѣ и древне-славянской, но славянской въ отношеніи языка, т. е. церковно-славянскимъ письменамъ, бывшимъ единственными нашими письменами до Петра Великаго, а не литературѣ другихъ славянскихъ народовъ.

Всѣхъ выше по уму, по таланту, по обширности взгляда и по начитанности—Хомяковъ. Онъ одинъ понимаетъ вполнѣ историческое значеніе слова—славянскій міръ, разумѣя тутъ, какъ я это выше изложилъ, названіе всего племени и ничего политическаго. Въ весьма частыхъ съ нимъ свиданіяхъ и самыхъ дружескихъ сношеніяхъ наши разговоры и споры имѣли предметомъ всегда нравственное и умственное развитіе Россіи. Въ политическомъ отношеніи его убѣжденія о сліяніи, ничѣмъ не раздѣлимомъ, царя съ Россіею стойче, я думаю, чѣмъ у всякаго другаго. Въ дѣятельной жизни онъ до того русскій и православный, что сохраняетъ всѣ посты и не измѣнялъ этому съ дѣтства.

Послѣ Хомякова по уму я поставилъ бы Попова, хотя далеко не по таланту. Поповъ занимался изученіемъ славянскихъ языковъ, былъ въ славянскихъ странахъ, но неизмѣнно оставался русскимъ, и я долженъ сказать, въ сознаніе собственной слабости моихъ понятій, гораздо неизмѣннѣе меня. Я, какъ Петръ апостолъ, бывало и отрекался, когда нападутъ на меня идеи; Поповъ моложе меня гораздо и всегда неизмѣнно видѣлъ все только какъ частныя движенія, слѣдствія разныхъ причинъ, но все средоточіе жизни находилъ въ страстно любимой имъ Россіи. Онъ положительнѣе другихъ, поэтому увлекается менѣе и судитъ прямѣе и осмотрительнѣе.

Изъ Кирѣевскихъ я знаю одного—Ивана Васильевича, и то былъ съ нимъ вмѣстѣ раза три и никакъ уже не больше четырехъ. Съ нимъ мы все говорили о моемъ будущемъ журналѣ и при такихъ короткихъ свиданіяхъ не имѣли времени говорить болѣе. Однажды я долго просидѣлъ у него, и онъ просилъ меня, чтобъ я сказалъ ему мои историческія убѣжденія, безъ которыхъ, онъ говоритъ, въ наукѣ будемъ ходить ощупью. Изъ его возраженій я видѣлъ, что онъ во всемъ смотритъ глазомъ человѣка, погрузившагося въ ученіе православной церкви, до того, что, нападая на меня за поѣздку за-границу и за то, что я оставляю изданіе журнала до 1848 года, онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ я запасся книгами духовнаго содержанія.

Къ Петру Васильевичу Кирѣевскому я писалъ, но только потому, что насъ обоихъ соединяла братская дружба съ покойнымъ Языковымъ. Лично же мы другъ друга не знаемъ. Отвѣта я еще не получалъ и не имѣлъ времени получить.

Соловьева я зналъ только по его историческимъ статьямъ, гдѣ нѣтъ ничего о славянахъ,—кажется, что я его однажды видѣлъ, но не помню.

Александра Языкова (что въ Симбирскѣ) совсѣмъ не знаю, не видалъ и не писывалъ къ нему. Пановъ путешествовалъ по славянскимъ странамъ; чисто русскій, безъ самостоятельныхъ идей, весьма не глупый, но всегда остающійся въ фактической исторіи. Лучшимъ удостовѣреніемъ можетъ быть его брошюра подъ заглавіемъ «Путешествіе по Герцеговинѣ». Доброта его души и преданность церкви видны и тутъ. Онъ все изданіе выпустилъ въ свѣтъ только для помощи бѣднымъ герцеговинскимъ церквамъ.

Есть еще въ Москвѣ Аксаковъ (Константинъ)—весьма пламенный русскій. Его называютъ почему-то славянофиломъ; говорили мнѣ, что онъ прежде носилъ бороду, но я нашелъ его безъ бороды. Онъ сильно увлекается спорами, и тогда случается, что говоритъ рѣзко, что и выставило его на видъ въ обществѣ. Онъ до того русскій, что бранитъ всѣхъ за славянство, говоритъ, что намъ не до славянъ, каждый найдетъ на свой пай довольно занятій и у себя дома. Пламенный его характеръ и рѣзкость выраженій дѣлаютъ то, что, увлекшись, онъ себя выставляетъ въ тысячу разъ хуже, чѣмъ онъ есть, потому что такой чистой, незлобивой и набожной души, какова его, трудно найти.

Представляя всѣхъ этихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей такимъ образомъ, примутся или нѣтъ за истину слова мои,—все-таки я считаю долгомъ сказать, что я не навязываю ни на кого изъ нихъ достоинствъ и не уменьшаю недостатковъ, но я знаю ихъ такими и вполнѣ увѣренъ, что если какой-либо случай выказалъ ихъ характеры, то они не могутъ никакъ противорѣчить моему ихъ изображенію. Почти всѣ они весьма способны увлекаться,—это я прощаю поневолѣ, потому что самъ увлекаюсь безпрестанно.

Два слова о Свербѣевой.

Прошу позволенія соединить эти вопросы. Г-жа Свербѣева, не могу сказать—покровительствуетъ, а споспѣшествуетъ моей дѣятельности по двумъ причинамъ. Первая: она, какъ женщина восторженная и вмѣстѣ женщина высокой и безукоризненной нравственности, увлеклась моею восторженностью. Мы встрѣтились у покойнаго нашего поэта Языкова, съ которымъ я жилъ братски и котораго за его жизнь, нравственную чистоту и ангельское незлобіе души всѣ мы истинно считали праведникомъ. Если г-жа Свербѣева называла его угодникомъ, то согласитесь, что и вообще въ привязанности женской трудно взвѣшивать выраженія, а особенно въ привязанности женщины восторженной, и въ привязанности чисто духовной. Другой дамы я, сколько ни привожу себѣ на память, не знаю. Быть можетъ, такова г-жа Хомякова, родственница Свербѣевой и родная сестра покойнаго Языкова. Что касается до

славянофильства, то, какъ я уже не разъ писалъ, принимая понятія о славянскомъ мірѣ чисто учено и чисто исторически, никто и не думалъ изъ насъ, раздѣляютъ ли дамы нашего круга это убѣжденіе, или нѣтъ. Катерина Алексѣевна Свербѣева склоняетъ другихъ къ участію въ моемъ журналѣ по двумъ причинамъ: потому, что она сама много читаетъ, любитъ литературу и знакома со всѣмъ московскимъ литературнымъ кругомъ, а болѣе всего, потому, что она вѣритъ отъ всей души чистотѣ моего направленія. Видя это, я съ своей стороны вездѣ тамъ, гдѣ мнѣ было бы затруднительно начинать хлопотать самому (потому, что я лично знакомъ не со всѣми), просилъ и даже не имѣлъ надобности просить, а просто намекалъ, что мнѣ нужно было бы достать статьи отъ того или отъ другаго; она предупреждала мои просьбы и хлопотала.

Послѣ того, что̀ я уже писалъ въ отвѣтѣ на 6 вопросъ, понятно, что историческое значеніе славянъ важно; и если бы я сказалъ, что я соглашаюсь въ томъ, что это пустяки,—я поступилъ бы и смѣшно, и неблагородно. Это чисто убѣжденіе историческое, чисто ученое, и ни у меня, ни у московскихъ писателей, оно никогда не переходило за предѣлы ученаго историческаго убѣжденія,—въ чемъ теперь соглашаются и что принимаютъ весьма многіе европейскіе писатели: Tocqueville въ концѣ своей книги «Démocratie en Amérique»; Cyprien Robert въ своей «Le monde gréco-slave»; Lefevre (sic) въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Revue de deux Mondes»; Ernest Charrière въ своей книгѣ «La Politique de l'histoire; Ami Boué въ книгѣ своей «La Turquie d'Europe». Нѣмецкихъ авторовъ было много, начиная съ того, не помню теперь именно, который первый началъ утверждать, что теперешніе греки суть огречившіеся славяне.

Всѣхъ я теперь не припомню. Дѣло въ томъ, что многіе, занимающіеся изученіемъ славянской исторіи и славянскихъ языковъ, перенесли это значеніе на прошедшее и ищутъ уже всего въ славянахъ. Послушайте Коллара, у котораго и не было ничего не славянскаго, и Гомера, и греческой миѳологіи, и древнія сказанія о народахъ, населявшихъ южную Испанію—все это относится къ славянамъ. Если допустить мою теорію исторіи, то вопросъ о славянахъ, разумѣется—всемірный. Теперь мнѣ было бы довольно трудно входить въ подробности; скажу только, что, по моему понятію объ исторіи, я представляю себѣ всю сущность наступающаго періода такъ же ясно, какъ ясно понимаю сущность, но тамъ—и самыя формы періодовъ прошедшихъ. У меня готовится статья. Она будетъ мнѣ привезена съ моими книгами изъ Италіи—подъ названіемъ «Исторія». Если будетъ угодно, когда я получу ее, да позволено мнѣ будетъ ее обдѣлать, потому что она только набросана и, обдѣлавши, привезти въ канцелярію его величества прежде, нежели я покажу кому нибудь.

Здѣсь я буду просить довѣрія и даю слово, что статья моя не будетъ читана, хотя, впрочемъ, она чисто историческая и, можетъ статься, она не допущена была бы въ печать, но въ рукописи совершенно безвредна.

При вниканіи въ сущность и составъ настоящаго и наступающаго періода жизни, рѣшались для меня многіе вопросы нравственнаго и умственнаго развитія. Между прочимъ, одни вопросы объ образованіи и вмѣстѣ съ нимъ о ходѣ министерства просвѣщенія. Будучи обязанъ лично г. министру Уварову за вниманіе ко мнѣ, еще только выходившему изъ ребячества, уважая его собственную образованность, я никакъ не думаю этимъ сказать что нибудь противъ него. Я не виню его, но вижу, что вообще ходъ просвѣщенія понятъ очень слабо, и потому не только что у насъ, но и вездѣ, безъ исключенія, встрѣчаются на каждомъ шагу противорѣчія, и на повѣрку выходитъ то, что просвѣщеніе потемняетъ умы, а не просвѣтляетъ. У насъ больше, нежели гдѣ либо: именно потому, что, говоря о народѣ и понимая, что намъ пора и должно быть народными, мы рѣшительно составъ и ходъ просвѣщенія,— какъ мнѣ то видится,—дѣлаемъ противонароднымъ, т. е. вмѣсто того, чтобъ споспѣшествовать благоденствію всѣхъ слоевъ народа, мы вредимъ ему.

Обращаюсь къ отвѣту и къ слову «славянофилъ». Сюда я пріѣхалъ изъ-за-границы въ 1845 году осенью. Я считалъ слово «славянофилъ» просто обозначеніемъ человѣка, занимающагося славянскимъ языкомъ, исторіею и т. п. Мнѣ пріятно было, что мои понятія и занятія, которыхъ я никогда не скрывалъ, были встрѣчены въ Кіевѣ тамошними мѣстными начальниками очень радушно. Ни я, ни они не видѣли въ нихъ никакой враждебности къ правительству и ни къ кому. Пріѣзжаю въ Москву; изъ всѣхъ я нашелъ только четырехъ, знакомыхъ съ языкомъ и исторіею славянъ: Хомякова, Погодина, Бодянскаго и Панова. Тѣхъ же, которыхъ (почему—Господь знаетъ) зовутъ славянофилами, нашелъ множество, такъ что я не принималъ на себя труда спрашивать: за что ихъ зовутъ такимъ образомъ.

О политическихъ замыслахъ всего круга моихъ знакомыхъ я говорю утвердительно, что ихъ нѣтъ и быть не можетъ, вслѣдствіе нашего общаго самаго пламеннаго политическаго вѣрованія. Выше не разъ мною высказано, что Россія и царь ничѣмъ не разъединимы ни въ нашей головѣ, ни въ нашемъ сердцѣ.

Вопросъ. Еще въ Петербургѣ, въ 1834 и 1835 гг., вы обнаруживали либерализмъ въ политическомъ и нравственномъ отношеніи и занимались какой-то статьей тайно.

Отъ либерализма не отказываюсь, хотя въ дѣйствіяхъ моихъ самый нравственный мой политическій либерализмъ ограничивается понятіями и словами, никакъ не переходя въ дѣйствія.

Сочиненій я писалъ много, но никогда не писалъ тайно, и не имѣлъ надобности. Думаю, что здѣсь намекается на мою ариѳметику для простаго народа, начатую и оставленную на двухъ-трехъ листахъ. Съ тѣхъ же поръ я задумалъ большое сочиненіе исторіи человѣка, которая теперь съузилась въ своихъ предѣлахъ и перешла въ исторію искусствъ—именно, съ 1834 года я занимаюсь изученіемъ различныхъ сторонъ жизни, все вертясь около этого одного плана. Теперь онъ у меня безпрестанно очерчивается яснѣе и яснѣе, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ придется проработать, если Богъ дастъ силы, еще лѣтъ 15; надобно будетъ еще пожить года полтора въ Испаніи, съ годъ въ Англіи, еще съ годъ поѣздить по сѣверной Европѣ, побывать въ Греціи и на Востокѣ. Все это, какъ и два мои путешествія, думаю я дѣлать по-немногу, смотря потому, какъ дозволитъ досугъ и какъ сколотится копѣйка моими трудами.

Не ручаюсь, чтобъ не было тогда, въ 1834 г., задумано писать и еще чего нибудь; у меня всегда было много начинаній, но никакъ теперь не припомню и увѣренъ, что рѣшительно не было ничего ни тайнаго, ни политическаго, а тѣмъ менѣе враждебнаго правительству. Къ тому же, я послѣ издалъ слѣдующія сочиненія: 1) Общая теорія равновѣсія, съ приложеніемъ къ опредѣленію вида земли; 2) Исторію паровыхъ машинъ; 3) Исторію европейскихъ литературъ XV-го и XVI-го ст., которую я перевелъ съ англійскаго языка, пополнивши примѣчаніями и словаремъ; 4) Призваніе женщины,—книжка тоже передѣлана съ англійскаго. Кромѣ этого, писалъ много статей для «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»; прежде 1840 г.—для «Библіотеки для Чтенія», «Сына Отечества» и «Отечественныхъ Записокъ», также для «Москвитянина»; до послѣдняго времени для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскаго Ученаго и Литературнаго Сборника». По этому одному мнѣ некогда было писать какое либо отдѣльное сочиненіе.

Мнѣ остается добавить только общій выводъ,—что всѣ понятія о славянствѣ какъ мои, такъ и другихъ московскихъ писателей, суть чисто дѣло науки, принадлежатъ чисто историческому взгляду, безъ всякаго политическаго направленія. Въ моемъ «Путешествіи по славянскимъ землямъ» я стараюсь доказать на каждомъ отдѣльномъ явленіи жизни, что въ нашей русской природѣ Богъ далъ намъ прямой путь къ спокойной христіанской человѣческой жизни. Еще одно: что въ западной Европѣ нѣтъ возможности достигнуть этой цѣли земной жизни человѣка при томъ безпорядкѣ вещей, какой тамъ господствуетъ и который вошелъ въ основу и корень не только частной жизни, но всѣхъ государственныхъ, общественныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и религіозныхъ установленій.

Больше мнѣ сказать нечего. Въ заключеніе моихъ отвѣтовъ прошу позволенія прибавить, что настоящее положеніе мое очень непріятно и горько. Оно тѣмъ еще горестнѣе, что не вызвано ни-

какъ съ моей стороны преступленіемъ и ни малѣйшимъ противоправительственнымъ поступкомъ. Все главнѣйшее обвиненіе состоитъ въ словахъ, которыя будто бы я говорилъ въ Бреславлѣ, но и тѣ, оставя уже мое удостовѣреніе,—что они не были мною говорены,—на которое я, какъ обвиняемый, не имѣю права ссылаться, и тѣ сами совершенно уничтожаются собственною своею несправедливостью: именно тѣмъ, что никто бородъ не носитъ. При этомъ я смѣю указать и на то, что мнѣ уже 36 лѣтъ и во всю мою жизнь я не только ничего не сдѣлалъ противоправительственнаго, но и не писалъ, и всѣ идеи, во всемъ мною писанномъ, суть идеи истинно русскаго, прилежащаго Россіи тѣломъ, душею, мыслію, чувствомъ и всѣмъ существомъ своимъ.

Надворный совѣтникъ **Федоръ Чижовъ.**

23-го мая 1847 г.

ПОПОВСКАЯ ЧЕХАРДА И ПРИХОДСКАЯ ПРИХОТЬ.

Церковно-бытовые нравы и картины.

(Разсказано по оффиціальнымъ источникамъ).

«Вчера печаль, рыданіе и скорьбъ всѣхъ чадъ церкви Божіей; то же и сегодня; да и долго еще будетъ такъ. О, если бы мнѣ не возвращаться на прежнее!»

Евстафій, митроп. солунскій (XII в.).

«Прихоти нашего нрава страннѣе прихотей судьбы».

Ларошфуко.

I.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ теперь много говорятъ о большихъ реформахъ, которыя будто бы ожидаются въ устройствѣ отношеній духовенства къ приходу. Нельзя навѣрное сказать: на чемъ держатся эти ожиданія, но замѣтно, что не многіе знаютъ и то:—чего слѣдовало бы ожидать и чего ожидать можно?

Думаютъ, что самое желаемое и самое лучшее для насъ—устроиться такъ, чтобы впередъ не епископъ назначалъ приходу священника, а чтобы самъ приходъ избралъ себѣ человѣка гожаго и удобнаго. Тогда, думаютъ, будутъ хорошіе священники и въ церкви настанетъ миръ, а дурные священники уйдутъ.

Таково мнѣніе большинства, къ которому, можетъ быть, придется примкнуть и всѣмъ извѣрившимся въ благоуспѣшности нынѣшнихъ порядковъ; но, конечно, ни для кого не обязательно оболь-

щаться слишкомъ радужными надеждами и думать, что стоитъ поставить священника въ зависимость отъ прихода, какъ сейчасъ же наступятъ и времена отрады.

Мы учились церковной исторіи мало и она преподавалась намъ, какъ будто нарочно, такъ худо и—главное—такъ скучно, что большинство изъ образованныхъ русскихъ людей питаетъ къ ней отвращеніе, или по крайней мѣрѣ смотритъ на этотъ, полный живѣйшаго интереса, предметъ какъ на предметъ мертвый. Для многихъ исторія церкви то же самое, что «исторія духовенства», которымъ свѣтъ все менѣе и менѣе интересуется, и радъ бы совсѣмъ о немъ позабыть,—если бы это было возможно. Предубѣжденіе, вкоренившееся на этотъ счетъ, чрезвычайно сильно, и его не могли поколебать даже такіе талантливые изобразители событій церковной исторіи, какъ высокопреосвященный Макарій и профессора Голубинскій, Терновскій и Знаменскій. Люди рѣшили, что все касающееся церкви «скучно», и не читаютъ; а это очень жалко.

Отъ этого мы такъ бѣдны знаніями; оттого въ нашихъ сужденіяхъ и стремленіяхъ такъ много противнаго и вреднаго метанія изъ стороны въ сторону; оттого слова и мнѣнія наши носятся, какъ легкія щепы по волнамъ житейскаго моря, и оно выбрасываетъ ихъ гдѣ попало и какъ попало.

Оттого мы не правимъ ни мнѣніемъ страны, ни ея жизнью, и часто ни вѣсть на кого сѣтуемъ за непростительныя вины нашего собственнаго круглаго невѣжества о дѣлахъ, насъ чрезвычайно близко касающихся.

Церковная жизнь есть одно изъ такихъ дѣлъ и притомъ, можетъ быть, самое важнѣйшее. Пусть кто, что хочетъ, говоритъ,—народъ не расположенъ жить безъ вѣры, и вы нигдѣ такъ не разсмотрите самыхъ возвышенныхъ свойствъ его натуры, какъ въ его отношеніяхъ къ вѣрѣ. А потому отношенія народныхъ группъ, образовываемыхъ приходомъ, къ духовенству, представляетъ картины самыя любопытныя и, можетъ быть, поучительныя.

Полагаютъ, что епископы нерѣдко назначаютъ приходамъ дурныхъ священниковъ, которые своимъ невѣжествомъ и безчиннымъ поведеніемъ еще ниже роняютъ, и безъ того уже до - нельзя павшее, дѣло церкви. И, мнѣ кажется, самый ревностный защитникъ нынѣшнихъ порядковъ едва ли бы нашелъ основательныя возраженія противъ того, что это дѣйствительно бываетъ.

Въ началѣ изслѣдованій о штундѣ было указано безъ числа много примѣровъ, что приходы мучатся съ дурными священниками, а епископы, или сами, по собственному необъяснимому упорству, не внемлятъ жалобамъ мірянъ, или же по проискамъ своихъ секретарей и другихъ чиновниковъ выступаютъ даже иногда защитниками дурныхъ священниковъ, и это разгоняетъ благочестивыхъ людей въ такіе религіозные союзы, гдѣ надѣются управить путь свой къ

вѣчной жизни безъ посредствующаго участія рукоположеннаго духовенства.

Но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ знаютъ, что не лучшіе люди проводимы были къ алтарю и народомъ, когда священниковъ ставили по избранію прихода. Нынѣ духовенство жалуется на архіереевъ, а тогда клирики, «забывъ человѣческое достоинство, звѣрствовали надъ архіереями». Изъ описаній добродѣтельнаго и просвѣщеннаго Евстафія, митрополита Солунскаго (XII в.), видимъ у алтаря такихъ «непотребныхъ, которымъ бы надо было погибнуть съ голоду, если бы они не были причислены къ клиру». И за таковыми-то «непотребниками, имущими помазаніе отъ святаго, каркали міряне»... Хуже ихъ, по свидѣтельству митрополита, были только монахи, которые «уходили въ монастыри, опасаясь трудностей занятія воровствомъ». Ихъ стѣсняла не гнусность порока, а его трудность... Такимъ образомъ, если нынче худо идетъ съ невниманіемъ епископовъ къ желанію прихода, то не лучше бывало и тогда, когда приходъ самъ себѣ пріобрѣталъ къ алтарю «непотребниковъ» и за ними «каркалъ». А потому—надѣюсь—любопытно и полезно будетъ современному русскому обществу узнать: какъ подобныя же вещи практиковались у насъ въ Россіи, и ни гдѣ нибудь въ глухомъ селѣ или «на чухонской окраинѣ», а «дома», въ самой Москвѣ, и притомъ во времена не весьма отъ насъ отдаленныя.

Чувствуя, что недостатокъ знакомства съ прошлымъ,—недостатокъ оглядки на то, что было, много мѣшаетъ уясненію того, чего слѣдуетъ опасаться и съ чѣмъ надо соразмѣрять свои желанія, я хочу предложить читателямъ интересную исторію, заимствованную мною изъ подлиннаго дѣла, производившагося въ московскомъ отдѣленіи св. синода о попѣ Кириллѣ, за которымъ «каркали» сорокъ двѣ персоны изъ прихода Спаса въ Наливкахъ.

II.

Въ Москвѣ, въ церкви Всемилостиваго Спаса, что въ Наливкахъ, въ 1727 году, было два священника и дьяконъ. Одинъ изъ священниковъ, отецъ Гавріилъ (Григорьевъ), былъ «дѣйствительный попъ», т. е. настоящій священникъ здѣшняго прихода, а другой—отецъ Кириллъ (Ѳедоровъ) «не дѣйствительный», а «пріуказенный попъ, по эпитрахильному указу», то есть это былъ безмѣстный и приставленный къ церкви Всемилостиваго Спаса въ помощь «дѣйствительному» священнику, отцу Гавріилу. «Пріуказенъ» попъ Кириллъ былъ на срокъ, а именно «на одинъ годъ», но приросъ тутъ какъ-то плотно и служилъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ попъ «приходскимъ людямъ гожій».

Лады у священниковъ были—какъ это часто бываетъ—неособенно хорошіе: Кирилъ завелъ противъ Гаврилы «приказную ссору». Въ нашихъ православныхъ «двуштатахъ», какъ извѣстно, есть достаточно такихъ «междуособныхъ обстоятельствъ», которыя дѣлаютъ нелады между левитами совершенно понятными.

Чтò за человѣкъ былъ отецъ Гавріилъ—этого по дѣлу не видно, но отецъ Кирилъ былъ изъ тѣхъ, съ которыми трудно «учредить церковь Божію». Во-первыхъ, онъ запивалъ и въ подпитіи былъ шаловливъ и дерзокъ; во-вторыхъ, у него были особенныя слабости, совершенно неудобныя лицу, предстоящему престолу Божію.

Склонность къ пьянству и ребячливыя во время подпитія поступки отецъ Кирилъ обнаружилъ вскорѣ же по прибытіи къ церкви Спаса въ Наливкахъ, но изъ продѣлокъ его за двери храма долго ничего не выходило, а изъ этого, кажется, непремѣнно слѣдуетъ заключить, что товарищъ отца Кирила, «дѣйствительный попъ» Гавріилъ, былъ человѣкъ снисходительный и неябедливый.

Однако, какъ кувшинъ, ходя по-воду, оканчиваетъ тѣмъ, что сломаетъ себѣ голову, такъ и шаловливому отцу Кирилѣ положенъ былъ предѣлъ, дальше котораго не могли идти безъ наказанія его неіерейскія дѣла, и случилось съ нимъ слѣдующее.

Въ воскресенье, 9 іюля 1727 года, рано утромъ отецъ Кирилъ служилъ утренню. Очевидно, онъ начиналъ свою очередную седьмицу, и пьянъ не былъ. «Дѣйствительный попъ», отецъ Гавріилъ, тоже находился тутъ, но не служилъ. На клиросахъ стояли пѣвцы,—на правомъ лучшіе, а на лѣвомъ худшіе, и въ числѣ ихъ появился «въ паліелей» одинъ, можетъ быть, изъ почетныхъ мѣстныхъ прихожанъ «розыскныхъ раскольницкихъ дѣлъ канцеляристъ Перфилій Протопоповъ».

Съ этимъ-то лицомъ у отца Кирилы и завелася исторія, которая интересно изложена самимъ Перфиліемъ въ «доношеніи», поданномъ черезъ четыре дня послѣ происшествія въ московскую духовную дикастерію.

По условіямъ печати мы исключимъ изъ этой характерной жалобы повторенія и неудобныя слова, употребленныя доносителемъ о неудобной въ церковнослуженіи слабости отца Кирила. Далѣе дѣло является въ слѣдующемъ видѣ.

III.

«Іюля 9-го дня, въ воскресенье, по должности христіанской (пишетъ Перфилій) случился я быть въ приходской своей Всемилостивѣйшаго Спаса, что въ Наливкахъ, церкви у утренни и для пѣнія церковнаго становился всегда на правомъ клиросѣ. И во время той утренни во паліелей, тоя церкви служащій, опредѣленный за

штатомъ недѣйствительный священникъ Кириллъ Ѳедоровъ кадилъ всю церковь и народъ по обычаю. По кажденіи же онъ, попъ, паки взошелъ на правый клиросъ и кадилъ мнѣ (Перфилію) вторично,— особищно другихъ».

По обыкновенію въ такихъ случаяхъ «особищно» окаждаемый долженъ былъ положить въ руку кадящаго священника какую нибудь монету, и канцеляристъ Перфилій, разумѣется, этотъ порядокъ зналъ, но имѣлъ какую-то фантазію его не исполнить: взялъ да ничего отцу Кирилу и не далъ. Священникъ принялъ это за грубость—осердился и началъ на Перфилья «не однажды намахиваться кадиломъ, яко бы жартуя (т. е. какъ будто шутя), но собственно со прошеніемъ себѣ подаянія отъ денегъ, какъ обычай о томъ приходскихъ церквей сбирать священницы имутъ». «Намахиваться» на тѣхъ, кто не даетъ ничего за окажденіе,—тоже было въ обычаѣ, и при этомъ иногда неблагодарнаго прихожанина ударяли кадиломъ, а иногда только осыпали его горящими угольями. «Угліе горящее собираша на голову его».

Чтобы избавиться отъ такой экзекуціи, надо было скорѣе «дать попу на кадило», но Перфилій говорилъ, будто «тогда что̀ дать ему (Кирилу) не случилося». Отецъ Кирилъ такъ ни съ чѣмъ и отошелъ, но не простилъ Перфилью его скупости а когда «въ приспѣвшее время (для пѣнія) началъ онъ (Перфилій) съ прочими на правомъ клиросѣ пѣть антифоны,—потомъ пѣли и на лѣвомъ,—и какъ они начали паки пѣть стихи по уставу», то отецъ Кирилъ сталъ придираться и колобродить. «Тогда оный попъ, выступя изъ алтаря, въ священномъ одѣяніи и кричалъ тоя же церкви пономарю Ивану Ѳедорову, чтобы онъ антифоновъ не пѣлъ и праваго клироса не слушалъ, а читалъ бы говоркомъ по-скору».

Дѣлалось все это съ тѣмъ, чтобы дать Перфилію почувствовать, что если онъ отца Кирилу за особищное окажденіе ничѣмъ отблагодарить не нашелъ, то и распѣваніе его на правомъ клиросѣ совсѣмъ ненужно. А чтобы онъ, Перфилій, еще яснѣе это понялъ, отецъ Кириллъ «при тѣхъ словахъ кричалъ всенародно о немъ необычайно и безчинно тако:

— «Что вы смотрите, что Перфилій поетъ антифоны! Онъ-де пришелъ въ церковь, напився котельнаго пива, да и распѣваетъ, а на кажденіе денегъ попу не далъ. Такъ дѣлаютъ только плуты и бездѣльники».

Такою неумѣстною выходкою отецъ Кирилъ, по мнѣнію Перфилія, «учинилъ въ церкви Божіей мятежъ и посмѣяніе всенародное и послѣдованію церковному во всемъ остановку и пресѣченіе».

Чтобы не дошло до большаго соблазна, въ дѣло вмѣшался «тоюжъ церкви дѣйствительный священникъ Гавріилъ Григорьевъ и приходскіе люди, чтобы онъ, попъ, мятежа въ церкви не чинилъ, но онъ не преставалъ». Антифоновъ допѣть не далъ, да еще застав-

лялъ распѣвшагося Перфилія читать прокимны, но это увидалъ пономарь, который взялъ и «проговорилъ говоркомъ» прокимны на лѣвомъ клиросѣ. «А антифоны за мятежемъ и несогласіемъ оставили не допѣвши».

Тутъ попъ Кирилъ, видя, что скандалъ выходитъ не великъ и не соченъ, посягнулъ на большее и достигъ цѣли.

«Какъ приспѣ время, предо чтеніемъ святаго Евангелія священнику, обратясь на люди, преподать миръ, и онъ, попъ Кирилъ, обратясь изъ царскихъ вратъ на народъ, безчинно закричалъ:

— «Миръ всѣмъ,—кромѣ Перфилія проклятаго и раскольника».

IV.

Обиженный канцеляристъ Перфилій не захотѣлъ простить этого попу Кирилѣ и собралъ о немъ еще нѣкоторыя другія свѣдѣнія отъ дьякона Петра Стефанова да отъ сторожа Михайлы Иванова. Тутъ онъ узналъ, что все продѣланное отцомъ Кириломъ надъ нимъ, Перфиліемъ—ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что приходилось отъ этого священника испытывать упомянутымъ дьякону и сторожу.

Съ ними отцомъ Кириломъ учинено было слѣдующее:

«Еще въ 724 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время вечерняго пѣнія отецъ Кирилъ напився пьянъ въ святомъ алтарѣ и во священномъ одѣяніи садился на дьякона Петра и ѣздилъ на немъ около престола, яко обычно дѣтямъ играть чехардою.

«Усмотря таковое попа Кирилы безчинство, сторожъ Михайло дьякона Петра изъ-подъ насѣвшаго попа вызволилъ», и оба они,— какъ дьяконъ, такъ и сторожъ «предъявили о томъ приходскимъ людямъ».

Приходъ этою чехардою какъ будто не соблазнился и не обидѣлся.

Годъ спустя, отецъ Кирилъ устроилъ еще болѣе смѣлый мятежъ, но въ иномъ родѣ.

«725 года, мая противъ 20 числа, онъ, попъ Кирилъ, напився пьянъ, во вечернее пѣніе», обнажился въ алтарѣ негоже и, находясь «во священномъ облаченіи», сдѣлалъ здѣсь—такъ скажемъ— дѣтскую слабость... Въ донесеніи это названо Перфиліемъ по простонародному, какъ въ печати повторено быть не можетъ.

Сторожъ и объ этомъ «поповскомъ мятежѣ» «извѣщалъ приходскимъ людямъ», но и это извѣщеніе для отца Кирилы осталось снова безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій.

Обиженный канцеляристъ Перфилій, видя, что попа приходомъ не изнять, взялся за него на другой манеръ: онъ на народъ, т. е. на приходскихъ людей, не сталъ располагаться, а списалъ все, что

мы теперь передали, и отрепортовалъ московской духовной дикастеріи, подъ видомъ опасливости, «чтобы ему, Перфилію, за необъявленіе онаго мятежа и безчинія чего не причлось».

Перфилій будто и не хотѣлъ бы доносить, но боязнь его къ тому понудила. А чтобы зачинаемое противъ отца Кирила дѣло было на судѣ лѣпко и крѣпко, канцеляристъ Перфилій прописалъ и не малый облакъ свидѣтелей. «Видѣли, говоритъ, и слышали весь оный мятежъ священникъ Гавріилъ Григорьевъ, дьяконъ Петръ Степановъ, жилецъ его Шелковникъ, пономарь Ѳедоровъ, сторожъ Михаилъ Ивановъ, да купецкихъ людей по именамъ 11 человѣкъ, да подъячій 1, да другихъ довольное число».

То есть, значитъ, выставилъ во свидѣтели полну церковь людей, съ попомъ, дьякономъ и дьяками.

Въ дикастеріи поставленное такимъ образомъ дѣло уже не могло остаться безъ послѣдствій и получило законный ходъ, по судебнымъ обычаямъ тогдашняго времени, — отъ которыхъ, впрочемъ, по духовной юрисдикціи, существенно не разнятся еще и нынѣшніе.

V.

Призвали попа Кирилу Ѳедорова въ дикастерію, — только не скоро. Девятаго іюля онъ дѣлалъ «мятежъ», 12-го того же іюля Перфилій уже очистилъ себя, «дабы чего не прилучилось», и подалъ доносъ, а попа позвали къ допросу только 21 декабря 1727 года, т. е. передъ самыми рождественскими праздниками.

Попъ Кирилъ сталъ на допросъ во всей неодоленной силѣ и типической красотѣ русскаго отвѣтчика XVIII вѣка. Что касается до дѣла и до обвиненія на него принесеннаго,—того-де не было и онъ, попъ, про то знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ; а что касается до свидѣтелей, то со всѣми тѣми изъ нихъ, кои ему «негожи», онъ, Кирилъ, озаботился завести «приказную ссору»,—значитъ, сдѣлалъ показанія ихъ пристрастными и лишенными достовѣрности.

Время къ тому, чтобы позавесть ссоры (съ 1-го іюля по конецъ декабря), какъ видимъ, было дано достаточное. Попъ этимъ и воспользовался.

Выписывать всѣхъ отвѣтовъ отца Кирила нѣтъ надобности, потому что они представляютъ одно наглое и сплошное отрицаніе всего, въ чемъ опасливый Перфилій обвинялъ попа со ссылкою на свидѣтелей. Одно только попъ косвенно призналъ, — это то, что, обойдя церковь съ кажденіемъ, онъ на обратномъ слѣдованіи въ алтарь зашелъ на правый клиросъ (гдѣ уже прежде кадилъ другимъ сладкопѣвцамъ) и тутъ покадилъ въ особливую стать Пер-

филію, но «только однажды». И это кажденіе онъ, Кирилъ, сдѣлалъ потому, что когда онъ прежде окаждалъ общимъ кажденіемъ всѣхъ поющихъ на клиросѣ, то Перфилія тутъ не было, а послѣ онъ подошелъ и сталъ. Отецъ Кирилъ сейчасъ и исполнилъ свое дѣло—покадилъ ему. «Намахиваться» же на него кадиломъ онъ не намахивался, и питьемъ котельнаго пива его не урекалъ, и мирствуя народы изъ того общаго благословенія Перфилія не исключалъ, и подлецомъ его не называлъ, да и «подаянія» за кажденіе себѣ вовсе не желалъ и не просилъ. «Обычно есть» это прочимъ попамъ въ Москвѣ, но онъ, отецъ Кирилъ, не такой,—онъ совсѣмъ не то, что тѣ, иже «на кажденіе собираютъ».

Словомъ, выходило, что Перфилій кругомъ оболгалъ и оклеветалъ попа Кирила и вдобавокъ сдѣлалъ это ни за что, ни про что,—или еще хуже, — въ благодарность за то, что онъ, Кирилъ, ему покадилъ. Что же касается до выставленныхъ Перфиліемъ свидѣтелей, то они въ очень большой долѣ не могутъ противъ отца Кирилы свидѣтельствовать, потому что онъ «имѣетъ съ ними приказную ссору».

Такимъ пріемомъ онъ отстранилъ въ числѣ прочихъ и попа Гавріила, который, какъ ниже увидимъ, очень долго его терпѣлъ и не выживалъ отъ себя, когда всѣ права Кирила на священнодѣйствія у Спаса въ Наливкахъ давно уже кончились. Устранилъ онъ и пономаря Ивана Өедорова, и еще нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ, но за то сослался на нѣкоторыхъ иныхъ людей и въ томъ числѣ на дьякона Петра, на которомъ онъ, по словамъ Перфилія, будто бы ѣздилъ чехардою. Этого онъ отвести не могъ.

Надо думать, что дьяконъ былъ человѣкъ смирный, на которомъ буквально «ѣздить можно», а «приказной ссоры» завести нельзя.

Все дѣло дальше показываетъ, что это одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, которые даже и обидъ своихъ доброй половины не помнятъ.

VI.

Позвали въ дикастерію дьякона Петра, въ числѣ другихъ свидѣтелей «порознь» и стали его допрашивать «по евангельской заповѣди Господней—ей-ей». А было это допрашиваніе, надо полагать, уже послѣ отбывшихся рождественскихъ праздниковъ, потому что показаніе отца діакона начинается словами: «въ прошломъ 727 году». Стало быть, это происходитъ по меньшей мѣрѣ послѣ «крещенской воды» 1728 года. Втеченіе святокъ весь этотъ благочестивый причетъ вмѣстѣ съ Кириломъ служилъ, молился, разгавливался и Христа славилъ по приходу «со звѣздою путешествуя».

Во всѣхъ этихъ промедленіяхъ и молитвенныхъ сношеніяхъ конечно встрѣчались обстоятельства, которыя многое смягчили и сгла-

дили, да и кромѣ того дали виновному иныя средства къ умилостивленію сердецъ, но однако, несмотря на все это, добрый и малообидчивый дьяконъ Петръ, на котораго «слался Кирилъ», произнеся евангельское «ей-ей», показалъ, что сказаніе о чехардѣ вѣрно. Дѣло было, по его словамъ, такъ, что «когда онъ, діаконъ, во время вечерняго пѣнія по обыкновенію передъ выходомъ (на амвонъ) поклонился святому престолу», то «попъ Кирилъ Өедоровъ, напився пьянъ (т. е. будучи пьянъ), во всемъ священномъ одѣяніи, на него во святомъ алтарѣ садился, яко бы подобно дѣтской игрѣ чехардѣ». Давая это показаніе по долгу евангельскому, онъ какъ бы желалъ снять съ себя вину и даже отстранить подозрѣніе въ томъ, что не позволилъ ли онъ самъ попу на него «садиться», когда и онъ тоже былъ въ «священномъ одѣяніи», и для того тщательно пояснилъ, что «попъ Кирилъ учинилъ то внезапу», и съ неотстранимою ловкостію, а именно онъ вскочилъ и сѣлъ на него, дьякона, во время поклона, который тотъ сдѣлалъ истово передъ святымъ престоломъ. Дьяконъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и поклонился довольно низко, а предстоявшему передъ алтаремъ отцу Кирилу эта позиція показалась очень заманчивою, и онъ не пропустилъ случая—привскочилъ и сѣлъ на дьякона чехардою,—такъ что личной вины дьякона въ этомъ никакой не было. Напротивъ, онъ даже оборонялся и «съ себя попа Кирила столкнулъ и онъ, попъ, упалъ на полъ, и въ то время его, попа Кирила, поднялъ тоя церкви сторожъ Михайло Ивановъ», а онъ, дьяконъ, «о такомъ его, попа Кирила, безчинствѣ объявлялъ приходскимъ людямъ. Но около престола онъ, попъ Кирилъ, на немъ, дьяконѣ, не ѣздилъ».

Значитъ, противъ доноса Перфилья только двѣ отмѣны: 1) попъ упалъ съ дьякона, потому что дьяконъ его самъ сбросилъ, а не сторожъ его «вызволилъ», и 2) скачка чехардою въ алтарѣ хотя и была, но ѣзды верхомъ на дьконѣ «вокругъ престола» не было, потому что дьяконъ Петръ отца Кирила съ себя скинулъ на полъ.

Доносъ Перфилія въ главной его сущности подтверждался и только въ частности эти церковныя событія немножко варьировались. По дѣлу видно, что дикастерія, вѣроятно, точно исполняла свое намѣреніе допрашивать свидѣтелей «порознь».

VII.

Спрошенный послѣ дьякона сторожъ Михайло Ивановъ показалъ, что «попъ Кирилъ напился пьянъ, во время вечерняго пѣнія, во святомъ алтарѣ, во священномъ одѣяніи на дьякона Петра чехардою садился, и то онъ Михайло видѣлъ, а какъ дьяконъ попа столкнулъ и попъ упалъ на полъ,—въ то время Михайла попа под-

нялъ, и о его, поповѣ, безчинствѣ, и дьяконъ Петръ и сторожъ Михайло приходскимъ людямъ извѣщали. Около же алтаря попъ Кирилъ на дьяконѣ не ѣздилъ», но за то «въ 725 году, мая противъ 20 числа», бѣсъ попуталъ отца Кирилу другимъ искушеніемъ, о которомъ сторожъ Михайла открылся дикастеріи въ такихъ словахъ, которыхъ въ подлинности переписать изъ его показанія по условіямъ печати невозможно, и приходится только слегка и намеками обозначить—въ чемъ состояла главная суть этого новаго событія.

Служилъ отецъ Кирилъ вечерню «пьяный и призвалъ въ алтарь сторожа и велѣлъ ему держать кафтанную полу». Сторожъ, недоумѣвая, къ чему это клонится, исполнилъ приказаніе и подобралъ полу, какъ будто для того, дабы въ нее что-либо можно насыпать, но отецъ Кирилъ совсѣмъ не то сдѣлалъ, а неожиданно для Михайлы приспособилъ его кафтанъ совсѣмъ для инаго употребленія—по естественной надобности... И дѣлалъ то отецъ Кирилъ предстоя алтарю и «находясь во всемъ священномъ облаченіи...

Въ показаніи Михайла все это разсказано съ подробностями и точными всему именованіями, простонародными словами, какъ водилось въ русскихъ допросахъ XVIII вѣка и во французскихъ романахъ временъ директоріи.

Когда попъ кончилъ свое нетерпѣливство, то остался служить у престола, а сторожъ съ своею переполненною полою пошелъ изъ алтаря черезъ церковь къ выходу вонъ, но «какъ несъ церковью, то изъ полы вытекло».

Сторожъ и объ этомъ «приходскимъ людямъ извѣщалъ», да многіе изъ нихъ и сами то вьявь видѣли, какъ онъ «въ той полѣ несъ изъ алтаря черезъ всю церковь и вездѣ по слѣду было пролито», но приходскимъ людямъ опять и это за важное не показалось.

VIII.

Дикастерія увидала, что дѣло имѣетъ очень грубый и скандальный характеръ, и для того положила основаться на этихъ двухъ показаніяхъ дьякона Петра и сторожа Михайлы, такъ какъ показаній этихъ и въ самомъ дѣлѣ было довольно для убѣдительности, что доносъ справедливъ; а всѣхъ остальныхъ «купецкихъ людей и жильца и подъячаго»—болѣе двѣнадцати человѣкъ—не допрашивали. Можетъ быть, это было опущено въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы не разводить напрасной срамоты въ дѣлѣ, сущность котораго двумя ближайшими свидѣтелями попова безчинства изобличалось вполнѣ. «Двою-бо свидѣтелями явится всякое дѣло». Такъ оно по Писанію, да такъ бы слѣдовало принять и по разуму. По крайней мѣрѣ очень немало людей и теперь склоняются къ теоріи «оче-

видной достовѣрности», на которой желали бы основывать приговоры по преступленіямъ, влекущимъ несравненно большую кару, чѣмъ та, которой подлежалъ за свое очевидное безчинство попъ отъ Спаса въ Наливкахъ.

Въ московской дикастеріи въ это время сидѣлъ знаменскій архимандритъ Серапіонъ, а секретаремъ былъ Севастьянъ Зыковъ. Они нашли нужнымъ удостовѣриться: имѣетъ ли еще этотъ попъ Кирилъ права на то, чтобы священнодѣйствовать у Всемилостиваго Спаса, и потребовали изъ московскаго синодальнаго приказа свѣдѣній: «помянутый попъ Кирилъ съ котораго года вдовствуетъ и при той церкви по епитрахильному ли служитъ?»

Казенный приказъ вдолгѣ или вкороткѣ отвѣтилъ, но не сполна, а однако все-таки вышло курьёзно. На вопросъ о вдовствѣ Кирила казенный приказъ «промолчалъ», а о правахъ Кирила на священство отписалъ: «что 723 года, генваря 22 дня, епитрахильная память оному попу Кирилу дана на годъ; а съ 724 по 728 оному попу Кирилу въ дачѣ не имѣется».

То есть выходило, что Кирилъ передъ совершеніемъ своихъ безчинствъ уже слишкомъ три года не имѣлъ никакихъ правъ священнодѣйствовать въ приходѣ Всемилостиваго Спаса, и во все это время, какъ причетъ, такъ и приходскіе люди, зная о томъ, молчали...

Дикастерія обсудила дѣло и 16-го апрѣля постановила донести синоду, что попа Кирила надлежитъ сослать въ дальній монастырь, въ строгое подначальство. Но независимо отъ сего, 18 апрѣля, во исполненіе этого самаго рѣшенія отъ дикастеріи пошло въ синодъ «доношеніе за руками архимандрита Серапіона и секретаря Зыкова», и тѣмъ доношеніемъ «требовано (отъ синода) резолюціи, что̀ ему, попу, учинить?» Очевидно, здѣсь дѣло идетъ о московскомъ отдѣленіи синода, которое въ этихъ годахъ дѣйствовало, кажется, съ бо̀льшею самостоятельностію, чѣмъ нынѣшняя синодальная контора (Это были годы, когда тоже шли разговоры о «возвращеніи домой»). «Того-жъ числа (какъ секретарь Зыковъ внесъ дѣло изъ дикастеріи въ синодъ) доношеніе изъ св. синода отдано паки въ дикастерію съ такимъ приказаніемъ, чтобы попа Кирила за его безчинства отослать изъ духовной дикастеріи въ Пафнутіевъ монастырь, что въ Боровскѣ, при указѣ—въ томъ монастырѣ постричь въ монашество и содержать его въ монастырскихъ трудѣхъ до кончины жизни его неисходно».

Срокъ для «невольнаго постриженія», какъ въ иномъ мѣстѣ изъ дѣла видно, полагался «шести-недѣльный». Шесть недѣль невольникъ долженъ былъ пробыть въ монастырѣ, а потомъ слѣдовало его «подневольно» воспринять въ чинъ ангельскій.

IX.

Необычайная скорость синодальной расправы съ отцомъ Кириломъ, вѣроятно, должна быть объяснена тѣмъ, что въ тогдашнее время вмѣстѣ съ дѣломъ часто препровождались и сами подсудимые, и подсудимые попы изъ московскихъ и петербургскихъ помѣщеній синода чрезвычайно часто бѣгивали (см. мое изслѣдованіе о «Бродягахъ духовнаго чина»). Нерѣдко они удирали вмѣстѣ со приставленною къ нимъ кустодіею, съ которою вкупѣ совѣщавали суетная и ложная, и потомъ ихъ приходилось разыскивать всегда съ большими хлопотами и всегда почти безполезно, ибо ихъ укрывалъ нуждавшійся въ какомъ попало священствѣ расколъ. «Бродяги духовнаго чина» дѣлали столько неудобствъ синоду, у котораго не было для содержанія ихъ ни вѣрной стражи, ни крѣпкихъ запоровъ, что синодъ имѣлъ причины отдѣлываться отъ этихъ господъ какъ можно скорѣе.

Но необычайная скорость, съ которою въ московскомъ синодѣ зарѣшили постричь въ ангельскій чинъ безчинствовавшаго въ міру Кирила, отнюдь не заставляетъ опасаться, что дѣло его въ этой инстанціи не было хорошо соображено и обсуждено. Дѣло это, безъ сомнѣнія, пользовалось въ московскомъ духовенствѣ такою обстоятельною извѣстностью, что тамошній синодъ, конечно, зналъ все, въ чемъ Кирилъ проступился, и не имѣлъ на счетъ его виновности ни малѣйшаго сомнѣнія. А потому синодъ рѣшилъ для себя участь отца Кирила, прежде чѣмъ дикастерскій секретарь Зыковъ «внесъ» оффиціальное донесеніе.

Тутъ оставалось только оформить загодя составленное уже рѣшеніе, которое сейчасъ же и сдали назадъ въ дикастерію, чтобы не имѣть на рукахъ безпокойнаго невольника.

Смыслъ приведеннаго синодальнаго рѣшенія, конечно, страненъ для теперешнихъ взглядовъ и понятій. Во-первыхъ, постригаютъ человѣка въ монахи, не только не спрашивая: желаетъ ли онъ, или нѣтъ сподобиться чина ангельскаго, а прямо «подневольно», а во-вторыхъ, при понятіяхъ нынѣшняго растлѣннаго вѣка, кажется несообразнымъ и оскорбительнымъ для идеи иночества наказывать безнравственнаго человѣка возведеніемъ его въ санъ іеромонаха. И несообразность эта увеличивается еще болѣе тѣмъ, что послѣ возведенія безстыдника въ санъ іеромонаха, его надо употреблять въ черные монастырскіе труды и содержать при монастырѣ невольникомъ «до конца его жизни»... Все это и нелогично, и совсѣмъ несоотвѣтственно съ преступленіемъ. Но сталось съ накуралесившимъ Кириломъ по писаному въ синодѣ: его отвезли въ Боровскъ и 3 мая сдали въ Пафнутіевъ монастырь приказному того монастыря, Евсевію Заломавину.

Оставалось отца Кирила выдержать шесть недѣль и потомъ (если онъ не убѣжитъ) постричь его въ монахи.

А отецъ Кирилъ, между тѣмъ, чина ангельскаго не жаждалъ. Напротивъ, онъ тяготѣлъ еще къ грѣшному міру, онъ желалъ возвратиться къ Всемилостивому Спасу въ Наливкахъ, и какъ сейчасъ увидимъ, кое-что для этого уже устроилъ съ весьма хорошимъ для человѣка его положенія соображеніемъ.

Вмѣсто того, чтобы сокрушаться духомъ и, смирясь, начать плакать о своихъ грѣхахъ у раки святаго Іакова Боровскаго, Кирилъ, стоя на самомъ краю разверзтой пропасти, рѣшился вступить въ отчаянную борьбу съ осудившими его московскими духовными властями и отбиться отъ «подневольнаго постриженія» въ чинъ ангельскій.

Зналъ онъ или не зналъ, какъ тамъ, на сѣверѣ, въ «чухонской столицѣ», борются тогдашніе самобытники и западники—рѣшить трудно, но очень могъ и знать. Онъ уже давно влачился по дикастерскимъ крыльцамъ и монастырямъ, а въ монастыряхъ политикою занимаются такъ же ревностно, какъ «всѣмъ тѣмъ, чѣмъ (по выраженію митрополита Евстафія) имъ заниматься не слѣдуетъ».

Тамъ все знаютъ и иногда соображаютъ весьма тонко: начинался 1730 годъ и на горизонтѣ восходила звѣзда Анны Ивановны, а за нею выплывалъ въ хвостѣ «нѣмецъ» Биронъ...

Переѣздъ «домой», о которомъ заговорили было при Петрѣ II, дѣлался нестаточнымъ вздоромъ, надъ которымъ начали уже подшучивать тѣ, которые еще такъ недавно сами объ этомъ болтали.

«Нѣмецъ» долженъ былъ войти въ силу и значеніе, и «духовные вышнеполитики», конечно, примкнутъ къ нему. Москва и все московское пойдетъ на убыль и люди «чухонской столицы», конечно, будутъ опять находить удовольствіе дѣлать все, что можно сдѣлать наперекоръ Бѣлокаменной.

Кирилъ очевидно сообразилъ «дѣйство» разнообразныхъ элементовъ, кои начали обнаруживать на русскую жизнь свое вліяніе, и пустилъ челобитную на Москву въ Питеръ, и запросилъ какъ можно больше,—чисто по-московски,—«чтобъ было изъ чего уступить».

Онъ зналъ, что «запросъ въ карманъ не лѣзетъ», а между тѣмъ, побольше спросить, такъ люди растеряются и... какъ разъ дадутъ то, чего не слѣдовало.

X.

Напоминаемъ, что политическій моментъ былъ крайне острый, а въ частной судьбѣ отца Кирила наступалъ «послѣдній день его красы». Приказный Пафнутіева монастыря Заломавинъ былъ человѣкъ крутой и отцу Кирилу не мирволилъ; онъ заперъ его съ

ломтемъ хлѣба и кружкою воды въ особливую келію и держалъ на замкѣ. Такъ, вѣроятно, онъ хотѣлъ его проморить до пострига въ монахи. Кирилѣ оставалось только лить слезы и пѣть «жалостные калязинскіе спѣвы», сложенные подобными ему жертвами «подневольнаго постриженія»:

«Ахъ, и что же это въ свѣтѣ преуныло,
Преуныло, въ большой колколъ прозвонило.
Поспѣшите, други, въ келійку погрѣться,
Принесите мірско платьице одѣться.»

Этотъ роковой, страшный звонъ дѣйствительно становился для него «глаголомъ временъ». Сведутъ его, ловкаго прыгуна, въ церковь,—отдадутъ «въ срачицѣ» двумъ какимъ нибудь здоровеннымъ инокамъ «подъ мантіи»; тѣ его ангельски прикроютъ съ головою воскрыліями мантій, а подъ этимъ мантейнымъ пріосѣненіемъ сдавятъ могучими желѣзными руками «за природный шиворотокъ невороченной кожи» и повлекутъ къ ногамъ настоятеля... Кирилъ, конечно, добре зналъ, какіе въ московскихъ монастыряхъ были и есть сихъ дѣлъ мастера, у которыхъ не вывернешься, и «поперечнаго слова» не скажешь, потому что «кадыкъ въ горлѣ будетъ сдавленъ»; а тѣ дадутъ за него и отвѣты и обѣты. А настоятель, ничто же сумняся, его острижетъ и возложитъ на голову его священный куколь, или шлемъ духовный, и наречетъ ему иное имя, подъ которымъ и пропадетъ для міра попъ Кирилъ.

Гній послѣ того всю остальную жизнь «въ черныхъ трудѣхъ» и будь у всякаго монастырскаго братаря и вратаря въ «попихачахъ», или, согрѣвъ въ душѣ отвагу, ищи случая схватить гдѣ нибудь довѣрчиваго брата или изъ церковной сокровищницы денегъ, да, сманивъ изъ ближняго женскаго монастыря соскучившуюся монахиню, бѣги съ нею въ раскольничьи слободы, объяви черницу женою и служи на семи просфорахъ по древнему благочестію. Но вѣдь сколько тутъ риску и хлопотъ, да и житье тамъ не всегда удобное для человѣка такого живаго и рѣзваго характера, какимъ отличался отецъ Кирилъ. Однако до этого не дошло дѣло. Кирилъ переносилъ описанное мучительное состояніе всего только шесть дней, втеченіе коихъ иноки Пафнутіева монастыря не могли еще его остричь подъ куколь, а 9-го того же іюля настоятелю монастыря, архимандриту Доροѳею, присланъ изъ св. синода указъ, коимъ «велѣно, не чиня попу Кирилу невольнаго постриженія, выслать въ Москву во св. синодъ для освидѣтельствованія», а вмѣстѣ потребовано о немъ въ синодъ и подлинное дѣло.

Архимандритъ Дороѳей тотчасъ же послалъ Кирила въ Москву «съ слугою Владиміромъ Аѳанасьевымъ», а дикастерскій секретарь Зыковъ внесъ все дѣло о немъ въ синодъ.

Какимъ чудомъ могъ быть устроенъ столь дивный и для всѣхъ неожиданный поворотъ дѣла, совершившійся, такъ сказать, на самомъ остріи ножа?

Конечно, это устроено находчивостію смѣлаго и проницательнаго ума самого отца Кирила, который умѣлъ соображать вѣянія, и оставилъ намъ любопытный образецъ своей замѣчательной стилистики.

XI.

Въ то время какъ дикастерскіе судьи въ Москвѣ послѣ долгаго думанія вдругъ сразу приступили къ разсмотрѣнію доношенія приказнаго Перфилія—отецъ Кирилъ сразу смѣтилъ, что въ Москвѣ ему не доброхотятъ и написалъ на государево имя убѣдительную челобитную, направивъ ее въ «Ѳеофановы руцѣ», ибо «той бѣ древлей Москвы не великій обожатель».

Въ челобитной Кирилъ изобразилъ тако: «Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь! Доносилъ на меня, нижайшаго богомольца вашего, канцеляристъ Перфилій Протопоповъ, затѣявъ ложно и поклепавъ напрасно, а о чемъ,—то значитъ въ его доношеніи, яко бы по ссылкѣ его Всемилостиваго Спаса, что въ Наливкахъ, діаконъ Петръ, съ согласія его, Перфилія, и за ссорою со мною посягательствомъ своимъ, забывъ страхъ Божій и діаконскаго своего чина чистое обѣщаніе, учиня клятвы своея преступленіе, во свидѣтельствѣ своемъ сказалъ явную неправду, и съ доносительскимъ доношеніемъ ни мало не согласно, но явная рознь и убавочныя затѣйныя рѣчи, будто въ іюлѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ, того не показавъ, будто во время вечерняго пѣнія, напився я, нижайшій, пьянъ и въ алтарѣ, въ священномъ одѣяніи, на него, діакона, садяся чехардою, и того я не чинилъ». Все это, по словамъ Кирила, «поклепъ»; а «рознь» и «убавочныя затѣйныя рѣчи» заключаются въ томъ, что Перфилій доносилъ, будто Кирилъ «на дьяконѣ вокругъ престола ѣздилъ», а дьяконъ показалъ, что онъ, Кирилъ, на него только садился «и въ томъ стала рознь». Равно и о происшествіи съ полою сторожа Михайлы сдѣлано «душевредное лжесвидѣтеля доносительство», ибо если бы-де то правда была, то надо бы и въ тѣхъ же годѣхъ и числахъ доносить и прямо дикастеріи, а не доносителю Перфилію, потому что онъ, Перфилій, въ своемъ затѣйномъ доношеніи написалъ «постороннее». Извиваясь во всѣ стороны, отецъ Кирилъ метнулъ подозрѣніемъ и въ самихъ свидѣтелей, что тѣ тамъ-то и тамъ-то у знакомыхъ людей будто иначе говорили, а на судѣ еще иначе показали, и особенно налгали о происшествіи съ полою. «Говорилъ-де сторожъ въ домѣ тяглеца овчинной слободы Муравцева, что попъ-де (т. е. Кирилъ) просилъ у меня (сторожа) изъ укропу воды, и та-де ему показалась мутна и тое воду плеснулъ», а ничего по-дѣтски въ полу его не сдѣлалъ. А выводъ у Кирила такой, что «и потому оныхъ діакона и сторожа всякая неправда и означилась».

Притомъ же Кирилъ за это время устроилъ, что у него и противъ діакона съ сторожемъ завелась «приказная ссора»; а тѣ свидѣтели, на которыхъ, онъ, Кирилъ, ссылался, «не сысканы». Да кромѣ того, провинился передъ нимъ крутицкій архіерей Леонидъ въ томъ, что когда Кирилъ дважды подавалъ его преосвященству «спорную челобитную—принималъ у него ту челобитную, но прочтя, отдавалъ по-прежнему».

Все это злоухищренное кляузничество и крючкотворство, по которому тоскливо воздыхаютъ пустомысленные невѣгласы нашей попятной дружины, было въ духѣ того времени и характеризовало наше отвратительное судопроизводство до свѣтлыхъ дней Александра II. А заключалась вся такая каверза просительнымъ воззваніемъ къ монарху, подъ титуломъ котораго наглецъ писалъ всякую ложь и требовалъ къ ней вниманія «за государево имя». «Вели, государь, сіе мое челобитье въ синодѣ принять и не вели, государь, въ монастырѣ въ монашескій чинъ меня безвинно постригать; а вели, государь, милостивый указъ учинить и возвратить меня по указу по-прежнему въ Москву».

XII.

Кажется, можно быть увѣреннымъ, что человѣкъ самый неопытный въ дѣлахъ и легковѣрный не могъ бы посмотрѣть на эту челобитную иначе, какъ на пустой изворотъ человѣка несомнѣнно виновнаго и притомъ отвратительнаго кляузника, который со всѣми для него неудобными свидѣтелями затѣваетъ повсюду «приказныя ссоры», а шлется въ свое оправданіе на такихъ людей, которыхъ самъ выставилъ, навѣрно впередъ зная, что ихъ отыскать нельзя. Да и для чего ихъ розыскивать? Главные проступки Кирила совершены въ алтарѣ, гдѣ онъ «садился на дьякона», и нехорошо поступилъ съ полою сторожева кафтана; но вѣдь тамъ, въ алтарѣ, никакихъ свидѣтелей этихъ происшествій не было,—слѣдовательно, чего ихъ и искать?

Преосвященный же Леонидъ, вѣроятно, сарскій и подонскій, прибывшій въ Москву «на обѣщаніе» († тамъ же, 1743 г.), конечно, не долженъ бы возвращать подсудимому его «спорныхъ челобитенъ», дабы не отнимать у него всѣхъ средствъ къ оправданію, но тогда у нашихъ архіереевъ такое самочинство было въ ходу, да иными невѣгласами и о сю пору иногда похваляется, какъ нѣчто отеческое. Если архіерею казалось, что «просьба нехороша», т. е. неосновательна, то онъ, прочитавъ ее, тутъ же «возвращалъ просителю» и изрекалъ: «пошелъ вонъ». Это замѣняло собою «отказную резолюцію» и въ видахъ сокращенія тогдашней отчаянной «волокиты» было бы, пожалуй, несовсѣмъ дурно, если бы только русскіе архіереи не были обыкновенные люди, которымъ по волѣ

Творца свойственны всѣ человѣческія слабости и ошибки. Но какъ бы то ни было, а и этотъ самый фактъ, что архіерей Леонидъ возвращалъ попу Кирилѣ его жалобы, несомнѣнно даетъ право думать, что жалобы эти были кляузныя и вздорныя,—въ родѣ той, которую онъ послалъ въ петербургскій синодъ. Преосвященный Леонидъ, возведенный въ санъ епископскій изъ архимандритовъ московскаго Петровскаго монастыря, конечно, зналъ болѣе или менѣе все выдающееся въ московскомъ духовенствѣ, и отецъ Кирилъ, вѣроятно, былъ ему хорошо извѣстенъ, такъ какъ подобныхъ ему іереевъ, вѣроятно, было не очень много, и во всякомъ случаѣ Кирилъ между ними могъ занимать весьма видное мѣсто. А потому, казалось бы, что надо дать больше вѣры свидѣтельствовавшему по евангельской клятвѣ дьякону и ничѣмъ не опороченному сторожу, а съ ними и Перфилью, и епископу съ дикастеріей, гдѣ о Кирилѣ тоже, чай, что нибудь вѣдали, чѣмъ вѣрить самому Кирилѣ, но. петербургскій синодъ взглянулъ не такъ. Тутъ сидѣли тогда три іерарха: знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, будущій невинный страстотерпецъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, да Игнатій Смола, митрополитъ коломенскій. Они, въ засѣданіи 4 іюля, и рѣшили—«невольное постриженіе Кирила пріостановить, а дѣло пересмотрѣть». О чемъ въ Москву и послали указъ подписанный тако: «Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій, Ѳеофилактъ, архіепископъ тверской, и Игнатій, митрополитъ коломенскій».

Не считая послѣдняго, два вышеподписавшіеся были своего времени свѣтила. Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ «око и рука царская», а Ѳеофилактъ Лопатинскій, какъ человѣкъ прямаго и честнѣйшаго характера, который и довелъ его если не до мученичества, то по крайней мѣрѣ до страстотерпчества. Не посчастливилось, впрочемъ, и Смолѣ, который, при коловращеніяхъ 1730 года, въ декабрѣ, былъ сосланъ въ Свіяжскій, а потомъ въ Николо-Корельскій монастырь, гдѣ и протомился еще цѣлые одиннадцать лѣтъ († 25 дек. 1741).

XIII.

Какъ черта нравовъ великодушной Москвы, давно протестующей противъ возмущающаго ее петербургскаго мелкодушія, чрезвычайно любопытно—какъ тамъ, въ этомъ сердцѣ русской «самобытной непосредственности», отнеслись къ вмѣшательству «трехъ хохловъ»? Конечно, если не люди должностные, отъ которыхъ трудно ждать большихъ доблестей независимаго духа, то народная среда, совершенно свободная располагать собою въ приходскомъ дѣлѣ, тутъ покажетъ свою стойкость и вѣрность добрымъ обычаямъ. Приходъ станетъ за то, чтобы ему не навязывали такого безстыжаго пастыря.

Посмотримъ!

Едва слуга Пафнутіева монастыря Владиміръ, по распоряженію «хохловъ», привезъ Кирилу изъ Боровска обратно въ Москву, здѣсь все для подсудимаго противъ прежняго отмѣнилось и разцвѣло. Прежде всѣ, не исключая преосвященнаго Леонида, боялись, что Кирилъ уйдетъ изъ рукъ, и томили его подъ карауломъ; теперь, когда онъ въ самомъ дѣлѣ началъ уходить, его прямо съ монастырской телѣги отдаютъ «на росписку» въ томъ только, чтобы ему «съ Москвы не съѣхать», пока онъ подпишется къ выпискамъ, какія будутъ сдѣланы на поданной имъ его императорскому величеству челобитной. Весь отвѣтъ за его цѣлость возложенъ на «порутчиковъ», и поручиковъ явилось довольно, и все изъ іереевъ. Пришли за него поручиками попы отъ Діонисія Ареопагита, отъ Дмитрія мученика и отъ апостола Андроника, да еще къ нимъ присталъ и «синодальнаго дома поддъякъ» и всѣ они съ милою радостію «попа Кирилу на росписку взяли».

Но попы и московскіе дьяки издавна славились своею искательностію, а есть еще народъ, община, т. е. прихожане церкви Всемилостиваго Спаса въ Наливкахъ. Тутъ свой толкъ и свой независимый разумъ. Они и сказались, только престранно: прихожане Спаса въ Наливкахъ въ числѣ 42 «персонъ» подали отъ себя на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ молили: «повели, всемилостивый государь, нашему приходскому попу Кирилѣ Ѳедорову при оной нашей церкви служить по-прежнему, понеже онъ намъ, приходскимъ людямъ и вкладчикамъ, всѣмъ удобенъ».

Какая по этому послѣдовала резолюція,—изъ дѣла не видно, а «приходскіе люди» стояли на своемъ и 2-го декабря подали вторую такую же просьбу въ синодальный казенный приказъ, и тамъ опять писали, что попъ Кирилъ имъ хорошъ и они просятъ «дать ему къ ихъ церкви для служенія эпитрахильную память».

Попъ Кирилъ, который, состоя за «порутчиками», все это благоустроилъ, сейчасъ же пустилъ новую челобитную на государево имя. Онъ, какъ мірской человѣкъ, отдавалъ себя во власть прихожанъ и просилъ съ нимъ «учинить по приходскихъ людей прошенію». При этомъ онъ прибавилъ, «что служить готовъ и уже поисповѣдывался».

Синодъ внялъ моленію «приходскихъ людей» и 14-го января 1730 года постановилъ, что какъ указанные попомъ Кириломъ свидѣтели «не сысканы» и «затѣмъ совершенно того дѣла рѣшить невозможно (?!), а приходскіе люди и вкладчики заручнымъ челобитьемъ просили оному попу Кирилу при той церкви для священнослуженія быть по-прежнему, понеже онъ приходскимъ людямъ и вкладчикамъ всѣмъ угоденъ. Приказали: по оному приходскихъ людей челобитью помянутому попу Кирилу быть при той церкви и священническая дѣйствовать, и для того дать ему епитрахильную грамоту, по обыкновенію, взявъ пошлины».

Приходъ, представленный въ лицѣ 42 персонъ, восторжествовалъ надъ всѣми рѣшеніями дикастеріи и московскаго отдѣленія синода. «Попъ не Божій, но приходу гожій», началъ снова «священническая дѣйствовать по-прежнему», но можно ли видѣть въ этомъ торжество справедливости и благочестія? Есть ли тутъ хоть какой нибудь залогъ добраго вліянія такого примѣра на церковныя дѣла въ другихъ мѣстахъ?

Думается, что ничего этого нѣтъ, и обстоятельства до поразительности это подтверждаютъ на протяженіи цѣлаго столѣтія.

Друзьямъ «направленій» это, можетъ быть, непріятно слышать, но мы собираемъ и группируемъ извѣстные намъ факты вовсе не для того, чтобы обобщить ихъ во вкусѣ людей того или другаго «направленія». Намъ пріятнѣе просто—искать уроковъ въ прошломъ, чтобы будущіе новые шаги можно было обдумать опытнѣе и вѣрнѣе.

То, что дѣлалъ въ Москвѣ попъ Кирилъ, продолжалося безустанно то здѣсь, то тамъ, цѣлыхъ сто лѣтъ. Идетъ это до поразительнаго и смѣшнаго сходства даже въ самомъ характерѣ безчинства: пьянство, дебоши въ церквахъ и т. п.

Случаевъ этихъ не перечислить и, наконецъ, они становятся столь общимъ «позорящимъ церковь» явленіемъ, что св. правительствующій синодъ, 5-го августа 1820 года, рѣшился не скрывать этого болѣе, а подѣйствовать на «позорящихъ церковь» обличеніями и угрозами.

Въ этихъ видахъ синодъ напечаталъ и разослалъ, по повелѣнію государя Александра Павловича, указъ, изъ котораго къ ужасу нашему видимъ, что у попа Кирила за сто лѣтъ наплодилось такъ много послѣдователей, что государь Александръ Павловичъ, его министръ князь А. Н. Голицынъ, а равно и весь тогдашній синодъ нашлись вынужденными «принимать особыя мѣры къ охраненію мірянъ отъ соблазновъ духовенства».

Что же такое именно происходило и почему тутъ власть уже перестала посылать людей учиться благочинію къ іереямъ, а озаботилась «охранять мірянъ отъ соблазновъ духовенства?»

Въ 1730 году этого еще не было, а въ 1820 уже оказалось нужно.

Что произошло въ общей картинѣ нравовъ русскаго духовенства?

XIV.

Въ указѣ отъ 5-го августа 820 года, напечатано, что до свѣдѣнія государя императора Александра Павловича дошли «позоръ и нареканіе влекущіе поступки духовенства». Въ общемъ всѣ эти

поступки напоминаютъ характеръ происшествій, случившихся сто лѣтъ тому назадъ у Спаса въ Наливкахъ, но ближайшіе изъ нихъ, на которыхъ, такъ сказать, оборвалось терпѣніе Александра I-го, пропечатаны. Мы ихъ сейчасъ узнаемъ, и при этомъ просимъ обратить вниманіе, что всѣ эти событія случились въ разныхъ мѣстахъ, но около одного и того же дня—именно около праздника Благовѣщенія, когда, по народному повѣрью, «даже птица гнѣзда не вьетъ».

Вотъ что свило при этомъ случаѣ русское духовенство: 1) вологодской епархіи священникъ Сперансовъ, 26-го марта 820 г., [1]) «пришелъ пьяный въ церковь къ вечернему пѣнію; сѣлъ на скамейку неподалеку отъ св. престола и...» Въ указѣ, хотя и печатномъ, слишкомъ точно, не по печатному, выражено, что сдѣлалъ отецъ Сперансовъ. Скажемъ одно: онъ превзошелъ попа Кирила съ полою сторожа... 2) Въ томъ же мартѣ, въ городѣ Торопцѣ соборный дьяконъ Ефимъ Покровскій пришелъ пьяный къ литургіи и повелъ себя такъ, что его надо было выслать вонъ изъ церкви, но онъ ни за что не хотѣлъ выйти, «пока полицейскимъ десятникомъ былъ выведенъ». 3) Ярославской губерніи, въ г. Угличѣ, соборный священникъ Рыкуновъ «28-го марта (значитъ на первый день Пасхи), былъ за вечернимъ пѣніемъ пьянъ, и когда протоіерей, по окончаніи вечерни, вошелъ въ алтарь, то увидалъ священника Рыкунова лежащимъ и облевавшимся въ алтарѣ». 4) Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, того же 29-го марта (въ понедѣльникъ на Пасхѣ), пришли въ церковь къ вечернѣ пьяные весь причтъ, и дьячекъ съ пономаремъ стали буянить. Унять ихъ не было никакой возможности и церковный староста выбѣжалъ изъ церкви вонъ, а самую церковь заперъ, приставивъ къ дверямъ караулъ, и послалъ за благочиннымъ. Въ церкви же съ «чинившими буйство» дьячкомъ и пономаремъ попался въ плѣнъ и бывшій въ алтарѣ священникъ. Стража изъ крестьянъ, приставленная старостою къ церковнымъ дверямъ, содержала тамъ своего духовнаго отца и его причетниковъ крѣпко, и только слухомъ внимала, какія внутри храма происходили боевыя дѣйства. Староста, вѣроятно, былъ мужикъ умный и находчивый, и огня замкнутымъ духовнымъ не оставилъ.

Далѣе продолжаемъ словами указа: «По прибытіи на другой день благочиннаго, оказалось, что священникъ съ причетниками были черезо всю ночь заперты въ церкви. На амвонѣ и на висящей у царскихъ вратъ епитрахили было нѣсколько капель крови, и самая епитрахиль по мѣстамъ изорвана (батюшку причетники били, или батюшка ихъ билъ, это необъяснено). Евангеліе

---

[1]) Значитъ—въ страстную пятницу, при плащаницѣ, ибо по полному мѣсяцеслову Косолапова (Казань, 1874 г.) Пасха въ 1820 году приходилась 28-го марта. Синодъ этого вычисленія государю, можетъ быть, не вывелъ. Н. Л.

было на престолѣ опрокинуто, кресты въ безпорядкѣ, св. ковчегъ— на лавкѣ у лѣваго клироса, напрестольная одежда съ трехъ сторонъ, а особливо съ задней, почти вся изодрана и окровавлена; изъ книгъ Тріоди Цвѣтной нѣсколько листовъ вырвано и вмѣстѣ съ книгою брошены посреди церкви, а у дьякона Егорова руки искусаны и въ крови».

XV.

Четыре такія происшествія, зараз случившіяся между праздниками Благовѣщенія и Пасхою 1820 года, такъ встревожили князя Голицына, что онъ довелъ о нихъ до свѣдѣнія императора.

Государь Александръ Павловичъ этимъ «сильно огорчился» и очень правильно замѣтилъ, что духовные люди, натворившіе такія чудеса, «конечно уже прежде были неспособны къ отправленію ихъ должности, и не могли вдругъ дойти до такого крайняго разврата».

Синодъ противъ этого не оправдывался, да и что̀ бы такое онъ могъ привести въ оправданіе епарховъ, у которыхъ описанныя гадости имѣли мѣсто? Замѣчаніе государя было глубоко-вѣрно: вдругъ такіе гадостники не являются, и тотъ кто ихъ воспиталъ и терпѣлъ къ растлѣнію и соблазну темныхъ прихожанъ, подлежалъ бы сугубой карѣ, чѣмъ сами безчинные попы и дьяки [1]). Государь и министръ князь Алекс. Голицынъ горячо прониклись энергическимъ желаніемъ остановить такое крайнее развращеніе въ духовенствѣ, чтобы эти учители благочестія, по крайней мѣрѣ, хотя не поселяли «соблазна въ прихожанахъ, которые, видя таковыхъ пастырей, нарушаютъ иногда и сами правила христіанскія». Государь приказалъ, чтобы взяли самыя дѣйствительныя мѣры унять соблазнителей темнаго простонародья, и Голицынъ, какъ синодальный оберъ-прокуроръ, подробно объяснилъ отцамъ святѣйшаго синода: въ чемъ именно государь Александръ Павловичъ усматривалъ «причину соблазнительной для прихожанъ безнравственности русскаго духовенства».

Но святѣйшій синодъ и самъ зналъ, въ комъ и въ чемъ эта причина, и открылся, что онъ уже не разъ пробовалъ унимать безчинное духовенство, но безуспѣшно.

По смыслу указа 20-го года, видно ясно, что государю было извѣстно, какъ духовенство многократно было увѣщеваемо жить нравственнѣе, но что всѣ эти многія и долгія увѣщанія и убѣжденія многихъ прежнихъ лѣтъ на нашихъ духовныхъ «не имѣютъ желаемаго дѣйствія не отъ чего инаго, какъ отъ слабаго за ними надзора и отъ не соблюденія мѣръ, установленныхъ къ истребленію въ духовенствѣ пороковъ».

---

[1]) Епархіями, гдѣ произошли въ 1820 г. эти безчинства, правили: въ Вологдѣ епископъ Онисифоръ Боровикъ, изъ оберъ-священниковъ; въ Псковѣ знаменитый Евгеній Болховитиновъ; въ Костромѣ—Самуилъ Запольскій, а въ Ярославлѣ (гдѣ духовные подрались и погрызлись и искровянили алтарь)—Филаретъ Дроздовъ.

Кто же могъ составлять этотъ «надзоръ»: епископъ съ его духовнымъ штатомъ или міръ, народъ—прихожане?

Теперь очень многимъ, особенно изъ людей, не знающихъ исторіи церкви, кажется, что лучше всего держать духовенство въ зависимости отъ воли прихода, и это дѣйствительно не противорѣчитъ древней церковной практикѣ и имѣетъ свои хорошія стороны, но имѣетъ и дурныя.

Благодаря сухому, безжизненному и вообще ничего нестоющему преподаванію церковной исторіи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, у насъ ничего не знаютъ: какихъ излюбленныхъ міромъ невѣждъ присылали приходы къ епископамъ для поставленія, и почему практика заставила оставить этотъ порядокъ, повидимому, самый пріятный и наилучшій.

Безусловнымъ партизанамъ избранія и смѣщенія священника приходомъ не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, забывать того, чѣмъ показали себя въ нынѣшней нашей исторіи съ попомъ Кирилломъ «сорокъ двѣ персоны», сдѣлавшіе все, что захотѣли, отъ имени цѣлаго прихода Спаса въ Наливкахъ... И подобныя вещи бывали не разъ и не въ одной Москвѣ, которая дорога тутъ для примѣра, какъ «домъ», гдѣ все въ порядкѣ. А что̀ бывало, то, конечно, и паки быть можетъ, хотя бы и съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ пріемахъ. Но ни императоръ Александръ I-й, ни князь А. Н. Голицынъ не были причастны тому народничеству, которое на одинъ ладъ понималось въ вѣкъ императора Николая I-го и еще иначе трактуется нѣкоторыми нынѣ. И благожелательный «возстановитель троновъ», и кн. А. Н. Голицынъ были по воспитанію и по вкусамъ своимъ европейцы и хотѣли въ жизни просто лучшаго, болѣе облагороженнаго и болѣе отвѣчающаго ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, до того возбужденному идеалу, что осуществленіе его въ Россіи представлялось очевидною невозможностію. Особенно это чувствовалось въ вопросахъ религіи, въ которыхъ они парили такъ высоко, что обоихъ ихъ, по совѣту преподобнаго Нила Сорскаго (Майкова), надо было желать «опустить на землю». Стремясь къ благоугожденію Богу, съ какимъ-то болезнѣннымъ піетистическимъ жаромъ они искали на землѣ не простыхъ добрыхъ, рабочихъ и богопочтительныхъ людей, а прямо ангеловъ «видящихъ лицо Его выну» и неустанно вопіющихъ «святъ». Такой высокій духовный запросъ тотчасъ же вызвалъ и соотвѣтственное предложеніе: являлись ловкіе люди, которые, не моргая глазами, сказывали, что они уже прошли нѣсколько небесъ и успѣли получить непосредственныя откровенія, но только до времени остались на землѣ, дабы ознакомить другихъ съ блаженствомъ непосредственнаго собесѣдованія съ Богомъ. Это не былъ піетизмъ нынѣшней великосвѣтской безпоповщины: тогдашніе признавали таинства, — даже болѣе, чѣмъ ихъ значится по катехизису Филарета Дроздова, и

для «блаженнаго собесѣдованія съ Богомъ» признавали необходимымъ посредствующее участіе духовенства. И государь Александръ Павловичъ, и кн. Голицынъ относились къ духовнымъ до того тепло и почтительно, что—случалось—цѣловали даже руки какъ у православныхъ, такъ и у католическихъ священниковъ (у которыхъ это и не принято). Но понятно, что они жаждали видѣть и уважать въ духовномъ его духовность и потому «тьмы низкихъ истинъ имъ дороже былъ возвышающій обманъ». Когда они видѣли священный для нихъ санъ въ униженіи, они страдали такъ искренно, что, можетъ быть, теперь иному это даже и понять трудно.

Намъ могутъ указать, что государь и Голицынъ нерѣдко принимали за благочестіе ловко представленное притворство, за которымъ скрывалась порою гадость болѣе противная. Не станемъ противъ этого и возражать: многіе притворщики, безъ сомнѣнія, дѣлывали дѣла и хуже, но ни императоръ Александръ Павловичъ, ни кн. Ал. Н. Голицынъ, ни прочіе благочестивые люди ихъ вѣка, которыхъ позднѣйшая критика винила въ недостаткѣ такъ называемаго «русскаго направленія» и въ поблажкѣ мистической набожности на чуземный ладъ, не были виноваты въ томъ, что грубость ихъ отталкивала отъ себя. Она и въ самомъ дѣлѣ противна. Привыкнуть къ ней трудно, да и не дай Богъ, а безъ привычки ее нельзя переносить, не угнетая въ себѣ самыхъ лучшихъ своихъ чувствъ, на самой вершинѣ которыхъ въ живой и благородной душѣ всегда будетъ стремленіе «поклоняться духомъ и истиною» Духу истины, иже отъ Отца исходитъ и живитъ міръ.

Ни отъ государя Александра Павловича, ни отъ Голицына съ ихъ туманными идеалами нельзя было и ожидать, чтобы они, огорчась церковнымъ безчинствомъ, обратились за поправленіемъ этого горя къ общецерковной помощи, т. е. къ приходу, ибо это не было, какъ выше сказано, въ ихъ вкусѣ, да—и какъ мы видѣли изъ исторіи у Спаса въ Наливкахъ,—приходъ дѣйствительно могъ казаться очень ненадежнымъ.

Слѣдовательно, очень понятно, почему поправлять дѣла въ 20-хъ годахъ поручили не приходамъ, а опять синоду же.

Что же сдѣлалъ синодъ, которому Голицынъ передалъ трогательное огорченіе государя и его желаніе: «защитить народъ отъ соблазновъ духовенства»?

XVI.

Синодъ напечаталъ указы, въ которыхъ, во-первыхъ, напоминалъ о прежнихъ убѣжденіяхъ, которыя много разъ были безуспѣшно дѣлаемы духовенству, а во-вторыхъ, поставилъ архіереямъ на видъ

волю монарха «обратить вниманіе на благочинныхъ». Синодъ рекомендовалъ архіереямъ выбирать благочинныхъ «способныхъ, безпристрастныхъ, расторопныхъ и обязать ихъ вперять благонравіе, подчиненность и послушаніе». Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было взять со всего русскаго духовенства «строжайшія подписки», что они, «сообразуясь съ достоинствомъ своего званія, будутъ стараться поведеніе свое при всякомъ случаѣ сохранять,—жить въ благонравіи,—пороковъ гнушаться и такими средствами, сколько возможно, изгладить изъ мнѣнія государя неблагопріятное о себѣ замѣчаніе».

Духовенство, отъ котораго повсемѣстно отобрали такія «строжайшія подписки», можетъ быть, и старалось «поведеніе свое при всякомъ случаѣ сохранять», но это ему рѣшительно не удавалось, а императоръ Александръ I-й, спустя пять лѣтъ, скончался.

Во все наступившее затѣмъ царствованіе государя Николая Павловича духовенство также не счастливѣе продолжало «поведеніе свое при всякомъ случаѣ совершенствовать», и въ результатѣ все выходило то же самое. Съ усиленіемъ строгостей надъ литературою вообще, и въ особенности надъ піетистическою и библейскою литературою, которая возбуждала вниманіе общества къ положенію дѣлъ въ церкви, для дебошей духовенства настали времена болѣе благопріятныя. Неисчислимыя массы происшествій возникали и гасли, окупленныя у консисторскихъ взяточниковъ, которые стали брать иногда уже не только на себя, но и «на архіерейскую часть». Преобладающій характеръ въ безобразіяхъ николаевскаго времени все тотъ же «соблазнъ мірянамъ», расширившійся до того, что съ однимъ изъ іереевъ херсонской епархіи дѣтская слабость случилась, когда онъ стоялъ на великомъ выходѣ во святыхъ дверяхъ съ чашею въ рукахъ... Ударили строгости, угрожавшія даже «умаленіемъ рода преподобныхъ»; многихъ изъ духовной молодежи забрали «по разбору» въ рекруты. Это была мѣра ужасная, «какой и не ожидали». Встряхнуло всѣхъ и родъ преподобныхъ дѣйствительно умалился, но не оскудѣлъ, и благочестіе въ духовенствѣ все-таки не процвѣло. Для изслѣдованія вопросовъ тогда, разумѣется, было не время, но всего чувствительнѣе для всѣхъ казался недостатокъ хорошихъ благочинныхъ, которые, при большой зависимости отъ архіерейскихъ чиновниковъ, сдѣлались «секретарскими данниками», и «переданниками», и, разумѣется, никакъ не могли «вперить» духовенству то, что и самимъ имъ въ большинствѣ было чуждо.

Живая и многозначительная церковная должность благочиннаго приняла характеръ аренднаго откупщика: благочинный собиралъ дань съ духовенства своего благочинія и везъ «съ книгами» въ городъ, гдѣ была каѳедра архіерейская. Это былъ порядокъ, который соблюдался открыто, гласно и повсемѣстно. Благочинный сдѣлался

консисторскимъ мытаремъ, и чтобы держаться на мѣстѣ, долженъ былъ наблюдать аккуратность въ сборѣ и въ платежахъ. Отсюда наибольшею частію за благочинія брались люди оборотливые и торговые... Люди тихаго, кроткаго, истинно благочиннаго духа всѣми силами отказывались отъ этихъ должностей, съ которыми имъ, впрочемъ, было и не справиться, да и не накормить тѣхъ, кого Петръ въ своемъ регламентѣ отъименовалъ «не сытыми архіеройскими скотинами».

Опять цѣлыя полстолѣтія «вѣдомство православнаго исповѣданія» заботилось уврачевать немочи духовенства посредствомъ такихъ формальныхъ, но безсильныхъ порядковъ и, наконецъ, признало ихъ несостоятельность и постановило нѣчто новое и на сей разъ дѣйствительно болѣе надежное. Въ оберъ-прокурорство графа Д. А. Толстаго восторжествовала правильная мысль поставить иначе самихъ благочинныхъ, сдѣлать ихъ болѣе самостоятельными и менѣе зависимыми отъ прихотей архіерейскаго штаба...

Духовенство получило право выбирать себѣ благочинныхъ изъ своей же среды. Образцоваго благочестія и благочинія это не создало, и не могло создать въ средѣ, втеченіе вѣковъ задавленной и павшей, но подъемъ духа все-таки совершился значительный. Люди заговорили о своемъ внутреннемъ достоинствѣ и стали интересоваться общественными дѣлами своей среды. Воспитаніе дѣтей двинулось впередъ, вдругъ и повсемѣстно, но старички еще иногда пошаливали по старинѣ: новые порядки, уничтожившіе благочиннические доходы, имъ не нравились, они мечтали о возвращеніи на попятный дворъ и доходили до пошлыхъ выходокъ, въ родѣ опусканія въ баллотировочные ящики орѣховыхъ свищей и пивныхъ пробокъ...

Повидимому, смѣшно было бы и думать, чтобы подобныя вещи, какъ свищи и пивныя пробки, попавшіе въ баллотировочные ящики, могли имѣть серьезное значеніе въ церковномъ дѣлѣ, однако случилось именно такъ. Страстная къ скандалёзностямъ газетная печать огласила одинъ такой случай по свѣту и о пробкахъ пошелъ говоръ, которому противники выборнаго начала хотѣли придать общее значеніе и, выждавъ удобной поры, достигли своихъ цѣлей. Всѣ прежнія неудачи, имѣвшія дѣйствительно характеръ общаго значенія, были позабыты, и выборное начало, установленное при графѣ Д. А. Толстомъ, въ духѣ соборнаго православія, отмѣнено, а вмѣсто его введенъ въ дѣйствіе опять старый порядокъ назначенія благочинныхъ архіереями.

Это произошло такъ недавно, что результаты этой мѣры до сихъ поръ еще не могли обнаружиться,—они будутъ видны въ будущемъ.

Но новое движеніе къ старому, если только оно будетъ послѣдовательно проводимо въ духѣ циркулярнаго синодскаго указа отъ

5-го августа 1820 года, этимъ не можетъ быть кончено—оно требуетъ завершенія въ той части, которой прежняя практика едва коснулась.

XVII.

Напомнимъ, что указъ 1820 года говорилъ то же о «несоблюденіи правилъ»—въ чемъ тогда видѣли указаніе самимъ архіереямъ держаться установленій «духовнаго регламента», который одни изъ нихъ сами для себя подписали, а другіе испразднили какъ для себя, такъ и для своихъ наступцевъ. Въ «Духовномъ регламентѣ» Петръ I-й начерталъ имъ все, какъ весть себя, дабы дѣломъ править, а въ тягость подчиненнымъ не быть. Съ свойственною его многообъемлющей натурѣ внимательностію, онъ запретилъ архіереямъ, чтобы они позволяли «водить себя подъ руки и слаться имъ въ ноги» и дѣлать многое тому подобное ко усиленію ихъ «непомѣрнаго самолюбія». Когда былъ распубликованъ указъ 1820 года, съ напоминаніемъ «о несоблюденіи правилъ», большинство архіереевъ пустили это мимо ушесъ, но были изъ нихъ и такіе, которые попробовали «соблюдать правила». Таковъ былъ, напримѣръ, епископъ астраханскій, имени котораго теперь не вспомню, но твердо знаю, что бывшее съ нимъ ироническое происшествіе описано въ «Москвитянинѣ» (1851—1853 гг.).

Поѣхалъ этотъ архіерей ревизовать свою епархію, съ рѣшимостью даже ѣхать по «правиламъ». А правилами регламента архіерею указывалось не въѣзжать съ вечера въ приходъ, а ночевать за три версты, и утромъ прямо пріѣхать, войти въ церковь и служить. Цѣль этого указанія очень понятна: чтобы архіерей видѣлъ все, какъ застанетъ, а не «въприготовѣ», и чтобы приходскіе священники не были «обжираемы архіерейскими несытыми скотинами» и не тратились на висантъ и рыбы, безъ которыхъ по доброму обычаю не можетъ обходиться архіерейская встрѣча, «а попамъ отъ того изнурительно».

Между тѣмъ, чтобы служить обѣдню, архіерею надлежитъ къ тому приготовиться, выслушать наканунѣ вечерню, и проч. Петръ Великій, начертывая регламентъ, это позабылъ, или упустилъ изъ вида, что, при множествѣ его трудовъ, и весьма понятно, а архіереи, подписавшіе регламентъ, о томъ «премолчали»,—что тоже понятно и соотвѣтственно отвагѣ ихъ владычняго духа. Но архіерею все-таки нельзя, не нарушая правилъ, служить безъ приготовленія. Кромѣ того, не передъ всякою приходскою церковью есть «за три версты» жилье, гдѣ бы можно было отслужить вечерню.

Вознамѣрившійся точно исполнять всѣ правила регламента, астраханскій архіерей все это предусмотрѣлъ и принялъ свои мѣры:

онъ поѣхалъ съ обозцемъ, въ которомъ у него, между прочимъ, были и два холщевые шатра, или палатки.

Подъѣхалъ онъ къ городу еще засвѣтло и остановился, какъ разъ недоѣзжая трехъ верстъ, и какъ никакого человѣческаго жилья тутъ не случилось, то слуги архіерейскіе разбили на полѣ бывшіе въ обозѣ шатры. На дворѣ былъ вѣтерокъ и тучилось, а слуги архіерейскіе оказались не мастера закрѣплять шатры, и потому, раскинувъ одну палатку возлѣ другой, они перепутали ихъ на всякій случай одну съ другою веревками. Это была предосторожность совершенно необходимая, если свѣженькій вѣтерокъ къ ночи закрѣпчаетъ и ударитъ погода. Затѣмъ, въ одной палаткѣ владыка съ іеромонахомъ стали молиться Богу, а въ другой—келейная прислуга и приспѣшники начали готовить ужинъ.

А въ это самое время—надо было такъ случиться, какому-то «служащему дворянину» довелось выѣхать изъ города въ какомъ-то легкомъ экипажцѣ «для проѣздки молодой лошади». И вдругъ, видитъ этотъ дворянинъ среди хорошо ему знакомаго чистаго поля, гдѣ онъ никогда не встрѣчалъ никакого воинства,—стоятъ двѣ палатки, одна близъ другой, и около ихъ дымное воскуреніе.

Дворянинъ былъ человѣкъ любопытный. Чрезвычайно его заинтересовало, что это за шатры, какой витязь или богатырь сталъ въ нихъ, подъ его роднымъ городомъ? И показалось дворянину необходимымъ немедленно же разузнать, чѣмъ эта странная внезапность угрожаетъ мирному городку, который въ виду темнѣющихъ небесъ готовился почить по трудѣхъ дневныхъ. Пусть бьютъ всполохъ и собираютъ силу, способную отразить супостата.

Но дворянинъ былъ сколь любопытенъ, столь же и трусливъ: хотѣлось ему подсмотрѣть за шатрами, да боязно было къ нимъ прямо подъѣхать, ибо не зналъ онъ, какая въ нихъ рать и сколь велика ея сила. Онъ и поднялся на хитрости,—сталъ дѣлать около палатокъ объѣздные круги, по тому способу, какъ ружейные охотники стаю дрохвъ объѣзжаютъ, т. е. все вокругъ ихъ кружатъ, дѣлая одинъ кругъ другаго тѣснѣе. А когда дворянинъ довольно сблизился, то на одномъ изъ такихъ оборотовъ онъ пустилъ свою молодую лошадь, будто не могъ съ нею управиться, и намѣтилъ ея ходъ какъ разъ въ тотъ промежутокъ между двумя палатками, гдѣ проходили напутанныя архіерейскими слугами веревочныя сцѣпленія.

Веревокъ этихъ по темнотѣ дворянинъ издали не разсмотрѣлъ и не успѣлъ опомниться, какъ и лошадь его, и экипажъ, и самъ онъ очутились въ тенетахъ, а обѣ палатки сорвались съ колковъ и архіерей съ іеромонахомъ, и слуги съ таганами, и кострюлями—все полетѣло копромъ и въ кучу... А къ довершенію живой картины, внезапно хлынувшій дождикъ началъ орошать всю эту группу своими потоками...

Первый пришелъ въ себя архіерей, и первый же сообразилъ, что̀ предлежало совершить его богодѣйственнымъ рукамъ: и шуйцею и десницею привлекъ онъ къ себѣ виновника происшествія за волосы, а сослужившіе и слуги архіерейскіе, послѣдовавъ примѣру владыки, споспѣшествовали расправѣ, и въ самое непродолжительное время они соборне такъ отдѣлали дворянина, что тотъ, забывъ искать убѣжавшаго коня, насилу притащился въ городъ и возвѣстилъ, что пріѣхалъ архіерей сердитый-пресердитый и ужасно дерется.

Духовные, которыхъ это извѣстіе всего ближе могло касаться, исполнились радостораствореннаго страха и сію же минуту принялись все приводить въ порядокъ, а въ поле выслали умилительную депутацію. Посланые съ фонарями отыскали подъ дождемъ перемокшаго владыку и его свиту и доставили всѣхъ ихъ въ городъ. Владыка не устоялъ и потекъ богошественными стопами обсушиваться. Это выходило уже противъ регламента, но какъ извѣстно, «нужда премѣняетъ законы».

XVIII.

Разсказанный случай, разумѣется, не составляетъ въ какой нибудь мѣрѣ необходимое слѣдствіе того правила, послѣдствіемъ котораго явилось описанное забавное происшествіе, но оно курьёзно завершаетъ картину разнородныхъ опытовъ къ подъему церковныхъ дѣлъ способами, доказавшими уже свою несостоятельность, и его достойно припомнить для тѣхъ, кои думаютъ, что умѣстнѣе всего теперь будто бы сдѣлать крутой поворотъ къ практикѣ регламента.

Какое несчастіе видѣть все спасеніе въ поворотахъ назадъ? И если такъ, то докуда поворачивать? Хуже ли нынѣ, чѣмъ было прежде, напримѣръ, въ тѣ времена, когда на землѣ жили святые люди, а церковью правили образцовые правители?

«Вчера печаль, рыданіе и скорбь чадъ церкви Божіей; тоже и сегодня, да и долго еще будетъ такъ. О, если бы не возвращаться мнѣ на прежнее», говоритъ Евстафій Солунскій.

«О, если бы мнѣ не возвращаться!..»

Поучительно это слышать отъ просвѣщеннѣйшаго и опытнаго знатока церковныхъ дѣлъ. Онъ видѣлъ «печаль и рыданіе» сегодня, но не терялъ изъ вида, что не радость, а тоже «печаль и рыданіе» были и вчера, и воздохнулъ: «О, если бы не возвращаться!»

Прекрасное сужденіе ученаго богослова XII-го вѣка вполнѣ тождественно съ новѣйшею формулою, что если не годится одно средство, и другое, то надо и́скать третіе.

Лучшая изъ премированныхъ гигіеническихъ книгъ содержитъ въ себѣ одинъ такой совѣтъ:

«Если замѣчается, что новая діета неблагопріятно дѣйствуетъ, какъ и старая, тогда надо усилить вниманіе къ состоянію больнаго и примѣнять еще новую діету».

Нынѣшняя философія опирается на прочныя положенія физіологіи и, конечно, никогда не уклонится отъ этого вѣрнаго пути. Быть можетъ, что нибудь въ этомъ же родѣ надо бы брать въ соображеніе и тѣмъ, кто имѣетъ дѣло съ діетой жизни цѣлаго общества. Если что хочется вспомнить въ древней церковной практикѣ, то это хорепископовъ, т. е. духовныхъ лицъ, которые имѣли санъ епископовъ, но жили въ маленькихъ городкахъ и селеніяхъ и по своей доступности, простотѣ и вхожести во всѣ дѣла общинъ, были очень полезны церковному миру. Вплоть до V-го вѣка, пока они существовали, или, по крайней мѣрѣ, были извѣстны, они являются примирителями несогласія прихожанъ съ духовенствомъ и дѣлали это просто, и прекрасно,—не давая распрямъ разгораться и восходить къ суду. Чего бы лучше, кажется, Евстафію Солунскому въ XII-мъ вѣкѣ указать на этотъ образецъ V-го вѣка, однако образованный митрополитъ на нихъ не указываетъ. Самъ онъ, будучи митрополитомъ, на практикѣ держится простоты жизни и пріемовъ хорепископовъ, но все-таки не признаетъ полезнымъ «возвращаться на прежнее». Онъ журитъ лѣнивыхъ и алчныхъ монаховъ, сравнивая ихъ съ «животными, откармливаемыми въ особыхъ мѣстахъ» (стр. 39), пишетъ сочиненія и миритъ женъ съ мужьями, которые «обращаютъ страсть свою къ чужимъ женамъ или блудницамъ». Ему ничто касающееся человѣка не кажется малымъ и недостойнымъ его истинно христіанской души и его истиннаго, многосторонняго просвѣщенія (Онъ, вѣдь, у насъ даже и извѣстенъ болѣе только по его объясненіямъ на творенія Гомера, Пиндара и Діонисія Періогета). Митрополитъ пишетъ: «у меня такая куча хлопотъ, что отъ стражи утренней не только до захожденія солнца, но и когда она углубляется подъ землею, я разбираю случающія дѣла, которыя оставлять не архіерейское дѣло. А то мы живемъ безпечально, а наемники вмѣсто насъ трудятся».

Этотъ воистину святой человѣкъ не отдавалъ дѣлъ наемникамъ, и каковъ былъ его успѣхъ?

Онъ обрисованъ имъ же самимъ коротко и ясно: «Я говорю безъ успѣха, — меня приводятъ въ раздраженіе и даже чуть не плюютъ мнѣ въ глаза и не треплютъ за волосы» [1]). Но дѣйствуя самъ такимъ простымъ и единственно, можетъ быть, пригоднымъ образомъ, митрополитъ Солуня все-таки не алчетъ «возвра-

---

[1]) См. «Евстафій митрополитъ Солунскій, XII-го вѣка» игумена (нынѣ архимандрита) Арсенія (Иващенка). 1866 г. Харьковъ, въ университетской типографіи.

щаться на прежнее», — онъ не видитъ спасенія въ хоре-епископствѣ, которое по идеѣ было бы, можетъ статься, очень полезно.

Почему же такъ?

Можетъ быть, потому, что просвѣщенный и дѣятельный умъ этого человѣка, умудреннаго живыми сношеніями съ людьми, понималъ, что жизнь измѣнила нравы и отношенія, и надо искать лучшаго новаго, а не стараго, изъ чего общество выросло, какъ парень изъ своего ребячьяго платья. Въ жизни исчезла простота, и если разобрать здраво, то въ странахъ, заимствовавшихъ культуру изъ Византіи, искренность и простота исчезли болѣе чѣмъ отовсюду.

Всероссійскій приходъ до того отвыкъ видѣть простоту въ своихъ архипастыряхъ, что даже малѣйшій шагъ къ добровольному оставленію «оной ихъ нестерпимой пыхи» приводитъ людей въ смущеніе и часто заставляетъ ихъ говорить отчаянныя глупости, свидѣтельствующія, что они неспособны цѣнить лучшаго и не знаютъ, чего желаютъ. Свѣжій и притомъ большой примѣръ этому недавно явила та же Москва, гдѣ съ негодованіемъ и самыми низкими подозрѣніями указывали на покойнаго митрополита Макарія Булгакова, который ѣздилъ въ маленькой каретѣ парою, а не «на шести животныхъ», и безъ звона.

— «Для чего это?» говорили. «Архіерей божій долженъ ѣхать такъ, чтобы всѣ видѣли, куда онъ ѣдетъ. А то онъ втихомолку мало ли куда еще заѣдетъ. У насъ этакъ неповелось и ненадобно».

Высокопреосвященный Макарій не слушалъ этой глупой приходской прихоти, но зато извѣстно, сколько перенесъ онъ самыхъ недостойныхъ досажденій!.. И это примѣръ не единственный: среди изобилія охотниковъ до опаршества есть рѣдкіе люди, которые упорно и рѣшительно бѣжатъ этой чести, не находя въ себѣ необходимой важности; другіе (какъ Ѳеофанъ Говоровъ) бѣжатъ отъ этой необходимости «на покой».

«Необходимая важность!» Это ужасно слышать въ примѣненіи къ христіанскому старѣйшинѣ большой церковной группы. Но «важность», дѣйствительно, необходима всего болѣе потому, что ея требуетъ сама себя не сознающая и непонимающая приходская прихоть [1]).

---

[1]) Не оскудѣла эта мысль и въ литературѣ нынѣшняго затхлаго вкуса. Желающій можетъ прочесть жалкія іереміады въ этомъ родѣ въ новой книжкѣ К. Леонтьева, направленной противъ двухъ новыхъ русскихъ ересіарховъ—Ѳед. М. Достоевскаго и искреннѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ писателей, графа Льва Николаевича Толстаго. Н. Л.

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» мы дадимъ полный абрисъ вѣроотступническихъ заблужденій графа Л. Толстаго и Достоевскаго въ соотвѣтствіи съ идеями призвавшаго ихъ къ отвѣту г. К. Леонтьева. Ред.

XIX.

Вступленіе епископа, нежданнаго, въ церковь или приходъ его запросто въ домъ, гдѣ онъ могъ бы принести пользу своимъ участіемъ, совѣтомъ, вразумленіемъ, пока дѣло еще не дошло до непримиримой распри,—все это сдѣлалось для нашихъ епископовъ невозможнымъ. Вначалѣ они все боялись, что ихъ поклепятъ и осудятъ, а теперь они уже такъ чужды горю людскому, что даже въ большинствѣ случаевъ не умѣютъ къ нему и приступиться. Отъ того чужды они міру и отчуждился отъ нихъ міръ и тѣмъ самъ еще усиливаетъ это разъединеніе, поставившее архіерея въ положеніе чисто оффиціальное, казенное, губернаторское. Ожидали, что совсѣмъ другое явятъ собою вновь назначенные викаріи, и не ошиблись. Они вышли не губернаторами, а только вице-губернаторами.

Представивъ, какъ могли и какъ умѣли, картину нашихъ церковныхъ перепрыжекъ, мы, разумѣется, совершенно безсильны указать мѣры, какими могли бы быть достигнуты лучшіе способы облагородить и поднять духъ клира.

Человѣкъ, который рѣшился бы отъ одного своего высокоумія объявить, что онъ знаетъ такія мѣры, огласилъ бы этимъ свое дерзкое посягновеніе на права церкви и, тѣмъ самымъ, подвергъ бы себя справедливому церковному осужденію. По духу православія это—дѣло соборное.

Цѣль наша—показать, что̀ было, и пусть, кто можетъ, самъ умозаключаетъ, чего надо избѣгать въ будущемъ, дабы оно не походило на печальнѣйшее прошлое, которое Богъ вѣсть для чего принято историческими лжецами изображать въ самомъ невѣрномъ освѣщеніи.

Н. Лѣсковъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ[1]).

(Разсказъ изъ семейной хроники).

X.

Свиданія Іоасафа Николаевича съ Маринкою, уже не особенно тревожившія Надежду Ивановну, какъ потому, что она къ нимъ попривыкла, такъ и потому, что онъ возвращался всегда «въ порядкѣ» и послѣ того бывалъ спокоенъ, вдругъ разомъ прекратились, и это обстоятельство, казалось бы, столь желанное для старушки, но сопровождавшееся опять особенными послѣдствіями, перетревожило ее, бѣдную, до крайности.

Разъ, отправившись къ Маринкѣ, Іоасафъ Николаевичъ не нашелъ ея дома. Хибарка была заперта на-глухо. Крестьяне сосѣдней деревушки не знали, куда дѣвалась удалая солдатка, и когда и по какому случаю она отлучилась.

Дядя былъ въ отчаяніи. Онъ ничуть не ожидалъ этого внезапнаго исчезновенія, онъ не могъ понять причины его, и тѣмъ болѣе, что сама же Марина еще наканунѣ много наказывала ему, чтобы назавтра пріѣзжалъ онъ къ ней безпремѣнно. Куда же она дѣвалась? Чтò сталося съ ней?

Онъ былъ въ такомъ очаяніи, что даже плакалъ при чужихъ людяхъ. Но и дикая энергія иногда прорывалась у него; онъ то неистово стучался въ запертыя двери, въ заложенныя извнутри болтами ставни, то хотѣлъ ломать крышу, чтобы такимъ способомъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн., т. XI, стр. 25.

проникнуть въ хибарку (отчего сосѣдніе крестьяне наотрѣзъ отказались), а наконецъ, вздумалъ было идти въ лѣсъ на поиски. Тутъ-то и пришло въ голову Макаркѣ посовѣтовать барину, что лучше, молъ, сейчасъ же ѣхать въ Коломну и тамъ разъискать Марину Прокофьевну, такъ какъ нынче въ Коломнѣ базаръ. Макарка хотѣлъ хоть этимъ унять отчаяніе и бурные порывы барина передъ чужими людьми; но онъ думалъ также о томъ, что авось-либо доведется указать барину на разгульное въ городѣ поведеніе Маринки, чтобы тѣмъ уже совершенно вырвать его изъ когтей этой женщины, крѣпко невзлюбленной имъ, Макаркою. А послѣдствія замысла вѣрнаго служителя опять-таки вышли роковыя...

Въ Коломнѣ Маринка нигдѣ не разъискалась, да и что-то давно не видали ее въ этомъ городѣ. Но слухи о ней были.

— Надо быть, объяснилъ, на ловко подведенные Макаркою вопросы, хозяинъ постоялаго двора, гдѣ остановился теперь Іоасафъ Николаевичъ:—надо быть, слѣдокъ-то ея сюда, больно проторенный, запалъ отъ того, что она, какъ слышно, стала водиться все съ этимъ Шохинымъ. Хорошія дѣла, небось, обдѣлываютъ!

— А кто такой Шохинъ?.. спросилъ дядя, страшно поблѣднѣвъ и насилу выговаривая немногія слова своего вопроса.

— Шохинъ-то? Да братъ рòдной. Сданъ былъ онъ въ солдаты, кажись, въ одно время съ маринкинымъ мужемъ, да отъ службы отчалилъ. Стали видать его кое-гдѣ, и навѣрнякъ, что видали. Значитъ, бѣжалъ изъ полку, супостатъ эдакой, не въ побывку же его отпустили.

— И точно, что онъ братъ ей?.. Шохинъ-то этотъ?.. не утерпѣлъ переспросить Іоасафъ Николаевичъ, уже въ замѣтно радостномъ настроеніи духа.

— Знамо-что братъ, отъ одного отца, отъ одной матери, отвѣчалъ хозяинъ дворникъ; потомъ, ухмыльнувшись себѣ въ бороду, онъ добавилъ,—а вы, сударь, ваше благородіе, знаете, что ли, Марину-то эту?

— Дѣло немудреное, отвѣчалъ за барина находчивый Макарка:—приходится завсегда проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ она проживала. Слышно тоже и у насъ про нее.

— То-то, какъ не знать и у васъ: близко живете и бабёнка извѣстная... Оно бы нешто, всѣмъ взяла баба, и веселая, разудалая такая... Только семья-то вся ихняя изстари нехорошая была, и Шохинъ-то братъ... Чай, опасно съ нею хороводиться теперича: того гляди, начальство станетъ ловить бѣглаго, а можетъ и заправскій притонъ у нихъ еще не завелся, какъ разъ въ бѣду большую можно попасть.

Проговоривъ это явно-наставительнымъ тономъ, хозяинъ отошелъ, покачивая головою.

А Іоасафъ Николаевичъ былъ въ восторгѣ. Онъ нѣсколько разъ

повторялъ своему вѣрному служителю: — Ну, вотъ, видишь, Макарушка, вѣдь она сущую правду говорила, этотъ человѣкъ точно ея братъ!..

Восторженное состояніе бѣднаго дяди этимъ не ограничилось. На бѣду, съ нимъ были деньги, только что полученныя имъ отъ михѣевскаго старосты и которыя онъ забылъ отдать матери передъ отъѣздомъ своимъ къ Маринкѣ. Онъ послалъ за виномъ, и самъ пилъ, и другихъ угощалъ, а этихъ другихъ нашлось не мало: на постояломъ дворѣ были какіе-то помѣщики, потомъ понабрались какіе-то чиновники и даже офицеры, все люди молодые, веселые, охотники погулять. Очень развеселился со всей этой компаніей мой дядя. Онъ былъ веселъ, какъ и всѣ, благо спала съ него тоска по любимой женщинѣ. Гульба продолжалась по разнымъ мѣстамъ и затянулась на нѣсколько дней; изъ-за нея Іоасафъ Николаевичъ даже отложилъ всякіе розыски о Маринѣ.

А Надежда Ивановна, освѣдомившись отъ михѣевцевъ, ѣздившихъ въ Коломну на базаръ, что сынъ ея тамъ находится и гуляетъ съ чиновниками и офицерами, уже и не подумала посылать за нимъ. Зато она твердо надумалась насчетъ того, что̀ ей надо дѣлать теперь, когда, кромѣ связи съ Маринкою, зачалась еще такая гульба «съ первымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ». Она уже довольно боролась всѣмъ своимъ терпѣніемъ съ этимъ сыномъ, на бѣду у ней единственнымъ, и вотъ рѣшилась, пока еще въ силахъ, окончательно остепенить молодаго человѣка, столь способнаго увлечься всяческимъ соблазномъ.

Іоасафъ Николаевичъ вернулся домой, какъ показалось Надеждѣ Ивановнѣ, еще несовсѣмъ трезвымъ; поэтому въ тотъ же день она не приняла его, но на другой приступила прямо къ рѣшительному съ нимъ объясненію.

— Послушай-ка, Есафъ Николаевичъ, начала она голосомъ твердымъ и громкимъ, при не затворенныхъ дверяхъ, вѣроятно для того, чтобы и домашніе слышали, что̀ она скажетъ сыну, а онъ самъ видѣлъ бы, что она желаетъ вести дѣло «на чистоту»,— вѣдь, эдакъ-то больше нельзя. Я хочу поговорить съ тобой, наконецъ, такъ, чтобы все между нами выяснилось... Да, да! я рѣшилась... Какъ! одинъ только и есть сынъ у меня, на него-то я и надѣялась, что подъ конецъ моей горькой жизни утѣшитъ, успокоитъ меня, а онъ что дѣлаетъ?.. Сначала, послѣ восьми годовъ разлуки, когда я такъ тосковала о немъ, вернулся ко мнѣ ровно чужой, потомъ нелюдимствомъ этимъ своимъ пугалъ завсегда, вѣдь не знала, что̀ и подумать, потомъ пустился въ поганое это распутство съ этой тварью, а теперь пускаешься въ такой бѣшеный разгулъ, да еще въ чужомъ городѣ, что на срамоту эту чужіе люди навѣрное не могли и надивиться... И съ нашими ли достатками такъ кутить? Ты знаешь ли, на что̀ должны были бы пойти прокучен-

ныя тобою деньги?.. Да что деньги! Честное-то имя своей фамиліи какъ ты трепалъ тамъ втеченіе нѣсколькихъ дней сряду!.. Да ты что жъ за человѣкъ такой? Развѣ и понять не можешь, къ чему поведетъ зазорное поведеніе?..

Старушка пріостановилась не для того, чтобы отдохнуть отъ тяжелой рѣчи, а скорѣй ожидая отвѣта отъ сына, но онъ, склонивъ голову, молчалъ, и она продолжала:

— Охъ, какъ бы не понять, какъ бы не понять! Ужъ не потерялъ ли всякій страхъ Господень, отчего и воли не стало на пониманіе?... Ну, если такъ, то у меня есть воля, воля родительская! Я хочу непремѣнно, чтобы ты ея послушался, а не послушаешься, буду знать, что̀ слѣдуетъ мнѣ сдѣлать... Но я скрывать того нестану; если не послушаешься, созову на семейный судъ всѣхъ родныхъ нашихъ, все разскажу имъ и пусть какъ хотятъ, такъ рѣшаютъ... А сама ни въ какомъ случаѣ не буду больше смотрѣть на развратъ и безумства твои... Что жъ! довольно-таки прожила я въ этомъ дому, жила и всего видѣла... придется покинуть родной домъ, авось прокормятъ до недолгой смерти чужіе люди, вѣдь, кормила же я такихъ...

Старушка закончила жалостливыми словами, но не расплакалась, не разчувствовалась. Вся энергія ея характера, постоянно выражавшаяся, за все время болѣзни ея мужа, въ великомъ терпѣніи, пробудилась опять въ полной силѣ и сосредоточилась въ одномъ твердомъ рѣшеніи безотлагательно положить предѣлъ распутности сына.

Іоасафъ Николаевичъ слушалъ упреки матери въ крайнемъ смущеніи. Было замѣтно, что онъ даже перепуганъ. Слова Надежды Ивановны были слишкомъ ясны и тверды. А этотъ судъ семейный, а эта угроза покинуть родной домъ и питаться передъ смертью чужимъ хлѣбомъ! О, все это не могло не пробудить сознанія, что поступки его, въ самомъ дѣлѣ, безумны и, болѣе того—преступны. Но при этомъ сознаніи онъ былъ такъ потерянъ, что опять-таки ничего не могъ вымолвить въ отвѣтъ разгнѣванной матери.

— Не знаю, что у тебя на умѣ, и спрашивать о томъ не буду, продолжала она, нисколько не смягчая тона,—да мнѣ и не нужны ни твои сознанія, ни твои обѣщанія,—обѣщаніямъ я и повѣрить не могу... Скоро и такъ будетъ все видно, скажется начистоту, каковъ ты сынъ, каковъ и человѣкъ, чего сто̀итъ и твоя заносчивая гордость. А я какъ мать, тоже и какъ глава семьи, должна буду сдѣлать свое дѣло, должна же я позаботиться о семьѣ, даже о цѣломъ родѣ. Ты понимаешь ли, о чемъ тутъ дѣло идетъ? Понимаешь ли, что вѣдь ты у меня сынъ единственный, а притомъ и послѣдній въ родѣ?

— Понимаю... и то понимаю... отвѣчалъ онъ, наконецъ, въ чрезвычайномъ волненіи,—но, матушка, объ этомъ я не разъ думалъ... вотъ, съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхалъ въ этомъ домъ нашъ, а

онъ такой, пахнетъ могилой... Я думалъ, когда читалъ тѣ большія книги и когда бродилъ вокругъ нашей могилы... Нѣтъ! что вы ни дѣлайте, такъ тому и быть должно...

Она поглядѣла на него съ особенной пристальностью.

— Что-жъ, можетъ, ты и правъ, сказала она уже тихо,—можетъ, сердце твое почуяло... О, Господи! гнѣвъ ли твой на всемъ нашемъ родѣ?.. Но я, пострадавшая на своемъ вѣку много, а съ помощью Божьей исполнившая весь мой долгъ жены и матери, и теперь передъ концомъ моимъ еще разъ я исполню долгъ матери...

И крѣпко задумавшись, она промолчала нѣсколько минутъ.

— Слушай же, Есафъ Николаевичъ, сказала она затѣмъ, заканчивая свое объясненіе съ сыномъ и уже безъ всякой угрозы,— завтра съ Любашею я поѣду въ Радовицкій монастырь. Хотѣла было проѣхать поближе, въ Голутвинъ, да не могу, не стану смущать души, пришлось бы ѣхать мимо того мѣста... Въ Радовицкомъ монастырѣ мы отговѣемъ, пріобщимся святыхъ таинъ. Потомъ, побываю въ Рязани: надо Алексѣя Саввича упросить, чтобы повременилъ взысканіемъ. Ну, и посовѣтуюсь съ нимъ на счетъ многаго... А затѣмъ, проѣду въ Зарайскій уѣздъ. Скажу прямо, есть тамъ на примѣтѣ невѣста для тебя... Я начну дѣло, тебѣ же его кончать.

— Матушка!.. совсѣмъ напрасно... возразилъ онъ, задыхаясь.

— Не стану я съ тобой спорить!.. Говорю опять, изо всего этого будетъ видно, каковъ ты сынъ и каковъ человѣкъ... А я свое дѣло сдѣлаю!.. Ну, и какъ же, выйдешь изъ моей воли совсѣмъ, или не выйдешь?

Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Я все-таки свое дѣло сдѣлаю! громко и твердо повторила она, уже не относясь къ сыну, и вышла изъ комнаты.

На другой день съ самаго ранняго утра начались окончательные сборы въ дальнее и долговременное путешествіе (Надежда Ивановна предполагала, какъ и объявила она всѣмъ въ домѣ, пробыть въ отсутствіи ни какъ не менѣе четырехъ-пяти недѣль и вернуться домой уже въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца). Послѣ обѣда Надежда Ивановна съ Палашею Бѣгичевою и съ Елизарьевной тронулись въ путь. Съ ней поѣхали: кучеръ Петръ Леонтьевъ и старикъ, выѣздной ея лакей.

На прощаньи уже не было никакого особеннаго разговора между матерью и сыномъ. Вообще, прощанье это было такое холодное, такое печальное, что всѣ домашніе никогда не могли его забыть.

XI.

Послѣ отъѣзда матери, Іоасафъ Николаевичъ впалъ въ какое-то отупѣніе. Онъ ни съ кѣмъ ни слова не вымолвилъ, да и изъ ком-

наты своей, покуда было свѣтло, не выходилъ, а какъ стало смеркаться, ушелъ на свое любимое Облонье, гдѣ и пробылъ всю ночь вплоть до утра. Затѣмъ, опять во весь день ни съ кѣмъ изъ домашнихъ онъ не говорилъ и даже ничего не отвѣчалъ прислугѣ, со страхомъ подходившей къ нему не разъ за приказаніями на счетъ чая, обѣда и еще чего-то по домашнему хозяйству. За обѣденный столъ онъ присаживался, но ничего не ѣлъ и только воду все пилъ очень часто.

Все это замѣтила прислуга — и очень страшилась чего-то, и не знала, что̀ ей дѣлать. Эта молчаливость барина, эта безсонница его, непринятіе пищи, и тоска, тоска столь явная, тревожили всѣхъ чрезвычайно. Прислуга даже много совѣщалась насчетъ того, ужъ не послать ли верховаго нарочнаго въ догонку за барыней, которая, навѣрное, недалеко еще отъѣхала, такъ какъ на перепутьѣ въ монастырь, она, конечно, заночевала у кого-нибудь изъ сосѣдей-помѣщиковъ? Но сообразили, что барыню, отправившуюся на богомолье и для говѣнья въ монастырѣ, не слѣдуетъ тревожить. Затѣмъ, надумывались послать въ городъ за лѣкаремъ, но разочли, что, пожалуй, изъ-за этого баринъ очень разсердится, да и какъ звать лѣкаря: отъ кого посылать за нимъ? и что сказать ему про болѣзнь барина? Наконецъ, хотѣли-было пригласить какого-либо попа изъ сосѣднихъ, макшеевскаго отца Осипа или маливскаго отца Данилу, авось, молъ, разговоритъ попъ барина, а въ случаѣ чего и отчитаетъ; однако, и на этомъ не порѣшили, а рѣшили такъ: «авось, молъ, пройдетъ съ бариномъ, вѣдь, бывало же съ нимъ и допрежде; что тамъ ни придумывай, лучше все оставить на волю Божью».

Впрочемъ, въ то же время, особенныя и довольно странныя обстоятельства отвлекли вниманіе михѣевской домашней прислуги отъ барина.

На другой день по отъѣздѣ Надежды Ивановны, ко времени обѣдовъ деревенскихъ, появился на Михѣевкѣ нищій, чудной такой, доселѣ никогда тамъ невиданный.

Вообще, съ виду, судя по росту и дородству, онъ казался человѣкомъ въ порѣ и въ силѣ, но по лицу его вовсе нельзя было разобрать, молодъ или старъ. Высокій, широкоплечій и тѣломъ дюжій, онъ держался такъ прямо и бодро, а лицо у него было такое темное, словно опаленное или чѣмъ выпачканое; притомъ, одинъ глазъ былъ завязанъ полотенцемъ. Нищій этотъ ходилъ на костыляхъ, правая нога его, согнутая въ колѣнѣ и лежащая на деревяшкѣ, была толсто обверчена тряпицами. Наконецъ, подбородокъ у нищаго закрывался тоже какой-то тряпицею; на головѣ же у него была большая зимняя мужичья шапка.

Обходя изъ двора во дворъ деревню, нищій говорилъ про себя всѣмъ, кто его разспрашивалъ, что съ-измальства онъ калѣка, хромой и кривой: вотъ нога вся въ ранахъ, вотъ глазъ оченно болитъ и

почитай что вытекъ; а родомъ онъ самъ издалека, изъ-за Рязани, ходитъ по міру давнымъ-давно, забрелъ же въ эти мѣста, ему незнакомыя, и не знаетъ какъ.

Кое-кто изъ михѣевскихъ мужиковъ подозрительно взглянули на этого нищаго, уже потому, что обходя деревню, для испрошенія милостыни Христовымъ именемъ, онъ былъ въ шапкѣ; поэтому они и сказали ему напрямикъ, что нынѣ, молъ, и не разберешь какъ-то заправскихъ нищихъ; что они привыкли подавать зазнаемымъ старичкамъ и калѣкамъ; однако, и этому подозрительному всѣ милостыньку подали, хотя и съ неохотою. А невиданный калѣка на непривѣтливыя рѣчи михѣевцевъ не очень-то смиренно отвѣчалъ, что трудненько, молъ, нонѣ жить на свѣтѣ нищей-то братіи, ужъ больно сталъ народъ крѣпокъ да немилостивъ.

Такъ добрался онъ до барской мельницы, на которой сидѣлъ мельникомъ по найму чужой мужикъ изъ Коломенскаго уѣзда. На ту пору мельника дома не было, а жена его, бабенка безтолково-жалостливая и очень словоохотливая, приняла нищаго какъ-нельзя лучше, накормила его, Христа-ради, всѣмъ своимъ обѣдомъ и поразговорилась съ нимъ на досугѣ, благо же онъ зналъ тѣ коломенскія мѣста, откуда она была родомъ.

Мельничиха много разспрашивала нищаго, какъ ему, бѣднягѣ, такому калѣкѣ, живется-можется. Онъ про все разсказывалъ такъ подробно и жалостно, что добрая баба раза два и всплакнула. Но ловко тоже и повыспрашивалъ онъ мельничиху, о чемъ ему было нужно.

На вопросы его она разсказала, что на Михѣевѣ нѣтъ особо богатыхъ мужичковъ, какіе, вотъ, есть въ Коломенскомъ уѣздѣ, зато всѣ живутъ заживно, даже побольше чѣмъ средней рукой; и скотинки всякой немало, и лошадокъ по двѣ, по три на каждый дворъ; а что на барской-то усадьбѣ, такъ ужъ тамъ плохавато: заскудѣли давненько, и больше оттого, что покойный баринъ протягалъ много, да и долго болѣлъ, инда былъ сумашедшимъ; къ тому же старая барыня поисхарчилась довольно, старшую дочь замужъ выдала; а еще къ тому жъ, молодой михѣевскій баринъ словно какой-то непутевой, нето чудной...

О молодомъ баринѣ нищій всего болѣе поразговорился.

— Что жъ онъ, гулящій, что ли, баринъ-то? спросилъ нищій.

— Да нѣтъ же, и того молвить нельзя, отвѣчала мельничиха, — за все время, что дома живетъ, только два разика погулялъ, и то въ Коломнѣ, не на глазахъ у своихъ; а по всякъ-день дома хоша бы рюмочку выпилъ, такъ ихніе дворовые сказываютъ. Только на счетъ другаго дѣльца, ну, тутъ ужъ точно выходитъ и больно нехорошо...

— А что жъ бы такое, хозяюшка?

— Да неподалечку отъ насъ проживаетъ солдатка Маринка, баба

гулящая, такъ баринъ съ нею связался. Грѣхи тяжкіе, что и говорить!

— Грѣхи-то грѣхи. А и то, молодой онъ человѣкъ.

— Знамо, знамо, касатикъ. Оно точно... Да вишъ ты, барыня старая супротивъ идетъ, и Боже мой, какъ гнѣвается! Вотъ, теперича отъѣхала на богомолье и дальше куда-то, а сама всѣмъ объявила: на цѣлый, молъ, мѣсяцъ уѣзжаю, а передъ отъѣздомъ, дворовые сказывали, куда шибко грозила, инда судомъ угрaживала, значитъ жалиться хочетъ.

— Какъ такъ! На кого жъ хочетъ жалиться?

— А надо-быть на ту гулящую солдатку Маринку, зато, вишь, сынка ея какъ есть приколдовала.

Нищій проворно вскочилъ съ лавки, надвинулъ на стриженую голову большую свою шапку (что голова у него коротенько вся выстрижена, какъ у солдата, это хозяйка только теперь вдругъ замѣтила) и посвисталъ такимъ посвистомъ, что ласковая мельничиха, пожалуй, и разсердилась бы за то, если бы не испугалась такъ сильно.

— Что жъ ты это, касатикъ, проговорила она дрожащимъ голосомъ,—нешто годится свистать въ избѣ-то, гдѣ святымъ образамъ молятся?..

— Молчи, баба! сказалъ онъ.—Вижу я, больно нехороши у васъ люди, и господа-то и иные прочіе... Ну, а тебѣ все-таки спасибо скажу на угощеньѣ твоемъ, да и то скажу, больно ты баба болтлива, а такъ-то неладно можетъ быть, и лучше бы тебѣ молчать да помалчивать.

Выйдя тотчасъ же съ мельницы, пошелъ онъ по загуменьямъ михѣевскимъ. Тамъ напали было на него деревенскія собаченки, но онъ высыпалъ для нихъ всѣ куски хлѣба, что понадавали ему подъ окнами, и собаченки отстали. Потомъ, у дороги, ведущей изъ Михѣева въ деревню Зарудню, постоялъ онъ немного, все глядя на михѣевскія гумна, махнулъ на нихъ раза два костылемъ, какъ бы въ угрозу, и наконецъ, шибко пошелъ по направленію къ Маливскому бору, но не по битой дорогѣ, а прямо по жнивью. Все это хорошо видѣли пастухъ и подпасокъ михѣевскіе, но какъ люди чужіе, нанятые, разсказали о томъ на Михѣевѣ гораздо послѣ, такъ что уже и некстати это было.

Но скорёхонько и дворня михѣевской господской усадьбы приведена была въ крайнее изумленіе и большой испугъ двумя обстоятельствами, изъ которыхъ одно могло казаться диковиннымъ только по домекамъ, а другое было тревожно безъ всякаго сомнѣнія.

Въ тотъ же день, какъ появлялся нищій на Михѣевкѣ, наѣхалъ подъ вечеръ въ господскую усадьбу тоже странный человѣкъ. Онъ былъ верхомъ на отличномъ рыжемъ конѣ и, повидимому, вовсе не прасолъ, хотя именно прасоломъ объявился онъ прикащику Петру

Леонтьеву. Высокорослый, плечистый, онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ крѣпко, но не по-прасольски, не сгорбившись, не распущенно, а какъ бы по-военному; да и одежа и обувь его были не прасольскія: на немъ былъ не запыленный и замасленный чекмень, а казакинъ изъ синяго тонкаго сукна новёшенькій и черезчуръ нарядный, на немъ же были сапоги не высокіе, выше колѣнъ, смазные, но простые, дырявые, съ короткими порыжѣлыми голенищами; да и бросались въ глаза: огромная мужичья шапка, надвинутая на лобъ по самыя брови, и красный шелковый платокъ, которымъ была обвязана нижня часть лица.

Онъ прямо объявилъ, что ему безпремѣнно надо видѣть барина, дабы переговорить насчетъ пастьбы гуртовъ по михѣевской отавѣ. Прикащикъ Леонтьичъ отвѣчалъ, что молъ, нельзя теперь видѣть барина, такъ какъ онъ боленъ, и что если нужно ему, прасолу, договориться объ отавѣ, такъ можно сдѣлать это и съ нимъ, прикащикомъ. Но прасолъ настойчиво требовалъ свиданія именно съ бариномъ.

— Да я-жъ тебѣ сказывалъ, возразилъ прикащикъ,—что никакъ нельзя видѣть барина: боленъ, ну, и какъ ты къ нему подступишься?..

— Боленъ!.. знаемъ, что̀ за болѣзнь барская бываетъ... протяжно молвилъ прасолъ,—а ты зналъ бы да вѣдалъ, что я получше всякихъ вашихъ докторовъ могъ бы вылѣчить вашего барина... Ну, да что съ тобой толковать, дуракъ ты настоящій!

И вслѣдъ за этимъ онъ еще выпустилъ нѣсколько крупныхъ ругательствъ, даже погрозился на Леонтьича нагайкою, какъ будто хотѣлъ ударить его, и скокомъ во всю прыть своего коня исчезъ изъ усадьбы не по направленію къ селу Дѣднову, или къ деревнѣ Заруднѣ, откуда и куда только и была дорога для прасоловъ, но по направленію именно къ деревнѣ Андреевкѣ, гдѣ ничуть нельзя было раздобыться отавою.

Прасола этого, который разговаривалъ съ Петромъ Леонтьевымъ въ самыхъ воротахъ барской усадьбы, видѣли многіе изъ дворни; видѣла его и мельничиха, приходившая тогда зачѣмъ-то на барскій дворъ.

— Родименькой, дядя Леонтьичъ, сказала она прикащику, какъ только уѣхалъ прасолъ,—да вѣдь это, побожиться не грѣхъ, словно тотъ самый нищій, что давича былъ на деревнѣ и на мельницу заходилъ... Хоша и глазъ у него теперича не завязанъ и нога не на костыляшкѣ, и одѣтъ инаково, а говоритъ, вотъ, истово, какъ тотъ оглашенный, да и шапка на немъ та же... Родименькой! что-жъ это теперича будетъ?..

— То и будетъ, отвѣчалъ Леонтьичъ,—что того гляди въ темную ночку «гости» къ намъ пожалуютъ. Недаромъ и нищій тотъ, и прасолъ-то, смекать надобно, повысмотрѣть у насъ хотѣли, кабыть,

на старину такъ-то похоже... А слышно, что въ лѣсу вкругъ Поповки, да и по дорогѣ къ селу Троицѣ стали оченно пошаливать... То-то, глупая ты бабенка, ну, зачѣмъ принимала нищаго?.. Да и разболталась же, чай, съ нимъ...

XII.

Но и нищій и прасолъ скоро были позабыты: случилось нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ появленіе этихъ загадочныхъ личностей.

Съ вечера и ночью—въ ночь уже августовскую, мглистую, предвѣстницу мрачныхъ осеннихъ ночей, Іоасафъ Николаевичъ снова бродилъ на своемъ Облоньѣ. Мглистая ночь, тишина по всей окрестности, одиночество въ темномъ полѣ, должно быть, успокоивали его, или по крайней мѣрѣ давали просторъ крѣпкому какому-то его думанью. Но одного человѣка въ михѣевской дворнѣ чрезвычайно пугали теперешнія прогулки Іоасафа Николаевича; то былъ вѣрный слуга его, Макарка.

Съ тѣхъ поръ, какъ Надежда Ивановна выѣхала изъ Михѣева, онъ постоянно слѣдилъ за своимъ бариномъ, но издали, стараясь не показываться ему на глаза, чтобы не обезпокоить, не разсердить его. Началъ онъ этотъ надзоръ, не отдавая себѣ отчета, для чего онъ нуженъ; но послѣ появленія нищаго и прасола, ему вообразилось, что баринъ въ ночныхъ своихъ прогулкахъ подвергается большой опасности, что, можетъ быть, какой нибудь лиходѣй хочетъ извести его. Странная мысль эта не давала ему покоя и онъ сказалъ прикащику, что надо безпремѣнно караулъ нарядить вкругъ Облонья: «какъ бы, молъ, не приключилося тамъ бѣды какой отъ лиходѣевъ». Прикащикъ же нашелъ это «глупо-придуманнымъ»: «хоша баринъ, молъ, и бродитъ по ночамъ на Облоньѣ, такъ ничего ему тамъ не подѣлается, не украдутъ же его оттолѣ, а тутъ, того гляди, какъ бы лошадей крестьянскихъ съ «ночнаго» не угнали»... И вотъ, Макаркѣ пришлось одному присматривать за бариномъ.

Въ ту ночь, когда случилось особенно-важное для всѣхъ событіе, онъ по какому-то инстинктивному предчувствію рѣшился быть какъ можно ближе къ барину и подкрался къ нему ползкомъ по кустамъ на разстояніе какихъ нибудь саженей десяти. Изъ-за пня, густо обросшаго орѣшникомъ, онъ все время могъ довольно хорошо видѣть Іоасафа Николаевича.

И вдругъ, увидѣлъ онъ, что къ барину, сидѣвшему на пнѣ, быстро-быстро откуда ни взялась, словно вынырнула изъ болотистаго конца пруда, приблизилась какая-то фигура, высокая-высокая, какъ показалось сначала Макаркѣ.

Іоасафъ Николаевичъ пронзительно вскрикнулъ, когда эта фигура прикоснулась къ нему рукою. Макарка вскочилъ-было въ

своей засадѣ, чтобы бѣжать къ барину, но тотчасъ же опустился въ свой кустъ. Оказалось, что ненадо кидаться на помощь: фигура та была знакомая—удалая солдатка Марина Прокофьевна.

— Маринушка!.. Маринушка!.. восклицалъ баринъ сквозь рыданія, которыя такъ явственно слышны были въ его прерывистомъ голосѣ:—ты ли это, наконецъ?.. Нѣтъ! ужъ не во снѣ тебя вижу!.. О, спасай, спасай меня!.. И не знаю, какъ быть, что дѣлать... Руки хотѣлъ наложить на себя, но одно остановило... Ты мнѣ скажи... все скажи... А самъ я, самъ все не знаю, не знаю...

Его слова, хоть и сквозь рыданія произносимыя, были хорошо слышны; но словъ Марины Макарка не могъ разслышать. Только видно было ему, что она, склонившись надъ нимъ, какъ мать надъ больнымъ ребенкомъ, успокоиваетъ, «голубитъ» его. И довольно долго тянулось это жалкое успокоиванье, все слышались плачъ и прерываемый лепетъ несчастнаго. Наконецъ, онъ приподнялся съ своего пня и (такъ показалось Макаркѣ) приподнялся-то насилу-насилу, шатаясь словно пьяный или совсѣмъ изнемогшій старикъ.

— Пойдемъ... пойдемъ теперь отсюдова, сказалъ онъ Маринѣ:—ты веди меня, веди, веди!... Самъ не найду дороги... Я за тобой... я къ тебѣ...

— Не близкое дѣло ко мнѣ, отвѣчала она громко, рѣзко и повелительно,—отведу я тебя въ твой барскій домъ. Знамо, тамъ неприволнѣе будетъ, чѣмъ въ нашей-то хибаркѣ... Ну, да пожалуй, благо старая барыня съ дочкою надолго уѣхали, пожалуй и я ночку-другую пробуду у тебя. А ты, темноглазенькой, угости меня за то хорошенько твоими барскими хлѣбами.

Онъ что-то крикнулъ на это лишь нѣсколько словъ, крикнулъ такъ, словно испугался (какъ разсказывалъ Макарка). Но затѣмъ баринъ и Марина, — она, обхвативши его рукою, пошли тихонько къ дому. Поползъ и Макарка изъ своей засады, не слѣдомъ за напередъ ушедшими, а стороной, кустами, по направленію къ пчельнику, чтобы оттуда, перелѣзши черезъ садовую изгородь, добѣжать садомъ до барскаго дома, прежде чѣмъ дойдутъ до него баринъ и Марина.

Перелѣзая черезъ изгородь, Макарка вдругъ услыхалъ неясный и отдаленный крикъ словно ночной птицы, крикъ, какимъ недавно вызывалъ Маринку братъ ея, и вслѣдъ за этимъ уже явственно послышался конскій топотъ, отдаляющійся по направленію къ деревнѣ Андреевкѣ. Перекрестился испуганный малый и лётомъ-полетѣлъ по саду.

Онъ встрѣтилъ барина и «гостью» на крыльцѣ со свѣчею, усердствуя посвѣтить имъ и показать тоже свою исправность, но за усердіе и за исправность досталось ему.

— Сарафанникъ-то нашъ! сказала Маринка и погрозила малому,—ты, сарафанникъ, съ чего такого больно исправенъ? Со свѣчкой на

крыльцѣ встрѣчаетъ, словно дали ему знать, что сейчасъ придемъ... Подглядывалъ, подкарауливалъ за бариномъ, вѣдь и замѣтно, запыхался, изъ лица побѣлѣлъ... Смотри ты у меня! Я и сама мастерица большая подкарауливать.

Она вошла въ домъ, «какъ истая барыня, вѣдь экая смѣлая!» разсказывалъ Макарка. Какъ истая барыня, твердо и строго на самыхъ первыхъ порахъ стала она и распоряжаться всѣмъ.

— Проголодалася, мало ли прошла и проѣхала, и опять-таки шла, оченно проголодалася, сказала она, — а вели-ко, темноглазенькой, ужинать поскорѣе давать и винца чтобы подали, и наливочки подслащенной, въ барскомъ дому всего надо быть вдоволь... Нутка, сарафанникъ, поворачивайся!

А между тѣмъ, она быстро ходила по всему дому, заглядывала почти во всѣ комнаты, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ заперлись старикъ Суховерковъ и кривая Анна Петровна, да еще тѣхъ, въ которыхъ помѣщались завсегда Надежда Ивановна и дочь ея младшая. Ходилъ тоже за нею Іоасафъ Николаевичъ, и чудёнъ, чудёнъ онъ былъ тогда, по словамъ Макарки: длинные его волосы падали ему почти на глаза, голова низко опущена, блѣденъ онъ былъ чрезвычайно, и иногда сильная дрожь потрясала его съ головы до ногъ.

Изо всѣхъ комнатъ стараго п — скаго дома одна наибольше понравилась Маринѣ Прокофьевнѣ. То была большая зала, со «штучнымъ», растрескавшимся и скрипучимъ поломъ, съ высокимъ потолкомъ, украшеннымъ лѣпной работою, но сильно потемнѣвшимъ отъ времени. Въ одномъ углу была огромная изразцовая съ синими фигурами печь, въ другомъ — огромный же закоптѣлый каминъ. Вдоль стѣнъ, покрытыхъ ветхими и тоже очень потемнѣвшими обоями, тѣсно лѣпились стулья съ высокими рѣзными спинками, съ подушками изъ черной кожи. На стѣнахъ висѣли тѣ картины, часть которыхъ я еще видѣлъ въ дѣтствѣ моемъ. На концѣ залы, противоположномъ камину, висѣла въ длинной рамѣ еще картина (которой я уже не засталъ), внизу ея были изображены съ одной стороны какой-то воинъ въ шишакѣ и кольчугѣ, съ другой—лежащій на землѣ голый старикъ съ косою въ рукѣ, а отъ воина тянулось вверхъ дерево, по вѣтвямъ котораго раскиданы были, то по одиночкѣ, то въ рядъ, большіе и малые кружки.

На все это «гостья» обратила вниманіе и обо всемъ разспрашивала. Но особенно поразилъ ее общій видъ комнаты.

— Домина старинный, большущій, передавала она вслухъ свои впечатлѣнія:—а вотъ эта большущая, сарай-сараемъ горница, холодная что-ль она, да и темная такая,—инда жутко и скучливо въ ней... Ну, а все-таки здѣсь, здѣсь ужинать будемъ, мнѣ здѣсь ка-быть полюбилося... Ахъ, и жаль что не зима, не осень теперича, а то затопить бы печку тутъ, посвѣтлѣй было бы да и не такъ страховито...

— Камелёкъ, вотъ,—можно сейчасъ... промолвилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Какой-такой камелёкъ?

— Каминомъ тоже называется, вмѣшался съ поясненіемъ Макарка.

— Молчи, молчи ты! Не хочу я съ тобой растабарывать! прикрикнула на него Марина Прокофьевна и, выхвативъ свѣчу изъ его рукъ, стала разсматривать картины на стѣнахъ.

— Бородатые... лица такія... все больше старики, а есть и молодые... Сердитые, что-ль? Да нѣтъ! не сердитые... вотъ, сказать не умѣю... говорила она, обходя картины и съ величайшей внимательностью вглядываясь въ ихъ потускнѣвшія изображенія.

Не вдругъ приступила она къ разспросамъ, какъ будто самой хотѣлось ей догадаться, кого изображаютъ картины. Но это ей не удалось.

— Кто-жъ такіе?.. спросила она, наконецъ, тихимъ, словно робкимъ голосомъ.

— Апостолы, коротко и какъ бы нехотя отвѣчалъ дядя.

— Апостолы?.. Святые!.. Образа̀, что ли?.. Какъ же такъ?.. По всѣмъ-таки стѣнамъ, словно въ церкви... А тутъ столъ, надо быть обѣденный, и лампадокъ нѣту...

— Это не иконы, а простыя картины.

— Нѣтъ! не годилось бы такъ-то считать ихъ, промолвила она задумчиво и приподняла-было руку, словно хотѣла перекреститься,— ну, да что̀ тутъ; вы, вѣдь, баре, у васъ инаково.

Заняла ее и картина супротивъ камина.

— А это что̀? опять спросила она.

— Родословное дерево, тихо отвѣчалъ Іоасафъ Николаевичъ. Но вдругъ, съ какой-то энергіей, даже съ видимымъ гнѣвомъ, онъ вырвалъ свѣчу изъ рукъ Марины и близко подошелъ къ картинѣ.

— Да! родословное дерево... повторилъ онъ, отвѣчая уже самому себѣ на какую-то мысль.—Одного кружка тутъ нѣтъ... И незачѣмъ, послѣдняго незачѣмъ...

Марина поглядѣла на него съ удивленіемъ и отошла къ сторонкѣ. Потомъ стала ходить по комнатѣ, какъ будто желая согрѣться.

— Ну, Макарушка, сказала она, уже ласково обращаясь къ малому:—здѣсь, такъ здѣсь ужинать. Хорошо бы затопить сначала этотъ вашъ камелёкъ, да нѣтъ! пускай потемнѣе въ горницѣ будетъ, а то, вонъ, со стѣнъ больно строго смотрятъ...

Макарка проворно поставилъ два прибора на большомъ, раздвижномъ столѣ, стоявшемъ посереди залы (На два прибора накрывать крѣпко не хотѣлось-было малому, но, пораздумавъ, онъ все-таки сдѣлалъ, «какъ приходилось по-неволѣ сдѣлать»).

Однако, не угодилъ онъ бойкой гостьѣ. Сильно она напустилась на него за то, что не оказалось въ домѣ ни вина, ни наливки,—все

было заперто барынею передъ ея отъѣздомъ. Марина «и слышать про то не хотѣла», приказывала непремѣнно достать у прикащика или простой наливки, или хоть простаго «пѣннику»; но прикащикъ, конечно, не обрадовавшійся барской гостьѣ, отвѣчалъ черезъ Макарку, что, дескать, и самъ не пьетъ, и для иныхъ прочихъ никакой выпивки не держитъ. Марина разгнѣвалась такъ, что даже Іоасафъ Николаевичъ встрепенулся и сталъ ее унимать.

Ужинъ, по тогдашнему довольно изобильный, прошелъ скучновато; гостья все жаловалась, что «запить ѣду нечѣмъ»; съ насмѣшкою раза три упомянула, что вотъ, молъ, темноглазенькому баринку и въ своемъ дому воли нѣтъ; поразговорилась бы она, можетъ быть, и побольше насчетъ этого, но Іоасафъ Николаевичъ, съ котораго спало-таки его отупѣніе, поглядѣлъ на нее очень-очень пристально, и она замолчала. Впрочемъ, подъ конецъ ужина она на своемъ поставила; рѣшено было, что въ ночь же Макарка отправится въ Коломну и привезетъ всего, что надобилось по желанію гостьи; Іоасафъ Николаевичъ повторилъ всѣ ея приказанія безъ всякой отмѣны и перемѣны и отдалъ на покупки большую часть денегъ, оставленныхъ ему матерью на домашній обиходъ и на всякъ-случай.

Глубокая тишина воцарилась затѣмъ въ домѣ. Но прислуга и приживальцы не спали цѣлую ночь. Всѣхъ донимала тяжелая и смутная тревога. И было то не безпокойное, до высшей степени возбужденное любопытство, удовлетворить которому не представлялось возможности, не ожиданіе чего-то необычайнаго и можетъ быть грознаго, а нѣчто иное, именно смутное, непонятное, а потому и давящее такъ тяжело. Прислуга собралась въ задней комнатѣ, въ обширной дѣвичьей, и молча сидѣла, и никто изъ ней не подумалъ пройти по дому, посмотрѣть, послушать, потолковать съ Макаркою, хотя всѣхъ на то подмывало. Нѣсколько разъ приживальцы—Анна Петровна и старичекъ Суховерковъ входили на цыпочкахъ въ дѣвичью, но и они ни съ кѣмъ не заговорили. Только Суховерковъ подъ конецъ произнесъ въ полголоса: «даже... даже страшно какъ-то!» и тотчасъ же смутное чувство страха отразилось на всѣхъ; всѣ стали креститься и вздыхать о чёмъ-то.

XIII.

Макарка, сообщившій на другой день всѣмъ и каждому подробности появленія Марины на Облоньѣ и всего, что затѣмъ произошло въ залѣ и за ужиномъ, закончилъ свой разсказъ такими словами: «ну, вотъ, и залетѣла ворона въ высокія хоромы!» Но онъ былъ малый «пустельга», по оцѣнкѣ дворни, которая, какъ я уже говорилъ, не любила его. Дворня эта, по-своему, гораздо серьёзнѣе опредѣлила, что̀ значило водвореніе удалой солдатки въ михѣевской

усадьбѣ. Всѣ старики, которые разсказывали мнѣ о тогдашнихъ происшествіяхъ, обыкновенно въ одинъ голосъ говорили: «А вошла эта лиходѣйка въ нашъ барскій домъ, все равно, какъ огонь!..»

Она, и точно, вошла «какъ огонь». А огонь этотъ попалилъ многое и многихъ.

Началось, пожалуй, «съ малаго». Началось съ тѣхъ людей, что съиздавна пріобыкли имѣть въ п—скомъ домѣ спокойное пристанище, а притомъ находить тамъ постоянно, отъ добраго за ними призору, душевное утѣшеніе во всякой ихъ скудости, немощи и скорби.

Напередъ кривая Анна Петровна подняла свои крылышки.

На другой же день, какъ водворилась Марина въ домѣ, Анна Петровна ранехонько сбѣгала на деревню, подрядила подводу свезти ее куда-то за Оку, въ Коломенскій или Зарайскій уѣздъ, и, затѣмъ, уложивши на подводу весь свой скарбъ, стала ожидать пробужденія Іоасафа Николаевича, чтобы распроститься съ нимъ. Сердитая старуха ждала съ нетерпѣніемъ и громко передъ прислугою жаловалась, что «вотъ, молъ, изъ-за баловства своего окаяннаго, благодѣтель-то этотъ, новый помѣщикъ михѣевскій, задерживать изволитъ ее, сироту горькую».

А на самомъ дѣлѣ, онъ нисколько не задерживалъ: всталъ онъ довольно рано, впрочемъ, позднѣе чѣмъ изготовилась Анна Петровна къ отъѣзду, и тотчасъ началъ расхаживать по дому. Повидимому, онъ былъ тогда въ хорошемъ, совершенно спокойномъ расположеніи духа: лицо было такое свѣтлое, на устахъ играла улыбка. Только одно было странно: онъ какъ будто не понималъ рѣчей, очень короткихъ, простыхъ и внятныхъ, съ которыми къ нему обращались: и прикащикъ о чемъ-то насчетъ луговъ, и поваръ насчетъ обѣда, и прочіе люди изъ прислуги, кому за чѣмъ либо надобно было къ нему.

— Прощайте-съ, батюшка, Есафъ Николаевичъ, сказала Анна Петровна, когда онъ вошелъ, наконецъ, въ чайную, гдѣ старуха его дожидалась: — прощайте-съ, лихомъ не извольте поминать, а признаться, и ни въ чемъ-то, какъ есть, я не виновата передъ вами... Родителевъ вашихъ должна по гробъ моей жизни помнить за всѣ ихнія милости ко мнѣ, сиротѣ...

— Значитъ... началъ было Іоасафъ Николаевичъ, но остановился на одномъ этомъ словѣ—и какъ-то странно улыбнулся.

— Да что, значитъ... А значитъ то, батюшка, что я не хочу-таки быть вамъ помѣхою при теперешнихъ этихъ дѣлахъ, что тутъ завелися... По откровенности, по простотѣ моей говорю-съ... Такъ-то! разведя руками, объяснила старуха, очень разсерженная и неотвѣтомъ на ея прощанье, и самой той улыбкою, которая показалась ей насмѣшливою.

Но онъ нисколько не замѣтилъ раздраженія приживалки.

— Право, Анна Петровна, мнѣ какъ-то весело, весело... сказалъ онъ, и слово: «весело» повторилъ еще нѣсколько разъ.

— Весело? повторила старуха.—Можетъ, вамъ и весело... Только я, батюшка, слыхала, что на грѣшныхъ-то дѣлахъ веселье не возрастаетъ. Ну, да вы — люди ученые, образованные... А какъ бы, батюшка, опосля не спокаяться!

Онъ опять улыбнулся, но уже ничего не отвѣчалъ (можетъ, и не слыхалъ, что ему сказали) и отошелъ отъ Анны Петровны, разсѣянно поглядывая по сторонамъ.

А она была раздражена въ высшей степени невниманіемъ къ ней со стороны «этого благодѣтеля». Ѣхать давно была пора и подводчикъ много разъ о томъ напоминалъ, но она пробыла въ домѣ еще часа два-три, все толкуя прислугѣ, что «при такихъ-то порядкахъ, какіе тутъ пошли,—пускай же всякъ знаетъ и вѣдаетъ,—скорехонько будетъ бѣда, и бѣда большая...»

— Напророчила злющая яга-баба! часто говорили потомъ михѣевскіе челядинцы.

Маринѣ Прокофьевнѣ,—не такъ, какъ барину,—поспалось тогда. Она встала уже вкругъ полдёнъ и, должно быть, встала лѣвой ногой, сердитая-пресердитая. Всего болѣе досталось Макаркѣ, который, однако, очень аккуратно исполнялъ всѣ ея порученія. Она придиралась къ нему и бранила его всякій разъ, какъ онъ попадался ей на глаза, и было замѣтно, что есть у ней какая-то особенная причина для придирокъ.

Впрочемъ, скоро все обнаружилось. Передъ самымъ обѣдомъ, Марина спросила малаго:

— Заѣзжалъ ты въ хибарку?

— А вы же не приказывали, отвѣчалъ онъ.

Она прыгнула къ нему, какъ рысь, и чисто бѣшеный крикъ ея огласилъ весь домъ. Михѣевская дворня ничего подобнаго еще и не слыхивала; правда, всѣ помнили про вопли несчастнаго барина Николая Михайловича, но тѣ вопли были совсѣмъ иные.

Разомъ покинуло Іоасафа Николаевича странно-веселое его настроеніе; онъ былъ крайне испуганъ неистовствомъ своей любовницы. Онъ сталъ было успокоивать ее, но его собственное безпокойство было такъ велико,—дрожа, какъ въ лихорадкѣ, онъ все метался по комнатѣ и подбѣгалъ то къ Маринѣ, съ несвязными словами, то къ Макаркѣ, съ какими-то угрозами.

Но, вотъ, нѣчто опредѣленное выразилось въ его словахъ.

— Маринушка! проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, — да уйдемъ же отсюда, уйдемъ даже сейчасъ!.. Я вѣдь говорилъ тебѣ,— ну, какъ можно здѣсь оставаться? здѣсь домъ несчастный... Мы у тебя, тамъ будемъ жить!

— Ничего ты не знаешь, мрачно отвѣчала она.

— Я знаю одно, твердилъ онъ,—здѣсь мнѣ нельзя, здѣсь такъ

мрачно, холодно... Я съ тобой хочу жить, въ твоей хибаркѣ... Ну, пойдемъ же, пойдемъ туда!

— Нешто тамъ можно?.. Пропала хибарка!

— Пропала!.. Сгорѣла, можетъ? Не сожгли-ль злые люди?..

— Сгорѣла ли, нѣтъ ли, все равно — пропала... Эхъ, темноглазенькой мой! Коли бъ купчикомъ ты уродился, лучше было бы... Бѣлоручки вы, дворянчики... Ну, да полно, полно тебѣ тосковать!

Она пересилила себя мгновенно, унялась кричать и злобиться на Макарку, пересилила, должно быть, именно оттого, что ее поразила та степень странности въ Іоасафѣ Николаевичѣ, которая подмывала его, забывъ все на свѣтѣ, покинуть родной домъ и жить съ нею въ хибаркѣ. Тотчасъ стала она ласкать, ублажать своего «бѣлоручку-дворянчика» — и нѣжны, нѣжны были ея ласки. Наглядѣвшись на нихъ тогда, Макарка часто потомъ вспоминалъ и говаривалъ: «А что любила Маринка нашаго барина, такъ ужь это вѣрно!»

Она какъ будто нарочно не прогнала Макарку и сдѣлала его невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ ублажаетъ, какъ любитъ она своего темноглазенькаго барина. Макарка ей понадобился. По-прежнему, разбитная, веселая, она, унимая тоскливую тревогу Іоасафа Николаевича, запѣвала тоже хорошія пѣсни, вскакивала, приплясывала и заставляла Макарку плясать.

— Эхъ, сарафанникъ! говорила она,—только на плясъ тебя и взять, да и то не изъ пущихъ ты плясуновъ.

Какъ сонъ, промелькнула вспышка неистовой раздражительности въ Маринѣ Прокофьевнѣ. А кстати сказать, съ той поры, во все свое пребываніе въ п—скомъ домѣ, Марина обращалась съ прислугою, а въ томъ числѣ и съ Макаркою, привѣтливо и ласково; правда, на самомъ концѣ, обнаружилось, что, кромѣ нескончаемой веселости, таятся въ душѣ ея и иныя силы,—впрочемъ, то вышло по особому поводу, и о томъ будетъ послѣ.

Но та вспышка Марины оставила сильное впечатлѣніе на Іоасафѣ Николаевичѣ. Довольно легко поддался этотъ жалкій, несчастный человѣкъ нѣжнымъ ласкамъ любовницы,—онъ самъ ласкалъ и голубилъ ее тогда, но уже не развеселился. Покинула его навсегда и та задумчивая веселость, которая помѣшала ему распроститься съ сердитой приживалкой.

Его вниманіе обращено было на домъ, на всю его внѣшность и внутренность. Онъ часто обходилъ его кругомъ и все осматривалъ, какъ заботливый хозяинъ, задумавшій капитальныя въ немъ перестройки. И только пѣсни и ласки Марины отвлекали его отъ этого занятія; однако, и Маринѣ не сообщилъ онъ о томъ, что было у него на мысли при такомъ постоянномъ и внимательномъ осмотрѣ дома; впрочемъ, и она этимъ нисколько не интересовалась.

Но прикащикъ Петръ Леонтьевъ очень интересовался. Онъ даже обрадовался, увидавъ, какъ баринъ занимается насчетъ дома; стало быть, затѣваетъ перестроить домъ, а затѣетъ это, смотришь, кинетъ ради дѣла и эту блажь свою съ солдаткой Маринкою. Такими же соображеніями утѣшали себя и другіе старшіе люди михѣевской дворни. И всѣ тутъ очень ошиблись.

Іоасафъ Николаевичъ имѣлъ тогда на мысли нѣчто совсѣмъ иное, конечно, еще смутно представлявшееся, только чудившееся ему въ темныхъ, зыбкихъ, чрезвычайно бѣгучихъ очертаніяхъ. Больное воображеніе его не создавало еще никакой цѣльной картины. Онъ не готовъ еще былъ къ какому нибудь рѣшенію. Онъ и подготовлялся къ нему совершенно безсознательно. Окончательное рѣшеніе должно было послѣдовать не отъ его воли, хотя зародилось оно именно отъ нея.

А между тѣмъ, этотъ старинный п—скій домъ былъ оживленъ въ то время постояннымъ весельемъ. Марина Прокофьевна хотѣла веселиться, и какъ можно шумнѣе, разгульнѣе. Можетъ быть, то было недаромъ, нестолько для развлеченія и развеселенія миладруга, сколько для того именно, чтобы заглушить въ себѣ самой тайное безпокойство,—послѣдствія показали, что ей было тогда о чёмъ безпокиться. И вся михѣевская дворня должна была веселиться. Началось съ самыхъ дѣтей и подростковъ, кончилось же стариками. Марина Прокофьевна всѣхъ усердно угощала, всѣмъ раздавала подарки. За угощеньями, за подарками, втеченіе первой недѣли пребыванія веселой гостьи въ п—скомъ домѣ, Макарка уже три раза успѣлъ съѣздить въ Коломну. И на все деньги давала Марина.

Подчинялись же ей въ домѣ всѣ безпрекословно. Воля ея господствовала вполнѣ. Ужъ какъ и отчего сталось это,—михѣевскіе дворовые немало дивовались тому впослѣдствіи и даже были убѣждены, что тутъ не обошлось безъ нечистой силы, что тутъ именно «врагъ» всѣхъ попуталъ. Ну, и какъ же, въ самомъ дѣлѣ? Тогда еще продолжался Успенскій постъ, столь уважаемый въ народѣ, а они, михѣевскіе дворовые, какъ истые оглашенные, ѣли-то хоть и постное, но пили не по-постному—пьянствовали такъ, какъ доселѣ никогда не доводилось въ этомъ домѣ, издавна тихомъ и печальномъ, и мало того,—ужъ чисто грѣшнымъ дѣломъ, по вечерамъ, дворовая молодежь, съ добавленіемъ къ ней молодежи съ деревни, пѣла развеселыя пѣсни и даже плясала, а люди постарше годами смотрѣли на это съ удовольствіемъ, участвовали въ общемъ весельѣ мыслью и дѣломъ, такъ какъ нерѣдко и изъ пожилыхъ кое-кто присоединялся къ хору поющихъ, даже къ хороводу пляшущихъ. Такъ было въ упомянутое время, когда «гостья» сразу перемѣнила всѣ порядки въ п—скомъ домѣ.

Только два человѣка не участвовали въ тогдашнемъ весельѣ.

Самъ баринъ, для котораго, по словамъ Марины Прокофьевны, и устраивалось все это, былъ равнодушенъ, постоянно холоденъ, и нельзя было разобрать: доволенъ или недоволенъ онъ шумнымъ, совсѣмъ на новый ладъ, движеніемъ въ домѣ. Подчасъ Марина говорила ему, что «хорошо, молъ, веселятся всѣ, и для него, надо-быть, утѣшно смотрѣть на такое веселье». Но онъ на это всегда отвѣчалъ: «а пусть ихъ!»—и только. Задумчивость его была сильна попрежнему, онъ все занятъ былъ осмотромъ дома и какими-то особенными относительно его соображеніями.

А еще старичекъ Суховерковъ очень нерадъ былъ тому, что̀ вдругъ развелось въ михѣевской усадьбѣ. Изъ-за этого онъ «даже сна лишился», какъ жаловался онъ прикащику Петру Леонтьеву, который, кстати сказать, легкомысленно увлекся тогда общимъ соблазномъ и тоже много гулялъ. Но и въ самомъ дѣлѣ, старый приживалецъ, уже болѣе десяти лѣтъ вкушавшій здѣсь совершенный покой, не спалъ теперь по цѣлымъ ночамъ. Отъ безсонницы онъ сталъ даже хворать. И несомнѣнно, что причиною этой безсонницы и этой болѣзни было не одно лишь нарушеніе обыкновеннаго образа его жизни, но и горькое сожалѣніе о водворившихся въ п—скомъ домѣ неладномъ шумѣ, почти безпрерывной и безобразной гульбѣ, а притомъ всяческомъ непорядкѣ и соблазнѣ, изъ-за которыхъ, по мысли старика, должно было непремѣнно произойти много вреднаго, погубнаго. Что голова Суховеркова была наполнена именно такими горестными мыслями, видно изъ того, съ какою, несоотвѣтствующею для его старческой немощи, рѣшимостью вдругъ поднялся онъ съ давно обсиженнаго мѣста и пустился—не то, чтобы искать себѣ новаго пріюта, а на продолжительное набожное странствованіе и ради того, какъ онъ проговорился Петру Леонтьеву, чтобы помолиться во святыхъ обителяхъ обо всѣхъ соблазненныхъ суетою міра сего и съ праваго пути сбившихся...

Всѣ пожитки онъ оставлялъ въ п—скомъ домѣ и наказывалъ черезъ прикащика, чтобы, въ случаѣ его смерти во время путешествія, принадлежащія ему вещи были бы проданы по вольной цѣнѣ, а вырученныя за нихъ деньги розданы были бы нищей братіи. Это устное завѣщаніе, для большей его крѣпости, онъ сдѣлалъ при свидѣтеляхъ: старшихъ дворовыхъ и старостѣ сельца Михѣева.

Затѣмъ, онъ собрался идти пѣшкомъ,—что было ему и не подъ силу, но такъ подобало это для предположенной имъ цѣли. И отнюдь не послѣдовалъ онъ примѣру сердитой Анны Петровны: ничѣмъ и никого, даже за-глазно, не упрекнулъ за то, что пришлось ему такъ внезапно разстаться съ теплымъ, уютнымъ угломъ.

Хозяину дома онъ не сообщалъ, предварительно, о своемъ намѣреніи, да въ этомъ и не представлялось надобности, такъ какъ

рѣшился онъ вдругъ и сборы его были не долгіе, и только когда пришелъ уже попращаться, сказалъ онъ просто, что задумалъ, дескать, сходить помолиться Господу Богу, у святыхъ угодниковъ, въ разныхъ обителяхъ почивающихъ.

Иначе, чѣмъ съ Анной Петровной, простился Іоасафъ Николаевичъ со старикомъ Суховерковымъ. Блажныя мысли уже не мутили тогда его голову какимъ-то страннымъ весельемъ, мѣшавшимъ ему прислушиваться къ чужимъ рѣчамъ. Онъ хорошо понялъ, чтò говорилъ старикъ.

И видимо огорчило его, что старикъ уходитъ такъ, словно по-нищенски: во фризовой истасканной шинели, въ истоптанныхъ, мягкихъ лаптяхъ, съ кожаной сумкою за плечами. Онъ вдругъ вспомнилъ, что этотъ дальній родственникъ его отца, прожившій въ михѣевскомъ домѣ болѣе двадцати лѣтъ, пользовался особеннымъ вниманіемъ его матери, Надежды Ивановны, какъ за свою кротость и доброту, такъ и за то, что въ жизни своей много претерпѣлъ всякаго горя.

— Но скоро осень, дожди холодные начнутся, сказалъ Іоасафъ Николаевичъ. — Какъ можно вамъ при вашей старости пѣшкомъ отправляться? вѣдь это же такъ трудно,—право, вамъ не подъ силу... Еще бы въ Голутвинъ монастырь, или въ Радовицы, а то вы говорите, что намѣрены обойти еще нѣсколько обителей... Подождите, по крайней мѣрѣ, пока возвратится матушка.

— Ждать-то мнѣ всего труднѣе; какъ ждать, когда мнѣ доходитъ уже восьмой десятокъ? отвѣчалъ старикъ.—А Надежда Ивановна и такъ знаетъ про давнишнее мое желаніе потрудиться передъ смертью,—сходить по святымъ угодникамъ. Да и время приспѣло такое, что надо съ превеликимъ усердіемъ... Нѣтъ, батюшка Есафъ Николаичъ, на это есть твердая мысль моя.

Онъ распростился и тотчасъ же пошелъ въ путь-дорогу.

Глубокое впечатлѣніе оставило все это на Іоасафѣ Николаевичѣ. И онъ не затаилъ его въ душѣ.

— Маринушка, сказалъ онъ, хоть и ласково, но довольно повелительно:—теперь полно! ненадо больше ни пѣсенъ, ни плясокъ... И какъ прежде не пришло мнѣ въ голову?.. Въ этомъ-то домѣ! Ты знаешь ли, чтò это за домъ?.. Въ немъ много, слишкомъ много было горя, да и мало ли что еще можетъ быть... Онъ все еще стоитъ на своемъ мѣстѣ, такъ чтò тутъ за веселье!..

— А что-жъ, я и на то готова, отвѣчала Марина.—Коли говоришь, что ненадо никакой потѣшки, можетъ сердце что-то почуяло, ну, и ненадо... У меня у самой, да нечего объ этомъ...

Короткій разговоръ этотъ слышалъ Макарка и немедленно передалъ, посмѣиваясь, всей дворнѣ, что, молъ, «насчетъ веселостей разныхъ забастовать приходится, самъ, молъ, баринъ проговорилъ Маринѣ Прокофьевнѣ, что ужъ ненадо больше веселиться въ та-

комъ старомъ дому. Значитъ, и впрямь затѣваетъ новый построить, ну, въ новомъ-то и пойдетъ гульба»...

Макарка божился, что про все это онъ передаетъ вѣрно, но въ дворнѣ выругали его за пустыя рѣчи. Впрочемъ, въ дѣйствительности, извѣстіе понравилось, всѣ были довольны, что авось-то опять водворится въ домѣ изстари-обычная тишина.

XIV.

Разомъ тишина водворилась и мрачная, печальная, все равно, какъ въ томъ домѣ, изъ котораго только-что снесли въ могилу любимаго человѣка. Сама Марина Прокофьевна угомонилась совсѣмъ и не угадать было въ ней той женщины, которая весельемъ своимъ такъ властно заставляла всякаго веселиться и тѣшиться. Сидя въ комнатѣ Іоасафа Николаевича, она усердно занималась женской работою, шила кому-то мужскія рубашки изъ очень грубаго холста, но съ красными ластовицами, вязала тоже чулки и варежки изъ простой шерсти и мало разговаривала со своимъ темноглазенькимъ, а къ домашней прислугѣ ни за чѣмъ уже не относилась, отнюдь ею не распоряжалась. Лицо ея поблѣднѣло, осунулось; взоръ ея быстрыхъ глазъ, теперь тусклый и упорно-пристальный, выражалъ тяжкую скуку, а можетъ быть и тоску. Унылый «стихъ» напалъ на удалую солдатку и, какъ видно было, этотъ «стихъ» осилилъ тогда совершенно ея буйную натуру. И не замѣтилъ нисколько Іоасафъ Николаевичъ этой разительной перемѣны въ своей любовницѣ: днемъ онъ, по-прежнему, все расхаживалъ по комнатамъ и вокругъ дома, по вечерамъ же уходилъ на Облонье и постоянно одинъ, уже ни разу не позвавъ туда для прогулки Марину.

Все это, конечно, должно было поддерживать глухую тишину въ михѣевскомъ домѣ. Но тишина эта была лишь съ внѣшней стороны. Сильное неспокойство обуяло тогда михѣевскую дворню. Всѣ были въ крайне смутномъ настроеніи. Во-первыхъ, досадно, прискорбно, а больше всего стыдно было всѣмъ за участіе въ гульбѣ. «И добро бы гуляли, плясали-мыкались по приказу барина, по его барской волѣ, а то вѣдь самому барину словно и не хотѣлося глядѣть на безчинство это». Даже такъ было досадно, прискорбно и стыдно, что почти всѣ переругались изъ-за того, упрекая другъ друга, что «не начни, молъ, ты, я ни за что бы самъ не пустился». Но пущее озлобленіе донимало всѣхъ именно на солдатку-Маринку, она была виновата, она, проклятая, обморочила, она навела на грѣхъ такой. Кстати тутъ припомнили и ей же, Маринкѣ, приписали то обстоятельство, что вотъ приживальцы, не стерпѣвъ безчинства, покинули барскій домъ: «ну, что, молъ, скажутъ про это добрые люди, какъ посудятъ сосѣди, да и старая барыня,—что вотъ барыня-то скажетъ»?

О барынѣ, о неизбѣжности ея суда по всему этому дѣлу и непремѣнно суда строгаго, пришло на мысль всѣмъ какъ-то разомъ. На первыхъ порахъ даже ужаснулись домочадцы при воспоминаніи о Надеждѣ Ивановнѣ. И было это очень странно: Надежда Ивановна, во всю свою жизнь въ Михѣевѣ, никогда не выказала себя строгой барыней. Правда, она требовательна была насчетъ порядку въ домѣ, не допускала распущенности въ поведеніи дворовыхъ, напримѣръ, пьянства, буйства, и рѣшительно не выносила малѣйшей безнравственности; но только провинившіеся въ послѣднемъ наказывались, да и то однимъ удаленіемъ на житье въ деревню, или же отпускомъ по оброку. Про все это михѣевскіе домочадцы, конечно, хорошо знали и, тѣмъ не менѣе, ихъ страшно пугали теперь соображенія: какъ взглянетъ барыня на то, что вотъ нежданно-негаданно завелась эта нечисть въ домѣ, поселилась въ немъ всѣмъ вѣдомая по своему распутству солдатка-Марина и мало того, что поселилась, устроила въ домѣ свои порядки, добрыхъ людей изъ него разогнала, а тутошнихъ крѣпостныхъ соблазнила на безчинство и они изъ-за того какъ бы выдали бѣднаго барина этой лиходѣйкѣ! Послѣднее соображеніе о выдачѣ барина на жертву лиходѣйкѣ всего болѣе ужасало. Михѣевскіе дворовые изъ-за того возненавидѣли Маринку до высшей степени, и если-бъ Марина подмѣтила эту ненависть, она стала бы ожидать для себя скорой и неминуемой бѣды.

Но она не подмѣтила. У ней на умѣ были иныя заботы, и очень тяжелыя. Должно быть, она ждала чего-то къ этому времени, а ожиданія все не сбывались. Такъ можно было предполагать потому, что, когда возвращались изъ Коломны или Макарка, или другой посланный, она тотчасъ начинала рязспрашивать: чтò слышно тамъ, въ городѣ? не наказывалъ ли кто къ ней чего нибудь? какъ тамъ хибарка ея? и вообще много, много она разспрашивала насчетъ коломенскихъ новостей, насчетъ своей хибарки, а разспрашивая, очень путалась въ словахъ, все какъ будто не договаривала чего-то.

Отвѣты на такіе разспросы были неладные; можетъ быть, и намѣренно такъ отвѣчали, и Марина очень сердилась на это.

Ненависть къ ней дворовыхъ возбуждала въ нихъ крайнюю подозрительность ко всякому ея дѣйствію. Очень занимались они: «что бы такое значило, что Маринка все добивается какихъ-то новостей изъ Коломны, да все разспрашиваетъ о своемъ поганомъ жильѣ?» Нѣсколько времени предположенія насчетъ этого были сбивчивы, но скоро все стало разъясняться.

Разъ ѣздилъ въ Коломну прикащикъ Леонтьичъ и привезъ оттуда новости, которыя, видимо для всѣхъ, страшно поразили Марину. Леонтьичъ разсказывалъ, что въ Коломнѣ, какъ въ набатъ бьютъ, толкуютъ: «изъ самой Москвы, дескать, строго-нà-строго

приказано переловить всѣхъ до-чиста бѣглыхъ солдатъ и бѣглыхъ кантонистовъ, которыхъ развелось многое множество, что для поимки высланы будутъ казаки, да окромя того поразставятъ вездѣ какіе-то, вишь, «бекеты», чтобы, значитъ, ни единый изъ бѣглыхъ не могъ выскользнуть отъ поимщиковъ, и что какъ изловятъ кого, тотчасъ его разстрѣляютъ».

При послѣднихъ словахъ прикащика, Марина, вдругъ поблѣднѣвшая, «какъ бѣлый платъ», вскрикнула такъ дико, такъ боязливо, что Леонтьичъ и двое старшихъ дворовыхъ, бывшіе тутъ же, даже перепугались. Не пожалѣли они ненавистную имъ женщину; но ужасъ, охватившій ее внезапно, но скорбь, такъ сильно выразившаяся въ ея крикѣ, вызвали въ присутствующихъ и не испугъ только, а какое-то тяжкое, тяжкое чувство.

— Господи!.. и какъ же тутъ... Охъ, смерть моя! проговорила Марина медленнымъ полушепотомъ и, шатаясь, вышла изъ людской.

Она насилу дошла до комнаты Іоасафа Николаевича. Онъ только что собрался на вечернюю свою прогулку, но, конечно, теперь не до того было. Передъ нимъ стояла Марина, блѣдная-блѣдная, вся трепещущая, съ широко-раскрытыми, неподвижными, помутившимися отъ ужаса глазами.

— Запри... запри дверь!.. Запирай все!.. лепетала она едва разборчиво.

Онъ быстро заперъ дверь и что затѣмъ говорили запершись, Макарка, усердно подслушивавшій подъ дверью, никакъ не могъ разобрать. Онъ слышалъ только шепотъ двухъ голосовъ, часто прерываемый глухими рыданіями, да въ концѣ онъ разслушалъ хорошо отвѣтъ Іоасафа Николаевича, показавшійся ему сначала диковиннымъ, но отъ котораго потомъ какъ-то жутко стало.

— Что жъ, сказалъ дядя, и такъ рѣзко, словно сурово:—я на все готовъ, лишь бы ты не мучилась...

Потомъ опять начался тихій, неразборчивый для Макарки разговоръ.

Ночь настала. Объ ужинѣ до самаго поздняго часа все не отдавалось приказу. Іоасафъ Николаевичъ и Марина не выходили изъ своей комнаты. И вотъ, заспорили тамъ горячо, но можно было лишь одно разобрать: баринъ на чемъ-то настаиваетъ, а Марина все отговариваетъ.

Макарка, какъ ни усердствовалъ и по собственной охотѣ, и по наказу Леонтьича, чтобы дольше подслушивать подъ дверью, наконецъ не вытерпѣлъ, ушелъ въ переднюю и задремалъ было на залавкѣ. Но ему помѣшали разоспаться. Баринъ шибко вышелъ въ переднюю съ двухствольнымъ ружьемъ въ шинели, какъ будто собрался въ дорогу. Слѣдомъ шла Марина и опять-таки спорила.

— Да я только провожу туда, а то собаки могутъ напасть, тамъ деревня немалая, говорилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— А я все одно: ненадо и ненадо, отвѣчала Марина.—И нешто черезъ деревню пойду? Мимо слѣдъ знаю, а тамъ недалеко и до лѣсу.

— Но волки... не то—и лихой человѣкъ...

— Какіе теперича волки, еще не пора имъ. А лихой человѣкъ—эхъ, ты! словно махонькой... Ну, да проводи немного, поколь скажу, чтобы дальше не шелъ. И не моги супротивъ того, не пущу ни за что. А ты, сарафанникъ, вдругъ обратилась она къ Макаркѣ,—не вздумай ты опять подсматривать!

И они вышли изъ дому.

Макарка былъ догадливъ. Сразу онъ догадался, что дорога для ушедшихъ будетъ не на Зарудню и Маливу, а на деревню Андреевку. Подождавъ съ минуту, онъ бросился въ залу, поднялъ окно, выпрыгнулъ въ садъ и перелѣзъ черезъ изгородь. Но дальше выслѣживать уже не удалось: перелазъ его выдалъ, что-то хрустнуло въ изгороди,—и вдругъ послышался въ довольно близкомъ разстояніи громкій и сердитый голосъ Марины:

— Ахъ, ты, шельма-Макарка! опять ты за свое: ну, да погоди вернусь, такъ сама пораспpавлюсь съ тобою...

Онъ тотчасъ притаился, какъ заяцъ, сталъ искать ощупью и нашелъ-таки мѣсто въ изгороди, гдѣ уже не надобилось перелѣзать, а можно было просто пролѣзть, и вернулся въ переднюю очень смущенный, боясь, впрочемъ, не угрозы Марины Прокофьевны, но того, какъ бы баринъ не разгнѣвался на него.

Но баринъ, скоро возвратившійся, не обратилъ никакого вниманія на провинившагося малаго. Онъ прошелъ прямо въ залу и усѣлся у того окна, изъ котораго выпрыгивалъ Макарка и которое забылъ опустить. Онъ не спалъ, даже не дремалъ—это хорошо замѣтилъ Макарка, тоже всю ночь не спавшій: такъ заинтересовано было молодое его любопытство тогдашними загадочными событіями. Іоасафъ Николаевичъ ждалъ чего-то: онъ часто выходилъ на крыльцо, приглядывался и прислушивался. Но тишина глухой деревенской ночи ничѣмъ не нарушалась: проѣзжихъ черезъ деревню не могло быть въ эту позднюю пору; за недостачею мѐлёва мельничныя колеса не стучали, не лаяли и собаки, нечуявшія ни чужихъ людей, ни хищнаго звѣря.

И протянулось такъ время вплоть до утра. Со свѣтомъ зашевелился людъ и въ господской усадьбѣ, и на деревнѣ. Но не утра, не дневнаго свѣта ждалъ Іоасафъ Николаевичъ. Онъ, какъ и ночью, былъ въ великомъ безпокойствѣ—и все чаще и чаще выходилъ на крыльцо, за ворота, на дорогу къ деревнѣ Андреевкѣ. Наконецъ, за-полдни, физическое утомленіе совсѣмъ его одолѣло: склонивъ голову на окно, онъ заснулъ такимъ глубокимъ сномъ, что долго не могла его добудиться Марина.

Очень замѣтили михѣевскіе домочадцы тогдашнее возвращеніе

Марины: и то, какъ мимо оконъ людскихъ избъ пробиралась она походкою спѣшной, по сторонамъ все озираясь, словно гнались за нею, и то, что одёжа на ней была не прежняя, нарядная, — сарафанъ полинялый, сверху котораго старый-престарый шушунчикъ, на головѣ не шолковый платокъ, а толстое полотенцо, на ногахъ вмѣсто черевичковъ съ красной оторочкою простые лапти, и то, наконецъ, что какъ только вошла она въ ворота, домашнія собаки, вовсе не злыя да и привыкшія къ ней довольно, накинулись на нее такъ злобно, что надо было спасать ее отъ нихъ. Впослѣдствіи домочадцы и послѣднему обстоятельству придавали особенное значеніе, такъ его объясняя: «вотъ, молъ, собака—звѣрь безсмысленный, а и онъ почуялъ тогда, какой врагъ подбирается къ нашему дому».

Уже вечеромъ разбудила Марина Іоасафа Николаевича и немедленно начался между ними по-вчерашнему потаённый разговоръ; впрочемъ, въ комнатѣ уже не запирались, напротивъ того, дверь ея была широко растворена и, конечно, это было наилучшее средство, чтобы оберечься отъ подслушиванья; притомъ разговоръ шелъ спокойно, безъ рыданій, да и не такъ долго, какъ вчера.

Объ ужинѣ на этотъ разъ вспомнили, кушанье было подано, но баринъ и Марина ѣли мало, видимо торопились кончить. Въ концѣ ужина баринъ приказалъ Макаркѣ запрягать пару лошадей въ телѣжку, да чтобы самъ онъ готовился ѣхать за кучера. Приказъ былъ отданъ коротко и строго: велѣно «живо поворачиваться» и такъ велѣно, что малому даже боязно стало.

Однако, онъ сбѣгалъ напередъ къ прикащику и, разбудивъ его, спѣшно передалъ, что баринъ велѣлъ лошадей запрягать, куда-то ѣхать хочетъ; «такъ какъ же тутъ быть»?..

— А такъ и быть, отвѣчалъ разсудительный Леонтьичъ: — запрягать скорѣе, и только. На то его барская воля. Остановить, что ли, хочешь? Поворачивайся!.. И зачѣмъ будилъ, олухъ эдакой!

Леонтьичъ хоть и выругалъ Макарку, однако же сообразилъ, что тутъ въ самомъ дѣлѣ надо подумать: какъ быть? Вдругъ живо представилось ему, что вотъ уѣдетъ баринъ, — уѣзжаетъ же онъ какъ-то все неаккуратно, кутежомъ задерживается, и неизвѣстно, когда вернуться изволитъ, а того гляди безъ него-то нагрянетъ старая барыня,—ну, какой же отвѣтъ передъ ней держать? И что подѣлать, если барыня провѣдаетъ про Маринку, да и какъ не провѣдать про такую бѣду? Соображенія эти такъ отчетливо и страшно вообразились Леонтьичу, что онъ рѣшился переговорить объ этомъ съ бариномъ.

Онъ подошелъ къ барину передъ самымъ его выѣздомъ.

— Осмѣлюсь спросить, началъ Леонтьичъ вполголоса, какъ бы по секрету:—куда изволите ѣхать и когда прикажете ожидать?

— А на что это тебѣ? спросилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Неравно Надежда Ивановна изволятъ пріѣхать... Спросятъ про васъ,—въ такомъ случаѣ какъ отвѣчать прикажете?

— Да, да, это пожалуй... Но я думалъ было... Нѣтъ! какъ ты думаешь: черезъ недѣлю или позднѣе пріѣдетъ матушка?..

— Неизвѣстно-съ о томъ, а всяко бываетъ: можетъ, и завтра, аль послѣзавтра... Недаромъ вотъ вчера мнѣ приснилося...

— Постой! мнѣ надо подумать... крикнулъ дядя.

Онъ спрыгнулъ съ телѣжки, быстро сталъ ходить по двору, о чемъ-то вслухъ разсуждая съ собою, потомъ кинулся въ домъ и довольно долго тамъ пробылъ.

Совѣщаніе съ Мариной, какъ видно, совсѣмъ успокоило его.

— Нѣзачѣмъ было задерживать меня попусту, досадливо сказалъ онъ прикащику. — Еще только двѣ недѣли, какъ уѣхали, а пробудутъ въ отлучкѣ цѣлый мѣсяцъ. Теперь и я хорошо все вспомнилъ... Ихъ нѣчего скоро ждать... А я успѣю все обдѣлать.

— Окажите божескую милость, извольте еще выслушать...—заговорилъ Леонтьичъ и въ крайнемъ смущеніи не находилъ словъ выразить, что̀ у него было на умѣ.

— Да чего тебѣ еще надо?—раздражительно спросилъ дядя.

— Батюшка, Есафъ Николаичъ!.. побожиться могу, въ прошлую-то ночь приснилося мнѣ...

— Стану я слушать твои глупые сны! Пошелъ, Макарка!

Онъ уѣхалъ по дорогѣ на Зарудню и Маливу, стало быть, какъ разсудилъ смѣтливый прикащикъ, неиначе какъ въ Коломну.

Но это соображеніе еще больше встревожило Леонтьича: «если въ Коломну уѣхалъ, то нескоро воротится», подумалъ онъ. А между тѣмъ, и недавнее раздумье, все цѣликомъ, было въ его головѣ. Ему такъ и мерещилось, что вотъ-вотъ въѣдетъ на дворъ барынина коляска...

И вся эта ночь прошла для него нехорошо.

На бѣду ему вспомнилось: «Макарка-то всполохомъ уѣхалъ за кучера, чай и не прибралъ онъ ничего въ домѣ какъ слѣдуетъ; серебро столовое, пожалуй, не заперъ, а тутъ эта гостья непрошенная, солдатка-потаскуха, отъ ней, вѣдь, всего можно ждать. И за все про все придется, пожалуй, мнѣ быть въ отвѣтѣ»...

Леонтьичъ пошелъ въ домъ и какъ разъ наткнулся на Марину.

Она стояла въ дверяхъ залы со свѣчею въ рукахъ. Совсѣмъ не въ приборѣ она была: длинные, всклокоченные волосы распущены по плечамъ, на голыя плечи ничего не накинуто. «Но не сонъ былъ у ней на умѣ, не ко сну готовилась», опять сообразилъ Леонтьичъ, взглянувъ на ея лицо. Блѣдно, искаженно и страшно было лицо, а глаза горѣли, какъ у волчихи.

— Ты зачѣмъ пришелъ?.. Подсматривать!.. выдать задумалъ!.. Да не на таковскую вы всѣ напали!.. крикнула она неистово.

Леонтьичъ, однако, не испугался этого окрика.

— Да помилуйте, нельзя же было не зайти, разсудительно отвѣчалъ онъ,—баринъ изволили выѣхать изъ дому, ну, такъ какъ же мнѣ, старшему служителю, не присмотрѣть-то за всѣмъ? Можетъ, что не прибрано, такъ надо убрать. Обстоятельно говорю, матушка.

— Какая я тебѣ матушка, тебѣ-то, псу эдакому! опять вскричала Марина.

Леонтьичъ очень обидѣлся.

— Отъ господъ своихъ такъ-то не слыхивалъ, сказалъ онъ.— И за что, про что брань эту долженъ принимать? Насчетъ же того, что матушкою назвалъ,—это я, точно, обмолвился... Только, право слово, не знаю, какъ васъ величать,—сударыней, кажись, не приходится.

Едва онъ это выговорилъ, какъ Марина кинула въ него подсвѣчникомъ. Ударъ былъ силенъ и угодилъ бѣдному Леонтьичу прямо въ лобъ. Онъ пошатнулся и чуть не упалъ. Изъ разсѣченной брови потекла кровь.

— Такъ-то надобно съ вами! протяжно проговорила Марина и ушла въ комнату Іоасафа Николаевича.

Этотъ случай съ прикащикомъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на михѣевскую дворню. Всѣ дворовые были возмущены такимъ оскорбленіемъ старшему служителю въ домѣ, человѣку довѣренному у барыни. Особенно жена Леонтьича волновалась, она хоть въ драку готова была кинуться съ Маринкою. Да и всѣ были бы непрочь расправиться съ этой женщиной, отъ которой ждали и еще бóльшаго зла.

Насчетъ расправы были даже большіе разговоры. Но ни къ какому опредѣленному рѣшенію не пришли во дворнѣ; въ концѣ-концовъ какъ-то все выходило, что надо погодить, да посмотрѣть, что дальше будетъ. И оттого всякъ молилъ Бога, чтобы барыня-то поскорѣе вернулась. Возвращеніе барыни хоть и пугало, но всѣ уже желали его съ нетерпѣніемъ, ибо были увѣрены, что оно окончательно прекратитъ домашнюю безурядицу.

А Марина Прокофьевна на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, распоряжалась властно по всему дому: приказывала убирать въ комнатахъ, заказывала обѣдъ, даже дѣлала строгіе выговоры тѣмъ, кто не угождалъ ей въ чемъ нибудь. И всѣ опять-таки безпрекословно повиновались ей, чему послѣ много дивились.

Впрочемъ, всѣ тоже замѣтили, что Марина не пьетъ и не ѣстъ ничего подаваемаго ей прислугою: она сама ставила себѣ самоваръ, къ обѣду, хоть и заказывала его, не притрогивалась, а пробавлялась только простымъ хлѣбомъ да молокомъ. И къ ночи были приняты ею особыя мѣры предосторожности. Достала она большихъ гвоздей и сама заколотила ими рамы оконъ такъ, чтобы нельзя было приподнять окна снаружи, изъ саду (болтовъ въ п—скомъ домѣ не

было); наконецъ, топоръ, обухомъ котораго вбивала гвозди, она оставила въ своей комнатѣ.

Вечеромъ, въ большой людской, шли оживленные разговоры насчетъ всего этого.

— Очевно замѣтно,—боится тварь, что такъ ли, эдакъ ли, а поднесутъ ей горячаго до слезъ, проговорилъ кто-то; и сначала всѣмъ было пріятно, что, вотъ, Марина, эта смѣлая, наглая солдатка, точно боится, даже много посмѣялись надъ этимъ.

Но за первымъ веселымъ заключеніемъ послѣдовали дальнѣйшія. И явно было, что уже сильная ненависть ихъ подсказываетъ.

— А чтобъ недаромъ боялася,—попугать надо бы, отозвалась жена кучера, Леонтьича-младшаго.

— Да какъ сдѣлать-то?.. Вишь, не выходитъ, нà-крѣпко заперлася.

Вспомнили про Макарку, что, молъ, затѣйникъ онъ, навѣрнякъ, придумалъ бы тутъ какую нибудь штуку.

— Можетъ, баринъ позамѣшкается,—онъ, бывало, непрочь-таки погостить тамъ, въ городѣ,—а она тутъ... не соберется ли, этакъ, къ ночи попрогуляться?.. Ходила же куда-то недавно.

— Вотъ, это—на руку было бы!

— А что̀... вѣдь глубоконекъ омутъ-то подъ лавами... проговорилъ еще кто-то вполго̀лоса, и хотя всѣ, тотчасъ же послѣ этихъ словъ, попримолкли, но ни отъ кого тоже не послѣдовало на нихъ возраженія.

И никто не подумалъ тогда, что для барина женщина, всѣми ненавидимая, была дороже жизни, что за нее пришлось бы отвѣчать предъ его неукротимой страстью.

Но она, эта женщина, только днемъ выходила изъ своей комнаты, и уже съ вечера тамъ запиралась. Все время она была чрезвычайно осторожна, и чѣмъ дальше шло, тѣмъ опасливѣе она становилась. Эта опасливость выражалась и во всемъ другомъ: Марина Прокофьевна вдругъ перестала распоряжаться по дому, не придиралась тоже ни къ кому изъ дворовыхъ и больше все занималась разматываньемъ нитокъ.

Іоасафъ Николаевичъ что-то не возвращался изъ Коломны. Но, должно быть, Марина и не ждала его скоро, по крайней мѣрѣ, она какъ будто не безпокоилась о томъ, что онъ не возвращается.

Такъ прошло ровно три дня.

XV.

Но на четвертый день Марина встревожилась.

Наканунѣ, къ ночи, должны были возвратиться изъ Коломны михѣевскіе мужики, ѣздившіе на базаръ. Марина надѣялась отъ

нихъ имѣть вѣрное извѣстіе объ Іоасафѣ Николаевичѣ. Ни въ чемъ уже не довѣряя домашней прислугѣ, она сама пошла на деревню, чтобы чрезъ свои собственные разспросы раздобыться вѣстями. Но ничего она не разузнала: во-первыхъ, опоздала, бо̀льшая часть крестьянъ уѣхали въ село Дѣдново, тоже на базаръ; а оставшіеся дома три человѣка сказывали только, что, надо полагать, баринъ въ городѣ гоститъ, но Макарку они не видали, на базаръ онъ не выходилъ, а пройти къ нему на постоялый дворъ, гдѣ баринъ остановился,—поопаслися; стало быть, и не откуда было имъ освѣдомиться: когда баринъ думаетъ домой вернуться.

Вотъ это-то и растревожило Марину.

Она не смогла даже скрыть своей тревоги. Увидавъ изъ окна залы прикащика Петра Леонтьева, она обратилась къ нему, столь обиженному ею человѣку, съ ласковымъ вопросомъ:—А какъ, молъ, думаешь, Леонтьичъ,—скоро ли баринъ вернется?

— Не могу знать, отвѣчалъ онъ сквозь зубы и проворно ушелъ.

Этотъ короткій, простой отвѣтъ какъ бы поразилъ Марину: опрометью кинулась она изъ залы въ свою комнату, заперлась въ ней и зарыдала. Рыданья бѣдной женщины хорошо слышала прислуга. Къ Маринѣ, какъ нарочно, приходили тогда за приказаніями насчетъ обѣда (обрядъ этотъ совершался ежедневно: въ ожиданіи пріѣзда, по соображеніямъ дворни, нельзя было тутъ не обращаться къ солдаткѣ). Но она голосу не подала въ отвѣтъ стучавшимся къ ней; слышно было только, что рыдаетъ, да причитаетъ.

Часа черезъ два—неближе—она вышла, однако, и такая блѣдная, унылая. Насчетъ обѣда сказала: «а пускай, молъ, что хотятъ, то и готовятъ». Затѣмъ, позвала дѣвочку, помогавшую ей въ разматываньи нитокъ, и занялась этимъ дѣломъ, но занялась такъ неловко, все путала и обрывала нитки; впрочемъ, въ работѣ ей мѣшали и слезы, ее душившія, и дрожь, часто потрясавшая ее съ головы до ногъ. Волненіе ея было такъ велико, что его замѣтила даже десятилѣтняя ея помощница въ тогдашней работѣ.

А между тѣмъ, надъ головой Марины собралась большая гроза.

Въ этотъ самый день возвращалась домой Надежда Ивановна. Она нарочно пригнала свой проѣздъ изъ Зарайскаго уѣзда черезъ село Дѣдново именно въ пятницу, такъ какъ разсчитывала, что на базарной дѣдновской площади встрѣнутся непремѣнно михѣевскіе мужики, которые и помогутъ «слегами» пробраться тяжелому ея экипажу черезъ топкую болотистую рѣчку, протекавшую по дѣдновскимъ лугамъ, неподалеку отъ границы съ нашими землями.

Въ Дѣдновѣ, тотчасъ по переправѣ на паромѣ черезъ Оку, еще на базарной площади, Надежда Ивановна отъ увидѣвшихъ ее михѣевцевъ узнала прежде всего, что молодаго барина уже нѣсколько дней нѣтъ дома,—уѣхалъ, дескать, въ Коломну и почему-то все не

возвращается; потомъ, слово за-словомъ, объяснилось разсказами, что въ барскомъ дому проживаетъ теперь «гостья», Богъ-вѣсть откуда пожаловавшая,—сказываютъ дворовые,—какая-то солдатка; что въ дому она всѣмъ распоряжается; а въ ночь, какъ баринъ уѣхалъ, прикащику Леонтьичу отъ той солдатки крѣпко досталось,—лобъ ему расшибла до крови подсвѣчникомъ.

Горесть старушки при этихъ извѣстіяхъ была чрезвычайна. Чтобы скрыть ее отъ народа, Надежда Ивановна поспѣшно приказала въѣхать на первый попавшійся на глаза постоялый дворъ и тамъ въ отдѣльной каморкѣ долго убивалась-плакала. Утѣшенія со стороны дочери мало дѣйствовали на нее; но Елизарьевна была въ этомъ удачливѣе. Она съумѣла возбудить въ тоскующей матери чувство великаго негодованія на посрамленіе, всѣмъ причиненное вступленіемъ въ старый честный домъ «такой мерзкой твари». Надежда Ивановна очнулась отъ страшнаго волненія душевной скорби—и вдругъ поняла, что ей необходимо распорядиться немедленно же насчетъ того, чтобы можно было ей съ дочерью и съ призрѣваемой ею круглой сиротой—родственницей Бѣгичевою войти въ домъ свой спокойно, не видя тамъ женщины, опозорившей его своимъ пребываніемъ, войти хоть на время только, покуда явится возможность прилично переселиться изъ Михѣева (что казалось теперь неизбѣжнымъ) или къ кому нибудь изъ родственниковъ и добрыхъ знакомыхъ, или же въ городъ Егорьевскъ.

Но не самой же ей было выгонять Марину изъ дому — и она приказала кучеру Петру Леонтьеву отправиться въ Михѣево и немедленно удалить оттуда солдатку, а затѣмъ спѣшно возвратиться въ Дѣдново для доклада объ исполненіи порученія.

Кучеръ поскакалъ, не жалѣя коня. Разсказъ объ обидѣ, нанесенной Маринкою его родному брату, воспоминаніе о своей собственной обидѣ отъ барина, несомнѣнно послѣдовавшей черезъ Маринку же, вообще злоба великая противъ этой женщины, озлобившей всѣхъ, наругавшейся своимъ явнымъ колдовствомъ надъ бариномъ, подстрекали младшаго Леонтьича исполнить порученіе барыни какъ можно скорѣе и во что̀ бы то ни стало.

— Грѣха таить нѐчего, говорилъ впослѣдствіи кучеръ: — попадись она мнѣ вотъ тутъ же на лугахъ, ужъ не быть бы ей живой...

Онъ примчался на барскій дворъ безо всякой предосторожности, не укрываючись. Всѣ видѣли его спѣшный пріѣздъ. Увидала и Марина. Но, разстроенная своей печалью, она не догадалась, что это прискакалъ барынинъ кучеръ (впрочемъ, въ лицо она его не знала). Мало того, ей вообразилось, что человѣкъ этотъ привезъ вѣсточку отъ Іоасафа Николаевича. Она опрометью выскочила къ нему на крыльцо.

— Родименькой! добрый человѣкъ! начала она, задыхаясь отъ волненія:—сказывай же, сказывай, что̀ баринъ наказывалъ ко мнѣ!..

— Я не отъ барина! А есть набольшая въ нашемъ честномъ дому повыше—старая наша барыня. А наказывала она, чтобы духу твоего нечистаго ни минутки единой больше здѣсь не попахло! Такъ-то!.. Ну, собирайся-ко!.. Да скорѣй, скорѣй, слышь ты!

Онъ проговорилъ слова эти громко, такъ что и во всемъ дому стало слышно, говорилъ же «словно кто ему рѣчи эти подсказывалъ». Затѣмъ страшная сумятица произошла и въ домѣ, и на крыльцѣ. Сбѣгались люди отовсюду: изъ дѣвичьей, изъ кухни, изъ людскихъ, даже съ деревни; и былъ тотъ людъ голосистый, крикливый — все больше женщины, да всякіе подростки. И всѣ громко кричали: — Барыня пріѣхала!.. Барыня приказала прогнать Маринку!.. Ну, и полно вѣдьмѣ измываться надъ нами!..

А она, эта бѣдная, совсѣмъ теперь беззащитная женщина, стояла посередь шумно-волнующейся толпы, пораженная, уничтоженная и вѣстью о пріѣздѣ барыни, и всѣмъ, что тутъ происходило. Горесть, внезапно упавшій на душу ужасъ, смутное сознаніе полной своей безпомощности, подкосили ея быстрый языкъ. Она не находила словъ, рѣшительно не могла говорить.

Прикащикъ Леонтьичъ, наскоро освѣдомившійся отъ брата о приказаніи барыни насчетъ Марины, успѣлъ-таки нѣсколько угомонить сумятицу въ сборищѣ. Ему, какъ старшему между прислугою, надлежало распорядиться исполненіемъ того, что приказано.

Онъ подошелъ близехонько къ Маринѣ.

— Ну, и что жъ теперича, голубушка, началъ онъ уже вовсе не чинясь съ нею:—надо тебѣ на-спѣхъ собираться туда, откуда пожаловать къ намъ изволила. Вѣдь слышала приказъ-то барынинъ—и изволь поворачиваться проворно, потому самому, что какъ очистишь нашъ домъ отъ своей «пирсоны», тогда только барыня домой пожалуетъ.

Но Марина молчала, обводя все сборище широко-раскрытыми глазами, какъ будто такимъ образомъ прося всѣхъ и каждаго разъяснить ей: «что же все это значитъ?»

Тогда Леонтьичъ-старшій счелъ, что надо быть съ нею «построже».

— Отмалчиваться вздумала, а такъ-то нехорошо, сударка, продолжалъ онъ съ напыщенной важностью, и притомъ понюхивая табачекъ изъ своей берестяной табакерки. — Я прямо тебѣ доложу, что вѣдь и не честью можно будетъ выпроводить тебя отсюда. Говорю, строго приказываю: собирайся сейчасъ-таки, да и маршируй изъ дому, благо же ты солдатка, маршировать, чай, умѣешь.

Толпа расхохоталась отъ этой шутки Леонтьича.

А тутъ какая-то изъ дворовыхъ женщинъ замѣтила, что солдаткѣ-Маринкѣ и собираться-то нѣчего: какъ есть съ пустыми руками пожаловала, стало быть, такъ и уходить должна.

— Ну, такъ нѣчего больше и прохлажаться,—уходи, уходи сей-

часъ, куда глаза твои глядятъ! крикнулъ уже зычнымъ голосомъ Леонтьичъ-старшій.

Но Марина все-таки молчала и не двигалась, словно приросла къ мѣсту.

— Бери-жъ ее подъ руки и выводи! скомандовалъ прикащикъ.

— Постойте!.. одного прошу... дайте хоть мигомъ глянуть на тотъ уголокъ... промолвила она, наконецъ, надорваннымъ, чуть слышнымъ голосомъ.

— Нѣчего на чужіе углы заглядываться! сказалъ кто-то.

Въ ту же минуту кучеръ Петръ Леонтьевъ и какой-то человѣкъ изъ дворовыхъ схватили Марину подъ руки, чтобы насильно свести ее съ крыльца да выпроводить за ворота. Но энергія удалой солдатки уже пробудилась: съ силой чрезвычайной она оттолкнула непрошенныхъ своихъ проводниковъ и одного изъ нихъ, именно кучера, ударила такъ, что онъ съ трудомъ удержался на ногахъ.

Невообразимое смятеніе охватило толпу. Всѣ, мужчины и женщины, накинулись разо́мъ на эту супротивницу, на эту обидчицу ненавистную. Мигомъ сбили ее съ ногъ, били нещадно ее лежащую, а затѣмъ волокомъ поволокли къ воротамъ. Но тутъ опять проявилась въ Маринѣ энергія. Она обхватила обѣими руками верею воротъ и отъ вереи уже не могли оторвать ее.

— Такъ вотъ что теперича, крикнула одна изъ женщинъ (должно быть, жена кучера):—привязывайте ее по рукамъ къ вереѣ, да потуже!.. А я знаю, что̀ сдѣлать съ вѣдьмой...

Откуда-то мигомъ добыли веревку и крѣпко-на-крѣпко привязали къ вереѣ обнаженныя руки Марины и даже самоё ее опутали. А та же бойкая женщина, что̀ присовѣтовала привязать, обрѣзала ножницами ея длинныя русыя косы.

Все это произошло чрезвычайно быстро и уже отнюдь не по распоряженіямъ Леонтьича-старшаго. Толпа, страшно взволнованная, сама тутъ распоряжалась. Не унялъ бы ее человѣкъ и болѣе властный, чѣмъ былъ прикащикъ, вообще не пользовавшійся по своему вялому характеру вліяніемъ во дворнѣ.

Марина не обмерла, когда привязывали ея руки, когда и обрѣзывали пышныя ея косы. Она чувствовала, она сознавала, что̀ съ нею дѣлали, какъ наругались надъ нею. Только одинъ разъ жалобно и пронзительно она вскрикнула; потомъ руки ея вдругъ перестали держаться за верею.

— Развяжите... Сама встану... Уйду, уйду!.. Аль и убить хотите?.. проговорила она хотя сильно дрожащимъ, но внятнымъ голосомъ.

— Что вы, полоумные! закричалъ тутъ и прикащикъ: — отвязывайте, сейчасъ отвязывайте!.. Ну, чего-жъ еще: сама, вишь, хочетъ уходить!.. Ахъ, вы, оглашенные! Больше никто не смѣй и пальцемъ ее тронуть!..

Веревку тотчасъ распутали и развязали. Марина быстро приподнялась и первымъ дѣломъ схватилась обѣими руками за остриженную свою голову. Послышалось тяжкое, какъ бы предсмертное, рыданье... Но то было лишь на мгновеніе. Нетвердымъ шагомъ, даже сильно пошатываясь, Марина вышла за ворота и не оглянулась на толпу. Пройдя же нѣсколько, она минуты двѣ простояла на одномъ мѣстѣ, все-таки назадъ не оглядываясь, и что-то говорила сама съ собою. Но никто не могъ того разобрать. Затѣмъ пошла она очень тихо, и прямо полемъ, къ Маливскому-Бору, а можетъ быть, къ кустарнику, который тогда къ бору примыкалъ.

Толпа смотрѣла на уходъ Марины въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Озлобленность ея разомъ исчезла и чувство это замѣнилось явной оторопѣлостью. Всѣхъ же болѣе оторопѣлымъ казался прикащикъ Леонтьичъ.

— Что̀ надѣлали! что̀ надѣлали! говорилъ онъ въ крайнемъ смущеніи.

Но надо было поспѣшить съ докладомъ къ барынѣ,—до вечера уже немного времени оставалось. Леонтьичъ-старшій самъ отправился съ братомъ-кучеромъ въ Дѣдново.

— Вѣдь ты не съумѣешь ладно доложить, сказалъ онъ брату:—а тутъ дѣло вышло уже совсѣмъ-таки плоховато... О-охъ, бѣда: вотъ, пріѣхала барыня,—и на первыхъ же порахъ худо сталося, а надо ждать еще барина: онъ, какъ пріѣдетъ,—тутъ-то что̀ будетъ!..

XVI.

Петръ Леонтьевъ-старшій на дѣлѣ оказался неважнымъ дипломатомъ: онъ и вовсе не съумѣлъ «доложить» Надеждѣ Ивановнѣ, что̀ барскій домъ очищенъ, что солдатка Маринка уже отправилась изъ него во-свояси. Онъ началъ докладъ свой крайне смущенно, очень неловко, и сразу стало замѣтно, что при «очищеніи» дома произошло нѣчто особенное и нехорошее. Впрочемъ, Надежда Ивановна поняла это по-своему, въ томъ именно смыслѣ, что, вѣроятно, Маринка, озлобленная высылкою изъ дому, грозила чѣмъ нибудь, а потому и приказала она на̀-крѣпко докладчику, чтобы отнюдь не скрывалъ, какъ тамъ дѣло было, даже и въ такомъ случаѣ не скрывалъ, если бы распутная та солдатка высказала, уходя, самыя дерзкія угрозы. Такимъ-то образомъ, прикащикъ и вынужденъ былъ сказать уже все: какъ, молъ, «оченно дурно все вышло, и оттого больше, что дворовые, грѣшнымъ дѣломъ, словно разбунтовалися; они жъ и допрежде того Маринку больно не взлюбили, а тутъ она все артачилась, не хотѣла уходить, да подъ конецъ драться стала: ну, вотъ, тогда и поколотили-таки ее; одёжу на ней порвали, косу тоже обрѣзали (и уже это самое какъ-то невзна-

чай для него, прикащика, сдѣлалось); а затѣмъ, молъ, Маринка ушла сама, таково спокойно, ничего ровно не вымолвила, даже ни разу не оглянулася»...

Возмутилъ этотъ разсказъ Надежду Ивановну. По неизмѣнной добротѣ своей, по благороднымъ понятіямъ, ей всегда присущимъ, она и при всемъ своемъ негодованіи на сына, на его развратную и наглую любовницу, не могла и въ малѣйшей степени извинить все это насиліе надъ женщиною. Не разспрашивая уже больше о подробностяхъ происшествія, она напустилась на прикащика.

— Да ты-то чего жъ тамъ смотрѣлъ? И какъ-таки могъ ты допустить такое мерзостное дѣло?.. Хоть и развратница, хоть и лиходѣйка, нѣтъ нужды, что и драться вздумала, — одна-то противъ всѣхъ! — но какъ же осмѣлились вы опозоривать такъ женщину?.. А ты-то все время при этомъ былъ, все видѣлъ, — и не остановилъ!.. Да вы всѣ съ-ума что ли тамъ сошли?.. говорила она Леонтьичу, и такъ пылко, такъ гнѣвно, какъ никогда еще не доводилось ему отъ ней слышать.

— Матушка-сударыня, рѣшился онъ, однако, возразить:—вѣдь, Маринка-то—заправская колдовка, и всѣ-то у насъ такъ на нее думаютъ...

— Мало ли чтò вы тамъ придумаете съ-дуру!.. Да хоть бы и была она сущей колдуньей,—ну, тогда ей, проклятой, кара Божія, а не ваше подлое, бѣшеное измывательство... Какъ допустилъ ты! какъ могъ допустить!.. И знаешь ли ты, чтò изъ этого можетъ выйти!..

— Виноватъ, матушка... какъ на-грѣхъ, оплошалъ...

Но тутъ вмѣшалась дочь Надежды Ивановны, Любовь Николаевна, которая съ явнымъ нетерпѣніемъ слушала гнѣвныя рѣчи матери и нѣсколько разъ порывалась высказать свое слово.

— Теперь рѣшительно нельзя намъ ѣхать въ Михѣево, сказала она.

— Да почему же?.. понизивъ вдругъ голосъ до шепота, спросила старушка, явно не столько удивленная, сколько пораженная замѣчаніемъ дочери.

Но дочь какъ бы не обратила вниманія на это—и продолжала громко:

— Сами можете легко представить и разсудить,—впрочемъ, я все скажу... Не нынче, такъ завтра, вернется же братъ, — а Маринка эта ужъ конечно разскажетъ ему съ разными прикрасами про все, что съ ней сдѣлали,—и конечно, все это на насъ она свалитъ... А вы знаете бѣшеный нравъ Іосафа Николаича... Тутъ всякой бѣды можно ожидать отъ него...

И Елизарьевна разъахалась.

— Ахъ, матушка! ахъ, сударыня! плаксиво говорила она:—барышня-то, разумница-то наша, все какъ есть въ правду изволила разсудить...

— Вотъ что вы надѣлали! горестно вскричала Надежда Ивановна, обращаясь уже съ послѣднимъ упрекомъ къ совсѣмъ оторопѣвшему прикащику.

Но надо же было на что нибудь рѣшиться.. И объ этомъ старушка крѣпко призадумалась; а между тѣмъ всѣ тоже молчали въ недоумѣніи и страхѣ.

— Мнѣ кажется, рѣзко прервала, наконецъ, молчаніе Любовь Николаевна,—мнѣ кажется, что всего лучше будетъ ѣхать прямо къ предводителю... Право, такъ это, маменька!.. Извольте и то разсудить: бо́льшая часть имѣнія принадлежитъ брату, при теперешнихъ же этихъ обстоятельствахъ надо бы заранѣе обезпечить нашу долю... Право, поѣдемте къ Андрею Ивановичу,—ныньче ночуемъ у Змѣевыхъ, а завтра къ нему.

— Нѣтъ! все это не такъ... медленно отвѣтила бѣдная мать.

Хоть и потрясенная столь внезапно, столь грозно налетѣвшими событіями, она не потеряла, однако, силы такъ обсуживать эти событія, какъ внушало постоянно присущее ей сознаніе своего достоинства честной женщины и своихъ правъ матери, которая ничѣмъ и никогда не нарушила обязанностей къ своимъ дѣтямъ.

— Нѣтъ! продолжала она: — я поѣду туда, въ Михѣево... Не для того поѣду, чтобы, встрѣтясь тамъ съ сыномъ, еще разъ попрекнуть за мерзостные его поступки, за явную его супротивность родительской власти... Что ужъ теперь попрекать,—поздно! И уговорить развѣ можно его?.. Все, все загублено!.. Поѣду лишь для того, чтобы поскорѣе,—вотъ ты хорошо напомнила, Любаша,—чтобы обезпечить тебѣ и сестрѣ твоей доли изъ имѣнія, пока оно не пропало... Мнѣ-то ничего не надо,—скоро Господь приберетъ,—но вамъ... Да! вотъ, для этого надобно еще разъ говорить съ нимъ...

— Но и еще, добавила она, съ минуту помолчавъ:—еще затѣмъ поѣду, чтобы опять въ послѣдній разокъ побывать въ родномъ дому....

И горько она зарыдала.

Но, пересиливъ великую горесть, она смогла довольно твердо высказать окончательное рѣшеніе свое о немедленномъ отъѣздѣ въ Михѣево.

— Тебѣ, Любаша, точно не слѣдуетъ,—отъ крыльца прямо отъѣзжай къ Змѣевымъ. Тамъ и дождешься меня. Только ничего не разсказывай, должно беречь семейную честь; скажи, что сама отпросилась.

Любовь Николаевна стало было возражать, что она непремѣнно хочетъ остаться съ матерью. Но старушка строго посмотрѣла на нее и замахала руками, чтобы дочь не смѣла больше настаивать на своемъ.

Уже стемнѣло, когда пріѣхали въ Михѣево. Прямо отъ крыльца, Любовь Николаевна, простившись съ матерью, отправилась къ добрымъ сосѣдямъ, Змѣевымъ, въ сельцо Аѳанасьево.

Дворовый людъ встрѣтилъ старую барыню очень уныло и боязливо. Но барыня ни съ кѣмъ не заговорила.

Она вошла въ этотъ родной ей домъ—и мрачнымъ, даже какъ будто чужимъ онъ ей показался. И всю ночь ни на минуту не сомкнула она глазъ, а больше все бродила по опустѣлымъ комнатамъ, бродила, тяжко вздыхая и мучась тяжкими думами.

С. Славутинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

XXX.

Дѣло о религіозности профессора Шлейдена.

СОВѢТЪ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, обративъ вниманіе на помѣщенный въ приложеніи къ № 94-му «Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1863 года, отчетъ о засѣданіи курляндскаго общества исторіи и искусства, въ которомъ разсматривалось сочиненіе профессора дерптскаго университета по каѳедрѣ естественныхъ наукъ, Шлейдена (знаменитаго ботаника): «Ueber den Materialismus der neuern deutschen Naturwissenschaft, sein Wesen und seine Geschichte» («О матеріализмѣ новѣйшей германской науки о природѣ, его сущность и его исторія». Лейпцигъ. 1863 г.), постановилъ довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева), что въ этомъ отчетѣ секретарь общества опровергаетъ кратко слѣдующія главныя положенія Шлейдена: 1) Распространенію матеріализма въ массахъ народа содѣйствуетъ то обстоятельство, что наше первоначальное образованіе начинается безтолково, а именно—ложью о сотвореніи міра, всемірномъ потопѣ и прочее, однимъ словомъ, такъ называемою библейскою исторіею, которой не вѣритъ большинство учителей, если они не глупые и не невѣжественные королевско-прусскіе семинаристы регулятив-

[1] Первыя главы «Воспоминаній» П. С. Усова напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882 года.

ныхъ школъ. Этимъ ученіемъ приготовляется, какъ нельзя лучше, безвѣріе. Такимъ образомъ, сама церковь распространяетъ безвѣріе и матеріализмъ. 2) Изъ преподавателей библіи едва ли 1/1000 вѣритъ тому, чему учитъ, а остальные 999/1000 являются затѣмъ безчестными обманщиками. 3) Основаніемъ греко-римской цивилизаціи, равно какъ египетской и ассирійско-вавилонской, служила свобода. Эта цивилизація должна составлять образецъ подражанія для нашего времени. 4) Библія, «Corpus juris» и философія Аристотеля, дошедшіе въ средніе вѣка до предметовъ божескаго почитанія и до степени святыни, произвели консерватизмъ, чтобы не сказать застой среднихъ вѣковъ; пошлая комедія императорствованія Оттоновъ въ Германіи, въ средніе вѣка, сдѣлала неразлучными ихъ, послѣдствіемъ чего были революціи. Короче, библія, «Corpus juris» и сочиненія Аристотеля суть три главные врага священному духу человѣчества и составляютъ предметы всей революціонной борьбы новѣйшаго времени, и всѣ реформы направляются теперь къ тому, чтобы освободить государство отъ этого противоестественнаго бремени.

Это постановленіе своего совѣта по дѣламъ книгопечатанія (замѣненнаго, въ 1865 году, совѣтомъ главнаго управленія по дѣламъ печати) министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, препроводилъ, 18-го января 1864 года, министру народнаго просвѣщенія, А. В. Головнину, на его усмотрѣніе, въ «тѣхъ видахъ, что профессоръ Шлейденъ въ то время занималъ каѳедру въ дерптскомъ университетѣ».

Министръ народнаго просвѣщенія, при письмѣ своемъ, отъ 12-го февраля того же года, препроводилъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на постановленіе его совѣта по дѣламъ книгопечатанія, слѣдующую записку объ ученіи и воззрѣніяхъ профессора Шлейдена, вытекающихъ изъ «внимательнаго разбора» его сочиненій:

«Профессоръ Шлейденъ, занимающій въ настоящее время каѳедру естественныхъ наукъ въ дерптскомъ университетѣ, одна изъ европейскихъ знаменитостей по этой части: замѣчательныя открытія его по физіологіи растеній и ученые труды на этомъ поприщѣ признаны всѣми естествоиспытателями и доставили ему вполнѣ заслуженную извѣстность. Сверхъ того, онъ пріобрѣлъ сочувствіе и въ болѣе обширномъ кругу образованныхъ читателей, изданіемъ популярнаго сочиненія своего по ботаникѣ: «Die Pflanze und ihr Leben» («Растеніе и его жизнь»), пользующагося по справедливости репутаціею образцоваго труда и способствовавшаго къ возбужденію любви къ естественнымъ наукамъ.

«Это послѣднее сочиненіе, по всему своему содержанію и направленію, доказываетъ, что г. Шлейденъ далеко не принадлежитъ къ числу тѣхъ естествоиспытателей, которые становятся въ пря-

мую борьбу со всякимъ религіознымъ чувствомъ, отвергая духовную сторону человѣческой природы и доходя даже до отрицанія божества. Взглядъ Шлейдена на отношеніе естествознанія къ религіи доказывается, между прочимъ, однимъ изъ мѣстъ въ предисловіи къ этому сочиненію, гдѣ, говоря о томъ дѣйствіи, которое собственно на него производитъ изученіе природы, онъ выражается такъ: «Какого рода вліяніе производитъ на нашъ характеръ занятіе міромъ цвѣтовъ, — это выясняется мнѣ ежедневно ближе изъ моего собственнаго опыта, для чего я предоставлю слово нашему любезному Фридриху Рюкерту:

«Ты не можешь пойти по полю, не найдя какого либо цвѣтка, который не возвѣстилъ бы славу его Творца».

«Извѣстно, что Рюкертъ, по направленію своему, принадлежалъ къ числу самыхъ религіозныхъ поэтовъ Германіи. Такія же мѣста мы находимъ почти на каждой страницѣ этой книги; напримѣръ, на стр. XXII предисловія, онъ говоритъ: «Подобно всей природѣ, и міръ растеній оказывается для насъ іероглифомъ Всевѣчнаго; въ земныхъ формахъ мы ищемъ и находимъ указаніе на неземное бытіе, и т. д.».

«Самое же сильное доказательство того, что Шлейденъ не только не враждебенъ религіи, но, напротивъ того, признаётъ главною ошибкою большей части настоящихъ естествоиспытателей исключительно эмпирическій способъ разработки естественныхъ наукъ, составляетъ изданная имъ въ 1863 году брошюра: «Ueber den Materialismus der neuern deutschen Naturwissenschaft, sein Wesen und seine Bedeutung». Въ этомъ сочиненіи онъ, съ свойственною ему ясностью и рѣшительностью, иногда и рѣзкостью въ выраженіяхъ, караетъ матеріалистическое направленіе современной науки и доказываетъ съ необыкновенною энергіею и замѣчательнымъ тактомъ всю несостоятельность и нелѣпость этой школы. Оттого сочиненіе его было весьма сильнымъ ударомъ для матеріалистическаго ученія и самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ къ распространенію здравыхъ понятій о мѣрахъ къ уничтоженію его.

«Прежде чѣмъ приступить къ изложенію содержанія брошюры, для показанія дѣйствительныхъ цѣлей и намѣреній автора, должно предпослать нѣсколько словъ относительно тѣхъ обвиненій, которыя возводятся, по поводу этого труда, на Шлейдена совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія и вслѣдствіе коихъ составлена настоящая записка.

«Обращаясь къ самому тексту разбора брошюры Шлейдена, сдѣланнаго секретаремъ курляндскаго общества исторіи и искусствъ, мы нигдѣ не найдемъ въ немъ, чтобы вышеприведенные пункты были выведены какъ главныя положенія, какъ сущность воззрѣній Шлейдена на предметъ, излагаемый имъ въ брошюрѣ; напротивъ того, секретарь общества, разбирая брошюру во всѣхъ ея частяхъ,

признаётъ ея главною цѣлью не противоборство религіознымъ чувствамъ, какъ казалось бы изъ способа изложенія совѣта по дѣламъ книгопечатанія, но противодѣйствіе матеріализму. Секретарь признаётъ даже и съ своей исключительно религіозной точки зрѣнія много заслугъ въ настоящемъ трудѣ нашего ученаго; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ съ похвалою о выводахъ Шлейдена относительно нелѣпости матеріализма (стр. 3 и 6). Онъ старается опровергать религіозныя идеи Шлейдена, какъ не сходящіяся съ его личными убѣжденіями, но нигдѣ не выставляетъ, какъ уже выше сказано, эти отдѣльныя фразы, какъ «основныя» положенія сочиненія. Мы ниже увидимъ, что, при нѣсколько внимательномъ прочтеніи труда Шлейдена, это дѣйствительно невозможно, и что для осужденія сочиненія выхвачено нѣсколько мѣстъ изъ разбора секретаря курляндскаго общества исторіи и искусствъ, безъ обращенія вниманія на смыслъ и цѣль самаго сочиненія, которое смѣло противодѣйствуетъ вредному ученію матеріалистовъ и, побѣдоносно уничтожая его, составляетъ важную заслугу для самой религіи. Обратимся теперь къ содержанію самой брошюры.

«Шлейденъ поставилъ себѣ въ ней двѣ цѣли: уяснить происхожденіе и возможность существованія въ настоящее время матеріализма и доказать всю нелѣпость этого ученія. Опредѣливъ въ самомъ началѣ сущность матеріализма словами: «человѣческій духъ, какъ самостоятельное вещество (Substanz), не существуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и Бога въ видѣ духовной внѣ-мірной личности», Шлейденъ объясняетъ, что нынѣшній матеріализмъ не составляетъ ясно установившейся философской системы, а проявляется у естествоиспытателей частью подъ поэтическимъ замаскированіемъ и сбивчивымъ философствованіемъ, частью въ видѣ отдѣльныхъ изреченій и неясныхъ идей. Но, несмотря на эту несистематичность, матеріализмъ составляетъ страшную силу, такъ какъ онъ встрѣчается часто безсознательно у большей части естествоиспытателей, и можетъ сдѣлаться весьма вреднымъ, при распространеніи въ томъ классѣ народа, котораго благосостояніе основано на успѣхахъ естественныхъ наукъ, въ особенности въ классѣ фабричномъ и промышленномъ. Здѣсь приводится Шлейденомъ въ видѣ примѣчанія, въ выноскѣ, первое изъ такъ называемыхъ «главныхъ положеній» брошюры; смыслъ этого примѣчанія тотъ, что распространеніе матеріалистическихъ ученій въ народѣ облегчается неразумнымъ преподаваніемъ библейской исторіи, при которомъ нравственныя и религіозныя истины (die sittlichen und religiösen Wahrheiten) смѣшиваются съ легендою и притчею, и оттого впослѣдствіи, въ жизни, образуется разладъ въ душѣ между дѣйствительностью и наученною религіею, ведущій часто къ отрицанію всякаго религіознаго чувства. Очевидно, что Шлейденъ въ этомъ случаѣ вовсе не возстаетъ противъ библейской исторіи, но противъ без-

разсуднаго преподаванія ея, держащагося не глубокаго смысла, а буквы св. Писанія, въ противность ученію Спасителя, что «буква убиваетъ, а духъ животворитъ».

«Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, отчего идеи матеріализма постоянно проявляются вновь въ исторіи человѣческаго развитія, какая въ нихъ есть частица истины, которая, несмотря на всѣ нападенія, даетъ имъ такую живучесть, Шлейденъ переходитъ къ историческому обзору развитія человѣческаго ума. Въ древнія времена, говоритъ Шлейденъ,—и это приводится совѣтомъ по дѣламъ книгопечатанія, какъ третье изъ «главныхъ положеній»,—человѣческій умъ развивался свободно и безъ преградъ; человѣкъ пытался разъяснить себѣ во всѣхъ отношеніяхъ тѣ представленія, познанія и идеи, которыя лежали въ его душѣ. Въ этомъ направленіи древняго міра онъ находитъ ту хорошую сторону, что всякій искалъ истину, не возставая противъ истинъ, найденныхъ другими, но Шлейденъ вполнѣ сознаетъ (стр. 12), что идеи, выработанныя древнимъ міромъ, пережили сами себя и что окончательные выводы, до которыхъ человѣчество дошло въ тѣ времена, не были достаточны для поддержанія нравственной жизни. Поэтому онъ далекъ отъ той мысли, въ которой онъ обвиняется совѣтомъ по дѣламъ книгопечатанія, что древняя цивилизація должна составлять образецъ для насъ. Переходя затѣмъ къ уничтоженію этой цивилизаціи вторгнувшимися варварами, Шлейденъ показываетъ необходимость, къ которой была принуждена уцѣлѣвшая часть образованнаго человѣчества, для сохраненія пріобрѣтенныхъ въ области жизни сокровищъ,—собрать и кодифицировать эти пріобрѣтенія: такимъ образомъ, составился канонъ св. Писанія («wodurch vorläufig wenigstens die wichtigsten Erwerbungen auf dem Gebiete des sittlichen und religiösen Lebens vor dem Untergange gesichert schienen»), составится кодексъ Юстиніана и канонъ твореній Аристотеля. Эти три кодекса представляли въ то время «die Summe des ganzen geistigen Eigenthum der Menschheit» (сумму всей духовной собственности человѣчества). Мы доходимъ, такимъ образомъ, до четвертаго изъ «главныхъ положеній», представленнаго совѣтомъ по дѣламъ книгопечатанія также не въ томъ видѣ, какъ оно выражено авторомъ. Совсѣмъ не эти кодексы признаются имъ сами по себѣ какъ вредныя явленія, имѣвшія послѣдствіемъ революціи новѣйшаго времени (выраженія, что эти книги «суть три главные врага священному духу человѣчества» у Шлейдена нѣтъ, такъ какъ это кодифицированіе признается имъ исторической необходимостью; фраза эта придумана секретаремъ курляндскаго общества и вошла цѣликомъ въ мнѣніе совѣта по дѣламъ книгопечатанія): Шлейденъ признаетъ губительнымъ для здравой умственной и научной жизни народовъ то явленіе, отъ котораго мы и теперь еще не освободились,—что представители стараго и привычнаго въ государствахъ,

во имя безусловнаго авторитета этихъ кодексовъ, возставали противъ всякаго другаго религіознаго убѣжденія, противъ всякаго результата свободныхъ научныхъ изысканій не доводами и моральнымъ вліяніемъ, а грубою физическою силою, и «безсмысленному кулаку хотѣли предоставить рѣшеніе на поприщѣ мысли» (стр. 15—16), что государство вмѣшивалось въ дѣла, вовсе не входящія въ область его обязанностей, обращая дѣйствія свои на вѣрованія, на нравственныя убѣжденія, на науку: вѣрованіе и нравственное убѣжденіе каждаго отдѣльнаго лица не имѣютъ никакого отношенія къ задачамъ государства, а наука можетъ развиваться только при предоставленіи ей полной свободы въ изысканіяхъ.

«Изложивъ вкратцѣ историческій ходъ развитія разныхъ философическихъ системъ до настоящаго времени, Шлейденъ выражаетъ полное сочувствіе къ системамъ Канта и послѣдователей его—Фриса и Аппельта, которые въ основаніе всякаго человѣческаго познанія положили не только опытъ и наблюденіе, но и мышленіе на здравыхъ логическихъ основахъ. Наука о внѣшней природѣ можетъ имѣть предметомъ только то, что сознается нашими внѣшними органами; но такое познаніе даетъ успѣшные результаты только посредствомъ познавательнаго разсудка въ человѣкѣ, и лишь развитіе этого разсудка, на основаніи твердыхъ законовъ мышленія, можетъ привести къ полному пониманію идей самыхъ высокихъ, до которыхъ можетъ дойти человѣческій умъ: о душѣ, свободѣ и божествѣ. Наука, теорія, о познавательномъ разсудкѣ и составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ философіи; она-то въ особенности обработана трудами Канта, Фриса, Аппельта. Происхожденіе же матеріализма новѣйшаго времени Шлейденъ приписываетъ главнымъ образомъ недостаточности философскаго образованія, односторонности изученія естественныхъ наукъ, ограничивающагося наблюденіями надъ природою; наблюденія эти производятся притомъ въ весьма ограниченныхъ сферахъ, безъ связи между отдѣльными отраслями естествознанія. Недостатокъ здраваго философскаго развитія происходитъ, по его словамъ, отъ того обстоятельства, что философія послѣ Канта дошла, въ рукахъ Шеллинга и Гегеля, о которыхъ, въ особенности о послѣднемъ, онъ отзывается съ большимъ презрѣніемъ, называя его «ignorant»,—до большого упадка, вслѣдствіе того, что эти лица отступили отъ здравыхъ началъ, выработанныхъ Кантомъ и его предшественниками, и бросились въ безсмысленныя утопическія умствованія, выраженныя языкомъ сбивчивымъ и неяснымъ, превратившимся, наконецъ, въ какой-то особенный діалектъ, похожій на воровской языкъ. Эта безсмысленная философія возбудила къ себѣ презрѣніе естествоиспытателей, обратившееся въ презрѣніе вообще ко всякой философіи, и разорвала, такимъ образомъ, связь между естественными науками и общимъ умственнымъ развитіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла послѣдствіемъ

сбивчивость въ понятіяхъ и неясность въ выраженіяхъ и произвела очень употребительный у матеріалистовъ методъ постановлять окончательныя рѣшенія о такихъ предметахъ, которые ими далеко еще окончательно не изслѣдованы и которые ихъ сужденію вовсе не подлежатъ. Шлейденъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ очень вѣрное и важное замѣчаніе, что первые великіе ученые и философы, обратившіеся къ методу собственнаго наблюденія надъ явленіями природы: Декартъ, Ньютонъ и Лейбницъ, естествоиспытатели самой строгой математической школы, все-таки не были матеріалистами и не могли ими быть, потому что, какъ люди вполнѣ и всесторонне развитые, они сознавали, что ихъ знаніе не полно и что для отрицанія чего либо недостаточно того обстоятельства, что оно ими, по ихъ методу, ихъ орудіями, не было найдено. Поэтому какъ поразительно вѣренъ отвѣтъ, данный Лапласомъ Наполеону I на вопросъ послѣдняго, отчего Лапласъ въ своей механикѣ небесныхъ тѣлъ никогда не говоритъ о Богѣ: «Государь», отвѣтилъ ученый астрономъ, «въ моемъ небѣ я Бога не нахожу». Вѣренъ этотъ отвѣтъ по той причинѣ, что онъ заключаетъ въ себѣ убѣжденіе, что астрономія не включаетъ въ себѣ всѣхъ человѣческихъ познаній, отрицать же существованіе Бога единственно потому, что его нельзя найти посредствомъ телескопа или микроскопа—значило бы то же самое, что отрицать существованіе золота на томъ основаніи, что его у меня нѣтъ въ карманѣ. На основаніи этихъ разсужденій, Шлейденъ приходитъ къ тому убѣжденію (стр. 46), что если бы естествоиспытатели честно и откровенно сказали, при разрѣшеніи недоступныхъ для нихъ посредствомъ простаго наблюденія внѣшней природы вопросовъ: «мы не знаемъ», то матеріалистическаго ученія у насъ въ настоящее время не было бы.

«Послѣдняя часть брошюры Шлейдена посвящена опроверженію матеріализма, доказательству того, «что матеріализмъ происходитъ единственно отъ недостатка послѣдовательности и яснаго пониманія той сферы, въ которой естественныя науки должны вращаться, что истинный естествоиспытатель никогда не можетъ сдѣлаться матеріалистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, никогда не можетъ быть отрицателемъ духа, свободы и божества».

«Шлейденъ охуждаетъ въ началѣ этой части борьбу ученыхъ противъ церкви, къ которой они не имѣли никакого права и даже никакой надежды на успѣхъ, ибо, по словамъ его, «церковь поддерживается религіозными убѣжденіями людей, которыя не могутъ быть уничтожены». Затѣмъ, онъ доказываетъ, что матеріалисты, отрицая идею о божествѣ, допускаютъ тѣмъ самымъ ея существованіе, а такъ какъ, на основаніи ихъ ученія, всѣ мысли суть ничто иное, какъ особаго рода отдѣленія мозга, а идеи о божествѣ, свободѣ и духѣ, должны быть признаны здоровыми и нормальными отдѣленіями, ибо встрѣчаются у $^9/_{10}$ всѣхъ людей, то на отрицаніе

этихъ людей со стороны матеріалистовъ должно смотрѣть, какъ на отдѣленіе мозга ненормальное и нездоровое. Еще сильнѣе въ этомъ отношеніи приводимое нашимъ ученымъ, на стр. 8, изреченіе Струве, что матеріализмъ долженъ быть поставленъ на ряду съ «образованіемъ дурной матеріи въ тѣлѣ, съ нарывами или съ испорченнымъ желудкомъ».

«Далѣе Шлейденъ говоритъ, что матеріализмъ вполнѣ граничитъ съ безнравственнымъ легкомысліемъ при обсужденіи серьёзныхъ вопросовъ, что матеріалистъ, разсуждая и постановляя окончательное рѣшеніе о предметахъ, о которыхъ онъ, собственно говоря, ничего не можетъ сказать, такъ какъ онъ объ нихъ ничего не знаетъ, является не естествоиспытателемъ, а «поверхностнымъ болтуномъ» (стр. 54). Но какъ самое печальное послѣдствіе этого ученія, выставляется Шлейденомъ глубокая его безнравственность (стр. 54), не по непремѣнной безнравственности каждаго матеріалиста, но именно потому, что распространяемое ими ученіе совершенно уничтожаетъ въ принципѣ тѣ нравственныя основы, которыя ими же самими признаются необходимыми въ практической жизни. По принципу матеріалистовъ, человѣкъ дѣлаетъ не то, что «обязанъ», а то, что «вынужденъ» дѣлать по своей природѣ: такимъ образомъ, самый отчаянный разбойникъ такъ же мало подлежитъ отвѣтственности за совершенное имъ убійство, какъ камень, убившій человѣка при паденіи съ крыши.

«Брошюра Шлейдена изобилуетъ отдѣльными изреченіями, свидѣтельствующими о крайнемъ презрѣніи автора къ матеріалистическому ученію. Напримѣръ, на стр. 9, говоря о Бюхнерѣ и Левенталѣ, онъ выражается: «Die schwaechlichen Machwerke Buechners Kraft und Stoff», «die spasshafte Ignoranz dieses Schwaetzers» (о Левенталѣ), «die ganze Naivitaet absoluter Unwissenheit» (о немъ же). На стр. 40 онъ приводитъ примѣры сбивчивости и неясности понятій у Вирхова и Струве; на стр. 48 говоритъ: «Матеріализмъ является плачевнымъ, хотя и объяснимымъ шагомъ назадъ въ области развитія человѣческаго ума» и т. п.

«Выводомъ изъ всего разсматриваемаго сочиненія служатъ тѣ дѣйствительныя главныя положенія Шлейдена, которыя изложены на стр. 56 его брошюры. Но они не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ «главными положеніями», приведенными совѣтомъ по дѣламъ книгопечатанія. Эти положенія суть: 1) Систематическій или философскій матеріализмъ побѣжденъ въ природѣ; онъ былъ весьма низкою степенью познавательной теоріи; сенсуализмъ Локке былъ его послѣднимъ замѣчательнымъ проявленіемъ. 2) Безнравственный матеріализмъ французовъ не заслуживаетъ никакого вниманія, а еще менѣе опроверженія со стороны образованнаго человѣка. 3) Матеріализмъ новѣйшихъ естественныхъ наукъ въ Германіи происходитъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, отъ недо-

статочности образованія и отъ неполнаго примѣненія вѣрнаго метода. 4) Онъ перестанетъ существовать, какъ скоро методъ, основанный на опытѣ, совершенно будетъ примѣненъ къ изученію внѣшней природы. 5) Тогда эмпирическому естествовѣдѣнію сейчасъ же противупоставится психическая антропологія, индукціи — критика Канта, теоретическому естествовѣдѣнію — метафизика, и въ каждомъ изъ этихъ случаевъ вторая наука станетъ выше первой, такъ какъ эта послѣдняя не имѣетъ никакой надежности безъ познавательной теоріи, а теорія эта заключается въ философскихъ наукахъ. 6) Происхожденіе недостаточности образованія и вѣрнаго метода изученія естественныхъ наукъ объясняется исторіею философіи, ибо истинная философія, начиная съ нынѣшняго столѣтія, была вытѣсняема людьми безъ реальныхъ познаній, безъ математическаго образованія и безъ способности понять труды ихъ предшественниковъ на поприщѣ философіи. 7) Естественная наука отвернулась съ отвращеніемъ отъ ихъ негодной болтовни, но вмѣстѣ съ тѣмъ отбросила вообще философію и потеряла такимъ образомъ необходимый общій взглядъ на науку. 8) Послѣдствіями этого, проявившимися въ особенности въ органическихъ естественныхъ наукахъ, находившихся еще въ началѣ развитія, были неконсеквентность и внутреннія противорѣчія. 9) Единственное противоядіе противъ этого матеріализма можетъ быть найдено въ эмпирическо-психическихъ началахъ и въ основанной на нихъ логикѣ.

«Оканчивая этимъ нашъ обзоръ брошюры Шлейдена, мы должны высказать въ заключеніе то убѣжденіе, что она, по общему направленію своему, никакъ не можетъ быть признана противорелигіозною, и что, напротивъ того, слѣдуетъ поставить этому ученому въ большую заслугу то мужество, съ которымъ онъ ополчился противъ господствующаго нынѣ въ естественныхъ наукахъ и распространеннаго, къ сожалѣнію, во всѣхъ классахъ общества матеріалистическаго ученія, которое, безъ сомнѣнія, есть самый опасный и вредный врагъ всякаго религіознаго чувства и всякаго нравственнаго убѣжденія».

Изъ этой оправдательной записки, пересланной министромъ народнаго просвѣщенія министру внутреннихъ дѣлъ, оказывается, что ни совѣтъ по дѣламъ книгопечатанія, ни чиновникъ, дѣлавшій докладъ о брошюрѣ профессора Шлейдена, не читали самаго сочиненія. Они основались на статьѣ «Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которой преднамѣренно были искажены мысли знаменитаго ботаника. Поэтому и заподозрѣніе его въ матеріализмѣ, высказанное министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ письмѣ отъ 18-го января, оказалось ложнымъ. Если бы высшее начальство профессора Шлейдена не потрудилось подвергнуть подробному разсмотрѣнію его сочиненіе, а повѣрило бы на слово письму министра внутреннихъ дѣлъ, то, вѣроятно, ученаго пригласили бы выйти

въ отставку изъ дерптскаго университета. А сколько подобныхъ промаховъ тогдашняго совѣта по дѣламъ книгопечатанія остались безъ надлежащаго отпора, какъ въ случаѣ съ Шлейденомъ, и повлекли за собою извѣстнаго рода кары, только вслѣдствіе невнимательности чиновниковъ къ порученнымъ имъ занятіямъ, или вслѣдствіе желанія угодить всемогущему въ то время министру внутреннихъ дѣлъ, задавшемуся какъ бы цѣлію преслѣдовать печать, послѣ окончательнаго перехода къ нему цензуры съ 1-го марта 1863 года.

Но, послѣ этой переписки, профессоръ Шлейденъ недолго оставался въ русской службѣ. Приказомъ министра народнаго просвѣщенія, 14-го сентября 1864 года, ординарный профессоръ дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Шлейденъ, былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы, хотя передъ тѣмъ (27-го февраля того же года) онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники изъ надворныхъ. Шлейденъ скончался въ 1877 году.

XXXI.

Малороссійскій языкъ, еврейскій жаргонъ и украйнофилы.

Политическія событія и смуты 1863 года подняли, естественно, вопросъ о малороссійскомъ языкѣ и о произведеніяхъ печати на немъ. По этому поводу, 18-го іюля 1863 года, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія:

«Давно идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличавшихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностію. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ, вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы южной Россіи; нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу непросвѣщенную, и тѣ изъ нихъ, которые стремятся къ осуществленію своихъ политическихъ замысловъ, принялись, подъ предлогомъ распространенія грамотности и просвѣщенія, за изданія книгъ для первоначальнаго чтенія: букварей, грамматикъ, географій и т. п. Въ числѣ подобныхъ дѣятелей находились прежде члены харьковскаго тайнаго общества, а въ недавнее время множество лицъ, о преступныхъ дѣйствіяхъ кото-

рыхъ производилось слѣдственное дѣло въ комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына [1]).

«Явленіе это тѣмъ болѣе прискорбно и заслуживаетъ вниманія, что оно совпадаетъ съ политическими стремленіями поляковъ и едва ли не имъ обязано своимъ происхожденіемъ, судя по рукописямъ, поступившимъ въ цензуру, и по тому, что большая часть малороссійскихъ сочиненій дѣйствительно поступаетъ отъ поляковъ. Наконецъ, и кіевскій генералъ-губернаторъ [2]) находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

«Принимая во вниманіе съ одной стороны настоящее тревожное положеніе общества, волнуемаго политическими событіями, а съ другой стороны имѣя въ виду, что вопросъ объ обученіи грамотности на мѣстныхъ нарѣчіяхъ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, я призналъ необходимымъ, впредь до соглашенія моего съ вашимъ превосходительствомъ, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода и шефомъ жандармовъ, относительно печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ сдѣлать по цензурному вѣдомству распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначенныхъ для первоначальнаго чтенія народа, я предложилъ цензурнымъ комитетамъ пріостановиться. О распоряженіи этомъ я повергалъ на высочайшее государя императора воззрѣніе и его величеству благоугодно было удостоить оное монаршаго одобренія.

«Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ почтить меня заключеніемъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья. Къ сему не излишнимъ считаю присовокупить, что по вопросу этому, подлежащему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, я нынѣ же вошелъ въ сношенія съ генералъ-адъютантомъ княземъ Долгоруковымъ [3]) и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода [4]).

---

[1]) Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ былъ предсѣдателемъ комиссіи прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ. Предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи поручено ему было по особому къ нему довѣрію. Онъ скончался 12-го ноября 1864 года. На его мѣсто предсѣдателемъ комиссіи прошеній назначенъ былъ тогда генералъ-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, впослѣдствіи графъ.

[2]) Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

[3]) Шефъ жандармовъ.

[4]) Генералъ-адъютантъ Ахматовъ, котораго замѣстилъ вскорѣ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Приписка. «Нелишнимъ считаю присовокупить, что кіевскій цензурный комитетъ вошелъ ко мнѣ съ представленіемъ, въ которомъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ нарѣчіи».

На это сообщеніе министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовалъ, 20-го іюля того же года, слѣдующій отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія:

«Ваше превосходительство спрашивая мое мнѣніе о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малороссійскомъ нарѣчіи, предназначенныхъ для обученія простонародья, изволите сообщать, что кіевскій цензурный комитетъ находитъ опаснымъ и вреднымъ выпускъ въ свѣтъ разсматриваемаго нынѣ духовною цензурою перевода на малороссійскій языкъ Новаго Завѣта.

«Вслѣдствіе сего, имѣю честь увѣдомить, что сущность сочиненія, мысли, изложенныя въ ономъ, и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ написано, составляетъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. Посему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію. Затѣмъ, если стараніе это употребляется нѣкоторыми лицами какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на малороссійскомъ языкѣ, употребляются какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то ценсура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ за мысли, въ нихъ изложенныя, а не за языкъ, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ кіевскій ценсурный комитетъ значительное число, то комитетъ сей могъ бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава ценз оровъ. Требованіе же комитета, чтобы были приняты мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ. Что же касается до мнѣнія кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый духовною ценсурою, то, изъ уваженія къ г. генералъ-адъютанту Анненкову, я объясню себѣ подобный отзывъ какою-то непонятною канцелярскою ошибкою. Духовное вѣдомство имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ и юртѣ находится экземпляръ Евангелія на языкѣ, понятномъ обитателямъ. Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны всемѣрно ста-

рается о распространенiи въ своихъ училищахъ и чрезъ нихъ въ народѣ книгъ духовнаго содержанiя, печатаетъ ихъ въ числѣ десятковъ тысячъ экземпляровъ, и въ ряду этихъ книгъ Новый Завѣтъ на мѣстномъ нарѣчiи долженъ бы занимать первое мѣсто. Посему малороссiйскiй переводъ Евангелiя, исправленный духовною цензурою, составитъ одно изъ прекраснѣйшихъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованiе, и министерство народнаго просвѣщенiя должно желать этому дѣлу скорѣйшаго и полнаго успѣха.

«Въ заключенiе, считаю долгомъ сказать, что, лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, я находился въ Финляндiи въ то самое время, когда приняты были строгiя цензурныя мѣры противъ книгъ, которыя печатались для народа на финскомъ языкѣ и разныхъ нарѣчiяхъ онаго, причемъ было дозволено издавать на этомъ языкѣ только книги духовнаго или агрономическаго содержанiя. Я былъ тогда свидѣтелемъ негодованiя, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ, самыхъ преданныхъ правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряженiю, ибо оно приносило большой вредъ самому правительству».

Въ этомъ отношенiи, то есть объ употребленiи того или другаго языка или нарѣчiя при печатанiи сочиненiй, оба министерства не сходились между собою въ то время во взглядахъ. Ровно за годъ передъ тѣмъ, между ними возникла подобнаго же рода переписка по вопросу объ употребленiи еврейскаго разговорнаго языка, причемъ уже тогда оба вѣдомства выразили мнѣнiя, противоположныя одно другому. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ министру народнаго просвѣщенiя, 18-го iюля 1862 года:

«Ваше превосходительство, отношенiемъ отъ 4-го минувшаго iюня, сообщили мнѣ заключенiе состоящаго при министерствѣ народнаго просвѣщенiя комитета еврейскихъ учебныхъ руководствъ, по одобренному раввинскою комиссiею предположенiю ученаго еврея Гуровича о прекращенiи печатанiя сочиненiй на разговорномъ языкѣ, въ видахъ распространенiя между евреями знанiя языковъ русскаго и нѣмецкаго. Означенный комитетъ, вполнѣ раздѣляя мнѣнiе, что употребляемый евреями въ разговорѣ жаргонъ служитъ значительнымъ препятствiемъ къ успѣхамъ образованiя между ними и сознавая необходимость отчужденiя евреевъ отъ ихъ жаргона, признаетъ, однако же, запрещенiе печатанiя книгъ на еврейскомъ жаргонѣ мѣрою недостигающею цѣли и къ тому же имѣющею видъ посягательства на стѣсненiе ихъ въ религiозномъ отношенiи, такъ какъ печатаемыя на этомъ жаргонѣ книги большею частiю религiозно-нравственнаго содержанiя и употребляются по преимуществу женскимъ поломъ и вообще простолюдинами. За симъ комитетъ предлагаетъ нѣсколько мѣръ, которыми

только, по его мнѣнію, и можно распространить между евреями образованіе и знаніе русскаго языка.

«Не входя въ обсужденіе общаго вопроса: какими мѣрами можно распространить между евреями образованіе и знаніе русскаго языка и обращаясь къ частному вопросу, бывшему въ разсмотрѣніи въ раввинской комиссіи—о запрещеніи печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія, я, съ своей стороны, полагаю, что осуществленіе этой мѣры должно значительно способствовать распространенію между евреями знанія русскаго языка потому, что она воспрепятствуетъ дальнѣйшему развитію жаргона въ литературномъ отношеніи и лишитъ его чрезъ то возможности сдѣлаться когда нибудь выраженіемъ тѣхъ понятій, которыя, съ распространеніемъ между евреями образованія, они будутъ почерпать изъ книгъ русскихъ и нѣмецкихъ и такимъ образомъ будетъ способствовать къ постепенному замѣненію жаргона языкомъ русскимъ; но какъ жаргонъ въ настоящее время представляется единственнымъ проводникомъ религіозно-нравственныхъ понятій въ массѣ еврейскаго народонаселенія, то раввинская комиссія съ этою цѣлью и сдѣлала исключеніе въ пользу книгъ религіозно-нравственнаго содержанія.

«Что же касается предположенія комитета еврейскихъ учебныхъ руководствъ, что запрещеніе печатанія книгъ на жаргонѣ можетъ казаться евреямъ посягательствомъ на стѣсненіе ихъ въ религіозномъ отношеніи, то, по моему мнѣнію, предположеніе это не имѣетъ основанія, во-первыхъ, потому, что эта мѣра предложена евреемъ и одобрена раввинскою комиссіею и, во-вторыхъ, между грамотными и преданными своей вѣрѣ евреями жаргонъ находится въ такомъ пренебреженіи, что истый еврей не возьметъ въ руки книгу, написанную на жаргонѣ.

«По симъ соображеніямъ, я признаю достигающею цѣли мѣру запрещенія печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія, съ тѣмъ, однако-же, чтобы и сіи послѣднія книги, какъ предназначенныя для чтенія простолюдиновъ, подвергались строгой цензурѣ въ нравственномъ отношеніи, о чемъ и имѣю честь сообщить на усмотрѣніе вашего превосходительства».

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ на это сообщеніе, 25-го іюля, слѣдующимъ образомъ: «На отношеніе вашего превосходительства имѣю честь увѣдомить, что для основательнаго образованія еврейскаго населенія, конечно, желательно, чтобы еврейскій жаргонъ вывелся изъ употребленія; но запрещеніе печатанія книгъ на немъ, какого бы содержанія онѣ ни были, не заставитъ вдругъ евреевъ читать русскія и нѣмецкія книги, по незнанію языковъ, на которыхъ онѣ печатаются, и едва ли можно надѣяться, чтобы такое запрещеніе побудило евреевъ учиться русскому и нѣмецкому

языкамъ. Я полагаю, напротивъ, что это скорѣе вызоветъ въ евреяхъ сочувствіе къ ихъ разговорному языку и очень легко можетъ быть, что вмѣсто того, чтобы читать русскія и нѣмецкія книги, они совсѣмъ перестанутъ читать, придавая своей безграмотности характеръ религіознаго мученичества. Жаргонъ постепенно уже теряетъ свое значеніе, и нельзя предполагать, чтобы правительство извлекло значительную пользу изъ прекращенія его нѣсколькими годами ранѣе или позже. Между тѣмъ, оно рѣшилось бы въ этомъ случаѣ на принятіе мѣры необъясняемой и неоправдываемой никакими—ни политическими, ни педагогическими основаніями и могло бы навлечь на себя упрекъ въ преслѣдованіи сочиненій не по содержанію ихъ, а по языку, на которомъ они пишутся.

«По симъ соображеніямъ, я остаюсь въ убѣжденіи, что насильственное прекращеніе печатанія книгъ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ было бы мѣрою безполезною и даже вредною».

Въ январѣ 1864 года, вслѣдствіе обвиненій, сдѣланныхъ противъ нѣкоторыхъ украйнофиловъ, министромъ народнаго просвѣщенія сообщена была шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту князю В. А. Долгорукову, слѣдующая записка объ украйнофилахъ:

«Въ недавнее время начинаютъ много толковать о партіи, образовавшейся въ Малороссіи и извѣстной подъ названіемъ украйнофиловъ. Партія эта имѣла свой органъ въ періодической печати, а именно журналъ «Основу»; она не только не скрывала своихъ цѣлей, но говорила о нихъ, напротивъ, очень много; вся дѣятельность ея происходила и происходитъ на виду; къ удивленію, даже тѣ газеты, которыя, какъ, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости», вступили въ борьбу съ украйнофилами, отзывались еще весьма недавно съ уваженіемъ объ ихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ [1]). Но въ чемъ же состоятъ эти намѣренія? Къ чему стремятся желанія

[1]) Въ 1862 году, нынѣшняя редакція «Московскихъ Вѣдомостей», обнародовавъ въ издаваемой ею «Современной Лѣтописи» (№ 46) profession de foi украйнофиловъ, сопроводила его слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Что касается малороссійской литературы, то мы менѣе всякаго другого могли желать, чтобы ея попытки встрѣчали какое нибудь внѣшнее противодѣйствіе и подвергались стѣсненію; мы только сомнѣвались въ ихъ успѣхѣ и опасались, чтобы многія добрыя силы не были отвлечены ими на безплодное и безуспѣшное дѣло; но мы никогда не имѣли претензіи выставлять наше мнѣніе по этому вопросу за норму и готовы оказывать полное уваженіе противоположному мнѣнію, коль-скоро оно вытекаетъ изъ честныхъ побужденій и высказывается въ такомъ честномъ смыслѣ, какъ у авторовъ печатаемаго нами отзыва (т. е. profession de foi украйнофиловъ). Если же притомъ мнѣніе, съ которымъ мы болѣе или менѣе несогласны, опирается на однихъ съ нами основаніяхъ и находится въ тѣсной связи со многимъ, въ чемъ мы сами убѣждены и чего мы сами желаемъ, то мы не можемъ отказать ему и въ извѣстной долѣ нашего сочувствія». Прибавимъ къ этому, что даже въ 1863 году «Московскія Вѣдомости» печатали отчеты о сборѣ денегъ на печатаніе народныхъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ.

украйнофиловъ? Сами они опредѣляли ихъ постоянно такимъ образомъ: «вспомоществовать всѣми силами развитію родственнаго имъ, по происхожденію, малороссійскаго племени, не вдаваясь при этомъ ни въ какіе политическіе или соціальные толки, а заботясь только развивать грамотность въ народѣ и внушать ему истинныя понятія о его долгѣ и обязанностяхъ». Такова программа украйнофиловъ. Согласно ей, постановили они своею задачею печатать книги на простонародномъ языкѣ и продавать ихъ не иначе, какъ по цѣнѣ самой доступной для простолюдиновъ.

«Въ то же время, дѣятельность украйнофиловъ касалась и высшихъ классовъ общества. Подъ вліяніемъ національныхъ побужденій, старались они развить южно-русскую литературу; нѣкоторые авторы, какъ, напримѣръ, гг. Кулишъ, Костомаровъ, Марко-Вовчокъ (псевдонимъ г-жи Марковичъ) и другіе, писали статьи и издавали даже отдѣльныя сочиненія на языкѣ малороссійскомъ. Журналъ «Основа», выходившій въ свѣтъ до 1862 года, служилъ органомъ этихъ писателей и дѣятельно развивалъ мысль о высокомъ значеніи, которое можетъ получить самостоятельная, вполнѣ оригинальная литература Малороссіи.

«Такъ шло дѣло до начала 1863 года. Попытки украйнофиловъ встрѣчали многочисленныя возраженія въ нашей печати; нерѣдко доказывали имъ, что они даромъ потратятъ свои силы, что они не достигнутъ никакихъ результатовъ, но никому не приходило въ голову видѣть въ занятіяхъ ихъ что либо опасное. Противники этой партіи опирались преимущественно на то соображеніе, что малороссійскій языкъ составляетъ не болѣе какъ мѣстное нарѣчіе, что не можетъ выработаться изъ него самостоятельная литература, которая существовала бы рядомъ съ литературою русскою, и что поэтому стараніямъ украйнофиловъ суждено остаться совершенно безплодными. Возражая на это, украйнофилы ссылались на мнѣнія такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Миклошичъ, Шафарикъ, даже Срезневскій, которые признаютъ малороссійскій языкъ отдѣльною отраслью языковъ славянскихъ, подобно болгарскому, чешскому и другимъ. Споръ не выходилъ, такимъ образомъ, изъ чисто-научной сферы. Всѣ были твердо убѣждены, что приверженцы самостоятельной малороссійской литературы находятся подъ вліяніемъ тѣхъ увлеченій, которыя возникаютъ по временамъ не только у насъ, но въ любомъ европейскомъ обществѣ; развѣ не существуетъ въ Россіи партія славянофиловъ, которая простирала еще недавно исключительность національнаго чувства до такой степени, что относилась враждебно ко всей западной цивилизаціи и чуть ли не желала возвратить русское общество ко временамъ до-петровскимъ? Развѣ партія эта, несмотря на всѣ свои крайности, не считала въ рядахъ своихъ людей вполнѣ благонамѣренныхъ и преданныхъ правительству, начиная съ бывшаго министра народ-

наго просвѣщенія Шишкова? Увлеченія украйнофиловъ и славянофиловъ выходили изъ совершенно одинаковаго источника. И славянофилы считались когда-то опасными и противъ нихъ принимались дѣятельныя полицейскія мѣры, а между тѣмъ, когда имъ было дозволено въ послѣднее время выражать открыто свой образъ мыслей, теоріи ихъ не обнаружили никакого предосудительнаго вліянія на общество. Напротивъ того, въ польскомъ вопросѣ и во многихъ другихъ, касающихся нашихъ внутреннихъ преобразованій, газета «День», органъ славянофильской партіи, служила твердою опорою правительства, возбуждая противъ себя неистовые вопли нашей лондонской эмиграціи. Съ точно такой же точки смотрѣла публика и на украйнофиловъ: твердо убѣжденная, что малороссійское нарѣчіе не можетъ выработаться въ самостоятельную литературу, она оставалась равнодушною къ ихъ попыткамъ, зная, что имъ не удастся выработать что либо изъ ничего.

«Въ 1863 году взглядъ этотъ значительно измѣнился. Подъ вліяніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», вопросъ перенесенъ былъ съ почвы научной на почву политическую. Въ попыткахъ украйнофиловъ усмотрѣнъ былъ вдругъ весьма опасный характеръ и прямо высказано было обвиненіе въ томъ, что они стремятся къ сепаратизму, къ политическому отдѣленію малороссійскаго края отъ имперіи. Обвиненіе это не могло не показаться нѣсколько страннымъ уже потому, что оно было сдѣлано въ ту самую минуту, когда украйнофилы принуждены были сами отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ увлеченій. Журналъ ихъ «Основа» прекратилъ свое существованіе, не вслѣдствіе какихъ либо административныхъ стѣсненій, а единственно по недостатку подписчиковъ, по отсутствію сочувствія малороссійской публики къ попыткамъ создать самостоятельную малороссійскую литературу. Слѣдовательно, заботы украйнофиловъ привлечь къ себѣ высшіе классы южнаго края окончились для нихъ неудачно. Дѣятельность ихъ съ тѣхъ поръ посвящена была исключительно распространенію грамотности въ простомъ народѣ, и она-то подверглась болѣе сильнымъ нареканіямъ. Противники украйнофиловъ повторяютъ постоянно, что они не думаютъ заподозрѣвать чистоту ихъ намѣреній, что они убѣждены въ ихъ патріотизмѣ и въ ихъ добросовѣстности, но что, тѣмъ не менѣе, ихъ образъ дѣйствій можетъ принести весьма печальные плоды: искусственное распространеніе грамотности на мѣстномъ нарѣчіи способно породить, по мнѣнію ихъ, только рознь въ государствѣ, которою не замедлитъ воспользоваться польская пропаганда, весьма сильная, какъ извѣстно, въ южномъ краѣ.

«Замѣтимъ прежде всего, что противники партіи, о которой идетъ рѣчь, не считаютъ возможнымъ обвинять ее въ какихъ либо преднамѣренно, умышленно зловредныхъ планахъ. Впрочемъ, и трудно было бы сдѣлать это, ибо для подобнаго страшнаго нареканія по-

требовались бы какія нибудь доказательства, а ихъ не существуетъ вовсе. Пусть было бы обнаружено, что въ книжкахъ, издаваемыхъ на малороссійскомъ языкѣ, къ употребленію для простаго народа, находятся хотя отдаленные намеки на желаніе возбудить племенную вражду между двумя населеніями одного и того же государства, посѣять недовѣріе къ правительству—и тогда вопросъ рѣшился бы самъ собою. Но ничего подобнаго нельзя найти въ произведеніяхъ народной печати, — и сами украйнофилы понимаютъ очень хорошо всю вопіющую нелѣпость подобныхъ попытокъ. «Если насъ упрекаютъ въ сепаратизмѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ желаніи сепаратизма государственнаго», говоритъ вышеупомянутый ихъ отзывъ («Современная Лѣтопись» 1862 г., № 46), «то мы объявляемъ, что это самая нелѣпая и самая наивная клевета. Никто вѣдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое политическое стремленіе, при настоящемъ стремленіи общества, до того ребячески смѣшно въ нашихъ глазахъ, что серьёзно считаешь даже лишнимъ возражать на этотъ упрекъ. Послѣдовательно ли было бы съ нашей стороны прививать къ народу политическія идеи, когда всѣ симпатіи его обращены въ ту сторону, откуда пришло къ нему избавленіе отъ крѣпостной зависимости? И потомъ, сдѣлался ли бы нашъ народъ честнѣе, лучше и умнѣе, если бы перемѣнилось названіе политическаго организма, къ которому онъ принадлежитъ»? Можно замѣтить, что заявленія такого рода ничего не говорятъ, потому что за ними удобно скрывать самые вредные замыслы,—но едва ли слѣдуетъ допустить такое предположеніе, ибо всѣ дѣйствія украйнофиловъ вполнѣ согласовались и согласуются съ ихъ заявленіями. Значительнѣйшія по талантамъ лица, стоящія во главѣ этой партіи, энергически боролись съ польскою пропагандою. Бывшій профессоръ Костомаровъ, котораго украйнофилы считаютъ своимъ вождемъ, поспѣшилъ, въ началѣ минувшаго года, напечатать въ «Русскомъ Инвалидѣ» статью, въ которой онъ заявилъ прямо, что «проклятъ» былъ бы тотъ, кто помыслилъ бы о поколебаніи государственнаго единства Россіи. Можно сказать положительно, что въ южномъ нашемъ краѣ польскій элементъ не встрѣчаетъ ни въ комъ такого рѣзкаго противодѣйствія, какъ въ партіи украйнофиловъ. Противники ихъ знаютъ все это очень хорошо, и вотъ почему они принуждены согласиться, что дѣйствительно партія эта не имѣетъ никакихъ затаенныхъ плановъ, которые она старалась бы проводить ко вреду государства.

«Остается, слѣдовательно, упрекъ, что зло можетъ быть причинено украйнофилами неумышленно, помимо ихъ воли и стремленій,—что зло заключается уже въ самомъ фактѣ распространенія грамотности на простонародномъ языкѣ, которымъ говорятъ малороссы. Но невозможно допустить и этого предположенія. Прежде

всего слѣдуетъ замѣтить, что существуютъ два совершенно противоположные взгляда на способъ обученія народа въ нашемъ южномъ краѣ: если одни доказываютъ необходимость знакомить его прямо съ великорусскою грамотою, будто бы ему совершенно понятною и доступною, то другіе, ссылаясь на свидѣтельство опыта, увѣряютъ, что народъ усвоиваетъ эту грамоту неохотно и что нужно обращаться къ нему на томъ нарѣчіи, которымъ онъ говоритъ въ своей обыденной жизни. Украйнофилы держатся послѣдняго убѣжденія. Быть можетъ, они неправы, но во всякомъ случаѣ взглядъ ихъ не представляетъ ничего необыкновеннаго. Вспомнимъ, что и у насъ многіе желаютъ обучать простолюдиновъ не иначе, какъ на старинномъ, церковно-славянскомъ языкѣ, а противники ихъ высказываются въ пользу языка, общеупотребительнаго въ настоящее время: споръ чисто-научный и не могущій подвергнуть нареканіямъ ни ту, ни другую сторону. Украйнофилы убѣждены, что малороссійскій народъ тогда только разовьется, тогда только заинтересуется грамотностью, когда учители его будутъ обращаться къ нему на языкѣ ему родномъ, хотя и необработанномъ такъ совершенно, какъ нашъ языкъ. Никто не обязанъ, конечно, соглашаться съ подобною мыслью; можно даже бороться съ дѣятельностью ихъ, направленною къ вышеупомянутой цѣли, но бороться средствами чисто нравственными: распространяя, въ свою очередь, книги для народа на русскомъ языкѣ, основывая школы, гдѣ господствовала бы русская грамотность. Правительство имѣетъ полную возможность преодолѣть на этомъ пути всѣ попытки украйнофиловъ, такъ какъ въ обладаніи его находятся средства несравненно болѣе громадныя, но было бы вредно дѣйствовать мѣрами административныхъ стѣсненій. Это значило бы порождать неудовольствіе въ лицахъ, которыя, по сознанію даже ихъ недоброжелателей, не обнаружили вредныхъ замысловъ; это значило бы изъ партіи литературной дѣлать партію политическую. Несмотря на всѣ толки, возникшіе въ послѣднее время, трудно понять, какимъ образомъ распространеніе въ малороссійскомъ народѣ грамотности на мѣстномъ нарѣчіи могло бы возбудить въ немъ сочувствіе къ тѣмъ лицамъ, которыя возъимѣли бы, положимъ, безумную мысль объ отторженіи Малороссіи отъ имперіи? Какимъ образомъ простолюдинъ, обучившійся читать и писать на родномъ своемъ языкѣ, вдругъ проникся бы дикимъ убѣжденіемъ, что страна или область, въ которой онъ живетъ, должна получить отдѣльное политическое существованіе? Допустить это, очевидно, можно въ томъ только случаѣ, если бы въ книгахъ, назначающихся для его употребленія, развиваемы были постоянно подобныя мысли или дѣлались бы хотя намеки на нихъ, но развѣ правительство смотрѣло бы равнодушно на такую пропаганду? Развѣ преступная пропаганда эта могла бы укрыться отъ его вниманія? Развѣ не такъ же легко было бы дѣлать ее, изда-

вая простонародныя книги на русскомъ, какъ и на малороссійскомъ языкѣ? Украйнофилы могли бы и съ русскою азбукою въ рукахъ проникать въ школы и сѣять тамъ сѣмена безпорядковъ и неурядицы. Но тутъ уже виноватъ былъ бы не языкъ, на которомъ они учатъ, а то, чему они учатъ на этомъ языкѣ: всякая грамотность не приноситъ ничего кромѣ пользы, — другое дѣло употребленіе, которое дѣлается изъ этой грамотности.

«До сихъ поръ украйнофилы не дали противникамъ своимъ никакого повода обвинять ихъ въ томъ, что они распространяютъ ложныя и преступныя понятія въ народѣ. Если бы они впали въ подобный непростительный проступокъ, правительство немедленно прекратило бы зловредную ихъ дѣятельность; но пока ничего этого не существуетъ,—не слѣдуетъ, повидимому, безъ нужды поселять въ нихъ раздраженія, а бороться съ ними тѣми же самыми средствами, которыя они сами употребляютъ».

XXXII.

Попечитель казанскаго округа и газета „Голосъ".

Попечитель казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Филиппъ Филипповичъ Стендеръ, нашелъ необходимымъ, 20-го ноября 1863 года, сдѣлать слѣдующее представленіе министру народнаго просвѣщенія: «Въ настоящее время положеніе казанскаго университета удовлетворительно. Несогласія между профессорами, непріязненныя отношенія студентовъ къ ученой корпораціи, не проявляются. Не могу скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что это сдѣлалось не само собою, что для этого требовалось много полныхъ и непрестанныхъ усилій и наблюденій со стороны моей и моего помощника. Но наши общія, единодушныя усилія, равно какъ единодушіе университетской корпораціи, могутъ оказаться тщетными, если будутъ продолжаться дерзкія выходки противъ университета, подобныя тѣмъ, которыя допускаются въ с.-петербургской газетѣ «Голосъ».

«Въ № 285-мъ редакція этой газеты, говоря о неудовлетворительномъ состояніи нашихъ университетовъ, съ особенною почему-то рѣзкостію отозвалась о казанскомъ университетѣ въ такихъ словахъ: «казанскій университетъ до того обѣднѣлъ, что, напримѣръ, на юридическомъ факультетѣ большинство каѳедръ занято учителями гимназій, и, по слухамъ, онъ вообще ближе походитъ на гимназію, нежели на университетъ». Такое голословное, бездоказательное низведеніе университета на степень гимназіи, высказываемое въ газетѣ хотя бы даже и въ видѣ слуха, есть явленіе по истинѣ возмутительное и заключающее въ себѣ достаточно наглости для

произведенія волненія и возмущенія между молодежью, которая съ особенною алчностью бросается на всякое слово, уничтожающее авторитеты, и потому столь близкое современному настроенію молодежи. Я не говорю уже о томъ, что свѣдѣніе, высказываемое «Голосомъ» категорически, совершенно ложное: въ юридическомъ факультетѣ казанскаго университета нѣтъ ни одного учителя гимназіи, а есть четыре кандидата, исправляющіе должность адъюнктовъ.

«Точно такое же возмутительное и способное возмутить молодежь потворство ея незрѣлымъ мнѣніямъ высказывается въ томъ же нумерѣ «Голоса», гдѣ разбираются правила, составленныя совѣтами университетовъ петербургскаго, харьковскаго и казанскаго. Не распространяясь объ этой, въ сущности плохой, имѣющей претензію на остроуміе, рецензіи правилъ, я почитаю долгомъ обратить вниманіе вашего высокопревосходительства на заключительныя строки этой статьи, гдѣ редакція «Голоса» нападаетъ на § 9 V отдѣла правилъ казанскаго университета, указывающій на мѣры взысканія за выраженіе одобренія и порицанія преподаванія или преподавателя. Редакція «Голоса», съ непостижимою безцеремонностью и отсутствіемъ тѣни добросовѣстности, называетъ подобныя явленія мелочью и пустяками, какъ будто бы она не понимаетъ того, что если университетскіе слушатели будутъ безнаказанно шикать и свистать профессорамъ, то, какъ уже и доказалъ грустный опытъ послѣднихъ годовъ университетской жизни, студенты примутъ на себя право и выгонять съ каѳедръ не нравящихся имъ профессоровъ и распоряжаться университетомъ не для пользы науки, а для внесенія въ него полной неурядицы, полнаго произвола массы, увеличенной незрѣлыми понятіями, къ сожалѣнію выраженными и въ настоящее время «Голосомъ», и опьяненной тою уступчивостью, которую встрѣчали ихъ неумѣстныя притязанія. Вѣроятно, «Голосу» желательно возбудить прежнюю неурядицу въ университетахъ, внушая, что выраженія одобренія и неодобренія профессоровъ—мелочи, пустяки, не заслуживающіе ни малѣйшаго преслѣдованія, а напротивъ—поощренія, что, слѣдовательно, студенты смѣло могутъ шикать и свистать во имя науки. По крайнему моему убѣжденію, для пользы науки и представителей ея, университетовъ, только что начинающихъ подниматься на ноги отъ прежняго шатанія, необходимо положить предѣлъ неразумному голосу «Голоса».

«При этомъ почитаю долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство потребовать у редакціи «Голоса» объявленія имени автора этихъ двухъ статей; это необходимо потому, что члены университетскаго совѣта подозрѣваютъ въ написаніи этихъ статей одного изъ своихъ сочленовъ».

Отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія попечителю казан-

скаго учебнаго округа послѣдовалъ 29-го ноября: «Въ отвѣтъ на сообщеніе вашего превосходительства, отъ 20-го ноября, о неприличныхъ статьяхъ, касающихся казанскаго университета и помѣщенныхъ въ газетѣ «Голосъ», считаю нужнымъ васъ увѣдомить:

«1) что министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ своею обязанностью разъяснять и опровергать ложныя воззрѣнія и несправедливыя обвиненія, появляющіяся въ печати, а не преслѣдовать ихъ полицейскимъ порядкомъ или ограничивать просторъ печатнаго слова, сожалѣя, впрочемъ, о нерѣдкихъ уклоненіяхъ его отъ прямаго пути. Посему, въ опроверженіе статей, появившихся въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ противъ университетскихъ правилъ, напечатаны были статьи въ «Сѣверной Почтѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества» и проч., и приготовляется еще нѣсколько статей. Каждый университетъ можетъ равнымъ образомъ опровергать несправедливыя обвиненія противъ него.

«2) Весьма желательно, чтобы лица, занимающія въ казанскомъ университетѣ каѳедры, не имѣя еще соотвѣтствующей ученой степени, пріобрѣли оную, что, казалось бы, тѣмъ для нихъ легче, чѣмъ достойнѣе эти лица оказаннаго имъ довѣрія.

«3) Спрашивать оффиціально у редакцій журналовъ имена авторовъ написанныхъ статей совершенно безполезно, ибо, въ случаѣ предположенія, что объявленіе имени автора можетъ причинить ему непріятность, редакторы называютъ себя авторами или объявляютъ, что статья прислана по городской почтѣ безъ подписи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ я узналъ «частнымъ образомъ», что статья, въ которой упоминается о казанскомъ университетѣ, писана профессоромъ Александровскаго лицея Лохвицкимъ, а статья объ университетскихъ правилахъ г. Разинымъ, авторомъ извѣстной книжки «Міръ Божій».

«4) Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что печатныя статьи имѣютъ вліяніе на университетскую молодежь, но вслѣдствіе этого невозможно домогаться еще бо́льшаго стѣсненія печатнаго слова, чѣмъ оное у насъ уже существуетъ, а слѣдуетъ стараться объ усиленіи благодѣтельнаго нравственнаго вліянія со стороны профессоровъ, которое несомнѣнно, въ случаѣ научныхъ достоинствъ гг. профессоровъ и единодушнаго ихъ дѣйствія».

Указомъ правительствующему сенату, 5-го февраля 1865 года, попечитель казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стендеръ, всемилостивѣйше былъ уволенъ, по разстроенному здоровью, отъ службы, съ производствомъ въ тайные совѣтники.

XXXIII.

Возраженіе г. Каткова цензурѣ въ 1859 году.

Въ 1857 и 1858 годахъ въ «Русской Бесѣдѣ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» были напечатаны статьи о злоупотребленіяхъ греческаго духовенства въ Болгаріи. Онѣ соотвѣтствовали началу движенія, имѣвшаго конечнымъ результатомъ отдѣленіе болгарской церкви отъ константинопольскаго греческаго патріархата и образованіе изъ нея самостоятельнаго учрежденія, подобно церкви въ эллинскомъ королевствѣ. Такъ какъ рѣшеніе россійскаго синода въ этомъ важномъ вопросѣ тогда еще не состоялось, то появленіе упомянутыхъ статей произвело сильное впечатлѣніе на патріархатъ. Болгарская интеллигенція въ Россіи, орудовавшая надъ составленіемъ этихъ статей,—напримѣръ, Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ,—обращавшая въ то время главное вниманіе на распространеніе національныхъ школъ въ Болгаріи, какъ на лучшее средство сохраненія въ болгарахъ ихъ народности и охраненія ея отъ турецкаго и мусульманскаго поглощенія, всѣми силами поддерживала возникавшій вопросъ объ освобожденіи церкви въ Болгаріи отъ зависимости отъ константинопольскаго патріархата и о замѣнѣ въ этой странѣ греческаго духовенства своимъ, болгарскимъ. Патріархатъ въ Константинополѣ чуялъ это новое ослабленіе его могущества на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ обратился къ защитѣ нашего синода, по поводу появленія упомянутыхъ статей. Тогдашній прокуроръ святѣйшаго синода, генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Петровичъ Толстой, писалъ министру народнаго просвѣщенія, Аврааму Сергѣевичу Норову, что эти статьи произвели «глубоко-горестное впечатлѣніе на константинопольскаго патріарха». Далѣе графъ Толстой писалъ: «нельзя представить себѣ, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что это есть плодъ внушеній заграничной пропаганды! Съ перваго раза можно уже видѣть въ статьяхъ этихъ явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви и что онѣ нестолько ведутъ къ возбужденію сочувствія къ нуждамъ болгаръ (которое можно возбудить и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ константинопольской церкви. Появленіе подобныхъ статей, при существованіи у насъ цензуры, приписывается греками разрѣшенію русскаго правительства».

Графъ Толстой не удовольствовался этимъ замѣчаніемъ, вызваннымъ ходатайствомъ константинопольскаго патріарха, но вскорѣ препроводилъ министру народнаго просвѣщенія (въ это время

Евграфъ Петровичъ Ковалевскій замѣстилъ А. С. Норова, назначеннаго членомъ государственнаго совѣта) опроверженія на упомянутыя статьи, для напечатанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Графъ Толстой полагалъ условіемъ напечатанія опроверженій, чтобы «не дѣлать въ нихъ никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предупредить противъ нихъ читателей». Опроверженія, доставленныя графомъ Толстымъ, были посланы Е. П. Ковалевскимъ къ попечителю московскаго учебнаго округа (съ тѣмъ вмѣстѣ предсѣдателю тамошняго цензурнаго комитета) для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ. Министръ поручилъ ему въ то же время потребовать по этому дѣлу объясненія отъ цензоровъ и редакторовъ. Одна изъ посланныхъ статей появилась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (тогда эта газета издавалась московскимъ университетомъ, подъ редакціею Валентина Ѳедоровича Корша), но редакторъ «Русскаго Вѣстника», М. Н. Катковъ, отказался помѣстить доставленную ему статью въ своемъ журналѣ и представилъ въ цензурный комитетъ объясненіе, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ и исполненное достоинства.

«Я не могу согласиться», писалъ г. Катковъ, «напечатать статью, доставленную графомъ Толстымъ, въ моемъ журналѣ, какъ по причинѣ способа, какимъ доставлена эта статья, такъ и по причинѣ того условія, съ какимъ, какъ видно изъ отношенія цензурнаго комитета, должно быть сопряжено помѣщеніе ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Я не знаю узаконенія, по которому цензурный комитетъ, до сихъ поръ только разрѣшавшій или запрещавшій печатаніе статей, можетъ приглашать редакцію печатать что либо въ ея журналѣ. Если бы такое узаконеніе существовало, то изданіе частныхъ журналовъ стало бы совершенною невозможностію. Что же касается до условія, «чтобы редакція не дѣлала никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предупредить противъ нихъ читателя»,—то я полагаю, что эти строки вошли въ отношеніе по какому нибудь недоразумѣнію, ибо никакъ не могу думать, чтобы съ какой либо стороны могло быть поставлено человѣку, пользующемуся покровительствомъ законовъ, подобное, оскорбительное для его совѣсти и чести, условіе! Въ своемъ журналѣ я ничего не печатаю, и по совѣсти ничего не могу печатать—невольно. Что же сказать о томъ требованіи, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то-есть не соглашаясь съ нею, хочетъ, чтобы въ то же время я вводилъ публику въ заблужденіе, предлагая ей такую статью, какъ выраженіе собственныхъ мыслей, и принимая за нее отвѣтственность, какъ за свое собственное про-

изведеніе? Впрочемъ, считаю нелишнимъ объяснить, что если бы автору статьи было угодно обратиться частнымъ образомъ въ редакцію, то она не невольно, а весьма охотно, напечатала бы изъ нея все то, что относится къ дѣлу, откинувъ всѣ не относящіяся къ нему разглагольствія, съ тѣмъ, однако же, чтобы подъ статьею было подписано имя автора, а главное съ тѣмъ, чтобы редакціи дана была полная возможность возобновить рѣчь о предметѣ этой статьи и оспаривать изложенныя въ ней мнѣнія и показанія, съ которыми редакція имѣетъ основаніе не соглашаться».

Редакторъ «Русской Бесѣды», А. И. Кошелевъ, въ своемъ объясненіи московскому цензурному комитету писалъ, что его журналъ былъ всегда органомъ идей глубоко-религіозныхъ; но по этому самому, равно какъ по сочувствію своему къ заграничнымъ единовѣрцамъ, его журналъ не могъ не заявить о тяжелой судьбѣ «болгаръ, угнетаемыхъ чуждою имъ по національности церковною іерархіею». Если же статья, помѣщенная въ «Русской Бесѣдѣ», проникнута одушевленіемъ и даже негодованіемъ, то ни одинъ русскій, ни одинъ православный, не долженъ и не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ важномъ вопросѣ, не обличая въ себѣ въ то же время полнаго равнодушія къ отечеству земному и къ отечеству небесному. При такихъ обстоятельствахъ, была очевидная необходимость познакомить съ ними людей благомыслящихъ и истинно просвѣщенныхъ въ Россіи. Странно и стыдно было бы намъ оставаться въ неизвѣстности по вопросу, который долженъ быть такъ близокъ сердцу всякаго православнаго и русскаго, тогда, когда онъ сдѣлался уже предметомъ изученія и разговора во всей Европѣ. Ни одно слово въ цѣлой статьѣ не обращено не только противъ вѣры православной, но даже и противъ законовъ церковной іерархіи. Еще болѣе: «обличая поступки фанаріотовъ, авторъ ограничивается только тѣми, которые прямо враждебны духовной жизни болгарскаго народа, или разорительны для его вещественнаго состоянія, а не касается многихъ и слишкомъ плачевныхъ явленій въ цареградской іерархіи, которыя извѣстны, къ несчастію, всѣмъ, видѣвшимъ ее вблизи, но не прямо падаютъ на страдальческія головы задунайскихъ славянъ. Въ этомъ уже видно самое явное доказательство, что перомъ его водила не вражда, не невѣріе, не непочтеніе къ закону іерархическому, но единственно тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій».

Такъ русская печать отстаивала еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ самостоятельность болгарскаго народа, котораго освободило русское оружіе только двадцать лѣтъ спустя. И въ этомъ отношеніи русская печать предупредила русскую политику.

Означенныя объясненія гг. Каткова и Кошелева не имѣли никакихъ послѣдствій ни для нихъ самихъ, ни для ихъ журналовъ,

но они вызвали слѣдующее распоряженіе по цензурному вѣдомству, отъ 10-го іюля 1859 года: «Г. министръ народнаго просвѣщенія, 6-го іюня минувшаго года, предложилъ г. попечителю петербургскаго учебнаго округа сдѣлать распоряженіе по цензурѣ петербургскаго учебнаго округа, чтобы какъ цѣлыя статьи, такъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста о нашей церкви, состояніи православія на Востокѣ и о греческомъ духовенствѣ, не были разрѣшаемы къ печатанію безъ предварительнаго разсмотрѣнія духовною цензурою. Между тѣмъ, несмотря на распоряженіе сіе, основанное на высочайшей волѣ, цензурными комитетами, по увѣдомленію г. исправляющаго должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода (дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Урусова), допускаются и нынѣ къ печатанію, безъ сношенія съ духовною цензурою, вопреки 199-й ст. цензурн. уст. изд. 1857 г., статьи о нашей церкви, вѣроятно, по одному убѣжденію, что означенное высочайшее повелѣніе касается, будто бы, только статей о православной церкви на Востокѣ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Урусовъ, принимая во вниманіе, что высочайшее повелѣніе сіе относится не къ однимъ статьямъ о состояніи православія на Востокѣ, но и къ статьямъ о православной церкви въ имперіи, и что, на основаніи упомянутой 199-й статьи цензурнаго устава, подобныя статьи не иначе могутъ быть разрѣшаемы къ печатанію, какъ по одобреніи ихъ духовною цензурою, проситъ, чтобы всѣ таковыя статьи, равно какъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста по предметамъ, касающимся нашей церкви, не были на будущее время пропускаемы къ печатанію безъ сношенія съ духовною цензурою. Вслѣдствіе сего подтверждено къ строгому и неукоснительному исполненію, чтобы какъ цѣлыя статьи, такъ и заключающіяся въ статьяхъ мѣста о православной церкви въ имперіи, о состояніи православія на Востокѣ и о греческомъ духовенствѣ, всѣ, безъ исключенія, не были допускаемы къ печати, безъ сношенія съ духовною цензурою».

Нѣсколько аналогичный случай съ дѣломъ г. Каткова по «Русскому Вѣстнику» вызванъ былъ крайне строгимъ цензурнымъ уставомъ 1826 года и выясненъ былъ въ слѣдующемъ прошеніи, поданномъ, въ 1826 году, въ главный цензурный комитетъ тогдашними издателями-редакторами «Сѣверной Пчелы», Н. И. Гречемъ и Ѳ. В. Булгаринымъ: «Господамъ цензорамъ благоугодно иногда къ печатаемымъ въ нашемъ журналѣ статьямъ присовокуплять свои замѣчанія, которыя мы безпрекословно печатаемъ, но не можемъ передъ публикою брать на свой счетъ. Не уклоняясь и впредь отъ сей обязанности, мы покорнѣйше просимъ главный цензурный комитетъ о письменномъ дозволеніи намъ подъ каждымъ таковымъ замѣчаніемъ печатать: «замѣчаніе цензора». Такимъ образомъ, мы останемся передъ публикою при своемъ мнѣніи, а усердіе и рев-

ность г. цензора еще явственнѣе будутъ видны его начальству».

Согласія на такую просьбу гг. Греча и Булгарина, разумѣется, не послѣдовало.

XXXIV.

Мнѣніе двухъ канцлеровъ о политическомъ отдѣлѣ газетъ.

Въ негласный комитетъ 2-го апрѣля 1848 г. подана была въ этомъ же году записка генералъ-маіора барона Медема (бывшаго тогда предсѣдателемъ военно-цензурнаго комитета, а впослѣдствіи, до марта 1862 г., предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета) о несостоятельности и несовершенствѣ тогдашней цензуры. Баронъ Медемъ предложилъ снабдить, какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ, весьма подробными инструкціями, причемъ цензоры должны были не только вычеркивать тѣ выраженія и мысли, которыя признаны неудобными къ печати, но исключать ихъ и замѣнять своими собственными мыслями, проводя въ своихъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства. Такъ какъ записка барона Медема [1]) согласовалась съ мнѣніемъ комитета 2-го апрѣля, то и была имъ безусловно одобрена. Она была послана, однако, на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ министровъ. Канцлеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, выразилъ сомнѣніе въ возможности исполнимости предложенія барона Медема по отношенію къ политическому отдѣлу. «Для успѣха этого предложенія, писалъ графъ Нессельроде, необходимо, чтобы редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самого автора записки, чтобы всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія, чтобы они имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ, какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ; наконецъ, чтобы они могли все это объяснить не только съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ... Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ,—но только въ такомъ, вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставлю комитету судить, легко ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей... Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это

---

[1]) Въ 1862 году, баронъ Медемъ, повидимому измѣнившій свой взглядъ на цензуру, писалъ уже, что «во всей Россіи, можетъ быть, нѣтъ и двухъ цензо-, которые бы всегда одинаково понимали предѣлы дозволенной гласности».

въ виду основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія,—все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ, истинной опытности,—достоинствъ, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ... Передѣлывать статьи было бы такъ же трудно, какъ написать новыя, а статьи подобнаго рода не могутъ и не должны быть написаны посредственно; надобно, чтобы критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ не только не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны... Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ, и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія». Въ заключеніе своего мнѣнія, графъ Нессельроде полагалъ, по отношенію къ политическимъ отдѣламъ въ газетахъ, обязать редакторовъ «разсказывать событія просто, избѣгая, если возможно, всякихъ разсужденій, но сопровождая иногда эти извѣстія выраженіями одобренія, сочувствія, или же негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ то дѣлаетъ иногда «Сѣверная Пчела», вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ; однимъ словомъ не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и т. п.»

Это заключеніе графа Нессельроде, начиная со словъ «разсказывать событія», включено было въ распоряженіе по цензурному вѣдомству только 3-го ноября 1852 года, причемъ для начала сдѣлано было слѣдующее введеніе: «Относительно политическихъ отдѣловъ тѣхъ періодическихъ изданій, въ которыхъ оные существуютъ, предписаны редакторамъ и цензорамъ къ неупустительному руководству слѣдующія правила». Послѣ словъ «Сѣверная Пчела», въ распоряженіи было прибавлено: «одно подобное слово даетъ сейчасъ особый смыслъ и значеніе передаваемому извѣстію». Сверхъ того, распоряженіемъ 3-го ноября 1852 года предписывалось: «При этомъ вмѣнить въ обязанность еще редакторамъ, чтобы при статьяхъ переводныхъ или извлекаемыхъ изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, они всегда, подъ каждою изъ сихъ статей, обозначали: изъ какой именно газеты или журнала она переведена или извлечена, и наблюденіе за исполненіемъ сего поручить цензорамъ».

Въ 1857 году, новый министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, заступившій мѣсто графа Нессельроде, писалъ къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Норову: «Неоднократно, въ нашихъ русскихъ газетахъ, а именно въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Русскомъ Инвалидѣ», я находилъ обсужденія политическихъ событій, несовмѣстныя съ видами правительства. Я не люблю стѣ-

снять русскаго ума въ раціональномъ направленіи; но до тѣхъ поръ, какъ иностранныя правительства будутъ принимать разсужденія цензурованныхъ нашихъ журналовъ за мысль правительственную, мы не должны подавать безъ необходимости повода къ разсужденіямъ, проистекающимъ отъ такого предположенія, и которыми наполняются иностранныя газеты». Не желая стѣснять, съ своей стороны, свободы мнѣнія въ русской печати по вопросамъ заграничной политики, а съ другой стороны, для освобожденія правительства отъ всякой солидарности съ этими частными мнѣніями, министерство иностранныхъ дѣлъ, уже въ 1854 году, объявило въ «Journal de St.-Pétersbourg», что «журналы русскіе, или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія, что правительство не принимаетъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ, и что еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ въ какомъ бы то ни было отношеніи». Въ 1862 году, князь Горчаковъ (тогда уже вице-канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ), въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, 19-го декабря, замѣчалъ, что «въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, при упоминаніи о статьяхъ, которыя печатаются въ «Journal de St.-Pétersbourg», нерѣдко говорится, что въ этихъ статьяхъ излагаются мнѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, и вообще взгляды и сужденія редакціи «Journal de St.-Pétersbourg» приписываются весьма неправильно министерству, а потому было бы желательно, чтобы цензура не допускала подобнаго присвоенія министерству иностранныхъ дѣлъ мыслей, ему не принадлежащихъ». Согласно такому желанію князя А. М. Горчакова, тогда же было и сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе по цензурному вѣдомству.

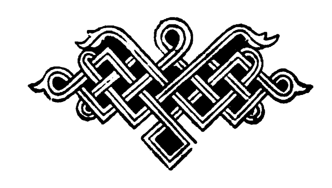
Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, правомъ заимствовать заграничныя политическія извѣстія непосредственно изъ иностранныхъ газетъ пользовались изъ русскихъ газетъ только «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Сѣверная Пчела», изъ которыхъ только послѣдняя была въ полномъ смыслѣ частнымъ изданіемъ. Даже «Московскія Вѣдомости», принадлежавшія университету, не пользовались этимъ правомъ, хотя въ цензурномъ отношеніи подлежали просмотру одного университетскаго начальства. Такъ, распоряженіемъ по цензурному вѣдомству, 31-го мая 1850 года, было подтверждено, что «въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» должны быть помѣщаемы только тѣ изъ заграничныхъ политическихъ извѣстій, которыя помѣщены въ газетахъ, издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ. Распоряженіемъ же по цензурѣ 29-го января 1852 года объявлено было, что «Московскія Вѣдомости», издаваемыя при московскомъ университетѣ, подчиняются общей цензурѣ, на основаніи общихъ цензурныхъ правилъ. Только послѣ подобной передачи въ общую цензуру, «Московскія Вѣдомости» получили право заимствовать

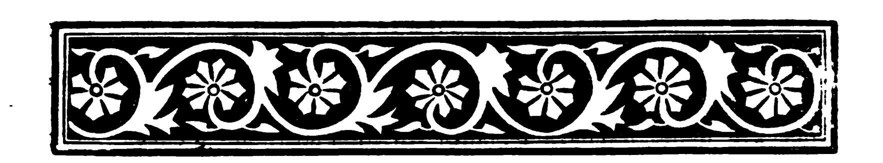
свои политическія заграничныя извѣстія непосредственно изъ иностранныхъ газетъ.

Одесскія періодическія изданія въ этомъ отношеніи были счастливѣе московскихъ, вѣроятно, благодаря сильному ходатайству мѣстной высшей власти, а также средоточію въ Одессѣ богатаго, дѣятельнаго купечества, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ обращалъ особенное вниманіе на интересы торговаго сословія и удовлетворялъ его требованіямъ и желаніямъ. Какъ бы то ни было, но 12-го октября 1848 года, при существованіи уже комитета 2-го апрѣля, состоялось слѣдующее распоряженіе по цензурному вѣдомству, основанное на высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ министру народнаго просвѣщенія шефомъ жандармовъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Орловымъ: «Издаваемымъ въ Одессѣ газетамъ, «Journal d'Odessa» и «Одесскому Вѣстнику», въ которыхъ предписано было помѣщать политическія извѣстія только изъ газетъ, издаваемыхъ въ Петербургѣ, по отдаленности Одессы отъ столицы и по тому уваженію, что въ торговомъ городѣ представляется необходимость получать скорыя и вѣрныя свѣдѣнія о политическихъ событіяхъ въ Европѣ, такъ какъ интересы такого рода болѣе или менѣе находятся подъ вліяніемъ заграничныхъ происшествій,—дозволять заимствовать иностранныя извѣстія изъ берлинскихъ и вѣнскихъ газетъ, кои разрѣшено новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору получать прямо чрезъ Радзивиловъ и Варшаву, также изъ газетъ константинопольскихъ, но съ тѣмъ, чтобы въ одесскихъ газетахъ упоминалось о событіяхъ западной Европы въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ, безъ подробностей. Ближайшую цензуру означенныхъ газетъ поручить одесскому цензурному комитету, подъ личнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностію исправляющаго должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора».

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).





ШИПКА ВЪ 1877 ГОДУ [1].

IV.

Августа 9-го, въ 7 часовъ утра, выстрѣлы съ нашихъ Стальной и Николаевской батарей возвѣстили начало боя. Честь открытія его принадлежитъ полковнику князю Вяземскому, подполковникамъ Хоменко и Дроздовскому и подпоручику Касимскому. Я со своими офицерами немедленно отправился на Стальную батарею, откуда мы увидѣли, что турки на Бердекскихъ высотахъ строятъ батарею, увидѣли и воловъ, на которыхъ втащили туда орудія. Первые выстрѣлы наши были рѣдки и мѣтки—одно турецкое орудіе было опрокинуто; гранаты наши наносили большой вредъ турецкимъ рабочимъ; они при каждомъ нашемъ выстрѣлѣ бросали работу и укрывались отъ разрыва гранаты. Скоро подошелъ Столѣтовъ со своимъ штабомъ и старшими офицерами отряда. Съ часъ времени съ нашей стороны производилась только рѣдкая артиллерійская стрѣльба, а турки, продолжая постройку батареи, распространялись по Бердекскимъ высотамъ и открыли ружейный огонь по Стальной батареѣ, сначала также рѣдкій. Столѣтовъ, завидя приближающагося Дерожинскаго, пошелъ къ нему на-встрѣчу. Дерожинскій былъ верхомъ, его сопровождали два офицера и нѣсколько казаковъ. Въ половинѣ 9-го часа огонь турокъ участился; я поручилъ Романову закладывать мины въ горѣ св. Николая; раньше этого нельзя было сдѣлать: у насъ не было матеріала для осмолки зарядныхъ ящиковъ и, чтобы динамитъ не отсырѣлъ, его въ патронахъ, передъ

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XI, стр. 110.

самымъ взрывомъ, клали въ приготовленныя ямки и сверху прикрывали землей, дерномъ и каменьями. Юрьева я направилъ къ фугасамъ лѣваго фланга, а Иванову поручилъ опасную работу: вблизи юрьевскихъ ложементовъ, какъ уже сказано, былъ пороховой погребъ; входъ въ него не успѣли блиндировать и онъ открывался турецкимъ выстрѣламъ съ Бердека—я и поручилъ Иванову выбрать изъ погреба весь динамитъ и перевезти его въ фурахъ къ сторонѣ Габрова, въ безопасное отъ выстрѣловъ мѣсто, а извѣстно, что динамитъ легко воспламеняется отъ удара, и каждая турецкая пуля могла произвести страшный взрывъ.

Узнавъ, что Дерожинскій въ палаткѣ у Столѣтова, я вошелъ туда же и, познакомившись съ Дерожинскимъ, котораго видѣлъ впервые, спросилъ Столѣтова, кто же теперь командуетъ войсками на Шипкѣ? Столѣтовъ, переминаясь, отвѣчалъ, что онъ состоитъ подъ начальствомъ генерала Дерожинскаго, а послѣдній промолчалъ. Въ этотъ моментъ упала первая турецкая граната недалеко отъ палатки, гдѣ мы были. Мы всѣ трое вышли изъ палатки, но Столѣтовъ съ Дерожинскимъ тотчасъ же возвратились обратно, а я пошелъ по шоссе и былъ пораженъ скопленіемъ тамъ повозокъ и казаковъ. Не знаю, кто и зачѣмъ приказалъ казакамъ собраться на шоссе подъ турецкимъ огнемъ, а повозки оказались офицерскими и артельными, не поступившими наканунѣ въ вагенбургъ, устроенный Ивановымъ. Я уже не посылалъ ни къ Столѣтову, ни къ Дерожинскому, а самъ приказалъ казакамъ и обозу отходить къ сторонѣ Габрова и остановиться внѣ выстрѣловъ. На шоссе, у круглой батареи Бенецкаго, я встрѣтился съ полковникомъ, флигель-адъютантомъ, графомъ Толстымъ, возвращавшимся на Шипку изъ главной квартиры. Былъ уже 10-й часъ утра. Толстой въ короткихъ словахъ разсказалъ о дѣлахъ подъ Плевной и вручилъ мнѣ 12 писемъ изъ Россіи, которыхъ я нетерпѣливо ждалъ, не получая со дня выѣзда изъ Тырнова никакихъ извѣстій съ родной стороны. Поднявшись на батарею Бенецкаго, я принялся за чтеніе писемъ и узналъ изъ нихъ, что у сына моего родилась дочь, моя первая внучка, рожденіе которой стоило жизни ея матери. Сидя на барбетѣ, я до того увлекся чтеніемъ писемъ, что положительно не замѣчалъ свиставшихъ вокругъ меня турецкихъ пуль; Бенецкій обратилъ на это мое вниманіе и я, поднявшись съ мѣста и завидя приближеніе Брянскаго полка, сошелъ внизъ на шоссе, сѣлъ на камень и поджидалъ брянцевъ. Ко мнѣ подошелъ и подсѣлъ Дерожинскій, но такъ какъ кругомъ насъ безпрестанно падали турецкія пули, то Дерожинскій замѣтилъ, что тутъ невозможно оставаться, и спросилъ, куда бы идти? Я указалъ ему Круглую батарею и прибавилъ, что и самъ приду туда, и дѣйствительно, пропустивъ брянскіе баталіоны, поднялся опять на батарею Бенецкаго. Славный полковникъ Липинскій съ первыми баталіонами своего

полка до того форсировалъ прибытіемъ на Шипку, что и офицеры и солдаты, поднявшись на Шипкинскій перевалъ, на указанномъ мѣстѣ ужъ не ложились, а просто падали на землю; отдыхъ для нихъ былъ необходимъ.

Не буду вдаваться въ подробности того, какъ происходилъ бой, какъ дѣйствовали баталіоны, дружины и роты, какія были распоряженія частныхъ начальниковъ; обо всемъ этомъ изложено въ оффиціальныхъ донесеніяхъ полковника Липинскаго, генералъ-маіора Столѣтова и самого Радецкаго (см. «Военный Сборникъ» 1877 года, ноябрь).

На Круглой батареѣ я сѣлъ, прислонясь къ пороховому погребу; ко мнѣ присоединились Бенецкій и Дерожинскій; вскорѣ возвратился инженеръ Ивановъ и подошелъ Столѣтовъ со своимъ штабомъ. Прежде чѣмъ Столѣтовъ сѣлъ, я привсталъ и, обратясь вмѣстѣ къ Дерожинскому и Столѣтову, сказалъ: «Ваши превосходительства, слѣдуетъ положительно рѣшить, который изъ васъ здѣсь командуетъ—нельзя же допустить, чтобы о каждомъ приказаніи спрашивать двухъ». Привсталъ и Дерожинскій и отвѣчалъ, что онъ начальникъ габрово-шипкинско-бердекскаго отряда, а здѣсь, собственно на Шипкѣ, командуетъ Столѣтовъ, а Дерожинскій какъ бы и не присутствовалъ здѣсь. Дерожинскій находился не въ нормальномъ состояніи: онъ говорилъ отрывисто, путался въ словахъ, какъ-то дѣтски заботился о своихъ вещахъ, о своемъ пальто. Когда пришло извѣстіе, что въ Габровѣ переполохъ, что жители бѣгутъ оттуда, что турки угрожаютъ Габрову, Дерожинскій моментально поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, руки его дрожали и онъ самъ часто вздрагивалъ. Между тѣмъ, пальба учащалась; день былъ чрезвычайно жаркій, мы сидѣли на солнышкѣ, страдали жаждой, воды не было. Бенецкій предложилъ намъ воду, недавно принесенную въ баклагахъ, въ которыхъ смачиваются артиллерійскіе банники; но вода эта уже покрылась саломъ и пороховою грязью, такъ что ее невозможно было пить. Прискакалъ одинъ изъ такъ называемыхъ конниковъ Столѣтова и торжественно провозглашалъ: «добылъ, добылъ!» Всѣ спрашивали, что̀ добыто, и оказалось, что онъ добылъ двѣ бутылки рома отъ убѣгавшаго маркитанта; тогда, прибавляя немного рому въ баклажную воду Бенецкаго, мы смачивали ею губы. Подошелъ Липинскій съ бутылкою холоднаго чая и мы принялись пить его по глоткамъ, какъ благодать съ неба. Но бой кипѣлъ, мы внимательно слѣдили за ходомъ его. Для взаимной нравственной поддержки каждый старался подмѣтить что нибудь забавное, смѣшное; сыпались остроты, которыя въ обыкновенное время, можетъ быть, показались бы глупыми, а тогда всѣ хохотали; только одинъ Дерожинскій сидѣлъ молча, безучастный къ общему говору. Состояніе Дерожинскаго я впослѣдствіи объяснялъ предчувствіемъ близкой смерти.

Вскорѣ послѣ полудня, когда уже было отбито нѣсколько турецкихъ атакъ, я напомнилъ генераламъ, что слѣдуетъ послать донесеніе о томъ, что здѣсь дѣлается. Столѣтовъ сказалъ, что донесеніе долженъ посылать генералъ Дерожинскій, а послѣдній отвѣчалъ Столѣтову, что начальникъ шипкинскаго отряда и долженъ доносить о дѣлахъ на Шипкѣ. Столѣтовъ возражалъ ему, говоря: «вѣдь я могу доносить только вамъ (Дерожинскому), а вы сами здѣсь и сами все видите». Тогда я помирилъ ихъ тѣмъ, что продиктовалъ депешу, а писать просилъ инженера Иванова, у котораго всегда была при себѣ маленькая канцелярія, подписать же депешу предложилъ обоимъ генераламъ—и Столѣтову, и Дерожинскому. Радецкій, получивъ эту депешу, смѣялся отъ души надъ тѣмъ, что она, подобно бюллетеню о здоровьи, подписана двумя лицами. Депеша заключалась въ слѣдующемъ: «Полдень 9-го августа. Шипка атакована съ фронта и лѣваго фланга; бой въ полномъ разгарѣ; нѣсколько турецкихъ атакъ отбито; день томительно жаркій».

Ко мнѣ подошли мои два офицера, Романовъ и Юрьевъ. Романовъ передалъ, что во время закладки минъ въ горѣ св. Николая, приближавшаяся по шоссе, съ южной стороны, партія конныхъ башибузуковъ была прогнана нѣсколькими выстрѣлами, сдѣланными саперами, которые, бросивъ работу, взялись за ружья. Когда мины были совершенно готовы, часу въ 11-мъ утра, стали подниматься турецкія пѣшія колонны; мины были взорваны, но къ сожалѣнію, при воспламененіи ихъ стопиномъ, нельзя было вѣрно разсчитать момента взрыва и онъ послѣдовалъ нѣсколько преждевременно, такъ что не задѣлъ даже головныя части турецкой колонны. Но возможность втораго и послѣдующихъ взрывовъ на цѣлый день избавили гору св. Николая отъ попытокъ турокъ съ этой стороны. Юрьевъ же, видя, что всѣ атаки турокъ направлялись на Стальную батарею и на лѣвый флангъ св. Николая и что ему при его минахъ у лѣваго фланга позиціи нечего дѣлать, явился для полученія дальнѣйшихъ приказаній.

Мы оставались на Круглой батареѣ Бенецкаго до сумерекъ. Подъ словомъ мы, здѣсь разумѣются: Дерожинскій, Столѣтовъ со своимъ штабомъ, я съ тремя офицерами, при мнѣ состоявшими, Липинскій, Бенецкій и часто пріѣзжавшій полковникъ Депрерадовичъ. Мы сидѣли, какъ я уже сказалъ, прислонясь къ пороховому погребу, земляная насыпь надъ которымъ прикрывала насъ отъ боковыхъ выстрѣловъ съ Бердекскихъ высотъ, но эта насыпь нисколько не обезпечивала отъ навѣсныхъ ружейныхъ выстрѣловъ и однимъ такимъ выстрѣломъ начальникъ штаба Столѣтова, подполковникъ Рынкевичъ, былъ раненъ пулею въ колѣно. Передъ сумерками стали попадать на нашу батарею турецкія гранаты, и такъ какъ насыпь надъ пороховымъ погребомъ была ненадежна,

особенно входъ въ погребъ былъ мало прикрытъ—то, чтобы при случайно попавшей гранатѣ отъ взрыва пороховаго погреба не пострадали многіе изъ насъ, я предложилъ перейти на нижній уступъ у шоссе.

Съ Круглой батареи мы внимательно слѣдили за ходомъ боя; намъ видѣнъ былъ послѣдовательный ходъ каждой турецкой атаки, мы видѣли начало движенія каждой турецкой атакующей колонны, слышали всѣ турецкіе сигналы на рожкѣ и понимали ихъ. При Столѣтовѣ состоялъ одинъ болгаринъ, который прежде находился въ услуженіи у турецкаго офицера и хорошо зналъ всѣ турецкіе сигналы; онъ объяснялъ намъ значеніе подаваемыхъ сигналовъ, напримѣръ: атака, держи правѣе или лѣвѣе, убитъ начальникъ, убрать трупъ, оставить трупъ, и проч. Турки начинали атаку всегда развернутымъ фронтомъ, но на пересѣченной мѣстности строй терялъ порядокъ; отъ Бердекскихъ высотъ до Стальной батареи туркамъ приходилось нѣсколько разъ спускаться и подниматься по отрогамъ Балканъ, пробираться лѣсомъ и кустарникомъ; спуски часто представляли отвѣсныя скалы, и турки, найдя удобныя мѣста для спусковъ, сходили съ нихъ, какъ бы перестроившись рядами, то справа, то слѣва, то рядами изъ средины; при этомъ, понятно, они подвергались страшному пораженію отъ нашего ружейнаго огня, а Бенецкій и Поликарповъ, съ круглой и полукруглой батарей, зорко слѣдя за движеніемъ турокъ, посылали мѣткую шрапнель въ каждую случайно собравшуюся группу турокъ; простымъ глазомъ мы могли видѣть, какое ужасное пораженіе наносила туркамъ наша шрапнель. Въ рядахъ турецкихъ войскъ мы видѣли многихъ въ красныхъ мундирахъ, преимущественно верховыхъ, и принимали ихъ за англичанъ; нѣкоторые изъ нихъ на нашихъ глазахъ падали убитыми или ранеными, но мы не видѣли, куда отходили турки при отбитыхъ атакахъ; вѣроятно, они направлялись въ главную лощину между Бердекомъ и св. Николаемъ.

По счету моему и по счету лицъ, окружавшихъ меня, всѣхъ турецкихъ атакъ, произведенныхъ 9-го числа, было 17; иногда двѣ и три атаки непосредственно слѣдовали одна за другою и могли быть приняты за одну атаку, но были и промежутки между атаками около часа времени [1]).

---

[1]) Не знаю, на какомъ основаніи г. Зыковъ, на стр. 508 и 509, говоритъ, что днемъ 9-го августа турки произвели 5 большихъ атакъ и вечеромъ еще нѣсколько атакъ. Меня особенно удивляютъ послѣднія строки г. Зыкова, на стр. 508: «Иногда одна кучка нашихъ стрѣлковъ, человѣкъ въ двѣсти, останавливала напоръ массы тысячи въ три человѣкъ». Если бы турки въ числѣ трехъ тысячъ могли подойти къ какому бы то ни было пункту нашей позиціи, то Шипка пала бы въ первый же день обороны; наше счастье въ томъ и заключалось, что мы огнемъ своимъ успѣвали разстраивать турецкія колонны далеко прежде того, чѣмъ головы ихъ подходили къ атакуемымъ батареямъ.

Уронъ нашъ 9-го августа не былъ приведенъ въ извѣстность; знаю только, что на перевязочный пунктъ по габровской дорогѣ и въ габровскій лазаретъ, въ ночь съ 9-го на 10-е августа, принесено и привезено было раненыхъ отъ 170 до 200 чел., да нѣсколько десятковъ легко раненыхъ сами подошли. Убитыхъ же никто не считалъ—всѣ были такъ утомлены, что не было возможности произвести повѣрку людей въ ротахъ. Уронъ турокъ былъ огромный; самъ Сулейманъ-паша на судѣ сознался, что въ первый день атаки Шипки понесъ страшныя потери, но точную цифру выбывшихъ изъ строя не сказалъ. Сулейманъ на судѣ показалъ, что 7-го августа онъ прибылъ въ Казанлыкъ съ 47 баталіонами, раздѣленными на 7 бригадъ, при 4-хъ полевыхъ и 3-хъ горныхъ батареяхъ. 8-го августа, Сулейманъ подошелъ къ селенію Шипки и въ тотъ же день, подъ руководствомъ Хулюсси-паши, того самаго, который занималъ Шипку въ іюлѣ, начальникъ штаба Сулеймана, Омеръ-бей, дѣлалъ рекогносцировку, и было рѣшено: съ утра 9-го числа атаковать нашъ лѣвый флангъ со стороны Бердека, а для отвлеченія вниманія одновременно атаковать фронтъ или гору св. Николая со стороны селенія Шипки. Для главной атаки назначены были двѣ бригады, а для фальшивой или фронтовой одна бригада, всего 24 баталіона отборныхъ войскъ; остальные 23 баталіона въ началѣ боя находились въ резервѣ.

Вечеромъ 9-го августа, когда стемнѣло, я оставилъ Романова и Юрьева на Шипкѣ исправлять батареи, а самъ съ Ивановымъ уѣхалъ въ Габрово. Городъ Габрово меня очень озабочивалъ, потому что только отсюда нашъ отрядъ могъ получать боевые и продовольственные запасы; намъ извѣстно было, что утромъ 9-го августа, въ Габровѣ былъ переполохъ, тамъ ожидали турокъ; притомъ я зналъ, что селеніе Зеленое Древо, черезъ которое турки легче всего могли совершить обходное движеніе на Габрово, нами не было занято: отдѣлить туда часть шипкинскаго отряда не было возможности, и я хотѣлъ воспользоваться вновь формировавшимися тогда въ Габровѣ двумя болгарскими дружинами. На пути въ Габрово я осмотрѣлъ перевязочный пунктъ; узнавъ, что рана Рынкевича оказалась очень серьёзною, я выслушалъ его желаніе написать его роднымъ и уже послѣ полуночи, прибывъ въ Габрово, отправилъ Радецкому депешу слѣдующаго содержанія:

«Какъ очевидецъ, передаю вамъ, что положеніе Шипкинскаго перевала отчаянное; хотя атаки отбиты, но турки болѣе и болѣе развертываются на окрестныхъ высотахъ, на волахъ подняли туда артиллерію, а ружейный огонь такъ силенъ, что нѣтъ ни одного уголка на всей обороняемой позиціи, гдѣ бы можно было укрыться отъ выстрѣловъ. Брянскій полкъ, не бывшій въ дѣлѣ, потерялъ 22 чел. ранеными. Большой недостатокъ теперь въ артиллеристахъ. Спасти Шипку можетъ быстрая помощь—такая, которая дозволила бы атаковать турокъ, чтобы выдти изъ пассивнаго положенія».

Въ то время начальникамъ телеграфныхъ станцій было предписано, чтобы всѣ депеши о военныхъ дѣйствіяхъ, идущія отъ одного частнаго начальника къ другому, были сообщаемы и главнокомандующему. Моя депеша къ Радецкому одновременно была прочитана великимъ княземъ главнокомандующимъ и тотчасъ передана государю. И государь и великій князь были очень встревожены положеніемъ дѣлъ на Шипкѣ, и въ свитахъ ихъ посыпались нареканія на меня; говорили, что я изъ трусости преувеличилъ опасность, что я своею робостью могу вредно вліять на храбрыхъ защитниковъ Шипки, что мнѣ нѣзачѣмъ было оставаться на Шипкѣ, не будучи вовсе приставленнымъ къ оборонѣ ея. Это продолжалось два дня, покуда не получено было извѣстіе, что Радецкій по моей депешѣ чрезвычайно форсировалъ движеніе и поспѣлъ на выручку Шипки. Тогда общій гнѣвъ на меня сталъ постепенно затихать. Такъ всегда было и всегда будетъ.

Отправивъ депешу Радецкому, я пригласилъ къ себѣ старшаго въ Габровѣ, донскаго № 30 полка полковника Иловайскаго и приказалъ ему въ ту же минуту отправиться въ селеніе Зеленое Древо съ формирующеюся дружиною № 10, съ сотнею казаковъ и двумя орудіями казачей артиллеріи, но такъ какъ Иловайскій заявилъ мнѣ, что имъ уже получено приказаніе Дерожинскаго, чтобы эти два орудія были отправлены на Шипку, то я, не перемѣняя распоряженія Дерожинскаго, приказалъ Иловайскому идти за Зеленое Древо только съ дружиною и съ сотнею казаковъ, ознакомиться тамъ съ мѣстностью, разставить казачьи пикеты и, немедленно возвратясь въ Габрово, устроить постоянное казачье сообщеніе между бердекскимъ проходомъ, монастыремъ, лежащимъ влѣво или на востокъ отъ шипкинской дороги, и перевязочнымъ пунктомъ на самой дорогѣ. Прибывшій ко мнѣ окружный габровскій начальникъ, капитанъ Масловъ, передалъ подробности о смятеніи въ Габровѣ, о мѣрахъ, принятыхъ имъ для успокоенія жителей, и о томъ, что агенты товарищества по продовольствію арміи, подъ вліяніемъ паническаго страха, охватившаго всѣхъ жителей Габрова при началѣ канонады на Шипкѣ,—бѣжали изъ Габрова, оставивъ складъ своихъ припасовъ безъ охраны, подъ замкомъ и печатью. При этомъ Масловъ спросилъ, какъ поступить съ этими запасами, если войска будутъ нуждаться въ нихъ; я написалъ ему: «если войска потребуютъ хлѣба до возвращенія агентовъ товарищества, то при понятыхъ откройте сарай, возьмите, что̀ нужно войскамъ, счетомъ или вѣсомъ, вновь запечатайте сарай и приставьте караульнаго».

V.

Рано утромъ 10-го августа, въ Габровѣ я получилъ лаконическую отвѣтную депешу Радецкаго: «Бѣгу къ вамъ, держитесь до

моего прибытія», и съ этой депешей уѣхалъ на шипкинскую позицію.

Съ ранняго утра 10-го августа, на Шипкѣ обѣ стороны помѣнялись нѣсколькими артиллерійскими выстрѣлами; затѣмъ артиллерійскій огонь замолкъ, но турки цѣлый день поддерживали ружейный огонь, который хотя былъ не столь частъ, какъ наканунѣ, но все-таки имъ обстрѣливалась вся наша позиція и послѣднія 2½ версты со стороны Габрова. На позицію я прибылъ къ тому мѣсту, откуда поздно вечеромъ оставилъ ее; тамъ я нашелъ Дерожинскаго и Столѣтова подъ блиндажемъ. Блиндажъ ихъ по наружному виду походилъ на собачью конуру,—въ немъ можно было только лежать или сидѣть согнувшись; я влѣзъ туда; подобно мнѣ сюда же пролѣзали или вползали Липинскій и другіе штабъ-офицеры, прибывавшіе къ Столѣтову съ докладами. Передъ вечеромъ, вблизи саперы устроили и мнѣ съ моими офицерами такой же блиндажъ. Въ этотъ день всѣ были веселѣе; видно было, что турки сами стали окапываться на Бердекѣ и противъ Стальной и Николаевской батарей.

День былъ такой же жаркій, какъ и 9-го числа; весь шипкинскій отрядъ страдалъ отъ недостатка въ водѣ. При Шипкѣ было три источника или фонтана: обильнѣйшій и съ лучшею водой находился впереди позиціи версты на 1½ и былъ занятъ турками; второй ключъ былъ южнѣе Круглой батареи, пониже ложементовъ нашего лѣваго фланга; оттуда можно было брать воду только ночью, а днемъ турки стрѣляли залпами по смѣльчакамъ, идущимъ за водой; третій ключъ, не обильный и съ мутной водой, былъ на правомъ флангѣ позиціи. 10-го августа только этой водой и можно было пользоваться [1]).

---

[1]) Г. Депперадовичъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», на стр. 169, невѣрно говоритъ, что на разсвѣтѣ 10-го августа онъ засталъ меня въ блиндажѣ. Подобная ошибка въ военномъ дневникѣ возможна, если принять въ соображеніе ту обстановку, при которой составлялся дневникъ, и то участіе къ общему дѣлу, которое принималъ Депперадовичъ. Это былъ одинъ изъ выдававшихся героевъ Шипки. Далѣе Депперадовичъ говоритъ, что около 10-го часа утра, онъ замѣтилъ на Лысой горѣ движеніе людей, и убѣдясь, что гора эта занята турками, передалъ о томъ генераламъ, что Дерожинскій не повѣрилъ и сказалъ, что тамъ долженъ быть наблюдательный казачій пикетъ, а Столѣтовъ, посмотрѣвъ въ бинокль, сказалъ: «видно, что-то чернѣетъ, но люди ли это?» Депперадовичъ въ «Воспоминаніяхъ» своихъ съ увѣренностью говоритъ, что утро 11-го числа оправдало замѣчаніе его, что Лысая гора дѣйствительно была занята турками наканунѣ. Когда я прибылъ на позицію, то мнѣ сообщили замѣчаніе Депперадовича, но я на Лысой горѣ ничего не видѣлъ; офицеры, при мнѣ состоявшіе и зорко слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлалось на Шипкѣ кругомъ и около, не видѣли и признаковъ того, чтобы Лысая гора была занята турками утромъ 10-го числа. Наконецъ, по суду надъ Сулейманомъ-пашей обнаружилось, что его начальникъ штаба Омеръ-бей, днемъ 10-го числа, испрашивалъ разрѣшеніе занять ночью Лысую гору, и она только въ ночь съ 10-го на 11-е августа была занята тремя баталіонами или таборами при 8-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ резервъ къ этимъ

Днемъ 10-го августа многіе говорили мнѣ, что и намъ, по примѣру турокъ, слѣдовало бы усилить свою позицію окопами; я возразилъ, что турки, занимая высоты, явно преобладаютъ надъ нами въ ружейномъ огнѣ, зачѣмъ намъ безполезно терять людей? Мы днемъ высмотримъ все, что необходимо исправить или усилить, и въ сумерки приступимъ къ работѣ. Я распредѣлилъ работы между тремя своими офицерами: Иванову поручилъ Круглую батарею Бенецкаго съ ближайшими ложементами, Романову Стальную батарею съ ближайшими ложементами, Юрьеву полукруглую батарею Поликарпова. Столѣтовъ распорядился назначеніемъ необходимаго числа рабочихъ.

Ночью на 11-е число всѣ частные начальники бодрствовали. Я, и безъ того очень утомленный, пѣшкомъ обходилъ работы, видѣлъ, какими молодцами кн. Вяземскій и гр. Толстой распоряжались усовершенствованіемъ ложементовъ со своими ратниками, безъ помощи саперъ. На бивакѣ графа Толстаго, чтобы подкрѣпить свои силы для обратнаго путешествія къ своему блиндажу, почти на двѣ версты разстоянія, я прилегъ на полчаса между офицерами и ратниками болгарской дружины. Подходя къ Толстому, я мечталъ о томъ, что у него найду чай и безъ церемоніи попросилъ стаканъ чаю; всѣ засуетились, но оказалось, что уже не было воды, а идти за ней внизъ, при лунномъ освѣщеніи, было рискованно. Самая опасная работа выпала на долю Романова на Стальной батареѣ; черкесы засѣли на деревьяхъ, въ 40 саженяхъ отъ нея, и каждаго выставляющагося рабочаго убивали наповалъ. Завидя меня, Романовъ бросился на-встрѣчу—предупредить, чтобы я держался насыпи, чтобы лунный свѣтъ не падалъ на меня. Передъ разсвѣтомъ 11-го августа, я доплелся до своего блиндажа, прилегъ отдохнуть; но стали подходить Ивановъ, Юрьевъ и Романовъ; Ивановъ заявилъ, что у него въ карманѣ есть чай; мы рѣшили въ солдатской манеркѣ согрѣть воду и заварить чай; но не успѣли совершить этотъ процессъ, какъ раздались выстрѣлы съ Лысой горы. Юрьевъ при этомъ разсказалъ, что, при ночной работѣ въ полукруглой батареѣ, они видѣли на Лысой горѣ небольшія кучки людей, освѣщаемыя луной; одни увѣряли, что это турки, другіе говорили, что это нашъ казачій пикетъ [1]).

---

3 баталіонамъ назначено было 5 баталіоновъ; всего же на 11-е августа со стороны турокъ назначено было въ дѣло 32 баталіона и 15 баталіоновъ въ резервъ.

[1]) Я говорилъ Столѣтову, что слѣдуетъ разыскать тѣхъ казаковъ, которые занимали Лысую гору, и подвергнуть взысканію, почему они, отступивъ при появленіи турокъ, никому не донесли о томъ. Столѣтовъ отвѣчалъ: «непремѣнно, непремѣнно»,—но тогда этого невозможно было сдѣлать, а потомъ обстоятельство это забылось.

Вскорѣ подъѣхалъ ко мнѣ Дерожинскій верхомъ, съ нѣсколькими казаками, предупредить меня, что онъ ѣдетъ къ Радецкому съ личнымъ докладомъ о положеніи дѣлъ. На замѣчаніе мое, что еще не о чемъ докладывать, а пушечные выстрѣлы слышны и въ Габровѣ, Дерожинскій простодушно сказалъ, что и здѣсь ему нѣчего дѣлать. —«Ну, тогда поѣзжайте», отвѣчалъ я [1]).

Въ 5 часовъ утра 11-го августа, выстрѣлы турокъ участились; видно было, какъ турецкія колонны спускались съ Лысой горы на ближайшій къ намъ уступъ или на Лѣсную гору; зашевелились турки и на Бердекѣ; скоро фронтъ нашъ, т. е. Николаевская и Стальная батареи были атакованы; атакована была и часть ложементовъ лѣваго фланга, а вслѣдъ за тѣмъ былъ атакованъ и нашъ правый флангъ. Проходившій мимо Столѣтовъ сказалъ мнѣ, что четыремъ горнымъ орудіямъ изъ резерва онъ приказалъ занять позицію на высотѣ вблизи тыльнаго редута и самъ пойдетъ туда.

Со всѣхъ сторонъ открылся адскій огонь—и ружейный, и артиллерійскій. Къ моему блиндажу подъѣхалъ Депрерадовичъ верхомъ, съ нѣсколькими спутниками и, сдавъ свою лошадь, присѣлъ въ блиндажѣ съ цѣлію узнать, что̀ я думаю о настоящемъ положеніи дѣла. Я отвѣчалъ, что пріѣзжавшій ночью отъ Радецкаго генеральнаго штаба капитанъ Мальцевъ говорилъ, что 4-я стрѣлковая бригада выступила изъ Габрова въ 3 часа утра и, слѣдовательно, можетъ подойти сюда около 10—11 часовъ; если бы выступленіе ея замедлилось, то Дерожинскій, поѣхавшій къ Радецкому, поторопитъ—вѣдь Дерожинскій понимаетъ же опасность нашего положенія. Въ это время пронеслись мимо насъ сорвавшіяся или спущенныя съ коновязей запряжныя и другія артиллерійскія лошади и увлекли за собой и лошадей спутниковъ Депрерадовича; онъ отправился искать ихъ. Вслѣдъ затѣмъ раздался отчаянный крикъ подполковника Бенецкаго; этотъ атлетъ-мужчина, объятый паническимъ страхомъ, сбѣгая со своей батареи, громовымъ голосомъ кричалъ: «ребята! спасайтесь, турки на батареѣ!» Нѣсколько артиллеристовъ бросилось за нимъ по дорогѣ въ Габрово, но большинство оставалось на батареѣ, и самъ Бенецкій, скоро очнувшись, возвратился на батарею. Вечеромъ въ тотъ же день Бенецкій былъ убитъ и не задолго до смерти съ нимъ повторился утренній припадокъ самозабвенія.

Измученный предшествовавшими днями и особенно ночною ходьбой по горамъ, я до того страдалъ болями въ грыжѣ, что не

---

[1]) Г. Зыковъ, въ началѣ стр. 517, повторилъ ошибку, вкравшуюся въ донесеніе г. Липинскаго (стр. 82, «Военный Сборникъ», 1877 г., ноябрь), что Дерожинскій уѣхалъ съ позиціи около 12-ти часовъ дня. Впослѣдствіи, на стр. 522, г. Зыковъ какъ бы исправляетъ свою ошибку, говоря, что Дерожинскій уже въ 7-мъ часу утра былъ у Радецкаго въ Габровѣ.

находилъ въ себѣ силъ выбраться изъ блиндажа, хотя и зналъ, что блиндажъ можетъ разлетѣться въ прахъ отъ одной попавшей гранаты; но когда турецкіе выстрѣлы участились и гранаты стали безпрерывно лопаться по обѣ стороны блиндажа, то я, напрягая силы, рѣшился выйти изъ него. Въ это время Романовъ, завидя партію турокъ, пробивающуюся лощиной, прогналъ ее со своими саперами, а Ивановъ и Юрьевъ буквально вели меня подъ руки. Чтобы добраться до тыльнаго редута, куда мы направлялись, намъ приходилось подниматься на страшную высоту, протяженіемъ свыше 200 саженъ, подъ безпрерывнымъ огнемъ турокъ. Но не огонь турокъ меня пугалъ, а подъемъ на гору и протяженіе въ 200 саженъ, когда я съ ужасною болью дѣлалъ каждый шагъ. Скоро Ивановъ, контуженный въ ногу, упалъ; Юрьевъ одинъ не въ силахъ былъ вести меня и побѣжалъ впередъ вызвать солдатъ изъ укрѣпленія; тѣ подвели меня на тыльный редутъ, гдѣ я легъ на голый камень. Со мною безпрерывно дѣлались обмороки, а когда я приходилъ въ себя, то по глоткамъ пилъ воду, въ которую то Столѣтовъ, то начальникъ прикрытія горной батареи, капитанъ Орловскаго полка Никифоровъ, прибавляли по нѣскольку капель водки.

Столѣтовъ находился въ возбужденномъ состояніи, не сидѣлъ, все ходилъ по внутренней площади укрѣпленія, открывая себя выстрѣламъ со всѣхъ сторонъ. Брустверъ въ этомъ укрѣпленіи былъ не свыше $3^1/_2$ футовъ и внутренность его была совершенно открыта. Для общаго развлеченія, капитанъ Никифоровъ выбралъ лучшихъ стрѣлковъ (къ которымъ присоединились два любителя изъ болгаръ, частныхъ жителей) и стрѣлялъ залпами по собиравшимся группамъ турокъ. Удачный залпъ, отъ котораго падало нѣсколько турокъ убитыми или ранеными, возбуждалъ общій смѣхъ. Вскорѣ стало извѣстно, что кн. Вяземскій, раненый пулею въ ногу навылетъ, унесенъ съ позиціи. Оборона Шипки перешла въ руки двухъ лицъ: полковникъ Липинскій командовалъ правымъ флангомъ и тыломъ, полковникъ гр. Толстой фронтомъ и лѣвымъ флангомъ. Липинскій и гр. Толстой были героями этого дня; они, вмѣстѣ со Столѣтовымъ, отстояли Шипку. Турки неистово атаковали насъ съ разныхъ сторонъ, преимущественно съ праваго фланга, со стороны Лысой горы. Огонь турокъ не ослабѣвалъ; потери наши были огромны; раненыхъ уже не кому и не на чемъ было выносить. Множество санитаровъ пало подъ ношею раненыхъ; первыя перевязки дѣлали кое-какъ фельдшера; всѣ запасы для перевязокъ истощились; фельдшера перевязывали бѣльемъ, отрываемымъ съ самихъ раненыхъ, и палаточными полотнищами. Повторяю, жажда мучила всѣхъ, а воды не было; уже къ послѣднему ручью, на правомъ нашемъ флангѣ, нельзя было добраться, день же опять былъ томительно жаркій.

Около 11-ти часовъ утра, Столѣтовъ показалъ мнѣ записку, въ которой Радецкій увѣдомлялъ, что стрѣлковая бригада только подъ утро прибыла въ Габрово, совершивъ огромный переходъ—свыше 40 верстъ, нѣкоторый отдыхъ ей необходимъ и она не ранѣе, какъ къ вечеру можетъ прибыть на Шипку. Я совѣтовалъ Столѣтову не объявлять этой записки, а напротивъ, послать охотника проскакать по всей позиціи, объявлять, что Радецкій идетъ на выручку и вызвать общее «ура»; такъ и было сдѣлано. При Столѣтовѣ находилось нѣсколько юнкеровъ или вольноопредѣляющихся, весьма расторопныхъ молодыхъ людей. Приведу одинъ случай: на ту гору, гдѣ мы были, вбѣгали два солдата Брянскаго полка и оба упали; мы думали, что они ранены; столѣтовскій юнкеръ бросился къ нимъ, узналъ, что они только запыхались и упали отъ усталости, что они бѣжали за патронами, что рота ихъ вблизи разстрѣляла всѣ патроны; юнкеръ оставилъ солдатиковъ лежать на томъ же мѣстѣ, а самъ бѣгомъ обогнулъ гору и скоро возвратился съ товарищемъ и съ двумя мѣшками съ патронами; все это дѣлалось подъ ужаснѣйшимъ огнемъ. Тогда юнкеръ разсказалъ намъ, что они встрѣтили патронный ящикъ, въ которомъ одна лошадь была ранена, и распорядились вынуть всѣ патроны и сложить у большаго камня, а ящикъ отправить обратно на габровскую дорогу.

Пунктъ, занимаемый Столѣтовымъ для наблюденія за ходомъ боя, былъ очень выгодный; вся мѣстность впереди была настолько пересѣчена, что если бы Столѣтовъ приблизился, напримѣръ, къ Липинскому, то уже ничего не зналъ бы, что дѣлается у гр. Толстаго. Бывали тяжелыя минуты; такъ, около 12-го часа дня, былъ моментъ, когда у Липинскаго, послѣ необыкновенно учащенной пальбы, вдругъ все затихло, невидно было, что тамъ дѣлается, и не было оттуда никакихъ извѣстій — и у насъ у всѣхъ какъ бы душа замерла. Въ самомъ ли дѣлѣ, или съ утра мы попривыкли и къ огню и къ атакамъ турокъ, но намъ показалось, что около полудня и огонь и атаки турокъ стали рѣже. Однако скоро то и другое закипѣло съ ужасающею яростью.

Дурноты или обмороки со мной участились; Ивановъ и Юрьевъ, бывшіе при мнѣ, упрашивали, чтобы я оставилъ позицію, Столѣтовъ и его приближенные также совѣтовали мнѣ оставить позицію, но я сознавалъ, что нѣтъ силъ перейти двѣ версты до того мѣста, гдѣ стоялъ мой экипажъ. Ивановъ съ Юрьевымъ добыли носилки, и такъ какъ свободныхъ санитаровъ не было, то хотѣли нести меня на своихъ рукахъ, но я не могъ принять этого предложенія, да и носилки были въ такомъ видѣ, что на нихъ лечь можно было только въ безсознательномъ состояніи. Около перваго часа дня, когда получилось извѣстіе, что стрѣлковая бригада молодецки выступила изъ Габрова и что самъ Радецкій идетъ на Шипку, я,

съ помощью Иванова и Юрьева, спустился съ тыльнаго укрѣпленія на шоссе и мы медленно шли подъ турецкими пулями, изъ которыхъ ни одна никого изъ насъ не задѣла. При помощи догнавшей насъ какой-то фуры, мы достигли перевязочнаго пункта, гдѣ я попросилъ рюмку краснаго вина, но за неимѣніемъ вина докторъ предложилъ воду съ нѣсколькими каплями спирта. Ивановъ сѣлъ со мной въ экипажъ, Юрьевъ сопровождалъ насъ верхомъ, а Романовъ остался на Шипкѣ. Въ экипажѣ мои обмороки стали повторяться; я очнулся, когда Ивановъ обратилъ вниманіе на то, что обозъ болгарскихъ дружинъ и казаки отходятъ къ Габрову; я живо встрепенулся, потребовалъ къ себѣ начальника обоза, штабсъ-капитана Орѣшкова, и спросилъ, кто приказалъ отступать казакамъ и обозу, и за уклончивый отвѣтъ Орѣшкова, что какой-то казакъ словесно передалъ ему приказаніе Столѣтова, жестоко распекъ Орѣшкова, приказалъ ему ту же минуту вернуть казаковъ и ушедшія повозки и дожидать здѣсь приказанія корпуснаго командира Радецкаго, который скоро проѣдетъ мимо. Это распоряженіе и дало возможность, нѣсколько часовъ спустя, 16-му стрѣлковому баталіону на казачьихъ и обозныхъ лошадяхъ поспѣть на выручку Шипки.

Вскорѣ по габровской дорогѣ я встрѣтился съ 4-ю стрѣлковою, бригадой и начальникомъ ея, давнишнимъ моимъ пріятелемъ, тогда генералъ-маіоромъ, а потомъ генералъ-адъютантомъ генералъ-лейтенантомъ Адамомъ Игнатьевичемъ Цвѣцинскимъ, умершимъ въ прошломъ году; онъ сошелъ съ лошади, я вышелъ изъ экипажа; мы обнялись, сѣли на камни и бесѣдовали съ 1/4 часа. Онъ сказалъ мнѣ, что бригада его, вслѣдствіе ошибочнаго донесенія генералъ-маіора Борейша, будто Сулейманъ-паша идетъ на Елену, 8-го августа изъ Тырнова перешла на Елену, сдѣлавъ слишкомъ 40 верстъ; 9-го августа бригада перешла обратно изъ Елены на Тырново; 10-го августа изъ Тырнова пошла на Габрово, пройдя свыше 42 верстъ; въ Габрово пришла только сегодня, 11-го августа, въ 3 часа утра, и четвертымъ переходомъ идетъ прямо въ бой. Я передалъ ему о дѣлахъ на Шипкѣ и о томъ, чтобы онъ запасался водой изъ ключа, который скоро будетъ на его пути, что главное лишеніе шипкинскаго отряда состоитъ въ недостаткѣ воды. Затѣмъ, перекинувшись еще нѣсколькими словами о своихъ семьяхъ, мы разстались.

Недалеко отъ Габрова встрѣтился я съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Радецкимъ. Онъ ѣхалъ верхомъ съ огромною свитой; кромѣ его штаба, его сопровождали офицеры изъ главной квартиры, уполномоченные Краснаго Креста, чины гражданскаго управленія и, кажется, нѣсколько корреспондентовъ газетъ. Мы дружески обнялись и сѣли на бревна, сложенныя у дороги. Свита Радецкаго также сошла съ коней и окружила насъ. Я передалъ о положеніи Шипки, предупредилъ, что нетолько атакованная позиція, но и послѣднія

$2^1/_2$ версты шоссе, ведущаго на Шипку, сильно обстрѣливаются, что съ такою свитою ѣхать нельзя—по группамъ людей турки мѣтко стрѣляютъ залпами; что въ бѣлыхъ шапкахъ также нельзя оставаться: по бѣлымъ шапкамъ тоже стрѣляютъ залпами. Слова мои подѣйствовали на свиту Радецкаго. Впослѣдствіи я слышалъ, что большая часть свиты не шла далѣе перевязочнаго пункта, что послѣднія $2^1/_2$ версты до боевой позиціи Радецкій переѣхалъ только самъ-пять, а гору св. Николая осматривалъ уже только самъ-другъ.

Въ Габровѣ я расположился на квартирѣ Дерожинскаго и тотчасъ легъ, пославъ великому князю главнокомандующему депешу слѣдующаго содержанія: «Сегодня бой на Шипкинскомъ перевалѣ съ ужаснымъ ожесточеніемъ начался въ половинѣ пятаго утра, къ 12-ти часамъ огонь сталъ какъ бы замирать. Множество турецкихъ атакъ было отбито; мы не потеряли ни шагу изъ своей позиціи, и я, при совершенномъ истощеніи физическихъ силъ и въ виду приближенія Радецкаго, отъѣхалъ въ Габрово. На дорогѣ встрѣтилъ Радецкаго, подробно передалъ ему о состояніи дѣла. Сегодня у насъ раненыхъ и убитыхъ много. Санитары наши изнемогаютъ при подъемахъ на горы; вотъ тутъ была бы полезна помощь Краснаго Креста».

Юрьева я немедленно возвратилъ на Шипку, а Иванова, у котораго контуженная часть ноги почернѣла, оставилъ при себѣ въ Габровѣ. Вскорѣ зашелъ ко мнѣ генералъ Драгомировъ, шедшій на Шипку во главѣ двухъ полковъ своей дивизіи; я и ему передалъ все, что зналъ о положеніи дѣлъ. Затѣмъ, пришелъ окружный начальникъ Масловъ. Я просилъ его снарядить подводы съ бочками и отправить воду на Шипку; Масловъ въ ту же минуту исполнилъ это. Заснуть я не могъ—нервы были сильно напряжены; безпрестанно я посылалъ справляться, слышна ли пальба на Шипкѣ. Въ полночь я получилъ записку отъ Романова, что стрѣлки поспѣли, Шипку отстояли. Тогда я заснулъ часа два и освѣжился.

Этимъ собственно и оканчивается эпизодъ шипкинскаго боя до прибытія туда Радецкаго, но такъ какъ я оставался еще нѣсколько дней въ Габровѣ, то въ слѣдующей главѣ изложу, что̀ дѣлалось здѣсь въ эти, вообще тяжелые дни для нашей арміи.

VI.

Въ ночь на 12-е августа, я получилъ отъ великаго князя главнокомандующаго депешу, помѣченную 11-мъ числомъ: «Были ли войска Радецкаго сегодня вечеромъ въ огнѣ, идетъ ли ночью бой, слышны ли теперь выстрѣлы, есть ли подводы для отвозки раненыхъ, куда они отвезены и гдѣ помѣщены,—дайте мнѣ скорый отвѣтъ. Николай».

Мой отвѣтъ: «Стрѣлковая бригада съ Радецкимъ прибыла на атакованную позицію вчера вечеромъ, другія войска Радецкаго дойдутъ туда ночью. Вчера бой продолжался до поздняго вечера; уже турки врывались на нашу позицію, но часть стрѣлковъ, подвезенная на казачьихъ лошадяхъ, выручила и опрокинула турокъ. Атакованная позиція длиною 2½ версты и позади ея 2½ же версты подъ выстрѣлами отдѣльныхъ партій турокъ, засѣвшихъ въ сосѣднихъ горахъ. На этомъ пространствѣ переносятъ раненыхъ на носилкахъ и только тяжело раненыхъ возятъ въ лазаретныхъ повозкахъ. Тутъ устроены первые полковые перевязочные пункты, затѣмъ въ двухъ верстахъ дивизіонный лазаретъ, куда больныхъ доставляютъ тоже большею частію на носилкахъ. Изъ дивизіоннаго лазарета въ габровскій лазаретъ возятъ на волахъ, въ крестьянскихъ фурахъ».

Былъ 3-й часъ утра, спать я не могъ; меня озабочивали два обстоятельства: доставка воды на Шипку и габровскій лазаретъ; но идти тотчасъ въ лазаретъ я былъ не въ силахъ—еще недостаточно вылежался, грыжа не позволяла двигаться, а потому еще до полнаго разсвѣта послалъ за окружнымъ начальникомъ Масловымъ и командиромъ формировавшейся 9-й болгарской дружины, подполковникомъ Львовымъ. Съ ними порѣшили устроить правильную, регулярную доставку воды на Шипку, именно: къ источнику, въ 6-ти верстахъ отъ боевой позиціи, приставить офицера съ небольшимъ пикетомъ и поручить ему каждый часъ отправлять на Шипку двѣ парныя воловьи подводы съ бочками воды и 15 пѣшихъ болгаръ, которые должны нести воду въ кувшинахъ. Бочки изъ подъ вина и кувшины собраны были въ Габровѣ. Масловъ моментально сформировалъ 12 смѣнъ подводъ, а Львовъ изъ своей дружины нарядилъ 12 смѣнъ по 15-ти человѣкъ. Полагая, что каждая смѣна употребитъ 6 часовъ времени для движенія на Шипку и обратно къ колодцу,—оказывалось, что соверша маленькій переходъ, она можетъ отдыхать 6 часовъ. Чтобы на Шипкѣ не пользовались водой только одни войска, расположенныя въ тылу позиціи, въ ущербъ тѣмъ, которыя стоятъ во главѣ ея, я просилъ Радецкаго поставить особый пикетъ у начала позиціи, который указывалъ бы, въ какую именно часть войскъ направлять воду. Пѣшіе же болгары изъ кувшиновъ давали воду раненымъ, слѣдовавшимъ съ позиціи.

Отправивъ Иванова на Габрово-шипкинскую дорогу для устройства обхода около опаснаго моста, самъ я пошелъ въ лазаретъ. Габровскій лазаретъ представлялъ замѣчательное явленіе между военно-врачебными заведеніями минувшей войны. Въ іюлѣ, при первомъ занятіи Габрова нашими войсками, тамъ расположился лазаретъ 9-й пѣхотной дивизіи и при немъ были отъ Краснаго Креста три сестры милосердія общины св. Георгія: Софья Але-

ксандровна Энгельгардтъ, Ольга Николаевна Юханцева и Александра Алексѣевна Теплякова, докторъ Пясецкій и студентъ 1-го курса медико-хирургической академіи—Кубаревъ; къ нимъ присоединилась еще сестра милосердія г-жа Духонина, жена полковника, командира Подольскаго полка, произведеннаго вскорѣ въ генералъ-маіоры и назначеннаго начальникомъ штаба 4-го корпуса. Эти шесть особъ на дѣлѣ показали, какъ много можно сдѣлать добра, когда побужденіемъ къ добру будетъ одно истинно-христіанское желаніе облегчить страданіе ближняго. Когда началось бѣгство болгаръ изъ-за Балканъ, эти шесть особъ, не оставляя своихъ обязанностей при лазаретѣ 9-й дивизіи, устроили нѣсколько малыхъ лазаретовъ въ частныхъ домахъ для помѣщенія больныхъ и раненыхъ изъ бѣжавшихъ болгаръ. 9-го же августа, когда начался бой на Шипкѣ, когда весь городъ Габрово объятъ былъ паническимъ страхомъ и коренные жители Габрова бѣжали или собирались бѣжать, а лазаретъ 9-й дивизіи получилъ приказаніе перейти на шипкинскую дорогу, эти шесть особъ—Энгельгардтъ, Юханцева, Теплякова, Духонина, Пясецкій и Кубаревъ бодрствовали въ Габровѣ; каменное двухэтажное зданіе габровскаго училища, они заняли подъ военный лазаретъ, изъ города собрали туда до 100 кроватей, постели, бѣлье и разные припасы. Вечеръ 9-го числа, весь день 10-го и почти весь день 11-го августа, они на своихъ рукахъ принимали всѣхъ раненыхъ, ухаживали за ними и дѣлали перевязки; только послѣ полудня 11-го числа къ нимъ прибылъ на помощь одинъ врачъ 9-й дивизіи, а къ тому времени, когда подошелъ корпусный докторъ съ медицинскимъ персоналомъ, въ габровскомъ лазаретѣ было далеко болѣе 1.000 раненыхъ. Четыре сестры милосердія, Пясецкій и Кубаревъ, три дня и три ночи, безъ сна, безъ малѣйшаго отдыха, работали безъ устали. Я видѣлъ ихъ 12-го числа—они бродили какъ тѣни, но работали и не хотѣли оставить своего поста. На этихъ сестеръ милосердія можно было смотрѣть только съ благоговѣніемъ; понесенный личный трудъ казался ничтожнымъ передъ ихъ трудомъ. На каждаго раненаго онѣ смотрѣли, какъ на мученика, пострадавшаго во имя Христа; онѣ при больныхъ своими руками исполняли самую грязную работу; всѣ раненые и всѣ видѣвшіе ихъ смотрѣли на нихъ какъ на святыхъ, пришедшихъ не отъ міра сего. Старикъ Непокойчицкій, посѣтившій габровскій лазаретъ 17-го августа, случайно былъ свидѣтелемъ, какъ г-жа Духонина обмывала раненаго солдата и, выходя изъ палаты, тихонько сказалъ мнѣ: «Да, вы вѣрно сказали, что здѣшнія сестры милосердія не земныя существа; онѣ дѣйствительно представляются какъ бы сошедшими съ неба». Къ 17-му же августа, къ пріѣзду Непокойчицкаго, габровскій лазаретъ уже поустроился, а когда я вошелъ туда впервые, утромъ 12-го числа, то трудно и описать представившуюся мнѣ картину.

Предъ габровскимъ лазаретомъ былъ большой дворъ, мощеный камнемъ; лазаретъ былъ въ лѣвой сторонѣ двора, а правая сторона примыкала къ женскому монастырю. Не только госпитальный дворъ весь буквально былъ заваленъ ранеными, но раненые занимали и монастырскій дворъ, и часть улицы; раненые лежали частью на соломѣ, частью на своихъ шинеляхъ; весь дворъ былъ покрытъ кровью, невозможно было найти сухаго мѣста; надъ всѣмъ дворомъ носились раздирающіе душу стоны и вопли страдальцевъ. Между ранеными, шагая черезъ нихъ, осторожно проходили болгары и преимущественно болгарки, подносили раненымъ воду, вино и молоко; день былъ жаркій; по просьбѣ раненыхъ многимъ обливали водой голову и раны. Мнѣ было очень трудно проходить между ранеными и шагать черезъ нихъ; я самъ едва держался на ногахъ, а многіе раненые схватывали меня за ноги и за сюртукъ съ отчаянными воплями: «Помогите, спасите!» Въ самомъ лазаретѣ, въ обоихъ этажахъ, не только всѣ кровати, но и всѣ промежутки между кроватями были заняты лежащими или сидящими ранеными; духота была страшная, несмотря на то, что съ одной стороны всѣ окна были открыты; открыть же окна и съ другой стороны было опасно,—могъ образоваться сильный сквозной вѣтеръ. Госпитальные чины отъ корпуснаго доктора до послѣдняго фельдшера работали энергично; они были большею частью безъ сюртуковъ; при мнѣ между докторами произошло благородное пререканіе: одинъ медикъ предлагалъ сдѣлать перевязку такому-то раненому, другой возражалъ, говоря, что эта перевязка займетъ больше часа времени, а мы въ это время успѣемъ облегчить страданіе 10—15 человѣкъ; первый медикъ отвѣчалъ—да, но этотъ раненый можетъ умереть. Я не принялъ участія въ этомъ пререканіи для того, чтобы медики сами и рѣшили споръ. Въ то же время производилась сортировка раненыхъ для опредѣленія, кого можно отправить въ Тырново, а Масловъ со своимъ помощникомъ, лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона императорской фамиліи поручикомъ Кутеповымъ, хлопотали о нарядѣ подводъ и объ очищеніи монастырскихъ зданій подъ госпиталь. Счастье для Габрова, что въ немъ въ то время соединились такіе дѣятели, какъ Масловъ и его помощникъ Кутеповъ. Къ приходу моему въ лазаретъ была готова прекрасная жидкая кашка на мясномъ отварѣ.

По возвращеніи домой, я получилъ записку отъ Цвѣцинскаго, въ которой онъ писалъ, что вмѣстѣ съ этимъ посылаетъ раненаго Турова, проситъ призрѣть его и написать родителямъ. Туровъ, подпоручикъ 16-го стрѣлковаго баталіона, родной племянникъ жены Цвѣцинскаго и сынъ моего стараго товарища—сапера. Я опять пошелъ въ госпиталь и засталъ Турова на дворѣ, недалеко отъ воротъ, лежащимъ на той же кровати-носилкахъ, на которой его привезли въ лазаретномъ фургонѣ; рана его была хотя и перевя-

зана, но полуоткрыта. Турова я зналъ давно; онъ всегда былъ красавчикъ, премилый юноша, а раненый, поблѣднѣвъ, лежалъ какъ херувимчикъ; такъ какъ онъ лежалъ на солнцѣ, то я просилъ подошедшую къ нему сестру милосердія С. А. Энгельгардтъ перенести его куда нибудь въ тѣнь; она отвѣчала, что онѣ уже озаботились о томъ, и тихонько передала, что рана чрезвычайно опасна, колѣно пробито насквозь и кости раздроблены, что всѣ доктора очень жалѣютъ этого молодаго человѣка. Я спросилъ корпуснаго доктора, что̀ онъ думаетъ о Туровѣ; тотъ отвѣчалъ- «ахъ, этотъ офицеръ васъ всѣхъ озабочиваетъ и Радецкій проситъ спасти этого прекраснаго юношу, но что намъ дѣлать? Нужно отнимать ногу выше колѣна, да думаемъ, что это лучше сдѣлать въ Тырновѣ или въ Зимницѣ; впрочемъ, еще не рѣшили». Я обратился къ Турову, шутя, что ему придется вновь учиться танцовать на костылѣ; онъ приподнялъ голову и быстро заговорилъ:—«а? что? отрѣжутъ ногу? такъ пусть скорѣе рѣжутъ».—«Нѣтъ, отвѣчалъ я, еще не рѣшено, можетъ быть, вы только временно походите на костылѣ, а обѣ ноги останутся». Часа черезъ два Туровъ вновь прислалъ за мной. Я засталъ его на той же кровати, но въ тѣни, въ монастырскомъ саду; онъ просилъ, чтобы его не перевозили, а перенесли до тырновскаго шоссе; онъ говорилъ, что когда везли его по габровской мостовой, то такъ трясло, что онъ едва выносилъ боль. Я обѣщалъ это сдѣлать. Въ тотъ же день Турова отправили въ Тырново, оттуда въ Зимницу и Фратешти; тамъ отняли ногу, и онъ, не перенеся операціи, умеръ на рукахъ своихъ родителей, которые успѣли пріѣхать изъ Москвы за нѣсколько часовъ до его смерти; отъ горя вскорѣ умеръ и отецъ его.

12-го же числа я послалъ депешу начальнику штаба Непокойчицкому, въ которой говорилъ: «Изъ Габрова бѣжали агенты товарищества по продовольствію арміи, мѣстное управленіе не имѣетъ возможности заготовить фуражъ. На Шипкинскомъ перевалѣ фуража нѣтъ ни зерна, и въ случаѣ движенія нашихъ войскъ впередъ за Шипку, пространство впереди верстъ на 50 совершенно раззорено,—тамъ на мѣстныя средства надежды нѣтъ. Въ окрестности Габрова сѣно давно замѣнялось яровымъ хлѣбомъ, но и этотъ кормъ истощился. Необходимы быстрыя распоряженія интендантства».

Съ наступленіемъ сумерекъ я почувствовалъ такой упадокъ силъ, что долженъ былъ позвать доктора; тотъ, конечно, совѣтовалъ полный покой, а мнѣ не лежалось и не сидѣлось на мѣстѣ.

Передъ разсвѣтомъ 13-го августа, великій князь телеграфировалъ мнѣ: «Нельзя ли устроить, чтобы варили пищу въ Габровѣ и отвозили на Шипку нашимъ молодцамъ. Николай».

Я отвѣчалъ: «Варка мяса съ густымъ бульономъ устроена не въ Габровѣ, а въ 8 верстахъ отъ Габрова, у большаго источника,

въ 6 верстахъ отъ боевой позиціи. Мы устроили правильное отправленіе каравановъ съ пищей и съ водой. Сегодня, по соглашенію съ Радецкимъ, исправляемъ мосты на габрово-шипкинской дорогѣ и самую дорогу, а въ случаѣ нужды перейдемъ на Шипку. Здѣсь нѣтъ ни сѣна, ни овса, ни ячменя и достать ихъ въ окрестности нельзя. Это можетъ быть страшнымъ бѣдствіемъ».

Послѣднія строки я прибавилъ потому, что отъ Непокойчицкаго не получилъ отвѣта на вчерашнюю свою депешу и полагалъ, не переврали ли ее на телеграфѣ, такъ что нельзя было разобрать.

Уже вечеромъ 12-го числа я видѣлъ въ Габровѣ много шатавшихся нижнихъ чиновъ изъ разныхъ парковъ, прибывшихъ въ Габрово, и вообще тыльныхъ людей, а рано утромъ, 13-го числа, выходя на работу, видѣлъ въ харчевняхъ и въ наскоро устроенныхъ кабакахъ много людей, которые, казалось, всю ночь провели въ этихъ заведеніяхъ. Для прекращенія безпорядковъ потребовалъ къ себѣ подполковника Львова, объявилъ его габровскимъ комендантомъ и далъ ему казаковъ, чтобы посылать разъѣзды по городу. Почти весь день 13-го числа провелъ на шипкинской дорогѣ вмѣстѣ съ Ивановымъ и Юрьевымъ; послѣдняго вызвалъ съ Шипки, оставивъ тамъ одного Романова. Возвратясь въ Габрово, послалъ великому князю двѣ депеши:

1) «Прошу снисхожденія, что до полученія повелѣнія вашего, я приказалъ начальнику 9-й болгарской дружины исполнять должность габровскаго коменданта для устраненія хаоса отъ безпрерывнаго прилива и отлива тыльныхъ людей».

На эту депешу очень скоро былъ полученъ отвѣтъ Непокойчицкаго, что великій князь утвердилъ назначеніе.

и 2) «Необходимо безотлагательно устроить этапъ въ Драновѣ для смѣны воловьихъ подводъ, направляемыхъ туда изъ Габрова съ ранеными, иначе въ Габровѣ невозможно будетъ выставлять достаточное число подводъ для возки раненыхъ. Изъ Габрова ежедневно наряжается по 800 воловъ для подъема военныхъ тяжестей на Балканы и для перевозки раненыхъ съ Балканъ въ Габрово».

Эта депеша была послана по просьбѣ Маслова и уже 15-го числа въ Драновѣ былъ устроенъ этапъ. Городъ Драново лежитъ на полупути отъ Габрова до Тырнова.

Къ 14-му числу пришла въ Габрово рота 5-го сапернаго баталіона съ командиромъ баталіона, полковникомъ Свищевскимъ, а затѣмъ скоро подошли еще двѣ роты 2-го сапернаго баталіона съ подполковникомъ Рѣзвымъ; работы на габрово-шипкинской дорогѣ закипѣли. 14-го же числа, стали подходить полки 2-й пѣхотной дивизіи, и командующій дивизіей свиты его величества генералъ-маіоръ князь Имеретинскій передалъ мнѣ, что великій князь поручилъ ему, вмѣстѣ со мной, составить соображеніе объ

укрѣпленіи Габрова и немедленно приступить къ работѣ. Раннимъ утромъ 16-го числа, осмотрѣвъ позицію на перекресткѣ дорогъ Габрово-Шипка-Зеленое Древо, мы поѣхали въ селеніе Зеленое Древо; тамъ были уже Эстляндскій полкъ и дружины болгарскаго ополченія со Столѣтовымъ. Радецкій, чтобы дать нѣкоторый отдыхъ дружинамъ, расположилъ ихъ въ Зеленомъ Древѣ. Со стороны Зеленаго Древа ясно было видно расположеніе турокъ на Лысой горѣ и казалось возможнымъ атаковать ихъ съ этой стороны. Я предложилъ выбрать охотниковъ человѣкъ 400 и произвести подробную рекогносцировку всѣхъ подступовъ къ Лысой горѣ, въ тылу турокъ. Князь Имеретинскій поддержалъ меня и предложилъ Деперадовичу взять на себя исполненіе этого предпріятія. Деперадовичъ охотно принялъ предложеніе, но почему оно не состоялось—не знаю. Въ тотъ же день было приступлено къ постройкѣ батарей на избранныхъ мѣстахъ, и хотя одна рота саперъ съ подполковникомъ Рѣзвымъ была отозвана на Шипку, но всѣ работы но укрѣпленію Габрова и по исправленію дороги дѣятельно продолжались.

Вечеромъ 15-го августа, помощникъ начальника полеваго штаба Левицкій телеграфировалъ мнѣ, что великій князь настоятельно требуетъ, чтобы я доставилъ вѣрное свѣдѣніе о потеряхъ нашихъ на Шипкѣ, причемъ выслалъ бы именной списокъ убылыхъ офицеровъ. Утромъ 16-го августа, я отвѣчалъ: «По самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, съ 9-го по 15-е августа, въ лазаретахъ 9-й девизіи и габровскомъ было всего раненыхъ 98-мъ офицеровъ и 2.633 нижнихъ чина, не считая тѣхъ раненыхъ, которые были провезены и которые сами прошли, помимо этихъ лазаретовъ, прямо въ Тырново. Свѣдѣній о числѣ убитыхъ не могъ собрать, именной списокъ раненыхъ высылаю съ нарочнымъ».

17-го августа, начальникъ полеваго штаба, Непокойчицкій, осмотрѣвъ позиціи на Шипкѣ и у Зеленаго Древа, пригласилъ къ себѣ въ Габрово на совѣщаніе Радецкаго и Имеретинскаго, а самъ такъ долго осматривалъ лазаретъ, что и Радецкій, и Имеретинскій, послѣ совѣщанія, пріѣхали ко мнѣ сильно проголодавшись. У меня были приготовлены русскія щи съ кашей, жареная баранина и кувшины съ болгарскимъ виномъ, бѣлымъ и красньмъ. Они такъ апетитно ѣли и пили, что восхищали и меня и мою артель, т. е. офицеровъ, при мнѣ состоявшихъ. Послѣ обѣда Радецкій хотѣлъ тотчасъ ѣхать на Шипку, но, вставая изъ-за стола, сказалъ: «рѣшительно не могу ѣхать, дайте отдохнуть минутъ двадцать» — и ту же минуту захрапѣлъ; но черезъ 20 минутъ встрепенулся и уѣхалъ.

18-го и 19-го августа я чувствовалъ себя нехорошо и мало выходилъ на работы. Въ эти дни:

а) 2-я пѣхотная дивизія ушла отъ Шипки на Сельвію и Ловчу; взамѣнъ дивизіи пришелъ 42-й Якутскій полкъ съ 4-ю батареею 11-й артиллерійской бригады; полкъ этотъ назначенъ былъ на Зеленое Древо, вмѣсто Эстляндскаго полка.

б) Сотникъ Галдинъ изъ Травны донесъ, что верстахъ въ 12-ти впереди Травны онъ наткнулся на турецкій отрядъ, приблизительно во 100 человѣкъ кавалеріи и два баталіона пѣхоты, и что послѣ незначительной перестрѣлки турки отошли. Озабочиваясь охраненіемъ нашего лѣваго фланга, я послалъ въ Травну надежнаго военнаго инженеръ-штабсъ-капитана Биркина съ однимъ саперным офицеромъ и 40 саперами, далъ имъ проводника и 6 вьючныхъ лошадей и приказалъ принять военно-инженерныя мѣры какъ къ удержанію за нами этого прохода, такъ и къ облегченію наступательныхъ движеній съ нашей стороны.

в) На тотъ же флангъ къ монастырю послалъ хорунжаго Филимонова высмотрѣть пути отъ монастыря къ турецкимъ ложементамъ и отъ ложементовъ на габровскую дорогу. Радецкій дополнилъ это распоряженіе присылкою въ монастырь двухъ ротъ пѣхоты.

г) Въ это время болгары сдѣлались нѣсколько посмѣлѣе, стали пощипывать турокъ на флангахъ ихъ расположенія; болгарамъ удалось схватить въ плѣнъ одного турецкаго солдата; они жестоко избили несчастнаго и притащили въ Габрово. Я потребовалъ къ себѣ этого плѣннаго; оказался старикъ, едва живой, весь въ крови. Его обмыли; я посадилъ его возлѣ себя на дворѣ, въ тѣни, далъ ему винограда, успокоилъ, обнадежилъ, что его никто ужъ не обидитъ. Растроганный плѣнный черезъ переводчика передалъ мнѣ, что онъ резервистъ третьяго призыва, что уже два раза былъ на службѣ, что въ арміи Сулеймана-паши много такихъ стариковъ; говорилъ, что турки понесли страшныя потери при атакахъ на Шипку, что они очень боятся, чтобы ихъ вновь не послали атаковать русскихъ; что самъ Сулейманъ-паша ни разу не поднимался на Бердекъ, что онъ вообще не показывается войскамъ; что патроновъ у нихъ много, что имъ постоянно твердятъ, чтобы не жалѣли потроновъ, и болѣе ничего не знаетъ. Это былъ первый плѣнный на Шипкѣ.

20-го августа, рано утромъ, я поѣхалъ на работу и на дорогѣ встрѣтилъ гонца отъ Радецкаго, чтобы ускорить отправленіе Якутскаго полка на Зеленое Древо, но ретивый полковникъ Красовскій съ своимъ полкомъ давно уже былъ на пути туда и я уже зналъ о нападеніи черкесовъ на Зеленое Древо. Отправленную съ Шипки на отдыхъ въ Габрово 5-ю батарею 9-й артиллерійской бригады я остановилъ и четыре здоровыхъ орудія направилъ на новую (Юрьева) батарею у Зеленаго Древа и изъ Габрова послалъ туда на рысяхъ три сотни казаковъ съ полковникомъ Иловайскимъ. Обо всемъ этомъ сообщилъ Радецкому и телеграфировалъ въ главную квартиру. Но все это оказалось позднимъ; черкесы успѣли воспользоваться нашимъ промахомъ: аванпосты на высотѣ у Зеленаго Древа занимались 5-ою и 10-ою дружинами болгарскаго ополченія, 10-я дружина еще формировалась, и для назначеннаго въ тотъ день

ранняго ученья сняла съ аванпостовъ своихъ людей; Богъ знаетъ почему, и 5-я дружина сняла свои аванпосты; люди 5-й дружины еще спали, ружья ихъ были составлены въ козлы, и вдругъ неожиданно черкесы на коняхъ, въ числѣ до 500 человѣкъ, атакуютъ обѣ дружины. 10-я дружина, не бывавшая еще въ дѣлѣ, моментально обратилась въ бѣгство; примѣру ея послѣдовала и 5-я дружина, не успѣвъ захватить свои ружья. Черкесы, изрубивъ на мѣстѣ до 20-ти человѣкъ и переранивъ множество людей, промчались до второй линіи, къ селенію Стамунецъ, но тутъ начальникъ 1-й дружины, подполковникъ Кесяковъ, выстроилъ свою дружину и сильнымъ огнемъ заставилъ черкесовъ отступить; подошедшіе казаки уже не могли ихъ преслѣдовать и черкесы все-таки успѣли сжечь Зеленое Древо. Эпизодъ этотъ никакихъ другихъ послѣдствій не имѣлъ.

21-го августа, въ воскресенье, я хотѣлъ идти къ обѣднѣ, но силы измѣнили; опять повторялись обмороки. Придя въ себя, я сознаlъ, что въ Габровѣ мнѣ не оправиться, что мнѣ необходимъ отдыхъ внѣ сферы дѣйствій и, собираясь телеграфировать великому князю, получилъ записку отъ Радецкаго, которою онъ какъ бы поощрялъ меня на отъѣздъ. Онъ писалъ, что теперь, слава Богу, мы можемъ быть совершенно спокойны за Габрово, и я послалъ главнокомандующему депешу слѣдующаго содержанія: «Отъ сильнаго напряженія силъ со мной дѣлаются обмороки, мнѣ необходимъ полный отдыхъ дня на четыре и, по соглашенію съ Радецкимъ, испрашиваю разрѣшенія прибыть въ главную квартиру».

Вскорѣ зашелъ ко мнѣ флигель-адъютантъ кн. Чернышевъ-Кругликовъ, проѣзжавшій черезъ Габрово на Шипку съ наградами, всемилостивѣйше пожалованными, по засвидѣтельствованію Непокойчицкаго, именно: Радецкому шпага съ бриллiантами; Столѣтову, Липинскому и гр. Толстому кресты Георгія 4-й степени. При этомъ Чернышевъ везъ множество солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ. На 20 саперъ, при мнѣ состоявшихъ, великій князь назначилъ 10 георгіевскихъ крестовъ, но какъ изъ 20 человѣкъ одинъ былъ убитъ, одинъ уже имѣлъ георгіевскій крестъ и одинъ штрафованный не могъ получить крестъ, то приходилось изъ 17-ти человѣкъ выбирать 10 болѣе достойныхъ. Тогда Радецкій и окружавшіе его частные начальники признали, что всѣ 17 саперъ дѣйствовали такими молодцами, что имъ всѣмъ безусловно слѣдуетъ дать георгіевскіе кресты; такъ и было назначено, и это чрезвычайно обрадовало и меня, и моихъ офицеровъ, въ особенности Романова.

На телеграмму свою я получилъ отъ великаго князя двѣ депеши, одну вслѣдъ за другой; въ одной сказано: «Можете пріѣхать въ главную квартиру», въ другой: «Разрѣшаю тебѣ пріѣхать сюда отдохнуть»,—вѣроятно, первая депеша пошла черезъ штабъ, а вторая черезъ личнаго адъютанта его высочества. Я сообщилъ Радец-

кому о своемъ отъѣздѣ и съ его разрѣшенія передалъ работы командиру 5-го сапернаго баталіона, полковнику Свищевскому. Денежныхъ разсчетовъ никакихъ не было, на работы я не издержалъ ни копѣйки, да у меня и на рукахъ не было казенныхъ денегъ. Утромъ 22-го августа, я выѣхалъ изъ Габрова въ Горный Студень и уже дорогой чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Габровѣ.

24-го августа, въ 8-мъ часу утра, я пріѣхалъ въ Горный Студень прямо къ ставкѣ великаго князя и засталъ его высочество у кареты походнаго телеграфа, лично принимающаго какую-то важную шифрованную депешу. Великій князь, не позволивъ мнѣ вымыться и переодѣться, приказалъ ту же минуту ѣхать къ государю, говоря: «Торопись, государь желаетъ тебя видѣть, но государь самъ сейчасъ уѣзжаетъ»—и приказалъ ординарцу показать мнѣ кратчайшую дорогу къ государю. Государь, готовый къ отъѣзду, окруженный своею свитой, принялъ меня очень милостиво, на наружной скамейкѣ у своей хаты. Я разсказывалъ все, что дѣлалось на Шипкѣ, по имѣвшемуся при мнѣ плану. Докладъ продолжался около 10—12 минутъ, и когда при прощаніи государь взялъ мою руку, то я, по тогдашнему нравственному настроенію, смотря въ глаза государю, хотѣлъ сказать, что онъ очень похудѣлъ, но государь, какъ бы предвидя эти слова, предупредилъ меня замѣчаніемъ на мой счетъ: «Ты ужасно постарѣлъ, а борода твоя еще болѣе тебя старитъ».

Черезъ два дня, 26-го августа, подъ Плевной, кн. Суворовъ передалъ мнѣ, что какъ только я ушелъ отъ государя, онъ обратился къ нему съ такими словами: «Ну, Суворовъ, до сихъ поръ я считалъ тебя старѣйшимъ въ арміи, но Кренке, кажется, будетъ постарше тебя». Тогда Суворовъ, и особенно Милютинъ, стали доказывать государю, что, судя по прохожденію службы, Суворовъ долженъ быть далеко старше меня. Оказалось, что недавно умершій кн. Суворовъ былъ 10-ю годами старше меня.

В. Кренке.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Вступленіе.—Европа двадцать лѣтъ тому назадъ.—Русская молодежь въ Германіи въ 1862 году.—Берлинскій университетъ.—Недовольство петербургскихъ нѣмцевъ нашими отчетами о занятіяхъ въ Берлинѣ.—Боннскій университетъ и цвѣтущее состояніе въ немъ филологіи.—Политическое настроеніе въ населеніи лѣваго берега Рейна до и послѣ войны 1870 года. — Гейдельбергъ и война 1870 года.

Обыкновенно люди обращаются къ воспоминаніямъ о прожитомъ времени тогда, когда они недовольны настоящимъ, когда лучшая часть ихъ жизни осталась позади, когда они думаютъ хотя въ мысленномъ воспроизведеніи былого найти нѣкоторое душевное удовлетвореніе. Но мое положеніе другое. Я принадлежу къ поколѣнію, которое, если исключить время ранней юности, знало только испытанія и почти не знало дней, о которыхъ бы оно могло вспоминать съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. Оно находилось въ постоянной и трудной борьбѣ съ тяжкимъ наслѣдіемъ печальнаго прошлаго и никогда не достигало побѣды, достаточно вознаграждающей за понесенныя жертвы и потраченныя усилія. Очень вѣроятно, что намъ придется сойти и въ могилу, не видавши земли обѣтованной, не дождавшись осуществленія своихъ надеждъ видѣть отечество нашедшимъ свой надлежащій путь развитія, просвѣщеннымъ, умиротвореннымъ и счастливымъ. Нѣтъ, намъ и прошедшее такъ же мало даетъ удовлетворенія, какъ и настоящее. Правда, въ прошедшемъ были по крайней мѣрѣ надежды, а теперь и для нихъ почти

не осталось мѣста; но что пользы возвращаться къ надеждамъ, безжалостно на нашихъ глазахъ разбитымъ жизнію?

Мнѣ бы хотѣлось просто оглянуться на протекшую жизнь, чтобы привести ее въ сознаніи своемъ въ связь съ настоящею, чтобы уловить въ этой, все-таки не лишенной содержанія, жизни смыслъ, чтобы вывести изъ нея если не для себя, то хоть для другихъ какое либо поученіе. Мы, русскіе, вообще мало думаемъ, мало размышляемъ о причинахъ и послѣдствіяхъ въ нравственной и общественной жизни, живемъ какъ-то случаями, случаями и умираемъ, не успѣвъ осмыслить своей жизни и оставляя другихъ въ недоумѣніи насчетъ своихъ преобладающихъ стремленій и своего назначенія. Но настоящая минута, крайне неблагопріятная для всякаго рода начинаній, всего менѣе располагаетъ къ откровенностямъ какого бы то ни было рода и тѣмъ болѣе къ такимъ воспоминаніямъ, которыя выводятъ на сцену характеръ и дѣятельность лицъ живущихъ и притомъ такихъ, которые не любятъ ни критики, ни откровенности. Поэтому и приходится до поры до времени ограничиться воспоминаніями наиболѣе безобиднаго свойства, воспоминаніями заграничными, впечатлѣніями, касающимися лицъ и явленій далекихъ, о которыхъ дозволяется разсуждать и въ наше время.

Мои заграничныя воспоминанія восходятъ за двадцать лѣтъ слишкомъ. Двадцать лѣтъ—это большой періодъ времени. Въ нашъ вѣкъ не только отдѣльные люди, но и государства живутъ скоро, такъ скоро, что цѣлые перевороты совершаются на нашихъ глазахъ, и мы едва поспѣваемъ осматриваться кругомъ и опредѣлять, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать при измѣнившихся обстоятельствахъ. Вѣдь двадцать лѣтъ назадъ Германія была лишь географическимъ терминомъ, Пруссія была послѣднею въ ряду великихъ державъ, а Бисмаркъ не былъ не только великимъ человѣкомъ, но и прусскимъ министромъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, во Франціи существовала во всемъ блескѣ, хотя и фальшивомъ, имперія Наполеона III-го; Австрія, разбитая при Сольферино, была еще далека отъ Садовой и считалась первымъ членомъ такъ-называемаго Германскаго Союза; у Италіи, уже вступившей на путь національнаго и политическаго объединенія, не было еще не только Рима, но и Венеціи; въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки только еще велась война за уничтоженіе рабства; въ Россіи были освобождены крѣпостные, но не было ни земскихъ учрежденій, ни гласнаго судопроизводства, ни классицизма въ гимназіяхъ, ни автономіи въ университетахъ, ни безцензурной печати; въ Турціи царствовалъ Абдулъ-Азисъ еще совершенно по обычаямъ предковъ, и о конституціи, сочиненной впослѣдствіи Мидхатомъ-пашей, не думалъ ни одинъ человѣкъ во всей Оттоманской имперіи; въ Бѣлградѣ, столицѣ нынѣшняго Сербскаго королевства, а тогда подвластнаго Турціи княжества, стоялъ еще турецкій гарнизонъ, а о Болгаріи, какъ объ

отдѣльномъ княжествѣ, со своимъ княземъ и съ выработанной въ Россіи конституціей, могъ бы говорить развѣ сумасшедшій; въ Греціи царствовала еще баварская династія; въ Ганноверѣ былъ свой король, и его подданные, гордившіеся тѣмъ, что у нихъ своя резиденція, не могли и представить себѣ, чтобы эта резиденція такъ скоро сдѣлалась провинціальнымъ городомъ. Страшно подумать, какъ измѣнилась Европа втеченіе двухъ десятковъ лѣтъ! Можно судить поэтому, какъ быстро живутъ народы въ наше время и какіе глубокіе перевороты ожидаютъ нашу часть свѣта къ началу будущаго столѣтія.

Весной 1862 года, открылось движеніе по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга до прусской границы. Массы русскихъ людей всякаго рода и званія хлынули въ западную Европу, которая тогда представлялась еще очень заманчивою и поучительною для насъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ѣхали старые, ѣхали и молодые. Старые стремились больше въ Парижъ, манившій ихъ своей нѣгой и удовольствіями, которыя охотно поощрялись наполеоновской полиціей и составляли, такъ сказать, одинъ изъ пунктовъ политической программы узурпаторскаго правительства, занимавшій не послѣднее мѣсто въ его arcana imperii; молодые оставались въ Германіи, надѣясь въ ея знаменитыхъ университетахъ получить или пополнить свое образованіе.

Никогда Берлинъ, первая большая станція въ западной Европѣ, на которой считаютъ нужнымъ останавливаться путешественники изъ сѣверной и средней Россіи, не видалъ въ своихъ стѣнахъ столько русской молодежи, какъ лѣтомъ 1862 года. Ее можно было въ это время встрѣчать тамъ на каждомъ шагу. Она толпилась передъ окнами книжныхъ магазиновъ, заваленныхъ въ то время русскими изданіями, преимущественно лондонскаго происхожденія, въ кондитерской Спарньяпани, гдѣ получались въ числѣ другихъ газетъ и русскія, въ заведеніи Кроля, въ Орфеумѣ, въ университетѣ. Всего меньше въ университетѣ. Молодые люди, ежедневно прибывавшіе въ прусскую столицу изъ Петербурга, гдѣ тогда былъ временно закрытъ университетъ, и частію изъ Москвы, останавливались въ Берлинѣ лишь на время и черезъ нѣсколько дней ѣхали дальше на югъ или на западъ Германіи, преимущественно въ Гейдельбергъ, прославленный въ романахъ Тургенева.

Но и останавливаясь на время, они обращали на себя вниманіе какимъ-то особеннымъ настроеніемъ. Они покидали Россію въ самый разгаръ броженія, начавшагося въ русской учащейся молодежи въ 1861 году, не безъ вліянія агентовъ польской революціонной партіи, и переносили это броженіе и за-границу, которымъ впослѣдствіи такъ ловко воспользовалась присмирѣвшая-было послѣ крымскаго погрома

партія застоя и попятнаго движенія. Молодежь наша ѣхала за-границу учиться, но ученье не шло ей въ голову. Она была слишкомъ неспокойна, чтобы посвящать время чтенію научныхъ книгъ, посѣщенію лекцій и занятіямъ въ ученыхъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, и тратила свои силы на горячіе диспуты о вопросахъ политическихъ и на рѣшеніе задачъ, которыхъ обыкновенно не беретъ на свои плечи юношество странъ, болѣе зрѣлыхъ политически и находящихся въ болѣе правильныхъ условіяхъ гражданскаго быта. Пріѣзжали въ Германію въ то же время учиться англичане, голландцы, итальянцы, американцы. Ничего подобнаго настроенію русской молодежи въ нихъ не обнаруживалось. Молодые люди другихъ націй, по пріѣздѣ въ университетскій городъ, прямо шли къ цѣли: они усердно посѣщали лекціи, музеи, лабораторіи, обогащались знаніями, получали докторскіе дипломы и спѣшили отправиться на родину, чтобы стать тамъ вскорѣ во главѣ научнаго движенія въ извѣстной области и вести пропаганду новыхъ методовъ изученія науки и университетскаго преподаванія. Русскіе же молодые люди прежде всего, какъ это и понятно, обращали вниманіе на то, что они случайно находятся на свободной политической почвѣ, гдѣ о дѣлахъ своей родины имъ можно говорить громко, гдѣ они совершенно свободно могутъ читать запрещенные въ Россіи книги и журналы и гдѣ имъ никто не помѣшаетъ писать самимъ и печатать листки и брошюры не менѣе свободные, чѣмъ тѣ, которые считаются столь запретнымъ плодомъ въ отечествѣ. Такимъ образомъ то, что для англичанина, американца, голландца и т. д., выросшихъ дома въ условіяхъ свободнаго гражданскаго быта, совсѣмъ не существовало, какъ причина отвлеченія отъ учебныхъ занятій, для русскаго юноши получало видъ необыкновенной привлекательности. И вотъ онъ прежде всего старался насладиться правами свободнаго человѣка: говорилъ, читалъ и писалъ (это случалось рѣже) то, что дома считается преступнымъ, входилъ во вкусъ такой жизни и начиналъ смотрѣть на занятія наукой, какъ на дѣло второстепенное, если и несовсѣмъ лишнее для русскаго въ данномъ положеніи.

Такъ, конечно, не могли смотрѣть на дѣло тѣ изъ молодыхъ людей, которые были въ это же время въ значительномъ количествѣ отправлены министерствомъ народнаго просвѣщенія для приготовленія къ профессорскому званію. Они были старше годами, чѣмъ русскіе студенты, нахлынувшіе въ Германію по случаю закрытія петербургскаго университета, были люди уже съ оконченнымъ университетскимъ образованіемъ, имѣли передъ глазами опредѣленную цѣль—усовершенствованіе въ наукахъ и ознакомленіе съ методами университетскаго преподаванія, для которой и отправлялись въ разныя страны западной Европы. И они не могли не интересоваться лучшими условіями гражданской жизни, съ которыми встрѣтились лицомъ къ лицу, очутившись по другую сторону русской гра-

ницы, и они не всегда могли сохранить спокойствіе духа, какое требуется для научныхъ занятій, въ виду постоянно доходившихъ до нихъ вѣстей и слуховъ неутѣшительнаго характера о дѣлахъ на родинѣ, и они часто не находили въ себѣ необходимаго равновѣсія. Сохранившіяся у меня въ большомъ количествѣ письма изъ этого періода могли бы, въ этомъ отношеніи, разсказать многое. Но наука все-таки была ихъ призваніемъ, и къ тому же она представлялась здѣсь столь могущественною и до такой степени жизненною, что невольно притягивала къ себѣ людей, хоть сколько нибудь вкусившихъ отъ ея плода, и мало-по-малу давала ихъ мыслямъ болѣе спокойное направленіе.

Мой планъ былъ не оставаться въ Берлинѣ на продолжительное время, а ѣхать въ Боннъ, гдѣ тогда особенно процвѣтала классическая филологія. Но такъ какъ я выѣхалъ изъ Петербурга уже въ половинѣ учебнаго германскаго семестра, то лѣтній семестръ для слушанія лекцій надо было считать въ сущности пропавшимъ. Берлинъ былъ для меня въ такомъ случаѣ городомъ, гдѣ до начала зимняго семестра можно было, не посѣщая лекцій, провести время съ наибольшею пользою. Уже тогда онъ славился своимъ новымъ музеемъ, въ которомъ многочисленныя и превосходно сдѣланныя гипсовыя копіи произведеній античнаго искусства давали возможность къ болѣе или менѣе систематическимъ занятіямъ по этому предмету. Исторія искусства—предметъ капитальной важности для всякаго, занимающагося древностью, въ которой искусство занимало необыкновенно высокое мѣсто и въ религіи, и въ общественной, и въ частной жизни, а между тѣмъ предметъ этотъ въ русскихъ университетахъ былъ въ то время въ полномъ пренебреженіи: онъ не только не имѣлъ для себя особыхъ представителей, но и вовсе не преподавался ни теоретически, ни практически. Въ Эрмитажѣ, почти единственномъ мѣстѣ въ Россіи, дававшемъ возможность непосредственнаго ознакомленія съ пластическими произведеніями греческаго генія, оставшагося въ этой области недосягаемымъ для всего послѣдующаго человѣчества, отдѣлъ древняго искусства составленъ не для учебныхъ цѣлей и имѣетъ случайный характеръ; университеты въ то время почти совсѣмъ не имѣли археологическихъ кабинетовъ и только уже послѣ введенія новаго устава (1863 года) стали запасаться кое-какими слѣпками; въ академіи художествъ гипсовыя копіи древнихъ статуй находились въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Такимъ образомъ, историческое изученіе художественнаго развитія древняго міра на самихъ его памятникахъ или даже новѣйшихъ ихъ копіяхъ было въ Россіи того времени невозможно. Какъ было послѣ этого пропустить случай ближайшаго ознакомленія съ берлинскимъ музеемъ, какъ новымъ, такъ и старымъ, особенно когда не представлялось возможности провести вторую половину лѣта въ Германіи болѣе плодотворнымъ

образомъ для молодого филолога! Этому музею я и посвятилъ преимущественное вниманіе въ первые мѣсяцы своего заграничнаго пребыванія съ ученою цѣлію. Здѣсь для меня открывался новый міръ, о которомъ мои профессора какъ въ покойномъ главномъ педагогическомъ институтѣ, такъ и въ петербургскомъ университетѣ, не дали мнѣ почти ровно никакого представленія. Я пріѣхалъ за-границу магистрантомъ, т. е. лицомъ, выдержавшимъ экзаменъ на магистра классической филологіи; я былъ уже приглашенъ и выбранъ на должность адъюнкта въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ по латинской филологіи и не поѣхалъ туда учить студентовъ лишь потому, что предпочелъ провинціальной глуши тогда же предложенную мнѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія заграничную командировку на два года; я считалъ себя уже достаточно подготовленнымъ, чтобы играть роль ученаго филолога и преподавать науку съ каѳедры. А между тѣмъ у меня не было никакого живого и цѣльнаго представленія о древнемъ мірѣ. Искусство, важнѣйшая область древней культуры, для меня (какъ, разумѣется, и для другихъ) почти совсѣмъ не существовало. Кромѣ того, оказалась тотчасъ же бездна пробѣловъ во всякомъ знаніи. И какою жалкою, какою ничтожною представилась мнѣ вскорѣ вся русская университетская наука!

Берлинскій университетъ, эта страшная культурная сила Пруссіи, считающая въ настоящую минуту двѣсти тридцать девять преподавателей и до четырехъ тысячъ студентовъ (въ лѣтній семестръ 1862 года ихъ было 3.900), не произвелъ на меня, однако, въ то время особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Лѣтніе семестры въ германскихъ университетахъ вообще слабѣе преподаваніемъ, чѣмъ зимніе. Но лѣтній семестръ 1862 года былъ въ берлинскомъ университетѣ особенно неудаченъ. Таково было мнѣніе не мое только, но и другихъ лицъ, пріѣхавшихъ въ Германію заниматься филологическими науками, и не только русскихъ, но и представителей другихъ національностей. На этомъ основаніи, нѣсколько знакомыхъ мнѣ иностранцевъ, записавшихся въ число берлинскихъ студентовъ весною 1862 года, на зиму разсѣялись по другимъ университетамъ. Я не записывался въ Берлинѣ въ число слушателей уже потому, что пріѣхалъ туда въ половинѣ семестра; но посѣтить лекціи того и другого профессора считалъ необходимымъ. Лица, которое меня въ то время наиболѣе могло привязать къ берлинскому университету, Моммзена, не было въ Берлинѣ: онъ находился если не въ Римѣ, такъ въ Парижѣ, куда ѣздилъ нерѣдко для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ. Изъ замѣтныхъ филологовъ, читавшихъ тогда предметы латинской филологіи въ берлинскомъ университетѣ, были на-лицо Гауптъ, Гепперть и Гюбнеръ. Гаупта, къ которому я никогда не чувствовалъ никакого расположенія, я посѣтилъ два раза въ семинаріи. Его грубый, бранчивый тонъ со студентами, гово-

рившими невпопадъ или не въ духѣ профессора, странные для меня въ то время филологическіе пріемы, обращенные исключительно на мелочную и конъ эктуральную критику древнихъ текстовъ, произвели на меня такое впечатлѣніе, что я не почувствовалъ никакого желанія принять себѣ въ руководители такого профессора. Гепперть, старый филологъ, читалъ тогда publice по обыкновенію одну изъ комедій Плавта, латинскаго поэта, который издавна былъ его спеціальностью. Но значеніе этого ученаго въ наукѣ давно уже было потрясено новой филологической школой, во главѣ которой стоялъ тогда Ричль, такъ что онъ представлялъ въ то время скорѣе археологическій, чѣмъ живой интересъ для слушателя. Гюбнеръ, теперь одна изъ знаменитостей берлинскаго университета, а тогда второстепенный ученый, читалъ своимъ малочисленнымъ слушателямъ римскія древности. Лекціи его имѣли самый обыкновенный характеръ и не давали слушателямъ ничего такого, чего нельзя было бы найти въ извѣстныхъ тогда сочиненіяхъ по римскимъ древностямъ Беккера, Ланге и Марквардта и въ капитальныхъ историческихъ и юридическихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ, на которыя лекторъ постоянно ссылался. Я не хочу сказать, что лекціи Гюбнера были нехороши, или что онѣ не могли удовлетворить его слушателей (и этого я никакъ не думалъ сказать въ своемъ отчетѣ, за который мнѣ такъ досталось тогда отъ петербургскихъ нѣмцевъ); напротивъ, онѣ были совершенно удовлетворительны и свидѣтельствовали столько же о солидныхъ познаніяхъ, сколько и о добросовѣстности лектора. Онѣ не были только такими, чтобъ обнаружить къ себѣ притягательную силу по отношенію къ человѣку, уже вышедшему изъ періода студенчества и начавшему заниматься наукой самостоятельно. Словомъ, берлинскій университетъ, насколько дѣло касалось классической филологіи, не произвелъ на меня въ то время особенно выгоднаго впечатлѣнія, и переѣздъ на будущій семестръ для слушанія лекцій въ Боннъ, на Рейнъ, былъ рѣшенъ мною окончательно.

Такъ какъ посѣщеніе лекцій въ Берлинѣ для меня и для нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, пріѣхавшихъ за-границу одновременно со мною, на этотъ разъ не имѣло другой цѣли, кромѣ ознакомленія съ характеромъ преподаванія въ первомъ встрѣтившемся намъ на пути иностранномъ университетѣ, то мы заглядывали въ аудиторіи и другихъ профессоровъ—филологовъ, историковъ и философовъ. Но едва ли не бо́льшая доля нашего вниманія досталась лекціямъ профессора Мишле, читавшаго тогда исторію новой философіи. Это произошло, впрочемъ, совсѣмъ не потому, чтобы этотъ остатокъ берлинскаго гегеліанства считался нами за особенное свѣтило берлинскаго университета, или потому, чтобы мы находили его лекціи наиболѣе для себя поучительными, а единственно потому, что онѣ намъ, только-что начинавшимъ хорошенько знако-

миться съ живою нѣмецкою рѣчью, были наиболѣе понятны и служили, такъ сказать, подготовительнымъ средствомъ къ слушанію другихъ лекцій. Мишле говорилъ не скоро, языкомъ очень обработаннымъ, и произносилъ каждое слово до того ясно и отчетливо, что мы находили въ этой совершенно понятной для насъ рѣчи положительное удовольствіе. Были между нами такіе, которымъ доставляли удовольствіе лекціи Дройзена по исторіи реформаціи. Но, сколько помнится, особеннаго удовлетворенія не доставилъ нашимъ молодымъ филологамъ и историкамъ, готовившимся къ профессорской каѳедрѣ, ни одинъ берлинскій профессоръ въ лѣтній семестръ 1862 года, и потому почти всѣ тѣ изъ нихъ, кто провелъ это лѣто въ Берлинѣ, рѣшили разъѣхаться осенью по другимъ университетскимъ городамъ Германіи. Уѣзжая изъ Берлина, я жалѣлъ только объ одномъ — о томъ, что мнѣ не удалось побывать на лекціяхъ главнаго столпа классической филологіи— Августа Бёка, преклонный возрастъ котораго слабо ручался за то, что я еще успѣю послушать старика на обратномъ пути въ Россію.

Обстоятельство, что я не былъ ни на одной лекціи Бёка и, слѣдовательно, не могъ говорить о немъ ни одного слова въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ, посланномъ, передъ отъѣздомъ изъ Берлина, въ министерство народнаго просвѣщенія, не спасло меня отъ злостныхъ нареканій и недостойной клеветы, будто я въ своемъ отчетѣ отнесся къ Бёку съ крайнимъ неуваженіемъ. Въ мало извѣстномъ и недолго существовавшемъ журналѣ «Учитель» появилась въ концѣ 1862 года статья, нападавшая на меня и на одного изъ почтенныхъ моихъ товарищей, нынѣ директора одной изъ московскихъ гимназій, г. Новоселова, съ крайнимъ ожесточеніемъ. Авторъ статьи, г. Л., петербургскій филологъ нѣмецкаго происхожденія, безъ всякой церемоніи увѣрялъ, что какъ я, такъ и г. Новоселовъ не ставимъ въ грошъ нѣмецкой науки и что мы будто втоптали въ грязь Бёка и Гаупта. Въ такомъ же родѣ была написана замѣтка въ «Современной Лѣтописи», издававшейся при «Русскомъ Вѣстникѣ», замѣтка, подписанная буквами В. П. и принадлежавшая, повидимому, перу покойнаго Леонтьева. Та и другая, т. е. статья въ петербургскомъ журналѣ и замѣтка въ московскомъ, исполнены были такой несправедливости и дышали такой злобой, что обратили на себя вниманіе тогдашней петербургской печати, которая не могла себѣ объяснить этого яраго ожесточенія и энергически вступилась за насъ, находившихся вдали отъ родины. Я объяснялъ себѣ ту дикую злобу, доходившую до непозволительнаго извращенія нашихъ словъ и до приписыванія мнѣ заявленій, на которыя въ моемъ отчетѣ не было и намека, по отношенію къ Леонтьеву тѣмъ, что передъ самымъ отъѣздомъ за-границу я напечаталъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» статью о положеніи у насъ классической филологіи, въ которой коснулся

Леонтьева, какъ лица, видимо отстававшаго отъ своей спеціальности и отъ движенія филологической науки въ пользу журнальныхъ занятій; по отношенію же къ г. Люгебилю, выступившему подъ буквою Л., я могъ объяснить эту злобу развѣ тѣмъ, что его нѣмецкому сердцу въ то время, по крайней мѣрѣ, было невыносимо появленіе на сценѣ русскихъ филологовъ, и притомъ еще смотрящихъ на потребности русской науки не съ нѣмецкой точки зрѣнія. Г. Люгебиль тогда только-что самъ возвратился изъ-за-границы и былъ преисполненъ трогательныхъ чувствъ къ нѣмецкому фатерланду, для котораго онъ, нѣкоторое время спустя, собиралъ въ Петербургѣ деньги на шлезвигъ-гольштинское дѣло, безбожнѣйшее изъ всѣхъ дѣяній Пруссіи въ нашемъ столѣтіи. Ожесточеніе его противъ меня и Новоселова доходило до того, что онъ въ концѣ статьи прямо требовалъ нашего вызова изъ-за-границы и, какъ слышно было, дѣйствительно дѣлалъ фактическіе шаги въ этомъ направленіи, выставляя на наше мѣсто (такъ мнѣ писали въ то время изъ Петербурга) кандидатовъ съ несовсѣмъ привычными русскому слуху фамиліями. Въ такомъ подвигѣ г. Люгебилю помогала чуть ли не вся нѣмецкая пишущая колонія въ Петербургѣ. Помогала ему «St.-Petersburger Zeitung», издававшаяся тогда, кажется, извѣстнымъ «вестфальскимъ мужемъ», помогали и корреспонденты заграничныхъ нѣмецкимъ газетъ. Корреспондентъ «Кёльнской Газеты», полагая, что усилія г. Люгебиля непремѣнно увѣнчаются успѣхомъ, писалъ въ эту газету, что наше министерство, желая дать блистательное удовлетвореніе Гаупту и Бёку, уже вызвало насъ изъ-заграницы. Я жилъ тогда на Рейнѣ и получалъ «Кёльнскую Газету». Высказанное въ такой категорической формѣ извѣстіе могло бы сильно смутить меня, если бы я за нѣсколько дней передъ тѣмъ не получилъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, — въ отвѣтъ на мое желаніе возвратиться немедленно въ Россію, если министерство находитъ, что мои занятія идутъ не въ надлежащемъ направленіи,—оффиціальнаго увѣдомленія, что оно поднятой противъ меня агитаціи не придаетъ никакого значенія. Единственнымъ ощутительнымъ для меня плодомъ этой агитаціи было то, что боннскіе книгопродавцы, Конъ и Маркусъ, прочитавъ въ «Кёльнской Газетѣ» ложное извѣстіе о вызовѣ меня изъ-за-границы, немедленно прислали для уплаты свои счеты на забранныя у нихъ книги. Приходилось расплачиваться не вò-время. Но и эта непріятность была тотчасъ устранена, какъ только въ «Кёльнской Газетѣ» появилось мое заявленіе, что сообщеніе ея петербургскаго корреспондента лишено всякаго основанія. Книгопродавцы просили послѣ этого оставить присланные несвоевременно счеты безъ вниманія.

Исторія эта, о которой я и теперь, черезъ двадцать лѣтъ, не могу вспомнить безъ размышленія о томъ, до чего можетъ доходить человѣческая недобросовѣстность и злоба, происходила въ то время,

когда я, живя въ Боннѣ, вдали отъ всякаго русскаго общества, если не признавать за такое покойнаго русскаго филолога Іонина, предавался самымъ усерднымъ образомъ изученію своей научной спеціальности. Боннскій университетъ былъ для меня той школой, въ которой по преимуществу совершилось мое филологическое образованіе. Въ этомъ университетѣ, составлявшемъ оплотъ германскаго духа противъ покушеній Франціи на лѣвый берегъ Рейна, въ то время классическая филологія стояла такъ высоко, какъ нигдѣ въ Германіи. Изъ него выходили борцы той новой филологической школы, которая теперь господствуетъ въ нѣмецкихъ университетахъ; въ немъ по преимуществу процвѣтала научная филологическая критика, умѣвшая каждой древней рукописи придать настоящее ея значеніе въ ряду другихъ и цѣнившая ее не столько по древности ея появленія на свѣтъ, сколько по древности происхожденія ея родоначальницы; въ немъ историческое изученіе латинскаго языка было возведено въ систему и древнѣйшимъ надписямъ придано было все принадлежащее имъ значеніе въ дѣлѣ изученія послѣдовательнаго измѣненія грамматическихъ формъ и правописанія. Два лица составляли силу и гордость этого университета въ области науки о классической древности: Ричль и Отто Янъ. Первый дѣйствовалъ преимущественно въ области латинской филологіи, второй въ греческой—преимущественно, но далеко не исключительно, такъ какъ труды перваго относительно греческихъ трагиковъ и александрійскихъ ученыхъ столь значительны и плодотворны, какъ труды второго относительно римскихъ сатириковъ. Главная сила Ричля проявлялась тогда, когда предметомъ преподаванія у него была латинская грамматика, Плавтъ и архаическая латынь; вся широта образованія, колоссальная эрудиція и тонкость эстетическаго чувства Отто Яна высказывались съ особенной силой въ то время, когда ему приходилось читать греческую литературу, говорить о греческой лирикѣ и драматическомъ искусствѣ или объяснять памятники греческой скульптуры въ археологической семинаріи. Слушающій того и другого изъ этихъ первостепенныхъ филологовъ въ Германіи нынѣшняго столѣтія постоянно чувствовалъ, что передъ нимъ говоритъ хозяинъ науки, авторитетъ, равнаго которому нѣтъ въ этой области среди современниковъ, если исключить изъ числа ихъ такихъ стариковъ, какъ Бёкъ и Велькеръ, блестящая дѣятельность которыхъ уже тогда относилась къ гораздо болѣе ранней эпохѣ. Потому-то аудиторіи Ричля и Отто Яна были всегда биткомъ набиты слушателями, какъ ни спеціальны были часто лекціи ихъ по своему содержанію.

Я всегда былъ того мнѣнія, что спеціальность предмета нисколько не мѣшаетъ ему быть интереснымъ, если онъ находится въ рукахъ умнаго профессора и талантливаго писателя. Истину эту всего болѣе я позналъ на лекціяхъ Ричля. Кажется, ничего не мо-

жетъ быть суше, какъ латинская фонетика, удлиненіе, сокращеніе, выпаденіе звуковъ, переходъ ихъ одного въ другой, перестановка ихъ и т. п.; а между тѣмъ, эти самыя грамматическія лекціи, въ которыхъ удѣлялось такое мѣсто фонетикѣ, и находили особенно внимательныхъ и многочисленныхъ слушателей. Какъ только сѣдой старикъ съ всклоченными волосами вступалъ своей обутою въ туфлю ногой на каѳедру и въ ту же секунду, безъ малѣйшей передышки, произносилъ обычное воззваніе «meine Herren!», за которымъ немедленно начинала литься потокомъ одушевленная рѣчь,—вся огромная аудиторія превращалась во вниманіе, и это вниманіе не ослаблялось ни на минуту до тѣхъ поръ, пока звонокъ не прерывалъ его, часто къ полной досадѣ слушателей. Во всемъ, о чемъ бы ни говорилъ Ричль, хотя бы о латинскомъ алфавитѣ, было такъ много самостоятельнаго знанія, столько собственнаго размышленія, убѣдительности, такъ много живости въ выраженіи и въ стремленіи убѣдить слушателя, что послѣдній находился положительно подъ обаяніемъ лектора и чувствовалъ къ нему душевное влеченіе. И какъ на этихъ лекціяхъ росли знанія слушателей и, еще больше того, углублялось пониманіе предмета! Ричль былъ того мнѣнія, что нѣтъ предмета столь элементарнаго, который бы не требовалъ всесторонняго изученія со стороны лица, желающаго преподавать его съ пользою для учащихся. И мнѣніе это онъ высказалъ мнѣ при первомъ же свиданіи, совѣтуя мнѣ познакомиться съ его грамматическимъ курсомъ, прежде чѣмъ сдѣлаться членомъ его «филологическаго общества» или семинаріи. Мнѣ, магистранту, сначала показалось нѣсколько обиднымъ такое условіе вступленія въ разрядъ посвященныхъ въ высшія таинства филологіи, но впослѣдствіи я понялъ и оцѣнилъ требованіе учителя. Его введеніе въ латинскую грамматику, которому онъ посвятилъ зимній семестръ $18^{62}/_{63}$ г., съ первыхъ же лекцій показало, что тутъ обижаться было нечего: необходимо было ознакомиться съ методомъ и, такъ сказать, міровоззрѣніемъ учителя въ его основаніяхъ и затѣмъ уже дѣлаться «сотоварищемъ» его филологическаго общества.

Ричль былъ натура страстная, горячая, увлекательная. Этимъ, независимо отъ его первостепенной роли въ наукѣ, слѣдуетъ объяснить то, что молодые люди такъ къ нему привязывались. Между нимъ и его учениками существовали отношенія какой-то родственной близости, которая не прекращалась и впослѣдствіи, когда молодые филологи боннской школы дѣлались профессорами въ другихъ университетахъ или учителями въ гимназіяхъ. Это былъ духовный союзъ учителя съ учениками, которые, гдѣ бы они ни находились, съ гордостью говорили, что они учились въ Боннѣ, и при всякомъ случаѣ старались заявить свой піетэтъ по отношенію къ своему учителю. Особенно торжественно этотъ піетэтъ высказался по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея профессорской дѣятельности

Ричля въ Боннѣ въ 1864 г., когда полсотни учениковъ, занимающихъ болѣе или менѣе видныя мѣста въ наукѣ, принесли ему въ подарокъ нарочно къ этому юбилею приготовленные труды, составившіе сборникъ подъ заглавіемъ «Symbola philologorum Bonnensium». Тутъ значатся имена и Риббека, и Гюбнера, и Бюхелера, и Бернайса, и Кейля, и Квичалы, и Рейфершейда, и Ине, и Кисслинга, и Овербека (археолога), и Гельбига, и Валена, и многихъ другихъ, хорошо извѣстныхъ людямъ, занимающимся классическою филологіей. И это — всё ученые, вышедшіе изъ боннской семинаріи Ричля, тогда какъ были у него ученики сверхъ того и въ Галле, гдѣ началась его профессорская карьера, и въ Бреславлѣ, и затѣмъ въ Лейпцигѣ, гдѣ знаменитый ученый окончилъ дни свои (1876).

Другимъ столпомъ боннскаго университета въ области классической филологіи былъ Отто Янъ. Его лекціи не имѣли ни живости, ни увлекательности лекцій Ричля, но посѣщались слушателями охотно и въ огромномъ количествѣ. Онъ давалъ такую массу свѣдѣній и такъ обстоятельно обсуждалъ каждый вопросъ, касался ли онъ объясненія греческаго или латинскаго слова или гомеровскаго эпоса и греческой лирики, т. е. былъ ли онъ малъ или великъ, что непосѣщеніе его лекцій казалось потерей, которую восполнить собственнымъ трудомъ было бы чрезвычайно трудно. Полнѣйшее знакомство съ исторіей вопроса и твердое пониманіе его положенія въ данную минуту дѣлали его лекціи драгоцѣнными для молодыхъ слушателей, желавшихъ подняться до уровня науки, ими изучаемой. Но слушать лекціи Отто Яна трудно было съ тѣмъ неослабнымъ вниманіемъ, съ какимъ всѣми слушались лекціи Ричля. Эта масса деталей, нерѣдко составлявшихъ ненужную для пониманія дѣла обстановку, обстоятельность, доходившая въ каждой цитатѣ до указанія страницы въ статьѣ или книгѣ того или другого ученаго, утомляли вниманіе и заставляли относиться къ его лекціямъ съ бо́льшею пассивностью. Сила Отто Яна заключалась въ томъ, что онъ былъ ученый чрезвычайно широкаго развитія. Для него классическая филологія не была связана исключительно съ тѣми или другими грамматическими, метрическими или критическими вопросами, какъ это стало входить въ привычку у нѣмецкихъ филологовъ новѣйшей формаціи, а была наукой о классической древности въ полномъ смыслѣ слова, гдѣ пониманіе древней музыки и пластическихъ искусствъ должно цѣниться никакъ не менѣе знакомства съ стилистическими особенностями того или другаго писателя или съ особенностями грамматическихъ формъ древнѣйшаго періода. Отто Янъ зналъ en maître не только греческое искусство, но и новѣйшую теорію музыки, и самъ былъ превосходнымъ музыкантомъ. Онъ былъ родомъ изъ Голштиніи или, быть можетъ, изъ Шлезвига, говорилъ съ сѣверо-нѣмецкимъ акцентомъ и имѣлъ наружность чрезвычайно симпатичную. Мнѣ онъ

казался человѣкомъ славянскаго происхожденія, потомкомъ какого нибудь полабскаго славянина. Объ этомъ мнѣ говорила и несвойственная нѣмцамъ мягкость выраженія лица, и многосторонность дарованій, и поэтичность натуры. Въ добавокъ ко всему этому, Отто Янъ, какъ нарочно, стригся въ кружокъ и носилъ зимой калоши, составляя въ этомъ отношеніи исключеніе изъ всѣхъ боннскихъ жителей.

Столкновеніе, происшедшее между Ричлемъ и Отто Яномъ въ 1865 году, повело къ тому, что Ричль перешелъ въ Лейпцигъ, а Янъ заболѣлъ, долго хворалъ и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ (1869 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ и цвѣтущее состояніе боннской филологіи или, по крайней мѣрѣ, господствующее ея положеніе въ Германіи кончилось, несмотря на то, что каѳедру Ричля занялъ одинъ изъ наиболѣе сильныхъ его учениковъ, г. Бюхелеръ. Ни Ричлю, ни Отто Яну нѣтъ теперь нетолько въ Боннѣ, но, пожалуй, и во всей Германіи вполнѣ равныхъ имъ преемниковъ. Но тогда, въ первое пятилѣтіе шестидесятыхъ годовъ, какая это была блестящая школа! Если-бъ я имѣлъ время, то могъ бы тогда же посѣщать лекціи по романскимъ нарѣчіямъ Дица, основателя этой области филологіи, по санскритскому языку—Лассена, по исторіи—Зибеля. Все это имена, и какія! Но классическая филологія въ Боннѣ не достигла бы своего цвѣтущаго состоянія безъ поддержки второстепенныхъ дѣятелей, какими были тамъ въ мое время профессора Рихтеръ, одинъ изъ издателей Тацита, Шопенъ, бывшій, между прочимъ, директоръ боннской гимназіи, также спеціалистъ по Тациту, Геймзётъ, спеціалистъ по греческой метрикѣ, и Леопольдъ Шмидтъ, читавшій греческую грамматику, впослѣдствіи перешедшій въ Марбургъ и тамъ прославившійся сочиненіемъ о Пиндарѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ профессоровъ, дѣятельно читавшихъ лекціи, былъ въ числѣ боннскихъ профессоровъ—хотя отъ старости и не выступалъ на каѳедру — Велькеръ — одно изъ самыхъ громкихъ именъ германской науки въ области классической филологіи. Сравните же теперь съ этою блестящею обстановкой университетскаго преподаванія въ маленькомъ прусскомъ городкѣ положеніе нашихъ университетовъ, гдѣ та или другая каѳедра классической филологіи не имѣютъ иногда, какъ наприм. въ Кіевѣ, въ Казани, по десяти и даже по пятнадцати лѣтъ ни одного профессора, даже плохого, не говоря о знаменитости, и вы поймете нетолько несоизмѣримую разницу въ положеніи науки въ Россіи и Германіи, но и то, почему у насъ такъ мало гражданскихъ благъ, безъ которыхъ невозможно и представить себѣ въ настоящее время жизнь западныхъ народовъ.

Боннъ — небольшой прирейнскій городокъ, едва ли и теперь имѣющій до двадцати тысячъ жителей. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Рейна, въ получасовомъ разстояніи ѣзды (со скорымъ по-

ѣздомъ) отъ Кёльна. Въ древности это былъ укрѣпленный пунктъ, какихъ въ этихъ мѣстахъ было немало построено римлянами для острастки сосѣднимъ германскимъ племенамъ, постоянно проявлявшимъ стремленіе перейти на ту сторону Рейна, въ Галлію, въ тацитовское время уже сильно проникнутую римскою культурой. Въ нашемъ столѣтіи Боннъ представляетъ также укрѣпленный пунктъ, но только направленный не противъ Германіи, какъ было въ древности, а противъ Галліи, т. е. противъ покушеній Франціи создать себѣ изъ Рейна естественную границу на востокѣ. Но укрѣпленія этого древняго города состоятъ со времени наполеоновскихъ войнъ не изъ фортовъ и крѣпостныхъ стѣнъ, а изъ университета, основаннаго Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ 1818 году. Послѣ войны 1870 года, опасность потерять прирейнскія провинціи, грозившая Пруссіи со стороны Франціи, считается вполнѣ устраненною, и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное значеніе боннскаго университета—быть укрѣпителемъ и распространителемъ германскаго духа въ сосѣднихъ съ Франціей и подпавшихъ въ началѣ нашего столѣтія ея владычеству западныхъ областяхъ Германіи значительно потеряло свою силу; но въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, когда мнѣ доведось быть обитателемъ Бонна, положеніе дѣла было другое. Находившееся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдней страной, чувствовавшее ея промышленную и торговую силу, политическое могущество и культурное превосходство надъ грубоватой и ушедшей въ милитаризмъ Пруссіей, управлявшееся и подъ прусскимъ господствомъ по законамъ Наполеонова кодекса, нѣмецкое населеніе прирейнскихъ провинцій далеко не было враждебно расположено къ Франціи и не смотрѣло на присоединеніе къ ней, какъ на большое для себя несчастіе. Не разъ мнѣ приходилось давать добрымъ бюргерамъ Бонна вопросъ: «а что̀, если французы отнимутъ у васъ лѣвый берегъ Рейна и присоединятъ васъ къ Франціи?» Отвѣтъ былъ почти всегда такого рода, что «имъ хуже не будетъ». Но когда давался такой вопросъ какому нибудь студенту, онъ съ негодованіемъ отвергалъ самую мысль о возможности присоединенія лѣвобережныхъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ «священнымъ городомъ Кёльномъ» (обычное въ подобныхъ случаяхъ выраженіе рейнскихъ патріотовъ) къ Франціи. Правительство Фридриха-Вильгельма III понимало, какую силу въ развитіи національнаго духа представляетъ университетъ, въ который обыкновенно стекаются юноши со всѣхъ концовъ ихъ общаго отечества, представляя собой живое воплощеніе духовной и національной связи всѣхъ частей его, и который естественно является самой живой точкой опоры въ борьбѣ съ сепаратическими тенденціями или съ индиферентизмомъ массы. И боннскій университетъ дѣйствительно сослужилъ большую службу Германіи. Среди общаго равнодушія или даже нелюбви католическаго Рейна къ суровому и протестантскому прусскому правитель-

ству, въ немъ, въ его студентскихъферейнахъ, въ коммершахъ, въ которыхъ профессора и студенты сходятся для того, чтобы пѣть патріотическія пѣсни, въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ по тому или другому политическому или историческому событію, идея вѣчно нѣмецкаго Рейна всегда горѣла яркимъ пламенемъ, напоминая населенію о томъ, что оно обязано въ минуту опасности грудью отстаивать неприкосновенность нѣмецкой территоріи отъ «наслѣдственнаго врага» германскаго народа, во всей своей совокупности. Не разъ мнѣ приходилось слышать при этомъ восторженно-патріотическія рѣчи не только студентовъ, но и профессоровъ, и между ними настоящихъ свѣтилъ университета, въ лицѣ Отто Яна и Зибеля. «Рейнъ принадлежитъ нѣмцамъ, принадлежитъ и будетъ имъ принадлежать»,—говорилъ Отто Янъ весной 1863 г. на одномъ митингѣ, на вольномъ воздухѣ, при громѣ рукоплесканій студентовъ, докторовъ и вообще интеллигентной публики. И католическое, нерасположенное къ Пруссіи, населеніе лѣваго берега Рейна шло въ 1870 году на защиту Германіи съ такимъ же патріотизмомъ, какъ и протестантское населеніе Пруссіи или Саксоніи. Только во время разгара религіозныхъ страстей, возбужденныхъ такъ называемою «культурною борьбой», когда епископы сажались въ тюрьмы или были принуждаемы, какъ кёльнскій епископъ Мельхерсъ, искать себѣ безопасности за предѣлами Германіи, прирейнскіе католики выражали сомнѣніе, что они содѣйствовали, наравнѣ съ другими нѣмцами, возвышенію Пруссіи и униженію Франціи. «Если возгорится снова война съ Франціей», говорилъ мнѣ старый боннскій знакомый въ 1875 году, превратившійся изъ индиферентнаго въ дѣлѣ религіи человѣка въ ревностнѣйшаго члена католическаго ферейна,—«мы покажемъ Бисмарку, на чьей сторонѣ наши симпатіи». Я счелъ это заявленіе за вспышку минутнаго раздраженія, но обстоятельство, что простой боннскій бюргеръ позволилъ себѣ выразиться столь не патріотически, въ своемъ родѣ знаменательно. Оно указываетъ во всякомъ случаѣ на то, какъ дурная правительственная политика бываетъ въ состояніи поколебать успѣхи національнаго дѣла, казавшіеся-было упроченными. Въ виду политики, оскорблявшей населеніе въ самомъ чувствительномъ пунктѣ его нравственной жизни, политики, какая ведена была Бисмаркомъ въ эпоху изданія майскихъ законовъ, трудно было успѣшно выполнять свою политическую миссію и боннскому университету—развивать и поддерживать въ населеніи лѣваго берега Рейна неразрывность его національной и политической связи съ Пруссіей.

Вечеромъ 15-го іюля 1870 года, пріѣзжаю я изъ Берлина въ Гейдельбергъ. На слѣдующій день утромъ, въ 10—11 часовъ, отправляюсь въ банкирскую контору (не помню названія фирмы)

и спрашиваю: по какой цѣнѣ у васъ принимаютъ русскіе рубли?

— Русскіе рубли не имѣютъ теперь никакой цѣны, отвѣчаетъ мнѣ серьёзнымъ тономъ хозяинъ конторы.

— Что это значитъ? спрашиваю я въ полномъ недоумѣніи, не имѣя съ собой почти никакихъ денегъ, кромѣ русскихъ ассигнацій.

— Да вотъ, читайте депешу...

Въ депешѣ значилось, что законодательный корпусъ во вчерашнемъ засѣданіи принялъ резолюцію объ объявленіи войны Пруссіи. Въ утѣшеніе мое банкиръ прибавилъ, что нужно подождать нѣсколько дней, пока установятся курсы на иностранныя деньги, такъ какъ извѣстіе о войнѣ съ Франціей должно произвести переворотъ въ банкирскихъ операціяхъ въ Берлинѣ, а затѣмъ и въ остальной Германіи.

Я вышелъ изъ конторы, словно ошеломленный громовымъ ударомъ. Ошеломленъ былъ, конечно, не затрудненіемъ размѣнять немедленно нѣсколько русскихъ бумажекъ, въ чемъ еще не имѣлъ никакой настоятельной нужды, а извѣстіемъ изъ Парижа. Два дня тому назадъ, въ Берлинѣ война съ Франціей считалась вполнѣ вѣроятною, но не неизбѣжною или, по крайней мѣрѣ, не столь близкою. Можно было думать, что пройдетъ еще нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ, прежде чѣмъ будетъ на берегахъ Сены принято роковое рѣшеніе. Германія или, лучше, прусская политика, т. е. Бисмаркъ, видимо вызывали Наполеона на войну, зная неприготовленность Франціи вступить въ бой съ ней немедленно, но кто могъ думать, что французскій императоръ такъ безумно бросится на встрѣчу своей собственной гибели и, какъ кроликъ, самъ побѣжитъ въ разинутую пасть удаву?

Мои дѣла, для которыхъ я пріѣхалъ въ Германію, собственно требовали, чтобы я оставался въ Берлинѣ, и если я могъ вести ихъ такъ же удобно черезъ почту изъ другого мѣста, то единственно въ предположеніи, что не произойдетъ въ короткое время въ Германіи замѣшательства, которое до крайности затруднитъ даже почтовыя сношенія. Жизнь въ небольшихъ университетскихъ городахъ вообще представляетъ для человѣка, ищущаго тишины и спокойныхъ ученыхъ занятій, необыкновенную привлекательность. Все въ нихъ приноровлено къ тому, чтобы жизнь текла тихо и правильно, чтобы не было нужды ни въ чемъ необходимомъ, особенно въ томъ, что касается умственныхъ потребностей. Вездѣ въ такихъ городахъ имѣются хорошія университетскія библіотеки, вполнѣ доступныя для всякаго ученаго; вездѣ устроены при университетахъ превосходныя читальни, выписывающія цѣлыя сотни ученыхъ, литературныхъ и политическихъ изданій на всѣхъ главныхъ языкахъ стараго и новаго свѣта, и допускающія пріѣзжихъ лицъ, по рекомендаціи того или другого члена читальнаго клуба (Lese-

verein), состоящаго изъ профессоровъ и студентовъ, прежнихъ и настоящихъ, къ безплатному посѣщенію читальни на нѣкоторое время, обыкновенно впродолженіе мѣсяца; вездѣ есть ученыя и музыкальныя общества, охотно допускающія въ свои засѣданія иностранцевъ; вездѣ есть люди, съ которыми интересно и поучительно бесѣдовать по вопросамъ научнымъ, общественнымъ, политическимъ. Къ числу такихъ городовъ принадлежитъ и Гейдельбергъ, и жизнь въ немъ, особенно лѣтомъ, необыкновенно пріятна. Къ пріятнымъ общественнымъ условіямъ тутъ присоединяется не только превосходный климатъ, но и восхитительное мѣстоположеніе, какое рѣдко встрѣчается даже и въ прирейнской Германіи. Въ этотъ-то прелестнѣйшій уголокъ средней Европы я пріѣхалъ, чтобъ прожить тамъ около мѣсяца, занимаясь, между прочимъ, корректурой книги, печатавшейся въ Берлинѣ.

Гейдельбергъ былъ мнѣ въ то время хорошо знакомый городъ. Въ іюлѣ 1870 года, я пріѣзжалъ въ него уже въ третій разъ. Въ первый разъ я посѣтилъ его на короткое время въ сентябрѣ 1862 года, проѣздомъ изъ Берлина въ Боннъ, чтобы сдѣлать визитъ проживавшему тамъ Н. И. Пирогову, которому министерствомъ народнаго просвѣщенія было поручено наблюденіе надъ русскими молодыми учеными, отправленными министерствомъ за-границу. Въ то время Гейдельбергъ былъ городъ, переполненный русскими, особенно учащеюся и не учащеюся молодежью. Она встрѣчалась массами на каждомъ шагу: на Anlagen, въ табльдотахъ гостинницъ, на Шлоссбергѣ, на Königsstuhl, на Wolfsbrunnen, въ кофейняхъ, на улицахъ. Но мнѣ тогда не удалось насладиться мѣстопребываніемъ въ этомъ городѣ съ его восхитительными лѣсистыми окрестностями: простудившись при восхожденіи на Königsstuhl, я заболѣлъ воспаленіемъ въ горлѣ, слегъ въ постель и затѣмъ больной отправился въ Боннъ, гдѣ для меня уже была приготовлена квартира. Въ другой разъ я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Гейдельбергѣ въ 1867 году. Въ это время я былъ доцéнтомъ одесскаго университета. Молодая библіотека этого университета не давала средствъ для большихъ ученыхъ работъ, и я, принужденный для окончанія своей докторской диссертаціи отправиться за-границу, избралъ мѣстомъ своихъ занятій Гейдельбергъ, какъ городъ съ превосходной университетской библіотекой и, въ добавокъ къ тому, необыкновенно пріятный для лѣтняго мѣстопребыванія. Въ этотъ разъ я хорошо познакомился съ тамошнимъ университетскимъ міромъ, т. е. съ профессорами и учеными, сродными мнѣ по спеціальнымъ занятіямъ.

Пріѣзжая въ Гейдельбергъ въ третій разъ, наканунѣ или, правильнѣе, въ самый день рѣшенія войны между Германіей и Франціей, я зналъ, что буду жить среди людей, которые меня примутъ, какъ добраго знакомаго. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я состоялъ уже

въ трехлѣтней перепискѣ, сблизившей насъ еще болѣе. Къ людямъ, обществомъ которыхъ я особенно дорожилъ и на любезность которыхъ могъ всегда разсчитывать, принадлежали профессора Хр. Бэръ и Герм. Кёхли — первый, авторъ извѣстной «Исторіи римской литературы» и капитальнаго изданія Геродота, былъ въ Гейдельбергѣ главнымъ представителемъ латинской филологіи; второй, извѣстный своими изслѣдованіями по гомеровскому вопросу, считался сильнымъ эллинистомъ и былъ дѣйствительно большимъ знатокомъ въ области греческой литературы и древностей. Бэръ оказалъ мнѣ большія услуги въ качествѣ главнаго библіотекаря университетской библіотеки, присылалъ мнѣ въ Казань и Кіевъ одинъ за другимъ три тома новаго (4-го) изданія своей «Исторіи римской литературы» и въ доказательство особеннаго расположенія, въ одномъ изъ писемъ сообщалъ, что онъ при помощи одного лица, знакомаго съ русскимъ языкомъ, хорошо познакомился съ содержаніемъ моей книги о «римской письменности въ періодъ царей» еще въ русскомъ ея изданіи. Съ Кёхли мы расходились и по гомеровскому вопросу, и по вопросу о древности письма въ Лаціумѣ, но совершенно сходились во взглядѣ на значеніе классическаго образованія въ наше время и по вопросамъ политическимъ. Изъ лицъ, принадлежавшихъ лишь косвенно къ университетскому кругу, я надѣялся встрѣтить особенно хорошій пріемъ со стороны Вильгельма Ине, автора многотомной и еще не оконченной, но прекрасно написанной «Римской исторіи». При столь благопріятныхъ условіяхъ, при семейномъ знакомствѣ съ людьми умными, уважаемыми и занимающими почетное положеніе въ городѣ, мое пребываніе въ Гейдельбергѣ, на время печатанія моей книги въ Берлинѣ, могло бы быть для меня, послѣ утомительной и непріятной кіевской жизни, истиннымъ удовольствіемъ и самымъ укрѣпительнымъ физически и нравственно отдохновеніемъ. Но случилось несовсѣмъ такъ, какъ я ожидалъ, и причиной тому была внезапно открывшаяся война съ Франціей.

Депеша о войнѣ произвела среди пришлаго населенія Гейдельберга почти всеобщую панику. Началось страшное, сумасшедшее бѣгство: всякій, кто могъ, собрался бѣжать. Одни направлялись въ Швейцарію, другіе въ Италію, третьи въ Австрію, лишь бы быть дальше отъ французской границы. Объятой какимъ-то безумнымъ страхомъ, путешествующей публикѣ казалось, что не пройдетъ и нѣсколькихъ дней, какъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, съ Гейдельбергомъ включительно, появится непріятель, и начнется грабежъ, насиліе, смертоубійство, плѣненіе и проч., и проч., и проч. Ужасъ усиливали нѣмецкія газеты, которыя, желая возбудить въ населеніи возможно бо́льшую ненависть къ врагу, самыми яркими красками рисовали варварство французскихъ войскъ, состоящихъ будто бы изъ подонковъ французской націи и африканскихъ

дикарей, которые, по занятіи какого-нибудь города или селенія, безъ церемоніи вырываютъ у женщинъ серьги изъ ушей вмѣстѣ съ клочками тѣла и, чтобы снять кольцо съ раненаго, отрубаютъ ему цѣлый палецъ. Нѣмецкія газеты поступали въ этомъ случаѣ точь-въ-точь, какъ поступаютъ австрійскія, изображая дикость черногорцевъ, бокезцевъ, босняковъ и герцеговинцевъ. Добродушные нѣмецкіе граждане, а вмѣстѣ съ ними и странствующіе иностранцы, вѣрили этимъ росказнямъ. Но въ то время, какъ нѣмецкіе граждане и гражданки принуждены были оставаться дома и надѣялись на храбрость войскъ, ежечасно прибывавшихъ съ сѣвера на гейдельбергскій бангофъ и отправлявшихся далѣе, по направленію къ рейнской границѣ, чтобы не допустить непріятеля вторгнуться въ предѣлы Германіи, иностранцы мало довѣряли храбрости баденскихъ, виртембергскихъ, баварскихъ и иныхъ южно и средне-германскихъ войскъ и считали ихъ даже и совмѣстно съ прусскими неспособными выдержать натискъ французовъ, которые не сегодня-завтра появятся въ Баденѣ, Баваріи, Виртембергѣ, и прежде всего въ Баденѣ. И вотъ въ нѣсколько дней совершенно опустѣли отели и въ какую нибудь недѣлю изъ нѣсколькихъ сотъ или тысячъ русскихъ, англичанъ, американцевъ и иностранныхъ нѣмцевъ, наполнявшихъ гостинницы, виллы и многочисленныя небольшія меблированныя квартиры, осталось едва-едва нѣсколько десятковъ. Жизнь въ опустѣломъ Гейдельбергѣ стала скучною или, по крайней мѣрѣ, не веселою. Картина ея разнообразилась сначала лишь непрерывными поѣздами съ войсками, скотомъ, провизіей и боевыми запасами, затѣмъ обратными поѣздами съ ранеными, для которыхъ былъ устроенъ лазаретъ и въ Гейдельбергѣ и въ его окрестностяхъ, и сверхъ того извѣстіями съ театра войны, все болѣе и болѣе поразительными.

Нечего грѣха таить, я, какъ и большинство русскаго общества, какъ и всѣ тѣ немногіе русскіе, которые остались въ Гейдельбергѣ и ежедневно посѣщали русскую читальню, не желалъ пораженія Франціи; а между тѣмъ, послѣ дѣла при Вёртѣ, пораженіе это дѣлалось все болѣе и болѣе несомнѣннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось и настроеніе окружающаго нѣмецкаго населенія. Тѣ самые люди, которые при началѣ военныхъ дѣйствій ходили понуря голову, вдругъ заговорили высокомѣрнымъ тономъ и съ каждымъ побѣднымъ бюллетенемъ дѣлались смѣлѣе и заносчивѣе. Наше положеніе или, пожалуй, мое положеніе (такъ какъ я имѣю въ этомъ случаѣ право говорить только отъ своего лица) дѣлалось съ каждымъ днемъ тяжелѣе. По цѣлымъ часамъ я просиживалъ въ «музеѣ», гдѣ помѣщается университетская читальня, стараясь изъ англійскихъ, бельгійскихъ, итальянскихъ, а также французкихъ и нѣмецкихъ газетъ выяснить истину положенія воюющихъ сторонъ, и нерѣдко послѣ такого чтенія, измученный нравственно, бросался, приходя до-

мой, на диванъ въ полномъ изнеможеніи. Такое мое отношеніе къ ходу франко-прусской войны многимъ можетъ показаться удивительнымъ, но оно имѣетъ свое объясненіе. Въ побѣдѣ нѣмцевъ я видѣлъ двоякое несчастіе: во-первыхъ, она приносила съ собой торжество нѣмецкой грубости и національной заносчивости, которыя должны были отодвинуть назадъ начавшія было устанавливаться болѣе мягкія и гуманныя международныя отношенія; во-вторыхъ, наиболѣе горькіе плоды этой побѣды послѣ Франціи должна была пожать Россія. Ненавистенъ былъ Наполеонъ, какъ узурпаторъ и деспотъ; но еще ненавистнѣе былъ прусскій милитаризмъ, этотъ казарменный духъ, готовый распространиться на всю Германію, и отталкивающій своею грубостью человѣка славянской, равно какъ и латинской, расы. Наполеонъ былъ явленіе скоропреходящее, и дни его правленія были сочтены; торжествующій милитаризмъ прусскаго государства останавливалъ нормальный ходъ европейской образованности, искажалъ ея истинное направленіе, пробуждалъ въ цивилизованныхъ народахъ грубые инстинкты временъ кулачнаго права. Вся наша иностранная политика того времени мнѣ казалась ложною, ведущею къ гибельнымъ для Россіи результатамъ, и въ пораженіи или, по крайней мѣрѣ, въ неуспѣхѣ Германіи я видѣлъ пораженіе вліянія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ прусской политики. Разсуждая такимъ образомъ, я никакъ не могъ ликовать вмѣстѣ съ нѣмцами при видѣ ужаснаго, неимовѣрнаго униженія Франціи.

Мои гейдельбергскіе знакомые, люди, которымъ я былъ обязанъ многими услугами и которые заслуживали всякаго уваженія, не могли не замѣтить, что мои и ихъ чувства по отношенію къ воюющимъ сторонамъ не одинаковы. Начинались споры, въ которыхъ я, насколько это позволяло приличіе человѣку, пользующемуся гостепріимствомъ, отстаивалъ свою точку зрѣнія. Будь мои знакомые люди не столь высокаго европейскаго развитія, обладай они въ своихъ мнѣніяхъ нетерпимостью гг. Каткова и Аксакова, наше дальнѣйшее знакомство сдѣлалось бы невозможнымъ и мнѣ пришлось бы просто бѣжать изъ Гейдельберга. Положеніе мое дѣйствительно было чрезвычайно трудно въ виду все выше и выше поднимавшейся волны патріотическаго одушевленія, но уѣзжать изъ Гейдельберга потому только, что я смотрѣлъ на событія не одинаковыми глазами съ людьми, съ которыми постоянно встрѣчался, мнѣ не было необходимости. Я уважалъ ихъ патріотическія чувства, они понимали возможность моей точки зрѣнія или, лучше, считали ее русскимъ предразсудкомъ. Такимъ образомъ, les apparences были сохранены. Нельзя было, однако, не чувствовать, что внутренно мы были уже почти чужіе другъ другу люди. Ничто такъ не раздѣляетъ образованныхъ людей, какъ разныя политическія убѣжденія. Какъ только эта разность рѣзко обозначилась, нѣтъ

болѣе мѣста ни дружескимъ, ни просто теплымъ отношеніямъ. Даже отношенія простой свѣтской вѣжливости становятся для разошедшихся политически людей болѣе или менѣе тяжелыми. Это мы видимъ на каждомъ шагу и у себя дома, и въ другихъ мѣстахъ.

Послѣ войны 1870 года, Германія потеряла много своихъ симпатичныхъ сторонъ, и я, какъ и многіе другіе, сталъ избѣгать ея въ своихъ заграничныхъ экскурсіяхъ. Особенно мнѣ сталъ невыносимъ этотъ самоувѣренный, снисходительный, а иногда и прямо угрожающій тонъ, какимъ стали говорить тамъ прежде сдержанные и даже смиренные люди о международныхъ отношеніяхъ. Уже не наукой, не философіей, не трудолюбіемъ, не вообще мирными и сочувственными сторонами своей культуры и своего народнаго характера стали гордиться нѣмцы передъ другими народами, а милліонами своихъ штыковъ, грознымъ положеніемъ, занятымъ въ Европѣ, способностью раздавить всякаго, кто осмѣлится навлечь на себя гнѣвъ германскаго Юпитера, какъ называютъ они князя Бисмарка. Какъ поддерживать пріятельскія сношенія съ людьми, которые, прославляя свой народъ и свою страну «превыше всего на свѣтѣ» über Alles in der Welt, требуя уваженія къ своему патріотизму, не хотятъ понять, что и для другихъ также дорога ихъ родина, что и имъ слѣдуетъ предоставить право не только любить, но и защищать ее всѣми силами! Между тѣмъ люди, считающіе себя цвѣтомъ нѣмецкой образованности, стали отказывать своимъ противникамъ въ самой элементарной справедливости и не стѣснялись напоминать всѣмъ и каждому, что у Германіи «здоровый кулакъ», къ которому и не испытавшіе его силы должны относиться съ подобающимъ уваженіемъ, напоминать даже не въ газетахъ или въ брошюрахъ, имѣющихъ въ виду собирательнаго читателя, а въ частныхъ письмахъ, адресованныхъ къ лицамъ, убѣжденія которыхъ пишущему хорошо извѣстны и которые могутъ понять всякій намекъ, направленный въ ихъ сторону.

Въ видѣ иллюстраціи неумѣреннаго тона, какой подняли представители нѣмецкой образованности въ своихъ частныхъ сношеніяхъ, какъ только вопросъ касался международныхъ отношеній, я позволю себѣ привести здѣсь письмо, писанное мнѣ однимъ изъ извѣстныхъ ученыхъ вскорѣ послѣ заключенія версальскаго мира:

«Письмо ваше, отъ 10-го октября прошлаго года, оставалось до сихъ поръ безъ отвѣта. Я намѣревался писать уже по заключеніи мира, но я не представлялъ себѣ, что французы будутъ столь безумны, что станутъ продолжать войну до полнаго истощенія. Послѣ того, какъ бо̀льшая половина французской арміи была заперта въ Мецѣ, а мѐньшая была взята въ плѣнъ при Седанѣ, народъ, не пораженный слѣпотой, долженъ былъ бы прекратить сопротивленіе. Но, къ сожалѣнію, горсть сумасбродныхъ адвокатовъ, подъ ауспиціями парижской уличной черни, захватила

управленіе Франціей, и эти люди, при помощи фразъ, лжи и терроризма, стали тянуть французскій народъ глубже и глубже въ его бѣдствіе. Кто самъ себя обманываетъ, тотъ бываетъ всего хуже обмануть. Такъ и случилось съ французами. Они такъ долго городили вздоръ о своей непобѣдимости, что, наконецъ, стали думать, что дѣло было бы неладно, если-бъ они остались побѣжденными, и что стóитъ имъ только захотѣть и, въ концѣ-концовъ, перевѣсъ все-таки будетъ на ихъ сторонѣ. Ну, вотъ теперь и обнаружилось, къ чему вело это самообольщеніе. Пройдутъ многіе годы, прежде чѣмъ Франція поправится отъ ранъ, которыя она нанесла сама себѣ. Мы сожалѣемъ о ярости, съ какою теперь многіе французы высказываются о насъ, словно мы были причиной ихъ несчастія. Мы скорбимъ, что они мечтаютъ о возмездіи и мщеніи. Между тѣмъ они должны были понять, что у Германіи здоровый кулакъ и что очень опасное дѣло вызывать насъ на борьбу...» [1]).

Хотя въ дальнѣйшей части письма мой корреспондентъ и старался увѣрять, что нѣмцы очень мирный народъ, никого не затрогиваютъ (!) и только хотятъ, чтобы ихъ не тревожили, и даже выражалъ надежду, что послѣдствіемъ войны для Германіи будетъ тѣсное сближеніе съ Австріей и «продолженіе дружескихъ отношеній къ Россіи», но письмо это произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Фразы о томъ, что у Германіи здоровый кулакъ и что опасно вызывать ее на бой, мнѣ казались угрозами, обращенными не столько къ Франціи, сколько къ Россіи, и другого смысла онѣ послѣ нашихъ разговоровъ не имѣли. Такъ часто теперь попадающаяся въ нѣмецкой литературѣ угроза отнять у насъ Польшу и отбросить насъ за Днѣпръ и Двину уже тогда мелькала въ част-

---

[1]) Вотъ оно въ подлинникѣ:

«Verehrter Herr! Ihr Brief v. 10. Oct. v. J. ist bis jetzt unbeantwortet geblieben. Ich hatte mir vorgenommen, erst nach Abschluss des Friedens zu schreiben, aber ich hatte mir nicht vorgestellt, dass die Franzosen so wahnsinnig sein würden den Krieg bis zu vollständiger Erschöpfung fortzusetzen. Als die grössere Hälfte der französischen Armee in Metz eingeschlossen, die kleinere bei Sedan gefangen war, da hätte ein Volk, das nicht mit Blindheit geschlagen gewesen, den Widerstand aufgegeben. Aber leider hatten sich unter den Auspicien des Pariser Strassenpöbels eine Handvoll hirnverbranter Advocaten der Regieruug Frankreichs bemächtigt und diese Leite haben mit Phrasen, Lügen und Terrorismus das französische Volk tiefer und tiefer in sein Unglück hinein gestossen. Wer sich selbst belügt, ist am schlimmsten belogen. So geht es den Franzosen. Sie haben so lange von ihrer Unüberwindlichkeit gefaselt, dass sie schiesslich glaubten, es ginge nicht mit rechten Dingen zu, wenn sie besiegt würden, und sie brauchten nur zu wollen, so mussten sie am Ende doch die Oberhand behalten. Nun es hat sich gezeigt, wozu diese Selbstäuschung führte. Lange jahre werden vergehen, ehe sich Frankreich von den Wunden erholt, die es sich selbst geschlagen. Wir bedauern die Wuth, mit der viele Franzosen sich jetzt über uns auslassen, als wären wir an ihrem Unglücke Schuld. Wir beklagen es, dass sie von Vergeltung und Rache träumen. Sie sollten doch gelernt haben, dass Deutschland eine starke Faust hat und dass es sehr gefährlich ist uns zum Kampfe herauszufordern...»

ныхъ разговорахъ, когда правительства русское и прусское обмѣнивались самыми нѣжными увѣреніями въ дружбѣ и когда у насъ такъ много разсчитывали на нѣмецкую благодарность за содѣйствіе объединенію Германіи. Авторъ приведеннаго письма высказывалъ даже полную увѣренность, что въ войнѣ между Германіей и Россіей поляки примутъ сторону Германіи. Когда я возразилъ, что поляки не повѣрятъ обѣщаніямъ нѣмцевъ, что они ихъ ненавидятъ еще больше, чѣмъ русскихъ, то получилъ въ отвѣтъ твердое заявленіе, что «поляки всякому повѣрятъ, кто пообѣщаетъ имъ освободить ихъ отъ Россіи». Само собою разумѣется, что наша переписка послѣ приведеннаго письма кончилась.

Но авторъ этого письма по крайней мѣрѣ оставался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Онъ и прежде смотрѣлъ на прусскую гегемонію, какъ на дѣло спасительное для Германіи, и видѣлъ въ Бисмаркѣ человѣка, который ниспосланъ небомъ для блага и счастія всего нѣмецкаго отечества. Но совсѣмъ другое дѣло было видѣть въ Германіи людей, подъ вліяніемъ побѣдоносной войны измѣнившихъ своимъ убѣжденіямъ, которыя были убѣжденіями всей ихъ предыдущей жизни. Къ такимъ людямъ принадлежалъ, между прочимъ, покойный профессоръ Кёхли. Когда я познакомился съ нимъ въ 1867 году, вскорѣ послѣ его переѣзда изъ Цюриха въ Гейдельбергъ, не было человѣка, болѣе враждебно относившагося къ прусской тиранніи, какъ бывшій республиканецъ, принимавшій участіе въ дрезденскомъ революціонномъ движеніи 1849 года и принужденный бѣжать изъ Саксоніи въ Бельгію, откуда онъ черезъ годъ перебрался въ Швейцарію. Приглашенный изъ цюрихскаго университета на каѳедру въ гейдельбергскій университетъ, онъ съ своими республиканскими убѣжденіями чувствовалъ себя на новомъ мѣстѣ очень неловко. Въ то время прусская партія въ Баденѣ и въ гейдельбергскомъ университетѣ, партія, главнымъ вожакомъ которой въ Гейдельбергѣ былъ недавно умершій Блунчли, была очень сильна и давала чувствовать свое значеніе всякому, кто не былъ на ея сторонѣ. Кёхли разомъ очутился въ изолированномъ положеніи, и нѣкоторые изъ его коллегъ не церемонились указывать мнѣ на него пальцемъ, какъ на человѣка, такъ сказать, опальнаго. Онъ же говорилъ о нихъ: «чего имъ нужно, этимъ господамъ, поклонникамъ Пруссіи? Баденъ—свободная страна: что можетъ дать намъ Пруссія, кромѣ полицейскаго деспотизма да преобладанія военщины? Тамъ же, гдѣ преобладаетъ военщина, надо проститься съ политической свободой. Я выросъ въ другихъ убѣжденіяхъ, долго жилъ въ свободной странѣ и не могу повторять ихъ отзывы о значеніи для насъ Пруссіи». Вражда къ деспотизму въ немъ была такъ сильна, что когда я собирался въ Парижъ на выставку 1867 года, онъ спрашивалъ меня: «Неужели вамъ не противно ѣхать въ страну, управляемую деспотомъ (Наполеономъ III-мъ)»?

И вотъ этотъ самый свободолюбивый человѣкъ, ненавидѣвшій и Пруссію, и Бисмарка, сдѣлался послѣ войны до того ярымъ защитникомъ прусской гегемоніи, что сталъ считать Бисмарка великимъ человѣкомъ и былъ даже избранъ въ рейхстагъ, какъ приверженецъ политики германскаго канцлера.

Я искренно любилъ Кёхли и былъ до слезъ тронутъ, узнавши зимою 1876 года въ Венеціи, что онъ умеръ въ Тріестѣ, куда только что пріѣхалъ больной изъ Греціи, гдѣ онъ, осматривая вмѣстѣ съ однимъ нѣмецкимъ принцемъ Мараѳонское поле, упалъ съ лошади. Его былая твердость характера, опредѣленность политическихъ воззрѣній, ясная, умная, сильная рѣчь, исключающая всякую скрытность или уклончивость въ выраженіи мыслей, дѣлали его личность необыкновенно привлекательною. Но куда дѣвалась эта обаятельность его личности въ послѣдніе годы, когда онъ, прежде гордый своей независимостью, присталъ къ торжествующей партіи! Бываютъ положенія съ виду и выгодныя, и почетныя, но въ нихъ утрачивается именно то, что украшало человѣка всего болѣе. Это и случилось съ Кёхли, когда онъ сдѣлался членомъ рейхстага и представителемъ сильной политической партіи.

Да не въ такомъ ли точно положеніи очутилась и Германія, сдѣлавшись изъ страны науки и мирнаго труда обладательницею французскихъ мильярдовъ и грозною военною державой?

В. Модестовъ.

23 сентября
1882.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ЮБИЛЕЮ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Ъ ПОСЛѢДНЕЕ время начинаютъ у насъ все строже и строже судить о екатерининскомъ времени; мы не намѣрены защищать его безусловно, но нельзя, кажется, отрицать одной великой заслуги этой эпохи—заслуги, состоящей въ томъ, что она много содѣйствовала распространенію образованія въ значительной части русскаго общества: до екатерининскаго времени образованные люди были у насъ, можно сказать, рѣдкостью—потому что учиться было почти негдѣ; съ исхода XVIII-го вѣка образованные люди, вышедшіе притомъ изъ разныхъ слоевъ общества, являются на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности: это—фактъ неоспоримый, и вѣчная благодарность за то вѣку Екатерины II-й!

Просвѣтительное значеніе этого времени объясняетъ намъ, между прочимъ, и то, почему въ послѣднія десять, двадцать лѣтъ мы такъ часто празднуемъ юбилеи нашихъ прежнихъ дѣятелей, двигавшихъ духовное развитіе нашего отечества: все это люди, родившіеся и воспитавшіеся въ вѣкъ Екатерины.

Къ числу младшихъ питомцевъ той эпохи принадлежитъ и Василій Андреевичъ Жуковскій: онъ родился въ серединѣ блестящаго царствованія Екатерины, въ годъ присоединенія Крыма, 29-го января 1783 года.

Сказать по правдѣ, имя его потускнѣло въ памяти современнаго поколѣнія; его перестаютъ читать и знаютъ больше изъ учебниковъ и христоматій, чѣмъ изъ собранія его сочиненій. Но въ этомъ случаѣ современное общество, конечно, неправо: то неуваженіе къ прошлому, которое такъ распространено у насъ, есть только печальное доказательство, что наша образованность все еще не серьёзна;

но мы вѣримъ, что это явленіе преходящее, какъ вѣримъ въ будущность нашего просвѣщенія; мы убѣждены, что наше потомство будетъ смѣяться надъ этимъ легкомысленнымъ пренебреженіемъ къ нашему прошлому и строго осудитъ тѣхъ глашатаевъ нашей современной литературы, которые посѣяли это пренебреженіе въ русскомъ обществѣ.

Но возвратимся къ Жуковскому. Значеніе его въ развитіи русской литературы очень важно: младшій современникъ Карамзина и старшій—Пушкина, дѣйствовавшій рядомъ съ тѣмъ и другимъ, онъ занялъ, однако, въ литературѣ самостоятельное мѣсто и оказалъ на нее свое особое вліяніе. Принято говорить, что Жуковскій былъ проводникомъ въ нашу словесность романтизма. Конечно, это справедливо; но должно разумѣть это не въ томъ смыслѣ, что Жуковскій былъ прекраснымъ переводчикомъ Шиллера, Бюргера, Грея, Соути и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, а въ томъ, что онъ сообщилъ русской литературѣ новое настроеніе силой собственнаго дарованія. Въ особенности въ раннюю пору своей поэтической дѣятельности онъ далеко не ограничивался переводами и подражаніями, да и для переводовъ выбиралъ только такія стихотворенія иностранныхъ поэтовъ, которыя гармонировали съ его собственнымъ поэтическимъ настроеніемъ.

Въ чемъ же заключается особенность поэтическаго настроенія Жуковскаго, которая такъ нравилась его современникамъ и, подъ названіемъ романтизма, создала его славу?

Жуковскій—по преимуществу лирикъ, и лирика его чисто задушевная. Внутренній міръ души поэта составляетъ исключительное содержаніе его поэзіи, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заимствуетъ образы не изъ своей личной жизни и обстановки, когда онъ переносится въ чуждую среду или въ иное отдаленное время, онъ вполнѣ подчиняетъ свои созданія своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и чувствованіямъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ объясненіе поэтическому настроенію Жуковскаго нужно искать не столько въ литературномъ вліяніи иностранныхъ поэтовъ извѣстной школы, сколько въ обстоятельствахъ его собственной жизни и развитія.

Извѣстно, что онъ былъ сынъ бѣлевскаго помѣщика Аѳ. Ив. Бунина и плѣнной турчанки, что отца своего онъ лишился въ дѣтствѣ и воспитанъ былъ въ семействѣ Бунина, гдѣ послѣ смерти Аѳанасія Ивановича осталась главой его вдова, а мать Жуковскаго жила въ ключницахъ. Въ этой исключительно женской семьѣ— впрочемъ, хорошо образованной по тому времени—всѣ ласкали безроднаго юношу; изъ этой обстановки онъ вынесъ мягкость и нѣжную впечатлительность своего характера; но, несмотря на ласковый уходъ, онъ все-таки не могъ не чувствовать себя одинокимъ. «Семейнаго

счастія для меня не было», говорилъ онъ объ этомъ времени впослѣдствіи; «всякое чувство надобно было стѣснять въ глубинѣ души; несмотря на нѣкоторые признаки дружбы, я сомнѣвался часто, существуетъ ли дружба, и всегда оставался въ нерѣшимости чрезмѣрно тягостной — сказать себѣ: дружбы нѣтъ. На что было рѣшиться? Скрывать въ самомъ себѣ и терпѣть, и даже показывать видъ, что всѣмъ доволенъ, — принужденіе слишкомъ тяжелое, при откровенности моего характера, который, однако, отъ навыка сдѣлался и скрытнымъ».

Факсимиле виньетки изъ изданія 1813 г. „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ."

Послѣ окончанія образованія въ благородномъ пансіонѣ московскаго университета, гдѣ Жуковскій впервые вкусилъ прелесть авторства и увлекался моднымъ тогда сентиментализмомъ, и послѣ недолгой службы въ Москвѣ, молодой человѣкъ возвратился на родину и въ томъ же домашнемъ кругѣ, гдѣ онъ воспитался, онъ встрѣтилъ прекрасную молодую дѣвушку, которую полюбилъ всею душой, и которая платила ему полною взаимностью: то была внучка Бунина, дочь Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Марья Андреевна Протасова, равно какъ и сестра ея Александра Андреевна, выросли на глазахъ Жуковскаго, и онъ же былъ главнымъ руководителемъ ихъ образованія; единство развитія сблизило молодыхъ людей. Но когда Жуковскій вздумалъ просить руки Марьи Андреевны, ея мать рѣшительно воспротивилась такому браку: опираясь на уставы церкви, она не соглашалась завѣдомо ихъ нару-

шить. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ Жуковскій возобновлялъ свои попытки, но несмотря на содѣйствіе нѣкоторыхъ близкихъ людей, всегда встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Екатерины Аѳанасьевны. Тяжело ему было переносить эти отказы, но идти наперекоръ имъ, жениться на Марьѣ Андреевнѣ противъ воли ея матери—онъ никогда бы и не подумалъ: онъ зналъ, что такое насиліе внесетъ раздоръ въ дорогую ему семью.

Утративъ надежду на брачный союзъ съ племянницей, Жуковскій хотѣлъ по крайней мѣрѣ сохранить права ея дяди, быть прямымъ братомъ ея матери, покровителемъ ея семьи. Онъ рѣшился объясниться о томъ съ Екатериной Аѳанасьевной. На первый взглядъ въ такомъ оборотѣ его намѣреній можно предположить долю сердечной софистики; быть можетъ, такъ объясняла себѣ намѣреніе Жуковскаго и сама г-жа Протасова. Но на самомъ дѣлѣ было иначе: идеалистъ-поэтъ дѣйствительно рѣшился пожертвовать всѣмъ, что̀ въ его чувствѣ было эгоистическаго. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ — въ высшей степени характерныхъ для его личности—объяснялъ онъ свой поступокъ самой Марьѣ Андреевнѣ: «Чего я желалъ? Быть счастливымъ съ тобою. Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою! Моя привязанность къ тебѣ теперь точно безъ примѣси собственнаго, и отъ этого она живѣе и лучше. Если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда съ своимъ дурнымъ старымъ товарищемъ—грустью; сто̀итъ уйти къ себѣ, чтобы опять себя отыскать такимъ, какимъ надобно....... Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда нибудь), поняла ли ты то, что̀ заставило меня рѣшительно отъ тебя отказаться? Ангелъ мой, совсѣмъ не мысль, что я желаю беззаконнаго. Нѣтъ! я никогда не перемѣню на этотъ счетъ своего мнѣнія, и вѣрю, что я былъ бы счастливъ, и что Богъ благословилъ бы нашу жизнь. Совсѣмъ другое и гораздо лучшее побужденіе произвело во мнѣ эту перемѣну: твое собственное счастіе и спокойствіе! Рѣшившись на эту жертву, я входилъ во всѣ права твоего отца̀. Другая, новѣйшая связь! Право, эти минуты были для меня божественныя; и если можно слышать на землѣ голосъ Божій, то конечно въ ту минуту онъ мнѣ послышался! Съ этимъ чувствомъ все для меня перемѣнилось, всѣ отношенія къ тебѣ сдѣлались другія: я почувствовалъ въ душѣ необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имѣлъ въ жизни, вдругъ сдѣлалось моимъ; я видѣлъ подлѣ себя сестру и сдѣлался другомъ, покровителемъ, товарищемъ ея дѣтей; я готовъ былъ глядѣть на маменьку [1]) другими глазами, и право, восхищался тѣмъ чувствомъ, съ какимъ бы назвалъ ее сестрой. Ничего подобнаго небывало у меня въ жизни! Имя сестры въ первый разъ въ жизни

[1]) То-есть, на мать Марьи Андреевны, Екатерину Аѳанасьевну Протасову.

меня тронуло до глубины сердца! Я готовъ былъ ее обожать; ни въ комъ не имѣла бы она такого неизмѣннаго друга, какъ во мнѣ. До сихъ поръ имя сестра только меня пугало; оно казалось мнѣ разрушителемъ моего счастія; послѣ совершеннаго пожертвованія себя, оно показалось мнѣ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ, совершенною всему замѣной. Боже мой, какая прекрасная жизнь мнѣ представилась! Самое дѣятельное, самое ясное усовершенствованіе себя всѣмъ добромъ. Можно ли, милый другъ, измѣнить великому чувству, которое насъ вознесло выше самихъ себя! Жизнь, освященная этимъ великимъ чувствомъ, казалась мнѣ прелестною! Быть вашимъ отцомъ (братъ вашей матери имѣетъ на это имя право), назвать васъ своими и заботиться о вашемъ счастіи — чѣмъ для этого не пожертвуешь? Стоило ей только вообразить, что братъ ея всталъ изъ гроба и просится опять въ ея домъ [1]), или лучше—вообразить, что онъ съ полною любовью хочетъ съ вами быть опять на свѣтѣ. Осмотрѣвшись въ Дерптѣ, я увѣренъ, что здѣсь работалъ бы я такъ, какъ нигдѣ нельзя работать: никакого разсѣянія, тьма пособій и ни малѣйшей заботы о томъ, чтобы прожить день, и при всемъ этомъ первое и единственное мое счастье: семья. Съ такимъ чувствомъ пошелъ я къ ней, къ моей сестрѣ. Что же въ отвѣтъ? «Разстаться!» Она увѣряетъ меня, что не отъ недовѣрчивости, а для сохраненія твоей и ея репутаціи! Нѣтъ, эта причина несправедливая! Но все равно, я не раскаяваюсь въ своемъ пожертвованіи!..»

Исполняя желаніе своей сводной сестры, Жуковскій удалился изъ Дерпта, гдѣ она жила съ Марьей Андреевной при своей младшей замужней дочери, и на прощанье просилъ Марью Андреевну только объ одномъ: «не позволяй тобою жертвовать, а заботься о своемъ счастіи». Переѣхавъ въ Петербургъ, Жуковскій все еще не покидалъ вполнѣ мысли о возможности столь желаннаго брака, какъ вдругъ получилъ изъ Дерпта вѣсть, что Марья Андреевна рѣшилась успокоить мать, выйдя замужъ за другаго человѣка. Тяжелъ былъ новый ударъ, нанесенный чувству поэта. Не допуская перемѣны въ привязанности молодой дѣвушки, онъ однако поспѣшилъ въ Дерптъ и убѣдился, что Марья Андреевна приняла свое рѣшеніе не по принужденію, а просто по соображеніямъ благоразумія. Тогда Жуковскій вполнѣ присоединился къ этому рѣшенію; мало того: неизмѣнный въ чувствахъ благородства и чести, онъ принялъ самое живое участіе въ томъ, чтобы лучше устроить судьбу той, которую любилъ и которую нѐ могъ назвать своей женою. «Я хочу добра», писалъ онъ около этого времени (еще до свадьбы Марьи Андреевны) близкимъ ему людямъ,—

---

[1]) У Екатерины Аѳанасьевны дѣйствительно былъ братъ законный, умершій въ юности.

«и не только хочу, теперь могу его сдѣлать. Руки развязаны. И какое же добро?.. Устроить счастіе Маши: я теперь знаю, что она не можетъ и не должна оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ она теперь. Что за жизнь, которую она ведетъ! Нѣтъ свободы ни чувствовать, ни мыслить, ни дѣйствовать! Даже нѣтъ своего угла! Во всемъ тяжелая, убійственная неволя. Какъ не пожелать для нея такого состоянія, въ которомъ она будетъ имѣть все нужное для сердца!» Затѣмъ, обращаясь къ своему личному внутреннему міру, Жуковскій говорилъ: «Что же касается меня самого, то нельзя же вдругъ всего передѣлать. Но вы за меня не бойтесь. Я вообще счастливъ... Тяжелыя минуты были и будутъ; но славное чувство пропасть не можетъ. А въ этомъ все! Вотъ что я за собою замѣтилъ: всякій разъ, когда я бывалъ съ Мойеромъ [1]) одинъ, мнѣ было грустно, но не о себѣ, но о Машѣ. Все приходила въ голову мысль, что съ нимъ она не будетъ имѣть всего и можетъ жалѣть о прошедшемъ. И все, что убѣждало меня въ противномъ, меня радовало. Теперь я увѣренъ и болѣе на этотъ счетъ спокоенъ; а время все сдѣлаетъ, и мы поможемъ времени. Кажись бы — хорошо, анъ нѣтъ? Во мнѣ есть другой человѣкъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру. Этотъ человѣкъ (сколько я замѣтилъ) бурлитъ болѣе къ вечеру, и думаю, что онъ живетъ въ желудкѣ! Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду, и онъ умретъ непремѣнно; и если живъ еще, то оттого, что онъ слишкомъ крѣпкаго сложенія. И знаете ли, что будетъ его убійцею? Что-то воздушное, безтѣлесное, живущее въ нижеслѣдующихъ каракуляхъ:

Все въ жизни къ прекрасному средство!
И горесть, и радость—все къ цѣли одной!
Хвала жизнедавцу Зевесу!

«Можно ли измѣнить прекрасной цѣли? Можно ли не остаться вѣрнымъ доброму, высокому чувству? Прекрасное можно назвать жизнью, которая все жизнь, несмотря на болѣзни, которыя нарушаютъ ея порядокъ».

Строки эти въ высшей степени замѣчательны: онѣ доказываютъ, что въ самый трагическій моментъ своей жизни Жуковскій ни мало не поколебался въ своемъ идеалѣ и, напротивъ, находилъ въ немъ утѣшеніе и успокоеніе.

Замужество Марьи Андреевны было непродолжительно. Жуковскій не разъ навѣщалъ ее въ Дерптѣ, и въ послѣдній—за десять дней до ея кончины (19-го марта 1823 года). Не разъ потомъ пріѣзжалъ онъ туда, чтобы поклониться ея могилѣ, и хотѣлъ быть похороненъ на одномъ съ нею кладбищѣ. Вскорѣ послѣ смерти ея,

---

[1]) Женихъ Марьи Андреевны.

онъ писалъ: «Все высокое сдѣлалось теперь для меня вѣрою; все стало понятнѣе, но это высокое надобно пріобрѣсти, иначе Маша навсегда потеряна. Жизнь точно святыня. Маша сама меня въ томъ увѣрила».—«Я остановился на могилѣ Маши», писалъ онъ нѣсколько позже; «чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій, цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, усмиряющимъ чувствамъ. Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ».

Факсимиле „кашки“ изъ изданія 1813 г. „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ.“

«Романъ моей жизни конченъ», говорилъ Жуковскій послѣ брака Марьи Андреевны съ докторомъ Мойеромъ. Мы видѣли, что романъ этотъ продолжался еще нѣкоторое время: совсѣмъ онъ кончился только послѣ смерти какъ Марьи Андревны, такъ и ея сестры; съ ними Жуковскій похоронилъ лучшія чувства своей молодости. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ сердечный романъ, съ своимъ естественнымъ прологомъ—сиротствомъ Жуковскаго въ домашнемъ кругу, наполняетъ всю первую половину его жизни и составляетъ главнымъ образомъ ту основу, на которой развилась его лирика.

Жуковскій любилъ называть первымъ своимъ стихотвореніемъ извѣстную элегію «Сельское кладбище», прекрасно переведенную имъ изъ Грея въ 1802 году. На самомъ дѣлѣ онъ началъ писать

и даже печатать ранѣе (съ 1797 г.); но дѣйствительно, «Сельское кладбище» было первымъ стихотвореніемъ, доставившимъ Жуковскому почетную извѣстность въ литературѣ. Уже въ этой піесѣ замѣтно то грустное настроеніе, которое владѣло душой поэта съ юности, и въ переводѣ 1802 года оно было слышнѣе, чѣмъ въ позднѣйшемъ его же переводѣ 1838 года. За «Сельскимъ кладбищемъ» послѣдовалъ длинный рядъ стихотвореній, содержаніе которыхъ составляетъ главнымъ образомъ любовь... «Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени!» писалъ Жуковскій Ал. Ив. Тургеневу въ 1810 году по поводу своей литературной дѣятельности. «Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна... Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, зато она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ какъ царь сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время». Такъ говорилъ Жуковскій, собираясь расширить свое образованіе чтеніемъ и этимъ способомъ приготовиться къ большимъ литературнымъ трудамъ. Но любовь, «этотъ убійственный предметъ», противъ котораго онъ хотѣлъ бороться въ 1810 году, напротивъ того, все сильнѣе разцвѣтала въ сердцѣ поэта, и этому обстоятельству мы обязаны тѣми стихотвореніями, въ которыхъ лучше всего выразилось, въ первую половину его жизни, направленіе его поэзіи.

Жуковскій понималъ любовь въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. Вотъ какъ изображалъ онъ свой идеалъ любви въ посланіи къ одному изъ друзей (Батюшкову):

Любовь—святой хранитель,
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты;
Отвергни сладострастья
Погибельны мечты,
И не восторговъ—счастья
Въ прямой ищи любви;
Восторговъ изступленье—
Минутное забвенье;
Отринь ихъ, разорви
Лаисъ коварныхъ узы;
Друзья стыдливыхъ—музы;
Во храмъ священный ихъ
Прелестницъ записныхъ
Толпа войти страшится...
И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтешь душой!
Она, какъ ангелъ милой,

Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливаетъ въ сердце радость...
О, скромныхъ взоровъ сладость,
Движеній тишина,
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна;
Рѣчей очарованье,
Безпечность простоты,
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты.
Ихъ несказанной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая,
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

Это стихотвореніе, еще исполненное свѣтлою надеждой, написано въ 1812 году, въ то время, когда любовныя мечты поэта еще не были ничѣмъ смущены. Но скоро, какъ мы знаемъ, къ любви его примѣшались горькія чувства, и съ тѣхъ поръ всѣ любовныя стихотворенія Жуковскаго принимаютъ оттѣнокъ меланхоліи: годъ спустя послѣ написанія приведенныхъ стиховъ, разлука внушаетъ ему уже слѣдующія грустныя строки:

О, милый другъ, намъ рокъ велѣлъ разлуку:
Дни, мѣсяцы и годы пролетятъ,
Вотще къ тебѣ простру отъ сердца руку—
Ни голосъ твой, ни взоръ меня не усладятъ.
Но и вдали моя душа съ твоей согласна;
Любовь ни времени, ни мѣсту не подвластна;
Всегда, вездѣ ты мой хранитель-ангелъ будь;
Меня, мой другъ, не позабудь.

Отнынѣ стремленіе къ любви, мечты о ней и грусть по не сбывшимся надеждамъ, словомъ—любовь не удовлетворенная становится обычною темой поэзіи Жуковскаго. По вѣрному замѣчанію его почтеннаго біографа г. Зейдлица, въ балладѣ «Эльвина и Эдвинъ» (1814 г.), читаешь какъ будто содержаніе разговоровъ Жуковскаго съ матерью любимой имъ дѣвушки,—только мать замѣнена отцомъ:

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровый
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
«Разстаньтесь!» роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.
Увы, Эдвинъ! Въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И не одной нѣтъ силы побѣдить...
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

То же содержаніе и въ балладѣ «Алина и Альсимъ» (того же года):

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
Вамъ розно быть! вы имъ сказали—
Всему конецъ!
Что пользы въ платье золотое
Себя рядить?
Богатство на землѣ прямое
Одно: любить.

Содержаніе баллады «Эолова арфа» (того же года)—любовь несчастная по неравенству состояній: здѣсь мысль поэта о вѣчномъ значеніи любви высказывается еще полнѣе и опредѣленнѣе. Онъ—

Пѣвецъ сладкогласный,
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ...

она—царская дочь. Въ тиши ночи, при свѣтѣ луны, подъ дубомъ вѣтвистымъ происходитъ ихъ свиданіе въ предчувствіи скорой, скорой разлуки, конечно—невольной. Пѣвецъ привязываетъ свою арфу подъ наклономъ вѣтвей, чтобъ она была

...для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней.

Пѣвецъ сосланъ въ изгнанье, но его возлюбленная приходитъ на мѣсто ихъ встрѣчи—

И вдругъ... изъ молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ Минвана часто ходила подъ завѣтный дубъ мечтать

....о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ—
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

Глубокою задушевностью и мечтательностью исполнены послѣднія строки баллады:

И нѣтъ ужь Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни,
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Баллада эта—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Жуковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ лучшихъ его поэтическихъ созданій. Стихъ въ ней музыкаленъ и красивъ, образы живописны; настроеніе поэта выражается въ ней чрезвычайно полно. Содержаніе баллады опять—союзъ сердецъ, разорванный людьми. Но любовь, не нашедшая себѣ удовлетворенія въ условіяхъ времени и мѣста, не пробуждаетъ дурнаго чувства въ сердцѣ поэта; противодѣйствіе судьбы не представляется ему препятствіемъ для душевнаго счастія, или, лучше сказать, онъ находитъ счастіе въ самомъ несчастіи; воображеніе его переступаетъ за предѣлы земной жизни, въ иной, лучшій міръ, гдѣ возстановляется нарушенное на землѣ блаженство любви. Такое представленіе чувства вѣчнаго, неизмѣннаго и составляетъ сущность романтическаго направленія, которое Жуковскій внесъ въ нашу словесность. Для читателей это было цѣлымъ откровеніемъ: была найдена прямая связь между жизнью и поэзіей; поэтому-то вліяніе Жуковскаго было чрезвычайно сильно, и даже самыя романтическія его произведенія—какъ вѣрно указалъ Бѣлинскій—«были важны для воспитанія въ обществѣ человѣческихъ чувствъ и не могли не дѣйствовать на нравственное развитіе новыхъ поколѣній».

Есть у Жуковскаго еще одно стихотвореніе, въ которомъ очень ярко выразилось его міросозерцаніе. Это—баллада «Теонъ и Эсхинъ». Эсхинъ долго бродилъ по свѣту за счастіемъ; но оно убѣгало его. И вотъ, онъ возвратился на родину къ своему другу Теону. Кругомъ природа все та же,—

Но гдѣ жъ озарявшая ихъ
  Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Разочарованный жизнью, Эсхинъ находитъ Теона со взоромъ грустнымъ, но яснымъ. Эсхинъ говоритъ другу, что надежда обманула его: онъ презираетъ жизнь. Теонъ указываетъ на гробъ, близъ котораго нашелъ его Эсхинъ, и говоритъ, что онъ не ропщетъ на законъ боговъ:

Я видѣлъ земное блаженство.
Что̀ можетъ разрушить въ минуту судьба,
  Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь,
  И сладость возвышенныхъ мыслей—
Вотъ счастье!..

Теонъ зналъ эту любовь; та, которую онъ любилъ, теперь въ могилѣ, но онъ счастливъ прошедшимъ, онъ живетъ воспоминаніемъ, и потому онъ примирился съ жизнью и спокойно смотритъ въ даль иного бытія:

Съ сладкой надеждой я выше судьбы,
  И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—человѣкъ,
  Всегда возвышаюсь душою...

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть, и радость—все къ цѣли одной;
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Всѣ эти стихотворенія написаны задолго до конца сердечнаго романа Жуковскаго; но, очевидно, въ немъ рано сложилось то воззрѣніе, которое подымало его духъ надъ случайнымъ оборотомъ жизни. Тѣ самыя слова, которыми Теонъ возражаетъ противъ ропота Эсхина, служили самому поэту путеводною истиной, когда надъ нимъ разразился тяжелый ударъ судьбы, и только свято храня это убѣжденіе, нашелъ онъ въ себѣ силы перенести его. До какой степени тѣсно было связано его поэтическое настроеніе съ его жизнью, всего лучше доказываетъ одно небольшое стихотвореніе, написанное имъ уже послѣ кончины Марьи Андреевны. Въ немъ Жуковскій уже отъ своего лица высказываетъ то самое примиреніе съ горестями жизни во имя безконечнаго блаженства, которое въ изложенной балладѣ онъ влагаетъ въ уста Теону. Вотъ эти глубоко задушевныя строки:

9-го марта 1823.

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувства;
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли.
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Романтическое направленіе упрекали въ неопредѣленности чувства, въ ублаженіи себя возвышенными мечтами и въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ интересамъ жизни. Это можетъ быть признано справедливымъ въ отношеніи къ людямъ, для которыхъ романтизмъ былъ настроеніемъ только навѣяннымъ, вычитаннымъ изъ книгъ. Но это нисколько не можетъ относиться къ Жуковскому. Меланхолія его поэзіи прямо вытекла изъ обстоятельствъ его жизни, изъ исторіи его сердца, въ которомъ любовь замерла въ формѣ неудовлетвореннаго стремленія, восполненнаго надеждой вѣчнаго загробнаго союза. Что же касается отзывчивости его къ дѣйствительнымъ

интересамъ жизни, то біографія его доказываетъ, какъ высоко-благородна была его личность, какъ онъ чутокъ былъ ко всякому чужому горю и какъ всегда готовъ былъ помочь всякому несчастному; мало найдется людей, которые такъ умѣли воплотить въ жизни свой идеалъ.

Настоящій очеркъ не предназначенъ быть полною біографіей Жуковскаго, ни критикой его произведеній; цѣль этой статьи — намѣтить лишь нѣкоторыя, болѣе характерныя черты его какъ человѣка и поэта, и это тѣмъ удобнѣе, что личность его и его поэзія тѣсно связаны между собою. Итакъ, указавъ болѣе обстоятельно на тѣ основы, изъ которыхъ развилось романтическое настроеніе, составляющее неотъемлемую принадлежность его творчества, мы можемъ теперь въ болѣе краткихъ словахъ изложить обстоятельства второй половины жизни и литературной дѣятельности Жуковскаго.

Нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, написанныхъ Жуковскимъ по случаю событій Отечественной войны и слѣдующихъ годовъ, въ томъ числѣ и знаменитый «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», этотъ первый русскій опытъ романтической варіаціи на патріотическую тему,—обратили на поэта вниманіе двора еще въ то время, когда сердечный романъ Жуковскаго былъ въ полномъ разгарѣ. Его другъ Ал. Ив. Тургеневъ, близко знавшій обстоятельства его жизни, едва ли не болѣе всѣхъ хлопоталъ о томъ, чтобы отвлечь Жуковскаго отъ поглощавшей его сердечной тоски. Это не легко было сдѣлать по самому характеру Жуковскаго: онъ чувствовалъ всегда слишкомъ искренно и глубоко. Но дѣйствительно, уступая убѣжденіямъ друзей, поэтъ рѣшился позаботиться объ улучшеніи своего общественнаго положенія, или, лучше сказать, согласился предоставить друзьямъ заботы о томъ. Въ маѣ 1815 года онъ былъ представленъ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и вскорѣ назначенъ при ней чтецомъ. Приглашенный затѣмъ преподавать русскій языкъ великимъ княгинямъ Александрѣ Ѳедоровнѣ и Еленѣ Павловнѣ, онъ, по восшествіи императора Николая на престолъ, былъ избранъ въ наставники къ великому князю наслѣднику. Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ взялся онъ за это великое дѣло? Романтикъ въ любви, онъ проявилъ себя возвышеннымъ романтикомъ и на педагогическомъ поприщѣ. Его преданность обязанностямъ наставника не знала предѣловъ, онъ исполнялъ свой долгъ какъ бы по предопредѣленію. «Работы у меня много», писалъ онъ въ началѣ 1827 года изъ-за-границы, куда онъ уѣхалъ, чтобы укрѣпиться здоровьемъ и въ то же время приготовиться къ новымъ своимъ обязанностямъ; «на рукахъ моихъ важное дѣло. Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю права и возможности употреблять ни минуты на что нибудь другое... По плану ученія великаго

князя, мною сдѣланному, все главное лежитъ на мнѣ. Всѣ его лекціи должны сходиться въ моей, которая есть для всѣхъ пунктъ соединенія; другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами... У меня въ душѣ одна мысль, все остальное только въ отношеніи къ этой царствующей. Могу сказать, что настоящая, положительная дѣятельность считается только съ той минуты, въ которую я вошелъ въ тотъ кругъ, въ которомъ теперь заключенъ. Прежде моя жизнь была dans le vague. Теперь я знаю, къ чему ведетъ она. Поэзія мною не покинута, хотя я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны казаться механическими. Есть въ душѣ какая-то полнота, которая животворитъ ее. Я могъ бы назвать себя счастливымъ (ибо никакого положенія въ свѣтѣ не предпочту моему теперешнему и нахожу его достойнымъ меня). Но для счастія нужно не одно свое; но и счастію я давно далъ другое имя. Я называю его—должность. Подъ этимъ именемъ оно всегда сильно противъ судьбы».

Изъ этихъ строкъ видно, впрочемъ, что новыя обязанности, возложенныя на Жуковскаго, были ему дороги не только сами по себѣ, но и потому еще, что исполненіе ихъ облегчало исцѣленіе его наболѣвшаго сердца. Исцѣленіе это шло медленно, и втеченіе всего времени, проведеннаго Жуковскимъ въ званіи наставника великаго князя, онъ нерѣдко возвращался къ грустному настроенію и горестнымъ воспоминаніямъ своей молодости. Въ особенности видно это въ нѣкоторыхъ, написанныхъ имъ въ это время, произведеніяхъ — въ прекрасной поэмѣ «Ундина» и особенно въ драмѣ «Камоэнсъ». По обыкновенію, то были не переводы, а передѣлки съ иностранныхъ подлинниковъ, и въ такихъ переработкахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ оригинальныя вставки, въ которыхъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Зейдлицъ, выражается личное душевное настроеніе нашего поэта. Такъ, въ написанной въ 1839 году драмѣ «Камоэнсъ» (подражаніе Фр. Гальму), вмѣсто словъ героя, описывающаго счастіе первой любви къ знатной особѣ при португальскомъ дворѣ, Жуковскій заставляетъ Камоэнса говорить такъ:

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу! Какъ тогда,
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! Какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.. О, Боже, Боже!

Гальмовъ Камоэнсъ, котораго разлучили съ его возлюбленною, удаленною въ монастырь, грустно говоритъ: «Екатерина сконча-

лась, и мой Гассанъ погибъ!» А Камоэнсъ Жуковскаго горько жалуется.

Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что̀ любилъ я, что̀ меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ!..
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ.

Затаивая въ глубинѣ души эти вѣчные стоны своего сердца, Жуковскій между тѣмъ достойно совершалъ свой великій воспитательный подвигъ. Въ 1818 году онъ привѣтствовалъ явленіе милаго пришельца въ Божій свѣтъ слѣдующими стихами, обращенными къ его царственной матери:

Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ; подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Въ 1839 году, когда дѣло воспитанія наслѣдника было окончено, Жуковскій могъ, съ сознаніемъ свято исполненнаго долга, привести эти самые стихи въ своемъ описаніи празднованія Бородинской годовщины. «Мнѣ, однако, уже не видать совершенія всѣхъ надеждъ, стихами моими изображенныхъ», говорилъ онъ тогда. Но Россія знаетъ, что слова Жуковскаго были поистинѣ высокимъ пророчествомъ; не можетъ она забыть и того, кто вложилъ столько человѣчности въ воспріимчивую душу своего питомца, увѣнчаннаго именемъ Царя-Освободителя.

Окончивъ свое служеніе при наслѣдникѣ престола, Жуковскій мечталъ провести остатокъ своей жизни на родинѣ, въ столь лю-

бимомъ имъ сельскомъ уединеніи. Но судьба рѣшила иначе. Въ его жизни совершилось событіе — неожиданное для его друзей, но несовсѣмъ непонятное съ психологической точки зрѣнія: Жуковскій сталъ семейнымъ человѣкомъ, вступилъ въ бракъ съ дѣвицей Е. А. Рейтернъ — и остался навсегда за-границей, куда уѣхалъ было не надолго.

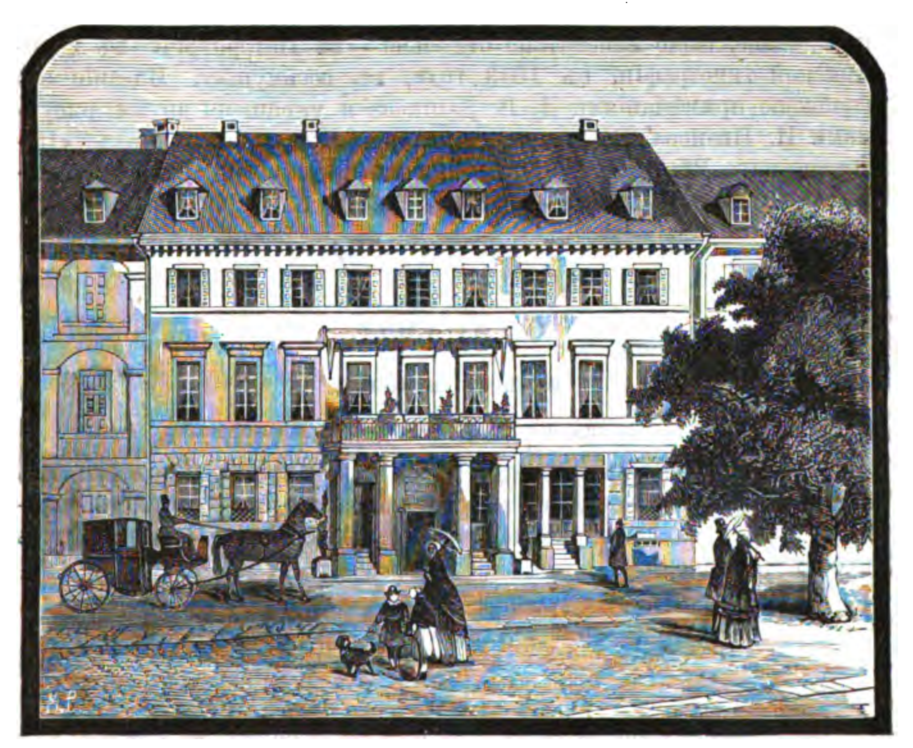
Было ли то измѣной прежнему романтическому идеалу поэта, поколебался ли Теонъ въ своей вѣрѣ, что одна мечта, одно воспоминаніе о счастіи быломъ можетъ удовлетворить человѣка, и не погнался ли онъ, подобно Эсхину, за наслажденіемъ настоящей минуты—мы не знаемъ. Но вѣрно то, что потребность мирнаго успокоенія на лонѣ семейной жизни никогда не покидала души поэта, и съ годами его вѣчное одиночество все сильнѣе угнетало его: вспомнимъ страхъ Камоэнса, что никто не протянетъ ему руки даже для того, чтобы помочь сойти въ могилу,—и мы поймемъ, почему поэтъ, уже старикомъ, такъ радостно встрѣтилъ любящее существо, готовое сдѣлаться спутницей послѣднихъ лѣтъ его жизни. Онъ увѣрялъ себя и другихъ, что нашелъ наконецъ то, чего жаждалъ такъ долго. «За четверть часа до рѣшенія судьбы моей», писалъ тогда Жуковскій, «у меня и въ умѣ не было почитать возможнымъ, а потому и желать того, что теперь составляетъ мое истинное счастіе. Оно подошло ко мнѣ безъ моего вѣдома, безъ моего знанія, послано свыше, и я съ полною вѣрою, безъ всякаго колебанія, подалъ ему руку». Жуковскій всегда былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ; поэтому во внезапномъ оборотѣ своей жизни онъ не могъ не видѣть прямого вмѣшательства высшихъ силъ: это было для него успокоеніемъ и примиреніемъ его настоящаго съ прошлымъ.

Однако, семейная жизнь поэта на склонѣ его дней дала ему не однѣ радости. Супруга его часто хворала, и ея болѣзнь препятствовала возвращенію Жуковскаго въ Россію, къ прежнимъ близкимъ ему людямъ. Среда, въ которой жили Жуковскіе за-границей, была проникнута піэтизмомъ; это направленіе нѣкоторое время увлекало и супругу Василія Андреевича, и самъ поэтъ не остался чуждъ его вліянію и заплатилъ ему дань нѣсколькими стихотворными повѣстями, написанными въ то время. Но къ счастію, послѣ нѣкоторой борьбы съ проявленіями религіозной нетерпимости, онъ имѣлъ радость услышать отъ своей супруги-лютеранки, что она готова принять православіе. Среди этихъ, послѣднихъ уже, душевныхъ бурь, Жуковскій находилъ отдыхъ въ переводѣ Гомера—подарилъ русской литературѣ «Одиссею» и приготовилъ изданіе своихъ сочиненій. Религіозная поэма «Странствующій Жидъ» была послѣднимъ его произведеніемъ и осталась не конченною.

Послѣдніе годы своей жизни, уже немощный и лишенный зрѣнія, но спокойный духомъ и твердо переносившій свои тѣлесные

недуги, Жуковскій провелъ въ Баденъ-Баденѣ и здѣсь же скончался 24-го апрѣля 1852 года. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и покоится въ Александро-Невской лаврѣ.

Съ Жуковскимъ сошелъ въ могилу отецъ русскаго романтизма, и въ то же время, можно сказать, послѣдній крупный представитель его: поэтъ пережилъ почти всѣхъ своихъ сверстниковъ. Съ тѣхъ поръ литература наша еще далѣе отошла отъ романтическаго направленія; забыты и самыя нападки, которымъ подвергался романтизмъ отъ критики сороковыхъ годовъ. Но зато теперь ярче



Домъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ умеръ Жуковскій.

представляется намъ его историческое значеніе. Явившись на смѣну псевдо-классическому направленію и тѣсно связанному съ нимъ вольтеріанству, романтизмъ открылъ русскимъ читателямъ цѣлый міръ новыхъ образовъ, оживилъ чувство простыхъ красотъ природы, возстановилъ связь между стремленіями высшей культуры и наивными вѣрованіями и преданіями старины, и вообще освѣжилъ русскую поэзію живымъ и чистымъ чувствомъ. Задушевность и человѣчность романтической поэзіи имѣли огромное воспитательное вліяніе на наше общество. Въ этомъ заключается высокая худо-

жественная и нравственная заслуга Жуковскаго въ развитіи русскаго сознанія.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о рисункахъ, приложенныхъ къ этой статьѣ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ домъ, гдѣ умеръ Жуковскій, а два другіе суть иллюстраціи къ «Пѣвцу въ станѣ русскихъ воиновъ». Какъ извѣстно, это было одно изъ самыхъ популярныхъ произведеній Жуковскаго. Написанное въ самый разгаръ Отечественной войны, оно составляетъ живой откликъ «священной памяти двѣнадцатаго года». Первое изданіе «Пѣвца» появилось въ «Вѣстникѣ Европы», 1812 г., № 23—24, а второе, исправленное, было напечатано отдѣльно — въ Петербургѣ, въ медицинской типографіи, въ 1813 году, въ восьмушку. Изданіе это снабжено примѣчаніями Д. В. Дашкова и украшено двумя рисунками И. Иванова. Воспроизводя эти рисунки на страницахъ «Историческаго Вѣстника», присоединяемъ къ нимъ и объясненіе, которымъ снабдилъ ихъ, въ изданіи 1813 г., А. Н. Оленинъ.

ОПИСАНІЕ

виньета и кашки

къ «пѣвцу въ станѣ русскихъ воиновъ».

Виньетъ.—Въ немъ представлено ночное время, и при лунномъ сіяніи видно широкое поле, простирающееся между скатомъ дальнихъ горъ и ближнихъ холмовъ могильныхъ. Вдали видѣнъ станъ русскихъ воиновъ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!

На ближнемъ планѣ стоятъ холмы могильные; на одномъ изъ нихъ земледѣлецъ, отдыхая въ ночное время, оставилъ до другаго утра свою соху и заступъ, подлѣ коихъ лежитъ заржавѣлый шлемъ, вырытый нечаянно мирными сими орудіями.

Друзья, уже могущихъ нѣтъ!
Ужь нѣтъ вождей побѣды!
Ихъ домы вихорь разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги!..

Наконецъ—надъ станомъ въ воздухѣ представлены несущіеся призраки великихъ нашихъ мужей, временъ прошедшихъ.

Смотрите! въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ вашими шатрами!..
О, Святославъ! бичъ древнихъ лѣтъ!
Се твой полетъ орлиный!..

Святославъ представленъ гребущій, съ тѣмъ обликомъ и въ томъ положеніи, какъ его описываетъ современный византійскій писатель—Левъ Діаконъ.

Передъ Святославомъ летитъ:

И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской!

А передъ симъ славнымъ полководцемъ:

И ты нашъ Петръ, въ толпѣ вождей!
Внимайте кличъ: Полтава!

Наконецъ, долу приникаетъ тѣнь безсмертнаго нашего военачальника —

О, горе! горе супостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Кашка.[1])—На обломкахъ древняго города, котораго остатки вдали покрываются дымомъ и пепломъ—сидитъ маститый русскій Геркулесъ, опершись на свою палицу; подлѣ него россійскій двуглавый орелъ, внимая его словамъ, спѣшитъ на пораженіе зміевиднаго чудовища, стремительно ползущаго съ крутой скалы. На встрѣчу сему чудовищу является гладъ въ видѣ Гарпіи, а въ небесахъ показывается мщеніе Божіе въ призракѣ мраза, изображеннаго старцемъ, покрытымъ вѣчнымъ инеемъ и льдами.

Маститый Геркулесъ, утѣшивъ дружину свою, представленную въ образѣ россійскаго орла, сими словами:

Нѣтъ, други, нѣтъ, не предана
Москва на расхищенье!
Тамъ стѣны, въ россахъ вся она!
Мы здѣсь—и Богъ нашъ мщенье!

обращаетъ рѣчь свою къ зміевидному чудовищу и ему вѣщаетъ:

Веди-жъ своихъ царей-рабовъ,
Съ ихъ стаей въ область хлада;
Пробей тропу среди снѣговъ
Во срѣтеніе глада!
Зима, союзникъ нашъ, гряди!

И рѣчь сію заключаетъ сими словами:

Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За правыхъ Провидѣнье!

---

[1]) Кашка, типографскій терминъ, употребленный Оленинымъ, означаетъ заставку или украшеніе въ началѣ или концѣ статьи.

КИРЬЯНОВО, ДАЧА КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ.

Въ ПРОШЛОМЪ столѣтіи, вдоль петергофской дороги, начиная отъ Екатерингофа до Стрѣльны, тянулся почти непрерывный рядъ дачъ, дворцовъ и садовъ, принадлежавшихъ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ русскимъ вельможамъ и банкирамъ. Въ то время, всякій состоятельный человѣкъ стремился провести лѣто въ этомъ самомъ модномъ тогда загородномъ мѣстѣ. Въ праздничные и воскресные дни, петербургскіе жители, цѣлыми семьями, съ утра отправлялись подышать свѣжимъ воздухомъ на петергофскую дорогу, гдѣ многіе владѣльцы садовъ не только радушно открывали ихъ для публики, но и оказывали при этомъ чисто русское гостепріимство. Такъ, напримѣръ, на дачѣ оберъ-шенка А. А. Нарышкина, носившей оригинальное названіе: «Ба! Ба!» гуляющимъ разносили во множествѣ разнаго рода напитки и лакомства, а у входа въ садъ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина была прибита доска съ надписью, приглашавшею всѣхъ городскихъ жителей пользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкою въ его саду «для разсѣянія мыслей и соблюденія здоровья».

Заселеніе петергофской дороги началось со временъ Петра Великаго, который послѣ постройки Екатерингофа сталъ раздавать здѣсь своимъ приближеннымъ безвозмездно участки земли отъ 50 до 200 саженъ въ поперечникѣ, во всю длину до самаго залива. Можно представить, сколько усилій и пожертвованій, или, лучше сказать, сколько милліоновъ пришлось затратить владѣльцамъ для превращенія этой болотистой мѣстности въ роскошные сады и

парки! Извѣстный острякъ екатерининской эпохи, генералъ С. Л. Львовъ, едва ли много преувеличивалъ, выразившись однажды о дачѣ А. А. Нарышкина, что для того, «чтобы вымести ее два раза, должно расквитаться съ обыкновеннымъ дворянскимъ имѣніемъ». Но мода измѣнилась. Въ царствованіе императора Александра I любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ двора и аристократіи сдѣлались острова: Аптекарскій, Каменный, Елагинъ, затѣмъ Царское Село и Павловскъ. Вельможи, чтобы находиться ближе ко двору, стали строиться во вновь облюбованныхъ мѣстностяхъ, а заброшен-

Видъ Кирьяновскаго дома и сада княгини Дашковой.

ныя лѣтнія резиденціи ихъ по петергофской дорогѣ начали понемногу переходить въ руки мелкаго купечества и теперь вмѣсто роскошныхъ садовъ и парковъ здѣсь виднѣются лишь пустыри, а когда-то великолѣпныя хоромы, покосившіяся и полуразвалившіяся, заняты фабриками, постоялыми дворами, трактирами и кабаками.

Недавно извѣстный собиратель русскихъ гравюръ, П. Я. Дашковъ, пріобрѣлъ двѣ очень рѣдкія, современныя (конца прошлаго столѣтія) гравюры, изображающія видъ дачи, принадлежавшей на петергофской дорогѣ знаменитой княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ

Дашковой и называвшейся «Кирьяново». Уменьшенную копію съ одной изъ этихъ гравюръ мы прилагаемъ здѣсь.

Свѣдѣній о дачѣ княгини Дашковой намъ удалось отыскать не много. Въ «Описаніи Петербурга» Георги, изданномъ въ 1794 году, о ней говорится слѣдующее:

«Дача княгини Екатерины Романовны Дашковой «Киръ и Анова» находится подлѣ «Ба! Ба!» (дачи А. А. Нарышкина) и простирается по большой дорогѣ на 100 саженъ и отъ оной до залива. Она была смѣшанный, болотный лѣсъ, и приведена въ нынѣшнее состояніе самою княгинею безъ помощи архитектора или садовника, какъ въ заложеніи, такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменныя строенія составляютъ съ флигелями открытый дворъ, до большой дороги простирающійся и при оной различными деревьями насажденный. Подлѣ строеній находится плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ знатнымъ лугомъ, подлѣ ручейка и знатныхъ каналовъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямыя и извивающіяся дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома и между обоими главный входъ».

Въ своихъ «Запискахъ» Дашкова только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о Кирьяновѣ. «Въ іюлѣ 1782 года,—говоритъ она,—я возвратилась (изъ-за-границы) въ Петербургъ и поселилась на своей дачѣ Киріяново, въ четырехъ верстахъ отъ города. У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды, императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за-городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и притомъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водою, очень опасно для моего здоровья, «потому что, прибавила она, ваша дача— чистое болото, очень способное для развитія ревматизма».

Такимъ образомъ, изъ словъ Екатерины оказывается, что дача, построенная Дашковой «безъ помощи архитектора и садовника», была очень неудобна для жилья, холодна и во время весеннихъ разливовъ заливалась водой. Когда и кому продала Дашкова свою дачу—мы не знаемъ, но она существуетъ до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ и занята какой-то фабрикой, или заводомъ. Странное названіе «Кирьяново» было дано дачѣ Дашковой въ память святыхъ Кира и Іоанна, празднуемыхъ 28-го и 29-го іюня,— дни, въ которые совершился при участіи княгини переворотъ 1762 года, доставившій престолъ императрицѣ Екатеринѣ II.

С. Ш.

НАРОДНЫЙ ТРИБУНЪ.

Потрясеніе, овладѣвшее Франціей при вѣсти о смерти Гамбетты, ярче всякихъ словъ свидѣтельствуетъ о той утратѣ, какую понесла страна съ этой кончиной. Со времени Ламартина республиканская партія не выдвигала изъ рядовъ своихъ столь многообъемлющаго ума. Но Ламартинъ началъ свою карьеру не республиканцемъ. Гамбетта, напротивъ, съ юныхъ лѣтъ тяготѣлъ къ республикѣ и съ юныхъ же лѣтъ въ немъ обозначился республиканецъ, который никогда не могъ сдѣлаться сектантомъ и который, когда пришло время, умѣлъ изъ республики сдѣлать отчизну націи, изъ республиканской идеи—національную идею. Въ началѣ 60-хъ годовъ до Гамбетты не было почти ни одного республиканца во Франціи, который не числился бы въ рядахъ мечтателей или заговорщиковъ, который не жилъ бы въ своемъ подпольномъ кругу, допуская въ свою компанію лишь посвященныхъ, отверженныхъ окружающимъ обществомъ, который не былъ бы болѣе склоннымъ поклоняться своему кумиру, сберегая его отъ профановъ, нежели заботиться о распространеніи своихъ идей, который, наконецъ, не ожидалъ бы многаго отъ принциповъ и ничего отъ активнаго служенія обществу. Таковыми были большинство безупречныхъ и неподвижныхъ республиканцевъ 1848 года. Таковыми же явились и ихъ послѣдователи въ 1860 г., молодые республиканцы изъ адвокатуры; въ ихъ средѣ впервые обратилъ на себя вниманіе Гамбетта.

I.

Гамбетта при имперіи.

Трудно было не замѣтить сейчасъ же этого остроумнаго, живого, бойкаго адвоката, державшагося вдалекѣ отъ обычныхъ процессовъ. Только предметы жгучей политики дня вдохновляли его ораторскій геній. И въ этомъ отношеніи рѣчи его имѣли бо̀льшее значеніе, нежели дѣла многихъ изъ его современниковъ. Впервые Гамбетту слышали на публичной сходкѣ въ 1863 г. Ему тогда было 25 лѣтъ. Онъ сразу стяжалъ себѣ извѣстность, какъ ораторъ, но эта извѣстность еще не выходила пока за предѣлы ограниченнаго кружка нѣсколькихъ молодыхъ людей и журналистовъ. Уже въ то время въ рѣчахъ юнаго юриста слышался мужественный языкъ трибуна, въ такіе годы, когда другіе едва умѣютъ развѣ болтать въ гостинныхъ. Не долго, однако, пришлось ему ждать удобнаго момента, чтобъ стать знаменитостью. Нѣсколько газетъ открыли подписку на сооруженіе памятника на могилѣ Бодэна, народнаго представителя, убитаго на баррикадахъ 2-го декабря. Правительство имперіи, вѣчно остававшееся въ тѣни, не взирая на его псевдолиберальныя заигрыванія съ обществомъ, начало преслѣдовать авторовъ республиканскихъ манифестацій въ честь Бодэна. Делеклюзъ, одинъ изъ обвиненныхъ, избралъ Гамбетту своимъ защитникомъ. Это было 14-го ноября 1868 года. Тутъ впервые раздался могучій голосъ національной совѣсти, возмущенной декабрскимъ переворотомъ.

«Послушайте», говорилъ тогда Гамбетта передъ императорскими судьями, «вотъ уже 17 лѣтъ, какъ вы безусловные хозяева Франціи—это ваше собственное выраженіе; не будемъ изслѣдовать, какое употребленіе вы дѣлали изъ ея сокровищъ, изъ ея крови, изъ ея чести, изъ ея славы... Никому не безъизвѣстны финансовыя катастрофы, которыя въ этотъ самый моментъ взрываются, точно мины у насъ подъ ногами. Но всего лучше васъ характеризуетъ именно то, что вы никому не осмѣлились сказать: «будемъ праздновать, поставимъ въ рядъ торжествъ Франціи 2-е декабря, какъ годовщину національную!» И однако жъ всѣ правительства, бывшія въ этой странѣ, чествовали день своего рожденія. Только двѣ годовщины, 18-е брюмера и 2-е декабря, никогда не считались юбилейными годовщинами, потому что вы хорошо знаете, что, пожелай вы объявить ихъ торжествомъ, ихъ отвергла бы всеобщая совѣсть. И такъ, этотъ юбилей, котораго вы признать не желаете, мы беремъ себѣ, мы будемъ его праздновать всегда, непрерывно каждый годъ; это будетъ годовщиной нашихъ смертей вплоть до того дня, когда страна, сдѣлавшись опять повелительницей, васъ заклеймитъ великимъ національнымъ искупленіемъ, во имя свободы, равенства, братства».

Эти слова, какъ громовой ударъ, разразились въ поблекшей уже

лазури имперіи. Малоизвѣстное еще утромъ, имя Гамбетты къ вечеру повторялось вездѣ и съ тѣхъ поръ начало переходить изъ устъ въ уста по всей Франціи. Неизвѣстный еще наканунѣ, молодой ораторъ вдругъ сдѣлался гордостью парижской адвокатуры. Но для этого оратора сохранилось еще болѣе обширное поприще.

Выборы въ 1869 г. открыли Гамбеттѣ двери въ законодательный корпусъ, гдѣ, явившись представителемъ Парижа и Марселя, онъ доказалъ, именно по поводу проекта о плебисцитѣ, что въ немъ трибуна, способнаго увлечь народныя массы, дополнялъ политическій ораторъ, умѣвшій овладѣвать собраніями, менѣе податливыми на порывы

Гамбетта.

страсти. 5-го апрѣля 1870 г. Гамбетта произнесъ свою знаменательную рѣчь, справедливо причисляемую къ chef-d'oeuvre'амъ его ораторскаго искусства. Здѣсь онъ превосходно развилъ идею національнаго главенства. Выступая поборникомъ плебисцита въ принципѣ, Гамбетта доказывалъ тогда, что существуетъ безусловная несовмѣстимость, подтвержденная опытомъ, между всеобщей подачей голосовъ и парламентской монархіей.

«Да—говорилъ Гамбетта—есть несовмѣстимость по существу. Я могъ бы, если бы былъ охотникъ до цитатъ, сослаться на этой трибунѣ на неоспоримый авторитетъ тѣхъ самихъ, кто посвятилъ свой неизмѣримый ораторскій талантъ и, конечно, великій политическій геній, на защиту этихъ идей, этихъ доктринъ.

«Когда Гизо сказалъ, что не настало время для всеобщей подачи голосовъ, онъ ошибался и de facto, и de jure; но онъ говорилъ превосходно, изумительно, съ точки зрѣнія доктрины парламентской монархіи. Это значило: вы требуете всеобщей подачи голосовъ, подумайте однако, вѣдь мы—привиллегированный классъ, и парламентское правительство можетъ жить лишь тогда, когда оно изъ привиллегированныхъ классовъ. Но посмотрите, что будетъ, когда эти огромныя массы народныя будутъ допущены къ этимъ тонкимъ пружинамъ, къ этимъ колесамъ, которыя такъ трудно направлять парламентскому правительству. Нѣтъ, не слѣдуетъ, чтобы наступило время для всеобщей подачи голосовъ,—вотъ что значили слова Гюго. Всеобщая подача голосовъ все-таки пришла, но что меня удивляетъ, что меня смущаетъ, это возможность, искренность— поймите хорошенько, — искренность, съ какой поборники конституціонной монархіи хотятъ совмѣстить всеобщую подачу голосовъ съ монархіей, подъ знаменемъ имперіи».

Тутъ же, въ императорскомъ законодательномъ корпусѣ, Гамбетта произнесъ и апологію республиканскому режиму, приравнявъ его къ главенству націи.

«Господа, краснорѣчивый министръ заявилъ, что при всѣхъ формахъ правленія можно пользоваться свободой, добиться свободы и гарантировать ее другимъ. Дѣйствительно,—и это спорный пунктъ, но весьма существенный,—дѣйствительно, при всѣхъ формахъ правительства, исключая тираніи, можно пользоваться извѣстной долей свободы, но есть только одна форма правленія, которая обезпечиваетъ, гарантируетъ свободу, и утверждать, что исканіе формъ для достиженія или для организаціи, для осуществленія политической свободы призрачно, это — софизмъ и въ то же время безнравственная политика. Нѣтъ, нѣтъ, и сами факты протестуютъ противъ подобной теоріи. Чѣмъ же занимались мыслители, государственные люди, политики съ тѣхъ поръ, какъ возникло человѣческое общество, если не изысканіемъ и стремленіемъ осуществить формы, которыя обезпечивали бы свободу? Аристократическая англійская форма правленія, обезпечивающая извѣстную свободу въ Великобританіи, признана дважды безсильной во Франціи. Вы видите, слѣдовательно, что есть формы, которыя обезпечиваютъ свободу, и есть такія, которыя ея не обезпечиваютъ, и что однѣ и тѣ же формы, въ различныхъ условіяхъ, производятъ дѣйствительно противоположные результаты. Реформы, вами испробованныя, признаны хрупкими, непрочными, безсильными, и надо начинать дѣло снова. Не подумайте, что въ этихъ словахъ есть противорѣчіе или нѣчто въ родѣ сыновней укоризны французской революціи. Когда я говорю, что есть форма, по преимуществу обезпечивающая свободу, вы не позволили бы мнѣ умолчать о ней, потому что она у меня на устахъ, въ сердцѣ моемъ. Это—

форма республиканская. Внѣ этой формы, которая единственно равносильна всеобщей подачѣ голосовъ, внѣ осуществленія свободы республикою, все будетъ только конвульсіей, анархіей или диктатурой... Для меня главенство націи существуетъ только тамъ, гдѣ парламентъ, избранный при участіи всѣхъ согражданъ, руководитъ и владѣетъ послѣднимъ словомъ въ направленіи политическихъ дѣлъ».

Этой замѣчательной рѣчью Гамбетта сдернулъ маску съ комедіантовъ либеральной имперіи и категорически поставилъ вопросъ о республикѣ. Правительство, правда, торжествовало въ палатѣ, но оно было разбито въ глазахъ общества именно благодаря Гамбеттѣ, который, нѣсколько дней спустя, приглашенный на «banquet de la jeunesse», устроенный студентами, въ отвѣтъ на радушное привѣтствіе предсѣдателя сходки, произнесъ новую рѣчь, которая служила дополненіемъ къ вышеприведенной и символомъ которой было: «миръ внѣшній, политика внутренняя!»

Но въ узкой сферѣ тогдашняго законодательнаго собранія краснорѣчію народнаго трибуна все-таки негдѣ было развернуться во всей своей широтѣ и силѣ. Только во время войны Франціи съ Пруссіей ораторъ явился на высотѣ своей роли. Патріотическая энергія, какую онъ обнаруживалъ въ годину бѣдствій, пережитыхъ его родиной, обезпечили ему блестящія страницы въ современной исторіи Франціи. Онъ—единственный или почти единственный изъ тогдашнихъ дѣятелей, не отчаявавшійся за судьбу Франціи и съумѣвшій свою вѣру въ эту судьбу внушить всей странѣ. Этотъ періодъ въ жизни Гамбетты особенно любопытенъ и весьма поучителенъ.

II.

Гамбетта во время войны.

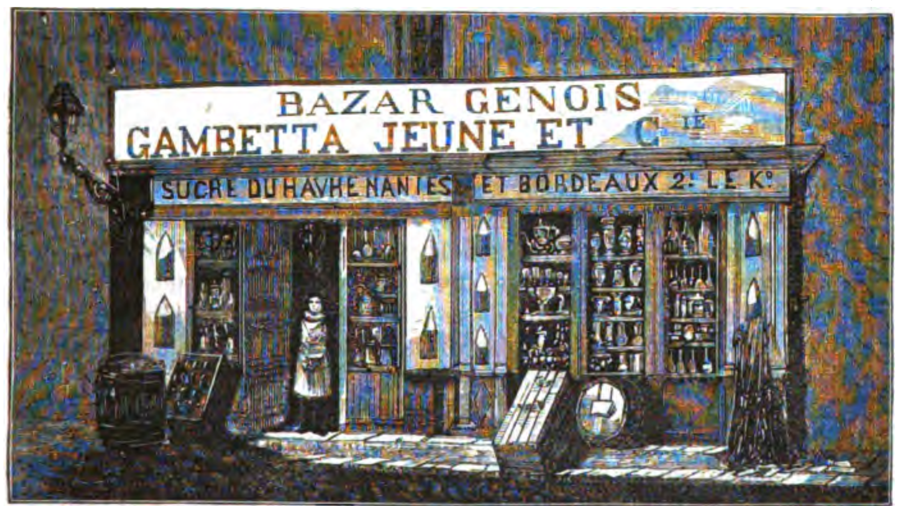
Парижъ былъ наводненъ германской арміей; всѣ сообщенія были прерваны съ остальной Франціей; однако жъ требовалось организовать необходимую помощь въ провинціяхъ. Кто изъ членовъ правительства національной обороны способенъ былъ бы исполнить такую миссію, сопряженную съ крайне серьёзной отвѣтственностью? Общій голосъ указалъ на Гамбетту. Онъ былъ самый юный, онъ былъ самый энергичный изъ членовъ правительства, онъ былъ патріотъ, вѣрилъ въ республику, его пламенное слово способно было воодушевить Францію.

«Я возвращусь съ арміей», сказалъ онъ Жюль Фавру, «и съ меня достаточно будетъ славы освободить Парижъ». Но и отправиться въ Туръ было не такъ-то легко. Пройти безпрепятственно черезъ непріятельскіе посты, миновать патрули многочисленной германской кавалеріи, не было никакихъ средствъ. Всѣ пути были

закрыты. Только воздухъ оставался открытой дорогой. Въ распоряженіи французовъ были лишь воздушные шары. Одинъ изъ нихъ попалъ въ Норвегію, другіе погибли. Тѣмъ не менѣе 7-го октября Гамбетта сѣлъ на воздушный шаръ «Armand Barbès». Вѣтры не благопріятствовали аэростату. Послѣдній едва не попалъ къ пруссакамъ. Миновавъ, однако, территорію, занятую непріятелемъ, шаръ спустился въ лѣсу близь Мондидьэ, откуда Гамбетта достигъ Амьена. Вѣсть объ этомъ смѣломъ путешествіи ободрила всю Пикардію и Фландрію. Другая вѣсть на слѣдующій день воодушевила сѣверъ: впервые со времени начала кампаніи, открытый нападенію непріятеля городъ оказалъ успѣшное противодѣйствіе. 8-го октября жители Сентъ-Кентэня, съ своимъ новымъ префектомъ во главѣ, Анатолемъ де-ла-Форжемъ, отбили нѣсколько аттакъ прусаковъ. Въ день этого сраженія Гамбетта отправился въ Руанъ, откуда прибылъ въ Туръ 9-го октября.

Здѣсь онъ началъ съ того, что обратился къ жителямъ съ страстной и краснорѣчивой прокламаціей, братски убѣждая подчиняться до заключенія мира республиканскому правительству, выдвинутому на сцену силой необходимости. «Медлить нельзя, говорилъ онъ,—я имѣю полномочіе, не взирая ни на какія трудности, ни на какія препятствія, восполнить, при содѣйствіи всѣхъ свободныхъ энергій, недостаточность отсрочекъ. Въ людяхъ нѣтъ недостатка; чего именно недостаетъ, такъ это рѣшительности, твердости, послѣдовательности въ выполненіи плановъ... Въ чемъ недостатокъ, такъ это въ оружіи»... И онъ объявлялъ, что онъ во что бы то ни стало достанетъ необходимое оружіе. И онъ очертилъ все, что требовалось сдѣлать, чтобъ пустить въ дѣло всѣ рессурсы Франціи, которые, говорилъ онъ, неизмѣримы, и чтобъ объявить національную войну. «Республика взываетъ къ содѣйствію всѣхъ... Въ ея традиціяхъ вооружать молодыхъ вождей; мы ихъ найдемъ!» И Гамбетта выставляетъ на видъ всѣ основанія къ тому, чтобъ надежды не обманулись. «Нѣтъ, невозможно, чтобъ геній Франціи улетѣлъ навсегда, чтобъ великая нація уступила свое мѣсто въ свѣтѣ передъ нападеніемъ какихъ нибудь 500 тысячъ человѣкъ! Воспрянемъ всей массой,—восклицалъ онъ,—и скорѣе умремъ, нежели понесемъ позоръ распаденія». И онъ заключилъ это воззваніе: «Да здравствуетъ республика единая и нераздѣльная!» Первоначально Гамбетта хотѣлъ только дать сильный толчекъ къ войнѣ и не принимать на себя управленіе арміей. Но адмиралъ Фуришонъ подалъ въ отставку и ни на какія просьбы не шелъ, чтобъ взять обратно эту отставку. Гамбетта самъ рѣшился принять въ свое вѣдѣніе военное управленіе. Онъ считался уже министромъ внутреннихъ дѣлъ. Положеніе дѣлъ было ужасное. Въ Турѣ Гамбетта не имѣлъ ничего подъ рукою, даже карты Франціи не было, даже военныхъ уставовъ.

Препятствія казались непреодолимыми. Въ департаментахъ, на югѣ, царило междоусобіе. Въ Ліонѣ развѣвались одновременно и трехцвѣтное, и красное знамя. Ліонскіе клубы требовали автономіи и федераціи коммунъ. Юго-западные департаменты составили лигу. Они соглашались дѣйствовать въ согласіи съ турскимъ правительствомъ лишь подъ условіемъ предоставленія имъ инищіативы во всемъ. Очагомъ этого движенія служилъ Марсель. Здѣсь избирались комитеты исполнительные, финансовые и пр. Югъ, короче сказать, пробовалъ управляться самъ. Это являлось весьма тревожнымъ признакомъ дезорганизаціи Франціи. Съ театра войны вѣсти получались убійственныя; организованныя предшественниками Гамбетты, войска были разбиты.



Домъ въ Кагорѣ, гдѣ родился Гамбетта.

Гамбетта не переставалъ, какъ и въ первой своей прокламаціи, обращаться къ чувствамъ, пробуждать всѣ благородныя страсти и въ то же время работалъ день и ночь, чтобы найти матеріальные ресурсы. Онъ обращался съ воззваніемъ ко всѣмъ, безъ различія, онъ обращался даже къ легитимистамъ, даже къ папскимъ зуавамъ, возвратившимся изъ Рима, и тѣ откликнулись, стали въ ряды республиканцевъ. Были и такіе даже, которые опередили воззваніе. Сыны бывшихъ вандейскихъ вождей наполняли республиканскіе ряды, объявляя, что они направятъ свое оружіе только противъ враговъ Франціи. Началось національное движеніе въ полномъ смыслѣ этого слова.

Гамбетта на западѣ открывалъ доступъ монархистамъ въ ряды республиканцевъ, на югѣ старался возстановить порядокъ и единство въ средѣ республиканцевъ, умиротворивъ Ліонъ, довелъ «Лигу

Юга» до фактическаго распаденія и возстановилъ единство власти. Онъ положилъ конецъ произволу нѣкоторыхъ мѣстныхъ администрацій, заставлялъ префектовъ Луары и устьевъ Роны уничтожать распоряженія, которыми пріостанавливались монархическія газеты, уничтожилъ въ Марселѣ распоряженіе, въ силу котораго закрывались дома іезуитовъ и сами они изгонялись. Грозный Марсель и нѣкоторые города еще волновались иногда, но уже болѣе не было двухъ правительствъ, взаимно враждовавшихъ между собою.

Работа по военной организаціи, въ импровизированныхъ бюро въ Турѣ, подвигалась гигантскими шагами. Менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца, собрано было болѣе 600.000 человѣкъ, около 5.000 въ день; 9-го октября, образованы были 12 армейскихъ корпусовъ. Артиллеріи набирали по двѣ баттареи въ день, до 1.400 орудій были собраны въ три мѣсяца. Организованы были интендантства, въ военно-санитарныхъ отрядахъ введено было единство. Немалое затрудненіе состояло въ томъ, чтобы найти оружіе и амуницію. Внѣ Парижа, Меца и Страсбурга имѣлось весьма немного ружей Шаспо. Государственные заводы доставляли всего 15—18 тыс. въ мѣсяцъ. Министръ публичныхъ работъ, на другой день послѣ 4-го сентября, поручилъ особой комиссіи повсюду скупать ружья, но. эта комиссія, до отъѣзда Гамбетты изъ Парижа, имѣла не болѣе 16 милліоновъ и изъ-за-границы еще ничего не было получено. Гамбетта въ три мѣсяца достигъ того, что комиссія могла употребить въ дѣло до 200 милліоновъ. Въ Турѣ же былъ составленъ планъ военной обороны городовъ, открытыхъ нападенію непріятеля.

Несовершенства, промахи, ошибки въ подробностяхъ организаціи были, конечно, неизбѣжны при неслыханныхъ условіяхъ этого изумительнаго движенія. Спеціальныя издержки военнаго министерства на 600 тысячъ человѣкъ не превышали 600 милліоновъ до конца войны. Эти издержки покрывались отчасти займомъ въ 250 милліоновъ, заключеннымъ въ Англіи. Условія этого займа были наивыгоднѣйшія при тогдашнемъ положеніи дѣлъ и они свидѣтельствовали о довѣріи англійскихъ капиталистовъ къ будущему Франціи. Замѣчательно, что и сами пруссаки подписывались на этотъ заемъ. Гамбетта, въ виду національнаго бѣдствія, преслѣдовалъ единственную задачу: снять осаду Парижа. Дни, часы считалъ онъ. Онъ считалъ это крайне безотлагательнымъ, и не потому, что Парижъ не могъ бы долго выдержать осаду. Нѣтъ, Гамбетта имѣлъ другой поводъ. Онъ намѣревался выступить съ новой арміей во что бы то ни стало, какъ скоро представилась бы къ тому возможность. Гамбетта желалъ наступательной войны. Но генералы противились. Къ тому же пришла вѣсть о капитуляціи Меца...

Французамъ, безъ сомнѣнія, всегда будетъ памятна прокламація Гамбетты, возвѣщавшая объ этомъ событіи.

«Французы!—писалъ онъ—воспряньте духомъ, воспряньте рѣшительностью надъ ужасными опасностями, тяготѣющими надъ отчизною. Отъ насъ самихъ зависитъ теперь умѣнье отвратить злую судьбу и показать вселенной, что такое великій народъ, не желающій гибнуть, народъ, мужество котораго воспламеняется даже среди катастрофъ. Мецъ сданъ на капитуляцію. Генералъ, на котораго полагалась Франція, даже послѣ Мексики, похитилъ у погибающаго отечества болѣе ста тысячъ его защитниковъ. Маршалъ Базенъ измѣнилъ. Онъ сдѣлался агентомъ человѣка Седана, соучастникомъ непріятеля; попирая свой долгъ передъ арміей, ему ввѣренной, онъ сдалъ, не испробовавъ послѣдняго усилія, сто двадцать тысячъ борцевъ, двадцать тысячъ раненыхъ, свои ружья, свои пушки, свои знамена и сильнѣйшую изъ крѣпостей Франціи— Мецъ, доселѣ дѣвственную, не оскверненную вражескимъ нашествіемъ. Такое преступленіе превышаетъ кары, выходитъ изъ предѣловъ правосудія». И Гамбетта заканчивалъ все это краснорѣчивымъ воззваніемъ къ мужеству и патріотизму каждаго. Можно себѣ представить, въ какомъ возбужденіи читалась эта сильная прокламація вездѣ, куда успѣли вступить нѣмецкія войска. Она выпущена была черезъ двѣ недѣли послѣ капитуляціи Меца. Старый и патріотическій городъ, казалось, замеръ. Только прусскіе солдаты разгуливали по его улицамъ. Извнѣ—никакихъ вѣстей, газеты прекратили свое существованіе послѣ вступленія непріятеля. И вотъ храбрая француженка, жена одного офицера, которой удалось пробраться черезъ германскіе посты, приноситъ несчастному городу прокламацію Гамбетты. Въ какіе нибудь нѣсколько часовъ эта прокламація, переписанная тысячью рукъ, распространилась по всему городу. Съ тѣхъ поръ Гамбетта олицетворялъ въ глазахъ населенія Лотарингіи и Эльзаса непримиримую войну, борьбу безпощадную, завершающуюся окончательной побѣдой.

То же происходило и въ Страсбургѣ, и въ Нанси. Прессы не было; французскимъ газетамъ запрещенъ былъ доступъ, иностранныя газеты тоже конфисковались за малѣйшее проявленіе симпатіи къ Франціи. И однако жъ, несмотря на всѣ эти нѣмецкія предосторожности, не взирая на зоркій контроль и страшныя угрозы, въ городахъ, въ деревняхъ, вездѣ переходили изъ рукъ въ руки прокламаціи и энергическія воззванія Гамбетты. И нѣсколько недѣль спустя, въ февралѣ 1871 г., когда разбитой Франціи пришлось избрать своихъ представителей, Гамбетта, имя котораго, несмотря на побѣду Германіи, осталось популярнымъ, Гамбетта былъ избранъ почти единогласно четырьмя департаментами.

Въ дѣлѣ обороны страны, Гамбетта явился настоящимъ героемъ. Но главная и неоспоримая патріотическая заслуга его заключается въ томъ, что въ годину бѣдствій своей родины, онъ самъ, не теряя мужества, ободрилъ своимъ могучимъ словомъ

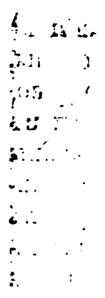
страну, поднялъ духъ націи, и если счастіе все-таки въ концѣ-концовъ измѣнило Франціи, послѣдняя, однако, могла утѣшиться, что она съ честью сложила оружіе передъ врагомъ. И спасеніемъ этой чести, брошенной Наполеономъ III на поношеніе непріятеля, Франція всецѣло обязана Гамбеттѣ.

III.

Гамбетта послѣ войны.

Въ іюлѣ 1871 г. Гамбетта былъ представителемъ сенскаго департамента въ нижней палатѣ французскаго парламента. Избирательный комитетъ выставлялъ его въ то время вождемъ виговъ французской республики, имѣвшихъ цѣлью на легальной и парламентской почвѣ бороться съ Тьеромъ, какъ вождемъ тори или республиканцевъ умѣренныхъ. Въ національномъ собраніи Гамбетта не могъ осуществить проектъ, составленный имъ въ качествѣ руководителя партіи, соперничавшей съ партіей Тьера. Вскорѣ консерваторамъ и прогрессистамъ пришлось соединиться противъ реакціонеровъ. Парламентскій переворотъ 24-го мая еще болѣе возвысилъ положеніе Гамбетты и обезпечилъ за нимъ главенство надъ республиканскимъ союзомъ, который составила тогда крайняя лѣвая. Мало-по-малу присоединились къ нему сначала умѣренная лѣвая, потомъ лѣвый центръ. Было бы долго разсказывать всѣ перипетіи парламентской борьбы, веденной Гамбеттой въ этотъ періодъ. Къ тому же о ней помнитъ, вѣроятно, весь читающій людъ. Когда же, послѣ неудачъ всевозможныхъ попытокъ монархистовъ, извѣстное число праваго центра рѣшилось присоединиться къ республикѣ и дать ей конституцію, Гамбетта не замедлилъ воспользоваться случаемъ, чтобъ узаконить республику. Онъ увлекъ за собой огромное большинство республиканскаго союза; онъ боролся противъ всѣхъ анти-демократическихъ вожделѣній въ парламентѣ, и какъ скоро насталъ удобный моментъ, онъ убѣдилъ своихъ единомышленниковъ, что minimum республики для страны имѣетъ больше значенія, нежели существовавше тогда неопредѣленное положеніе вещей, открывавшее двери всякаго рода монархическимъ домогательствамъ. Голосованіе конституціи повело за собой распущеніе собранія, избраннаго въ дни бѣдствій Франціи, и воззваніе къ странѣ, въ чувствахъ которой уже нельзя было сомнѣваться. Союзъ же съ крайними, искусно заключенный Гамбеттой во время выбора первыхъ несмѣняемыхъ сенаторовъ, открылъ дорогу въ сенатъ немалому числу республиканцевъ, которые составляли весьма важный элементъ въ этомъ собраніи въ періодъ первыхъ трехъ лѣтъ его существованія.

Гамбетта, избранный белльвильскимъ депутатомъ въ 1876 г., во время министерствъ Дюфора и Жюль-Симона, старался воздерживаться отъ активнаго участія въ парламентскихъ дебатахъ; но тѣмъ не менѣе его вліяніе возрастало и въ палатѣ, и въ странѣ. 16-е мая 1877 г. еще болѣе выдвинуло на видъ Гамбетту. Извѣстна исторія этой парламентской кампаніи, во время которой Гамбетта и Эмиль де-Жирарденъ подняли на ноги страну, одинъ—своимъ словомъ, второй—своимъ перомъ. Это лучшія страницы въ жизни оратора. Опираясь на все республиканское большинство, устрашая реакціонеровъ своими аттаками, оставаясь несокрушимымъ въ оборонительной тактикѣ противъ нихъ, онъ шагъ



Дача въ Виль-д'Авре, гдѣ умеръ Гамбетта.

за шагомъ преслѣдовалъ реакцію, которая, собравшись съ послѣдними силами, подкапывалась подъ республику; онъ разоблачалъ ея козни, разсѣкалъ ея замыслы, съ помощью которыхъ заговорщики надѣялись захватить управленіе въ свои руки, и своимъ громовымъ голосомъ напередъ пригвоздилъ къ позорному столбу конспираторовъ, надъ которыми приговоръ самой націи разразился нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 14-го октября.

Послѣ отставки Макъ-Магона, въ январѣ 1879 г., Гамбетта, сдѣлавшись президентомъ палаты, могъ бы взять въ свои руки власть. Онъ, однако, предпочитаетъ ждать, пока въ сенатѣ республиканцы

являтся въ большинствѣ. Этотъ періодъ политической карьеры оратора отмѣченъ двумя рѣчами, сопровождавшимися двумя событіями: возвращеніемъ обѣихъ палатъ въ Парижъ и амнистіей коммунарамъ. Затѣмъ, великій ораторъ, главный вождь республиканской партіи, смолкъ. Онъ только изрѣдка сталъ появляться на трибунѣ. Остальное извѣстно. Это—исторія почти вчерашняго дня. Онъ фактически управлялъ страною. Апогеемъ его могущества явилось путешествіе въ Кагоръ. Чиновники, судьи, духовенство, населеніе повергались ницъ передъ нимъ. Популярность гражданина не могла идти дальше. И чтò бы ни говорили вражда и партіозная зависть противъ его кратковременнаго управленія кабинетомъ Франціи, политика его стремилась быть политикой законной силы и убѣжденія, правительственной энергіи и свободы, политикой зоркаго вниманія ко всему, что необходимо для поддержанія и спасенія традицій родины, политикой рѣшительной инициативы во всемъ, что требовалось новымъ порядкомъ вещей, политикой миролюбія и гордости именемъ Франціи. И, не дожидаясь приговора исторіи, мы все-таки должны признать, что внезапное исчезновеніе такого великаго ума составляетъ истинное несчастіе не только для дѣла, которому служилъ этотъ умъ, не только для всѣхъ партій, которыя могучій противникъ заставляетъ возвышаться надъ мелочными дрязгами, но и для страны, нуждающейся въ силахъ. Сверхъ того, въ какихъ бы слабостяхъ ни обвиняли Гамбетту, въ особенности въ послѣдніе годы его политической карьеры, онъ все-таки останется первымъ величайшимъ изъ современныхъ ораторовъ. Обладая всѣми физическими качествами трибуна, сильнымъ, глубокимъ, груднымъ голосомъ, энергическими жестами, удивительной игрой физіономіи, изобильнымъ краснорѣчіемъ, онъ представлялъ замѣчательное зрѣлище на трибунѣ. Прежде чѣмъ начать говорить, онъ удалялся въ глубину довольно просторной трибуны и озиралъ палату своимъ сверкающимъ чернымъ глазомъ, затѣмъ изъ широкой груди, на которой скрещены руки, вылетали первыя гладкія фразы. Послѣ краткаго вступленія, онъ прямо переходилъ къ предмету спора и, нанося первый ораторскій ударъ своему противнику, вдругъ точно прыгалъ къ рѣшеткѣ трибуны. Къ дѣйствію слова тутъ присоединялось дѣйствіе внезапно появлявшейся изъ полутьмы фигуры, единственный блестящій глазъ которой металъ молніи на противника, а вдаль распростертыя руки какъ бы готовились къ удару. Гамбетта обладалъ чрезвычайнымъ присутствіемъ духа и находчивостью. Посреди шума самыхъ скандальныхъ сценъ его ухо умѣло уловить каждое оскорбительное замѣчаніе; онъ тотчасъ же называлъ противника по имени и казнилъ неожиданной насмѣшкою. При частыхъ перерывахъ и восклицаніяхъ, обычныхъ во французской палатѣ, каждая рѣчь Гамбетты превращалась въ горячій діалогъ, въ которомъ острыя эпиграммы вылетали точно ракеты въ фейерверкѣ. Онъ не оста-

вался на трибунѣ ни минуты спокойнымъ; какъ левъ въ клѣткѣ метался онъ по ней, то хватаясь обѣими руками за рѣшетку, какъ будто желая сломать ее, то будто собираясь выпрыгнуть въ залу, чтобы растерзать противника, а между тѣмъ могучій голосъ оратора гремѣлъ безостановочно, безъ паузы.

Всѣмъ этимъ Гамбетта ближе всѣхъ нынѣшнихъ политическихъ ораторовъ приближается къ идеалу древнихъ ораторовъ. Его настоящее мѣсто было бы на античномъ форумѣ.

Ѳ. В.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

MASSERAS. WASHINGTON ET SON OEUVRE. PARIS. 1882.

АВТОРЪ книжки, заглавіе которой мы выписали, не считаетъ возможнымъ сказать что либо новое о Вашингтонѣ послѣ того, какъ судьба этой личности изучалась всесторонне лучшими историками эпохи. Его задача иная. Онъ имѣетъ въ виду изучить ту сторону дѣятельности знаменитаго американца, которая направлена была на созданіе государственныхъ учрежденій, найти въ средствахъ, употребленныхъ имъ, тайну успѣха, которымъ она сопровождалась и дать живой урокъ своимъ современникамъ, урокъ, необходимый въ виду того, что соотечественники автора, по его мнѣнію, обладаютъ привычкой стремиться въ двадцать четыре часа достигнуть преимуществъ, которыми обладаетъ та или другая нація, и жаловаться на свою неспособность и вырожденіе, если операція оказывается неудачной. Этюдъ о Вашингтонѣ долженъ показать, сколько усилій потрачено націями, которыя вошли въ мирную гавань прежде, чѣмъ онѣ достигли своей цѣли; по своему исполненію онъ представляетъ сжатую біографію великаго человѣка, пересыпанную по мѣстамъ размышленіями автора. Разсказъ начинается съ того момента, когда Вашингтонъ принимаетъ на себя предводительство военными силами Виргиніи въ борьбѣ съ сосѣдями и пріобрѣтаетъ довѣріе согражданъ, несмотря на рядъ неудачъ, которыми сопровождался его дебютъ на военномъ поприщѣ. Не входя въ подробности, авторъ констатируетъ затѣмъ то обстоятельство, что Вашингтонъ, несмотря на свое неблестящее прошлое, пріобрѣтаетъ популярность въ странѣ,

лишенной сообщеній, среди разсѣяннаго населенія, раздѣленнаго огромными разстояніями, разностью происхожденія, противоположностью интересовъ,—популярность, доставившую ему званіе предводителя соединенныхъ силъ колоній въ борьбѣ за независимость. Мы узнаемъ далѣе, какъ вопреки своимъ личнымъ вкусамъ, среди недовѣрія колонистовъ, выражавшагося въ желаніи, чтобы по окончаніи войны Вашингтонъ сложилъ порученную ему власть и занялъ мѣсто среди мирныхъ гражданъ, съ арміей, не имѣвшей ни вооруженія, ни провіанта, уменьшающейся съ каждымъ мѣсяцемъ въ числѣ, онъ ведетъ борьбу до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ союзъ съ Франціей и на помощь возставшимъ не прибыли французскія войска; какъ потомъ, съ прибытіемъ французовъ, его дѣятельность парализуется конгрессомъ, состоявшимъ изъ людей, въ борьбѣ партій и спекулятивной горячкѣ забывавшихъ о существеннѣйшихъ интересахъ страны, не обращавшихъ вниманія на возрастающіе долги, паденіе фондовъ, потерю кредита, разстройство финансовъ. Послѣ сжатаго очерка военной дѣятельности Вашингтона, авторъ переходитъ къ своей главной задачѣ, обращая вниманіе читателей прежде всего на то, что, будучи монархистомъ по убѣжденіямъ, предводитель американской арміи отклоняетъ вышедшее изъ рядовъ ея предложеніе принять королевскій титулъ, отклоняетъ изъ любви къ родинѣ въ такое время, когда достаточно было будто бы одного слова, чтобы сдѣлаться королемъ (?). Эту черту характера Вашингтона Массера выставляетъ на видъ, разсказывая о томъ, какъ уклонялся онъ отъ власти, когда на него обратились всѣ взоры съ надеждой, что онъ спасетъ конфедерацію, обремененную милліарднымъ долгомъ, безсильную выдержать конкуренцію съ Англіей на своихъ собственныхъ рынкахъ, начинающую разлагаться вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ частей возвратить себѣ автономію,—когда для того, чтобы завладѣть властью, не требовалось ни насилія, ни coup d'état. Разъ только уклончивость Вашингтона въ отношеніи общественныхъ дѣлъ поставила его біографа въ затрудненіе. Какими мотивами обусловливался отказъ Вашингтона отъ участія на учредительномъ собраніи въ Филадельфіи, въ качествѣ депутата отъ Виргиніи, Массера затрудняется объяснить, и потому не сопровождаетъ изложеніе этого эпизода поучительными примѣчаніями. Характеризуя дѣятельность Вашингтона на учредительномъ собраніи, авторъ рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ другую черту своего героя: энергическое преслѣдованіе точно опредѣленной общей цѣли среди хаоса страстей и и увлеченія мѣстными интересами, которое обнаруживали члены собранія, стойкость въ виду оппозиціи, которую встрѣтила созданная имъ конституція со стороны составныхъ частей государства, недовольныхъ ограниченіемъ своихъ мѣстныхъ привилегій, и умѣренность въ оцѣнкѣ совершеннаго дѣла, выразившуюся въ письмѣ

къ Лафайету: «Я не съ такимъ энтузіазмомъ увлекаюсь конституціей, чтобы не видѣть ея недостатковъ,—но если эти недостатки и существуютъ, они не радикальны». Дѣятельность Вашингтона въ качествѣ президента пользуется особенной симпатіей его біографа. Массера съ восхищеніемъ разсказываетъ о томъ, что Вашингтонъ среди овацій, которыми сопровождалось его прибытіе на постъ, не забывалъ о возможности другаго отношенія къ нему, предвидѣлъ разочарованіе и обвиненія со стороны толпы, что, будучи монархистомъ по преданіямъ, властелиномъ по природѣ, централизаторомъ по убѣжденіямъ, онъ подъ давленіемъ обстоятельствъ все болѣе и болѣе становился на республиканскую дорогу, при составленіи министерства не увлекся интересами партіи или стремленіемъ имѣть въ своемъ распоряженіи посредственностей, несогласныхъ между собою по воззрѣніямъ, и призвалъ, не взирая на убѣжденія людей, которые своимъ примѣромъ и соединенными усиліями могли бы содѣйствовать развитію національнаго чувства насчетъ частныхъ стремленій, а цѣною взаимныхъ уступокъ создать законодательство, прочно гарантировавшее конституцію, не прибѣгнувъ къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ людей, которые, недовольные его политикой относительно Франціи и Англіи, называли его печатно измѣнникомъ, англійскимъ агентомъ и бросали тѣнь на его безкорыстіе, и наконецъ, вновь завоевавъ расположеніе націи успѣхами своей внѣшней и внутренней политики, сложилъ власть для того, чтобы не сдѣлаться представителемъ партіи и не обратить въ пустую формальность періодическіе выборы властей республики. Бѣглый обзоръ содержанія книжки показываетъ, что, если авторъ стремится дать своимъ современникамъ поученіе примѣромъ, вызвать въ нихъ болѣе или менѣе продолжительное желаніе послѣдовать этому примѣру, то онъ далекъ отъ достиженія этой цѣли. Такъ какъ каждый историческій фактъ является: 1) результатомъ взаимодѣйствія общественныхъ силъ и 2) обладаетъ способностью вызывать въ воспринимающемъ лицѣ тѣ или другія чувствованія (эмоціи), то онъ можетъ быть или объектомъ научнаго изслѣдованія, или орудіемъ дидактики. Противъ эксплуатаціи историческаго матеріала съ воспитательными цѣлями нельзя протестовать, конечно; исторической дидактикѣ принадлежитъ по праву первое мѣсто между орудіями общественнаго воспитанія, но выдѣленіе ея изъ научно-историческихъ изслѣдованій составляетъ существеннѣйшее условіе прогресса нашей науки. Массера, повидимому, понимаетъ и необходимость, и возможность такого выдѣленія, такъ какъ съ первыхъ же строкъ своего этюда опредѣляетъ его задачу и характеръ; исполненіе показываетъ, однако, что ему незнакомы существеннѣйшія требованія исторической дидактики. Поученіе историческими примѣрами основано на убѣжденіи, что человѣкъ—господинъ своихъ дѣйствій и только злая воля дѣлаетъ его рабомъ своихъ

страстей, ставить его дѣятельность въ противорѣчіе съ долгомъ и благомъ общества; оно основано далѣе на наблюденіи того дѣйствительнаго вліянія, которое оказываетъ на чувства и волю созерцаніе борьбы, происходящей въ человѣкѣ между альтруистическими и эгоистическими побужденіями, и торжества первыхъ. Отсюда опредѣляется задача историко-дидактическаго произведенія—дать альтруистическое направленіе чувствамъ и волѣ читателя, вызвавъ въ немъ симпатическое подражаніе или соревнованіе картиной торжества человѣка надъ своими эгоистическими стремленіями; отсюда же опредѣляется сфера явленій, которыми должна оперировать историческая дидактика — явленій, въ которыхъ такъ или иначе выражается внутренняя борьба, заканчивающаяся въ пользу интересовъ общества; отсюда опредѣляется, наконецъ, и характеръ изложенія—разсказъ, сопровождающійся вполнѣ цѣлесообразно лирическими изліяніями автора, назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы усилить сочувствіе къ изображаемымъ явленіямъ. Въ книжкѣ Массера интимной сторонѣ жизни Вашингтона удѣлено между тѣмъ чрезвычайно мало вниманія, и читатель знакомится или прямо съ фактомъ, вызывающимъ восторгъ автора, не будучи посвященъ въ ту внутреннюю борьбу, результатомъ которой онъ является, или же видитъ этотъ фактъ, какъ результатъ такихъ причинъ, которыя не могутъ сдѣлаться предметомъ подражанія — природныхъ склонностей, обстоятельствъ. Мало того. Авторъ разрушаетъ одной рукой то, что созидаетъ другой. Задавшись цѣлью написать дидактическое произведеніе, онъ изображаетъ отдѣльные моменты дѣятельности Вашингтона не какъ результатъ свободнаго самоопредѣленія, а какъ слѣдствіе природныхъ наклонностей и обстоятельствъ, забывая, что детерминизмъ и дидактика несовмѣстимы, что странна претензія дать волѣ читателя данное направленіе, говоря ему, что это направленіе у такого-то лица есть результатъ обстоятельствъ (можетъ быть, совершенно непохожихъ на тѣ, въ которыхъ находится поучаемое лицо). Читатель-историкъ съ грустью долженъ признаться, что Массера не удалось разрѣшить практически проблему выдѣленія дидактическаго элемента изъ историческаго изслѣдованія.

Duruy. Histoire des romains depuis les temps les plus reculés jusqu'a l'invasion des barbares. Livraisons 216—235. Paris. 1882.

Иллюстрированное изданіе «Исторіи римлянъ» Дюрюи представляетъ одно изъ явленій, которыми такъ богата современная историческая литература. Масса рисунковъ, составляющихъ съёмки со статуй боговъ и историческихъ дѣятелей, съ фресокъ, рисующихъ сцены обыденной жизни, съ памятниковъ архитектуры, служитъ для оживленія текста и даетъ возможность перенестись мысленно въ далекую эпоху, которая изображается въ книгѣ. Но,

если мы обратимся къ содержанію книги, то намъ представится обычное зрѣлище человѣка, изнемогающаго подъ тяжестью взятыхъ на себя обязанностей. Эпоха, характеристика которой составляетъ содержаніе взятыхъ выпусковъ, является однимъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи человѣчества по сочетанію и качеству факторовъ, опредѣлявшихъ развитіе общества, по величію соціологическихъ задачъ, которыя ставила и извѣстнымъ образомъ разрѣшала жизнь. Это—эпоха Антониновъ. Изслѣдованію историка подлежитъ огромный общественный аггрегатъ, сложившійся изъ самыхъ разнородныхъ общественныхъ единицъ, изъ которыхъ однѣ только начинали еще жизнь, какъ кочевыя или полукочевыя кельтскія и германскія племена, и высоко цѣнили свою индивидуальность и свободу, хотя не всегда имѣли возможность отстоять ихъ, другія растратили силы въ вѣковой борьбѣ за преобладаніе и индивидуальность и покорно входили въ составъ то одного, то другаго государства, какъ провинціи Востока. Внутри этого огромнаго аггрегата совершается процессъ интеграціи: съ бо̀льшей или меньшей скоростью сглаживаются различія въ степеняхъ культуры, на которыхъ находились отдѣльныя части аггрегата. Покрытая жалкими хижинами, населенная племенами, которыя еще при Августѣ были незнакомы съ земледѣліемъ и не умѣли утилизировать продуктовъ скотоводства, Британія при Антонинахъ является покрытой городами, храмами, портиками, школами и снабжаетъ Галлію продуктами земледѣльческой культуры. Въ странахъ, незнакомыхъ съ муниципальнымъ режимомъ—въ Нумидіи, Мавританіи, Испаніи, въ долинахъ Альпъ, по берегамъ Рейна и Дуная изчезаетъ старое дѣленіе на племена и трибы, разсѣянное населеніе получаетъ въ муниципіяхъ центры, гдѣ его гражданскіе и религіозные интересы охраняются имъ самимъ избранными представителями магистратуры, гдѣ его жизнь въ то же время находится подъ наблюденіемъ правителя провинціи; лузитанскіе горцы покидаютъ свои родныя возвышенности и спускаются въ долины, гдѣ устроиваютъ города. Провинціалы усвоиваютъ греко-римскую культуру и даютъ Риму ораторовъ, философовъ, поэтовъ, полководцевъ и императоровъ. Одновременно съ устраненіемъ причинъ, противодѣйствующихъ интеграціи, мы видимъ дѣйствіе другихъ, объединяющихъ единицы, входящія въ составъ государства, въ стремленіи къ общей цѣли—благу ближняго. Философія проповѣдуетъ о равенствѣ людей, взаимной любви и помощи; христіанство пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и создаетъ общины на началахъ равенства и взаимной любви; ростъ альтруистическихъ чувствъ въ языческой средѣ выражается въ массѣ корпорацій и братствъ, объединявшихъ братскими узами свободныхъ и рабовъ, въ идеалахъ и практикѣ государственнаго управленія такихъ императоровъ, какъ Антонинъ и Маркъ Аврелій. По отношенію къ окружающему этотъ аггрегатъ не имѣетъ прочныхъ

естественныхъ границъ и открыть наступающимъ варварамъ—германцамъ и пареамъ, открыть въ такое время, когда въ немъ потухаютъ воинственные инстинкты, а фискъ иногда не имѣетъ средствъ для уплаты наемникамъ. Въ исторіи бѣгло характеризованной нами эпохи масса матеріала для разрѣшенія самыхъ существенныхъ соціологическихъ вопросовъ: о результатахъ взаимодѣйствія рѣзко различающихся по высотѣ культуръ, о значеніи для развитія общества моральныхъ отвлеченностей, о значеніи личности, какъ фактора общественной эволюціи, о вліяніи накопленія альтруистическихъ чувствъ и развитія промышленности на способность общества къ борьбѣ за существованіе и т. д. Если авторъ, едва касаясь подобныхъ вопросовъ, останавливается съ большимъ вниманіемъ на рѣшеніи вопроса о томъ, развратницы были или добродѣтельныя женщины Фаустина младшая и Фаустина старшая, то виною этого является ходячее убѣжденіе, что исторія есть какой-то верховный трибуналъ и на историкѣ лежитъ обязанность раздавать направо и налѣво оправдательные или обвинительные вердикты. Это убѣжденіе составляетъ одно изъ идейныхъ переживаній, отъ которыхъ должна освободиться наука въ своемъ развитіи, и имѣетъ очень древнее происхожденіе. Въ основаніи его лежитъ: 1) чувство удовольствія, которое испытываетъ человѣкъ отъ одобренія своихъ дѣйствій, и страданія отъ неодобренія; 2) представленіе, что и по смерти онъ такъ же живо будетъ чувствовать отношеніе потомства къ своей дѣятельности (въ грубой формѣ эта идея выражается въ ходячемъ убѣжденіи русскаго народа, что при порицаніи памяти умершаго поворачиваются его кости въ гробу); отсюда страхъ—предъ судомъ потомства и стремленіе представить въ приличномъ видѣ на судъ его свою дѣятельность. Потомство, недовольное тѣмъ или другимъ умершимъ лицомъ, позоря его память, чувствовало удовлетвореніе въ убѣжденіи, что причиняетъ страданіе и, такимъ образомъ, мститъ покойнику. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣческія дѣянія стали записываться и сдѣлались доступны только немногимъ, эти немногіе приняли въ свою монополію права, принадлежащія потомству, сохраняя убѣжденіе въ ихъ реальности. Всякій догадается, что этими представителями потомства par excellence были біографы и историки (повѣствователи). Времена измѣнились, представленія объ отношеніи умершаго къ міру измѣнились вмѣстѣ съ ними, но право суда сохранилось за историками и до сихъ поръ, и, видя то удовлетвореніе, которое испытываетъ историкъ, опозоривши или поставя на пьедесталъ умершаго историческаго дѣятеля, то страстное чувство, съ которымъ онъ обвиняетъ или защищаетъ личность, пользующуюся его антипатіей или симпатіей, мы невольно думаемъ, что въ немъ сохранились еще въ безсознательной формѣ чувства и идеи того дикаря, который наслаждался сознаніемъ реальнаго страданія, причиненнаго ненавистному покой-

нику поруганіемъ его памяти, что нужно еще много времени для освобожденія исторіи, какъ науки, занимающейся развитіемъ общества, отъ лохмотьевъ ея старой одежды.

Das Staatsarchiv. Herausgegeben von H. Delbrück. Bd. XL. 1882.

Изданіе, заглавіе котораго выписано нами, представляетъ собою собраніе оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ современной исторіи. Въ шести тетрадяхъ, составляющихъ сороковой томъ, заключаются торговые договоры Германіи съ Австро-Венгріей, Швейцаріей и Китаемъ, избирательныя воззванія партій: центра нѣмецкой консервативной, національ-либераловъ, объявленіе сецессіонистовъ о выходѣ изъ партіи національ-либераловъ, тронную рѣчь при открытіи рейхстага, читанную 27-го апрѣля 1882 года, программу сецессіонистовъ. Изъ документовъ, касающихся исторіи Англіи, слѣдуетъ отмѣтить переговоры между Англіей и Соединенными Штатами относительно ирландской агитаціи въ Штатахъ, относительно арестованныхъ въ Ирландіи американскихъ подданныхъ, дипломатическую переписку съ Турціей относительно реформъ въ Арменіи, относительно преслѣдованія торговли невольниками въ Африкѣ, переписку по поводу заключенія новаго торговаго трактата съ Франціей, текстъ конвенціи, заключенной 3-го августа 1881 года съ Трансваальской республикой относительно возстановленія ея автономіи. Въ содержаніе того же тома входитъ дипломатическая переписка Россіи съ Англіей по средне-азіатскому вопросу и документы, касающіеся отношеній между Турціей и Египтомъ. Перечень документовъ показываетъ, что читатель, ознакомившись съ содержаніемъ указаннаго тома «Государственнаго Архива», можетъ составить себѣ довольно ясное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ и тѣхъ факторахъ, которыми опредѣляются эти отношенія. Менѣе удачной оказалась бы попытка читателя ознакомиться на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ данномъ сборникѣ, съ внутренней жизнью европейскихъ государствъ. Кромѣ нѣскольких тронныхъ рѣчей, въ которыхъ намѣчается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ состояніе отдѣльныхъ государствъ, сборникъ даетъ нѣкоторые матеріалы для ознакомленія съ взаимными отношеніями партій въ Германіи и съ ихъ задачами.

И. Смирновъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Письма митрополита московскаго Филарета къ роднымъ 1800—1866 гг. Москва. 1882 г.

ВЪ КОНЦѢ истекшаго года исполнилось столѣтіе со дня рожденія одного изъ знаменитѣйшихъ представителей русской духовной іерархіи—покойнаго митрополита московскаго Филарета. Въ виду этого обстоятельства, всѣ новые факты и документы, имѣющіе то или другое отношеніе къ его личности и жизни, получаютъ особенный, двойной интересъ. До сихъ поръ мы знали митрополита Филарета, какъ великаго духовнаго оратора, какъ глубокаго ученаго по разнымъ отраслямъ богословской науки, наконецъ, какъ администратора, который умѣлъ отстаивать при разныхъ случаяхъ дѣло своего служенія и религіозно-нравственные интересы, ввѣренные его попеченіямъ... Изданная въ настоящее время переписка его знакомитъ насъ съ его личностью именно съ той стороны, съ которой мы доселѣ почти совершенно не знали его—съ его отношеніями къ близкимъ ему по крови и съ кругомъ его родства. Приводимъ нѣсколько строкъ предисловія, въ которомъ издатели объясняютъ, между прочимъ, цѣль изданія частныхъ писемъ митрополита. „Немало колебались мы,“ говорятъ они, „печатать ли письма почившаго преосвященнѣйшаго Филарета къ его роднымъ, никогда, конечно, не назначавшіяся самимъ авторомъ къ печати. Но мысль, что эти письма въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно по отношенію къ ученической и первымъ годамъ общественной жизни почившаго, составляютъ единственный, а въ другихъ—одинъ изъ немногихъ источниковъ, откуда могли бы опредѣлиться родственныя отношенія покойнаго, равно какъ и первое время его самостоятельной жизни, утвердила насъ въ рѣшимости напечатать все, что сохранилось у насъ и отыскано нами изъ письменныхъ сношеній святителя съ его родными“. Но независимо отъ того, что письма эти представляютъ намъ нѣкоторыя новыя біографическія данныя касательно покойнаго митрополита, они даютъ намъ и новыя черты для оцѣнки его нрав-

ственной личности. Не говоря уже о той теплотѣ чувства, которая выражается на каждомъ шагу въ его письмахъ, и о томъ глубоко почтительномъ тонѣ, въ какомъ онъ относится къ отцу и матери,—переписка эта представляетъ много новыхъ фактовъ щедрой благотворительности Филарета. Еще состоя въ званіи архимандрита и баккалавра академіи, слѣдовательно располагая очень скромными средствами, онъ постоянно оказываетъ роднымъ денежную помощь... Рѣдкое письмо не заключаетъ въ себѣ увѣдомленія объ отсылкѣ иногда довольно значительной по тому времени суммы на помощь роднымъ.

Помѣщаемъ (въ сокращеніи) весьма интересное письмо Филарета къ брату, писанное имъ по поводу щекотливаго и тяжелаго служебнаго порученія, даннаго этому послѣднему. Изъ содержанія письма митрополита видно, что оно писано по слѣдующему случаю. Въ одномъ изъ духовныхъ училищъ умеръ ученикъ послѣ наказанія розгами, и брату Филарета поручено было произвести слѣдствіе. Какъ можно догадываться изъ нѣкоторыхъ филаретовскихъ выраженій, братъ спрашивалъ у митрополита совѣта: нельзя ли ему при производствѣ слѣдствія не раскрывать истины, или какъ поступить такъ, чтобы съ одной стороны не отвѣчать передъ совѣстью, а съ другой избѣжать крайне тяжелаго положенія—явиться формальнымъ обвинителемъ по такому дѣлу, за которое законъ полагаетъ слишкомъ тяжелую уголовную кару. Отвѣтъ Филарета даетъ намъ новую черту для характеристики его нравственной личности. Вотъ это письмо. „Спѣшу сказать нужное по дѣлу о умершемъ послѣ розгъ. Первое слово: судія долженъ говорить правду, не страшась людей, а предоставивъ послѣдствія правосудному Богу. Второе слово: если ищете способа уклониться отъ непріятностей, не оскорбя совѣсти, можете сказать, что, какъ происшествіе было въ училищѣ, а училище имѣетъ свое начальственное мѣсто, то, не приступая къ разсмотрѣнію—представить епархіальному архіерею, будетъ ли приказано разсматривать оное въ духовномъ правленіи, или передать предварительно въ семинарское правленіе. Можетъ быть, есть и еще способъ выйти изъ сего, именно: сказать, что хотя слѣдствіе не полно, но какъ благовременность уже пропущена, то остается рѣшить дѣло по тѣмъ обстоятельствамъ, какія есть въ дѣлѣ; но годится ли сей способъ, рѣшительно сказать нельзя безъ разсмотрѣнія самаго дѣла“.

Охарактеризовать содержаніе всей коллекціи писемъ Филарета къ роднымъ можно въ немногихъ словахъ. Одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ извѣстіе о пособіи, посылаемомъ отцу или матери, другія—поздравленіе съ большими праздниками или съ именинами, третьи, наконецъ, составляютъ сообщеніе о жизни и личныхъ обстоятельствахъ ихъ автора въ данный моментъ. Не представляя особеннаго интереса общественнаго, письма Филарета даютъ тѣмъ не менѣе во многихъ отношеніяхъ существенно важный матеріалъ для будущихъ біографовъ этого замѣчательнаго пастыря, оратора, ученаго и политическаго дѣятеля.

Д. Л.

Медея, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ, А. Суворина и В. Буренина. Спб. 1883.

Въ преданіяхъ древней Эллады есть имена, надъ которыми одинаково задумывается поэтъ и мыслитель, есть типы, которые любятъ воспроизводить писатели и художники. Къ такимъ типамъ высокой творческой фантазіи классическаго міра

принадлежатъ Ифигенія, Клитемнестра, Федра, Электра, Медея. Писатели всѣхъ вѣковъ, различныхъ націй, не разъ возсоздавали эти величавые образы, невольно приковывающіе вниманіе читателей исторіею своихъ приключеній, трагическою борьбою съ гнетущею ихъ судьбой, съ роковою силою неотвратимыхъ бѣдствій. Характеры эти привлекали къ себѣ чертами, общими всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Жена, убивающая мужа, сестра, жертвующая всѣмъ для спасенія брата, мать, принужденная убить своихъ дѣтей, — такіе типы могли существовать во всѣ времена. Возвращаться къ нимъ нерѣдко заставляло писателей желаніе объяснить поступки ихъ съ современной точки зрѣнія, найти въ этихъ характерахъ черты, упущенныя изъ вида или неразъясненныя прежними авторами. Намъ кажется, что скорѣе эти причины заставили авторовъ новой „Медеи" еще разъ вывести на сцену этотъ трагическій типъ, нежели картинность древней жизни или цѣль поученія современниковъ. „Что дѣлалось въ области чувства нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ—говорятъ авторы въ предисловіи—то дѣлается и теперь, и иногда нисколько не мягче. Развѣ мужья не оставляютъ своихъ женъ, развѣ жены не мстятъ, развѣ матери не убиваютъ своихъ дѣтей, а присяжные ихъ не оправдываютъ?" И „Медея" написана именно съ цѣлью, чтобы ее оправдали присяжные. Она представлена необыкновенно сильною натурою, не ниже героя Язона по силѣ воли и сильнѣе по уму. Въ изображеніи ея характера авторы однако не во всемъ слѣдовали Еврипиду, олицетворившему въ этомъ типѣ „необыкновенный умъ, рѣшительную логику, любовь, не знающую предѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ полную нѣжности, сильный протестъ противъ порабощенія женщинъ". Все это дѣйствительно соединено въ Медеѣ и выражено сильно и рельефно. Только нѣжность придана ей современными, а не греческимъ авторомъ. У Еврипида неукротимый характеръ Медеи высказывается съ первыхъ словъ ея: „О, будьте прокляты, говоритъ она, дѣти ненавистной матери. О! да погибните вы вмѣстѣ съ отцомъ и со всѣмъ домомъ. Что за польза оставаться мнѣ въ жизни. Ты, Ѳемида, и ты, Артемида, будьте свидѣтельницами того, что̀ я терплю отъ проклятаго супруга... О, если-бъ онъ и его невѣста погибли со всѣмъ домомъ! Тотъ, въ комъ я видѣла все самое лучшее,—мой супругъ, оказался самымъ негоднымъ изъ людей... Мы, женщины, самыя несчастныя существа: за деньги мы должны покупать себѣ мужей; затѣмъ, покупая, мы все-таки не знаемъ, покупаемъ хорошаго или дурного" (Переводъ профессора Тихоновича. Харьковъ. 1861 г.). Послѣ разговора съ Креономъ, позволившимъ ей еще день остаться въ Коринѳѣ, она смѣется надъ его довѣрчивостью и прямо говоритъ хору, что погубитъ трехъ своихъ враговъ: отца, невѣсту и своего мужа. При первомъ свиданіи съ Язономъ, она осыпаетъ его самыми язвительными упреками, называетъ безстыднымъ, презрѣннѣйшимъ изъ людей, припоминаетъ все, чѣмъ она ему пожертвовала, говоритъ о его ἀνανδρία. Собираясь отравить соперницу и ея отца, она думаетъ убить и своихъ дѣтей. Напрасно хоръ отклоняетъ ее отъ дѣтоубійства... „Этимъ путемъ только, говоритъ она, я поражу мужа въ самое чувствительное мѣсто — и напрасны всѣ дальнѣйшія рѣчи". Только въ минуту совершенія преступленія въ ней возникаетъ борьба злобы и мести съ материнскимъ чувствомъ, но и эта борьба непродолжительна. Преобладающее чувство въ ней—мщеніе; любовь къ дѣтямъ стоитъ на второмъ планѣ, и напрасно профессоръ Тихоновичъ и другіе коментаторы видятъ въ ней любовь къ мужу. Послѣ измѣны этого холоднаго эгоиста, она не могла ничего чувствовать къ нему, кромѣ презрѣнія. Такъ понималъ и изобразилъ Медею греческій трагикъ. Римскій трагикъ (Сенека)

сдѣлалъ изъ нея волшебницу, которую преслѣдуютъ призраки убитаго ею брата и дяди Язона и которая убиваетъ дѣтей въ припадкѣ безумія. Французскіе трагики: Лаперюзъ, Корнель, Лонжепьеръ, Ипполитъ Люка, итальянскіе Никколини и Делла Валле, нѣмецкіе Грильпальцеръ и Клингеръ слѣдовали Еврипиду въ главныхъ сценахъ своихъ трагедій. Только Легуве ввелъ въ свою „Медею" соперничество Медеи и Креузы (у Еврипида дочь Креона не играетъ никакой роли). Онъ также старался найти облегчительныя обстоятельства дѣтоубійства въ томъ, что изгоняемой Медеѣ позволяютъ взять съ собой одного ребенка. Она сама не можетъ сдѣлать выбора и спрашиваетъ дѣтей: кто изъ нихъ хочетъ слѣдовать за нею. Оба мальчика заявляютъ тогда, что хотятъ остаться съ доброй Креузой. Это окончательно приводитъ ее въ бѣшенство и она убиваетъ ихъ. Трагедію эту имѣла случай видѣть петербургская публика въ переводѣ Монтанелли на итальянскій языкъ, когда роль Медеи играла высокоталантливая Ристори. Русскіе драматурги обработали этотъ сюжетъ своеобразно, согласно съ современными взглядами, и весьма удачно. У нихъ Медея прежде всего страстно любитъ Язона, несмотря на его измѣну. При первомъ свиданіи съ Креузой, она узнаетъ, что та никогда бы не уступила ей своего жениха, а при свиданіи съ Язономъ, онъ отталкиваетъ ее такъ, что она падаетъ, а самъ уходитъ съ Креузой. Потомъ онъ обвиняетъ Медею передъ царемъ даже въ такихъ преступленіяхъ, которыя она не совершала,—какъ убійство ея брата, Абсирта, погибшаго отъ рукъ аргонавтовъ (Еврипидъ также не обвиняетъ ее въ этомъ. Самое убійство дѣтей, по одному преданію, совершено коринѳянами, и они, чтобы снять съ своего города упрекъ въ преступленіи, уплатили пять талантовъ трагику за то, чтобы онъ въ своей пьесѣ приписалъ убійство Медеѣ). Настаивая, чтобы она покинула Коринѳъ, Язонъ предлагаетъ ей взять съ собою одного ребенка. Она отказывается, говоря, что оба равно ей милы и она не знаетъ, какъ разорвать свое сердце. Тогда они хотятъ спросить самихъ дѣтей—пусть они сами рѣшаютъ судьбу свою. „Между отцомъ и матерью дѣтей ты судьями поставить хочешь, чтобъ приманить ихъ ласкою, угрозой",—и опять отказывается, осыпая упреками мужа и царя. Когда же день отъѣзда ея назначенъ рѣшительно и она должна проститься съ дѣтьми—она посылаетъ Креузѣ отравленный нарядъ и вѣнокъ, зажигаетъ дворецъ и бѣжитъ съ дѣтьми на берегъ моря, чтобы спастись во время суматохи и скрыться изъ Коринѳа. Но за нею гонится Язонъ и хочетъ отнять дѣтей. Она клянется, что скорѣй отниметъ у нихъ жизнь, чѣмъ отдастъ низкому отцу—и бѣжитъ съ ними по скаламъ, но видя, что нѣтъ спасенія—закалываетъ ихъ за скалою, потомъ выбѣгаетъ въ ужасѣ на сцену. Язонъ называетъ ее убійцею.— „Ты убилъ ихъ!" отвѣчаетъ она и закалывается сама. Драма оканчивается словами философа, обращенными къ Язону: „Помни, что тобой загублены всѣ эти жертвы". Этотъ конецъ эфектный, естественный, заставляющій зрителя сожалѣть о Медеѣ—и простить ее. Во всей роли ея нѣтъ ни одного слова, ни одного намека на дѣтоубійство, и оно совершается въ послѣднюю минуту, необдуманно, въ пароксизмѣ отчаянія, въ припадкѣ самозабвенія, какъ единственный исходъ изъ безвыходнаго положенія. Все это психически вѣрно, и такая женщина, какъ Медея, доведенная до крайности, не могла поступить иначе. Дѣтоубійство является здѣсь роковою, но логическою развязкою. Преступленіе было неизбѣжно, но за нимъ должно было послѣдовать наказаніе— и Медея убиваетъ себя, а не отправляется, какъ у Еврипида, на колесницѣ Солнца къ царю аѳинскому Эгею или къ Геркулесу. Эта развязка русскихъ

драматурговъ вполнѣ удовлетворяетъ чувству справедливости, современнымъ сценическимъ условіямъ. Вообще, драма написана со знаніемъ сцены и должна произвести впечатлѣніе. Стихъ хорошъ и правиленъ, а въ лирическихъ мѣстахъ звученъ и ớбразенъ. Исполненіе такой роли потребуетъ сильнаго таланта съ большою энергіею.

В—ъ.

Письма изъ деревни. А. Н. Энгельгардта. Спб. 1882.

„Письма изъ деревни" А. Н. Энгельгардта, изданныя нынѣ отдѣльною книгой, представляютъ чрезвычайно живой интересъ. На нихъ можно взглянуть, отчасти, какъ на автобіографическій очеркъ, обнимающій собою періодъ десятилѣтней ссылки автора; отчасти, они представляютъ критику нынѣшняго способа веденія хозяйства, какъ помѣщичьяго, такъ и крестьянскаго; кромѣ того, они интересны и потому, что рекомендуютъ новую систему хозяйства, причемъ нельзя обойти безъ вниманія пророчество г. Энгельгардта о будущей роли интеллигенціи въ судьбахъ „деревни". Подробный всесторонній разборъ этой книги занялъ бы слишкомъ много мѣста. Глубокой бороздой проходитъ черезъ всѣ „Письма" мысль г. Энгельгардта о противоположности интересовъ мужика и помѣщика. Эта противоположность интересовъ служитъ въ настоящее время источникомъ борьбы и оскудѣнія обѣихъ сторонъ, но въ будущемъ она должна закончиться побѣдою мужицкаго хозяйства надъ помѣщичьимъ. Въ чемъ же состоитъ эта противоположность интересовъ? „Благосостояніе крестьянина вполнѣ зависитъ отъ урожая ржи.. Чѣмъ меньше ржи долженъ прикупить крестьянинъ, чѣмъ дешевле рожь, тѣмъ лучше для крестьянина Помѣщикъ, напротивъ, всегда продаетъ рожь, и отъ ржи, при существующей системѣ хозяйства, получаетъ главный доходъ. Слѣдовательно, чѣмъ дороже рожь, чѣмъ болѣе ея требуется, тѣмъ для помѣщика лучше. Масса населенія желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, а помѣщики, купцы-землевладѣльцы, богачи крестьяне, желаютъ, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ. Если бы благосостояніе крестьянъ улучшилось, если бы крестьяне не нуждались въ хлѣбѣ, что дѣлали бы помѣщики со своимъ хлѣбомъ? Если бы у крестьянина было достаточно хлѣба, то развѣ бы онъ сталъ обработывать помѣщичьи поля по тѣмъ баснословно низкимъ цѣнамъ, по которымъ обработываетъ ихъ теперь? Интересы одного класса идутъ въ разрѣзъ съ интересами другого. Для помѣщика важно не только то, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ — это, конечно, увеличиваетъ доходность, но важно еще и то, чтобъ былъ неурожай, чтобы у мужика не было хлѣба, чтобы мужикъ еще съ зимы долженъ былъ запродать свою лѣтнюю работу. Только тогда можно забрать мужика, надѣть на него хомутъ, ввести въ оглобли". Вотъ источникъ войны между помѣщикомъ и мужикомъ. „Съ одной стороны для мужика разоренье, если онъ долженъ лѣтомъ работать на другого; съ другой стороны помѣщикъ не можетъ вести своего хозяйства безъ лѣтней работы мужика". Вотъ великій законъ земледѣлія: урожай—мужикъ счастливъ, помѣщикъ печаленъ. Неурожай—мужикъ христопоклоненъ, помѣщикъ счастливъ. Вотъ основы системы батрачества. Какія бы измѣненія ни были внесены въ нее, мы думаемъ, что результаты, въ концѣ концовъ, будутъ одни и тѣ же. Но это положеніе, рѣзко выставляемое въ „Письмахъ" г. Энгельгардта, какъ будто упускается имъ самимъ изъ виду, когда она говоритъ о своей новой системѣ хозяйства.

При существованіи антагонизма между мужикомъ и помѣщикомъ, не все ли равно, прижимаетъ ли послѣдній перваго отрѣзками и выгонами, или держитъ себя помѣщикомъ на подобіе г. Энгельгардта, нуждаясь все-таки въ мужикѣ на лѣтнее время и отрывая его отъ собственнаго хозяйства? Не все ли равно, больше или меньше у помѣщика запашекъ, чѣмъ то количество, которое мужикъ можетъ отработать ему за отрѣзки, обработываетъ ли мужикъ помѣщичьи круги своими лошадьми и орудіями, или хозяйскими, измѣняетъ ли это сущность дѣла? Тотъ же вопросъ мы задаемъ себѣ, когда видимъ усилія г. Энгельгардта затемнить антагонизмъ интересовъ помѣщика и мужика разсужденіями о томъ, что сѣять: рожь или ленъ, подымать облоги сохой или плугомъ, распахиваться въ ширь или въ глубь, установить отношенія между мужикомъ и помѣщикомъ „по-божески" или „по условіямъ съ неустойками?" Точно также и другія подробности энгельгардтовскаго хозяйства мы не считаемъ сколько-нибудь устраняющими впервые высказанное имъ положеніе: или мужикъ, или панъ, или община, или собственникъ.

Самъ г. Энгельгардтъ признаетъ, что выходомъ изъ этого положенія будетъ исчезновеніе помѣщиковъ изъ деревни: продадутъ они лѣса, имѣнья сдадутъ въ аренду крестьянамъ, понакупятъ билетики и будутъ жить процентами или убѣгутъ на государственную службу. Но даже и этотъ выходъ г. Энгельгардтъ не считаетъ вполнѣ обезпечивающимъ бытъ мужика: земли у мужика будетъ больше; но, кромѣ земли, въ производствѣ большую роль играетъ капиталъ. Послѣдняго у мужика нѣтъ: капиталъ въ рукахъ „черномазыхъ помѣщиковъ", въ рукахъ Разуваевыхъ. Вотъ что въ этомъ случаѣ предвидитъ г. Энгельгардтъ: „Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, будь крестьяне надѣлены землей въ достаточномъ количествѣ, производительность громадно увеличится, государство станетъ очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдутъ къ артельному хозяйству и будутъ хозяйничать каждый дворъ въ одиночку, то и при обиліи земли между земледѣльцами-крестьянами будутъ и безземельные, и батраки. Скажу болѣе: полагаю, что разница въ состояніяхъ крестьянъ будетъ еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Несмотря на общинное владѣніе землей, рядомъ съ „богачами" будетъ много обезземеленныхъ фактически батраковъ—что же мнѣ или моимъ дѣтямъ въ томъ, что я имѣю право на землю, когда у меня нѣтъ ни капитала, ни орудій для обработки,—это все равно, что слѣпому дать землю — ѣшь ее!" Если народъ „слѣпъ", безпомощенъ даже при большемъ надѣлѣ земли, то что значитъ новая система помѣщичьяго хозяйства? Кого она гарантируетъ, въ концѣ концовъ, отъ той же „слѣпоты", той же безпомощности, въ которой цѣпенѣетъ нынѣ мужикъ? Всякій помѣщикъ будетъ процвѣтать тогда, когда найдетъ себѣ на лѣто батраковъ. Между тѣмъ самъ г. Энгельгардтъ характеризуетъ мужика счастливымъ лишь тогда, когда крестьянинъ просидитъ на „своемъ" хлѣбѣ до „нови", не закабаляя себя на лѣтнія работы. „Самое выгодное для крестьянъ это—если отрѣзки и выгоны они могутъ заарендовать на деньги или получить въ пользованіе за какія-нибудь зимнія работы—рѣзку или возку дровъ, грузку вагоновъ и т. п.,—что бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе купитъ какой-нибудь купецъ лѣсопромышленникъ, не занимающійся хозяйствомъ. Въ такомъ случаѣ, крестьяне тотчасъ поправляются, богатѣютъ, потому что, заплативъ за необходимые имъ выгоны и отрѣзки зимними работами, потомъ все лѣто работаютъ на себя, накашиваютъ много сѣна, арендуютъ земли подъ ленъ и хлѣбъ. Но, если

помѣщикъ самъ ведетъ хозяйство, то ни выгона, ни отрѣзковъ за деньги не отдаетъ, и требуетъ, чтобы крестьяне за выгоны и отрѣзки обработывали ему землю". Описывая „счастливый уголокъ", найденный г. Энгельгардтомъ вокругъ своего имѣнія, онъ прямо приписываетъ происхожденіе его разоренью окружныхъ помѣщиковъ, которые принуждены были бросить хозяйство, сдать землю крестьянамъ или продать лѣсъ на срубъ и такимъ образомъ открыть крестьянину сторонній заработокъ. Но сторонній заработокъ г. Энгельгардтъ считаетъ только подспорьемъ; заработки, доставляемые желѣзной дорогой и лѣсоторговцами, даютъ только толчекъ крестьянскому хозяйству. Главное же, что подымаетъ крестьянъ, это—когда помѣщикъ совсѣмъ бросаетъ имѣніе, сдаетъ землю въ аренду имъ, или купцу, который не ведетъ своего хозяйства, а передаетъ землю имъ же, разумѣется, съ барышемъ для себя. Мы не будемъ здѣсь указывать на то, какъ недостаточно этихъ причинъ, чтобъ крестьянинъ сталъ счастливымъ, но намъ важно согласиться на этомъ съ г. Энгельгардтомъ, чтобъ указать ему на собственное противорѣчіе. Если крестьянинъ живетъ смертью помѣщика, то какъ же „счастливый уголокъ" и новый помѣщикъ могутъ благодушествовать рядомъ? Г. Энгельгардтъ вѣдь самъ же говоритъ про себя: „я достигъ блестящихъ результатовъ, но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое" (стр. 307). Г. Энгельгардтъ допускаетъ, что въ будущемъ мужику будетъ легче жить, не будетъ нужды продавать себя помѣщику на страдную пору, и потому признается въ разговорѣ съ мужикомъ „счастливаго уголка" въ томъ, что чрезвычайно важно знать: „если бы всѣ такое хозяйство развели, какъ мое, такъ откуда бы батраковъ взять? Ты вотъ въ батраки не пойдешь, самъ норовишь гдѣ-нибудь землицы снять. Тоже изъ вашей деревни никто не пойдетъ, всѣ норовятъ облоги снимать". Такимъ образомъ, и старый, и новый помѣщикъ долженъ, рано или поздно, сбѣжать съ земли и предоставить ее тѣмъ, кто самъ обработываетъ ее своими руками, не нуждаясь въ батракахъ. Только такое хозяйство имѣетъ будущность и на него-то г. Энгельгардтъ призываетъ русскую молодежь. Критикъ одного либеральнаго журнала отвѣчаетъ на этотъ призывъ тѣмъ, что молодежь не откликнется на такую дѣятельность, такъ какъ „все дѣло сводится просто-на-просто къ одной изъ формъ порабощенія человѣка человѣкомъ". Это крайне несправедливо. Г. Энгельгардтъ призываетъ молодежь не на такое хозяйство, какое онъ самъ лично ведетъ: онъ не можетъ обойтись безъ батраковъ, его благосостояніе зависитъ отъ неурожая, а благосостояніе мужика отъ урожая. Г. Энгельгардтъ говоритъ молодежи: „нужно выработать въ себѣ такія качества, чтобы стать способнымъ обходиться въ жизни безъ мужика, нужно пріобрѣсти мужицкія ноги, руки, глаза, уши. Нужно выработать себя такъ, чтобы хозяинъ-мужикъ согласился нанять тебя въ батраки и далъ бы ту же цѣну, какую онъ даетъ батраку изъ мужиковъ. Достигнуть этого возможно. Уѣзжать въ Америку не нужно. Учиться работать нужно у мужика, работая среди мужиковъ, на ряду съ ними и при той же, по возможности, обстановкѣ. Несутъ же—должны нести—интеллигентные люди солдатскую службу наравнѣ съ мужикомъ. Не милуютъ же ихъ въ траншеяхъ подъ Плевной. Между интеллигентными людьми процентъ годныхъ въ земледѣльческую работу, по моему мнѣнію, не менѣе, чѣмъ между мужиками. Я убѣжденъ и убѣдился въ томъ на опытѣ, что при добромъ желаніи сдѣлаться земледѣльцемъ, при неустанной работѣ, здоровый, сильный, ловкій, неглупый человѣкъ изъ интеллигентнаго

класса можетъ въ два года пріобрѣсти качества средняго работника изъ мужиковъ". Интеллигентнымъ людямъ, которые выучатся работать по мужицки, не хотятъ служить въ канцеляріяхъ или заниматься „словестничествомъ", имѣя въ перспективѣ тюрьму или богадѣльню, г. Энгельгардтъ совѣтуетъ соединяться и образовывать деревни изъ интеллигентныхъ людей. Онъ говоритъ: „помѣстное хозяйство—и дворянское, и купеческое, и мѣщанское, всякое помѣстное хозяйство—не имѣетъ будущности. Общедеревенское крестьянское хозяйство въ настоящемъ его видѣ тоже ничего хорошаго не представляетъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи жизнь деревни не придетъ ли къ царству кулаковъ? Ни въ помѣстномъ, ни въ деревенскомъ хозяйствѣ никакого хозяйственнаго прогресса нѣтъ, да и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока существующее хозяйство не замѣнится артельнымъ хозяйствомъ на иныхъ новыхъ основаніяхъ. Понятно ли, что тутъ дѣло не въ той или другой системѣ полеводства или скотоводства, а въ самой сути, въ самыхъ основахъ". Предсказаніе г. Энгельгардта о неизбѣжной гибели помѣщичьяго хозяйства распространяется въ нашей литературѣ уже давно, такъ напр., нѣкто В. В. издалъ объ этомъ даже цѣлое самостоятельное изслѣдованіе. Онъ подобно г. Энгельгардту доказываетъ, что въ Россіи немыслимо хозяйство на коммерческихъ началахъ, т. е. на антагонизмѣ батрака и предпринимателя. Какъ повидимому ни безспорно разсуждаютъ гг. В. В., Энгельгардтъ и другіе, мы не можемъ сказать, чтобы вопросъ былъ окончательно рѣшенъ. Въ журналѣ „Русская Мысль" (октябрь, 1882 г.) была помѣщена статья А. Головачева: „Капитализмъ и крестьянское хозяйство". Авторъ находитъ, что нынѣшніе помѣщики „оскудѣваютъ" и не могутъ держаться на землѣ, но признаетъ, что будущее принадлежитъ поколѣнію помѣщиковъ, которое нарождается на смѣну старому. Наперекоръ г. Энгельгардту, В. В. и др., г. Головачевъ доказываетъ неизбѣжную гибель крестьянскаго хозяйства, если правительство цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ не оградитъ его отъ капиталистическаго хозяйства, которое имѣетъ у насъ самую благопріятную почву. Если крестьяне-земледѣльцы могутъ вести хозяйство артельно, то ненадо забывать, что предприниматели также могутъ вооружаться сконцентрированнымъ капиталомъ, порабощая въ экономической борьбѣ не только трудъ, но и мелкій капиталъ. Но главное возраженіе состоитъ въ томъ, что прежде чѣмъ крестьяне организуются и поймутъ, кто имъ врагъ и какъ съ нимъ бороться, они уже очутятся въ безвыходномъ положеніи и въ полной зависимости отъ капитала и знанья. Интеллигенція до сихъ поръ тратила капиталъ и свое умственное развитіе на банки, желѣзныя дороги, пароходы, на заводы подъ покровительствомъ тарифа и субсидіи; но въ настоящее время интеллигенція начинаетъ понимать, что земля, при приложеніи къ ней капитала и знанія, можетъ давать болѣе гарантированный доходъ, чѣмъ другія предпріятія. Г. Головачевъ призываетъ правительство поспѣшить на помощь къ крестьянству, пока послѣднее еще не закрѣпощено капиталистическимъ земледѣліемъ. Будущее рѣшитъ, правы ли г. Энгельгардъ и его единомышленники, съ такимъ оптимизмомъ предсказывающіе гибель каждаго предпринимателя на сельско-хозяйственномъ поприщѣ или, напротивъ, жестоко ошибаются.

А. И. Ф—овъ.

Полное собраніе сочиненій князя Александра Ивановича Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ Андр. Евг. Розенъ (съ дополненіями и примѣчаніями издателей, портретомъ и факсимиле князя А. И. Одоевскаго). Спб. 1883 г.

Въ исторіи русской литературы встрѣчаются имена, на которыхъ съ особеннымъ уваженіемъ останавливается читатель и мыслитель. Имена эти принадлежатъ лицамъ, не обладавшимъ блестящимъ талантомъ, но о каждомъ изъ нихъ можно сказать словами Гамлета: „человѣкъ онъ былъ“. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ двое Одоевскихъ: Владиміръ Федоровичъ и Александръ Ивановичъ. Первый и при жизни пользовался почетомъ и извѣстностью; судьба втораго была тяжела и печальна. Лучшіе годы жизни провелъ онъ въ тюрьмахъ и острогахъ, въ казематѣ Петропавловской крѣпости, читинской каторгѣ, петровской темницѣ за Байкаломъ, ссыльныхъ поселеніяхъ въ Тельмѣ и Ишимѣ, землянкахъ урочища Кара-Агачъ, на восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ, наконецъ, страданія одинадцатилѣтней острожной жизни въ Сибири свели его, на 36-мъ году, въ раннюю могилу, развивъ въ его слабомъ организмѣ, потрясенномъ внутренними волненіями, смертельную болѣзнь. Чего не могли сдѣлать каторжные работы и кандалы сибирскихъ рудниковъ, довершила эпидемическая горячка зловредной кавказской мѣстности. Потомокъ Рюрика, блестящій конногвардеецъ, цвѣтъ и краса русскаго общества, умиралъ подъ солдатской шинелью, вдали отъ родины, въ присутствіи двухъ товарищей, такихъ же ссыльныхъ, какъ онъ самъ, и также помилованныхъ — отдачею въ солдаты.

„И то, что онъ сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ его не понялъ ни единый.“

Такъ говорилъ другой поэтъ, сосланный на Кавказъ, за стихи на смерть Пушкина, въ тотъ же Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ былъ рядовымъ Одоевскій, памяти котораго Лермонтовъ посвятилъ великолѣпное стихотвореніе; въ немъ великій поэтъ говоритъ о своемъ собратѣ, что онъ умеръ, какъ и многіе, безъ шума, но съ твердостью, съ таинственною думою; что глубокое и горькое значеніе его послѣднихъ словъ — потеряно; что его дѣла, мнѣнія и думы исчезли безъ слѣдовъ. Немногіе изъ этихъ думъ, вылитыя въ стихи, собралъ его товарищъ по изгнанію, такой же декабристъ, и теперь онѣ являются въ печати, дополненныя издателями. Надобно было ждать почти полстолѣтія, чтобы къ списку русскихъ поэтовъ прибавилось еще одно имя не громкое, но глубоко-симпатичное и, во всякомъ случаѣ, заслуживающее того, чтобы на немъ остановился и почитатель, и изслѣдователь литературы. При жизни, Одоевскій, какъ поэтъ, былъ вовсе не извѣстенъ публикѣ. Онъ не только не печаталъ, но и почти не писалъ своихъ стихотвореній, а создавая ихъ подъ сырыми сводами крѣпостныхъ стѣнъ или бревенчатыхъ остроговъ, читалъ наизусть товарищамъ, а тѣ записывали и сохраняли строфы, излившіяся изъ сердца поэта, не всегда окончательно отдѣланныя, а можетъ быть и несовсѣмъ точно передаваемыя слушателями. Но и помимо способа передачи, самая обстановка, въ которой создавались стихи поэта-каторжника, не могла содѣйствовать къ развитію поэтическаго дара и вдохновенія. Пьесы поневолѣ выходили однообразны и проникнуты однимъ тономъ грусти объ утраченной родинѣ, горечи о потерянныхъ надеждахъ и стремленіяхъ... Но ни мести, ни озлобленія нѣтъ и слѣда въ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ

видна, напротивъ, „твердость убѣжденій и вѣра гордая въ людей и жизнь иную“, лучшую для родины поэта. Вѣру эту раздѣляли и всѣ его товарищи, не сломленные несчастіемъ, принадлежащіе къ высшимъ сферамъ русскаго общества. Въ изданной нынѣ книгѣ, баронъ Розенъ еще въ своихъ „Записках“, напечатанныхъ въ Лейпцигѣ, разсказавшій жизнь декабристовъ въ острогѣ, приводитъ только немногія черты, доказывающія ихъ высокое развитіе. Въ Читѣ у нихъ былъ устроенъ родъ академіи, гдѣ А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ читали лекціи русской исторіи, Ф. Б. Вольфъ физики и химіи, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ прикладной и высшей математики, Никита Муравьевъ стратегіи и тактики, К. П. Торсонъ астрономіи, Одоевскій русской словесности. Эту послѣднюю науку князь прочелъ нацамять въ нѣсколько лекцій,—начавъ съ „Слова о полку Игоря“ и кончивъ 1825 годомъ,—безъ всякихъ записокъ, замѣтокъ хронологическихъ чиселъ. Только для Розена собственно, которому онъ преподавалъ отдѣльно правила русскаго языка, составилъ онъ письменную программу. И Розенъ отзывается о своемъ товарищѣ съ восторженнымъ умиленіемъ: онъ былъ въ высшей степени нравственный человѣкъ, всегда снисходительный къ слабостямъ ближнихъ, христіанинъ безъ ханжества, съ философскимъ воззрѣніемъ Канта и Фихте; страстно любилъ онъ родину, народъ и свободу, всегда и вездѣ сохранялъ бодрый, веселый духъ. Послѣдняго качества, напротивъ, не видно въ его стихахъ, носящихъ оттѣнокъ тихой грусти, не только когда онъ говоритъ о самомъ себѣ или ранней кончинѣ своихъ друзей—Грибоѣдова, Коновницына, Веневитинова, но и когда описываетъ картины природы, или пишетъ о любви и красотѣ. Пьесъ въ этомъ послѣднемъ родѣ у него, впрочемъ, очень немного, и онѣ значительно слабѣе другихъ. Полное собраніе стихотвореній Одоевскаго состоитъ изъ 46 пьесъ: 22 доставлены Розеномъ, 24 собраны издателемъ изъ періодическихъ изданій послѣдняго времени (одна пьеса пропущена въ оглавленіи). Недостаетъ только отвѣта Одоевскаго (напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года) на извѣстное посланіе Пушкина („Во глубинѣ сибирскихъ рудъ храните гордое терпѣнье“), также напечатанное въ „Полномъ собраніи сочиненій Пушкина“ и въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 и 1876 гг., да нѣсколькихъ строфъ въ „Колыбельной пѣснѣ“ 1832 года.

Изданіе стихотвореній Одоевскаго составлено весьма тщательно, съ библіографическими варіантами и указаніями журналовъ, гдѣ впервые появились стихи поэта. Въ книгѣ помѣщены двѣ біографіи его, написанныя барономъ Розеномъ и Н. В. Гербелемъ. Въ нихъ, къ сожалѣнію, не свѣренъ даже годъ рожденія: у одного онъ показанъ 1803, у другаго 1802; въ „Русскомъ словарѣ“, проф. Березина—1804. Который же вѣренъ? Фотографическій портретъ снятъ съ гравюры на стали, приложенной ко второму тому „Библіотеки русскихъ авторовъ“ — „Собраніе стихотвореній декабристовъ“, изданному въ Лейпцигѣ въ 1862 году. Кромѣ того въ книгѣ помѣщены два стихотворенія декабриста П. С. Бобрищева-Пушкина 2-го, два незначительныхъ письма Одоевскаго князю Вяземскому и Назимову, два письма Грибоѣдова къ поэту и письмо отца А. И. къ Назимову; приложены также: посланіе Лермонтова и восьмистишіе Пушкина въ день лицейской годовщины 1827 года, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ и о своихъ друзьяхъ — „въ темныхъ пропастяхъ земли“. Въ самомъ концѣ книги помѣщенъ, не имѣющій къ ней никакого отношенія, разсказъ о покушеніи на жизнь 82-лѣтняго барона Розена.

В. Р. З.

Утилитаріанизмъ и о свободѣ, соч. Дж. Ст. Миля. Переводъ г. Невѣдомскаго, съ очеркомъ жизни Миля, сост. г. Конради. Спб. 1882 г. 2-е изданіе.

Замѣчательный трактатъ Миля „О свободѣ" извѣстенъ русской публикѣ сначала по журнальнымъ статьямъ, которыя впрочемъ передавали его съ нѣкоторыми тенденціозными перетолкованіями; потомъ по заграничному изданію, вышедшему на русскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ 1861 году, и наконецъ, по настоящему переводу, который теперь уже вторымъ изданіемъ вышелъ въ Россіи. Передавать содержаніе столь распространенной книги, стало быть, излишне,—безполезно и говорить объ общепризнанныхъ достоинствахъ настоящаго сочиненія, авторъ котораго пользуется репутаціею просвѣщеннаго чтителя свободы и глубокаго знатока ея законовъ. Но настоящее изданіе соединено еще съ другимъ сочиненіемъ Миля—„Утилитаріанизмъ". Соединеніе двухъ этихъ прекрасныхъ трактатовъ въ одномъ томикѣ очень удобно, ибо между вопросами свободы и полезности, въ высокомъ смыслѣ этого слова, есть много общаго, и уму, возвысившемуся до вопросовъ первой категоріи, весьма естественно чувствовать влеченіе и къ вопросамъ второй. „Утилитаріанизмъ"—сочиненіе столь же хорошее, какъ и трактатъ „О свободѣ", и надо радоваться, что такія сочиненія у насъ требуются возобновленными изданіями. Русское изложеніе обоихъ трактатовъ Миля весьма удовлетворительно и сдѣлано въ тонѣ соотвѣтственномъ предмету. Къ немалому сожалѣнію, того же самаго никакъ нельзя сказать объ „Очеркѣ жизни и дѣятельности Миля", который помѣщенъ въ началѣ томика и занимаетъ почти третью часть книги. „Очеркъ жизни и дѣятельности Миля" написать и легко и трудно. Трудно было бы написать его самостоятельно, съ самостоятельною критикою, которая охарактеризировала бы наростаніе и видоизмѣненіе философскихъ положеній этого созерцательнаго и строго-логическаго мыслителя. Но такой трудъ, разумѣется, требуетъ ученаго и даровитаго совершителя, да едва ли это и особенно нужно для обыкновеннаго читателя, которому, кажется, вполнѣ достаточно того, что до сихъ поръ выражено о Милѣ въ англійской литературѣ. Съ этой точки зрѣнія очеркъ о Милѣ не только не представляетъ большихъ затрудненій, но является дѣломъ очень легкимъ: надо только понимать по-англійски, знать литературу предмета и умѣть компилировать, т. е. передать дѣло въ толковомъ изложеніи, языкомъ, отвѣчающимъ характеру предмета. У лица, которое въ нынѣшнемъ случаѣ потрудилось надъ составленіемъ очерка жизни и дѣятельности Миля, повидимому не всѣ эти условія въ одинаково счастливомъ сборѣ. Во-первыхъ, очеркъ лишенъ той тихой образности, къ которой даетъ матеріалъ исполненная гармоніи жизнь Миля, во вторыхъ, матеріалъ, перечитанный составителемъ или составительницею, очевидно не продуманъ и не распланированъ, отчего являются-то какіе-то скачки и забѣганья впередъ, то ненужные повороты къ тому, что разъ уже было тронуто и покинуто. Главное же, — что всего непріятнѣе,—это то, что въ изложеніи очерка мало-мальски литературное ухо мутитъ его какой-то безпокойный, какъ бы крикливый, нескромный и совершенно неумѣстный тонъ. Довольно будетъ сказать, что компиляторъ счелъ удобнымъ прихватить сюда даже какихъ-то „господъ Репетиловыхъ" (стр. XCV). Компилятору, надо думать, не достаетъ литературной подготовки, безъ которой развязность мыслей и бойкость пера часто являются вреднымъ излише-

ствомъ, способнымъ портить достоинство даже такого низшаго сорта литературной работы, какъ компиляція.

Если настоящему весьма полезному для русской публики изданію суждено будетъ еще возобновляться, то издателю очень не помѣшало бы обратить вниманіе на очеркъ о Милѣ и принять мѣры къ тому, чтобы сгладить диссонансы между этимъ разноплетенымъ введеніемъ къ тихимъ и серьезнымъ трактатамъ, развивающимъ важныя понятія безъ всякаго задора во вкусѣ „моветона" мелкой печати. Соединеніе такихъ несоотвѣтствій положительно портитъ впечатлѣніе.

Н. Л—въ.

Опыты изученія общественнаго хозяйства и управленія городовъ. М. П. Щепкина. Часть I. Москва. 1882 г.

При настоящемъ неудовлетворительномъ состояніи хозяйства многихъ изъ нашихъ городовъ, трудъ г. Щепкина можетъ доставить своего рода полезный матеріалъ для соображеній и руководства въ этомъ дѣлѣ. Города Европы, превосходящіе наши разными сторонами своего благоустройства, достигли его продолжительнымъ опытомъ, который также послужитъ руководствомъ и для нашего городскаго самоуправленія. Г. Щепкинъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ извѣстенъ своими литературными трудами по вопросамъ городскаго хозяйства. Въ нынѣшніе его „Опыты" вошли статьи, писанныя имъ передъ самымъ введеніемъ въ Москвѣ городоваго положенія, и послѣ него, при обозрѣніи финансовъ города Москвы, финансовъ Вѣны, Берлина, Буда-Пешта, при сравненіи финансовъ Москвы съ финансами 14-ти большихъ городовъ Европы, а также при обзорѣ общественнаго хозяйства уѣздныхъ городовъ Московской губерніи за 1879 годъ. Всѣ эти статьи появились въ газетѣ „Русская Лѣтопись" 1870—1871 г., и въ „Извѣстіяхъ Московской Городской Думы" (1877 — 1882), редакторомъ которыхъ г. Щепкинъ былъ впродолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Еще двадцать лѣтъ тому назадъ, въ городскомъ хозяйствѣ Москвы господствовалъ такой хаосъ, что, до открытія въ древней столицѣ общей думы въ 1863 году, не было возможности ознакомиться съ состояніемъ финансовъ и вообще хозяйства этого города. Ежегодно издавалась толстая книга подъ заглавіемъ „Денежные обороты столичнаго города Москвы", которая отличалась не только ошибочными ссылками на законы, но и таблицами съ пустыми мѣстами вмѣсто цифръ. Эти ошибочныя ссылки и подобныя таблицы безъ цифръ перепечатывались изъ года въ годъ, какъ будто бы никто не заглядывалъ въ бюджетъ Москвы и никому не было дѣла до той безсмыслицы и путаницы, которыя заключались въ ежегодныхъ обзорахъ „Денежныхъ оборотовъ столичнаго города Москвы". Общая дума перваго выбора, 1863—1866 года, положила конецъ этой рутинѣ въ городскомъ хозяйствѣ. Появившіеся затѣмъ документы—„Отчетъ московскаго городскаго головы кн. Щербатова о дѣятельности московской городской думы за шестилѣтіе съ 1863—1869 годъ" и „Счетъ дѣйствительныхъ денежныхъ оборотовъ столичнаго города Москвы за 1863 годъ", были важны въ томъ отношеніи, что до этого времени московская дума не считала нужнымъ обнародовать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ. Изъ этихъ отчетовъ видно, что какъ доходы, такъ и расходы Москвы возрастали съ каждымъ

годомъ, что въ первое время съ 1863 года доходы покрывали расходы, но затѣмъ чаще стали случаться значительные дефициты. Дефицитъ въ 1866 году составилъ 200.000 р., а въ 1867 г. около 600.000 р. Такое же отношеніе между доходами и расходами сохранилось и послѣ измѣненія общественнаго управленія Москвы на основаніи городоваго положенія 1870 года. Въ 1873 году расходы превысили доходы на 429.665 р., въ 1874 г. на 194.773 р., въ 1876 г. на 121.793 р., но въ 1875 г. оказался остатокъ въ 190.721 р. Въ 1863 году доходы Москвы составляли сумму 1.718.985 р., въ 1873 г. 2.759.181 р. въ 1876 г. 3.920.338 р., въ 1878 г. 4.229.158 р. (расходы 3.889.779 р.), въ 1879 г. 4.138.287 р. (расходы же 4.363.585 р.). На 1882 годъ смѣта была составлена для доходовъ въ 4.921.067 р., а для расходовъ въ 6.164.063 р., такъ что дефицитъ дошелъ до 1.242.996 р. Такое превышеніе расходовъ было вызвано новыми работами на 1.279.525 р. Между тѣмъ, у города Москвы нѣтъ никакого остаточнаго капитала, но напротивъ, состоитъ долга 3.628.038 р., такъ какъ въ 1878 г. было заимствовано изъ государственнаго банка три милліона рублей на сооруженіе Александровскихъ казармъ и терассы храма Спасителя. Съ другой стороны къ 1-му октября 1881 г. числилось разныхъ недоимокъ, слѣдующихъ къ полученію городомъ, 803.939 р. Въ 1882 году городу Москвѣ разрѣшено было заключить заемъ въ видѣ выпуска облигацій.

Изъ этихъ данныхъ видно, что городское хозяйство Москвы не находится въ блистательномъ финансовомъ положеніи. Необходимо произвести коренныя перемѣны въ системѣ доходовъ, если нельзя избавиться отъ нѣкоторыхъ расходовъ или сократить ихъ въ значительной степени. Но, по сравненію съ другими городами Европы, на одного жителя Москвы приходится изъ суммы доходовъ 26 фран. 98 сан., а изъ суммы расходовъ 36 фр. 8 сан., между тѣмъ какъ на жителя Парижа 219 фр. 78 сан. и 144 фр. 23 сан., Берлина 74 фр. 7 сан. и 70 фр. 40 сан., Вѣны 65 фр. 3 сан., и 72 фр. 46 сан. Въ Петербургѣ доходы на каждаго жителя составляютъ 27 фр. 53 сан., а расходы 25 ф. 54 с. Въ Пештѣ, Мюнхенѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Лейпцигѣ, Тріестѣ, Литтихѣ, Христіаніи, болѣе получается доходовъ и болѣе производится расходовъ на каждаго жителя, чѣмъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, хотя общая сумма бюджета нашихъ двухъ столицъ значительнѣе годовыхъ смѣтъ означенныхъ городовъ.

П. У.

Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Чтенія по церковной исторіи Византіи отъ императора Константина Великаго до императрицы Өеодоры (132—842). Ф. А. Терновскаго. Кіевъ. 1883.

„Исторія византійской имперіи,—говоритъ Грановскій,—не пользуется большимъ почетомъ на Западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для спеціальныхъ сочиненій. Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина Великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византія представляетъ такой же любопытный предметъ, какъ, напримѣръ, аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другаго, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе... Нужно ли, съ другой стороны, говорить о важности византійской

исторіи для русскихъ. Мы приняли отъ Царьграда лучшую часть народнаго достоянія нашего, т. е. религіозныя вѣрованія и начатки образованія. Восточная имперія ввела молодую Русь въ среду христіанскихъ народовъ. Но кромѣ этихъ отношеній насъ связываетъ съ судьбою Византіи уже то, что мы—славяне... Поверхностное знакомство съ византійскими писателями достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ европейскихъ темахъ громадное большинство населенія состояло изъ славянъ, и что въ азіатскихъ областяхъ преобладали чуждыя эллинизму примѣси... Исавры, славяне и армяне сидятъ на престолѣ Константина и Θеодосія... Какая же сила собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя стихіи, замѣняя такимъ образомъ народность или кровную связь населенія другою, чисто-духовную связью? Эта сила заключалась въ религіи, утвержденной отцами восточной церкви, и въ образованности, наслѣдованной отъ языческаго міра вмѣстѣ съ языкомъ". „Можно прибавить,—заключаетъ Грановскій,—что на насъ (т. е. русскихъ) лежитъ нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ много обязаны".

Эти слова Грановскаго, выписанныя въ предисловіи къ книгѣ г. Терновскаго, служатъ какъ бы ея девизомъ. Лекторантъ въ настоящемъ выпускѣ своей церковной исторіи, второмъ уже по счету, подошелъ къ тому періоду византійской церковной исторіи, когда съ одной стороны славяне принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбахъ византійской имперіи и церкви, съ другой стороны Византія выработала уже тѣ формы политической и церковно-общественной жизни, которыя потомъ положили неизгладимую печать своего вліянія на судьбы восточныхъ славянъ и въ частности русскихъ. Поэтому чтенія по церковной исторіи Византіи г. Терновскаго имѣютъ для насъ, русскихъ, двойной интересъ: это и византійская церковная исторія, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересная глава изъ нашей отечественной исторіи. Постоянно имѣя въ виду внутреннюю связь исторіи византійской церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ съ исторіей нашей отечественной церкви, г. Терновскій иногда прямо указываетъ параллельныя явленія въ той и другой церкви, производя ихъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, напримѣръ—византійское павликіанство и наши антицерковныя секты. Полагаемъ, что дальнѣйшіе выпуски чтеній по византійской церковной исторіи г. Терновскаго представятъ еще болѣе интереса для русскихъ читателей.

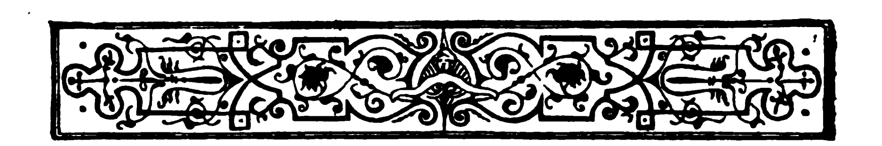
Н. П.

Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства. Иллюстрированный каталогъ художественнаго отдѣла всероссійской выставки въ Москвѣ 1882 года. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1882.

Книгами, относящимися къ исторіи нашего искусства, мы небогаты, и почтенный трудъ Н. П. Собко, изданный М. П. Боткинымъ, является едва ли не единственнымъ источникомъ, по которому мы можемъ составить себѣ возможно полное понятіе о томъ, что̀ издали наши художники въ прошлое царствованіе, съ 1855 по 1880 годъ. Критической оцѣнки этихъ произведеній нѣтъ въ книгѣ г. Собко, точно также какъ нѣтъ въ ней свѣдѣній о дѣятельности художниковъ въ предшествовавшее время. Но ненадо забывать, что сборникъ этотъ всетаки не болѣе какъ каталогъ того, что могла видѣть публика на московской выставкѣ — съ небольшими дополненіями, хотя онъ даетъ и болѣе того, что обѣщаетъ его заглавіе. Конечно, біографическія свѣдѣнія о 160-ти худож-

никахъ очень коротки и неполны, но зато въ каталогѣ болѣе 280-ти снимковъ съ ихъ произведеній и изъ этихъ снимковъ до 170-ти взяты прямо съ оригинальныхъ рисунковъ. И книга въ 114 страницъ текста съ 174 листами рисунковъ стоитъ всего 1 р. 25 к. Между тѣмъ издана она со всею типографскою роскошью; текстъ на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ, рисунки печатаны въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и воспроизведены лучшими фотографами и литографами; даже особую бумагу потребовалось отлить для этого изданія. Во введеніи къ нему г. Собко разсказываетъ подробно, какихъ трудовъ стоило составить этотъ каталогъ и излагаетъ любопытную исторію подобныхъ книгъ на Западѣ. Онѣ начали появляться во Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вполнѣ художественныя изданія въ этомъ родѣ появились не ранѣе 1865 года, а воспроизведеніе картинъ механическимъ способомъ, съ помощью фототипіи или цинкографіи, примѣнено въ 1875 году, въ Лондонѣ Блекберномъ. Въ Берлинѣ такіе каталоги начали издавать въ 1881 году. Стало быть, дѣло печатанія иллюстрированныхъ каталоговъ художественныхъ выставокъ—дѣло еще новое и за-границей, и потому у насъ нельзя требовать совершенства въ его исполненіи. Дѣйствительно, нѣкоторые рисунки въ нашемъ каталогѣ вышли неудачны, но въ этомъ виноваты большею частью сами художники, непримѣнившіе своихъ снимковъ къ фотолитографированію ихъ. Еще самобытнѣе поступили другіе художники, обѣщавшіе доставить рисунки съ своихъ картинъ для изданія, но ничего недоставившіе. Были и такіе, которые даже не позволяли другимъ снять рисунка съ своихъ произведеній и отказались сообщить о себѣ какія либо біографическія свѣдѣнія. Это уже чисто самобытныя натуры. Все это, конечно, замедлило печатаніе книги—и надо еще удивляться, что въ ней очень немного пробѣловъ и ошибокъ. Въ русскомъ каталогѣ есть даже отдѣлы, какихъ нѣтъ въ иностранныхъ, какъ отдѣлы рисунковъ и архитектуры, біографическія свѣдѣнія о художникахъ. Эти свѣдѣнія и снимки было нѣсколько легче составить у насъ потому, что на всѣхъ выставкахъ послѣднихъ 25-ти лѣтъ было не болѣе 5000 художественныхъ произведеній, принадлежащихъ тысячѣ художниковъ (на московской выставкѣ было всего 950 №№), тогда какъ на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ у одной Франціи насчитывается не одна тысяча картинъ. Въ нашемъ каталогѣ помѣщены въ алфавитномъ порядкѣ фамиліи художниковъ, отдѣлы живописи, рисунковъ, гравюръ, скульптуры и архитектуры, затѣмъ снимки со всѣхъ этихъ отдѣловъ, кромѣ гравюръ. Составитель книги сознается, что онъ не имѣлъ даже возможности приложить краткій историческій обзоръ русскаго искусства за послѣднюю четверть вѣка, ни подвести итоги русской художественной производительности, сказавъ хоть нѣсколько словъ о художникахъ, непопавшихъ на московскую выставку, ни представить каталоги нѣкоторыхъ частныхъ и общественныхъ художественныхъ собраній, не говоря уже о каталогахъ николаевскаго, александровскаго и екатерининскаго времени. Все это оказалось не болѣе какъ pia desideria... „Не возьмись такъ горячо за дѣло М. П. Боткинъ, не было бы, пожалуй, и настоящаго перваго опыта въ Россіи — каталога со снимками съ лучшихъ и важнѣйшихъ художественныхъ произведеній за послѣднія 25 лѣтъ". Этими словами оканчивается введеніе къ книгѣ г. Собко— и намъ остается только порадоваться, что при нашемъ общественномъ и чиновничьемъ равнодушіи ко всякому хорошему дѣлу, при этой всероссійской гражданской апатіи, проявившейся осязательно и на всероссійской выставкѣ, находятся еще частныя лица, дѣлающія все, что могутъ, для общей пользы

Вл. З.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ [1].

Существующій съ конца прошлаго столѣтія египетскій музей во Флоренціи представляетъ собой богатѣйшее собраніе египетскихъ древностей. Въ настоящее время предпринято подробное иллюстрированное описаніе его, но пока вышелъ только первый томъ этого роскошнаго изданія (Principaux monuments du Musée égyptien de Florence, par William B. Bernard. Paris. 1882).

Рѣчи знаменитаго знатока древней греческой жизни, Эрнста Курціуса, появляются подъ заманчивымъ заглавіемъ „Древность и современность" (Alterthum und Gegenwart. Gesammelte Reden und Vorträge von Ernst Kurtiu. Berlin. 1882). Вышедшій второй томъ этого собранія, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ интересные біографическіе очерки Отфрида Мюллера, Іоганна Брандеса и др., интересную статью объ Олимпіи и рѣчь „О наукѣ, искусствѣ и ремеслахъ", произнесенную въ 1881 году по случаю избранія знаменитаго историка въ ректоры берлинскаго университета.

Мемуары кардинала Реца, знаменитаго дѣятеля Фронды, появляются въ настоящее время въ новомъ изданіи въ „Коллекціи великихъ писателей Франціи", выходящей подъ редакціей Ад. Ренье (Collection des grands écrivains de la France, tome VII).

[1]) Согласно желанію многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы будемъ помѣщать въ нашемъ журналѣ, по мѣрѣ накопленія матерьяла, подъ заглавіемъ «Заграничныя литературныя новости», краткія замѣтки, по возможности, обо всемъ, что появляется на Западѣ замѣчательнаго въ области всеобщей исторіи и исторіи литературы. Что же касается особенно выдающихся сочиненій, то помимо краткихъ замѣтокъ въ этомъ отдѣлѣ, редакція по-прежнему будетъ давать о нихъ обстоятельный отчетъ въ «Иностранной исторіографіи» или въ спеціальныхъ статьяхъ. *Ред.*

Быстрое развитіе могущества Пруссіи естественно обращаетъ на себя вниманіе нѣмецкихъ историковъ. Литература спеціально прусской исторіи постоянно обогащается новыми трудами такихъ ученыхъ, какъ Леопольдъ Ранке, Филиппсонъ, Берн. Куглеръ и др., а также изданіемъ такихъ документовъ, какъ переписка Фридриха Великаго. Толковое и довольно обстоятельное обозрѣніе всѣхъ этихъ работъ за послѣднее время сдѣлано въ январской книжкѣ журнала Шпильгагена „Illustrirte deutsche Monatsheffe“.

Новостью французской исторіографіи является трудъ герцога де-Брольи (Frédéric II et Marie-Thérèse d'après des documents nouveaux 1740—1742, par le duc de Broglie. Paris. 1883). Въ своей книгѣ авторъ разсказалъ первые дебюты обоихъ монарховъ, первыя ихъ столкновенія и уяснилъ ту роль, какую при этомъ играла Франція, причемъ воспользовался какъ документами, изданными за послѣднее время берлинскимъ и вѣнскимъ правительствомъ, такъ и неизданными матерьялами изъ французскихъ архивовъ.

Всестороннюю картину Германіи въ прошломъ столѣтіи всякій занимающійся исторіей найдетъ въ четырехтомномъ сочиненіи Карла Бидермана „Германія въ XVIII вѣкѣ“ (Deutschland im achtzehnten Jahrhundert, von Karl Biedermann. Leipzig, 1882). Трудъ этотъ есть плодъ 25-ти-лѣтней работы усерднаго изслѣдователя и знатока источниковъ. Первый томъ посвященъ изображенію политическаго и соціальнаго строя Германіи въ прошломъ вѣкѣ; второй и третій заняты вопросами церкви, общежитія и нравственности. Наконецъ, четвертый томъ рисуетъ культурно-историческое развитіе страны съ 1740 г. до конца столѣтія, причемъ особенно разработаны главы, выясняющія глубокое для Германіи значеніе французской революціи.

Основнымъ вопросамъ историко-культурнаго развитія Германіи посвященъ серьезный трудъ Рихтера „Исторія нѣмецкаго народа“ (Geschichte der deutschen Nation nach den Grundzügen ihrer Entwickelung. Dargestellt von Hermann Michael Richter. Berlin. 1882). Книга эта написана съ той почти общей у нѣмецкихъ историковъ нашего времени точки зрѣнія, что главная задача исторіи—не біографіи индивидуумовъ и описанія битвъ, а развитіе народа во всемъ его цѣломъ.

Историческій романъ продолжаетъ быть въ Германіи излюбленной беллетристической формой. Послѣдній романъ Эберса „Слово“ („Ein Wort“) въ первую же недѣлю разошелся въ пяти изданіяхъ. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется романъ Феликса Дана „Felicitas“. Это новое произведеніе замѣчательнаго знатока древней германской жизни даетъ картину изъ эпохи великаго переселенія народовъ.

Нѣчто въ родѣ историческаго романа издалъ также извѣстный французскій писатель Жюль Кларти, подъ заглавіемъ „Un enlévement au XVIII siècle. (Paris. 1883“). Самое причудливое содержаніе этого произведенія не исключаетъ въ авторѣ замѣчательнаго знанія эпохи, ея типичныхъ особенностей, любопытныхъ анекдотовъ и воспоминаній.

Жюль Лакруа, авторъ Эдипа-царя, который въ прошломъ году съ такимъ успѣхомъ шелъ на сценѣ французскаго театра, выпустилъ новое изданіе своего перевода въ стихахъ сатиръ Ювенала (Les satyres de Juvénal, traduites en vers par M. Jules Lacroix. Paris. 1882). Первое изданіе этого перевода при своемъ появленіи было встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ Ж. Жаненомъ, Теоф. Готье, Вильменомъ и др. критиками и знатоками, и увѣнчано французской академіей.

Рядъ трубадуровъ на рубежѣ XI и XII столѣтій открывается человѣкомъ, занимавшимъ выдающееся положеніе и игравшимъ роль въ исторіи своего времени. Это — Вильгельмъ IX, графъ Пуатье, дѣдъ Ричарда Львиное сердце, сочинявшій свои пѣсни на провансальскомъ языкѣ. Разработка этихъ (между прочимъ, замѣчательно циничныхъ) пѣсенъ и характеристика ихъ автора составляетъ предметъ небольшой, но дѣльной, по отзыву такихъ знатоковъ, какъ Карлъ Барчъ, работы Sachse'a, „Ueber das Leben und die Lieder des Trobadours Wilhelm IX, Grafen von Poitou (Leipzig, 1882.)".

Элементарное и серьезное изученіе исторіи всеобщей литературы въ значительной степени затрудняется у насъ неимѣніемъ переводовъ весьма многихъ классическихъ авторовъ, писавшихъ на языкахъ, знаніе которыхъ считается вообще менѣе обязательнымъ; въ этомъ случаѣ намъ приходится прибѣгать главнымъ образомъ къ нѣмцамъ, у которыхъ литература такого рода пополняется, можно сказать, каждый день. Отмѣчаемъ новый переводъ Аріостовой поэмы „Неистовый Роландъ" (Ariost's Rasender Roland, uebersetzt von Otto Gildemeister. Berlin. 1882). Отто Гильдемейстеръ, уже извѣстный съ хорошей стороны своимъ переводомъ Байронова Донъ-Жуана, и на этотъ разъ далъ изящный, но возможно близкій къ подлиннику переводъ и снабдилъ его краткимъ, но обстоятельнымъ вступительнымъ этюдомъ по исторіи сюжета. Такимъ образомъ, послѣ Gries'a (1851) и Kurz'a (1855) нѣмцы имѣютъ уже третій переводъ Аріостовой поэмы.

Въ интересахъ историко-литературныхъ часто опубликовываются юношескія произведенія замѣчательныхъ писателей. Такое вниманіе оказано теперь и Фридриху Шлегелю въ книгѣ, изданной г. Миноромъ (Friedrich Schlegel 1794—1801. Seine prosaischen Jungendschriften, herausgegeben von I. Minor. I Band: Zur Griechischen Literaturgeschichte. II Band: Zur deutschen Literatur und Philosophie). Надо, однако, замѣтить, что въ первомъ томѣ оказывается только одна изъ такихъ статей, которыя не вошли въ полное собраніе сочиненій Фридриха Шлегеля, во второй же томъ внесены статьи, взятыя издателемъ изъ анонимной литературы рецензій и приписаны Шлегелю далеко не основательно.

Однимъ изъ достойныхъ ветерановъ въ области обширной въ Германіи литературы о Гёте безспорно признается недавно умершій Адольфъ Шелль, который своими трудами установилъ вѣрный взглядъ на пребываніе Гете въ Веймарѣ и въ томахъ „Прусскаго ежегодника" помѣстилъ немало статей о великомъ поэтѣ, въ положеніи придворнаго и государственнаго человѣка. Статьи эти составили зерно недавно вышедшей книги Шелля (Goethe in Haupt-

zügen seines Lebens und Wirkens. Gesammelte Abhandlungen von Adolf Schöll. Berlin, 1882); сюда же вошли и другія, раньше не изданныя статьи того же автора.

Однимъ изъ крупныхъ фактовъ за послѣднее время является рѣчь Дюбуа-Реймона о Гёте, произнесенная извѣстнымъ натуралистомъ по случаю вступленія въ должность ректора берлинскаго университета. Рѣчь эта уже появилась отдѣльной брошюрой (Goethe und kein Jnde. Leipzig, 1883) и представляетъ собой примѣръ довольно рѣзкаго отношенія къ великому поэту. Дюбуа-Реймонъ, ставитъ своей задачей разрушить укрѣпленную за Гете репутацію замѣчательнаго натуралиста и доказать, что онъ былъ въ этой области не болѣе какъ дилетантъ-самоучка (dilletantischer Autodidact). По мнѣнію Дюбуа-Реймона, самый „Фаустъ" есть произведеніе невыдержанное съ точки зрѣнія психологіи и жизненной правды.

Въ первой январской книжкѣ „Revue de deux Mondes" обращаетъ на себя вниманіе статья Eugène-Melchior'a Vogüé подъ заманчивымъ для русскаго читателя заглавіемъ „Русскій сектантъ" („Un sectaire russe"). Основываясь главнымъ образомъ на изслѣдованіяхъ г. Пругавина, при знакомствѣ съ общей литературой вопроса, французскій писатель даетъ прекрасную характеристику глубоко оригинальной личности тверскаго сектанта Сютаева. Обобщенія г. Вогюэ, къ которымъ мы надѣемся еще возвратиться, показываютъ въ авторѣ довольно серьезный взглядъ на духовную и политическую жизнь нашей страны. Пока отмѣтимъ лишь то, что г. Вогюэ предсказываетъ великую будущность раціоналистическимъ стремленіямъ славянской расы. „Кто знаетъ, говоритъ онъ,—не суждено ли русскому народу, позднѣе всѣхъ пришедшему на сцену умственной жизни, расширить могущественное зданіе христіанства".

Тѣмъ-же вопросамъ русской жизни отводитъ мѣсто одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ—„Deutsche Rundschau" въ статьѣ „Евангелическо-религіозное движеніе въ Россіи" („Die evangelisch-religiöse Bewegung in Rusland"). Авторъ этой статьи, Freiherrn von der Brüggern, дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи русской церкви, затѣмъ излагаетъ основанія штундизма, а въ заключеніе, согласно личнымъ впечатлѣніямъ, описываетъ Пашкова и его дѣятельность.

Говорятъ, что Анатоль Леруа-Болье намѣренъ издать въ высшей степени интересныя письма императора Павла Петровича, его супруги и одной молодой фрейлины; письма эти переданы французскому писателю княгиней Елизаветой Трубецкой.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два неизданныхъ стихотворенія Пушкина.

Въ БОГАТОМЪ собраніи автографовъ русскихъ замѣчательныхъ людей, принадлежащемъ П. Я. Дашкову, находится, между прочимъ, небольшая четвертушка бумаги, на которой собственною рукою Пушкина написаны два печатаемыя нами здѣсь, съ разрѣшенія г. Дашкова, небольшія стихотворенія. Мы не встрѣчали этихъ стихотвореній ни въ одномъ изъ собраній сочиненій Пушкина, не знаемъ, когда и по какому случаю они написаны, но самое содержаніе ихъ и то, что они написаны рукою Пушкина, удостовѣряютъ ихъ подлинность.

1.

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ,
Въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
Жилъ поэтъ Баратынскій
Съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они,
За квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны,
Дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ
Въ панталонахъ трекотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли).
Шли и твердили шутя:
Какое въ россіянахъ чувство!

2.

Я въ Курскѣ, милые друзья,
Я въ Полторацкаго тавернѣ:
Живѣе вспоминаю я
О дѣвѣ Лизѣ, дамѣ Кернѣ.

Сообщено И. Я. Дашковымъ.

Заводчикъ Турчаниновъ.

Прочитавъ въ статьѣ г. Немировича-Данченко „Рѣка лѣсныхъ пустынь“, напечатанной въ декабрской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за прошлый годъ, разсказъ о томъ, какъ поступилъ Никита Акинфіевичъ Демидовъ со своими бродягами-рабочими, въ ожиданіи пріѣзда въ Невьянскій заводъ князя Вяземскаго, припоминаю подобныя же дѣянія другаго уральскаго заводчика—Алексѣя Өедоровича Турчанинова, владѣвшаго Сысертскими горными заводами въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи [1]. (Подробныя свѣдѣнія объ этомъ, тоже замѣчательномъ, русскомъ дѣятелѣ, можно найти въ „Пермскихъ Губерн. Вѣдом.“ 1856 г., въ статьѣ „Сысертскіе заводы“, члена пермскаго статистическаго комитета, инженеръ-капитана К. Н. Кокшарова, управлявшаго тѣми заводами). Алексѣй Өедоровичъ былъ безродный сирота, вывезенный изъ Сибири и усыновленный богатымъ соликамскимъ солепромышленникомъ, основателемъ фабрики мѣдныхъ вещей, купцомъ Турчаниновымъ. Издѣлія этой замѣчательной въ минувшемъ столѣтіи фабрики доставлялись и ко двору при государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мнѣ самому удалось видѣть старинныя мебели, съ мѣдными украшеніями изящной работы, въ домѣ потомка Алексѣя Өедоровича, Марка Петровича Турчанинова, въ Сысертскомъ заводѣ. По смерти этого соликамскаго промышленника и фабриканта Турчанинова, Алексѣй Өедоровичъ женился на вдовѣ его и сначала какъ солепромышленникъ, а впослѣдствіи какъ заводчикъ, нажилъ большое состояніе.

При покупкѣ имѣнія у князя Потемкина-Таврическаго, во Владимірской и Нижегородской губерніяхъ, онъ спросилъ: угодно вашей свѣтлости получить серебромъ, или золотомъ? Сумма была значительная и деньги готовы и серебромъ, и золотомъ. Потемкинъ взялъ золотомъ.

Сысертскіе заводы пріобрѣтены Турчаниновымъ отъ казны, лѣса приграничены для заводскаго дѣйствія, а рабочіе остались государственными мастеровыми.

Алексѣй Өедоровичъ принималъ на заводы тоже, какъ говорится, по нынѣшнему, нелегальныхъ. Перестроивалась однажды заводская плотина; работали „воры“ башкиры изъ нелегальныхъ. Вдругъ нагрянула земская полиція. Не въ ладахъ съ ней былъ Турчаниновъ. Онъ и велѣлъ поднять затворы. Вода хлынула и до сотни рабочихъ погибли въ сысертскомъ прудѣ...

Въ другой разъ, строилъ Турчаниновъ въ заводѣ храмъ. За работами наблюдалъ архитекторъ пермскаго горнаго правленія (правленіе было тогда въ

---

[1]) Главный заводъ округа, Сысертскій, отъ Екатеринбурга въ 40 верстахъ, по челябинскому тракту.

Перми). Алексѣй Ѳедоровичъ, чѣмъ-то недовольный, разгнѣвался, и тутъ же на площади, у церкви, на мѣстѣ, такъ сказать, преступленія, велѣлъ заводскимъ полицейскимъ казакамъ разложить и выпороть архитектора. Усердные казаки не пожалѣли истязуемаго чиновника... Архитекторъ и коллежскій ассесоръ съ-горяча хотѣлъ летѣть въ Пермь съ жалобою по начальству. Узнавъ, конечно, объ этомъ, Алексѣй Ѳедоровичъ пригласилъ высѣченнаго къ себѣ.—Ну, братъ, извини, сказалъ онъ,—погорячился, позабылъ твое ассесорство!.. Жаловаться хочешь? Только себя острамишь! Давай лучше пить водку"! И, послѣ чарки, выложилъ архитектору пять тысячъ рублей.

Турчаниновъ былъ лысъ; какъ-то въ банѣ ему упалъ на голову тараканъ. Онъ позвалъ бабу истопницу и велѣлъ сѣчь ее, пока не вымоется. Экзекуція продолжалась почти два часа. Старикъ мылся неторопливо.

Въ пятидесятыхъ годахъ былъ еще живъ старецъ Моришнинъ, служившій при А. Ѳ. Турчаниновѣ. Все описанное разсказано мнѣ сыномъ его, конторщикомъ главной конторы Сысертскихъ заводовъ.

Въ пугачевщину, съ помощію вытребованныхъ изъ Екатеринбурга двухъ десятковъ „негодницы", т. е. старыхъ негодныхъ солдатъ, вооруженныхъ имъ, выкованнымъ на заводахъ, оружіемъ и заводскихъ людей, онъ двукратно отражалъ нападеніе шаекъ, приходившихъ со стороны Челябы. Далѣе моста чрезъ Сысерть, бывшаго на трактѣ изъ Челябы, пугачевцы, преимущественно изъ „воровъ" башкиръ, прорваться не могли. Мастеровые были въ панцыряхъ, съ саблями, а „негодница" отстрѣливалась. Обороною руководилъ самъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

Замѣчательно, что въ Сысертскихъ заводахъ, окруженныхъ раскольниками, расколъ не существовалъ. Заводы обязаны этимъ именно Турчанинову, отличавшемуся преданностью и ревностью къ церкви православной.

Сообщено **Ѳ. С. Г.**

Къ исторіи крѣпостнаго права.

Жестокое обращеніе помѣщиковъ съ своими крѣпостными людьми было явленіемъ весьма обыкновеннымъ не только въ прошломъ, но и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Иногда жестокости эти превосходили всякую мѣру и хотя, по закону, крестьяне не имѣли права жаловаться на своихъ господъ, „яко дѣти на родителей", тѣмъ не менѣе правительство было вынуждаемо, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, вступаться за человѣческія права угнѣтаемыхъ и ограничивать произволъ помѣщиковъ. Извѣстно, какимъ образомъ распорядилась императрица Екатерина II съ Д. Н. Салтыковой, болѣе извѣстной подъ именемъ „Салтычихи", сужденной за „мучительство и душегубство" крѣпостныхъ людей. Тяжкое и позорное наказаніе, постигшее Салтыкову, не искоренило, однако жъ, проявленій жестокости и безчеловѣчія въ обращеніи съ крѣпостными людьми, какъ это видно изъ слѣдующаго письма московскаго главнокомандующаго графа Ивана Петровича Салтыкова къ генералъ-прокурору Обольянинову отъ 27-го апрѣля 1800 года.

„Милостивый государь мой Петръ Хрисанфовичъ!

„Вслѣдствіе отношенія ко мнѣ вашего высокопревосходительства, отъ 14-го числа сего мѣсяца, касательно доставленія свѣдѣній о содержащейся въ здѣшнемъ Вознесенскомъ монастырѣ г-жѣ Лопухиной, за жестокіе ея поступки

съ дворовыми своими людьми, и въ дополненіе моего къ вамъ предварительнаго о томъ, отъ 24-го числа сего же мѣсяца, увѣдомленія, честь имѣю извѣстить васъ, милостивый государь мой, что въ высочайшее присутствіе здѣсь государя императора, въ 1797 году, апрѣля 17-го дня, отъ крѣпостнаго ея, Лопухиной, человѣка, Кирилла Савельева, подано его императорскому величеству прошеніе, съ жалобою, что она безъ всякой вины часто и жестоко наказываетъ и мучитъ его въ домѣ плетьми и розгами, приказывая людямъ своимъ взять изъ печи пеплу и ротъ онымъ зажимать, чтобы не могъ кричать, а жену его беременную била изъ своихъ рукъ полѣномъ, четырехлѣтняго же сына ихъ сѣкла сама розгами, и приказывала своимъ дѣвкамъ сѣчь, а послѣ того, взявъ вина, лила ему на спину; трехлѣтнюю дочь поварову сѣкла же немилосердно розгами, и потомъ запирала ее зимою въ холодный чуланъ часа на три и болѣе; напослѣдокъ сбила его, Савельева, съ женою со двора и не даетъ никакого пропитанія. По сей жалобѣ его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть бывшему здѣсь военнымъ губернаторомъ, нынѣ отставному генералу-отъ-инфантеріи Архарову, учинить изслѣдованіе, которое производилъ онъ съ бывшимъ частнымъ инспекторомъ, и какъ тогда по донесенію его дѣйствительно открылось, что не только оная жалоба справедлива, но еще и сверхъ при нихъ уличили ее, Лопухину, собственные ея люди 13 человѣкъ въ оказанныхъ отъ нея нестерпимыхъ имъ жестокостяхъ, что она колола булавками груди и языки своимъ дѣвкамъ,—то по всеподданнѣйшему его, генерала-отъ-инфантеріи Архарова, о семъ донесеніи, его императорское величество указать соизволилъ: посадить ее въ монастырь безсрочно, что тогда же и исполнено, и преосвященному бывшему здѣшней епархіи викарному епископу Серапіону сообщено, а имѣніе, въ домѣ ея Лопухиной оставшееся, въ Серпуховской части, при добросовѣстныхъ свидѣтеляхъ и повѣренномъ отъ нея, поручикѣ Головинѣ, описано, запечатано и отдано для сохраненія въ присмотръ полицейскій. Наконецъ, въ 1798 году, въ маѣ мѣсяцѣ, по достовѣрному извѣстію, донесенному мнѣ отъ него, генерала-отъ-инфантеріи Архарова, что она, Лопухина, пришла въ раскаяніе о своихъ поступкахъ и исправилась, я имѣлъ щастіе самолично докладывать объ ономъ государю императору, но высочайшаго соизволенія не послѣдовало на ея освобожденіе, какъ я уже и имѣлъ честь предварительно васъ, милостивый государь, увѣдомить; въ прочемъ, что же касается до теперешняго ея поведенія, то оно одобряется.

„Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію навсегда пребуду, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства покорный слуга Г. Салтыковъ“.

Апрѣля 27-го дня 1800 г. Москва.

По докладѣ этого письма императору Павлу, 10-го мая 1800 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе:

„Г. генералъ-отъ-инфантеріи и генералъ-прокуроръ Обольяниновъ. Дѣвицу Анну Лопухину, содержащуюся въ московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, повелѣваемъ освободить и отдать подъ присмотръ ближнимъ родственникамъ, опредѣля къ имѣнію ея опеку“.

„Павелъ“.

Сообщено **А. И. Коломнинымъ**.

СМѢСЬ.

Столѣтіе дирекціи народныхъ училищъ. Годъ назначенія перваго директора народныхъ училищъ при Екатеринѣ II, Ѳедора Ивановича Янковича де-Миріево, дирекція петербургскихъ училищъ признала годомъ, съ котораго слѣдуетъ лѣтоисчисленіе народнаго образованія въ Россіи. Въ ознаменованіе этого года, 2-го января праздновался столѣтній юбилей народныхъ училищъ и учрежденія дирекціи. Празднество происходило въ большой залѣ городской думы. Оно выразилось въ слѣдующемъ:

Къ 1-му часу дня собрались въ залѣ ученики и педагогическій персоналъ училищъ, прибыли товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь Волконскій, почетный опекунъ Корниловъ, помощникъ попечителя учебнаго округа Михайловъ, петербургскій губернаторъ Лутковскій, директора и представители многихъ учебныхъ учрежденій, городской голова, товарищъ его, много публики и единственный военный генералъ Коховскій, предсѣдатель комиссіи педагогическаго музея. На эстрадѣ залы поставлены были, окруженные растеніями, бюсты императора Александра III и императрицы Екатерины II, между портретами графа Завадовскаго, предсѣдателя комиссіи объ учрежденіи училищъ, и Янковича де-Миріево, перваго директора училищъ при Екатеринѣ. Въ часъ дня началось благодарственное молебствіе, совершенное преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ ладожскимъ, въ сослуженіи законоучителей народныхъ училищъ. Въ концѣ молебствія, священникъ Савинскій, законоучитель владимірскаго училища, обратился къ присутствующимъ съ словомъ, въ которомъ указалъ на значеніе празднуемаго событія. При окончаніи молебствія провозглашена была послѣ многолѣтія вѣчная память императрицѣ Екатеринѣ II, императору Александру II, и первымъ дѣятелямъ при учрежденіи народныхъ училищъ, а затѣмъ многолѣтіе учащимъ и учащимся. Пѣли невскіе пѣвчіе и дѣти изъ училищъ—мальчики и дѣвочки, составившіе очень стройный дѣтскій хоръ. Послѣ молебствія начался актъ. Директоръ петербургскихъ училищъ, г. Рождественскій, прочелъ историческую записку объ учрежденіи училищъ. Ничего новаго не представляетъ эта записка, составленная по давно извѣстнымъ трудамъ Воронова „о Янковичѣ де-Миріево“ и оффиціальной, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія компиляціи г. Шмидта „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“. Такъ какъ положеніе народнаго образованія въ Россіи недостаточно обрисовано въ послѣдней запискѣ г. Рождественскаго, то мы и не дѣлаемъ изъ нея извлеченія. Напомнимъ только, что въ 1802 г. комиссія народныхъ училищъ преобразовалась въ министерство народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. изданъ былъ новый уставъ учебныхъ за-

веденій, по которому главныя народныя училища преобразовались въ гимназіи, а малыя—въ уѣздныя училища; для начальнаго же обученія положено было въ городахъ и селахъ открывать такъ называемыя приходскія училища. Эти названія сохранились за ними и по послѣдовавшему уставу 1828 г., только въ послѣднее время уѣздныя училища по уставу 1872 г. переименованы въ городскія, а по положенію 1874 г. всѣ школы элементарныя, открываемыя въ городахъ и селеніяхъ, получили названіе начальныхъ народныхъ училищъ. Изъ первыхъ семи училищъ, введенское уѣздное училище преобразовано было въ прогимназію. Во весь истекшій періодъ, уѣздныя училища, преобразованныя въ послѣднее время въ городскія, содержались на средства казны, а приходскія училища содержались частью на средства казны, частью на суммы городской думы. Тѣми и другими до 1804 года завѣдывали отдѣльные директора (Янковичъ де-Миріево, Козодавлевъ, Струговщиковъ и Ростовцевъ). Послѣ же 1804 г. завѣдываніе ими возлагалось обыкновенно на одного изъ директоровъ гимназій. Затѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ, опять учредилась особая дирекція училищъ въ Петербургѣ, съ 1874 г. учредилась дирекція народныхъ училищъ съ подчиненіемъ ей сельскихъ школъ, бывшихъ прежде въ завѣдываніи особыхъ инспекторовъ. Училища въ періодъ до шестидесятыхъ годовъ пришли въ упадокъ, потому что и директора гимназій, имѣя у себя много дѣла, не могли заниматься ими, и городская дума отпускала очень мало средствъ (на 19 приходскихъ училищъ всего 14.500 руб.), почему, конечно, не могло быть ни хорошихъ учебныхъ пособій, ни порядочныхъ учителей. Но, несмотря на неблагопріятныя условія, начальное народное образованіе не заглохло. Съ предоставленіемъ, въ 1876 г., городу имѣть особый городской училищный совѣтъ, въ вѣдѣніе котораго и поступило 16 приходскихъ школъ, въ Петербургѣ каждый годъ открываются новыя начальныя училища цѣлыми десятками и цифра начальныхъ училищъ въ эти пять-шесть лѣтъ съ 16 возрасла до 628, одновременно и средства на народное образованіе съ 14.500 до 200.000.

По окончаніи чтенія записки, дѣти запѣли народный гимнъ и затѣмъ исполнили нѣсколько пѣсенъ. Торжество окончилось гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь“, послѣ чего дѣтей отвели въ особую залу, гдѣ накормили ихъ завтракомъ. Послѣ акта, присутствующіе осматривали подлинную грамоту Екатерины II, данную первому директору училищъ Янковичу на владѣніе имъ помѣстьемъ Норки, въ Могилевской губерніи, и гербъ рода Янковичей.

Трехсотлѣтіе Сибири въ самой Сибири. О празднованіи 300-лѣтняго юбилея въ самой Сибири только теперь дошли до насъ извѣстія изъ Иркутска. 6-го декабря начался первый день празднованія 300-лѣтія. Еще наканунѣ всѣ улицы Иркутска разукрасились флагами и гирляндами изъ ели. 6-го же декабря городъ принялъ совершенно праздничный видъ, чему много способствовала тихая, хотя довольно морозная погода. Праздникъ начался съѣздомъ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ и городскихъ представителей въ домѣ генералъ-губернатора. Ровно въ десять часовъ, генералъ-губернаторъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ въ большую залу занимаемаго имъ дома. Послѣ обычныхъ поздравленій и привѣтствій, онъ обратился къ присутствующимъ съ краткою рѣчью, въ которой изложилъ всѣ реформы, которыя пережила Сибирь втеченіе своего существованія; тутъ же была отправлена телеграмма государю императору о вѣрноподданническихъ чувствахъ и горячихъ молитвахъ всѣхъ сословій за благоденствіе его величества и за преуспѣяніе всей Россіи.

Послѣ пріема, всѣ присутствовавшіе отправились въ каѳедральный соборъ къ божественной литургіи и благодарственному молебствію. По окончаніи литургіи, преосвященнымъ Веніаминомъ, архіепископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ, сказана была прочувствованная рѣчь о началѣ христіанства и его распространеніи отъ покоренія Сибири по настоящее время. По окончаніи литургіи и молебствія, генералъ - губернаторъ, съ многочисленною свитой, отправился въ женскій институтъ, гдѣ къ тому времени были собраны воспитанницы женской гимназіи и прогимназіи. Торжество началось пѣніемъ народнаго гимна, послѣ котораго преподавателемъ русской словесности произнесена рѣчь о жизни Сибири въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ, въ обширной залѣ благороднаго собранія собралась масса публики, ожидая пріѣзда главнаго начальника края. Ровно въ часъ прибылъ генералъ-губернаторъ. Зала была разукрашена гирляндами и цвѣтами; на эстрадѣ передъ публикой красовался портретъ, во весь ростъ, Ермака, искусно драпированный шкурами тигровъ,

бѣлыхъ и черныхъ медвѣдей; немного впереди, справа, на красивомъ транспарантѣ, виднѣлось вензелевое изображеніе нынѣ благополучно царствующаго государя; слѣва такой же транспарантъ съ буквою I—IV, украшенный короною Сибирскаго царства; подъ транспарантами, въ живописномъ безпорядкѣ, находились образщики предметовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и искусства.

По прибытіи всѣхъ почетныхъ лицъ, помощникъ городского головы прочелъ всеподданнѣйшій адресъ съ поздравленіемъ по случаю тезоименитства его императорскаго высочества государя великаго князя цесаревича, а также протоколъ засѣданія иркутской городской думы, въ которомъ, между прочимъ, изложено: „Городская управа, находя нужнымъ почтить память столь важнаго событія, какъ присоединеніе Сибири къ Россіи, вошла съ докладомъ въ городскую думу; а дума, соглашаясь съ предложеніемъ управы и желая увѣковѣчить память о присоединеніи Сибири къ Россіи пожертвованіемъ на такого рода предметы, въ удовлетвореніи которыхъ всего болѣе нуждается Сибирь, постановила: 1) учредить по одной стипендіи въ иркутской мужской и женской гимназіяхъ; далѣе, по одной стипендіи во всѣхъ факультетахъ сибирскаго университета; двѣ стипендіи въ петербургскихъ врачебныхъ женскихъ курсахъ; пять стипендій въ иркутскомъ техническомъ училищѣ; двѣ стипендіи въ иркутскомъ Александровскомъ дѣтскомъ пріютѣ; 2) предложить частному банку Медвѣдниковой учредить при сиропитательномъ домѣ Медвѣдниковой двѣ безплатныя сверхкомплектныя стипендіи; 3) устроить въ нагорной части города безплатную начальную школу для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ на 40 человѣкъ; 4) всѣмъ этимъ стипендіямъ присвоить названіе „стипендій города Иркутска въ память 300-лѣтія Сибири“; наконецъ, 5) послать поздравительныя телеграммы городскимъ обществамъ: тобольскому, томскому, тюменскому, красноярскому, енисейскому и читинскому“.

По прочтеніи адреса и протокола, начались чтенія, по программѣ, членовъ соединенныхъ собраній иркутскихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Прежде всего, любителями музыкальнаго общества былъ пропѣтъ народный гимнъ при восторженныхъ крикахъ „ура“ присутствовавшихъ. Гимнъ былъ неоднократно повторенъ. Далѣе, членъ „миссіонерскаго общества“, протоіерей Виноградовъ, прочелъ краткій очеркъ распространенія христіанства въ Сибири; за нимъ дѣлалъ сообщеніе секретарь „географическаго общества“; потомъ слѣдовалъ докладъ „общества врачей“: краткій очеркъ дѣятельности иркутскаго общества „Краснаго Креста“; сообщеніе „общества сибирскихъ охотниковъ“; краткій очеркъ дѣятельности „благотворительнаго общества“; краткій очеркъ дѣятельности „общества оказанія помощи учащимся въ восточной Сибири“; сообщеніе общества „пожарная дружина“; сообщеніе „музыкальнаго общества“ и, наконецъ, хоромъ любителей былъ пропѣтъ, сочиненный по случаю трехсотлѣтія, хвалебный гимнъ, положенный на музыку Глинки. Этимъ и закончилось оффиціальное торжественное празднованіе трехсотлѣтняго юбилея присоединенія Сибири.

Съ наступленіемъ полной темноты, городъ освѣтился массою огней. Вниманіе публики обращалъ на себя городской домъ, гдѣ красовался большой огненный щитъ, изображавшій Ермака. Также очень эффектно былъ иллюминованъ городской театръ, въ которомъ давалась пьеса Полевого „Ермакъ, завоеватель Сибири“; театръ, разумѣется, былъ полонъ. Передъ началомъ спектакля артистами труппы былъ исполненъ народный гимнъ, повторенный, по желанію публики, нѣсколько разъ.

Такимъ образомъ, Иркутскъ праздновалъ первый день этого великаго торжества. 7-го декабря, въ залѣ благороднаго собранія былъ парадный обѣдъ, а 8-го, въ томъ же собраніи, большой балъ.

Столѣтній юбилей митрополита Филарета. Въ воскресенье, 9-го января, русская церковь и русскій народъ чествовали память одного изъ своихъ іерарховъ. Филарета, митрополита московскаго, по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Днемъ рожденія почившаго святителя считаютъ 26-е декабря; празднованіе же юбилея было перенесено на 9-е января по случаю рождественскихъ праздниковъ, когда было признано неудобнымъ повсемѣстно совершать панихиды по великомъ учителѣ церкви. Всѣ православные храмы Петербурга полны были молящихся; во всѣхъ совершена была панихида по Филаретѣ. Чествованіе сосредоточилось главнымъ образомъ въ Исаакіевскомъ соборѣ и затѣмъ въ Казанскомъ соборѣ и Александро-Невской лаврѣ. Въ

Исаакіевскомъ соборѣ, въ присутствіи членовъ святѣйшаго синода, многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, членовъ дипломатическаго корпуса, членовъ славянскаго благотворительнаго общества, литургія совершена была высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, въ сослуженіи съ нѣсколькими архимандритами и протоіереями. По окончаніи обѣдни, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, протоіерей Резановъ, сказалъ слово, посвященное памяти покойнаго владыки.

Въ заключеніе отслужена была панихида съ рѣдкимъ благолѣпіемъ, въ совершеніи которой участвовали высокопреосвященные митрополиты с.-петербургскій и московскій, а также многіе изъ архимандритовъ, протоіереевъ и другихъ представителей монашествующаго и бѣлаго духовенства.

Казанскій соборъ былъ также переполненъ молящимися, по преимуществу средняго и низшаго классовъ. И здѣсь литургія и панихида совершены были соборне мѣстнымъ духовенствомъ. Рѣчь произнесъ очередной проповѣдникъ, священникъ Пантелеймоновской церкви о. Переторскій.

Въ соборѣ Александро-Невской лавры въ то же время, при громадномъ стеченіи молящихся, отслужена была литургія и панихида преосвященнымъ епископомъ Сергіемъ, викаріемъ с.-петербургской епархіи, въ сослуженіи съ архимандритами Симеономъ, намѣстникомъ лавры и Арсеніемъ, духовнымъ цензоромъ.

Въ то же время, въ часъ дня, въ залѣ городской думы, при многочисленной публикѣ, членъ общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія Я. И. Зарницкій прочелъ обстоятельный рефератъ памяти митрополита Филарета, причемъ остановился на обзорѣ дѣятельности преосвященнаго, какъ проповѣдника.

Въ Москвѣ, наканунѣ, 9-го января, во всѣхъ церквахъ было отслужено всенощное бдѣніе съ краснымъ звономъ. Въ самый день празднованія тоже совершена во всѣхъ церквахъ литургія съ панихидой. Торжественное архіерейское богослуженіе совершено въ Чудовѣ монастырѣ, въ Успенскомъ и Архангельскомъ соборахъ, съ произнесеніемъ приличныхъ торжеству проповѣдей. На юбилейное торжество прибыли преосвященные: архіепископъ тверской Савва и епископъ муромскій Іаковъ. По окончаніи церковной службы, въ часъ дня, въ залѣ городской думы открыто было торжественное собраніе общества любителей духовнаго просвѣщенія, которое приняло на себя починъ юбилейнаго торжества, разсылало и выдавало заранѣе всѣмъ чтущимъ память великаго святителя, желавшимъ принять участіе въ торжественномъ воспоминаніи о немъ, пригласительные билеты на право входа въ залу собранія. Въ назначенный часъ зала была полна посѣтителями. Большинство составляло духовенство, и съ нимъ представители науки и литературы, свѣтскія власти и чины, и въ замѣтномъ меньшинствѣ было столичнаго купечества. Впереди каѳедры виднѣлся, между двумя померанцевыми деревьями, фотографическій портретъ юбиляра. Изъ высшаго духовенства прибыли въ собраніе четыре іерарха, четыре архимандрита и множество протоіеревъ и іереевъ.

По входѣ въ залу преосвященныхъ архіепископа тверскаго Саввы съ викаріемъ московскимъ и можайскимъ епископомъ Алексіемъ, хоръ чудовскихъ пѣвчихъ пропѣлъ предъ открытіемъ засѣданія молитвенную пѣснь: „Днесь благодать Св. Духа насъ собра...“ и проч. Затѣмъ предсѣдатель общества, протоіерей о. Іоаннъ Ник. Рождественскій, вступивъ на каѳедру и объяснивъ поводъ къ торжественному собранію всемірными заслугами юбиляра православной церкви, отечеству, наукѣ и воспитанію юношества, и причину нѣкотораго промедленія этого торжества, объявилъ засѣданіе открытымъ. Предполагалось отпраздновать столѣтній юбилей святителя въ ограниченномъ кругу общества любителей духовнаго просвѣщенія, но поступившія во множествѣ заявленія, выраженныя даже въ печати—отпраздновать его шире и торжественнѣе, отъ лица жителей всей древней столицы, замедлили срокъ торжествованія.

По открытіи засѣданія прочитано четыре характеристики разносторонней ученой и административной дѣятельности приснопамятнаго митрополита Филарета и произнесено нѣсколько рѣчей.

За предсѣдателемъ первое слово сказалъ настоятель Іерусалимскаго подворья, архимандритъ Никодимъ, объяснившій могучее заступничество святителя за православную церковь на Востокѣ.

Профессоръ московскаго университета протоіерей Иванцовъ-Платоновъ въ краткой рѣчи своей обрисовалъ пониманіе митрополита Филарета духа времени и потребностей образованія.

Протоіерей г. Твери Владиславлевъ почтилъ память юбиляра воспоминаніемъ о его восемнадцати-мѣсячномъ управленіи тверскою епархіею.

Московскій столичный священникъ Копьевъ изложилъ характеристику митрополита, какъ домостроителя и администратора по церковнымъ дѣламъ и какъ судіи-законовѣдца по каноническому праву и существовавшимъ въ его время русскимъ законамъ.

Профессоръ московской духовной академіи Смирновъ изложилъ учебную дѣятельность митрополита, перечисливъ труды его по учебной части съ современными отзывами объ нихъ нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Этимъ сообщеніемъ законченъ первый актъ засѣданія.

Въ антрактѣ хоръ чудовскихъ пѣвчихъ исполнилъ концертъ: „Восхвалю Господа", а распорядители торжества раздавали фотографическіе портреты юбиляра, которые на-расхватъ разбирались членами и гостями.

Послѣ концерта и раздачи портретовъ, засѣданіе снова открылъ тотъ же предсѣдатель небольшимъ вступленіемъ.

На каѳедру вступилъ свѣтскій ученый, профессоръ академіи, который охарактеризовалъ митрополита, какъ лингвиста строгаго и осторожнаго, до мелочей точнаго переводчика и толкователя священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, приводя и выраженные высокопреосвященнымъ взгляды на дѣло перевода священныхъ книгъ, особенно при оцѣнкѣ переводныхъ трудовъ другихъ ученыхъ іерарховъ и прочихъ лицъ.

Архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря Іосифъ въ теплой рѣчи обрисовалъ благочестивую, подвижническую жизнь святителя, любовь къ монашеству и пустынножительству.

Протоіерей Елеонскій, профессоръ Петровской земледѣльческой академіи, изложивъ исторію открытія академіи, сообщилъ взгляды высокопреосвященнаго на прямыя задачи ея. При этомъ о. Елеонскій познакомилъ съ сочувственными мнѣніями высокопреосвященнѣйшаго о земледѣліи еще за то отдаленное время, когда, въ 1841 и 1842 годахъ, обсуждался въ святѣйшемъ синодѣ вопросъ по введенію преподаванія естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства въ духовныхъ семинаріяхъ, съ цѣлью черезъ сельскихъ священниковъ распространять въ сельскомъ населеніи полезныя знанія по земледѣлію и тѣмъ возвысить благосостояніе прихожанъ и духовенства къ общему народному благу. Вмѣстѣ съ тѣмъ протоіерей Елеонскій старался обрисовать обликъ святителя, какъ глубокаго знатока и толкователя священнаго писанія, и во многихъ проповѣдяхъ своихъ точно и подробно разъяснявшаго смыслъ приводимыхъ имъ текстовъ.

Въ заключеніе, высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской, почтилъ память покойнаго благодарнымъ теплымъ словомъ, какъ своего непосредственнаго и перваго руководителя на поприщѣ служебномъ.

Предсѣдатель общества о. Рождественскій, закрывая засѣданіе, между прочимъ, высказалъ, что на празднуемомъ нынѣ юбилеѣ далеко не обрисованъ величавый обликъ святителя; что скудость самаго нынѣ совершаемаго торжества далеко не соотвѣтствуетъ величію имени чествуемаго іерарха, котораго по праву слѣдуетъ называть не только всероссійскимъ, но и всего православнаго міра; что даже напечатанные доселѣ труды его представляютъ каплю въ морѣ изъ обширной и многосторонней дѣятельности его, что много еще нужно лѣтъ и средствъ, чтобы вполнѣ возсоздать всю силу, все величіе заслугъ его. Общество уповаетъ съ годами достичь этого въ память сегодняшняго торжества.

Библіографическій указатель русской журналистики. Газета „Голосъ" сообщаетъ, что министерство народнаго просвѣщенія ходатайствуетъ о назначеніи библіографу В. И. Межову пособія на составленіе и изданіе его ученаго труда по 1.200 рублей въ годъ, втеченіе пяти лѣтъ. Ходатайство это вызвано слѣдующимъ заявленіемъ со стороны г. Межова:

Для всѣхъ русскихъ книгъ, начиная отъ первой изъ нихъ, напечатанной въ Москвѣ, до книгъ послѣдняго времени имѣются уже полные каталоги и библіографическіе указатели, за исключеніемъ, однако, журналовъ и газетъ. Относительно же журнальной литературы составлены у насъ указатели: со

времени появленія перваго органа печати, т. е. съ 1702 года по 1800 годъ—трудъ Неустроева, и съ 1855 года по 1882 годъ—труды библіографовъ Ламбиныхъ, Генади, Межова и др. Такимъ образомъ, въ этихъ указателяхъ существуетъ пробѣлъ за полвѣка, съ 1800 по 1855 годъ. Для пополненія этого недостатка въ библіографическихъ указателяхъ нашей журналистики, г. Межовъ съ 1870 года приступилъ къ составленію полнаго указателя всего научнаго и литературнаго матерьяла, заключающагося во всѣхъ журналахъ и газетахъ, выходившихъ въ Россіи за періодъ времени отъ 1880—1855 года, за исключеніемъ стихотвореній. До какой степени сложенъ этотъ трудъ, можно судить изъ того, что г. Межовымъ разсмотрѣно до восьмидесяти журналовъ и газетъ и выписано до 50.0 0 статей. При всемъ этомъ трудъ его не дошелъ еще и до половины. Особенное затрудненіе представляется въ пріобрѣтеніи такихъ изъ прежнихъ изданій, которыхъ не находится въ полномъ видѣ въ библіотекахъ. Такъ какъ, кромѣ этого труда, г. Межовъ занятъ еще разными другими библіографическими работами, то, разумѣется, трудъ не можетъ скоро подвигаться впередъ и едва ли, по выраженію г. Межова, достанетъ для этого труда всей его жизни. Поэтому, чтобы не прекращать громаднаго труда, предпринятаго г. Межовымъ, онъ проситъ правительство оказать ему пособіе, главнымъ образомъ, для найма сотрудниковъ, которые подъ его руководствомъ могли бы продолжать начатую имъ работу. Съ пособіемъ въ 1.200 руб. въ теченіи пяти лѣтъ онъ надѣется нетолько окончить трудъ, но даже приступить къ его печатанію.

Протоколы земскихъ соборовъ. Въ одномъ изъ московскихъ архивовъ найдены подлинные протоколы всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ при послѣднихъ царяхъ до Петра Великаго земскихъ соборовъ. Ученые и историки до сихъ поръ были убѣждены, что на русскихъ земскихъ соборахъ не велось въ старые годы никакихъ протокольныхъ записей. Открытіе массы дѣлъ, касающихся этихъ важныхъ древне-русскихъ государственныхъ учрежденій, должно пролить свѣтъ въ ученыя о нихъ изысканія. Желательно, чтобы это открытіе нашего извѣстнаго и неутомимаго изслѣдователя русскихъ древностей и знатока русскихъ архивовъ, Ник. Вас. Калачова, увѣнчалось скорымъ изученіемъ и изданіемъ въ свѣтъ этихъ документовъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Законодательство изувѣченія.

При всей бѣдности въ нашей ученой литературѣ въ историческомъ матеріалѣ, необходимомъ для подробной разработки источниковъ происхожденія нашихъ законодательствъ, мы все-таки, съ нѣкоторою вѣроятностію, можемъ сказать, что не всегда общественныя потребности были началомъ появленія у насъ тѣхъ или другихъ законовъ, но что нерѣдко они были явленіемъ у насъ случайнымъ, не соотвѣтствующимъ ни времени, ни духу народа. Мы можемъ въ этомъ случаѣ сослаться на всѣ вѣка государственной жизни нашего народа, когда, подъ давленіемъ политическихъ событій, международныхъ сношеній и проч. наши народные обычаи и законы замѣнялись или вытѣснялись то нормандскими, то греческими, то татарскими, то нѣмецкими и проч. законами и уставами.

Въ настоящее время, когда разработывается у насъ Уложеніе о наказаніяхъ, и рѣшается вопросъ, какимъ источникомъ для руководства своимъ (народные обычаи) или чужимъ (иностранные кодексы) слѣдуетъ держаться при составленіи новаго гражданскаго уложенія, намъ кажется, полезно было

бы заняться нашимъ ученымъ юристамъ подготовкою матеріаловъ для исторіи нашихъ законодательствъ, съ критическимъ ихъ разборомъ, хотя бы въ тѣхъ видахъ: 1) чтобы опредѣлить происхожденіе нѣкоторыхъ, особенно выдающихся нашихъ законовъ о наказаніяхъ; 2) чтобы узнать, почему многія человѣколюбивыя мѣры взысканія, существовавшія у насъ въ глубокую старину, были замѣнены другими, болѣе суровыми мѣрами, и 3) чтобы опредѣлить, въ какой степени соотвѣтствовалъ извѣстный законъ о наказаніяхъ духу времени и народной потребности, или напротивъ, по своей несовершенности, если достигалъ массы народа, то ложился тяжелымъ гнетомъ на народъ, подавляя въ немъ хорошія природныя его свойства и подрывая въ народѣ довѣріе къ правительству.

Мы не будемъ входить въ разборъ тѣхъ причинъ, которыя способствовали нравственному гнету нашего народа въ первые вѣка его государственной жизни, не будемъ разбирать причинъ, почему въ періодъ времени отъ Василія Ярославича до Іоанна Калиты, у насъ, по словамъ Карамзина, „сила казалась правомъ“, наконецъ, не будемъ разсматривать уставовъ Дмитрія Іоанновича — мало разнившихся отъ современныхъ имъ татарскихъ уставовъ, и проч., а остановимся здѣсь только на одномъ весьма суровомъ наказаніи, которое вошло къ намъ или изъ Кормчей книги, или изъ законодательства греческихъ иконоборцевъ, именно: объ урѣзываніи носа у преступника, наказаніи, которое въ древнихъ нашихъ законахъ не существовало. Замѣчательно здѣсь то, что это наказаніе сохранилось въ нашихъ законодательствахъ съ X по XVIII вѣкъ, несмотря на то, что еще въ XI вѣкѣ оно было уничтожено Владиміромъ Святымъ, когда это наказаніе было присуждено человѣку оклеветавшему новгородскаго епископа Луку Жидяту (1035 г.).

Мы представимъ здѣсь выписку изъ нашей старинной юрисдикціи двухъ весьма отдаленныхъ вѣковъ.

1) Въ Кормчей книгѣ (ст. 7) говорится: „Иже куепетру (куму) свою пойметъ себѣ въ жену, по закону людскому носа обѣима урѣзати и разлучити я“... и проч.

2) Въ рукописныхъ сенатскихъ указахъ (1724 г.) говорится:

„Алексѣй Никитинъ по отнятіи обѣихъ имѣній битъ кнутомъ и по вырѣзаніи ноздрей сосланъ въ каторжную работу“:

1.

„Будучи въ Ярославлѣ ѳискаломъ, преступя его императорскаго величества указы взялъ онъ, Никитинъ, за напечатаніе зборныхъ ячиковъ съ бурмистра Сѣраго пять рублевъ.

2.

„За неотдачу ему, Сѣрому, для продажи гнилого табаку двадцать рублевъ.

3.

„Съ откупщика Матвѣя Нечаева за недоносъ о печатяхъ шесть рублевъ и вина десять ведеръ.

4.

„Съ борисоглѣбца Івана Лодыгина за свободу съ караулу сорокъ рублевъ.

5.

„Съ бурмистра Горбунова, чтобы не часто въ слободу пріѣзжалъ и разореніе и нападковъ не чинилъ, сорокъ же рублевъ, въ которыхъ взяткахъ запиралея и потомъ онъ, Никитинъ, съ пытокъ повинился".

Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ исторіи нашихъ законодательствъ, мы не беремъ на себя права ни оправдывать упомянутую мѣру взысканія, ни осуждать ее, какъ несоотвѣтствующую ни духу времени, ни народной потребности; мы можемъ только сказать, что искаженіе лица и вообще тѣла человѣка имѣетъ свою исторію, и принадлежало не только среднимъ вѣкамъ, особенно забрызганнымъ кровію человѣческою, и не однимъ авторамъ всевозможныхъ жестокостей, ревностнымъ сподвижникамъ Лойолы, но гораздо древнѣйшимъ вѣкамъ и весьма различнымъ народамъ. Мы знаемъ, что во времена библейскія изображаемые знаки на лицахъ служили людямъ знаменемъ для ихъ спасенія (см. кн. Іезекіиль, IX, 4—6), или употреблялись въ подтвержденіе клятвы, обѣта, присяги не измѣнять данному слову (кн. Левитъ, XIX, 28). Древніе евреи дѣлали нарѣзки на своемъ тѣлѣ и подбривали волосы на головѣ (см. Второзаконіе, XIV, 1),—что особенно оригинально изображено въ кн. Левитъ, (XXI, 5), для выраженія печали надъ умершимъ. Вообще, въ древности, всякаго рода нарѣзки на лицахъ и разнаго рода терзанія тѣла принадлежали или религіознымъ и юридическимъ обрядамъ, или обѣтамъ, обычаямъ, наказаніямъ и проч. (напр. милита, обрѣзаніе, кастрація, продыравленіе ноздрей, просверливаніе ушей и т. п.), о чемъ можно найти описанія во многихъ историческихъ документахъ, напр. въ кн. Бытія, XVII, 10; Исходъ, XXI, 5; Второзаконіе, XV, 17; 1 кн. Царствъ, XVIII, 27; Посланіе св. ап. Павла къ Ефесеямъ, II, 11; у Геродота I, 131, 181, 199; Lex, Sal, tit., XXVI s. 4; tit. XL 11. s. 4 и 15. Essai sur symbolique du droit, etc. 1847 Charsan. Movers die Phönizier I. B. s. 362, 706. Sabier und Srabismus. Хвольсона, B. II, 114 и мн. др. Всякаго рода обезображиваніе лица человѣка (было ли оно сдѣлано для изображенія религіозной касты, знакомъ купленнаго раба, или преступленія, имѣвшаго этотъ знакъ), точно такъ же древне, какъ и всякое искаженіе и терзаніе тѣла человѣка, когда онъ наружными знаками выражалъ глубокую свою скорбь; такъ, по свидѣтельству Приска Понійскаго, царскіе слуги Атилы, при видѣ его умершимъ, обрѣзывали себѣ волосы и искажали лица свои глубокими ранами; то же самое говоритъ Ибнъ Даста о славянскихъ женщинахъ, то же мы встрѣчаемъ и между древними римлянками, растерзывавшими свои груди надъ могилою своего властелина, чтобы кровью своею умилостивить адскихъ боговъ, по выраженію: ut sanguine ostenso inferis satisfierit. Г. Хвольсонъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ ветхозавѣтной исторіи о дѣланіи людьми на тѣлѣ нарѣзовъ, и говоритъ, что этотъ обычай существовалъ и въ Греціи— уничтоженный Солономъ, и у римлянъ, гдѣ женщины изцарапывали себѣ лица ногтями въ знакъ глубокой печали. То же самое говоритъ Геродотъ о царскихъ скиѳахъ (IV, 71), которые въ случаѣ смерти своего царя отрѣзали себѣ концы ушей, брили волосы, дѣлали надрѣзы на рукахъ, изрѣзывали себѣ лицо, носъ и пробивали лѣвую руку стрѣлою (см. Oeuvres de Michellet. T. II, p. 441). Г. Хвольсонъ ссылается на Плутарха (Consol. ad. Apoll. 22), который говоритъ о варварахъ, отрѣзывавшихъ себѣ извѣстныя части тѣла въ случаѣ смерти кого либо, или изувѣчивавшихъ носъ, уши и т. п., и прибавляетъ, что этимъ они думали угодить умершимъ. Въ житіи Константина Муромскаго говорится, что славяне при погребеніи своихъ родныхъ дѣлали „и битвы, и кроенія, и лицъ на-

трѣсканія (настрѣханія?“). О. Палладій говоритъ, что когда чжурчиты (цзинь) вторглись въ Китай (владѣніе Сунъ), тогда полкъ волонтеровъ (это было въ XII в.), желая выразить свою преданность государю, накалывалъ на лицахъ своихъ особый знакъ (ши-цзы), имѣвшій видъ десятиричнаго креста. Тѣ же самые чжурчиты, если кто либо умиралъ изъ ихъ родныхъ, изрѣзывали себѣ лобъ ножомъ и мѣшали кровь со слезами, что называлось „слезными и кровавыми проводами“ (Вост. Сборн., т. I., вып. I). До сихъ поръ на Востокѣ существуютъ на лицахъ: знаки религіозныхъ кастъ, знаки купленныхъ рабовъ и клейменіе преступниковъ, которые въ Китаѣ, по словамъ о. Палладія, называются хуа-лянь-цзы (пестролицыми). Мы не говоримъ здѣсь о клейменіи преступниковъ, долгое время существовавшемъ и у насъ въ Россіи (о чемъ уже упоминается въ Двинской грамотѣ 1389 года), не упоминаемъ и о татуировкѣ, которая не только была извѣстна въ древней Россіи (по словамъ Геродота, кн. IV, гелонамъ, жившимъ въ землѣ будиновъ, близь Пинска); но извѣстно, что и нынѣ существуетъ особенный способъ татуировки у тунгусовъ и самоѣдовъ (см. Енисейская губ. 1835 г., ч. II, 30; Сѣверн. полюсъ, 1868, стр. 46). Во времена ветхозавѣтной исторіи, разнаго рода искаженіе лица и тѣла человѣка принадлежало также и къ особеннымъ военнымъ обычаямъ, служило выраженіемъ мести или презрѣнія побѣдителя къ побѣжденному; такъ Давидъ принесъ въ брачный даръ Саулу 200 краенообрѣзаній побѣжденныхъ имъ враговъ; почти подобное повторилось въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ войнѣ кафровъ (по словамъ Friedreich'а въ его „Zur Bibel. p. 143: „Ieder nimmt ein solche Ruthe in den Mund und speiet sie vor die Fusse des Königs“...). Наконецъ, обезображеніе лица человѣка, какъ злодѣяніе побѣдителя надъ побѣжденнымъ врагомъ, было исполнено такъ называемымъ болгаробойцемъ, императоромъ Василіемъ II, надъ болгарами (когда, въ 1014 г., попавшіеся 15.000 человѣкъ болгаръ въ плѣнъ были по приказанію Василія II ослѣплены такъ, что на каждую сотню слѣпыхъ оставлено было по одному кривому.)...

Всѣ вышеупомянутые нами факты могли бы служить примѣрами единичными или быть явленіями случайными въ жизни народа или въ исторіи законодательствъ, особенно возможными или у дикарей, или въ тѣ вѣка и у тѣхъ народовъ, гдѣ рабство оправдывалось въ принципѣ и освящалось мнѣніями такихъ мыслителей, какъ Аристотель (см. Aristoteles, Opera omnia, etc. Politik. Lib. I, § 4); наконецъ, можно было бы допустить, что въ старину (законъ наказанія былъ въ то же время закономъ возмездія, сила котораго зависѣла отъ воли законодателя, но мы знаемъ, что основаніе суровымъ наказаніямъ положено было знаменитой византійской имперіею, что оно было извѣстно (хотя не всегда одобрялось) Юстиніану Великому и имѣло обширное примѣненіе въ жизни народовъ западной Европы, во времена великихъ государей: Альфреда, Канута и др. Стоитъ взглянуть на законодательства того времени, испещренныя словами: урѣзываніе ноздрей, рукъ, ушей и проч. (напр., часто встрѣчаемыя слова: truncatis manibus auribusque et naribus variis sunt morticus interempti...“ или: auribus naribus sibi invicem praecidant...“ см. Georgi Corp. jur. Germ. 698, 1347 или: naribui abscisse... lugebunt faciomes fune praesumptionis. Visig. XII, 3, 4; I Cmet. 27 и др.), чтобы убѣдиться въ томъ, что эти мѣры наказанія долгое время въ Европѣ имѣли не одно традиціонное значеніе, а какъ законодательство, освященное вѣками и отвѣчавшее человѣческимъ интересамъ.

Ал. Савельевъ.

— Милордъ, не угодно ли вамъ пожаловать сюда! сказалъ громко Слингсби, обращаясь въ ту сторону, гдѣ его спутникъ все еще стоялъ въ тѣни и, повидимому, старался убѣдить въ чемъ-то своего младшаго товарища, который дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы вырвать свою руку изъ его рукъ. Одушевленный разговоръ джентльменовъ за дубовымъ столомъ, повидимому, очень мало занималъ молодаго герцога; но, услыхавъ зовъ сэра Гарри, онъ тотчасъ же подошелъ къ нему.

Это былъ стройный юноша средняго роста и поразительной красоты. Роскошные каштановые локоны окаймляли его загорѣлое лицо; небольшая, едва пробивающаяся борода оттѣняла изящно очерченныя губы. Его голова и лобъ носили на себѣ отпечатокъ благородства, въ его статной и гибкой фигурѣ, въ выраженіи большихъ сѣрыхъ глазъ, было что-то смѣлое, вызывающее, какъ бы избытокъ силъ молодости и ненасытная жажда приключеній.

— Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ! представилъ его сэръ Гарри.

Священникъ почтительно поклонился молодому герцогу, потомку одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Англіи, и съ любопытствомъ взглянулъ на сына перваго красавца своего времени, любимца двухъ монарховъ—Іакова I-го и Карла I-го, которому женщины оказывали особенное предпочтеніе. Говорили даже, что въ Бокингема-отца была влюблена французская королева Анна австрійская, мать Людовика XIV-го. Придворное дворянство боялось его, народъ ненавидѣлъ,—такъ что въ лучшую пору своей жизни онъ былъ убитъ кинжаломъ фанатика. Это была первая жертва подымающейся грозы; съ этого дня мало-по-малу мрачныя тучи заволокли все небо, все ниже и ниже опускаются они надъ головой легкомысленнаго Карла I-го, который не могъ и не хотѣлъ понять знаменія своего времени. Прошло семнадцать лѣтъ послѣ смерти могущественнаго королевскаго любимца, и теперь сынъ его вернулся изгнанникомъ на родину своихъ предковъ,—онъ, наслѣдовавшій отъ отца громкій титулъ, отъ матери самое громадное имѣніе, которое когда либо было въ рукахъ англійскаго подданнаго. Но теперь онъ почти нищій, потому что парламентъ конфисковалъ земли молодаго герцога, его лѣса и дома въ Ротлендширѣ и великолѣпный замокъ Іоркъ-гаузъ въ Лондонѣ, извѣстный своими садами и богатой картинной галлереей. Это случилось въ то время, когда шестнадцатилѣтній герцогъ, увлеченный чувствомъ преданности къ престолу, бросилъ свои занятія въ Кембриджѣ и примкнулъ къ лагерю роялистовъ. Онъ сдѣлалъ это тайно отъ своего опекуна, лорда Герарда, и съ разными приключеніями добрался до Стаффордшира, куда прибылъ въ тотъ самый день, когда принцъ Рупрехтъ съ горстью всадниковъ овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Лихтфильдомъ. Здѣсь молодой герцогъ со славой началъ свое военное поприще среди

града пуль, которыми пуритане осыпали кавалеровъ съ крыши собора, съ баррикадъ и изъ оконъ частныхъ домовъ. Но Георгъ Бокингемъ неустрашимо выдержалъ перекрестный огонь и остался невредимъ.

— Милордъ, сказалъ, по окончаніи битвы, принцъ Рупрехтъ, протягивая руку молодому герцогу,—привѣтствую васъ, какъ храбраго собрата по оружію; нѣтъ никакой надобности посвящать васъ въ рыцари, потому что вы родились имъ!—Король, которому онъ былъ представленъ, встрѣтилъ его словами: «очень радъ видѣть тебя! Сынъ Бокингема такъ же дорогъ мнѣ, какъ мои собственныя дѣти!»

Послѣ этого молодой герцогъ участвовалъ въ слѣдующей кампаніи и въ несчастной битвѣ при Марстонъ-Мурѣ, которая особенно повредила королевскому дѣлу. Солдаты парламента вторглись въ наслѣдственную землю Бокингема, превратили въ казарму роскошное жилище его предковъ, «Burley-on-the Hill», разграбили въ концѣ и, уходя, подожгли замокъ, такъ что отъ прежняго великолѣпія ничего не осталось, кромѣ голыхъ стѣнъ, почернѣвшихъ отъ дыма. Неблагоразумный поступокъ молодаго герцога глубоко огорчилъ его мать. Оба ея сына: Георгъ и Францискъ въ началѣ междоусобной войны воспитывались вмѣстѣ съ королевскими дѣтьми; затѣмъ имъ назначенъ былъ опекунъ, въ лицѣ лорда Герарда. Герцогиня осыпала его совершенно незаслуженными упреками, такъ какъ ея сынъ оставилъ Кембриджъ безъ вѣдома своего опекуна. Тѣмъ не менѣе почтенный лордъ горячо принялъ сторону юноши и сказалъ раздраженной матери: «Гдѣ сильнѣе опасность, миледи, тамъ больше и чести»!..

По ходатайству герцогини назначенъ былъ другой опекунъ, графъ Нортумберландскій, который доставилъ своему питомцу возможность бѣжать изъ Англіи. Герцогъ Георгъ объѣхалъ почти всю западную Европу, посѣтилъ Францію, Италію, прожилъ нѣкоторое время во Флоренціи и Римѣ и снова вернулся въ Англію. Чтò побуждало его къ этому: преданность ли къ королю, или жажда новыхъ приключеній?

Сэръ Гарри Слингсби встрѣтилъ молодаго герцога въ Амстердамѣ, въ домѣ богатаго банкира-еврея, д'Акоста, который велъ денежныя дѣла королевы. Домъ д'Акоста, одинъ изъ тѣхъ бюргерскихъ дворцовъ съ круглымъ фронтомъ, готическими окнами и каменными лѣстницами, какіе еще до сихъ поръ можно увидѣть въ Амстердамѣ, былъ всегда открытъ для приверженцевъ Карла I-го. Многіе изъ кавалеровъ прибѣгали въ случаѣ крайности къ гостепріимству и щедрости главы дома, мингера Іосифа д'Акоста, или донъ Джозè д'Акоста, какъ онъ любилъ называть себя въ воспоминаніе своей португальской родины. Въ числѣ такихъ гостей былъ и Георгъ Бокингемъ, который прожилъ нѣсколько недѣль въ домѣ радушнаго еврея въ ожиданіи случая переправиться въ Англію.

Здѣсь онъ встрѣтилъ Слингсби и, узнавъ, что почтенный джентльменъ ѣдетъ въ королевскій лагерь, присоединился къ нему. Судьба пока благопріятствовала имъ и они безъ всякихъ приключеній добрались до замка Чильдерлей.

Миссъ Оливія Кутсъ привѣтливо поклонилась молодому герцогу и подала ему руку, которую тотъ почтительно поднесъ къ своимъ губамъ. Хорошенькая бѣлокурая дѣвушка улыбаясь приняла эту любезность красиваго юноши, затѣмъ она обратилась въ ту сторону, гдѣ стоялъ его товарищъ, чтобы поздороваться съ нимъ въ качествѣ хозяйки дома, но остановилась въ нерѣшимости. Ее поразилъ мрачный взглядъ печальныхъ глазъ, устремленныхъ на нее. Отблекъ камина освѣщалъ блѣдное, типичное лицо молодаго иностранца, необыкновенно нѣжное и красивое по своимъ очертаніямъ, начиная отъ правильнаго носа съ легкой горбинкой, изящнаго рта, округленнаго подбородка, до глазъ, бровей и волосъ; послѣдніе имѣли синевато-черный оттѣнокъ южной лѣтней ночи. Этотъ блѣдный юноша съ его правильнымъ тонко-очерченнымъ лицомъ представлялъ собой въ массивномъ замкѣ англійскаго баронета такое же чуждое явленіе, какъ тропическій цвѣтокъ въ нашихъ оранжереяхъ, который напоминаетъ свою далекую родину не столько ароматомъ и блескомъ красокъ, сколько невыразимо тоскливымъ видомъ. Куртка и шаровары изъ голубаго бархата, обшитые серебромъ, облекали стройный станъ, въ которомъ, несмотря на грацію движеній, было что-то робкое и сдержанное.

На лицѣ Оливіи выразилось удивленіе, но она тотчасъ же почувствовала съ вѣрнымъ инстинктомъ женщины, что даже этотъ нѣмой вопросъ можетъ оскорбить незнакомаго юношу. Она поспѣшно подала ему руку и почувствовала легкое пожатіе маленькой дрожащей руки.

— Это пажъ милорда, сказалъ въ видѣ объясненія Слингсби презрительнымъ тономъ, слегка повернувъ голову.

При этихъ словахъ рука незнакомца еще сильнѣе задрожала въ рукѣ Оливіи.

— Позвольте добавить, что это не только мой пажъ, но другъ и будущій товарищъ по оружію, когда мы доберемся до королевскаго лагеря, mi buen compagnero, какъ говорятъ на его родинѣ! сказалъ герцогъ. При этомъ на губахъ его появилась своеобразная улыбка, такъ что трудно было рѣшить, говоритъ ли онъ шутя, или серьёзно. Та же веселая полусаркастическая улыбка видна была на его лицѣ всякій разъ, какъ онъ открывалъ ротъ, и она была тѣмъ неожиданнѣе, что представляла полный контрастъ съ открытымъ, добродушнымъ выраженіемъ его лица въ спокойномъ состояніи. Благодаря этой особенности, даже опытный наблюдатель затруднился бы сдѣлать окончательный выводъ о характерѣ молодаго гер-

цога и сказать, что сильнѣе въ немъ: легкомысліе или природная доброта?

— Къ сожалѣнію, мой пажъ слишкомъ мало знакомъ съ нашимъ языкомъ, продолжалъ Бокингемъ,—такъ что мнѣ приходится говорить за него. Отецъ его испанскій дворянинъ, знатнаго происхожденія, былъ убитъ въ послѣдней войнѣ съ французами и оставилъ свою семью въ крайней нуждѣ, что нерѣдко случается съ храбрыми людьми.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, милордъ! воскликнулъ сэръ Товій Кутсъ, бросивъ на пажа сострадательный взглядъ,— хотя вообще испанцамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять... Однако ты не долженъ этого принимать на свой счетъ, мой другъ; я не хотѣлъ оскорбить тебя, потому что сынъ храбраго дворянина, павшаго въ бою за короля, во всякомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Замѣть это, Джонъ, и дружески протяни ему руку!..

Съ этими словами баронетъ подвелъ къ пажу своего тринадцатилѣтняго сына.

— Мать его переѣхала въ Миланъ, сказалъ герцогъ въ видѣ заключенія къ своему разсказу;—она жила тамъ довольно бѣдно, несмотря на родство съ правителемъ. Я случайно познакомился съ нею и, чтобы облегчить ея участь, взялъ ея сына въ пажи.

— Могу только похвалить васъ за это, милордъ, сказалъ хозяинъ дома.—Какъ зовутъ вашего пажа?

— Мануэль!

— Красивое и короткое имя, хотя совсѣмъ иностранное! замѣтилъ баронетъ, ударивъ пажа по плечу съ такой силой, что тотъ пошатнулся.—Очень радъ познакомиться съ тобой, Мануэль! Тебѣ нечего краснѣть! Ты можешь прямо смотрѣть мнѣ въ глаза! Хотя я только что выбранилъ твоихъ земляковъ, но считаю въ высшей степени похвальнымъ, что испанскій дворянинъ рѣшился пріѣхать сюда, чтобы драться съ англійскими бунтовщиками.

Оливія воспользовалась этой минутой, чтобы подойти къ священнику.

— Я всегда рада видѣть васъ! сказала она.—Вы единственный человѣкъ, съ которымъ я могу говорить о Лисбетъ... Скажите, пожалуйста, вы ничего не слыхали о ней?

Вопросъ этотъ видимо смутилъ священника; онъ крѣпко пожалъ руку Оливіи вмѣсто отвѣта; затѣмъ приложилъ палецъ къ своимъ губамъ въ знакъ молчанія.

Дѣйствительно, въ эту минуту неудобно было начать дружескую бесѣду, потому что Мартинъ Бумпусъ появился въ дверяхъ сосѣдней комнаты, откуда въ залу проникъ свѣтъ зажженныхъ свѣчей и запахъ жаренаго мяса. Веселое расположеніе духа прежнихъ дней вернулось къ баронету; онъ громко воскликнулъ:—Милордъ, леди и джентльмены! Ужинъ на столѣ! Милости просимъ!

Заманчивый видъ хорошо сервированнаго стола, кувшиновъ, наполненныхъ виномъ, и серебряныхъ бокаловъ, можетъ тотчасъ утѣшить человѣка въ минуты большаго горя. По крайней мѣрѣ, это всегда случалось съ добродушнымъ баронетомъ; но сегодня болѣе чѣмъ когда нибудь лицо его сіяло радостью при мысли, что ему удастся еще разъ поужинать съ дорогими гостями.

ГЛАВА V.

Ужинъ сэра Товія внезапно прерванъ неожиданными посѣтителями.

Общество перешло въ небольшую продолговатую комнату, съ окнами обращенными на дворъ замка. Это была старинная оружейная; но она давно утратила свое прежнее назначеніе, хотя стѣны во всю длину были увѣшаны мечами, щитами, сѣкирами, копьями и другимъ средневѣковымъ оружіемъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, тѣсно уставленный всевозможными кушаньями, какія только Бумпусъ могъ приготовить въ такой короткій срокъ. Тутъ были большія и маленькія оловянныя блюда съ крышками, такъ тщательно вычищенными, что въ нихъ отражался огонь свѣчей, а также большое количество оловянныхъ тарелокъ, кувшиновъ различной формы, бокаловъ и кубковъ, изъ которыхъ одни были венеціанскаго стекла, другіе серебряные. Вокругъ стола, передъ каждымъ приборомъ стояли дубовые стулья съ красивыми рѣзными спинками, но очень неудобные для сидѣнья. Хозяева и гости размѣстились по своимъ мѣстамъ. Пажъ, по принятому обычаю, всталъ за стуломъ герцога Бокингема, Мартинъ Бумпусъ—за стуломъ баронета, который въ качествѣ хозяина сѣлъ на концѣ стола; Оливія помѣстилась противъ него подъ большой картиной, писанной масляными красками и висѣвшей высоко на стѣнѣ. Это былъ поясной портретъ дамы временъ послѣднихъ Тюдоровъ, въ костюмѣ той эпохи, съ широкими брыжжами вокругъ шеи и въ тяжеломъ парчевомъ платьѣ. Хотя съ тѣхъ поръ прошло не менѣе полвѣка, но живопись сохранила всю свѣжесть красокъ; рисунокъ отличался изяществомъ и строгимъ исполненіемъ деталей по способу Марка Жерарда, любимаго живописца при дворѣ королевы Елизаветы.

Священникъ прочелъ передъ ужиномъ принятую молитву. Всѣ присутствующіе набожно сложили руки и повторили за нимъ: аминь!—кромѣ пажа, который стоялъ неподвижно и безпокойно оглядывался.

— Что случилось съ вашимъ донъ-Мануэлемъ? шепнулъ сэръ Товій молодому герцогу, сидѣвшему направо отъ него.—Да про-

стить мнѣ Господь: у него были такіе испуганные глаза во время молитвы, какъ у чорта, когда онъ увидитъ крестъ.

— Вы забываете, сэръ Товій, возразилъ Бокингемъ,—что онъ изъ католической земли.

— Я лично ничего не имѣю противъ католиковъ, замѣтилъ баронетъ,—если только они отъ чистаго сердца присоединяются къ тѣмъ, которые стоятъ за короля. Мнѣ все равно—католикъ ли этотъ юноша, или нѣтъ! Но я не вижу причины, почему онъ не можетъ сказать «аминь», когда его произносятъ добрые христіане, принадлежащіе къ англиканской церкви!

— Чтобы молиться на какомъ нибудь языкѣ, нужно понимать его, сказалъ герцогъ,—но ручаюсь вамъ, сэръ Товій, что онъ научится тому и другому; вы убѣдитесь въ этомъ при нашемъ будущемъ свиданіи.

Баронетъ бросилъ недовѣрчивый взглядъ на своего собесѣдника, но ничего не отвѣтилъ, потому что не любилъ начинать споръ передъ ужиномъ.

— Будьте какъ дома, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ гостямъ;—но, къ сожалѣнію, я не могу предложить вамъ ничего лучшаго при нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Съ этими словами онъ воткнулъ большую вилку въ стоявшій передъ нимъ сочный росбифъ и нарѣзалъ цѣлую гору толстыхъ кусковъ, свидѣтельствовавшихъ объ его радушіи и хорошемъ апетитѣ гостей.

— Вотъ такъ! говорилъ онъ всякій разъ, наполняя одну за другой тарелки, которыя подавалъ ему Мартинъ, между тѣмъ какъ Оливія угощала гостей виномъ на другомъ концѣ стола. Хотя она въ первый разъ взяла на себя роль хозяйки, но исполняла ее такъ мило и ловко, что отецъ съ сердечнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за ея движеніями.

— Странно, сказалъ сэръ Гарри, смотря на нее съ ласковой улыбкой,—до чего вы похожи на портретъ, который виситъ надъ вами. Если бы надѣть на васъ такіе же брыжжя, корсажъ и фижмы, то право можно было бы вообразить, что этотъ портретъ ожилъ и вышелъ изъ старой рамки.

— Развѣ онъ все еще виситъ тутъ! воскликнулъ съ неудовольствіемъ сэръ Товій, стукнувъ по столу большимъ серебрянымъ кубкомъ, который онъ только что поднялъ, чтобы выпить за здоровье своихъ гостей.

— Не сердитесь, сэръ, вмѣшалась Оливія,—вы знаете, что моя покойная мать очень дорожила этимъ портретомъ.

— Тѣмъ хуже! продолжалъ старый кавалеръ,—онъ раздражаетъ меня и превращаетъ въ ядъ каждую каплю выпитаго мною вина.

— Но эта женщина сдѣлала мнѣ столько добра, робко возра-

зила Оливія, смущенная тономъ отцовскаго голоса,—и моя мать считала ее лучшимъ другомъ.

— Ты забываешь, что она мать этого негодяя! отвѣтилъ запальчиво сэръ Товій, возвысивъ голосъ.

— Вы напрасно горячитесь сэръ, замѣтилъ священникъ, обращаясь къ баронету.—Она изъ дома Стюартовъ; въ ней отчасти течетъ королевская кровь, и поэтому, даже помимо ея личныхъ качествъ, къ ней слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ. Что же касается ея сына, то какъ бы ни была велика его вина, онъ не заслуживаетъ того прозвища, которое вы только что дали ему.

— О комъ говорите вы, господа? спросилъ Слингсби, вмѣшиваясь въ разговоръ.

— Объ этомъ... этомъ... Да поможетъ мнѣ Господь, я не въ состояніи выговорить его имя.

— Объ Оливерѣ Кромвелѣ, сказалъ священникъ.

Это имя смутило всѣхъ. Наступила минута томительнаго молчанія.

Сэръ Гарри первый прервалъ его громкимъ насильственнымъ смѣхомъ:

— Если вы говорите объ этомъ пастырѣ овецъ, который въ одинъ прекрасный день превратился въ военнаго генерала, то, по правдѣ сказать, я не вижу причины, почему онъ можетъ безпокоить кого либо изъ насъ! Онъ скоро долженъ будетъ проститься съ своимъ войскомъ, такъ какъ съ его солдатами будетъ то же, что и съ его духовнымъ стадомъ; впрочемъ, кто разъ обанкрутился, тотъ не боится вторичнаго банкротства!

При этихъ словахъ сэръ Гарри опять захохоталъ и выпилъ большой глотокъ вина изъ стоявшаго передъ нимъ кубка.

— Вы находитесь въ сильномъ заблужденіи, сэръ, замѣтилъ священникъ серьёзнымъ тономъ,—и напрасно поднимаете на смѣхъ Кромвеля. Если бы его враги имѣли о немъ сколько нибудь вѣрное понятіе, то дѣло короля и его приближенныхъ было бы въ несравненно лучшемъ положеніи. Вы считаете Оливера ограниченнымъ чудакомъ, а я могу увѣрить васъ, что онъ не только замѣчательно умный, но и великій человѣкъ.

— Вы, повидимому, очень близко знаете враговъ его величества? замѣтилъ съ ироніей Слингсби.

— Дѣйствительно, я знаю Кромвеля, сказалъ священникъ спокойнымъ голосомъ,—потому что въ былыя времена я часто имѣлъ случай видѣть его и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ былъ тогда мало-извѣстный членъ парламента, надъ которымъ было принято издѣваться, такъ что его имя не иначе упоминалось, какъ съ насмѣшкой. Мнѣ лично онъ никогда не казался смѣшнымъ. Въ этомъ человѣкѣ было нѣчто такое, что я не могу выразить по недостатку подходящаго слова, но чѣмъ онъ всегда поражалъ меня, даже

прежде, нежели успѣлъ я обмѣняться съ нимъ одной фразой. Я часто встрѣчалъ его на лугахъ С. Ивсъ или на сжатомъ полѣ, подъ мрачнымъ осеннимъ небомъ. Онъ проходилъ мимо меня, не замѣчая моего присутствія, такъ какъ весь былъ поглощенъ своими мыслями или молитвой. Нерѣдко онъ громко бесѣдовалъ съ Богомъ; я могъ разслышать его слова среди шума и воя вѣтра; въ нихъ было столько силы и непроницаемаго мрака, что ужасъ охватывалъ мою душу. Не разъ я заставалъ его плачущимъ; такихъ слезъ я никогда не видалъ и не увижу въ моей жизни; это былъ какой-то раздирающій вопль среди пустаго пространства; онъ сѣтовалъ о своихъ и людскихъ грѣхахъ и, ломая руки, молилъ Бога явить ему знаменіе прощенія. Я стоялъ и слѣдилъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезалъ въ туманѣ. Въ такія минуты я испытывалъ тяжелое чувство. Мнѣ казалось, что мимо меня проносился духъ будущаго...

Со двора послышались громкіе звуки трубы, которые внезапно нарушили тишину весенней ночи.

Герцогъ Бокингемъ съ испугомъ оглянулся.

— Это что такое? воскликнулъ сэръ Гарри, невольно хватаясь за шпагу.

— Осмѣливаюсь доложить вашей милости, что это трубитъ сторожъ на башнѣ! сказалъ Мартинъ Бумпусъ. — Пробило девять часовъ.

— Могу васъ увѣрить, сэръ Гарри, что вы напрасно составили себѣ такое дурное мнѣніе о Кромвелѣ, продолжалъ священникъ. Затѣмъ, обращаясь къ хозяину дома, онъ добавилъ:

— Меня особенно удивляетъ, что вы также раздѣляете это мнѣніе, многоуважаемый сэръ Товій, послѣ той сердечной дружбы, которая связывала васъ съ этимъ человѣкомъ. Мнѣ кажется, что мы должны навсегда сохранить въ нашей душѣ если не остатокъ любви, то, по крайней мѣрѣ извѣстное уваженіе къ тѣмъ, которые нѣкогда были дороги нашему сердцу. Человѣкъ въ своемъ прошломъ уважаетъ самого себя.

— Тѣмъ не менѣе, возразилъ баронетъ,—это не должно помѣшать мнѣ сознаться, что я ошибся въ моей привязанности; могу ли я признавать кровное родство, противъ котораго возстаетъ все мое существо. Дружба наша порвалась въ тотъ самый день, когда этотъ человѣкъ, имени котораго я не произношу, поднялъ знамя и собралъ войско противъ его величества; вмѣстѣ съ тѣмъ умерло и всякое чувство къ нему въ моемъ сердцѣ.

— Имя вашей дочери, данное въ честь этого человѣка, будетъ всегда напоминать вамъ о немъ.

— Оливія... проговорилъ медленно баронетъ, бросивъ печальный взглядъ на свою дочь. — Да, тогда все было лучше, чѣмъ теперь. Мы жили по сосѣдству, я любилъ его какъ роднаго брата, жены

наши были дружны какъ сестры. Какъ часто ходили мы другъ къ другу въ гости по ближайшей дорогѣ между замкомъ Чильдерлей и Слипъ-Голлемъ. Я помню тотъ счастливый день, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда тебя крестили, Оливія, въ нашей маленькой приходской церкви и назвали его именемъ...

Баронетъ не могъ окончить фразы отъ волненія; въ глазахъ его блеснули слезы.

— Связь эта,—сказалъ священникъ, обращаясь къ Слингеби,—поддерживалась и послѣ. Когда миссъ Оливіи исполнилось семь лѣтъ, ее отвезли въ домъ тётки, незадолго до того времени, какъ Кромвель съ своей семьей удалился изъ этой мѣстности. Здѣсь миссъ Оливія прожила цѣлый годъ и подружилась съ Елизаветой Кромвель, самой милой, красивой и богато одаренной изъ дочерей Оливера; по своей кротости, терпѣнію и веселости, она представляетъ полный контрастъ съ отцомъ, хотя всего ближе подходитъ къ нему по своей натурѣ.

Священникъ глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ и продолжалъ:

— Когда я вспомню о С. Ивсѣ, то испытываю какое-то тихое и отрадное чувство. Воображеніе рисуетъ маленькій городъ и рыночную площадь; я стою на каменномъ мосту; мимо меня ѣдутъ фермеры въ телѣжкахъ и верхами; они дружелюбно кланяются мнѣ; я отвѣчаю имъ тѣмъ же. Подъ моими ногами Оуза; далеко и живописно извивается рѣка между буковыми деревьями; на темномъ фонѣ воды плывутъ два лебедя. На берегу виднѣются дома съ фронтонами, красными стѣнами и свѣтлыми окнами; на заднемъ планѣ изъ массы зелени возвышается стройная церковная башня. Я служилъ тогда помощникомъ у Генри Доунголля, викарія С. Ивской церкви, который былъ задушевнымъ другомъ Кромвеля, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался въ Кембриджѣ и былъ креснымъ отцомъ его старшаго сына. Мистеръ Доунголль познакомилъ меня съ семьей этого замѣчательнаго человѣка. Кромвель въ то время почти не выѣзжалъ изъ Слипъ-Голля, взятаго имъ въ аренду, гдѣ онъ жилъ до тѣхъ поръ, пока оставался въ С. Ивсѣ. Какъ часто ходилъ я тогда по дорогѣ, которая вела отъ городской площади къ его жилищу, между заборами и высокими вязами. Домъ, окруженный густой зеленью, стоялъ у глубокаго пруда; изъ оконъ видна была зеркальная поверхность воды и луга, которые тянулись на далекомъ пространствѣ до самаго горизонта. Тишина и миръ этого дома наполняли мою душу набожнымъ чувствомъ всякій разъ, когда я входилъ въ него. Искренняя привязанность связывала хозяина дома съ его женой, съ уваженіемъ относились они къ старой матери; между отцомъ и дѣтьми было полное довѣріе и любовь. Такимъ образомъ, я узналъ ближе этого святаго человѣка, который казался мнѣ такимъ загадочнымъ въ минуты своей душевной борьбы...

— Меня удивляетъ, замѣтилъ насмѣшливо сэръ Гарри, — что вы, служитель англиканской церкви, признаете святость этого еретика. Онъ могъ легко совратить васъ съ истиннаго пути!

— Нисколько! отвѣтилъ спокойно священникъ. — Но я только тогда понялъ вполнѣ значеніе слова терпимость, когда я познакомился съ этимъ человѣкомъ, который такъ смѣло отрекся отъ всѣхъ постановленій нашей церкви. Въ сущности онъ только разъ или два рѣшился противорѣчить мнѣ въ разговорѣ.—«Я уважаю не меньше другихъ домъ Господень», сказалъ онъ однажды, — «но, по моему мнѣнію, внѣшнія украшенія вовсе не служатъ къ восхваленію Создателя и человѣкъ не становится благочестивѣе отъ пестрыхъ, расписанныхъ оконъ»...

— Ну вотъ, развѣ я не былъ правъ! воскликнулъ сэръ Гарри.— Я не хочу казаться лучше чѣмъ есть, потому что кавалеръ можетъ сражаться за церковь, если онъ даже не посѣщаетъ ее каждое воскресенье и не присутствуетъ при всякомъ богослуженіи. Но кто издѣвается надъ священническимъ облаченіемъ, образами и колѣнопреклоненіемъ, того я считаю измѣнникомъ противъ религіи, короля и отечества. Я глубоко убѣжденъ, что пока пуританизмъ не будетъ истребленъ до корня, нечего думать о спокойствіи въ государствѣ; поэтому мы и должны идти противъ него съ огнемъ и мечемъ.

— Очень жаль, что у васъ составилось такое убѣжденіе! возразилъ Гевитъ.—Наша партія находилась бы теперь въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, если бы мы могли настолько совладать съ собой, чтобы выносить то, чего мы измѣнить не въ силахъ. Прежде это еще было возможно, когда умы были въ броженіи и война еще не начиналась. Какъ жаль, что я не могу повторить всѣмъ приверженцамъ короля слова, сказанныя тогда Кромвелемъ. Въ нихъ разрѣшеніе нашей распри. Примите ихъ и вы этимъ возстановите миръ между королемъ и народомъ въ государствѣ и церкви!—«Нашъ вѣкъ,—сказалъ Кромвель,—жаждетъ раздоровъ, и вражда кажется мнѣ тѣмъ пагубнѣе, что въ основаніи ея лежитъ религіозное несогласіе. Но горе государству, которое, избирая себѣ слугъ, обращаетъ вниманіе на ихъ религію, а не на желаніе вѣрно служить ему!»

— Значитъ, вы, г-нъ священникъ, возразилъ съ горькимъ смѣхомъ Слингсби, — ничего не имѣете противъ того, чтобы Кромвель поступилъ на службу короля?

— Разумѣется, это даже мое искреннее желаніе.

— Вы должны знать, милостивый государь, что подобная фраза въ высшей степени оскорбительна для людей, участвовавшихъ въ сраженіяхъ при Эджегиллѣ и Ньюбери.

— Но она въ высшей степени назидательна для тѣхъ, которые дрались при Марстонсмурѣ.

— Вы не должны забывать, г-нъ священникъ, о кровавой смерти Лауда.

— А вамъ, г-нъ кавалеръ, не мѣшало бы помнить казнь Стаффорта по приговору парламента. Nolite confidere in principibus et filiis hominum, quia non est salus in illis—таковы были его послѣднія слова.

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, г-нъ священникъ!

— Я высказываю только свои искреннія убѣжденія, потому что не нахожу ничего невозможнаго или дурнаго въ томъ, если человѣкъ старается привлечь на свою сторону великаго противника, чтобы спасти себя и свое государство. Время раздѣленія на партіи давно прошло; теперь вопросъ идетъ о существованіи.

— Неужели вы серьёзно осмѣливаетесь предлагать подобное разрѣшеніе дѣла?

— Да, потому что нѣтъ другаго исхода. Возстаніе потрясло церковь и значеніе королевской власти. Меня приводитъ въ ужасъ...

— И вы все-таки видите спасеніе въ Кромвелѣ?

— Я надѣюсь на него, несмотря на страхъ, который онъ внушаетъ мнѣ. Онъ представляетъ для меня идеалъ мужской силы и выдержки, между тѣмъ какъ во главѣ нашей партіи стоитъ женщина.

Сэръ Гарри, не помня себя отъ гнѣва, вскочилъ съ мѣста.

Молодой герцогъ также казался разгоряченнымъ, хотя это скорѣе происходило отъ количества выпитаго вина, нежели отъ разговоровъ, которые велись за столомъ. Онъ отстегнулъ шпагу и отдалъ ее своему пажу, чтобы тотъ повѣсилъ ее на стѣну.

Священникъ, несмотря на свою обычную кротость и спокойствіе, былъ видимо задѣтъ вызывающимъ тономъ своего собесѣдника. Лицо его поблѣднѣло; губы дрожали; глаза были устремлены въ пространство съ суровымъ задумчивымъ выраженіемъ.

Въ залѣ водворилось молчаніе; священникъ прервалъ его замѣчаніемъ:

— Разница мнѣній въ частностяхъ не должна служить поводомъ для ссоры, тѣмъ болѣе, что мы съ вами, сэръ Гарри, принадлежимъ къ одной партіи. Если мы оба не измѣнимъ нашимъ основнымъ убѣжденіямъ, то, быть можетъ, когда нибудь дружески встрѣтимся съ вами...

При этихъ словахъ священникъ всталъ съ мѣста и, взявъ бокалъ, чокнулся съ Слингсби.

— За здоровье его величества, англійскаго короля Карла I-го! громко провозгласилъ онъ.

Слингсби поспѣшилъ отвѣтить на тостъ. Въ то время, какъ оба противника протянули другъ другу руки въ знакъ примиренія, за спиной герцога съ грохотомъ упала со стѣны массивная сѣкира и вонзилась въ полъ у ногъ пажа, который съ крикомъ отскочилъ въ сторону.

Вслѣдъ затѣмъ со двора раздались звуки трубы, но на этотъ разъ громкіе и пронзительные, какъ крикъ о помощи.

— Боже мой, что это значитъ? воскликнулъ съ безпокойствомъ сэръ Гарри.—Нужно было бы послать кого нибудь узнать, что дѣлается тамъ...

Баронетъ поспѣшно отворилъ окно, выходившее на дворъ.

— Слишкомъ поздно! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Дворъ зàмка былъ переполненъ шумной толпой; люди двигались взадъ и впередъ съ фонарями, насаженными на высокихъ палкахъ, которыя мелькали надъ ихъ головами. Насколько можно было видѣть при слабомъ отблескѣ свѣчей изъ открытаго окна, это была многочисленная шайка нищихъ въ жалкихъ лохмотьяхъ, вооруженная дубинами, палками, косами, цѣпами и вилами. Посреди двора развѣвалось знамя. Слышенъ былъ смѣшанный гулъ шаговъ, оружія и дикихъ голосовъ, который глухо раздавался среди тишины весенней ночи.

ГЛАВА VI.

Нейтральная партія.

Сэръ Товій сдѣлалъ знакъ своимъ гостямъ, чтобы они удалились въ глубину комнаты; затѣмъ, выглянувъ изъ окна, онъ крикнулъ толпѣ:

— Къ сожалѣнію, господа, я лишенъ удовольствія видѣть ваши лица вслѣдствіе дурнаго освѣщенія; поэтому извините, если я рѣшаюсь спросить васъ: кто вы и чего вы желаете отъ меня?

— Вы дѣлаете разомъ два вопроса, сэръ! возразилъ изъ толпы густой басъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ выразительныхъ голосовъ, который самъ по себѣ даетъ понятіе о свойствахъ говорящаго и его наклонностяхъ. Когда слышишь подобный голосъ, то невольно представляешь себѣ одичалаго человѣка, съ взъерошенными волосами и краснымъ носомъ, свидѣтельствующимъ объ его пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ. — Клянусь честью, продолжалъ тотъ же голосъ, который точно выходилъ изъ глубокаго подземелья,—я имѣю болѣе правъ, нежели вы, задавать вопросы! Другое дѣло, если бы вы могли показать мнѣ вашу legitimationem ad litem; но она, вѣроятно, была уничтожена въ недавнее время, вмѣстѣ съ «Верховной комиссіей». Тогда бы я сказалъ: «этотъ случай подлежитъ рѣшенію «Звѣздной камеры», какъ говоритъ Робертъ Шаль, мировой судья въ графствѣ Глостеръ... Ну, да Богъ съ нимъ! Мнѣ поручили передать вамъ, сэръ, важную бумагу, и такъ какъ дѣло довольно щекотливое, то вы не можете быть въ претензіи, если я не тотчасъ отвѣчу на ваши вопросы.

— Провались я сквозь землю, если я понялъ одно слово изъ всей этой болтовни, воскликнулъ баронетъ.—Не будьте такъ многорѣчивы, другъ мой, и скажите мнѣ прямо, въ чемъ заключается бумага, которую вы должны передать мнѣ; тогда и все остальное выяснится для меня.

— Вы называете меня вашимъ другомъ! отвѣтилъ голосъ снизу,—если такъ, то мы приступимъ къ чтенію; посланіе написано чернилами на бѣлой бумагѣ, если можно назвать ее бѣлой, когда она сдѣлана изъ лохмотьевъ бѣдняковъ.. Ну, вы, ночныя совы, возлюбленныя дѣти луны! Если вы будете освѣщать воздухъ своими фонарями, которые вы утащили случайно или, лучше сказать, противъ воли хозяевъ съ конюшенъ мызы, то я ничего не увижу. Держите пониже свои свѣтильники! Здѣсь такъ темно, что я не могу разглядѣть собственной руки, не только прочесть то, что нацарапано на этой бумагѣ. Надѣюсь, вы не требуете отъ меня, чтобы я зналъ на память всѣ адресы на пакетахъ, которые ношу съ собой. Это было бы слишкомъ много!

При этихъ словахъ нѣсколько человѣкъ выступило изъ толпы; они наклонили свои фонари и встали полукругомъ около оратора, багровое лицо котораго было окаймлено длинными косматыми волосами.

— Осторожнѣе! крикнулъ онъ, — не подожгите здѣсь чего нибудь.

— Не безпокойтесь, послышалось въ отвѣтъ, — мы достаточно насмотрѣлись на пожары и наша единственная цѣль оградить себя отъ нихъ.

— Ну, слушайте, продолжалъ ораторъ и, вынувъ изъ кармана большой пакетъ, прочелъ адресъ: «Достопочтенному сэру Товію Кутсъ, кавалеру и владѣльцу замка Чильдерлей въ округѣ Честертонъ, графства Кембриджъ»...

— Любезный другъ, сказалъ баронетъ, прерывая чтеца,—пакетъ адресованъ на мое имя; всѣ титулы поименованы вѣрно. Но прежде чѣмъ принять бумагу, я долженъ узнать: чьимъ именемъ вы дѣйствуете, кто вы такой и чего хотятъ отъ меня эти люди, которые въ такое позднее, чтобы не сказать неприличное, время ворвались въ дворъ моего замка?

— Сэръ Товій, возразилъ ораторъ,—вы имѣете привычку задавать разомъ множество вопросовъ. Не мѣшало бы вамъ иногда измѣнять этой привычкѣ. Вы видите, у меня языкъ прилипаетъ къ гортани; а умъ мой, также какъ и ноги, ослабѣлъ отъ голода и ходьбы.

— Несчастный! сказалъ про себя баронетъ, въ которомъ состраданіе всегда пересиливало всякія соображенія. — Другъ мой, добавилъ онъ громко,—вы были бы первый человѣкъ, который вышелъ со двора Чильдерлей въ томъ состояніи, въ какомъ вы нахо-

дитесь. Но, къ несчастью, времена гостепріимства прошли; приходится узнавать, съ кѣмъ дѣлишься своимъ хлѣбомъ!.. Простите, другъ мой, это не моя вина; во всякомъ случаѣ вы нисколько не повредите себѣ, если прямо объявите мнѣ, что вы и ваши товарищи не бунтовщики и не приверженцы парламента.

Ораторъ обратился къ толпѣ и передалъ слова баронета.

Въ отвѣтъ на это раздались десятки голосовъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Мы не сражаемся за парламентъ!

— Слава тебѣ, Господи! воскликнулъ баронетъ, въ голосѣ котораго слышалась сердечная радость. — Значитъ, вы за короля?

— Нѣтъ, нѣтъ! заревѣла опять толпа. — Мы не сражаемся за короля!

Баронетъ на одну минуту онѣмѣлъ отъ удивленія, испуга и гнѣва.

— Какъ, крикнулъ онъ, когда даръ слова вернулся къ нему.— Вы не стоите ни за короля, ни за парламентъ? На чьей же вы сторонѣ?

— Мы не принадлежимъ ни къ той, ни къ другой партіи, сказалъ предводитель, указывая на свое небольшое войско, часть котораго была освѣщена слабымъ свѣтомъ фонарей, между тѣмъ какъ остальные стояли въ тѣни подъ высокими стѣнами замка.— Мы явились сюда изъ южныхъ графствъ, чтобы основать союзы и навербовать приверженцевъ. Мы ведемъ войну, чтобы достигнуть мира, и, главнымъ образомъ, ведемъ ее противъ войны. Мы не трогаемъ того, кто насъ оставляетъ въ покоѣ, и бьемъ того, кто бьетъ насъ! Быть можетъ, мои слова покажутся вамъ безумными, но «въ нихъ есть метода», какъ говоритъ Полоній.

Баронетъ отошелъ отъ окна и присоединился къ своимъ гостямъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты:

— Чудакъ боится, чтобы его не сочли за сумасшедшаго! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—но мнѣ кажется, что это скорѣе преступникъ, бѣжавшій отъ правосудія...

— Ни то, ни другое! возразилъ Слингсби. — Мнѣ уже не въ первый разъ приходится встрѣчать этого рода людей. Вѣроятно, они также принадлежатъ къ клубной арміи Дорсета и Вильтшира! У этихъ философовъ палка замѣняетъ принципы. Во время прошлогодняго похода у насъ даже была стычка съ подобной шайкой. Сначала они вылѣзли изъ ближайшаго лѣса съ мушкетами и охотничьими ружьями, а когда имъ пришлось плохо, то вооружились пиками, алебардами, кузнечными молотами и дубинами; но вслѣдъ затѣмъ они не только сдружились съ нашими солдатами, но даже напивались вмѣстѣ съ ними въ тавернахъ. Повѣрьте,. съ этими людьми нетрудно сговориться; ихъ діалектика также плоха, какъ и ихъ одежда.

— Скажите же наконецъ: кто они такіе?

— Разорившіеся фермеры и крестьяне-поденщики безъ работы, слуги безъ мѣстъ! отвѣтилъ со смѣхомъ Слингсби.—Какъ видите, народъ несовсѣмъ надежный; но они все-таки годятся на то, чтобы служить пушечнымъ мясомъ въ королевской арміи, если только удастся склонить ихъ на свою сторону. Но вообще они люди неопасные, ведутъ главнымъ образомъ войну противъ стадъ домашняго скота, и больше жаждутъ водки, нежели крови. Имъ безразлично у кого украсть лошадь или поджечь домъ; сегодня они ограбятъ роялиста, завтра бунтовщика. Въ этомъ отношеніи они отличаются рѣдкимъ безпристрастіемъ. Ежедневно совершаютъ они какой нибудь грѣхъ, и вслѣдъ затѣмъ стараются загладить его добрыми дѣлами до наступленія ночи. Однимъ словомъ, многоуважаемый сэръ, могу вамъ поручиться, что вы дешево отдѣлаетесь отъ нихъ.

— Но я не имѣю никакого желанія кормить и поить на свой счетъ враговъ короля! возразилъ баронетъ.

— Разумѣется, объ этомъ и думать нечего! Они въ самое короткое время уничтожили бы всѣ ваши запасы и выпили все вино въ погребѣ. Вы можете безъ угрызенія совѣсти предоставить ихъ собственной участи, хотя всѣ они рано или поздно обречены на голодную смерть. Это настоящія государственныя піявки или шакалы, какъ ихъ принято называть въ послѣднее время; но въ сущности они ни такъ дурны, какъ кажутся съ перваго взгляда. Я замѣтилъ, что они съ особеннымъ удовольствіемъ грабятъ помѣстья нашихъ противниковъ и не разъ выказали примѣрную храбрость, нападая на аріергардъ парламентской арміи. Ферфаксъ, какъ только поймаетъ ихъ, приказываетъ вѣшать и разстрѣливать. Это довольно важная причина, чтобы мы были съ ними полюбезнѣе. Если вамъ будетъ угодно послушать моего совѣта, сэръ, то прикажите имъ подать ѣды и вина, они не избалованы въ этомъ отношеніи. Что же касается предводителя, то позовите его сюда, здѣсь будетъ чѣмъ накормить его. Любопытно взглянуть на этого чудака, и, вдобавокъ, нужно попытаться: нельзя ли склонить его на нашу сторону. У него растаетъ душа, когда онъ увидитъ всѣ эти бутылки и услышитъ запахъ жаркаго.

— Съ удовольствіемъ послѣдую вашему совѣту, отвѣтилъ хозяинъ дома;—пріятно накормить голоднаго человѣка. Я всегда говорилъ, что голодъ главный врагъ человѣческаго рода; если воинъ кровожаденъ, то это объясняется тѣмъ, что онъ вѣчно голоденъ. Наполните глотку человѣку—и онъ сдѣлается миролюбивымъ добродѣтельнымъ гражданиномъ.

Сэръ Товій подошелъ къ окну и, возвысивъ голосъ, сказалъ:

— Слушайте, другъ мой, придите къ намъ наверхъ; ужинъ на столѣ. Принесите также съ собой ваши бумаги; здѣсь удобнѣе прочесть ихъ, нежели внизу, и вы, вдобавокъ, можете подкрѣпить себя стаканомъ вина.

Небесной музыкой, нѣжной какъ Эолова арфа, прозвучало это приглашеніе въ ушахъ бѣдняка, хотя голосъ почтеннаго баронета не имѣлъ ничего эѳирнаго. Онъ провелъ рукой по лицу, пригладилъ свои взъерошенные волосы и, обращаясь къ товарищамъ, сказалъ:

— Ну, друзья мои, надѣюсь, что вы не уйдете отсюда голодные. Въ этихъ зàмкахъ, если готовятъ ужинъ на одного, то можно смѣло накормить сто человѣкъ!—При этомъ онъ указалъ на кухню, гдѣ все еще горѣлъ сильный огонь на очагѣ. — Но только прошу васъ, не производите никакихъ безпорядковъ; если кто увѣренъ, что получитъ приглашеніе, то не долженъ ничего хватать преждевременно. Поняли ли вы меня? Это гораздо приличнѣе и въ большинствѣ случаевъ выгоднѣе

Окончивъ свою рѣчь, онъ направился къ главному входу, и въ тотъ же моментъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, изъ кухонныхъ дверей вышелъ Мартинъ Бумпусъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ работницъ и слугъ, которые несли большія корзины, наполненныя хлѣбомъ, мясомъ и огромными кувшинами пива. Все это было раздѣлено по-ровну между непрошенными гостями. Они воткнули въ землю свои палки съ фонарями и принялись усердно ѣсть и пить, восхваляя щедрость владѣльца зàмка.

ГЛАВА VII.

Юргенъ исполняетъ возложенное на него порученіе.

— Честь имѣю кланяться всѣмъ присутствующимъ! сказалъ предводитель народной партіи, входя въ столовую, гдѣ баронетъ снова занялъ свое мѣсто за столомъ, пригласивъ гостей послѣдовать его примѣру.

Внезапный переходъ отъ мрака къ свѣту ослѣпилъ незнакомца, который въ эту минуту походилъ на сову или летучую мышь, влетѣвшую съ улицы въ освѣщенную комнату. Волосы покрывали его лобъ до бровей; сначала онъ не могъ ничего различить; но первое, что онъ увидѣлъ, это было превосходное жаркое, съ воткнутой въ него огромной вилкой, часть котораго была изрѣзана баронетомъ.

— Съ вашего позволенія, сказалъ онъ и, задѣпивъ вилкой огромный кусокъ, проглотилъ его въ одно мгновеніе. На лицѣ его выразилось удовольствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое смущеніе, потому что, кромѣ превосходныхъ вещей, стоящихъ на столѣ, онъ замѣтилъ нѣсколько постороннихъ лицъ, внимательно слѣдившихъ

за его движеніями. Какъ бы желая удостовѣриться въ этомъ, онъ еще разъ окинулъ глазами комнату и поспѣшно положилъ вилку на столъ.

— Другъ мой, сказалъ добродушно хозяинъ,—вилка эта слишкомъ велика; возьмите поменьше, вамъ будетъ удобнѣе.

Затѣмъ, желая загладить непріятное впечатлѣніе, которое могло произвести его замѣчаніе на незнакомца, онъ подалъ ему кубокъ, въ который влилъ цѣлую бутылку бургонскаго.

Этотъ залпомъ выпилъ вино.

— Ну, славу Богу, сказалъ улыбаясь баронетъ, — жажда не уступаетъ у васъ аппетиту.

— Ad unguem! Super nagulum! Выпито до дна! воскликнулъ предводитель шайки, мундиръ котораго состоялъ изъ разорваннаго кителя, а вооруженіе изъ охотничьяго ножа, пистолета и палки. Единственнымъ отличительнымъ знакомъ его достоинства была бѣлая лента, обвязанная вокругъ руки.—Super nagulum, повторилъ онъ, опрокинувъ на столъ кубокъ.

— Вы отлично говорите по-латыни! замѣтилъ сэръ Гарри, невольно любуясь одичалой, но вмѣстѣ съ тѣмъ мускулистой и статной фигурой молодаго незнакомца, не лишенной своеобразной красоты.

— Несовсѣмъ, отвѣтилъ онъ, — я научился латинскому языку въ школѣ, но забылъ его въ «Inner-Tempel'ѣ».

— Значитъ, вы юристъ и хорошо знаете законы?

— Да, въ былыя времена я готовился къ этому поприщу! возразилъ незнакомецъ печальнымъ тономъ, и взявъ вилку и ножъ отъ своего прибора, отрѣзалъ себѣ огромный кусокъ ростбифа.

— Но какимъ образомъ вы сдѣлались предводителемъ этой шайки оборванцевъ? спросилъ Слингсби.

— Окольными путями, сэръ, отвѣтилъ незнакомецъ, вставая съ своего стула, чтобы достать бутылку рейнвейна, которая попалась ему на глаза.

Пажъ герцога, замѣтивъ это движеніе, посторонился, чтобы дать ему дорогу, и вышелъ изъ тѣни, такъ что незнакомецъ увидѣлъ его профиль при яркомъ освѣщеніи восковыхъ свѣчей. Повидимому профиль этотъ поразилъ его, потому что онъ внезапно остановился и провелъ рукой по лбу и глазамъ, какъ будто припоминая что-то. Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ; онъ взялъ бутылку и, усѣвшись на прежнее мѣсто, усердно принялся за ѣду. Утоливъ голодъ, онъ поднялъ кубокъ и сказалъ:

— Пью за здоровье хозяина этого дома, оказавшаго гостепріимство Юргену, который не стоитъ ни за парламентъ, ни за короля, и остается безпристрастнымъ среди нашихъ междоусобныхъ распрей.

— Васъ зовутъ Юргеномъ? спросилъ баронетъ, отвѣтивъ на тостъ.—Юргенъ!.. Какое странное имя для англичанина!

— Я присвоилъ его себѣ въ Германіи, гдѣ люди также находили страннымъ имя Георгъ, данное мнѣ при крещеніи. Съ тѣхъ поръ я называю себя Юргенъ по привычкѣ.

— Вы жили въ Германіи! воскликнулъ съ удивленіемъ сэръ Товій.—Позвольте же спросить васъ: кто вы такой?

— Я сынъ портнаго, бывшаго много лѣтъ альдерманомъ въ лондонскомъ Сити. Но, къ несчастью, отецъ самымъ несправедливымъ образомъ лишилъ меня наслѣдства.

— Теперь я понимаю, вмѣшался сэръ Гарри,—почему вы примкнули къ партіи людей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей! Испытавъ на себѣ несправедливость, вы рѣшили олицетворить въ своей особѣ справедливость, оставаясь безпристрастнымъ среди борьбы партій.

— Можетъ быть, вы правы, сэръ! Но во всякомъ случаѣ отрадно терпѣть крайнюю нужду изъ-за своихъ убѣжденій! возразилъ Юргенъ, выпивая залпомъ кубокъ вина. — Много ли нужно человѣку съ убѣжденіями, чтобы быть довольнымъ своей судьбой: свѣжій воздухъ, свободная жизнь, чуждая принужденій, и, время отъ времени, кусокъ хлѣба...

— Да, послѣднее необходимо, чтобы поддержать силы и не измѣнить своимъ убѣжденіямъ! замѣтилъ съ улыбкой Слингсби.—Это весьма похвальные принципы, другъ мой; держу пари, что ваши люди раздѣляютъ ихъ.

— Вы напрасно насмѣхаетесь надъ моими товарищами, сэръ! Они настолько хороши, насколько могутъ быть; не въ моей власти исправить ихъ. Не я выбиралъ ихъ, а они выбрали меня. Это храбрые и надежные люди, хотя, говоря словами Фальстафа, они имѣютъ такой же несчастный видъ, какъ Лазарь, изображаемый на обояхъ.

— Вы такъ свободно цитируете слова нашего безсмертнаго Вильяма изъ Стратфорда, что, вѣроятно, хорошо знакомы съ нимъ.

— Мы старые знакомые и хорошіе друзья; одно время были неразлучны, какъ двое супруговъ, и нѣжно любили другъ друга.

— Какъ! воскликнулъ сэръ Гарри,—вы были актеромъ? значитъ, вы находились на службѣ его величества?

— Да, сэръ, но съ тѣхъ поръ прошло много времени.

— Скажите, пожалуйста, на какомъ театрѣ вы играли тогда?

— На королевскомъ театрѣ, въ Друриленѣ!

— Онъ былъ закрытъ въ 1642 году этими негодяями, засѣдающими въ парламентѣ, замѣтилъ Слингсби.—Лицемѣры утверждали, что молитва и постъ скорѣе могутъ утишить гнѣвъ Господенъ.

— Да обрушится на нихъ самихъ гнѣвъ Господенъ! воскликнулъ владѣлецъ Чильдерлея.—Въ ихъ устахъ молитва и постъ не болѣе, какъ пустыя слова... Вотъ, другъ мой, откормленный каплунъ; не хотите ли попробовать?

— Къ сожалѣнію, я совершенно сытъ, отвѣтилъ съ нѣкоторымъ уныніемъ бывшій актеръ, наполняя виномъ свой кубокъ.

— Но какъ это случилось, спросилъ Слингсби,—что вы отстали отъ своихъ товарищей, которые теперь всѣ въ Оксфордѣ? Когда я былъ тамъ послѣдній разъ, то видѣлъ Гарта, Бурта, Чатереля, Могуна и многихъ другихъ; они всѣ служатъ въ королевскомъ войскѣ...

— Посредственные актеры бываютъ иногда отличными солдатами.

— На какомъ основаніи, сказалъ Слингсби, — отзываетесь вы съ такимъ презрѣніемъ о людяхъ одного съ вами ремесла? Я желалъ бы знать, въ какихъ роляхъ выступали вы передъ публикой?

— Въ какихъ роляхъ? повторилъ Юргенъ. — Держу пари, что вы видѣли меня въ 1635 году, на маскарадѣ, устроенномъ въ Темплѣ во время масляницы, на которомъ было изображено: «Торжество принца амура». Я изображалъ амура; весь дворъ восхищался мной. Въ это время я былъ еще студентомъ и изучалъ законовѣдѣніе; но вскорѣ послѣ того я бросилъ избранную мною профессію и вступилъ на сцену. Сперва я дебютировалъ въ женскихъ роляхъ, и однажды исполнялъ роль младшей дочери короля Лира; но тутъ нашли, что мой голосъ нѣсколько грубъ и борода слишкомъ велика; тогда я увидѣлъ, что нужно взяться за другую отрасль театральнаго искусства и сдѣлался клоуномъ.

Несмотря на серьёзное настроеніе общества, собравшагося въ столовой Чильдерлейскаго замка, никто изъ присутствующихъ не могъ удержаться отъ смѣха ири послѣднихъ словахъ Юргена.

— Прошу извиненія, сказалъ сэръ Гарри, обращаясь къ бывшему актеру,—но о васъ можно сказать то же, что и о вашемъ пріятелѣ Фальстафѣ; вы не только сами отличаетесь веселостью, но возбуждаете ее во всѣхъ, кто встрѣчается съ вами. Если вы наполовину такъ хорошо владѣете саблей, какъ языкомъ, то для короля большая потеря, что вы не въ его войскѣ. Вы можете смѣло разсчитывать на хорошій пріемъ въ Окфордѣ. Тамъ умѣютъ цѣнить людей съ вашими способностями и щедро награждаютъ ихъ. Поэтому простите, если я рѣшаюсь сдѣлать нескромный вопросъ: отчего вы не въ лагерѣ его величества, гдѣ вы можете принести дѣйствительную пользу?

— Судьба, сэръ, человѣкъ не можетъ идти противъ судьбы! Когда закрыли нашъ театръ, мы перешли въ частный домъ и продолжали давать представленія: трагедіи, комедіи и интермедіи съ большимъ успѣхомъ. Но, къ несчастью, дѣло получило огласку, и въ одинъ прекрасный день, когда мы играли пьесу Миддельтона «Подкидышъ», и Роббинсъ исполнялъ главную роль, а я роль шута, явились неожиданно мировые судьи и лондонскіе шерифы, между которыми былъ мой отецъ. Они разогнали публику и про-

читали длинный актъ, по которому мы были признаны «мошенниками», а они имѣли уполномочіе посадить насъ въ тюрьму и, кромѣ того, наказать извѣстнымъ количествомъ розогъ. Отецъ узналъ меня, несмотря на напудренное лице и колпакъ; я слышалъ, какъ онъ кричалъ: «давайте сюда этого малаго; у него длинные ноги! арестуйте его скорѣе!» Я былъ увѣренъ, что мнѣ не миновать кулаковъ отца, если попадусь въ его руки, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, избѣгнуть этого угощенія. Товарищи вполнѣ раздѣляли мой взглядъ; и поэтому, не теряя времени, мы выбѣжали изъ дому заднимъ ходомъ и очутились въ другомъ графствѣ, прежде чѣмъ они успѣли дочитать свой нескончаемый актъ. Судьба на этотъ разъ благопріятствовала намъ; мы благополучно достигли береговъ Голландіи на суднѣ, нагруженномъ селедками. Голландцы приняли насъ самымъ радушнымъ образомъ, такъ какъ это люди со вкусомъ и крайне вѣжливые. Намъ дозволили давать представленія на ярмаркахъ и во время церковныхъ празднествъ, такъ что мы рѣшились отправиться въ Гагу и выступить на столичной сценѣ. Здѣсь мы не разъ удостоились играть въ присутствіи супруги будущаго штатгальтера, который женатъ на дочери нашего короля Карла I. Затѣмъ, не далѣе какъ годъ тому назадъ, черезъ Амстердамъ проѣзжала ея величество Ганріэта Марія, и мы, по желанію принца Оранскаго, давали драматическое представленіе въ домѣ богатаго еврея Джозé д'Акоста.

Пажъ герцога, повидимому, болѣе понималъ по-англійски, нежели утверждалъ его господинъ, такъ какъ онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за разсказомъ Юргена.

— Что вы такъ пристально смотрите на него? сказалъ съ неудовольствіемъ Бокингемъ, замѣтивъ, что Юргенъ не спускаетъ глазъ съ его пажа.

— Прошу извинить меня, милордъ, но сознаюсь откровенно, что вашъ пажъ нисколько не интересуетъ меня; но онъ напомнилъ мнѣ одно лицо, которое я видѣлъ годъ тому назадъ. Въ тотъ вечеръ, когда мы давали представленіе въ честь нашей королевы, въ первомъ ряду зрителей сидѣла замѣчательно красивая еврейка. Говорили, что она дочь хозяина дома банкира д'Акоста. Она пристально смотрѣла на меня своими большими темными глазами, такъ что я совсѣмъ растерялся и сталъ путать свою роль, чего со мной прежде никогда не случалось. Я былъ печаленъ, когда нужно было смѣяться, и наоборотъ. Мы играли драму «Сладость любви превращается въ горечь смерти». Эта піеса очень похожа на «Ромео и Джульета» Шекспира; по недостатку актрисъ я исполнялъ роль кормилицы. Не знаю почему, но у меня тутъ впервые проснулось сознаніе своего ничтожества, которое я никогда не испытывалъ передъ кѣмъ либо другимъ, ни даже передъ отцомъ, хотя онъ часто называлъ меня блуднымъ сыномъ. Черные глаза красавицы какъ

будто впились въ мою душу; я весь дрожалъ въ женскомъ тафтяномъ платьѣ, а брыжжи и румяна душили меня, точно мельничный жорновъ. Тѣмъ не менѣе это была еврейка, дочь еврея, помолвленная за раввина, какъ я узналъ впослѣдствіи. Когда въ третьемъ дѣйствіи мнѣ пришлось сказать: «Господь да пошлетъ вѣчную жизнь каждому христіанину!» то я не могъ произнести ни одного слова, такъ что актеръ Томасъ, исполнявшій роль горничной, не дожидаясь моего монолога, состоящаго изъ тринадцати строфъ, сказалъ совершенно не кстати: «Довольно, не будемъ говорить объ этомъ! Прошу васъ, успокойтесь!...

— Скажите, пожалуйста, къ чему вы сообщаете намъ всѣ эти подробности? спросилъ Слингсби.

— Вы правы, сэръ, перейдемъ къ дѣлу. Послѣ этого представленія мои товарищи вернулись въ Гагу, а я остался въ Амстердамѣ и, живя въ гостинницѣ, проводилъ дни въ какомъ-то неопредѣленномъ страхѣ. Ночью я прокрадывался къ дому прекрасной еврейки и ходилъ подъ ея окнами безъ всякой цѣли. Тутъ только я понялъ, что она околдовала меня своими черными глазами, и отъ души пожалѣлъ, что это случилось въ Амстердамѣ, а не въ Лондонѣ или въ другомъ англійскомъ городѣ. Я помирился бы съ своимъ отцомъ альдерманомъ, и онъ навѣрно избавилъ бы меня отъ проклятой чародѣйки. Въ лондонскомъ Сити они не стали бы церемониться съ нею; но въ Голландіи совсѣмъ другое дѣло! Евреи живутъ тамъ открыто въ великолѣпныхъ домахъ, не хуже нашихъ лордовъ, имѣютъ свои синагоги, гдѣ они молятся и поютъ по страннымъ книгамъ и сверткамъ; но что еще хуже, голландцы оказываютъ имъ такое-же уваженіе, какъ и христіанамъ. Многіе изъ нихъ считаютъ себя важными особами, чуть-ли не дворянами; между ними даже есть доктора. Однимъ словомъ, я проводилъ дни въ горѣ и мученіяхъ, пока на меня не подалъ жалобу въ судъ Каспаръ Гейцигъ, хозяинъ гостинницы, которому я задолжалъ порядочную сумму; но къ счастью я встрѣтилъ тогда одного стараго знакомаго, нѣмецкаго актера Гессе; съ его помощью я бѣжалъ изъ Голландіи и поступилъ на военную службу къ нѣмцамъ.

— Значитъ, съ этого времени,—замѣтилъ Слингсби,—вы измѣнили музамъ и взялись за знамя бога войны.

— Не говорите мнѣ о немъ! воскликнулъ Юргенъ;—онъ сталъ скрягой и теперь плохо вознаграждаетъ тѣхъ, кто служитъ ему. Когда я пріѣхалъ въ Германію, тогда война была при послѣднемъ издыханіи. Мои предшественники такъ хорошо распоряжались въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, что нечѣмъ было поживиться солдату. Вмѣсто деревень лежали груды мусора и пепла, и на сто миль въ окружности нельзя было добыть ни одной курицы. Конница шла пѣшкомъ, потому что всѣ лошади были съѣдены, а ландскнехты не знали съ кого собирать контрибуцію, такъ какъ города

были въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Наконецъ, небо сжалилось надо мною; насъ такъ жестоко поколотили въ Фрейбургѣ, что нечего было думать оставаться въ Германіи. Войско было разсѣяно въ разныя стороны; я воспользовался удобнымъ случаемъ и отправился въ Дюнкирхенъ, гдѣ сѣлъ на корабль, шедшій въ Лондонъ; но вмѣсто этого буря выбросила насъ на южный берегъ Англіи. Здѣсь также было мало утѣшительнаго. Принцъ Рупрехтъ съ своей конницей опустошилъ страну съ одного конца до другаго, истопталъ поля, сравнялъ замки съ землей, сжегъ деревни и города, такъ что ему очень кстати дано прозвище «принцъ-разбойникъ». Другъ или недругъ—ему все равно: лишь бы накормить солдатъ. Я не узналъ Англіи; мнѣ казалось, что я не переплывалъ моря и все еще нахожусь въ Германіи. У меня явилось сильное желаніе отправиться къ принцу, который безъ разбора принималъ всѣхъ на свою службу. Но оказалось, что положеніе дѣлъ сильно измѣнилось въ мое отсутствіе. Парламентская армія была уже не прежняя разрозненная, безпорядочная толпа, какъ при Эссексѣ и Манчестерѣ; я услышалъ что начальство перешло въ руки новаго генерала, а именно Кромвеля. Я видалъ его въ домѣ моего отца и даже учился въ школѣ съ его сыномъ Ричардомъ. Но мнѣ тогда и въ голову не приходило, что этотъ человѣкъ при своей мужицкой наружности и пасторскомъ краснорѣчіи могъ сдѣлаться военнымъ. Тѣмъ не менѣе о немъ разсказываютъ чудеса: онъ набралъ себѣ цѣлую армію изъ обывателей графствъ и мѣстечекъ; они вмѣстѣ съ нимъ молятся, поютъ псалмы и одерживаютъ побѣды. У нихъ красные мундиры и стальные панцыри, такъ что почти невозможно ранить котораго либо изъ нихъ; они маршируютъ, ѣздятъ верхомъ, строятся въ каре, нападаютъ цѣлой массой. Всѣ, они какъ одинъ человѣкъ, мужественно встрѣчаютъ врага, съ твердымъ упованіемъ на Бога; пули, точно градъ, отлетаютъ отъ нихъ, и они остаются невредимыми. Говорятъ, что въ войскѣ Кромвеля введена строжайшая дисциплина. Грабежъ запрещенъ подъ страхомъ смертной казни; а если кто позволитъ себѣ небольшую вольность относительно женскаго пола, того вѣшаютъ безъ всякихъ церемоній. Разумѣется, все это не въ моемъ вкусѣ, потому что солдатъ долженъ пользоваться извѣстной свободой. У нихъ даже преслѣдуются самыя невинныя вещи; если человѣкъ напьется, то ему приходится пройти сквозь строй, а если кто затянетъ плясовую пѣсню, того сажаютъ подъ арестъ; только плачъ Іереміи считается дозволительнымъ. Волынка и псалмы—ихъ единственная военная музыка.

— Все это, конечно, не можетъ нравиться артисту, возразилъ Слингсби,—но вы могли устроиться такимъ образомъ, что никто не мѣшалъ бы вамъ пѣть, свистать и играть на какихъ угодно инструментахъ.

— Я самъ былъ того же мнѣнія, сказалъ Юргенъ,—и поэтому

мнѣ было трудно на что нибудь рѣшиться; утромъ мнѣ казалось, что я долженъ поступить на службу къ королю; вечеромъ меня мучили сомнѣнія относительно парламента. Тутъ, къ счастью, представился исходъ изъ моего неопредѣленнаго положенія. Многіе почтенные люди въ южныхъ графствахъ, дворяне и землевладѣльцы, не захотѣли больше платить контрибуціи Ферфаксу, предводителю парламентской арміи, между тѣмъ какъ простые люди, арендаторы по деревнямъ и горожане, возмутились противъ генерала-грабителя, принца Рупрехта. Въ одинъ прекрасный день всюду зазвонили въ колокола и отъ мѣста до мѣста разосланы были гонцы. Толпа людей, недовольныхъ обѣими партіями, собралась въ открытомъ полѣ и рѣшила составить третью нейтральную партію. Они написали петицію королю и парламенту и умоляли обоихъ возстановить миръ, такъ какъ не могутъ долѣе выносить тяжести налоговъ, грабежа и военнаго постоя. Они все надѣялись, что ихъ положеніе улучшится безъ пролитія христіанской крови, но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и должны опасаться новыхъ бѣдъ, которыя будутъ вызваны продолженіемъ этой войны. Но такъ какъ они не берутъ на себя смѣлость вмѣшиваться въ великую распрю и касаться особы и власти короля и неразрывно связанныхъ съ ними прерогативъ, а равно и священныхъ правъ парламента, то рѣшили защищать свою шкуру отъ гнета обѣихъ партій и остаться нейтральными между королемъ и парламентомъ.

— Вотъ вамъ компромиссъ въ наилучшемъ видѣ,—замѣтилъ вполголоса сэръ Гарри, обращаясь къ священнику.—Самый фактъ существованія этой партіи показываетъ всю несостоятельность вашихъ доводовъ лучше самыхъ вѣскихъ доказательствъ.

— Къ несчастью, самыя высокія идеи попадаютъ иногда въ дурныя руки, отвѣтилъ Гевитъ,—но это не говоритъ противъ идей, а только противъ примѣненія ихъ. Компромиссъ составляетъ противоположность нейтралитету, и въ смѣшеніи этихъ двухъ несовмѣстимыхъ принциповъ заключается главная ошибка и безнадежность этого движенія, кто-бы ни стоялъ во главѣ его. Впрочемъ, мнѣ кажется, что руководители королевской партіи могутъ привлечь на свою сторону народныя толпы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей.

— Я не только надѣюсь, но убѣжденъ въ этомъ, возразилъ рѣзко сэръ Гарри. — Иначе я не сталъ бы такъ долго разговаривать съ этимъ господиномъ!

Священникъ замолчалъ. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ партіи, которая прибѣгаетъ къ безнравственнымъ средствамъ, чтобы поддержать себя, и этимъ самымъ осуждаетъ на печальную участь своихъ болѣе честныхъ приверженцевъ, которые должны пасть не за самое дѣло и не за партію, а за ея ошибки.

Прошло довольно много времени, пока Юргенъ, окончивъ раз-

сказъ о своихъ приключеніяхъ, дошелъ до того пункта, когда, по его словамъ, онъ перешелъ душой и тѣломъ на сторону народнаго союза. Тутъ онъ остановилъ потокъ своего краснорѣчія и вынулъ письмо, которое послужило поводомъ его посѣщенія Чильдерлей-гауза, и подалъ его хозяину замка.

Письмо было написано въ формѣ приказа, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, отъ имени казначея союза, нѣкоего Дарлейна. Отъ баронета требовали займа въ пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, которые онъ долженъ былъ передать присяжному констэблю союза и предводителю одной изъ его сотенъ, Юргену.

Мы уже упоминали выше, что ученость не далась баронету, а письма еще больше затрудняли его, нежели чтеніе книгъ и брошюръ, которыя, по модѣ того времени, печатались крупными черными буквами. Поэтому сэръ Гарри, съ разрѣшенія владѣльца замка, взялъ бумагу и громко прочелъ ее.

— Сумма не особенно велика! сказалъ онъ, окончивъ чтеніе;— а, съ другой стороны, бумага подписана дворянами преданными королю и священниками ихъ приходовъ. Имена всѣхъ этихъ господъ служатъ ручательствомъ, что деньги будутъ употреблены съ пользой, такъ что вы, сэръ Товій, можете смѣло вручить требуемую сумму ихъ довѣренному лицу.

Затѣмъ Слингсби обратился къ бывшему актеру и сказалъ:

— Теперь, г-нъ Юргенъ, позвольте васъ спросить, какъ вы намѣрены распорядиться своей дальнѣйшей судьбой? Могу ли я надѣяться, что мы скоро увидимся съ вами въ Оксфордѣ?

— Случалось ли вамъ, сэръ, отвѣтилъ Юргенъ,—стоять на перекресткѣ двухъ расходящихся дорогъ. Трудно взвѣсить преимущества одной дороги и невыгоды другой, когда вѣсы показываютъ вамъ, что они совершенно одинаковы.

— Вы славный малый, Юргенъ, и набрались житейской мудрости, благодаря участію въ нѣмецкой войнѣ, которая послужила школой для нашихъ лучшихъ генераловъ. Повѣрьте мнѣ, что въ королевскомъ лагерѣ у васъ не будетъ недостатка въ деньгахъ и почетѣ. Что̀ вы скажете, напримѣръ, если на вашихъ вѣсахъ, на сторонѣ выгодъ, очутится, между прочимъ, офицерскій патентъ?

— Нужно время, чтобы обдумать это, сэръ; я долженъ посовѣтоваться съ товарищами. Самый воздухъ пропитанъ теперь принципами; вы дышите ими, даже помимо вашей воли. Я стою на распутьи между двуми лагерями, и прежде чѣмъ рѣшусь на что нибудь, мнѣ необходимо время для размышленій.

Сэръ Товій тщательно сложилъ бумагу, переданную ему Юргеномъ.—Завтра утромъ, сказалъ онъ, обращаясь къ послѣднему,—вы получите деньги передъ вашимъ уходомъ, такъ какъ надѣюсь, что вы и ваши товарищи не откажетесь отъ гостепріимства, которое я предлагаю вамъ на эту ночь.

— Разумѣется, сэръ, и мнѣ остается только благодарить васъ за него. Если Юргенъ когда нибудь забудетъ ласку и довѣріе, которое онъ встрѣтилъ въ вашемъ домѣ, то вы можете назвать его какъ вамъ угодно. Тотъ, кто мало пользовался земными благами въ своей жизни, тотъ всегда помнитъ о нихъ.

Юргенъ печально произнесъ эти слова и, отвѣсивъ почтительный поклонъ хозяину дома и его гостямъ, медленно направился къ двери. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что не замѣтилъ, съ какимъ состраданіемъ смотрѣлъ на него пажъ герцога.

Сэръ Товій неожиданно остановилъ его, назвавъ по имени.

— Скажите, другъ мой, куда вы намѣрены отправиться завтра утромъ? спросилъ онъ.

— Въ Гатлеу-Голль въ Бедфордширѣ, сэръ, отвѣтилъ Юргенъ съ поклономъ и вышелъ изъ комнаты.

— Судьба положительно покровительствуетъ вамъ! воскликнулъ баронетъ, обращаясь къ Слингсби.—Вы должны отправиться той же дорогой. Какъ вы думаете, не воспользоваться ли вамъ этимъ случаемъ?..

— Разумѣется, отвѣтилъ Слингсби,—нужно только устроить такимъ образомъ, чтобы эта толпа присоединилась къ шествію, которое направится въ Лонгстовскій лѣсъ. Если все пойдетъ какъ слѣдуетъ, и мы выберемся отсюда въ обществѣ г-на Юргена, то, быть можетъ, дорогой мнѣ удастся убѣдить этого блуднаго сына и его шайку, что казначей союза не прогнѣвается на нихъ, если они промѣняютъ свои дреколія на королевскіе мушкеты.

Былъ уже поздній часъ ночи. Священникъ всталъ съ своего мѣста, чтобы идти въ деревню. Онъ пожалъ руку сэру Гарри, почтительно поклонился герцогу и, подойдя къ Оливіи, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Дорогой другъ мой, сказала ему вполголоса молодая дѣвушка.—Всякій разъ, когда вы уходите отъ насъ, я чувствую неопредѣленный страхъ; мнѣ кажется, что съ нами должно случиться несчастіе...

— Я всегда съ вами, потому что мысль объ васъ никогда не покидаетъ меня. Теперь вы самые близкіе люди моему сердцу, сказалъ священникъ и, пожавъ руку Оливіи, дружески простился съ владѣльцемъ замка. Затѣмъ онъ бросилъ ласковый взглядъ на своего любимца Джона, который спалъ крѣпчайшимъ сномъ, прислонившись къ стѣнѣ, и вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Мартина.

— Что за честный человѣкъ этотъ Гевитъ!—сказалъ сэръ Товій, обращаясь къ Слингсби.—Я не въ состояніи разсердиться на него, хотя онъ часто огорчаетъ меня.

— Провались онъ съ своей честностью! воскликнулъ Слингсби.—Терпѣть не могу людей, которые говорятъ вамъ только непріятныя

вещи и какъ вороны вѣчно предсказываютъ несчастье. Трудно ожидать успѣха тамъ, гдѣ заранѣе вычисляютъ шансы неудачи. Полководецъ, который не убѣжденъ въ побѣдѣ, никогда не одержитъ ее. Однако покойной ночи, сэръ Товій; намъ не долго придется ждать солнечнаго восхода. До скораго свиданія.

Въ залахъ Чильдерлейскаго замка водворилась мертвая тишина. На дворѣ у догорающаго костра расположилась толпа бѣдняковъ съ своимъ предводителемъ, которому снились черные глаза еврейки, околдовавшей его въ Амстердамѣ. Сновидѣнія, сотканныя изъ майской зелени и солнечнаго сіянія, проносились свѣтлыми призраками въ чистой душѣ Оливіи. Владѣлецъ Чильдерлея спалъ сномъ праведника; маленькій Джонъ почти безсознательно перешелъ изъ столовой на свою постель. Сэру Гарри снился его прекрасный замокъ и паркъ на сѣверѣ Англіи, дѣти и его возвращеніе домой послѣ одержанныхъ побѣдъ. Благодатный сонъ, широко раскрывъ свои крылья, медленно проносился надъ землей съ своими неразлучными спутниками—золотыми звѣздами и серебрянымъ мѣсяцемъ, щедро разсыпая цвѣты надеждъ и несбыточныхъ желаній. Все было объято сномъ въ деревнѣ Чильдерлей и въ замкѣ на вершинѣ холма; только въ саду щелкалъ и заливался соловей; его пѣсня, полная страстнаго томленія и любви, звонко раздавалась среди уединенія весенней ночи.

ГЛАВА VIII.

Мануэлла.

— Наконецъ-то мы одни, Мануэлла, воскликнулъ молодой герцогъ, и обхвативъ обѣими руками гибкій станъ своего пажа, высоко приподнялъ его.—Я чувствую себя такимъ счастливымъ, что, кажется, готовъ былъ бы обнять весь міръ, выскочить изъ окна, закричать во все горло отъ удовольствія! Да здравствуетъ свобода! Позволь, по крайней мѣрѣ, поцѣловать тебя, Мануэлла; долженъ же я выразить чѣмъ нибудь, какъ я счастливъ и какъ я люблю тебя!

Герцогу и его пажу была отведена крошечная комната на чердакѣ немного больше той, которую занималъ сэръ Гарри, но она имѣла то преимущество, что въ ней было окно или, вѣрнѣе сказать, оконная рама, вставленная между кирпичами крыши.

Небольшая стеклянная лампа въ свинцовой оправѣ висѣла на гвоздѣ у низкой потолочной балки, придавая жалкой тѣсной ком-

натѣ тотъ таинственный полусвѣтъ, который, благодаря тѣнямъ, увеличиваетъ предѣлы пространства и, отрѣшая предметы отъ дѣйствительности, придаетъ имъ новыя яркія краски. Такое фантастическое освѣщеніе можно встрѣтить на картинахъ голландскихъ маэстро, благодаря эффектному отраженію золота или кармина, которымъ изображено пламя. Фигура Мануэллы, освѣщенная полосой свѣта среди окружающей тьмы, показалась герцогу прекраснѣе, чѣмъ когда либо; изящныя очертанія головы, тонкія и правильныя линіи ея лица рельефно выступали на темномъ фонѣ какъ будто на старинной картинѣ, но только съ теплымъ колоритомъ жизни.

— Мануэлла! воскликнулъ герцогъ,—что же ты молчишь?

— Вы обѣщали мнѣ ваше покровительство, милордъ! сказала она звучнымъ голосомъ,—но теперь ведете себя далеко не такъ, какъ я могла ожидать отъ васъ. — Вы забываете, что я послѣдовала за вами не изъ любви къ вамъ.

— Я не могу видѣть и не любить тебя, Мануэлла! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, протягивая къ ней руки.—Любовь проснулась въ моемъ сердцѣ, какъ только я увидѣлъ тебя.

— Неужели вы думаете, что вы можете заставить меня насильно полюбить васъ!—Вы меня не знаете, Георгъ Виллье. Сегодня, впродолженіе немногихъ часовъ, которые мы провели въ обществѣ этихъ господъ, я была глубоко возмущена, слушая васъ! Не прерывайте меня... Мнѣ показалось, что человѣкъ, который можетъ такъ легко говорить неправду, способенъ совершить нечестный поступокъ.

— Ты упрекаешь меня, что я не разсказалъ всего этимъ добродушнымъ кавалерамъ! воскликнулъ Бокингемъ.

— Я уже говорила вамъ, что притворство невыносимо для меня, и я считаю нечестнымъ съ вашей стороны, что вы хотите воспользоваться этимъ. Мое глупое и неловкое положеніе не даетъ вамъ права заявлять какія либо притязанія. Прочь съ этой кукольной комедіей! Когда я вамъ довѣрила свою тайну въ Амстердамѣ, то была убѣждена тогда, что имѣю дѣло съ джентльменомъ; но теперь вижу, что должна обратиться въ прежнюю Мануэллу, чтобы дать вамъ почувствовать, что вы обязаны уважать меня!

Щеки ея разгорѣлись отъ гнѣва; стиснувъ свои красивые бѣлые зубы, она сорвала съ себя бархатную куртку, охватывающую ея станъ, и бросила на полъ, какъ будто самое прикосновеніе къ ненавистной одеждѣ оскорбляло ее. Взволнованная дѣвушка не замѣтила въ своей поспѣшности, что плечи ея едва прикрыты тонкой рубашкой.

Кровь бросилась въ голову молодому герцогу, у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ протянулъ руки, чтобы обнять ее.

— Мануэлла! воскликнулъ онъ. — Ты будешь моей, клянусь честью!

Она съ негодованіемъ оттолкнула его отъ себя.

— Не клянитесь такъ легкомысленно вашей честью, милордъ!— Неужели вы думаете, что дочь д'Акоста согласится быть игрушкой вашего каприза.

— Ты бросила домъ твоего отца!

— Но это не мѣшаетъ мнѣ дорожить его честнымъ именемъ.

— Никто не повѣритъ твоей невинности, возразилъ герцогъ,— свѣтъ объяснитъ твое бѣгство извѣстнымъ образомъ.

— Это должно тѣмъ скорѣе побудить меня доказать свѣту, что онъ ошибся. Я знаю, что я глубоко огорчила моего отца; но у меня не было другаго исхода, чтобы избавиться отъ несчастія, которое казалось мнѣ хуже смерти. Часто стояла я у окна нашего дома и смотрѣла на воду, которая была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главной лѣстницы. Мнѣ приходило въ голову, что когда вода скроетъ меня и унесетъ мой трупъ въ море, то все будетъ кончено. Но мысль, что я сдѣлаюсь самоубійцей и что это будетъ позоромъ для всѣхъ, кто носитъ мою фамилію, останавливала меня. Несчастная жертва не возвратится къ жизни, чтобы опровергнуть слухи, которые связаны съ подобной смертью; даже близкіе люди будутъ стыдиться произносить ея имя. Въ виду этого, я предпочла на время оставить родину и переплыть море. Такимъ образомъ, у меня осталась возможность опять вернуться къ своимъ и сказать: я здѣсь; то, что говорили обо мнѣ, ложь; вамъ нечего краснѣть за меня. Если я рѣшилась на бѣгство и переодѣванье, то не для того, чтобы прикрыть свой позоръ. Необходимость принудила меня играть комедію, сдѣлала робкой и боязливой, но я осталась такою же, какъ была прежде...

— Ты храбришься здѣсь подъ крышей, замѣтилъ герцогъ, — но вспомни, какъ ты струсила, когда мы очутились среди этихъ господъ. Баронетъ горячій приверженецъ англиканской церкви; ты видѣла, онъ только по природной добротѣ согласился принять молодаго испанца въ своемъ домѣ, и неособенно вѣжливо обошелся съ нимъ. Неизвѣстно, что̀ сказалъ бы онъ, если бы...

— Кончайте, если только вы осмѣлитесь выразить то, что вы думаете! отвѣтила Мануэлла.

— Тебя это не должно оскорблять, моя дорогая, сказалъ герцогъ, дѣлая новую попытку, чтобы обнять ее.—Природа, одаривъ тебя такой необыкновенной красотой, дала тебѣ патентъ выше дворянскаго, передъ которымъ преклоняются короли.

— И кавалеры, не такъ ли? добавила она съ горькой усмѣшкой.—Но это поклоненіе не болѣе, какъ случайная милость и капризъ, и унижаетъ тѣхъ, кто принимаетъ его. Неужели у меня нѣтъ другихъ правъ на уваженіе, кромѣ красоты, и я должна принимать за истину то, что мнѣ пришлось выслушать сегодня! Я едва вѣрила моимъ собственнымъ ушамъ! Этотъ бродяга, котораго я тот-

часъ же узнала, осмѣливается говорить съ презрѣніемъ о народѣ и еще о какомъ народѣ...

Губы Мануэллы задрожали; но она пересила свое волненіе и продолжала:

— Онъ не знаетъ, что этотъ народъ состоитъ изъ поколѣній знати; каждый человѣкъ въ немъ потомокъ первосвященника, или царя, или наслѣдникъ рода древнѣе самаго древняго изъ королевскихъ домовъ въ Европѣ. Неужели и другіе думаютъ такъ, какъ онъ?

— Къ несчастью, да! Но клянусь честью, что моя рука готова защищать тебя противъ предразсудковъ цѣлаго свѣта.

— Вы хотите удостоить меня такой милостью, г-нъ герцогъ! возразила она, гнѣвно отталкивая Бокингема, который хотѣлъ взять ея руку.

— Ты видишь, что въ Англіи иначе смотрятъ на васъ, чѣмъ въ Голландіи. Но ты должна имѣть настолько силы воли, чтобы узнать всю правду, и это только докажетъ тебѣ, насколько неизмѣрима моя любовь къ тебѣ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что у насъ въ Англіи нѣтъ ничего презрѣннѣе и ненавистнѣе самаго имени «еврейки».

— Еврейки! повторила она выпрямившись; глаза ея сверкнули.— Такъ знайте же, Георгъ Виллье, герцогъ Бокингемъ, что съ этого времени задача всей моей жизни, всѣ мои стремленія и дѣйствія будутъ направлены къ тому, чтобы показать вамъ и вашимъ соотечественникамъ, что вы можете ненавидѣть еврейку, но не презирать ее.

— Дорогая моя, прости, если я оскорбилъ тебя! сказалъ герцогъ умоляющимъ голосомъ. Никогда Мануэлла не казалась ему прекраснѣе, какъ въ эту минуту, когда въ глазахъ ея свѣтился мрачный огонь и густая краска выступила на ея лицѣ.

— Оставьте меня! воскликнула она съ негодованіемъ.

— Неужели ты отталкиваешь меня, Мануэлла, изъ-за моей ненависти къ евреямъ! Моя привязанность къ тебѣ служитъ доказательствомъ противнаго. Надѣюсь, что ты не захочешь оскорбить меня незаслуженнымъ упрекомъ.

— Не говорите мнѣ больше объ этомъ! сказала Мануэлла болѣе спокойнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ. — Когда я уѣзжала изъ Голландіи и разставалась съ родиной, чтобы избѣгнуть угрожавшей мнѣ опасности, у меня не было ни малѣйшей искры любви къ вамъ, и вы не могли сомнѣваться въ этомъ.

— Видитъ Богъ и святой Георгъ, я надѣялся, что ты полюбишь меня.

— У васъ довольно странныя понятія о любви, милордъ. Вы всѣ называете себя рыцарями, хвастаетесь своей честью и девизами на старинныхъ гербахъ, и въ то же время попираете ногами жен

щину, чтобы вѣрнѣе овладѣть ею, унижаете ту, которую удостоиваете своей любовью.

— Ты не можешь сказать этого обо мнѣ! возразилъ герцогъ съ новымъ порывомъ страсти.—Какъ только я вошелъ въ домъ твоего отца и увидѣлъ тебя... Но зачѣмъ стану я повторять то, что уже говорилъ столько разъ! Я полюбилъ тебя всѣмъ сердцемъ; видя гнѣвъ, который тяготѣетъ надъ тобой, я чувствовалъ себя несчастнымъ не менѣе тебя. Несчастіе соединило насъ и дало мнѣ смѣлость заговорить съ тобой о моихъ чувствахъ, и ты..

— Я должна была тогда заставить васъ замолчать!

— Но ты не сдѣлала этого, и даже разъ спросила меня: достанетъ ли у меня мужества оказать тебѣ важную услугу?

— Вы отвѣтили, что шпага Бокингема всегда готова на защиту отечества, а что для короля и женщинъ вы пожертвуете послѣдней каплей вашей крови.

— То, что я сказалъ тогда, могу повторить и теперь. Затѣмъ ты сама заговорила о переодѣваніи, которымъ такъ тяготишься теперь, и первая подала мнѣ эту мысль...

— Этимъ только я доказала вамъ, насколько я довѣряю вашей честности.

— А я, соглашаясь на это, слишкомъ разсчитывалъ на свое самообладаніе. Ты не знаешь, чего требуешь отъ меня, Мануэлла! Я люблю тебя страстной, безумной любовью, мучительное томленіе овладѣло всѣмъ моимъ существомъ, умъ измѣняетъ мнѣ... всѣ мои помыслы направлены къ удовлетворенію одного желанія... Сжалься надо мной, Мануэлла! Я не въ состояніи выносить долѣе этихъ мученій. Ты видишь, я у ногъ твоихъ! Скажи одно слово, чтобы убѣдить меня, что ты живое существо, а не образъ, созданный моей фантазіей, который исчезаетъ всякій разъ, какъ только я прикасаюсь къ нему.

Стоя передъ нею на колѣняхъ, онъ порывисто обнималъ ее.

— У васъ хорошая память, милордъ,—сказала она тономъ, который охватилъ его сердце своимъ леденящимъ холодомъ; — вы помните все, что было сказано между нами, когда неожиданное прибытіе сэра Гарри въ Амстердамъ дало намъ средство къ бѣгству! Но вы забыли ваше обѣщаніе; поэтому позвольте напомнить вамъ о немъ. Вы дали честное слово относиться ко мнѣ съ полнымъ уваженіемъ; подъ этимъ условіемъ я приняла тогда ваше покровительство.

— Я не могу ничего другаго сдѣлать, какъ только избавить тебя отъ моихъ объятій, сказалъ Бокингемъ, поднимаясь съ колѣнъ. — Не лишай меня по крайней мѣрѣ послѣдней надежды; я не могу жить безъ нея.

— Милордъ, сказала она болѣе кроткимъ голосомъ, — ни одна женщина не въ состояніи слышать голосъ страсти, чтобы не по-

чувствовать состраданія даже къ нелюбимому человѣку. Не лишайте меня возможности остаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно теперь, когда цѣль моего путешествія почти достигнута. Я рѣшилась бѣжать въ Англію въ надеждѣ найти убѣжище у графини Дизаръ, которая знаетъ моего отца, и думала, что она позволитъ остаться въ ея домѣ, пока мнѣ не удастся выпросить прощенія у моихъ родныхъ; я даже разсчитывала на ея посредничество. Но послѣ всего, что я слышала сегодня вечеромъ, особенно отъ васъ, милордъ, мнѣ кажется, какъ будто цѣль отдалилась отъ меня, и путь мой становится труднѣе и опаснѣе. Я еврейка и всей душой предана моей вѣрѣ!

Она сказала эти слова твердымъ и спокойнымъ тономъ глубокаго убѣжденія; полусвѣтъ мрачной низкой комнаты придавалъ ея лицу и всей фигурѣ сходство съ вдохновленными пророчицами, какими ихъ изображаетъ фантазія художниковъ.

Молодой герцогъ почти съ испугомъ отступилъ назадъ. Ни гнѣвъ, ни угрозы молодой дѣвушки не могли сильнѣе подѣйствовать на него, какъ этотъ проблескъ религіознаго чувства. Ея красота, которая еще за минуту передъ тѣмъ такъ сильно волновала его, какъ будто исчезла въ его глазахъ. Ему казалось, что передъ нимъ стоитъ другая Мануэлла, которая не имѣетъ ничего общаго съ нимъ и съ человѣческими страстями. Онъ видѣлъ въ ней какое-то высшее существо, но обаяніе женщины исчезло.

Мануэлла, занятая своими мыслями, продолжала послѣ нѣкотораго молчанія:

— Вы сказали, милордъ, что въ этой странѣ презираютъ народъ, къ которому я принадлежу?

— Да, и въ такой степени, что евреи не могутъ имѣть здѣсь ни крова, ни отечества, ни постояннаго мѣста жительства. Они изгнаны отсюда въ силу королевскаго декрета, и вотъ уже около четырехъ сотъ лѣтъ ни одинъ еврей не смѣетъ вступить на почву Англіи. Гдѣ бы онъ ни находился у насъ, онъ долженъ скрываться и можетъ ежеминутно ожидать всевозможныхъ оскорбленій и непріятностей. Шерифъ ближайшаго округа имѣетъ право выгнать его изъ страны, первый попавшійся альдерманъ можетъ заключить въ темницу. Ему нечего ждать правосудія отъ нашихъ законовъ, а только однихъ наказаній. Если лордъ встрѣтитъ еврея въ своихъ владѣніяхъ, то никто не помѣшаетъ ему травить его своими собаками. Простому народу предоставлено право разрушить домъ, въ которомъ евреи собираются для молитвы; даже ихъ мертвые не могутъ найти успокоенія на англійской почвѣ. Въ нашемъ государствѣ не можетъ быть похороненъ ни одинъ еврей.

Глаза Мануэллы заблестѣли отъ волненія.—А я?.. что могутъ со мной сдѣлать?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Если бы ты пріѣхала сюда одна, то тебѣ было бы также небез-

опасно оставаться здѣсь, какъ и твоимъ соотечественникамъ. Сэръ Товій не долженъ знать, что въ Чильдерлейскомъ замкѣ оказано гостепріимство еврейкѣ, такъ какъ онъ сильно разсердился бы на это и считалъ свой домъ оскверненнымъ, а меня выбранилъ бы еретикомъ, хотя никто не можетъ сомнѣваться въ моемъ благочестіи.

Бокингемъ лгалъ въ данномъ случаѣ, потому что онъ ничему не вѣрилъ. Вся его религія заключалась въ томъ, что онъ презиралъ пуританъ и находилъ, что ихъ вѣра неприлична для джентльмена.

— Неужели всѣ ваши соотечественники, милордъ, думаютъ такъ, какъ баронетъ?—спросила Мануэлла.

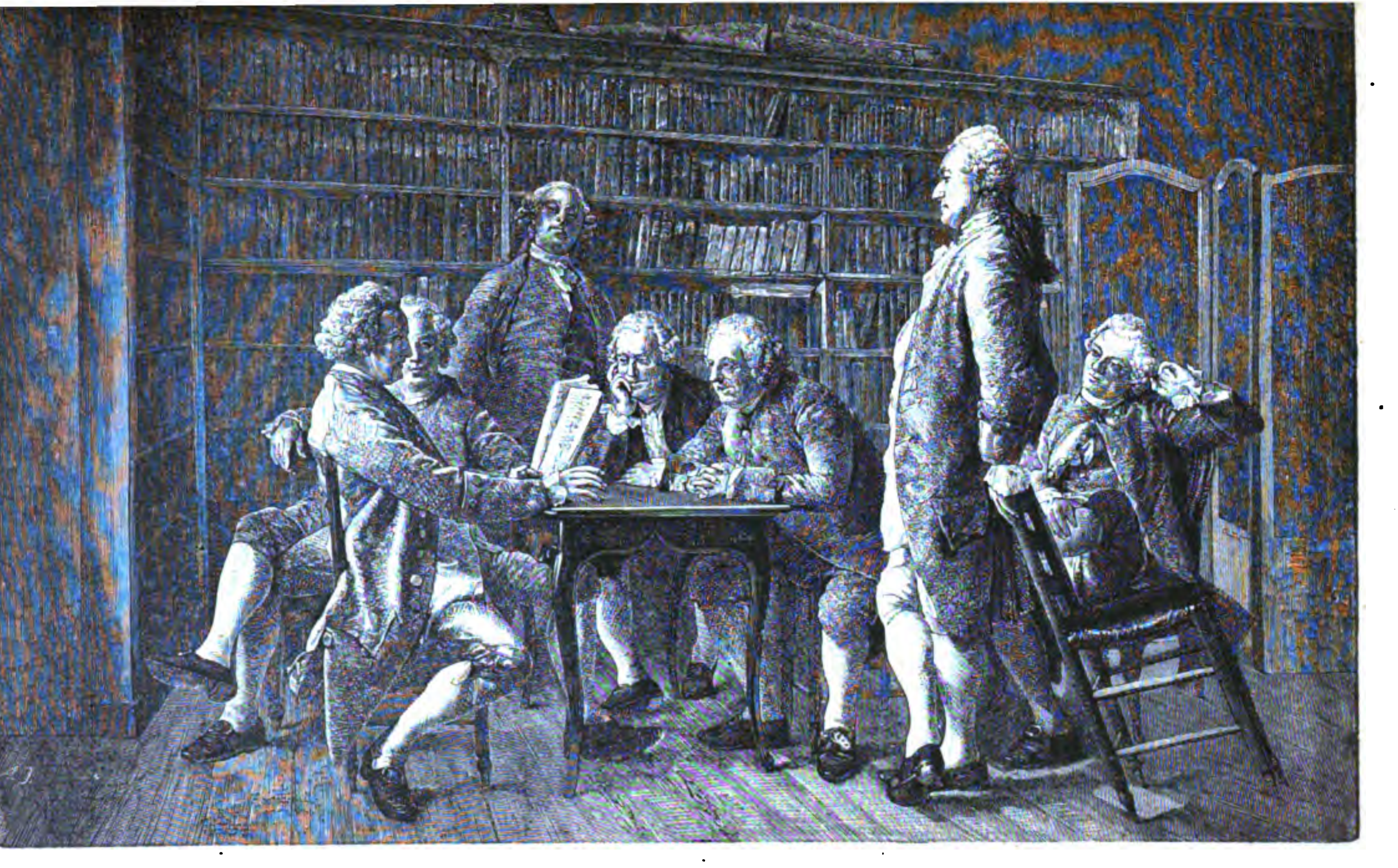
— Да, всѣ англичане, считающіе себя вѣрными подданными его величества и приверженцами англійской епископальной церкви. Но видишь ли, Мануэлла, тѣ изъ насъ, которые много путешествовали и видѣли чужія страны, составляютъ исключеніе.

— Исключеніе!—повторила печально Мануэлла,—значитъ, и ваша королева представляетъ собой такое же исключеніе.

— Я несовсѣмъ понимаю, что ты хочешь этимъ сказать?

— Вы слышали, милордъ, что разсказывалъ этотъ бродяга, который называетъ себя Юргеномъ. Онъ сразу узналъ меня; глаза мои напомнили ему тотъ вечеръ, когда онъ съ товарищами игралъ въ Амстердамѣ, въ домѣ моего отца. Я была въ первомъ ряду зрителей; около меня съ правой стороны сидѣла королева Генріэтта Марія; слѣва одна изъ принцессъ. Въ этотъ вечеръ я не считала себя ничтожнѣе тѣхъ фрейлинъ и дворянъ, которые окружали государыню. Лучъ ея величія падалъ и на меня; я думала о далекомъ прошломъ, о моемъ царскомъ родѣ, объ испанскихъ и португальскихъ короляхъ, у которыхъ мои предки были послами и министрами. Посѣщеніе англійской королевы казалось мнѣ визитомъ особы, равной намъ по происхожденію. Съ какой радостью увидѣла я, какъ она подъѣхала къ нашему дому! Мы привѣтствовали королеву съ балкона, выходившаго на главную улицу. Передъ нами открывался прекрасный видъ на городъ и обширную гавань. Сотни лодокъ скользили по голубой поверхности воды около королевской барки. Паруса блестѣли, освѣщенные яркими лучами утренняго солнца; мѣрно поднимались и опускались весла. Гордо выдѣлялась среди нихъ королевская яхта, позолоченная внутри и снаружи, украшенная дорогими картинами и статуями, съ пурпуровыми парусами и шелковыми флагами всевозможныхъ цвѣтовъ. Королева сошла на берегъ и стала подниматься по лѣстницѣ нашего дома. Вся знать Амстердама, представители Остъ-Индской компаніи, заслуженные моряки, вышли изъ своихъ яхтъ и почтительно поклонились ея величеству. Она милостиво отвѣчала на поклоны, всѣмъ сказала какое нибудь привѣтствіе, но только одну меня обняла, поцѣловала въ лобъ и назвала: «мое милое дитя!»

— Что же изъ этого?—спросилъ съ нетерпѣніемъ Бокингемъ.



ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ У ДИДРО.

Съ картины Мейсонье. Гравюра А. Зубчанинова.

ДОЗВ. ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 23 ФЕВРАЛЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ XVIII ВѢКА [1].

III.

Черви.

ДРЕВНИХЪ послѣдователей Зороастра существовало вѣрованіе, что чародѣи, служители злого начала, постоянно занятые тѣмъ, чтобъ дѣлать пакости добрымъ людямъ, разбрасывали въ воздухѣ маленькихъ червячковъ, и тѣ неосторожные люди, которые постоянными молитвами и соблюденіемъ предписанныхъ въ законѣ благочестивыхъ пріемовъ не ограждали себя отъ внезапнаго пагубнаго воздѣйствія Агримана и его девовъ, подвергались вхожденію въ нихъ злой силы въ видѣ этихъ червячковъ и черезъ то жестоко страдали болѣзненными припадками. Подобное представленіе существовало и, быть можетъ, продолжаетъ существовать въ нашей русской народной демонологіи. Мы предоставимъ ученымъ рѣшать: надобно ли здѣсь видѣть остатокъ вліянія древняго иранскаго вѣрованія, которое черезъ рядъ вѣковъ прошло къ нашимъ предкамъ, или же оно принадлежитъ къ разряду такихъ явленій, которыя сами собою зарождаются на разныхъ пунктахъ пространства земного шара, заселеннаго человѣкомъ, и основанія которыхъ слѣдуетъ искать въ глубинѣ человѣческой природы. Черви, по народному понятію, представляются въ отвратительномъ видѣ. Ихъ ползаніе для невникающаго въ суть явленій природы взгляда представляетъ большое подобіе съ гадами, въ видѣ которыхъ воображеніе представляетъ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XI. Стр. 5—24.

себѣ злую духовную силу. Заводящіеся иногда отъ язвъ, при неопрятности, червячки въ человѣческомъ тѣлѣ—есть такое страшное болѣзненное явленіе, хуже котораго народное воображеніе себѣ и представить не можетъ. «Чтобъ его черви источили!» говоритъ разсердившійся на кого нибудь русскій простолюдинъ. Объ Иродѣ, оставшемся въ преданіи типомъ тирана и мучителя, сохраняется всеобщая въ народѣ увѣренность, что онъ въ наказаніе отъ Бога за свои злодѣянія былъ живой изъѣденъ червями. Неудивительно, что пораженіе человѣческаго тѣла червями считается воздѣйствіемъ силы духа тьмы, который вообще есть источникъ нашихъ страданій. Люди злые, находящіе для себя удовольствіе дѣлать дурное своимъ ближнимъ, заводятъ сношенія съ этимъ злобнымъ духомъ и его безтѣлесными слугами и направляютъ ихъ на вредъ тѣмъ людямъ, которыхъ сами не терпятъ. Отсюда—порча, въ которую такъ упорно вѣровалъ и продолжаетъ вѣровать нашъ народъ. Разными способами воображаетъ онъ себѣ эту порчу и, между прочимъ, черви играютъ немаловажную роль. Въ Малороссіи существуетъ вѣрованіе въ страшную силу «дàванья». Чаровница, рѣшаясь совершить самое жестокое дѣло (не одна изъ нихъ отворотится отъ такого средства, при всемъ желаніи причинить вредъ) поддаетъ человѣку въ водкѣ, въ хлѣбѣ или въ какомъ нибудь другомъ кушаньѣ или питьѣ, и отравленный спустя нѣкоторое время начинаетъ кричать, метаться; показывается присутствіе такихъ ужаснѣйшихъ мукъ, что больной ни на минуту не можетъ успокоиться, ни стоя, ни сидя, ни лёжа, и послѣ многихъ такимъ образомъ проведенныхъ дней и ночей, доходитъ отъ страшныхъ болей до потери разсудка и въ безумномъ бѣшенствѣ кончаетъ жизнь. Думаютъ, что если вскрыть тѣло такимъ образомъ умершаго, то въ животѣ у него найдутъ массы червячковъ, прогрызающихъ всю внутренность. Чаровница—думаетъ народъ—даетъ яички какого-то насѣкомаго, котораго личинки формируются внутри человѣка и точатъ его [1]). Въ Великороссіи существовало и, можетъ быть, существуетъ до сихъ поръ вѣрованіе о насланіи на человѣка порчи посредствомъ бросанія по воздуху губительныхъ червячковъ,—пріемъ, совершенно совпадающій съ древнимъ вѣрованіемъ послѣ-

[1]) Нелишнимъ считаю привести здѣсь сообщенное мнѣ однимъ почтеннымъ лицомъ, бывшимъ нѣкогда врачемъ, но оставившимъ эту профессію для иного рода дѣятельности и теперь занимающимъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей ученой литературѣ по исторіи и археологіи. Во время своей врачебной практики случилось ему, по его словамъ, видѣть одного малоросса простолюдина, который жаловался, что какая-то злая баба поддала ему дàванья. Врачъ употреблялъ надъ нимъ разныя средства, какія только указывала ему наука. Все было напрасно. Несчастный умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Когда послѣ того трупъ его подвергли вскрытію, то нашли стѣнки пищепріемнаго канала изъязвленными какъ бы личинками какого-то насѣкомаго. Господинъ, сообщавшій объ этомъ, дѣлалъ даже предположеніе, какого насѣкомаго могли быть эти личинки.

довательй Зороастра и по смыслу своему относящійся исключительно къ области демонологіи безъ всякой возможности искать какого нибудь основанія въ явленіяхъ природы.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, въ сѣверовосточной Россіи явилась эпидемія порчи людей посредствомъ насланія на нихъ червей. Преосвященный Іоаннъ, епископъ великоустюжскій и тотемскій, сообщалъ въ синодъ, что во многихъ мѣстностяхъ его епархіи и въ самомъ городѣ Устюгѣ «отъ таковыхъ порчей особливо женскаго пола въ хорошихъ купеческихъ домахъ весьма многіе страждутъ». Признакомъ такой порчи было то, что испорченное лицо начинало кричать и называть то лицо, которое его испортило, отцомъ или матерью, смотря по тому, къ мужескому или женскому полу оно принадлежало. Процедура порчи происходила вездѣ такимъ способомъ: чародѣй или чародѣйка разбрасывали на вѣтеръ по воздуху червячковъ, полученныхъ фантастическимъ способомъ отъ самого дьявола, являвшагося для этой цѣли въ человѣческомъ видѣ, и червячки эти входили въ того, кто имѣлъ неосторожность выходить изъ дома, не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и не произносилъ молитвы Іисусовой.

Сами чародѣи и чародѣйки, когда имъ другіе сообщали впервые таинственное знаніе сношеній со злыми духами, совершали одинаковымъ образомъ гнуснѣйшее отреченіе отъ Бога и признавали надъ собою господство дьявола. Вотъ что разсказывалъ, неизвѣстно какъ попавшійся въ руки правосудія въ 1768 году, крестьянинъ Яренскаго уѣзда, Печерской волости, Егоръ Пыхтинъ, занимавшійся ловленіемъ бѣлокъ. Въ декабрѣ 1766 года, сошелся онъ съ крестьяниномъ Герасимомъ Романовымъ. Оба вмѣстѣ подвыпили. Егоръ сталъ жаловаться, что ему какъ-то все не удается ловить бѣлокъ, и просилъ Герасима сказать ему: не знаетъ ли онъ такого средства, чтобъ ловились бѣлки?—«Знаю»—отвѣчалъ Герасимъ—«и научу тебя!» Вышли они на дворъ. Наступала зимняя ночь. Герасимъ сказалъ: «коли хочешь, чтобъ у тебя всегда ловились бѣлки, надобно не вѣровать въ Бога, отрещись отъ солнца и мѣсяца и три раза проклясть Бога, солнце и мѣсяцъ». Егору стало страшно отъ такихъ словъ и онъ хотѣлъ уйти, но тутъ его кто-то невидимо толкнулъ и онъ сталъ какъ вкопаный. Герасимъ свиснулъ и на его свистъ появился дьяволъ. Онъ былъ въ видѣ малорослаго мужиченки, одѣтъ и обутъ по-крестьянски, очень толстъ и черномазъ. Герасимъ приказывалъ Егору поклониться дьяволу въ ноги и поцѣловать его сзади. Егоръ исполнилъ это приказаніе. Тогда Герасимъ далъ Егору двухъ червячковъ и велѣлъ въ благодарность дьяволу повторить прежнее цѣлованіе. — «Вотъ» — говорилъ Герасимъ Егору—«береги этихъ червячковъ, а какъ пойдетъ отъ нихъ приплодъ, выпускай по-скольку тамъ на вѣтеръ и приговаривай: кто будетъ выходить изъ дома не крестясь, и не молясь, и не про-

читавши молитвы Iисусовой, или кто станетъ браниться скверно, въ тѣхъ людей входите ртомъ». Егоръ понесъ этихъ червячковъ въ пазухѣ и держалъ ихъ такъ, пока не пришлось ему опять идти на свой промыселъ. Тутъ замѣтилъ онъ, что отъ данныхъ ему двухъ червячковъ уже появилось четверо. Помня наставленіе Герасима, онъ пустилъ на вѣтеръ двухъ червячковъ, а спустя нѣкоторое время пустилъ еще двухъ. Черезъ двѣ недѣли двѣ дѣвки— Афимья Прохорова и Марья Анисимова стали кричать и называть Егора Пыхтина своимъ отцомъ, изъ чего заключилъ послѣдній, что пущенные имъ два червячка вошли въ этихъ дѣвокъ, а въ кого вошли другіе два червячка—онъ не могъ узнать, потому что кромѣ этихъ двухъ дѣвокъ никто болѣе не кричалъ и не называлъ его отцомъ. Чрезъ немалое время послѣ того, неизвѣстно—вслѣдствіе чего, онъ прослышалъ, что его хотятъ взять и отправить въ яренскую воеводскую канцелярію; онъ сталъ прятаться и уходилъ ночевать въ овчарный хлѣвъ. Тамъ явился къ нему уже знакомый дьяволъ. Егоръ опять совершилъ приличное цѣлованіе сзади. Дьяволъ далъ ему трехъ червячковъ: двухъ черныхъ и одного сѣраго. Но отъ отправки Егора въ яренскую воеводскую канцелярію дьяволъ не избавилъ. Егору все-таки скоро послѣ того пришлось тамъ очутиться и, взявши съ собою червячковъ, онъ положилъ ихъ въ томъ покоѣ, куда его посадили, за печь въ печурку. На четвертый день явился близь окна этого покоя знакомый дьяволъ и приказалъ пустить на вѣтеръ червячковъ, выбросивши ихъ на улицу. Егоръ исполнилъ приказаніе. Неизвѣстно, когда именно взятъ былъ Егоръ, но пробылъ онъ подъ арестомъ въ яренской воеводской канцеляріи до лѣта 1768 года; тогда препроводили его въ архангелогородскую губернскую канцелярію, а 4-го августа того же года передали въ консисторію на судъ преосвященному Іоанну, епископу великоустюжскому и тотемскому. «Во все время своего содержанія въ яренской воеводской канцеляріи»—сознавался Егоръ— «я въ церковь за карауломъ для обращенія въ познаніе истиннаго Бога ходилъ къ божественнымъ пѣніямъ, стоя въ трапезѣ крестился и кланялся, только дѣлалъ то для одного народнаго вида, а все въ умѣ своемъ содержалъ, что я въ Бога не вѣрую и состою въ упорственномъ дьяволослуженіи, иногда же въ разумѣ помышлялъ, чтобы мнѣ отъ того дьявольскаго служенія и чародѣйства отстать, но тутъ на меня находилъ великій страхъ. Въ Петровъ постъ, въ 1767 году, я былъ и на исповѣди у отца своего духовнаго, священника Петра Сидорова, но о своемъ отступничествѣ отъ Создателя и о чародѣйствѣ утаилъ, и хотя правила къ причастію вмѣстѣ съ другими прослушалъ, но не причащался, стоявъ въ трапезѣ (вѣроятно, въ притворѣ), и въ церковь не входилъ затѣмъ, что свое богомерзкое преступленіе имѣя въ мысли, приступить не смѣлъ и одержимъ былъ великимъ смятеніемъ духа и боязнію». Учитель Егора, Гера-

симъ, умеръ того же года и мѣсяца, когда познакомилъ Егора съ дьяволомъ.

Бѣдный умомъ Егоръ отрекся отъ Бога и предался чародѣйству изъ-за того только, чтобъ имѣть возможность удобнѣе ловить бѣлокъ. Но 4-го сентября 1768 г., изъ яренской воеводской канцеляріи въ ту же великоустюжскую консисторію доставлены были еще лица по обвиненію въ томъ же способѣ чародѣйства, прибѣгавшія къ этому способу по инымъ побужденіямъ. То были двѣ особы женскаго пола и одна—мужскаго. Первая была семнадцатилѣтняя дѣвушка Авдотья Бажукова; отъ рожденія своего она всего только одинъ разъ была на исповѣди и ни разу не причащалась. Это обстоятельство достаточно показываетъ, какъ она далека была отъ православной церкви и, слѣдовательно, какъ легко могла отважиться, безъ всякаго волненія совѣсти, на всякій разрывъ съ религіей. Въ предшествовавшій великій постъ посѣтила она солдатскую женку Авдотью Пыстину и послѣдняя сказала Авдотѣ Бажуковой: если она желаетъ, чтобъ ее всѣ любили, то можно ее въ томъ наставить. Дѣвка Авдотья заявила такое желаніе и тогда солдатская женка стала пѣть пѣсню, упоминая въ ней часто имя дьявола и приказывая повторять за собою слова пѣсни. Вдругъ явился дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Тогда солдатская женка сказала дѣвкѣ: «сними съ себя крестъ и положи подъ ноги; отрекись отъ Господа Бога и христіанской вѣры, прокляни отца, мать, солнце, мѣсяцъ, землю и воду, поклонись дьяволу и поцѣлуй его сзади». Все это дѣвка Авдотья исполнила. Тогда солдатская женка, вынувши откуда-то шесть живыхъ червячковъ, дала ихъ дѣвкѣ Авдотьѣ и говорила: «пускай ихъ на вѣтеръ, коли захочешь портить людей, а когда надобно будетъ еще новыхъ червячковъ—дьяволъ принесетъ ихъ тебѣ». Въ избѣ, гдѣ все это происходило, не было никого, кромѣ солдатской женки, дѣвки Авдотьи и явившагося дьявола. На четвертый день послѣ того, дѣвка Авдотья Бажукова у себя дома топила баню и тамъ явился къ ней дьяволъ и снова подтвердилъ, чтобъ она пускала на вѣтеръ червячковъ и тѣмъ портила бы людей, а о томъ, что научилась чародѣйству, не сказывала бы никому. Дѣвка Авдотья Бажукова чувствовала злобу къ нѣкоторымъ близкимъ лицамъ и, пользуясь наставленіемъ дьявола, пустила на вѣтеръ трехъ червячковъ съ пожеланіемъ, чтобъ они вошли въ дѣвку Афимью Бажукову и въ женокъ Марѳу Пыстину и Лукерью Герасимову Богдановыхъ. Ея желаніе исполнилось. Червячки вошли въ означенныхъ лицъ, такъ какъ они стали кричать и называть Авдотью Бажукову своею матерью. На другой послѣ того день Авдотья Бажукова пустила на вѣтеръ и другихъ червячковъ, но вошли ли они въ какого-нибудь — ей осталось неизвѣстнымъ.

Другая особа женскаго пола, доставленная въ великоустюжскую консисторію, была учительница Авдотьи Бажуковой, солдатская жена Авдотья Андреевна Пыстина. Это была баба тридцати одного года отъ рожденія и, также какъ прежняя, проводившая жизнь въ отдаленіи отъ православной церкви: по ея сознанію, будучи въ дѣвкахъ, она хоть и ходила въ великій постъ на исповѣдь, но причащалась до своего замужества только одинъ разъ и то во время болѣзни. Она не запиралась, что учила чародѣйству дѣвку Авдотью, а сама научилась отъ крестьянина Захара Ивановича Мартюшова. Обученіе это происходило въ банѣ. Тамъ явились къ нимъ въ человѣческомъ видѣ два дьявола, вошедшихъ въ баню дверьми. Захаръ приказывалъ Авдотьѣ снимать съ себя крестъ, проклинать отца, мать, солнце, мѣсяцъ, землю и воду, кланяться дьяволамъ въ ноги и цѣловать ихъ обоихъ сзади. Когда Авдотья все это исполнила, Захаръ далъ ей для порченія людей червячковъ, «примѣромъ съ тридцать, пестрыхъ и бѣлыхъ; всѣ были живы и съ крыльями». Послѣ того баба пожелала испортить свою родную мать, Ѳедосью Ѳаддѣеву, и пустила одного червячка; онъ долго леталъ по избѣ, а когда мать стала бранить дѣтей своихъ, то насѣкомое вошло въ нее ртомъ, и черезъ четыре дня оказались признаки порчи: Ѳедосья стала кричать и называть матерью дочь свою Авдотью. Затѣмъ, пустивши такихъ же червячковъ, Авдотья испортила еще нѣсколькихъ лицъ (дѣвку Авдотью, Кирилову женку Катерину Иванову, слѣпую дѣвку Акулину Ѳаддѣеву и крестьянскаго сына Тита Семенова Пыстина); всѣ кричали и называли ее матерью. Послѣ такого обученія, совершившагося въ банѣ, приходили къ ней эти два дьявола въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, но всегда такъ, когда случалось ей быть одной, и приносили ей червячковъ штукъ по двадцати и по тридцати. Она пускала ихъ на вѣтеръ, но входили ли они въ когонибудь, она не можетъ этого сказать, потому что никто не кричалъ, а узнала она только, что одинъ такой червячекъ вошелъ въ крестьянина Панкратія Пыстина, который черезъ двѣ недѣли послѣ того умеръ, но отъ порчи ли постигла его смерть, или отъ иной причины, она не знаетъ. Кромѣ червячковъ, пущенныхъ на вѣтеръ, у ней спрятано было въ ея квартирѣ съ науличной стороны въ гниломъ углу сорокъ червячковъ и закрыты мхомъ. «Хоть бы кто и нашелъ ихъ — безъ меня они никому вреда причинить не могутъ», сказала она.

Разомъ съ этими двумя женщинами доставленъ былъ въ ту же консисторію и наставникъ Авдотьи Пыстиной, Захаръ Ивановичъ Мартюшовъ, молодой мужикъ, двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Онъ не запирался въ томъ, что училъ чародѣйству Авдотью Пыстину такимъ способомъ, какъ она показывала, и объявилъ, что самъ онъ научился этому чародѣйству отъ крестьянина Ѳедора Бажукова,

умершаго назадъ тому семь лѣтъ. Во время его обученія происходили тѣ же обряды, которые описаны были уже выше: снятіе съ себя и поруганіе креста, отреченіе отъ Бога, произнесеніе проклятія отцу, матери, солнцу, мѣсяцу, землѣ и водѣ, появленіе дьявола, поклоненіе ему и цѣлованіе. Дьяволъ далъ ему для порченія людей до тридцати червячковъ; всѣ они были черные съ небольшими крыльями; первый, котораго пустилъ онъ на вѣтеръ, вселился въ дѣвку Акулину Ѳаддѣеву, потомъ пускалъ онъ другихъ червячковъ и такимъ способомъ многихъ людей испортилъ (дѣвку Авдотью Кирилову, женокъ Настасью Григорьеву и Ѳедосью Поликарпову); всѣ кричатъ и называютъ его отцомъ. Много разъ послѣ того приносилъ ему дьяволъ червячковъ и онъ пускалъ ихъ на вѣтеръ, чтобъ людей портить, а двадцать шесть червячковъ бросилъ въ воду. Захаръ объяснилъ, что принятыхъ отъ дьявола червячковъ онъ считаетъ не дѣйствительными червями, а только мечтаніями дьявольскими, потому что тѣмъ, которые этому чародѣйству не обучались, видѣть ихъ невозможно.

Преосвященный Іоаннъ, по сношенію съ яренскою воеводскою канцеляріею, нашелъ нужнымъ нарядить слѣдователей для дознанія: нѣтъ ли въ Печерской волости, отстоявшей отъ Устюга болѣе тысячи верстъ, подобныхъ чародѣевъ и испорченныхъ ими лицъ. Для этого назначены были отъ духовнаго вѣдомства изъ присутствующихъ въ яренскомъ духовномъ правленіи священникъ Василій Матѳіевъ, а отъ яренской воеводской канцеляріи маіоръ Комаровъ, воеводскій товарищъ. О преступникахъ же, находившихся подъ судомъ консисторіи, преосвященный безъ воли святѣйшаго синода не принималъ на себя смѣлости произнести приговора, хотя и сообщалъ, что всѣ четыре чародѣя «по добровольному ихъ раскаянію въ совершенное очуствованіе приходятъ, въ Господа Бога вѣруютъ и обратиться въ христіанскую вѣру желаютъ, и отъ дьявольскаго служенія вовсе отрицаются». Преосвященный просилъ святѣйшій синодъ въ такомъ великоважномъ дѣлѣ снабдить его благоразсудительною резолюціею.

Въ былыя времена подобныя преступленія наказывались самымъ жестокимъ образомъ и не возбуждали никакихъ сомнѣній въ лживости самыхъ фактовъ, представляемыхъ слѣдствіемъ и судомъ. Но теперь уже свѣтъ науки распространился настолько, что и духовные не ограничивались мистическими міровоззрѣніями въ такихъ случаяхъ, когда по поводу какого нибудь чудеснаго факта возникалъ вопросъ о вѣроятности его. Въ настоящемъ дѣлѣ святѣйшій синодъ нашелъ, что «прописанное въ доношеніи великоустюжскаго епископа чародѣйство, по многому въ допросахъ несходному разнорѣчію и противорѣчію, крайне невѣроятно и на одномъ только вымышленномъ обманѣ основано; и въ томъ имъ о признаніи самыя истины никакого достодолжнаго увѣщанія и испытанія, какъ изъ

доношенія видно, не было». Поэтому святѣйшій правительствующій синодъ приказали: «преосвященному устюжскому по пастырскому своему долгу показанныхъ имъ людей увѣщевать и стараться привести въ признаніе самой истины, а особливо крестьянъ Егора Пыхтина и Захара Мартюшова, также и солдатку Авдотью Пыстину, изъ коихъ сами яко бы чародѣйству обучали» (Мартюшовъ ее, Пыстину, а она означенную дѣвку Бажукову), что они «не сами ли оный обманъ вымыслили, или отъ кого другаго тому обучены. А что оные Пыхтинъ и Мартюшовъ показываютъ, что учители ихъ померли, то и то ихъ показаніе, что подлинно ль они отъ тѣхъ людей научены, по тому жъ ихъ разнорѣчію—сумнительно, и если они въ таковомъ обманѣ признаются или хотя не признаются, — о томъ представить святѣйшему синоду съ мнѣніемъ тѣхъ же людей, которые только оному чародѣйству учились, а сами другихъ никого не учили, и истинное въ томъ раскаяніе принесутъ, къ св. церкви по надлежащему принять, и поелику они при означенномъ яко бы чародѣйствѣ отъ самого Господа Бога и отъ христіанской вѣры отреклись, крестъ снявъ съ себя бросали, отца и мать, мѣсяцъ, солнце, землю и воду проклинали, то за такое ихъ тяжкое преступленіе послать ихъ устюжской епархіи въ пристойные монастыри въ монастырскіе черные труды на годъ, и велѣть во время церковнаго славословія въ церковь Божію ходить на молитву и во всѣ четыре поста исповѣдываться, а до принятія св. таинъ (кромѣ смертнаго случая) какъ въ ту въ монастыряхъ бытность, такъ и по свободѣ изъ оныхъ, чрезъ пять лѣтъ не допускать, развѣ они, будучи подъ тою епитиміею въ постѣ и молитвахъ, окажутъ плоды покаянія достойные: въ такомъ случаѣ оный преосвященный устюжскій можетъ по своему разсмотрѣнію имъ ту епитимію и уменьшить. Почему и съ прочими, если кои по оному дѣлу въ подобныхъ тому богопротивныхъ дѣйствіяхъ окажутся, поступать».

Указъ въ этомъ смыслѣ былъ выданъ 26-го января 1769 г., а 3-го февраля преосвященный Іоаннъ прислалъ новый рапортъ съ новыми данными, касавшимися того же чародѣйства. Посланные слѣдователи доставили изъ той же Печерской волости женку Ѳедосью Мезенцову, уличенную въ такомъ же преступленіи по дѣлу, производившемуся на мѣстѣ. Эта женщина обучена была тѣмъ же, какъ прежніе, пріемамъ чародѣйства отъ умершаго крестьянина Герасима, учившаго Пыхтина. Происходило такое же явленіе дьявола, но только въ видѣ не маленькаго мужиченки, а напротивъ, мужика большаго ростомъ, безбородаго, толстаго и чернаго цвѣтомъ, такія же поклоненія, проклятія, обѣщанія вѣровать въ дьявола... Герасимъ далъ Ѳедосьѣ въ тряпицѣ двадцать разносортныхъ червячковъ на подобіе мухъ, приказывая пускать ихъ на вѣтеръ и входить въ тѣхъ, которые станутъ безъ молитвы выхо-

дить изъ дома или будутъ браниться скверными словами. Өедосья, принявши этихъ червячковъ, положила въ маленькій берестовый чумашикъ въ лебяжій пухъ, держала у себя въ пазухѣ и каждыя сутки выпускала и кормила на доскѣ крупами, вареными въ молокѣ и коровьемъ маслѣ, толокномъ и пряниками; одного изъ нихъ положила въ толокно и дала для испорченія нарочно женкѣ Өеклѣ Мезенцовой, отчего послѣдняя стала кричать и называть Өедосью матерью. Потомъ Өедосья въ разные дни пустила на вѣтеръ пятнадцать червей, а оставшихся пять при учиненномъ ей допросѣ отъ воеводскаго товарища Комарова и отъ священника Матвѣева принесла всѣхъ живыхъ, объявляя, что «когда вѣрующими въ Бога людьми эти червячки будутъ увиданы, то діавольская сила отъ нихъ отступитъ и въ рукахъ христіанскихъ они живы не будутъ; а когда отпущенные на вѣтеръ для порчи отъ нея червячки въ кого войдутъ, то у того всю внутренность и сердце чрезвычайно грызутъ и растутъ величиною большого роду въ мыша, другіе же въ таракана, и отъ нетерпимаго кричанія тотъ человѣкъ ничего помнить уже не можетъ». Мезенцова объявила, что у ней червячковъ болѣе нѣтъ, и она бросила свое чародѣйство, чувствуетъ свое претяжкое отъ Создателя отреченіе и желаетъ обратиться и вѣровать, а отъ мерзостнаго служенія діаволу отрекается. Кромѣ Өеклы Мезенцовой, объявилась также испорченною другая крестьянка, Степанида Шахтарова. По свидѣтельству многихъ спрошенныхъ повальнымъ обыскомъ, и по увѣреніи слѣдователей маіора Комарова и священника Василія Матөіева, бывшихъ очевидцами, испорченныя бабы, послѣ взятія ихъ къ допросу, неоднократно кричали и бились необычайно, волосы на себѣ рвали и за людьми бросались, «показывая неподобные виды, что все отъ нихъ происходитъ будучи подлинно въ безпамятствѣ». О томъ, что эти бабы были испорчены—не возникало сомнѣнія. Слѣдователи, принявши оставшихся пять червячковъ, положили ихъ въ стклянку и закупорили воскомъ, чтобъ они не могли утратиться, и въ такомъ видѣ доставили въ Устюгъ. Но три изъ этихъ червячковъ неизвѣстно какъ и куда исчезли, осталось только два и тѣ были свидѣтельствованы въ консисторіи при депутатѣ отъ устюжской провинціальной канцеляріи, воеводскомъ товарищѣ коллежскомъ ассессорѣ Сибилевскомъ. Они оказались изгиблыми, по наружному виду походили на ползающихъ «кубашекъ» (букашекъ): одна о двухъ бѣлыхъ крылышкахъ, другая — безъ крылъ; изъ нихъ крылатая распалась на двѣ половины; обѣ хранятся въ консисторіи.

На посланный изъ святѣйшаго синода 26-го января указъ преосвященный Іоаннъ отъ 17-го марта рапортомъ доносилъ, что, по указу синода, онъ дѣлалъ имъ увѣщаніе, чтобъ онѣ открыли, не обманъ ли былъ съ ихъ стороны, но онѣ всѣ подтвердили прежнее свое показаніе, и никакого обмана не было. Показываемыхъ ими

червячковъ они сами считаютъ бѣсовскимъ мечтаніемъ, и хотя являвшихся имъ въ человѣческомъ образѣ дьяволовъ признаютъ за настоящихъ дьяволовъ, а не за людей, но никому кромѣ ихъ они видимы быть не могутъ и голоса ихъ слышать никому изъ посторонниxъ невозможно. Сверхъ того, и по произведенному слѣдователями на мѣстѣ въ Печерской волости маіоромъ Комаровымъ и священникомъ Василіемъ Матѳіевымъ слѣдствію, по повальнымъ обыскамъ открылось, что «показуемыя оными чародѣями лица всѣ испорчены и никакого въ томъ отъ нихъ притворства ниже обману предвидимо не было, ибо де ими усмотрѣны крайнія и тяжкія въ нихъ болѣзни, да и сами они, чародѣи, единственно допросами заключали и, наконецъ, на довольное мое увѣщаніе утвердили то, что означенные испорченные люди чрезвычайно страждутъ отъ ихъ чинимаго дьявольскимъ дѣйствомъ порченія безъ всякаго притворства и обману». Въ заключеніе, преосвященный въ своемъ рапортѣ сообщалъ, что какъ ему и его консисторіи, такъ «и здѣшнимъ свѣтскимъ командамъ довольно извѣстно, что не только въ тамошнихъ мѣстахъ, но и въ здѣшнемъ городѣ Устюгѣ отъ таковыхъ порчей особливо женска пола въ хорошихъ купеческихъ домахъ весьма многіе страждутъ, каковыхъ чародѣевъ и прежде сего въ яренской воеводской канцеляріи много бывало; въ томъ числѣ здѣшней епархіи бывый попъ Наумъ Семеновъ нашелся, за что съ ними всѣми тогда и поступлено было въ яренской воеводской канцеляріи по законамъ. Въ разсужденіе таковыхъ обстоятельствъ, объявленные всѣ чародѣи, яко опасные и злые людямъ вредители, по содержанію въ книгѣ Кормчей св. отецъ правилъ: Василія Великаго 21-го главы 65 въ законѣ Богомъ данномъ, 3-го въ законѣ градскомъ грани 39, 2-го и 21-го царя Леона и Константина 20 пунктовъ, соборнаго уложенія 1-й главы 1-го пункта, военнаго артикула 1-ой главы 1-го и 19-го 162 артикуловъ, за толь важныя ихъ преступленія ко пресѣченію такого злодѣйства, дабы, смотря на нихъ, другіе такихъ злодѣйственныхъ дѣлъ чинить не отваживались, по мнѣнію моему непремѣнно слѣдуютъ къ отсылкѣ къ указному съ ними поступленію въ свѣтскую команду». Относительно Пыхтина и Бажуковой, которыхъ указомъ святѣйшаго синода велѣно было отправить въ монастыри на черные труды, преосвященный доносилъ, что «хотя они изъ консисторіи при указахъ и отосланы, точію архангелогородская губернская канцелярія объ немъ, Егорѣ Пыхтинѣ, присланною въ консисторію мою августа 4-го, прошлаго 1768 года, промеморіею требовала: если какъ онъ въ томъ чародѣйствѣ, такъ и прочіе таковые окажутся виновными, то всѣхъ ихъ, по окончаніи слѣдствія, отослать за крѣпкимъ карауломъ и съ подлиннымъ о нихъ дѣломъ къ свѣтскому наказанію въ здѣшнюю провинціальную канцелярію».

Мая 15-го, 1769 года, въ святѣйшемъ правительствующемъ си-

нодѣ состоялось такое рѣшеніе по этому дѣлу: «Содержащихся въ устюжской духовной консисторіи чародѣевъ, крестьянъ Егора Пыхтина и прочихъ, для надлежащаго съ ними по указамъ поступка по объявленному архангелогородской губернской канцеляріи требованію въ устюжскую провинціальную канцелярію и съ подлиннымъ въ той консисторіи произведеннымъ объ нихъ дѣломъ за карауломъ немедленно отослать; ибо хотя о предписанномъ чародѣйствѣ, что оное дѣйствительно ли, какъ тѣ чародѣи утверждають, по чародѣйству или по вымыслу ихъ обманно чинимо было ими и сумнительно, но понеже порча и вредъ людямъ, какъ по слѣдствію въ самомъ дѣлѣ оказалось, такъ и сами тѣ чародѣи въ томъ виновными точно себя признали, почему о такомъ, яко вреднѣйшемъ отъ нихъ происшедшемъ злѣ, послѣдуетъ разсмотрѣніе—учинить уже въ свѣтскомъ судѣ; когда же они по учиненіи въ той канцеляріи надлежащаго разсмотрѣнія, для принятія по объявленному ихъ нынѣ обращенію къ церкви святой и положенія на нихъ церковной епитиміи къ оному преосвященному устюжскому присланы будутъ, тогда и учинить его преосвященству какъ о томъ прежде святѣйшимъ синодомъ объ нихъ опредѣлено и посланнымъ его преосвященству указомъ велѣно». Вмѣстѣ съ тѣмъ положено сообщить правительствующему сенату объ этомъ свѣдѣніе съ тѣмъ: «не соблаговолить ли оный правительствующій сенатъ къ пресѣченію таковыхъ вредныхъ означенными чародѣями чинимыхъ дѣйствій, отъ коихъ не токмо въ тамошнихъ мѣстахъ, откуда тѣ чародѣи взяты, но въ самомъ городѣ Устюгѣ (какъ о томъ въ доношеніи преосвященнаго устюжскаго объявлено) весьма многое число людей страждутъ, о изысканіи пристойныхъ способовъ учинить надлежащее разсмотрѣніе и куда надлежитъ подтвержденіе».

Не ранѣе, какъ октября 2-го того же года, преосвященный извѣстилъ святѣйшій синодъ, что всѣ содержавшіеся по этому дѣлу чародѣи отосланы изъ консисторіи въ великоустюжскую провинціальную канцелярію, а между тѣмъ еще 19-го августа того же года правительствующій сенатъ сообщилъ свѣдѣніемъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, что «какъ сіе дѣло требуетъ особливаго примѣчанія, то великоустюжской провинціальной канцеляріи приказано преступниковъ крестьянъ: Егора Пыхтина и Захара Мартюшова, также женокъ Ѳедосью Мезенцову, Авдотью Пыстину и дѣвку Авдотью Бажукову со всѣмъ объ нихъ письменнымъ производствомъ и ополичиваніемъ за надлежащимъ карауломъ немедленно прислать въ правительствующій сенатъ въ Санктпетербургъ, гдѣ въ то время о ихъ преступленіи и надлежащее опредѣленіе учинено будетъ, и о томъ въ оную великоустюжскую провинціальную канцелярію, а для вѣдома и въ архангелогородскую губернскую канцелярію указы посланы».

Дальнѣйшая судьба обвиненныхъ и окончаніе производства этого

дѣла извѣстны намъ изъ сенатскаго указа, сохранившагося въ 13.427 статьѣ XIX тома Полнаго Собранія Законовъ.

Правительствующій сенатъ не такъ отнесся къ этому дѣлу, какъ провинціальныя начальства и духовныя власти. Сенатъ находился въ столицѣ, близко двора, уже знакомаго съ принципами французской философіи, и притомъ подъ сильнымъ вліяніемъ императрицы, какъ извѣстно, преданной всею душою этой философіи и дорожившей дружескими сношеніями съ Вольтеромъ и энциклопедистами. Кромѣ означенныхъ выше чародѣевъ Печерской волости, въ Петербургъ отправлены были по тому же дѣлу обвиненные крестьяне Устненской волости—Степанъ и Илья Игнатовы и женщина Анна Игнатова. Правительствующій сенатъ увидѣлъ «закоснѣлое въ легкомысліи многихъ людей, а паче простаго народа, о чародѣйственныхъ порчахъ суевѣріе, соединенное съ коварствомъ и явными обманами тѣхъ, которые или по злобѣ, или для корысти своей онымъ пользуются». Кромѣ того, сенатъ увидалъ «съ крайнимъ своимъ неудовольствіемъ не только беззаконные съ мнимыми чародѣями поступки, но невѣжество и непростительную самыхъ судей неосторожность въ томъ, что съ важностію принимая осязательную ложь и вещь совсѣмъ несбыточную за правду, слѣдственно пустую мечту, за дѣло достойное судейскаго вниманія, вступили безъ причины въ слѣдствіе весьма непорядочное, изъ чего, сверхъ напраснаго невиннымъ людямъ истязанія, не иное что произойтить могло, какъ вящее простыхъ людей въ семъ глупомъ суевѣрствѣ утвержденіе». Сенатъ указывалъ, какъ на истину очевидную каждому благоразумному человѣку, что, не давая употребить въ пищу вредныхъ для здоровья человѣческаго веществъ, невозможно причинить зло какими-то сверхъестественными средствами, въ особенности тѣмъ, которые даже находятся въ отсутствіи. Какъ вещественныя улики преступленія, доставлены были въ сенатъ червячки, отысканные у чародѣевъ маіоромъ Комаровымъ, но правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что это были простыя засушенныя мухи, которыхъ женка Ѳедосья Мезенцова, чтобъ съ одной стороны удовольствовать требованіе маіора Комарова, а съ другой—избавить себя отъ бо̀льшаго истязанія, наловила въ избѣ той бабы, гдѣ содержалась подъ карауломъ, и ему представила, а онъ столько же суевѣренъ и простъ былъ, что распознать ихъ съ червяками не могъ, но какъ такіе представить въ высшее правительство не устыдился.

Въ указѣ сенатскомъ въ такомъ видѣ представлялся понятый сенатомъ ходъ этого чародѣйнаго дѣла. «Нѣсколько безпутныхъ дѣвокъ и женокъ, притворяясь быть испорченными, по злобѣ или въ пьянствѣ, выкликали имена несчастныхъ людей, называя мущинъ батюшкою, а женщинъ матушкою. Сосѣди, услышавши это, стали приступать съ угрозами къ тѣмъ, на которыхъ выкликали, домо-

гаясь, чтобы они въ тѣхъ порчахъ признались добровольно. Потомъ стали къ нимъ привязываться сотскіе, и тѣ уже не удовольствовались угрозами, а стали ихъ сѣчь и мучить, хотя въ семъ случаѣ власти никакой не имѣли. Сіи совсѣмъ невинные, но много притѣсненные люди, не стерпя побой, а притомъ опасаясь не только горшаго себѣ жребія, но и самой пытки въ городѣ, которою имъ сотскіе угрожали, принуждены были объявить себя чародѣями и что они тѣми кликушами показанныя на нихъ порчи дѣлали, надѣясь по данному имъ обѣщанію избавить себя отъ отвоза въ городъ и пытки. Но какъ со всѣмъ тѣмъ они туда представлены, да и тамъ подъ плетьми распрашиваны, то, убоясь отъ разнорѣчія конечной гибели, прежнія на себя напрасныя показанія подтвердить должны были. Вотъ всѣ доказательства колдовства ихъ, по которымъ присутственное мѣсто оныхъ бѣдныхъ людей въ чародѣйствѣ обличенными признало и яко дѣйствительныхъ чародѣевъ къ жестокому наказанію осудило безвинно, въ то же время когда ложь, коварство и злоба кликушъ торжествовали надъ невинностью,—не только оставлены онѣ безъ всякаго истязанія, котораго однако, какъ сущія злодѣйки, онѣ достойны, но тѣмъ же самымъ дана полная свобода и другимъ производить такія злодѣйства; ибо если-бъ и подлинно показанія ихъ возможно было по законамъ почесть за дѣло примѣчанія достойное, то однако жъ и въ этомъ случаѣ надлежало бы яренской воеводской канцеляріи начать слѣдствіе кликушами, а не тѣми, на кого онѣ выкликали». Это послѣднее правило соблюдалось, или по закону должно было соблюдаться, еще сообразно смыслу указа Петра Великаго о кликушахъ. Когда допускали правило, что, не вводя въ человѣческое тѣло посредствомъ пищи или питья вредныхъ веществъ, нельзя испортить человѣческаго организма, то всѣ обвиненія въ колдовствѣ и порчѣ не могли имѣть мѣста, и всякое заявленіе о томъ, что такой-то или такая-то испортили другое лицо, должно было считаться прямою сознательною ложью. Отсюда логически вытекала необходимость, въ случаѣ подобныхъ процессовъ, начинать съ кликушъ, признавая ихъ заранѣе вѣдомыми обманщиками. Правительствующій сенатъ въ настоящемъ случаѣ не сдѣлалъ болѣе ничего, какъ возвратился къ указу Петра Великаго.

Приговоръ сенатскій постигнулъ какъ кликушъ, такъ и чиновныхъ лицъ, производившихъ слѣдствіе и своею поблажкою простонароднымъ суевѣріямъ раздувшихъ это дѣло. «Сихъ-то ради причинъ»—говорится далѣе въ томъ же сенатскомъ указѣ—«воеводу ассессора Дмитріева и товарища его секундъ-маіора Комарова и секретаря, ежели онъ надлежащаго судьямъ представленія не сдѣлалъ, какъ людей, въ отправленіи должности своей столь невѣдущихъ и неосторожныхъ, слѣдовательно, къ званію судейскому неспособныхъ, отрѣшить, и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣ-

лять. Тѣхъ дѣвокъ, которыя выкликали помянутыхъ крестьянъ, крестьянскихъ женокъ и дѣвку, за такое ихъ коварное злодѣйство, какъ кликушъ и обманщицъ, въ силу вышеупомянутыхъ указовъ 1722 и 1737 годовъ, высѣчь плетьми публично въ ихъ жилищахъ на мірскомъ сходѣ. Да и впредь, буде гдѣ кликуши появились, на основаніи тѣхъ же законовъ, чинить онымъ наказаніе, и показаніямъ ихъ не только не вѣрить, но и не принимать. А сотскихъ и старостъ, которыми они безвинно и своевольно сѣчены были, за таковую наглую ихъ продерзость въ тѣхъ же жилищахъ при собраніи всѣхъ жителей наказать батожьемъ безъ пощады и впредь въ старосты и сотскіе ихъ не выбирать».

Копіи съ этого указа были разосланы по всѣмъ губерніямъ для свѣдѣнія и для руководства въ случаѣ появленія подобныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ утверждено, еще при Петрѣ принятое въ законодательствѣ, правило во всякомъ кликушествѣ видѣть обманъ и преступленіе и явившихся кликушъ, сразу не производя слѣдствій и дознаній, наказывать. Это было, конечно, сообразно съ духомъ просвѣщеннаго вѣка, когда прогрессивныя правительства поставили себѣ одною изъ нравственныхъ задачъ преслѣдованіе суевѣрій, укоренившихся въ вѣрованіяхъ народовъ, обреченныхъ на продолжительное пребываніе во мракѣ невѣжества. Но и здѣсь, какъ во всѣхъ почти человѣческихъ дѣлахъ, къ правдѣ примѣшивалась и неправда. Что между кликушами были обманщицы и притворщицы— въ этомъ нельзя было сомнѣваться; но чтобъ непремѣнно всякое появленіе кликуши имѣло неизбѣжно такую причину—это утверждать было несовсѣмъ благоразумно. Значительная доля явленій кликушъ могла происходить отъ нервныхъ болѣзней, даже и въ наше время недостаточно обслѣдованныхъ наукою, а тѣмъ менѣе столѣтіемъ ранѣе нашего времени. Иногда такія болѣзненно-нервные припадки до того представляются странными и ничѣмъ не объяснимыми, что съ ними надобно обращаться съ большою осторожностію, и отказаться отъ аподиктическихъ приговоровъ, прежде чѣмъ не соберется достаточно данныхъ для признанія истины за такимъ или другимъ взглядомъ. Законъ, заранѣе признававшій обманъ и притворство за каждымъ явленіемъ кликуши, могъ попасть въ крайность и подвергать мукамъ тѣлеснаго наказанія особъ совсѣмъ невинныхъ, вмѣсто того чтобъ о ихъ недугѣ приложить медицинское стараніе.

Н. Костомаровъ.

ИСТОРІЯ МОЕГО ДЯДИ [1].

XVII.

Теперь я долженъ воротиться назадъ, къ тому времени, когда Іоасафъ Николаевичъ волей-неволей отправился въ Коломну. Впрочемъ, насчетъ этой поѣздки въ позднее ночное время, предпринятой въ большихъ попыхахъ, Макарка догадывался, что барская-то воля тутъ непричемъ, что барина послала Марина Прокофьевна на какія-то развѣдки, и, конечно, насчетъ ея братца родимаго. Дорогою это предположеніе догадливаго малаго подтвердилось.

Ночь стояла безлунная, весьма темная отъ густаго тумана, поднимавшагося съ обширныхъ здѣшнихъ луговъ и широко затоплявшаго всю окрестность. Притомъ, дорога отъ Михѣева до Коломны была и днемъ-то неудобна для проѣзда: на первыхъ порахъ, надо было проѣзжать черезъ Маливскій-Боръ, съ его вѣковыми дубами и соснами, раскинувшими черезъ дорогу огромные корни; за селомъ Маливою приходилось перебираться черезъ довольно топкую рѣчку; дальше подъ деревнями Мостищами и Подосинками,—опять рѣчки безъ мостовъ съ «бакалдинами» въ песчаныхъ руслахъ; еще дальше, подъ деревней Поповкой,—глубокіе пески; а какъ-разъ за этой деревней—тѣсный проѣздъ въ узкомъ ущельѣ («нехорошее» мѣсто, извѣстное тогда въ околоткѣ подъ названіемъ Волчьи-Ворота); наконецъ, подъ селомъ Карапчеевымъ опять тянулись глубокіе пески съ рытвинами въ нихъ. Словомъ, на разстояніи слишкомъ десяти верстъ изъ всего пути до Коломны дорога была та-

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XI. Стр. 294—329.

кая, по которой надо было пробираться съ чрезвычайною осторожностью. Вообще, на ту пору Іоасафу Николаевичу пришлось ѣхать, по крайней мѣрѣ, часовъ пять, и уже только совсѣмъ утромъ добрался онъ до цѣли своего путешествія.

Для разсѣянія скуки отъ медленной ѣзды и для преодолѣнія того жуткаго чувства, которое постоянно поддерживалось и темнотою ночи, и неудобствами, даже опасностями дороги, разговоръ былъ необходимъ для нашихъ путешественниковъ. Но Іоасафъ Николаевичъ затѣвалъ теперь разговоръ и по иному, особенно важному для него, побужденію.

— Смотри, Макарушка, сказалъ онъ своему служителю, скоро по выѣздѣ изъ усадьбы,—сослужи мнѣ въ Коломнѣ вѣрную службу. Я на тебя хочу понадѣяться... А пуще всего, не моги ни о чёмъ и никому проболтаться...

— Помилуйте, сударь,—да о чёмъ мнѣ тамъ болтать?... и Макарка началъ было клятвенно увѣрять въ своей неизмѣнной вѣрности барину, а также и въ своей осторожности. Но дядя съ нѣкоторой досадливостью тотчасъ перервалъ его.

— Обо всемъ этомъ нѐзачѣмъ распространяться, я вѣдь тебѣ вѣрю, продолжалъ онъ.—Но слушай же, слушай! Въ Коломнѣ постарайся хорошенько узнать: много ли переловили разныхъ бѣглыхъ, о которыхъ были слухи, что они гдѣ-то тамъ разбойничали?.. Узнай тоже: гдѣ всего больше ихъ ловили, то есть, въ какихъ именно мѣстахъ? А главное, станутъ ли, хотятъ ли и еще ловить?!. Нѣтъ! Это не главное, а вотъ что̀: какъ ихъ будутъ судить, неужто по полевымъ военнымъ законамъ?...

— Это—какіе же полевые законы?...

— Ну, какъ тебѣ растолковать? Это на время войны.. Но то—война... А бываетъ... да! бываетъ, что и въ мирное время... Когда же назначается гдѣ нибудь, по особымъ обстоятельствамъ, судъ военный, по полевымъ законамъ, то оказывающихся виновными... разстрѣливаютъ... Конечно, это—за важныя вины... тоже и за разбои... О, этотъ судъ!... Вѣдь смертью наказываютъ!...

— Слышалъ я, сударь, какъ позавчера, что ли, прикащикъ Леонтьичъ разсказывалъ въ людской, что, точно, бѣглыхъ разстрѣливать хотятъ. И говорилъ онъ, что это оченно хорошо, такъ и слѣдуетъ: сами, молъ, эти бѣглые разбойничаютъ и мало-ль что̀ дѣлаютъ, инда убиваютъ по-часту, ну, вотъ, и ихъ тоже, какъ попадутся... Острастка, молъ, будетъ большая для лихихъ людей.

— Острастка?... О, нѣтъ! Я думалъ, много думалъ объ этомъ, только одна есть острастка—страхъ Господень... А иной острасткой злыхъ людей не удержишь... Смерть!... Но смертью лишь Господу Богу подобаетъ страшить.

Разговоръ на этомъ перервался, и довольно надолго. Пошла дорога особенно трудная и опасная—подъ деревнями Подосинками и

Поповкою и въ Волчьихъ-Воротахъ. Но на Карачевскихъ пескахъ Іоасафъ Николаевичъ опять разговорился.

— Ты помнишь ли хорошо о чёмъ я тебѣ приказывалъ? спросилъ онъ Макарку.

— Какъ, сударь, не помнить? все, какъ есть, помню-съ, бойко отвѣчалъ малый, съ котораго тогда слетѣли всѣ страхи изъ-за дороги,—а только не знаю я, какъ тутъ быть: кого бы это поразспросить насчетъ суда того военнаго, чтó разстрѣломъ казнитъ?... Простымъ людямъ, какъ я примѣромъ, чай, не за знатьё объ этомъ... А господа, тоже чиновники какіе побольше, тѣ хоша и знаютъ, да вѣдь, какъ ихъ станешь о томъ дѣлѣ спрашивать?... Не-то чтобы для этого самаго, а такъ, за-просто, подступиться боязно... Какъ есть, для меня все такое больно несподручно...

Іоасафъ Николаевичъ началъ было убѣждать Макарушку, что отнюдь ему не слѣдуетъ бояться разспрашивать кого бы то ни было, хоть бы тѣхъ самыхъ чиновниковъ, чтó побольше; въ концѣ же концовъ, онъ вдругъ добавилъ пискливымъ голосомъ:

— Нѣтъ! это ты вѣрно сказалъ... Я тоже не придумаю, какъ тутъ быть...

Между тѣмъ, совсѣмъ разсвѣло, да и дорога берегомъ Москвырѣки пошла удобная, хорошо накатанная, можно было ѣхать шибкой рысью. Макарушка пріударилъ было лошадей, поспѣшая въ городъ, до котораго оставалось уже недалеко; но Іосафъ Николаевичъ остановилъ его.

— Шагомъ, шагомъ! приказалъ онъ.

— Вотъ, видишь ли, Макарушка,—затѣмъ продолжалъ онъ,— разсчитывать, взвѣшивать, угадывать, какъ-то тамъ изловчаться надо, а я никакой этой ловкости никогда не имѣлъ и не имѣю... Вотъ, если бы прямо пойти и спросить людей тѣхъ, навѣрное про все свѣдущихъ, и когда они всю правду объявятъ, сказать имъ, чтó Богъ на сердце положитъ, кажется, на это я былъ бы способенъ... Но тутъ, изподтишка, намёками да обиняками... Говорилъ я ей про все это!

Изъ послѣднихъ словъ Макарушка окончательно догадался, что это, точно, Марина Прокофьевна послала барина на развѣдки, и, должно быть, именно о братцѣ своемъ, который, значитъ, попалъ въ большую бѣду. И жаль-жаль стало ему барина!

Показался Голутвинъ монастырь на другомъ берегу Москвырѣки. Ни малѣйшаго людскаго движенія не было замѣтно ни вокругъ монастырскихъ воротъ, ни на перевозѣ; паромъ былъ на той сторонѣ и паромщики куда-то скрылись.

— Надо быть, заутреня идетъ въ монастырѣ, оттого и народу нигдѣ не видно, замѣтилъ Макарушка.

Послышался, какъ-разъ въ эту минуту, перезвонъ колоколовъ, тотъ, чтó бываетъ передъ чтеніемъ святаго Евангелія.

Іоасафъ Николаевичъ молча схватился руками за плечи Макарушки, чтобы онъ остановилъ лошадей. Потомъ быстро выскочилъ изъ телѣжки и жарко-жарко сталъ молиться на кресты монастыря, на которыхъ переливчато сверкали лучи восходящаго солнца.

И еще больше стало жаль Макарушкѣ своего барина...

Когда Іоасафъ Николаевичъ опять взобрался въ свою телѣжку. Макарушка сказалъ ему утѣшительнымъ голосомъ:

— Ну, вотъ, сударь, теперича ужь я надумался хорошо... Надо будетъ намъ остановиться опять на томъ самомъ постояломъ дворѣ, гдѣ онамеднись мы останавливались. Дворникъ человѣкъ разговорчивый, наѣзжаютъ тоже къ нему, замѣтилъ я, всякіе люди. И господа изъ уѣзда бываютъ. Отъ дворника, отъ кучеровъ и лакеевъ постояльцевъ можно будетъ кое-что разузнать. Какъ можно, чтобы никакихъ слуховъ не было!

— Хорошо, хорошо, спасибо тебѣ, отвѣчалъ тихо дядя.

Но, вотъ, уже подъ самымъ городомъ, мостъ черезъ Москву-рѣку на плашкотахъ, «живой мостъ», какъ прозвали его въ народѣ. При взъѣздѣ на него, Макарушкѣ нѣчто припомнилось, и, оборотившись къ барину, онъ счелъ нужнымъ передать ему объ этомъ.

— А старая барыня завсегда выходить здѣсь изволитъ изъ экипажа, очень боится, сказалъ онъ, весело улыбаясь.

— Не поминай... не поминай, ради Бога! вскричалъ, какъ бы въ испугѣ, Іоасафъ Николаевичъ, и этимъ очень удивилъ своего слугу.

Такъ въѣхали они въ городъ.

XVIII.

Въ Коломнѣ у Іоасафа Николаевича было уже немало знакомыхъ, офицеровъ, какихъ-то чиновниковъ, съ которыми онъ сошелся частью еще во время гулянья своего вмѣстѣ съ Михайлою Николаичемъ Г—вымъ, а частью при вторичномъ своемъ кутежѣ. Онъ зналъ, гдѣ живутъ нѣкоторые изъ нихъ, да, пожалуй, легко было и всѣхъ разыскать. Скоро по въѣздѣ на указанный Макарушкою постоялый дворъ, несмотря на очень ранній часъ, Іоасафъ Николаевичъ поспѣшилъ отправиться къ этимъ своимъ знакомымъ. Но о гульбѣ онъ, конечно, нисколько не думалъ. Онъ шелъ единственно съ цѣлью разузнать о чёмъ ему было нужно. Впрочемъ, все какъ-то неладно для него сложилось. У перваго же знакомаго онъ и застрялъ. Тотъ не выпустилъ его отъ себя даже до вечера, все угощалъ и самъ угощался. Угощались тутъ же и еще какіе-то молодые люди. Всѣмъ было очень весело, кромѣ одного Іоасафа Николаевича. Правда, и онъ пилъ не мало, но отъ того

не развеселялся, даже не хмѣлѣлъ, лишь голова болѣла. Онъ былъ видимо нездоровъ; это собутыльники замѣтили и щадили его, не приставали ни съ чѣмъ. Бесѣда же тутъ шла оживленная, много было наговорено и поразсказано, но все не о томъ, про что̀ хотѣлось развѣдать дядѣ. А самъ онъ такъ и не рѣшился ни спросить, ни какъ нибудь навести на то разговоръ.

Наконецъ, потихоньку отъ всѣхъ онъ ушелъ на свой постоялый дворъ.

Макарушкѣ тоже не поудачилось на развѣдкахъ. Оказалось, что на постояломъ дворѣ никакихъ пріѣзжихъ не было, да и немудрено—день-то былъ не базарный. По той же причинѣ, хозяинъ-дворникъ находился въ отлучкѣ, уѣхалъ на какую-то мельницу и лишь поздно къ ночи ждали его домой. Жена же его разболѣлась зубами и оттого разговаривать было ей вовсе не въ-охоту.

Доложивъ барину обо всемъ этомъ обстоятельно, узнавъ и отъ барина о безплодности его собственныхъ развѣдокъ, Макарушка посовѣтовалъ ему отправиться въ трактиръ: «есть, дескать, такіе здѣсь трактиры, въ которые и господа̀ ходятъ на билліардѣ поиграть, погулять тоже,—такъ вотъ тамъ не поразговорится ли кто нибудь; а то можно, подъ шумокъ, и поразспросить: что̀, молъ, слышно о бѣглыхъ, о разбойникахъ, много ли ихъ переловили и какъ судить ихъ будутъ».

Совѣтъ понравился Іоасафу Николаевичу и онъ тотчасъ хотѣлъ было идти въ трактиръ, но во-время спохватился, справился съ карманомъ,—и оказалось, что не взялъ онъ съ собою изъ дому ни копѣйки. Такимъ образомъ, пришлось бы въ трактирѣ сидѣть да глядѣть, какъ другіе гуляютъ, а самому нельзя было бы и чаю себѣ спросить,—по разсчету дяди, это уже никакъ не годилось, съ чѣмъ согласился и служитель.

— Какъ же это, Макарушка, сказалъ дядя въ смущеніи и отъ другаго обстоятельства, ему припомнившагося,—вѣдь у насъ нечѣмъ и здѣсь то расплатиться.

— Это—ничего-съ, хозяинъ намъ повѣритъ, отвѣчалъ малой.

— Вотъ развѣ что̀, продолжалъ довольно рѣшительно Іоасафъ Николаевичъ,—пойду-ко прямёхонько къ здѣшнему земскому исправнику да и спрошу его обо всемъ. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, путаться... Такъ то проще и вѣрнѣе будетъ.

Но Макарушка съ жаромъ возразилъ:

— Нѣтъ, сударь, воля ваша, а не годится эдакъ. А ну, какъ вздумается земскому капитанъ-исправнику спросить васъ самихъ: вы, дескать, изъ-за чего такого хлопочете?.. Вѣдь, они, эти господа чиновники, ухъ какіе мастера прицѣпляться ко всѣмъ... Да и чужой же здѣсь уѣздъ... Это я такъ осмѣлился молвить глупыя мои рѣчи, для̀ того, сударь...

— Да, да! все это можетъ быть... Я, точно, чужо̀й здѣсь дво-

рянинъ... Но перестань обо всемъ этомъ, ради Бога! прервалъ бѣдный дядя.

Онъ остался дома и, сказавъ Макарушкѣ, что ужинать не будетъ, что скоро ляжетъ спать, заперся въ своей неприглядной горницѣ. Однако, онъ не заснулъ, какъ обѣщалъ; по крайней мѣрѣ, слуга его, ужинавшій, къ досадѣ работницы, въ передней, долго слышалъ, что баринъ все вздыхаетъ, иногда бормочетъ самъ съ собою и даже не ложится въ постель.

Но на другой день, онъ былъ на ногахъ съ ранняго утра, и прежде всего заговорилъ опять-таки о развѣдкахъ. Онъ самъ хотѣлъ идти для этого въ городъ, но куда именно—не сказалъ, равно какъ и о томъ не вымолвилъ, какъ задумалъ разспрашивать. Воротившись же часовъ около трехъ по полудни, усталый и печальный, онъ объявилъ Макарушкѣ, что опять ничего не разузналъ, хотя и былъ во многихъ мѣстахъ. Впрочемъ, и немудрено, что развѣдки его оказались безплодными: онъ былъ только на живомъ мосту, да у рыбаковъ, да заходилъ еще на дворы, гдѣ стояли троичники, возившіе на долгихъ въ Москву; со многими онъ говорилъ, но все не о томъ, что̀ ему было нужно,—на это-то и не доставало у него духу; притомъ, самому ему было замѣтно, что, пускаясь въ разговоры, крайне неладно онъ путается, отчего троичники, напримѣръ, даже пересмѣивались.

Зато слуга его былъ удачливъ.

Еще въ ночь вернулся хозяинъ постоялаго двора, и отъ него Макарушка узналъ, что, точно, бѣглые, разбойники эти, которыхъ развелось что-то слишкомъ много, ужь очень всѣмъ надоѣли; что появляются и озорничаютъ они, то тамъ, то здѣсь, безпрерывно, и нѣтъ отъ нихъ спуску ни пѣшему, ни конному; что недавно, въ Чанскомъ лѣсу, отшельника, про котораго была молва, что у него водятся денежки, жгли они на вѣникахъ и чуть живаго оставили; ну, вотъ изъ-за всего этого и начали ихъ ловить, не даютъ тоже потачки притонодержателямъ и одного, какого-то мельника, словили уже на томъ, что онъ водится съ разбойниками, цѣлую шайку ихъ содержитъ,—словили да и засадили въ острогъ; и, наконецъ, толкуютъ, будто бы съ Москвы опять-таки строго наказано, чтобы переловить бѣглыхъ всѣхъ до единаго, но про казаковъ и про «бекеты» покуда еще не слышно.

Макарушка счелъ всѣ эти вѣсти за очень важныя и поспѣшилъ ихъ передать своему барину, но, къ его удивленію, баринъ выслушалъ ихъ совершенно равнодушно и пренебрежительно.

— Эхъ, малой, сказалъ онъ съ досадою,—ты ничего путнаго не узналъ. Лгать я не умѣю и скажу тебѣ сущую правду: почти про все это, что́ тебѣ разсказывали, я слышалъ еще въ Михѣевѣ; только про того отшельника мнѣ неизвѣстно... Нѣтъ! не про это надо было развѣдать...

Помолчавъ, онъ спросилъ:

— И только? И больше ничего?

— По откровенности сказать, сударь, началъ было Макарушка,— и какъ разъ запнулся, сообразивъ, что, по крайней мѣрѣ, теперь еще не слѣдуетъ передавать барину про одну подробность, слышанную имъ тоже отъ дворника,—гнѣваться только не извольте, больше я ничего не разузналъ.

— Значитъ, такъ тому дѣлу и быть, продолжалъ Іоасафъ Николаевичъ, уже совершенно спокойнымъ тономъ,—и знаешь ли что́ приходитъ мнѣ на мысль: не ѣхать ли намъ въ Михѣево сейчасъ же?.. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: «бекетовъ», какъ ты ихъ называешь, то есть, пикетовъ, мы съ тобой нигдѣ по дорогѣ не видали, казаковъ здѣсь нѣтъ, иначе въ городѣ они ужь были бы видны, да и нашъ хозяинъ ни о чёмъ такомъ не говорилъ тебѣ, стало быть, и про военный судъ съ разстрѣливаніемъ тоже, должно, быть лишь наболтали... Ну, и что жъ намъ тутъ оставаться?.. Бѣдная Маринушка тамъ скучаетъ, тоскуетъ... Запрягай-ко скорѣе лошадей!

Но Макарушкѣ было это не на руку.

— Осмѣлюсь доложить, возразилъ онъ,—надо бы здѣсь подольше пробыть...

— Это зачѣмъ?

— Да я еще бы отъ хозяина разузналъ... Кажись, не все-то онъ высказалъ...

— Но я же объяснялъ тебѣ. Очевидно, что не о чемъ больше разузнавать.

— Нѣтъ, сударь, объявляется тутъ еще одна статья (Макарушка рѣшился теперь уже все открыть барину), не хотѣлъ было я безпокоить васъ, въ томъ виноватъ передъ вами, а вѣдь хозяинъ-то и еще сболтнулъ... Подъ конецъ и говоритъ онъ мнѣ: «Маринка солдатка, не взыщите, сударь, это онъ такъ-то обозвалъ, Маринка-то не у васъ ли, въ Михѣевѣ, проживаетъ, прячется?» Я ему на то, грѣшнымъ дѣломъ, инда побожился, что Марины Прокофьевны не было и нѣтъ у насъ. Но онъ все, ка-быть, сумнѣвается, головою эдакъ покачалъ да и опять молвилъ: «если, молъ, у васъ она, то какъ бы изъ-за этого худа не вышло»... И ушелъ тотчасъ отъ меня.

Іоасафъ Николаевичъ сильно встревожился.

— Какъ же быть теперь?.. Ахъ, да, это очень важно!.. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то особенное... нѣсколько разъ повторилъ онъ въ волненіи.

— Надоть безпремѣнно еще поразспросить хозяина, продожалъ Макарушка,—можетъ, и больше скажетъ.

— Но что́ бы это значило?.. Почему онъ такъ о Маринѣ?..

— Кто-жъ его знаетъ! А должно, есть у него и еще что-то въ запасѣ.

— А! вспоминаю теперь!.. вскричалъ дядя,—вспоминаю: «пропала наша хибарка!»—Ты не слыхалъ ли чего о Марининой хибаркѣ?

— Нѣтъ, не слыхалъ-съ... только, кажись, и тутъ дѣло неладно...

Макарка сказалъ это нетвердо. Онъ опять таки не рѣшился «обезпокоить» барина; а о хибиркѣ ему было извѣстно, что въ ней обыскъ дѣлали, что дня два сотскіе и десятскіе караулили вокругъ нея, что она теперь заперта не Мариною, а чиновниками, и что крестьянамъ сосѣдней деревушки строго велѣно присматривать за хибаркою.

Въ тяжеломъ раздумьѣ Іоасафъ Николаевичъ долго ходилъ по тѣсной своей горницѣ. Наконецъ, онъ подошелъ къ окну, растворилъ его, чтобы освѣжить горѣвшую голову, и вдругъ благимъ матомъ вскрикнулъ и перегнулся черезъ подоконникъ, словно хотѣлъ выскочить на улицу. Испуганный крикомъ и тѣмъ движеніемъ барина, Макарка опрометью кинулся къ нему; но, выглянувъ, онъ увидалъ въ чемъ дѣло и закричалъ изъ окна:

— Вотъ, мы здѣсь!.. Сюда, сюда въѣзжайте!..

По тряской мостовой ѣхала нешибкой рысью тройка. Въ телегѣ сидѣлъ Михайло Николаичъ Г—въ.

XIX.

Іоасафъ Николаевичъ выбѣжалъ на дворъ встрѣчать брата. Встрѣча была такая, что Макарка, подобно всѣмъ михѣевскимъ дворовымъ нелюбившій Г—ва, очень расчувствовался, глядя какъ обнимаются и цѣлуются братья. И всякъ взглянулъ бы тогда съ добрымъ чувствомъ на нихъ: казалось, молодые люди радовались внезапной встрѣчѣ съ полнымъ и искреннимъ увлеченіемъ.

Хозяинъ чрезвычайно заинтересовался новопріѣзжимъ постояльцемъ. Какъ давнишній городской дворникъ, онъ много видалъ всякихъ людей, но такого еще не видывалъ. Въ немъ все казалось ему какъ-то диковиннымъ. И прежде всего диковинка эта—встрѣча михѣевскаго барина съ новопріѣзжимъ, который, судя по его бородѣ, неиначе какъ простой купецъ: ну, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, привѣчаютъ другъ друга словно совсѣмъ ровные и одинъ другому говорятъ запросто, «ты».

Притомъ, одёжа на пріѣзжемъ, хоть и купецкая и дорожная, но вовсе не такая, какую дворникъ видѣлъ обыкновенно на своихъ коломенскихъ, на сосѣднихъ зарайскихъ и даже на московскихъ купцахъ, наѣзжавшихъ въ Коломну по торговымъ дѣламъ она была ужъ черезчуръ щеголевата: изъ подъ разстегнутаго сверху казакина бросались въ глаза шолковая алаго цвѣта рубаха съ косымъ воротникомъ, застегнутымъ большою золотою пуговицею, и бархатный жилетъ, по которому вилась золотая цѣпь отъ часовъ;

самый казакинъ былъ стянутъ поясомъ изъ лакированной кожи, у котораго съ лѣвой стороны висѣлъ на серебряной цѣпочкѣ большой ножъ въ ножнахъ, съ рукояткою изъ слоновой кости; сверху казакина—господская шинель на шелковой подкладкѣ. Наконецъ, на указательномъ пальцѣ правой руки виднѣлся золотой перстень съ блестящимъ камнемъ, а въ рукѣ этой новопріѣзжій, коренастый, румяный и бойкоглазый молодецъ, держалъ суковатую толстую палку съ серебрянымъ набалдашникомъ. Такой костюмъ на человѣкѣ, ѣдущемъ въ простой телѣгѣ и лишь съ однимъ ямщикомъ, и не коломенскому дворнику могъ бы показаться очень страннымъ.

Ведя господъ на верхъ, хозяинъ постоялаго двора чуть не на каждомъ шагу оглядывался, а придя въ горницу Іоасафа Николаевича прислонился къ притолокѣ, видимо намѣреваясь остаться тутъ и послушать рѣчей своихъ постояльцевъ. Но пріѣзжій господинъ тотчасъ же выслалъ докучнаго наблюдателя, приказавъ ему распорядиться, первымъ дѣломъ, насчетъ самовара, а затѣмъ немедленно отправиться къ рыбакамъ и достать самой лучшей рыбы на ужинъ.

Хоть и съ неохотою, хозяинъ повиновался. Однако, любопытство его было раздражено до крайности, и онъ отправился не на кухню, гдѣ бы долженъ былъ распорядиться о самоварѣ, а къ Макаркѣ, который вмѣстѣ съ ямщикомъ занимался выгрузкой вещей Михайла Николаича.

— Да кто такой? спросилъ онъ у малаго.

— Братъ рòдный нашего барина, только съ лѣвой стороны, отвѣчалъ Макарка.

— Вотъ, оно чтò... протянулъ хозяинъ,—ну, да кто-жъ такой?.. По бородѣ, да пожалуй и по обличью, словно купецъ, а одёжа у него, ну какъ-таки ѣхать въ дорогу въ такой?.. Да и рѣчи-то, и ухватки всѣ какъ у баръ настоящихъ...

— Въ Питерѣ завсегда живетъ. Все съ господами знается. Вишь ты: у сенатòра въ домѣ за барченка проживалъ, воспитывался. А теперича кареты, коляски на биржѣ держитъ... Страхъ разбогатѣлъ!

Послѣ этого объясненія, хозяинъ съ большимъ спѣхомъ пустился исполнять приказанія новопріѣзжаго.

Когда Макарка и ямщикъ внесли дорожный погребецъ и очень большой чемоданъ, Михайло Николаичъ тотчасъ сталъ вынимать изъ нихъ разныя вещи. Вещей было много, и все такія хорошія. При нихъ гораздо пригляднѣе стало въ горницѣ Іоасафа Николаевича. На деревянномъ, выкрашенномъ вохрою диванѣ, Макарка, по приказанію Михайлы Николаевича, разостлалъ мягкій коверъ, а неладный и загрязненный столъ покрылъ хорошей цвѣтной скатертью; затѣмъ, на столѣ явились хрустальные стаканы съ серебряными ложечками, хрустальный же граненый графинчикъ съ ромомъ и прекрасные чайникъ и молочникъ, и все это такъ блестѣло.

Разбираясь съ вещами, Михайло Николаичъ въ то же время велъ бесѣду съ братомъ.

— Ты какъ же здѣсь, въ Коломнѣ: по своей охотѣ, вольной-волею, или же послали тебя? спросилъ онъ прежде всего.

— Матушки нѣтъ дома, уѣхала съ сестрой и Палашею на богомолье, отвѣчалъ какъ-то непрямо Іоасафъ Николаевичъ, и такимъ уклончивымъ отвѣтомъ Г—въ остался недоволенъ.

— Ты что жъ это—вокругъ да около? Я тебя спрашиваю объ одномъ, а ты мнѣ о другомъ. Да и чудно: про это самое богомолье ничего толкомъ не объяснилъ. Скажи, по крайности: когда уѣхали?

— Ужъ недѣли двѣ будетъ, кажется, третья пошла...

— Да куда же? Въ Кіевъ, что-ль?

— Нѣтъ... только въ Радовицы..

— Диковина! А когда должны вернуться?

— Не знаю... Не скоро... Развѣ черезъ двѣ недѣли.

Михайло Николаичъ кинулъ разборку вещей и подошелъ къ брату.

— Что-то неладно у васъ тамъ, сказалъ онъ отрывисто и рѣзко,— если ты ко мнѣ какъ допрежде былъ, то говори все, сущую правду, отнюдь не виляя... А не то,— хоть я пріѣхалъ ради тебя тоже,— я самъ отскочу въ сторону. Ты вѣдь долженъ меня знать хорошо... Кто отъ меня только на одинъ вершокъ, отъ того я немедленно на версту.

Іоасафъ Николаевичъ тотчасъ «весь повинился», какъ объяснялъ впослѣдствіи Макарка ту полную, прямодушную откровенность, съ которою баринъ его разсказалъ своему побочному брату все, что случилось съ нимъ въ послѣднее время: какъ познакомился онъ съ Маринушкою и полюбилъ ее «больше жизни своей», что̀ затѣмъ послѣдовало по причинѣ непреклоннаго желанія матери женить его, для чего и теперь пустилась она въ долгую поѣздку, какъ, наконецъ, Маринушка, поселившись въ Михѣевѣ, размыкала-было тоску, напавшую на него отъ угрозъ матери, но вотъ недавно и она затосковала изъ-за брата своего, котораго хотятъ изловить, она же боится, какъ бы не казнили его страшною смертною казнью. Разсказъ шелъ долго, Іоасафъ Николаевичъ взволнованно и сбивчиво разсказывалъ, и потому, можетъ быть, многое было несовсѣмъ ясно въ этой внезапной его исповѣди. Но Г—въ слушалъ, ни разу не прервавъ брата.

— Дѣла̀... дѣла̀ немалыя вышли, да кто знаетъ, что̀ изъ нихъ дальше выйдетъ... сказалъ онъ вслѣдъ за разсказомъ,—да да! дѣлишки таковы, что инда не знаешь, какъ начинать раздумье о нихъ: на тощакъ ли лучше, аль для смѣлости, что нужна будетъ подъ конецъ, подкрѣпиться хорошенько... Ну, право-слово, и объ этомъ надо тоже поразсудить... Да что жъ этотъ пузатый самоварникъ-хозяинъ самоваръ не несетъ? Макарка, ты чего смотришь!..

Да и зачѣмъ этотъ шельмецъ все время тутъ былъ? Вотъ и я оплошалъ!

— Ничего, замѣтилъ Іоасафъ Николаевичъ,—онъ все знаетъ.

— Все знаетъ! Эхъ ты! Но всего и подушка не должна знать... Ну, смотри же, Макарка, попомни: теперича ты со мною будешь дѣло имѣть. Коли что услышишь, да про то чужому человѣку выдашь, какъ съ бѣшеной собакою я съ тобой расправлюсь.

И грозно проговорилъ онъ эти слова, такъ что Макарушку сильно отъ нихъ покоробило.

За самоваромъ оказалось, что Михайло Николаичъ порѣшилъ обсуживать братнины дѣла не на-тощакъ: онъ обильно подливалъ себѣ въ чай рому.

— Ты мнѣ и еще кое-что поразскажешь, чтобы я все могъ понять, сказалъ онъ брату и, приказавъ Макаркѣ зажечь толстыя восковыя свѣчи въ двухъ низенькихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, которые вмѣстѣ со свѣчами досталъ изъ своего объемистаго чемодана, выпроводилъ малаго въ сѣни и дверь за нимъ заперъ.

Бесѣда братьевъ шла долго и, должно быть, о чемъ нибудь особенно важномъ; когда Макарушку позвали, чтобы прибиралъ самоваръ и подавалъ ужинъ, онъ замѣтилъ, что господа, тогда уже сидѣвшіе молча, словно сердиты, брови у нихъ такъ насуплены и глаза у обоихъ сильно горятъ.

Затѣмъ малой успѣлъ-таки кое-что услышать, явно относившееся къ только что поконченному разговору.

— Братъ, промолвилъ Іоасафъ Николаевичъ дрожащимъ голосомъ,—какъ хочешь, а тѣ дѣла, о которыхъ ты больше все намеками, я ихъ не понимаю... Чуть ли они еще не похуже...

— Не тебѣ о томъ судить и рядить, раздражительно прервалъ Г—въ,—про дѣла не бабскія немного надо разговаривать... ну, да что тутъ, не понимаешь, и не понимай. А больше о томъ, слышишь, ни словечка. Я и изъ-за того колобродства довольно усталъ... Эхъ, чортъ побери! прибавилъ онъ еще раздражительнѣе, — ужъ какъ некстати этотъ ужинъ! Знаешь ли, чтò нужно бы теперича: нужно бы отправиться въ таборъ цыганскій, да и погулять тамъ до самаго свѣту. Что жъ, для дѣловъ времени еще много будетъ... Макарка, баринъ твой наврядъ знаетъ, а ты можетъ хоть слышалъ: нѣтъ ли тутъ по близости города цыганскаго табора?

Макарка очень обрадовался, что питерскій господинъ, такой богатый да и строгій тоже, спрашиваетъ его о «дѣлѣ».

— Какъ же, сударь, знаю, то-ись слыхалъ, что подъ Перевицкой-Горой завсегда лѣтомъ стоятъ цыганскіе таборы, проворно отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ за лошадьми живо! Впрочемъ, постой, далеко отсюдова?

— Да, верстъ подъ триддать будетъ. На Дѣдново надо ѣхать.

— На Дѣдново! Но когда жъ мы туда поспѣемъ? Еще скоро ли лошади придутъ... Дуракъ ты, Макарка, видно съ-измальства много въ темя тебя колотили.

Посмѣялся своимъ короткимъ простодушнымъ смѣхомъ и Іоасафъ Николаевичъ надъ сконфуженнымъ Макаркою. Мысль о поѣздкѣ къ цыганамъ была покинута совершенно. Но какъ не удалась поѣздка, такъ не удался и ужинъ. Онъ прошелъ тихо и скучно. Оба брата какъ по заказу молчали. Да и ѣда и питье было имъ не въ угоду. Ужинъ кончился черезчуръ скоро. Макаркѣ такъ и не удалось ничего больше подслушать, тѣмъ болѣе, что Михайло Николаичъ приказалъ ему спать не въ передней, а въ сѣняхъ.

На другой день малой замѣтилъ, что господа за ночь обо всемъ переговорили.

За чаемъ Г—въ спросилъ его:

— Ну, Макарка, ты что еще узналъ отъ хозяина насчетъ Марины, насчетъ хибарки марининой, да и о братцѣ ея любимомъ, пропадай онъ пропадомъ?

Вѣрный слуга Іоасафа Николаевича, врасплохъ захваченный этимъ вопросомъ, сразу разсказалъ о хибаркѣ, объ обыскѣ въ ней, о томъ, что и Марину, должно быть, разыскиваютъ,—словомъ, обо всемъ, что онъ зналъ еще до послѣдней поѣздки въ Коломну и что слышалъ отъ хозяина-дворника. Михайло Николаичъ слушалъ его съ тѣмъ же вниманіемъ, съ какимъ наканунѣ слушалъ и брата, ни въ чемъ не прерывая разсказчика и не давая въ томъ воли Іоасафу Николаевичу, который, какъ только зашла рѣчь о Маринушкѣ, опять взволновался и опять подмывало-было его путаться тутъ и въ мысляхъ, и въ рѣчахъ.

— Теперича дѣльце это я совсѣмъ въ-домекъ взялъ, сказалъ Михайло Николаичъ по окончаніи разсказа Макарки,—ну и баста объ этомъ, вправду молвить, глупехонькомъ дѣлѣ. Ты, Есафъ, ужъ не пугайся, не разспрашивай, я какъ оно есть понялъ. Сиди же дома одинъ одинешенекъ, никого къ себѣ не допущай, такъ лучше будетъ, а то проболтаешься ненарокомъ. А я отправлюсь и все разузнаю, ужъ этому повѣрь.

— Скоро-ль вернешься? спросилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Врядъ ли скоро. Ныньче, можетъ статься, поздно пообѣдаемъ.

— Тяжко будетъ... И теперь мысли разныя...

— Эко дитятко блажное! безъ няньки, вишь, скучнехонько... Ужъ не за Маринкою ли послать? Слушай: сиди неотмѣнно дома, и хозяина къ себѣ не пущай. Макарка, скажи хозяину, что у барина со вчерашняго хмѣля голова очень болитъ и опять молъ улегся почивать. Да и самъ ты не лѣзь къ барину на глаза съ разговорами. Братъ! продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и съ ласкою, —

для тебя же хлопотать буду. Послушайся меня во всемъ... Лучше всего постарайся соснуть и ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ ни полслова!

Онъ ушелъ, въ сѣняхъ опять наказавъ строго Макаркѣ: никого не пускать къ барину, самому не тревожить его разными пустяками о Маринѣ, о ея братѣ, объ этомъ «проклятомъ гнѣздѣ» Михѣевѣ, да и не пускаться уже ни въ какіе разговоры съ хозяиномъ.

Воля этого человѣка была властительна, думаю, и не надъ такими слабохарактерными личностями, каковъ былъ Іоасафъ Николаевичъ П—въ; наставленіямъ его, или, лучше сказать, приказаніямъ, и дядя и его слуга повиновались вполнѣ. Ни разу Макарка не посмѣлъ войти къ барину, ни разу и баринъ его не позвалъ. Подходилъ-было и не однажды хозяинъ къ Макаркѣ съ разспросами все о питерскомъ гостѣ, но малой каждый разъ отпроваживалъ его отъ себя короткими одними и тѣми же отвѣтами: «ну что, молъ, приставать? чай, самъ видѣлъ, что Михайло Николаевичъ господинъ Г—въ отправился въ городъ, а зачѣмъ—видѣться ли съ кѣмъ, покупать ли что, нешто мнѣ можно про это знать?»

Къ вечернямъ звонили, какъ вернулся Г—въ. Замѣтно было, что онъ нѣсколько подвыпивши. Онъ былъ въ духѣ, очень доволенъ коломенскими своими похожденіями. Причина же этой веселости его какъ разъ открылась и для Макарки.

Принесли обѣдъ изъ трактира, принесли изъ лавки много разныхъ винъ. Господинъ Г—въ тутъ же хвастливо объявилъ: «я вѣдь и тѣмъ хорошъ, малой, что ничего не забуду». За обѣдомъ и послѣ обѣда за выпивкою онъ разсказывалъ громко, уже безъ всякихъ вчерашнихъ предосторожностей, какъ со многими видѣлся, о многомъ успѣлъ повыспросить и даже все развѣдалъ.

— Да и просты же здѣшніе люди, просто дѣлишки по особой торговлѣ своей обдѣлываютъ, говорилъ онъ; — тутъ нечего изловчаться, сторонкою подходить: поднеси только рюмочку, другую, да полусловечкомъ намекни на что нужно, и начнутъ тотчасъ докладывать. И чего-чего не поразскажутъ! Главное же про то докладываютъ, кому какая выгодишка была отъ разныхъ дѣлишекъ. Бѣглые по лѣсамъ развелися, бѣглые стали пошаливать, въ какомъ-то лѣсу какого-то человѣка съ-дуру палили на вѣникахъ, какой-то мельникъ-ворожейка притонъ держалъ, самъ былъ уменъ, на добычу не хаживалъ, а знатная часть добычи ему доставалась, и все это было на руку простымъ людямъ, лишь бы побольше вода возмутилась, тутъ-то и рыбу ловить. И они знаютъ, какую ловить: ершей имъ ненадо, нужно жирныхъ карасей, вотъ, одного такого карася, того мельника, и утенетѣли да и важно, говорятъ, выпотрошили его! Впрочемъ, навѣрнякъ, карася этого опять же въ мутную воду спустятъ, чтобы и опять черезъ то же самое выгодишка была для простыхъ людей...

Разсказывая такъ, Михайло Николаевичъ былъ странно веселъ:

смѣялся много, а глаза его горѣли, были дики и злы. Дядя замѣтилъ это.

— Братъ! сказалъ онъ,—не смѣйся... Оно не смѣшно, да и тебѣ не смѣшно...

— Нѣтъ, смѣшно! я по иному смѣюсь, возразилъ тотъ.—Да простые люди, дѣтишки у нихъ, вѣдь, плодятся здорово, смотришь, все дворяне будутъ, и куда какъ много добра изъ того выдетъ... Знаешь, Есафъ, что теперича приходитъ мнѣ на память: дядя твой Зиновій Ероѳеичъ П—въ тоже былъ простъ-человѣкъ, какъ въ Сибири-то воеводствовалъ; надо полагать, что самъ не разбойничалъ, а вернулся оттуда съ серебряными шинами на колесахъ, съ серебряными осями и шкворнями у повозокъ... Богатство было у него большое, только куда дѣвалось—никому неизвѣстно... А я думаю, что онъ въ землю его зарылъ, кладомъ положилъ, можетъ, не на сто головъ, а на сто осиновыхъ кольевъ... вотъ бы тебѣ, живучи въ твоемъ Михѣевѣ, да оженившися тамъ, кладъ тотъ вырыть и зажить большимъ паномъ...

Насмѣшка была ядовито-зла. Такъ понялъ ее и Макарка. А Іоасафъ Николаевичъ какъ ужаленый выскочилъ изъ за стола.

— Братъ! вскричалъ онъ, — я просилъ тебя не разъ... И не грѣхъ тебѣ!.. Развѣ отецъ твой и мой... Да развѣ и я... О, мнѣ ничего не надо изъ родоваго нашего имѣнія!.. Мнѣ оно давнымъ-давно противно... А этотъ домъ, я тоже давно думаю, думаю...

Онъ не могъ говорить больше отъ чрезмѣрнаго волненія, и побѣжалъ было изъ горницы, насилу проговоривъ Макаркѣ:—скорѣй!.. запрягать!..

Но Г—въ успѣлъ не выпустить его въ сѣни. Онъ донесъ его на рукахъ до постели и бережно уложилъ, какъ малаго ребенка.

— Что жъ! сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—можетъ, нехорошо я обмолвился, а виниться, да дѣло-то не въ томъ... Ты одно долженъ знать и знай завсегда: я все-таки люблю тебя и считаю кровнымъ... Ну-же, успокойся, Есаня мой!.. А ты, Макарка-шельмецъ! Чтобъ сейчасъ отъ Сёмкиныхъ Егорка съ лихою тройкою здѣсь былъ!.. Къ рыбакамъ поѣдемъ, на берегу Оки-рѣки будемъ уху варить... Тамъ же доскажу тебѣ, Есафъ, про всѣ твои дѣла, какъ про нихъ разузналъ. Повѣрь, ничего худаго нѣту, все пустяки.

XX.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса явилась семкинская тройка; мигомъ уложили въ телѣгу коверъ, дорожный погребецъ, корзину съ винами; скорехонько все было готово къ отъѣзду.

Передъ тѣмъ, какъ идти да садиться въ телѣгу, изъ небольшаго и незапертаго ящика, возбуждавшаго еще сначала въ Ма-

каркѣ большое любопытство, Михайло Николаичъ досталъ пару пистолетовъ, а изъ чемодана вынулъ ножъ въ простыхъ кожаныхъ ножнахъ.

— Это для чего? спросилъ Іосафъ Николаевичъ.

— Съ Москвы до Коломны надо ѣхать осторожно; приходится вѣдь мимо Потеряевки, я и взялъ на всякъ-случай. Здѣсь же будемъ возвращаться съ Оки ночью, черезъ Митяеву слободу, а тутъ въ прежнее время пошаливали, отвѣчалъ Г—въ.

— Такъ не взять ли Макарушку?

— Пожалуй. Прислужитъ тамъ.

Объявивъ хозяину, что все верхнее помѣщеніе постоялаго двора оставляетъ за собой, Михайло Николаичъ приказалъ запереть его висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго передалъ Макаркѣ.

— Ну, Егорка! сказалъ онъ ямщику,—и городомъ шибко помахивай, до сумерокъ ужъ недалеко.

Ямщикъ, румяный и сильный молодецъ, быстро проѣхалъ и городомъ, а дальше просто летѣлъ, благо и дорога была сухая. Впрочемъ, ѣзда была недалекая, не больше пяти-шести верстъ. Вотъ и Ока-рѣка, вотъ и рыбацкая ватага.

Но рыбаки были не въ духѣ. Весь день имъ не удачилось въ ловлѣ рыбы, даромъ измучились. Они не хотѣли закидывать тоню.

— Что̀ безъ толку неводъ мочить, говорили они,—и днемъ не ловилася, а теперича нешто лысаго бѣса вытащимъ. Вишь, сумерки, да и вѣтерокъ все потягиваетъ, пожалуй, къ ночи совсѣмъ въ непогодь разъиграется... Ѣхать бы вамъ, господа, къ домамъ, такъ-то лучше будетъ и для васъ, и для насъ.

Но Г—въ былъ не таковъ человѣкъ, чтобы покинуть начатое дѣло неоконченнымъ. Онъ велѣлъ вынуть изъ телѣги всю поклажу, разостлать коверъ на побережномъ песку, самъ тутъ усѣлся и брата усадилъ; затѣмъ Егорку-ямщика отправилъ въ Митяеву слободу за тремя ведрами «пѣннику» для рыбаковъ.

— Довольно, что-ль, для васъ трехъ ведеръ? спросилъ онъ посмѣиваясь, и тутъ же прибавилъ,—а тоню-то вы закинете.

— Какъ не довольно, пожалуй, и на-завтра хватитъ, насъ не больно много, отвѣчали рыбаки, теперь уже не думавшіе противорѣчить насчетъ тони и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посматривавшіе на этого барина не барина, купца не купца, который распоряжался у нихъ такъ смѣло, широко и повелительно.

— Стало быть, дѣло у насъ на ладъ пошло; хорошо, такъ мы и завтра пріѣдемъ, продолжалъ Михаилъ Николаичъ.—А теперича, такъ какъ рыбу ловить будемъ ужъ ночью, костры надо изготовить. Костровъ надо больше, чтобы посвѣтлѣй было.

— Да тутъ, господинъ, трудно костеръ запалить. Щепы и хворосту маловато.

— Ну, курень вашъ разбирай, лодку вашу руби на дрова! За все заплачу.

— Курень-то, пожалуй, а лодку—вѣрь Богу—а-ни-за-что не дадимъ, какъ можно лодку... Ну, чтò съ тобой дѣлать, господинъ честной: такъ и быть, запалимъ костры.

Егорка-ямщикъ что-то позамѣшкался. Стемнѣло между тѣмъ; туманъ заклубился надъ рѣкою, да и наволочно было на небѣ, ночь наступала скоро и властительно. Но рыбаки были уже веселы въ ожиданіи угощенья и усердно хлопотали насчетъ костровъ. Неподалеку отъ становища догнивалъ давно на берегу остовъ разбитой половодьемъ барки, изъ него-то добыли рыбаки дровъ и ихъ достало на четыре большіе костра; кромѣ того, по берегу набрали много щепы и мелкаго хворосту. Впрочемъ, пока не вернулся ямщикъ, Михайло Николаичъ не велѣлъ зажигать костровъ. И темнота, усиливавшаяся все больше и больше, томила, тревожила Іоасафа Николаевича; мелькавшіе вездѣ кругомъ люди представлялись ему какими-то странными привидѣніями. Когда же протяжно понесся надъ побережьемъ звонъ колоколовъ, опять возвѣщавшій, что все еще идетъ всенощное бдѣніе въ Голутвинѣ монастырѣ, тоска охватила этого бѣднаго человѣка—и онъ сказалъ брату, что ѣхать бы, ѣхать надо домой, и жутко ему здѣсь, такъ что хоть бы бѣжать отсюдова.

— Чтò за блажь! возразилъ Михайло Николаевичъ,—ужъ коли я привезъ тебя, не выпущу изъ-подъ руки. Полно хандрить, успокойся, да вотъ послушай, что скажу коротенько о развѣдкахъ моихъ насчетъ тѣхъ-то дѣлишекъ: у Марины точно обыскъ былъ, искали ея брата-бѣглеца, онъ же и въ разбояхъ подозрѣвается; а сама твоя Маринушка, охъ, и раздобылся же ты зельемъ!.. ну, да что объ этомъ говорить... Братъ Маринушкинъ все еще не пойманъ и въ здѣшнемъ уѣздѣ его уже нѣту, перекочевалъ въ нашъ Егорьевскій, гдѣ для похоронокъ лучше мѣстà въ большихъ-то лѣсахъ; коли уменъ, сосѣднихъ мужиковъ обижать не будетъ, тамъ не скоро его найдутъ. Насчетъ же прочаго все какъ есть пустяки: ни казаковъ, ни пикетовъ нѣту, ничего не слышно и о военныхъ судахъ. Какіе военные суды! разбойство—дѣло здѣсь привычное, а что строго приказываютъ ловить бѣглыхъ, такъ это все по-старому, пишутъ-пишутъ бумаги—и только... На этомъ ты можешь успокоиться, ну, а послѣ, все-таки, кое-что и еще скажу тебѣ.

Іоасафъ Николаевичъ молчалъ — и незамѣтно было для Макарки, какъ подѣйствовали на его барина эти успокоительныя вѣсти. Да тутъ же явился Егорка-ямщикъ съ зеленымъ - виномъ. подмѣчать за бариномъ уже было некогда. Началось угощенье рыбаковъ, которые развеселились совсѣмъ потому особенно, что зелено вино оказалось хорошее, очень крѣпкое.

Костры зажгли. Огонь не быстро, не ровно разгорался,—мѣшалъ

сырой туманъ, стлавшійся по берегу, съ полчаса можетъ быть, узкіе языки пламени лишь перерывисто обхватывали бока костровъ. Но тогда оживился и Іоасафъ Николаевичъ.

Онъ уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на шумное движеніе рыбаковъ, спускавшихъ въ рѣку неводъ, лодку и челны свои. Должно быть, съ великою силой ожили въ душѣ его воспоминанія о столь любимыхъ имъ въ пору дѣтства потѣхахъ. Скоро полный восторгъ охватилъ его. И такъ замѣтно было это. Быстро ходилъ онъ отъ костра къ костру, порывисто размахивая руками и смотря только на огонь, уже разгоравшійся сильно.

И хороша была вся картина этого плоскаго, засореннаго сухими водорослями, щепою и хворостомъ, при дневномъ свѣтѣ некрасиваго, сѣропесчанаго берега. Красноватый свѣтъ отъ пылающихъ костровъ, безпрестанно борящійся съ ночною темью, заволакивавшей окрестность, съ волнами тумана, шедшими и шедшими отъ рѣки, разнообразно отражался и на этихъ волнахъ, и въ тускломъ зеркалѣ рѣки, и на людяхъ, тихо плывшихъ словно не по рѣкѣ, а надъ нею, и отраженіе это придавало всему фантастическія очертанія и краски. А между тѣмъ, такъ тихо было на Окѣ и на берегу. Рыбаки молча тянули неводъ, лишь изрѣдка всплескивая по водѣ то весломъ, то веревкой отъ невода.

Не обращалъ вниманія на тоню и Михайло Николаичъ. Онъ стоялъ поодаль отъ костровъ, а смотрѣлъ все на нихъ или, лучше сказать, на брата.

— Ну, Макарушка, вдругъ сказалъ онъ, и показалось Макарушкѣ, что питерскій господинъ говоритъ нехорошо, въ насмѣшку,— баринъ-то вашъ... Вы промежъ себя какъ его разумѣете? блажнымъ только, юродивымъ что ль, или ужъ совсѣмъ съумасшедшимъ?

— Помилуйте, сударь, отвѣчалъ малой,—нешто мы можемъ, да и какъ же такъ!.. Мы бариномъ нашимъ Есафомъ Николаичемъ много довольны... Какъ есть предобрый, до всѣхъ милосердный и мы ни въ жизнь...

— Зачиталъ, чортъ тебя побери, хамъ ты настоящій!.. Молчи!.. Я самъ знаю, что добрый, милосердный, да то особь статья. Тутъ дѣло не въ добротѣ, не въ томъ—голубиное, аль куриное сердце... Ничего ты, дуракъ, не смыслишь.

Онъ отвернулся отъ Макарушки и, наклонивъ голову, довольно долго такъ стоялъ. О чемъ-то онъ думалъ, о чемъ-то трудномъ, непріятномъ ему. —Да! все пропадетъ безпремѣнно... а могло бы и не пропасть... проговорилъ онъ вслухъ, но явно лишь для себя одного—и отошелъ къ крайней линіи берега.

Кстати было.

Рыбаки быстро и шумно заканчивали тоню. Замѣтно было, что шумъ ихъ веселый. Они уже знали, что тоня удачна. Тяжело было

вытягивать неводъ, въ мотнѣ котораго билось, трепетало множество рыбы. Кричали: «огня! огня поскорѣй! не то въ воду уйдетъ»!.. Молоденькій, проворный рыбачекъ и неменьше его проворный Макарка мигомъ притащили двѣ большія горящія хворостины, и при этомъ освѣщеніи оказалось, что тоня была даже великолѣпна: вынули много стерлядей, крупныхъ судаковъ и, къ довершенію удачи, пребольшаго осетра.

— Это, вотъ, костры помогли: на огонь-то рыба идетъ здòрово... Вишь, баринъ больно догадливъ и наше дѣло смекаетъ, говорили въ толпѣ рыбаковъ.

— Нѣтъ! кричали другіе изъ нихъ,—такое ужъ счастье господъ!

— Ваше, а не наше счастье, возразилъ Михайло Николаичъ.— Вся рыба—вамъ, ребята, а намъ только на уху двѣ-три стерлядки хорошихъ да ёршиковъ побольше. За всю же тоню по вашей цѣнѣ плачу. Чай не будетъ такъ-то обидно?

Рыбаки очень поблагодарили.

— Братъ! братъ Есафъ! крикнулъ во весь свой зычный голосъ Михайло Николаичъ.—Бѣги сюда скорѣе! Тоню вытащили! Уху будемъ варить!

Іоасафъ Николаевичъ прибѣжалъ скоро, но онъ такъ трудно дышалъ, такъ былъ блѣденъ, и конечно не отъ быстраго бѣга.

— Лицо-то какое! сказалъ ему Г—въ съ горькимъ упрекомъ.— Заглядѣлся на эти костры свои. А видалъ я у насъ въ Питерѣ и еще такихъ же испитыхъ...

И онъ отвернулся отъ него, тотчасъ занявшись угощеньемъ рыбаковъ.

Рыбаки были всѣмъ предовольны. И еще бы не такъ! Послѣ неудачной за весь день ловли рыбы, такая тоня богатая, тоня цѣликомъ отданная имъ же; а тутъ и это щедрое угощенье, да и ласковыя, простыя рѣчи обходительнаго господина. Разгулъ сталъ шуменъ и свободенъ. Просторно было всѣмъ, именно просторно.

Но и такъ хорошо было на берегу: темь ночная, сырой туманъ съ рѣки нисколько не мѣшали,—не отпугивала эта темь отъ веселья; туманъ никого не пронизывалъ дрожью, костры еще жарко горѣли, вдоволь освѣщая все, на чтò каждому хотѣлось смотрѣть.

Рыбаки подогрѣвались усердно зеленымъ-виномъ, но и дѣла не забывали: рыба вся была убрана по садкамъ, а та, что на уху оставлялась—перечищена и уха уже варилась въ простомъ горшкѣ; кромѣ того, «изъ усердія къ господамъ», окуньковъ и раковъ пекли на горячихъ угольяхъ. Безустанно разговаривалъ съ рыбаками обходительный господинъ и все «по-хорошему», ладно такъ, вразумительно, все объ ихнихъ рыбацкихъ дѣлахъ и трудномъ житьѣ-бытьѣ. Рядомъ съ братомъ сидѣлъ Іоасафъ Николаевичъ. Онъ по прежнему упорно молчалъ; но видно было, что волненіе его

угомонилось и на душѣ просвѣтлѣло: иногда онъ уже прислушивался къ разговорамъ и даже улыбался чему-то.

Не тянулось, а шибко бѣжало ночное время. Еще бы не шибко! гулянье оразнообразилось: отъ разговоровъ развеселившійся людъ перешелъ къ пѣснямъ. Хоть были и не за работою рыбаки, въ угоду господамъ три раза спѣли «Дубинушку». А вотъ высокій, дюжій и уже пожилой рыбакъ затянулъ было старую пѣсню о томъ, какъ на Волгѣ-матушкѣ удалые разбойнички дуванъ-дуванили, но Іоасафъ Николаевичъ, сразу прислушавшійся, закричалъ:—«ненадо, ненадо эту пѣсню! Лучше опять «Дубинушку»!..

— Точно, братцы, ненадо про удалыхъ разбойничковъ, сказалъ и Г—въ,—вишь, молодому барину не-по-нутру: онъ дома-то взросъ на крупчатыхъ булочкахъ, да сливочкахъ...

Рыбаки засмѣялись, но осторожно и на-короткѣ.

Время летѣло, уже много ночи уплыло, а ўстали въ гуляющихъ все еще не замѣчалось. Но вдругъ раздался звонъ колокола въ Голутвинѣ монастырѣ. Рыбаки поснимали шапки и перекрестились, а тотъ рыбакъ, который затягивалъ пѣсню про Волгу-матушку и про разбойничковъ, важно проговорилъ:

— Что-жъ, господа честные, не пора ли и ко дворамъ? Вишь, на молитву утреннюю монахи собираются, больше гулять не годится.

— Ладно, отвѣчалъ Михайло Николаичъ,—а полюбилось мнѣ у васъ, завтра опять пріѣдемъ.

— Милости просимъ, въ нѣсколько голосовъ сказали рыбаки;— только вы, господа, пораньше пріѣзжайте, не всяку-жъ ночь напролётъ гулять.

XXI.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть, что именно второй пріѣздъ въ Коломну Михайлы Николаича Г—ва послужилъ главнѣйшимъ основаніемъ для предположеній и разныхъ догадокъ михѣевскихъ домочадцевъ, что этотъ, издавна нелюбимый ими человѣкъ, имѣлъ рѣшительно пагубное вліяніе на судьбу ихъ несчастнаго барина.

И кажется, въ такихъ предположеніяхъ и догадкахъ сначала всего болѣе былъ виноватъ Макарушка, съ его излишней смѣтливостью, тогда особенно поощряемой къ злостнымъ заключеніямъ и нелюбовью къ Г—ву, и приверженностью къ барину. Во все пребываніе Г—ва въ Коломнѣ, а впослѣдствіи и въ Михѣевѣ, Макарушка съ чрезвычайной подозрительностью слѣдилъ за всѣми поступками «питерскаго оборотня», какъ онъ прозвалъ Михайлу Николаича, — подслушивалъ всѣ его рѣчи, вглядывался въ его отношенія къ брату, — и все истолковывалъ по-своему. Само собою разумѣется, наблюденія свои онъ отнюдь не скрывалъ передъ ми-

хѣевской дворней, которая, хоть и считала его пустымъ малымъ, все-таки охотно вѣрила ему въ томъ, что̀ онъ передавалъ о Г—вѣ, и въ свою очередь истолковывала дѣйствія сего послѣдняго во всемъ подозрительно и даже злобно.

Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ поведеніе Михайлы Николаича въ то именно время могло внушать людямъ простымъ, безхитростнымъ, разныя сомнѣнія. Начать съ того — самый пріѣздъ его въ Коломну былъ загадоченъ. Въ этомъ городѣ у него не было ни малѣйшихъ имущественныхъ интересовъ, никакихъ родственныхъ связей и отношеній; зачѣмъ же, покинувъ въ Петербургѣ немаловажныя дѣла по своей промышленности, пріѣхалъ онъ внезапно въ Коломну? Объ этомъ никому, ни даже своему брату, онъ ничего не пояснилъ,—и, конечно, можно было не безъ основанія предполагать, что послѣдній пріѣздъ его обусловливался намѣреніемъ позаняться братомъ, дѣлами его. По всей вѣроятности, недаромъ же какими-то разсказами своими онъ чрезвычайно подѣйствовалъ тогда на болѣзненно-подвижное воображеніе Іосафа Николаевича, какъ будто бы съ предумышленностью возбуждалъ въ немъ антипатію, даже страстную ненависть къ родному гнѣзду, Михѣеву; наконецъ, звалъ его съ собой на какое-то таинственное дѣло, которое Іоасафу Николаевичу казалось не только непріятнымъ, но и опаснымъ. Все это могло внушать подозрѣнія въ людяхъ, и безъ того сильно предубѣжденныхъ противъ Г—ва, и тѣмъ болѣе, что тутъ примѣшались обстоятельства, придававшія поступкамъ его сомнительный видъ: во-первыхъ, ненужная задержка имъ въ Коломнѣ Іоасафа Николаевича повела къ гибельному по послѣдствіямъ событію; во-вторыхъ, вскорѣ послѣ того, онъ же, Г—въ, былъ причиною, что братъ его вошелъ въ такія опасныя отношенія, которыя, главнымъ образомъ, и послужили къ обвиненію его въ важномъ преступленіи; а при этомъ иному объясненію поступковъ Г—ва препятствовало постоянно пренебрежительное обращеніе его съ братомъ...

Но все-таки, какъ допустить, чтобы Г—въ имѣлъ цѣлію довести роднаго по отцу брата до погибели? Ради чего именно надобилась бы ему эта гибель? Ужели только изъ-за ненависти къ семьѣ своего отца, изъ-за того, что въ отцовскомъ дому онъ не могъ пользоваться правами законныхъ дѣтей?.. Такія предположенія были бы черезчуръ уже гадательны — и, вообще, я отнюдь не рѣшусь раздѣлить—со многими, впрочемъ, лицами,—недобрыя подозрѣнія противъ этого человѣка... Притомъ, убѣжденъ я твердо, что судьба Іоасафа Николаевича П—ва, и безъ всякихъ постороннихъ вліяній, вслѣдствіе только болѣзненныхъ свойствъ его духовной натуры, всегда завершилась бы бѣдственно.

Небольшое отступленіе это отъ разсказа казалось мнѣ необходимымъ, потому что оно имѣетъ связь съ фактами.

Еще три дня сыновья дѣда моего провели въ Коломнѣ.

На другой день послѣ описанной рыбной ловли, они опять ѣздили къ рыбакамъ (Михайло Николаичъ непремѣнно хотѣлъ сдержать свое слово, наканунѣ данное). И замѣтилъ тогда Макарушка, что баринъ его былъ на берегу Оки-рѣки совершенно спокоенъ, даже очень веселъ, и самые костры, по-вчерашнему горѣвшіе, не вызвали въ немъ никакихъ чудачествъ; зато Михайло Николаичъ, несмотря на удачную же тоню, на веселую гульбу рыбаковъ, пѣвшихъ хорошія пѣсни безпрерывно, былъ «какъ темная ночь»: онъ сидѣлъ все на одномъ мѣстѣ, не то сердитый, не то печальный, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, не угощалъ рыбаковъ и нѣсколько разъ порывался поскорѣе уѣхать, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему «смертельно скучно на этомъ глупомъ гуляньѣ», и благодаря только настойчивымъ просьбамъ Іоасафа Николаевича, остался онъ на берегу часовъ до девяти или до десяти вечера.

— Ну, что-жъ, господинъ честнóй, сказали Г—ву при его отъѣздѣ рыбаки, весьма довольные и на этотъ разъ щедрой расплатой за тоню: — а завтресь-то какъ же? Ужли опять къ намъ не пріѣдешь? Милости просимъ! Мы, какъ есть, со всей нашей радостью,— ты ужъ пожалоста пріѣзжай!

— Разохотились, разлакомились... А-ну васъ къ бѣсу! Знамо, не пріѣду и другимъ закажу, коротко отвѣчалъ Г—въ, и уѣхалъ, не распростившись съ рыбаками даже кивкомъ головы.

Когда доѣхали до своего постоялаго двора, Іоасафъ Николаевичъ вышелъ изъ телѣги, а Г—въ остался въ ней и, приказавъ Макаркѣ вынуть поклажу, что брали къ рыбакамъ, сказалъ ямщику:

— А мы съ тобой, Егорка, опять въ дорогу, да и не близкую Поворачивай оглобли назадъ,—куда же дальше поѣдемъ, за городомъ скажу...

— Ты, Есафъ, продолжалъ онъ, обратившись къ брату и говоря медленно, какъ бы съ особенной вдумчивостью въ слова свои:— ты, Есафъ, дѣлать нечего, подожди меня безпремѣнно, покуда вернусь, завтра навѣрное буду, хоть, можетъ, и поздненько... Раздумье, право, беретъ: кажись, лучше было бы тебѣ поскорѣе ѣхать въ это проклятое твое Михѣево, да ужъ такъ пришлось, вишь, загулялися мы съ тобой непутёво... И такъ все это выходитъ глупо: вотъ, мнѣ-то нужно съѣздить по дѣлу, а тутъ еще обо многомъ не переговорено толкомъ... Въ Михѣево же я ни за что не поѣду!.. Слышишь: подожди меня!

— Да надо ли тебѣ нынче ѣхать? промолвилъ Іоасафъ Николаевичъ.—Отчего бы не завтра?.. Подумалъ бы еще, можетъ, передумаешь.

— Не въ обычай мнѣ передумывать. Пошелъ, Егорка!

Послѣ его отъѣзда, Іоасафъ Николаевичъ долго не спалъ,

до самаго разсвѣта. Онъ даже не раздѣвался, какъ будто готовился къ чему-то. Много говорилъ онъ тоже со своимъ вѣрнымъ слугою, и все о братѣ, объ этой поздней и дальней его поѣздкѣ. Ему какъ будто хотѣлось поразговориться именно о поѣздкѣ; повидимому, онъ кое-что зналъ или догадывался о ней; но ясно онъ высказалъ только одно: «нехорошо, молъ, дѣлаетъ братъ, путается въ такія дѣла, что и не разберешь ихъ...»

— А что жъ бы это за дѣла? рѣшился спросить Макарка.

— Не могу о томъ,—не знаю... Дѣла эти братнины, какъ мнѣ ихъ знать? Братъ такъ только намекнулъ и больше врядъ ли скажетъ... тоскливо отвѣтилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Но вотъ что, Макарушка, продолжалъ онъ послѣ недолгаго молчанія:—не знаю, какъ быть... Миша зоветъ меня съ собою въ Петербургъ, зоветъ чуть не сейчасъ же... Онъ—братъ мнѣ старшій; такъ признаю я, я долженъ бы за-одно съ нимъ быть... Ну, а какъ покинуть тутъ...

— Это точно-съ, подхватилъ Макарка,—перво-на-перво, имѣніе Михѣево наше...

Но малой вымолвилъ это некстати: баринъ даже разсердился.

— Михѣево! повторилъ онъ,—а что мнѣ это Михѣево?.. Я тамъ весь связанъ, какъ невольникъ! тамъ нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы чувствовалъ себя спокойно... А этотъ домъ... еще ребенкомъ тамъ жутко-жутко было, а съ тѣхъ поръ какъ возвратился въ него, онъ—могилою передо мной... Миша ненавидитъ Михѣево—и онъ правъ!.. Ты ничего не понимаешь, не говори больше объ этомъ!

И онъ выслалъ отъ себя Макарку.

Но днемъ онъ опять разговорился. И малой замѣтилъ, что онъ очень смущенъ и озабоченъ. Безпокойство же его было уже не изъ-за брата, а изъ-за Михѣева.

— Что-то тамъ дѣлается? а? какъ ты думаешь? спрашивалъ и переспрашивалъ онъ Макара.

— Помилуйте, сударь, въ Михѣевѣ у насъ, надо быть, все благополучно, а то присылка была бы оттоль, нѣсколько разъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ отвѣчалъ Макарка.

А между тѣмъ, и его самого грызла тревога. Мелькало и мелькало на умѣ: «а что, какъ старая барыня пріѣхала?» Про это онъ могъ бы узнать на базарѣ, въ Коломнѣ, отъ кого нибудь изъ михѣевцевъ и, однако, онъ не рѣшился отпрашиваться у барина на базаръ, боясь услышать грозную вѣсть, что барыня ужъ тутъ какъ тутъ... Въ этой тоскливой тревогѣ, терзавшей и барина, и вѣрнаго его слугу, протянулось время вплоть до возвращенія Михайлы Николаича.

Онъ вернулся уже довольно поздно. Всю дорогу дождь хлесталъ ему въ-встрѣчу и пронизывалъ его насквозь чрезъ щегольскую

шинель. Но не отъ этого Г—въ былъ крѣпко недоволенъ своей поѣздкою.

— Ѣздилъ не-пò-что, привезъ ничего, сказалъ онъ сердито, входя къ брату.

— Не засталъ?.. спросилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— Оно ничего бы, что не засталъ; да вѣдь какъ сквозь землю провалилась проклятая тварь! Ну, да нѐзачемъ объ этомъ больше разговаривать.

Переодѣвшись нàскоро, онъ сразу выпилъ много вина. Но это не успокоило его. Онъ съ часъ сновалъ изъ угла въ уголъ, угрюмо думая о чемъ-то. Макарка сталъ было приготовлять къ ужину, но Г—въ вытолкалъ его изъ комнаты.

За досчатой, тонкой перегородкой, Макаркѣ было слышнехонько, какъ тотчасъ же начался разговоръ между братьями. И о чемъ-то «диковинномъ» они разговаривали.

Говорилъ больше Михайло Николаевичъ, все упрашивалъ брата ѣхать въ Питеръ. Братъ возражалъ ему робко, слабо, но возраженія его были для Макарки гораздо вразумительнѣе, чѣмъ всѣ сильныя рѣчи Г—ва.

— Помилуй, Миша, говорилъ Іоасафъ Николаевичъ,—я совсѣмъ сбиваюсь, понять не могу... Ну, что я буду тамъ дѣлать? Служить, что ли? но у меня чинъ такой маленькій, не въ писцы же идти... Да и совсѣмъ неспособенъ я въ чернильномъ морѣ купаться. А главное, характеромъ моимъ я тамъ не выйду: самъ знаешь, какъ я не боекъ, я даже боюсь людей...

— Съ чего ты взялъ, что зову для службы? Я въ службѣ, въ этомъ писаньѣ, ровно ничего не разумѣю... горячо отвѣчалъ Г—въ.— Можно найти иное дѣло... Я найду дѣло для тебя!.. И что тебѣ это Михѣево? ради чего проживать тебѣ въ этой дрянной, скверной трущобѣ?.. Ты и нигдѣ не былъ бы заправскимъ помѣщикомъ. Какой ты помѣщикъ! И живя въ Михѣевѣ, пока мать, ты изъ ея рукъ будешь смотрѣть, а тамъ сестра будетъ надъ тобой нàбольшая... А, пожалуй, и женятъ тебя насильно, или въ госпожи надъ собою пожалуешь Маринку свою... Охъ, на что ужъ хуже, какъ обабится человѣкъ! Говорю: добуду тебѣ дѣло хорошее и вмѣстѣ жить будемъ... Брось совсѣмъ Михѣево, оставь его матери и сестрамъ, а моего достатка очень хватитъ про насъ обоихъ.

— Какъ же это? Стало быть, на твой счетъ? Стало быть, изъ твоихъ рукъ...

— Ну, такъ что-жъ? По крайности, я не баба... да и не чужой тебѣ... И на чтò мнѣ мой достатокъ? Да пропадай онъ пропадомъ! Ты знаешь ли: коли не подѣлюсь имъ съ тобой, живо промахаю его до-тла... И опять разживаться не стану—я вѣдь молодецъ на свой образецъ. Ты знаешь ли: мнѣ хочется попробовать нищимъ быть—и буду я нищимъ хорошимъ... Но это до одного меня ка-

сается, а тебѣ, опять говорю, будетъ тамъ дѣло, и при немъ ты скучать и блажить не будешь...

Однако, объ этомъ «дѣлѣ» онъ ничего толкомъ не сказалъ брату, который все-таки о томъ спрашивалъ. «Соблазнялъ только пустыми рѣчами, оборотень питерскій», порѣшилъ Макарушка объ этомъ таинственномъ для него разговорѣ. Ему показалось даже очень скучнымъ дольше подслушивать, и преспокойно завалился онъ спать въ уголку передней. Такъ проспалъ онъ и ужинъ, котораго и господа себѣ не спрашивали.

На другой день, братья рано разбудили Макарку. Г—въ торопилъ Іоасафа Николаевича, чтобы ѣхалъ какъ возможно скорѣе въ Михѣево.

— Погода нехорошая, подъ дождемъ, какъ я вчерась, поѣдешь, и нéзачѣмъ тебѣ здѣсь прохлажаться, говорилъ онъ.—У меня на умѣ вертится: не случилось ли тамъ чего нибудь...

— Но, кажется... началъ было Іоасафъ Николаевичъ.

— Чтò «кажется!» прервалъ Г—въ,—если вернулись теперича твои богомольцы, ты какъ думаешь: хорошо онѣ повстрѣчаются съ твоей Маринкою?

Іоасафъ Николаевичъ ничего не отвѣтилъ, но видно было, что слова брата поразили его чрезвычайно. Онъ бросился къ Макаркѣ съ приказаніемъ, чтобы скорѣй-скорѣй запрягалъ, а затѣмъ все мыкался безъ толку по комнатѣ, явно не понимая, чтò говорилъ ему еще Г—въ. Тому это надоѣло и онъ спустился во дворъ, къ Макаркѣ.

— Твой баринъ, сказалъ онъ малому вполголоса,—твой баринъ по-бабью всторопился и ничего не разбираетъ, про чтò ему говоришь; ну, такъ ты послушай... Я здѣсь еще останусь дня на три, на четыре. Есафу Николаичу, пожалуй, о томъ и не сказывай.... А случится у васъ тамъ бѣда какая, напримѣръ, изъ-за того, что Есафъ не успѣетъ во-время припрятать Маринку, тотчасъ же дай мнѣ знать! Ты, ты именно дай знать. Помни: изъ-за этого ты будешь въ отвѣтѣ передо мною. Понялъ?

— Да какъ же мнѣ самому?... я человѣкъ подневольный, и мнѣ, кабыть, не въ-домёкъ... на бѣду свою вздумалъ возразить Макарушка.

— А хочешь, сейчасъ же кнутомъ твоимъ вобью въ тебя домёкъ? Поганецъ, блюдолизъ дворовой!... Я вотъ смекаю, что черезъ твои-то шашни и сознакомился Есафъ съ этой тварью, Маринкою... Я вѣдь сказалъ, что изъ-за нея можетъ выдти бѣда, да кто знаетъ, и не случилась ли... Помни же: если чтò случилось, или случится изъ-за Маринки, часу не медля, скачи сюда самъ, для извѣстія мнѣ! Растолковывать больше не стану, лишь одно скажу: я—не какъ твой баринъ, который смотритъ себѣ все прямо,

точь-въ-точь словно слѣпые, я смотрю, озираюсь, ну, и вижу, что безъ бѣды тутъ не обойдется... А теперича вотъ тебѣ на-память!

И онъ съ-размаху такъ ударилъ Макарушку по-головѣ, что у того въ глазахъ потемнѣло.

Разставанье братьевъ было совсѣмъ непохоже на ихъ встрѣчу. Молча, даже и не глядя другъ на друга, постояли они нѣсколько минутъ на крыльцѣ, надъ лѣстницею, молча же и прошли за ворота, махнувъ Макаркѣ, чтобы выѣзжалъ со двора, и кто ихъ знаетъ: переговорили они про все за-ночь, углублёнъ ли былъ каждый въ свои мысли до такой степени, что и единаго словечка не находилъ еще вымолвить.

Дворникъ-хозяинъ, тутъ же стоявшій, хорошо замѣтилъ эту крайнюю задумчивость господъ.

— Поссорились, что ли? Диковина! успѣлъ онъ шепнуть Макаркѣ, когда тотъ выѣзжалъ изъ воротъ. Но малой не отвѣтилъ на вопросъ, только тряхнулъ головою, въ которой еще шумѣло отъ удара тяжелой руки Михайлы Николаича.

— Такъ какъ же будетъ? наконецъ, спросилъ Г—въ брата, уже садившагося въ телѣжку.

— Не знаю... ничего не знаю... отвѣтилъ тотъ.

Лошади тронулись и, несмотря на чрезвычайно тряскую мостовую вплоть до «живаго» моста, Іоасафъ Николаевичъ сталъ уже покрикивать на Макарку, чтобы ѣхалъ какъ можно скорѣе.

Но ѣхать скоро было нельзя и по выѣздѣ изъ города. Дождь, лившій въ прошлую ночь, не перестававшій и теперь, испортилъ сильно дорогу, особенно берегомъ Москвы-рѣки и за селомъ Карапчеевымъ, около деревни Озерицъ. Приходилось ѣхать почти шагомъ. Нетерпѣніе несчастнаго моего дяди, такъ спѣшившаго навстрѣчу бѣдѣ своей, усиливалось съ каждой минутой. Онъ кричалъ безпрерывно на Макарку, грозилъ ему. Бѣдной малой такъ и ждалъ, что опять совсѣмъ безвинно достанутся ему побои. Однако, и на этотъ разъ, какъ и никогда, дядя не поднялъ руки на своего вѣрнаго служителя.

Такъ проѣхали побольше половины пути.

Миновали и хибарку Маринки, не останавливаясь. Іоасафъ Николаевичъ даже не взглянулъ на это мѣсто, полное для него разнообразныхъ воспоминаній. Впрочемъ, на то могла быть очень простая причина: подъѣзжали къ Волчьимъ-Воротамъ, гдѣ проѣздъ, при теперешней грязи, былъ особенно плохъ. Изъ-за этого Іоасафъ Николаевичъ взволновался еще сильнѣе. «Какъ бы еще не застрять въ проклятой трущобѣ», говорилъ онъ: «того гляди, шкворень выскочитъ, а то и колесо сломается... Смотри, смотри, Макарка, тутъ осторожнѣе!...»

XXII.

Въ бо́льшей части великороссійскихъ губерній, гдѣ почти повсюду преобладаетъ равнина, гдѣ только какой нибудь берегъ извивается холмообразной возвышенностью, и вообще нѣтъ громадныхъ горъ, скалистыхъ стремнинъ, узкихъ между ними ущелій, весьма часто измѣняется совершенно характеръ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей, имѣвшихъ у народа особые признаки, по которымъ онъ и давалъ имъ прозвища: обсохнетъ отъ вырубки окрестныхъ лѣсовъ болотная топь, представлявшая опасную переправу, расчистятъ поросли возлѣ худопроѣздныхъ, тѣсныхъ мѣстъ, куда изъ-подъ пней на обрывистыхъ бокахъ проѣзда сбѣгали жилки воды, отчего тутъ всегда держалась всякая грязь и были бакалдины, въ которыхъ застрѣвали проѣзжающіе—и вотъ, пересыхаютъ родниковыя жилки, исчезаютъ въ сухмённую погоду грязь и бакалдины, самые бока̀ ущелья расширяются, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадаютъ и худая слава о мѣстѣ, и зловѣщее его прозвище. Можетъ статься, теперь такъ произошло и съ Волчьими-Воротами, черезъ которыя уже слишкомъ сорокъ лѣтъ не доводилось мнѣ больше проѣзжать. Но я еще живо ихъ помню. Бывало, старый кучеръ нашъ передъ въѣздомъ въ Волчьи-Ворота остановитъ лошадей, внимательно осмотритъ упряжь и колеса тарантаса, затѣмъ, вставши во весь ростъ на переднемъ сидѣньѣ, еще внимательнѣе оглянется во всѣ стороны и, перекрестившись да проговоривъ вслухъ: «ну, теперича пронеси, Господи, благополучно!»—пускается въ опасное мѣсто...

Волчьими-Воротами замыкалась версты за двѣ, за три до деревни Поповки, широкая песчаная равнина съ рѣдкими и мелкими по ней порослями. Но со стороны отъ Коломны, за полверсты передъ опаснымъ проѣздомъ, отдѣльные кустарники сливались уже въ сплошной, мелкорослый, впереди и по бокамъ отъ ущелья непроглядный лѣсъ. Самое ущелье, тянувшееся только на нѣсколько саженей, было мрачно даже днемъ отъ тѣсно-сходившихся обрывистыхъ береговъ проѣзда, надъ которыми густо росли деревья лиственныхъ породъ. При въѣздѣ, со стороны Коломны же, находился маленькій, чуть замѣтный по отверстію и, какъ говорили, чрезвычайно глубокій колодезь-студенецъ; его окружали низенькіе кусты, которые всегда были покрыты яркоцвѣтными обрѣзками лентъ и тканей, употребляемыхъ въ деревенскомъ обиходѣ, да немалыми лоскутами простаго холста,—вѣроятно, то были обѣтныя приношенія женщинъ изъ окрестныхъ селеній за исцѣленіе болѣзни водою изъ студенаго колодца, а можетъ быть, за спасеніе отъ грозившей тутъ опасности: недаромъ описываемое мною мѣсто имѣло

нехорошую славу, какъ по причинѣ нерѣдко происходившихъ здѣсь грабежей, такъ и потому, что въ густыхъ порosляхъ, примыкавшихъ къ ущелистому проѣзду, завсегда во множествѣ держались волки.

Недаромъ тоже заволновался Іоасафъ Николаевичъ, подъѣзжая къ Волчьимъ-Воротамъ. Знать, сердце его почуяло что-то недоброе, здѣсь, именно здѣсь, неминучее. Такъ и случилось: тутъ-то и встрѣла его грозная бѣда.

Но всмотрѣлся въ нее прежде барина вѣрный его Макарушка.

— Баринъ!... а баринъ!... проговорилъ малой вполголоса, пріостановивъ вдругъ лошадей,—вонъ тамъ, въ самыхъ Волчьихъ-Воротахъ, кто-то словно насъ поджидаетъ... Я хорошо замѣтилъ.... Два раза голова выглядывала изъ-за кустовъ... Можетъ, недобрые, лихіе люди... Не назадъ ли повернуть?... Авось скоро, тамъ, подъ Озерицами, понадъѣдетъ кто нибудь...

— Пошелъ впередъ! крикнулъ Іоасафъ Николаевичъ,—чего тамъ бояться днемъ, и когда насъ двое?... А впрочемъ, коли поджидаютъ, есть у тебя топоръ или хорошій ножъ?

— Есть, на случай, топорикъ махонькой, а оченно вострый...

— Давай его сюда!... Намъ скорѣе надо домой... Пошелъ!

Макарушка ударилъ кнутомъ по коренной и пристяжной. Не годилось бы такъ неосторожно въѣзжать въ Волчьи-Ворота; но лошади, которыми правилъ Макарушка, были самыя старыя и худшія изъ михѣевскихъ, онѣ и подъ ударами кнута двинулись по худой дорогѣ ровной, тихой ходою.

И это было кстати для встрѣчи, какая тутъ ожидала.

При въѣздѣ въ Волчьи-Ворота, какъ-разъ насупротивъ колодца-студенца, оказалось, кто тутъ выглядывалъ изъ-за кустовъ. Шибко раздвигая руками вѣтви орѣшника, вышла оттоль удалая солдатка Марина Прокофьевна.

— Стойте!... Стойте вы!... закричала она пронзительнымъ, дикимъ и такимъ грознымъ голосомъ, что Макарка и безъ приказу барина тотчасъ же остановилъ лошадей.

Страшенъ былъ видъ этой молодой, столь красивой женщины.

Голова ея ничѣмъ не была покрыта; въ волосахъ, спереди все еще довольно длинныхъ, торчали мелкіе сучья, сухіе листья. Изорванная рубашка держалась только на одномъ плечѣ, и высокая грудь и руки были обнажены. Синій старый сарафанъ висѣлъ клочьями; лицо казалось чрезвычайно похудѣвшимъ, но не было блѣдно; на ввалившихся щекахъ горѣлъ яркій румянецъ. Горѣли и большіе, широко-раскрытые глаза изъ-подъ волосъ, низко ниспадавшихъ на лобъ.

Іоасафъ Николаевичъ соскочилъ съ телѣги, но не подбѣжалъ къ Маринѣ. Онъ стоялъ все на одномъ мѣстѣ какъ вкопаный, въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Все тутъ поджидала, заговорила она опять, протягивая руки, какъ будто призывая тѣмъ къ себѣ на помощь.—И ужъ не помню, сколько дёнъ и ночей поджидала!... Не ѣла все времячко, и до ѣды-ль!... А пила, охъ, пила многонько, и водица славная, холодная,—вѣдь все-то мнѣ жарко, душно таково.... Не помню, когда было, дожжикъ проливной... точно, дожжикъ насквозь пробралъ, а все-таки жарко...

Она говорила про жаръ ее томившій, жаръ чрезвычайно сильный, что̀ такъ замѣтно было по воспаленному ея лицу, по горѣвшимъ глазамъ, а сама вся дрожала, и напряженно-вытянутыя, покрытыя синяками, руки тоже дрожали, немощно иногда опускаясь.

— Маринушка!... ты-ль это?:.. да какъ же тутъ?... наконецъ, тоскливо и чуть внятно проговорилъ Іоасафъ Николаевичъ.

— А какъ очутилася тутъ?... невдругъ, какъ бы подумавъ, пособравъ мысли, и такъ протяжно отвѣчала она,—охъ, ужъ про это самое какъ хорошо помню!... Выгнали, наругалися!... Били... били не мало!... Смотри: во-какъ истерзана вся, косу тоже обрѣзали.... Безъ жалости наругалися!...

Слова ея онъ хорошо слышалъ—и понялъ. Недаромъ и его охватила дрожь, недаромъ и его глаза загорѣлись страшно. А рѣчей никакихъ онъ не нашелъ, и не двинулся съ мѣста къ любимой женщинѣ, даже отвернулся отъ нея нѣсколько въ сторону, какъ будто страшился услышать дальше: какъ и отъ кого именно она пострадала.

Но Маринушка вывела его изъ оцѣпенѣнія...

— Что-жъ стоишь—и словечка не молвишь?... Любо, что-ль, и тебѣ?.... продолжала она еще протяжнѣе и грознѣе,—вѣдь это твои наругалися! Твои, твои! аль еще не сдогадался?... По ихъ это приказу, по ихней милости великой!... А что̀ худаго я имъ сдѣлала?... Въ моей-то хибаркѣ берегла я тебя, ровно ребеночка своего роднаго, махонькаго, вотъ, въ твоемъ господскомъ дому добрались, добрались до меня злые люди!...

— О, въ этомъ проклятомъ дому!... Я зналъ, что такъ будетъ... Приходило-жъ на мысль... вскричалъ онъ и бросился къ телѣгѣ.

Онъ выхватилъ топоръ оттуда, перерубилъ имъ постромки у пристяжной лошади, вырвалъ изъ рукъ Макарки кнутъ и, вскочивъ на пристяжную, помчался черезъ ущелье, въ направленіи къ Михѣеву. И все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, такъ странно для Макарки, что онъ нѣсколько минутъ не могъ опамятоваться, и глядѣлъ безъ-толку въ темную глубь проѣзда, изъ-за котораго несся гулъ отдаляющагося конскаго топота.

Но случилось нѣчто, приведшее его уже въ крайнее недоумѣніе.

Оглянувшись, наконецъ, онъ увидалъ, что Марина Прокофьевна на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ появилась и держалась на ногахъ, ле-

жить теперь ничкомъ къ землѣ остриженной головою, какъ будто кто нибудь свалилъ ее сзади внезапнымъ смертельнымъ ударомъ.

Проворно выскочилъ онъ изъ телѣги, подбѣжалъ къ Маринѣ, опустился на колѣни къ ея головѣ, чтобы по лицу какъ нибудь разобрать, чтò такое съ ней подѣлалось, нѣсколько разъ дергалъ тоже за откинутую на-отмашъ руку, стараясь хоть тѣмъ разбудить; но бѣдная женщина лежала совсѣмъ-таки неподвижно и даже было незамѣтно, что она дышетъ.

— Ужъ не померла ли?... Вотъ оказія-то! Чтò тутъ станешь дѣлать?... шепталъ про себя малой.

Онъ все-таки догадывался, что нельзя же «такъ зря» покинуть любовницу барина, не удостовѣрившись окончательно, жива ли она, или же внезапная смерть доканала ее? Однако, и съ немалой тоскою думалъ онъ объ этомъ. Разбиралъ его большой страхъ, что, вотъ-вотъ, понадъѣдетъ кто нибудь да и застанетъ его надъ умершей или умирающей отъ явныхъ побой женщиной. А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто кто нашептывалъ ему, «что къ барину, къ барину надо бы поспѣшать, что тамъ, въ Михѣевѣ, что-то страшное теперь дѣлается...» Впрочемъ, и жалость къ этой женщинѣ, избитой, поруганной, неподвижно лежащей на сырой землѣ, жалость сильная и какъ-то вдругъ его охватившая, неодолимо тянула его подать ей какую нибудь помощь.

Такъ разсказывалъ Макарушка о томъ, что онъ пожалѣлъ, очень пожалѣлъ удалую солдатку, которую зазналъ-то онъ сначала такою веселою, такою распрекрасною, и можно повѣрить, что онъ разсказывалъ объ этомъ въ сущую правду: были и другіе случаи, при которыхъ онъ твердо доказалъ, что сердце его было жалостливо, что онъ готовъ былъ на помощь находящимся въ бѣдѣ, даже съ опасностью для него самого.

Онъ рѣшился остановиться на той мысли, что не умерла же Марина Прокофьевна, а только обезпамятѣла, и вотъ кинулся къ колодцу-студенцу, зачерпнулъ воды полный картузъ свой и, подбѣжавъ къ Маринѣ, облилъ ей всю голову. Холодная вода произвела дѣйствіе мгновенно же. Марина очнулась, даже приподнялась и усѣлась на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала какъ мертвая. Но не тотчасъ смогла она заговорить.

— Чтой-то вы эдакъ, Марина Прокофьевна? съ-чего такъ заслабѣли? первый промолвилъ Макарушка, и пустился въ эти разспросы очень неловко.

— Охъ, не говори... не разспрашивай... сказала она глухимъ голосомъ;—что тутъ разспрашивать, и такъ все виднёхонько.... А мнѣ не померещилось, это ужъ вѣрно, вотъ, ты передъ глазами маячишь... голову мнѣ облилъ... Охъ, да скажи ты мнѣ: это, вѣдь онъ поскакалъ?... А куда-жъ? куда?...

— Надо-быть, уѣхалъ въ Михѣево... отвѣчалъ Макарушка, нѣ-

сколько запинаясь, какъ будто трудно было ему выговорить этотъ простой отвѣтъ.

Она ничего не вымолвила на это, задумалась о чёмъ-то, шепча про себя и перебирая руками клочья сарафана, и вдругъ совсѣмъ приподнялась.

— А ты что-жъ еще здѣсь?...—вскричала она,—догонялъ бы!... Съ нимъ вмѣстѣ... могъ бы поспѣть...

— Гдѣ тутъ поспѣть? возразилъ резонно Макарушка,—вѣдь же сами видите, я на телѣгѣ, въ одну лошадь; по такой-то дорогѣ все равно что̀ пѣшій, а знамо,—пѣшій конному не товарищъ. Да и нешто можно было бросить васъ такъ-то?... а тутъ и волки, не то лихой человѣкъ...

— Не до меня... не до меня теперича!... выговорила она чуть внятно и, опять припавъ до сырой земли, стала метаться и биться въ страшной тоскѣ.

Макарка не зналъ, что̀ и дѣлать. Онъ даже ужасался, словно надъ нимъ самимъ приключилась бѣда. Но бѣдная женщина довольно скоро очувствовалась, привстала совсѣмъ на ноги, стояла же шатаясь и придерживаясь за кусты руками.

— Вотъ и дождалася!... и не подошелъ, и въ очи не глянулъ.. прошептала она, и вдругъ, снова подумавъ, прибавила уже довольно твердымъ голосомъ:—Ну, и больше нѐзачѣмъ тутъ оставаться. Макарушка! коли не поспѣлъ ты за бариномъ, такъ подвези меня.

— Да куда-жъ бы? спросилъ малой,—нешто въ Коломну? а нѣтъ! никакъ нельзя, вѣдь и точно: должо̀нъ я поспѣшить къ барину, неравно хватится по мнѣ... Право-слово, не знаю, какъ быть, вѣдь въ Михѣево-то, кажись, вамъ уже не приходится...

— Не поумнѣлъ ты въ городѣ, сарафанникъ! строго возразила она:—тебѣ нѐчего придумывать. Повезешь, куда укажу. Тутъ неподалечку.

Только съ помощью Макарушки смогла она взобраться въ телѣгу. Болѣзнь разыгралась въ ней уже сильно: лицо ея горѣло полымёмъ, жаръ томилъ ее всю до такой степени, что, при всемъ усиліи, чтобы бодриться, она начинала метаться какъ бы въ совершенномъ забытьѣ.

По проѣздѣ Волчьихъ-Воротъ, Марина молча указала малый колёсный слѣдокъ, влѣво отъ проѣзжей дороги, идущій въ глубь частаго мелколѣсья, за которымъ виднѣлся широкой стѣною большой лѣсъ. Сомнительно показалось Макарушкѣ пускаться по этой дорожкѣ; онъ пріостановился передъ съѣздомъ на нее, но не успѣлъ обратиться къ спутницѣ своей съ вопросомъ, который завертѣлся было у него на умѣ, какъ она шибко толкнула его въ спину и проговорила сердито:

— Ну, чего задумался! Загубить, что ли, хочу тебя? Поѣзжай, да и только!

Дѣлать было нечего; онъ съѣхалъ на тотъ слѣдокъ—и пошла телѣга подпрыгивать по пнямъ и корнямъ, а сучья орѣшника хлестали малаго чуть не на каждомъ шагу. Такъ проѣхали версты три, а можетъ и болѣе. Но вотъ уже на самой опушкѣ большого лѣса показалась довольно просторная полянка, вся изрытая ямами да заваленная огромными кучами пней, хворосту, пережженнаго угля.

На полянкѣ этой, вплоть къ опушкѣ лѣса, стояли рядомъ двѣ избёнки безъ всякихъ пристроекъ и дворовъ, даже безъ всякой изгороди съ боковъ, избёнки хоть и немалыя, а для житья въ нихъ очень плохо ухиленныя: крыши изъ драни были проломаны; въ оконныхъ отверстіяхъ, продѣланныхъ въ стѣнахъ въ родѣ отдушинъ, виднѣлись больше тряпки, чѣмъ стекла. Но тутъ проживали угольщики, для которыхъ надобилось не много удобствъ.

Макарушка вдругъ вспомнилъ, какъ не разъ проговаривали въ михѣевской дворнѣ, что по близости отъ Поповки, а стало быть и отъ той деревушки, близь которой находилась хибарка Маринки, живетъ въ лѣсу съ недавняго времени старуха, слывущая за злую колдунью.

— Ужъ не къ Степовичкѣ ли мы теперича пробираемся? подумалось малому («Степовичкою» прозывалась та старуха-колдунья потому, что она въ молодости своей вывезена была въ Егорьевскій уѣздъ изъ какого-то степнаго имѣнія князя....скаго).

И точно: когда телѣга по указанію Марины подъѣхала къ одной изъ избёнокъ, оттоль вышла и остановилась на порогѣ сѣнцевъ старуха престарая, сгорбленная, покрытая съ головой шушуномъ. Она ничего не сказала въ-встрѣчу Маринѣ, а только поманила ее костлявой рукой, какъ бы приказывая, чтобы пріѣзжая гостья шла къ ней скорѣе, и затѣмъ немедленно скрылась въ избѣ.

Но старикъ, сидѣвшій на обрубкѣ у другой избушки, встрѣтилъ-таки словомъ гостью.

— А чтò? нагулялася! догулялася!.. То-то!.. крикнулъ онъ ей, когда Макарушка высадилъ ее изъ телѣги и велъ къ старухѣ, а она шаталась, вся дрожала и насилу передвигала ноги.

Проводивъ Марину Прокофьевну, Макарушка тотчасъ же надумался: «лучше, молъ, улепетывать отсюдова верхомъ, чѣмъ пробираться черезъ чащу въ телѣгѣ все самой тихой ѣздою... Авось-таки телѣга наша не пропадетъ...» Нàскоро выпрягъ онъ лошадь и безъ оглядки поскакалъ въ Михѣево.

Но не поспѣлъ онъ туда въ самую пору. Да и можно ли было поспѣть такъ, чтобы помѣшать тому, что тамъ совершалось?

С. Славутинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ [1].

XXXIV.

Журналъ „Библіотека для Чтенія“ въ 1862 году и защита ея статей цензурою.

Министръ внутреннихъ дѣлъ отнесся, 24-го іюля 1862 года, съ слѣдующимъ сообщеніемъ къ министру народнаго просвѣщенія: «Въ іюльской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» обращаетъ на себя вниманіе статья Д. Щеглова: «Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія». Авторъ подвергаетъ своей критикѣ эти недавно высочайше утвержденныя правила, доказывая, что они или недовольно опредѣлительны, или ложны, или стѣснительны, или, наконецъ, приведутъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ ихъ цѣли и будутъ имѣть вредныя послѣдствія. Онъ полагаетъ, между прочимъ, что всякій человѣкъ, убѣдившись на опытѣ въ недостаткахъ какого-нибудь постановленія, имѣетъ право печатно критиковать это постановленіе, будь онъ ученый или неученый, и какъ бы ни былъ коротокъ его опытъ (стр. 218). Исказивъ, такимъ образомъ, смыслъ III пункта временныхъ правилъ, авторъ пользуется извращеннымъ имъ разрѣшеніемъ для выраженія своего мнѣнія о новомъ постановленіи. Мнѣніе это сводится къ тому, что приведенныя имъ статьи правилъ должны быть отмѣнены, что должна быть допущена «полная свобода въ обсужденіи вся-

---

[1]) См. «Историч. Вѣстникъ», т. XI. Стр. 330—359.

кихъ вопросовъ», «возможность какъ излагать, такъ и опровергать во всей полнотѣ» (стр. 225) какія бы то ни были вредныя ученія; что періодическія изданія не должны быть запрещаемы, и что замѣна предупредительной системы цензуры карательною послужитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію желаемаго правительствомъ результата въ дѣлахъ книгопечатанія (стр. 226—228).

«Соображаясь съ буквальнымъ смысломъ пункта III временныхъ цензурныхъ правилъ [1]), я нахожу, что статья Щеглова не принадлежала къ числу спеціальныхъ, ученыхъ разсужденій, и, касаясь вновь изданнаго закона, недостатковъ котораго опытъ не могъ еще высказать, неправильно допущена къ напечатанію, и что дѣйствіе цензоровъ, пропустившихъ эту статью, противно какъ приведенному III пункту, такъ и пункту I правилъ, предписывающему охранять атрибуты верховной власти, въ числѣ которыхъ одинъ изъ важнѣйшихъ есть изданіе законовъ, безусловно обязательныхъ и не подлежащихъ никакому противорѣчію или осужденію. Вина цензоровъ въ этомъ случаѣ усугубляется тѣмъ, что они дозволили публичное осужденіе въ частномъ изданіи постановленія, только что даннаго имъ самимъ въ руководство отъ высшаго правительства. Имѣю честь сообщить о семъ вашему превосходительству на благоусмотрѣніе».

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, 1-го августа, слѣдующимъ образомъ: «Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства, отъ 24-го іюля, считаю нужнымъ увѣдомить, что статья г. Щеглова «О временныхъ правилахъ по дѣламъ книгопечатанія» разрѣшена къ печатанію не кѣмъ-либо изъ цензоровъ, а собственно мною, по слѣдующимъ соображеніямъ:

«1) Въ этой статьѣ, тономъ весьма приличнымъ, разбираются временныя правила, вслѣдствіе того, что въ самыхъ этихъ правилахъ дозволены подобныя разсужденія, хотя, впрочемъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора о недостаткахъ этихъ правилъ.

«2) Дабы выставить ошибочность его взгляда по сему предмету, г. цензоръ Постниковъ, по распоряженію моему, написалъ прекрасную статью въ возраженіе г. Щеглову и возраженіе сіе было немедленно напечатано въ періодическихъ изданіяхъ, болѣе распространенныхъ, чѣмъ тотъ журналъ, въ которомъ напечатана статья г. Щеглова.

«3) Запрещеніе статьи сего послѣдняго произвело бы болѣе вреда, чѣмъ напечатаніе оной, сопровождаемое опроверженіемъ, ибо статья г. Щеглова разошлась бы въ видѣ рукописи, съ ложною мыслію, что такъ какъ невозможно доказать достоинства временныхъ правилъ, то составители ихъ запрещаютъ критику оныхъ.

---

[1]) «Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія» были изданы 12-го мая 1862 года (См. мою статью въ «Вѣстникѣ Европы», май и іюнь 1882 г.).

«4) Статья г. Щеглова, вызвавшая опроверженіе г. Постникова, послужила приличнымъ поводомъ къ разъясненію настоящаго смысла временныхъ правилъ, которыя составляютъ важный шагъ къ большему простору печатнаго слова, ибо этими правилами разрѣшается печатать разсужденія, которыя положительно воспрещались уставомъ 1828 года.

«Въ заключеніе, я долженъ сказать, что статья г. Щеглова никакъ не противна пункту I-му временныхъ правилъ, охраняющему атрибуты верховной власти, въ числѣ которыхъ одинъ изъ важнѣйшихъ есть изданіе законовъ. Въ этой статьѣ вовсе не отрицается подобное право; но, вслѣдствіе дозволенія, тою же верховною властью даннаго, разбирается законъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ имѣть свои недостатки. Все, что можно сказать въ настоящемъ случаѣ, есть только то, что авторъ ошибается въ указаніи недостатковъ, и эта ошибка была возстановлена въ благонамѣренной статьѣ г. Постникова. Подобныя благонамѣренныя опроверженія я съ своей стороны признаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезнѣе простаго запрещенія».

Отъ 2-го августа, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ новыми замѣчаніями на тотъ же журналъ «Библіотеку для Чтенія»: «Во внутреннемъ обозрѣніи іюньской книжки «Библіотеки для Чтенія», подъ заглавіемъ: «Обскуранты взяли одръ свой и двинулись»,—«Страшные пожары въ С.-Петербургѣ» и проч., помѣщена статья, начинающаяся слѣдующимъ общимъ разсужденіемъ: «ошибками крайнихъ людей одного направленія всегда пользуются крайніе люди направленія противоположнаго. Было бы грѣшно сказать, чтобы то пользованіе совершалось всегда безкорыстно; гораздо скорѣе, напротивъ, и мы очень часто видимъ, что крайніе люди стремятся взаимно «сердце сорвать другъ на другѣ». Потомъ, сказавъ «о неизвѣстныхъ участникахъ послѣдней возмутительной прокламаціи, прикрывшейся чужимъ щитомъ «Молодая Россія», и назвавъ ихъ именемъ «юродивыхъ», а самое воззваніе—«ребяческимъ задоромъ, злодѣйскою шалостью», авторъ возвращается къ главной своей мысли: «послѣ всего, что мы видѣли, что мы слышали вслѣдъ за появленіемъ этого воззванія, нельзя не сомнѣваться, что обскуранты взяли одръ свой, подняли голову и двинулись дальше. А тутъ подошли еще пожары». Далѣе, развивая мысль свою, высказанную въ началѣ статьи, авторъ указываетъ на слѣдующіе факты. Сперва разсказываетъ о пожарахъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ впродолженіе полуторы недѣли, о всеобщемъ паническомъ страхѣ и о распространившемся въ публикѣ и нѣкоторыхъ газетахъ слухѣ, что поджоги дѣлаются обществомъ студентовъ, а затѣмъ въ паралель этому перечисляются тѣ мѣры, которыя были вызваны пожарами, именно говоритъ, между прочимъ, о закрытіи: а) сампсоніевской и

введенской школъ, б) шахматнаго клуба, в) народныхъ читаленъ, г) воскресныхъ школъ и другихъ училищъ при войскахъ для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, и друг., д) воскресныхъ школъ и читаленъ по всей имперіи.

«Сопоставляя заглавіе означенной статьи и главную мысль, высказанную въ началѣ оной, съ подробностями содержанія статьи, нельзя не видѣть, кого именно авторъ разумѣлъ подъ людьми двухъ крайнихъ направленій. Отсюда ясно, что такъ называемые передовые люди сдѣлали, по мнѣнію автора, крайнюю ошибку своими неумѣстными заявленіями и тѣмъ способствовали появленію ребяческаго задора и злодѣйской шалости въ прокламаціи «Молодая Россія», а обскуранты (правительственныя лица), пользуясь этою ошибкою, впали будто бы въ противоположную крайность, принятіемъ вышесказанныхъ мѣръ. Все это дѣлается совершенно яснымъ изъ суммарія разсматриваемой статьи, который составленъ съ очевидною цѣлью придать ей тотъ смыслъ, котораго желалъ авторъ. Суммарій этотъ заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «обскуранты взяли свой одръ и двинулись». Это главная мысль; все послѣдующее логически относится къ этому движенію обскурантовъ,— именно: «страшные пожары въ С.-Петербургѣ» и толки о нихъ, мѣры, принятыя полиціею, закрытіе «воскресныхъ школъ, народныхъ читаленъ, шахматнаго клуба» и проч. Признавая съ своей стороны пропускъ упомянутой статьи въ печати важнымъ упущеніемъ со стороны цензуры, я имѣю честь сообщить о семъ вашему превосходительству на благоусмотрѣніе».

Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, 7-го августа, на это отношеніе такимъ образомъ: «Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства, отъ 2-го августа, имѣю честь препроводить при семъ извлеченіе изъ объясненія цензора Рахманинова, по поводу «внутренняго обозрѣнія» въ іюньской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», разрѣшеннаго къ печати предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета, тайнымъ совѣтникомъ Цеэ, присовокупляя, что я нахожу объясненіе весьма основательнымъ».

Это объясненіе было слѣдующаго содержанія: «Внутреннее обозрѣніе въ іюньской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» раздѣляется на двѣ части, рѣзко и положительно отдѣленныя другъ отъ друга. Въ первой говорится сначала о составителяхъ прокламаціи, въ которыхъ, очевидно, авторъ разумѣетъ недоучившихся молодыхъ людей крайнихъ соціалистическихъ воззрѣній, и потому называетъ самое воззрѣніе ихъ «ребяческимъ задоромъ» и «злодѣйскою шалостью», потомъ о литераторахъ противоположнаго направленія, направленія реакціоннаго, которые, вдаваясь изъ противорѣчія въ другую крайность, взываютъ къ слѣпымъ инстинктамъ народа, поддерживая нелѣпые слухи, и наконецъ, объ обществѣ, которое, будучи подстрекаемо рѣзкими сужденіями, доходитъ до безпоряд-

ковъ, требуя безсмысленныхъ запрещеній, нападая по одному слѣпому подозрѣнію на проходящихъ по тротуару, предаваясь неистовому смѣху при казни, и проч. Во всей этой части нѣтъ даже и рѣчи о правительствѣ и очевидно, что выраженіе, приведенное въ заглавіи: «обскуранты взяли одръ свой и двинулись», равно какъ и самое начало статьи: «ошибками крайнихъ людей одного направленія всегда пользовались люди направленія противоположнаго» и проч.—относятся отнюдь не къ правительству, а къ журналистикѣ и обществу, вдающимся въ увлеченіе и крайности. Эта первая часть статьи оканчивается слѣдующею мыслію на стр. 202: «на этотъ разъ мы отлагаемъ всякія разсужденія, пока прояснится горизонтъ общественный (а не правительственный), затемненный такъ неожиданно и такъ безполезно».

«Затѣмъ, начинается вторая часть статьи слѣдующими словами: «Ниже мы представляемъ простой перечень, простой сводъ различныхъ извѣстій», и подъ этимъ заглавіемъ авторъ приводитъ, какъ факты, различныя правительственныя распоряженія, нисколько не связывая ихъ съ общими разсужденіями. Онъ говоритъ объ усиленіи караула при домахъ, о слѣдственныхъ комиссіяхъ, о закрытіи двухъ школъ и пр. Всѣ эти мѣры излагаются безъ всякихъ объясненій, какъ факты. Ясно, что общія разсужденія, рѣзко отдѣленныя отъ этихъ извѣстій, никакъ на нихъ распространяемы быть не могутъ.

«Что въ первой половинѣ статьи говорится не о правительствѣ, видно и изъ того, что авторъ, на 206 стр., говоря о высказанной народомъ преданности государю императору, прибавляетъ: «мы увѣрены, что правительство, въ виду совершенно спокойнаго положенія большинства, съ спокойнымъ достоинствомъ пройдетъ мимо теперешнихъ затрудненій и не уклонится съ пути задуманныхъ имъ чрезвычайно важныхъ реформъ. Мы вполнѣ надѣемся, что, даровавъ свободу столькимъ милліонамъ крѣпостныхъ, правительство не отклонится отъ этого великаго пути свободы, какъ бы ни усиливались плачевныя дѣйствія разныхъ заблуждающихся, старающихся затруднить путь нашего развитія». Столь ясная похвала правительству и столь положительно высказанная увѣренность въ благоразумной твердости правительства, которое, не смущаясь, идетъ твердымъ шагомъ по пути прогресса,—были бы несовмѣстны съ тѣмъ порицаніемъ его за крайность, которое отыскивается въ началѣ статьи.

«При такомъ благонамѣренномъ содержаніи статьи, направленной къ рѣзкому осужденію враговъ правительства и тѣхъ передовыхъ общественныхъ людей (а не администраціи, не правительства), которые крайними своими воззрѣніями задерживаютъ правильное и спокойное развитіе общества, статья эта не могла быть не дозволена къ печати».

Сверхъ того. «наблюдательною надъ цензурою въ 1862 году властью», т. е. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сдѣлано было еще слѣдующее замѣчаніе по поводу статей этого журнала. Такъ, 13-го іюня, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщалъ министру народнаго просвѣщенія: «Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Библіотека для Чтенія» помѣщена статья Д. Щеглова: «Объ ассоціаціи рабочихъ, какъ средствѣ для обезпеченія состоянія нашихъ рабочихъ классовъ». Въ статьѣ этой авторъ, между прочимъ, разсуждаетъ о дворовыхъ людяхъ слѣдующимъ образомъ: «относительно дворовыхъ людей задача правительства должна состоять въ томъ, чтобы не допустить ихъ въ города, чтобы не увеличить городской нищеты, нищенства, преступленій и разврата. Сдѣлать это можно только устройствомъ быта дворовыхъ людей въ сельскихъ общинахъ, посредствомъ надѣла ихъ землею. Что они имѣютъ право на этотъ надѣлъ одинаково съ крестьянами, легко убѣдиться, если принять въ разсчетъ даже не естественное право, а только историческое» (стр. 66-я). Далѣе (стр. 68-я): «а привязать ихъ къ деревнямъ можетъ только надѣлъ землею, какъ пахатною, такъ и усадебною,— все равно, откуда бы она ни была взята... Желательно, чтобы они вошли въ общину не какъ совмѣстники крестьянъ, лишающіе ихъ извѣстной доли земли; они сами имѣютъ такое же право на выдѣлъ имъ земли отъ помѣщичьяго участка, какъ и крестьяне, потому что они сами, большею частію, такіе же крестьяне; если они по десятой ревизіи записаны между дворовыми, то это, какъ дѣло произвола помѣщика, не можетъ служить къ лишенію ихъ извѣстныхъ правъ на вѣчныя времена». Находя такія сужденія совершенно противорѣчащими положенію 19-го февраля 1861 года (ст. 6-я и 7-я объ устройствѣ дворовыхъ людей), долгомъ считаю сообщить о семъ вамъ на благоусмотрѣніе».

Это замѣчаніе министерства внутреннихъ дѣлъ не вызвало уже отвѣта со стороны министерства народнаго просвѣщенія.

XXXV.

«Одесскій Вѣстникъ» въ 1862 году.

Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ министру народнаго просвѣщенія, отъ 27-го іюня 1862 года: «Въ № 61-мъ «Одесскаго Вѣстника», подъ рубрикою «Современная Хроника» (стр. 293), авторъ, проведя паралель между сѣверными и южными губерніями Россіи съ одной стороны, и сѣверными и южными штатами американскими съ другой стороны, утверждаетъ, что южная Россія находится въ положеніи, весьма близко подходящемъ къ положенію южныхъ штатовъ Америки: «промышленные интересы юга и

сѣвера тамъ и здѣсь діаметрально противоположны между собою; какъ въ Америкѣ, такъ и у насъ, совершенно различны требованія и по отношенію къ тарифу... Югъ Россіи—естественный партизанъ свободной торговли, а потому иногда не сочувствовалъ голосамъ, раздававшимся на сѣверѣ въ пользу запретительной системы. Чтобы это различіе интересовъ не перешло современемъ изъ промышленной области въ область политики, необходимы рѣшительныя мѣры для сліянія земледѣльческихъ и мануфактурныхъ округовъ въ Россіи... Иностранная колонизація усиливаетъ самостоятельность физіономіи нашихъ южныхъ областей, которыя и безъ того имѣли мало общаго съ сѣверными областями. Историческая, промышленная и даже бытовая разрозненность этихъ областей, при дальнѣйшемъ невниманіи къ ней, можетъ перейти въ полное отчужденіе или, по крайней мѣрѣ, интересы южнаго края могутъ обособиться въ такой степени, что экономическая связь его съ сѣверомъ останется лишь географическимъ терминомъ безъ всякаго содержанія».

«Въ фельетонѣ того же нумера «Одесскаго Вѣстника» помѣщены «Письма изъ Петербурга». Разсуждая о недостаточности у насъ военной организаціи, авторъ говоритъ, между прочимъ: «военное дѣло, поглощавшее громадныя издержки, до самаго послѣдняго времени находилось у насъ почти въ младенческомъ состояніи. Какъ ни велика казалась численность нашей арміи, но, въ случаѣ войны, она всегда оказывалась менѣе нежели достаточною. По соображеніямъ опытныхъ людей, Россія съ трудомъ можетъ вести войну даже, напримѣръ, съ Пруссіею; еще труднѣе война была бы съ Австріею». Въ заключеніе, разсказавъ о предстоящихъ коренныхъ реформахъ по военному управленію и, между прочимъ, объ устройствѣ милиціи, обязательной для всѣхъ втеченіе извѣстнаго срока, авторъ упоминаетъ о слухахъ касательно преобразованій по флоту, проекта гласнаго судопроизводства, который прошелъ уже въ государственномъ совѣтѣ, о совпаденіи этого событія съ днемъ тысячелѣтія Россіи, о предстоящей народной переписи по англійской системѣ, объ энергическихъ мѣрахъ для преслѣдованія взяточничества по министерствамъ военному и финансовъ. По моему мнѣнію, обѣ эти статьи не слѣдовало бы допускать къ печати, на основаніи ст. III и VIII высочайше утвержденныхъ правилъ 12-го мая сего года, а также особаго наставленія, при цензированіи статей, касающихся военно-сухопутной части, тѣмъ болѣе, что первая изъ означенныхъ статей можетъ возбудить весьма неблагопріятные толки и внутри, и внѣ имперіи».

XXXVI.

Мнѣніе А. В. Головнина о проектѣ закона о книгопечатаніи 1865 г.

Въ настоящее время [1]) можно съ увѣренностью сказать, что само правительство не признаетъ болѣе пользы административныхъ каръ печати, въ родѣ предостереженій. Семнадцатилѣтняя практика, на основаніи закона 6-го апрѣля 1865 года, ввела почти въ общее сознаніе неудовлетворительность его для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Многое изъ того, что было предсказано этому закону, при предварительномъ обсужденіи его въ правительственныхъ сферахъ (о другихъ не говоримъ) двадцать лѣтъ тому назадъ, осуществилось съ того времени. Къ числу такихъ вѣрныхъ взглядовъ на будущее закона о печати 1865 года, высказанныхъ до его утвержденія въ государственномъ совѣтѣ, принадлежитъ и мнѣніе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

Проектъ закона о книгопечатаніи былъ внесенъ въ государственный совѣтъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевымъ, 17-го ноября 1864 года. Почти за годъ передъ тѣмъ, именно 7-го декабря 1863 года, министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, сообщилъ, ему слѣдующее свое мнѣніе объ этомъ проектѣ: «Исполняя желаніе вашего превосходительства, изложенное въ отношеніи вашемъ, отъ 27-го ноября, имѣю честь сообщить слѣдующія соображенія по проекту устава о книгопечатаніи. При вступленіи моемъ въ завѣдываніе цензурою въ самомъ концѣ 1861 года [2]), высшее управленіе ея сосредоточивалось въ коллегіальномъ учрежденіи (главномъ управленіи цензуры), а самое цензированіе производилось какъ цензорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и многочисленными спеціальными цензурами другихъ вѣдомствъ. Правительство было недовольно цензурою и находило: съ одной стороны цензурныя постановленія недостаточными, а съ другой—въ цензурной практикѣ видѣло слишкомъ большую снисходительность. Литераторы, и въ особенности редакторы журналовъ и газетъ, жаловались на слишкомъ большую строгость цензуры, на произволъ цензоровъ, на медленность хода цензурныхъ дѣлъ, вслѣдствіе большого числа спеціальныхъ цензуръ, которымъ слѣдовало сообщать одну и ту же статью, и вслѣдствіе коллегіальныхъ формъ учрежденія, которое завѣдовало цензурою; жаловались на неизвѣстность имъ цензурныхъ постановленій, которыя оставались въ архивахъ и не были обнародованы. Наконецъ, сами цензоры тяготились неясностью, неполнотою и разнорѣчіемъ цензурныхъ постановленій, вслѣдствіе чего они вынуждены были

[1]) Эта глава написана въ январѣ 1882 года. У.

[2]) 25-го декабря 1861 года. У.

дѣйствовать произвольно; причемъ они утверждали, что правительство требуетъ отъ цензурной практики несравненно болѣе строгости, нежели сколько требуется законами; говорили, что правительство само не знаетъ ясно, чего оно хочетъ въ цензурѣ, и доказывали это измѣняющимися со дня на день требованіями и разнообразіемъ въ дѣйствіяхъ спеціальныхъ цензуръ разныхъ министерствъ, изъ коихъ одна пропускала то самое, что запрещалось другою, и наоборотъ.

«Все сіе приводило къ убѣжденію въ необходимости слѣдующихъ мѣръ:

«I. Немедленно собрать, привести въ ясность и напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія правительства, состоявшіяся въ разное время въ цензурѣ. Трудъ сей [1]), былъ затѣмъ исполненъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и я имѣлъ честь доставить вашему превосходительству нѣсколько экземпляровъ онаго.

«II. Приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ постановленій, также къ обозрѣнію бывшей у насъ цензурной практики, направленія литературы въ разное время, къ соображенію постановленій иностранныхъ государствъ по части цензуры и къ составленію проекта устава о книгопечатаніи. Вслѣдствіе сего, втеченіе года, были составлены: историческія записки о дѣйствіи у насъ цензуры [2]), записка о направленіи журналистики, сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою [3]), и учреждена особая комиссія для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленія новаго устава, причемъ для соображеній комиссіи выписаны были изъ-за-границы сборники тамошнихъ постановленій по сему предмету и извѣстнѣйшія сочиненія, которыя касались онаго. Въ то же время, дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многія изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, причемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры. Послѣдняя мѣра принесла весьма скоро пользу, ибо ближайшимъ разъясненіемъ иностранныхъ законодательствъ, она показала всю невѣрность многихъ воззрѣній. При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ то время была надежда на весьма скорое осуществленіе су-

---

[1]) Подъ заглавіемъ «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ». Спб. 1862 г.

[2]) «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». Спб. 1862 г., съ тремя приложеніями о правительственныхъ и министерскихъ распоряженіяхъ въ 1862 г.

[3]) «Сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою въ 1862 году». Спб. 1862 г., въ двухъ томахъ.

Всѣ эти три изданія министерства народнаго просвѣщенія были напечатаны въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступали. *У.*

дебной реформы и предполагалось, что уставъ о книгопечатанiи можетъ выдти вслѣдъ за преобразованiемъ судовъ. Посему, въ ожиданiи этой реформы и возможности подвергать виновныхъ въ злоупотребленiи печатнымъ словомъ взысканiю по суду, комиссiи было предложено составить систему переходныхъ мѣръ отъ цензуры предварительной, неудовлетворявшей ни правительство, ни литературу, къ цензурѣ обратной.

«III. Сознавая необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ усилить строгость цензуры, доколѣ не явится новое законоположенiе, министерство просвѣщенiя старалось достигнуть этого перемѣнами въ личномъ составѣ цензурнаго управленiя, строгими подтвержденiями и циркулярами. Сверхъ того, я просилъ ваше превосходительство оказать въ этомъ случаѣ содѣйствiе ваше министерству народнаго просвѣщенiя, основываясь на статьяхъ закона, которыя издавна возлагали на министерство внутреннихъ дѣлъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы не появлялось въ печати ничего вреднаго, и для обезпеченiя министерству внутреннихъ дѣлъ этой обязанности переданы были въ оное средства въ лицахъ и денежныхъ способахъ.

«IV. Имѣя въ виду, что если необходимо съ одной стороны усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой доставлять литературѣ, какъ средству просвѣщенiя народнаго, возможныя льготы и облегченiя и не вводить редакторовъ въ расходы, которыхъ можно избѣгнуть, я исходатайствовалъ постепенно: отмѣну спецiальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ перiодическихъ изданiй; дозволенiе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленiя; разрѣшенiе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за-границы книги и перiодическiя изданiя безъ цензуры; облегченiя въ пересылкѣ газетъ и т. п. Сверхъ того, я старался ввести въ цензированiе возможную быстроту, устраняя съ этою цѣлiю всѣ излишнiя формальности и коллегiальный порядокъ, и притомъ сообщалъ гг. редакторамъ неотлагательно каждое новое постановленiе или требованiе по цензурѣ, которое имъ полезно было бы знать.

«Такимъ образомъ, имѣлось въ виду: «привести въ ясность цензурныя постановленiя и цензурную практику: составить новый уставъ о книгопечатанiи для введенiя онаго въ то время, когда состоится судебная реформа, а до того времени ввести мѣры переходныя, ввести въ цензурную практику болѣе строгости для всего важнаго и существеннаго, но въ то же время доставить всевозможныя облегченiя литературѣ вездѣ, гдѣ только возможно». Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобы «идти къ бóльшему простору печатнаго слова, причемъ преступленiя онаго карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры».

«Исполненiе этого плана начало уже ознаменовываться весьма благотворными результатами. Въ обсужденiи многихъ важныхъ во-

просовъ общественнаго нашего устройства литература заговорила спокойнымъ, обдуманнымъ тономъ и многіе ея органы, вмѣсто того, чтобы упорствовать въ безплодной оппозиціи правительству, старались служить ему опорою. Конечно, существовали печальныя уклоненія отъ этого правила; иногда нѣкоторые писатели вдавались въ излишества и неумѣренность, но можно сказать утвердительно, что всякій разъ они встрѣчали себѣ отпоръ въ той же самой литературѣ. Къ несчастію, въ то же самое время, какъ печать наша заявляла такъ успѣшно о достаточной зрѣлости своей для пользованія разумною свободою, произошли событія, недозволившія расширить ея права. Извѣстныя прокламаціи—произведеніе тайныхъ типографій, дѣйствія заграничныхъ агитаторовъ и открывшіеся въ разныхъ мѣстахъ имперіи происки революціонной пропаганды, общей и, въ частности, польской, заставили обратить вниманіе на періодическую литературу, какъ на средство, которымъ старались воспользоваться злоумышленники и на которое они весьма много разсчитывали. Обстоятельства сіи усилили по необходимости строгость цензуры и отдалили предположенія о дарованіи литературѣ большаго простора. Въ то же время оказалось, что судебная реформа не можетъ вскорѣ осуществиться и что самый трудъ комиссіи о книгопечатаніи не можетъ быть оконченъ къ тому сроку, какъ сначала предполагалось, и потому явилась необходимость въ изданіи временныхъ правилъ, которыя, по разсмотрѣніи въ совѣтѣ министровъ, удостоились высочайшаго утвержденія. Правила сіи имѣли слѣдствіемъ болѣе ясное и точное опредѣленіе предметовъ государственнаго управленія, которые разрѣшалось обсуждать печатно. Сверхъ того, они замѣнили хранившіяся въ архивѣ, малоизвѣстныя и часто одно другому противорѣчившія, постановленія по цензурѣ и указали взысканія, которыя признаны были необходимыми до изданія новаго полнаго законоположенія. На основаніи этихъ правилъ дѣйствовало цензурное управленіе до конца 1862 года.

«Въ началѣ 1863 года, комиссія по дѣламъ книгопечатанія окончила свой трудъ, который имѣетъ неоспоримыя достоинства и составляетъ заслугу разъясненіемъ многихъ вопросовъ по цензурѣ. Перемѣна воззрѣній на нѣкоторые предметы была однимъ изъ послѣдствій обширнаго и вполнѣ добросовѣстнаго труда комиссіи, и, представляя оный государю императору въ совѣтѣ министровъ, 10-го января 1863 года, я доложилъ, что прежде всякаго обсужденія проекта комиссіи, казалось бы необходимымъ разрѣшить вопросъ: кому завѣдывать цензурою: министерству ли внутреннихъ дѣлъ, какъ предполагала комиссія—министерству ли просвѣщенія, или особому установленію? При этомъ я объяснялъ слѣдующее: «министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанностію покровительствовать литературѣ, заботиться о ея развитіи, о преуспѣя-

нія оной; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое другое вѣдомство, оно не можетъ быть ея строгимъ судьею. Сверхъ того, министерство просвѣщенія обязано содѣйствовать впередъ движенію науки, а для этого необходима свобода анализа; потому цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставляемыя свободѣ разсужденій. При нынѣшнемъ же всеобщемъ броженіи умовъ, необыкновенномъ развитіи умственной дѣятельности, обращающейся преимущественно къ обсужденію предметовъ общественныхъ, дѣятельность цензуры становилась все болѣе и болѣе затруднительною въ томъ вѣдомствѣ, которое обязано содѣйствовать развитію умственной дѣятельности. Положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ цензурѣ совсѣмъ другое. На него не возложена обязанность отыскивать средства къ развитію литературы. Оно обязано только наблюдать за ненарушеніемъ закона и способнѣе министерства просвѣщенія оцѣнивать важность нарушенія; роль министерства внутреннихъ дѣлъ въ цензурѣ яснѣе, опредѣлительнѣе и проще, а потому и самая цѣль достижимѣе».

«Тогда послѣдовало, согласно всеподданнѣйшему докладу моему, высочайшее повелѣніе: 1) передать проектъ комиссіи вашему превосходительству; 2) предоставить мнѣ передать въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ цензурныя учрежденія, и 3) предоставить вамъ составить, по вашему усмотрѣнію, проектъ окончательнаго устройства цензурной части въ ввѣренномъ вамъ управленіи. За симъ, по распоряженію вашего превосходительства, учреждена была комиссія для пересмотра устава о книгопечатаніи, составленнаго первою комиссіею.

«Пересмотрѣнный новою комиссіею и нынѣ измѣненный и дополненный вашимъ превосходительствомъ проектъ устава о книгопечатаніи отличается, по моему мнѣнію, существенными достоинствами. Освобождая отъ предварительной цензуры книги, объемомъ выше 20 печатныхъ листовъ, и подвергая ихъ авторовъ отвѣтственности только предъ судомъ, уставъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ обезпеченію за литературою бо́льшаго простора. Благодаря этой, въ высшей степени полезной, мѣрѣ, серіозные, чисто-ученые труды, не стремящіеся удовлетворить только минутному настроенію и потребностямъ общества, получатъ, вѣроятно, еще небывалое у насъ развитіе. Нельзя также не сочувствовать открывающейся для періодическихъ изданій возможности выходить безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, въ случаѣ согласія на то министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, введеніе гласнаго суда для злоупотребленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ благотворныхъ и полезныхъ

мѣръ, значеніе которыхъ не можетъ быть не оцѣнено, по достоинству, литературою. Всѣ эти преобразованія такъ важны и такъ благодѣтельны, что интересы отечественнаго просвѣщенія найдутъ въ нихъ прочный залогъ для своего развитія.

«Сознавая важныя достоинства новаго устава, я считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ указать на тѣ стороны его, которыя нуждаются, по моему мнѣнію, въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣнья пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развить въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что, подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя распоряженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статьи, подвергнувшіяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара настигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику; взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія; напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится въ такихъ случаяхъ какъ бы судьею между правительствомъ и журналистикою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому, если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, то, ради огражденія интересовъ и достоинства правительства, нужно было бы стремиться къ ея отмѣненію.

«Не могу не сообщить при этомъ вашему превосходительству о другомъ недостаткѣ, тѣсно связанномъ, по моему мнѣнію, съ упомянутою системою. Проектъ устава постановляетъ, что, послѣ двухъ предостереженій, третье влечетъ за собою прекращеніе періодическаго изданія. Подобное лишеніе, административнымъ путемъ, права собственности не замедлитъ, мнѣ кажется, возбудить сильное неудовольствіе въ литературѣ. Журнальная собственность предста-

вляетъ иногда значительную цѣнность, плодъ неусыпныхъ стараній, таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваются нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишить этой собственности, простымъ административнымъ рѣшеніемъ, владѣльца журнала, который, быть можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наслѣдниковъ. Я полагаю, что необходимо было бы изыскать средства отстранить эту несправедливость. Такъ какъ проектомъ устава допускается рѣзкое различіе между редакторомъ и издателемъ газеты или журнала, то легко было бы, мнѣ кажется, обрушать самое строгое наказаніе только на редактора, требуя притомъ его отстраненія, а за издателемъ сохранить неприкосновеннымъ право собственности. Этимъ путемъ представилась бы, между прочимъ, возможность избѣжать одного важнаго неудобства: извѣстно, что «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» составляютъ собственность московскаго университета и академіи наукъ, и, будучи отдаваемы въ аренду, приносятъ этимъ учрежденіямъ значительныя суммы ежегоднаго дохода. Неужели эти оба изданія, считающія свое существованіе болѣе чѣмъ сотнею годовъ, приносившія столь важную поддержку заведеніямъ, которыя служатъ разсадникомъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, могутъ быть уничтожены силою простаго административнаго распоряженія, причемъ самое существованіе академіи и университета было бы потрясено, вслѣдствіе лишенія ихъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ.

«Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что съ проектомъ устава о книгопечатаніи я вообще согласенъ, но нахожу совершенно необходимымъ сдѣлать въ немъ слѣдующія измѣненія:

«1) Вовсе исключить систему предостереженій, которую я считаю вредною и для правительства, и для литературы.

«2) Предоставить редакторамъ періодическихъ изданій право свободнаго выбора по ихъ собственному усмотрѣнію: а) подвергаться предварительной цензурѣ, не отвѣчая за статью, пропущенную цензоромъ, или б) издавать журналъ и газету безъ цензуры, и въ такомъ случаѣ вносить опредѣленный залогъ и подвергаться взысканіямъ по суду, но отнюдь не по административному распоряженію.

«3) Ясно разграничить значеніе и права собственника періодическаго изданія и значеніе отвѣтственнаго редактора съ тѣмъ, что первый и его наслѣдники не подвергаются лишенію своей собственности за вину послѣдняго, и

«4) Предоставить административной власти право требовать, когда признаетъ нужнымъ, перемѣны отвѣтственнаго редактора, безъ судебнаго приговора.

«Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что, послѣ опытовъ послѣднихъ лѣтъ, я вообще нахожу предварительную цензуру не-

состоятельною для достиженія цѣлей правительства, и потому полагаю, что всего бы полезнѣе вовсе отмѣнить оную, замѣнивъ прямо взысканіями по суду, но такъ какъ мнѣніе это не раздѣляется весьма многими и нѣтъ ни малѣйшей надежды осуществить такое предположеніе, то я и допускаю вышеупомянутыя переходныя мѣры, какъ временную уступку обстоятельствамъ.

«Въ заключеніе имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство о приказаніи присоединить настоящее отношеніе мое къ числу приложеній къ представленію вашему въ государственный совѣтъ по сему предмету».

XXXVII.

Закрытіе пензинскаго дворянскаго института.

Въ августѣ 1863 года, послѣдовало, по высочайшему повелѣнію, закрытіе пензинскаго дворянскаго института. Эта мѣра, вызванная невзносомъ дворянствомъ денегъ на содержаніе института и, слѣдовательно, вполнѣ естественная, произвела нравственное неудовольствіе въ Пензинской губерніи среди тамошнихъ дворянъ. Цѣлью такого неудовольствія была попытка оправдать несостоятельность или, вѣрнѣе, безпечность дворянства въ исполненіи принятаго на себя обязательства. Исторія закрытія института, а равно поводы, вызвавшіе эту мѣру, не были своевременно вполнѣ объяснены въ печати, а потому сообщаемъ тѣ документы, которые выставляютъ въ настоящемъ свѣтѣ это дѣло.

Такъ, пензинскій губернскій предводитель дворянства, генералъ-лейтенантъ Араповъ, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 28-го августа 1863 года: «Г. исправляющій должность попечителя казанскаго учебнаго округа, отъ 13-го сего августа, сообщилъ мнѣ послѣдовавшее, по докладу г. министра народнаго просвѣщенія, высочайшее повелѣніе о закрытіи пензинскаго дворянскаго института, по поводу критическаго положенія дѣлъ его, впредь до рѣшенія дворянствомъ Пензинской губерніи, на первомъ общемъ съѣздѣ, вопроса о соединеніи пензинскаго института съ тамошнею гимназіею.

«Высочайшее повелѣніе исполнено. Институтъ закрытъ и въ немъ въ настоящее время помѣщены всѣ семь классовъ пензинской гимназіи, а дворянскіе воспитанники удалены изъ дома, принадлежащаго институту.

«Не могу скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что это неожиданное закрытіе института глубоко потрясло чувства пензинскаго дворянскаго сословія, что было выражено мнѣ лично многими дворянами и уѣздными предводителями, и это огорченіе было

натуральное: устройство института было свободнымъ дѣломъ нашего дворянства, сдѣланнаго въ ихъ собственныхъ интересахъ и на ихъ счетъ. Въ немъ воспитывались наши дѣти изъ болѣе бѣдныхъ семействъ, которымъ теперь некуда приклонить свою голову.

«Въ уваженіе къ этому весьма понятному чувству дворянъ, лишившихся пріюта для содержанія и воспитанія дѣтей своихъ, которое я раздѣляю вполнѣ, я обязанъ представить вашему высокопревосходительству нѣкоторыя ближайшія подробности дѣла по закрытію института, которыя, повидимому, ускользнули при рѣшеніи этого вопроса учебнымъ начальствомъ.

«Институтъ имѣетъ огромный, прекрасный, отдѣланный домъ, и, кромѣ текущихъ приходовъ на его содержаніе, имѣетъ особый капиталъ 60.000 р. сер. въ билетахъ 4% непрерывнаго дохода. Я совершенно согласенъ, что поступленіе слѣдующихъ съ дворянскихъ имѣній платежей на содержаніе института въ настоящемъ году нѣсколько пріостановилось, но это сдѣлалось потому, что бо̀льшая часть дворянскихъ имѣній въ Пензинской губерніи пошла на выкупъ и не всѣ операціи по оному кончены, между тѣмъ до окончательнаго рѣшенія сихъ операцій всѣ взысканія по недоимкамъ въ платежахъ, согласно распоряженію правительства, были пріостановлены, но въ настоящее время, по сдѣланнымъ мною, далеко прежде закрытія института, распоряженіямъ, означенные платежи начали уже поступать, и съ значительнымъ успѣхомъ.

«Таково было положеніе института въ началѣ и въ срединѣ этого года. Ясно было, что институтъ затрудняется въ деньгахъ, но ясно было и то, что затрудненіе это временное и для отклоненія онаго институтъ имѣетъ въ своихъ рукахъ весьма достаточныя средства въ наличномъ капиталѣ.

«Изъ этого положенія института министерство народнаго просвѣщенія, при соображеніи вопроса о закрытіи онаго, какъ видно изъ хода дѣла, приняло во вниманіе только первую его категорію, то есть, затруднительность института въ платежахъ, и конечно, судя съ точки зрѣнія, что институтъ, не получающій въ свое время полныхъ платежей, существовать не можетъ и долженъ быть закрытъ, докладъ г. министра народнаго просвѣщенія, по которому послѣдовало высочайшее повелѣніе о закрытіи института, имѣетъ нѣкоторое основаніе. Но если вопросъ этотъ разсматривать съ надлежащей, раціональной точки, если принять въ уваженіе, какъ бы слѣдовало, съ одной стороны ту будущность, которая ожидаетъ воспитанниковъ института изъ самыхъ бѣднѣйшихъ семействъ, лишенныхъ возможности кончить ученіе,—ибо эти семейства рѣшительно не въ состояніи содержать дѣтей своихъ на свой счетъ въ губернскомъ городѣ,—а съ другой стороны значительный капиталъ института въ 60.000 рублей, хранящійся въ билетахъ, то невольно возникаетъ вопросъ: не ближе ли было бы, въ уваженіе переход-

наго состоянія дворянскихъ имѣній по операціи выкуповъ, вмѣсто совершившагося закрытія института, такъ огорчившаго чувства пензинскаго дворянства, часть этого капитала употребить на поддержаніе заведенія, впредь до пополненія взносовъ, слѣдующихъ на институтъ съ дворянскихъ имѣній?

«При такомъ взглядѣ на дѣло это, министерству народнаго просвѣщенія осталось бы рѣшить одинъ только и самый ничтожный вопросъ,—откуда взять заимообразно нужную для института наличную сумму на часть билетовъ его капитала? Должно полагать, что разрѣшеніе этого вопроса представлялось министерству столь затруднительнымъ, что оно рѣшилось скорѣе уничтожить вовсе учебное заведеніе, нежели поспѣшить ему на помощь ходатайствомъ о выдачѣ институту заимообразно, подъ залогъ его билетовъ, ничтожную сумму—какихъ нибудь 10.000 рублей на извѣстный и самый короткій срокъ.

«И вотъ, вслѣдствіе этой ничѣмъ необъяснимой поспѣшности министерства народнаго просвѣщенія въ составленіи и представленіи доклада объ уничтоженіи института, столь полезнаго для пензинскаго дворянства, это заведеніе, въ которомъ содержались и учились на счетъ дворянства 41 воспитанникъ, имѣющее свой собственный огромный капиталъ, закрылось единственно потому, что текущіе платежи, по случаю переходнаго состоянія дворянскихъ имѣній, нѣсколько пріостановились.

«Я счелъ своею обязанностію прямодушно довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства. Нераціональныя дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія въ этомъ дѣлѣ бросили темное пятно на все пензинское дворянское сословіе; мы это чувствуемъ, но чувствуемъ также и то, что мы ни почему не заслужили этого пятна, и что если уже оно должно лечь на кого-либо, такъ это на самое министерство народнаго просвѣщенія, которое такъ поспѣшно распорядилось закрытіемъ дворянскаго учебнаго заведенія по поводу будто бы критическаго положенія его дѣлъ, когда въ рукахъ того же министерства находится огромный капиталъ, принадлежащій институту.

«Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство содержаніе этого письма повергнуть къ стопамъ его императорскаго величества. Мы признаёмъ это необходимымъ, ибо желаемъ истины въ этомъ дѣлѣ, и сердцу нашему больно, что всемилостивѣйшій государь нашъ могъ хотя на одно мгновеніе усумниться въ усердіи пензинскаго дворянства въ исполненіи дѣла, на его обязанности лежащаго.

«Къ сему имѣю честь присовокупить, что, входя въ объясненное выше положеніе тѣхъ дворянскихъ семей, дѣти которыхъ воспитывались въ закрытомъ нынѣ институтѣ на суммы дворянства, я распорядился, впредь до рѣшенія, на предстоящемъ губернскомъ

съѣздѣ гг. дворянъ, 10-го сего декабря, вопроса о соединеніи института съ гимназіею, о частномъ содержаніи всѣхъ дворянскихъ воспитанниковъ попрежнему на поступающія въ пополненіе недоимки по сбору пожертвованій суммы съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее ученіе они продолжали въ классахъ гимназіи, помѣщенныхъ въ домѣ института. Имѣю честь испрашивать у вашего высокопревосходительства утвержденія этого распоряженія».

Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ письмо генералъ-лейтенанта Арапова къ министру народнаго просвѣщенія, который, отвѣчая 25-го сентября, приложилъ къ своему отвѣту записку съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, повлекшихъ за собою закрытіе пензинскаго дворянскаго иститута. Изъ письма министра народнаго просвѣщенія видно, что на это закрытіе, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, соотвѣтственно предшествовавшей между ними перепискѣ, послѣдовало высочайшее соизволеніе, и что онъ, министръ народнаго просвѣщенія, не встрѣчаетъ препятствія къ представленію на воззрѣніе государя императора письма г. Арапова, которому онъ препроводилъ копіи не только со своего отвѣта, отъ 25-го сентября, но и съ объяснительной записки по дѣлу пензинскаго дворянскаго института. Содержаніе этой записки слѣдующее:

«О недостаткѣ денежныхъ средствъ пензинскаго дворянскаго института и о необходимости увеличить содержаніе служащихъ при немъ до уровня штатовъ гимназій впервые заявилъ еще въ 1859 году ревизовавшій Пензинскую губернію г. сенаторъ Сафоновъ [1]), который, однако, тогда уже предвидѣлъ, что при готовившемся въ то время измѣненіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, трудно ожидать дѣйствительныхъ новыхъ пожертвованій со стороны дворянства въ пользу института; при отсутствіи же такихъ пожертвованій, тайный совѣтникъ Сафоновъ предвѣщалъ институту неизбѣжный упадокъ.

«Сознавая справедливость замѣчаній сенатора Сафонова, министерство народнаго просвѣщенія тогда же предложило пензинскому дворянству обратить институтъ въ гимназическій пансіонъ, чѣмъ онъ и былъ до 1843 года. Дворянство не приняло этого предложенія, пожелавъ сохранить для своего сословія отдѣльное учебное заведеніе, и на выборахъ 1860 года постановило ассигновать къ до-

[1]) Онъ былъ назначенъ для ревизіи управленія тайнаго совѣтника Панчулидзева, болѣе двадцати шести лѣтъ хозяйничавшаго въ Пензинской губерніи. Дворяне-помѣщики ея отличались тѣмъ, что жили въ большинствѣ въ своихъ имѣніяхъ, на зиму собирались въ Пензу, представляли довольно единодушную массу и поддерживали губернатора Панчулидзева, мирволившаго имъ съ своей стороны. Въ этомъ отношеніи Пензинская губернія характерно отличалась отъ другихъ губерній. Ревизія заставила г. Панчулидзева выйти въ отставку.

П. У.

полнительному отпуску на институтъ, для увеличенія содержанія его чиновниковъ, до 8.500 руб. сер. въ годъ. Такое постановленіе дало учебному вѣдомству право надѣяться, что пензинское дворянство, несмотря на крестьянскую реформу, имѣетъ и желаніе и возможность поддержать учрежденное имъ учебное заведеніе. Министерство народнаго просвѣщенія поспѣшило съ своей стороны содѣйствовать исполненію этого желанія: согласилось на предоставленіе дворянамъ, въ лицѣ ихъ представителей — губернскаго предводителя и почетнаго попечителя, права непосредственнаго завѣдыванія всѣмъ имуществомъ института, и дало этимъ лицамъ значительную долю вліянія какъ на управленіе симъ заведеніемъ, такъ и на служащихъ при немъ, а для бо́льшаго увеличенія денежныхъ средствъ института допустило пріемъ въ оный полу-пансіонеровъ и приходящихъ учениковъ.

«Исполнило ли дворянство принятую на себя добровольно обязанность, показываютъ слѣдующія цифры: въ первый же годъ (1861 г.) послѣ приведеннаго постановленія, недоимка за дворянами возвысилась до 11.322 р. 76 к.; въ 1862 году, вмѣсто слѣдовавшихъ 21.131 р. 93 к., за вычетомъ прежней недоимки, поступило только 878 р. 24 к., такъ что къ 1-му января 1863 г. недоимка составляла уже 20.253 р. 69 к. с. Вотъ цифры, которыя генералъ-лейтенантъ Араповъ, въ отзывѣ своемъ, весьма снисходительно называетъ «временно нѣсколько пріостановленнымъ взносомъ полныхъ платежей». Изъ этихъ цифръ видно, какую крайнюю нужду въ деньгахъ долженъ былъ претерпѣвать пензинскій институтъ; онъ изворачивался всѣми возможными способами: обращалъ на свои потребности суммы, то переходящія, то экономическія, останавливалъ своевременную выдачу жалованья чиновникамъ и преподавателямъ, забиралъ въ долгъ припасы, и такимъ образомъ къ 1-му января текущаго года состоялъ уже должнымъ 9.676 р. 57 коп. Естественно, что преподаватели, не получая въ срокъ жалованья, которое притомъ было гораздо меньше производящагося въ гимназіяхъ (постановленіе о прибавкѣ имъ содержанія осталось только на бумагѣ), старались найти для себя другое мѣсто службы, и въ институтѣ по нѣкоторымъ предметамъ или вовсе не было учителей, или они безпрестанно перемѣнялись. И то и другое не могло не оказать вреднаго вліянія на ходъ преподаванія.

«Сами гг. дворяне сознали, наконецъ, невозможность оставленія пензинскаго института въ такомъ положеніи, и, по выраженному многими изъ нихъ желанію, г. губернскій предводитель обратился къ учебному вѣдомству съ просьбою о соединеніи института съ пензинскою гимназіею съ условіемъ, чтобы дворянству предоставлено было право приступить къ обсужденію вопроса о преобразованіи института, такъ какъ «настоящій порядокъ грозитъ ему неминуемымъ закрытіемъ». Такое совершенно правильное убѣжде-

ніе налагало на г. предводителя прямую обязанность принять самыя энергическія мѣры, чтобы поддержать институтъ, по крайней мѣрѣ, до рѣшенія вопроса о его преобразованіи. Вмѣсто этого, г. генералъ-лейтенантъ Араповъ далъ дѣлу формальный и притомъ болѣе чѣмъ медленный ходъ, ограничиваясь на самыя настоятельныя требованія учебнаго начальства оффиціальными увѣдомленіями, что имъ сдѣланы распоряженія къ скорѣйшему пополненію недоимокъ. Г. губернскій предводитель зналъ, однако, что эти распоряженія оставались безъ всякаго результата.

«Вотъ подробности дѣла объ институтѣ въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ переписка по министерству народнаго просвѣщенія. Въ декабрѣ 1862 года, г. Араповъ обратился въ министерство чрезъ тайнаго совѣтника Постельса и къ начальству казанскаго учебнаго округа съ вышеизъясненнымъ предложеніемъ о соединеніи пензинскаго института съ тамошнею гимназіею; начальство округа немедленно сообщило г. Арапову основанія, на коихъ можетъ быть принято это предложеніе; 23-го февраля, г. губернскій предводитель отозвался, что онъ предложилъ уѣзднымъ предводителямъ доставить ихъ мнѣнія по сему предмету. Въ то же время директоръ института сообщилъ г. Арапову о неимѣніи суммы для раздачи жалованья. На это отъ г. предводителя отвѣта не послѣдовало, и только г. начальникъ губерніи обязательно предложилъ директору для нѣкотораго хотя удовлетворенія служащихъ взаймы изъ собственныхъ денегъ 1.200 рублей. Въ мартѣ начальство округа препроводило къ г. предводителю донесеніе директора о безвыходномъ положеніи института и неизбѣжности роспуска учениковъ и служителей по невозможности кормить ихъ.

«Генералъ-лейтенантъ Араповъ отвѣчалъ, что, до полученія отъ уѣздныхъ предводителей отзывовъ по предположенію о соединеніи института съ гимназіею, онъ затрудняется сказать, въ какой степени возможно приступить къ предварительнымъ приготовленіямъ для осуществленія этой мѣры, хотя и не сомнѣвается, что, по неизбѣжности оной, дворяне на губернскомъ съѣздѣ будутъ объ этомъ ходатайствовать. Относительно же пополненія недоимокъ г. Араповъ сообщилъ о принятыхъ имъ «самыхъ дѣятельныхъ мѣрахъ», выражая въ то же время сожалѣніе, что «успѣхъ ихъ незначителенъ». Успѣхъ дѣйствительно былъ «незначителенъ»: въ счетъ дворянскихъ платежей втеченіе цѣлаго года институтъ не получилъ ни копѣйки, такъ что къ 1-му іюня у него было наличными 150 руб., вмѣсто 1.300 р., необходимыхъ на жалованье служащимъ за предшествовавшій мѣсяцъ, не говоря объ издержкахъ на содержаніе воспитанниковъ, удовлетворить которыя не было рѣшительно никакой возможности. Чтобы помочь хотя сколько нибудь институту, г. управляющій округомъ, 17-го іюня, отнесся къ г. предводителю о размѣнѣ на время одного изъ билетовъ (въ 10.000 р.)

основнаго капитала института. На это отношеніе, несмотря на все его жизненное значеніе для института, генералъ-лейтенантъ Араповъ отвѣта не далъ.

«Не получая отвѣта и не считая себя въ правѣ распоряжаться основнымъ капиталомъ института, собраннымъ изъ процентовъ для содержанія дворянскихъ воспитанниковъ, но въ то же время не предвидя никакой возможности безъ денегъ возобновить въ институтѣ учебный курсъ 1863—1864 годовъ, долженствовавшій начаться въ первыхъ числахъ августа, начальство казанскаго учебнаго округа въ половинѣ іюля (слѣдовательно, прождавъ отвѣта г. предводителя цѣлый мѣсяцъ) по необходимости приступило къ обсужденію мѣръ, которыя можно было бы принять для спасенія института безъ согласія дворянства, выказавшаго къ пользамъ учрежденнаго имъ заведенія явное и непонятное равнодушіе. Результатомъ этого обсужденія было временное закрытіе пензинскаго института, нынѣ съ высочайшаго соизволенія приведенное въ исполненіе. Министерство народнаго просвѣщенія хотѣло предупредить эту мѣру, и съ этою цѣлью въ іюлѣ просило министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшить вопросъ о соединеніи сказаннаго института съ гимназіею, не дожидаясь общаго съѣзда дворянъ въ частномъ собраніи гг. предводителей. Скоро однако оказалось, что и этого собранія ждать невозможно: касса института, наконецъ, совершенно опустѣла, учители не были удовлетворены жалованьемъ не только за іюль, но даже и за половину іюня; торговцы отказались поставлять припасы въ долгъ, и пять воспитанниковъ, оставшіеся въ институтѣ во время каникулъ, содержались единственно кредитомъ директора института. Можно ли было допустить, при такомъ положеніи дѣлъ института, возобновленія его курса, и справедливо ли было требовать отъ учителей исполненія ихъ обязанностей при рѣшительной невозможности удовлетворить ихъ жалованьемъ?

«Г. Араповъ считаетъ мѣру закрытія преждевременною и упрекаетъ учебное вѣдомство въ томъ, что оно не распорядилось для сохраненія института его основнымъ капиталомъ въ 60.000 рублей. или не дало ему въ заемъ на извѣстный срокъ «ничтожной суммы— какихъ нибудь» 10.000 рублей. Почему же г. предводитель не далъ никакого отвѣта о размѣнѣ билета на эти «какія нибудь» 10.000 руб., или почему не поспѣшалъ онъ взыскать эту «ничтожную сумму» съ дворянъ? Вѣдь г. Араповъ сознается же, что они могли ее внести, если въ отношеніи своемъ, отъ 1-го августа, № 452, къ г. управляющему казанскимъ учебнымъ округомъ пишетъ, что «начало неисправному взносу денегъ на содержаніе института положило министерство финансовъ, отдѣливъ этотъ сборъ отъ другихъ платежей, поступающихъ съ дворянъ въ казну». Слѣдовательно, при болѣе дѣйствительныхъ принудительныхъ мѣрахъ, сборъ на институтъ былъ бы уплаченъ подобно сборамъ казеннымъ. Отчего же не были приняты эти мѣры?

«Что касается до капитала въ 60.000 рублей, то распорядиться имъ, безъ согласія дворянства, министерство права не имѣло, да и не находило это полезнымъ: капиталъ сей есть основной фондъ института, предназначенный для содержанія изъ процентовъ дворянскихъ воспитанниковъ. Учебному вѣдомству предстоялъ выборъ только изъ тѣхъ мѣръ, принять которыя оно могло, не ожидая согласія дворянъ, и оно предпочло ту мѣру, которая сохраняла неприкосновеннымъ фондъ института и давала ему возможность уплатить свои долги, ибо, съ прекращеніемъ въ немъ преподаванія, содержаніе остающихся воспитанниковъ не будетъ превышать 2.000 руб., такъ что, при приходѣ, подобно минувшему учебному году, 10.600 руб., институтъ будетъ въ состояніи обратить на уплату долга 8.600 руб.

«Такимъ образомъ, временное закрытіе института, выводя его изъ самыхъ жалкихъ финансовыхъ обстоятельствъ, упрочиваетъ матеріальное его положеніе и облегчаетъ испрашиваемое дворянствомъ соединеніе института съ гимназіею. Мѣра эта представляется лишь распоряженіемъ, подготовляющимъ предположенное преобразованіе института, и потому не можетъ быть названа ни «неожиданною», ни «глубоко потрясающею чувства пензинскаго дворянства», какъ пишетъ г. Араповъ. Закрытіе института не только не лишило дворянскихъ воспитанниковъ способовъ къ образованію, а напротивъ того, сохранило въ цѣлости капиталъ, изъ процентовъ котораго эти воспитанники содержатся. Для ученія имъ открыта гимназія, а учебное начальство съ своей стороны всегда готово оказать содѣйствіе къ помѣщенію тѣхъ воспитанниковъ, если только дворянство приметъ на себя заботы о ихъ содержаніи.

«Изъ всего вышеизложеннаго ясно обнаруживается, какъ медленно и осторожно дѣйствовало въ предлежащемъ дѣлѣ учебное вѣдомство; къ сохраненію института оно исчерпало всевозможныя и доступныя средства, но, къ сожалѣнію, не могло достигнуть желаемаго успѣха при полномъ равнодушіи къ этому дѣлу пензинскаго дворянства и при весьма слабомъ содѣйствіи со стороны его губернскаго предводителя; вынужденное, наконецъ, прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе рѣшительной, учебное вѣдомство озаботилось избрать такую мѣру, которая не только не противорѣчила видамъ дворянства, но, напротивъ того, содѣйствовала къ легчайшему осуществленію предположеннаго имъ соединенія института съ пензинскою гимназіею».

Это дѣло о закрытіи въ 1863 году пензинскаго дворянскаго института, изложенное въ истинномъ его видѣ, свидѣтельствуетъ о томъ безъисходномъ финансовомъ затрудненіи, въ которомъ очутились дворяне-землевладѣльцы послѣ реформы 1861 года даже въ такой богатой губерніи, какова была тогда Пензинская. Г. Араповъ желалъ было сохранить наружный декорумъ пензинскаго дворянства, но неумолимая дѣйствительность безпощадно ра-

зорвала эту обстановку и обнаружила факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

XXXVIII.

О порядкѣ публикованія финансовыхъ смѣтъ разныхъ министерствъ.

Начало опубликованія государственныхъ росписей естественно вызвало вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ подробностяхъ онѣ должны поступать во всеобщее свѣдѣніе. По этимъ подробностямъ сдѣланы были запросы министрамъ и главноначальствующимъ разныхъ управленій. Но въ моихъ бумагахъ оказался только слѣдующій отвѣтъ, данный по этому дѣлу министромъ народнаго просвѣщенія государственному секретарю, 1-го іюня 1863 года: «Ваше превосходительство, въ отношеніи отъ 9-го мая, на основаніи высочайше утвержденнаго положенія государственнаго совѣта, изволите спрашивать моего заключенія по возбужденному въ государственномъ совѣтѣ вопросу о томъ: въ какомъ пространствѣ и въ какомъ порядкѣ могутъ быть публикуемы на будущее время финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій. Признавая, что государственная роспись должна быть обнародована на точномъ основаніи статьи 29 высочайше утвержденныхъ 22-го мая 1862 года правилъ, государственный совѣтъ остановился только на вопросѣ о распубликованіи собственно смѣтъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, по неопредѣленію закономъ точныхъ правилъ о томъ, въ какомъ пространствѣ и въ какомъ порядкѣ должны быть публикуемы означенныя смѣты.

«Смѣта министерства народнаго просвѣщенія не заключаетъ въ себѣ никакихъ расходовъ, обнародованіе коихъ могло бы быть признано въ чемъ либо неудобнымъ. Удовлетворяя потребностямъ центральнаго управленія, ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, смѣта министерства народнаго просвѣщенія, по самой цѣли учрежденія министерства распространять образованіе въ народѣ, должна знакомить общество съ способомъ удовлетворенія его потребностей въ дѣлѣ образованія. Потребности эти столь разнообразны, что министерство народнаго просвѣщенія по необходимости должно имѣть указанія на оныя самого общества, которое съ своей стороны можетъ и будетъ оказывать свое содѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если ему будетъ дана возможность знакомиться съ способомъ распредѣленія предоставляемыхъ министерству суммъ, для чего и желательно публиковать смѣту сего министерства во всѣхъ ея подробностяхъ, сколь возможно своевременнѣе, и печатая оную какъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», такъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, а также допуская въ продажу въ отдѣльныхъ

экземплярахъ со всѣми объясненіями, которыя министерство признаетъ нужными. Сверхъ того, я признаю крайне неудобнымъ и даже вреднымъ необнародованіе подробной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, коль скоро публикуется государственная роспись, ибо краткое означеніе въ сей послѣдней суммъ, назначаемыхъ министерству народнаго просвѣщенія, можетъ дать поводъ къ многимъ неосновательнымъ заключеніямъ, чему уже были примѣры. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагалъ бы публиковать на будущее время смѣту министерства народнаго просвѣщенія въ полномъ ея объемѣ въ томъ видѣ, какъ она будетъ утверждена, по разсмотрѣніи оной государственнымъ совѣтомъ».

Эта переписка относилась до государственной росписи на 1864 годъ. Замѣчательно, что она утверждена была не ранѣе 4-го мая 1864 года и опубликована только въ этомъ мѣсяцѣ. Зато роспись на 1865 годъ была уже утверждена 17-го декабря 1864 года и опубликована 30-го декабря того же года въ «Сѣверной Почтѣ», газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Подобнаго ранняго утвержденія бюджета, сколько помнится, болѣе затѣмъ уже не бывало.

XXXIX.

Къ исторіи нашихъ университетовъ 1862 и 1863 годовъ.

19-го мая 1862 года, министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующее сообщеніе: «Главный начальникъ III-го Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи сообщаетъ мнѣ, что въ № 40 «Московскихъ Вѣдомостей», въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ другихъ газетахъ помѣщены статьи объ учреждаемомъ въ Москвѣ обществѣ для вспомоществованія нуждающимся молодымъ людямъ доставленіемъ имъ частныхъ уроковъ и другихъ занятій, и что на учрежденіе подобнаго общества мѣстнымъ начальствомъ никому разрѣшенія даваемо не было. Увѣдомляя о семъ ваше превосходительство, имѣю честь покорнѣйше просить васъ почтить меня сообщеніемъ вашего заключенія о томъ, изволите ли признать удобнымъ допущеніе въ печати подобныхъ статей о такихъ обществахъ, учрежденіе которыхъ только предположено, но не утверждено еще».

Министръ народнаго просвѣщенія, 23-го мая, отвѣчалъ на это сообщеніе: «На отношеніе вашего превосходительства, отъ 19-го мая, имѣю честь увѣдомить, что въ п. VIII высочайше утвержденныхъ 12-го сего мѣсяца временныхъ правилъ для руководства цензурнымъ комитетамъ и отдѣльнымъ цензорамъ, воспрещено распубликованіе по однимъ слухамъ «предполагаемыхъ будто бы правительственныхъ мѣръ», пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ,

но ничего не сказано, ни въ самыхъ правилахъ, ни въ приложеніяхъ къ онымъ, о недозволеніи печатать статей касательно предположеній частныхъ лицъ объ учрежденіи разныхъ обществъ, хотя бы общества сіи не были утверждены правительствомъ, и вообще о разныхъ предполагаемыхъ частными лицами предпріятіяхъ. По моему мнѣнію и не слѣдуетъ запрещать подобныхъ статей, если цѣль предполагаемыхъ обществъ и предпріятій не имѣетъ сама по себѣ ничего предосудительнаго и вреднаго, такъ какъ многостороннее обсужденіе такихъ предпріятій частныхъ лицъ въ журналахъ и газетахъ можетъ имѣть только хорошее вліяніе на предположенное учрежденіе и возбуждаемая критика оныхъ можетъ предохранить неопытныхъ и легковѣрныхъ отъ участія въ предпріятіи, которое не имѣетъ твердаго основанія. Весьма вѣроятно, что если бы въ прежнее время допускалось въ печати свободное обсужденіе таковыхъ предположеній частныхъ лицъ, то вовсе не состоялись бы нѣкоторыя акціонерныя общества, въ которыхъ многія семейства потеряли свои капиталы».

Въ 1863 году, ровно черезъ годъ, между обоими министерствами произошла новая переписка по однородному вопросу, т. е. касавшемуся молодыхъ людей—студентовъ. Такъ, министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 21-го мая: «Вслѣдствіе настоятельнаго требованія вашего превосходительства, изложеннаго въ письмѣ отъ 16-го мая, я готовъ предложить гг. попечителямъ с.-петербургскому, московскому, дерптскому, казанскому, харьковскому и кіевскому, если вы изволите признать это совершенно необходимымъ, сдѣлать распоряженіе, чтобы въ нынѣшнемъ году: 1) управленія университетовъ, выдавая студентамъ свидѣтельства при увольненіи въ отпускъ на вакантное время, означали въ этихъ свидѣтельствахъ съ точностью тѣ мѣста, куда именно увольняемый намѣренъ ѣхать, и притомъ обращали вниманіе студентовъ на ст. 327 т. XIV уст. о паспорт., которою возлагается обязанность всѣмъ отлучающимся, по установленнымъ билетамъ, изъ одной губерніи въ другую, по прибытіи на мѣсто отпуска, предъявлять оные въ городахъ—городничимъ или городскимъ полиціямъ, а въ усадьбахъ земской или волостной или сельской полиціямъ. 2) Если университетскимъ начальствамъ сдѣлается извѣстно, что нѣкоторые студенты намѣрены провести каникулярное время въ путешествіяхъ по разнымъ губерніямъ съ учеными цѣлями, то о таковыхъ молодыхъ людяхъ доставлять прямо изъ университетовъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія подробные списки (которые изъ департамента будутъ неотлагательно передаваться въ министерство внутреннихъ дѣлъ), съ обозначеніемъ цѣли путешествія и мѣстъ, которыя студенты желали бы посѣтить, и, въ 3-хъ, чтобы канцеляріи университетовъ сообщали общіе списки студентамъ, уволеннымъ въ отпускъ, съ озна-

ченіемъ, куда именно каждый изъ нихъ уволенъ, министерству внутреннихъ дѣлъ.

«Ожидая по сему предмету вашего отзыва, считаю нужнымъ объяснить, что съ своей стороны я признавалъ бы помянутыя распоряженія совершенно безполезными, крайне отяготительными и въ нѣкоторомъ отношеніи даже вредными, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Многіе студенты, получивъ отпускъ въ одну губернію, часто, по разнымъ причинамъ, отправляются въ совсѣмъ другую, или же вовсе не пользуются отпускомъ, оставаясь въ университетскомъ городѣ или его окрестностяхъ, а также поступая на кондиціи въ частные дома для уроковъ, о чемъ университетское начальство и не знаетъ; почему выдача увольнительнаго билета вовсе не составляетъ доказательства, что студентъ непремѣнно поѣдетъ въ указанное въ билетѣ мѣсто, а показываетъ только, что университетъ, по своимъ дѣламъ, не нашелъ препятствія къ увольненію такого студента. 2) Указаніе студентамъ на ст. 327 устава о паспорт. не внушитъ имъ уваженія къ закону, такъ какъ имъ очень хорошо извѣстно, что постановленіе, заключающееся въ этой статьѣ, относительно земскихъ волостныхъ и сельскихъ полицій, вовсе не исполняется. 3) Университетское начальство, не имѣя обязанности слѣдить за частною жизнью студентовъ и дѣйствіями ихъ внѣ университета, можетъ знать только случайно о намѣреніи нѣкоторыхъ изъ нихъ провести каникулярное время въ путешествіяхъ съ ученою цѣлью, а потому и не въ состояніи доставить министерству внутреннихъ дѣлъ по сему предмету сколько нибудь вѣрныя и ясныя свѣдѣнія. 4) Канцеляріи университетовъ, по крайней ограниченности своихъ способовъ, положительно не могутъ немедленно увѣдомлять о каждомъ увольняемомъ студентѣ начальника той губерніи, куда студентъ увольняется; присылка же общихъ списковъ о такихъ студентахъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ совершенно безполезна, ибо на основаніи этихъ списковъ министерство никогда не успѣетъ предварительно своевременно увѣдомить полицейское начальство каждой мѣстности о студентѣ, который намѣренъ въ эту мѣстность отправиться, и подобныя извѣщенія придутъ, весьма вѣроятно, на мѣсто только по окончаніи каникулъ. Вообще **нѣтъ никакой возможности, посредствомъ канцелярской переписки, услѣдить за передвиженіями на всемъ пространствѣ имперіи, втеченіе нѣсколькихъ недѣль, нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ людей.** 5) Какъ скоро студенты узнаютъ, что правительство для надзора за ними принимаетъ чрезвычайныя и небывалыя въ прежнее время мѣры, то, по свойственному молодымъ людямъ увлеченію и неопытности, они составятъ себѣ о своемъ собственномъ значеніи въ государствѣ совершенно ложное убѣжденіе, а предписанія, данныя полицейскимъ властямъ, о наблюденіи за каждымъ передвиженіемъ этихъ молодыхъ людей,

подастъ неминуемо поводъ къ столкновеніямъ ихъ съ полиціями; то и другое я не могу не признать весьма вреднымъ. Къ сему имѣю честь присовокупить, что въ настоящемъ случаѣ еще яснѣе выставляется признанная уже въ истинно-образованныхъ государствахъ, гдѣ сильная полиція устроена на здравыхъ началахъ, вся несостоятельность паспортной системы, которая служитъ только стѣсненіемъ для людей благонамѣренныхъ и никогда еще не препятствовала злоумышленникамъ въ исполненіи ихъ намѣреній, а между тѣмъ отвлекаетъ мѣстныя полицейскія власти отъ прямой ихъ обязанности—наблюденія и преслѣдованія людей злонамѣренныхъ, и заставляетъ полицейскихъ чиновниковъ вмѣсто того употреблять бо́льшую часть времени на трудъ совершенно безполезный.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ на это сообщеніе слѣдующимъ образомъ, 29-го мая: «Приношу искреннюю благодарность вашему превосходительству за сообщеніе мнѣ подробныхъ соображеній на счетъ увольненія университетскихъ студентовъ на предстоящее каникулярное время и за готовность вашу, милостивый государь, предложить гг. попечителямъ университетовъ принять къ руководству при отпускѣ студентовъ правила, постановленныя въ уставѣ о паспортахъ. Къ этому нелишнимъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ тѣмъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы начальники губерній озаботились направленіемъ дѣйствій подвѣдомственныхъ имъ городскихъ и сельскихъ полицій къ неослабному надзору за исполненіемъ студентами существующихъ узаконеній относительно отлучекъ изъ одной мѣстности въ другую».

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія къ попечителямъ учебныхъ округовъ, разосланномъ 1-го іюня, вслѣдствіе означенной переписки, было сказано: «По особеннымъ обстоятельствамъ нынѣшняго года, министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ имѣть свѣдѣнія о тѣхъ студентахъ императорскихъ университетовъ, которые будутъ увольняемы въ губерніи на вакаціонное время. Вслѣдствіе сего, исполняя указаніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, я прошу сдѣлать по ввѣренному вамъ университету на 1863 годъ распоряженіе» (слѣдуютъ правила, изложенныя выше въ отношеніи, отъ 21-го мая). Въ заключеніе циркуляра было сообщено: «Если университетскому начальству сдѣлается извѣстно, что нѣкоторые студенты, заслуживающіе вообще одобрительнаго отзыва, намѣрены провести каникулярное время въ путешествіяхъ по разнымъ губерніямъ съ учеными цѣлями, то о таковыхъ молодыхъ людяхъ доставлять прямо изъ университета въ департаментъ народнаго просвѣщенія подробные списки съ обозначеніемъ цѣли путешествія и мѣстъ, которыя студенты желали бы посѣтить. Въ такомъ случаѣ министерство народнаго просвѣщенія могло бы облегчить имъ полезное предпріятіе, поручивъ ихъ особенному покровительству начальниковъ губерній».

Въ концѣ 1863 года, возникла новая переписка между двумя министерствами по поводу студентовъ. Такъ, отъ 30-го декабря, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія: «начальникъ Харьковской губерніи, вслѣдствіе просьбы, поданной ему студентами-распорядителями [1]) учрежденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ студенческой кассы харьковскаго университета, заключающейся въ капиталѣ болѣе 2.000 р. и имѣющей въ наличности за раздачею до 800 рублей, испрашиваетъ разрѣшенія на утвержденіе приложеннаго при помянутой просьбѣ проекта правилъ сей кассы [2]). При соображеніи этого предположенія съ § 100 и 103 университетскаго устава 1863 года и съ правилами для студентовъ с.-петербургскаго университета, составленными совѣтомъ онаго и утвержденными попечителемъ, оказывается, что въ зданіяхъ университета не допускаются никакія постороннія университету учрежденія, въ томъ числѣ вспомогательныя или ссудныя кассы. Если университетское начальство не признало возможнымъ допустить существованія студентскихъ вспомогательныхъ кассъ въ стѣнахъ университета, то тѣмъ менѣе можетъ быть допущено образованіе такихъ кассъ внѣ университетскихъ зданій. Подобныя учрежденія служили бы къ установленію между ними взаимныхъ обязательствъ и снова повели бы къ студентскимъ ассоціаціямъ; но послѣдствія ассоціацій не замедлили бы обнаружиться и въ его стѣнахъ. Посему, согласно съ мнѣніемъ г. шефа жандармовъ, я полагалъ бы вышеозначенное ходатайство харьковскихъ студентовъ отклонить и принять мѣры къ окончательному прекращенію существованія тамошней студентской кассы, предоставивъ университетскому начальству имѣющіяся въ кассѣ деньги распредѣлить или распредѣлять, по мѣрѣ надобности, между нуждающимися студентами.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что подобныя ходатайства могутъ возникнуть со стороны студентовъ прочихъ университетовъ, я полагалъ бы воспользоваться настоящимъ вопросомъ, возбужденнымъ харьковскими студентами, и воспретить теперь же образованіе студентскихъ вспомогательныхъ кассъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, а тамъ, гдѣ онѣ еще существуютъ, упразднить».

Отвѣтъ министра народнаго просвѣщенія послѣдовалъ, 10-го января 1864 года, въ слѣдующемъ видѣ: «Въ отвѣтъ на отношеніе вашего превосходительства, по поводу просьбы, поданной начальнику Харьковской губерніи студентами харьковскаго университета о дозволеніи имъ учредить въ Харьковѣ вспомогательную кассу для

---

[1]) Студенты: М. Колосовъ, Иванъ Прокоповичъ, Антонинъ Гарцевичъ и Борисъ Якоби.

[2]) Ее предположено было назвать «Вспомогательная касса для недостаточныхъ студентовъ». Цѣль учрежденія вполнѣ соотвѣтствовала этому названію.

бѣдныхъ ихъ товарищей, имѣю честь сообщить слѣдующія соображенія:

«На основаніи прежнихъ уставовъ нашихъ университетовъ, изданныхъ въ 1803, 1804, 1820 и 1825 годахъ, студенты подлежали надзору университетскаго начальства какъ въ зданіяхъ университета, такъ и внѣ ихъ. Этими уставами не запрещались ни студенческія ассоціаціи, ни особенныя студенческія библіотеки, читальни, вспомогательныя и ссудныя кассы, и тому подобныя учрежденія. Въ высочайше утвержденныхъ, 21-го февраля 1834 г., правилахъ для учащихся въ дерптскомъ университетѣ, даже прямо выражено дозволеніе студентамъ соединяться въ частныя отдѣльныя общества, имѣющія цѣлію умственныя занятія и пріятное препровожденіе времени. На этомъ основаніи во многихъ университетахъ существовали вспомогательныя кассы, читальни и библіотеки, которыя основывались съ разрѣшенія университетскаго начальства и находились подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Учрежденія эти приносили извѣстную долю пользы, до тѣхъ поръ пока не отклонялись отъ своего прямаго назначенія.

«Высочайше утвержденнымъ, 18-го іюня 1863 г., университетскимъ уставомъ измѣнено отношеніе университетскаго начальства къ студентамъ. На университетское начальство возложено наблюденіе за студентами только въ зданіяхъ университета; внѣ же этихъ зданій студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи со всѣми мѣстными жителями. Студенческія вспомогательныя кассы и другія учрежденія подобнаго рода новымъ университетскимъ уставомъ не воспрещены, но если они не находятся въ зданіяхъ университета, то, по смыслу § 103 новаго устава, могутъ существовать не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ наблюденіемъ общей городской полиціи, а въ составленныхъ совѣтомъ харьковскаго университета правилахъ для студентовъ сказано, что въ зданіяхъ университета не дозволяется существованіе никакихъ постороннихъ университету учрежденій, не состоящихъ въ завѣдываніи университетскаго начальства, каковы особенныя студенческія библіотеки, читальни, ссудныя кассы и т. п., и что студенты, какъ всѣ вообще жители города, относительно устройства такихъ учрежденій, подлежатъ общимъ законамъ и общимъ полицейскимъ правиламъ. Такимъ образомъ, новый уставъ не имѣлъ въ виду безусловнаго запрещенія вспомогательныхъ кассъ, но и не признавалъ возможнымъ налагать на профессоровъ обязанность наблюденія за оными, предоставляя это собственному ихъ усмотрѣнію, и совѣтъ университета, не желая принимать на себя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ завѣдыванія кассою, какъ такую обязанность, которая слишкомъ отвлекала бы профессоровъ отъ ихъ ученыхъ занятій, не допустилъ учрежденія вспомогательныхъ кассъ въ университетѣ. Рѣшеніе это, вполнѣ правильное и весьма

полезное въ настоящее время, не исключаетъ, однако, возможности въ будущемъ допустить въ университетѣ учрежденіе вспомогательной кассы, если бы университетское начальство приняло оную въ свое завѣдываніе и если бы попечитель учебнаго округа на это согласился.

«Рѣшеніе вопроса о томъ, можетъ ли въ настоящее время начальство Харьковской губерніи дозволить студентамъ образовать вспомогательную кассу на основаніи представленнаго ими проекта, зависитъ отъ административныхъ и полицейскихъ соображеній и отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя вашему превосходительству и начальству Харьковской губерніи извѣстны ближе, чѣмъ мнѣ, и потому я не могу ни настаивать на дозволеніи кассы, ни возражать противъ запрещенія оной, но я нахожу положительно невозможнымъ предоставить начальству харьковскаго университета распоряжаться оставшимися отъ бывшей студенческой кассы деньгами, ибо это было бы съ одной стороны нарушеніемъ правъ собственности, а съ другой—это несогласно съ правилами для студентовъ, изданными совѣтомъ харьковскаго университета, въ которыхъ сказано, что университетское начальство не имѣетъ никакого отношенія къ несостоящимъ въ его завѣдываніи ссуднымъ кассамъ, библіотекамъ и т. п. (§ 23, п. 8).

«Наконецъ, что касается мысли воспользоваться настоящимъ вопросомъ, возбужденнымъ харьковскими студентами, чтобы воспретить теперь же образованіе вспомогательныхъ студенческихъ кассъ и во всѣхъ другихъ университетскихъ городахъ, то я не думаю, чтобъ эта мѣра была справедлива и полезна. Если по существующимъ постановленіямъ учрежденіе такихъ кассъ дозволяется чиновникамъ, купцамъ и ремесленникамъ, то почему же оно должно быть безусловно запрещено студентамъ, которые не менѣе другихъ лицъ въ нихъ нуждаются? Студенческія вспомогательныя кассы сами по себѣ не только не вредны, но несомнѣнно полезны, если только не отклоняются отъ прямой своей цѣли. Вредъ происходитъ не отъ кассъ, а отъ употребленія ихъ во зло. Ваше превосходительство находите, что вспомогательная касса можетъ снова повести къ студенческимъ ассоціаціямъ,—но подобныхъ ассоціацій избѣжать невозможно. Тамъ, гдѣ находятся въ одномъ мѣстѣ нѣсколько сотъ молодыхъ людей одинаковаго возраста, преданныхъ одинаковымъ занятіямъ и ведущихъ одинаковый образъ жизни, необходимо является между ними нѣкоторая общность интересовъ и убѣжденій и образуются болѣе или менѣе тѣсные кружки или ассоціаціи. Запрещеніе ассоціацій и всего, что служитъ къ нимъ поводомъ, не можетъ ихъ устранить. Слѣдствіемъ запрещеній большею частію бываетъ то, что ассоціаціи изъ явныхъ, открытыхъ для контроля общественнаго мнѣнія и доступныхъ надзору и наблюденію полицейскихъ властей, превращаются въ тайныя, пріобрѣтаютъ чрезъ

это особую привлекательную силу для молодыхъ людей и, благодаря окружающему ихъ мраку, могутъ безпрепятственно развиваться въ предосудительномъ и даже преступномъ направленіи. Все желаніе администраціи должно стремиться къ тому, чтобы не было тайныхъ ассоціацій и кружковъ, а для сего единственно вѣрнымъ средствомъ служитъ явная, гласная организація оныхъ и подчиненіе законному надзору. Примѣръ германскихъ университетовъ показываетъ, что между тамошними студентами наиболѣе вредныя общества существовали именно тогда, когда всякія студенческія ассоціаціи были запрещены; они исчезли сами собою съ тѣхъ поръ, какъ запрещеніе было снято. Подобные примѣры можно найти и въ исторіи нашихъ университетовъ: въ бывшемъ виленскомъ университетѣ образовалось съ вѣдома ректора и профессоровъ, въ 1818 г., общество (лучезарныхъ), имѣвшее благотворительную цѣль исправлять нравственно-испорченныхъ товарищей; когда это общество было запрещено, въ 1821 году, то вмѣсто его образовалось другое, тайное общество (филаретовъ), но уже съ сильнымъ національнымъ и, можетъ быть, политическимъ оттѣнкомъ».

Въ ноябрѣ 1863 года, все по вопросу о студентахъ, была еще слѣдующая переписка между министромъ народнаго просвѣщенія и предсѣдателемъ комиссіи прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, статсъ-секретаремъ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ. Письма послѣдняго мы не имѣемъ, но вотъ отвѣтъ на него министра народнаго просвѣщенія: «Милостивый государь, князь Александръ Ѳедоровичъ. Содержаніе отношенія вашего сіятельства, отъ 12-го ноября, о намѣреніи нѣсколькихъ студентовъ устроить свои кассы и библіотеку и о предположеніи ихъ оставить университетъ, я сообщалъ для свѣдѣнія попечителю петербургскаго учебнаго округа и ректору здѣшняго университета. Затѣмъ, въ избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, считаю нужнымъ объяснить вашему сіятельству, что въ помянутомъ намѣреніи и предположеніи нѣтъ ничего преступнаго.

«Въ п. 6-мъ правилъ петербургскаго университета сказано, что особыя студенческія библіотеки и кассы, не состоящія въ вѣдѣніи университетскаго начальства, не допускаются въ зданіяхъ университета, и со стороны студентовъ не было никакого домогательства устроить подобныя учрежденія въ университетѣ. Затѣмъ, въ томъ же пунктѣ объяснено, что студенты, какъ всѣ вообще жители города, подлежатъ общимъ законамъ и общимъ полицейскимъ правиламъ относительно библіотекъ и кассъ и что университетское начальство не имѣетъ никакого отношенія къ подобнымъ учрежденіямъ, если бы гражданское начальство дозволило оныя внѣ университета. Посему намѣреніе устроить кассу и библіотеку внѣ университета, разсужденія объ этомъ, составленіе проекта правилъ для представленія генералъ-губернатору, не заключаютъ въ себѣ ни-

чего предосудительнаго. Что же касается намѣренія нѣсколькихъ студентовъ оставить университетъ, то на это они имѣютъ полное право, и, въ виду множества желающихъ вступить въ оный и воспользоваться университетскимъ образованіемъ, не представляется вовсе нужнымъ удерживать въ университетѣ тѣхъ, которые захотѣли бы оставить его».

Пав. Усовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОЗСТАНІЕ ПОЛЯКОВЪ НА КРУГОБАЙКАЛЬСКОЙ ДОРОГѢ.

Возстаніе поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ имѣетъ нѣкоторую связь съ двумя политическими убійствами въ Варшавѣ. Главное лицо, распоряжавшееся здѣсь, и тамъ играло видную роль, и уйдя въ Варшавѣ отъ трагической развязки—нашло ее въ Иркутскѣ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ разсказать первоначальныя похожденія этой личности. Читатель увидитъ при этомъ, какими людьми и характерами располагало народное правительство незадолго до возстанія. Невольно становится грустно, что вся эта страшная энергія, смѣлость и бойкія способности не пошли по другой дорогѣ. Котковскихъ надо считать не десятками, а сотнями...

Когда возникли въ царствѣ Польскомъ двѣ «революціонныя организаціи,» бѣлая и красная (близь половины 1862 года) и стали между собою, мало-по-малу, сливаться, служа одинаково энергически однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ,—мы не имѣли тамъ хорошо устроенной полиціи, ни явной, ни тайной. И та, и другая сочувствовали повстанцамъ и во многихъ случаяхъ оказывались на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ законнаго правительства. Начальникъ тайной полиціи, генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи, болѣе и болѣе опускалъ руки и смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что передъ нимъ творилось и чего настоящій смыслъ онъ понималъ какъ нельзя лучше. Въ немъ проснулся итальянецъ, воспитанникъ моденскаго университета. Онъ не могъ смотрѣть равнодушно на успѣхи своихъ соотечественниковъ въ Европѣ. Онъ поклонялся народному идолу и герою—Гарибальди; а этотъ герой стоялъ за поляковъ; онъ, а

никто другой создалъ «польскую военную школу» въ Генуѣ, нашелъ для нея домъ и первыя денежныя средства. Какъ было маркизу идти противъ поляковъ, тайно доносить на нихъ, разрушать ихъ патріотическія работы, когда все это находилось подъ покровительствомъ и эгидой его героя, выше котораго онъ не зналъ въ ту минуту ничего! Вѣдь это значило бы идти.... какъ бы противъ своихъ, не по-человѣчески насиловать сердце и убѣжденія. Само собою разумѣется, что положеніе его, по занимаемому имъ мѣсту, было крайне тяжело и щекотливо: отъ него требовали открытій, дѣлали ему выговоры за бездѣйствіе, грозили отставкой; а онъ—онъ не могъ доносить, хоть и зналъ очень многое! Съ мая мѣсяца 1862 года маркизъ сталъ поминутно прикидываться больнымъ, потомъ взялъ, чуть ли не по принужденію, четырехмѣсячный отпускъ, яко бы для пользованія германскими и итальянскими минеральными водами,—и уѣхалъ изъ Варшавы. 6-го іюля 1862 года его отчислили по запаснымъ войскамъ.

Смѣнившій его Подвысоцкій былъ до крайности неловокъ и недобросовѣстенъ: онъ, правда, доносилъ кое-о-чемъ, но въ его донесенія закрадывался нерѣдко вымыселъ или ошибки, которыя равнялись вымыслу. Но и такой «неловкій» начальникъ тайной полиціи, послѣ ничего недѣлавшаго Паулуччи, былъ избалованнымъ повстанцамъ не на руку. Разсказываютъ, будто бы онъ найденъ былъ однажды своей прислугой повѣшеннымъ въ собственной квартирѣ, на желѣзномъ крюкѣ, и вынутъ во-время изъ петли... Было ли это или не было, только Подвысоцкій вдругъ исчезъ—и былъ вскорѣ затѣмъ прикомандированъ къ III Отдѣленію...

На его мѣсто стали искать другаго, болѣе надежнаго и солиднаго человѣка, но долго никто не шелъ, несмотря на весьма хорошее вознагражденіе. Наконецъ, уже осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ 1862 г., рѣшился принять эту проклятую должность выгнанный Велепольскимъ, для блага службы (dla dobra służby), [1]) какъ тогда выражались, бывшій инспекторъ школъ въ Липнѣ, а потомъ въ Лодзи, Фелькнеръ, человѣкъ обремененный семействомъ—кому, просто-за-просто, нечего было ѣсть.

Служить Фелькнеру «какъ нибудь», какъ служили два послѣдніе его предмѣстника, было нельзя: его прогналъ бы тотъ же Велепольскій, имѣвшій противъ него постоянный зубъ, какъ противъ человѣка малоспособнаго. Фелькнеръ принялся за дѣло ретиво и почему-то не очень заботился о принятіи мѣръ противу тайныхъ кинжаловъ и веревки: ходилъ вездѣ одинъ; квартира его, на Твардой улицѣ, № 1095, скоро стала извѣстна всѣмъ полицейскимъ чиновникамъ народнаго правительства, которымъ о ту пору можно было положительно считать Центральный Комитетъ красныхъ.

---

[1]) См. № 153 «Kurjera Warszawsqiego» 1861.

Близь половины октября, по нов. ст., 1862, Фелькнеръ овладѣлъ тайной доставки на границу какого-то подозрительнаго повстанскаго тюка. Центральный Комитетъ, узнавъ объ этомъ, предписалъ кому слѣдуетъ, въ предупрежденіе опасности, убрать—sprzątnąć—начальника тайной полиціи. Вслѣдствіе этого, апликантъ [1]) варшавскаго магистрата, тысяцкій народной организаціи, Иванъ Менкарскій, молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, собралъ къ себѣ на квартиру, на Холодную улицу, въ домъ Козерскаго, нѣсколько отважныхъ людей: таможеннаго апликанта, Владислава Котковскаго; чиновниковъ магистрата: Ромуальда Дзвонковскаго и Іосифа Марцинкевича; сына рахмистра губернскаго правленія, Марцеллія-Станислава Шульца; гимназиста Станислава Рабинскаго и какого-то Яна Муляржа, т. е. «Каменьщика»:—такъ всѣ его звали; фамиліи его никто не зналъ.

Занавѣсивъ старательно окна и поставя на столъ распятіе, подлѣ котораго лежало шесть кинжаловъ, въ томъ числѣ два отравленныхъ, Менкарскій объявилъ присутствующимъ, что «Центральный Комитетъ приказалъ уничтожить начальника тайной полиціи, Фелькнера, и это должно быть исполнено непремѣнно. Часть присутствующихъ (разумѣлись: Котковскій, Дзвонковскій, Марцинкевичъ и Муляржъ) извѣстны Комитету своимъ самоотверженіемъ и готовностію на всякій патріотическій подвигъ; вѣроятно тѣхъ же чувствъ и такой же смѣлости будутъ и остальные [2]). Приступая нынѣ къ дѣлу, необходимо всѣмъ присягнуть на кинжалахъ и распятіи.»

Хотя письменнаго декрета на убійство Фелькнера предъявлено никому не было, присутствующіе не возражали Менкарскому и всѣ до одного изъявили готовность присягнуть. Менкарскій сталъ на колѣни и громко произнесъ присягу. Другіе повторили ее за нимъ слово въ слово.

— Теперь, господа, дѣло кончено, сказалъ Менкарскій:—кто изъ васъ измѣнитъ тайнѣ, только дохнетъ (parę z ust puści), что здѣсь видѣлъ и слышалъ,—съ тѣмъ поступятъ точно такъ же, какъ съ Фелькнеромъ: одинъ изъ этихъ кинжаловъ погрузится въ его груди.

Затѣмъ сообщилъ, что «ближайшимъ къ дѣлу участникамъ въ убійствѣ обѣщано Центральнымъ Комитетомъ по сту рублей, а помощникамъ ихъ—по 20 рублей».

Такъ какъ не всѣ изъ присягнувшихъ знали въ лицо Фелькнера, то Котковскій, наиболѣе надежный «штилетникъ», рѣшился познакомить такихъ, кто не зналъ, съ физіономіей жертвы и под-

[1]) Чиновникъ, служащій гдѣ либо безъ мѣста и безъ жалованья, въ ожиданіи вакансіи. Апликанты могутъ имѣть однако свои доходы.

[2]) Не такъ надежными считались Шульцъ и Рабинскій, какъ черезчуръ молодые ребята: каждому изъ нихъ было только 17 лѣтъ.

водилъ ихъ нѣсколько разъ вечеромъ къ окну, подлѣ котораго Фелькнеръ работалъ; а потомъ показалъ имъ его еще на улицѣ.

Это изученіе физіономіи жертвы сопровождалось постоянно небольшими кутежами всей компаніи присягнувшихъ въ кондитерской, на площади Младенца Іисуса. 7-го ноября нов. ст. Менкарскій собралъ ихъ снова у себя на квартирѣ и сдѣлалъ имъ отъ имени Центральнаго Комитета выговоръ, «что они только кутятъ по кондитерскимъ, а дѣла не дѣлаютъ!»

— Да мы совсѣмъ не знали, что тутъ нужно спѣшить (tak pilno), отвѣчалъ ему кто-то изъ штилетниковъ:—намъ хоть завтра!

— Ну, хорошо, завтра! сказалъ Менкарскій. Онъ заставилъ ихъ снова присягнуть на кинжалахъ передъ распятіемъ и поручилъ веденіе всего дѣла и главную команду Котковскому.

Котковскій размѣстилъ присягнувшихъ (разумѣется, вооруженныхъ кинжалами), съ ранняго утра 8-го ноября, по разнымъ пунктамъ Твардой улицы и сосѣднихъ. Фелькнеръ проходилъ мимо нихъ нѣсколько разъ, но въ такихъ условіяхъ, что нападеніе на него было неудобно. Старшіе штилетники, оставя молодежь на часахъ, пошли въ ближайшій трактиръ закусить. Въ 5 часовъ вечера караульщики дали знать, что «жертва показалась вдали и идетъ, повидимому, къ своей квартирѣ.» Котковскій поспѣшилъ съ товарищами, Муляржемъ и Шульцемъ, къ этому пункту и поставилъ ихъ на улицѣ, передъ калиткой, а самъ сталъ за калиткой, чтобы въ случаѣ, если ребята сробѣютъ и не сдѣлаютъ ничего,—выскочить и порѣшить съ жертвой.

Ребята въ самомъ дѣлѣ сробѣли. Котковскій, наблюдавшій за ними въ щель, выскочилъ, схватилъ Фелькнера за горло и нанесъ ему три жестокихъ удара кинжаломъ въ грудь. Тогда подбѣжали Мулярж и Шульцъ и также нанесли нѣсколько ударовъ. Фелькнеръ, крикнувъ: «пусти, бестія!» повалился въ воротахъ бездыханнымъ трупомъ. Убійцы побѣжали въ разныя стороны, только Котковскій вспомнилъ на дорогѣ, что оставилъ въ воротахъ бурку; кромѣ того, ему нужно было, по данному обѣщанію Менкарскому, доставить народнымъ властямъ corpus delicti—«ухо правительственнаго шпіона»,—онъ воротился къ дому Фелькнера и нашелъ тамъ уже изрядную толпу, которая разсматривала лежащій въ воротахъ трупъ. Несмотря на это, онъ имѣлъ смѣлость поднять при всѣхъ бурку и отрѣзать кинжаломъ ухо! А потомъ поспѣшно скрылся.

До 9-ти часовъ вечера штилетники искали Менкарскаго, но нигдѣ не могли найти: онъ усиленно прятался; но въ 9 часовъ воротился домой, выслушалъ отъ Котковскаго докладъ, взялъ corpus delicti для представленія Центральному Комитету и далъ участникамъ въ убійствѣ, вмѣсто обѣщанныхъ ста рублей, только по тридцати рублей на брата, да какую-то бездѣлицу караульщикамъ, и черезъ три дня послѣ этого куда-то исчезъ, никому не сказавъ ни слова,

даже своей любовницѣ, Аннѣ Висневской. Но она была женщина энергическая, стала разузнавать, куда дѣлся ея возлюбленный; кто-то сказалъ, что онъ уѣхалъ въ Люблинъ: она взяла у Марцинкевича нѣсколько злотыхъ, поѣхала въ Люблинъ; переспросила тамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, не видали ли ея «Ясѧ»; отъ всѣхъ получался одинъ отвѣтъ, что «никто его не видалъ.» Затѣмъ она воротилась въ Варшаву съ послѣднимъ злотымъ и, явясь къ Марцинкевичу, сказала ему рѣшительнымъ тономъ: «если панъ Юзефъ не откроетъ мнѣ, гдѣ мой Яся, то я вамъ дамъ себя знать! (ja was nauczę!)»

Марцинкевичъ обѣщалъ ей навести справки; между тѣмъ сообщилъ Котковскому объ угрожающей имъ опасности—и оба рѣшили «покончить съ Анелей».

Подговоривъ «дружкаря» Вноровскаго, принадлежавшаго также къ организаціи, они предложили Висневской отправиться вмѣстѣ съ ними за Зомбковскую заставу, въ лѣсъ, гдѣ будто бы, въ караулкѣ лѣсовщика, скрывался ея «коханокъ». Не подозрѣвая ничего дурнаго, Анеля согласилась и сѣла въ «дружку». Между тѣмъ Шульцъ, Муляржъ и Рабинскій, замѣтивъ секретныя шушуканья Марцинкевича съ Котковскимъ и боясь съ ихъ стороны измѣны, внимательно слѣдили за ними, и послѣ того, какъ тѣ сѣли съ Висневской въ дружку,—взяли тоже дружку, но лошади Вноровскаго были побойчѣе и онъ скоро скрылся отъ преслѣдующихъ...

Отъѣхавъ верстъ шесть отъ Зомбковской заставы, Котковскій велѣлъ Вноровскому поворотить направо, къ свѣтившемуся огню. Была ночь. По причинѣ глубокаго и вязкаго песку, всѣ вышли изъ дружки, даже самъ дружкарь, и пошли пѣшкомъ на огонь. Дабы сдѣлать Вноровскаго участникомъ преступленія, Котковскій сказалъ ему тихонько, показавъ подъ полою кинжалъ: «вали ее съ ногъ!» Вноровскій легкимъ толчкомъ опрокинулъ Висневскую навзничь. Тутъ она догадалась, что̀ хотятъ съ нею сдѣлать, и закричала жалкимъ голосомъ: «прости, батюшка, не скажу никому!» (Ojcże, daruj, już nie powiem) Котковскій ударилъ ее нѣсколько разъ кинжаломъ; она что-то лепетала съ минуту; потомъ звуки стихли...

Оставивъ на трупѣ *записку*, какъ и почему совершено убійство, Котковскій съ Марцинкевичемъ воротились въ Варшаву и гдѣ-то очень скоро наткнулись на Шульца и двухъ его пріятелей. «Ослы, сказалъ имъ Котковскій своимъ рѣзкимъ, разбойничьимъ языкомъ:— туда же гонялись за нами, а не знали того, что тутъ дѣло шло и о вашей шкурѣ! Не бойтесь теперь Анди Менкарскаго: она поѣхала къ Боженькѣ» (Osły! jeździli za nami, a nie wiedzieli, że to i o ich skórę chodziło! Teraz nie bojcie się Andzi Mękarskiego, bo ona już pojechała do Bozi!).

Надо было однако, послѣ двухъ такихъ преступленій, въ самомъ

дѣлѣ подумать о своей шкурѣ: всѣ штилетники поспѣшили убраться изъ Варшавы, измѣнивъ свои фамиліи, а Котковскій придумалъ для своего спасенія такой маневръ: далъ себя преспокойно взять въ рекруты, когда подошла извѣстная конскрипція Велепольскаго, въ самомъ концѣ 1862 года, — и въ Петербургѣ, на смотру передъ государемъ, громче всѣхъ выкрикивалъ «ура!»

Съ этихъ поръ въ немъ видятъ ничто иное, какъ самаго ретиваго солдата, проворнаго, исправнаго, честнаго, кѣмъ были всѣ довольны, отъ ближайшаго начальника его, унтеръ-офицера, до высшихъ чиновъ въ арміи, офицеровъ всякихъ ранговъ.

По дорогѣ въ Харьковъ, куда была направлена партія, въ которой находился Котковскій, ему не разъ ввѣрялись значительныя суммы для раздачи товарищамъ и покупки провіанта, какъ бойко писавшему и говорившему по-русски и всѣмъ извѣстному по своей образцовой честности солдату. Во всякой копѣйкѣ онъ отдавалъ начальству самый строгій отчетъ. Въ Харьковѣ онъ попалъ очень скоро въ гарнизонный штабъ писаремъ. Это была уже карьера: прямая дорога къ офицерскимъ чинамъ. Какъ человѣкъ развитый, грамотный, смышленый и искательный, онъ могъ кончить такъ же, какъ кончилъ Сѣраковскій, дошедшій до чина подполковника, изъ писарей, даже послѣ несчастія: послѣ ссылки въ Оренбургскіе баталіоны солдатомъ. А за Котковскимъ его начальство ничего такого не знало.

Судьбѣ, однако, угодно было распорядиться иначе.

Въ концѣ 1865 года, когда возстаніе окончательно погасло, слѣдственная комиссія, подъ руководствомъ страшнаго, неумолимаго и неподкупнаго генерала Тухолки, болѣе и болѣе разоблачала всякія тайны прежнихъ, счастливыхъ для разныхъ «шалуновъ», временъ,—былъ взятъ въ м. Гродискѣ [1]) Шульцъ, подъ именемъ Залѣсскаго, и разболталъ «секретъ». Взяли Марцинкевича, Вноровскаго, Рабинскаго. Отъ нихъ узнали новыя подробности. Сталъ извѣстенъ и главный распорядитель и дѣятель въ двухъ политическихъ убійствахъ. Но гдѣ онъ? Послѣ различныхъ поисковъ въ Варшавѣ и въ краѣ, пришли къ мысли, что онъ попалъ въ конскрипты Велепольскаго—и отправили въ разные полковые штабы его фотографическую карточку, съ краткимъ описаніемъ его подвиговъ. Изъ Харькова полученъ отвѣтъ, что «тамъ дѣйствительно есть, въ гарнизонномъ штабѣ, писарь Котковскій, изъ Варшавы, который напоминаетъ лицомъ присланную карточку, но что буйнаго, разбойничьяго въ его поступкахъ ничего и никогда замѣчено не было; напротивъ, это самый благовидный и исправный во всѣхъ отношеніяхъ писарь, отличающійся рѣдкимъ

---

[1]) Четвертая станція варшавско-вѣнской желѣзной дороги, когда ѣдешь изъ Варшавы.

усердіемъ къ службѣ, расторопностью и честностью, вслѣдствіе чего начальство представило его къ офицерскому чину».

Несмотря на такой отзывъ харьковскаго штаба, Тухолка просилъ прислать Котковскаго въ Варшаву, для точныхъ справокъ и очныхъ ставокъ. Котковскій прибылъ, ото-всего отперся и подписалъ протоколъ такимъ размашистымъ почеркомъ, какъ будущій генералъ; но все это ни къ чему не послужило, потому что скрытые въ «засадѣ» товарищи его по преступленіямъ въ одинъ голосъ произнесли, что «это—онъ, ихъ начальникъ и руководитель, въ ноябрѣ 1862 года, на Твардой улицѣ, и потомъ нѣсколько позже—въ лѣсу, за Зомбковской заставой». Въ заключеніе послѣдовала форменная очная ставка. Котковскій во всемъ признался.

Приговоръ надъ всѣми этими преступниками состоялся тогда, когда въ Варшавѣ уже никого не казнили, вслѣдствіе особаго предписанія изъ Петербурга, а ссылали въ каторжную работу, въ Сибирь, на разные сроки, смотря по тяжести вины. Котковскаго и другихъ участниковъ въ убійствѣ Фелькнера и Висневской сослали въ каторжную работу, безъ срока, въ Восточную Сибирь. Въ это время (весною 1866) правительство строило вокругъ Байкала дорогу, названную Кругоморскою или Кругобайкальскою. На эти тяжелыя работы употребляли обыкновенно поляковъ, участниковъ послѣдняго возстанія. На Кругобайкальскую дорогу назначено было ихъ 723 человѣка. Тутъ, между прочимъ, попалъ и Котковскій съ товарищами и нѣсколько другихъ выдающихся повстанцевъ 1862 и 1863 гг.: офицеръ Цѣлинскій, ратникъ дружины Мирославскаго подъ Кршивосондземъ; Шарамовичъ—молодой, энергическій повстанецъ Кіевской губерніи, едва не ушедшій изъ кіевской цитадели посредствомъ подкопа; штилетникъ Павелъ Ляндовскій и сочинитель крупныхъ манифестацій въ концѣ 1860 и въ началѣ 1861 г., Карлъ Новаковскій.

Они узнали о своей участи еще въ Варшавѣ и другихъ пунктахъ царства Польскаго, гдѣ содержались по разнымъ тюрьмамъ и острогамъ, умѣя, однако, временами кое-какъ сноситься другъ съ другомъ, причемъ передавали взаимно разныя мысли и планы. Котковскій и другіе, болѣе смѣлые и раздраженные, предлагали товарищамъ освободиться, во время долгаго пути въ Сибирь, «посредствомъ единовременнаго нападенія на конвой». Объ этомъ предпріятіи узники толковали на всѣхъ общихъ сходкахъ совершенно серьёзно. Въ тюрьмахъ все это казалось не только возможнымъ, но даже не особенно труднымъ, но когда осужденные двинулись въ дорогу, небольшими партіями, отдѣленными одна отъ другой нерѣдко на весьма значительное пространство, притомъ скованные по рукамъ и по ногамъ, а иногда и прикованные другъ ко другу, нелѣпость задуманнаго единовременнаго нападенія на конвой, съ тѣмъ, чтобы потомъ соединиться въ одну массу и идти къ китай-

ской или къ бухарской границѣ,—была почувствована почти всѣми въ одной и той же мѣрѣ.

По прибытіи ссыльныхъ на Байкалъ, ихъ размѣстили кучками по разнымъ деревнямъ и посадамъ, окружающимъ озеро: Лиственичной, Култуку, Мурому, Мишишихѣ, Посольску и другимъ, откуда стали потомъ выгонять на работы, съ 5-ти часовъ утра до 6-ти вечера, подъ наблюденіемъ конвоевъ, состоявшихъ преимущественно изъ казаковъ. Общее начальство надъ ссыльными и конвойными было ввѣрено инженеръ-полковнику Шацу и казацкому полковнику Черняеву. На каждаго каторжнаго выдавалось въ мѣсяцъ: 72 фунта ржаной муки, $7^1/_2$ фунтовъ ячменныхъ крупъ, 15 фунтовъ говядины и кирпичъ чаю [1]).

Здѣсь, на работахъ массами, подъ открытымъ небомъ, когда работникамъ цѣлый день можно было болтать другъ съ другомъ о чемъ хочешь,—горячее воображеніе каторжниковъ опять разыгралось; они опять стали говорить объ единовременномъ нападеніи на конвои, въ которыхъ народу было всего-на-все 123 человѣка—противъ массы въ семьсотъ человѣкъ слишкомъ: казалось, какъ не одолѣть!.. Не взято было въ разсчетъ только то, что эта масса растянута на огромномъ пространствѣ, вытянута въ нитку, и было неизвѣстно, всѣ ли каторжники одинаково думаютъ о предпріятіи, бросятся ли въ данную минуту дружно, какъ одинъ человѣкъ?

Полякъ неимовѣрно скоръ, вспыхиваетъ какъ порохъ. Въ головахъ сочинителей плана все построилось быстро, со всѣми мелкими подробностями; все казалось возможнымъ; препятствій не существовало. Заговоръ начался сперва въ дер. Лиственичной, гдѣ былъ душою всего ратникъ дружинъ Мирославскаго, капитанъ Цѣлинскій. Потомъ огонь сообщился и въ другіе пункты, или «каторги», какъ ихъ называли между собою повстанцы. Всѣ рабочіе, повидимому, раздѣляли убѣжденіе своихъ руководителей, всѣ какъ бы одинаково рвались въ бой съ москалями. Общимъ начальникомъ возстанія выбранъ Цѣлинскій, какъ человѣкъ военный, видавшій виды (Подъ Кршивосондземъ онъ былъ раненъ въ голову и сочтенъ убитымъ, но потомъ выздоровѣлъ и снова служилъ въ рядахъ). Днемъ нападенія назначено 24-е іюня нов. ст. Разбивъ москалей, т. е. конвои, всѣмъ соединиться и идти въ Бухару, гдѣ была тогда война!

Надо знать, что между каторжниками были особыя довѣренныя лица, выбираемыя ими самими на случай переговоровъ съ начальствомъ и для пріемки пищи отъ подрядчиковъ. Ихъ называли ста-

---

[1]) Особый чай тѣхъ мѣстъ, приготовляемый въ горшкахъ, гдѣ налита горячая вода. Чай этотъ имѣетъ вяжущій вкусъ. Многіе изъ заѣзжихъ русскихъ пріучаются къ нему и пьютъ какъ чай обыкновенный. Мѣстные жители любятъ его чрезвычайно и нерѣдко предпочитаютъ обыкновенному.

ростами. Въ Мишишихѣ такими «старостами» были Шарамовичъ и Квятковскій, которые знали о заговорѣ и ему сочувствовали, но имъ хотѣлось только, чтобы онъ дошелъ до бо̀льшей зрѣлости въ кое-какихъ приготовленіяхъ. Вдругъ, 20-го іюня нов. ст. (1866 г.), они получаютъ такого рода записку отъ Цѣлинскаго, изъ Лиственичной: «На что̀ однажды рѣшились, то надо исполнить. Откладывать этого нельзя. Каждая минута замедленія будетъ стоить намъ дорого. Мы должны возстать. Я начинаю. Квятковскій пусть идетъ берегомъ на сѣверъ. Соображайтесь съ этимъ. Отвѣта ненужно. Цѣлинскій».

Слова̀ «я начинаю» поставили обоихъ старостъ въ тупикъ. Они спрашивали другъ друга: «что̀ имъ дѣлать?» Избранная минута для возстанія была, по разнымъ обстоятельствамъ, неблагопріятна. Не получи они такую рѣшительную записку, они бы не рискнули поддерживать въ то время безумную затѣю нѣсколькихъ горячихъ головъ. Но теперь, когда Цѣлинскій прямо говоритъ: «я начинаю»—и, вѣроятно, уже выступилъ со своей партіей изъ Лиственичной,—бросать его другимъ партіямъ на произволъ судьбы не приходилось. Потолковавъ немного другъ съ другомъ, Шарамовичъ и Квятковскій рѣшились также вести свои партіи. Такова исторія всѣхъ польскихъ возстаній: ничего не готово, но какой нибудь безумецъ начинаетъ — и все непремѣнно ринется за нимъ, хотя и сознаю̀тъ всю несостоятельность предпріятія!..

Квятковскій, немедля ни минуты, напалъ, съ нѣсколькими преданными ему повстанцами, изъ култуцкихъ каторжниковъ, на своихъ конвойныхъ, обезоружилъ ихъ, отобралъ всѣ съѣстные припасы — и двинулся берегомъ Байкала къ Мурому, куда, втеченіе трехъ-четырехъ часовъ прибылъ благополучно и далъ знать объ этомъ Шарамовичу, приглашая его идти туда же слѣдомъ.

Шарамовичъ сталъ уговаривать оставшихся подъ его командой людей послѣдовать примѣру Квятковскаго, но сколько въ началѣ (когда опасная затѣя рисовалась для нихъ неясно, вдали) они порывались къ ней беззавѣтно, всей массой, — столько теперь, когда пришлось дѣйствовать, выказали нерѣшительности и даже прямо— трусости, говоря, что «такое предпріятіе ничто иное, какъ безумство, ведущее всѣхъ участниковъ къ неизбѣжной погибели». Напрасно Шарамовичъ молилъ, а потомъ грозился перевѣшать трусовъ (pogarnirować podłymi drzewa). Желавшихъ двинуться и раздѣлить участь возставшихъ братьевъ, какая бы она ни была, оказалось очень немного. Уже казаки, замѣтивъ между каторжными суетливое смятеніе, стали строиться на дорогѣ; минута была критическая. Шарамовичъ поспѣшилъ ударить на нихъ съ кучкой вѣрныхъ ему повстанцевъ, разбилъ ихъ, обезоружилъ и затѣмъ тронулся въ направленіи къ Мурому.

Едва только небольшая дружина Квятковскаго увидѣла «своихъ»,

идущихъ со стороны Култука,—закричала «ура» и тутъ же огласила своимъ начальникомъ Шарамовича. Онъ принялъ команду, но держался плана, построеннаго Цѣлинскимъ: пошелъ на сѣверъ берегомъ Байкала, забирая на почтовыхъ станціяхъ лошадей и оружіе, какое попадалось. Такимъ образомъ, явилась у возставшихъ кавалерія, разумѣется, въ самомъ ограниченномъ числѣ: человѣкъ 35, начальство надъ которыми Шарамовичъ ввѣрилъ бывшему драгуну, Еліашевичу, и велѣлъ имъ идти на деревню Мишиху, гдѣ предполагали встрѣтить Цѣлинскаго; тамъ остановиться и ждать подхода пѣхоты Шарамовича.

Отъ Мурома до Мишишихи было слишкомъ сто верстъ; повстанцы Еліашевича, идя форсированными маршами, сильно измучились. Подъ самой Мишишихой встрѣтилась имъ почтовая телѣга съ офицерами, ѣхавшими въ Муромъ: это былъ полковникъ Шацъ, со своими пріятелями, который, увидѣвъ передъ собою кучу вооруженныхъ людей, нѣсколько струсилъ и велѣлъ ямщику остановиться. Еліашевичъ подъѣхалъ къ нему и предложилъ сдаться. Шацъ безмолвно подалъ свою шпагу и револьверъ. То же самое сдѣлали и сидѣвшіе съ нимъ офицеры. Потомъ былъ обезоруженъ точно такимъ же образомъ и полковникъ Черняевъ, встрѣченный повстанцами немного позже.

Помѣстивъ плѣнниковъ посреди отряда, Еліашевичъ тронулся къ Мишишихѣ и тамъ дѣйствительно нашелъ Цѣлинскаго, который былъ точно въ такихъ же хлопотахъ, въ какихъ находился Шарамовичъ въ Култукѣ: тамошніе поляки точно также отказывались отъ участія въ предпріятіи, которое называли безтолковымъ и необдуманнымъ. Но все-таки нашлась (послѣ сильныхъ увѣщаній и угрозъ обоихъ вождей, Цѣлинскаго и Еліашевича) кучка нетрусливыхъ, которые соединились съ возставшими. Изъ нихъ Цѣлинскій сформировалъ новый кавалерійскій отрядъ, человѣкъ въ 20, и поручилъ командованіе имъ одному отчаянному молодому человѣку, Якову Райнеру. Оба эти конные отряда получили отъ Цѣлинскаго приказаніе идти впередъ, на деревню Посольскъ, стараясь по дорогѣ усилиться сколько возможно разбросанными тамъ и сямъ по берегу партіями каторжниковъ. Самъ же Цѣлинскій остался въ Мишишихѣ для сформированія изъ непокорныхъ хотя небольшаго пѣшаго отряда, въ подкрѣпленіе ожидаемому съ часу на часъ изъ Култука Шарамовичу. Отрядъ, пожалуй, и сформировался, но терялъ ежеминутно болѣе и болѣе бодрость, въ напрасномъ ожиданіи култуцкихъ сотоварищей, которые, неизвѣстно почему, не являлись и ничего не было объ нихъ слышно. Еліашевичъ предсказывалъ прибытіе Шарамовича черезъ двое сутокъ, не далѣе, но и третьи сутки прошли и начались четвертыя, а Шарамовича все не было, какъ не было. Боясь, чтобы набранные съ большимъ трудомъ человѣкъ 60 повстанцевъ не воротились къ

бунтующей массѣ, Цѣлинскій рѣшился двинуться впередъ и, отойдя отъ Мышишихи на нѣсколько верстъ, остановился, въ намѣреніи выждать тамъ Шарамовича. Тревожное состояніе духа, постоянная боязнь, что онъ останется совершенно одинъ, лишили Цѣлинскаго сна: онъ бродилъ по лагерю какъ тѣнь, не зная, что̀ предпринять...

Въ это время часть поляковъ, оставшихся въ Мишишихѣ, по выступленіи отряда Цѣлинскаго, человѣкъ 300—400, отправилась на почтовую станцію, гдѣ находились арестованные офицеры, и объявила имъ, что «бунтуютъ далеко не всѣ каторжники; вотъ они, напримѣръ, не бунтуютъ, такъ пусть-де это будетъ начальству извѣстно». Офицеры боялись довѣрять этимъ явившимся съ повинною каторжникамъ; сказали имъ недовѣрчивымъ тономъ: «хорошо», но немного погодя пришло имъ въ голову отправить кого нибудь изъ заявившихъ покорность въ Иркутскъ, съ донесеніемъ обо всемъ, что̀ было извѣстно. Какъ только въ Иркутскѣ узнали, что́ творится на Байкалѣ,—ту же минуту двинутъ отрядъ на подводахъ въ Лиственичную, гдѣ онъ пересѣлъ на пароходъ и быстро перешелъ на южную сторону озера, въ мѣста описанныхъ нами дѣйствій. Передъ Посольскомъ брошенъ якорь и сдѣлана на лодкахъ рекогносцировка береговъ: оказалось, что въ Посольскѣ нѣтъ ни одного поляка. Отрядъ двинулся къ Мишишихѣ и на дорогѣ наткнулся на кавалерію Еліашевича, которая сейчасъ же спѣшилась и завязала перестрѣлку. Потомъ Еліашевичъ поспѣшно отступилъ къ Мишишихѣ, дабы соединиться тамъ съ Цѣлинскимъ и дать ему знать о положеніи ихъ дѣлъ.

Читатели помнятъ, что Цѣлинскій, съ небольшой кучкой повстанцевъ, стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Мишишихи, въ ожиданіи Шарамовича. Тутъ нашелъ его Еліашевичъ. Привели въ извѣстность силы обѣихъ партій: оказалось всего-на-все с о т н я с ъ н е б о л ь ш и м ъ! Идти съ такою горстью плохо-вооруженныхъ людей противу правительственныхъ войскъ, посланныхъ изъ Иркутска, конечно, въ бо̀льшемъ числѣ, и вооруженныхъ какъ слѣдуетъ,—было дѣломъ крайне рискованнымъ. Собрали «военный совѣтъ» изъ Еліашевича, Панковскаго и Райнера, гдѣ рѣшено идти на Мишишиху и тамъ ждать Шарамовича. Двинулись и прибыли туда ночью, 23-го іюня н. ст. (1866 г.).

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пикеты, выставленные на разныхъ возвышеніяхъ, увидѣли приближающихся къ нимъ повстанцевъ: это былъ Шарамовичъ. Цѣлинскій и другіе отрядные начальники воображали почему-то, что онъ приведетъ нѣсколько сотъ человѣкъ, исправно вооруженныхъ; явилось же только полтораста усталыхъ, измученныхъ, исхудалыхъ воиновъ, которые, соединясь съ Цѣлинскимъ, образовали партію всего-на-все въ 260 человѣкъ!

Цѣлинскій объявилъ товарищамъ, что съ такими малыми силами было бы чистымъ безумствомъ идти на-встрѣчу русскимъ, къ

Посольску; а что всего лучше—двинуться назадъ, къ Култуку, такъ какъ тамъ нѣтъ еще никакихъ русскихъ отрядовъ; и оттуда, сколь возможно поспѣшнѣе, идти къ китайской границѣ, т. е. прибѣгнуть къ маневру, который удался полковнику Ружицкому на Волыни, въ 1863 г.: спастись отъ вѣрной погибели переходомъ на чужую территорію. Цѣлинскій не взялъ въ разсчетъ только условій, въ какихъ находился Ружицкій и онъ: страшной разницы разстояній отъ границы тамъ и тутъ. Кромѣ того, Ружицкій ушелъ отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ по битой дорогѣ, а отъ Мишишихи къ Китаю никакой битой дороги нѣтъ; тянутся безконечные дремучіе лѣса, гдѣ безъ компаса нечего дѣлать...

Шарамовичъ, Панковскій и Еліашевичъ протестовали противъ такого плана, говоря, что «русскіе отряды могутъ находиться уже и въ Култукѣ, и битва съ ними тамъ представитъ едва ли менѣе невыгодъ, чѣмъ идти впередъ, къ Посольску, и тамъ попробовать счастія; что такое движеніе отрядовъ, какое совѣтуетъ Цѣлинскій, есть, просто-за-просто, побѣгъ съ поля битвы».

Цѣлинскій этимъ обидѣлся и сказалъ, что «слагаетъ съ себя команду и предоставляетъ дѣйствовать каждому, какъ ему угодно». Тогда Шарамовичъ, отдѣлясь отъ него со своею партіей, сформировалъ пять плутонговъ, по 50-ти человѣкъ въ каждомъ, изъ коихъ первому и второму даны лошади и карабины, а начальниками ихъ сдѣланъ Еліашевичъ и Котковскій. Все остальное обращено въ пѣхоту; вышло три плутонга, которыхъ начальниками были: Панковскій, Квятковскій и Кедронскій. Эти пѣшіе плутонги были вооружены очень плохо: большинство солдатъ имѣли пики, косы и бурятскія кремневыя винтовки, самаго жалкаго свойства. Рѣдко у кого былъ мало-мальски исправный карабинъ.

По сформированіи, каждый плутонгъ выступалъ въ направленіи къ Посольску. Первому плутонгу было приказано, при встрѣчѣ съ русскимъ отрядомъ, въ бой отнюдь не вступать, а равно и не ретироваться, а стать и выждать приближенія слѣдующихъ плутонговъ.

При выступленіи послѣднихъ плутонговъ изъ Мишишихи, небо, дотолѣ довольно ясное, стало хмуриться; потомъ разразилась страшная гроза. На Байкалѣ поднялись волны; молніи рѣзали по сѣрому фону. Сѣрò было и на душѣ повстанцевъ: всякій, маршировавшій повидимому весело и охотно по скалистому прибрежью, чувствовалъ инстинктивно, что затѣяно нѣчто очень глупое и что, въ концѣ-концовъ, затѣйникамъ не сдобровать...

Въ скоромъ времени одинъ изъ кавалеристовъ втораго плутонга подъѣхалъ къ Шарамовичу съ донесеніемъ, что «видны русскіе форпосты». Шарамовичъ отправилъ конницу въ Мишишиху, съ тѣмъ чтобы она пробралась секретно къ берегу Байкала, гдѣ ждали лодки съ живностью, и забрала все, чтò найдетъ, дабы непріятель

какъ нибудь не воспользовался этимъ и не лишилъ повстанцевъ съѣстныхъ припасовъ. А три пѣшихъ плутонга разставилъ по кустамъ направо, въ видѣ «засады».

У нашихъ были въ распоряженіи пароходы, державшіеся на одной линіи съ идущими по берегу войсками. Они видѣли все, что̀ дѣлаютъ повстанцы, и одинъ изъ пароходовъ, послѣ небольшой рекогносцировки, далъ знать на берегъ обо всемъ, что̀ было имъ усмотрѣно. Тогда русскій отрядъ, разсыпавъ по кустамъ стрѣлковъ, сталъ надвигаться на пѣшихъ повстанцевъ Шарамовича, т. е. на три плутонга, находившіеся въ воображаемой засадѣ. Это было 28-го іюля н. ст. 1866 г.

Тѣмъ временемъ Цѣлинскій, оставшійся (какъ уже извѣстно читателямъ) съ преданными ему людьми въ Мишишихѣ, узнавъ о движеніи двухъ плутонговъ Шарамовича къ Байкалу, за живностью, отправился туда и представилъ имъ безвыходное положеніе отряда, который рѣшился принять бой съ русскими. Доставка такому отряду съѣстныхъ припасовъ есть совершеннѣйшая безсмыслица: никто изъ повстанцевъ ими не воспользуется, москали все заберутъ. Гораздо лучше взять эти припасы имъ, т. е. партіи Цѣлинскаго и коннымъ плутонгамъ, и идти къ границѣ Китая, либо въ Бухарію. «Положитесь на меня, я буду вашимъ проводникомъ и мы уйдемъ отъ вѣрной погибели. Пусть хоть часть поляковъ спасется!»

Эти слова подѣйствовали на слушавшихъ Цѣлинскаго солдатъ и офицеровъ обѣихъ партій. Всѣ они въ одинъ голосъ закричали, чтобы онъ велъ ихъ къ китайской границѣ. Вѣрнымъ Шарамовичу остался только одинъ Еліашевичъ. Послѣ напрасныхъ стараній уговорить Цѣлинскаго отказаться отъ задуманнаго предпріятія, отъ гнусной измѣны своимъ братьямъ, онъ оставилъ отрядъ и отправился къ Шарамовичу.

Узнавъ отъ него о крайне неблаговидномъ поступкѣ Цѣлинскаго, Шарамовичъ упалъ духомъ и не зналъ, что̀ дѣлать. У него оставалось всего полтораста человѣкъ плохо вооруженной пѣхоты, которой предстояло неизбѣжно сразиться съ несравненно сильнѣйшимъ врагомъ. Если бъ даже этотъ врагъ былъ какимъ нибудь чудомъ разбитъ повстанцами (имѣвшими на ружье только по пяти зарядовъ), Иркутскъ выслалъ бы сейчасъ же новыя войска, а тамъ еще и еще... Печальный конецъ безсмысленной авантюры рисовался ярко передъ каждымъ повстанцемъ отряда Шарамовича, разсуждавшимъ сколько нибудь здраво и не обольщавшимъ себя обманчивыми надеждами. Послѣ краткихъ совѣщаній съ Панковскимъ, Шарамовичъ рѣшился занять довольно выгодную позицію на рѣкѣ Мышихѣ, выпустить всѣ патроны и потомъ бѣжать лѣсами, куда глаза глядятъ: можетъ быть, при нѣкоторомъ счастіи, они выбредутъ такимъ образомъ на какой нибудь спасительный путь! Болѣе всего надѣялись пробраться въ Китай или Монголію.

И такъ, начали стрѣлять и стрѣляли, конечно, очень недолго. Часть легла, а часть съ Шарамовичемъ, Панковскимъ, Еліашевичемъ, Квятковскимъ, Мысловскимъ и Поплавскимъ, всего-на-все 15 человѣкъ, пустилась въ неопредѣленныя странствія по густымъ кустарникамъ и дремучимъ лѣсамъ, которыми покрыты горы, окружающія Байкалъ. Многіе изъ странниковъ были ранены; всѣ—смертельно голодны. Послѣ скитаній втеченіе нѣсколькихъ часовъ, странники повалились въ совершенномъ изнеможеніи на землю, близь какого-то ручья; раненые стали обмывать и перевязывать раны. Тѣ, кто чувствовалъ себя покрѣпче и пободрѣе, натаскали сухихъ вѣтвей и развели огонь. Ѣсть было нечего. Сонъ долго не приходилъ по причинѣ тягостныхъ мыслей, невольно роившихся въ умѣ каждаго. Но страшное утомленіе взяло все-таки свое: къ утру всѣ они кое-какъ заснули. Пробудясь потомъ, когда солнце было уже довольно высоко, странники снова хотѣли пуститься въ путь, но куда? Въ какую сторону? Рѣшили отыскать какой нибудь курганъ, дабы, взобравшись на него, немного оріентироваться. Нашли такой курганъ и поднялись на него съ большимъ трудомъ. Страданія отъ ранъ, страшный голодъ и усталость были такъ велики, что главная цѣль прибытія на курганъ въ первыя минуты забылась. Нужнѣе всего былъ сонъ. Всѣ растянулись по травѣ какъ мертвые и только послѣ довольно продолжительнаго отдохновенія стали осматриваться, гдѣ они и что передъ ними: внизу, кругомъ кургана, чернѣлъ густой, непроходимый лѣсъ. Вдали, къ западу, блестѣло тусклое зеркало Байкала, гдѣ двигалось три темныя точки: это были русскіе пароходы. Единственная дорога, какую могли избрать себѣ странники, шла опять-таки черезъ лѣса. Спустились и пошли снова, куда глаза глядятъ. Голодъ донималъ ихъ сильно. Глаза невольно искали хоть орѣховъ на кедрахъ, но ихъ еще не было. Наткнулись только на черемуху и набросились на нее съ жадностью: ломали вѣтви и торопливо срывали съ нихъ и глотали ягоды пригоршнями. Затѣмъ снова пустились въ странствія—и къ ночи увидѣли себя въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, у подножія кургана! Такъ трудно было слѣдовать какому либо избранному однажды направленію въ чащѣ, не имѣя компаса. По крайней мѣрѣ опять наткнулись на черемуху и наѣлись ея до-отвалу. Прошелъ еще одинъ мучительный день. Бѣдствія странниковъ еще увеличились тѣмъ, что пошелъ дождь и промочилъ ихъ до костей.

Въ субботу, на четвертый день странствій, когда тучи разошлись и солнце согрѣло и обсушило скитальцевъ, они, поѣвъ черемухи, влѣзли опять на какой-то курганъ, чтобы опредѣлить, если удастся, части свѣта. Опредѣлили кое-какъ и рѣшили двигаться, въ прямомъ направленіи, къ югу. Потомъ спустились внизъ и, не обращая вниманія ни на какія препятствія, на густоту лѣсовъ, рвы и скалистыя ущелья, странники тащились шагъ за шагомъ

впередъ, пока не почувствовали полнѣйшаго изнеможенія. Горячка и корчи въ желудкѣ отъ невыносимаго голода валили съ ногъ самыхъ крѣпкихъ. Надо было отдохнуть и поискать потомъ хотя какой-либо пищи, хотя черемухи; но ея не было. Вмѣсто нея напали на смородину.

Послѣ продолжительнаго отдыха, двинулись снова въ неопредѣленныя странствія по лѣсамъ и оврагамъ, походя на страшныя и отвратительныя привидѣнія, а не на людей. Лица у всѣхъ были желтыя, опухшія; впалые глаза свѣтились зловѣщимъ блескомъ. Тутъ только странники поняли, какъ слѣдуетъ, до чего безумна мысль—уйти въ Китай черезъ лѣса, окружающіе Байкалъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, кромѣ правительственной почтовой дороги около озера и узкихъ, никому невѣдомыхъ тропинокъ, по которымъ бродятъ одни буряты.

Такъ повстанцы Шарамовича пространствовали неслыханно-бѣдственнымъ образомъ девять дней. Ѣсть было нечего. Ни смородины, ни черемухи не попадалось. Въ одномъ мѣстѣ наткнулись на барбарисъ, который имъ такъ понравился, что они пробыли у найденныхъ кустовъ шесть сутокъ, пока не съѣли всѣхъ ягодъ. Затѣмъ, снова тронулись въ путь и, встрѣтивъ какую-то траву, похожую на щавель, пробыли въ томъ мѣстѣ также нѣсколько дней, пока не съѣли всего этого щавеля. Найденная послѣ этого какая-то красивая трава, имѣвшая зелень подобную моркови, подѣйствовала на странниковъ убійственно: открылись у всѣхъ судороги въ желудкѣ и началась страшная рвота. Когда боли немного утихли, разложенъ былъ огонь, около котораго всѣ улеглись, чувствуя родъ облегченія. Въ это время услышали неподалеку трескъ сухихъ вѣтвей и думали, что они выслѣжены русскими отрядами, но это были свои, такіе же скитальцы: остатки партіи Цѣлинскаго, только въ бо̀льшемъ порядкѣ, чѣмъ партія Шарамовича. Посмотрѣвъ на товарищей и перемолвивъ съ ними нѣсколько словъ, пришельцы пошли дальше.

Партія Шарамовича тоже вскорѣ поднялась и направилась, какъ было рѣшено, на югъ. Передъ ними открылась обширная долина, съ разбросанными тамъ и сямъ пустыми юртами бурятъ. Въ одномъ пунктѣ паслось стадо коровъ; странники отогнали одну изъ нихъ въ кусты, убили и съѣли въ одинъ день. Это былъ 24-й день бѣдственнаго скитанія! Почувствовавъ себя какъ бы немного покрѣпче, партія выспалась и рѣшилась пуститься въ дальнѣйшій путь, только не иначе, какъ въ сотовариществѣ хотя одной коровы. Стали обдумывать способъ, какъ бы получше похитить ее... Вдругъ изъ кустовъ показались конные буряты и казаки: это были форпосты такъ называемаго «монгольскаго кордона», который иркутскія власти нашли нужнымъ растянуть между Байкаломъ и китайской границей съ той минуты, какъ только узнали о воз-

станіи поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ. Монгольскій кордонъ заключалъ въ себѣ три казачьи бригады и нѣсколько тысячъ конныхъ бурятъ. Объ этомъ кордонѣ поляки и не подумали, собираясь уйти въ Китай!.. Посыпались щедрые удары нагаекъ, прикладовъ, пикъ... нѣсколько человѣкъ было убито, а остальные, связанные веревками, не то закованные въ цѣпи, доставлены въ Селенгинскъ, откуда перегнали ихъ въ Посольскъ. Тутъ собраны были всѣ плѣнные, между прочими и Цѣлинскій со своею партіей, заключавшею въ себѣ около 50 человѣкъ. Въ Посольскѣ, въ первый разъ послѣ бѣдственныхъ скитаній, повстанцы Шарамовича отвѣдали хлѣба: всѣмъ имъ сдѣлалось дурно...

Черезъ недѣлю съ небольшимъ всѣ арестованные отправлены изъ Посольска на берега Байкала, гдѣ посадили ихъ на пароходъ и отвезли въ Лиственичную. Оттуда они пошли пѣшкомъ въ Иркутскъ, гдѣ ихъ давно ожидали съ нетерпѣніемъ и нѣкоторымъ страхомъ: распространились слухи, будто бы ожидаемые съ Байкала поляки намѣрены соединиться съ поляками, живущими въ городѣ на свободѣ, и сдѣлать отчаянное нападеніе на мирныхъ жителей. Никому и въ голову не приходило, что эти «опасные» скитальцы—едва двигали ноги!..

Въ Иркутскѣ арестантовъ (коихъ число доходило до 688) посадили въ острогъ.. Два мѣсяца тянулось слѣдствіе; затѣмъ, наступилъ судъ—при открытыхъ дверяхъ. По выслушаніи оправданій отъ каждаго, всю массу преступниковъ раздѣлили на 6 категорій. Къ первой изъ нихъ принадлежали 8 предводителей: Шарамовичъ, Цѣлинскій, Райнеръ, Котковскій, Панковскій, Еліашевичъ, Квятковскій и Вронскій, приговоренные къ разстрѣлянію. Ко второй категоріи относились: Поплавскій, Мышковскій, Летнеръ и другіе, гдѣ осужденъ былъ на разстрѣляніе десятый. Остальные слѣдовали въ каторжную работу и на поселеніе въ Сибири на разные сроки.

Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Корсаковъ, находился тогда въ Петербургѣ; послали къ нему приговоръ суда на утвержденіе. Многіе ожидали (какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ) помилованія, но его не послѣдовало. Только конфирмація генералъ-губернатора нѣсколько измѣнила приговоръ иркутскаго военнаго суда: пятерыхъ (Шарамовича, Цѣлинскаго, Райнера, Котковскаго и Еліашевича) назначено разстрѣлять; 249—въ каторжныя работы безъ срока, 60—на 12 лѣтъ; совсѣмъ избавлено отъ наказанія 95, остальные пошли на поселеніе въ разныя отдаленныя мѣста Сибири.

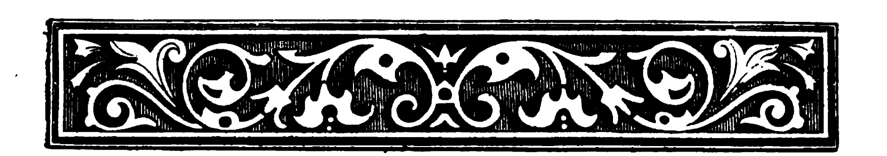
27-го ноября н. ст. 1866 г., въ день морозный и туманный, узниковъ, приговоренныхъ къ разстрѣлянію, свезли на позорной колесницѣ въ предмѣстье Ушаковку и тамъ, на площадкѣ, при огромномъ стеченіи народа, они были разстрѣляны одинъ за другимъ. Брошюра: «Powstanie polskie nad Bajkalem» (откуда мы взяли главные

подробности для нашаго разсказа) сообщаетъ слѣдующее о послѣднихъ минутахъ Шарамовича: «Когда онъ слѣзъ съ позорной колесницы, къ нему подошелъ ксендзъ Шверницкій, пробощъ иркутской католической часовни, когда-то ссыльный по заговору Конарскаго (1838). Онъ былъ блѣденъ и руки его дрожали. Шарамовичъ, замѣтивъ это, сказалъ: «Отче! вмѣсто того, чтобы насъ подкрѣпить Божіимъ словомъ и придать намъ мужества въ послѣднія минуты, ты самъ упалъ духомъ и требуешь поддержки. Рука твоя, которая должна благословить насъ къ отходу въ жизнь вѣчную, дрожитъ! Успокойся и молись не за насъ, а за будущее Польши! Намъ все равно, гдѣ-бы мы ни погибли за свое отечество—у себя ли дома, или въ изгнаніи: мысль, которая была всегда нашей путеводной звѣздою, не умретъ и послѣ насъ. Вотъ что̀ насъ подкрѣпляетъ и утѣшаетъ!»

Сказавши это, Шарамовичъ обнялся съ остальными товарищами, стоявшими неподалеку, въ отдѣльной группѣ — и затѣмъ пошелъ къ одному изъ врытыхъ въ землю столбовъ. Въ минуту, какъ стали надѣвать на него смертную рубаху, онъ снялъ съ головы шапку, бросилъ ее вверхъ и воскликнулъ: «jeszcze Polska nie zginęla!» Вскорѣ затѣмъ раздался роковой залпъ [1])...

Н. Бергъ.

[1]) Стр. 119—120. Нѣкоторыя лишнія подробности можно найти въ «Gazecie Narodowej» 1867, № 11. «Czas», № 21.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

II.

Вторая имперія въ свой цвѣтущій періодъ.—Моя первая поѣздка въ Парижъ.—Посѣщеніе Сорбонны и Института.—Жизнь парижскаго общества того времени.—Польскій кружокъ въ Парижѣ и польское возстаніе. — Сцена въ Виши черезъ десять лѣтъ.—Трехмилліонный заемъ 1872 года и впечатлѣніе его блестящаго успѣха на Францію и Европу.—Возрожденіе Франціи. — Отношеніе нѣмцевъ къ французамъ послѣ войны.—Книга Бордье «L'Allemagne aux Tuileries». — Реваншъ—національная мысль Франціи.—Надежды на Россію.—Перемѣна въ настроеніи французскаго общества.

АВНО ЛИ, кажется, во Франціи была вторая имперія, а кто о ней теперь думаетъ? Думаютъ, разумѣется, потерявшіе власть, жирныя мѣста и возможность набивать свои карманы на счетъ государства бонапартисты, думаетъ вдова покойнаго императора, да разные претенденты на престолъ третьей имперіи. Для всего же остальнаго человѣчества нечестивое время Наполеона III во Франціи представляется чѣмъ-то уже далекимъ, отодвинутымъ какъ бы въ другой, уже прожитый, историческій періодъ и имѣющимъ для современнаго поколѣнія едва ли не археологическое значеніе.

А между тѣмъ вторая имперія во Франціи погибла всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Не далѣе какъ въ 1867 году, за три года до своей гибели, она праздновала свой тріумфъ всемірною выставкой, изумившей весь свѣтъ необыкновеннымъ развитіемъ промышленности и богатства во Франціи. На эту выставку, а въ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XI, стр. 383.

сущности для того, чтобы отдать дань уваженія повелителю французовъ, съѣзжались императоры, короли, великіе герцоги, владѣтельные князья со всей Европы, и возвращались оттуда какъ нельзя болѣе довольные ласковымъ пріемомъ и дружескимъ расположеніемъ возстановителя наполеоновской династіи. Вѣроятно не многіе изъ нихъ замѣчали, что звѣзда похитителя народной свободы въ то время уже стала закатываться и ужъ конечно никто не думалъ, что онъ скоро будетъ жалкимъ плѣнникомъ одного изъ своихъ гостей и что ему придется окончить дни свои въ изгнаніи и въ уничиженіи. Если же мы заглянемъ назадъ всего за пять лѣтъ до знаменитой парижской выставки 1867 года, то увидимъ французскую вторую имперію еще въ полномъ блескѣ, окруженную ореоломъ побѣдъ въ крымской и итальянской кампаніяхъ. То было время, когда сенскій узурпаторъ давалъ тонъ всемірной политикѣ, когда на его дворецъ были обращены глаза всѣхъ государственныхъ людей и правителей, въ Европѣ, Азіи и даже Америкѣ, и когда его новогодняя рѣчь ожидалась иными со страхомъ, а другими съ интересомъ, которому не было равныхъ въ текущей политикѣ.

Мое первое посѣщеніе Франціи относится къ концу 1862 года и началу 1863 года. Это былъ самый цвѣтущій періодъ имперіи. Во внѣшнихъ дѣлахъ авторитетъ ея, опираясь на результаты войнъ крымской и итальянской, стоялъ незыблемо. Не произошло еще ни одного событія, которое могло бы походить на ударъ, нанесенный наполеоновской политикѣ: не только мексиканская катастрофа съ водвореннымъ тамъ Франціей императоромъ Максимиліаномъ, но даже и дипломатическое пораженіе, понесенное этою политикой въ польскомъ вопросѣ, были еще впереди. Во внутреннихъ дѣлахъ стоялъ еще прочно порядокъ, водворенный вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ 2-го декабря. Оппозиція въ законодательномъ собраніи состояла всего изъ пресловутыхъ пяти человѣкъ, и въ средѣ ея не было не только Гамбетты, появившагося на политической трибунѣ въ послѣдній законодательный періодъ имперіи, но и Тьера, выступившаго въ числѣ ораторовъ оппозиціи въ 1863 году и нанесшаго первый ударъ узурпаторской власти Наполеона жестокой критикой мексиканской экспедиціи. Несмотря на конституціонную внѣшность, императорское правительство управляло Франціей диктаторски. Законъ общественной безопасности 1858 года, вызванный покушеніемъ Орсини, давалъ ему неограниченныя полномочія, и оно могло какъ нельзя легче отдѣлываться отъ лицъ, казавшихся ему подозрительными. Безчисленная и строго дисциплинированная тайная полиція неустанно слѣдила за малѣйшимъ политическимъ движеніемъ, а порученная командованію преданныхъ генераловъ армія готова была во всякую минуту подавить малѣйшую попытку вооруженнаго возстанія. Чего же могла желать

больше для своего блага и счастія имперія? Чего ей не доставало?

Ей не доставало чувства прочности и законности. Имперія эта родилась въ крови, основана была на клятвопреступничествѣ и насиліи. Противъ нея вопіяло множество жертвъ кроваваго переворота, противъ нея служили живымъ протестомъ вдовы и сирыя дѣти лицъ разстрѣлянныхъ, убитыхъ, заключенныхъ въ казематы, томящихся въ ссылкѣ подъ тропическимъ солнцемъ Каенны; противъ нея протестовало чувство права и законности во всѣхъ уважаемыхъ гражданахъ собственной страны, протестовало сознаніе всей либеральной и просвѣщенной Европы. Всякое проявленіе оппозиціи внутри страны было подавлено, но не было и не могло быть подавлено сознаніе о незаконномъ и кровавомъ происхожденіи имперіи. Государи Европы всѣ безъ исключенія признавали въ Луи Бонапартѣ императора Франціи и даже смотрѣли на него, послѣ крымской и итальянской войнъ, какъ на распорядителя въ международной политикѣ, заискивали его вниманія; но народы Европы его ненавидѣли, какъ главнаго вождя реакціи, и надѣялись, что паденіе этой узурпаторской власти на берегахъ Сены не только поведетъ къ облегченію начинавшихъ все болѣе и болѣе давить населенія военныхъ тягостей, но и откроетъ путь новому движенію идей свободы и политическаго обновленія. Если и были какъ въ самой Франціи, такъ и въ остальной Европѣ почитатели суроваго режима второй имперіи, то все-таки она была въ такой степени окружена ненавистью и недоброжелательствомъ, что, сознавая свое узурпаторское происхожденіе, она не могла быть спокойна и потому смотрѣла съ крайнимъ недовѣріемъ и подозрительностью на все окружающее.

Съ этимъ недовѣріемъ и подозрительностью относилась наполеоновская полиція не только къ людямъ, державшимся въ сторонѣ отъ господствовавшей партіи въ самой Франціи, но и ко всякому пріѣзжему иностранцу. У страха глаза велики, велики они были и у наполеоновской полиціи, особенно послѣ орсиніевскаго покушенія. За каждымъ лицомъ, переступившимъ французскую границу со стороны Ламанша, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи, слѣдила полиція съ первой и до послѣдней минуты его пребыванія въ предѣлахъ Франціи. Для этого у ней было достаточно агентовъ, особенно въ Парижѣ, гдѣ, по показанію Канле [1]), бывшаго начальника охраны, призывались къ немедленному дѣйствію цѣлыхъ семь бригадъ тайныхъ полицейскихъ агентовъ, когда императоръ отправлялся въ театръ, и изъ нихъ четыре бригады состояли изъ агентовъ политической полиціи. Если такая полицейская сила со-

---

[1]) Mémoires de Canler, ancien chef du service de sureté. Bruxelles, 1862, p. 440.

средоточивалась только на извѣстныхъ пунктахъ Парижа, лежавшихъ по пути отъ Тюльери до того или другого театра, то какъ же велика она была вообще во французской столицѣ! Особыя бригады тайныхъ полицейскихъ агентовъ слѣдили за движеніемъ на улицахъ; другія слѣдили за тѣмъ, что̀ дѣлается въ отеляхъ, меблированныхъ комнатахъ. Съ самаго пріѣзда въ Парижъ путешественникъ, какъ бы онъ ни былъ недогадливъ, начиналъ чувствовать, что онъ находится подъ постояннымъ надзоромъ видимыхъ и невидимыхъ благодѣтелей. Объ этомъ ему напоминала своимъ испытующимъ взглядомъ и прислуга его гостинницы, и заботливое попеченіе о немъ какихъ-то личностей, появляющихся время отъ времени у воротъ гостинницы, и даже прямое посѣщеніе его людьми, обладающими полицейскими шарфами, людьми, которые безъ церемоніи дѣлали допросъ: Кто? Откуда? Зачѣмъ? Есть ли у васъ родители? Какія у васъ средства для жизни? Какое ваше занятіе? и т. п.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ читать газеты и интересоваться новой исторіей, я чувствовалъ глубокое отвращеніе къ Наполеону III и не могъ безъ внутренняго возмущенія слушать о немъ обычныя въ то время у насъ замѣчанія: «умная голова», «геніальная бестія». Находить умъ и геніальность въ томъ, что человѣкъ раздавилъ ногами свою совѣсть и принужденный, какъ воръ, осматриваться кругомъ, чтобъ его не поймали, напрягаетъ всѣ свои силы къ отнятію у народа всякой возможности свободнаго проявленія своихъ чувствъ и желаній, другими словами, находить государственный умъ въ безстыдствѣ, плутовствѣ и способности не отказываться ни отъ какихъ гнусныхъ средствъ къ удовлетворенію своего эгоизма, честолюбія и сладострастія—какая низкая степень нравственнаго развитія и какое умственное убожество! Я чувствовалъ, я вѣрилъ, и даже держалъ пари, что такая бездна преступленій, какая тяготѣла надъ Наполеономъ III, не можетъ остаться безъ отмщенія, что такой человѣкъ не можетъ мирно окончить дней своихъ. Иногда казалось даже, что надъ нимъ уже занесла свою карающую руку Немезида, и что не далекъ часъ возмездія. Но это отвращеніе къ запятнанному невинною кровью деспоту никогда не исключало во мнѣ горячей любви къ Франціи, къ ея великому прошлому, къ ея національному генію, столько же сильному въ наукѣ и искусствѣ, сколько обаятельному въ движеніи общественной мысли и въ совершеніи великихъ гражданскихъ подвиговъ. Были, такимъ образомъ, причины, которыя отталкивали отъ поѣздки въ Парижъ, наполненный полицейскими и мушарами, въ Парижъ, находящійся въ плѣну у шайки отчаянныхъ политическихъ авантюристовъ, тлетворное вліяніе которыхъ должно тамъ чувствоваться на каждомъ шагу; но были рядомъ съ этимъ побужденія взглянуть своими глазами на великій городъ, истин-

ный центръ европейской образованности, на его монументальное величіе, на его кипучую общественную жизнь и на его пережившее въ короткое время столько переворотовъ населеніе.

Изъ Германіи рукой подать во Францію, особенно когда живешь на Рейнѣ. Всего двѣнадцать часовъ ѣзды со скорымъ поѣздомъ отъ Кёльна до Парижа, т. е. до самаго сердца Франціи. Лекціи, которыя я сталъ слушать въ боннскомъ университетѣ осенью 1862 года, прерывались на десять дней передъ рождественскими праздниками. Не оставаться же эти десять дней въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ я жилъ уже три мѣсяца безъ общества, безъ всякихъ развлеченій, и проводилъ время исключительно въ посѣщеніи университета и въ домашнихъ занятіяхъ своею научною спеціальностью. Потребность освѣжиться, видѣть свѣтъ, встрѣтить знакомыхъ, была неодолимая. Рѣшеніе отправиться на недѣлю въ Парижъ, и именно въ Парижъ, явилось само собою. И я отправился.

Въ правленіе Наполеона III Парижъ постоянно назывался и въ книгахъ, и въ газетахъ, и въ парламентскихъ рѣчахъ, столицей образованнаго міра. Названіе это къ великому городу на берегахъ Сены, разумѣется, шло больше, чѣмъ къ какому бы то ни было другому. Но Наполеону III и его друзьямъ особенно нравилось такое названіе. Оно льстило національному самолюбію французовъ, а лесть этому самолюбію входила въ программу наполеоновской политики. Нужно было убаюкивать лишенную политической свободы и самоуправленія страну преувеличеннымъ изображеніемъ ея величія, нужно было твердить ей, что со времени государственнаго переворота величіе это не только не убавилось, но напротивъ, необыкновенно увеличилось; нужно было внушать легко поддающейся тщеславію націи, что у нея все лучше, чѣмъ у другихъ народовъ, и что ей, въ правленіе Наполеона III, не въ чемъ завидовать кому бы то ни было. Если во многихъ случаяхъ подобныя увѣренія требовали доказательствъ и не внушали полнаго довѣрія, то по отношенію къ Парижу, для котораго названіе «столицы образованнаго міра» сдѣлалось почти оффиціальнымъ, лесть наполеоновскаго правительства принималась безъ возраженія. Массы иностранцевъ, отовсюду стремившихся въ то время къ берегамъ Сены или для того, чтобы вкусить соблазнительныхъ прелестей парижской жизни, или для того, чтобы доставить тамъ своему таланту болѣе широкое поприще, или для того, чтобъ найти комфортъ и удобства жизни, какихъ не представляетъ никакая другая европейская столица, видимо подтверждали мнѣніе о несравненности французской столицы и служили главнымъ доказательствомъ всемірнаго ея признанія, какъ главнаго и единственнаго въ своемъ родѣ пункта европейской образованности.

Я ѣхалъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1862 года въ Па-

рижъ безъ всякой опредѣленной цѣли, а единственно, какъ я сказалъ, для того, чтобъ взглянуть на этотъ необыкновенный муравейникъ человѣческой жизни, притягательная сила котораго такъ сильно чувствуется въ цѣломъ мірѣ, тѣмъ болѣе на такомъ близкомъ разстояніи, на какомъ я отъ него находился, живя на Рейнѣ. Прежде всего мнѣ хотѣлось испытать ощущеніе жизни въ огромномъ городѣ и въ совершенно новой для меня атмосферѣ. Это новое ощущеніе обыкновенно начинается для путешественника еще на кёльнскомъ вокзалѣ, какъ только онъ сѣлъ въ вагонъ поѣзда, направляющагося къ западу. Уже здѣсь разомъ его обхватываетъ атмосфера, совсѣмъ непохожая на ту, въ какой онъ двигался съ востока черезъ Пруссію или Австрію, атмосфера, дающая ему чувствовать, что онъ съ этого пункта вступаетъ въ какой-то большой свѣтъ, до сихъ поръ ему незнакомый, къ которому Германія служила только преддверіемъ. Въ Кёльнѣ—узелъ дорогъ, идущихъ въ Голландію, Бельгію, Англію, во Францію. Главная центральная линія этихъ дорогъ направляется къ Парижу, и это придаетъ особенный характеръ происходящему тутъ международному движенію. На западной сторонѣ кёльнскаго бангофа нѣмецкій языкъ уже теряетъ свое привиллегированное положеніе въ Германіи и вполнѣ вступаетъ въ свои права языкъ французскій, хотя вы ѣдете еще цѣлыхъ два часа до бельгійской границы. Къ кондуктору-нѣмцу вы смѣло обращаетесь по-французски, и онъ отвѣчаетъ вамъ на томъ же языкѣ съ полною предупредительностью. Онъ и самъ себя чувствуетъ здѣсь какъ бы на международной почвѣ и потому обнаруживаетъ свѣтскость манеръ и вѣжливость, какой вы отъ него не ждали, проѣзжая черезъ Германію. Сѣвши въ вагонъ и осматриваясь кругомъ, вы видите передъ собой публику сдержанную, холодно вѣжливую, избѣгающую взаимныхъ стѣсненій, спокойно переносящую неудобства тѣсноты, какою всегда отличаются состоящіе изъ одного класса скорые парижскіе поѣзды, ту космополитическую публику, каждый членъ которой старается показать себя образцомъ порядочности и не уступить другому во внѣшней полировкѣ и дисциплинированности. Тутъ и нѣмецъ теряетъ свою способность говорить черезчуръ громко и безцеремонно развалиться на диванѣ, не думая о другихъ, какъ онъ это дѣлаетъ въ Германіи, и русскій забываетъ о своей широкой натурѣ и не отстаетъ отъ другихъ въ сдержанности и соблюденіи ненавидимыхъ имъ условныхъ приличій, не закуриваетъ васъ табакомъ и не плюетъ вамъ подъ ноги. Я всегда чувствовалъ себя хорошо въ международной средѣ, гдѣ такъ много матерьяла для наблюденія, а главное, гдѣ такъ легко дышется и такъ удобно живется. Но тогда это было для меня ощущеніе новое, которое говорило о приближеніи къ могущественному центру всемірной культуры, которое какъ-то окрыляло душу и пробуждало въ ней представленіе о другихъ,

гораздо болѣе широкихъ горизонтахъ народной жизни, чѣмъ какіе обыкновенно рисуются на почвѣ отечественной и даже германской.

Нѣтъ нужды говорить, какое сильное и неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на меня Парижъ, этотъ новый Вавилонъ, какъ онъ названъ былъ въ только-что прочтенной мной тогда книгѣ Пельтана. Такое монументальное величіе и такой безпредѣльный океанъ, бушующій волнами общественной жизни, на первый разъ ошеломляютъ и мѣшаютъ всякому сосредоточенію. Не имѣя опредѣленной цѣли, не знаешь, съ чего начать, къ чему приступить: все такъ колоссально, все является въ огромныхъ размѣрахъ. Хочется видѣть самый городъ, хочется познакомиться съ его памятниками, его художественными сокровищами, его промышленною дѣятельностью и богатствомъ, хочется взглянуть на рычаги его умственной силы, окунуться въ океанъ его обыденной жизни, прислушаться къ его общественному настроенію. Но для всего этого нужно время и время, а у меня всего въ распоряженіи была одна недѣля или, самое бо̀льшое, дней десять. Понятно, что я не успѣлъ тогда познакомиться хорошенько ни съ одной стороной парижской жизни; всего же менѣе, благодаря рождественскимъ и новогоднимъ праздникамъ, мнѣ удалось познакомиться съ тѣмъ, что̀ мнѣ было тогда всего ближе,—съ ученою и учебною дѣятельностью всемірной столицы. Я не хотѣлъ однако уѣхать въ Боннъ безъ того, чтобъ не побывать по крайней мѣрѣ въ знаменитой Сорбоннѣ и въ Институтѣ, т. е. во дворцѣ Мазарини, гдѣ помѣщаются пять академій, составляющихъ фокусъ умственной жизни, славу и гордость Франціи.

Сорбонна, это древнѣйшее святилище европейской науки, центръ схоластической учености въ средніе вѣка, ожесточенная противница протестантства, іезуитства и философіи XVIII-го столѣтія, наконецъ, современное вмѣстилище трехъ факультетовъ — богословскаго, словеснаго и научнаго, дающее тонъ всей факультетской науки во Франціи, представляетъ собой столь громкое и освященное въ исторіи европейскаго просвѣщенія имя, что не остановиться передъ этимъ зданіемъ, не посмотрѣть на него вблизи, не зайти въ него и не полюбопытствовать, что̀ въ немъ теперь дѣлается, было бы непростительно для человѣка, путешествующаго съ цѣлью довершенія своего образованія знакомствомъ съ положеніемъ науки и преподаванія ея въ Западной Европѣ. Нужды нѣтъ, что французская филологическая наука въ правленіе Наполеона III находилась въ упадкѣ и Сорбонна не могла прельстить своей ученостью того, кто знакомъ съ болѣе глубокими въ то время кладезями мудрости, съ германскими университетами, но въ ней хранились все-таки преданія французской науки болѣе счастливаго времени, она была представительницею пріемовъ и способовъ, господствовавшихъ впродолженіе вѣковъ въ факультетскомъ пре-

подаванія во Франціи. Все это было очень любопытно. Подхожу съ однимъ знакомымъ къ знаменитому зданію съ Сорбоннской улицы, Rue de la Sorbonne, и вижу надпись: «Faculté des lettres». Цѣль наша попасть на лекцію Берже, читавшаго «Eloquence latine». Поднимаемся по лѣстницѣ и входимъ въ устроенную амфитеатромъ аудиторію. Человѣкъ двадцать-тридцать самаго разнообразнаго народа: молодые, пожилые и совсѣмъ старые люди; одѣтые прилично, одѣтые дурно слушатели, въ числѣ которыхъ одинъ сѣдой какъ лунь монахъ. Всѣ съ шляпами на головахъ.—Здѣсь читаетъ профессоръ Берже? спрашиваемъ мы сидящихъ при входѣ въ аудиторію. «Извините, не знаю», отвѣчаетъ одинъ, отвѣчаетъ другой. Это, очевидно, люди, зашедшіе съ улицы только для того, чтобы погрѣться въ тепломъ и открытомъ для всякаго помѣщеніи. — Кто теперь будетъ здѣсь читать?—обращаемся мы съ вопросомъ къ молодому человѣку, сидящему нѣсколькими ступеньками ниже. «Кажется, г. профессоръ Берже». Мы усѣлись. Передъ нами внизу стоитъ каѳедра на сценѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ двери, находящейся прямо противъ насъ, какъ это устраивается на театральной сценѣ, выходитъ тучный мужчина во фракѣ и начинаетъ говорить стоя. Онъ говорилъ о Катонѣ старшемъ, который, какъ извѣстно, положилъ основаніе правильному краснорѣчію въ Римѣ, говорилъ не обращаясь ни къ какой тетради; только когда нужно было привести латинскую или греческую цитату, онъ бралъ одну изъ сложенныхъ въ кучу карточекъ въ родѣ тѣхъ, на какихъ составляются словари или библіотечные каталоги, и прочитывалъ по ней требующееся мѣсто въ подлинникѣ и затѣмъ въ переводѣ. Карточки эти были сложены имъ дома въ томъ порядкѣ, въ какомъ должны были слѣдовать цитаты на лекціи. Профессоръ говорилъ, очевидно, лекцію, тщательно заученную, говорилъ твердо, плавно, безъ запинки, приправляя свою рѣчь о довольно сухомъ предметѣ тѣмъ или другимъ остроумнымъ оборотомъ. Лекція кончилась. Аплодисменты. Профессоръ уходитъ въ одну дверь, слушатели въ другую. Это именно, что называется, отзвонилъ да и съ колокольни долой. Характеръ французскихъ лекцій, читающихся публично, безъ опредѣленнаго состава слушателей, обрисовался передъ мной совершенно ясно. Я припомнилъ, какъ за годъ передъ этимъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ между двумя профессорами исторіи шелъ споръ о томъ, какой характеръ должно принять чтеніе лекцій въ русскихъ университетахъ. Это было время, когда университетскія лекціи читались въ Петербургѣ не въ университетѣ, а въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ. Одинъ изъ споpившихъ горячо стоялъ за сорбоннскій характеръ того времени. Нельзя сказать, чтобы такой совѣтъ показался мнѣ теперь очень для насъ пригоднымъ.

Въ Институтѣ, когда я взглянулъ въ росписаніе его засѣданій,

ближайшее засѣданіе значилось въ академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ. Обыкновенныя засѣданія въ этой академіи происходятъ по понедѣльникамъ. Подхожу къ зданію, которое по вѣнчающему его куполу можно принять за церковь, и освѣдомляюсь, когда начнется засѣданіе. Оно, по словамъ привратника, откроется только черезъ полчаса, но онъ предлагаетъ мнѣ покуда посмотрѣть на бюсты знаменитыхъ или, по академическому выраженію, «безсмертныхъ» людей, расположенные въ длинной залѣ, ведущей къ залу засѣданій. Этихъ безсмертныхъ оказалось такъ много, что я не успѣлъ познакомиться и съ десятой долей ихъ, какъ засѣданіе началось. «Voulez-vous, monsieur, assister à la séance?» кричитъ мнѣ издали академическій служитель, котораго я принялъ было за чиновника академической канцеляріи, и объявляетъ, что засѣданіе открылось. Вхожу въ залу засѣданій. Въ ней сидятъ десятка полтора академиковъ и нѣсколько человѣкъ изъ публики, мужчины и дамы. Скоро такихъ любителей просвѣщенія набралось человѣкъ двадцать. Читалъ безсмѣнный секретарь академіи Минье какой-то докладъ, относящійся по своему содержанію къ характеристикѣ учрежденій прошлаго столѣтія. Большинство академиковъ во все это время весело разговаривали другъ съ другомъ; въ разнообразной же по внѣшнему виду публикѣ были люди, которые слушали очень внимательно. Но чтеніе было скучное, мало меня интересовало своимъ сюжетомъ, и я ушелъ, не дождавшись конца засѣданія, но все-таки очень довольный тѣмъ, что удалось посѣтить и это святилище.

Парижъ, безъ сомнѣнія, очень образованный городъ. Таковъ онъ теперь, такимъ онъ былъ и при Наполеонѣ III, такимъ онъ былъ и за три столѣтія до нашего времени. Но и тамъ факультетскія лекціи и академическія засѣданія интересуютъ лишь самую ничтожную и совершенно незамѣтную часть общества. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда назначеніе того или другого професора или выборъ какого-либо академика получаетъ рѣзко политическій характеръ. Тогда движеніе, начавшееся въ Латинскомъ кварталѣ, переходитъ въ политическую печать и черезъ нее овладѣваетъ и всѣмъ образованнымъ обществомъ всемірной столицы. Но въ концѣ 1862 и въ началѣ 1863 гг., политическая жизнь Франціи была подавлена. Она находилась подъ давленіемъ закона объ общественной безопасности, который и безъ того диктаторски распоряжавшемуся правительству давалъ возможность подавлять въ зародышѣ всякое непріятное ему движеніе. Ни политическихъ клубовъ, ни общественныхъ собраній съ цѣлію обсужденія правительственной политики, не было. Въ печати едва прорывалась та или другая либеральная нота, и то скорѣе въ книгахъ, чѣмъ въ газетахъ. Къ числу самыхъ красныхъ газетъ считался принадлежащимъ органъ принца Жерома Бонапарта,

газета «Opinion Nationale», которая вмѣстѣ съ газетою «Siècle» представляла тогда верхъ либеральной оппозиціи. Обществу, лишенному участія въ управленіи и почти тѣни политической жизни, ничего болѣе не оставалось, какъ предаваться нѣгѣ и развлеченіямъ, и оно имъ предавалось въ самой широкой степени. Никогда общественные балы, маскарады, легкіе театры и другія увеселительныя мѣста не были усерднѣе посѣщаемы, никогда дамы не одѣвались роскошнѣе, никогда мужчины не предавались большему разгулу, никогда проституція въ такой степени не захватывала общественныхъ мѣстъ и улицъ, никогда развратъ не доходилъ до болѣе колоссальныхъ размѣровъ, никогда его цинизмъ и утонченность до такой степени не развивались въ массахъ и не составляли такой потребности во всѣхъ слояхъ населенія. Всякій другой городъ Европы, по крайней мѣрѣ континентальной, могъ считаться образцомъ строгости нравовъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ представляла собой столица образованнаго міра. Уже гораздо позже Берлинъ и Вѣна поставили себѣ задачей по крайней мѣрѣ догнать Парижъ въ цинизмѣ разгула, если не перещеголять его. Я пріѣхалъ въ Парижъ всего на недѣлю, пріѣхалъ съ самыми скудными средствами и потому не имѣлъ возможности не только вкусить отъ удовольствій новаго Вавилона, если бъ и имѣлъ къ тому желаніе, но и могъ видѣть ихъ лишь въ самыхъ малыхъ (относительно говоря) размѣрахъ; но все-таки то, что̀ я наблюдалъ, видѣлъ и узналъ, было для меня до того поразительно, что мнѣ оставалось только развести руками передъ такою, никогда до тѣхъ поръ не представлявшеюся моему воображенію, дѣйствительностью. Зола̀, изображая въ своемъ романѣ «Nana» разгулъ парижскаго общества этого времени, безъ сомнѣнія представилъ намъ лишь блѣдную копію жизни, проникнутой самымъ безумнымъ культомъ роскоши и сладострастія.

Не слѣдуетъ однако думать, что все парижское общество проводило время въ оргіяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія описываются талантливымъ французскимъ романистомъ. Предавались разгулу и утонченному разврату люди, которые и всегда мало способны къ скромной, трудолюбивой и разумной жизни. Но никогда, быть можетъ, не было въ парижскомъ обществѣ столько лицъ, которыя бы стояли въ сторонѣ отъ господствующаго направленія и относились къ нему съ отвращеніемъ. Это доказывается уже огромнымъ контингентомъ сильныхъ дѣятелей, которые выступили на сцену послѣ паденія имперіи и энергически повели націю къ умственному, политическому и нравственному возрожденію. Эти дѣятели принадлежали къ тѣмъ слоямъ общества, жизнь которыхъ въ то время мало была доступна стороннему, и тѣмъ болѣе иностранному наблюдателю. Такой наблюдатель видитъ зачастую лишь то, что̀ ему показывается на улицѣ и что́ плаваетъ по поверхности. Никогда о Парижѣ нельзя судить по

его улицѣ и публичнымъ мѣстамъ, гдѣ господствуютъ элементы не настоящаго Парижа, а тѣмъ болѣе такое сужденіе было бы несправедливо относительно времени второй имперіи.

Какъ ни стѣснена была Франція въ своей политической жизни въ этотъ періодъ, но все-таки въ ней, а не въ другой странѣ, сходились нити европейскаго движенія, и наблюдать это движеніе изъ Парижа было и тогда всего удобнѣе. Въ зиму 1862—1863 года въ Парижѣ жила бездна польской молодежи, между которою замѣтно было какое-то особенное оживленіе. Случай столкнулъ меня съ однимъ изъ кружковъ этой молодежи, нерѣдко пользовавшейся отъ щедротъ наполеоновскаго правительства. Каждый бѣдный польскій эмигрантъ въ то время, какъ извѣстно, имѣлъ право на полученіе правительственной субсидіи, хотя и очень незначительной. Кружокъ, съ которымъ я встрѣтился, обѣдалъ въ кухмистерской Фредерика въ Rue de monsieur le Prince, въ одной изъ маленькихъ улицъ Латинскаго квартала, за одинъ франкъ съ четвертью (32 коп.), но проводилъ время очень весело. Молодые люди одѣвались чисто, посѣщали публичные балы въ Casino, Valentino, Closerie de Lilas, даже знаменитые маскарады Большой Оперы, такъ называемые bals de l'Opéra, знали отлично Парижъ и жили въ немъ какъ дома. Нѣкоторые изъ нихъ были недавно студентами петербургскаго университета. Грустное чувство овладѣваетъ мной при воспоминаніи объ этихъ юношахъ, бойкихъ, ловкихъ, развитыхъ умственно, способныхъ, даровитыхъ и большею частію сдѣлавшихся жертвами своихъ политическихъ и національныхъ увлеченій. Много мы тогда разсуждали и спорили о Россіи, о Польшѣ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей увлекались до того, что прямо высылали насъ, русскихъ, за Волгу, въ азіатскія степи. Сколько, какъ подумаешь, было тогда надеждъ у польской эмиграціи, сколько самомнѣнія!.. Послѣ того, что̀ я видѣлъ и слышалъ въ польскомъ обществѣ, я уѣхалъ изъ Парижа съ полною увѣренностью, что на дняхъ должно вспыхнуть въ Польшѣ возстаніе. Мои знакомые поляки знали объ этомъ и уже не скрывали. Дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль послѣ моего возвращенія въ Боннъ, какъ это возстаніе вспыхнуло, а вслѣдъ за нимъ и началось движеніе польской учащейся въ Германіи и во Франціи молодежи къ границамъ своей родины.

Не знаю, ка̀къ на другихъ, а на меня этотъ почти единодушный откликъ юношей на раздавшійся среди нихъ призывъ отдать послѣднюю каплю крови своей родинѣ, юношей, полныхъ жизни и имѣвшихъ право разсчитывать на ея удовольствія, этотъ беззавѣтный патріотизмъ, произвелъ трогательное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала революціи, стали возвращаться въ Германію поляки съ подвязанными руками и съ обмотанными головами. Совершенно здоровые на видъ, они видимо рисовались сво-

имъ участіемъ въ возстаніи и своими дѣйствительными или мнимыми ранами. Эти люди производили дурное, отвратительное впечатлѣніе. Въ нихъ сказывался не патріотизмъ, которымъ имѣетъ право гордиться польская нація, а то хвастовство и фигурантство, которое всегда составляло дурную сторону польской шляхты и бросало на нее комическій свѣтъ въ глазахъ серьёзныхъ людей всѣхъ націй. Нѣкоторые изъ нихъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха отправлялись снова до лясу, какъ любили выражаться тогда въ русскихъ газетахъ, говоря о полякахъ, а другіе оставались въ Германіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи, всюду возбуждая общество описаніемъ неслыханнаго варварства русскихъ войскъ и чиновниковъ и, надо сказать правду, въ значительной степени достигали цѣли. 1863-й годъ для русскихъ, проживающихъ за-границей, былъ не легокъ. Они вздохнули свободнѣе только послѣ знаменитой ноты князя Горчакова, извѣстіе о которой дошло до меня въ бытность мою въ Римѣ. До того времени разговоры о полякахъ, объ ихъ угнетеніи Россіей, преслѣдовали меня всюду, въ Германіи и Италіи. «За что вы такъ гоните эту благородную націю?» приходилось мнѣ слышать и въ Миланѣ, и во Флоренціи, и въ Римѣ. Но всего хуже было въ эту тяжелую эпоху тѣмъ изъ русскихъ, которые жили въ Парижѣ, гдѣ симпатіи къ Польшѣ и къ польскому возстанію иногда восходили на степень рѣзкихъ демонстрацій противъ ничѣмъ неповинныхъ русскихъ путешественниковъ.

Лѣтомъ 1872 года, въ Виши, въ небольшомъ, но уютномъ отелѣ (Hôtel de Rivoli), съ добрыми и привѣтливыми хозяевами, какихъ можно встрѣтить только во Франціи, каждый день къ завтраку и обѣду собиралось общество въ 30 — 40 человѣкъ. Оно состояло, кромѣ насъ двухъ (меня и жены), исключительно изъ французовъ разнаго званія и положенія. Были тутъ фабриканты изъ окрестностей Парижа, помѣщики изъ Оверни, изъ Бургони, и изъ другихъ мѣстъ средней и южной Франціи, винодѣлы и виноторговцы изъ департамента Жиронды, архитекторы, аптекаря, военные, духовные, рантье—по преимуществу изъ Парижа. Все это общество бесѣдовало весело, оживленно, дружелюбно, несмотря на то, что тутъ сидѣли бокъ-о-бокъ и лицомъ къ лицу республиканцы, бонапартисты, орлеанисты, легитимисты, клерикалы. Шутки, остроты, забавные анекдоты лились рѣкой, поддерживая аппетитъ и самое пріятное настроеніе духа въ обѣдающей компаніи. Но физіономіи становились серьёзнѣе, веселый тонъ мгновенно понижался, какъ только заходила рѣчь о недавней войнѣ, о разореніи, причиненномъ пруссаками, объ униженіи, испытанномъ Франціей. Не было, однако, при этомъ слышно въ голосѣ говорившихъ раздраже-

нія, никому не приходило въ голову разражаться бранью на побѣдителей. Хорошій тонъ, царствовавшій въ этомъ обществѣ во всякое другое время, не понижался ни на одну ноту и при разсказахъ о жестокихъ обидахъ, какія нѣкоторымъ изъ принимавшихъ въ бесѣдѣ участіе пришлось испытать отъ иноземной солдатчины. Веселое настроеніе смѣнялось нѣсколько грустнымъ, но это продолжалось обыкновенно не долго, и какой нибудь удачный каламбуръ мгновенно возстановлялъ обычное пріятное настроеніе. Разъ только это обычное настроеніе было испорчено, и мнѣ, какъ и моимъ ближайшимъ сосѣдямъ, пришлось пережить нѣсколько весьма непріятныхъ минутъ. Виною тому былъ отчасти я самъ, отчасти сидѣвшій противъ меня отставной военный, monsieur le commandant, какъ его всѣ называли. Толстый, лѣчившійся отъ сахарной болѣзни (diabète), мой визави, при всемъ своемъ добродушіи, былъ ярый бонапартистъ и смотрѣлъ на министровъ Тьера немногимъ лучше, какъ смотрятъ на разбойниковъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ онъ такъ и выражался; во всемъ, что было худаго, винилъ республиканцевъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ времени, когда «вся эта canaille» будетъ сослана на галеры или разстрѣляна. При другихъ онъ сдерживался, мычалъ себѣ подъ носъ, когда заходила рѣчь о политикѣ, и лишь изрѣдка позволялъ себѣ, въ осужденіе существующаго порядка, иронически говорить: «mais parbleu, nous avons la république». Почему-то особенно онъ не любилъ Жюля-Симона, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, и, съ усердіемъ поддерживая распространявшуюся «Figaro» и бонапартистскими газетами басню о принадлежности его къ «международному обществу», называлъ его прямо коммунаромъ. Между тѣмъ, изъ всѣхъ министровъ тогдашняго кабинета Жюль-Симонъ былъ мнѣ наиболѣе извѣстенъ и наиболѣе симпатиченъ. Я былъ уже давно знакомъ съ его «École» и съ особымъ интересомъ слѣдилъ за его реформаторской дѣятельностью по народному образованію. Мнѣ какъ нельзя болѣе нравились его ясность плана, твердость взгляда на потребныя реформы, зрѣлость ума, философскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ практическаго. Я смотрѣлъ на него, какъ на образцоваго министра народнаго просвѣщенія. Поэтому однажды, когда нашъ commandant сталъ высказываться о немъ въ очень презрительномъ тонѣ, я не утерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ и не заступиться за французскаго философа.

— Вы, monsieur le commandant, сказалъ я,—лучше изливайте свою злобу на кого нибудь другого, только не на Жюль-Симона. Жюль-Симонъ не только республиканецъ и министръ народнаго просвѣщенія, но и извѣстный писатель, котораго знаетъ Европа. Его репутація слагается не только изъ того, что о немъ говорите вы и ваша партія, но и изъ мнѣній о немъ людей науки и мыслителей, и не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ. По моему

мнѣнію, Жюль-Симонъ — лицо, которымъ должна гордиться Франція.

— Oui, c'est vrai, parfaitement!—раздалось нѣсколько голосовъ, въ числѣ которыхъ былъ голосъ одного приходскаго священника изъ окрестностей Парижа, человѣка съ очень умнымъ лицомъ и прекрасно образованнаго (онъ былъ, между прочимъ, достаточно знакомъ съ исторіей Карамзина).

Толстякъ вспыхнулъ отъ негодованія и, набросившись прежде всего на священника, обратился ко мнѣ приблизительно съ такою рѣчью:

— Меня удивляетъ, какъ это вы, русскіе, которыхъ дома бьютъ кнутомъ, являетесь во Франціи защитниками республиканцевъ. Вѣдь вы у себя дома пикнуть не смѣете о политикѣ, вы ползаете на колѣняхъ передъ вашими господами.

Можно себѣ представить, какъ я себя почувствовалъ при этомъ оскорбленіи, ничѣмъ, какъ мнѣ казалось, съ моей стороны не вызванномъ. Сосѣди мои тоже были задѣты этой неприличной выходкой грубаго отставного офицера. Съ разныхъ сторонъ посыпались на него упреки. Commandant замѣтилъ, что онъ перешелъ границы, и, видя себя въ неловкомъ положеніи, сдѣлалъ усиліе не то извиниться, не то отдѣлаться шуткой, но вслѣдъ затѣмъ энергически сталъ нападать на республиканцевъ, ставя имъ въ вину пораженіе Франціи и утверждая, что они насильно захватили власть во Франціи. Это уже былъ вызовъ большинству присутствовавшей публики, но никто не хотѣлъ вступать въ споръ съ расходившимся военнымъ. Только одинъ аптекарь съ сѣвера Франціи не выдержалъ и сказалъ слѣдующее:

— Я былъ, милостивый государь, въ Парижѣ 4-го сентября (1870), и знаете ли что? Изъ всего парижскаго населенія не нашлось двѣнадцати человѣкъ, которые бы вступились за низверженную имперію!

— Правда, правда! Имперія погибла среди общаго презрѣнія, замѣтили другіе.

Commandant, сраженный заявленіемъ столь простого и столь извѣстнаго факта, замолчалъ.

Разговоръ этотъ происходилъ около десяти лѣтъ спустя послѣ моего перваго посѣщенія Франціи. Имперія за это время успѣла не только погибнуть сама, но и навлечь на страну неисчислимыя бѣдствія, внутреннія и внѣшнія. Управляя Франціей 18 лѣтъ посредствомъ разврата и террора, она кончила тѣмъ, что предала несчастную страну на разграбленіе непріятелю, и сама погибла до того позорно, что не нашлось двѣнадцати человѣкъ, которые рѣшились бы защищать ее, когда оскорбленная и обманутая ею нація объявляла ее низложенною.

Теперь этой націи, ограбленной, униженной и умаленной внѣшнимъ врагомъ, еще сочащейся кровью отъ нанесенныхъ ей ранъ

врагомъ внутреннимъ, порожденнымъ и вскормленнымъ тою же имперіею, нужно было откупаться отъ пруссака, все еще занимавшаго ея предѣлы въ ожиданіи, когда ему будетъ уплочена послѣдняя и наибольшая половина громадной контрибуціи. Съ этою цѣлію была объявлена подписка на заемъ въ три милліарда франковъ, которыхъ французское правительство просило не только у Франціи, но и у всей Европы.

Я былъ въ Парижѣ, когда шла эта подписка, и видѣлъ, какъ несмѣтныя массы народа, по преимуществу блузники, толпились у Palais de l'industrie съ утра до вечера, ожидая возможности внести свою лепту на дѣло искупленія отечества отъ присутствія непріятеля на его территоріи. Происходило нѣчто неслыханное до тѣхъ поръ въ лѣтописяхъ исторіи. Страна, только-что выдержавшая двѣ самыхъ страшныхъ войны, одна другой ужаснѣе, войну внѣшнюю, кончившуюся полнѣйшимъ пораженіемъ, и войну междоусобную, приведшую цѣлый міръ въ содроганіе своими неистовствами, страна эта обращается къ общественному кредиту, прося дать ей въ долгъ около трехъ съ половиною милліардовъ франковъ—сумму, какая до сихъ поръ не была на-лицо ни въ какой кассѣ міра, и получаетъ по подпискѣ сумму, въ двѣнадцать разъ бо́льшую просимой. У меня сохранился нумеръ «République Française», отъ 1-го августа (1872), въ которомъ напечатанъ отчетъ министра финансовъ, г. Гуляра, прочтенный имъ въ засѣданіи Національнаго Собранія, 30-го іюля, относительно результатовъ этой неслыханной финансовой операціи. Страшно сказать! Подписка дала болѣе 41 милліарда, сумму, рента которой равнялась, по словамъ министра финансовъ, двумъ милліардамъ 464 милліонамъ. Изъ этой суммы одну половину дала Франція, на другую подписалась Европа. Одинъ Парижъ подписался на 790.886.000 ренты. Помню я, какое было оглушающее впечатлѣніе такого неслыханнаго довѣрія къ побѣжденной странѣ и къ непрочному, носившему тогда еще временный характеръ, республиканскому правительству. Это ли еще не великая страна? Это ли не великій народъ? Что̀ оставалось говорить врагамъ этого народа, думавшимъ, что онъ уже погибъ, и начинавшимъ было соображать, какъ воспользоваться его наслѣдіемъ? Понятно, ликованіе французскихъ газетъ было выше всякаго описанія. У меня затерялся нумеръ газеты «Rappel», который я долго хранилъ ради статьи, написанной сыномъ Виктора Гюго по поводу этого торжества Франціи. Я много разъ статью эту читалъ и перечитывалъ въ то время, читалъ ее нѣсколько разъ долгое время спустя, и про себя, и другимъ,—такъ былъ плѣнителенъ ея языкъ, въ каждомъ словѣ котораго звучали ноты самаго высокаго, самаго чистаго патріотизма, съ одной стороны подернутаго грустью при воспоминаніи о недавно испытанныхъ страшныхъ несчастіяхъ Франціи, съ другой—торжествующаго при видѣ этого необыкновеннаго

довѣрія Европы къ странѣ побѣжденной. Зато нѣмецкія газеты горѣли отъ стыда и не знали, что̀ говорить, особенно когда онѣ припоминали, что по объявленному Германіей при началѣ войны 1870 года займу на 100 милліоновъ талеровъ, ею было едва получено по подпискѣ только 80 милліоновъ; поразительно было и то, что и самые нѣмцы, которые не могли покрыть займа въ 370 милліоновъ франковъ для своего отечества въ самую критическую минуту его существованія, подписались теперь для Франціи болѣе чѣмъ на три милліарда франковъ. Въ совершенномъ смущеніи отъ того довѣрія, какое оказала Франціи Европа, берлинская «Національная Газета» («National-Zeitung»), главный органъ господствовавшихъ тогда въ Германіи національныхъ либераловъ, стала увѣрять своихъ читателей, что будто Европа подписывалась на французскій заемъ въ интересахъ Германіи, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ актомъ она признала справедливость тяжкихъ условій мира, предписанныхъ Франціи (!!!). Такъ могли говорить только систематическіе и непримиримые недруги великой націи. Общественное мнѣніе Европы, внѣ Германіи, высказывалось, по поводу успѣха французскаго займа, совершенно иначе. Даже консервативныя англійскія газеты, какъ «Economist» и «Spectator», прямо видѣли въ этомъ успѣхѣ величіе Франціи. «Spectator» прибавлялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наука государственныхъ финансовъ, не было ничего подобнаго послѣднему французскому займу. Изумляясь жизненности Франціи, англійская газета высказывала, что такой народъ, какъ французскій, не можетъ погибнуть ни въ какомъ случаѣ, даже при дурномъ управленіи. Римская консервативная газета «Fanfulla» говорила, что если кредитъ можетъ дать величіе, то нужно сознаться, что Франція продолжаетъ быть великой націей. Испанская газета «Imparcial» замѣчала, что при видѣ такого неимовѣрнаго довѣрія Европы къ Франціи, кажется, что побѣждена Германія, а Франція побѣдила, а датская «Dagbladet» выразилась, что «нѣмцы теперь однимъ глазомъ смѣются, а другимъ плачутъ».

Эти и подобные отзывы европейской печати о Франціи въ минуту необыкновеннаго торжества ея кредита я тщательно собиралъ въ газетахъ, не думая, что они когда-либо мнѣ пригодятся, а только потому, что они сильно поглощали въ то время мое вниманіе. Къ тому, что̀ дѣлается во Франціи, я никогда не относился съ равнодушіемъ, тѣмъ болѣе въ такое время, когда въ глазахъ всего свѣта рѣшался вопросъ: погибла ли Франція?—вопросъ, который многіе задавали себѣ не въ одной Германіи.

Что Франція не погибла ни отъ войны, ни отъ коммуны, ни отъ чудовищной контрибуціи, на нее наложенной, это было ясно. Напротивъ, страна, стряхнувшая съ себя цѣпи имперіи и предоставленная своимъ силамъ, шла бодро къ своему возрожденію. Для

полета ея генія не существовало теперь никакихъ внѣшнихъ препятствій, и она вѣрила, что выйдетъ изъ жестокаго испытанія, въ какое ввергло ее узурпаторское и безнравственное правительство, сильною и цвѣтущею.

— Пять милліардовъ, не считая процентовъ и частныхъ контрибуцій во время войны,—это ужасно безчеловѣчно, говорилъ я г. Т., крупному помѣщику и сахарозаводчику въ Гонессѣ, въ мѣстечкѣ, находящемся близь Сѣверной желѣзной дороги, въ получасовомъ разстояніи отъ Парижа.

— Это пустяки, на контрибуцію мы уже не обращаемъ вниманія. Эти пять милліардовъ возвратятся къ намъ изъ Германіи черезъ два-три года. Бѣда лишь въ уступкѣ Эльзаса и Лотарингіи.

Это была правда. Французское золото все вернулось во Францію даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Франція, вывозившая свои милліарды въ наполеондорахъ и луидорахъ въ Германію цѣлыми поѣздами, стала богаче прежняго; Германія, получившая эти милліарды, обѣднѣла и принуждена высылать изъ своихъ предѣловъ ежегодно уже не десятки тысячъ, какъ прежде, а сотни тысячъ своихъ дѣтей въ Америку, въ Австралію и въ другія отдаленныя или близкія страны, не имѣя средствъ прокормить своего населенія. Промышленность и торговля стали занимать въ обрѣзанной Франціи такіе размѣры, передъ которыми нѣмцы были буквально поставлены втупикъ. Они думали, и это я слышалъ отъ серьёзныхъ между ними людей, что съ отчуженіемъ Эльзаса французская ткацкая промышленность получитъ ударъ, котораго она не вынесетъ. Оказалось напротивъ. Эльзасская промышленность, получивъ право безпошлиннаго доступа въ Германію, убила германскую; французская же, вслѣдствіе уменьшившейся конкурренціи Эльзаса, очутившагося внѣ французской границы, получила новое и сильнѣйшее развитіе. Что матеріальное богатство Франціи, вслѣдствіе войны и контрибуціи, не уменьшилось или возстановилось съ чрезвычайною быстротою, яснѣе всего можно было видѣть изъ того, что, несмотря на огромный выпускъ бумажныхъ денегъ, вызванный вывозомъ золота для уплаты контрибуціи, лажъ на золото ни разу не поднялся выше одного процента: лѣтомъ 1872 года, въ Парижѣ платили за 1000 франковъ золотомъ уже только 1005 франковъ бумажными деньгами, да и то лишь въ томъ случаѣ, если вся сумма состояла изъ однихъ двадцати франковыхъ монетъ. Въ это же самое время, французскія бумажки, т. е. билеты французскаго банка, ходили за границей совершенно наравнѣ съ золотомъ. Когда я пріѣхалъ во Францію годъ спустя (въ 1873 году), то бумажныя деньги тамъ почти уже не были видны въ обыкновенномъ обращеніи; ходило одно золото и серебро, какъ и прежде, а банковые билеты давались только въ видѣ облегченія, когда получалась большая сумма. А въ Германіи, получившей огромную контрибуцію

и сдѣлавшей своей нормальной монетой золотую марку, и до сихъ поръ старыя бумажки по крайней мѣрѣ на половину въ обиходномъ обращеніи. Разница въ матеріальномъ богатствѣ двухъ странъ слишкомъ очевидна, чтобы ее еще нужно было доказывать. Къ тому же, слѣдовавшія одна за другой всемірныя выставки въ Вѣнѣ, Филадельфіи и Парижѣ самымъ осязательнымъ образомъ доказали, что торговое и промышленное процвѣтаніе Франціи находится на такой высокой степени, на какой оно не стояло никогда до этого времени.

Но очистившейся въ горнилѣ жестокаго испытанія Франціи мало было матеріальнаго процвѣтанія. Она хотѣла доказать, что и въ умственной сферѣ, равно какъ и въ сферѣ художественнаго творчества, она не желаетъ оставаться позади кого бы то ни было. И вотъ мы уже болѣе десяти лѣтъ присутствуемъ при научномъ, литературномъ и художественномъ движеніи, равное которому рѣдко встрѣчалось въ лѣтописяхъ исторіи. Даже въ той области, въ которой Франція далеко оставалась позади Германіи въ нашемъ столѣтіи, въ области классической филологіи, движеніе со времени окончанія войны приняло такіе размѣры, что вызываетъ только изумленіе. Рядъ первоклассныхъ изданій древнихъ авторовъ, рядъ превосходныхъ изслѣдованій почти по всѣмъ частямъ филологіи, не исключая самыхъ спеціальныхъ вопросовъ грамматики и метрики, рядъ историческихъ сочиненій общаго и частнаго характера, превосходныя энциклопедическія изданія, какъ напр., «Dictionnaire des antiquités» Сальо и Дарамбера, подняли филологическую науку во Франціи на высоту, на которой она теперь не боится никакого соперничества. Еще, быть можетъ, выше, чѣмъ научное движеніе, поднялось за это время движеніе образовательное. Вся система образованія высшаго, средняго и низшаго подверглась коренному перевороту. Особеннаго изумленія заслуживаетъ то, что̀ сдѣлано по части народнаго образованія. Явились десятки тысячъ новыхъ школъ, открыто множество нормальныхъ училищъ (учительскихъ семинарій) и введена система дарового, свѣтскаго и обязательнаго обученія. О томъ широкомъ развитіи, какое получило во Франціи искусство, особенно живопись, въ которой техника французской кисти не знаетъ себѣ равной въ настоящее время, и говорить нечего. Полётъ націи неслыханный, просто невѣроятный послѣ того страшнаго потрясенія, какое испытала она въ началѣ прошлаго десятилѣтія!

Теперь этотъ полётъ признанъ и Германіей. Но десять-одиннадцать лѣтъ тому назадъ, отношеніе Германіи къ своей соперницѣ было другое. Упадокъ, растлѣніе и гибель Франціи въ глазахъ нѣмцевъ были тогда дѣломъ рѣшеннымъ. Печатались статьи, книги и брошюры самого злостнаго, самаго оскорбительнаго для возрождавшагося народа содержанія. «Французы—падшій, глубоко падшій народъ—«ein tief gesunkenes Volk»,—такихъ выраженій, говоря о

Франціи, не употребляли только лѣнивые. Особенно было прискорбно слышать это отъ такихъ почтенныхъ людей, какъ профессора Моммзенъ и Кёхли. Моммзенъ при началѣ войны обратился къ итальянцамъ съ такимъ манифестомъ относительно французовъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ потерялъ всякое право на сношеніе съ французскими учеными, какъ лицами, такъ и обществомъ.

— Подумайте сами, говорилъ мнѣ профессоръ въ Collège de France, г. Б..., когда я съ нимъ въ 1872 году завелъ рѣчь о Моммзенѣ по поводу превосходной статьи моего собесѣдника въ «Revue des deux mondes», незадолго до того времени появившейся и имѣвшей своимъ содержаніемъ критику историческихъ пріемовъ Моммзена въ его «Римской исторіи»,—подумайте сами, можемъ ли мы простить Моммзену оскорбленія, нанесенныя имъ нашему обществу? Вотъ онъ былъ у меня въ домѣ, сидѣлъ у этого стола вмѣстѣ съ дамами, которыя были съ нимъ любезны и внимательны, и вдругъ онъ публично заявляетъ, что наши дамы—дамы демимонда!

Кёхли въ своей рѣчи о «Кесарѣ и галлахъ» (Caesar und die Gallier, Berlin, 1871) приписывалъ «столь низко павшимъ французамъ», какъ онъ выражается, только одно преимущество надъ нѣмцами, именно—сильное развитіе національнаго чувства, чувства національнаго достоинства, и не постыдился употреблять относительно уже побѣжденнаго народа пошлыя и недостойныя столь порядочнаго человѣка фразы, въ родѣ того, что французы лгуны и фразёры, и что таковъ былъ всегда ихъ національный характеръ. Чего же было ждать отъ другихъ, отъ газетныхъ политиковъ и отъ общественной массы, всегда падкой на самовосхваленіе, всегда склонной къ національному тщеславію и къ униженію сосѣдей? Подобное настроеніе въ нѣмецкомъ обществѣ, развиваясь подъ вліяніемъ неслыханныхъ дотолѣ побѣдъ все болѣе и болѣе, стало, наконецъ, принимать до того опасный для самихъ нѣмцевъ характеръ, что люди серьёзные и безпристрастные сочли своимъ долгомъ выступить противъ такого общественнаго теченія и доказать, что французы, хотя и побѣждены нѣмецкимъ оружіемъ, все-таки остаются народомъ, который едва ли въ чемъ уступаетъ Германіи и у котораго во всякомъ случаѣ есть чему поучиться нѣмцамъ. Въ такомъ именно родѣ обратился съ рѣчью къ боннскому обществу извѣстный профессоръ исторіи Зибель, издавшій ее вслѣдъ затѣмъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Чему можемъ мы поучиться у Франціи?» («Was wir von Frankreich lernen können.» Bonn, 1872). Съ этою же цѣлью открылъ рядъ своихъ статей въ аугсбургской «Allgemeine Zeitung» г. Гиллебрандъ подъ заглавіемъ: «Франція и французы», которыя затѣмъ также вышли отдѣльной книгой. Гиллебрандъ былъ много лѣтъ профессоромъ нѣмецкой литературы въ Нанси и отлично изучилъ Францію въ разныхъ отношеніяхъ. Его голосъ былъ голосомъ человѣка огромнаго авторитета

въ данномъ вопросѣ, и смѣло можно сказать, что его статьи и книга были одною изъ главныхъ причинъ поворота общественнаго мнѣнія Германіи въ другую сторону относительно Франціи. Гиллебрандъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждалъ передъ своими соотечественниками, что Франція въ общественномъ, нравственномъ, умственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ никакъ не уступаетъ другимъ европейскимъ націямъ. Онъ могъ бы прибавить, что во многомъ и превосходитъ ихъ, но и этого для нѣмцевъ было достаточно, чтобы отступиться отъ тщеславія и презрительнаго отношенія къ сосѣду, за которымъ такъ недавно ухаживали и нѣмецкіе князья, и литераторы, и ученые. Когда Кёхли увидѣлъ у меня въ бытность мою въ Гейдельбергѣ, лѣтомъ 1873 года, книгу Гиллебранда (Frankreich und die Französen), тогда только-что вышедшую, онъ нѣсколько смутился, но тотчасъ же прибавилъ: «хорошая книга!» Послѣ его, сказанной за два года передъ тѣмъ, рѣчи, въ которыхъ онъ такъ презрительно отзывался о потомкахъ галловъ, это было для меня драгоцѣннымъ признаніемъ.

Но французы и сами не долго оставались въ долгу у нѣмцевъ и скоро перешли въ наступательное положеніе. Не говоря уже о массѣ статей въ газетахъ и журналахъ, на всѣ лады рисовавшихъ нѣмецкую грубость и особенно жестокое обращеніе ихъ съ людьми и варварское съ вещами во Франціи, равно какъ нѣмецкое лицемѣріе, жадность, лакейство передъ сильными, высокомѣріе передъ слабыми, они стали выпускать и отдѣльныя сочиненія, касающіяся Германіи и представляющія ее съ невыгодной стороны то въ прошедшемъ, то въ настоящемъ. Ко всѣмъ статьямъ и сочиненіямъ этого рода нѣмцы относились или, по крайней мѣрѣ, старались казаться относящимися съ равнодушіемъ или съ презрѣніемъ, какъ бы къ произведеніямъ, вызваннымъ духомъ племенной ненависти, оскорбленнаго самолюбія и досады на испытанное униженіе. Ихъ писатели даже не боялись сами указывать на эти статьи и сочиненія, не сомнѣваясь въ томъ, что всякій добрый нѣмецъ ничего другого въ этихъ нападкахъ на свой народъ не увидитъ, какъ одно произведеніе французской лжи и фразерства (обычный тогда способъ выраженія въ Германіи о французахъ). Но не таково было впечатлѣніе на нихъ книги, изданной почетнымъ библіотекаремъ національной библіотеки въ Парижѣ, г. Бордье, подъ заглавіемъ: «L'Allemagne aux Tuileries de 1850 à 1870. Collection de documents tirés du cabinet de l'empereur (Paris, 1872). Это была дѣйствительно страшная бомба, пущенная въ непріятельскій лагерь парижскимъ библіотекаремъ-патріотомъ. Тутъ уже пущены были въ ходъ не фразы и сужденія, а документы, документы не французскаго происхожденія, а нѣмецкаго. Это были собственноручныя письма, писанныя изъ Германіи къ Наполеону III представителями разныхъ классовъ общества, начиная отъ герцоговъ, князей, графовъ

и бароновъ до мелкихъ лавочныхъ торговцевъ. Здѣсь встрѣчаются извѣстнѣйшія имена въ германской аристократіи и бюрократіи и почетнѣйшія имена въ наукѣ и литературѣ, встрѣчаются въ самомъ жалкомъ и противномъ освѣщеніи. Все это или проситъ денегъ у французскаго императора, или является шпіономъ, или изощряется въ самомъ низкомъ, въ самомъ возмутительномъ раболѣпіи. Конечно, эти лица, добровольно падавшія ницъ передъ узурпаторомъ правительственной власти во Франціи, никогда не разсчитывали на то, что ихъ презрѣнная ложь и попрошайничество со временемъ огласятся и дадутъ французскому патріотизму въ руки страшное оружіе мести зазнавшемуся противнику. Но нѣтъ тайны, которая бы не открылась, по словамъ писанія, и вотъ передъ нами проходятъ обнаженныя имена Арнимовъ, Бёйстовъ, Мантёйфелей, Бисмарковъ, Блюменталей, Брауншвейскихъ герцоговъ, Гакстгаузеновъ, Прокешъ-Остеновъ, Дёринговъ, Моммзеновъ, Ричлей, Цумптовъ и пр. и пр. Я никогда не былъ высокаго мнѣнія о нѣмецкихъ добродѣтеляхъ и, довольно знакомый съ Германіей, имѣлъ достаточно понятія о лицемѣріи и продажности, какъ качествахъ, очень часто встрѣчающихся среди потомковъ Арминія, но и на меня книга Бордье произвела оглушающее впечатлѣніе. Болѣе всего я жалѣлъ, что въ этой длинной серіи окончательно скомпрометированныхъ людей встрѣчается имя Ричля, Фридриха Ричля, знаменитаго боннскаго профессора, о которомъ у меня была рѣчь въ первой статьѣ. Да и какъ еще это дорогое мнѣ имя было скомпрометировано! Ричль былъ избранъ Наполеономъ въ переводчики на нѣмецкій языкъ его «Жизни Юлія Кесаря», и вотъ что убѣленный сѣдинами старикъ писалъ, между прочимъ, французскому императору:

«Я трудился для автора-императора не потому, что онъ императоръ, и не потому, что ни одинъ государь на свѣтѣ, безъ всякаго сомнѣнія, не получилъ въ удѣлъ въ столь высокой степени, какъ онъ, здраваго сужденія, обработаннаго ума, генія, не говоря о его могуществѣ и вліяніи, но потому, что онъ заявилъ себя какъ глубокій, умный и краснорѣчивый ученый, къ которому я питаю столько же симпатіи, сколько и удивленія. Я не сомнѣваюсь, что «Римская Исторія» Моммзена, это жалкое и исполненное желчи произведеніе, сразу будетъ отодвинуто на второй планъ произведеніемъ человѣка, который, управляя судьбами міра, достигаетъ до самой величественной и самой справедливой точки зрѣнія»...

Краска бросается въ лицо, когда видишь въ такой жалкой роли заслуженнаго ученаго, свѣтило науки, когда видишь его пресмыкающимся передъ лицомъ, внушавшимъ всякому честному гражданину чувство брезгливости, если не негодованія, когда видишь его говорящимъ возмутительную ложь и, въ добавокъ ко всему, клевещущимъ на своего собрата, старающимся унизить имя, кото-

рое, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ гордость Германіи. А сколько такихъ или подобныхъ заявленій лести и униженія со стороны громкихъ именъ Германіи собрано въ книгѣ г. Бордье! Легко понять поэтому, какимъ страшнымъ ударомъ была для нѣмецкаго самолюбія и тщеславія эта книга, такъ неожиданно обнаружившая передъ цѣлымъ свѣтомъ язву низкаго лицемѣрія и скрытой безнравственности, которая давно уже разъѣдала нѣмецкое общество. Понятно также и то, что въ Германіи рѣшено было молчать объ этой книгѣ. Когда я потомъ пытался заводить о ней рѣчь передъ людьми, продолжавшими, хотя уже и не съ прежнею самоувѣренностью, твердить о французской безнравственности, то обыкновенно не могъ добиться никакого о ней заявленія; только швейцарскіе нѣмцы о ней говорили громко, какъ о страшной казни, постигшей суроваго побѣдителя. Покойный базельскій профессоръ Герлахъ, который былъ родомъ изъ Германіи (кажется, изъ Вестфаліи), но ненавидѣлъ укрѣпившіеся въ средѣ нѣмецкихъ ученыхъ нравы, гдѣ столько интригъ и взаимнаго недоброжелательства, въ разговорѣ со мной о недобросовѣстности нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, происходившемъ въ іюнѣ 1872 года, вдругъ съ живостью замѣтилъ: «А какъ ихъ вывелъ наружу Бордье!» Восьмидесятилѣтній старецъ, стоявшій въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ корифеями нѣмецкой учености послѣдняго періода, словно чувствовалъ себя отомщеннымъ этимъ безпощаднымъ разоблаченіемъ нравственнаго существа своихъ противниковъ. Да, это страшная вещь—книга г. Бордье, и съ впечатлѣніемъ, ею производимымъ, не легко справиться и съ нарѣзными ружьями и крупповскими пушками.

Въ первые годы послѣ войны, мысль о возмездіи, о реваншѣ, безспорно, была самою глубокою и самою національною мыслью во Франціи. Въ печати она почти совсѣмъ не высказывалась, но въ общественныхъ разговорахъ, какъ только заходила рѣчь о международной политикѣ, она выплывала на сцену непремѣнно, какъ нѣчто такое, что̀ подразумѣвается само собой, но для чего требуется только благопріятная минута. На этой мысли сходились рѣшительно всѣ партіи безъ исключенія. Въ семидесятыхъ годахъ я часто ѣздилъ во Францію и жилъ не только въ Парижѣ, но и въ провинціи, жилъ нерѣдко въ кругу людей, сдѣлавшихся мнѣ близкими и находящимися до сихъ поръ со мной и съ моимъ семействомъ въ теплыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Полагаю поэтому, что на этотъ счетъ мнѣ извѣстны были тогда мнѣнія всѣхъ партій, особенно же республиканской, бонапартистской, легитимистской и клерикальной. Десятки разъ мнѣ приходилось говорить на эту тему, и говорить не съ литераторами только и журналистами, а съ

помѣщиками, фабрикантами, купцами, военными и духовными. Всѣ эти люди всегда въ подобныхъ случаяхъ старались быть до извѣстной степени сдержанными, никогда не предавались такъ называемому шовинизму, не говорили, что они пойдутъ на Берлинъ и разобьютъ нѣмцевъ въ пухъ и прахъ, какъ это было въ обычаѣ говорить до войны, но не могли себѣ представить, чтобы Франція оставила свой позоръ безъ отмщенія. Почти всѣ они добросовѣстно признавали, что Франція въ значительной степени была сама причиною этого позора, позволивши Наполеону III легкомысленно бросить вызовъ съ нетерпѣніемъ ожидавшей его Германіи; они прощали нѣмцамъ ихъ побѣды, готовы были простить даже и жестокости, къ какимъ нерѣдко прибѣгали побѣдители въ обращеніи съ населеніемъ: они не могли простить одного — отторженія Эльзаса и Лотарингіи. Въ этомъ пунктѣ Франція отъ перваго до послѣдняго человѣка считала себя связанною: между нею и населеніемъ отторженныхъ провинцій заключенъ молчаливый, но неразрывный союзъ добиваться возсоединенія всѣми силами. Прошло уже около двѣнадцати лѣтъ послѣ того, какъ заключенъ былъ тотъ унизительный миръ, въ силу котораго Эльзасъ и Лотарингія присодинялись къ своему нѣмецкому отечеству, съ которымъ у нихъ давнымъ-давно нравственныя связи были порваны, и этотъ союзъ сохраняется свято, ничѣмъ ненарушаемый. Населеніе отторгнутыхъ провинцій упорно стоитъ на своемъ и не сдѣлало ни малѣйшаго сближенія съ побѣдителями, несмотря на всѣ ихъ ласки, смѣняемыя иногда и отеческими внушеніями. Оно держитъ себя такъ, какъ держало себя по отношенію къ австрійцамъ венеціанское населеніе: для него играетъ въ опредѣленные часы дня въ Страсбургѣ прекрасная военная музыка—оно не хочетъ ея слушать и является на площадь только тогда, какъ музыка уходитъ; для него содержится прекрасный театръ—оно его не посѣщаетъ. Если въ томъ или другомъ случаѣ не выдерживаютъ своей роли мужчины, то женщины выдерживаютъ свою съ неумолимою строгостью. Сближенія съ пришлыми нѣмцами никакого. Люди, которые до присоединенія къ Германіи не употребляли другого языка кромѣ нѣмецкаго, стали говорить исключительно на французскомъ и нѣкоторые на старости лѣтъ стали учиться этому языку, чтобъ не говорить на языкѣ своихъ притѣснителей. Во Франціи, въ свою очередь, воспоминанія объ Эльзасѣ и Лотарингіи обратились въ какой-то религіозный культъ, одинаково раздѣляемый всѣми партіями, всѣми сословіями. И траурная статуя Эльзаса, появляющаяся и чествуемая на общественныхъ и національныхъ праздникахъ, и эта рождественская ёлка, ежегодно привозимая въ Парижъ изъ лѣсовъ отнятой провинціи для покинувшихъ родину дѣтей Эльзаса и привлекающая къ себѣ тысячи представителей самаго избраннаго парижскаго общества, и этотъ исполненный непритворной и глубокой грусти тонъ, какимъ

въ общественныхъ и частныхъ рѣчахъ вспоминается о разлученіи Франціи съ ея любимою и любящею дочерью, и эта нѣжность ихъ взаимнаго языка, никогда ничѣмъ не нарушаемая и не ослабляемая — все это служитъ достаточно краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Франція считала и считаетъ возсоединеніе съ отторгнутыми отъ нея провинціями лишь дѣломъ времени.

Но какъ достигнуть этого возсоединенія? Другого пути, кромѣ войны, нѣтъ. Хотя въ рѣчахъ нѣкоторыхъ государственныхъ людей Франціи и проскользало заявленіе, что возвращеніе Эльзаса съ Лотарингіей ихъ истинному отечеству можетъ произойти мирнымъ путемъ или въ силу денежнаго вознагражденія Германіи, или въ силу уступокъ другого рода, но ни одинъ серьёзный человѣкъ, не исключая и самихъ авторовъ подобныхъ заявленій, не придавалъ и не придаетъ такимъ словамъ никакого значенія. Все это говорилось только, такъ сказать, для отвода глазъ, для того, чтобы не сдѣлать изъ демонстрацій и не ослабѣвающихъ симпатій Франціи къ потеряннымъ провинціямъ повода для Германіи обвинять еще не готовую къ войнѣ Францію въ недружелюбныхъ и воинственныхъ замыслахъ. Въ сущности же и Гамбетта, и тотъ, кто повторялъ его фразу о возможности мирнаго возвращенія Франціи Эльзаса, хорошо знаютъ, что безъ войны это невозможно, разумѣется, при этомъ, безъ войны счастливой, побѣдоносной. Знаютъ это и Бисмаркъ, и Мольтке, и всѣ нѣмцы, которые хорошо понимаютъ, какая огромная стратегическая выгода для Германіи заключается въ томъ, что теперь французскую границу, отодвинутую отъ Рейна, составляютъ Вогезы. Знаютъ и ожидаютъ войны съ Франціей, считая ее неминуемою и даже недалекою.

Но легко сказать: новая война съ Германіей! При всемъ сознаніи неизбѣжности такой войны, французы подумать о ней не могутъ безъ ужаса. Урокъ, полученный ими въ 1870 году, былъ до того грозенъ, что у нихъ мгновенно пропадаетъ всякая самоувѣренность, какъ только имъ приходятъ на память страшныя битвы при Вёртѣ, Мецѣ, Седанѣ, плѣненіе непріятелемъ почти всей наполеоновской арміи, шестимѣсячная осада Парижа, наводненіе страны новыми кимврами и тевтонами, опустошеніе, раззореніе, униженіе. Страна не щадитъ никакихъ жертвъ на увеличеніе обороны, на усовершенствованіе оружія; парламентъ принимаетъ законопроекты объ усиленіи кредита на военныя издержки безъ преній. Но все-таки новая война съ Германіей—дѣло страшное. Нуженъ союзникъ, безъ союзника пуститься въ нее невозможно. Гдѣ же онъ, этотъ желанный союзникъ? Кто онъ? Всякій понимаетъ, что нѣтъ для Франціи въ войнѣ съ Германіею дѣйствительнаго союзника, кромѣ Россіи. Такъ думаетъ французскій народъ, такъ думаютъ во Франціи люди, дающіе направленіе политикѣ.

Понятно теперь, почему Россія, послѣ войны 1870 года, стала

такъ популярна во Франціи, почему французскіе ученые и писатели стали такъ усердно изучать ее, почему французское правительство стало посылать къ намъ такъ охотно представителей своей страны на наши ученые съѣзды, почему все русское, одно время, вошло въ такую моду въ Парижѣ, почему, наконецъ, французы къ русскимъ путешественникамъ по ихъ странѣ стали относиться съ такою небывалою прежде любезностью и предупредительностью.

Я полагаю, не было ни одного русскаго путешественника во Франціи, къ которому не обращались бы тамъ то и дѣло съ вопросомъ: «Не правда ли, мы будемъ вмѣстѣ воевать съ прусаками?» Мнѣ, по крайней мѣрѣ, приходилось на этотъ вопросъ отвѣчать постоянно при каждомъ новомъ знакомствѣ и при всякомъ разговорѣ, когда рѣчь шла о неизбѣжномъ реваншѣ. Когда приходилось указывать на то, что наше правительство находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ германскимъ, что царствующіе дома обѣихъ странъ находятся въ родствѣ и т. п., то это нисколько не смущало собесѣдниковъ. Они говорили, что все это они прекрасно знаютъ, но что они разсчитываютъ не на временное настроеніе правительства, а на чувства націи и на ходъ событій, который не можетъ насъ не привести къ столкновенію съ Германіей. «Сближайтесь съ русскимъ обществомъ, заводите больше сношеній», говорили министры республики ученымъ, отправлявшимся въ Россію. И французскіе ученые сближались съ нами и заводили сношенія. Появился цѣлый рядъ статей и отдѣльныхъ сочиненій о Россіи, въ которыхъ ясно видѣнъ былъ духъ пріязни и доброжелательства, какого прежде не было. Такое отношеніе къ намъ французскихъ писателей, которые при видѣ нашихъ недостатковъ относились къ намъ снисходительно, предпочитали насмѣшкамъ и порицанію извиненіе, безъ всякаго сомнѣнія немало способствовало развитію между нами симпатическихъ чувствъ къ Франціи не только въ обществѣ, но и въ правительствѣ, что̀ не могло остаться не замѣченнымъ Германіей и породило между нами и ею нѣкоторое охлажденіе. Охлажденіе это ясно сказалось въ результатахъ берлинскаго конгресса и съ тѣхъ поръ превратилось уже во взаимное недовѣріе. Какъ разрѣшится это недовѣріе, одному Богу извѣстно, но едва ли можно сказать, чтобъ французы, разсчитывая на ходъ событій, который долженъ насъ привести къ столкновенію съ своей сосѣдкой, сильно заблуждались.

Разсчитывая на насъ при будущемъ столкновеніи съ Германіей, французы, разумѣется, исходили изъ мысли, что мы народъ очень сильный, который въ состояніи оказать такому страшному врагу, какъ современная Германія, неодолимое сопротивленіе. Чѣмъ мы казались имъ сильнѣе, тѣмъ больше они питали къ намъ любви и уваженія. До войны 1870 года вездѣ въ Европѣ, не

исключая и Францiи, сила русскаго колосса представлялась страшилищемъ, опаснымъ для европейской культуры и внушавшимъ ужасъ и озлобленiе. Съ пораженiемъ Францiи и съ укрѣпленiемъ военнаго могущества Германiи, существованiе этого колосса стало разсматриваться во Францiи какъ благодѣянiе для мiра. Намъ стали говорить, что мы единственная держава, которая можетъ остановить развитiе германской силы и обуздать ея высокомѣрiе. «Сколько жителей теперь считается въ Россiи?» спрашиваетъ меня одинъ французскiй патрiотъ. — Да будетъ не меньше 90 миллiоновъ—отвѣчалъ я.—«Экая страшная сила! вы можете идти на нѣмцевъ съ палками».

Видя въ нашей силѣ важное обезпеченiе своей собственной неприкосновенности, французы, по крайней мѣрѣ ихъ выдающiеся политическiе люди, были рѣшительно противъ нашей войны съ Турцiей. Они были противъ насъ не потому, чтобъ стояли на сторонѣ турокъ, а потому, что боялись нашего обезсилѣнiя на продолжительное время, которое могло быть выгодно Германiи, но ни какъ не Францiи. При такой точкѣ зрѣнiя понятно, какъ на нихъ дѣйствовало наше плевненское сидѣнье. Смѣло можно сказать, что съ этого момента начинается поворотъ въ настроенiи къ намъ французской нацiи. Довѣрiе къ силамъ Россiи и надежды на нее съ той поры много поубавились. Наше внутреннее разстройство, обнаружившееся вслѣдъ за войною, еще больше показало, что наше могущество находится въ состоянiи кризиса, и кризиса опаснаго. Нѣкоторую перемѣну настроенiя по отношенiю къ намъ я уже могъ замѣтить въ 1879 году, проводя сезонъ въ Виши съ тѣми же людьми, съ которыми тамъ встрѣчался и прежде. О войнѣ съ Германiей въ союзѣ съ нами рѣчи уже почти не возникало. Это впрочемъ значило не то, что война эта перестала считаться дѣломъ чести для Францiи, и не то, что мы, какъ дружественный народъ, потеряли для нея цѣну, а только то, что французы пришли къ другой оцѣнкѣ какъ своихъ стремленiй и собственныхъ силъ, такъ и силъ своего воображаемаго союзника. Перемѣна въ настроенiи особенно явственно выразилась въ слабости впечатлѣнiя, какое произвели на французскую публику воинственныя рѣчи Скобелева. Покойному генералу было прямо сказано, что Францiя, конечно, весьма цѣнитъ дружбу Россiи, но понимаетъ въ то же время всю необходимость соблюдать крайнее благоразумiе; она имѣетъ основанiе не считать силы Россiи достаточными для того, чтобы, положившись на нихъ, можно было пуститься въ опасное предпрiятiе. Такое заявленiе вполнѣ соотвѣтствовало тому настроенiю французскаго общества, какое было замѣчено мною въ два послѣднiе свои прiѣзда во Францiю—въ 1879 и въ 1880 годахъ. **В. Модестовъ.**

Октябрь, 1882 г.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

ТАИНСТВЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ АМЕРИКУ ВЪ 1878 ГОДУ.

Каждый разъ, когда въ Европѣ возникалъ такъ называемый восточный вопросъ, вмѣшательство въ него Англіи становилось неизбѣжнымъ и отношенія этой державы къ Россіи дѣлались враждебными. Но никогда еще, быть можетъ, отношенія между обоими государствами не были столь натянуты и близки къ разрыву, какъ въ послѣднюю русско-турецкую войну. Говорятъ, что Бисмаркъ выразился о могущей произойти войнѣ между Россіей и Англіей, какъ о боѣ коня съ китомъ, намекая на то, что они другъ другу не въ состояніи много вредить прямымъ путемъ.

Между тѣмъ, какъ у одной, такъ и у другой державы есть нѣсколько чувствительныхъ мѣстъ, и хорошо направленный ударъ въ одно изъ нихъ можетъ надолго ослабить весь организмъ соперницы. Къ числу такихъ ахиллесовыхъ пятъ Англіи можно отнести ея міровую морскую торговлю. Цѣль настоящей статьи—показать какое усиліе сдѣлало русское правительство въ этомъ отношеніи въ 1878 г., для того, чтобы понудить Англію умѣрить ея требованія при турецкомъ раздѣлѣ. У всѣхъ русскихъ свѣжа еще память объ обидномъ результатѣ Сан-Стефанскаго мира, и потому самолюбію нашему должно быть пріятно обнаруженіе такого факта, который подѣйствовалъ довольно вѣско на англійскій парламентъ во время берлинскаго конгресса.

Посылая въ Америку (въ 1863 г.) летучую эскадру подъ командой адмирала Лесовскаго, покойный государь имѣлъ въ виду возможность разрыва съ Англіей и приказалъ, чтобы на эскадрѣ былъ выработанъ планъ крейсерской войны. Надъ этимъ планомъ поработалъ немало въ свое время адмиралъ Лесовскій, и тогда еще

обнаружились разные сложные вопросы по отношенію къ морскому международному праву. Трудно рѣшить, насколько совершененъ былъ выработанный проектъ, потому что примѣнить его къ дѣлу намъ не пришлось, а теорія, какъ извѣстно, не всегда сходится съ практикой. Тѣмъ не менѣе, множество случаевъ, гдѣ нейтральный флагъ прикрываетъ собою грузъ, подверглись обсужденію, и потому есть основаніе полагать, что при осмотрѣ и захватѣ разныхъ судовъ во время войны, капитаны наши дѣйствовали бы несовсѣмъ ощупью, а въ силу болѣе или менѣе подробныхъ инструкцій.

Въ 1876 году, въ Турціи произошли безпорядки и всѣ морскія державы рѣшили послать туда свои эскадры. Пять русскихъ судовъ, изъ коихъ одно броненосное, явились на Смирнскомъ рейдѣ, подъ флагомъ адмирала Бутакова. Для усиленія нашей эскадры и приданія ей болѣе современно-боеваго вида, въ Кронштадтѣ предполагалось было снарядить еще нѣсколько броненосцевъ изъ числа значащихся во флотѣ; по этому случаю тамъ дѣлались даже одно время весьма шумныя приготовленія.. но недостатокъ ли времени или неудовлетворительность морскихъ качествъ у нашихъ броненосцевъ, только первоначальное предположеніе не осуществилось и эскадра Средиземнаго моря не получила подкрѣпленій.

Между тѣмъ, къ концу 1876 года отношенія наши къ Англіи стали принимать сомнительный характеръ и адмиралу Бутакову пришлось ухватиться за ничтожный предлогъ, чтобы вывести свои суда изъ турецкихъ водъ; Смирну посѣтила всего на сутки вел. кн. Марія Александровна на одномъ изъ англійскихъ броненосцевъ, и суда наши, въ качествѣ конвоировъ, снялись вслѣдъ за нею съ якоря и отплыли въ Средиземное море. Послѣ короткаго перехода, эскадра, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, размѣстилась по итальянскимъ портамъ.

Въ первыхъ числахъ ноября, отъ государя получено было приказаніе уходить изъ Средиземнаго моря въ Америку. Смыслъ полученной телеграммы былъ такого рода, что адмиралу Бутакову пришлось распорядиться о принятіи на корабляхъ нѣкоторыхъ военныхъ предосторожностей и Гибралтаръ былъ пройденъ съ заряженными орудіями, ночью.

Препятствій, однако, со стороны англичанъ не послѣдовало и суда наши благополучно выбрались на океанскій просторъ.

Около того же времени нашему послу при Сѣверо-Американскихъ штатахъ г. Шишкину была послана шифрованная телеграмма, въ которой отъ имени управляющаго морскимъ министерствомъ задавался вопросъ:

«Не осталось ли въ архивахъ русскаго посольства нѣкоторыхъ слѣдовъ отъ того плана, который былъ разработанъ на эскадрѣ 1863 года во время пребыванія ея въ Соединенныхъ Штатахъ?

Если да», гласила депеша, «то пусть въ посольствѣ составятъ докладную записку изъ имѣющихся на мѣстѣ документовъ!»

Телеграмма эта поставила нашего посла въ затрудненіе. Вспомнивъ, однако, что въ числѣ флагъ-офицеровъ адмирала Лесовскаго въ 1863 году состоялъ лейтенантъ Семечкинъ, который въ эту минуту находился, имѣя уже чинъ капитана 1-го ранга и званіе адъютанта великаго князя Константина Николаевича, на Филадельфійской выставкѣ въ качествѣ представителя по морскому отдѣлу, г. Шишкинъ обратился къ нему съ просьбою помочь ему въ этомъ дѣлѣ.

Просьба пришлась какъ нельзя болѣе по адресу. Капитанъ Семечкинъ, посвятившій себя издавна вопросамъ о международномъ правѣ, могъ легко припомнить всю переписку 1863 г., которая велась даже большею частью черезъ него. Проработавъ надъ имѣвшимися подъ рукою документами, пополнивъ недостающіе своими воспоминаніями и личными свѣдѣніями, Семечкинъ составилъ подробную докладную записку, въ которой разобралъ отношенія, могущія возникнуть въ случаѣ войны съ Англіей между Россіей и нейтральными Соединенными Штатами, и пришелъ къ выводу, что Америка, не нарушая своего нейтралитета, могла свободно дозволить покупку и снаряженіе русскихъ крейсеровъ у себя (до разрыва между этими державами). Докладная записка, за подписью автора и чрезъ посредство г. Шишкина, была доставлена въ Петербургъ, гдѣ подверглась разсмотрѣнію въ высшихъ инстанціяхъ и удостоилась высочайшаго одобренія.

Къ декабрю 1876 г. недоразумѣнія съ Англіей частью улеглись и Россіи приходилось считаться съ одною только Турціей; вслѣдствіе этого, записка капитана Семечкина была положена подъ сукно, а летучая эскадра адмирала Бутакова получила предписаніе идти обратно въ Россію весною 1877 года.

Вскорѣ послѣ того, русская армія перешла Дунай, взяла Плевну, перешла Балканы и, наконецъ, очутилась подъ стѣнами Константинополя къ немалой зависти англичанъ...

Война на турецкой территоріи окончилась успѣшно, но европейская дипломатія создавала совершенно новую, на бумагѣ. Намъ нѣзачѣмъ вспоминать это тяжелое для Россіи время, и потому мы перейдемъ прямо къ разсказу объ экспедиціи Семечкина.

I.

Какъ только нашему кабинету сдѣлалось яснымъ, что заявленныя Англіей претензіи для насъ невыполнимы и что существуетъ мало надеждъ на уступки съ ея стороны, такъ родилась мысль о прінсканіи такого средства, которымъ ее можно было бы принудить

сдѣлаться уступчивой. Крейсерская война невольно предстала предъ всѣми, какъ искомое средство. Вспомнили о запискѣ капитана Семечкина и потребовали его самого въ качествѣ защитника своего проекта.

Въ декабрѣ 1877 г., государь назначилъ особую смѣшанную комиссію для всесторонней разработки вопроса о пріобрѣтеніи крейсеровъ въ Америкѣ и вооруженіи ихъ на случай войны. Прежде всего надо было рѣшить финансовый вопросъ, чтобы знать, какую цифру можно принять въ основаніе... Министръ финансовъ сперва категорически заявилъ, что изыщетъ средства на снаряженіе хотя бы 20-ти крейсеровъ, но вскорѣ цифра эта оказалась преувеличенною, и потому комиссія принялась за работу, имѣя въ виду не 20, а всего 12 крейсеровъ. Второй вопросъ, не уступавшій по важности финансовому, заключался въ томъ, чтобы окончательно рѣшить, есть ли возможность, строго придерживаясь морскихъ положеній, пріобрѣсть нѣсколько крейсеровъ въ Америкѣ, допуститъ ли американское правительство (затѣявшее и выигравшее когда-то у Англіи любопытный процессъ съ Алабамой) выйти этимъ крейсерамъ изъ своихъ портовъ и насколько велики шансы на успѣшную ихъ дѣятельность. Въ виду важности перечисленныхъ пунктовъ, между членами комиссіи возникли такія горячія пренія и мнѣнія до того раздѣлились, что можно было опасаться за успѣшный исходъ работы. Тѣмъ не менѣе, болѣе близкое ознакомленіе съ исторіей морскаго права, относительная новизна вопроса и наконецъ, главное, общее желаніе окончить весь проектъ въ удовлетворительномъ смыслѣ—все это вмѣстѣ взятое довело дѣло до конца; проектъ въ принципѣ восторжествовалъ и былъ внесенъ на разсмотрѣніе государя императора.

При личномъ представленіи государю, капитанъ Семечкинъ разъяснилъ его величеству нѣкоторыя неясныя стороны дѣла, устранилъ разныя сомнѣнія и окончательнымъ результатомъ разсмотрѣнія проекта было то, что государь приказалъ снарядить экспедиціонную партію и поручить организацію всего Семечкину.

Россія переживала тогда трудное время и финансы ея становились все хуже, такъ что министръ финансовъ принужденъ былъ сознаться, что для издержекъ экспедиціи онъ не въ состояніи уже ассигновать ту сумму, на которую первоначально разсчитывалъ.

— Есть ли возможность ограничиться подобными средствами? спросилъ государь у Семечкина, называя ему значительно сокращенную цифру.

— Конечно есть, ваше величество, отвѣчалъ тотъ,—придется только имѣть въ виду всего три... самое бо́льшее—четыре крейсера!

— Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ государь, отпуская его отъ себя,—съ Богомъ и за дѣло!

Тотчасъ же въ Кронштадтъ полетѣла телеграмма, призывавшая въ Петербургъ главнаго командира порта, адмирала Козакевича.

При содѣйствіи послѣдняго и директора инспекторскаго департамента, адмирала Таубе, морской министръ выбралъ командировъ на будущіе крейсера капитанъ-лейтенантовъ: Грипенберга, Авелана и Алексѣева, и въ качествѣ запаснаго на 4-й крейсеръ капитанъ-лейтенанта Ломена. Одновременно съ приказомъ объ ихъ назначеніи, адмиралу Козакевичу было поручено содѣйствовать всѣми силами ускоренію дѣла и стараться окружить его такимъ мракомъ, чтобы никто не могъ догадаться о серьёзности предполагаемой экспедиціи. Въ составъ «партіи» должно было войти до 60 человѣкъ офицеровъ всѣхъ спеціальностей и до 600 лучшихъ матросовъ.

Начальствованіе надъ отрядомъ ввѣрялось старшему изъ командировъ—Грипенбергу, который долженъ былъ подчиниться капитану Семечкину по прибытіи послѣдняго въ Америку. Для вербовки офицеровъ и матросовъ на будущіе крейсера, капитанъ-лейтенанту Грипенбергу должно было быть оказано всевозможное содѣйствіе со стороны властей. Кромѣ того, экспедиція, по своей неожиданности и выгодамъ въ матеріальномъ отношеніи, представляла сама по себѣ столько заманчиваго, что желающихъ въ ней участвовать явилась цѣлая масса. Какъ только въ Кронштадтѣ узнали о томъ, что явился спросъ на офицеровъ и что капитанъ-лейтенантъ Грипенбергъ будетъ начальникомъ отряда, такъ списки стали быстро наполняться и нѣсколько часовъ спустя составъ былъ уже полонъ. Затѣмъ оставалось только отбиваться отъ новыхъ просителей. Всѣмъ офицерамъ на подъемъ выдано было отъ 400 до 800 рублей и потому каждый успѣлъ расплатиться съ долгами и обзавестись необходимыми вещами и статскимъ платьемъ. Въ тотъ же день команда будущихъ крейсеровъ была укомплектована, а по тому рвенію, съ которымъ начальники отдѣльныхъ частей предлагали Грипенбергу лучшихъ своихъ матросовъ, можно судить о сочувствіи нашихъ моряковъ къ этой экспедиціи.

Черезъ два дня отрядъ изготовился въ путь и переправился по льду на ораніенбаумскій берегъ, гдѣ провелъ ночь. Къ утру спеціальный поѣздъ подошелъ къ ораніенбаумской платформѣ, забралъ весь отрядъ и повезъ по назначенію. Не доходя до станціи Лиговой, онъ свернулъ на красносельскую линію, и минуя такимъ образомъ Петербургъ, прибылъ въ Балтійскій портъ, не возбудивъ нигдѣ особенныхъ толковъ своею таинственностью.

На другой день пришелъ на балтійскій рейдъ, подъ германскимъ флагомъ, пароходъ «Цимбрія», зафрахтованный незадолго передъ тѣмъ агентомъ русскаго правительства въ Германіи для неизвѣстныхъ цѣлей на нѣсколько мѣсяцевъ. По контракту, какъ грузъ, такъ и распоряженіе пароходомъ зависѣло всецѣло отъ нанимателя и нѣмецкому капитану «Цимбріи» оставалось только радоваться заключенію выгоднаго условія.

По прибытіи въ Балтійскій портъ, капитанъ-лейтенантъ Грип-

пенбергъ распорядился принятіемъ груза и провіанта на пароходъ, росписалъ какъ матросовъ, такъ и офицеровъ по фиктивнымъ обязанностямъ, въ-родѣ того, что на кораблѣ значились, напримѣръ: буфетчики, столяры, садовники, хлѣбопеки и проч.; затѣмъ, приведя всѣ бумаги въ должный порядокъ, перевелъ весь отрядъ на «Цимбрію» и снялся съ якоря 1-го апрѣля, взявъ курсъ въ Нѣмецкое море. Когда капитанъ-лейтенантъ Грипненбергъ вскрылъ отданный ему на руки запечатанный пакетъ, то оказалось, что надлежало обогнуть сѣверную Англію и затѣмъ идти въ небольшой портъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ—«South-West-harbour», гдѣ и оставаться впредь до новаго приказанія.

До сихъ поръ приготовленія и сборы къ внезапному отъѣзду до того поглощали вниманіе всѣхъ офицеровъ, что имъ некогда еще было вполнѣ отдаться своимъ впечатлѣніямъ. Только теперь, когда все было кончено и отличный ходокъ «Цимбрія» уносилъ ихъ на западъ, офицеры наши могли дать себѣ отчетъ въ предстоящей имъ дѣятельности. И точно, съ утра до вечера темою разговора какъ отдѣльныхъ группъ, такъ и всего общества только и служило, что будущее крейсерство... Въ каютахъ слышались самыя восторженныя рѣчи и имя «Алабамы» было у всѣхъ на устахъ.

Когда государю доложили, пять дней спустя послѣ сдѣланнаго имъ распоряженія, о томъ, что отрядъ уже находится на пути въ Америку, то онъ даже изумился быстротѣ исполненія. Но что было всего удивительнѣе, это тщательное сохраненіе секрета объ экспедиціи. Дѣйствительно, въ очень немногихъ развѣ кружкàхъ толковали о совершившемся фактѣ, да и то въ совершенно извращенномъ видѣ.

Въ виду сочувствія многихъ высокопоставленныхъ лицъ идеѣ о крейсерствѣ и сознанія общества въ его необходимости при войнѣ съ Англіей, въ газетахъ все чаще и чаще стали появляться горячія статьи съ воззваніемъ о доброхотномъ пожертвованіи на покупку крейсеровъ; появился императорскій манифестъ и касса вновь созданнаго комитета добровольнаго флота, принятаго наслѣдникомъ цесаревичемъ подъ свое покровительство, стала быстро наполняться.

Указывая на солидарность дѣйствій правительства съ русскимъ обществомъ, мы должны, однако, напомнить, что хотя принципъ какъ у того, такъ и у другаго былъ тотъ же, но выполненіе отдѣльныхъ плановъ шло совершенно различными путями, и потому мы не должны смѣшивать пріобрѣтенныхъ на казенныя средства пароходовъ («Европа», «Азія», «Африка», «Забіяка») съ тѣми, которые были куплены на собранныя деньги («Россія», «Москва», «Нижній-Новгородъ», «Петербургъ»). Приводя же здѣсь свидѣтельство о сочувствіи общества, мы просто желаемъ указать на существовавшую между нимъ и правительствомъ неразрывную нрав-

ственную связь, которая всегда страшна внѣшнимъ врагамъ государства. Подтвержденіе мы увидимъ, впрочемъ, изъ дальнѣйшаго разсказа.

Между тѣмъ, для полноты задуманнаго плана недоставало еще одного весьма существеннаго обстоятельства, именно—крейсерскихъ картъ. Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно было снарядить и выпроводить въ открытое море съ десятокъ крейсеровъ, надо было еще опредѣлить каждому извѣстный районъ дѣйствій, надо было условиться относительно широтъ и долготъ, гдѣ бы имъ встрѣчаться, не возбуждая подозрѣній гоняющихся за ними эскадръ; гдѣ получать необходимую провизію и топливо, куда, наконецъ, отводить захваченные призы—все это составляло весьма сложный вопросъ, а удовлетворительнаго рѣшенія на него еще не существовало. Капитана Семечкина посадили вновь за работу. Послѣ 10-ти дней усиленныхъ занятій, онъ составилъ, наконецъ, съ помощниками громадную расчерченную карту, на которой значились:

1) Торговые пути, по которымъ слѣдуютъ обыкновенно мореплаватели при пересѣченіи океана. 2) Разсчетъ по скольку судовъ и въ какое время года проходитъ по этимъ путямъ. 3) Пункты пересѣченій торговыхъ путей между собой и соотвѣтственный процентъ вѣроятности на захватъ призовъ на нихъ. 4) Мѣста, гдѣ крейсера получали бы снабженіе провизіей и надлежащія инструкціи. 5) 35 убѣжищъ, обозначенныхъ кружками, куда крейсера могли бы скрываться для освѣженія команды, починки механизмовъ и прочихъ частныхъ случаевъ.

Представленныя на разсмотрѣніе комиссіи, карты были найдены вполнѣ отвѣчающими всѣмъ требованіямъ и потому приняты къ будущему руководству. Государь выразилъ тоже желаніе ближе познакомиться съ ихъ сущностью и Семечкинъ былъ позванъ въ кабинетъ его величества, гдѣ въ присутствіи морскаго министра удостоился объяснить свое предположеніе. Государь, выслушавъ все весьма внимательно, изволилъ похвалить составителя и собственноручно нанесъ на карту нѣсколько кружковъ, увеличивъ такимъ образомъ число обозначенныхъ уже убѣжищъ. Затѣмъ, обнявъ Семечкина и пожелавъ ему успѣха, государь отпустилъ его отъ себя.

Черезъ два дня капитанъ Семечкинъ, снабженный необходимыми инструкціями, полномочіями и кредитивами, собрался въ путь и, не желая подавать повода своимъ знакомымъ къ разнымъ толкамъ и комментаріямъ, уѣхалъ такъ внезапно, что бывшіе у него въ тотъ день гости ровно ничего не подозрѣвали.

Незадолго до отъѣзда Семечкина, въ министерствѣ получилась депеша о благополучномъ прибытіи въ Америку «Цимбріи» и капитанъ-лейтенантъ Грипенбергъ просилъ дальнѣйшихъ инструкцій...

Роль экспедиціонной «партіи» начиналась и времени терять даромъ не слѣдовало!

Капитанъ Семечкинъ прибылъ въ Парижъ наканунѣ дня открытія выставки, тотчасъ же проѣхалъ дальше въ Гавръ, взялъ билеты на одномъ изъ пароходовъ общества «Transatlantique» и вскорѣ отплылъ въ Нью-Іоркъ.

Когда, принятый въ разстояніи 60-ти миль отъ берега, американскій лоцманъ передалъ на пароходъ послѣдніе номера «New-Iork-Herald», то пассажирамъ невольно бросились въ глаза большіе столбцы газеты, озаглавленные такъ:

«The Russian Cruisers «Cimbria».

Видно было, что прибытіе таинственныхъ пассажировъ въ «South-West-harbour» возбудило уже любопытство американцевъ!

II.

«South-West-harbour», куда держала путь свой «Cimbria», представляетъ собою чуть ли не наименьшій изъ портовъ штата Мэнъ въ сѣверной Америкѣ. Жители этого небольшаго мѣстечка не ведутъ почти никакой торговли и рѣдкія, появляющіяся тамъ, суда—не болѣе, какъ простыя рыбачьи лодки. Только къ іюню мѣсяцу, когда природа вполнѣ оживаетъ въ этомъ суровомъ климатѣ, «South-West-harbour» населяется нѣсколькими семействами дачниковъ и жизнь начинаетъ принимать тамъ немного болѣе веселый характеръ. Недалеко отъ пристани стоитъ казенное зданіе «custom house», занятое, какъ водится, начальникомъ и командой пограничной стражи или таможни, существующей здѣсь скорѣе вслѣдствіе общаго правила, чѣмъ по необходимости въ присмотрѣ.

Можно судить, какую сенсацію произвело въ средѣ немногочисленнаго населенія этого скромнаго уголка появленіе такого громаднаго судна, какъ пароходъ «Cimbria»!

16-го апрѣля, осторожно пробираясь къ берегу, этотъ океанскій великанъ миновалъ разныя банки и мели и сталъ на якорь посреди рейда при полномъ собраніи всѣхъ жителей на берегу. Удовлетворяя своему любопытству и исполняя свою обязанность, начальникъ «custom-house» подъѣхалъ на небольшой своей шлюпкѣ и, увидя на пароходѣ громадное количество матросовъ, обратился къ капитану съ вопросомъ:

— Кто вы и зачѣмъ сюда пожаловали?

— Мы эмигранты изъ Россіи! послѣдовалъ отвѣтъ,—и разсчитываемъ найти себѣ пріютъ въ гостепріимной Америкѣ.

Начальникъ таможни еще разъ съ удивленіемъ окинулъ взоромъ густую толпу однообразно одѣтыхъ «колонистовъ», попросилъ показать ему бумаги, и найдя ихъ въ должномъ порядкѣ, объявилъ, что дастъ знать обо всемъ своему начальству; покуда же проситъ пассажировъ повременить съѣздомъ на берегъ.

Оттого ли, что начальство въ штатѣ было заранѣе предупреждено о прибытіи необыкновеннаго парохода, или оттого, что американцы вообще—враги излишнихъ формальностей, но только отвѣтная телеграмма получилась очень скоро и начальникъ «custom-house» поспѣшилъ извѣстить капитана «Цимбріи» о полной свободѣ съѣзжать на берегъ кому угодно.

— Обяжитесь только словомъ не свозить на берегъ ни вина, ни табаку, потому что штатъ нашъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ потребленіе этихъ продуктовъ запрещено закономъ.

Слово было дано и капитанъ-лейтенантъ Гриппенбергъ тотчасъ же съѣхалъ на берегъ съ цѣлью подать телеграмму въ Петербургъ. На телеграфной станціи случилось новое затрудненіе. Служащимъ не приходилось еще доселѣ никогда переговариваться цифрами, а что касалось цѣны, которую слѣдовало взимать за каждое слово въ Россію, то это имъ было совершенно неизвѣстно... Шифрованная депеша была адресована морскому министру и потому въ мѣстечкѣ скоро угадали, что за народъ такой пожаловалъ къ нимъ въ гости. Притомъ же, однообразіе одежды пассажировъ не могло оставлять никакого сомнѣнія въ томъ, что прибывшіе иностранцы составляютъ одну общую военную корпорацію. Черезъ нѣсколько времени и цѣль этой корпораціи стала ясна, а потому начальникъ таможни послалъ властямъ въ штатѣ подробное изложеніе всего, и вскорѣ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ рапортъ, въ «South-West-harbour» прибыла военная американская шхуна, ставшая на якорь по близости «Цимбріи» для наблюденія за послѣдней.

Въ концѣ апрѣля, въ силу полученныхъ изъ Вашингтона предписаній, особая комиссія, состоявшая изъ нѣсколькихъ судовыхъ офицеровъ этой шкуны, явилась на «Цимбрію» для производства дознанія и осмотра всего судна. Германскій капитанъ «Цимбріи»—Баденгаузенъ—предъявилъ ревизорамъ бумаги и по нимъ оказалось, что наличность экипажа составляли дѣйствительно люди самыхъ разнообразныхъ и въ высшей степени мирныхъ профессій. Удовольствовавшись для проформы такимъ поверхностнымъ обзоромъ и не обративъ никакого вниманія на найденные на суднѣ морскіе палаши, члены «комиссіи» обмѣнялись съ русскими джентльменами дружескими рукопожатіями и охотно согласились на предложенный имъ роскошный завтракъ. Вообще говоря, вся эта комедія была очень мило разыграна и по окончаніи завтрака «колонистамъ» были выражены самыя искреннія пожеланія «успѣха» со стороны оффиціальныхъ гостей.

Нѣсколько дней спустя, въ силу новыхъ инструкцій изъ Вашингтона, военная шхуна снялась съ якоря и прекратила такимъ образомъ свой полицейскій надзоръ надъ «Цимбріей».

Но если американскихъ властей было такъ легко удовлетворить, то съ общественнымъ мнѣніемъ въ Америкѣ случилось со-

вершенно противуположное явленіе. Натянутое положеніе дѣлъ между Англіей и Россіей, прибытіе и пребываніе большой партіи русскихъ моряковъ (въ этомъ всѣ были уже убѣждены) въ «South-West-harbour», шифрованныя телеграммы морскому министру въ Петербургъ, все это болѣе чѣмъ разсѣивало общее недоумѣніе, и потому нескромная американская печать усердно принялась за всестороннее обсужденіе вопроса о русскомъ «крейсерствѣ».

Черезъ четыре дня по прибытіи «Цимбріи» въ Америку, весь цивилизованный міръ зналъ уже о томъ, что русскіе предприняли какую-то рѣшительную мѣру, и Англія стало чутко и тревожно прислушиваться ко всему, что говорилось по этому поводу въ новомъ свѣтѣ...

Легко представить себѣ нетерпѣніе капитанъ-лейтенанта Гриппенберга и его «партіи», когда, несмотря на истекшую недѣлю времени, ожидаемыя ими инструкціи все еще не получались ни откуда... Наконецъ, ждать сдѣлалось болѣе не въ-мочь и одинъ изъ офицеровъ отправился добывать свѣдѣній въ Вашингтонъ и Нью-Іоркъ. Только на десятый день получилась депеша изъ Нью-Іорка, въ которой капитанъ Семечкинъ извѣщалъ Гриппенберга о своемъ прибытіи въ Америку и приглашалъ какъ его, такъ и германскаго спеціалиста Badenгаузена, для осмотра покупаемаго судна...

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ апрѣля, пароходъ, на которомъ находился капитанъ Семечкинъ съ женою и тремя помощниками (Хотинскій, Родіоновъ, Кутейниковъ) подошелъ къ нью-іоркской пристани, и послѣ обычныхъ формальностей, пассажирамъ разрѣшено было съѣхать на берегъ. Въ виду важности исполняемой задачи, капитанъ Семечкинъ обязалъ своихъ помощниковъ честнымъ словомъ—хранить строжайшее инкогнито и ничѣмъ не выдавать цѣли своего пріѣзда падкимъ до свѣжихъ новостей репортёрамъ. Остановившись въ гостинницѣ и занявъ тамъ роскошное помѣщеніе, Семечкинъ прежде всего распорядился объ отсылкѣ телеграммъ на «Цимбрію» и въ Петербургъ, въ которыхъ сообщалъ о томъ, что прибылъ въ Америку и что принимается уже за дѣло. Дѣйствительно, первою обязанностью капитана Семечкина было свидѣться съ нашимъ посломъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, г. Шишкинымъ, жившимъ въ Вашингтонѣ, и объяснить ему общій планъ своихъ будущихъ дѣйствій—и вотъ, нѣсколько часовъ спустя послѣ водворенія въ Нью-Іоркѣ, онъ уже бралъ въ кассѣ желѣзной дороги билетъ въ Вашингтонъ, а первый же отходящій туда поѣздъ помчалъ его на югъ съ обычной американской быстротой. Выѣзжая изъ Нью-Іорка, капитанъ Семечкинъ позаботился послать также телеграмму въ Филадельфію на имя хорошаго своего знакомаго—банкира Barker'a, въ которой просилъ его встрѣтиться съ нимъ въ вокзалѣ для переговоровъ по извѣстному обоимъ дѣлу.

Прошло нѣсколько часовъ и поѣздъ не успѣлъ еще остановиться у филадельфійской платформы, какъ въ него вскочилъ мистеръ Barker и, отыскавъ сидѣвшаго друга своего «капитена Семечкина», обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими привѣтствіями. Машина засвистѣла и пошла дальше, а между пріятелями завязался слѣдующій разговоръ:

— Ну, что новаго? спросилъ капитанъ Семечкинъ.

— Ваше дѣло у меня въ шляпѣ! отвѣчалъ банкиръ. — Вы надолго въ Вашингтонъ?

— Нѣтъ, только повидаться и переговорить съ нашимъ посломъ; всего нѣсколько часовъ. А что?

— Да то, что терять времени не слѣдовало бы! У меня здѣсь подъ рукой имѣется прекрасное судно, удовлетворяющее во всѣхъ отношеніяхъ нашимъ требованіямъ. Я завелъ уже серьёзные переговоры и считаю, что если его отдадутъ за мою цѣну, то вы сдѣлаете выгодную аферу. Его торгуетъ одно англійское общество, которое, пожалуй, и больше дастъ... Какъ бы не прозѣвать, смотрите!

Переговоривъ о разныхъ подробностяхъ относительно парохода «State of California» и согласившись въ принципѣ насчетъ его покупки, пріятели разстались и банкиръ возвратился на встрѣчномъ поѣздѣ въ Филадельфію, а Семечкинъ прибылъ въ Вашингтонъ. Въ оказанномъ ему пріемѣ онъ усмотрѣлъ къ себѣ нѣкоторую сухость со стороны г. Шишкина и, явившаяся вслѣдствіе того, натянутость отношеній у нихъ продолжалась и втеченіе всего пребыванія Семечкина въ Америкѣ. Дѣло было въ томъ, что неожиданное прибытіе «Cimbria» въ «South-West-harbour» надѣлало множество хлопотъ нашему послу, и хотя изъ Россіи и приходили къ нему кое-какія поясненія насчетъ этой экспедиціи, но г. Шишкинъ былъ все же до крайности затрудненъ, какъ отвѣчать на полуоффиціальные запросы американскаго правительства. Поводомъ же къ болѣе сильному охлажденію между гг. Шишкинымъ и Семечкинымъ послужило то обстоятельство, что послѣдній, разсказавъ послу все то, что считалъ необходимымъ для выясненія положенія дѣла и для того, чтобы г. Шишкинъ могъ устранять своимъ вліяніемъ разныя будущія затрудненія со стороны американскихъ властей, въ то же время воздержался отъ многихъ подробностей своего плана, сохраняя за собою всю его иниціативу. Одно, что было ясно для обоихъ, это то, что экспедиція—дѣло весьма серьёзное и что надо употребить всѣ свои усилія, чтобы она окончилась успѣшно. Въ такомъ духѣ г. Шишкинъ и получилъ, впрочемъ, инструкціи изъ Петербурга.

Покончивъ дѣло въ Вашингтонѣ, капитанъ Семечкинъ, не желая терять времени, поѣхалъ обратно въ Филадельфію, куда должны были прибыть призванные имъ помощники съ «Цимбріи» и изъ

Нью-Іорка для освидѣтельствованія покупаемаго парохода. По осмотрѣ комисcіи, пароходъ найденъ былъ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, а потому былъ данъ задатокъ, написано условіе и, всего 48 часовъ по прибытіи Семечкина въ Америку, русскій флотъ обогатился новымъ судномъ, которому дано имя «Европа». Въ послѣдующіе дни полагалось сдать по спискамъ весь инвентарь, назначенный на судно, и призванный въ Филадельфію кап.-лейт. Гриппенбергъ, котораго Семечкинъ поздравилъ съ командованіемъ пріобрѣтеннаго крейсера, тотчасъ же занялся этимъ дѣломъ. Покупная цѣна парохода составляла 400 т. долларовъ (800 т. рублей), но этой суммой далеко еще не ограничивались всѣ расходы...

Теперь необходимо ознакомить немного читателя съ сущностью того плана, который былъ разработанъ смѣшанной комиссіей въ Петербургѣ и приведенъ въ исполненіе въ Америкѣ.

Извѣстный филадельфійскій банкиръ Barker подалъ весною 1878 года на утвержденіе въ высшія инстанціи особый проектъ о содержаніи срочнаго пароходнаго сообщенія между берегами полуострова Аляски и г. Сан-Франциско. Для этой цѣли онъ предполагалъ завести три или болѣе быстроходныхъ парохода и нанять соотвѣтственное количество экипажа. Благодаря сильнымъ связямъ и крупнымъ средствамъ, банкиръ Barker не встрѣтилъ никакого затрудненія въ своемъ проектѣ и правительство отнеслось съ полнымъ довѣріемъ и сочувствіемъ къ предпринятой полезной затѣѣ Barker'a, оставивъ только за собою право — освидѣтельствовать пароходы и признать ихъ годность къ предполагаемой цѣли. Что же касалось до найма помощниковъ и прислуги, то Америка всегда славилась большой свободой, а потому и теперь право этого найма бевконтрольно принадлежало предпринимателю. Такимъ образомъ, учредилось фиктивное пароходство, которое было придумано въ Петербургѣ и должно было послужить для тайныхъ цѣлей русскаго кабинета. Въ силу полномочій Семечкина, между нимъ и Barker'омъ состоялось секретное условіе, смыслъ котораго былъ тотъ, что Barker будетъ пріобрѣтать на свое имя столько судовъ, сколько ему будетъ приказано; будетъ производить на нихъ такія передѣлки и приспособленія, какія ему укажутъ, и выведетъ ихъ въ океанъ подъ американскимъ флагомъ въ такое время, какое будетъ вызвано соображеніями русскаго правительства. Для всѣхъ необходимыхъ затратъ ему дѣлаются необходимые авансы, окончательный же разсчетъ производится по исполненіи всѣхъ обязательствъ съ обѣихъ сторонъ. При наймѣ капитана, офицеровъ и экипажа Barker руководствуется опять-таки указаніями Семечкина и заключаетъ съ ними при этомъ нотаріальный контрактъ для отвода всякихъ подозрѣній со стороны властей. Выведя всѣ свои суда на узаконенное морскими правилами разстояніе (нѣсколько миль) отъ берега, Barker, въ присутствіи необходимыхъ свидѣтелей и нотаріуса, передаетъ

агенту русскаго правительства — Семечкину, всѣ права свои на пароходы, совершивъ на все купчую крѣпость по заранѣе условленной цѣнѣ. Затѣмъ, американцы спускаютъ свой флагъ и садятся на приготовленный для нихъ пароходъ, который увозитъ ихъ обратно въ городъ, а русскіе командиры вступаютъ въ свои права, подымаютъ военные флаги и озабочиваются пріемкою на свои суда военныхъ снарядовъ, пушекъ, взрывчатыхъ составовъ, минъ и проч., которые имъ подвозятъ спеціальные пароходы. Послѣ этого превращенія мирныхъ торговыхъ судовъ въ военные крейсера, эскадра, въ силу данныхъ ей инструкцій, направляется въ указанныя ей мѣста.

Первые дни въ Америкѣ у Семечкина кипѣла лихорадочная дѣятельность. Дѣла было, дѣйствительно, куча!... Сначала шли разныя условія съ заводчикомъ Крампомъ и Баркеромъ; потомъ забота о снабженіи крейсеровъ продовольствіемъ и военными припасами; затѣмъ — переговоры по покупкѣ новыхъ судовъ и осмотръ ихъ... (а охотниковъ продавать таковыя явилась такая тьма, что отъ аферистовъ съ «business» просто дѣваться было некуда!); на купленной «Европѣ» работа шла невообразимая, а тутъ еще надо было позаботиться составленіемъ секретныхъ картъ, согласно выработанному оригиналу въ Петербургѣ... Наконецъ, все стало принимать регулярный характеръ. Для чертежной работы изъ «South-West-harbour» были выписаны штурмана въ Нью-Іоркъ и, при общихъ съ ними усиліяхъ, капитанъ Семечкинъ составилъ нѣсколько картъ для различныхъ мѣстъ въ океанахъ. При коллективномъ крейсерствѣ имѣлось также въ виду совмѣстное дѣйствіе эскадры адмирала Штакельберга, которому была поручена организація крейсерства въ Тихомъ океанѣ на случай войны. Въ самой Америкѣ, подъ управленіемъ Семечкина, образовалась довольно оригинальная администрація: контингентъ моряковъ, необходимый для комплектованія покупаемыхъ судовъ, находился на «Цимбріи», стоявшей по-прежнему въ «South-West-harbour»; работы на купленныхъ судахъ производились нѣсколько сотъ верстъ южнѣе — въ Филадельфіи, а центральное управленіе въ Нью-Іоркѣ, вслѣдствіе особыхъ соображеній капитана Семечкина, которыя состояли въ томъ, что Нью-Іоркъ представлялъ гораздо болѣе удобствъ при сношеніяхъ съ такими дѣловыми лицами, какъ банкиры, агенты, директора океанскихъ кампаній, поставщики разныхъ припасовъ... Въ Филадельфіи же Семечкинъ былъ, кромѣ того слишкомъ хорошо извѣстенъ, и потому, если онъ хотѣлъ дѣйствовать негласно, то въ Нью-Іоркѣ это ему было гораздо легче. Впрочемъ, и здѣсь еле-еле можно было отдѣлываться отъ репортёровъ и шпіоновъ. Дошло даже до того, что когда послѣдніе увидали, что отъ русскихъ джентльменовъ добромъ не выѣдаешь ничего, то они устроили настоящую осаду на нихъ, поселясь въ нижнемъ этажѣ той самой гостинницы, которую зани-

малъ съ товарищами Семечкинъ. Дѣйствительно, этимъ способомъ они имѣли, по крайней мѣрѣ, возможность слѣдить за каждымъ его шагомъ. Однимъ изъ удобствъ упомянутой гостиницы было то, что въ ней же помѣщалась телеграфная станція, и поэтому сношенія «управленія» съ заводомъ Крампа, гдѣ также было телеграфное бюро, не терпѣли никакихъ проволочекъ. Въ рабочемъ кабинетѣ Семечкина лежали разные чертежи передѣлываемыхъ судовъ, велся журналъ всѣмъ работамъ, а помощники его, спеціалисты по разнымъ отдѣламъ, составляли разсчеты и вычисленія на всякое нововведеніе, предлагаемое командиромъ судна. Приходила, напримѣръ, съ завода Крампа телеграмма съ такимъ вопросомъ: «На которомъ шпангоутѣ можно ставить такое-то или другое приспособленіе?» Корабельный инженеръ тотчасъ же садился за выкладки и, немного спустя, по телеграфу же давался отвѣтъ: «На 15-е или 22-е.»

Первый пароходъ «Европа» пріобрѣтенъ былъ еще на «сталелѣ» (мѣсто строенія) и строился для одной частной океанской компаніи заводчикомъ Крампомъ. Судя по чертежамъ и вычисленіямъ, «Европа» должна была обладать хорошими морскими качествами, въ томъ числѣ и быстрымъ ходомъ. Пріобрѣтеніе этого судна было еще особенно важно тѣмъ, что внутренняя его часть была не отдѣлана, а потому всѣ каюты и размѣщенія могли быть сдѣланы такъ, какъ это принято на военныхъ судахъ. Для наблюденія за работами съ «Цимбріи» были вызваны старшіе спеціалисты офицеры, нѣсколько матросовъ и, со дня прибытія своего въ Филадельфію, они стали проводить все время на заводѣ; скоро выяснилось, однако, что одной дневной работы будетъ недостаточно, и потому Крампъ нанялъ двѣ смѣны мастеровъ и сталъ поскорѣе готовить судно къ спуску на воду, работая и ночью при электрическомъ освѣщеніи. Въ конторѣ завода помѣстился впослѣдствіи и корабельный инженеръ Кутейщиковъ—весьма дѣятельный и знающій человѣкъ, который разрѣшалъ теоретически всѣ представлявшіеся вопросы по судостроенію. Для всѣхъ этихъ рѣшеній требовалась, однако, санкція капитана Семечкина, и мы видѣли уже, какимъ образомъ телеграфъ приносилъ отвѣты изъ Нью-Іорка. Впрочемъ, и самъ Семечкинъ дня три на недѣлѣ проводилъ въ Филадельфіи. По примѣрнымъ разсчетамъ, «Европа» должна была быть въ состояніи выйти въ океанъ въ іюнѣ, хотя и въ далеко не оконченномъ видѣ.

Пріобрѣтеніе перваго крейсера, переговоры насчетъ другихъ, закупка матеріаловъ—все это давало обильную пищу репортёрамъ и потому во всѣхъ газетахъ обязательно повторялось о русской экспедиціи и о шансахъ ея на успѣхъ. Въ дѣйствительности будущаго крейсерства всѣ были убѣждены, но всѣ тѣ невыгодныя стороны дѣла, которыя такъ долго разбирались смѣшанною коммиссіею въ Петербургѣ, не преминули предстать глазамъ и американцевъ.

Что русскіе соблюли всѣ формальности — объ этомъ не могло быть и рѣчи; но должно ли было довольствоваться этимъ правительство? особенно въ виду того, что изъ Англіи стало проявляться сильное давленіе и что великобританскій посолъ ставилъ уже не одинъ трудный вопросъ «ребромъ» министру иностранныхъ дѣлъ. Скоро и посолъ нашъ, г. Шишкинъ, ощутилъ на себѣ это давленіе и ему стало невозможнымъ отговариваться долѣе въ Вашингтонѣ незнаніемъ всего происходившаго. Онъ предпочелъ, пользуясь лѣтомъ, уѣхать на дачу, въ Ніагару. Вслѣдъ за нимъ почти все русское посольство разъѣхалось, покинувъ Вашингтонъ, и властямъ волею-неволею приходилось мириться съ неизбѣжными отъ того промедленіями.

Любопытно впечатлѣніе, которое произвели наши крейсерскія приготовленія въ Англіи. Необходимо припомнить, что именно въ это время состоялась миссія графа Шувалова въ Лондонъ, на успѣшный исходъ которой у насъ возлагали большія надежды и результатомъ которой было открытіе берлинскаго конгресса. Прослѣдимъ столбцы самой распространенной газеты—«Times».

Въ № отъ 19-го апрѣля находилась первая телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Въ «South-West-harbour» прибыло германское судно съ 700 русскими пассажирами для какихъ-то неизвѣстныхъ цѣлей. Есть основаніе полагать, что они составляютъ правильно организованныя команды на нѣсколько крейсеровъ. Начальникомъ отряда—графъ Гриппенбергъ. Судовыя бумаги въ порядкѣ».

Въ №№ отъ 20-го, 21-го, 22-го подъ заглавіемъ: «The Russian cruisers» приведены длинныя телеграммы о новыхъ ожидаемыхъ судахъ въ Америку (подобныхъ «Цимбріи») и о какихъ-то небывалыхъ переговорахъ руководителей возстанія феніевъ съ Гриппенбергомъ...

Изъ послѣдующихъ №№ мы узнаёмъ о томъ, что англійскій консулъ дѣлалъ неудачную попытку посѣтить «Цимбрію», но наблюдалъ за нею, поселясь чуть не на самой пристани, что англійскія суда въ Атлантическомъ океанѣ получили приказаніе стягиваться къ одному мѣсту, подъ флагомъ адмирала Кей.

26-го апрѣля, «Times» повторяетъ сказку о томъ, что по Парижу прошло нѣсколько отрядовъ переодѣтыхъ русскихъ моряковъ для отправленія въ Америку.

Немного позже, другое, болѣе серьёзное извѣстіе, вызывающее въ газетѣ цѣлую передовую статью, касается повышенія въ Америкѣ страховки на 2% по случаю покупки русскими парохода «State of Colifornia». Въ статьѣ проводится мысль о строгомъ нейтралитетѣ вообще, разбирается процессъ «Алабамы» и слѣдуетъ выводъ о «немыслимомъ» снаряженіи русскихъ крейсеровъ въ виду дружескихъ отношеній съ Англіей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

3-го мая, англійскому военному агенту (адмиралу Джонесъ или Гордонъ), нарочно прибывшему въ «South-West-harbour», было отказано въ пріемѣ на Цимбріо, что послужило поводомъ къ различнымъ комментаріямъ. До 9-го мая въ газетѣ появляется цѣлый рядъ телеграммъ и корреспонденцій, въ которыхъ разсказывается о дѣятельности русскихъ агентовъ и о пріобрѣтеніи ими нѣсколькихъ пароходовъ. Въ № отъ 9-го мая мы видимъ нѣсколько важныхъ правительственныхъ распоряженій, какъ-то: снаряженіе быстроходныхъ судовъ къ плаванію, отсылка тяжелыхъ орудій въ разныя колоніи, отправленіе канонерокъ къ берегамъ Америки,—предосторожности, которыя доказываютъ, что русская экспедиція возбудила серьёзныя опасенія въ правительственной сферѣ. Въ параллель къ этимъ сообщеніямъ идутъ также весьма подробныя извѣстія о ходѣ подписки на добровольный флотъ въ Россіи, и редакторъ «Times», помѣщая замѣчательно точныя свѣдѣнія о всѣхъ мало-мальски выдающихся пожертвованіяхъ, очевидно, находилъ ихъ не лишенными интереса для своихъ читателей.

Сопоставляя шумъ, поднятый всѣми газетами объ этомъ вопросѣ, съ обмѣномъ нотъ между кабинетами русскимъ и англійскимъ въ то время, мы можемъ утвердительно сказать, что крейсерство играло не послѣднюю роль въ числѣ аргументовъ, вліявшихъ на англійское правительство, и что если снаряженіе крейсеровъ не встрѣчало препятствій со стороны американскихъ властей, то это служило прямымъ доказательствомъ того, что предпринятая мѣра могла обратиться современемъ въ грозную — для Англіи — дѣйствительность. Обращая также вниманіе на хронологическій порядокъ событій, мы замѣчаемъ, что особенно сильныя приготовленія въ Америкѣ совпадали съ усиленными обмѣнами нотъ между кабинетами и что, приглашая Англію къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ мирнымъ путемъ на берлинскомъ конгрессѣ, Россія въ то же время не забывала готовиться къ войнѣ...

Новые пароходы—«Азія» и «Африка» были куплены Семечкинымъ нѣсколько недѣль спустѣ послѣ покупки «Европы», но предварительномъ испытаніи; затѣмъ, они тоже были введены къ Крампу для передѣлокъ на военный ладъ. По мѣрѣ того, какъ русскій флотъ обогащался новыми судами, съ «Цимбріи» вызывались на югъ командиры и ихъ помощники, въ сопровожденіи небольшихъ партій матросовъ; но такъ какъ шуму было и безъ того довольно, то капитанъ Семечкинъ распорядился, чтобы матросы переодѣвались въ статское платье. Такимъ образомъ, небольшіе отряды русскихъ моряковъ проѣзжали по американской территоріи, не обращая на себя особаго вниманія. Эти-то передвиженія и подали поводъ нѣкоторымъ газетамъ напечатать ложное извѣстіе, будто бы изъ Россіи прибываютъ постоянно свѣжія силы!

Когда моряки наши свыклись въ «South-West-harbour» съ неопредѣленностью своего положенія и увидали, что имъ незачѣмъ уже хранить строгое инкогнито, то пароходъ «Cimbria» сдѣлался мѣстомъ общедоступнымъ; а когда стали съѣзжаться на купанье окрестные жители, то офицерамъ оставалось только благодарить радушныхъ американцевъ за ласковый пріемъ. Дѣйствительно, не проходило дня, чтобы на «Цимбріи» не было гостей обоего пола... Танцовальные вечера, обѣды и пикники слѣдовали одинъ за другимъ!.. Денегъ у всѣхъ было много, народъ все былъ молодой, а потому скуки и не могло быть!.. Такъ прошло время до сентября; въ первыхъ его числахъ получилось предписаніе идти въ Филадельфію, и капитанъ Баденгаузенъ доставилъ своихъ, уменьшившихся уже въ числѣ, пассажировъ къ мѣсту назначенія и, въ виду истеченія своего 6-ти-мѣсячнаго контракта, ссадилъ ихъ на приготовленный для команды пловучій домъ, неподалеку отъ завода Крампа. Офицеры же размѣстились, въ ожиданіи отдѣлки своихъ каютъ, по гостинницамъ и только осенью перебрались съ матросами на свои суда.

Въ виду того, что наступившее мирное настроеніе въ Европѣ не требовало уже спѣшнаго изготовленія русскихъ крейсеровъ, пароходы эти вышли изъ Америки только поздно осенью, вполнѣ передѣланными, и остановились на зимовку въ Копенгагенѣ и Гаврѣ; что же касается до четвертаго крейсера—«Забіяка», выстроеннаго въ нѣсколько мѣсяцевъ по русскимъ чертежамъ, то онъ пришелъ въ Россію въ маѣ слѣдующаго года.

По мѣрѣ того, какъ политическія дѣла въ Европѣ улаживались, экспедиція все болѣе теряла свой первоначальный характеръ, а въ Россіи стали все чаще раздаваться голоса противъ этой дорого стоившей затѣи. Въ средѣ моряковъ ее стали даже называть «морскимъ пикникомъ»; но если мы будемъ судить о ней даже по одному лишь впечатлѣнію, которое она произвела на заграничную печать, то и тогда уже убѣдимся, что израсходованные нѣсколько милліоновъ рублей были не совсѣмъ непроизводительной затратой. Кромѣ того, нашему правительству было важно знать взглядъ американцевъ на подобную попытку; а кто знаетъ, не придется ли еще въ недалекомъ будущемъ повторять ее съ неменьшимъ успѣхомъ, но уже съ бо́льшею увѣренностью?.. Во всякомъ случаѣ, отъ нея получился и вещественный результатъ, такъ какъ четыре, купленныя въ Америкѣ, судна плаваютъ и понынѣ подъ русскимъ флагомъ, служа добрую службу нашему флоту!

Надѣлавшему столько шума, пять лѣтъ тому назадъ, пароходу гамбургско-американской компаніи—«Цимбрія» суждено было еще разъ обратить на себя вниманіе цѣлаго свѣта. Въ январѣ настоя-

щаго года, онъ пошелъ ко дну съ 400 пассажирами, вслѣдствіе самой несчастной случайности. Утонувшій на пароходѣ капитанъ, который исполнялъ до послѣдней минуты свой долгъ,—былъ не Баденгаузенъ: онъ состоитъ теперь въ числѣ директоровъ океанской компаніи.

И. Бутковскій.

ЗА КЛЮЧАМИ ИНДІИ [1]).

Въ МАѢ МѢСЯЦѢ 1878 года, на дальней окраинѣ нашего обширнаго государства готовилось событіе. Новые аргонавты, къ досадѣ коварнаго Альбіона,—представитель котораго на берлинскомъ конгрессѣ беззастѣнчиво старался умалить значеніе и результаты нашихъ побѣдъ въ долинахъ и на высотахъ Балканъ и подъ стѣнами Карса и Эрзерума,—собирались въ Авганистанъ... за ключами къ воротамъ Индіи. Сначала вопросъ ставился очень серьёзно, до того серьезно, что войска туркестанскаго округа начали готовиться къ военному походу въ Авганистанъ, а полковникъ Гродековъ съ двумя киргизами поѣхалъ производить рекогносцировку на Гератъ. Вскорѣ, однако, убѣдились, что боевая тревога преждевременна, такъ какъ дипломатія еще не сдѣлала своего дѣла; поэтому честный мечъ остался въ ножнахъ, и поѣздка за ключами въ Индію предоставлена была льстивому, хитрому слову. Въ Авганистанъ, къ эмиру Ширъ-Али, было послано посольство генерала Столѣтова, которое, подобно многимъ нашимъ дипломатическимъ предпріятіямъ, оказалось безполезнымъ для насъ, гибельнымъ для эмира и необыкновенно выгоднымъ Англіи, для которой создало предлогъ и поводъ показать еще разъ подвластнымъ ей вассаламъ Индіи свою политическую мощь и свою боевую силу.

Подробности объ этомъ посольствѣ даетъ намъ недавно вышедшая прекрасная монографія доктора Яворскаго, которому приш-

---

[1]) Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—79 гг. Д-ра И. Л. Яворскаго. Два тома. Спб. 1883 г.

лось играть видную роль въ этомъ злополучномъ походѣ русскаго Язона—Столѣтова. Книга д-ра Яворскаго имѣетъ впереди текста извѣстный латинскій афоризмъ: amicus Plato, sed magis amica veritas, афоризмъ совершенно неуспокоительный для того, кто привыкъ подъ его охраною встрѣчать пристрастный судъ и лживую окраску событій. На этотъ разъ, однако, пришлось пріятно разочароваться ожидая неправды, хотя и нельзя сказать, чтобы изложеніе автора путешествія русскихъ въ Авганистанъ было вполнѣ безпристрастно. Докторъ Яворскій принималъ слишкомъ живое участіе въ жестокой судьбѣ Ширъ-Али, уготованной нашимъ посольствомъ, чтобъ не внести личнаго элемента въ свое описаніе, но этотъ личный элементъ преобладаетъ въ его литературномъ разсказѣ ровно настолько, чтобы не лишить его живости и красокъ, которыхъ каждый въ правѣ требовать отъ очевидца. Безспорно, правдивую исторію посольства по одному сочиненію доктора Яворскаго не напишешь, но какъ историческій матеріалъ оно тѣмъ драгоцѣнно, что въ своихъ личныхъ сужденіяхъ авторъ не переступаетъ границъ порядочности, т. е., жалуясь иногда и даже горько жалуясь,—не клевещетъ на виноватыхъ. Онъ судитъ подъ часъ близоруко, слишкомъ близко отыскивая причины того ужаснаго положенія, въ которое былъ поставленъ скорѣе обстоятельствами, чѣмъ людьми; но и при этомъ, какъ истинный другъ Платона, старается остаться другомъ истины, насколько это вообще возможно живому человѣку.

Монографія доктора Яворскаго, какъ литературная работа, заслуживаетъ полнаго вниманія; въ ней, кромѣ живого описанія нашего пребыванія въ Кабулѣ и Мазари-Шерифѣ, находится масса историческихъ и географическихъ свѣдѣній, часть которыхъ добыта лично авторомъ во время его путешествія, а часть является заимствованною изъ многочисленныхъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и русскихъ источниковъ. Къ книгѣ приложены маршрутъ посольства изъ Самарканда въ Мазари-Шерифъ и Кабулъ, составленный Н. А. Бендерскимъ, портретъ Ширъ-Али-Хана, эмира авганскаго, и Сеидъ-Мозафаръ-Эддина-Хана, эмира бухарскаго, также изображеніе загадочныхъ Бамьянскихъ истукановъ.

Пользуясь прекрасною книгою г. Яворскаго, мы постараемся дать краткое изложеніе всѣхъ особенностей, сопровождавшихъ посольство генерала Столѣтова въ Кабулъ, такъ какъ для нашей будущей политики въ центральной Азіи это злополучное путешествіе русскаго генерала въ столицу Авганистана несомнѣнно будетъ имѣть громадное значеніе. Между тѣмъ, детали и перипетіи поѣздки генерала Столѣтова въ Кабулъ, заслоненныя удручающимъ впечатлѣніемъ берлинскаго конгресса, у насъ прошли почти незамѣченными, тогда какъ въ Англіи, да и вообще на западѣ Европы, имя нашего посланнаго къ Ширъ-Али генерала сдѣлалось популярнымъ. Каррикатуры, газетныя статьи, брошюры и парламентскіе дебаты,

создавали эту популярность въ то время, когда у насъ имъ никто не интересовался и даже, за исключеніемъ нѣсколькихъ избранныхъ, и не понималъ. Но пора же и намъ воздать дань должную, пора же дать себѣ отчетъ, чего хотѣла наша дипломатія, какъ вели себя члены русской посольской миссіи и что изъ всего этого произошло.

Во всякомъ случаѣ, сказка о походѣ за ключами Индіи—не веселая будетъ сказка.

I.

Сборы и подарки.

Нищета народа, рядомъ съ богатствомъ и тщеславіемъ владѣтелей, установила въ Азіи своеобразный режимъ, который съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ правительствомъ подарковъ. Подарками опредѣляется тамъ положеніе человѣка въ обществѣ, его значеніе и его власть въ политическомъ мірѣ.

Немудрено поэтому, что этикетъ подарковъ играетъ такую видную и вліятельную роль во всѣхъ азіатскихъ дипломатическихъ сношеніяхъ. Вообще подарки въ Азіи—прочно и незыблемо установившаяся традиція, а потому неудивительно, что мы, русскіе, столь плохо уживающіеся съ какими бы то не было традиціями, склонные къ самодурству и своеволію у себя дома, и въ Азіи вѣчно попадаемся въ-просакъ изъ-за подарковъ.

И странное дѣло! Расточители вездѣ, гдѣ ненужно быть расточителями, въ Азіи мы дѣлаемся рѣшительными скаредами, разъ намъ приходится отдаривать тѣхъ или другихъ тароватыхъ азіатскихъ князьковъ и владѣтелей. Объ этомъ явленіи, которое привело уже къ тому, что намъ дарятъ деньги, и нашихъ подарковъ начинаютъ не принимать не только владѣтельные князья, но даже и ихъ сановники, говорятъ всѣ путешественники послѣднихъ лѣтъ, а многіе изъ служащихъ на азіатскихъ окраинахъ Россіи вторятъ имъ въ своихъ поистинѣ ужасающихъ устныхъ разсказахъ.

— Халаты погубятъ наше дѣло въ Азіи, говорилъ намъ недавно одинъ изъ знатоковъ тамошняго положенія дѣлъ.—Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, получая кашемиръ, шелкъ или золото, отдаривать сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, или больнично-арестантской хламидой!

— Ну, а въ Европѣ, развѣ халатъ, забытый у насъ разбитымъ полчищемъ Мамая, не столь же гибеленъ? спросилъ по этому поводу одинъ острякъ. Оставляя, однако, вопросъ молодого остроумца безъ отвѣта, мы прямо скажемъ, что при снаряженіи нашей посольской

миссіи въ Кабулъ, въ основу снаряженія была положена идея совершенно неблагопристойной экономіи.

Интиллигенцію посольства составляли семь человѣкъ: начальникъ миссіи, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Столѣтовъ, помощникъ его, полковникъ Разгоновъ, топографъ Бендерскій, переводчики—съ персидскаго Назаровъ, съ тюркскаго Замаанъ-бека-Шихалибековъ, съ англійскаго—чиновникъ Малевинскій и докторъ Яворскій. Конвой составляли 22 казака Уральскаго и Оренбургскаго войска,—кажется, немного, и потому, отправляя къ воротамъ Индіи 29 человѣкъ, право неразорительно было бы обставить ихъ прилично хотя протяженію, если не величію Россіи. Каково же было снаряженіе миссіи, можно судить по свидѣтельству доктора Яворскаго (получившаго «на подъемъ» 200 руб. и за два мѣсяца по 3 руб. суточныхъ, т. е. всего 380 кредитныхъ), что когда онъ выѣзжалъ изъ Самарканда въ Кабулъ, у него оставалось въ карманѣ нѣсколько десятковъ «тенгъ» (теньга 20 к. сер.). Если мы предположимъ, что такихъ десятковъ было пять, то и въ такомъ случаѣ у будущаго лейбъ-медика Ширъ-Али-Хана въ первый день путешествія было 10 р. сер. въ карманѣ! Впослѣдствіи, какъ мы скажемъ ниже, доктору Яворскому, вернувшемуся съ посольствомъ Ширъ-Али въ Ташкентъ, пришлось вторично совершить путешествіе въ Авганистанъ въ составѣ отряда самъ 12. О снаряженіи этой экспедиціи, гдѣ онъ былъ старшимъ начальникомъ, авторъ путешествія въ Авганистанъ даетъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Принявъ во вниманіе, что въ то время содержаніе было увеличено (такъ докторъ Яворскій, вмѣсто 200 руб. подъемныхъ, получилъ 300 руб., изъ которыхъ однако 16°/₀ вычли въ инвалидный капиталъ!!), мы не можемъ не покраснѣть передъ слѣдующей смѣтой:

Содержаніе отряда съ 13-го ноября по 1-е января 1879 года:

1) Доктору Яворскому по 3 р. въ сутки . . 144 р.
2) Фельдшеру по 50 к. въ сутки . . . . . 24 »
3) Уряднику по 50 к. въ сутки . . . . . 24 »
4) 9-ти казакамъ по 30 к. въ сутки . . . 139 р. 20 к.
5) Непредвидѣнные расходы . . . . 300 »
6) Переводчику по 1 р. въ сутки . . . . 48 »

Затѣмъ подъемныхъ:

1) Доктору Яворскому 300 р. минусъ 30,2,16=252 р.
2) Фельдшеру . . . . 80 р.
3) Переводчику . . . . 100 »
4) На наемъ лаучей (проводниковъ) . . . . 150 »
5) На потерю 15°/₀ при размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на бухарскія теньги . . . . 172 р. 38 к.

Затѣмъ экспедиціи полагалось купить 16 лошадей по 50 руб., и три юламейки по 25 руб.

На содержаніе каждой лошади полагалось по 40 к. въ сутки.

Читая эту по истинѣ постыдную смѣту, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія странности. Канцеляріи, составлявшей смѣту, лучше другихъ было извѣстно, что за 15% потери нельзя было промѣнять русскія кредитки на бухарское серебро, потому что въ то время нашъ рубль стоилъ въ Лондонѣ 61,5, а въ Бухарѣ и у мѣнялъ Самарканда 60 коп.. Почему же на лажъ членамъ экспедиціи было предложено только 15%? Почему же не только отряду доктора Яворскаго было выдано, но и членамъ оставшагося въ Кабулѣ посольства было послано содержаніе кредитными билетами, въ то время, когда въ ташкентскомъ казначействѣ находилось 30.000 тенгъ (6.000 руб.), пожертвованныхъ бухарскимъ эмиромъ обществу «Краснаго Креста»? Почему фельдшеру дали 80 руб. подъемныхъ, а урядику не дали ни гроша? Наконецъ, почему суточное содержаніе казака на чужой сторонѣ было оцѣнено на 25% дешевле содержанія его лошади? Но тутъ не можетъ быть отвѣта, все это канцелярская тайна, изъ разряда тѣхъ, которыя изгадили столько славныхъ страницъ русской исторіи, безъ всякаго разумнаго основанія и безъ всякой пользы.

Изъ этихъ экономическихъ данныхъ о снаряженіи экспедиціи можно уже себѣ представить, какъ былъ рѣшенъ важный вопросъ о подаркахъ. Съ первыхъ же шаговъ миссіи по бухарской землѣ, забота о ея членахъ и прокормленіе ихъ пала на казну нашего тароватаго вассала, эмира бухарскаго. Первымъ принималъ генерала Столѣтова 18-ти-лѣтній сынъ эмира, чиракчинскій бекъ, выславшій на встрѣчу посольства почетную депутацію за 40 верстъ съ угощеніями и палатками для отдыха. Въ Чиракчи же «достарханъ» (почетный столъ) бека, предложенный миссіи, состоялъ болѣе чѣмъ изъ 30-ти блюдъ.

Въ отплату за такое угощеніе, гостепріимство и уходъ, генералъ Столѣтовъ могъ подарить по «почетному» халату членамъ депутаціи, а самому беку присоединилъ къ халату еще серебряные часы. Взамѣнъ халата и серебряныхъ часовъ, чиракчинскій бекъ прислалъ миссіи семь лошадей, покрытыхъ парчевыми и бархатными попонами, причемъ на нѣкоторыхъ были уздечки, украшенныя бирюзой, семь пачекъ халатовъ, между которыми замѣчались парчевые, шалевые и шелковые. Кромѣ того, къ подаркамъ были приложены сахаръ, леденцы и т. п. угощенія.

Еще роскошнѣе были подарки самого эмира бухарскаго, которому посольство не предложило ничего (по крайней мѣрѣ, г. Яворскій объ этомъ не упоминаетъ). Эмиръ одарилъ миссію разнообразными халатами, кусками бархата и шелковыхъ матерій, поясами, украшенными золотыми и серебряными бляхами и осыпанными би-

рюзой, халатами изъ каракульскихъ мерлушекъ, нѣжныхъ какъ древнее колхидское руно. Но кромѣ этого онъ подарилъ еще семь лошадей, покрытыхъ парчевыми, шитыми золотомъ, попонами, уздечки на которыхъ были оправлены въ серебро и украшены бирюзой и кораллами. Столь же щедро надѣлилъ генерала Столѣтова и его свиту бекъ каршинскій, которому, по всему вѣроятію, также преподнесли серебряные часы съ халатомъ или безъ онаго!

Вскорѣ послѣ этого наступила очередь нести присланные генераломъ Кауфманомъ подарки къ самому эмиру афганскому. Каковы же были эти драгоцѣнности, присланныя владѣтельному и независимому князю, престолъ котораго стоитъ у прохода въ страну золота, кашемира и брилліантовъ, князю, активной дружбой котораго мы желали заручиться? Во-первыхъ, трость съ гранатовою рукояткой, покрытая бирюзой сплошь, но бирюзой мѣстной, «коканской», очень низкаго достоинства. Вся трость была неизящной сартовской работы и стоила въ Ташкентѣ 600 руб. Во-вторыхъ, бирюзовый поясъ, вязь серебряная, застежки золотыя, цѣною въ 400 рублей. Затѣмъ—нѣсколько кусковъ парчи и нѣсколько халатовъ парчевыхъ, бархатныхъ и суконныхъ.

Мало, очень мало, но все-таки еще какъ нибудь справились бы, если бы какой-то экзекуторъ Николаевъ не подгадилъ. Тюки съ халатами и парчей распаковали только въ Кабулѣ (и то хорошо. что догадались) и въ нихъ оказалось «парчи» недостаточно и притомъ весьма посредственной, неспособной выдержать сравненія съ индійской. Кромѣ того, простые суконные халаты, отороченные позументомъ, точь-въ-точь форменные для подарковъ отъ уѣздныхъ начальниковъ мѣстнымъ аксакаламъ, оказавшіеся въ тючкѣ съ парчевымъ и бархатнымъ халатами, поставили генерала Столѣтова въ великое затрудненіе. Разумѣется, въ Кабулѣ поправить дѣло было немыслимо и потому волей-неволей пришлось воспользоваться щедростью бухарца.

Генералъ Столѣтовъ взялъ три лучшія лошади, подаренныя ему эмиромъ, приказалъ осѣдлать ихъ эфектными бухарскими сѣдлами съ парчевыми попонами и взнуздать уздечками, украшенными бирюзой и коралловыми букетами на лбахъ. Въ придачу къ бухарскимъ лошадямъ пошли бухарскіе халаты, которые не заготовлялись русскимъ экзекуторомъ, и потому были настоящіе парчевые, съ золотыми кованными цвѣтами и настоящіе кашемировые. Въ заключеніе, наши миссіонеры сдѣлали складчину и преподнесли одну берданку пѣхотную, другую кавалерійскую, охотничье ружье Ланкастера и револьверъ Смитта и Вессона. Наконецъ, два серебряныхъ сервиза, чайный и десертный, довершили приношеніе. Всего, такимъ образомъ, набралось на 4.000—5.000 рублей.

Немудрено поэтому, что русскій посланникъ, щеголяя бухарскими перьями, въ странѣ, гдѣ послѣднія вѣроятно очень хорошо

извѣстны, невольно поднося свои подарки высказалъ, что земля наша велика и обильна, но бѣдна деньгами, а потому... не взыщите.

Великодушный Ширъ-Али, имѣвшій 20.000.000 рублей доходу во дни полученія этихъ русско-бухарскихъ подарковъ, конечно понялъ намекъ по своему, и на слѣдующій же день прислалъ нашей миссіи 11.000 рупій (9.000 руб.) серебряной монетой, которую, поколебавшись и поломавшись немного, наши миссіонеры принуждены были принять и впослѣдствіи употребить въ свою пользу [1].

Печальная картина, и тѣмъ болѣе, что всего болѣе виноватъ... экзекуторъ!

Въ дополненіе къ исторіи подарковъ, нелишнее привести еще слѣдующее.

При вторичномъ отъѣздѣ доктора Яворскаго въ Кабулъ, т. е. когда уже были извѣстны многіе авганскіе офицеры и сановники, оказавшіе чинамъ нашей миссіи неисчислимыя услуги, съ нимъ канцелярія генералъ-губернатора послала слѣдующіе серебряные подарки: два бокала по 16 рублей и четыре стакана по 15 рублей (вѣроятно, потому, что не имѣла оффиціальныхъ свѣдѣній о томъ, что магометане вина и водки не пьютъ въ силу религіозныхъ постановленій и потому дарить имъ рюмокъ не слѣдуетъ). Четыре портсигара и двѣ спичечницы (вѣроятно, потому, что оффиціально не узнала о томъ, что авганцы не курятъ папиросъ, а курятъ изъ кальяна), и наконецъ двѣ сахарницы, всего по ташкентскимъ цѣнамъ Д. Н. Захо на 353 руб.

Весьма интересно, что объ этомъ пишетъ г. Яворскій, въ Кабулѣ уже побывавшій, но въ канцеляріи генералъ-губернатора нечислившійся, а потому не имѣвшій возможности повліять на выборъ подарковъ. По его мнѣнію, цѣлесообразными подарками были бы слѣдующіе: часы, ножи перочинные, табакерки и т. п. Между тѣмъ, участь подарковъ въ видѣ бокаловъ, порт-папиросъ была очень печальна,—ихъ переплавляли въ монету, причемъ 30-ти-рублевый портсигаръ превращался въ 20—30 тенегъ, т. е. пріобрѣталъ ничтожную цѣнность 4—6 рублей.

Даже Ширъ-Али поступилъ такъ съ подареннымъ ему Столѣтовымъ сервизомъ: съ бокалами, рюмками и т. п. принадлежностями, и это тотъ самый либеральный Ширъ-Али, который увлекался личностью Петра-Великаго, и въ тайнѣ отъ своихъ право-

---

[1] Объ этихъ деньгахъ г. Яворскій говоритъ буквально слѣдующее. Впродолженіе нѣсколькихъ дней эти 11 мѣшечковъ лежали въ одной изъ стѣнныхъ нишъ, какъ бы въ пренебреженіи, но потомъ они были, все-таки, прибраны куда слѣдуетъ, а еще потомъ употреблены на дѣло, не имѣвшее ничего общаго съ благотворительностью (стр. 380, т. I). Изъ этихъ денегъ Столѣтовъ заплатилъ за коллекціи авганскихъ товаровъ, купленныхъ въ Кабулѣ, а также за нѣсколькихъ кровныхъ лошадей, купленныхъ при его возвращеніи.

вѣрныхъ подданныхъ злоупотреблялъ спиртными напитками! Нечего удивляться, если также поступали и остальные.

Великодушнѣе всего наградила «канцелярія» авганскаго офицера Мосинъ-Хана. Правда, что этотъ превосходный человѣкъ подобно вѣрной собакѣ оберегалъ нашу миссію и днемъ и ночью во время ея слѣдованія въ Кабулъ, и правда, что въ трагедію, разыгравшуюся послѣ смерти Ширъ-Али въ Мазари-Шерифѣ, онъ же явился спасителемъ нашего маленькаго отряда, цѣною собственной чести отстаивая честь русскаго представительства отъ покушеній взбунтовавшихся солдатъ и черни, правда, что онъ же помогъ Яворскому и его казакамъ благополучно выбраться изъ города, но зато и «экзекуторъ» смиловался и пожаловалъ ему золотые часы. Это все-таки «нѣчто», но конечно нѣчто только тогда, когда, по прибытіи въ Кабулъ, эти золотые часы не оказались томпаковыми, подобно тому, какъ парча цѣною по 100 руб. аршинъ, назначенная эмиру авганскому, по пріѣздѣ къ его двору оказалась мишурою! О Русь! милая Русь; на которую съ завистью смотритъ Западъ и съ надеждою Востокъ, когда-то ты избавишься отъ экзекутора, преподносящаго бокалы не пьющему, портсигары не курящему, прикосновеніемъ къ золоту превращающаго его въ мѣдь, а приближеніемъ къ плодородному оазису обращающаго его въ пустыню?

II.

Торжественное шествіе въ Кабулъ.

2-го іюня, около полудня, миссія въ полномъ составѣ собралась въ Самаркандѣ, въ домѣ генерала Иванова. Казаки толпились вмѣстѣ съ своими лошадьми у воротъ. Авганецъ Раджибъ-Али, караванъ-баши (начальникъ вьючнаго каравана), возился между вьючными животными, а интеллигенція, составлявшая свиту генерала Столѣтова, находилась еще въ кабинетѣ начальника самаркандскаго отдѣла. Въ полдень, послѣ нѣсколькихъ напутственныхъ словъ, сказанныхъ генераломъ Ивановымъ, длинная вереница всадниковъ, съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, и вьючнымъ караваномъ сзади, вытянулась вдоль по Абрамовскому бульвару и черезъ сартовскій Самаркандъ потянулась къ Джаму, отстоявшему отъ Самарканда на 60 верстъ. На слѣдующій день, т. е. 3-го іюня, миссія прибыла въ Джамъ и отсюда безводною степью, тянувшеюся на на 90 верстъ, хотѣла направиться въ Карши. Но прибывшая депутація отъ бека чиракчинскаго заставила перемѣнить маршрутъ и двинуться сначала на г. Чиракчи, и оттуда уже повернуть къ западу, на г. Карши, гдѣ въ то время находился и эмиръ бухарскій Сеидъ-Мозафаръ-Ханъ.

Высланная къ Джаму депутація сейчасъ же вступила въ права гостепріимныхъ хозяевъ и превратила путешествіе нашей миссіи въ увеселительную прогулку. На привалахъ разбивались палатки, готовился завтракъ съ чаемъ и другими напитками, такъ что наши путешественники и не замѣтили, какъ пріѣхали въ Карши. Къ тому же, помня азіатское мнѣніе, что важныя лица не должны позволять себѣ рѣзкихъ движеній, а тѣмъ болѣе спѣшить, посольству пришлось ѣхать отъ Чиракчи до Карши «съ прохлажденіемъ», какъ говорятъ наши мѣщане. Всю дорогу впереди ѣхали три конныхъ бухарскихъ церемоніймейстера съ позолоченными палками въ рукахъ и за ними уже слѣдовали члены посольства. Не доѣзжая Карши, вблизи развалинъ древняго города Чима, генералъ Столѣтовъ заночевалъ. Къ вечеру сюда бекомъ каршинскимъ была выслана депутація, въ средѣ которой находились двое изъ его сыновей, а утромъ эмиръ бухарскій выслалъ и своего «мирахура» (конюшаго) и карету, нѣчто въ-родѣ ландо, на хорошихъ осяхъ и прочныхъ рессорахъ, для встрѣчи дорогихъ гостей и препровожденія ихъ съ возможными удобствами въ резиденцію эмира.

Мы не будемъ долго останавливаться на деталяхъ шествія генерала Столѣтова, возсѣдавшаго въ каретѣ со своимъ помощникомъ, въ Карши, шествія много разъ прерываемаго завтраками и отдыхами подъ тѣнью разноцвѣтныхъ бухарскихъ палатокъ, и пріемовъ все болѣе и болѣе почетныхъ депутацій. Ограничимся только замѣчаніемъ, что въ Карши русскіе люди познакомились съ прелестями бухарскаго омовенія, и на слѣдующее утро были приняты бухарскимъ эмиромъ. Характернымъ въ этомъ пріемѣ оказалось только то, что русскіе въѣхали во дворецъ эмира верхами, хотя имъ передъ воротами «мирахуръ» и предложилъ спѣшиться. По свидѣтельству доктора Яворскаго, старикъ Рахимъ-Уллухъ состроилъ при этомъ кислую мину, но дѣлать было нечего, разъ имѣли дѣло съ людьми, не умѣющими «дарить», но зато мастеровъ «озадачивать». Тотъ же свидѣтель сообщаетъ, что верховое посольство, послѣ аудіенціи у эмира, совершенно безсодержательной, исправно однако пятилось къ двери задомъ, какъ это полагается по азіатскому этикету. Зато дѣйствительно интересный эпизодъ случился нѣсколькими днями позже, когда генералъ Столѣтовъ прибылъ въ Гюзаръ.

По пріѣздѣ въ этотъ степной бухарскій городокъ, послѣ ночного переѣзда, наше посольство нашло по обыкновенію радушный пріемъ; подъ тѣнью карагачей были разбиты пестрыя палатки, и усталые путники поспѣшили наверстать въ бесѣдѣ съ благодѣтельнымъ Морфеемъ недоспанное время. Тѣмъ временемъ гофъ-фурьеръ или мирахуръ мѣстнаго бека, также одного изъ сыновей эмира, принялъ было на себя роль хозяина. Однако генералу Столѣтову это почему-то не понравилось, и онъ потребовалъ, чтобы бекъ Акрэмъ-Ханъ самъ принялъ на себя роль хозяина и пожаловалъ въ

помѣщеніе русскаго посольства. Смущенный мирахуръ попробовалъ было сказать, что бекъ боленъ, но генералъ Столѣтовъ продолжалъ стоять на своемъ, и потому мирахуръ поѣхалъ къ беку. Часа черезъ два онъ возвратился и привезъ тотъ же отвѣтъ, какъ и прежде. Тогда Столѣтовъ послалъ переводчика Назарова во дворецъ—убѣдиться, дѣйствительно ли бекъ боленъ, и грозилъ написать эмиру, что его приняли въ Гюзарѣ не такъ какъ слѣдовало. Въ результатѣ такого энергическаго образа дѣйствій оказалось, что бекъ струсилъ и обѣщалъ немедленнно пріѣхать. Дѣйствительно, только что генералъ ушелъ въ свою палатку, какъ по улицамъ города послышались вопли народа, сопровождающіе всегда проѣздъ особъ царскаго рода, и бекъ Акрэмъ-ханъ въѣхалъ верхомъ въ садъ, занятый русскимъ посольствомъ. Генералъ Столѣтовъ вышелъ къ нему на-встрѣчу и строго и сухо пригласилъ сѣсть.

Когда бекъ молча опустился на пододвинутую ему табуретку, начальникъ миссіи сказалъ ему по-турецки слѣдующее привѣтствіе:

— Такъ между добрыми сосѣдями не дѣлается. Вашъ отецъ, Джонабъ-и-Али (ваше высочество), воздалъ должное почтеніе русскому посольству, которое Бухара имѣетъ счастіе видѣть на своей землѣ, а вы не хотѣли посѣтить насъ! Вы бы должны были это сдѣлать, какъ гостепріимный хозяинъ. Я уже рѣшился было о вашемъ поступкѣ написать вашему отцу, эмиру, а вѣдь онъ незамедлилъ бы поучить васъ за это палкой...

Глаза бека при послѣдней фразѣ загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ, онъ сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку. Минута была тяжелая и опасная. Между тѣмъ, Столѣтовъ продолжалъ говорить въ такомъ тонѣ еще нѣсколько времени, покуда не закончилъ свое назиданіе словами, что теперь, когда бекъ пріѣхалъ, онъ забудетъ все и что между нимъ и бекомъ можетъ быть только дружба.

Затѣмъ генералъ приказалъ переводчику Назарову надѣть на бека самый лучшій почетный халатъ. Однако бекъ не надѣлъ его, а только принялъ и сейчасъ же передалъ своему шахрамъ-баши (дядькѣ). Не желая такъ скоро растаться съ злополучнымъ намѣстникомъ Гюзара, генералъ заставилъ его еще выпить чаю, и только послѣ всѣхъ этихъ церемоній отпустилъ восвояси. По отъѣздѣ почетныхъ, хотя и невольныхъ гостей, спутники храбраго русскаго посланника вздохнули свободнѣе.

— Пустяки, сказалъ Столѣтовъ на замѣчаніе нѣкоторыхъ, что дѣло легко могло дойти до ножей и кривыхъ сабель,—пустяки, вѣдь они трусы!

Въ четыре часа пополудни миссія выѣхала изъ Гюзара, по направленію къ Аму-Дарьѣ, въ Ширъ-абадѣ имѣла дневку, а докторъ Яворскій практику, такъ какъ его, русскаго хакима, пригласили къ больному беку. Затѣмъ, 16-го іюня, отрядъ нашъ пошелъ на нижнюю переправу по Аму-Дарьѣ, Чушка-Гюзару. Недоѣзжая переправы, на

поль пути къ нему подъѣхали три авганскихъ всадника, изъ которыхъ въ старшемъ, сидѣвшемъ на англійскомъ сѣдлѣ и правившемъ англійскою уѣздечкой, можно было предполагать англичанина. Назвался онъ Маметъ-ханомъ, и на вопросъ о чинѣ отвѣчалъ:

— Какой бы чинъ я ни имѣлъ, въ настоящее время я все равно какъ бы безъ чина.

Этотъ Маметъ-ханъ, показавшійся болѣе похожимъ на европейца нежели на сопровождавшихъ его двухъ кровныхъ черномазыхъ горцевъ, привезъ отъ Лойнаба Чиръ-Виляета (великаго намѣстника Авганской Туркменіи) письмо, въ которомъ сообщалось Столѣтову, что онъ, Лойнабъ, не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и приказаній относительно проѣзда русской миссіи по Авганистану. Для полученія же приказаній, Лойнабъ просилъ генерала Столѣтова обождать десять дней, не переправляясь на авганскій берегъ Аму-Дарьи. Вторично пришлось показать русскому генералу свою энергію. Разсерженый письмомъ, привезеннымъ «англичаниномъ» (такъ прозвали Маметъ-хана), генералъ Столѣтовъ распорядился немедленнно начать переправу, которая и началась 17-го іюня, утромъ, при помощи паромовъ, безъ руля и веселъ, но перевозимыхъ съ помощію теченія рѣки и плывущей впереди лошади. Такой способъ переправы, разумѣется, былъ ужасно медленъ и кромѣ того повлекъ за собою цѣлую массу недоразумѣній, такъ какъ оба берега не могли между собою сноситься иначе какъ черезъ два часа разъ, перевозя съ одного берега на другой свѣдѣнія или невѣрныя, или такія, которыя за время обратнаго переѣзда успѣвали состарѣться и совершенно измѣниться.

Неурядица этого дня, во время котораго генералъ Столѣтовъ получалъ свѣдѣнія то о заарестованіи его тюковъ, то о неудачахъ почтеннаго его переводчика Назарова, посланнаго къ Лойнабу съ письмомъ, требовавшимъ свободнаго проѣзда русской посольской миссіи въ Кабулъ [1]), очень картинно представлено у доктора Яворскаго. Какъ бы то ни было, и не смотря на всю энергію нашего генерала, хотя къ вечеру и удалось Назарова отправить въ Мазари-Шерифъ, но все-таки Столѣтову пришлось еще одну ночь пользоваться гостепріимствомъ бухарцевъ. На утро, однако, загадочный англича-

[1]) Вотъ содержаніе письма генерала Столѣтова. Послѣ обычныхъ привѣтствій, генералъ писалъ, что «миссія не можетъ ожидать разрѣшенія оставаться на берегу Аму, считая это постыднымъ для имени русскаго, что онъ, генералъ, готовъ оставить конвой и свиту и ѣхать одинъ: что не видитъ для себя ничего постыднаго, если будетъ въ дорогѣ убитъ, ограбленъ или взятъ въ плѣнъ, но ожидать отказывается; что кромѣ того обѣщаетъ, въ случаѣ если эмиръ Ширъ-Али-Ханъ не пожелаетъ миссію принять, вернуться немедленно съ того мѣста, гдѣ его застанетъ собственноручное о томъ эмира объявленіе». (Путеш. Русск. посольства въ Кабулъ. Гл. III, стр. 91—92).

никъ сообщилъ генералу, что имъ получено другое приказаніе, и что авганцы будутъ очень рады видѣть у себя знаменитое посольство русскаго императора, которому и разрѣшается свободный проѣздъ до Мазари-Шерифа.

Авганскій берегъ Аму-Дарьи, куда не замедлило переправиться наше посольство, оказался еще болѣе низменъ, нежели бухарскій. Кругомъ разстилалась пустыня, мѣстами покрытая болотами. При сходѣ генерала Столѣтова на берегъ изъ «кораблей», служившихъ для переправы, его встрѣтилъ караулъ отдавшій ему честь и затѣмъ конвоировавшій эшелонъ миссіи до ближайшей узбекской деревушки. Тутъ посольство наше ожидало новое огорченіе: ему объявили, что дальнѣйшее движеніе впередъ ранѣе двухъ дней невозможно, такъ какъ только къ этому дню пріѣдутъ почетныя лица и конвой, назначенный для встрѣчи «урусовъ-тюрей» и для безопаснаго препровожденія ихъ въ Мазари-Шерифъ. Разумѣется, нашъ посланникъ по своему разгнѣвался, спорилъ, говорилъ, что у него своего конвоя достаточно, но все это было-бы напрасно, если-бы съ совершенно несвойственной азіатцамъ поспѣшностью почетный конвой подъ начальствомъ двухъ генераловъ не прибылъ на другой же день утромъ. Съ ними пріѣхали 200 конныхъ и 100 пѣшихъ авганцевъ, назначенныхъ Лойнабомъ Чиръ-Вилаета для конвоированія миссіи. Такимъ образомъ, 19-го іюня, въ 6 часовъ вечера, миссія тронулась во внутрь неизвѣстнаго Авганистана.

Пропуская всѣ церемоніальныя подробности встрѣчи генерала съ прибывшими, мы не можемъ съ другой стороны не обратить вниманія на слѣдующій мелкій фактъ, потому что подобные факты неотступно преслѣдуютъ всѣ русскіе благія начинанія. Однимъ изъ обязательныхъ занятій членовъ миссіи, со времени переправы ея въ неизвѣстную европейцамъ землю авганъ, предполагалась рекогносцировка, развѣдка и съёмки мѣстности при переѣздахъ отъ одного урочища къ другому, по скольку она только оказалось бы возможною. Для этого при миссіи находился топографъ Бендерскій, а доктору Яворскому для опредѣленія высотъ проходимыхъ долинъ и переваловъ былъ выданъ ртутный барометръ. Что же оказалось? При распаковкѣ барометра ртуть найдена вылившеюся, хотя трубка была совершенно цѣла, вылилась же ртуть потому, что барометръ былъ выданъ изъ топографическаго отдѣла старый, бывшій нѣсколько разъ въ починкѣ и имѣвшій дурно завинчивавшійся кранъ. Разумѣется, о запасной ртути также никто не подумалъ, и въ результатѣ неизвѣстный въ барометрическомъ отношеніи край такъ и остался неизвѣданнымъ!

И вѣдь опять навѣрное виноватъ какой нибудь аккуратный и форменно-правый экзекуторъ!

Какъ ни интересны подробности путешествія нашей миссіи по Авганистану, мы не можемъ даже сколько нибудь подробно на-

нихъ остановиться, отсылая интересующихся къ прекрасной монографіи доктора Яворскаго, дополнившаго свои личныя впечатлѣнія сводомъ свѣдѣній, добытыхъ имъ изъ другихъ источниковъ. Здѣсь же мы ограничимся только бѣглымъ обзоромъ крупнѣйшихъ фактовъ шествія, походившаго на шествіе настоящихъ тріумфаторовъ. Достаточно сказать, что въ Мазари-Шерифѣ, городѣ въ 20.000 населенія, генералъ Столѣтовъ былъ встрѣченъ войсками и пушечными выстрѣлами артиллеріи, выстроенный по сторонамъ дороги. На-встрѣчу ему выѣхали знатнѣйшіе люди и приближенные Лойнаба, которые привезли извиненіе самого великаго намѣстника, лежавшаго на одрѣ болѣзни (черезъ нѣсколько дней сведшей его въ могилу), что онъ самъ не могъ участвовать въ торжественномъ пріемѣ посольства великаго падишаха. Несмотря на такой блестящій пріемъ, посольство наше все-таки здѣсь было задержано втеченіе 12 дней, въ ожиданіи прямого разрѣшенія отъ эмира слѣдовать ему дальше. Только 6-го іюля члены миссіи съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ, окруженные 200 человѣкъ конницы и 300 человѣкъ пѣхоты, направились къ Кабулу.

Во время этого путешествія наше посольство успѣло не только узнать кто былъ «таинственный англичанинъ», встрѣтившій ихъ еще въ предѣлахъ бухарскихъ владѣній, но и оцѣнить прекрасные качества этого превосходнаго человѣка. Звали его не Маметъ-ханомъ, а Мосинъ-ханомъ, и несмотря на сравнительную бѣлокурость, онъ оказался авганцемъ и носилъ чинъ дэтина (эсаула) въ войскѣ Ширъ-Али. Съ первыхъ шаговъ нашей миссіи по авганской почвѣ и до послѣднихъ, онъ неотлучно находился при «урусахъ» и много, много разъ оказывалъ имъ незамѣнимыя услуги, за которыя, къ стыду нашему, мы не всегда умѣли платить даже приличною для европейцевъ вѣжливостью.

Путь на Кабулъ лежалъ черезъ Бамьянъ, гдѣ сохранились большіе слѣды высокой языческой культуры. О Бамьянѣ, окружающихъ его пещерахъ и особенно объ идолахъ, высѣченныхъ въ скалахъ и достигающихъ 20 саженей высоты, у доктора Яворскаго можно получить много весьма интересныхъ свѣдѣній.

За нѣсколько еще переходовъ до Кабула наше посольство встрѣтили почетныя лица, привозившія съ собой разныя плодовыя угощенія и выражавшіе радость эмира по поводу прибытія такихъ знаменитыхъ гостей. 28-го іюля, къ миссіи пріѣхалъ на трехъ слонахъ Везиръ-саибъ, первый министръ эмира авганскаго; а въ 8 часовъ утра, 29-го іюля, началось, такъ сказать, торжественное шествіе нашего посольства въ Кабулъ.

Впереди ѣхалъ отрядъ блестящей авганской кавалеріи. Затѣмъ шли три слона, на которыхъ возсѣдали члены нашего посольства, и за ними русскій казачій конвой. Позади конвоя снова шелъ отрядъ авганской кавалеріи, а по бокамъ всей процессіи тянулись двумя

длинными шеренгами высокорослые, бравые гвардейцы эмира въ ярко-красныхъ мундирахъ. На 8-й верстѣ отъ станціи, миссія была встрѣчена роднымъ братомъ эмира Сердаремъ-Хабибъ-Улла-ханомъ. Онъ пріѣхалъ изъ Кабула на громадномъ слонѣ сѣро-пепельнаго цвѣта съ огромными вызолоченными клыками. Сердаря сопровождалъ отрядъ латниковъ въ блестящихъ каскахъ и вооруженныхъ красивыми кабульскими шашками. Лишь только поравнялся съ нами Хабибъ-Улла-ханъ, какъ сошелъ со слона для привѣтствія посольства. Генералъ Столѣтовъ сдѣлалъ то же, и послѣ взаимнаго привѣтствія пересѣлъ вмѣстѣ съ Сердаромъ на его великолѣпнаго слона. По мѣрѣ приближенія шествія къ Кабулу, массы народа, высыпавшаго посмотрѣть на «Фиринджисовъ-урусовъ», дѣлились все гуще и гуще. Крыши домовъ, даже деревья были усѣяны любопытными. Когда процессія перешла рѣку Кабулъ-Дарью, то свернула съ дороги влѣво на сѣверъ отъ города и вышла на обширное поле. Посреди поля были выстроены авганскія войска всѣхъ родовъ оружія. На обоихъ флангахъ стояла кавалерія, въ центрѣ пѣхота, а впереди по фронту артиллерія. Лишь только слоны поравнялись съ центромъ войскъ, какъ артиллерія начала салютъ, причемъ было сдѣлано 34 пушечныхъ выстрѣла. Затѣмъ заиграла музыка и войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Слоны снова вышли на шоссе и направились къ резиденціи, стѣны которой бѣлѣлись въ одной верстѣ. Въ это время массы народа подняли крикъ, призывая на миссію благословеніе четырехъ калифовъ, а вся авганская знать, которая только была на лицо, провожала русское посольство до въѣзда въ назначенное для него помѣщеніе.

— Какъ хотите, а это чисто царская встрѣча! сказалъ Столѣтовъ, оцѣнивая за обѣдомъ (кстати сказать, поданнымъ по-европейски на фарфорѣ и со столовымъ серебромъ) пріемъ эмира русской миссіи.

III.

Въ Кабулѣ.

На слѣдующее утро, нарядившись въ парадную форму, посольство отправилось на аудіенцію къ эмиру. Свиданіе состоялось на галлереѣ, выходившей въ садъ дворца Ширъ-Али. При входѣ посольства на лѣстницу, эмиръ съ каской съ страусовыми перьями на головѣ и одѣтый въ военный мундиръ съ генеральскими штанами съ лампасами и съ красной лентой черезъ плечо, привсталъ со своего мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на-встрѣчу генералу Столѣтову, подалъ ему руку. Съ первыхъ же словъ русскимъ гостямъ стало замѣтнымъ, что повелитель Авганистана далеко не рутинеръ и, повидимому, вовсе не охотникъ до напускной неподвиж-

ности, приличной, по азіатскому мнѣнію, каждому вліятельному лицу, а потому тѣмъ болѣе владыкѣ народа!

Знакомясь съ членами миссіи, эмиръ каждому подавалъ руку и старался сказать любезность, шутку или остроту. По окончаніи церемоніи представленія, пригласивъ присутствующихъ сѣсть, Ширъ-Али началъ оживленную бесѣду о Россіи, о числѣ ея жителей, о численности войскъ, о государственныхъ доходахъ, спрашивалъ, есть ли желѣзныя дороги и т. п. Во время этого разговора, казачій конвой стоялъ передъ террасою, и потому естественно разговоръ перешелъ на казаковъ. Эмиръ разспрашивалъ объ ихъ организаціи и пожелалъ видѣть ружейные пріемы, что и было, къ его видимому удовольствію, исполнено казаками по командѣ Назарова. Затѣмъ Ширъ-Али осмотрѣлъ берданку, причемъ выказалъ полное знакомство со способомъ заряжанія и стрѣльбы изъ этого ружья. Возвративъ винтовку, онъ приказалъ принести свои скорострѣльныя ружья, которыя, по оцѣнкѣ полковника Разгонова, оказались весьма хорошими, особенно если признать, какъ увѣрялъ эмиръ, что они были мѣстной ручной работы, такъ какъ на кабульскихъ оружейныхъ заводахъ никакихъ машинъ нѣтъ.

Дѣловитая бесѣда, столь мало похожая на оффиціальные разговоры первыхъ свиданій, обѣщала затянуться надолго, но за права придворнаго этикета на этотъ разъ вступился ураганъ, поднявшій цѣлые столбы пыли и заставившій эмиръ-саида прекратить затянувшуюся аудіенцію.

На слѣдующее утро, 31-го іюля, въ Кабулѣ было землетрясеніе, и такъ какъ миссіи не позволили свободной прогулки по городу, то она все время сидѣла дома.

1-го августа, г. Столѣтовъ опять пріѣхалъ къ Ширъ-Али, но уже одинъ, и въ этой поѣздкѣ его сопровождали Везиръ и Мосинъ-ханъ. Вечеромъ, въ честь русскихъ городъ украсился иллюминаціей, на которую, однако, посольство могло любоваться только съ крыши своего дома. Кабульцы пускали ракеты, жгли бенгальскіе огни, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись огненные вензеля. На близь лежащихъ высотахъ пылали костры, придавая всей картинѣ, освѣщенной еще выплывшею изъ-за горъ луною, какой-то фантастическій характеръ.

2-го августа, совершилась церемонія поднесенія подарковъ, которые, какъ мы говорили выше, тѣмъ скуднѣе показались нашимъ аргонавтамъ, что пріемъ, имъ оказанный, былъ такъ блестящъ.

3-го августа, эмиръ прислалъ бѣдной миссіи свои 11000 рупій, и въ этотъ же день авторъ «Путешествія русскаго посольства въ Кабулъ» имѣлъ здѣсь свою первую медицинскую практику. Его пригласили къ молодому сыну эмира, наслѣдному принцу Абдуллъ-Джану, который внезапно и опасно заболѣлъ. Помощь врача однако запоздала и къ полночи наслѣдный принцъ авганскаго престола

скончался на тѣхъ же рукахъ русскаго хакима, на которыхъ черезъ полгода спустя предстояло покончить жизненные расчеты и его родителю. Да, практика нашего доктора въ царствующемъ семействѣ была не блестяща, зато практика г. Яворскаго была болѣе успѣшна среди простаго населенія, обращавшагося къ нему за совѣтами, хотя и здѣсь, по незнанію языка, происходили курьезы, въ родѣ слѣдующаго, разсказаннаго самимъ авторомъ.

«Разъ какъ-то пришелъ ко мнѣ одинъ туземецъ; по разспросамъ больнаго, веденнымъ мною черезъ переводчика, оказалось, что онъ боленъ ревматизмомъ спинныхъ и поясничныхъ мышцъ. Я сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы фельдшеръ намазалъ больныя части спины іодной настойкой. Фельдшеръ добросовѣстно исполнилъ свое дѣло. По окончаніи же операціи однако выяснилось, что не онъ, туземецъ, боленъ, а его мать, оставшаяся дома» *)

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти принца Абдулла-Джана, въ Кабулъ, какъ снѣгъ на голову, явилось требованіе англо-индійскаго правительства принять и ихъ посольство «по обычаямъ гостепріимства, какъ это долженъ сдѣлать добрый сосѣдъ Индіи».

Озадаченный такой неожиданностію, Ширъ-Али поспѣшилъ отказомъ и отговаривался трауромъ по сынѣ. Но англичане настаивали, и тогда, посовѣтовавшись съ генераломъ Столѣтовымъ, эмиръ авганскій на-отрѣзъ отказалъ въ пріемѣ пословъ коварнаго Альбіона.

Кромѣ начальника миссіи, договаривавшагося съ министрами Шира-Али-Хана и съ нимъ самимъ и потому серьёзно занятаго, остальные ея члены, сидя въ своемъ глиняномъ четырехугольникѣ, страшно скучали. Въ городъ не пускали даже доктора съ цѣлью практики, боясь чтобы англійскіе шпіоны и агенты не учинили какой либо непріятности или вреда «урусамъ», что могло бы повліять на дружеское расположеніе договаривавшихся государствъ. Повидимому, желая хоть сколько нибудь усладить затворничество нашихъ піонеровъ, эмиръ 8-го августа пригласилъ ихъ погулять въ свой садъ, гдѣ было подано обычное угощеніе, состоявшее изъ фруктовъ. Самъ эмиръ на это гулянье не вышелъ. Затѣмъ, также съ цѣлью развлеченія, на дворѣ дворца, отведеннаго посольству, устроили спеціальный базаръ, на который авганскіе купцы притащили свои мѣстные издѣлія и индійскія товары. На этомъ базарѣ генералъ Столѣтовъ накупилъ много вещей, шалей, полушубковъ, туфель и т. п., заплативъ за нихъ порядочную сумму изъ числа 11.000 рупій, подаренныхъ миссіи эмиромъ. Такъ проходило время, какъ вдругъ совершенно неожиданно для подначальной посольской интеллигенціи выяснилось, что генералъ поѣдетъ въ Ташкентъ и повезетъ съ собою нѣсколькихъ авганскихъ сановниковъ въ каче-

*) «Путеш. рус. посольства въ Кабулъ». Томъ I, стр. 338.

ствѣ предварительнаго посольства эмира. Съ собою генералъ Столѣтовъ взялъ Яворскаго и 10 казаковъ для конвоя, предполагая ѣхать безъ дневокъ, дѣлая въ день по 60 — 70 верстъ перехода. Остальные же аргонавты, пріѣхавшіе за ключами Индіи, въ отсутствіе своего Язона, должны были ожидать сформированія большаго посольства въ Россію, въ составѣ котораго долженъ былъ находиться и внукъ самого эмира. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ такое распоряженіе, рѣшительный русскій генералъ уже готовъ былъ немедленно вскочить въ сѣдло и мчаться къ Ташкенту. Однако еще одну ночь ему пришлось все-таки пробыть въ Кабулѣ, и только 12-го августа, въ 7 часовъ утра, Столѣтовъ, Яворскій и сопровождавшіе ихъ казаки помчались опять на родину.

Въ минувшую турецкую кампанію генералъ Столѣтовъ составилъ себѣ репутацію своею поразительною неутомимостью наѣздника. Но едва ли кто нибудь могъ бы поспорить съ быстротою его возвращенія изъ Кабула. Принужденный слѣдовать по горнымъ ущельямъ, подыматься неоднократно на 13.000', 11.000', 9.000', надъ уровнемъ моря, отрядъ, возвратившійся въ Ташкентъ, сдѣлалъ около 1.300 верстъ втеченіе мѣсяца. Выѣхавъ 11-го августа, эшелонъ 24-го уже переправился черезъ Аму-Дарью (т. е. въ 13 дней проскакалъ 632 версты). Далѣе, во время проѣзда по Бухарѣ начались остановки, такъ какъ необходимо было заѣзжать съ визитами къ бекамъ и къ эмиру Мозафаръ-Эдину; но не смотря на это, къ 31-му августа посольство прибыло въ Самаркандъ, а 6-го сентября авганское посольство уже представлялось туркестанскому генералъ-губернатору. 10-го сентября, генералъ Столѣтовъ выѣхалъ изъ Ташкента въ Ливадію, и съ этой поры имя его исчезаетъ изъ исторіи нашего похода за ключами въ Индію.

Мѣсто его волей-неволей занялъ только-что произведенный въ генералы Разгоновъ. При какихъ тяжелыхъ условіяхъ была произведена поѣздка изъ Кабула къ Аму-Дарьѣ, можно судить по описанію доктора Яворскаго о службѣ, которую приходилось нести казакамъ. Сдѣлавъ 60—70 верстъ верхомъ, на ночлегѣ они должны были содержать караулъ, смѣняясь черезъ каждые два часа по двое, а ихъ всего было шесть человѣкъ. Разводящему ефрейтору вовсе не приходилось отдыхать иначе, какъ урывками. При этомъ всѣ ѣдущіе были еще больны лихорадкой. Для отдыха казаки ложились вокругъ палатки генерала Столѣтова и доктора Яворскаго на голой землѣ, подложивъ себѣ подъ голову сѣдло и закрывшись сѣрой шинелью. Узнавъ, что ефрейторъ одинъ, Столѣтовъ замѣтилъ ему:

— А ты все-таки по ночамъ не спи!

Докторъ, разумѣется, бунтовался,—гигіена вообще мало ладитъ съ необходимостями военной службы,—но въ свою очередь добился только суроваго выговора. Наконецъ, люди изморились до того, что

17-го августа, при переходѣ черезъ Каракательскій перевалъ, больные казаки, взобравшись на его вершину, повалились въ изнеможеніи на землю. Вахмистръ слабо стоналъ и въ бреду лихорадки высказывалъ желаніе совсѣмъ остаться здѣсь, на вершинѣ перевала, гдѣ такъ пріятно, прохладно. Въ это время у него температура подъ мышкой достигла 41°. А все-таки бѣдняга долженъ былъ подняться и скакать за неутомимымъ генераломъ (котораго, кстати сказать, и самого трясла лихорадка) далѣе. Докторъ, конечно, глухо не одобряетъ такого поведенія генерала, но разъ эти страданія благополучно миновали, какъ не подивиться этой стальной энергіи командующаго и желѣзному повиновенію подчиненныхъ! Да, энергія и выносливость русскаго человѣка удивительны, какъ удивительно, что эти доблестныя качества такъ часто остаются безплоднымъ мученичествомъ, не приносящимъ никому пользы.

IV.

Трагедія въ Мазари эль-Шерифѣ.

Какъ ни тяжело приходилось эскорту генерала Столѣтова, спѣшившаго изъ Кабула въ Ташкентъ, но положеніе оставленныхъ въ кабульскомъ плѣненіи аргонавтовъ было еще хуже.

Это положеніе стало едва выносимо, когда вспыхнула война между Афганистаномъ и Англіею. Вопреки мнѣнію газетъ о слабости британскихъ военныхъ силъ въ Индіи, къ половинѣ сентября 1878 года три корпуса англійскихъ войскъ подошли къ границамъ Афганистана. 25-го сентября, злополучный Ширъ-Али-Ханъ писалъ туркестанскому губернатору: «Они (англичане) въ настоящее время прибыли на границу мнѣ дарованнаго государства Хайбэръ и приготовились начать войну... Пламя этой подлости и вражды никогда не можетъ быть потушено. Прошу васъ, по дружбѣ, не оставлять меня вашимъ вниманіемъ и расположеніемъ».

Въ то же время эмиръ обратился съ вопросомъ къ генералу Разгонову: когда же вернется въ Кабулъ генералъ Столѣтовъ во главѣ обѣщаннаго тридцати-тысячнаго войска?

Между тѣмъ, миссія ничего не могла отвѣтить на этотъ вопросъ и съ своей стороны потеряла всякую почву подъ ногами, когда на вопросъ о времени, къ которому эмиръ думаетъ снарядить посольство въ Россію, генералъ Разгоновъ услыхалъ, въ свою очередь, отвѣтъ, что никакого посольства и не приготовляется и что даже и тѣ четыре авганца, которые посланы съ генераломъ Столѣтовымъ, посланы только почета ради.

Не умѣя отвѣчать и не имѣя никакихъ данныхъ для политической оріентировки, русское посольство должно было прибѣгнуть къ

дѣйствительнѣйшему средству — оттянуть время, т. е. предложить эмиру переписку. И надо удивляться, съ какою охотою обладатель индійскихъ воротъ, вмѣсто приготовленія къ отпору злѣйшихъ враговъ своего государства, принялся строчить одно письмо вслѣдъ за другимъ, обращая ихъ то къ государю императору, то къ генералу Кауфману, то къ самому Столѣтову, прося послѣдняго «оказать дружескую помощь, какая покажется вамъ подходящей и какая соотвѣтствуетъ величію его величества императора». Съ своей стороны генералъ Столѣтовъ, еще ранѣе полученія послѣдняго письма, написалъ эмиру письмо изъ Ливадіи по-персидски, но исполненное ошибокъ, крайне затруднившихъ понять его настоящій смыслъ.

Въ этомъ письмѣ, писанномъ къ Везиру-Магометъ-хану, заключались слѣдующія удивительныя соображенія:

«Безъ сомнѣнія, вы не забыли, какъ я говорилъ вамъ о томъ, что дѣла государства похожи на страну, которая покрыта множествомъ горъ, долинъ и рѣкъ. Кто сидитъ на высокой горѣ, можетъ все это видѣть. По повелѣнію и власти Бога нѣтъ другой имперіи, подобной имперіи нашего великаго императора. Поэтому все, что наше правительство посовѣтуетъ вамъ, вы должны исполнить. Истинно говорю вамъ, что наше правительство мудро какъ змѣя и невинно какъ голубь. Много есть вещей, которыхъ вы не можете понять, но наше правительство хорошо понимаетъ. Часто случается такъ, что то, что вамъ не нравится сначала, благословляется потомъ».

Въ заключеніе этихъ общихъ и мало понятныхъ сентенцій, эмиръ или его Везиръ обречены были выслушать слѣдующія наставленія и совѣты:

«Вы должны быть подобны змѣѣ: наружно показывайте миръ, а въ тайнѣ готовьтесь къ войнѣ, и когда Богъ дастъ вамъ свое знаменіе, тогда и обнаружите себя. Было бы хорошо, когда бы посланникъ вашего врага захотѣлъ войти въ вашу страну и если бы вы въ свою очередь послали въ страну врага способнаго посла, владѣющаго змѣинымъ языкомъ, полнымъ лукавства, такъ чтобы онъ сладкими рѣчами опуталъ умъ врага и довелъ его до того, чтобы тотъ отказался сразиться съ вами. Мой добрый другъ! довѣряю васъ Провидѣнію Божьему. Да будетъ Богъ покровитель государства эмира и да содрогнутся члены вашихъ враговъ. Аминь» [1])!

O sancta simplicitas! О голубиная невинность воина, взявшагося учить простодушнаго авганца коварной мудрости! Нѣтъ, сражаться мечомъ и перомъ—не одно и то же, и мы думаемъ, что не только члены англичанъ, если они читали это курьёзнѣйшее посланіе, но самыя кости Меттерниха и Тайлерана содрогались «во гробѣхъ», когда создавалось это наивнѣйшее дипломатическое письмо простодушнымъ воиномъ!

Очевидно, ни эмиръ, ни Везиръ-ханъ его не поняли.

---

[1]) «Путешествіе русскаго посольства въ Кабулъ». Глава IV, т. II, стр. 86.

— Отчего же генералъ Столѣтовъ ничего не пишетъ о военной помощи, которую онъ намъ обѣщалъ? допрашивалъ эмиръ Разгонова.

— Не могу знать, могъ сконфуженно отвѣчать послѣдній.

— Кто же будетъ знать? возражалъ эмиръ,—если вы, посолъ Россіи, этого не знаете?

Такъ же неясно отвѣтилъ Ширъ-Али-Хану и генералъ Кауфманъ.

«Считаю нужнымъ увѣдомить ваше высокостепенство, что англичане, какъ мнѣ точно извѣстно, намѣрены сдѣлать новую попытку примириться съ вами. Какъ другъ вамъ совѣтую дать имъ вѣтку мира» [1]).

Оба письма русскихъ генераловъ, приведенныя нами въ извлеченіи, были получены въ Кабулѣ 7-го ноября; между тѣмъ 8-го истекалъ срокъ ультиматума, посланнаго англичанами къ эмиру. Послѣдній, однако, послушался русскихъ совѣтовъ и послалъ англичанамъ «вѣтвь мира», какъ предлагалъ генералъ Кауфманъ. Но эта миртовая вѣтвь прибыла въ Али-Мееджидъ 10-го ноября, въ самый разгаръ сраженія. Посланный вернулся ни съ чѣмъ. Однако вслѣдъ затѣмъ эмиръ еще попробовалъ помириться со своими противниками, но снова опоздалъ, такъ какъ его письмо попало въ руки англичанъ 17-го ноября, когда они уже успѣли оправиться послѣ пораженія у Пейвара и занять Шутуръ-Гэрдэнскій перевалъ.

Изъ этого бѣглаго очерка политическихъ событій уже легко себѣ представить, каково было положеніе нашей запертой въ Кабулѣ миссіи. Въ нравственномъ отношеніи оно было невыносимо тяжело, но къ этой тяжести вскорѣ не замедлили прибавиться и матерьяльныя лишенія и болѣзни. Всѣ члены миссіи, плѣненные въ Кабулѣ, платили обильную дань лихорадкѣ, которая по временамъ переходила въ тифъ. Генералъ Разгоновъ заболѣлъ воспаленіемъ горла, которое мучило его втеченіе трехъ недѣль. Въ октябрѣ выпалъ снѣгъ, стало холодно, между тѣмъ согрѣться было негдѣ, такъ какъ во дворцѣ русскаго посольства не было ни печей, ни каминовъ. Иногда топили смрадные мангалы, но и для нихъ часто не было ни щепки дровъ, ни куска угля. Въ такихъ-то критическихъ обстоятельствахъ, русскіе люди принуждены были нарядиться въ авганскія шубы съ одной стороны, и съ другой просить генерала Кауфмана о присылкѣ доктора.

Въ силу послѣдняго обстоятельства, доктору Яворскому пришлось снова готовиться въ путь и въ сопровожденіи эскорта изъ десяти казаковъ ѣхать въ Кабулъ уже не за ключами Индіи, а для борьбы съ возникавшею тамъ тифозною эпидеміею.

Въ первой главѣ мы уже дали понятіе о «снабженіи» эскорта г. Яворскаго, и потому здѣсь ограничимся только сообщеніемъ, что грамотнаго переводчика за 1 руб. металлическій въ день и за

[1]) «Путешествіе русскаго посольства въ Кабулъ». Глава IV, т. II, стр. 38.

100 рублей кредитныхъ единовременно, который бы согласился совершить опасное странствованіе, не нашли, и потому доктору пришлось обойтись въ своемъ странствіи безъ переводчика. Изъ Ташкента г. Яворскій выѣхалъ 17-го ноября, т. е. въ то время, когда авгано-англійская распря была въ полномъ разгарѣ и побѣда англичанъ становилась очевидною.

Съ обыкновенною процедурою заѣздовъ къ бекамъ и эмиру бухарскому, маленькій русскій отрядъ достигъ береговъ Аму-Дарьи у Патта-Киссара 8-го декабря, а 9-го былъ уже у «священной гробницы Алія», т. е. въ Мазари-Шерифѣ.

И на этотъ разъ на-встрѣчу русскимъ былъ высланъ небольшой авганскій конвой, который проводилъ доктора до стараго пономѣщенія въ Мазари-Шерифѣ. Но теперь это старое пепелище, волею судебъ, сдѣлалось послѣднимъ, до котораго удалось проѣхать г. Яворскому. Лойнабъ Чааръ-Виляета удержалъ его въ почетномъ арестѣ до прибытія изъ Кабула бѣжавшаго Ширъ-Али, въ хвостѣ поѣзда котораго, наряженные въ авганскія шубы, больные и полуголодные, тащились бѣдные русскіе аргонавты, покинутые на произволъ судьбы.

Несмотря на просьбы и даже угрозы написать въ Ташкентъ, доктора Яворскаго продержали въ Мазари-эль-Шерифѣ до 23-го декабря, отказывая ему въ дальнѣйшемъ проѣздѣ то подъ предлогомъ опасности, то подъ предлогомъ неполученія разрѣшенія отъ эмира. Двадцатаго декабря, однако, прибыло семейство эмира, и къ этому же времени доктора Яворскаго вызвали въ Ташъ-Курганъ, гдѣ уже находился отступавшій изъ Кабула эмиръ и гдѣ произошла встрѣча доктора съ членами русскаго посольства.

Тутъ выяснилось слѣдующее:

Объявивъ 15-го ноября газаватъ противъ «инглизовъ», Ширъ-Али надѣялся, что момундцы, помогавшіе англичанамъ, отпадутъ отъ нихъ и примутъ сторону правовѣрныхъ авганцевъ. Между тѣмъ, расчетъ оказался не вѣрнымъ. 18-го ноября, англичане заняли Пейварскій, а 19-го Шутуръ-Гэрденскій перевалъ, при защитѣ котораго авганскія войска потеряли всю свою артиллерію. Боясь быть запертымъ и обойденнымъ въ Кабулѣ, эмиръ рѣшился выѣхать изъ Кабула въ Туркестанъ. Этому выѣзду способствовало еще сильное броженіе умовъ въ столицѣ, вызванное возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненные продукты, при переполненіи Кабула бѣглецами, спасавшимися отъ «красныхъ мундировъ» наступавшихъ «инглизовъ». Наконецъ, въ городѣ началъ свирѣпствовать тифъ. Пользуясь наступившею смутою, партія враждебнаго эмиру сына его, Якуба-хана, начала громко заявлять о своемъ существованіи, а эмиръ имѣлъ еще неосторожность оскорбить генерала, командовавшаго войсками въ сраженіи при Али-Мееджидѣ, послѣ чего этотъ начальникъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди горцевъ Ко-

хистана, тотчасъ же удалился отъ двора эмира и перешелъ на сторону Якуба-хана. Вслѣдствіе этого и бóльшая часть войскъ перешла на сторону Якуба-хана. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Ширъ-Али рѣшился послѣдовать совѣту генерала Кауфмана, освободилъ сына изъ заточенія, привелъ его къ присягѣ и, объявивъ его правителемъ Кабула, самъ выѣхалъ по дорогѣ въ Мазари-эль-Шерифъ. Можно себѣ представить, какъ тяжело было положеніе русской миссіи въ полувозмутившемся Кабулѣ, населеніе котораго приписывало всѣ свои бѣды русскимъ. Заключеніе генерала Разгонова и его спутниковъ сдѣлалось еще строже; никто не могъ высунуться изъ за стѣнъ помѣщенія. Казаки даже не могли проходить къ своимъ лошадямъ, находившимся на отдѣльномъ дворѣ; лаучи и джигиты, служившіе миссіи, подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ на базарѣ. Авганскіе всадники, распоряжавшіеся фуражемъ, отпускавшимся изъ казны эмира, воровали его, и сами колотили лаучей и джигитовъ, являвшихся съ требованіями о продовольствіи. Члены миссіи, подобно ихъ лошадямъ, начали терпѣть нужду въ припасахъ. Купить провіанта было негдѣ, а содержаніе, отпускаемое отъ эмира, стало скудно, особенно потому, что казначеи, «чай-ханы» и «ханъ-саманы», далеко не все отпускаемое доставляли миссіи. Иногда, пишетъ докторъ Яворскій, миссія со своими лихорадочными больными и тифознымъ казакомъ на рукахъ буквально голодала. Единственнымъ развлеченіемъ миссіи была прогулка по плоской кровлѣ южнаго флигеля; однако послѣ того, какъ часовой авганецъ, оберегавшій (?) помѣщеніе миссіи, выстрѣлилъ по топографу Бендерскому, вышедшему прогуляться, и отъ этого послѣдняго удовольствія пришлось отказаться. Въ виду столь печальнаго положенія дѣла, генералъ Разгоновъ попробовалъ было вручить эмиру свои отзывныя грамоты. Но такъ какъ таковыхъ настоящихъ не было, то сдѣлали выписки изъ писемъ генерала Кауфмана отъ 21—22 октября и преподнесли эмиру.

Въ этой выпискѣ было сказано:

«Эмиръ очень хорошо знаетъ, что мнѣ невозможно помочь ему войсками зимой, поэтому нужно, чтобы война не начиналась въ это неудобное время. Если англичане, вопреки усилію эмира избѣжать войны, начнутъ ее, то вы должны, испросивъ позволенія эмира, выѣхать въ Ташкентъ, потому что ваше присутствіе зимою въ Афганистанѣ безполезно» и т. д. [1]).

Передача этой ноты произошла 18-го ноября, но придворные эмира усомнились въ ея подлинности и потребовали представленія подлинныхъ писемъ генерала Кауфмана. Между тѣмъ, послѣднее было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно. Послѣдствіями этого дипломатическаго шага генерала Разгонова были визиты миссіи со

---

[1]) „Путешествіе русской миссіи". Т. II, стр. 98.

стороны Везира, казія Абдулъ-Кодеръ-хана и брата эмира Сердаря Ширъ-Али-хана, которые приходили увѣрять миссію въ ея безопасности, покуда живъ эмиръ. Самъ же Ширъ-Али написалъ длинное письмо къ генералу Кауфману, въ которомъ, въ числѣ разныхъ любезностей, находилась и слѣдующая восточная по своей картинности фраза:

«Дай Богъ, чтобы не случилось никакого несчастія съ государствомъ моимъ; если же случится, то не безъ того, чтобы пыль этого несчастія не сѣла на полы государства его императорскаго величества» [1]).

За этими словами слѣдовала просьба о немедленной присылкѣ войскъ, и въ концѣ письма категорическій отказъ отпустить находящееся въ Кабулѣ русское посольство.

Въ ночь съ 1-го на 2-е декабря, эмиръ выѣхалъ изъ города, давъ приказаніе нашимъ миссіонерамъ слѣдовать за нимъ въ возможной тайнѣ. И вотъ тѣ самые люди, которые четыре мѣсяца назадъ въѣзжали въ Кабулъ при громѣ пушекъ и радостныхъ крикахъ народа, выѣзжали изъ него тайкомъ, одѣтые по-туземному, пробираясь по пустыннымъ улицамъ и стараясь сколь возможно болѣе остаться незамѣченными.

«Sic tempora mutantur!» восклицаетъ по этому поводу г. Яворскій.

10-го декабря, изъ Бамьяна, эмиръ послалъ къ Кауфману извѣщеніе о намѣреніи своемъ проѣхать въ Россію, для того чтобы лично просить защиты русскаго императора. 20-го декабря, эмиръ прибылъ въ Ташъ-курганъ, куда и былъ вызванъ Яворскій, а 26-го декабря состоялась опять торжественная аудіенція у эмира всей русской миссіи.

На этой аудіенціи Ширъ-Али авганскій, передавая о своемъ намѣреніи ѣхать въ Россію, сказалъ слѣдующія знаменательныя по своему политическому значенію слова:

«Передъ войной англичане всѣми средствами старались меня задобрить, съ цѣлью привлечь на свою сторону. Они давали мнѣ денегъ и оружія, обѣщали увеличить мои владѣнія, но я отъ всѣхъ обѣщаній ихъ отказался, предпочитая имъ дружбу Россіи. Я знаю, что̀ означаютъ англійскія обѣщанія и подарки; исторія съ индійскими владѣтелями слишкомъ поучительна, чтобы закрывать на нее глаза. Пусть теперь они знаютъ, что я передаю ключи отъ воротъ въ Индію въ руки дружественной мнѣ Россіи» [2]).

Эта аудіенція длилась $3^1/_2$ часа, и послѣ нея вассалъ Россіи сдѣлался паціентомъ своего послѣдняго врача, доктора Яворскаго. У эмира болѣло горло, и русскій хакимъ началъ леченіе пульверизаціей, которая очень занимала авганцевъ. 29-го декабря пришло письмо отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, въ которомъ

---

[1]) «Путешествіе русской миссіи», т. II, стр. 100.
[2]) Тамъ-же, стр. 107.

требовалось возвращеніе миссіи въ Ташкентъ, за исключеніемъ Яворскаго, которому предписывали остаться ухаживать за больнымъ эміромъ, если эмиръ того пожелаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ томъ же письмѣ было сказано: «не дай Богъ, если Ширъ-Али пожелаетъ пріѣхать въ Россію».

Между тѣмъ, это желаніе эмира съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе настойчивымъ.

Письмо генерала Кауфмана было сообщено Везирю, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, и несмотря на желаніе Разгонова прочесть его самому эмиру, это желаніе не было исполнено, и положеніе миссіонеровъ, которымъ передали ключи Индіи (увы! покуда только на словахъ) осталось столь же, если еще не болѣе двусмысленнымъ.

1-го января 1879 года, Ширъ-Али переѣхалъ въ Мазари-эль-Шерифъ, куда и прибылъ 5-го января съ подобающею торжественностью и при громѣ пушекъ. 6-го января, въ тотъ же Мазари-Шерифъ вернулось авганское посольство, сопровождавшее Столѣтова, съ конвоемъ изъ 10-ти казаковъ, подъ начальствомъ сотника Булацеля.

И вотъ тутъ-то началась исторія, которая, будучи разсказана совершенно точно, въ рукахъ опытнаго «бульварнаго» романиста могла бы составить превосходную главу сенсаціонно-историческаго романа о походѣ за ключами въ Индію.

Дѣло въ томъ, что съ возвратившимся посольствомъ эмиръ Ширъ-Али получилъ письмо отъ генерала Кауфмана, помѣченное 23-мъ декабря. Въ этомъ письмѣ было написано: «Вѣрьте мнѣ, что пріѣздъ вашъ въ Россію только ухудшитъ положеніе дѣлъ». Въ другомъ же письмѣ, полученномъ вмѣстѣ съ этимъ, но помѣченнымъ 20-мъ декабря, эмиръ имѣлъ удовольствіе прочесть еще слѣдующее: «Имѣя положительное повелѣніе вашего Харета государя императора, я не могу выслать вашему высокостепенству войска наши. Будемъ надѣяться на лучшія времена въ будущемъ. Это въ рукахъ Божіихъ».

Получивъ эти письма, эмиръ назначилъ аудіенцію, въ которой среди преній дошелъ до такого гнѣва, что началъ держать къ генералу Разгонову такія рѣчи:

«Генералъ Кауфманъ совѣтуетъ мнѣ заключить съ Англіей миръ. Да вѣдь если бы я хотѣлъ заключить этотъ миръ, то сдѣлалъ бы это и безъ чьего либо совѣта. Но вы вспомните, что̀ говорилъ мнѣ генералъ Столѣтовъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ не принимать англійскаго посла, и въ случаѣ войны обѣщалъ мнѣ военную помощь. Въ томъ же духѣ онъ писалъ мнѣ и изъ Ливадіи. Теперь же, когда настало время исполнить свои обѣщанія, вы мнѣ говорите совершенно противное. Гдѣ правда? Кому же вѣрить? Я имѣлъ 20.000.000 доходу, государство для своей защиты имѣло 60.000 войска и мы жили мирно, не желая ничего болѣе.

«Но вотъ пришелъ русскій посолъ, надавалъ кучу обѣщаній... Я со своей стороны отдалъ ключи отъ воротъ Индіи въ руки Россіи и подвергъ, вслѣдствіе этого, свое государство разоренію. А вы... вы сами отказываетесь теперь отъ обладанія этими ключами».

На эти горькія рѣчи что̀ могъ отвѣтить нашъ бѣдный посланникъ?..

— Пусть эмиръ-саибъ не торопится заключеніемъ, сказалъ на это Разгоновъ. Но эмиръ торопился; онъ заговорилъ о безчестіи не только передъ друзьями и своимъ народомъ, но и передъ врагомъ.

«Что скажутъ мнѣ англичане, говорилъ Ширъ-Али:—что̀, помогли тебѣ русскіе? Мы тебѣ говорили, что Россія безсильна, что никакой помощи она дать не можетъ, а напротивъ, сама узнаетъ все наше могущество, если войска ея осмѣлятся переступить Аму!.. Вотъ теперь я убѣдился на самомъ дѣлѣ, что англичане были правы. Вы передъ ними школьники! Я же теперь не знаю, кто изъ васъ троихъ говоритъ ложь: вы ли, генералъ Кауфманъ, или генералъ Столѣтовъ?» [1])

Какъ видите, сцена аудіенціи вышла совсѣмъ не дипломатическая, но, если видѣть въ эмирѣ авганскомъ только разгнѣваннаго повелителя и дикаря, пользующагося своимъ положеніемъ для заочнаго оскорбленія Россіи, то съ этою сценою, несмотря на ея рѣзкость, можно было бы еще помириться. Но вышло еще слѣдующее. На другой день, генераломъ Разгоновымъ было получено другое письмо къ эмиру, помѣченное также 23-мъ декабря и въ которомъ было написано:

«Государю императору угодно было повелѣть мнѣ пригласить ваше высокостепенство временно въ Ташкентъ. Радуюсь, что буду имѣть возможность лично познакомиться съ вашимъ высокостепенствомъ», и т. д.

Получивъ это приглашеніе пріѣхать, на другой день послѣ дружескаго совѣта не ѣхать, очевидно, правительство Ширъ-Али да и онъ самъ получили право уже болѣе ничему не вѣрить изъ того, что будетъ имъ сказано русскими.

Осторожно, съ соблюденіемъ приличія, по полученіи этого приглашенія, Везиръ спросилъ у Разгонова: нѣтъ ли у нихъ съ собою факсимиле или печати генерала Кауфмана?

Это просто значило, не поддѣлываютъ ли русскіе оффиціальныхъ писемъ? И что было отвѣчать бѣднымъ заброшеннымъ въ Афганистанѣ россіянамъ, если ихъ правдивый отвѣтъ:—ваше высокостепенство, просто канцелярія напутала!—не могъ быть понятъ правительствомъ эмира!

Между тѣмъ, для насъ, русскихъ, исторія объясняется совершенно просто. Джигитъ, посланный изъ Ташкента съ совѣтомъ не ѣхать, утромъ 23-го декабря нагналъ Булацеля, который отобралъ у него

[1]) «Путешествіе русской миссіи», т. II, стр. 148—150.

пакетъ и передалъ возвращавшемуся авганскому посольству. Между тѣмъ, вечеромъ 23-го былъ посланъ второй гонецъ, съ приглашеніемъ пріѣхать, которому было поручено отобрать у перваго гонца первое письмо и замѣнить его вторымъ. И этотъ гонецъ нагналъ Булацеля и потребовалъ у него привезенный первымъ гонцомъ пакетъ обратно; но такъ какъ у халатника не было предписанія, то конвоирующій авганцевъ сотникъ прогналъ джигита ѣхать своей дорогой, да и своего письма не отдалъ.

И такъ, весь этотъ позоръ обрушился на голову кабульскихъ аргонавтовъ изъ-за предписанія.

Но развѣ можно было всю эту россійскую наивную простоту разъяснить разсерженному эмиру авганскому. Этого, конечно, и не пытался сдѣлать генералъ Разгоновъ, самъ не менѣе эмира удивленный и раздосадованный этимъ «случайно случившимся случаемъ». Эмиръ, однако, съ этого времени очевидно сталъ издѣваться надъ нами. То онъ собирался выѣхать въ Ташкентъ, а ѣхалъ на охоту, или смотрѣлъ бой верблюжьихъ самцовъ, то озадачивалъ Разгонова такими рѣчами:

«А что, если по прибытіи въ Ташкентъ, генералъ Кауфманъ скажетъ мнѣ «зачѣмъ пріѣхалъ? Вѣдь я писалъ тебѣ, чтобы ты выждалъ болѣе удобное время для поѣздки?»—Что я тогда могу сказать ему въ отвѣтъ? Какими глазами я буду смотрѣть на божій свѣтъ, если по пріѣздѣ въ Ташкентъ, вы мнѣ скажете: «устраивайте свои дѣла сами, мы не можемъ вамъ ничѣмъ помочь!!» Вѣдь мнѣ тогда останется одно: покончить съ собой! Вы видите ясно, что мнѣ необходимо здѣсь остаться» [1]).

Въ концѣ концовъ онъ, разумѣется, не поѣхалъ, но посольство отпустилъ, одаривъ каждаго члена двумя шалями и пославъ съ ними четырехъ авганцевъ и въ числѣ ихъ брата своего, долженствовавшихъ передать туркестанскому генералъ-губернатору просьбу народа авганскаго о помощи противъ англичанъ. 19-го января миссія выѣхала домой, оставивъ въ Мазари-Шерифѣ доктора Яворскаго, переводчика Зааманъ-бека при 10-ти человѣкахъ казаковъ.

Нѣсколько дней ранѣе отъѣзда миссіи, эмиръ заболѣлъ ревматизмомъ какой-то подколѣнной мышцы, которая при неискусствѣ его авганскаго доктора, поливавшаго ногу холодной водой, вскорѣ перешла въ гангрену. Промучившись въ страшныхъ страданіяхъ до 8-го февраля, эмиръ умеръ въ безпамятствѣ вечеромъ, собираясь писать русскому императору, что докторъ Яворскій не хочетъ его вылечить. Между тѣмъ, положеніе доктора и его эскорта было поистинѣ ужасно. Едва спасшійся отъ отравы, которою угостилъ его соперникъ по медицинѣ Ахунъ, отравы, преподнесенной ему самимъ эмиромъ въ стаканѣ вина, онъ оказался послѣ смерти эмира въ положеніи чисто трагическомъ.

---

[1]) «Путешествіе русской миссіи», т II, стр. 177—78.

Едва вѣсть о кончинѣ повелителя Афганистана достигла города, какъ началось возмущеніе, и притомъ возмущеніе войскъ, такъ какъ сейчасъ же началась обычная на востокѣ борьба претендентовъ на осиротѣлый престолъ. Вначалѣ этого возмущенія, утромъ 9-го февраля, въ помѣщеніе доктора и его команды пришелъ Мосинъ-ханъ и сказалъ, что ему поручена забота о безопасности русскихъ. Въ это время, однако, лошади казаковъ начали добровольный постъ, такъ какъ отпускъ фуража прекратился; что же касается до положенія русскихъ, то опасное само по себѣ, оно сдѣлалось угрожающимъ, когда въ народѣ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что эмиръ передъ смертію отдалъ доктору свои капиталы. Испугавшись возможнаго насилія, г. Яворскій послалъ Мосинъ-хана къ Лойнабу съ извѣстіемъ, что онъ думаетъ выѣхать изъ Мазари-Шерифа, и съ просьбою снабдить его конвоемъ. Въ то же время докторъ распорядился сборами. Но выѣхать при существовавшихъ обстоятельствахъ было дѣло не легкое. Лойнабъ прислалъ къ вечеру извѣстіе, что ранѣе конца траура по эмирѣ, т. е. ранѣе 3-хъ дней, онъ ничего для доктора сдѣлать не можетъ. Наступила ночь съ 9-го на 10-е. Мосинъ-ханъ остался ночевать съ русскими, кругомъ дома стоялъ авганскій караулъ, лошади были осѣдланы, но помѣщались на внѣшнемъ дворѣ, и при нихъ былъ оставленъ еще спеціальный караулъ изъ казаковъ.

Около 2-хъ часовъ по-полуночи, къ сѣвернымъ воротамъ дома подошла довольно многочисленная шайка взбунтовавшихся солдатъ и хотѣла пройти во внутренній дворъ помѣщенія. Авганскій караулъ не допустилъ ихъ до этого. Несмотря на брань и угрозы, продолжавшіяся довольно долго, эти грабители ушли ни съ чѣмъ. Но вскорѣ нападеніе повторилось съ южной стороны, но и оно было отражено карауломъ авганцевъ. Однако упорство нападенія ихъ товарищей на домъ «каффира», которому эмиръ отдалъ свою казну, поколебало наконецъ стойкость самихъ защитниковъ и они рѣшили сами воспользоваться столь лакомой добычей, ввѣренной ихъ охранѣ. Одинъ только командовавшій карауломъ офицеръ былъ противъ такого безчестнаго грабежа и еще удерживалъ своихъ подчиненныхъ, но и это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока кто-то не принесъ извѣстія, что только что отступившая шайка мятежныхъ солдатъ напала и разграбила жилища русскихъ защитниковъ. Это извѣстіе было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія нашихъ охранителей. Они бросились къ дверямъ внутренняго двора, на которомъ находились помѣщенія русскихъ. Начальникъ караула и Мосинъ-ханъ бросились къ возмутившимся, но перваго встрѣтили оплеухами, а по второму было сдѣлано два выстрѣла, по счастію мимо. Ворвавшись на первый дворъ, солдаты завладѣли верховыми и вьючными лошадьми и, не найдя на нихъ ожидаемыхъ сокровищъ, бросились къ внутреннимъ воротамъ. Очевидно, осажденнымъ

оставалось только одно средство для предотвращенія кровопролитія, а именно—выкупъ, средство, къ которому и прибѣгъ докторъ, раздавъ имѣвшіяся при немъ 1.000 руб. казенныхъ денегъ на руки всѣмъ казакамъ и поручивъ затѣмъ Мосинъ-хану умиротворить возмутившійся караулъ четырьмястами авганскихъ рупій. Не безъ труда Мосинъ-ханъ уговорилъ своихъ солдатъ взять деньги и не рисковать вступать въ бой съ русскими, у которыхъ ружья дѣлаютъ по 20 выстрѣловъ, въ то время когда авганское ружье сдѣлаетъ только одинъ. Деньги или послѣдній аргументъ подѣйствовали на убѣжденіе и совѣсть караула, но только по прошествіи нѣкотораго времени осада прекратилась, и даже послѣ нѣкотораго настоянія доктору Яворскому удалось выручить казачьихъ и своихъ лошадей, которыя были переведены во внутренній дворъ помѣщенія, откуда въ случаѣ большой опасности и новаго нападенія можно было черезъ проломъ въ стѣнѣ попытаться поискать спасенія въ бѣгствѣ.

Утромъ, въ виду тревогъ послѣдней ночи, Яворскій послалъ все того же Мосинъ-хана къ Лойнабу съ требованіемъ немедленно же позволить русскимъ оставить городъ, преданный грабежу и безначалію. Однако Лойнабъ самъ удралъ изъ города подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, и отъѣздъ доктора взялся устроить Мосинъ-ханъ и братъ покойнаго эмира Сердаръ-Нейкъ-Магометъ-ханъ. Оба эти лица настаивали на необходимости выѣхать изъ города ночью, иначе урусы могли разсчитывать на какую либо непріятность, если бы повстрѣчались съ войсками.

Въ городѣ, однако, втеченіе цѣлаго дня 10-го февраля раздавались постоянные ружейные выстрѣлы, причемъ иногда слышались залпы, и понятно, какъ жутко было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ дома доктору Яворскому и его небольшому отряду, когда кругомъ вездѣ носился признакъ насилія и смерти. Около двухъ часовъ невдалекѣ отъ дворца, занятаго остатками нашего посольства, раздалась особенно учащенная трескотня ружей. Это грабили домъ намѣстника, но при грабежѣ кавалерія не поладила съ пѣхотой и между ними завязался рукопашный и огнестрѣльный бой. Чтобы прекратить хоть чѣмъ нибудь насиліе, Сердаръ-Нейкъ-Магометъ-ханъ велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ и послалъ конныхъ герольдовъ по улицамъ и площадямъ объявить, что законная власть возстановлена, ибо Якубъ-Маметъ избранъ эмиромъ Афганистана, а его сынъ назначенъ правителемъ авганскаго Туркестана. Все это, разумѣется, стало извѣстнымъ впослѣдствіи, но слыша выстрѣлы наши плѣнники невольно хватались за ружья, ежеминутно ожидая нападенія, и приготовлялись къ защитѣ. Наконецъ, тяжелый день началъ клониться къ вечеру, и русскіе стали приготовляться къ походу. Возникъ вопросъ о неудобствѣ въ такія времена везти съ собой восемь вьюковъ, и Мосинъ-ханъ посовѣтовалъ купить обыкновенныя переметныя сумы—«хаджары», а все громоздкое оставить покуда

на попеченіе авганской власти. Но хаджары не удалось достать, и все дѣло ограничилось кое какой замѣной восьми паръ сундуковъ только тремя парами. Очевидно, что при этомъ пришлось побросать много цѣннаго. Къ десяти часамъ пріѣхалъ Сердаръ съ конвоемъ изъ узбековъ, которыми опять пришлось командовать англичанину Мосинъ-хану. Съ великими предосторожностями выѣхалъ по пустыннымъ закоулкамъ русскій отрядецъ изъ города по шоссе, ежеминутно боясь быть настигнутымъ. Послѣднее опасеніе усиливалось еще тѣмъ, что одинъ изъ конвоировъ, Сары-джанъ, большой подлецъ и даже хуже, по мнѣнію Мосинъ-хана, скрылся, и заставилъ подозрѣвать погоню съ самыми дурными намѣреніями. Поэтому первые два часа отрядъ шелъ даже съ вьюками рысью, и къ полуночи былъ уже въ 15 верстахъ отъ города.

Описаніе этой ночи, гдѣ одна опасность смѣнялась другой, сдѣлано въ книгѣ доктора Яворскаго очень живо, ничуть не хуже чѣмъ многое въ романахъ Купера и Понсонъ дю-Террайля.

12-го февраля, однако, всѣ благополучно достигли Патта Гюзара, на Аму-Дарьѣ, и здѣсь благородный авганецъ, столько хлопотавшій и пострадавшій за русскую миссію, на прощанье, прокричалъ уѣзжавшему въ лодкѣ доктору:

— Богъ да будетъ вамъ защитникомъ. Вы избѣжали неминуемой смертной опасности... Теперь время наступило дурное и жизнь каждаго виситъ на волоскѣ. Ну, прощайте, прощайте, счастливаго пути!

Такъ кончилась, и кончилась сравнительно очень счастливо, поѣздка русскаго Язона и его спутниковъ за ключами Индіи.

Заканчивая свой драматическій и интересный разсказъ, докторъ Яворскій считалъ нужнымъ въ короткихъ словахъ подвести итоги.

Но дѣйствительно ли такіе итоги нужны, дѣйствительно ли эти итоги, по внѣшности какъ будто и справедливые, на самомъ дѣлѣ будутъ вѣрны?

По нашему—нѣтъ. Положимъ, генералъ Столѣтовъ, прекрасный боевой офицеръ, какъ дипломатъ оказался ниже порученнаго ему дѣла и зарвался въ своихъ обѣщаніяхъ эмиру выше всякихъ данныхъ ему полномочій. За всѣмъ тѣмъ эта ошибка лица, и она понятна послѣ сдѣланнаго ему пріема и извинительна вообще для русскаго, послѣ полученія извѣстій о результатахъ берлинскаго конгресса, о которыхъ самъ сообщавшій туркестанскій генералъ-губернаторъ отзывался, что если телеграмма вѣрна, то эти результаты весьма печальны!

Гораздо труднѣе понять мелочи, а эти-то мелочи и погубили дѣло въ большей степени, нежели дипломатическая невоздержанность военнаго генерала, привыкшаго болѣе къ прямодушію нежели

къ лукавству. Нищенская обстановка посольства; двусмысленность и неопредѣленность данной ей задачи вообще, суконные халаты и канцелярскія неисправности въ частности, убили дѣло авганскаго посольства гораздо болѣе личныхъ промаховъ самого зарвавшагося посла.

И при этомъ, конечно, вопросъ: для чего убили—остается безъ всякаго сколько нибудь понятнаго отвѣта. А вѣдь люди, вошедшіе въ составъ посольства, отъ генерала до послѣдняго казака, мучились, терпѣли и работали болѣе чѣмъ могли!

Нѣтъ, ужъ какіе тутъ итоги! Подобно тому какъ блистательнѣйшую кампанію послѣднихъ лѣтъ мы закончили берлинскимъ конгрессомъ, и изъ молодецкаго путешествія Столѣтова въ Кабулъ мы не умѣли извлечь никакихъ полезныхъ результатовъ.

Поневолѣ подивишься еще разъ и еще разъ сердечно погорюешь выпавшей на русскую долю судьбѣ: совершать величайшіе подвиги и не умѣть извлекать изъ нихъ для себя никакихъ результатовъ.

В. П.

ЭНЦИКЛОПЕДИЗМЪ И ЖУРНАЛИЗМЪ.

(По поводу книги Морлея „Дидеро и энциклопедисты").

Энциклопедическіе сборники прежнихъ временъ. — Энциклопедія Чамберса. — Книгопродавецъ Лебретонъ. — Значеніе Дидеро для энциклопедіи. — Ея вліяніе на писателей и на идеи общества.—Католицизмъ и прогресъ. — Развитіе новаго ученія. — Солидарность энциклопедистовъ. — Журналистъ, развивающій идеи энциклопедизма.—Роль современнаго журнала.—Исторія журналистики.—Жизнь Дидеро до его работъ по «Энциклопедіи».—Участіе д'Аламбера въ этомъ изданіи.—Враги «Энциклопедіи».—Абатъ де-Прадъ.—Сотрудники «Энциклопедіи».—Гельвецій.—Приглашеніе Екатерины II. — Мошенничество Лебретона.—Баронъ Гольбахъ.—Вольтеръ и Фридрихъ II.—Абатъ Рейналь.—Энциклопедисты: Кондильякъ, Кабанисъ, Ламметри, Сен-Ламберъ, Вольней, Мореле, Бальи, Шанфоръ, Кондорсе.—Преемственность журнализма по отношенію къ энциклопедизму.—Журналисты нашего вѣка. — Журналистика какъ представительница общественныхъ стремленій.

ТОРАЯ половина прошлаго столѣтія началась событіемъ, на которое мало кто обратилъ вниманіе и во Франціи, гдѣ его оцѣнили только немногіе. Въ Европѣ оно прошло почти незамѣченнымъ, а между тѣмъ это былъ первый шагъ къ совершенному измѣненію гражданскихъ, общественныхъ, научныхъ и религіозныхъ понятій, измѣненію, повлекшему за собою перевороты и въ государственномъ строѣ европейскихъ державъ. Въ 1751 году, вышелъ въ свѣтъ первый томъ «Энциклопедіи». Ничего новаго, ничего особеннаго не заключалось, повидимому, въ появленіи этой книги. Энциклопедическіе сборники, обнимавшіе главнѣйшія отрасли знанія, выходили не разъ и въ прежнее время. Аристотель первый сказалъ, что чело-

вѣческія знанія представляютъ нѣчто цѣлое и что всѣ ихъ части тѣсно и органически связаны между собою. Въ средніе вѣка Альбертъ Великій сдѣлалъ попытку соединить въ одно цѣлое физическіе факты, извѣстные въ его время. Въ XIII-мъ вѣкѣ энциклопедическимъ характеромъ отличалась компиляція Венсена де-Бове, заключавшая въ себѣ сводъ изъ сочиненій Аристотеля и Аквината, относящихся къ естественнымъ, нравственнымъ и историческимъ наукамъ. Но еще важнѣе, въ томъ же столѣтіи, были два сочиненія Роджера Бэкона («Opus Majus» и «Compendium philosophiae»)—сборникъ знаній, изложенныхъ довольно правильнымъ методомъ. Названіе «энциклопедіи» употребилъ въ первый разъ Рингельбергъ, въ своемъ сборникѣ, изданномъ въ Баденѣ, въ 1541 году. Въ 1620 году нѣмецъ Альштедъ издалъ, на латинскомъ языкѣ, «Энциклопедію всѣхъ наукъ». Но мысль о систематической класификаціи знаній принадлежитъ Френсису Бэкону, начертавшему планъ всеобщаго лексикона наукъ и искуствъ. Мысль эта вдохновила Дидеро, какъ онъ самъ сознается, и постоянно служила руководствомъ для его дѣятельности.

Въ 1727 году, квакеръ Чамберсъ издалъ въ Лондонѣ два большихъ тома, подъ названіемъ «Энциклопедія или всеобщій словарь искуствъ и наукъ». Широкая идея этого труда заключалась въ томъ, чтобы разсмотрѣть различные предметы не только въ ихъ отдѣльности, но и во взаимной связи,—въ томъ, чтобы разсмотрѣть каждый изъ нихъ, какъ нѣчто цѣлое и какъ часть еще бо́льшаго цѣлаго. Вся составленная самимъ Чамберсомъ, которому недоставало широты ума для осуществленія его идеи, книга выдержала однако пять изданій. Черезъ пятнадцать лѣтъ англичанинъ Мильсъ и нѣмецъ Селліусъ предложили издать эту книгу на французскомъ языкѣ мелкому книгопродавцу Ле-Бретону. Въ то время и ученой книги нельзя было перевести безъ позволенія правительства. Ле-Бретонъ выхлопоталъ это позволеніе, но не для переводчиковъ, а для самого себя. Началась ссора, но нѣмецъ вскорѣ умеръ, а англичанинъ, не надѣясь выиграть дѣло противъ плута книгопродавца, уѣхалъ обратно въ Англію, оставивъ въ его рукахъ переводъ. Книгопродавецъ передалъ его какому-то Мальвесу, но тотъ не съумѣлъ ничего съ нимъ сдѣлать, и Ле-Бретонъ обратился къ Дидеро. Писатель только что кончилъ тогда переводъ «Медицинскаго словаря» Джемса, но съ жаромъ принялся за новый трудъ, задумалъ переработать весь планъ, соединить въ энциклопедіи весь сводъ мысли и дѣятельности человѣка, значеніе каждаго явленія искуства, каждаго факта науки и связь между ними. Онъ понялъ, какой удобный случай доставитъ энциклопедическая форма для собранія въ одно цѣлое всѣхъ новыхъ идей и современныхъ знаній, преподаваемыхъ безо всякой системы и безо всякихъ выводовъ. Молодой ученый съумѣлъ заинтересовать своимъ

предпріятіемъ канцлера д'Агессо, сдѣлавшагося покровителемъ энциклопедіи. Еще разъ было выхлопотано разрѣшеніе на печатаніе книги, которая должна была заключать въ себѣ всѣ книги. Силъ одного человѣка было, конечно, недостаточно для осуществленія гигантской идеи. Дидеро сознавалъ, что онъ не можетъ одинъ составить и редактировать отдѣлы произведенія, которое должно было вмѣщать въ себѣ всѣ сферы знаній. Прежде всего онъ чувствовалъ, что недостаточно свѣдущъ въ математикѣ и физикѣ, и пригласилъ для этого отдѣла сотрудникомъ д'Аламбера. Философъ написалъ къ книгѣ предисловіе—блистательное ученое и литературное произведеніе. Вдвоемъ они взяли на себя также редакцію всѣхъ статей. Все, что принадлежало къ свободнымъ мыслителямъ Франціи, стало подъ знамена энциклопедіи. Вліяніе ея прежде всего оказалось въ томъ, что професія литератора стала съ тѣхъ поръ професіей опредѣленной и независимой. Энциклопедисты не старались угодить версальскому двору. Они съ сознаніемъ протестовали противъ системы искательствъ и покровительствъ. «Счастливы тѣ императоры, писалъ д'Аламберъ, которые пришли наконецъ къ сознанію, что самый вѣрный способъ заставить себя уважать—заключается въ томъ, чтобы жить въ согласіи между собою и почти совершенно въ сторонѣ отъ другихъ людей; что благодаря взаимному согласію, они безъ большихъ усилій дойдутъ до того, что будутъ предписывать всей націи законы въ вопросахъ вкуса и философіи. Настоящее уваженіе оказывается только по приговору такихъ людей, которые сами заслуживаютъ уваженія. Послѣ слишкомъ рѣдко встрѣчающагося искуства хорошаго управленія, искуство обучать и просвѣщать людей — самая благородная способность человѣка... Облеченный властью приказываетъ, но интелигентные люди управляютъ, образуя съ теченіемъ времени общественное мнѣніе, которое рано или поздно подчиняетъ себѣ всякую деспотическую власть».

Еще важнѣе было вліяніе энциклопедіи на идеи нравственности и религіи, переставшія съ тѣхъ поръ быть достояніемъ одного духовенства. Власть офиціальнаго католицизма, въ началѣ второй половины XVII-го вѣка, была всесильна. Церковь побѣдила незадолго передъ тѣмъ своихъ постоянныхъ враговъ—судебныя корпораціи. Министръ, предложившій налогъ на церковную собственность, потерпѣлъ фіаско; янсенисты, за четверть столѣтія передъ тѣмъ могущественные и многочисленные, потеряли почти всѣхъ послѣдователей. Вольтеръ былъ въ изгнаніи, Монтескьё близокъ къ смерти, Руссо переписывалъ ноты на чердакѣ. Королевскія войска захватывали протестантовъ, собиравшихся въ пустынныхъ мѣстахъ. Еретическія конгрегаціи бѣжали отъ выстрѣловъ католическихъ мушкетеровъ; на висѣлицахъ качались тѣла пасторовъ, призывавшихъ свою паству отстаивать свои религіозныя убѣжденія; безъ «исповѣдныхъ свидѣтельствъ» и доказательствъ принятія св. при-

частія, нельзя было получить никакого мѣста. И вдругъ горсть ученыхъ и литераторовъ осмѣлилась возстать противъ такого порядка вещей, опровергать притязанія клерикализма. Правда, во всѣ времена являлись лица, осмѣливавшіяся опровергать тѣ или другія вѣрованія, установленныя церковью, доказывать несостоятельность или непослѣдовательность ея постановленій. Но лица эти доказывали по одиночкѣ и потому церковь легко справлялась съ ними; къ тому же у нихъ была только идея научная, гуманная, но не было идеи соціальной. Энциклопедія опиралась на такую точку зрѣнія, которая обнимала человѣческую жизнь въ ея цѣлости. Правила нравственности, положительные законы, общественный порядокъ, домашняя жизнь, свойство и предѣлы человѣческаго знанія, организація физическаго міра—все это высвободилось изъ подъ гнёта философскихъ толкованій, основывалось на положительномъ фундаментѣ. Энциклопедисты подняли массу идей, вступили въ энергическую борьбу съ системой, покоившейся на авторитетѣ. Энциклопедія явилась протестомъ противъ старой теоріи и старой организаціи общества. Сущность новаго ученія заключалась въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: натура человѣка хороша и онъ можетъ быть счастливъ въ этой жизни; зло есть плодъ дурного воспитанія и дурныхъ учрежденій. Теперь эта истина сдѣлалась аксіомой для большинства интелигенціи, убѣжденной, что характеръ и участь людей, также какъ условія ихъ жизни, могутъ безконечно измѣняться къ лучшему. Доктрина эта вела къ широкимъ выводамъ, проникающимъ въ сущность предметовъ, освѣщала новымъ свѣтомъ догматы теологіи, придавала новое значеніе реальнымъ знаніямъ, усиливала интересъ всего, что касается общественной жизни. Это былъ новый, великій принципъ, противупоставленный аскетизму въ жизни и нравственности, формализму въ искуствѣ, абсолютизму въ соціальныхъ порядкахъ, обскурантизму въ мышленіи. Понятно, что клерикализмъ, изображавшій человѣка павшимъ и нравственно испорченнымъ, не могъ принять такого ученія; стремленіе къ достиженію блаженства земного ослабляло заботливость о царствѣ небесномъ; стремленіе къ соціальнымъ улучшеніямъ уничтожало скандальныя соціальныя злоупотребленія. Духовная власть, вмѣсто того, чтобъ быть руководительницей свѣтской власти, сдѣлалась ея сообщницей въ нарушеніи правъ и справедливости. Энциклопедія явилась тогда новою властью, благодаря старанію выяснить общественныя нужды и найти средства къ ихъ удовлетворенію.

Но энциклопедія вывела Францію, а за нею и Европу, на новый путь не въ одной только сферѣ религіозныхъ идей—она коснулась народной жизни со всѣхъ сторонъ, приложила принципы просвѣщенія ко всѣмъ отраслямъ общественной организаціи; она соединила членовъ враждебныхъ между собою школъ, стремившихся къ разрушенію существующаго порядка, и вела ихъ къ одной вели-

кой, созидательной цѣли. Она служила сборнымъ пунктомъ для умственныхъ усилій, которыя иначе расходились бы въ разныя стороны; она установила совокупную солидарность между сотрудниками, поддерживала постоянное и искреннее чувство братства. Сотрудники эти работали безъ всякаго личнаго интереса, не ища извѣстности, такъ какъ многіе скрывали свое имя, какъ Тюрго. Единодушіе между ними было тѣмъ болѣе необходимо, что энциклопедія не была мирнымъ складочнымъ мѣстомъ всякаго рода сокровищъ: это была гигантская осадная машина, арсеналъ съ заготовленнымъ для нападенія оружіемъ. Она старалась подчинить научныя знанія практической задачѣ — поднять общество изъ того безнравственнаго и безпомощнаго состоянія, до котораго оно было доведено церковнымъ и правительственнымъ гнетомъ. Энциклопедисты имѣли въ виду не теорію, а практику, не науку, а жизнь. «Человѣкъ, говорилъ Дидеро,—единственный пунктъ, отъ котораго должно все исходить и къ которому должно все возвращаться. Если вы отложите въ сторону мое собственное существованіе и благополучіе моихъ ближнихъ, какое будетъ мнѣ дѣло до всей остальной природы?»

Значеніе энциклопедіи и ея основателя въ послѣднее время лучше всего оцѣнено въ сочиненіи даровитаго англійскаго литератора и публициста Джона Морлея—«Дидеро и энциклопедисты», появившагося въ подлинникѣ еще въ 1878 году и, въ концѣ прошлаго, переведеннаго на русскій языкъ г. Невѣдомскимъ, вмѣстѣ съ другимъ, также капитальнымъ изслѣдованіемъ того же автора о Жан-Жакѣ Руссо. Морлей не только замѣчательный литературный критикъ, какимъ онъ явился въ названныхъ выше сочиненіяхъ, въ этюдахъ о Вольтерѣ и Эдмондѣ Боркѣ, въ своихъ «Critical Miscellanies», онъ одинъ изъ лучшихъ журналистовъ Англіи, завѣдовавшій редакціею «Litterary gazette», «Fortnightly Review», а въ настоящее время, редакторъ «Pall-Mall Gazette». Немудрено, что Морлей такой пламенный сторонникъ энциклопедіи. Чтобы вести такіе значительные органы періодической прессы, необходимо самому быть энциклопедистомъ, какимъ въ наше время долженъ быть каждый журналистъ, въ настоящемъ, серьёзномъ значеніи этого слова. Журнализму въ XIX столѣтіи принадлежитъ та же роль и то же вліяніе, какъ энциклопедизму въ XVIII-мъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую роль играетъ въ нашемъ обществѣ журналъ, почти вытѣснившій всѣ другія литературныя формы и, во всякомъ случаѣ, имѣющій гораздо болѣе обширный кругъ читателей? Самый быстрый распространитель идей и доктринъ, журналъ, имѣющій серьёзную цѣль и програму, лучше всего содѣйствуетъ прогресу въ человѣчествѣ. Въ XVI вѣкѣ, стремясь къ просвѣщенію, передовые люди своего времени создали печать, книгу; XVIII вѣкъ, въ формѣ энциклопедіи, объединилъ человѣческія знанія, указалъ

цѣль ихъ стремленіямъ; XIX вѣкъ популяризовалъ эти знанія, сдѣлалъ ихъ доступными для усвоенія массою, достояніемъ демократическаго большинства. Черезъ множество видоизмѣненій должна была пройти журналистика, начиная отъ «ежедневныхъ актовъ» (Acta diurna) римскихъ, до летучихъ листковъ XVII-го вѣка, появлявшихся въ неопредѣленные сроки въ Голандіи, Венеціи, Франціи, Лондонѣ. Съ развитіемъ реформаціи — этого протеста противъ католическаго деспотизма и обскурантизма, новое ученіе прежде всего нашло пріютъ въ листкахъ, перевозимыхъ протестантами изъ Германіи во Францію зашитыми въ сѣдлѣ или въ подкладкѣ плащей. Къ обвиненіямъ въ злоупотребленіяхъ господствующей церкви прибавились скоро обвиненія и правящихъ властей. Недаромъ Стюарты зажимали ротъ газетѣ «Mercurius Britannicus», а Людовикъ XIV залилъ кровью Голандію, чтобы наказать «газетчиковъ», преслѣдовавшихъ его памфлетами. Съ тѣхъ поръ какъ пресса, какъ представительница общества, принялась разработывать политическіе вопросы, соціальныя и религіозныя реформы, экономическія улучшенія,—она подверглась всевозможнымъ гоненіямъ. Но она вынесла все: конфискаціи, огромные налоги, пени, аресты—и вышла побѣдительницей изъ неравной борьбы.

Много было надо честной прессѣ твердости, чтобы бороться со всякаго рода препятствіями, съ клеветой и ненавистью. Изъ простого листка новостей, изъ памфлета, тайно распространяемаго, она сдѣлалась голосомъ всѣхъ народовъ. Ею пользуются и правители, руководя общественнымъ мнѣніемъ, но чаще всего ее направляетъ само общественное мнѣніе противъ всего, что несогласно съ нимъ. Журналъ, въ наше время, поглощаетъ все: политику, соціальные вопросы, литературу, науку, искуство. Онъ необходимъ для жизни современнаго общества, осуществляетъ ея движеніе, стремленія— все знать, что̀ является въ сферѣ событій, знаній, мысли. Онъ дѣлается всемірнымъ, энциклопедическимъ, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ, отвѣчать на всѣ вопросы. У каждаго гражданина образованной націи есть другъ, каждый день сообщающій все, что случилось новаго и любопытнаго въ мірѣ, выражающій мнѣнія этого гражданина — нѣсколько яснѣе и литературнѣе, нежели онъ самъ сдѣлалъ бы это; другъ этотъ—журналъ. Въ тотъ день, когда онъ почему нибудь не появляется, гражданину кажется, что міръ остановился въ своемъ движеніи. Журналъ всесиленъ не самъ по по себѣ, но всеобщею жаждою знаній, которой онъ одинъ можетъ удовлетворить. Тамъ, гдѣ нація равнодушна къ общественнымъ дѣламъ, журналистика не процвѣтаетъ. Но ея значеніе не зависитъ отъ числа періодическихъ листковъ. Во время реставраціи, во Франціи двѣ-три небольшія газеты руководили общественнымъ мнѣніемъ, несмотря на преслѣдованія цензуры и правительства. Это были первыя попытки журнализма занять подобающее ему мѣсто. Съ тѣхъ поръ громадное

вліяніе его утвердилось прочно и незыблемо. Въ наше время не даромъ называютъ газету «Times»—шестою великою державою, а еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Англіи типографщика, печатавшаго осужденный журналъ, выставляли къ позорному столбу.

Понятно, что въ такой шестой державѣ одно лицо не можетъ дѣлать всего: ему нужны сотрудники, помощники, солидарные съ нимъ во взглядахъ и направленіи. Но лица, дающія направленіе журналу, должны быть энциклопедистами, какими были въ прошломъ вѣкѣ Дидеро и его единомышленники. Къ сожалѣнію, людей этого закала нѣтъ въ исторіи современной журналистики, но она должна имѣть ихъ всегда передъ глазами, какъ образецъ, какъ идеалъ, къ которому надо стремиться. Чтобы воскресить въ памяти забывчивыхъ потомковъ величавые образы этихъ исполиновъ мысли и дѣла, мы передадимъ въ краткихъ очеркахъ судьбу ихъ, на основаніи книги Морлея и нашихъ собственныхъ работъ по этой части. Это будетъ также страница изъ борьбы за существованіе мысли, исторію которой мы предприняли разсказать на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Въ небольшомъ городкѣ Лангрѣ, въ 1713 году, у честнаго, трудолюбиваго работника-ножевщика Дидеро, занимавшагося выдѣлкою инструментовъ и изобрѣтателя особаго рода щипцовъ, родился сынъ Денисъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ ребенокъ отличался живымъ и пылкимъ характеромъ, увлекавшимъ его не разъ въ порочные поступки. У него былъ дядя каноникъ, какъ у Расина—и мальчика стали готовить къ духовному званію, чтобы впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто дяди. Но если Дидеро не сдѣлался поэтомъ, какъ Расинъ, зато сдѣлался энциклопедистомъ, что еще непростительнѣе для племянника духовнаго лица. Не перенося жизни въ родительскомъ домѣ, гдѣ ему, конечно, внушали идеи смиренія и благочестія, мальчикъ задумалъ бѣжать въ Парижъ и поступить въ іезуитскую колегію, но отецъ, узнавъ о намѣреніи сына, самъ отвезъ его туда. Онъ быстро выучился древнимъ языкамъ, англійскому и итальянскому. Онъ работалъ не только за себя, но и за своихъ товарищей, составляя имъ сочиненія на заданныя темы, и однажды написалъ одному изъ нихъ такую рѣчь змѣи къ Евѣ, что его едва не выгнали за это изъ колегіи. Скоро пришлось ему подумать и о добываніи средствъ къ существованію. Отецъ, видя, что изъ сына не сдѣлаешь священника, предоставилъ ему выборъ между законовѣдѣніемъ и медициною. Но Дидеро не хотѣлъ быть юристомъ, не желая тратить время на заботы о чужихъ дѣлахъ, а докторомъ не хотѣлъ быть потому, что не имѣлъ наклонности убивать людей. Тогда отецъ рѣшительно отказалъ ему во всякомъ денежномъ пособіи и Дидеро началъ жить уроками, плохо оплачиваемыми, но позволявшими дѣлать, что̀ ему нравилось. Бѣдность заставила его даже сочинять проповѣди для мисіонеровъ. Однажды,

проголодавъ болѣе сутокъ, онъ упалъ въ обморокъ отъ истощенія силъ въ одномъ трактирѣ. Его накормила хозяйка трактира—и онъ далъ себѣ слово никогда въ жизни не отказывать въ помощи голодному. Положеніе писателей въ то время было очень печально. Почти всѣ они начали свою карьеру бездомными бѣдняками: Руссо, Мармонтель, Вовенаргъ во Франціи, Лессингъ и Винкельманъ въ Германіи, Джонсонъ, Фильдингъ, Гольдсмитъ, Коллинсъ въ Англіи, Гольдони въ Италіи—всѣ они не были увѣрены, что будутъ сыты всякій день и всякую ночь проведутъ въ тепломъ углу. Только Вольтеръ, Ричардсонъ и Грей не зависѣли въ средствахъ своего существованія отъ произведеній своего пера. Десять лѣтъ (до 1744 года) жизнь Дидеро была полна лишеній всякого рода. «Я долженъ думать не о томъ, чтобъ лучше жить, а чтобы только не умереть», говорилъ онъ про эту эпоху. И, несмотря на это, онъ дѣлился чѣмъ могъ съ другими бѣдняками, жертвовалъ имъ своимъ временемъ, своими трудами и знаніемъ. Однажды молодой человѣкъ принесъ ему сатиру, въ которой ѣдко осмѣивалась личность Дидеро и его сочиненія.—Что же васъ побудило ко мнѣ же принести нападки на меня? спросилъ философъ.—«Мнѣ нечего ѣсть и я думаю, что вы купите у меня эту сатиру, чтобы не видѣть ее въ печати», отвѣчалъ авторъ.—Но я не богатъ и научу васъ, какъ добыть еще больше денегъ за вашу сатиру: меня ненавидитъ герцогъ Орлеанскій; посвятите ему ваше произведеніе и онъ щедро наградитъ васъ.—«Но я не съумѣю написать посвященія», замѣтилъ голодный сатирикъ.—Ну, такъ я вамъ напишу—закончилъ Дидеро—и написалъ такъ, что авторъ сатиры получилъ порядочную сумму. Бо́льшая часть жизни Дидеро была принесена въ жертву тѣмъ, кто нуждался въ его знаніяхъ, въ его услугахъ и деньгахъ. Снисходительность его не знала границъ. Онъ не отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, кто причинялъ ему величайшія непріятности. Подлѣ него жили двѣ бѣдныя швеи—мать и дочь. Дидеро влюбился въ дѣвушку и женился на ней, несмотря на нежеланіе ея матери и своего отца. Бракъ былъ несчастливъ. Малообразованная, хотя и хорошая женщина не понимала ни ума, ни характера своего мужа и не могла составить его счастія. Онъ сошелся съ другою женщиною, женою плохого писателя, также что-то напечатавшею и, чтобы поддержать ее, издалъ свои первыя сочиненія. Связь эта продолжалась года четыре и кончилась тѣмъ, что его обманули и онъ бросилъ свою недостойную любовницу и утѣшился, полюбивъ вполнѣ достойную его привязанности дѣвицу Воланъ. Эта любовь длилась 20 лѣтъ и кончилась только со смертью г-жи Воланъ въ 1774 году.

Первыми трудами Дидеро были: переводъ исторіи Греціи Станіана и «Принциповъ нравственной философіи» Шефтсбюри. Эту послѣднюю книгу онъ коментировалъ въ сочиненіи «Философскія мысли».

гдѣ явно склоняется къ скептицизму. Парламентъ приказалъ сжечь эту книгу, что, конечно, не помѣшало ея распространенію. Главная мысль ея состоитъ въ томъ, что люди постоянно возстаютъ противъ страстей, приписывая имъ всѣ человѣческія страданія и забывая, что эти же самыя страсти служатъ для нихъ источникомъ наслажденій; только однѣ сильныя страсти способны на великіе подвиги; скромныя наклонности порождаютъ одну пошлость. «Если бы пришлось дѣлать выборъ между Расиномъ, который былъ бы дурнымъ мужемъ, отцомъ и другомъ и превосходнымъ поэтомъ, и такимъ человѣкомъ, который хорошій мужъ, отецъ и другъ, но бездарный человѣкъ,—я предпочелъ бы перваго». Другое сочиненіе, написанное философомъ въ то же время—«Прогулки скептика», было захвачено полиціей и издано только послѣ его смерти. Полиція знала, что̀ пишетъ Дидеро, подсылая къ нему шпіоновъ, которыхъ онъ по добротѣ своей принималъ къ себѣ въ услуженіе, или давалъ имъ переписывать свои рукописи. Еще болѣе хлопотъ принесло ему другое сочиненіе—«Письмо о слѣпыхъ, написанное для зрячихъ». Составленное на основаніи біографіи Саундерсона, сочиненіе это подтверждало идеи слѣпца-атеиста. Дидеро заперли въ венсенскую тюрьму собственно не за атеистическія идеи, а за то, что онъ въ этой книгѣ задѣлъ любовницу министра д'Аржансона. Директоръ полиціи Беррье обошелся особенно строго съ писателемъ за то, что тотъ упорно отказывался сообщить имя издателя его книги, зная, что издатель будетъ сосланъ на каторгу. Замѣтимъ, что этотъ Беррье получилъ потомъ званіе хранителя печати за усердіе, съ которымъ онъ отъискивалъ и доставлялъ жертвъ для королевскаго гарема въ Версали. На допросѣ Дидеро долженъ былъ отречься отъ того, что онъ авторъ «Письма о слѣпыхъ» и «Философскихъ мыслей». Въ тюрьмѣ ему не давали ни книгъ, ни бумаги для письма. Онъ наскоблилъ порошку съ аспидной доски подоконника, смѣшалъ съ краснымъ виномъ и составилъ себѣ чернила, изъ зубочистки сдѣлалъ перо и писалъ свои мысли на поляхъ «Потеряннаго рая», случайно бывшаго въ его карманѣ въ моментъ ареста. Писатель просидѣлъ бы долгіе годы въ тюрьмѣ, если бы за него не вступился Вольтеръ, начавшій кричать о позорѣ той страны, въ которой ханжи могутъ запирать на замо̀къ философовъ. За него начала хлопотать и маркиза Шателе. Тогда ему разрѣшили гулять въ паркѣ и принимать друзей. Объ освобожденіи его просили и книгопродавцы, для которыхъ онъ уже началъ работать «Энциклопедію». Черезъ три мѣсяца Дидеро выпустили изъ тюрьмы и онъ весь отдался этому гигантскому предпріятію, трудясь надъ нимъ двадцать лѣтъ, втеченіе которыхъ издалъ тридцать пять томовъ, трѐбовавшихъ непрерывной, неизмѣнной работы, непоколебимаго, терпѣливаго мужества. Мы видѣли, какое значеніе имѣла эта

книга. Посмотримъ теперь, какую судьбу испытала она въ эпоху появленія отдѣльныхъ томовъ изданія.

Зимою 1767 года, полицейскій комисаръ нашелъ на ступеняхъ церкви Жан-ле-Ронъ подброшеннаго мальчика и отдалъ его на воспитаніе женѣ стекольщика. Ребенку дали имя Жан-ле-Ронъ и онъ принялъ имя д'Аламбера, когда уже сдѣлался извѣстнымъ. А извѣстность эта началась для него съ молодыхъ лѣтъ. На 24-мъ году онъ былъ уже членомъ академіи наукъ, представивъ ей записку объ интегральномъ счисленіи. Математикъ и философъ игралъ значительную роль въ литературныхъ салонахъ того времени и, въ особенности въ салонѣ своей матери, г-жи Тансенъ, которую всѣ осуждали за то, что она бросила на произволъ судьбы своего незаконнаго сына. Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ его было введеніе въ «Энциклопедію», гдѣ онъ высказалъ свой взглядъ, развивъ его еще подробнѣе въ сочиненіи «Опыты о началахъ философіи». Начало всѣхъ человѣческихъ знаній онъ видитъ въ обсужденіи истинъ фактическихъ и истинъ чувствованія. Всѣми нашими идеями мы одолжены нашимъ ощущеніямъ. Высшее благо жизни—избавленіе насъ отъ страданій, которыя чувствуются сильнѣе, чѣмъ наслажденія. Истинно добродѣтельный человѣкъ долженъ предпочитать себѣ—семейство, семейству—отечество, отечеству—человѣчество. Роскошь есть преступленіе противъ человѣчества, пока хотя одинъ членъ общества нуждается. «Въ дурно управляемомъ государствѣ—а они всѣ большею частію таковы, говоритъ д'Аламберъ,—несчастный гражданинъ, доставляющій себѣ силою необходимое, долженъ быть наказанъ для общаго спокойствія, но по справедливости слѣдуетъ наказать еще строже правительственныя лица». Религіозныя мнѣнія его были крайнія: о догматахъ онъ отзывался съ насмѣшками и вмѣстѣ съ Вольтеромъ повторялъ его требованіе: écrasons l'infame; теологію онъ называлъ абсурдомъ, католическое духовенство—комедіянтами церкви. Средства его были очень ограничены, но онъ никогда не имѣлъ помощи и покровительства знатныхъ. Литераторъ, по его словамъ, долженъ стоять выше лицъ, значеніе которыхъ основано лишь на случайности происхожденія, или на значеніи ихъ служебнаго мѣста. И онъ всю жизнь не измѣнялъ этому правилу. Въ то время, когда Вольтеръ поклонялся сильнымъ міра, а Дидеро принималъ отъ нихъ подарки, д'Аламберъ отказался отъ званія президента берлинской академіи и не принялъ предложенія Екатерины II быть воспитателемъ ея сына и получать огромное содержаніе. Зато даже враги отзывались объ немъ съ уваженіемъ, и высшія ученыя общества Европы считали за честь имѣть его въ числѣ своихъ членовъ. Онъ сорокъ лѣтъ прожилъ въ скромномъ домѣ вдовы стекольщика, принявшей его на воспитаніе, когда онъ былъ подброшенъ на церковную паперть безсердечною матерью. Спокойный по природѣ, онъ не измѣ-

нялъ своимъ привязанностямъ дружбы къ г-жѣ Жоффренъ, любви къ г-жѣ Леспинасъ, хотя любовь не принесла ему счастія, такъ какъ у Леспинасъ былъ очень дурной характеръ, и она не разъ измѣняла ученому. Какъ секретарь академіи, онъ составилъ біографіи ея членовъ. Открытія, сдѣланныя имъ въ математикѣ, весьма важны и касаются уравненія равновѣсія и движенія твердыхъ тѣлъ, прецесіи равноденствій, интегрированія диференціальныхъ уравненій, точекъ кривыхъ линій, элиптическихъ функцій и пр. Онъ умеръ ровно сто лѣтъ тому назадъ, на 67-мъ году, въ страшныхъ мученіяхъ каменной болѣзни, не рѣшившись на операцію, и, чувствуя приближеніе смерти, попросилъ священника, приходившаго навѣстить его—пожаловать на другой день. Онъ расчитывалъ, что умреть ночью, и не ошибся въ расчетѣ.

Нападенія на «Энциклопедію», гдѣ соединились въ единодушной работѣ два такіе дѣятеля, какъ Дидеро и д'Аламберъ, начались не прямо, а обвиненіемъ лица, подозрѣваемаго въ сотрудничествѣ по этому изданію. Абатъ де-Прадъ былъ лишенъ ученой степени за дисертацію, въ которой сравнивались чудеса новаго завѣта съ чудесами, приписываемыми Эскулапу, и за то, что абатъ держался теоріи Локка, отвергавшаго врожденность идей, а это могли отвергать только атеисты. По поводу рѣчи Прада парижскій архіепископъ издалъ пастырское посланіе, внушенное іезуитами, въ которомъ упоминалъ о произведеніяхъ, «наполненныхъ заблужденіями и нечестіемъ». Послѣдствіемъ этого была еще бóльшая популярность «Энциклопедіи». На нее напали и янсенисты, обвиняя за одно Монтескьё и Бюфона. Дидеро написалъ горячую статью въ защиту Прада, который все-таки долженъ былъ бѣжать; его принялъ, по рекомендаціи Вольтера, Фридрихъ II, сдѣлалъ своимъ чтецомъ, но потомъ заперъ въ тюрьму за то, что абатъ былъ шпіономъ французовъ во время семилѣтней войны. Прадъ отказался впослѣдствіи отъ своихъ еретическихъ мнѣній и іезуиты дали ему за это хорошую бенефицію. Враги энциклопедіи взяли верхъ, и декретомъ королевскаго совѣта 1752 года было приказано уничтожить оба первые тома, «какъ содержащіе въ себѣ идеи, противныя королевской власти и религіи». Декретъ не запрещалъ, впрочемъ, продолжать работу. Полиція захватила только матеріалъ, заготовленный для словаря, коректурные листы и металическія доски для гравированія чертежей, но она не могла захватить ни дарованія Дидеро, ни его мыслей, и въ 1753 году вышелъ третій томъ изданія съ предисловіемъ д'Аламбера. Новый сотрудникъ горячо защищалъ себя и товарищей отъ нападковъ враговъ и до 1757 года, когда вышелъ седьмой томъ, редакторы работали усердно и безустанно. Число подписчиковъ доходило до четырехъ тысячъ, что составляло въ то время безпримѣрное явленіе. Но этотъ же, седьмой томъ возбудилъ страшное негодованіе въ клерикалахъ за статью «Женева», въ ко-

торой д'Аламберъ отзывался съ похвалою о нравственной чистотѣ и добродѣтели кальвинистскихъ пасторовъ, не вѣрившихъ въ существованіе ада и вѣчныя мученія. Католическое духовенство въ то время было очень сильно и отличалось не только нетерпимостью, но и жестокостью. Въ 1762 году, оно настояло на казни безвиннаго Каласа, въ 1766—пытало и потомъ сожгло Ла-Барра за непочтительное обращеніе съ крестомъ и заставило Людовика XV выдти изъ кареты и стать на колѣни, несмотря на грязь, передъ патеромъ, несшимъ сосудъ съ причастіемъ. Вражду духовенства усилила еще болѣе вышедшая въ то время книга «О духѣ» (De l'esprit) одного изъ сотрудниковъ «Энциклопедіи»—Гельвеція.

Это былъ сынъ доктора, богатый, независимый человѣкъ, жившій въ своемъ замкѣ близь Парижа, пользуясь сельскими удовольствіями, работая и дѣлая много добра. Онъ выдавалъ пенсіи многимъ писателямъ и между ними Мариво, не цѣнившимъ его благодѣяній и грубо относившимся къ благодѣтелю. «Какъ бы я отдѣлалъ его, сказалъ однажды Гельвецій, если бы не былъ обязанъ ему тѣмъ, что онъ принялъ отъ меня пенсію». Этотъ блестящій вельможа, отлично фехтовавшій и танцовавшій, любимецъ женщинъ, написалъ книгу, въ которой доказывалъ, что главный двигатель всѣхъ человѣческихъ поступковъ—эгоизмъ, а все различіе между человѣкомъ и животнымъ только въ устройствѣ ихъ органовъ, направленныхъ къ извѣстнымъ цѣлямъ. Основа справедливости—интересъ, а настоящій мотивъ интереса—удовольствіе. Характеры—продукты воспитанія и законовъ. Человѣкъ честенъ, когда его дѣйствія клонятся къ общей пользѣ. Чтобы любить людей, надо не многаго ждать отъ нихъ. Книга Гельвеція была сожжена по приговору парламента за то, что она оскорбляла религію, но кромѣ религіозныхъ и философскихъ принциповъ въ книгѣ высказывались и политическія идеи, возмутившія весь дворъ. Гельвецій защищалъ права народа и интересы свободы, обличалъ злоупотребленія знатныхъ и требовалъ реформы управленія. «Если у сына бочара, говорилъ онъ, много ума, смѣлости, осторожности—въ республикѣ онъ будетъ Ѳемистокломъ или Маріемъ, у насъ—Картушемъ». Книга Гельвеція, несмотря на ея парадоксы и дурной слогъ, имѣла большой успѣхъ въ Европѣ и переведена на всѣ языки, даже на русскій [1]. Авторъ ея былъ особенно ласково принятъ англійскимъ королемъ, но еще больше вниманія оказалъ ему Фридрихъ II, пригласившій его въ Берлинъ, гдѣ философу была отведена квартира во дворцѣ и всякій день мѣсто за королевскимъ столомъ. Но Гельвецій не долго прожилъ у этого деспотическаго либерала и, вернувшись въ свой замокъ, умеръ вскорѣ отъ припадка подагры.

Генерал-прокуроръ, возбуждая преслѣдованіе противъ книги Гель-

[1] „Духъ Гельвеція." Тамбовъ, 1778 года, переводъ В. Д.

веція, назвалъ ее извлеченіемъ изъ «Энциклопедіи», а «Энциклопедію»—позоромъ для націи по причинѣ ея нечестивыхъ принциповъ. Судъ поручилъ комисарамъ разсмотрѣть всѣ семь томовъ, но недовольный ихъ отзывомъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе новой комисіи изъ четырехъ цензоровъ. Но прежде чѣмъ они успѣли представить свое мнѣніе, государственный совѣтъ издалъ декретъ, отмѣнявшій выданную издателямъ привилегію, запрещалъ продажу вышедшихъ уже томовъ и печатаніе послѣдующихъ. Несмотря на этотъ декретъ, печатаніе «Энциклопедіи» не было пріостановлено даже на одну недѣлю; пятьдесятъ наборщиковъ продолжали работать надъ ней безостановочно. Но въ то же время мизантропъ Руссо, жившій тогда въ Монморанси, разорвалъ всѣ сношенія съ энциклопедистами, все изъ за той же статьи о Женевѣ—а д'Аламберъ отказался отъ участія въ ней, измученный придирками, оскорбленіями всякаго рода и пасквилями. Съ другой стороны Вольтеръ упрекалъ Дидеро, зачѣмъ онъ продолжаетъ изданіе, подчиняясь произволу цензоровъ вынося унизительное иго министровъ, духовенства и полиціи. Вольтеръ, объявившій, что «Энциклопедія» будетъ славой Франціи и позоромъ для ея хулителей, доставившій въ первые томы множество статей, указывавшій на ошибки сотрудниковъ, теперь совѣтовалъ Дидеро окончить его предпріятіе въ какомъ нибудь иностранномъ городѣ, чтобы не подвергаться правительственной цензурѣ. Дидеро отвѣчалъ, что отказаться отъ изданія—значило бы «сдѣлать именно то, чего желаютъ преслѣдующіе насъ негодяи», и еще семь лѣтъ продолжалъ трудиться почти безъ выдающихся сотрудниковъ, самъ составляя статьи по всѣмъ предметамъ знаній. Энциклопедистъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, онъ зналъ все и писалъ обо всемъ. Не найдя сотрудника для техническихъ снарядовъ и машинъ, онъ изучилъ механику, никогда не занимавшись прежде этою наукою. Чтобы узнать ея практическую сторону, онъ проводилъ цѣлые дни на фабрикахъ, приказывалъ при себѣ разбирать машины, потомъ складывалъ ихъ, слѣдя за всѣми пріемами рабочихъ, потомъ работалъ самъ, слушалъ указанія мастеровъ, самъ угадывалъ многое. Такимъ образомъ, ознакомившись съ самыми сложными машинами—чулочною и для тканья узорчатаго бархата, онъ выучился ткать полотна, шелкъ и хлопчато-бумажную пряжу и составилъ ясныя и точныя описанія этого производства.

Для того, чтобы не испытать новаго перерыва въ изданіи или захвата его цензурою, Дидеро рѣшилъ издать разомъ всѣ остальные десять томовъ «Энциклопедіи.» Пусть потомъ враги поднялись бы на него разомъ, а враговъ этихъ было не мало, кромѣ цензоровъ и правительственныхъ чиновниковъ. Патеръ Гайеръ написалъ двадцать томовъ подъ названіемъ: «Отмщенная религія или опроверженіе безбожныхъ авторовъ». Помпиньякъ преслѣдовалъ энциклопедистовъ въ академіи, Фреронъ, въ своемъ журналѣ «Литера-

турный годъ», адвокатъ Моро умолялъ правительство обратить на нихъ всю строгость законовъ; банкиръ Палиссо, торговавшій своею женою, вывелъ ихъ на сцену и называлъ глупцами, утверждая, что «часто глупость дѣлаетъ невѣрующимъ». Вольтеръ отвѣчалъ, что еще чаще суевѣріе дѣлаетъ глупцами—и горячо вступился за энциклопедистовъ. Онъ не совѣтовалъ, однако, перенести изданіе въ Берлинъ, потому что тамъ «больше штыковъ, чѣмъ книгъ». Отъ приглашенія Екатерины II кончать «Энциклопедію» въ Петербургѣ—Дидеро отказался самъ. «Мнѣ предлагали, писалъ онъ госпожѣ де Воланъ, полную свободу, защиту, почести, деньги, блестящее положеніе... Во Франціи, въ странѣ цивилизаціи, наукъ, искуства, хорошаго вкуса, философіи—насъ преслѣдуютъ, а тамъ, въ варварскихъ и снѣжныхъ пустыняхъ, намъ протягиваютъ руку помощи и готовятъ дружелюбный пріемъ». Онъ не поѣхалъ въ Россію болѣе потому, что отъѣздъ его могъ раззорить книгопродавца-издателя «Энциклопедіи». Но этотъ же книгопродавецъ отплатилъ Дидеро низкимъ поступкомъ за его великодушіе. Испуганный криками и угрозами, онъ выбрасывалъ изъ коректуръ, подписанныхъ Дидеро, все, что ему казалось рѣзкимъ, и измѣнялъ даже смыслъ статей. А чтобы его не могли уличить въ этомъ варварскомъ поступкѣ, негодяй сжегъ всѣ рукописи и коректуры статей. Убѣдившись въ этомъ, Дидеро пришелъ въ страшное отчаяніе. Онъ плакалъ какъ ребенокъ, въ присутствіи своей семьи, прислуги и вандала-издателя. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль онъ не могъ ни ѣсть, ни спать. Онъ хотѣлъ сначала оставить предпріятіе, извѣстивъ весь міръ о низкомъ обманѣ Лебретона, о безстыдствѣ, которому не было никогда ничего подобнаго. Но съ «Энциклопедіей» соединены были интересы слишкомъ многихъ лицъ—и онъ рѣшился разослать подписчикамъ обезображенное и изуродованное изданіе. На немъ стоялъ однако, какъ мѣсто печати, городъ Невшатель—и охолощенные томы разсылались тайно. Все это не склонило духовенство къ снисхожденію и оно рѣшило осудить «Энциклопедію» особымъ декретомъ. Парламентъ не допустилъ этого не изъ сочувствія къ книгѣ, а изъ вражды къ духовенству. Правительство всетаки издало приказъ, чтобы всякій, получившій «Энциклопедію», представилъ ее въ полицію, откуда книги возвращались владѣльцамъ съ вырѣзками, хотя и незначительными.

Работая болѣе двадцати лѣтъ надъ «Энциклопедіей», Дидеро получилъ за свой трудъ шестьдесятъ тысячъ ливровъ, менѣе двадцати тысячъ серебромъ по нынѣшнему счету. Что же должны были получить его сотрудники, очевидно работавшіе не изъ-за выгодъ и гонорара? Если д'Аламберъ получалъ плату за свое сотрудничество, то ужъ конечно въ ней не нуждались ни Вольтеръ, ни Гельвецій. Послѣдній, какъ мы видѣли, самъ выдавалъ пенсіи писателямъ, а Вольтеръ, нажившійся отъ подрядовъ на армію еще въ войну 1734

года, получалъ во время изданія «Энциклопедіи» до семидесяти тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода. Понятно, что такія лица, внося свои статьи въ изданіе, не нуждались въ вознагражденіи. Почти въ такомъ же положеніи были и другіе энциклопедисты. Баронъ Гольбахъ, сынъ богатаго нѣмецкаго авантюриста, болѣе четверти вѣка собиралъ въ своихъ салонахъ цвѣтъ тогдашней интелигенціи. Тратя свое состояніе на добрыя дѣла и на угощеніе свободныхъ мыслителей, баронъ Гольбахъ прежде всего прославился въ Парижѣ своими обѣдами. Но онъ въ то же время былъ философомъ и, какъ философъ богатый, смѣлѣе другихъ возставалъ противъ христіанства и проповѣдовалъ матеріализмъ. Въ «Энциклопедіи» онъ писалъ статьи по физикѣ, химіи и минералогіи. Отдѣльно онъ издалъ подъ псевдонимомъ «La Christianisme devoilé» книгу, полную рѣзкихъ нападковъ, и «L'ésprit du clergé», сожженую рукою палача. Но главное сочиненіе его—«Система природы». Морлей называетъ эту книгу «громоносною машиною бунта и разрушенія», и утверждаетъ, что не только многія изъ высказанныхъ въ ней идей, но и цѣлыя страницы ея принадлежали непосредственно Дидеро. Это доказывается тѣмъ, что когда книга возбудила огромный крикъ негодованія, Дидеро уѣхалъ на морскія купанья, чтобы бѣжать за-границу, при первомъ извѣстіи о взятіи его подъ стражу. Главная мысль книги та, что вселенная—не что иное, какъ пришедшая въ движеніе матерія. То, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ со смертью тѣла, точно такъ, какъ прекращается музыка, когда струны лопнутъ. Прежде всего возсталъ противъ книги Гольбаха Вольтеръ. Онъ написалъ противъ нея возраженіе въ статьѣ «Dieu» своего «Философскаго лексикона» и сообщилъ объ этомъ своему старому покровителю герцогу Ришельё, прося довести до свѣдѣнія короля слова философа, что «всегда полезно поддерживать ученіе о существованіи Бога, отъ котораго исходятъ наказанія и награды; общество нуждается въ такомъ понятіи». Фридрихъ II, уже замышлявшій раздѣлъ Польши, также нашелъ время написать статью въ защиту деизма и Вольтеръ писалъ ему: «это хорошій знакъ, когда какой нибудь король сходится въ мнѣніяхъ съ простымъ смертнымъ; ихъ интересы такъ часто бываютъ противоположны, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они думаютъ одинаково, они не могутъ ошибаться». Еще болѣе чѣмъ нападками на католицизмъ книга Гольбаха возбудила вниманіе нападками на власть. Тогдашнее печальное положеніе Франціи возбуждало народъ противъ его правителей, а Гольбахъ писалъ объ нихъ: «люди находятся подъ игомъ такихъ лицъ, которыя пренебрегаютъ образованіемъ народа, стараясь только о томъ, чтобы провести его и надуть; это лица несправедливыя, неспособныя, изнѣженныя роскошью, испорченныя лестью, развратившіяся отъ своеволія и безнаказанности, не отличающіяся ни талантами, ни добродѣтелями; нравственность народа вездѣ въ совер-

шенномъ пренебреженіи; заботятся только о томъ, чтобы сдѣлать управляемыхъ боязливыми и подлыми». Понятно, что такія идеи не могли нравиться властямъ и книги Гольбаха сожигали и уничтожали, но онъ упорно продолжалъ распространять ихъ, составляя популярныя изданія, и умеръ въ первый годъ революціоннаго движенія, въ 1789 году.

Идеи «Энциклопедіи» высказывались даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя не имѣли къ ней, повидимому, никакихъ отношеній. Такова была «Философская и политическая исторія Индіи» абата Рейналя, въ молодости нанимавшагося служить обѣдни за восемь су, нажившаго потомъ неизвѣстными путями большое богатство, но употреблявшаго его на добрыя и хорошія дѣла. По крайней мѣрѣ, цѣлую треть составленной имъ огромной исторіи Индіи приписывали Дидеро и онъ несомнѣнно принималъ въ ней участіе. Но въ эту эпоху личность автора постоянно отодвигалась на второй планъ. Книги выходили подъ псевдонимомъ или анонимомъ, благодаря постоянной необходимости скрывать свое имя отъ преслѣдованій. Авторы заботились только о томъ, чтобы читали написанное ими, а не о томъ, чтобы знали, кто именно написалъ книгу. Дидеро не придавалъ никакой цѣны своимъ лучшимъ произведеніямъ. Вольтеръ энергично отрекался чуть-ли не отъ половины написаннаго имъ. Тюрго и другіе, менѣе замѣчательные сотрудники «Энциклопедіи», ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы имена ихъ не оглашались. Книга Рейналя, сожженная палачомъ на эшафотѣ, имѣла болѣе двадцати изданій и множество перепечатокъ. Фридрихъ II, начавъ читать ее, нѣсколько дней сряду, въ заобѣденныхъ бесѣдахъ со своими приближенными, отзывался объ ней съ восторгомъ, но вдругъ пересталъ вовсе говорить объ ней, когда дошелъ до обращенія къ нему автора, расхвалившаго его какъ короля-воина, но замѣтившаго, что «есть еще другое, болѣе славное названіе—короля-гражданина». Далѣе авторъ нападалъ на Фридриха за то, что онъ хранитъ деньги въ военной кассѣ вмѣсто того, чтобы пускать ихъ въ обращеніе, что онъ допустилъ насиліе и произволъ администраціи и обременяетъ народъ чрезмѣрными налогами. «Дерзни предпринять еще болѣе великое дѣло—такъ оканчивалъ авторъ свое обращеніе:—дай міру покой!» Историческая часть книги Рейналя очень слаба, въ ней много декламацій и сентиментальности, но горячія выходки противъ рабства, злодѣйства колонизаторовъ и миссіонеровъ, злоупотребленій религіи и властей сдѣлали ее популярною. Она замѣчательна въ особенности страстнымъ влеченіемъ къ справедливости и свободѣ, требованіемъ равныхъ правъ для всѣхъ гражданъ. Рейналь дожилъ до самыхъ мрачныхъ дней революціи и, послѣ попытки короля бѣжать изъ Франціи, обратился съ смѣлымъ письмомъ въ защиту Людовика XVI къ Національному Собранію. Робеспьеръ по прочтеніи этого письма замѣтилъ, что преклонныя

лѣта автора служатъ оправданіемъ его отступничества. Собраніе перешло къ очередному порядку. Рейналь потерялъ все въ эпоху революціи и умеръ въ крайней бѣдности въ 1796 году.

Къ энциклопедистамъ принадлежали, въ ту эпоху, всѣ лучшія, интелигентныя силы Франціи, но многихъ лицъ, участвовавшихъ въ изданіи «Энциклопедіи» нельзя было причислить къ этой партіи, девизомъ которой было: обновленіе общества на основаніи науки и разума. Къ такимъ лицамъ принадлежали Тюрго, Бюфонъ, нѣмецкій физіологъ Галлеръ, Лагарпъ, Гриммъ, Дюкло, политико-экономистъ Кене, Мармонтель, Ла-Кондаминъ, Лангле дю-Френуа и др. Всѣ они были сотрудниками «Энциклопедіи», не раздѣляя ея направленія и идей. Зато другіе, мало писавшіе въ ней, были, по духу своихъ произведеній, настоящими энциклопедистами, хотя во многомъ не соглашались съ Дидеро, какъ Вольтеръ, и даже разорвали съ нимъ всѣ связи, какъ Руссо. Но оцѣнка значенія этихъ корифеевъ энциклопедизма заставила бы значительно расширить размѣры этой статьи, и потому мы напомнимъ только о судьбѣ менѣе извѣстныхъ дѣятелей этой партіи, распространявшихъ ея принципы.

Глава французской школы сенсуалистовъ, Кондильякъ, училъ, что всѣ способности души, какъ и всѣ идеи, не болѣе какъ измѣненныя ощущенія; единственный путь къ знанію—анализъ. Главныя сочиненія его «Опытъ о происхожденіи человѣческихъ знаній», «Трактатъ объ ощущеніяхъ», «Логика». Еще дальше пошелъ на этомъ пути его послѣдователь, докторъ Кабанисъ, профессоръ медицины въ Парижѣ. Въ своемъ сочиненіи «Отношенія между физической и нравственной жизнью человѣка», онъ приходитъ къ заключенію, что моральныя способности происходятъ отъ физическихъ, что онѣ однѣ и тѣ же и разнятся только, если на нихъ смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Богатое замѣчательными физіологическими наблюденіями сочиненіе это имѣло огромный успѣхъ [1]. Къ этой же школѣ принадлежалъ и Ламметри, докторъ и философъ; онъ написалъ «Естественную исторію души»—результатъ наблюденій надъ самимъ собою, во время продолжительной болѣзни. За эту книгу его исключили изъ факультета французскихъ докторовъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ Голандію, гдѣ написалъ второе сочиненіе—«Человѣкъ—машина», за которое его изгнали и изъ Голандіи. Онъ удалился тогда въ Пруссію, гдѣ Фридрихъ II приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ членомъ академіи. Въ Берлинѣ онъ написалъ «Человѣкъ—растеніе», «Метафизическая Венера или источникъ души», «Искуство наслаждаться». Въ своихъ сочиненіяхъ онъ доказывалъ, что душевныя явленія вполнѣ подчиняются органамъ тѣла, и признавалъ родство человѣка съ обезьяной. Онъ умеръ рано, отъ истощенія силъ, вслѣдствіе разгульной жизни—и

[1]) П. А. Бибиковъ перевелъ это сочиненіе въ 1865 году.

Фридрихъ написалъ ему надгробную рѣчь. Маркизъ Сен-Ламберъ былъ поэтъ и философъ. Мысли свои онъ изложилъ въ сочиненія «Всеобщій катихизисъ». Основными законами, руководящими всѣми нашими поступками, онъ считаетъ ощущенія радости и горя, стремленіе къ первой и желаніе избѣжать второго. Однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ противниковъ стараго порядка былъ Вольней, авторъ книги, надѣлавшей много шума,—«Развалины или размышленія о переворотахъ въ государствахъ». Главная мысль книги въ томъ, что всѣ несчастія людей происходятъ отъ того, что они оставили естественную религію. Человѣкъ управляется естественными законами и самъ устраиваетъ свою судьбу. Первобытныя общества процвѣтали, но погибли вслѣдствіе преобладанія деспотизма и теократіи. «Небольшое число разбойниковъ пожираетъ массу и масса позволяетъ пожирать себя, не думая о своемъ могуществѣ». Книга Вольнея была переведена на всѣ языки и, даже на арабскій. Впослѣдствіи онъ присоединилъ къ ней «Естественный законъ или катихизисъ французскаго гражданина». Цѣль этого закона—сохраненіе и улучшеніе человѣческаго рода. Нравственность утверждена на основахъ, не зависящихъ ни отъ какой религіи. Добродѣтель—исполненіе такого дѣйствія, которое приноситъ пользу какъ частному, такъ и общему. Всѣ общественныя добродѣтели только различныя формы справедливости, направляющей человѣка къ равенству, свободѣ и собственности. Вся мудрость заключается въ высочайшемъ законѣ жизни: «живи для своего ближняго, чтобъ и ближній жилъ для тебя». Во время терора Вольней просидѣлъ восемь мѣсяцовъ въ тюрьмѣ и спасся отъ гильотины только казнью Робеспьера. Потомъ онъ читалъ лекціи исторіи, путешествовалъ по Америкѣ, сошелся съ Наполеономъ, но отказался принять отъ него портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Еще раньше, получивъ медаль отъ Екатерины за сочиненіе «О войнѣ турокъ съ Россіей», онъ отослалъ обратно эту медаль, когда Россія объявила себя противницей Франціи.

Кромѣ Вольнея, революцію и имперію пережилъ Мореле, писавшій въ «Энциклопедіи» статьи, о христіанской религіи совершенно въ томъ же духѣ, какъ объ ученіи Брамы и Магомета. Но три энциклопедиста пали жертвою революціи. Добродушный астрономъ буржуа Бальи отъ души содѣйствовалъ униженію и уничтоженію дворянства, но когда его сдѣлали парижскимъ меромъ, преслѣдовалъ безъ пощады демократовъ, требовавшихъ въ 1791 году низверженія Людовика XVI-го. Когда его везли на гильотину въ холодное ноябрское утро 1793 года, одинъ изъ палачей замѣтилъ ему: «ты однако дрожишь!»—Да, только это отъ холода,—отвѣчалъ астрономъ. Побочный сынъ вельможи Шамфоръ блисталъ въ свѣтѣ остроуміемъ и рѣзкими нападками на большой свѣтъ, который онъ ненавидѣлъ, хотя всѣ носили его на рукахъ

Въ революцію онъ примкнулъ къ якобинцамъ и на упреки Мармонтеля въ пролитіи крови, сказалъ ему: «а вы хотите революцію на розовой водѣ». Онъ первый произнесъ кличъ: «война дворцамъ, миръ хижинамъ!» но во время терора сдѣлался подозрительнымъ якобинцамъ, которыхъ осыпалъ насмѣшками. «Видя этихъ людей, говорилъ онъ, надо, чтобы сердце разорвалось или окаменѣло» (se brise ou se bronze). Когда ему говорили, что это—большинство, онъ спрашивалъ: «а сколько надо дураковъ, чтобы составилось большинство?» Формулу равенства онъ опредѣлялъ такъ: «будь мнѣ братомъ—или я убью тебя». Комитетъ общественнаго спасенія арестовалъ его, но черезъ нѣсколько дней выпустилъ. Шамфоръ далъ слово, что онъ не позволитъ вторично покуситься на свою свободу— и когда снова явились вести его въ тюрьму, онъ выстрѣлилъ себѣ въ лобъ изъ пистолета, но пуля оторвала только кончикъ носа и вышибла глазъ. Тогда онъ схватилъ бритву и нанесъ себѣ ею нѣсколько ранъ въ грудь. Его остановили и онъ объявилъ, что, какъ свободный человѣкъ, не пойдетъ добровольно въ тюрьму и убьетъ себя при первой возможности. Онъ и умеръ вслѣдствіе этихъ попытокъ на самоубійство. Если Шамфора сдѣлало революціонеромъ презрѣніе къ людямъ, то Кондорсе присоединился къ приверженцамъ революціи во имя неиспорченности человѣческой природы. Ученый математикъ, сдѣланный членомъ академіи за труды по интегральному счисленію, онъ перенесъ математическую логику на почву политической экономіи. Главная мысль его сочиненія «Очеркъ прогреса человѣческаго разума» — безконечное совершенствованіе человѣка, какъ индивидуума, какъ члена расы. Кондорсе полагаетъ, что человѣчество идетъ къ такому порядку вещей, при которомъ сгладятся всѣ различія; всѣ будутъ равны по уму, образованію, остроумію и талантамъ; національностей не будетъ, не будетъ болѣе никакого побужденія ни къ героизму, ни къ самопожертвованію, ни къ доблести; это идеальный бытъ человѣка и для скорѣйшаго достиженія этого идеала можно жертвовать не только жизнью, но и совѣстью. Принадлежа къ партіи жирондистовъ, онъ скрылся послѣ ихъ казни и восемь мѣсяцовъ провелъ у любимой имъ женщины; но чтобы не компрометировать ее, оставилъ свое убѣжище, былъ схваченъ и отравился въ тюрьмѣ, чтобы не идти на гильотину.

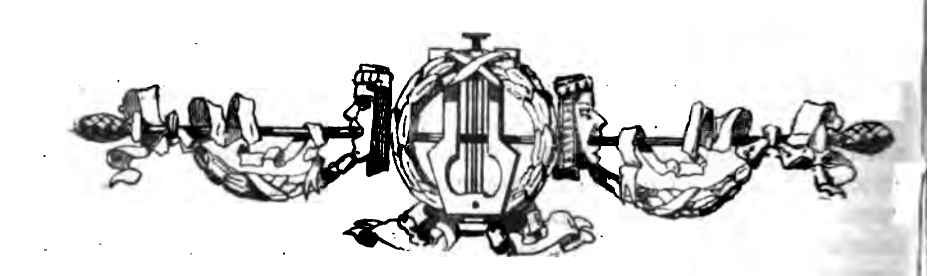
Вотъ каковы были эти люди, о которыхъ Фридрихъ II, оскорбленный тѣмъ, что они не уважали его, отзывался такъ: «энциклопедисты — это люди, принадлежащіе къ партіи такъ называемыхъ философовъ и считающіе себя выше всѣхъ». Но развѣ они и въ дѣйствительности были не выше окружающихъ ихъ лицъ, по познаніямъ, по дарованію, по твердости принциповъ и характера? Развѣ съ ними могутъ сравниться ихъ противники и порицатели? Очеркъ нашъ даетъ только слабое понятіе объ ихъ зна-

ченіи, вліяніи, о заслугахъ ихъ передъ человѣчествомъ на поприщѣ науки и прогреса. Морлей говоритъ подробно только о трехъ энциклопедистахъ, кромѣ Дидеро, образъ котораго является вполнѣ цѣлымъ и законченнымъ въ книгѣ англійскаго критика, тогда какъ мы должны были говорить, держась въ тѣсныхъ рамкахъ нашего очерка, только о его отношеніяхъ къ энциклопедіи. Мы не разбирали даже ея статей, что принудило бы насъ выдти изъ начертанныхъ нами предѣловъ. Имѣя въ виду набросать картину господства энциклопедизма въ прошломъ вѣкѣ, въ виду развитія журнализма въ нынѣшнемъ, мы указали на черты сходства этихъ двухъ явленій, но между ними существуетъ и различіе въ степени значенія лицъ, принадлежащихъ къ обѣимъ партіямъ. Дидеро еще могъ быть энциклопедистомъ въ научномъ значеніи этого слова, хотя и въ его время знакомство со всѣми науками, даже только въ главныхъ ихъ отрасляхъ, было явленіемъ рѣдкимъ. Въ наше время оно невозможно, до того расширилась область знаній въ XIX вѣкѣ. Но энциклопедистъ этого вѣка—журналистъ—долженъ быть знакомъ если не съ частностями, то съ общими результатами наукъ. Ему не нужно теперь—мы говоримъ, конечно, о странахъ, гдѣ цивилизація достигла извѣстнаго уровня — доказывать вліянія науки, необходимость на ней одной основывать учрежденія, вѣрованія обществъ и вообще ихъ развитіе,—все это уже сдѣлано энциклопедизмомъ,—но солидарный съ нимъ журнализмъ долженъ поддерживать между своими членами ту же связь, то же единеніе въ главныхъ мысляхъ и цѣляхъ, какое существовало между единомышленниками Дидеро. Къ сожалѣнію, солидарность между современными журналистами, явленіе рѣдкое—даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ имъ ненадобно отстаивать свое существованіе отъ явныхъ и тайныхъ враговъ.

Но въ то время, когда энциклопедистъ XVIII-го вѣка жилъ только для своей идеи, работалъ только для ея осуществленія, журналистъ нашего времени часто слѣдуетъ парадоксу, высказанному однимъ изъ нихъ: «литература ведетъ ко всему—подъ условіемъ отказаться отъ нея, достигнувъ цѣли». Въ самомъ дѣлѣ, многіе ли изъ журналистовъ остаются вѣрны своему званію до конца жизни? Но зато многіе ли изъ выдающихся людей нашего вѣка достигли извѣстности, не пройдя черезъ горнило журналистики? Ограничившись одною Франціею, гдѣ родились энциклопедизмъ и журнализмъ, мы видимъ, что въ этой странѣ не было почти ни одного сколько нибудь замѣчательнаго дѣятеля, который не былъ бы журналистомъ, начиная съ Теофраста Ренодо, основателя журнализма. Во время монархіи даже цензора, какъ Сюардъ, абатъ Арно, Моренъ, были журналистами. Но это ненормальное соединеніе волка и овцы въ одной кожѣ было явленіемъ исключительнымъ. Революція выдвинула на поприще не только литературной, но и обще-

ственной дѣятельности такихъ лицъ, какъ Камиль Демуленъ, Бриссо, Кондорсе, Барреръ, Лустало, Андрей Шенье. Безцвѣтная журналистика имперіи, подавленная военнымъ и цензурнымъ деспотизмомъ, не дала ни одного выдающагося дѣятеля; но съ эпохи реставраціи журнализмъ занялъ преобладающую роль даже въ управленіи страною. Шатобріанъ, Бенжамен-Констанъ, Бёньо, Лалли Толандаль были журналистами. При Луи-Филиппѣ имя ихъ—легіонъ. Это—Тьеръ, Минье, Арманъ Карель, Ламене, Поль Курье, Эмиль Жирарденъ, Луи Бланъ, Прудонъ, это—сотни лицъ, управлявшихъ и управляющихъ дѣлами страны и при третьей республикѣ. Съ ними принуждена была считаться и позорная вторая имперія, погибшая столько же отъ своихъ ошибокъ, какъ и отъ общественнаго презрѣнія, поддерживаемаго журналистикой, игравшей значительную роль въ паденіи бурбоновъ, орлеановъ и наполеонидовъ. Въ другихъ странахъ она не имѣетъ политическаго значенія, но ея вліяніе на общество неоспоримо.

Вл. Зотовъ.



АЛЕКСАНДРОВА ДАЧА.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, на пограничной окраинѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, была выстроена, по приказанію императрицы Екатерины II-й, дача и при ней разбитъ весьма красивый садъ. Дача эта предназначалась государыней для ея любимаго внука—великаго князя Александра Павловича и была названа въ честь его Александровою.

Вскорѣ, однако, подаренная воспитателю великаго князя генералъ-аншефу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, дача эта на планѣ Павловска 1789 года именуется уже «Салтыковскою мызою». Въ позднѣйшіе годы, переходя отъ владѣльца къ владѣльцу, она куплена великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, но до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ одного изъ послѣднихъ ея обладателей, именно «Анненковой дачи».

Въ настоящее время, отъ Александровой дачи не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ; только въ отдаленной части сада, на холмѣ, у оврага, въ концѣ длинной дорожки, еще высится небольшой храмикъ «Розы безъ шиповъ»: семь колоннъ поддерживаютъ круглый куполъ, внутри котораго замѣтны остатки живописи и фресокъ. Но въ началѣ 1790-хъ годовъ, «Александрова дача» служила предметомъ восторженныхъ похвалъ посѣтителей и тогда-же воспѣта въ особой поэмѣ, посвященной императрицѣ. Эта поэма подъ заглавіемъ: «Александрова, увеселительный садъ вел. кн. Александра Павловича», произведеніе С. Джунковскаго, составляетъ большую

Заглавный листъ къ поэмѣ „Александрова дача“.

библіографическую рѣдкость, хотя и была издана два раза: въ 1793 г. въ Петербургѣ и въ 1810 г. въ Харьковѣ; оба изданія въ листъ; къ послѣднему приложены четыре гравюры, уменьшенныя копіи съ которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь [1]). Три изъ нихъ изображаютъ виды Александрова, а на четвертой, составляющей заглавный листъ поэмы, представленъ графъ Н. И. Салтыковъ; онъ повѣсилъ на сукъ вѣтвистаго дерева свои ордена и ленты и, взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пашетъ землю,— аллегорическое изображеніе его дѣятельности, какъ воспитателя ве-

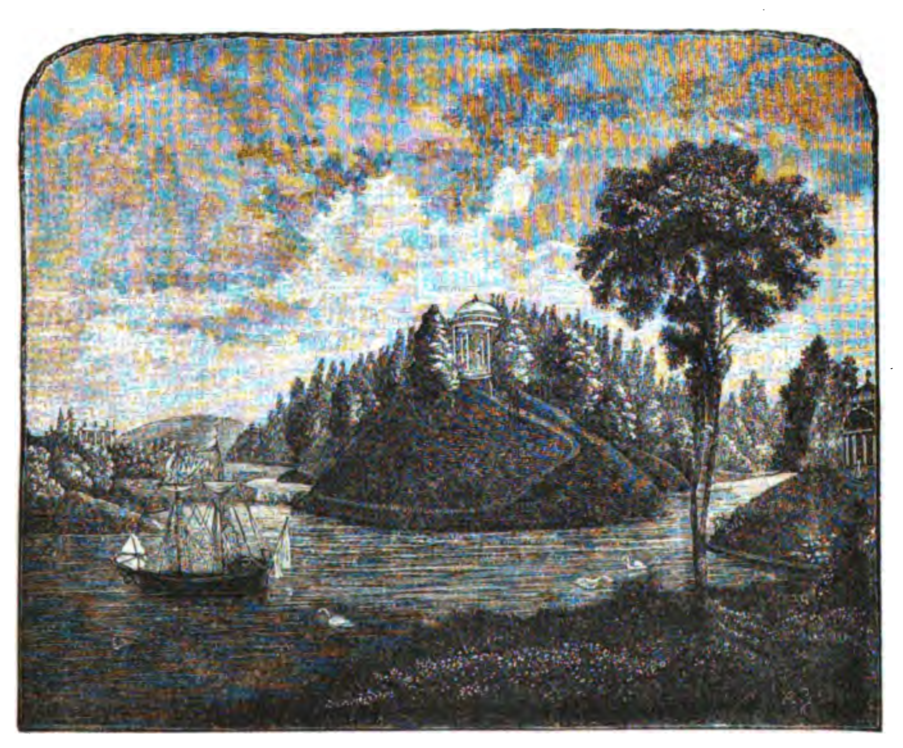
Видъ дома и грота на дачѣ Александрова.

ликихъ князей. Надъ нимъ паритъ голубь и яркое солнце освѣщаетъ вдали, на горѣ, храмъ Фелицы, подъ жертвенникомъ котораго курится фиміамъ. Поэма Джунковскаго была издана также и во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ извѣстнымъ Массономъ.

[1]) Мы пользовались экземпляромъ поэмы, находящимся въ библіотекѣ Д. Ѳ. Кобеко. Сверхъ того, мы заимствовали для описанія Александровой дачи свѣдѣнія, находящіяся въ примѣчаніяхъ академика Я. К. Грота къ первому тому «Сочиненій Державина» и въ книгѣ «Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе», составленной по порученію в. к. Константина Николаевича въ 1877 году.

По мысли в. к. Александра Павловича, дача Александрова должна была служить какъ бы живою иллюстраціею къ нравоучительной сказкѣ его державной бабки о «Царевичѣ Хлорѣ», которая, въ свою очередь, вдохновила Державина написать оду «Фелицѣ».

Авторъ поэмы «Александрова» говоритъ въ предисловіи, обращенномъ къ Екатеринѣ II-й, что великій князь



Видъ храма Фелицы на дачѣ Александрова.

«Яко начальникъ россійскаго юношества и предшественникъ великихъ плодовъ Твоего матерняго о всеобщемъ воспитаніи попеченія, восчувствовавъ особливо высокость и справедливость мыслей въ одной изъ начертанныхъ Тобою притчей, называемой «Царевичъ Хлоръ», восхотѣлъ представить оную въ расположеніи своего увеселительнаго сада. Въ самой природѣ онъ соорудилъ себѣ всегдашній памятникъ принятаго отъ Тебя воспитанія и примѣръ юношамъ, любящимъ видѣть пріятность, соединенную съ наставленіемъ».

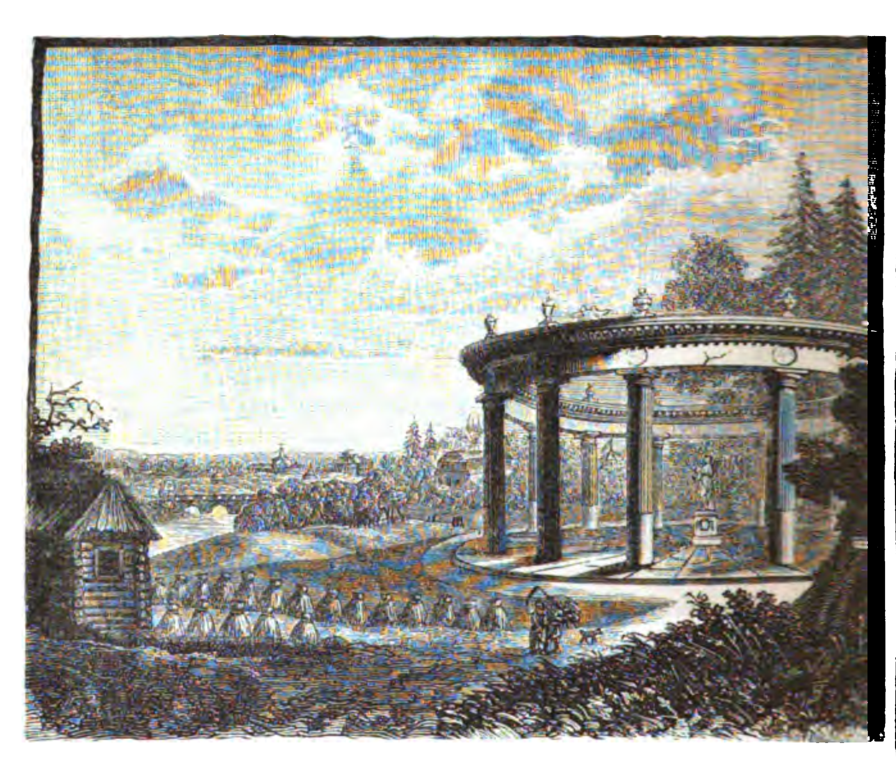
Въ стихахъ, впрочемъ довольно плохихъ, авторъ поэмы «Александрова» описываетъ дачу и садъ. Изъ этого описанія видно, что домъ великаго князя Александра Павловича стоялъ на крутомъ берегу и близъ него находился шатеръ съ золотымъ верхомъ.

«Въ усыпанномъ вокругъ цвѣтами полѣ,
«Надъ берегомъ крутымъ воздвиженъ домъ.

«Какъ у Киргизскихъ рѣкъ на злачномъ долѣ
«Поставленъ со златымъ шатеръ верхомъ.

Къ дому вела прямая, недлинная аллея, обсаженная цвѣтами; она неожиданно обрывалась за поворотомъ, и дорога вела на поле и въ лѣсъ.

«Прекрасный входъ дорога открываетъ,
«Полна цвѣтовъ, и кратка, и пряма,
«Блаженну жизнь младенцевъ представляетъ;
«Забавы ихъ премудрость чтитъ сама,
«Но вдругъ, поворотясь, стезя пестрѣетъ,
«Тамъ нѣжные цвѣты, тамъ тѣнь имѣетъ,
«Излучисто предходятъ поле, лѣсъ.



Видъ храма Цереры на дачѣ Александрова.

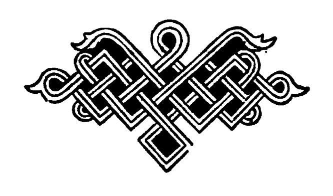
Дорога слѣдовала черезъ мостъ, украшенный трофеями, по полю, на которомъ возвышался павильонъ, расписанный изображеніями богатствъ; за павильономъ—нива, на ней хижина, а напротивъ ея каменная глыба съ надписью: «храни златые камни» — символъ «незыблемой основы благосостоянія Россіи при Екатеринѣ II-й», т. е. ея «Наказа». Нива прилегала къ «Храму Цереры». За этимъ храмомъ—водный ключъ, посвященный имени великой княгини Ма-

ріи Өедоровны; близъ его пещера нимфы Эгеріи, мудрой наставницы римскаго царя Нумы Помпилія. Отсюда, длинная аллея мимо каскада вела къ высокому крутому холму, гдѣ находился «Храмъ розы безъ шиповъ», остатки котораго, какъ уже сказано выше, сохранились до сихъ поръ. По срединѣ этого храма возвышался алтарь, а на немъ стояла урна съ «розою безъ шиповъ». Плафонъ былъ расписанъ фресками, изображающими Петра Великаго, смотрящаго съ высоты небесъ на «блаженствующую Россію», которая, окруженная символами богатства, наукъ и промышленности, опирается на щитъ съ изображеніемъ «Фелицы», т. е. Екатерины II-й. Здѣсь же орелъ «ломаетъ когтями рога луны», трофеи, трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. У подножія храма было большое озеро, образовывавшее извилистые протоки и заливы; на озерѣ плавали небольшія суда. Въ концѣ тѣнистаго лѣса возвышался храмъ «Флоры и Помоны».

Этотъ садъ императора Александра I въ первые годы царствованія еще сохранялъ прежній видъ; потомъ началъ постепенно приходить въ запустѣніе; штукатурка храмовъ и ихъ облицовка пообсыпались; воды изсякли; аллеи заросли травою; холмы обвалились. Озеро, разстилавшееся у подножія холма и храма «розы безъ шиповъ», представляетъ нынѣ лишь глубокую котловину, заросшую кустарникомъ.

Вѣроятно, существовали какія-нибудь причины, по которымъ «Александрова дача» вскорѣ послѣ ея постройки была пожалована Салтыкову и затѣмъ предана жалкому забвенію, такъ, что если-бъ Джунковскій не сочинилъ своей поэмы и не приложилъ бы къ ней рисунковъ, мы не имѣли бы никакого понятія объ этой оригинальной иллюстраціи «Сказки о царевичѣ Хлорѣ».

С. Ш.



МАРІЯ СТЮАРТЪ

по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

(Статья Вильяма Пьерсона).

Новѣйшія историческія изслѣдованія лишили насъ многихъ пріятныхъ иллюзій. Публика, почерпающая свои историческія свѣдѣнія напр. изъ трагедій Шиллера, врядъ ли будетъ довольна историкомъ, если онъ скажетъ ей, что Телль, Геслеръ и клятва въ Рютли—чистѣйшія выдумки, что Донъ-Карлосъ, сынъ Филиппа испанскаго, былъ въ дѣйствительности пустой, полусумасшедшій человѣкъ. Но иногда исторія даетъ намъ пріятные сюрпризы. Кто не знаетъ шиллеровской Маріи Стюартъ? Историческая критика сняла съ этого свѣтлаго образа пятно, лежавшее на немъ цѣлыя столѣтія.

Англійскіе, французскіе и нѣмецкіе историки за послѣднія десятилѣтія нашли новый матеріалъ и переработали старый; результатами ихъ изслѣдованій явилось убѣжденіе, что Марія Стюартъ была въ дѣйствительности лучше своей репутаціи и много лучше, чѣмъ думалъ Шиллеръ. То, что онъ считалъ достовѣрнымъ—будто она знала, напримѣръ, о насильственной смерти своего мужа и добровольно вышла замужъ за убійцу, теперь оказалось несправедливымъ.

Прослѣдимъ бѣгло исторію ея жизни, какъ она представляется по новѣйшимъ источникамъ.

Марія Стюартъ была шестилѣтней дѣвочкой (родилась 7-го декабря 1542 г., въ Линлитгау, близъ Эдинбурга), когда умеръ ея отецъ, Яковъ V, и она сдѣлалась шотландской королевой. Каково

было это наслѣдство, можно судить по тому, что пять послѣднихъ шотландскихъ королей, ея предшественниковъ, всѣ кончили несчастливо: двое (Яковъ II и IV) были убиты на войнѣ, двое другихъ (Яковъ I и III) пали отъ руки убійцъ и, наконецъ, послѣдній, отецъ Маріи, не могъ пережить позорнаго пораженія на полѣ битвы. Сильная, надменная шотландская аристократія и честолюбивый, могущественный сосѣдъ — вотъ враги, отравлявшіе жизнь Стюартамъ.

Борьба разныхъ партій, вѣчно раздиравшихъ Шотландію, отдала регентство и опеку надъ малолѣтней Маріей ея матери, лотарингской принцессѣ Маріи Гизъ, женщинѣ умной и ловкой, съумѣвшей сохранить за собой это положеніе до самой смерти. Шестилѣтнюю дочь свою она отослала во Францію, гдѣ та и воспитывалась при дворѣ Генриха II и Катерины Медичи. Французскій дофинъ былъ товарищемъ ея дѣтскихъ игръ.

Тамъ выросла Марія и тамъ же получила то утонченное образованіе, которымъ отличался дворъ при Медичисахъ. Ея любимыми занятіями были музыка и поэзія, къ чему у нея были несомнѣнныя способности. Кромѣ того, она восхитительно танцовала и была смѣлой и ловкой наѣздницей. Изъ нея вышла красивая, обворожительная дѣвушка, съ большими темными глазами, то нѣжными и ласкающими, то сверкавшими огнемъ, съ золотисто-бѣлокурыми волосами, съ нѣжнымъ румянцемъ на лицѣ и удивительно изящными руками. На шестнадцатомъ году она вышла замужъ за дофина, который былъ годомъ моложе ея, и вслѣдъ затѣмъ оба они вступили на французскій престолъ.

Это было самое счастливое время ея жизни, но оно длилось недолго: черезъ годъ, мужъ ея, Францискъ II, умеръ. Это была довольно ничтожная личность: маленькое, болѣзненное, необыкновенно застѣнчивое и очень добродушное существо. Она непритворно оплакивала этого друга своей ранней юности. Съ нимъ она теряла блестящую корону и свою вторую родину. Катерина Медичи, назначенная тогда регентшей, не любила ее, а въ Шотландіи умерла ея мать и надо было отправляться въ суровый, полу-варварскій сѣверъ.

15-го августа, 1561 г., она сѣла въ Кале на корабль, который долженъ былъ отвезти ее въ Шотландію. Съ глазами полными слезъ стояла она на палубѣ и смотрѣла на убѣгавшіе въ даль берега дорогой Франціи, посылая ей свое послѣднее прости. До поздней ночи не сходила она съ этого мѣста; на морѣ дулъ слабый вѣтерокъ; земля все еще была видна. Ее спрашивали, не желаетъ ли она сойти въ каюту и поужинать, но она отказалась и велѣла приготовить себѣ постель на палубѣ. На разсвѣтѣ ее должны были разбудить, если бы французскій берегъ все еще былъ виденъ. Желаніе ея было исполнено. Съ первымъ солнечнымъ лучемъ увидала она въ послѣдній разъ страну своей молодости, своего счастья.

— Прощай, Франція! воскликнула она.—Все кончено! Прощай, Франція! Я думаю, что никогда больше не увижу тебя.

Послѣ пятидневнаго плаванія, она вышла на берегъ въ Лейтѣ, эдинбургской гавани, и оттуда верхомъ проѣхала въ старинный королевскій замокъ Голирудъ. Были уже сумерки; на всѣхъ окрестныхъ холмахъ зажглись въ честь ея огни, а на улицахъ гремѣла музыка. Условія, при которыхъ эта 18-ти-лѣтняя женщина вступила на престолъ, не обѣщали ей счастливаго будущаго. Она была и желала остаться католичкой, но большинство ея подданныхъ перешло въ протестантство и отличалось страстной преданностью своей новой вѣрѣ. Страшный контрастъ въ тѣ времена постоянныхъ религіозныхъ войнъ!

Что принесла шотландцамъ новая королева? Довольно свѣтлый умъ, любящее сердце и веселый нравъ. Можетъ быть, этого и было бы достаточно, если-бъ народъ былъ ей искренно преданъ, а ея приближенные заслуживали довѣрія. Но вся высшая знать, за немногими исключеніями, руководилась только самымъ узкимъ эгоизмомъ и представляла какую-то смѣсь цивилизаціи и варварства, грубости и лукавства. А ближайшіе совѣтники королевы, лорды Муррей и Майтлендъ, были измѣнниками. Муррей былъ ея сводный братъ, незаконный сынъ Якова V; она любила его, какъ родного и тѣмъ горячѣй, что хотѣла видѣть въ немъ портретъ своего покойнаго отца, котораго совсѣмъ не знала. Она осыпала его милостями и довѣрялась ему вполнѣ; тѣмъ не менѣе, онъ ее обманывалъ и, давая ей совѣты, думалъ только о своихъ выгодахъ. Черезъ нее онъ надѣялся захватить въ свои руки власть. Онъ этого и достигъ, а она погибла. Майтлендъ, ея первый министръ, игралъ такую же роль. Прикидываясь вѣрнымъ слугой ея, онъ всегда готовъ былъ перейти на сторону ея враговъ, когда разсчитывалъ, что это будетъ для него выгодно.

А враговъ у нея было не мало какъ въ Шотландіи, такъ и за-границей. Въ собственной странѣ возстали противъ нея рьяные протестанты, желавшіе, чтобы королева перешла въ ихъ вѣру. Когда желаніе это оказалось несбыточнымъ, они стали смотрѣть на нее, какъ на врага. Фанатики, въ родѣ Кнокса, раздували это пламя. Съ первыхъ же дней кальвинисты загремѣли съ каѳедръ противъ королевы папистки.

— Я готовъ скорѣе—говорилъ Кноксъ—видѣть въ моей странѣ десятитысячную непріятельскую армію, чѣмъ эту идолопоклонницу, вмѣстѣ съ которой вернулась къ намъ католическая обѣдня.

Сильно громилъ онъ и образъ жизни молодой королевы. Она любила весело пожить, любила празднества, игры. Для мрачнаго пуританина невыносимъ былъ всякій смѣхъ и шутки; самый невинный маскарадъ казался ему дьявольскимъ навожденіемъ. Ни въ чемъ серьёзномъ онъ не могъ упрекнуть Марію. Она жила ве-

село, но честно; очень ошибались тѣ, которые въ ея живомъ и довѣрчивомъ обращеніи видѣли распущенность, безнравственность женщины.

Одинъ изъ молодыхъ французовъ убѣдился въ этомъ, къ несчастію для себя. Это былъ нѣкто Кастелярь, потомокъ Баярдовъ.

Марія Стюартъ 33 лѣтъ.

Съ рѣдкаго современнаго гравированнаго портрета находящагося въ собраніи князя Лобанова-Ростовскаго.

Явившись въ Шотландію, онъ скоро влюбился въ молодую, красивую королеву. Своими талантами и рыцарскимъ обращеніемъ онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ ею милостиво принятъ; она охотно танцовала съ намъ и пѣла подъ его акомпанементъ. Но онъ истолковалъ это иначе. Однажды вечеромъ, передъ тѣмъ,

какъ королева собиралась идти спать, придворныя дамы нашли у нея подъ кроватью спрятаннаго мужчину. Это былъ Кастелярь. Ему тотчасъ же было приказано оставить дворъ. Черезъ нѣсколько дней онъ, однако-жъ, опять забрался во дворецъ. На этотъ разъ Марія сама нашла его въ своей спальнѣ. Она позвала стражу и приказала тутъ же заколоть его. Но ее уговорили лучше судить его по закону, на что она согласилась. Судъ приговорилъ Кастеляра къ смерти. Онъ встрѣтилъ ее смѣло, и съ словами: «Прощай, самая красивая и жестокая изо всѣхъ королевъ!» сложилъ свою голову на плаху (22-го февраля 1563 года).

— Вотъ послѣдствія танцевъ и забавъ! говорили пуритане.

Кноксъ продолжалъ громить Марію за невѣріе и соблазнительную жизнь. Даже личное свиданіе съ нею и ея милостивый разговоръ не смягчили суроваго пуританина. Всѣ ея попытки къ сближенію онъ рѣзко отклонилъ.

Къ затрудненіямъ и опасностямъ, вызваннымъ религіозной борьбой, присоединились отношенія къ Англіи, всегда важныя для Шотландіи. И тутъ обстоятельства сложились въ высшей степени неблагопріятно для Маріи Стюартъ.

Въ Англіи царствовала Елизавета Тюдоръ, на которую весь католическій міръ смотрѣлъ какъ на самозванку, такъ какъ она была дочерью Генриха VIII и Анны Болейнъ, а этого брака католическая церковь не признавала. Въ глазахъ католиковъ она была незаконнорожденною. Настоящей, законной королевой они считали Марію Стюартъ, какъ ближайшую родственницу дома Тюдоровъ. Ея отецъ былъ роднымъ племянникомъ Генриха VIII. Поэтому, какъ только умерла преемница Генриха, Марія Тюдоръ, Марія Стюартъ тогда же, по совѣту своего свекра, французскаго короля, приняла титулъ королевы англійской, и хотя по смерти мужа, въ виду дѣйствительнаго положенія дѣлъ, отказалась отъ этихъ притязаній, но все-таки продолжала считать себя прямой наслѣдницей англійскаго престола, соглашаясь впрочемъ ждать смерти Елизаветы, которая была на десять лѣтъ старше ея, чтобы вступить въ права наслѣдства.

Елизавета же, которую вѣчно мучила мысль о незаконности ея происхожденія, не считала себя крѣпкою на престолѣ, пока Марія Стюартъ не откажется формально отъ своихъ притязаній. Ни она, ни ея подданные не хотѣли видѣть католичку наслѣдницей престола и потребовали отъ нея, чтобы она отреклась отъ титула англійской королевы. Отказъ Маріи былъ принятъ за объявленіе войны. И въ политикѣ, и въ религіи, Елизавета видѣла въ Маріи Стюартъ врага и, кромѣ того, ненавидѣла ее изъ чисто личныхъ соображеній, изъ женской ревности и зависти, такъ какъ Марія была и красивѣе, и моложе, и привлекательнѣе ея.

Опасеніе, съ которымъ англійскіе протестанты смотрѣли на

шотландскую королу, имѣло свои основанія. Борьба между двумя вѣроисповѣданіями была тогда въ самомъ разгарѣ, и католики еще надѣялись на Тридентскій соборъ, приходившій тогда къ концу, чтобы вернуть все потерянное. Филиппъ испанскій въ Нидерландахъ, Гизы во Франціи и Марія Стюартъ въ Англіи должны были стать во главѣ движенія. Удивительно ли, что англійскіе протестанты сплотились въ свою очередь, что шотландскіе пуритане искали сближенія съ Елизаветой и что шотландскій министръ Майтлендъ съ англійскимъ министромъ Семлемъ работали за-одно, чтобы лишить власти Марію Стюартъ, считавшуюся орудіемъ католической реакціи.

Въ первые годы, пока королева не думала о замужествѣ, опасность для протестантовъ была еще не такъ велика. Но она пожелала выйти замужъ вторично и выборъ ея палъ на католика. Она остановилась на сынѣ Филиппа II, Донъ-Карлосѣ, наслѣдникѣ могущественнѣйшаго государя въ мірѣ. Отъ этого плана пришлось, однако, скоро отказаться, когда стало извѣстно, что̀ за личность этотъ принцъ. Да и Елизавета объявила, что не потерпитъ никакихъ родственныхъ союзовъ своей сосѣдки съ могущественной католической державой; она прямо говорила, что это послужитъ поводомъ къ войнѣ.

Марія Стюартъ въ это время еще не знала настоящихъ чувствъ своей кузины. Она была отъ природы беззаботна и довѣрчива, и всѣ любезности Елизаветы принимала за чистую монету; мечтала жить съ ней въ дружбѣ и не теряла надежды, что она сдѣлаетъ ее свой наслѣдницей. Поэтому она уступила и въ вопросѣ о замужествѣ, и по совѣту своихъ министровъ дала слово не выходить за иностранца. На одномъ лишь она стояла твердо—на томъ, что мужъ ея будетъ католикомъ, и это впослѣдствіи погубило ее, отнявъ у протестантовъ всякую надежду въ будущемъ.

Изъ претендентовъ, добивавшихся руки Маріи, больше всѣхъ понравился ей юный Дарнлей, ея дальній родственникъ, бывшій по матери въ родствѣ и съ Елизаветой.

Онъ былъ католикъ и очень красивъ собой. Проѣздомъ изъ Англіи въ Эдинбургъ онъ представился Маріи Стюартъ, и та съ первой же минуты была имъ очарована. Двадцатилѣтній юноша, высокій, статный, красивый, съ изящными манерами, — все говорило за него! Внѣшность ослѣпила ее. Въ дѣйствительности это былъ очень неудачный выборъ: по своему развитію и характеру онъ не годился въ правители Шотландіи. Онъ былъ заносчивъ, очень много о себѣ думалъ, и былъ одинаково неспособенъ какъ управлять другими, такъ и самъ быть управляемымъ.

Когда онъ увидалъ, что королева любитъ его, онъ сталъ смотрѣть на Шотландію какъ на свою собственность и не зналъ границъ своему высокомѣрію. Онъ съумѣлъ оскорбить и оттолкнуть

отъ себя всю шотландскую знать, а стоявшаго во главѣ ея графа Муррея сдѣлалъ своимъ смертельнымъ врагомъ, давъ ему понять, что хочетъ ограничить его власть. Какъ-то разъ ему показали карту Шотландіи; онъ обратилъ вниманіе на крупныя владѣнія Муррея и прибавилъ:

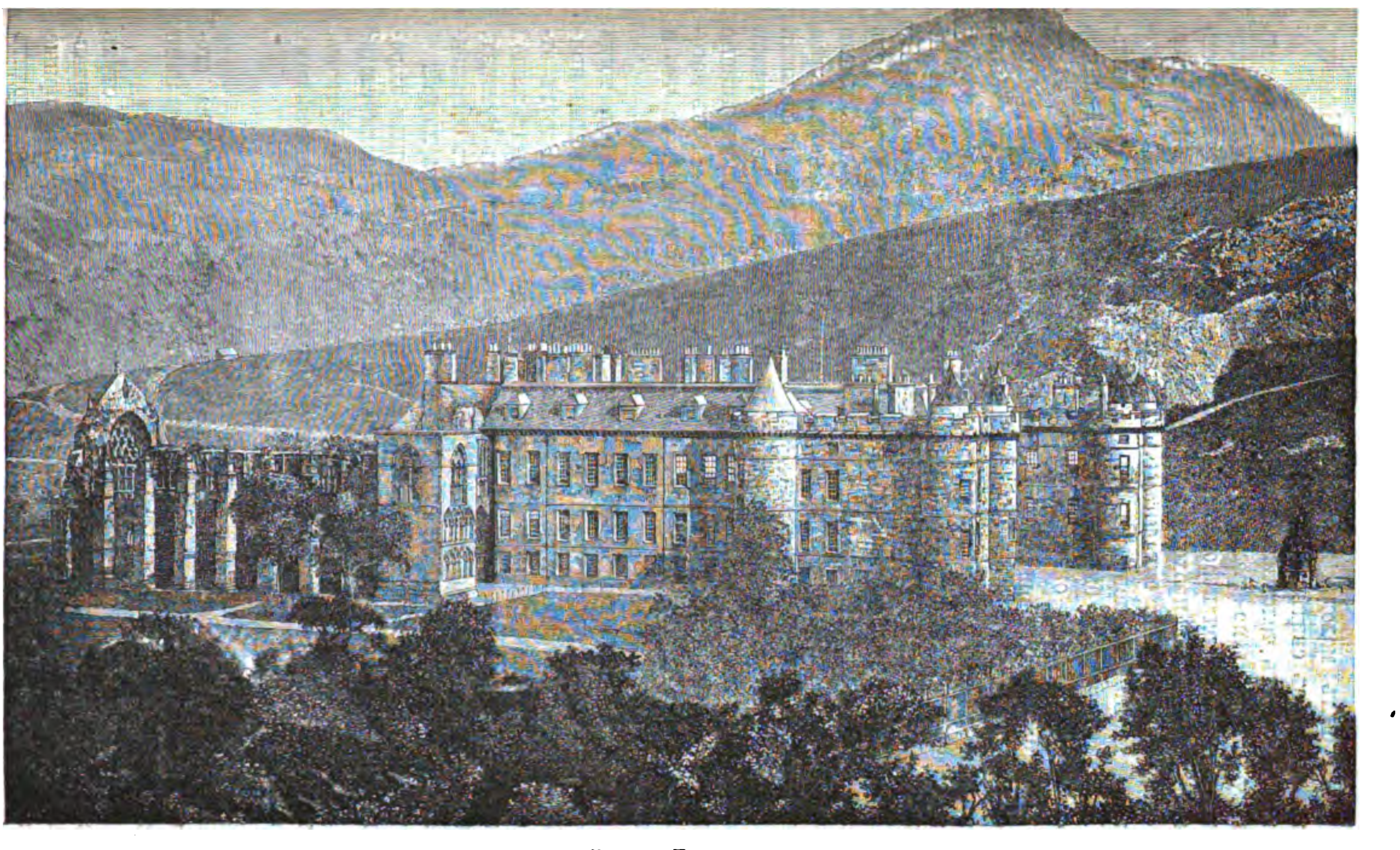
— Это слишкомъ много для подданнаго!

Съ тѣхъ поръ паденіе Дарнлея было рѣшено. Протестантамъ онъ былъ, кромѣ того, ненавистенъ, какъ католикъ. Они сдѣлали еще одну попытку привлечь на свою сторону королеву: они подали ей петицію, приглашая ее принять ихъ вѣру. Но она отклонила эту просьбу; обѣщала не насиловать ихъ совѣсти, но хотѣла, чтобы и ей предоставили право вѣрить въ Бога по-своему. Вскорѣ послѣ того она обручилась съ Дарнлеемъ.

Тогда Муррей рѣшился прибѣгнуть къ насилію; по заранѣе составленному плану, онъ и друзья его должны были захватить Марію и Дарнлея. Планъ этотъ не удался; королеву вò-время предупредили. Мятежники стали готовиться къ открытому возстанію. Пока королева праздновала въ Голирудѣ свою свадьбу съ Дарнлеемъ, которому она дала королевскій титулъ, Муррей и другіе протестантскіе лорды призвали народъ къ оружію противъ насильно навязаннаго ему короля. Въ то же время они обратились за помощью къ Елизаветѣ; но та оказала имъ только тайную поддержку въ видѣ очень скудной денежной субсидіи. Это значительно охладило рвеніе шотландской знати, и многіе перешли на сторону Маріи. Сила оказалась на ея сторонѣ, бунтъ былъ подавленъ, ничтожное войско Муррея разбито, а самъ онъ съ главнѣйшими изъ своихъ сторонниковъ бѣжалъ въ Англію.

Марія Стюартъ рѣшила воспользоваться этой побѣдой. Она хотѣла добиться двухъ вещей: во-первыхъ, чтобы католикамъ была предоставлена свобода вѣроисповѣданія и возвращены ихъ отрѣшенные епископы; а во-вторыхъ, чтобы всѣ разграбленныя во время ея несовершеннолѣтія коронныя имущества были опять отданы въ казну, а съ ними и всѣ свободныя церковныя земли, взамѣнъ чего она обѣщала часть ихъ доходовъ удѣлять на содержаніе духовенства, какъ католическаго, такъ и протестантскаго. Этимъ путемъ она хотѣла сравнять протестантовъ съ католиками и отобрать у аристократовъ все награбленное ими въ смутные годы.

Понятно, что это возбудило сильное недовольство аристократіи, рѣшившійся во что бы то ни стало помѣшать этому проекту, который королева думала провести въ ближайшую сессію парламента. Составился заговоръ; во главѣ его стали монастыри, государственный секретарь Майтлендъ и канцлеръ графъ Мортонъ. Гнѣвъ ихъ прежде всего обратился на человѣка, который тогда считался правой рукой королевы.



Замокъ Голуридъ.

Это былъ молодой итальянецъ Риччіо, уроженецъ Піемонта, явившійся въ свитѣ Маріи Стюартъ, когда она пріѣхала изъ Франціи. Онъ былъ человѣкъ образованный, много видалъ на своемъ вѣку, говорилъ по-французски какъ парижанинъ и добился мѣста личнаго секретаря королевы. Скоро большая часть государственныхъ дѣлъ стала проходить черезъ его руки; его мнѣніе имѣло большой вѣсъ. Онъ считался душой католической партіи въ Шотландіи и авторомъ ненавистнаго проекта объ отчужденіи имуществъ. Прежде всего надо было устранить его, а затѣмъ ужъ надѣялись отдать Марію подъ опеку министровъ.

Вначалѣ заговорщики прибѣгли къ помощи Дарнлея. Привлечь его было не трудно, такъ какъ и для него Риччіо былъ сучкомъ въ глазу. Не то чтобы онъ ревновалъ его; къ этому у него не было поводовъ—Риччіо былъ не красивъ, да и Марія не была такой кокеткой, какой старались потомъ представить ее. Но Дарнлей ненавидѣлъ его изъ самолюбія, изъ желанія играть роль самому. Онъ хотѣлъ, чтобы его короновали, хотѣлъ раздѣлить власть съ женой, а та этого не желала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узнала поближе своего мужа. Онъ приписывалъ это проискамъ Риччіо, и когда заговорщики пообѣщали ему корону, онъ тотчасъ же примкнулъ къ нимъ. Муррей и другіе изгнанники, слѣдившіе на границѣ за положеніемъ дѣлъ, тоже были посвящены въ заговоръ. Они обѣщали быть вѣрными подданными королю, за что и получали амнистію.

Дѣло было въ мартѣ 1566 г. Однажды вечеромъ, Марія, тогда беременная, сидѣла за ужиномъ у себя въ замкѣ, съ своими приближенными, въ числѣ которыхъ находился и Риччіо. Вдругъ отворяется дверь и входитъ Дарнлей. Онъ садится рядомъ съ женой и нѣжно обнимаетъ ее. Вслѣдъ за нимъ врывается лордъ Рутвенъ, человѣкъ неукротимой энергіи, въ панцырѣ и шлемѣ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, и еще нѣсколько вооруженныхъ людей.

— Что это значитъ, милордъ? спрашиваетъ испуганная королева.—Я слышала, что вы очень больны. Какъ вы попали сюда?

— Въ настоящую минуту, отвѣчалъ глухимъ голосомъ Рутвенъ, я чувствую себя хорошо. А сюда я пришелъ, чтобъ оказать вамъ услугу.

— Какую?

— Избавить васъ отъ негодяя, который сидитъ тутъ за столомъ и не заслуживаетъ такой чести. Мы не желаемъ, чтобы нами управлялъ камердинеръ.

При этихъ словахъ Риччіо вскакиваетъ и прячется за стулъ королевы. Она заслоняетъ его и приказываетъ удалиться ворвавшимся къ ней насильно. Но они бросаются на Риччіо; придворные въ испугѣ мечутся, дамы кричатъ. Столъ опрокинутъ, происходитъ

общая свалка. Только одинъ факелъ, схваченный впопыхахъ какой-то дамой, освѣщаетъ эту сцену.

— Держите королеву! кричитъ Рутвенъ, и Дарнлей спѣщитъ исполнить приказаніе.

Она вырывается; тогда одинъ изъ вассаловъ Рутвена приставляетъ ей къ груди заряженный пистолетъ.

— Стрѣляйте, кричитъ Марія,—если у васъ поднимется рука на ребенка, котораго я ношу подъ сердцемъ!

Курокъ спущенъ, но выстрѣла не послѣдовало,—осѣчка! Тѣмъ временемъ заговорщики успѣли схватить Риччіо, который цѣплялся за платье королевы, нанесли ему ударъ кинжаломъ и вытащили окровавленнаго за двери. Въ сосѣдней комнатѣ они его докончили. Но чтобы сдѣлать явнымъ участіе Дарнлея, остававшагося около жены и старавшагося ее утѣшить, одинъ изъ заговорщиковъ возвращается, вынимаетъ у него кинжалъ изъ ноженъ, спѣшитъ опять къ жертвѣ и вонзаетъ его въ грудь съ словами:

— Вотъ тебѣ и ударъ короля!

А за стѣной стонала Марія, до которой доносились крики умирающаго.

— Бѣдный Давидъ! мой добрый, вѣрный слуга! твердила она,— Боже, будь къ нему милостивъ!

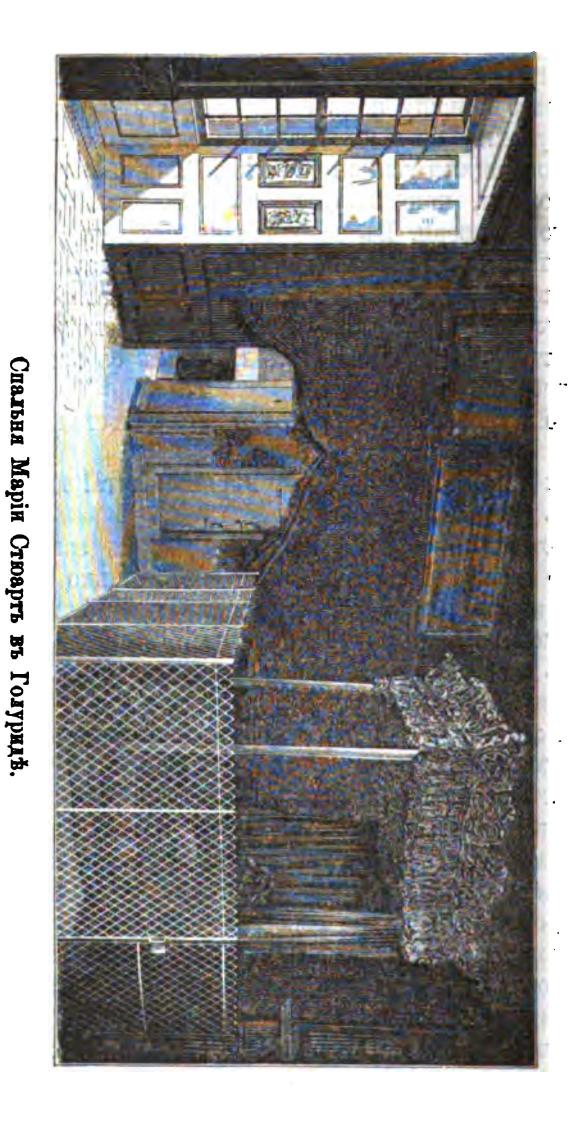
Народу, который собрался на шумъ передъ замкомъ, убійцы объявили, что ничего важнаго нѣтъ, убитъ только секретарь королевы, иностранецъ и католикъ, желавшій съ помощью испанскихъ войскъ возстановить папизмъ въ Шотландіи. Народъ, успокоенный, разошелся. Къ замку были приставлены часовые и королева оказалась въ плѣну.

На другой же день, Муррей и его сообщники явились въ Эдинбургъ, какъ это заранѣе было условлено. Графъ отправился въ замокъ и просилъ королеву простить его. Ей ничего больше и не оставалось; онъ все-таки былъ ей братъ и отъ него она могла ожидать лучшаго, чѣмъ отъ Рутвена, въ рукахъ котораго тогда находилась. Собравшіеся подъ предсѣдательствомъ Муррея лорды постановили до тѣхъ поръ не выпускать королеву, пока она не признаетъ законнымъ убійство Риччіо, не раздѣлитъ власти съ мужемъ и не обяжется оставить въ рукахъ дворянства коронныя земли, захваченныя во время ея несовершеннолѣтія.

Дарнлей наконецъ понялъ, что власть, которую отнимали у его жены, попадетъ не къ нему, а къ вельможамъ, и главнымъ образомъ къ графу Муррею. Не долго думая, онъ обманулъ заговорщиковъ и въ ночь на 12-е марта бѣжалъ съ женой изъ Голируда въ Дунбаръ, крѣпость, которою командовалъ преданный королевѣ, хотя и протестантъ, лордъ Джемсъ Босвель. Сюда Марія созвала оставшихся ей вѣрными дворянъ; вмѣстѣ съ католиками явились, слѣдуя примѣру Босвеля, и многіе протестанты. Скоро около нея

собралось порядочное войско; во главѣ его она вступила въ столицу, а убійцы Риччіо должны были бѣжать въ Англію.

Черезъ три мѣсяца, Марія родила сына, впослѣдствіи короля Іакова. Это сблизило ее съ мужемъ, но не надолго. Муррею удалось овладѣть довѣріемъ королевы и Дарнлей, въ досадѣ на жену, оставилъ дворъ и уѣхалъ въ Глазгоу къ отцу своему, графу Ленноксу. Ясно было, что онъ не годился для того положенія, которое занималъ, какъ мужъ королевы; желательно было дать ей въ мужья человѣка болѣе подходящаго. На этомъ и построилъ Муррей свой планъ.



Спальня Маріи Стюартъ въ Голуридѣ.

Ему нужно было прежде всего содѣйствіе Босвеля, этого оплота королевской партіи. Онъ былъ храбрый и способный воинъ, пользовался уваженіемъ стараго дворянства и признательностью королевы за оказанныя ей услуги. Но вмѣстѣ съ хорошими у него

Комната Дарнлея въ Голурідѣ.

были и дурныя качества: безмѣрное честолюбіе и распущенность. Едва ему указали, въ видѣ приманки, на возможность получить руку королевы, какъ онъ уже счелъ это дѣло рѣшеннымъ. Правда, у него была жена, но онъ могъ съ ней развестись. Правда,

онъ не зналъ еще, пойдетъ ли за него Марія, но онъ на это твердо надѣялся и рѣшился, такъ или иначе, хотя бы даже противъ воли Маріи, жениться на ней.

Первая услуга, оказанная имъ новымъ друзьямъ, состояла въ томъ, что онъ просилъ о помилованіи Майтленда, Мортона и всѣхъ другихъ заговорщиковъ. Марія видѣла, что это есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе всей аристократіи и королевы Елизаветы. Она должна была согласиться и простила почти всѣхъ, за малыми исключеніями.

Теперь враги Дарнлея сплотились; участь его была рѣшена. Самъ онъ заболѣлъ оспой, но скоро началъ поправляться и пожелалъ сойтись съ женой. Она все простила ему и въ концѣ января (1567 г.) поѣхала къ нему въ Глазгоу; оттуда министры получили приказаніе приготовить для Дарнлея домъ, близь Голируда, гдѣ онъ долженъ былъ пробыть до окончательнаго выздоровленія. Это былъ удобный случай для заговорщиковъ; жертва сама давалась имъ въ руки. Майтлендъ выбралъ уединенный домикъ въ предмѣстьи Эдинбурга, меблировалъ его и заложилъ подъ нимъ мину.

31-го января, королевская чета вернулась. Дарнлей остановился въ приготовленномъ для него домѣ, а Марія помѣстилась въ замкѣ. Она каждый день навѣщала мужа и иногда оставалась у него до поздней ночи. Заговорщики знали, что въ ночь на 10-е февраля ея тамъ не будетъ, такъ какъ въ этотъ день, по случаю свадьбы одной изъ придворныхъ дамъ, во дворцѣ былъ назначенъ маскарадъ, на которомъ должна была присутствовать и королева. Эту ночь они и выбрали для совершенія преступленія. Муррей былъ съ ними за-одно, но, желая скрыть это, еще съ утра уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Вечеромъ королева по обыкновенію отправилась къ мужу. Вслѣдъ за ней, тѣмъ же путемъ, отправился Босвель, съ прислугой и съ повозкой, нагруженной порохомъ. Онъ поднялся прямо въ верхній этажъ; прислуга же должна была заднимъ ходомъ пронести порохъ въ подвалъ и тамъ зарядить мину. Наверху онъ нашелъ королеву, ея мужа и придворныхъ въ самой оживленной бесѣдѣ, какъ вдругъ внизу послышался какой-то странный шумъ. Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы къ своимъ сообщникамъ и засталъ ихъ за работой: они разсыпали порохъ.

— Боже, какъ вы шумите! сказалъ онъ,—наверху все слышно.

Между тѣмъ, королева вернулась въ замокъ и, пробывъ въ маскарадѣ до 12 часовъ, ушла спать.

Тогда Босвель, переодѣвшись въ простое платье и завернувшись въ темный плащъ, поспѣшилъ снова на мѣсто преступленія. Къ этому же времени туда собрались Дугласъ и еще двое вассаловъ Мортона, всѣ замаскированные; имъ поручено было прикончить Дарнлея, если бы какимъ нибудь чудомъ онъ спасся отъ взрыва.

Въ 3 часа утра сверкнулъ огонь, и домъ съ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ. Недалеко отъ мѣста взрыва находился фруктовый

садъ и въ немъ сторожка, гдѣ жили двѣ женщины. Въ ужасѣ онѣ стали прислушиваться и скоро услыхали невдалекѣ жалобный стонъ:

— Ахъ, родные мои, пожалѣйте меня ради Христа!

Потомъ все затихло. Когда онѣ на разсвѣтѣ вышли въ садъ, то нашли тамъ два трупа: самого короля и его камердинера, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Дарнлей былъ въ одной рубашкѣ; около него лежалъ мѣховой халатъ и туфли; на тѣлѣ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ обжога; онъ погибъ не отъ взрыва. По всѣмъ вѣроятіямъ, его разбудилъ подозрительный шумъ и онъ успѣлъ убѣжать, но его настигли и задушили.

Рано утромъ, Босвель опять явился на мѣсто катастрофы, гдѣ уже собралась большая толпа народа. Въ качествѣ мѣстнаго шерифа, онъ отдалъ всѣ нужныя приказанія, вернулся въ замокъ, велѣлъ разбудить королеву и объявилъ, что домъ Дарнлея взлетѣлъ на воздухъ,—вѣроятно, отъ неосторожнаго обращенія съ хранившимся тамъ порохомъ, а самъ король при этомъ погибъ. Марія была страшно поражена; она тотчасъ же догадалась, что здѣсь крылось преступленіе; но кто были виновные? Она боялась даже за свою жизнь. Приказавъ начать судебное слѣдствіе, она оставила Голирудъ и уѣхала съ сыномъ въ Эдинбургъ, гдѣ считала себя въ бо́льшей безопасности.

Понятно, что слѣдствіе, въ которомъ слѣдователями были сами подсудимые и ихъ сообщники, ничего не раскрыло. Зато въ столицѣ появились на стѣнахъ анонимныя объявленія, указывавшія прямо на Босвеля какъ на главнаго виновника. Отца Дарнлея также убѣдили въ томъ, что преступленіе было совершено Босвелемъ и нѣкоторыми изъ его слугъ. Старикъ подалъ тогда письменную жалобу на цареубійцъ и былъ вмѣстѣ съ Босвелемъ вызванъ на судъ въ Эдинбургъ, но боясь, чтобы его не убили дорогою, не явился; для суда это послужило достаточной причиной, чтобы оправдать Босвеля.

Между тѣмъ, послѣдній не терялъ времени. Онъ просилъ руки королевы, ссылаясь на то, что это было и ея желаніемъ. Многихъ друзей королевы онъ обманулъ такимъ образомъ и привлекъ на свою сторону. Тайные же враги Маріи смотрѣли на это замужество какъ на ея паденіе и въ этихъ видахъ поддерживали Босвеля. Такъ поступилъ и Муррей. Но онъ по обыкновенію только составилъ планъ, а исполненіе его поручилъ другимъ. Онъ опять счелъ за лучшее удалиться и уѣхалъ сперва въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ.

Съ его отъѣздомъ, въ апрѣлѣ 1567 г., начался третій актъ трагедіи; первый, какъ мы видѣли, кончился убійствомъ Риччіо, второй убійствомъ Дарнлея. Когда парламентъ утвердилъ за дворянствомъ владѣніе бывшими государственными и церковными зем-

лями, то удовлетворенное этимъ, оно нашло наконецъ возможнымъ наградить и Босвеля. Тотъ же парламентъ торжественно утвердилъ оправдательный приговоръ суда, а въ частномъ собраніи вожди аристократіи письменно обязались сосватать Босвелю королеву, «если только она будетъ на это согласна».

Этотъ документъ былъ подписанъ членами парламента, многими лордами и епископами. Муррей передъ отъѣздомъ тоже далъ свое согласіе, но, кажется, только на словахъ. Связывать себя письменно было не въ его привычкахъ. 20-го апрѣля, Босвель сдѣлалъ королевѣ формальное предложеніе. Она отказала. Тогда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ насилію. Съ толпой вооруженныхъ вассаловъ устроилъ онъ ей засаду на мосту, когда она возвращалась отъ сына, и увезъ ее изъ Эдинбурга въ свой замокъ Дунбаръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Эдинбургѣ ей грозила какая-то опасность.

Здѣсь она очутилась совершенно въ его власти. Сначала она долго не сдавалась, но такъ какъ ни одинъ человѣкъ въ Шотландіи не двинулся, чтобы освободить ее, а Босвель показалъ ей документъ, изъ котораго она могла видѣть, что ея замужество будетъ принято хорошо, она наконецъ начала свыкаться съ этой мыслью. Говорятъ, что Босвель прибѣгалъ и къ другимъ средствамъ, что онъ усыпилъ ее разъ съ помощью какого-то наркотическаго напитка. Такъ или иначе, но онъ овладѣлъ ею, и Маріи не оставалось ничего другаго, какъ идти съ нимъ къ алтарю.

Съ первой своей женой Босвель развелся и щедро заплатилъ ей за разводъ. Затѣмъ, уже въ качествѣ жениха, съ новымъ титуломъ герцога Оркнейскаго, онъ вернулся съ королевой въ Эдинбургъ. 15-го мая была отпразднована ихъ свадьба, по протестантскому обряду, въ присутствіи архіепископа, примаса Шотландіи.

Завѣтная цѣль Босвеля была достигнута. Но средства, которыя онъ употребилъ для этого, давали въ руки честолюбивой знати слишкомъ опасное для него оружіе. Онъ былъ ей больше не нуженъ и она уже подумывала о томъ, какъ бы устранить его. Съ нимъ должна была пасть и королева. Власть хотѣли передать ея сыну, т. е. регентству изъ тѣхъ же шотландскихъ вельможъ. Стали распускать слухи, что Марія была сообщницей Босвеля и все, что онъ сдѣлалъ, сдѣлано съ ея вѣдома. Говорили, что надо отомстить за смерть Дарнлея и спасти молодаго принца. Въ іюнѣ вспыхнулъ бунтъ. Около трехъ тысячъ мятежниковъ подступили къ столицѣ съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ убитый человѣкъ и около него мальчикъ на колѣняхъ съ поднятыми къ небу руками, и съ надписью: «Боже праведный, отомсти за меня!»

Теперь или никогда могла Марія разойтись съ Босвелемъ. Она могла его оставить и бѣжать въ лагерь бунтовщиковъ. Для ея репутаціи это было очень важно; она могла этимъ обезоружить кле-

вету. Она этого не сдѣлала и дорого заплатила за свою ошибку. Но есть соображенія, которыя ее оправдываютъ.

Если Босвель былъ виновенъ въ смерти ея мужа, въ чемъ она больше не сомнѣвалась, то и предводители возстанія были виновны въ томъ же. Если онъ прибѣгъ къ насилію, то и отъ нихъ нельзя было ожидать ничего лучшаго. Но онъ былъ все-таки ей мужъ и отецъ ея будущаго ребенка. Она успѣла уже полюбить его, онъ покорилъ ее своей энергіей и настойчивостью. Если прибавимъ къ этому ея безпечный характеръ, ея всегдашнюю готовность мириться съ обстоятельствами, то станетъ понятной и рѣшимость ея не покидать Босвеля. Когда онъ выступилъ противъ инсургентовъ съ набраннымъ на скорую руку отрядомъ, она послѣдовала за нимъ.

15-го іюня, враги сошлись недалеко отъ Эдинбурга. Въ отрядѣ Босвеля можно было видѣть королеву, храбро разъѣзжавшую верхомъ въ красной жакеткѣ съ аксельбантами, по шотландской модѣ, и въ черной бархатной шапочкѣ. Но войско, передъ которымъ она гарцовала, было видимо слабѣе непріятельскаго. Пока шли переговоры, большая часть его разбѣжалась, и королева вынуждена была сдаться мятежнымъ лордамъ. Ей удалось, однако, выговорить свободный пропускъ Босвелю. Онъ уѣхалъ въ Дунбаръ, а она въ Эдинбургъ.

Ее отвезли туда, какъ плѣнницу. Впереди несли ненавистное ей знамя, а вслѣдъ за ней летѣли проклятія и насмѣшки солдатъ. Поздно вечеромъ, послѣ трехчасовой ѣзды, заплаканная и вся въ пыли, пріѣхала она въ Эдинбургъ, гдѣ ей отвели одну комнату въ городской ратушѣ и заперли тамъ, никого къ ней не допуская. Она не могла даже перемѣнить платья. Въ страшномъ отчаяніи провела она ночь. Когда утромъ подошла она къ окну, чтобы звать на помощь, первое, что она увидала, было знамя, которое поставили тутъ, какъ бы на зло ей. Въ безумномъ порывѣ горя она разорвала на себѣ платье и крикнула народу:

— Убейте меня или освободите отъ измѣнниковъ!

Народъ, какъ ни былъ фанатиченъ, все же былъ добросердечнѣе лордовъ и не прочь былъ освободить ее. Но лорды поспѣшили перевезти королеву въ Голирудъ, а ночью отправили ее дальше, въ замокъ Дугласа, расположенный на скалистомъ островѣ озера Левенъ. Тамъ ее отдали подъ надзоръ матери Муррея, леди Дугласъ, бывшей любовницѣ короля Якова V. Какъ ревнивая мать, считавшая своего сына единственнымъ наслѣдникомъ престола, несмотря на незаконность своей связи съ королемъ, она ненавидѣла Марію Стюартъ.

Королеву стали всѣми силами убѣждать отказаться отъ престола. То же самое совѣтовалъ ей и англійскій посолъ по порученію Елизаветы. Она долго не уступала. Тогда опять прибѣгли къ насилію. Въ концѣ іюля, лордъ Линдсей принесъ ей три бумаги,

въ которыхъ она отказывалась отъ престола, назначая регентомъ Муррея и при немъ совѣтъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ. Линдсей приказывалъ ей подписать ихъ, въ противномъ случаѣ грозилъ запереть ее въ мрачную башню и даже, какъ говорятъ, своей желѣзной перчаткой сдавилъ ей руку до синяковъ. Она расплакалась, подписала, не читая, поданныя ей бумаги и призывала присутствующихъ въ свидѣтели того, что она уступаетъ насилію.

29-го іюля, новый совѣтъ регентства короновалъ маленькаго принца. Вслѣдъ затѣмъ явился и Муррей. На этотъ разъ онъ добился своего: въ качествѣ регента онъ былъ теперь правителемъ Шотландіи.

Дошла очередь и до Босвеля. Онъ едва ушелъ отъ погони и бѣжалъ въ Норвегію, но по приказанію датскаго короля былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его и продержали до самой смерти (въ 1578 году). Отъ брака съ Босвелемъ у Маріи родилась дочь, которую скоро увезли во Францію, гдѣ она умерла монахиней въ Суасонѣ.

Одиннадцать мѣсяцевъ Марія пробыла въ плѣну у Дугласъ. Напрасно надѣялась она на помощь какого нибудь изъ европейскихъ государствъ, особенно Англіи. Но она нашла друзей даже среди своихъ тюремщиковъ. Это были два юныхъ Дугласа, 18-ти-лѣтній Георгъ и 16-ти-лѣтній Вильямъ. Тронутые красотой несчастной королевы, они условились съ ея камеръ-юнгферами насчетъ плановъ побѣга. Одинъ изъ плановъ былъ скоро открытъ, и Георгъ долженъ былъ оставить зàмокъ; но другая попытка удалась.

2-го мая 1568 года, въ 9-мъ часу вечера, семья Дугласовъ сидѣла въ столовой за обѣдомъ. У старшаго сына леди Дугласъ лежали по обыкновенію ключи отъ зàмка. Молодой Вильямъ прислуживалъ въ качествѣ пажа. Мѣняя тарелки, онъ какъ бы нечаянно уронилъ на ключи салфетку, потомъ незамѣтно взялъ ихъ вмѣстѣ съ салфеткой и бросился съ ними къ королевѣ, которая была уже предупреждена. Онъ вывелъ ее изъ зàмка черезъ дворъ на берегъ озера, гдѣ ихъ ждала лодка. Онъ и королева взялись за весла, одна изъ ея дамъ правила рулемъ. Ключи они бросили въ воду, заперевъ предварительно за собой ворота. На другомъ берегу ждалъ ее Георгъ Дугласъ, которому она подала заранѣе условленный сигналъ своимъ бѣлымъ покрываломъ. Онъ передалъ этотъ сигналъ дальше, и изъ ущелья появилось нѣсколько человѣкъ верхомъ, радостно привѣтствуя королеву. Это были католикъ-лордъ Сетонъ съ своими вассалами. Онъ увезъ Марію въ зàмокъ Гамильтонъ, куда вскорѣ собрались всѣ недовольные Мурреемъ.

Но радость была непродолжительна. У регента находилось наготовѣ сильное войско. Въ первой же стычкѣ съ нимъ сторонники королевы разбѣжались. Отъ одной только мысли, что она попадетъ опять въ руки своихъ враговъ, Марія потеряла голову. Въ Шот-

ландія она нигдѣ не видѣла себѣ пріюта. Но вмѣсто того, чтобы бѣжать во Францію, рѣшилась искать защиты у Елизаветы, и 16-го мая, въ простой рыбачьей лодкѣ переправилась на англійскій берегъ.

Съ этихъ поръ судьба ея была рѣшена. Какъ только Елизавета узнала о ея пріѣздѣ, тотчасъ-же приставила къ ней почетный караулъ. Она рѣшила уже больше не выпускать ее. Какъ королевѣ она была ей опасна, какъ женщинѣ—ненавистна. Оправданіемъ ей въ глазахъ свѣта послужили поддѣланныя письма Маріи къ Босвелю, будто бы найденныя въ Голирудѣ. Шотландскій ученый Бухананъ взялся придать этой поддѣлкѣ приличный и правдоподобный видъ. Такъ составилась исторія Маріи Стюартъ, въ томъ духѣ, какой желали придать ей ея враги. Мало того, что соперница продержала ее 19 лѣтъ въ заточеніи и потомъ послала на эшафотъ, даже память ея была опозорена на нѣсколько сотъ лѣтъ. Шиллеръ сдѣлалъ первую попытку возстановить этотъ свѣтлый образъ; теперь исторія доканчиваетъ начатое имъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

GANSEN. ENTWIC KELUHGSSTUFEN AUS DER GESCHIHTE DER MÈNSCHHEIT. DÜSSELDORF. 1882. (Ганзенъ. Ступени развитія человѣчества. Дюссельдорфъ. 1882).

КНИГА ГАНЗЕНА состоитъ изъ девяти главъ: I-я трактуетъ о торговлѣ и культурѣ древняго міра; II-я о нѣмецкомъ героическомъ періодѣ; III-я о священной римской имперіи; IV-я объ исламѣ и арабахъ; V-я о духовномъ всеміромъ владычествѣ Генриха III; VI-я о средневѣковой торговлѣ и культурѣ; VII-я объ императорской мечтѣ Гогенштауфеновъ; VIII-я о развитіи государства Гогенцоллерновъ; IX-я глава представляетъ попытку уразумѣть явленія нашего времени. Это рядъ очерковъ, задача которыхъ заключается въ томъ, чтобы выяснить читателямъ, знакомымъ съ фактической стороной среднихъ историческихъ курсовъ, «правильный и закономѣрный ходъ историческаго прогресса». Читатель, безъ сомнѣнія, изъ обзора содержанія книги замѣтилъ уже, что бо̀льшая часть ея посвящена германцамъ, въ частности пруссакамъ, т. е., что «человѣчество» Ганзена умѣщается въ Пруссіи. Авторъ самъ считаетъ необходимымъ объяснить это явленіе: «никто не станетъ оспаривать того рѣшающаго значенія, которое имѣло германское племя на развитіе человѣчества въ средніе вѣка, и едва ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что для настоящаго и будущаго Германія предназначена быть историческимъ центромъ». Мы не будемъ тревожить автора, подвергая сомнѣнію любезный его нѣмецкому сердцу догматъ тождества человѣчества съ населеніемъ Германской

имперіи и перейдемъ къ тѣмъ разсужденіямъ его, въ которыхъ выражается стремленіе показать закономѣрность историческаго развитія.

Послѣ сжатаго на двухъ-трехъ страницахъ очерка греческой торговли, авторъ совершенно неожиданно замѣчаетъ, что хотя греки эмансипировали Европу отъ вліянія Азіи, создали цвѣтущую торговлю, облагородили результаты восточной культуры, но должны были для блага цѣлаго войти въ сложившееся путемъ насилія исполинское римское государство. Въ чемъ состоитъ это благо цѣлаго, можно отчасти усмотрѣть изъ разсужденій автора о Римѣ. «Римляне, создавши огромное государство, разрѣшили всемірно-историческую задачу, состоящую въ томъ, чтобъ сгладить своеобразности и неровности древней культуры и подготовить почву для христіанства». За этимъ разсужденіемъ слѣдуетъ обстоятельная характеристика римскаго государства, къ которой совершенно механически приклеивается новое общее мѣсто: «Римское государство не въ состояніи было, однако, переработать новый духъ христіанства и сдѣлать его полезнымъ для человѣчества, растративши свои силы на дѣло разрушенія. Послѣ принятія христіанства, Римъ былъ подобенъ глиняному сосуду съ драгоцѣннымъ содержаніемъ; если это содержаніе должно было сдѣлаться плодотворнымъ, необходимо было прежде всего разрушить форму и это дѣло разрушенія было историческимъ призваніемъ германскихъ народовъ... Таковъ уже ходъ человѣческаго развитія, что разцвѣтъ одной эпохи долженъ прекратиться, чтобы уступить мѣсто новому элементу». Съ выступленіемъ германцевъ на историческую арену начинается періодъ, извѣстный подъ именемъ среднихъ вѣковъ. Ганзенъ приводитъ взгляды, существовавшіе въ исторіографіи на значеніе этого періода, и высказываетъ господствующее въ настоящее время убѣжденіе, что средніе вѣка не представляютъ собою чего-то замкнутаго въ самомъ себѣ, что это—время, являющееся только моментомъ въ постоянно прогрессивномъ (Stetig fortschreitenden) развитіи человѣческаго рода; какъ и всякое другое время, оно подчинено опредѣленнымъ законамъ. Въ чемъ состоятъ, какъ формулируются эти законы, авторъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Сказавши нѣсколько словъ о томъ, что средніе вѣка, какъ и всякая другая эпоха, характеризуются возникновеніемъ и развитіемъ опредѣленныхъ идей, которыя находятъ свое выраженіе въ событіяхъ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ средневѣковой культуры и нѣсколькими удачными штрихами обрисовываетъ средневѣковый типъ государства, основанный на частно-договорныхъ отношеніяхъ, условія развитія національнаго самосознанія, универсальныя стремленія эпохи, несовсѣмъ удачно пристегиваетъ замѣчаніе, что среднимъ вѣкамъ было чуждо стремленіе къ географическимъ изслѣдованіямъ; послѣ этого общаго очерка, онъ переходитъ къ усло-

вiямъ возникновенiя монархiи Карла Великаго и опять ex abrupto увѣдомляетъ читателя, что созданiе Карла должно было погибнуть, такъ какъ его существованiе мѣшало бы дальнѣйшему развитiю; черезъ нѣсколько строкъ мы узнаемъ, что возобновленiе имперiи Оттономъ Великимъ представляетъ собою результатъ, сообразно съ природой развивающагося процесса, начавшагося объединенiемъ нѣмецкихъ племенъ при Генрихѣ I. Въ главѣ объ исламѣ и арабахъ мы узнаемъ, что «назначенiе арабовъ состояло въ томъ, чтобы сохранить и собрать обломки различныхъ культуръ, быть посредниками между восточно-античной культурой и античло-романской культурой христiанскаго Запада — разрѣшить задачу, оказавшуюся не по силамъ Византiи». Отъ арабовъ Ганзенъ возвращается къ священной римской имперiи и, говоря объ эпохѣ Генриха III, замѣчаетъ, что «эпоха среднихъ вѣковъ создала своихъ людей для того, чтобы отъ нихъ снова получать импульсы къ дальнѣйшему развитiю». Послѣ живаго очерка дѣятельности Генриха VI Гогенштауфена, мы читаемъ слѣдующую тираду: «блестящее состоянiе нѣмецкаго народа было нездоровымъ... За подъемомъ силъ послѣдовало съ ужасающей быстротой самое глубокое паденiе и этотъ несчастный конецъ долженъ былъ наступить... по неумолимымъ законамъ исторической справедливости... Нѣкоторые изъ Гогенштауфеновъ содѣйствовали, правда, своими дѣянiями возвышенiю нацiональной жизни въ Германiи, но осуществленiю настоящихъ культурныхъ задачъ (германизированiю славянскаго Востока) они чаще всего оказывали противодѣйствiе своей политикой». Ясный взглядъ на вещи, чувство долга, пониманiе своего историческаго призванiя соединились, по мнѣнiю нашего автора, только въ представителяхъ дома Гогенцоллерновъ; эти условiя въ связи съ требованiями извѣстной исторической необходимости обезпечили блестящее развитiе Пруссiи и создали для нея возможность выполненiя ея исторической миссiи.

Мы покончили съ философской частью труда Ганзена. Не имѣя ничего противъ фактическаго содержанiя книги, мы обращаемъ вниманiе читателя лишь на то, какъ авторъ представляетъ себѣ отношенiя между описанными имъ культурными состоянiями (эпохами, моментами—называйте какъ угодно). Что отношенiе между рядомъ слѣдующихъ одно за другимъ во времени культурныхъ состоянiй есть отношенiе прогресса (другiе называютъ это отношенiе, вслѣдствiе его постоянства, закономъ—«законъ прогресса»), для автора несомнѣнно. Задача состоитъ въ томъ, чтобы показать закономѣрность этого отношенiя, другими словами—показать (насколько мы понимаемъ задачу автора) законы, подъ дѣйствiемъ которыхъ слагаются отдѣльныя фазисы прогресса. Разрѣшается задача нѣсколько оригинальнымъ и слишкомъ ужъ простымъ спо-

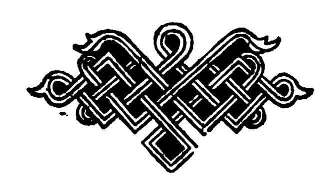
собомъ: мы видимъ, что, говоря о смѣнѣ культурныхъ эпохъ, авторъ употребляетъ выраженія: «должно было», «необходимо было» и думаетъ, повидимому, что этого совершенно достаточно для достиженія цѣли: если я говорю, что одно явленіе «должно было» послѣдовать за другимъ, то этимъ показываю, что эта послѣдовательность есть результатъ закона [1]) (какого?), что данный фазисъ прогресса закономѣренъ, что часть задачи, разрѣшенію которой посвящена книга, такимъ образомъ, выполнена. Сущность операціи заключается въ перенесеніи на историческія явленія идеи всеобщей законосообразности и въ измѣненіи изложенія, стиля, соотвѣтственно этой идеѣ (вмѣсто: «случилось» — «должно было случиться»; вмѣсто: «Римъ погибъ подъ напоромъ варваровъ» — «Римъ долженъ былъ погибнуть...»).

При чтеніи подобнаго произведенія можетъ возникнуть обманчивое представленіе, что автору точно извѣстны законы, подъ дѣйствіемъ которыхъ сложилось то или другое явленіе, и что онъ только по недостатку мѣста или инымъ причинамъ не считаетъ нужнымъ формулировать ихъ. Конечно, такое представленіе можетъ возникнуть только у человѣка, совершенно незнакомаго съ исторической литературой. Кто знакомъ съ двумя-тремя монографіями, тотъ уже знаетъ, что эти «должно», «необходимо»—только manière de parler, только стремленіе показать, что авторъ тоже считаетъ историческія явленія совершающимися законосообразно,—тотъ пойметъ что Ганзенъ пишетъ по сложившемуся шаблону, не имѣя понятія ни о какихъ законахъ соціальнаго развитія. На этотъ-то шаблонъ мы и обращаемъ вниманіе читателей, какъ на крупнѣйшій тормазъ развитія исторической науки. Создался онъ тогда, когда общее духовное развитіе нашего вѣка заставило историковъ признать ислѣдуемыя ими явленія за совершающіяся по неизмѣннымъ законамъ, а матеріалъ, подлежащій изслѣдованію, съ другой стороны, сложился въ прочныя традиціонныя рамки, по неизмѣнной традиціонной системѣ и порядку (три періода, послѣдовательность выступленія народовъ, хронологическая послѣдовательность явленій въ жизни одного народа и т. д.). Предстояла дилемма: или, признавши законосообразность историческихъ явленій, искать управляющіе ими законы, т. е. изслѣдовать явленія въ ряду однородныхъ, и для этого разрушить систему, основанную не на качествахъ явленій, а на ихъ отношеніи во времени, другими словами—отказаться отъ разсказа; или сохранить сложившуюся систему, остаться на почвѣ разсказа и отказаться отъ исканія законовъ. Практика создала нѣсколько компромиссовъ вмѣсто опредѣленнаго выхода въ ту или другую сторону. Одни въ предисловіяхъ къ «Allgemeine-Welt-Geschichte» толковали, что задача исторіи

[1]) Ибо иначе оно не должно было бы послѣдовать.

заключается въ раскрытiи законовъ человѣческаго развитiя, а потомъ свободно успокоивались на разсказахъ о томъ, что были постройки Тарквинiя, потомъ была конституцiя Сервiя Туллiя, а потомъ было оскорбленiе Лукрецiи; другiе—и между ними считаются такiе корифеи, какъ Курцiусъ — ухватились за указанный нами выше шаблонъ, какъ за средство примирить существующую систему изложенiя съ требованiями, возникавшими вслѣдствiе перенесенiя въ историческое изслѣдованiе идеи законосообразности: разсказъ ведется своимъ чередомъ, а историкъ дѣлаетъ видъ, будто онъ не разсказываетъ, а объясняетъ конкретныя явленiя, приводя ихъ въ связь съ тѣмъ или другимъ закономъ, почему и разсыпаетъ направо и налѣво свои «долженъ былъ», «необходимо должны были» и пр. Читатель согласится, безъ сомнѣнiя, что такая операцiя есть въ сущности научный подлогъ. Если этотъ подлогъ совершается сплошь и рядомъ, если его продѣлываютъ историки, имѣющiе около себя массу подражателей, то понятно становится, какое сильное противодѣйствiе оказываетъ онъ развитiю историческаго изслѣдованiя: онъ упраздняетъ связанное съ идеей законосообразности историческихъ явленiй стремленiе изслѣдовать постоянство отношенiй между историческими явленiями, вырывая факты изъ хронологической связи и систематизируя ихъ по однородности, упраздняетъ неизбѣжную при подобныхъ задачахъ перестройку всего зданiя такъ-называемой всеобщей исторiи и даетъ фальшивое удовлетворенiе потребностямъ научнаго изслѣдованiя посредствомъ ничтожной работы, состоящей въ замѣнѣ одной формы выраженiя другой, а кто почувствовалъ уже такое удовлетворенiе, тотъ, какъ работникъ, потерянъ для исторической науки.

И. Смирновъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. К. К. Зейдлица. Спб. 1883.

Книжка К. К. Зейдлица составляетъ, безъ сомнѣнія, лучшій подарокъ, какой только могло получить русское общество ко дню недавно отпразднованнаго въ разныхъ концахъ Россіи столѣтняго юбилея нашего высоко-даровитаго поэта. О Жуковскомъ много было писано; въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ печатались свѣдѣнія о его жизни, критика опредѣляла значеніе его въ нашей литературѣ, а въ „Сборникѣ Историческаго Общества" недавно обнародованы драгоцѣнные матеріалы, выясняющіе высокую дѣятельность его при воспитаніи и образованіи покойнаго государя Александра Николаевича. Но, понятно, что, несмотря на это, должны быть очень интересны разсказы человѣка, который впродолженіе сорока лѣтъ былъ близко знакомъ съ Жуковскимъ и его родными, пользовался дружескимъ расположеніемъ поэта, дѣлилъ съ нимъ его радости и печали, зналъ его задушевныя мысли и надежды и знакомъ былъ съ самымъ источникомъ и зарожденіемъ многихъ его произведеній. Жизнь нашего поэта не отличалась внѣшнимъ разнообразіемъ событій, но она чрезвычайно богата внутренней, духовной дѣятельностью, и поэтому-то его біографія должна слагаться изъ тѣхъ мелкихъ, въ сущности же весьма важныхъ, подробностей, какіе могли сохраниться только въ памяти близкихъ къ нему, людей, которыхъ онъ любилъ и которые его любили. Въ этомъ смыслѣ и замѣчательна книга, о которой мы говоримъ.

Сочиненіе Зейдлица нельзя назвать новостью въ нашей литературѣ. Въ 1869 году оно напечатано было въ русскомъ оригиналѣ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", подъ не вполнѣ соотвѣтствовавшемъ ему заглавіемъ: „Очеркъ развитія поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго". Но здѣсь оно помѣщено было съ сокращеніями и пропусками, сдѣланными частію самимъ авторомъ, а частію редакціею журнала. Въ слѣдующемъ за-

тѣмъ году оно вышло въ полномъ нѣмецкомъ переводѣ въ Митавѣ, подъ заглавіемъ: „Wasily Andrejewitsh Soukoffsky. Ein russisches Dichterleben, von Dr. Karl v. Seidlitz". Въ послѣднее время авторъ вновь пересмотрѣлъ свою рукопись, и ко дню юбилея Жуковскаго она издана вполнѣ редакціею „Вѣстника Европы". Въ этомъ изданіи трудъ Зейдлица является уже въ русскомъ текстѣ безъ сокращеній. Книга эта можетъ быть названа лучшимъ вѣнкомъ, положеннымъ на могилу незабвеннаго поэта въ сотую годовщину дня его рожденія. Нельзя не согласиться съ г. Висковатовымъ, который въ предисловіи къ сочиненію К. К. Зейдлица говоритъ: „Твердо запечатлѣлъ и свято сохранилъ въ сердцѣ своемъ образъ поэта многолѣтній другъ его. Теплымъ вниманіемъ и рѣдкою любовью проникнуто его жизнеописаніе Жуковскаго — литературный памятникъ, поставленный поэту рукою преданнаго и вѣрнаго его друга".

Въ книгѣ Зейдлица во-первыхъ выяснился окончательно спорный вопросъ относительно года и дня рожденія Жуковскаго, на чемъ расходились до сихъ поръ указанія его біографовъ. Теперь, на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ и соображеній, слѣдуетъ положительно считать, что поэтъ нашъ родился 29-го января 1783 года. Точно также въ первый разъ доказано здѣсь, что мать Жуковскаго, турчанка Сальха, названная при крещеніи Елизаветой Дементьевною, дожила до 72-хъ лѣтняго возраста и скончалась въ 1808 году. Объ отцѣ поэта, Аѳанасіѣ Ивановичѣ Бунинѣ, свѣдѣній сохранилось немного, и самъ Жуковскій очень рѣдко, и то только мимоходомъ, упоминалъ о немъ въ своихъ письмахъ. Но что касается многочисленной семьи Буниныхъ, въ которой протекло дѣтство и первая молодость его и съ которою и впослѣдствіи онъ былъ въ самыхъ теплыхъ родственныхъ отношеніяхъ, это болѣе или менѣе извѣстно изъ разныхъ источниковъ и еще пополняется подробностями, сообщенными Зейдлицемъ. Въ отношеніи біографіи самого Жуковскаго до настоящаго времени лучшимъ источникомъ была книга П. А. Плетнева: „О жизни и сочиненіяхъ Василія Андреевича Жуковскаго", изданная въ 1853 году. Но въ рукахъ ея автора, какъ видно, не было такого матеріала, какимъ пользовался Зейдлицъ. Вотъ почему сочиненіе послѣдняго можно считать самою полною біографіею нашего поэта, и хотя до сихъ поръ его многочисленная переписка далеко еще не обнародована, но едва ли и она прибавитъ что-либо фактическое къ изданной теперь книгѣ.

Сочиненіе К. К. Зейдлица раздѣлено на три отдѣла: въ первомъ представлена жизнь Жуковскаго съ его рожденія до 1815 года, когда онъ простился окончательно съ своей замосковной родиной; ко второму періоду относится время жизни его въ Дерптѣ и Петербургѣ отъ 1815 до 1841 года, а третій періодъ заключаетъ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ его жизни за-границей, до кончины въ 1852 году. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ авторъ разсказываетъ событія изъ жизни Жуковскаго въ связи съ его поэтической дѣятельностью, приводя постоянно отрывки изъ его сочиненій и писемъ, что даетъ возможность слѣдить за духовнымъ развитіемъ и настроеніемъ поэта въ различныя эпохи. Все это представляетъ не мало новыхъ подробностей и выводовъ. Особенно полно выясняются въ книгѣ Зейдлица отношенія Жуковскаго къ его племянницѣ по отцѣ, Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, которая, какъ извѣстно, имѣла огромное вліяніе нетолько на жизнь его, но и на весь характеръ его поэзіи. Едва ли на кого нибудь изъ поэтовъ женщина производила такое долгое и неизмѣнное впечатлѣніе, какъ на Жуковскаго эта родная ему Маша, которую онъ лю-

билъ самой нѣжной и чистой любовью, которая была источникомъ его вдохновенія и дала направленіе его поэзіи. Подробности, сообщаемыя Зейдлицемъ, о происхожденіи многихъ стихотвореній Жуковскаго, самыя эти стихотворенія и письма поэта вполнѣ опредѣляютъ настоящій источникъ того настроенія въ его поэзіи, которое прежде приписывали только вліянію нѣмецкаго романтизма. Теперь, изъ обнародованныхъ матеріаловъ касательно жизни поэта, ясно обнаруживается, что этотъ романтизмъ находится въ тѣсной связи съ его собственнымъ характеромъ и пережитыми поэтомъ впечатлѣніями. Во многихъ созданныхъ имъ образахъ отражалась любимая имъ дѣвушка; въ вымыслы, заимствованные у романтическихъ поэтовъ, вносилъ онъ собственныя свои чувства и мечты; въ элегической грусти всѣхъ этихъ Теоновъ, Эдвиновъ, Аньсѣмовъ выражались его сердечныя страданія; его Эльвины и Минваны были родственны ему по отношенію къ Машѣ, и самая Ундина была потому же близка его сердцу. Мы не будемъ объяснять этого въ подробности, такъ какъ читатели ознакомились съ этимъ вопросомъ изъ напечатанной въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ статьи по поводу юбилея Жуковскаго. Замѣтимъ только, что для полнаго разъясненія этого вопроса наибольшее число фактовъ представляетъ книга Зейдлица.

Въ высокой степени интересны приводимыя Зейдлицемъ письма Жуковскаго къ племянницѣ его Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, которая была постоянной утѣшительницей въ его горестяхъ. Ей высказывалъ онъ самыя задушевныя свои мысли и чувства. Такъ, извѣщая ее о преждевременной кончинѣ Марьи Андреевны, онъ пишетъ изъ Дерпта: „Кому уступить святое право, милый другъ, милая сестра (и теперь вдвое противъ прежняго), говорить о послѣднихъ минутахъ нашего земнаго ангела,теперь небеснаго, вѣчно, безъ измѣненія нашего. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, вы почти безпрестанно въ моей памяти. Съ ея святымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость, прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новой силой. Она съ нами на все время, пока здѣсь еще пробудемъ, не видя глазами ее; но знаю, что она съ нами, и болѣе наша — наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія!.. Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь — святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть для меня теперь одно дѣйствіе воображенія; нѣтъ, это нѣтъ! Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ. Время ничего не сдѣлаетъ, развѣ только одно: нашъ милый товарищъ будетъ часъ отъ часу ощутительнѣе своимъ присутствіемъ, я въ этомъ увѣренъ. Мысль о ней, полная одобренія для будущаго, полная благодарности за прошедшее, словомъ — религія!“ Однихъ этихъ строкъ достаточно, чтобы видѣть, изъ какого источника развился романтизмъ Жуковскаго, на чемъ основаны его собственныя созданія и какія изъ поэтовъ иностранныхъ могли быть ему наиболѣе симпатичны.

Избранный императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ наставники къ наслѣднику престола, Жуковскій, какъ извѣстно, отдался вполнѣ этому высокому назначенію. Въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“ напечатаны были подробныя свѣдѣнія объ ученіи государя императора Александра Николаевича, и изъ нихъ видна вполнѣ дѣятельность Жуковскаго при исполненіи возложенной на него великой задачи. Хотя этотъ предметъ не входитъ

повидимому въ планъ сочиненія Зейдлица, однако же въ книгѣ его есть и въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній относительно положенія, какое занималъ Жуковскій въ царственной семьѣ и какимъ пользовался расположеніемъ со стороны лицъ императорской фамиліи. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести напечатанное Зейдлицемъ письмо Жуковскаго къ совоспитанницѣ его Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ. „Въ головѣ моей, пишетъ онъ, одна мысль, въ душѣ одно желаніе,—не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность! (Не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ—за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться!) Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ, но кругъ дѣйствій безпрестанно будетъ расширяться. Занятій множество. Надобно учить и учиться, и время захвачено. Прощай навсегда поэзія—съ риемами. Поэзія другаго рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь“. Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько писемъ Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу, изъ которыхъ въ одномъ поэтъ поручаетъ своему другу распоряженія относительно своего духовнаго завѣщанія.

А. М.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1880 г. Спб. 1882 г.

Ежегодные отчеты одного изъ богатѣйшихъ нашихъ книгохранилищъ, публичной библіотеки въ Петербургѣ, составляются въ такомъ видѣ, что по нимъ можно изъ года въ годъ слѣдить за развитіемъ какъ книжнаго дѣла въ Россіи, такъ и потребности въ серьезномъ ученіи. Составъ ея пополняется, независимо отъ обязательныхъ экземпляровъ всѣхъ выходящихъ въ Россіи сочиненій, присылаемыхъ цензурнымъ вѣдомствомъ, частными приношеніями и черезъ покупку. Относительно экземпляровъ, поступающихъ отъ цензурнаго вѣдомства, надо сказать, что число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ и въ отчетномъ году оно простиралось до 11.264 томовъ (10.660 соч.); сверхъ того, отъ разныхъ учрежденій получено 1.032 соч. въ 1.418 т., отъ частныхъ лицъ 2.576 соч. въ 2.989 т. и куплено библіотекою 2.998 соч. въ 4.863 т. Отдѣлъ рукописей и автографовъ также обогащается. Въ отчетномъ году ихъ поступило въ библіотеку 512, причемъ частныхъ приношеній 67 и куплено 445; картъ и плановъ 179; эстамповъ и фотографій—1.548; нотъ—691. Что касается пользованія библіотекой, данныя, соообщенныя въ отчетѣ за 1880 г., свидѣтельствуютъ о возрастающей потребности въ публикѣ и къ систематическимъ занятіямъ въ нашемъ книгохранилищѣ и къ чтенію. Такъ, билетовъ для занятій выдано было 11.960 (въ прошломъ году 11,459), посѣтителей въ общей читальной залѣ было 113.941 (въ 1879 г. 104.922). Общее число взятыхъ посѣтителями для чтенія книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ, было 272.063 тома (въ 1879 году 245.872 т.), повременныхъ изданій 55.446 нумеровъ (въ 1879 г. 47.006 нумеровъ). Читателямъ „Историческаго Вѣстника“ не безъинтересно, разумѣется, узнать о существующемъ спросѣ на сочиненія историческаго характера. Въ отчетѣ зна-

чится, что по отдѣлу исторіи съ ея вспомогательными науками выдано 713 соч. въ 1.238 т. Изъ періодическихъ изданій только „Русскій Архивъ“ и „Записки Русскаго Историческаго Общества“ не были вовсе требуемы посѣтителями. На остальные историческіе журналы поступали требованія въ такомъ порядкѣ: на „Русскую Старину“ 926 (отказано въ 131 требованіяхъ), на „Древнюю и Новую Россію“ 264 (отказано 36), на „Историческій Вѣстникъ“ 262 (это, какъ знаютъ читатели, первый годъ нашего изданія), на „Историческую Библіотеку“ 67 (отказано въ 17) и на „Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 26 (отказано 4).

Для тѣхъ, кто слѣдитъ за приведеніемъ въ общую извѣстность коллекцій рукописей и книгъ, отмѣтимъ поступившее въ библіотеку собраніе изъ 12-ти русскихъ рукописей, принесенное въ даръ докторомъ Н. Г. Ординымъ, изъ Сольвычегодска. По времени написанія всѣ эти рукописи принадлежатъ XVII и XVIII столѣтіямъ, а по содержанію однѣ изъ нихъ относятся къ исторіи и географіи сѣвера Россіи и Сибири (Лѣтописецъ Сольвычегодскій, Сибирская лѣтопись Саввы Есипова, лѣтописецъ Новгородскій, лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго), другія же — къ разнымъ предметамъ (Страсти Господни, извлечено изъ проповѣдей Гедеона Криновскаго, Травникъ, сборники). Слѣдуетъ также упомянуть о принесенномъ въ даръ директоромъ королевской библіотеки въ Стокгольмѣ Клеммингомъ собранія болѣе 150 брошюръ, относящихся по большей части до исторіи лифляндскихъ дворянскихъ фамилій. Большинство этихъ брошюръ состоитъ изъ стихотвореній по поводу разныхъ событій, свадебъ, похоронъ и проч., а также выборовъ въ ректоры и профессора университетовъ и т. д.; но встрѣчаются также брошюры историческаго содержанія, давно уже тщетно пріискивавшіяся для отдѣленія „Rossica“ библіотеки. Таковы, напр., очень рѣдкія брошюры: „Narva triumphans super victoriam quam Carolus XII in campis Narvensilus reportavit. Holmiae 1700“ и „Narva Moscorum clade nobilitata. S. l. 1700“. Купленное библіотекою у грузинскаго князя Іоанна Александровича съ высочайшаго разрѣшенія собраніе грузинскихъ рукописей и книгъ, кромѣ 76 автографовъ и 101 печатной книги, заключаетъ въ себѣ 361 рукопись, изъ которыхъ многія весьма замѣчательны.

Частными лицами подарены, а также куплены самою библіотекой: нѣсколько отрывковъ изъ богослужебныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, XI-го, XII-го и XIII-го вѣковъ; нѣсколько русскихъ сборниковъ, духовнаго, историческаго и литературнаго содержанія; не изданныя записки Ив. Ив. Мѣшкова (р. 1767 г., ум. 1844 г.); десять рукописей на языкахъ персидскомъ, адербейджанскомъ и арабскомъ, религіознаго, нравоучительнаго, юридическаго и литературнаго содержанія; два собственноручныя письма Шамиля, съ переводомъ на русскій языкъ; автографы А. Ѳ. Гильфердинга, Г. Берліоза, М. И. Глинки, Ѳ. І. Іордана, Ф. Листа, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, Г. Р. Державина и друг.

Изъ числа художественныхъ произведеній библіотеки за 1880 годъ заслуживаютъ упоминовенія: очень рѣдкій литографированный и раскрашенный портретъ Петра Великаго, исполненный съ оригинала масляными красками, находившійся въ сербскомъ монастырѣ „Великая Ранета“ и въ настоящее время купленный для императорскаго эрмитажа. Копія съ этого портрета была приложена къ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ 1882 года; портретъ гравера Чесскаго, рисованный карандашемъ ученикомъ Чесскаго М. Дмитріевымъ, и сдѣланный карандашемъ эскизъ художника Красницкаго, изображающій мѣсто дуэли Пушкина.

Графиня Л. А. Мусина-Пушкина, исполняя желаніе своего покойнаго супруга графа Алексѣя Ивановича, принесла въ даръ библіотекѣ пять найденныхъ на мѣстѣ древней Оливіи, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, мраморныхъ плитъ, на которыхъ высѣчены греческія надписи. Изъ этихъ камней одинъ, имѣющій надписи съ трехъ сторонъ, служилъ подножіемъ двумъ статуямъ, поставленнымъ въ честь Каракалла и брата его Септимія Геты; на прочихъ же начертаны: псефизмъ или опредѣленіе совѣта и жителей города Ольвіи въ честь Протогена; прославленіе подвиговъ жителя Ольвіи Ѳеокла, сына Сатирова, и указаніе какія города поднесли ему золотые вѣнцы; опредѣленіе совѣта и гражданъ Оливіи о награжденіи золотыми вѣнцами стратиговъ Наутимана и его сотоварищей; псефизмъ въ честь Дада, сына Тумбасова.

Ѳ. В.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе Общества Любителей Россійской Словесности. М. 1883.

Во время московскихъ празднествъ въ честь А. С. Пушкина при открытіи ему памятника въ 1880 году, Обществомъ Любителей Россійской Словесности была устроена выставка портретовъ поэта, его бюстовъ, автографовъ, нѣкоторыхъ его вещей, видовъ, мѣстностей, и портретовъ лицъ, близко стоявшихъ къ покойному, а равно изданій его сочиненій, ихъ переводовъ и рисунковъ къ нимъ. По окончаніи выставки, Общество рѣшило издать снимки съ нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ, присоединивъ къ нимъ текстъ съ надлежащими объясненіями. Осуществленіе такого нелегкаго дѣла было возложено на одного изъ членовъ Общества, г. Л. Поливанова, который исполнилъ его весьма удовлетворительно. Изданный имъ „Альбомъ Пушкинской выставки“ заключаетъ въ себѣ біографическій очеркъ Пушкина, составленный г. Венкштерномъ и 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. Панова.

Біографическій очеркъ, написанный г. Венкштерномъ не заключаетъ въ себѣ новыхъ данныхъ о Пушкинѣ, а представляетъ лишь добросовѣстный и тщательно провѣренный сводъ того, что уже было напечатано о немъ. Главное значеніе „Альбома“ составляютъ рисунки, превосходно воспроизведенные г. Пановымъ. Кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, автографовъ и рисунковъ самаго Пушкина, мы встрѣчаемъ здѣсь портреты его отца, матери, жены, родныхъ, лицъ, находившихся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ, напр. Жуковскаго, Вяземскаго, Пущина, Нащокина, Чаадаева, Даля, Плетнева, Языкова, Гоголя, Геккерна-Дантеса и др., нѣсколько видовъ села Болдина, Захарова, снимокъ съ рѣдкой картины Чернецова, изображеніе кабинета Жуковскаго и т. д. Въ типографскомъ отношеніи изданіе безукоризненно, и мы увѣрены, что всѣ почитатели памяти Пушкина будутъ искренно признательны „Обществу“ за этотъ „Альбомъ“.

Н. С.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ VIII. Спб., 1883.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ новомъ томѣ сочиненій князя П. А. Вяземскаго напечатана его „Старая записная книжка". Это обширный сборникъ самыхъ разнообразныхъ замѣтокъ, которыя записывались впродолженіе многихъ лѣтъ, либо для того, чтобы сохранить ихъ изъ любопытства, или, можетъ быть, съ цѣлью воспользоваться ими, какъ матеріаломъ, для какихъ нибудь литературныхъ статей. Сборникъ этотъ представляетъ какой-то литературный калейдоскопъ изъ множества отдѣльныхъ мыслей, замѣчаній, историческихъ фактовъ, анекдотовъ, сужденій и разсказовъ о лицахъ и произведеніяхъ искусства. И несмотря на то, что все это набрасывалось нà-скоро и не предназначалось въ такомъ видѣ для печати, вы не можете оторваться отъ этой книжки, въ которой умъ, наблюдательность, вкусъ и талантъ князя Вяземскаго блещутъ съ неменьшею силою и яркостью, чѣмъ въ его обработанныхъ сочиненіяхъ. Только даровитый человѣкъ, долго жившій, знавшій хорошо общество и обладавшій обширными связями въ различныхъ его слояхъ, могъ оставить послѣ себя такую памятную книжку, которая представляетъ болѣе матеріала для характеристики общественной жизни нашего столѣтія, чѣмъ иные систематически веденные мемуары и историческія записки.

Прежде всего обращаютъ здѣсь вниманіе замѣтки, которыя относятся къ историческимъ лицамъ и опредѣляютъ при этомъ какую нибудь черту изъ ихъ жизни или характера. Иногда это записывается просто какъ фактъ, но нерѣдко связывается съ сужденіемъ самого автора, причемъ высказывается какая нибудь мѣткая и замѣчательная мысль. Но между мелкими разсказами и отрывочными сужденіями о государственныхъ лицахъ и общественныхъ дѣятеляхъ въ книжкѣ встрѣчаются и довольно обширныя характеристики. Таковы, напримѣръ, статьи о Сперанскомъ и Магницкомъ. О томъ и другомъ у насъ писано много, но въ отзывѣ князя Вяземскаго есть черты, какихъ мы не находимъ у другихъ біографовъ: его взглядъ вполнѣ самостоятельный. Мы позволимъ себѣ указать на болѣе характерныя его замѣчанія. „Сперанскій, пишетъ онъ, былъ умъ свѣтлый, гибкій, воспріимчивый, можетъ быть слишкомъ воспріимчивый; но съ другой стороны, умъ его былъ болѣе объемистый, нежели глубокій, умъ болѣе сообразительный, нежели заключительный. При всей наклонности своей къ нововведеніямъ, онъ мало имѣлъ въ себѣ почина и творчества. Въ нововведеніяхъ своихъ былъ онъ болѣе подражатель, часто трафарельщикъ... Кѣмъ-то сказано, что Сперанскій былъ преимущественно чиновникъ огромнаго размѣра... Въ замыслахъ Сперанскаго не было ничего преступнаго и въ юридическомъ смыслѣ государственно-измѣнническаго, но было что-то предательское въ личныхъ отношеніяхъ къ государю... Онъ палъ, никѣмъ не оплаканный; развѣ одинъ государь искренно и прискорбно сочувствовалъ паденію, котораго былъ онъ, такъ сказать, невольнымъ виновникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что государь любилъ Сперанскаго болѣе, нежели Сперанскій любилъ его". Не менѣе любопытна и характеристика Магницкаго, котораго князь Вяземскій называетъ подмастерьемъ Сперанскаго. „Многіе привыкли, говоритъ онъ, видѣть въ Магницкомъ только лѣшаго казанскихъ лѣсовъ или казанскаго университета. Какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ нѣкоторыя и человѣческія черты. Зачѣмъ же не приводить и ихъ въ извѣстность?.. Честолюбіе и одностороннее стремленіе,

доводящее до фанатизма, могутъ исказить и подавить лучшія внутреннія качества, умственныя и нравственныя. Съ другой стороны развиваютъ они и воплощаютъ недобрые зародыши, которые въ томъ или другомъ видѣ, въ той или другой степени силы, гнѣздятся въ глубокомъ тайникѣ каждаго человѣка. Вотъ, кажется, исторія и Магницкаго". Въ приговорахъ своихъ о людяхъ авторъ постоянно руководится чувствомъ независимости и справедливости, не преклоняясь передъ авторитетами, но и не вѣря на слово рутиннымъ обвиненіямъ.

Многочисленныя знакомства и связи съ лучшими писателями временъ Карамзина и Пушкина доставили возможность князю Вяземскому внести въ свою записную книжку цѣлую массу фактовъ, весьма любопытныхъ для всякаго интересующагося русской литературой. Тутъ и анекдоты о лучшихъ дѣятеляхъ той же эпохи, и свѣдѣнія относительно тѣхъ или другихъ ихъ произведеній. Отъ вниманія его не ускользалъ ни замѣчательный по чему нибудь случай, ни остроумное или характерное выраженіе, ни мѣткая мысль; все это заносилось на память, часто съ какимъ нибудь собственнымъ замѣчаніемъ. Нерѣдко какая нибудь подробность, относящаяся къ извѣстному лицу, очень живо опредѣляетъ его характеръ. Но и здѣсь, между мелкими замѣтками, встрѣчаются довольно крупные эпизоды. Такъ напримѣръ, въ книжку вписаны рѣчи, читанныя при пріемѣ въ извѣстное „арзамасское общество" Василья Львовича Пушкина, причемъ находимъ и характеристику этой „шуточной академіи", которая принесла несомнѣнную пользу русской литературѣ. Вмѣстѣ съ анекдотическими замѣтками о нашихъ писателяхъ, въ записной книжкѣ князя Вяземскаго разсѣяно множество критическихъ отзывовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ характеръ довольно полныхъ статей, представляющихъ любопытныя соображенія и вѣрные выводы. Таковы, напримѣръ, страницы объ одахъ Ломоносова, о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Дмитріева и чрезвычайно любопытное изложеніе содержанія повѣсти, которую задумывалъ писать Дельвигъ. Кромѣ отзыва о русскихъ писателяхъ, въ книжкѣ есть и замѣчанія, иногда довольно подробныя, о произведеніяхъ иностранныхъ литературъ. Тутъ находимъ дѣльныя и остроумныя рецензіи романа Манцони „Обрученные", романа Купера „Красный корсаръ", записокъ графа де-Бріенна, романа Виктора Гюго „Han d'Islande" и проч. Къ характеристикѣ сочиненія прибавляется иногда какой нибудь анекдотъ. Такъ, при отзывѣ о романѣ Гюго князь Вяземскій передаетъ, что извѣстный своими остротами князь Меншиковъ по поводу этого сочиненія прозвалъ посланнаго для правительственныхъ преобразованій на Кавказъ Гана: Han de Courlande.

Среди мелкихъ анекдотическихъ разсказовъ и замѣтокъ въ записной книжкѣ князя П. А. Вяземскаго мы находимъ и серьёзныя статьи по предметамъ искусства и литературы, обращающія на себя вниманіе вѣрностью взгляда и нерѣдко глубиною мысли, не смотря на легкость и даже небрежность формы. Въ небольшомъ очеркѣ „Музыка и живопись" высказано очень оригинальное мнѣніе о значеніи и различіи этихъ искусствъ. Князь Вяземскій симпатизировалъ больше музыкѣ, но повидимому не сочувствовалъ новой школѣ. Онъ говоритъ, что примѣнять реализмъ къ музыкѣ такъ же нелѣпо, какъ вводить поэзію въ алгебру. При этомъ онъ приводитъ чье-то замѣчаніе, которому и самъ сочувствуетъ: „Я ничего не имѣлъ бы противъ музыки будущаго, если бы не заставляли насъ слушать ее въ настоящемъ". Въ отзывахъ о русской комедіи и критикѣ много замѣчаній, которыя хотя и не могутъ быть признаны

правильными въ наше время, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія по своей оригинальности. На одной изъ страницъ своей книжки князь Вяземскій упрекаетъ нашу комедію въ недостаткѣ дѣйствія и говоритъ, что русскія комедіи слѣдовало бы поэтому дѣлить не на акты, а на главы, и персонажи въ нихъ называть не дѣйствующими лицами, а лицами разговаривающими, или еще точнѣе—говорящими. Разумѣется, это писано до появленія „Ревизора“ и комедій Островскаго, а судя по извѣстной книгѣ автора о Фонвизинѣ, нѣтъ сомнѣнія, что онъ не подводилъ подъ свой приговоръ и „Недоросля“. О критикахъ нашихъ, не исключая и Бѣлинскаго, князь Вяземскій былъ не высокаго мнѣнія, можетъ быть, оттого особенно, что не раздѣлялъ увлеченія, съ какимъ у насъ нападали на глубоко уважаемые имъ авторитеты и на людей, горячо имъ любимыхъ. У насъ многіе смотрѣли на князя Вяземскаго какъ на аристократа и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка отсталаго, который относился будто бы свысока къ позднѣйшимъ представителямъ русской литературы и смотрѣлъ враждебно на журналистику. Несправедливость такого заключенія видна изъ всѣхъ его сочиненій и даже изъ многихъ мѣстъ его записной книжки. Поводомъ къ обвиненію его въ барствѣ и отсталости служила только его открытая искренность, съ какою онъ относился иногда очень рѣзко къ тому, что считалось у насъ какъ бы неприкосновеннымъ; въ сущности онъ не хотѣлъ только поклоняться кумирамъ, хотя бы они и уважались большинствомъ. Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ о печати и журналистикѣ: „Печать не есть самобытная и нераздѣльная власть; напротивъ, она на дѣлѣ многосложна, многообразна. Какова мысль, какова рука, такова и печать. Печать равнодушно, равно послушно и машинально печатаетъ истину и ложь, мудрость и нелѣпость... Она не отвѣтственное, единичное лицо: имя ея легіонъ... Журналистика въ наше время, какъ у насъ, такъ и вездѣ, является одною изъ богатѣйшихъ, многоплоднѣйшихъ вѣтвей того дерева познанія блага и зла, дерева, которое широко разрослось и глубоко укоренилось подъ именемъ печати... Печать, особенно журнальная, бдительная, боевая, выдаетъ себя въ своемъ разнообразіи за уполномоченнаго присяжнаго повѣреннаго отъ лица общественнаго мнѣнія; а между тѣмъ у каждой газеты есть свое доморощенное, крѣпостное, къ газетѣ, какъ къ землѣ, приписное общественное мнѣніе. Этимъ мнѣніемъ она преподаетъ, проповѣдуетъ, устрашаетъ, обнадеживаетъ, пророчитъ, законодательствуетъ, казнитъ, милуетъ. Все это дѣйствуетъ на толпу: она увлекается печатью, идолопоклонствуетъ передъ нею, вѣруетъ въ нее или боится ея. Пожалуй, добрые люди подхватятъ и Богъ вѣсть какую напраслину на меня наклепаютъ: обзовутъ меня дикаремъ, ненавистникомъ просвѣщенія и проч. Напротивъ, люблю печать вообще и журналистику въ особенности, не менѣе каждаго порицателя моего, и уважаю ихъ вѣроятно болѣе, нежели многіе, но именно потому, что уважаю, то я и взыскателенъ, и разборчивъ, и мнителенъ“.

Разсортировать всю массу собранныхъ въ записной книжкѣ князя П. А. Вяземскаго матеріаловъ и дать хотя приблизительное понятіе о ихъ разнообразіи и занимательности невозможно не только въ краткой рецензіи, но и въ обширной критической статьѣ. Это сборникъ, писанный годами, при различныхъ обстоятельствахъ, по разнымъ поводамъ, съ разнымъ настроеніемъ духа. Все записанное здѣсь получаетъ особенное значеніе потому, что это не сочинялось, не вырабатывалось, не назначалось для показа или обсужденія, а вносилось подъ живымъ впечатлѣніемъ, безъ всякой преднамѣренной цѣли. Несмотря на отрывочность, безсвязность и даже мелочность многихъ фактовъ,

въ оригинальной книжкѣ этой отражаются многія стороны русскихъ нравовъ за многіе годы и вмѣстѣ съ тѣмъ живо рисуется личность ея составителя, одного изъ замѣчательныхъ людей своего времени. По обилію отрывочныхъ и мелкихъ замѣтокъ, иногда въ двухъ или трехъ строкахъ, читать эту книгу подрядъ утомительно, но къ ней всегда можно возвращаться съ новымъ интересомъ и удовольствіемъ: она долго можетъ быть книгою настольною. Можно сожалѣть только о томъ, что князь Вяземскій, внося въ записную книжку свои мысли и сужденія, анекдоты и слышанные отъ разныхъ лицъ разсказы, не подписывалъ при этомъ времени, когда все это записывалось. При нѣкоторыхъ его замѣткахъ чувствуется, какъ при этомъ необходимо было бы знать, когда именно внесены они въ книжку. Нельзя однако же не поблагодарить редактировавшихъ изданіе за помѣщеніе въ концѣ тома алфавитнаго указателя, который хотя отчасти можетъ помогать читателю оріентироваться въ массѣ собранныхъ матеріаловъ. Если мы не ошибаемся, то записная книжка князя Вяземскаго въ настоящемъ томѣ еще не кончена.

А. М.

Путешествіе по Италіи въ 1875 и 1880 гг. И. Цвѣтаева. М. 1883.

Путешествіе по Италіи предпринято было г. Цвѣтаевымъ съ ученою цѣлью— ознакомиться на мѣстѣ съ памятниками древнеиталійской письменности, такъ что книга г. Цвѣтаева есть въ то же время и отчетъ объ его ученыхъ работахъ. Но она выгодно отличается отъ обычныхъ ученыхъ отчетовъ нашихъ профессоровъ. Сухость изложенія, какъ будто преднамѣренная спеціализація предмета, чтобъ заглушить въ публикѣ всякій порывъ впечатлительности, таковы главнѣйшіе отличительные черты этихъ отчетовъ. Тутъ, разумѣется, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобъ въ неподготовленномъ читателѣ пробудить интересъ къ предмету, занимающему ученаго, внушить любовь къ этому предмету. Куда ужъ тамъ любовь? Гг. ученые очень рѣдко снисходятъ до того, чтобъ удостоивать вниманія обыкновенныхъ смертныхъ, имѣющихъ претензію слѣдить за движеніемъ науки вообще и въ частности за успѣхами ихъ спеціальности. Этимъ невниманіемъ къ обществу, безъ сомнѣнія, въ значительной степени объясняется и то обстоятельство, что ученые труды у насъ не проникаютъ въ кругъ среднеобразованныхъ людей, что они точно издаются только для самихъ авторовъ и близкихъ друзей ихъ и, вовсе не составляя біографической рѣдкости, обречены все-таки лежать безъ движенія въ книжныхъ складахъ. Г. Цвѣтаевъ иначе отнесся къ своей задачѣ. Очевидно, исполненный любви къ своей спеціальности, онъ старается пріобщить къ ней читателя. Не вдаваясь въ недоступныя подробности своихъ работъ, онъ умѣетъ въ ихъ описаніи, что называется, соблюсти мѣру: и ученый удовлетворенъ новизною свѣдѣній или новой группировкой приведенныхъ уже раньше въ извѣстность, и вообще каждый читатель, не испытывая томящей скуки, знакомится съ работами автора. Въ „Путешествіи по Италіи“ видно, что̀ переживаетъ авторъ, трудясь для науки, какимъ подспорьемъ его трудамъ является его общительность съ другими, какъ постепенно раскрываются передъ нимъ новые, невѣдомые факты, и тутъ же попутно даются живые характеристики лицъ и ученыхъ учрежденій. Читатель живо заинтересовывается дѣятельностью директора неаполитанскаго національнаго музея Джуліо де-Петра, въ Капуѣ — кампан-

скимъ музеемъ, въ Новѣ—мѣстной духовной семинаріей, въ Сорренто и Сициліи—экскурсіями автора, прекрасной характеристикой престарѣлаго Амари, въ Помпеѣ и Геркуланѣ — раскопками, о положеніи которыхъ г. Цвѣтаевъ сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія. Но вотъ побережье Адріатическаго моря, и вы знакомитесь въ городкѣ Васто съ археологическимъ музеемъ. Въ Васто нѣтъ ни одного археолога, а между тѣмъ есть археологическій музей. Мѣстные жители свое почтеніе къ древности роднаго края выражаютъ только приношеніемъ находимыхъ ими предметовъ римско-италійской эпохи въ даръ муниципіи.

О Римѣ и говорить нечего. Г. Цвѣтаевъ побывалъ тамъ дважды и представилъ въ своемъ отчетѣ все, чѣмъ можетъ быть привлекателенъ „священный городъ" для археолога и для каждаго, кто интересуется латинской филологіей. Вообще же ученое „Путешествіе" г. Цвѣтаева вполнѣ доступно публикѣ и въ этомъ отношеніи можетъ служить хорошимъ образчикомъ, какъ надо писать гг. ученымъ отчеты о своихъ работахъ и изысканіяхъ, если они желаютъ пробудить интересъ въ обществѣ къ своимъ занятіямъ.

Ѳ. В.

Народъ на опасномъ пути. К. И. Воронича. Спб. 1883.

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выписали, посвящено одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся русскаго народа вообще, и въ частности крестьянскаго сословія. Авторъ задался задачею разсмотрѣть степень той важности, какую представляетъ въ настоящеее время и при настоящихъ условіяхъ нашей государственной жизни поднятіе въ народѣ общаго уровня религіозно-нравственнаго образованія. Достиженіе этой цѣли, по его взгляду, возможно и осуществимо единственно при томъ условіи, если предварительно существеннымъ образомъ будетъ улучшено положеніе и матеріальная обезпеченность духовенства. Мы уже имѣли случай касаться этого вопроса съ его теоретической стороны. Въ рецензіи, посвященной сочиненію г. Знаменскаго—„Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г." [1]) мы говорили, между прочимъ, слѣдующее: „едва ли можно указать не только въ Европѣ, но на всемъ земномъ шарѣ страну, гдѣ бы установленіе правильныхъ, нормальныхъ отношеній духовенства къ массѣ населенія представляло такую глубокую, всеобъемлющую важность, какъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство, едва ли не $^9/_{10}$ всего населенія составляютъ сословія не городскія, а сельскія". Мы проводили въ рецензіи ту мысль, что при отсутствіи или, пожалуй, при малочисленности существующихъ у насъ для крестьянскаго населенія органовъ образованія научнаго (хоть бы только элементарнаго), т. е. школъ, намъ необходимо всѣми силами стараться о томъ, чтобы то религіозно-нравственное воспитаніе, которое даетъ народу церковь, было какъ можно болѣе плодотворно, какъ можно болѣе достигало своей цѣли. А для этого въ свою очередь необходимо, чтобы духовенство, какъ ближайшій руководитель народа въ его религіозно-нравственной жизни, было поставлено въ хорошія условія. Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія беретъ вопросъ именно съ этой стороны,—со стороны того громаднаго значенія, которое неизбѣжно должно оказывать то или другое положеніе сельскаго духовенства на общій уровень развитія нравственности и вообще порядочности

[1]) «Истор. Вѣстн.», томъ VI, стр. 193.

жизни въ средѣ нашего крестьянства. Ставъ на эту точку зрѣнія—на нашъ взглядъ, безусловно вѣрную—г. Вороничъ прежде всего и болѣе всего настаиваетъ на матеріальномъ обезпеченіи духовенства, на поставленіи его въ независимое положеніе отъ добровольныхъ даяній и приношеній прихожанъ. Что такое требованіе какъ нельзя болѣе согласно съ здравой логикой, это едва ли нужно доказывать. Какъ скоро человѣкъ задавленъ гнетущею нуждой — онъ прежде всего рабъ этой своей собственной, личной нужды, и слѣдовательно, нужды общественныя, интересы его служенія, отходятъ для него на второй, если не на десятый планъ. Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, г. Вороничъ, не придавая, сколько мы могли замѣтить изъ его книги, особенно важнаго значенія литературной формѣ и внѣшнимъ достоинствамъ изложенія, знакомитъ насъ съ бытомъ и положеніемъ духовенства, разсказывая о сношеніяхъ и столкновеніяхъ своихъ по разнымъ случаямъ съ разными личностями изъ сословія сельскаго духовенства въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ разсказа автора мы постоянно видимъ, что тамъ, гдѣ сельскій священникъ матеріально обезпеченъ [1]), онъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ относительно своихъ прихожанъ, и слѣдовательно, нравственное вліяніе его проповѣди и вообще его слова должно быть гораздо дѣйствительнѣе, нежели это возможно тогда, когда онъ не будетъ подкрѣплять и, такъ сказать, оправдывать своей проповѣди личнымъ примѣромъ. Сельскій священникъ, при настоящемъ положеніи нашего крестьянства — его главный, или, лучше сказать, единственный учитель въ дѣлѣ нравственности... А такъ какъ ученикъ, говоря вообще, не можетъ быть выше учителя своего, то естественно, что подъемъ уровня народной нравственности, развитіе въ средѣ нашего крестьянства трезвости, трудолюбія и честности, невозможно безъ подъема общаго уровня нравственности въ средѣ его ближайшихъ руководителей — сельскихъ священниковъ... Успѣшное же разрѣшеніе этой послѣдней задачи находится въ самой тѣсной, неразрывной связи съ матеріальнымъ обезпеченіемъ сельскаго духовенства, съ поставленіемъ его относительно средствъ жизни въ положеніе независимое отъ разныхъ подачекъ и приношеній прихожанъ...

Д. Л—въ.

Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. Сост. Н. Астафьевъ. Спб. 1882 г.

Кто интересуется открытіями, сдѣланными въ области Ассиріологіи, того вполнѣ удовлетворитъ книжка г. Астафьева, составленная въ формѣ общедо-

---

[1]) Приводимъ (въ сокращеніи) любопытное мѣсто изъ книги, показывающее степень матеріальнаго обезпеченія нашего сельскаго духовенства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Изъ 37.000 православныхъ церквей въ Россіи содержаніемъ отъ казны пользуются только 19.000 причтовъ, преимущественно на окраинахъ, причемъ сумма, назначенная на содержаніе ихъ, распредѣляется далеко неравномѣрно. Оклады, производимые духовенству въ епархіяхъ рижской (1.300 р. священнику) и холмско-варшавской можно назвать вполнѣ достаточными. Затѣмъ, сравнительно лучшими окладами пользуется духовенство западнаго края (400 р. получаетъ городской священникъ, 300 — сельскій); во всѣхъ же прочихъ епархіяхъ оклады священниковъ колеблются между 57-ю и 180-ю рублей въ годъ!!

ступной. Авторъ обстоятельно излагаетъ исторію возникновенія этой новой науки, входящей въ составъ всемірной исторіи. Исторія чтенія вавилоно-ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, что добыто наукою изъ этого чтенія, преданія о первыхъ временахъ человѣчества (сотвореніе міра и человѣка, грѣхопаденіе, потопъ и вавилонское столпотвореніе), лѣтописи ассирійскихъ царей, подвиги этихъ царей, — все это найдетъ читатель въ „Древностяхъ" г. Астафьева. Къ книжкѣ его приложены: списокъ географическихъ и историческихъ именъ ассирійскихъ, какія удалось пока опредѣлить, образчики клинописи, карта къ лѣтописямъ ассирійскихъ царей и три рисунка въ текстѣ. Эти рисунки очень любопытны. На одномъ изъ нихъ воспроизведено барельефное изображеніе на древневавилонскомъ цилиндрѣ, находящемся въ Британскомъ музеѣ. Тутъ представлены двѣ человѣческія фигуры, изъ нихъ у одной на головѣ рога—символъ силы, а у другой—лишь головной уборъ; первая фигура изображаетъ, очевидно, мужчину, вторая—женщину. Онѣ сидятъ по обѣимъ сторонамъ дерева, протягивая руку къ плодамъ его; сзади женской фигуры поднимается змѣй. Барельефъ этотъ представляетъ прекрасную иллюстрацію къ библейскому разсказу о грѣхопаденіи; на другихъ двухъ рисункахъ изображены: 1) „Бирсъ-Нимрудъ"—холмообразная масса мусора съ подобіемъ замка на вершинѣ; эту мусорную массу ассиріологи, съ Раулинсономъ во главѣ, признаютъ остаткомъ Вавилонской башни и 2) Ниневійскій барельефъ, изображающій ту же башню.

Ѳ. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Безчисленныя статьи умершаго съ годъ тому назадъ извѣстнаго французскаго археолога Лонперье до сихъ поръ были разсѣяны во множествѣ разныхъ сборниковъ. Теперь предпринято полное изданіе сочиненій Лонперье въ пяти томахъ. Пока вышелъ первый томъ, содержащій въ себѣ до 60-ти статей по восточному и арабскому искусству. Два слѣдующіе тома будутъ заключать въ себѣ статьи по вопросамъ классической древности—греческой, римской и галльской; наконецъ, два послѣдніе посвящены будутъ среднимъ вѣкамъ и эпохѣ возрожденія. Къ первому тому приложенъ очеркъ жизни и трудовъ Лонперье, написанный Шлумбергеромъ, а также много рисунковъ и снимковъ.

Замѣтный фактъ въ литературѣ исторіи классическаго міра составляетъ новый четырехъ-томный трудъ Буше-Леклерка о гаданіи въ древнемъ мірѣ (Histoire de la divination dans l'antiquité). Ученый авторъ воспользовался для своей работы не только памятниками литературными, но и вещественными, которые такъ неутомимо разрабатываетъ современная археологія.

Къ четырехсотлѣтнему юбилею дня рожденія Лютера фирма Bölau въ Веймарѣ приготовляетъ критическое изданіе „Полнаго собранія сочиненій великаго реформатора". Первый томъ появится осенью этого года. Редакція этого изданія поручена пастору Кнаке (Knaake), двадцать лѣтъ трудившемуся надъ возстановленіемъ подлиннаго текста сочиненій Лютера и вмѣстѣ съ тѣмъ собравшаго массу относящагося къ нимъ историческаго и библіографическаго матеріала.

Отмѣчаемъ новую книгу Лаферьера „Проекты бракосочетанія Елизаветы, королевы англійской" (Projets de mariage de la reine Elisabeth

d'Angleterre), какъ трудъ, имѣющій значеніе и для русской исторіи. Считаемъ не лишнимъ прибавить, что авторъ имѣлъ случай довольно хорошо ознакомиться съ документами изъ русскихъ архивовъ.

Вышелъ пятый томъ издаваемаго барономъ де-Теста (de Testa) „Сборника договоровъ Оттоманской Порты съ 1536 года и до нашихъ дней".

Уроженецъ Россіи, іезуитъ Пирлингъ, спеціально занимается исторіей сношеній Россіи съ римской куріей. Послѣ интересныхъ этюдовъ о сношеніяхъ съ Римомъ Дмитрія Самозванца и нѣкоторыхъ другихъ работъ, Пирлингъ предполагаетъ въ скоромъ времени издать большое сочиненіе „Римъ и Москва". Пока онъ напечаталъ новое изданіе знаменитаго донесенія іезуита Поссевина о Московіи, присоединивъ сюда-же записку кардинала Комскаго, представляющую собой оцѣнку характера Поссевина и его поѣздки въ Москву.

Комиссія, назначенная въ 1876 году французскимъ правительствомъ для разслѣдованія архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, только что издала свой докладъ, заключающій въ себѣ каталогъ такъ называемыхъ „Fonds de France et Memoires divers". Изданіе самыхъ документовъ начнется съ „Инструкцій посламъ при иностранныхъ дворахъ" въ періодъ отъ 1648 до 1789 года. Первый томъ, посвященный Австріи, выйдетъ очень скоро, подъ редакціей А.污Сореля. Затѣмъ, приблизительно черезъ каждые шесть мѣсяцевъ, будутъ выпущены: „Англія"—подъ редакціей Башэ, „Россія и Польша"—Рамбо, „Пруссія"—Лявисса, „Испанія"—Морель-Фаціо, „Скандинавія"—Жеффруа, „Голландія"—Маза, „Турція"—Жираръ-де-Ріалля, и наконецъ, „Римъ" подъ редакціей Аното (Hanotaut).

Галлерею живо написанныхъ характеристикъ ораторовъ великой французской революціи, вмѣстѣ съ образцами ихъ краснорѣчія, находимъ въ недавно вышедшей книгѣ Олара „Ораторы учредительнаго собранія" (Les orateurs de l'assembée constituante, par F. A. Aulard. 1 vol. Paris, 1883).

Парижскій издатель Quantin выпустилъ въ свѣтъ великолѣпный томъ „Портретовъ Маріи Антуанетты"—(Iconografie de Marie Antoinette), заключающій въ себѣ портреты французской королевы, заимствованные изъ необыкновенно богатой коллекціи лорда Гоуера (R. Gower), описаніе которой составлено г. Тибодо (Thibaudeau), тогда какъ предисловіемъ къ книгѣ служитъ письмо Жоржа Дюплесси, состоящаго при парижской національной библіотекѣ.

Хранитель Мазариновой библіотеки, Лоредонъ Марше, предпринялъ изданіе „Патріотическихъ мемуаровъ" (Mémoires patriotiques), относящихся къ войнамъ революціи и первой имперіи. Второй томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ записки капитана Коанье (Les cahiers de capitaine Coignet), который состоялъ при Наполеонѣ I во всѣхъ его походахъ. Коанье сообщаетъ интересныя подробности о Тильзитскомъ свиданіи, а также немало страницъ отводитъ описанію похода 1812 года.

Достойный преемникъ имени знаменитаго историка Соединенныхъ Штатовъ, Г. Г. Банкрофтъ, уже пріобрѣтшій себѣ почетное имя сочиненіемъ въ четырехъ томахъ о „Туземныхъ расахъ въ государствахъ Тихаго океана", предпринялъ новый гигантскій трудъ въ 25-ти томахъ—„Исторія сѣверо-американскихъ государствъ Тихаго океана" (The history of the Pacific States of North Amerika. By Hubert Howe Bancroft). Пока вышелъ лишь первый томъ (Central Amerika, 1501—1530), но авторъ обѣщаетъ выпускать ежегодно 3—4 тома. Чтобъ дать понятіе объ ученой начитанности автора, достаточно сказать, что онъ воспользовался для своего труда 15.000 томами самаго разнообразнаго содержанія.

Въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ роскошно издаваемой „Международной художественной библіотеки" (подъ редакціей Мюнтца) появится трудъ профессора одесскаго университета Н. П. Кондакова, посвященный исторіи византійской миніатюры.

Извѣстный историкъ литературы Пестіонъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ „Греческія поэтесы" (Griechische Dichterinnen. Ein Beitrag zur Geschichte der Frauenliteratur von Jos. Cal. Poestion, Wien. 1882), собралъ интересныя данныя къ вопросу объ участіи женщинъ въ историческомъ ходѣ развитія человѣческой мысли. Въ книгѣ своей Пестіонъ далъ живые очерки такихъ интересныхъ фигуръ античнаго міра, какъ Сафо съ ея ученицами Эриной и Дамофилой, и беотійскія поэтесы Myrtis и Коринна.

Почти неизвѣстная у насъ литература нашихъ кавказскихъ соотечественниковъ грузинъ нашла своего историка въ лицѣ г. Артура Лейста, помѣстившаго въ нѣмецкомъ журналѣ „Das Magazin für die Literatur des In-und-Auslandes" краткій но довольно обстоятельный очеркъ историческихъ судебъ грузинскаго народа и его литературы. Авторъ статьи „Забытая литература" (Eine vergessene Literatur) даетъ весьма удовлетворительныя характеристики такихъ литературныхъ дѣятелей, какъ кн. Чавчавадце, кн. Эристовъ, Орбельяни и Церетели, а также и тѣхъ органовъ печати, которые были и существуютъ на-лицо въ грузинской литературѣ. Тотъ же авторъ сообщаетъ, что въ скоромъ времени будетъ издаваться грузинская газета, сотрудниками которой явятся исключительно женщины.

Исторія „всемірной литературы", издаваемая въ Лейпцигѣ Вильгельмомъ Фридрихомъ, ставитъ своей задачей въ отдѣльныхъ монографіяхъ дать полное, но свободное отъ излишняго балласта обозрѣніе литературы каждаго народа, ограничиваясь въ виду этого писателями, имѣвшими ярко-опредѣленное значеніе. Первый томъ этого изданія, заключающій въ себѣ исторію французской литературы, принадлежитъ перу извѣстнаго Эдуарда Энгеля. (Geschichte der Weltliteratur in Einzelndarstellungen. Bd. I. Geschichte der französischen Literatur von Eduard Engel. Leipzig, 1883). Съ особенною тщательностью разработаны авторомъ вопросы начальной французской письменности и эпоха XVIII вѣка; но не оставлена безъ вниманія и новѣйшая французская литература. Довольно существеннымъ недостаткомъ этой во всѣхъ отношеніяхъ полезной книги является то, что всѣ образцы и цитаты изъ французскихъ авторовъ Эдуардъ Энгель оставляетъ безъ перевода.

Епископъ Чарльзъ Вордсвортъ (Ch. Wordsworth) издалъ первый томъ „Историческихъ пьесъ“ Шекспира (Shakespeare's Historical Plays, vol I, London, Blackwood), заключающій въ себѣ драмы „Коріоланъ“, „Юлій Цезарь“, „Антоній и Клеопатра“ и „Король Джонъ“. Кромѣ введенія къ каждой изъ этихъ пьесъ, текстъ сопровождается образцовыми по своей краткости лингвистическими объясненіями, а также историческими и критическими примѣчаніями. Къ характеристикѣ книги Вордсворта прибавимъ, что такой компетентный судья, какъ Дауденъ, отзывается о ней съ большой похвалой.

Какъ курьезъ шекспирологіи отмѣчаемъ тотъ фактъ что, по словамъ журнала „The Academy“, къ 1-му мая появится въ Манчестерѣ книга спеціалиста по ботаникѣ Грайндона (L. H. Grindon) подъ заглавіемъ: „Шекспировская флора („The Shakespeare Flora), въ которой будутъ собраны и объяснены всѣ мѣста въ шекспировскихъ пьесахъ, представляющія какое-либо отношеніе къ цвѣтамъ и деревьямъ. Вскорѣ же выйдетъ маленькій томикъ, озаглавленный: „Шекспиръ, какъ удильщикъ“ (Shakespeare as an Angler), принадлежащій перу одного духовнаго лица—Г. Н. Еллякомби.

Шекспиръ среди англичанъ новаго свѣта, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, пользуется громаднымъ распространеніемъ. Существуетъ до 40 различныхъ изданій Шекспира, и нѣкоторыя изъ нихъ достигли такой дешевизны, что полное собраніе сочиненій великаго поэта можно пріобрѣсти за 75 центовъ. Понятно, что при такомъ интересѣ къ произведеніямъ Шекспира, въ Америкѣ появляется немало изслѣдованій по различнымъ вопросамъ шекспирологіи. Обстоятельное обозрѣніе литературы о Шекспирѣ въ Америкѣ мы находимъ въ книгѣ Кнорца „Шекспиръ въ Америкѣ“ (Shakespeare in Amerika. Ein literatur-historische Studie, von Karl Knortz. Berlin, 1882).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ I.

Въ СЕНТЯБРѢ 1852 года, государь императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ за-границу, посѣтилъ Александровскій Брестскій кадетскій корпусъ. Государю сопутствовалъ шефъ жандармовъ, командующій императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. По осмотрѣ всѣхъ классныхъ комнатъ и дортуаровъ дѣтей, императоръ пѣшкомъ возвращался въ крѣпость. Кадеты, тѣснясь, безпорядочной гурьбой провожали его; многіе, чтобы взглянуть на царя, забѣгали впередъ...

Одинъ изъ малолѣтнихъ, бойкій ребенокъ, спросилъ:

— Отчего у графа Орлова больше орденовъ, чѣмъ у васъ, государь?

— Оттого, отвѣтилъ императоръ съ улыбкою, — что онъ лучше меня служитъ!

На другой день государь производилъ баталіонное ученіе кадетамъ корпуса и неранжированной ротѣ, остался ими очень доволенъ и отправился заграницу. Въ Ольмюцѣ, 17-го сентября, между прочими войсками, были представлены его величеству воспитанники военной школы. Возвращаясь со смотра, государь обратился къ сопровождавшему его генералъ-адъютанту графу Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу:

— Мнѣ хотѣлось бы показать моихъ молодцовъ-кадетъ императору австрійскому [1]).

Графъ усумнился въ виду короткости срока, чтобы желаніе его величества могло быть исполнено.

Тогда государь обратился къ находившемуся тутъ же фельдмаршалу, князю Паскевичу:

---

[1]) Императоръ Францъ-Іосифъ выразилъ желаніе прибыть въ Варшаву 22-го сентября.

— Отецъ-командиръ, можно ли доставить одну роту кадетъ Александровскаго Брестскаго корпуса къ 22-му числу въ Варшаву?

— Можно, ваше величество.

— Дѣлай же, какъ знаешь!

Въ тотъ же день изъ Ольмюца въ Брестъ-Литовскъ былъ отправленъ адъютантъ фельдмаршала, полковникъ Потаповъ, съ предписаніемъ директору корпуса [1]): „ротѣ его высочества по 20 рядовъ во взводѣ, со знаменемъ, прибыть въ Варшаву къ вечеру 21-го числа сентября для встрѣчи императора австрійскаго почетнымъ карауломъ".

Полковникъ Потаповъ прибылъ въ Брестъ 19-го числа, а на другой день, вечеромъ, въ десяти почтовыхъ каретахъ, помянутая рота, при директорѣ, штабъ-офицерѣ и надлежащемъ числѣ оберъ-офицеровъ выѣхала изъ Бреста. На пути въ Варшаву, въ назначенныхъ станціяхъ, для дѣтей приготовлены были: ужинъ, чай съ завтракомъ и обѣдъ; а 21-го числа, въ восемь часовъ вечера, рота прибыла въ Варшаву и заняла казарму сапернаго баталіона въ Уяздовѣ.

Только-что дѣти отпили чай и сѣли за ужинъ, какъ прискакалъ фельдъегерь: „Государю угодно знать, благополучно ли прибыли дѣти?" Услышавъ этотъ вопросъ, кадеты крикнули единодушно: „покорнѣйше благодаримъ его императорское величество—совершенно здоровы!"

Окончивъ ужинъ, кадеты, по заведенному порядку, отправились изъ столовой залы въ молельную, гдѣ пропѣли вечернюю молитву... При моленіи о здравіи государя, въ глубинѣ комнаты у входа послышался шорохъ и ряды кадетъ заволновались; директоръ оглянулся: въ дверяхъ стоялъ государь, подавая рукою знакъ о ненарушеніи порядка. Когда по окончаніи молитвы ударили дробь, императоръ привѣтствовалъ кадетъ и радость дѣтей, при видѣ ихъ добраго, заботливаго „отца", была невыразима!

Нà-скоро приготовленныя постели, кромѣ новыхъ матрасовъ, были покрыты чистымъ бѣльемъ изъ госпиталя и суконными одѣялами. Государь, указывая дѣтямъ на кровати, съ самою милостивою предупредительностью замѣтилъ:

— Не смотрите на госпитальное убранство вашихъ постелей: все, что видите, совершенно новое, не бывшее въ употребленіи... Можете почивать спокойно, какъ бы у себя въ корпусѣ!

Потомъ, взявъ директора за плечо, государь повелъ его въ сосѣднюю комнату, гдѣ были приготовлены умывальники и восемь ручныхъ „необходимостей".

— Довольно ли этого? спросилъ онъ.

Такъ далеко, до подобныхъ чисто хозяйственныхъ мелочей простиралась заботливость государя о его „дѣтяхъ".

Простившись съ кадетами, государь объявилъ директору, что вмѣсто почетнаго караула съ знаменемъ, нужно приготовить два внутреннихъ караула, для встрѣчи не одного императора австрійскаго, но и короля прусскаго. На другой день, 22-го сентября, въ 10 часовъ утра, государь вторично пожаловалъ къ кадетамъ, для осмотра обоихъ карауловъ и находящихся при нихъ ординарцевъ. Въ одномъ изъ карауловъ императоръ обратилъ вниманіе на кадета Головина, очень блѣднаго и болѣзненнаго видомъ.

---

[1]) Директоромъ былъ свиты е. и. в. генералъ-маіоръ Владиміръ Николаевичъ Назимовъ, нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи и членъ военнаго совѣта.

— Вѣрно ты былъ недавно въ госпиталѣ?

— Точно такъ, ваше императорское величество, отвѣчалъ тотъ, — но теперь я совершенно поправился.

Уѣзжая во дворецъ, государь тихонько сказалъ директору:

— Постарайся, не обижая Головина, замѣнить его другимъ кадетомъ.

Вечеромъ, высокіе гости—императоръ и король были встрѣчены внутренними караулами и ординарцами отъ кадетъ корпуса — первый въ Бельведерскомъ, а второй въ Лазенковскомъ дворцахъ. Государь остался чрезвычайно доволенъ и караулами и ординарцами.

23-го числа сентября, въ Лазенкахъ назначенъ былъ обѣдъ въ присутствіи императора и короля. Къ обѣду были приглашены ихъ свиты и нѣкоторыя изъ начальствующихъ лицъ въ Варшавѣ, въ томъ числѣ и директоръ корпуса. Передъ обѣдомъ государь представлялъ каждаго изъ приглашенныхъ русскихъ, сперва императору, потомъ—королю. Во время стола, когда уже было подано второе блюдо, къ директору подошелъ камеръ-лакей съ приглашеніемъ подойдти къ государю. Тихо, на ухо, его величество приказалъ: ротѣ кадетъ, со знаменемъ, быть готовою, тотчасъ послѣ обѣда, къ смотру въ присутствіи императора и короля, на Лазенковскомъ плацѣ. Рота изъ Уяздова бѣгомъ прибыла на плацъ и къ концу обѣда была готова къ встрѣчѣ высокихъ гостей.

Государь изволилъ произвести ученіе ротѣ, и, разсыпая ее постепенно до тѣхъ поръ, пока въ строю остались одни знаменные ряды, обратился къ императору и къ королю съ вопросомъ: „кажется, уже больше этого сдѣлать нельзя?" Затѣмъ приказалъ ударить сборъ и пройдти церемоніальнымъ маршемъ повзводно.

Когда высокіе гости отбыли съ плаца, государь приказалъ остановить роту; подойдя къ дѣтямъ онъ благодарилъ ихъ и, между прочимъ, сказалъ: „помните, дѣти, что не всякому изъ васъ достанется честь находиться на смотру трехъ государей!"

По отъѣздѣ императора и короля изъ Варшавы, его величество вручилъ каждому изъ кадетъ, участвовавшихъ на ученьи и въ караулахъ — по пакету конфектъ, украшенному лентами, и по рублю серебромъ. Кромѣ того, государь просилъ князя Паскевича и поручилъ ему показать дѣтямъ Александровскую цитадель и угостить ихъ театромъ.

Такъ сердечно любилъ государь своихъ кадетъ, такъ отечески заботился о дѣтяхъ... Не мудрено, что эти дѣти, по одному слову обожаемаго царя, готовы были идти въ огонь и въ воду!

Одинъ изъ Брестскихъ кадетъ.

СМѢСЬ.

† **П. И. Мельниковъ.** 1-го февраля умеръ въ Нижнем
нашихъ лучшихъ писателей сороковыхъ годовъ, Пав
ковъ, начавшій свое литературное поприще подъ псе
черскаго. Нижегородецъ по происхожденію, онъ роди
чилъ курсъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, въ 1
Оставленный въ университетѣ для приготовленія на к
потомъ опредѣленъ учителемъ въ Пермь, откуда пере
городъ. Затѣмъ онъ переселился въ Петербургъ, пост
нистерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ участвовалъ сна
„Сѣверная Почта", потомъ ему были поручены дѣла
ознакомившись съ этимъ вопросомъ, онъ составилъ нѣ
монографій по этому предмету и большое собраніе ра
Въ 1864 году, вышли въ Москвѣ его „Историческіе
Петербургѣ — „Письма о расколѣ" (1862). Первые ли
появились въ „Москвитянинѣ", потомъ онъ началъ
Вѣстникѣ" рядъ романовъ изъ жизни нашихъ внутрен
эти, появившись потомъ отдѣльными книгами, подъ н
„Въ горахъ" и „За Волгой" (неоконченный), достави
Мельникову, какъ знатоку народнаго быта, этног
этомъ же отношеніи замѣчательны его мелкіе разска
ные въ Москвѣ, въ 1876 году, подъ названіемъ „
скаго". Онъ началъ также издавать газету „Русскій
кратилась въ первый же годъ своего существованія.
нія его менѣе замѣчательны. Кромѣ нѣсколькихъ ст
скомъ Словарѣ" 1861 года, онъ издалъ книгу „Княж
цесса Владимірская" (1868 года), но Бодянскій въ „Чте
и древностей россійскихъ" доказалъ, что авторъ заи
своей книги изъ сочиненія графа Панина объ этой с
въ „Чтеніяхъ". Въ 1865 году, онъ издалъ „Описаніе
столѣтняго юбилея Ломоносова", а въ 1874 году бы
лѣтній юбилей самого Мельникова.

† **В. А. Мацейовскій.** 28-го января, скончался в
многихъ оставшихся въ живыхъ профессоровъ бывш
тета, Вацлавъ Александровичъ Мацейовскій, извѣстны
польской исторіи и законодательствъ. Мацейовскій
въ Кальверіи и учился въ университетахъ: крак

берлинскомъ и генуэзскомъ. По окончаніи высшаго образованія, Мацейовскій прибылъ въ Варшаву, въ которой и провелъ почти всю жизнь. На первыхъ же порахъ по возвращеніи своемъ на родину, Мацейовскій обратилъ на себя общее вниманіе своими учеными и литературными трудами и былъ приглашенъ профессоромъ въ варшавскій лицей, въ которомъ читалъ лекціи всеобщей литературы, и въ варшавскій университетъ, гдѣ занималъ каѳедры всеобщей литературы и римскаго права и, наконецъ, въ варшавскую духовную римско-католическую академію, въ которой читалъ тѣ же предметы, что и въ университетѣ. Изъ научныхъ трудовъ его особенною извѣстностью пользуется сочиненіе „Исторія славянскихъ законодательствъ", переведенная своевременно съ польскаго языка почти на всѣ языки европейскіе. Затѣмъ, не меньшею извѣстностью пользуются и другія его сочиненія, каковы: „Изслѣдованіе древнѣйшихъ памятниковъ жизни, письменности и законодательства славянъ", „Польская письменность съ древнѣйшихъ временъ до 1830 г.", „Древняя Польша до первой половины XVII-го столѣтія въ отношеніи обычаевъ, нравовъ и проч.", „Польша и Литва, въ началѣ ихъ существованія" и многія другія. Послѣ В. А. Мацейовскаго осталось въ рукописи неизданное имъ сочиненіе: „Исторія городовъ царства Польскаго", надъ которымъ онъ работалъ очень много лѣтъ, находясь въ послѣднее время въ отставкѣ. Въ свое время В. А. Мацейовскій пользовался большою популярностью, какъ профессоръ, а всѣ бывшіе слушатели его въ варшавскомъ университетѣ, изъ которыхъ очень многихъ пережилъ почтенный профессоръ, сохранили о немъ наилучшія воспоминанія, какъ о прекрасномъ, въ высшей степени гуманномъ, сердечномъ человѣкѣ и замѣчательно даровитомъ и талантливомъ профессорѣ. В. А. Мацейовскій умеръ на 90-мъ году.

† **К. А. Коссовичъ** [1]). 26-го января скончался 68 лѣтъ отъ роду извѣстный ученый и заслуженный профессоръ-санскритологъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ. Личность и дѣятельность К. А. во многихъ отношеніяхъ замѣчательны. Это былъ образецъ ученаго—авто-дидакта, идеалиста-педагога и филантропа. Обязанный всецѣло личному упорному труду и рѣдкой энергіи, среди крайней нужды, К. А., въ бытность его въ московскомъ университетѣ, пріобрѣлъ весьма солидное классическое образованіе и классическое не по названію только. К. А. до тонкости изучалъ и римскихъ, и греческихъ писателей, вникалъ въ духъ ихъ и, можно сказать, вдохновлялся идеальнымъ направленіемъ своего особенно излюбленнаго автора,—философіей Платона. Покойный, слѣдуя господствовавшему въ то время обычаю ученыхъ, писалъ по-латыни. К. А. мальчикомъ еще пристрастился къ изученію латыни и пріобрѣлъ въ ней такія свѣдѣнія, что изъ витебской гимназіи, гдѣ первоначально учился, отправленъ былъ, до окончанія курса, въ московскій университетъ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ степень кандидата въ 1836 году и въ 1839 году получилъ мѣсто старшаго учителя греческаго языка въ тверской гимназіи. Кто учился подъ руководствомъ этого симпатичнаго и гуманнаго педагога, тотъ знаетъ, съ какимъ участіемъ онъ старался внушить и своимъ ученикамъ ту же любовь къ труду и знанію, какою проникнутъ былъ самъ. Понятно, что такой преподаватель не ограничивался формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу и долженъ былъ не мало времени посвящать приватнымъ занятіямъ съ учениками. Результатомъ его преподавательской дѣятельности явилось изданіе на русскомъ языкѣ Кюнеровой „Грамматики греческаго изданія" и составленіе „Греко-Русскаго Словаря", оконченнаго и изданнаго братомъ К. А., прекраснымъ эллинистомъ, покойнымъ Игнатьемъ Андреевичемъ. Но и тутъ, среди педагогическихъ занятій, К. А. находилъ возможность расширять кругъ своихъ филологическихъ знаній. Онъ сталъ изучать еврейскій и арабскій языки и вслѣдъ затѣмъ принялся, все также самоучкою, за изученіе санскритскаго. Ни въ Твери, ни въ Москвѣ, куда онъ переведенъ былъ учителемъ греческаго языка во 2-ю гимназію, К. А. не встрѣчалъ ни сочувствія, ни поддержки, ни пособій, необходимыхъ для его филологическихъ занятій. Въ короткое время онъ уже свободно читалъ Магабгарату, Рамайяну и законы Ману. Переводы его отрывковъ изъ Магабгараты, переводы, отличавшіеся литературными достоинствами, печатались въ „Москвитянинѣ", а въ „Московскомъ Сборникѣ" (1847 г.) явился его же переводъ длинной и знаме-

[1]) Некрологъ К. А. Коссовича сообщенъ намъ Ѳ. И. Булгаковымъ.

нитой драмы Кришна-Мисры „Торжество свѣтлой мысли", затѣмъ выше
реводъ его „Сказанія о Видъядгарѣ Джимутаваганѣ" и „Сказанія о Д
(изъ Бгагаватъ Пурины). Коссовича своимъ участіемъ поддерживали въ М
только Хомяковъ, да нѣкоторые славянофилы. Безъ сомнѣнія, учите
карьера не могла удовлетворить К. А. Не взирая на стѣснительность
ріальныхъ условій, К. А. отправился въ Петербургъ и здѣсь, поступивъ б
текаремъ въ императорскую публичную библіотеку, былъ допущенъ безвоз
читать лекціи санскритскаго языка и литературы. Онѣ были тогда нов
въ петербургскомъ университетѣ. Это было въ 1858 г. Вступительная
К. А. въ университетѣ „О характеристикѣ древнеиндійской цивилизаці
витіи санскритской литературы" была напечатана въ „Журналѣ Минист
Народнаго Просвѣщенія" за 1859 г. Въ „Русскомъ Словѣ" между тѣм
лись его двѣ публичныя лекціи „О древне-индійскомъ эпосѣ". Молодой у
со всей энергіей отдался новому дѣлу. Для элементарнаго знакомства с
критомъ, онъ издаетъ съ замѣчательно общедоступными коментаріями л
о голубяхъ изъ Магабгараты, предпринимаетъ при содѣйствіи академіи
изданіе санскритско-русскаго словаря, къ сожалѣнію, оставшагося толь
чатымъ, и, желая внести свою лепту въ филологическую науку, рядомъ
нятіями санскритомъ изучаетъ зендскій языкъ и древне-персидскую клин
Плодомъ этихъ занятій явился цѣлый рядъ изданій зендскихъ памят
(въ Петербургѣ явились „Четыре статьи изъ Зендавесты", съ транскр
русскимъ и латинскимъ переводомъ, объясненіями, критическими пр
ніями, санскритскимъ переводомъ и сравнительнымъ глоссаріемъ, а въ 1
въ Парижѣ изданъ былъ трудъ его „Decem Sendavestae excerpta", въ
„Gata Ahunavaiti" и въ 1869 г. „Gata Ustavaiti" — съ латинскимъ пере
и комментаріями) и превосходное роскошное изданіе клинообразныхъ
сей съ латинской транскрипціей и весьма толковымъ глоссаріемъ. Нѣс
поколѣній филологовъ обязаны руководительству Коссовича.

Но какъ ни плодотворна была эта дѣтельность, какъ ни ободритель
вліяла на энергію ученаго, но и она оказалась омраченной. Дѣло в
что причиной горя, постигшаго К. А., явился ученый трудъ, которому
святилъ нѣсколько лѣтъ занятій, трудъ, который доставилъ ему извѣст
въ Европѣ. Это—помянутое изданіе клинообразныхъ надписей. Будучи
непрактичнымъ и довѣрчивымъ человѣкомъ, К. А. поручилъ вести это
одному изъ содержателей типографіи, который взялся исполнить рос
изданіе въ кредитъ и, дѣйствительно, пользовался этимъ кредитомъ, бла
бланку популярнаго имени Коссовича, но пользовался черезчуръ п
слишкомъ разсчитывая на довѣрчивость профессора. Въ результатѣ К.
привлеченъ къ суду. Хотя отъ отвѣтственности онъ и былъ освобожден
не менѣе это несчастіе повліяло и на здоровье, и на душевное со
К. А. Въ послѣдніе годы онъ издалъ еврейскую грамматику и еврейск
стоматію, которыя приняты въ руководство въ духовныхъ семинаріяхъ
человѣкъ, К. А. отличался рѣдкою гуманностью. Дверь его была откры
всѣхъ нуждающихся. Не только студенты, изъ которыхъ однимъ онъ по
совѣтами, другимъ матеріально, за третьихъ ходатайствовалъ, но рѣш
всѣ, кому могла быть полезна его рекомендація, всегда находили в
полную готовность помочь ближнему. И если, по преклонности лѣтъ,
слѣднее время К. А. ничего не сдѣлалъ для науки, то филантропическ
тельность его оставалась все-таки неизсякаемой. Во многихъ сердцах
о кончинѣ такого честнаго, гуманнаго человѣка и полезнаго труженика
отзовется искреннимъ, глубокимъ прискорбіемъ.

† **Іосифъ Шуйскій.** Польская наука и литература лишилась одного из
витѣйшихъ своихъ дѣятелей. 6-го февраля скончался профессоръ докт
сифъ Шуйскій.

Іосифъ Шуйскій, потомокъ древней фамиліи, родился, въ 1835 г
Тарновѣ, гдѣ онъ, въ 1854 году, окончилъ гимназію, а за тѣмъ поступ
университетъ на юридическій факультетъ, а въ 1857 году, перешелъ н
софскій. Еще на гимназической скамьѣ Шуйскій обнаруживалъ б
поэтическій талантъ и „школьныя" стихотворенія его нетолько сл
среди товарищей-гимназистовъ, но вызывали одобреніе и даже восхищ
стороны учителей.

На литературное поприще Шуйскій выступилъ въ 1859 году, когда, оставивъ университетъ, переѣхалъ въ свое помѣстье Курдваново, близь Кракова, чтобъ, вдали отъ городской „суеты", спокойно трудиться надъ поэтическими и историческими работами. Первыми произведеніями его были: очень удачная историческая трагедія „Samuel Zborowski" и поэма „Tajemnica smierci hetmanskiej", отрывки изъ которыхъ стали появляться, въ 1859 году, во львовскомъ журналѣ „Dziennik Literacki". Въ этомъ же году вышла его первая историческая драма „Halszka z Ostroga", суть которой состоитъ въ похищеніи княгини Гальки Острожской княземъ Сангушко, который, во время бѣгства, былъ схваченъ въ Чехіи кіевскимъ палатиномъ Мартиномъ Зборовскимъ и убитъ въ Нимбургѣ. Этотъ въ высшей степени драматическій матеріалъ, заимствованный изъ конца шестнадцатаго столѣтія, обработанъ также въ одномъ изъ прекрасныхъ произведеній маститаго польскаго литератора Крашевскаго. Драму эту давали тогда много разъ на польскихъ сценахъ съ большимъ успѣхомъ. Вслѣдъ за нею Шуйскій издалъ другія историческія драмы „Jadwiga", „Hieronim Radziejowski" и „Jerzy Lubomirski". Изъ драматическихъ произведеній, появившихся послѣ, слѣдуетъ отмѣтить: трагедію „Marya Mniszchowna" и драмы «Nero", „Sawonarola", „Michal Korybut", „Kopernik" (послѣдняя драма появилась въ 1873 году, по поводу юбилея великаго польскаго астронома), „Smierc Wladyslawa IV" и „Dlugosz i Kallimach". Изъ лирическихъ произведеній особенно выдаются „Jacek Brzuchanski", „Pan z panov", „Uwga grobow", а изъ романовъ „Czyste i metne wody", „Pamietniky Mimoscy" и „Portrety przez nie-Van-Dyka".

Шуйскій, впрочемъ, болѣе знаменитъ какъ историкъ, чѣмъ поэтъ и драматургъ. Еще въ ранней молодости онъ обнаруживалъ особую склонность къ исторіи и, отличавшись всегда неимовѣрнымъ трудолюбіемъ—бывали мѣсяцы, когда онъ денно и нощно рылся и работалъ въ разныхъ архивахъ—ему удалось еще въ молодые годы запастись громаднымъ всестороннимъ и спеціально историческимъ знаніемъ. Въ 1860 году вышло его первое историческое произведеніе „Rzut oka na historye polske", обратившее на себя всеобщее вниманіе, а въ 1862 году онъ началъ издавать отдѣльными выпусками свой огромный историческій трудъ „Dzieje Polski" въ четырехъ частяхъ, печатаніе которыхъ окончилось въ 1866 году. Историческія сочиненія о Польшѣ, появлявшіяся съ начала XIX-го вѣка до шестидесятыхъ годовъ или, вѣрнѣе, до появленія исторіи Шуйскаго, отличались субъективностью, односторонностью и значительною тенденціозностью: большинство польскихъ историковъ, въ качествѣ послѣдователей различныхъ направленій и поклонниковъ той или другой партіи, писали исторіи съ *своихъ* точекъ зрѣнія, восхваляя то, что имъ желательно было восхвалять, и порицая или даже извращая тѣ факты, которые могли бы показать ложность и неосновательность теорій, служившихъ идеалами авторовъ. Важная заслуга Шуйскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ первый, можно сказать, написалъ правдивую и безпристрастную исторію Польши. Заслуга эта тѣмъ болѣе достойна вниманія, что Шуйскому приходилось, изъ-за этого, отъискивать, такъ сказать, сырой матеріалъ, имѣть, большею частью, возню съ архивами, сличать разные документы, записки, акты и пр., чтобъ, такимъ образомъ, быть въ состояніи голыми фактами доказывать тенденціозность многихъ прежнихъ историковъ. Особенною субъективностью отличается только четвертая часть его „Исторіи", вышедшая въ свѣтъ послѣ польскаго возстанія 1863 года.

По окончаніи изданія своей исторіи, Шуйскій, въ 1866 году, основалъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ, графомъ Станиславомъ Тарновскимъ, профессоромъ польской исторіи литературы при краковскомъ университетѣ, и Козьмяномъ, въ Краковѣ, ежемѣсячный журналъ „Przeglad Polski", въ которомъ стало обнаруживаться то умѣренно-консервативное направленіе, котораго до сихъ поръ придерживается такъ-называемая краковская партія. Еще въ 1877 году онъ обнародовалъ въ журналѣ „Przeglad Polski" статью, служившую отвѣтомъ на рѣзкую статью доктора Вольскаго, который обвинялъ Шуйскаго и другихъ „краковцевъ" въ осмѣяніи патріотическихъ чувствъ народа; глумленіи надъ его національнымъ духомъ и идеаломъ, въ насильственномъ искорененіи національныхъ и историческихъ святынь и т. д. Защитительная статья Шуйскаго имѣла одновременно и наступательный характеръ и была обнародована подъ заглавіемъ: „О ложномъ писаніи исторіи, какъ объ учительницѣ

патріотовъ должна состоять въ умственномъ, моральномъ и матеріальномъ развитіи своего народа, что это развитіе должно совершаться мирнымъ путемъ и что всякіе скачки являются только тормазами и бѣдствіями для благосостоянія націи.

Изъ послѣднихъ сочиненій Шуйскаго особенное вниманіе заслуживаетъ его капитальный трудъ на нѣмецкомъ языкѣ „Die Polen und Ruthenen in Galizien" („Поляки и русины въ Галичинѣ"). Сочиненіе это вышло въ прошломъ году и обратило на себя вниманіе всей образованной европейской публики.

Іосифъ Шуйскій былъ, въ 1881 году, назначенъ, за свои заслуги въ научной и литературной области, членомъ верхней палаты.

† **М. О. Вольфъ.** 19-го февраля, въ два часа пополудни, умеръ въ Петербургѣ на 57-мъ году, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ книгопродавцевъ и издателей Маврикій Осиповичъ Вольфъ. Сынъ варшавскаго доктора, онъ съ молодыхъ лѣтъ занялся книжнымъ дѣломъ и уже въ 1838 году работалъ въ лучшемъ книжномъ магазинѣ Глюксберга въ Варшавѣ. Потомъ онъ былъ въ Парижѣ и Лейпцигѣ, странствовалъ съ книжнымъ товаромъ по городамъ Польши и, въ 1848 г., основался въ Петербургѣ, поступивъ приказчикомъ въ магазинъ Исакова. Первоначально онъ издавалъ польскія книги, доставившіе ему основной капиталъ и только съ 1853 года принялся за изданіе русскихъ. Первая же книга, выпущенная имъ въ свѣтъ, 1-го октября этого года, „Механика", Писаревскаго, разошлась въ четырехъ тысячахъ экземплярахъ. Дѣтская литература наша, въ то время была очень бѣдна и Вольфъ занялся переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій по этой части, затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ произведенія нашихъ писателей для дѣтей: Даля, Чистякова, Разина, Класовскаго, Макаровой и др. По отдѣлу этой литературы Вольфъ явился первостепеннымъ и незамѣнимымъ дѣятелемъ. Но еще больше пользы русской литературѣ вообще принесъ онъ изданіемъ многотомныхъ и дорогихъ иллюстрированныхъ изданій, на которыя затрачивалъ значительный капиталъ, безъ надежды на скорое его возвращеніе — и въ этомъ отношеніи дѣятельность его вполнѣ подчтенна и заслуживаетъ признательность писателей и общества. Въ 1878 году, когда онъ праздновалъ 25-тилѣтній юбилей своей фирмы, число изданныхъ имъ разнаго рода сочиненій простиралось уже до 5.000. Невозможно перечислить всѣхъ замѣчательныхъ книгъ по всѣмъ отрослямъ знаній, вышедшимъ изъ собственной превосходно устроенной типографіи Вольфа и печатавшихся имъ заграницей. „Библія" Доре въ русскомъ переводѣ съ превосходными гравюрами, „Божественная комедія", съ такими же роскошными рисунками того же художника, въ переводѣ Минаева „Всемірная исторія" Шлоссера (два изданія), исторіи Бокля, Маколея, Тьера, Ланфре, „Исторія всемірной литературы" В. Зотова, роскошныя монографіи „Эллада и Римъ", полныя собранія сочиненій Инокентія, Даля (влючая и 2-е изданіе его Толковаго словаря) Майкова, Мельникова, Гейне, Гете, Вальтеръ-Скота, Лессинга, Мицкевича, Купера, Милля, Смайльса, Спенсера, Беранже, Майн-Рида, Маріета, Верна и пр., великолѣпныя иллюстрированныя изданія, какъ „Молитвенникъ", „Жемчужины русской поэзіи", „Русскія женщины". Онъ оставилъ неоконченнымъ громадный, капитальный трудъ; „Живописная Россія", которому посвящалъ послѣдніе годы своей жизни. Фирма его переходитъ къ товариществу во главѣ котораго стоятъ сынъ и зять его: А. и О. Вольфъ. Рѣдкій изъ русскихъ писателей нашего времени не имѣлъ сношеній съ М. О. Вольфомъ и всѣ, конечно, помянутъ добрымъ словомъ услуги, оказанныя покойнымъ русской литературѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу „Записокъ“ графа М. Н. Муравьева.

(Письмо въ редакцію).

Цѣль каждаго историческаго изданія должна заключаться въ безпристрастномъ обсужденіи и разъясненіи исторической правды, а потому я увѣренъ, что редакція „Историческаго Вѣстника“ не откажетъ мнѣ въ помѣщеніи настоящей замѣтки на страницахъ своего журнала.

Въ послѣднихъ трехъ книжкахъ „Русской Старины“ напечатаны „Записки“ покойнаго графа М. Н. Муравьева-Виленскаго о мятежѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, обнимающія собою 1863—1865 гг. При чтеніи первыхъ же страницъ этихъ „Записокъ“, становится яснымъ, что опубликованіе ихъ — было преждевременно: еще живы многія лица—бывшія очень недавно сильными и вліятельными,—самолюбіе которыхъ неизбѣжно задѣвается и оскорбляется „Записками“ Муравьева. Наконецъ, самое событіе послѣдняго польскаго мятежа еще не отдалилось отъ насъ на историческій, такъ-сказать, выстрѣлъ, чтобы мы, современники этого событія, могли относиться къ нему спокойно и безстрастно. Живое доказательство этому — редакція „Русской Старины“. Получивъ согласіе родныхъ гр. Муравьева на оглашеніе въ печати его „Записокъ“, редакція снабдила ихъ такими коментаріями и примѣчаніями, которые всего менѣе приличествуютъ „историческому изданію“. Дискредитируя имя „Записки“ гр. Муравьева, редакція ссылается на какое-то „громадное собраніе историческаго матеріала“, у нея имѣющееся. Мы позволяемъ себѣ въ этомъ усомниться; — во-первыхъ, потому, что „громадный историческій матеріалъ“, касающійся послѣдняго польскаго мятежа, находится еще въ губернскихъ архивахъ сѣверо-западнаго края и, къ сожалѣнію, пока недоступенъ изслѣдованію; во-вторыхъ, изъ всего своего громаднаго матеріала редакція, въ опроверженіе „правды“ записокъ гр. Муравьева, могла привести лишь нѣсколько анекдотовъ и два письма того же гр. Муравьева къ графу П. А. Валуеву; письма эти, если и доказываютъ что-нибудь, то именно одно — что гр. Муравьевъ бился за русское дѣло какъ одинокій воинъ въ полѣ и что гр. П. А. Валуевъ, не раздѣляя многихъ мнѣній Муравьева, не желалъ, однако, по чувству государственнаго такта, открыто противодѣйствовать ему въ тяжкую годину мятежа 1863 года. Письма гр. Муравьева къ гр. Валуеву, счетомъ два, выбранныя изъ всего „громаднаго историческаго матеріала“ редакціи „Русской Старины“, писаны именно въ 1863 году — 28-го мая и 31-го августа; „Записки“ же были диктованы гр. Муравьевымъ въ 1866 году — и въ нихъ авторъ не находилъ уже нужнымъ скрывать свои искреннія мнѣнія о государственныхъ людяхъ того времени, мнѣнія, которыя, понятно, онъ не могъ высказывать въ своей перепискѣ съ ними. Редакція же „Русской Старины“, приводя эти два письма и желая подчеркнуть какъ бы нѣкое двуличіе гр. Муравьева, наивно указываетъ, что въ своихъ письмахъ онъ увѣрялъ гр. Валуева „въ чувствахъ искренняго уваженія“... Какъ будто генералъ-губернаторъ, въ своемъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, могъ засвидѣтельствовать ему, въ концѣ письма, какое либо иное чувство, не нарушая обычныхъ правилъ вѣжливости!..

Самое предисловіе редакціи „Русской Старины“ къ „Запискамъ“ гр. Муравьева не отличается должнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ: съ кропотливостью обвиняющаго прокурора, редакція собрала различныя „вины“ покойнаго графа — и его участіе въ заговорѣ декабристовъ, и его позднѣйшее противодѣйствіе реформѣ 19-го февраля... Затѣмъ, тщательно доказывается нерасположеніе къ нему покойнаго государя и его „случайное“ назначеніе на постъ виленскаго генералъ-губернатора. Это очень можетъ быть; но вѣдь „случай“ въ жизни, равно какъ и въ исторіи,—а тѣмъ болѣе въ нашей,—занимаетъ очень часто первенствующее мѣсто, и мы, въ интересахъ Россіи, можемъ лишь искренно радоваться „случаю“ назначенія именно графа Муравьева, а не какого нибудь другаго лица... Богъ вѣсть, къ какому концу пришли бы мы тогда въ сѣверо-западномъ краѣ, и чѣмъ бы закончилось польское возстаніе... Припомнимъ, при этомъ, хотя тотъ многознаменательный фактъ, констатируемый въ „Запискахъ“ графа Муравьева, что въ 1863 году многія вліятельныя лица въ высшихъ сферахъ Петербурга совершенно расте-

воля и энергія графа Муравьева поставили этотъ роковой политическій вопросъ на надлежащую почву; его самоотверженная дѣятельность въ мятежномъ краѣ электризовала и общественное мнѣніе Россіи, сознавшей свою силу, съ одной стороны, и кровную обиду въ лицѣ мятежа — съ другой. Только опираясь на это государственное самосознаніе своей силы и правоты, и могла появиться извѣстная нота кн. Горчакова.

Мы видимъ изъ „Записокъ" графа Муравьева и знаемъ по своимъ личнымъ служебнымъ воспоминаніямъ, какимъ приниженіямъ онъ подвергался, какія противодѣйствія встрѣчалъ онъ на своемъ пути... Недаромъ, видно, писалъ онъ, въ 1864 году, къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, что „жондъ народовый—не въ Вильнѣ и даже не въ Варшавѣ, а — на берегахъ Невы..." Письма этого, надо полагать, не имѣется въ „громадномъ собраніи историческаго матеріала" редакціи „Русской Старины"...

Щедро разсыпанные редакціонною рукой весьма сомнительные анекдоты о графѣ Муравьевѣ не могутъ повредить ему при будущей исторической оцѣнкѣ его дѣятельности и личности. Самъ онъ, конечно, отвѣтить редакціи не можетъ—онъ спитъ непробуднымъ сномъ и не въ силахъ доставить въ редакцію, для оглашенія, писанныхъ документовъ. Но вѣдь еще живы многіе, знавшіе его лично и служившіе съ нимъ вмѣстѣ въ Литвѣ, въ 1863 — 1865 годахъ. Какъ дикъ покажется имъ, знавшимъ графа М. Н. Муравьева за человѣка несомнѣнно умнаго и осторожнаго, приводимый, напр., редакціей анекдотъ о мнимой бесѣдѣ его съ кн. Черкасскимъ!.. Кн. Черкасскій былъ, какъ извѣстно, человѣкъ совсѣмъ иного полюса, совершенно противоположныхъ убѣжденій и взглядовъ съ гр. Муравьевымъ, — и статочное ли дѣло, чтобы съ своимъ, такъ-сказать, политическимъ врагомъ, при проѣздѣ его чрезъ Вильну въ Петербургъ, гр. Муравьевъ нашелъ умѣстнымъ исповѣдываться въ своихъ, яко бы, жестокостяхъ съ поляками, — и исповѣдываться такъ нелѣпо и безтактно, какъ бы съ явнымъ намѣреніемъ, чтобы кн. Черкасскій изложилъ всю эту нелѣпую исповѣдь въ Петербургѣ, гдѣ уже и безъ того ходили цѣлыя легенды о „жестокостяхъ" гр. Муравьева въ Литвѣ, распускаемыя его непримиримыми врагами!..

Еще болѣе нелѣпъ анекдотъ о ханжествѣ гр. Муравьева и о какомъ-то туркѣ, попавшемъ въ Успенскій соборъ, анекдотъ, записанный, будто бы, со словъ „одного весьма близкаго лица" къ покойному гр. Блудову (кн. 1-ая, 1883 года, стр. 135). Читаешь и изумляешься, что все это нашло мѣсто въ „историческомъ изданіи"... На подобные анекдоты ничего не отвѣтятъ, вѣроятно, даже и „достопочтенные" — какъ выражается редакція — внуки графа Муравьева, такъ неосторожно разрѣшившіе напечатаніе „Записокъ" ихъ знаменитаго дѣда. Они справедливо могутъ лишь раскаяваться въ данномъ ими дозволеніи...

Всячески выгораживая свою несолидарность съ „Записками" гр. Муравьева и, въ то же время, несомнѣнно разсчитывая на сенсацію, которую онѣ должны произвести, редакція „Русской Старины", послѣ словъ гр. Муравьева: „Наша единственная сила и опора въ здѣшнемъ краѣ есть одно сельское населеніе; ежели мы его упустимъ, то надобно будетъ навсегда проститься съ краемъ, ибо здѣшніе помѣщики и римско-католическое духовенство намъ будутъ всегда враждебны", — дѣлаетъ отъ себя такую выноску: „Въ своемъ увлеченіи (?), въ моментъ диктовки этихъ „Записокъ" и въ болѣзненномъ раздраженіи, Муравьевъ забылъ тотъ фактъ (?), что бѣлорусское дворянство представляетъ мѣстами довольно сплошное дворянство чисто русское. Со временъ Екатерины II-й и Александра I-го, здѣсь находятся громадныя имѣнія Чернышевыхъ, Раевскихъ, Кутузовыхъ, Голицыныхъ, Львовыхъ, Михельсона, Жуковскихъ, Корвинъ-Круковскихъ, Киновичей, Паскевичей и Витгенштейновъ". Мы находимъ эту редакціонную выноску, по меньшей мѣрѣ, странною. Почтенная редакція почему-то не хочетъ понять, что здѣсь, собственно, рѣчь идетъ не о двух только бѣлорусскихъ губерніяхъ, а о цѣлой Литвѣ — о губерніяхъ Виленско Ковенской, Гродненской и, частью, Минской, въ которыхъ помѣщики и по ское духовенство „намъ всегда будутъ враждебны". Что же касается „бѣ русскаго дворянства", такъ не кстати тутъ припутаннаго, то мы можемъ о

комить редакцію съ слѣдующимъ фактомъ. Въ Могилевской губерніи, считающейся Бѣлоруссіей, дѣйствительно, есть (какъ и въ другихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края) имѣнія нѣкоторыхъ лицъ изъ названныхъ русскихъ и полурусскихъ фамилій, никогда здѣсь не живущихъ; большинство же помѣщиковъ-дворянъ—католики, считающіе себя поляками, что они отлично и доказали во время бывшаго мятежа 1863 года, сформировавъ въ этой губерніи нѣсколько значительныхъ шаекъ, изъ коихъ одна, подъ начальствомъ бѣглаго капитана генеральнаго штаба Людвига Жверждовскаго (Топоръ), взяла, разграбила и сожгла уѣздный городъ Горки. Это могло произойти лишь при „довольно сплошномъ дворянствѣ"—чисто польскомъ... Дворянства этого, вмѣстѣ съ чиновниками (польскими) и шляхтой, насчитывалось въ Могилевской губерніи, въ 1863 году, 38 тысячъ (католиковъ). Вотъ объ этомъ-то дворянствѣ и писалъ гр. Муравьевъ гр. П. А. Валуеву, отъ 31-го августа 1863 года: „Теперь почти совершенно прекращенъ мятежъ, но надобно уничтожить корень онаго. Главная опора наша въ здѣшнемъ краѣ есть сельское населеніе: надобно скорѣе его устроить. Вы пишете мнѣ, что не раздѣляете мыслей о распространеніи на Бѣлоруссію указа 1-го марта 1863 года (объ обязательномъ выкупѣ); но признаюсь, что я теперь еще болѣе убѣдился въ необходимости этой мѣры. Въ Бѣлоруссіи польскіе помѣщики едва ли не болѣе намъ враждебны, чѣмъ въ литовскихъ губерніяхъ".

Редакція „Русской Старины" можетъ не соглашаться съ этимъ и называть мнѣніе гр. Муравьева „увлеченіемъ"; но она не въ силахъ видоизмѣнить ни цифръ, ни фактовъ, ни бывшихъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи событій; черное никогда не сдѣлается бѣлымъ, и никакіе анекдоты не запятнаютъ національно-русской дѣятельности и политики гр. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ.

Мы—отнюдь не апологисты покойнаго Михаила Николаевича и всего менѣе раздѣляемъ, напр., его бывшія воззрѣнія на освобожденіе крестьянъ; но полагаемъ, что исторія, дѣйствительно, должна составляться изъ „правды", а не изъ тенденціозныхъ анекдотовъ и явныхъ искаженій фактовъ...

При этомъ, нельзя не замѣтить, что испещряя „Записки" Муравьева странными объясненіями, полемизируя съ ними чуть не на каждой страницѣ и всячески стараясь набросить тѣнь на ихъ правдивость, редакція „Русской Старины" въ то же время печатаетъ не только безъ всякихъ примѣчаній и оговорокъ „Записки" де-Санглена, — этотъ образецъ наглаго хвастовства, лжи, противорѣчій и безцеремоннаго извращенія даже общеизвѣстныхъ событій, но рѣшается рекомендовать ихъ своимъ читателямъ какъ очень „важный" и якобы „драгоцѣнный" историческій матеріалъ!

Трудно понять, какими соображеніями руководится почтенная редакція поступая такимъ образомъ...

Г. И. Николаевъ.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ.

Въ статьѣ г. Вл. З—ова „Русскій Литтре" („Истор. Вѣстн.", томъ X, стр. 410) находятся, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Въ 1849 году Даль былъ назначенъ управляющимъ удѣльною нижегородскою конторою и десять лѣтъ мирно прожилъ на этомъ мѣстѣ, получая содержаніе, достаточное для его скромной жизни. Но въ 1859 году губернаторомъ былъ сдѣланъ Муравьевъ. Ему нужны были не талантливые писатели и высокочестные чиновники, а лакеи и наушники въ вицмундирахъ— и Даль былъ уволенъ въ отставку..." (стр. 416).

Нижегородскимъ губернаторомъ во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ былъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, старшій братъ извѣстныхъ Муравьевыхъ: Николая, Михаила и Андрея Николаевичей. Такъ какъ нравственныя свойства его большинству публики далеко не такъ извѣстны, какъ братьевъ его: карсскаго, виленскаго и синодальнаго, то для уясненія личности и характеристики Александра Николаевича не лишнимъ будетъ привести нѣсколько наиболѣе выдающихся моментовъ изъ его жизни и общественнаго положенія.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ получилъ образованіе въ домѣ своего отца, основателя извѣстной школы колоновожатыхъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ

своими братьями былъ преподавателемъ военныхъ и математическихъ наукъ. Одинъ изъ учениковъ его говоритъ, что это былъ „кроткій и образованный человѣкъ, съ строго религіозными правилами и піэтическимъ направленіемъ“ [1]). Служилъ онъ при главномъ штабѣ по квартирмейстерской части. Увлеченный либеральными идеями своего времени, онъ въ 1817 году принялъ участіе въ организаціи тайнаго политическаго общества подъ именемъ Союза Благоденствія, но увидавъ, что нѣкоторые изъ членовъ его, уклонившись отъ предположенной цѣли общества, вступили на путь преступленія, прекратилъ съ ними всѣ сношенія задолго до роковаго дня 14-го декабря. Тѣмъ не менѣе верховный уголовный судъ приговорилъ его къ 6-ти-лѣтней каторжной работѣ, а потомъ къ ссылкѣ на поселеніе. Императоръ Николай смягчилъ приговоръ: отставной полковникъ Александръ Муравьевъ, по уваженію совершеннаго и искренняго его раскаянія, былъ сосланъ въ Сибирь безъ лишенія чиновъ и дворянства. Черезъ два года послѣ ссылки мы видимъ его уже на государственной службѣ: въ 1828 году онъ былъ городничимъ въ Иркутскѣ и, пользуясь служебнымъ своимъ положеніемъ, облегчалъ участь несчастныхъ ссыльныхъ. Такъ, когда прибыли туда Колесниковъ и его товарищи [2]), Муравьевъ помѣстилъ ихъ не въ острогѣ, а при полиціи, позволилъ имъ ходить по городу съ переодѣтымъ полицейскимъ провожатымъ, присылалъ имъ чай, обѣдъ, ужинъ— словомъ, дѣлалъ для нихъ все, что могъ. Въ 1830 г., будучи въ томъ же городѣ полиціймейстеромъ, имѣлъ какія-то столкновенія съ только что назначеннымъ туда архіепископомъ Иринеемъ—личностью своеобразною и во всякомъ случаѣ загадочною. Затѣмъ, онъ, кажется, былъ совѣтникомъ въ Таврической губерніи, губернаторомъ въ Архангельскѣ, потомъ состоялъ при главномъ штабѣ и, наконецъ, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. То было горячее время всеобщаго броженія умовъ, взволнованныхъ намѣреніемъ правительства дать крестьянамъ свободу. Послѣ адресовъ, представленныхъ на высочайшее имя отъ губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Петербургской, государь съ нетерпѣніемъ ожидалъ такихъ же заявленій отъ дворянства и внутреннихъ губерній, въ особенности же Московской, которое, по мнѣнію государя, должно было для другихъ служить примѣромъ, но въ Москвѣ служилъ гр. Закревскій и втихомолку тормозилъ дѣло. Государь волновался... Ничего не видя и не слыша отъ Москвы, всероссійское дворянство безмолвствовало, роптало и все чего-то выжидало. Въ это-то время всеобщаго оцѣпенѣнія, Муравьевъ, горячо сочувствовавшій мысли освобожденія крестьянъ, обратился съ вліятельнымъ словомъ своимъ къ нижегородскому дворянству и достигъ того, что въ декабрѣ 1857 года губернскій предводитель и 128 дворянъ подписали адресъ, въ которомъ говорилось, что нижегородское дворянство изъявляло единодушное желаніе исполнить священную волю государя—приступить къ улучшенію быта крестьянъ на тѣхъ основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать. Это былъ первый адресъ изъ внутреннихъ губерній, который порадовалъ благородное сердце государя. Благодаря патріотическимъ чувствамъ Муравьева, плотина была прорвана: за Нижегородскою губерніею стали представляться адресы и отъ другихъ дворянствъ. Такимъ образомъ, Александръ Николаевичъ Муравьевъ явился однимъ изъ дѣйствительныхъ пособниковъ великой государственной реформы. Само собой разумѣется, что дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ нажилъ себѣ въ губерніи тьму враговъ, такъ что противная партія замышляла даже просить о смѣнѣ его, но замыселъ этотъ такъ и остался пустой затѣей. Всѣ люди благомыслящіе были искренно привержены къ Александру Николаевичу и уважали въ немъ человѣка высокаго ума, образованія и самыхъ честнѣйшихъ правилъ. Такой отзывъ о немъ приходилось намъ не разъ слышать отъ тѣхъ, кто зналъ его лично и служилъ въ его время. Припомнимъ, наконецъ, отзывы о Муравьевѣ Н. А. Милютина — лица, заслужившаго своею дѣятельностію уваженіе всей интеллигентной Россіи. Вотъ что писалъ онъ женѣ своей въ 1857 году, по пріѣздѣ въ Нижній: „Генералъ-губернаторъ Муравьевъ человѣкъ прекраснѣйшій и, кажется, мы вполнѣ сойдемся...“ „Александръ Николаевичъ Муравьевъ дѣятельно занимается ярмаркой, защищаетъ

---

[1]) Записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке («Русск. Арх.» 1875 г., № 1, 34).
[2]) «Записки Несчастнаго» («Русск. Ст.» 1882 г. Январь, стр. 159).

торговцевъ и обуздываетъ произволъ чиновниковъ. Это общій голосъ. Пріятно слышать, какъ его уважаютъ въ губерніи (особенно бѣдный классъ), и дѣйствительно онъ такъ дѣятеленъ, справедливъ и доступенъ, что его популярность вполнѣ заслужена и понятна" [1]).

Послѣ всего того, что выше приведено объ Александрѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, трудно допустить, чтобы человѣкъ съ такимъ взглядомъ и съ такимъ складомъ убѣжденій нуждался въ лакеяхъ и наушникахъ и пренебрегалъ людьми порядочными.

В. И. Даль, долгое время служившій при двухъ Перовскихъ — оренбургскомъ генералъ-губернаторѣ Василіѣ Алексѣевичѣ и министрѣ внутреннихъ дѣлъ Львѣ Алексѣевичѣ и пользовавшійся по положенію своему большимъ при нихъ вліяніемъ, могъ просто, какъ говорится, не сойтись съ Муравьевымъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній обладалъ характеромъ слишкомъ самостоятельнымъ, чтобы допустить хотя бы малѣйшую попытку чьего бы то ни было вліянія,—отсюда могли произойти между ними неудовольствія, заставившія Даля оставить службу. Подобнаго рода столкновенія зачастую возникаютъ между людьми достойными, взаимно уважающими другъ друга, но по особеннымъ свойствамъ своимъ неспособными во мнѣніяхъ и взглядахъ подчиниться одинъ другому.

А. Корсаковъ.

По поводу настоящей замѣтки г. Корсакова мы должны сказать, что авторъ статьи „Русскій Литтре" составлялъ ее на основаніи давно и всѣмъ извѣстныхъ данныхъ, не разъ повторенныхъ въ печати. Свѣдѣнія о непріязненномъ отношеніи губернатора Муравьева къ Далю помѣщены во всѣхъ серьёзныхъ біографіяхъ писателя. Въ послѣдней явившейся статьѣ о немъ, помѣщенной въ „Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ" профессора Березина, очень мягко отзывающагося обо всѣхъ дѣятеляхъ, сказано прямо: „Даль принужденъ (курсивъ въ подлинникѣ) былъ выдти въ отставку по непріятностямъ съ губернаторомъ". Поэтому, авторъ статьи „Русскій Литтре" имѣлъ полное основаніе вину отставки Даля приписать губернатору, извѣстному своимъ крутымъ характеромъ, чего, кажется, не отвергаетъ и самъ г. Корсаковъ, называя этотъ характеръ „слишкомъ самостоятельнымъ".

Ред.

Дополнительныя свѣдѣнія о дачѣ Киріаново.

Д. Ф. Кобеко сообщилъ намъ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія къ замѣткѣ нашей „Киріаново, дача княгини Дашковой", напечатанной въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника".

Мѣсто по большой перспективной петергофской дорогѣ, гдѣ построена дача, было подарено императоромъ Петромъ III тремъ графамъ Воронцовымъ. Дача перешла къ княгинѣ Дашковой по данной, въ 1762 году, и послѣ ея смерти (1810 г.) поступила, по духовному завѣщанію, къ сыну ея двоюроднаго брата Ивану Иларіоновичу Воронцову-Дашкову. Видъ дачи (воспроизведенный нами) гравированъ въ 1739 году. (См. „Архивъ кн. Воронцова", т. V, стр. 212; т. VII, 524 и т. XXI, 421). Объ этой дачѣ упоминаетъ въ своихъ запискахъ графъ Комаровскій („Русск. Архивъ" 1867; стр. 761), жившій на ней въ 1806 году.

---

[1]) «Русск. Ст.» 1881 г. Іюль, стр. 405—408.

— Вотъ теперь я невольно задаю себѣ вопросъ: какимъ образомъ такая милостивая и добрая королева можетъ выносить со стороны своихъ подданныхъ такую неслыханную несправедливость противъ цѣлой націи!

— Ты забываешь, что бѣдная королева сама въ изгнаніи и не въ состояніи что либо сдѣлать для другихъ. Развѣ ты не слышала, что̀ говорили объ этомъ кавалеры!

— А король? спросила Мануэлла.

— Разумѣется, король приметъ тебя милостиво. Я обѣщалъ тебѣ это его именемъ и надѣюсь, что онъ не обманетъ моихъ ожиданій. Ты требовала, чтобы я проводилъ тебя въ Оксфордъ къ леди Дизаръ, съ которой ты познакомилась въ домѣ твоего отца, когда она пріѣзжала въ Амстердамъ въ свитѣ королевы. Я ничего не имѣю противъ этого плана, потому что Дизаръ давно вернулась въ Англію и пользуется общимъ уваженіемъ при дворѣ за свой умъ и красоту. Мнѣ казалось всего удобнѣе, чтобы ты осталась у ней до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ эти бурныя времена, такъ какъ я надѣялся доставить тебѣ впослѣдствіи болѣе вѣрное и обезпеченное положеніе.

— Вы дѣйствительно мечтали тогда о дальнѣйшемъ устройствѣ моей участи, а не я. Мое единственное желаніе заключалось въ томъ, чтобы найти убѣжище у леди Дизаръ и остаться у ней до тѣхъ поръ, пока для меня не откроется родительскій домъ. Тогда я преслѣдовала только личныя цѣли; но, быть можетъ, Богъ отцовъ моихъ предназначаетъ меня на нѣчто лучшее, и мнѣ удастся тронуть сердце короля.

— Короля!—воскликнулъ Бокингемъ почти тономъ сожалѣнія.—Ну, объ этомъ мы поговоримъ съ тобой въ другой разъ; я чувствую сильнѣйшую усталость, а намъ часа черезъ два опять нужно будетъ двинуться въ путь.

Въ комнатѣ становилось свѣтло; на дворѣ дулъ утренній вѣтерокъ, предвѣстникъ солнечнаго восхода; лампа горѣла тусклымъ желтоватымъ свѣтомъ.

— Какъ холодно здѣсь! сказала Мануэлла.

Герцогъ подалъ ей плащъ, она завернулась въ него и сѣла на низкой скамьѣ у стѣны, прислонившись головой къ деревянной кровати.

Она сидѣла нѣсколько минутъ молча въ глубокой задумчивости. Они не обмѣнялись больше между собой ни однимъ словомъ. Въ комнатѣ и въ замкѣ была такая тишина, что слышенъ былъ шелестъ деревьевъ въ паркѣ.

Мануэлла шепотомъ читала молитву Богу Израиля. Немного погодя, она заснула.

Герцогъ сѣлъ въ кресло въ другомъ углу комнаты, положивъ шпагу себѣ на колѣни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него спала

прелестная дѣвушка, которая еще такъ недавно составляла предметъ его страстныхъ желаній. Но ангелы-хранители, которыхъ она поминала въ своей молитвѣ, защищали ее; онъ не рѣшился подойти къ ней. Нѣкоторое время молодой герцогъ пристально смотрѣлъ на нее; но мало-по-малу она стала представляться ему какъ въ туманѣ. Ему казалось, что онъ видитъ ее во снѣ; наконецъ, сонъ дѣйствительно овладѣлъ имъ. Его разбудилъ рѣзкій звукъ рожка на дворѣ замка и веселое пѣніе.

Онъ вскочилъ на ноги въ полусознательномъ состояніи, припоминая съ усиліемъ событія прошлаго дня. Мануэлла спала; золотистый свѣтъ утренней зари, пробиваясь изъ маленькаго окна въ крышѣ, освѣщалъ красивую головку дѣвушки, окаймленную темными волосами.

Снизу раздавалась веселая хоровая пѣсня:

«Проснись, красавица! проснись!
Спѣши на-встрѣчу мая!
Пойдемъ въ тѣнистый темный лѣсъ,
Свивать вѣнки цвѣтовъ весеннихъ,
Проснись, красавица! проснись!
Спѣши на-встрѣчу мая!»

Мануэлла открыла глаза.—Что это значитъ!—воскликнула она, робко оглядываясь.

Радостнѣе прежняго звучала пѣсня:

«Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился»...

Мануэлла поспѣшно поднялась съ своего мѣста; маленькая комната и весь міръ были ярко освѣщены утренними лучами солнца.

ГЛАВА IX.

Приключеніе въ лѣсу.

Утренняя заря, заглянувъ въ маленькую комнату подъ крышей Чильдерлейскаго зàмка, мало-по-малу пробилась сквозь густую листву Лонгстовскаго лѣса и ярко окрасила верхушку священнаго дуба великолѣпіемъ своихъ красокъ.

Солнце, которое и теперь одинаково свѣтитъ злымъ и добрымъ людямъ, не отличало и въ тѣ времена «круглоголовыхъ» отъ «кавалеровъ» и равнодушно смотрѣло съ высоты на непримиримую ненависть людскую и кровавыя битвы.

Было прелестное майское утро; пѣли раннія птицы; на вѣткахъ слышалось ихъ радостное щебетанье. Жаворонки высоко поднимались къ небу, которое здѣсь, въ глухомъ лѣсу, видно было только въ просѣкахъ небольшими клочками. Они казались какими-то голубыми островами среди моря зелени и благоуханій; серебристыя капли росы висѣли, какъ жемчугъ, на вѣткахъ, блестѣли алмазами на цвѣточныхъ чашечкахъ; нѣкоторые листья были совсѣмъ покрыты ими.

Священный дубъ стоялъ въ самой чащѣ лѣса; но вокругъ него было довольно большое незанятое пространство, такъ что можно было видѣть его во всемъ его величіи. Сильныя массивныя вѣтви поднимались надъ землей на высотѣ человѣческаго роста; далеко раскинулись корни, образуя цѣлый холмъ у его подножья. Онъ казался патріархомъ среди окружающихъ деревьевъ; много лѣтъ пронеслось надъ нимъ; онъ видѣлъ, какъ одни поколѣнія людей смѣнялись другими. Жители окрестныхъ деревень ходили къ нему на поклоненіе съ незапамятныхъ временъ; дѣти слѣдовали примѣру отцовъ, перенявшихъ этотъ обычай отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Никто изъ обитателей этой мѣстности не могъ себѣ представить Лонгстовскаго лѣса безъ этого дуба,—одинаково, если бы въ рѣкѣ Кэмъ, по которой названо было ихъ графство, не оказалось воды. Съ давнихъ поръ духовные говорили проповѣди подъ этимъ дубомъ и здѣсь справлялись религіозныя торжества. Въ ночь на 24-е іюня здѣсь зажигались огни; во времена католичества окрестные поселяне собирались сюда для празднованія «дня всѣхъ святыхъ»; а съ тѣхъ поръ, какъ страна обратилась къ протестанству, вокругъ дуба плясала молодежь, возвращаясь съ обѣдни и рынка. Но это были послѣдніе остатки веселыхъ церковныхъ праздниковъ для добродушныхъ поселянъ, которые въ непродолжительномъ времени должны будутъ навсегда разстаться съ ними.

При этомъ Лонгстовскій дубъ былъ не только почтеннымъ памятникомъ прошлаго, каѳедрой для проповѣдниковъ и свидѣтелемъ веселія наростающихъ поколѣній, но имѣлъ и другое, не менѣе важное значеніе. Мѣсто, на которомъ онъ росъ, представляло пунктъ, гдѣ сходилась земля различныхъ округовъ; отсюда шли четыре дороги къ четыремъ церковнымъ приходамъ и далѣе къ тремъ пограничнымъ графствамъ: Бедфордъ, Букингемъ и Гунтингдонъ. У дуба сходились начальники округовъ, которые ежегодно обходили границы подвластныхъ имъ общинъ и подъ сѣнью дерева прочитывали главу изъ евангелія. Здѣсь же мельникъ Пикерлингъ назначилъ ночную сходку своимъ единомышленникамъ изъ окрестныхъ деревень. Это были большею частью арендаторы фермъ, мелкіе землевладѣльцы и ремесленники; и хотя число ихъ было значительно, но, вслѣдствіе холода, они имѣли довольно жалкій видъ. Всѣ были одѣты въ темное платье—черное или сѣрое и въ войлочныхъ

черныхъ шляпахъ, похожихъ на маленькія церковныя башни и такія же острыя; волосы у всѣхъ были коротко обстрижены въ кружокъ, такъ что уши казались торчащими. Они встали въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ дерева, подъ которымъ расположился благочестивый мельникъ, взявшій на себя роль вожака, такъ какъ, выражаясь ихъ языкомъ, онъ считался у нихъ «избраннымъ сосудомъ Божіимъ». Тѣмъ не менѣе, они слушали его назидательную рѣчь дрожа отъ холода, такъ какъ ночь была сырая, и многіе, отправляясь въ путь, не сочли нужнымъ подкрѣпить себя пищей.

— Дорогіе друзья мои и братья во Христѣ! началъ мельникъ глухимъ голосомъ,—сей день будетъ днемъ борьбы за святое евангеліе, Господа нашего Христа и Божье правосудіе въ Англіи! Вамъ извѣстны беззаконія, которыя совершаются въ Чильдерлейскомъ приходѣ и какимъ искушеніямъ подвержены маловѣрные. Въ то время, какъ кругомъ въ семи графствахъ умножается число людей, чтущихъ Бога, здѣсь властвуетъ антихристъ и прельщаетъ слабыхъ и невѣрующихъ на вѣчную гибель. Во всей Англіи сокрушаютъ твердыни нечестивыхъ, усмиряютъ грѣшниковъ, дѣлятъ ихъ имущество между благомыслящими людьми, а у насъ, какъ бы въ насмѣшку надъ страданіями Господа нашего Іисуса Христа, оставляютъ нетронутымъ зàмокъ этого нечестивца, который носитъ незаслуженное имя Товита! Его слѣдовало бы называть Вараввой! Его домъ—разбойничье гнѣздо, притонъ гонцовъ изъ арміи папистовъ. Долой всѣхъ ихъ! Въ писаніи сказано: «бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступитъ это время»... Истинно говорю я вамъ: время это уже наступило! Мѣра злодѣяній переполнилась; ихъ беззаконія вопіютъ къ небу. Здѣшняя англиканская церковь съ ея языческимъ великолѣпіемъ скорѣе походитъ на храмъ, гдѣ служатъ идоламъ, нежели на мѣсто христіанской молитвы. Въ то время, какъ богобоязненные слуги Господни возвѣщаютъ истинную пресвитеріанскую вѣру, здѣсь сидитъ Гевитъ, проклятый приверженецъ англиканской церкви, вѣрующій въ святость своихъ англиканскихъ епископовъ вмѣсто единаго Бога; онъ наряжается въ рясу и воротнички, присѣдаетъ во время богослуженія и всячески оскорбляетъ Господа. Прочь его! прочь папистовъ и приверженцевъ епископальной церкви! Они главный тормазъ къ распространенію евангелія! Изъ-за нихъ Англія лишена своихъ законныхъ правъ. Долой ихъ! Впередъ во имя мученическаго вѣнца Христова и ковенанта.

— Во имя вѣнца Христова и ковенанта! крикнули въ одинъ голосъ люди, собравшіеся около Лонгстовскаго дуба, потрясая топорами, которые они захватили съ собой по приказанію мельника.

— Мы разрушимъ ихъ идолы и жертвенники! продолжалъ съ воодушевленіемъ Пикерлингъ, — срубимъ до корня это дерево ихъ невѣрія! Всѣ ихъ майскіе шесты должны пасть, какъ этотъ дубъ,

который богохульники осмѣливаются называть «евангельскимъ». Уничтожимъ всѣхъ нечестивцевъ, подобно Іисусу Навину, который «никого не оставилъ бы, кто уцѣлѣлъ бы въ землѣ непріятельской!» Поразимъ ихъ жрецовъ остріемъ меча и разрушимъ ихъ святыню нашими топорами. Братья, я дѣлаю первый ударъ. Послѣдуйте моему примѣру!

Съ этими словами мельникъ подошелъ къ дубу и, поднявъ топоръ, ударилъ имъ изо всѣхъ силъ по массивному стволу; дерево не пошатнулось и только отлетѣлъ большой кусокъ коры, твердой какъ камень. Нижнія вѣтви стряхнули покрывавшую ихъ росу на трудившагося человѣка; но старый дубъ, благодаря избытку силъ, не почувствовалъ нанесеннаго ему оскорбленія.

Между присутствующими поднялся ропотъ. Они любили старое дерево, какъ очагъ въ домѣ своихъ предковъ; привыкли къ нему съ дѣтства и не рѣшались поднять на него руку.

— Чего вы боитесь! воскликнулъ мельникъ.—Вы способствуете служенію Ваала и не смѣете прикоснуться къ его жертвеннику, подобно тому царю израильскому, который поставилъ два алтаря: одинъ истинному Богу, другой аммонитянскому чудищу. Вы очистили ваши церкви отъ идолопоклонства, разбили пестрыя стекла, каменныя и деревянныя статуи, которымъ до сихъ поръ поклоняются паписты и которымъ поклонялись ваши отцы. Развѣ вы хотите молиться Богу и идоламъ въ одно и то же время!

— Онъ правъ! сказалъ одинъ изъ толпы, обращаясь къ остальнымъ.—Мы должны ниспровергнуть ложныхъ боговъ, чтобы единый Богъ Саваоѳъ могъ властвовать на землѣ. Помните первую заповѣдь: «да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене». Всѣ мы читали въ третьей Книгѣ Царствъ, глава XVIII, какъ Илія приказалъ схватить четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ и какъ онъ отвелъ ихъ къ потоку Киссону и закололъ тамъ. А здѣсь дѣло гораздо проще!

Съ этими словами ораторъ нанесъ вторую рану маститому дубу.

Еще одинъ человѣкъ выдѣлился изъ толпы и, подойдя къ дереву, поднялъ топоръ, но тотчасъ же опустилъ его.—Нѣтъ, сказалъ онъ,—я не въ состояніи прикоснуться къ нему; сердце мое такъ сжалось, какъ будто я поднялъ топоръ на мою собственную плоть и кровь—на брата или отца!

— Слышите-ли, что онъ говоритъ! воскликнулъ насмѣшливо Пикерлингъ. Онъ называетъ дерево «плотью отъ плоти его». Маловѣрный, вспомни о томъ богоугодномъ человѣкѣ, которому отрѣзали уши по приказанію Звѣздной камеры за то, что онъ въ своей книгѣ сравнилъ Англію съ Эдомомъ и возсталъ противъ англійскаго короля, который пляшетъ на балахъ, какъ язычникъ, между тѣмъ какъ королева посѣщаетъ театръ и предается сатанинскимъ удовольствіямъ. Этотъ святой человѣкъ не пожалѣлъ собственной

крови для защиты истинной вѣры, а ты жалѣешь дерево! Могу припомнить тебѣ и другаго человѣка, котораго сожгли за то, что онъ сравнилъ Карла съ Ахавомъ, царемъ израильскимъ, а его хананскую жену съ дочерью царя сидонскаго. Ты говоришь о своемъ отцѣ! Но тебѣ это не пришло бы въ голову, если бы ты видѣлъ, какъ я того почтеннаго священника, котораго, несмотря на сѣдые волосы и преклонныя лѣта, привязали къ позорной телѣжкѣ и потащили по улицамъ Лондона къ висѣлицѣ, стоящей въ Тибурнѣ, все это изъ-за того, что онъ въ своихъ проповѣдяхъ говорилъ противъ англійскихъ епископовъ и сказалъ, что они въ нечестіи не уступаютъ папистамъ. Я жилъ тогда въ Лондонѣ; съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ, но я все помню до малѣйшихъ подробностей, какъ будто это случилось сегодня. Огромная толпа сопровождала шествіе; тутъ были работники, крестьяне, ремесленники, простой народъ; всѣ плакали. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старика и видѣлъ слугъ палача, орудія пытки, капли крови, падающія на землю. Я громко вскрикнулъ, лицо мое помертвѣло. Онъ замѣтилъ меня, улыбнулся и сказалъ: «Сынъ мой, не пугайся, я спокойно встрѣчаю смерть; если бы силы начали измѣнять мнѣ, то Господь подкрѣпилъ бы меня...

Мельникъ видѣлъ впечатлѣніе, какое произвели его слова на слушателей, и продолжалъ свою рѣчь въ томъ же тонѣ.

— Вспомните о мученикахъ, преслѣдуемыхъ за вѣру! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышалось сдержанное рыданіе,— вспомните объ осужденныхъ, объ узникахъ! Они страдаютъ ради спасенія нашей души! Многіе изъ вѣрующихъ бросили свой домъ и имущество и отправились въ чужія земли съ разбитымъ сердцемъ. Они оставили землю своихъ отцовъ; рѣшились лучше выносить бури на морѣ, бродить въ пустынѣ, вести борьбу съ кровожадными звѣрями, нежели терпѣть насиліе надъ своей совѣстью и измѣнить истинному Богу. Чего вы медлите,—топоры въ вашихъ рукахъ! Въ пятой книгѣ Моисея, въ VII главѣ, сказано какъ поступать съ ними: «Жертвенники ихъ разрушьте, столбы ихъ сокрушите, и рощи ихъ вырубите, и истуканы ихъ сожгите огнемъ!»...

Пикерлингъ замолчалъ отъ изнеможенія. Рѣчь его произвела желаемое дѣйствіе: удары со всѣхъ сторонъ посыпались на дерево. Но это была тяжелая жертва для суровыхъ защитниковъ благочестія, хотя впродолженіе трехлѣтней междоусобной войны они видѣли, какъ мало-по-малу рушилось все то, что было освящено закономъ и обычаемъ въ государствѣ, церкви и ихъ приходахъ. Въ извѣстномъ отношеніи человѣкъ остается неизмѣннымъ во всѣ времена. Онъ привыкаетъ къ крупнымъ перемѣнамъ и преобразованіямъ, какія совершаются въ мірѣ, но упорно сопротивляется незначительнымъ измѣненіямъ, которыя въ чемъ либо нарушаютъ порядокъ его жизни. Мы съ удивленіемъ видимъ, что государ-

ственные перевороты кончаются ничѣмъ, революціонеры гаютъ своихъ цѣлей, дѣлаютъ ложный шагъ и погибают тѣмъ все это происходитъ отъ того, что люди, имѣющіе настолько нравственной силы, чтобы уничтожить вѣковы денія государствъ, не могутъ окончательно отрѣшиться о кой слабости, которую мы называемъ «человѣческимъ с

Старый дубъ, какъ все, что создается столѣтіями, им бокіе и сильные корни. Хотя изуродованный и надрубл нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ стоялъ твердо, какъ герой, котораго пробитъ стрѣлами и ударами меча. Далеко р куски коры; но стволъ оставался непоколебимымъ. Соп въ данномъ случаѣ, какъ всегда, дѣйствовало возбу образомъ; стремленіе къ разрушенію усиливалось вмѣстѣ разрушенія; всякій направленный ударъ увеличивалъ ревнованіе. Между тѣмъ взошло солнце и, освѣтивъ лѣ нило его благоуханіемъ зелени и цвѣтовъ. Живительная весенняго утра и солнечные лучи усилили энергію ра людей. Звонко раздавалось по лѣсу эхо отъ ударовъ, н топорами. Въ это время издали послышалось пѣніе:

«Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса»...

Мельникъ опустилъ топоръ.—Это они, достойные ч воскликнулъ онъ.

Звуки пѣсни то приближались, то удалялись вмѣст вами теплаго весенняго вѣтра, напитаннаго благоуханіе Дружно пѣлъ хоръ молодыхъ голосовъ:

«Чуть показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро-ль луга зазеленѣютъ»...

— Слышите ли, какъ эти идолопоклонники поютъ ческія пѣсни! продолжалъ съ негодованіемъ Пикерлин въ нашихъ рукахъ и мы заставимъ ихъ бѣжать съ п ихъ собственнаго алтаря.

Съ этими словами мельникъ сошелъ съ своего мѣс хивая топоромъ, подалъ знакъ своимъ приверженцамъ, группировались около него въ боевомъ порядкѣ, такъ можно было ежеминутно ожидать непріятеля.

Пѣніе приближалось. Слышенъ былъ лошадиный т многочисленной толпы людей. Сильные мужскіе голос изъ тѣхъ простыхъ народныхъ пѣсенъ, очарователы которыхъ сохранились до нашего времени. Даже теперь,

насъ невыразимую прелесть, въ нихъ какъ бы чувствуется роскошь ея лѣсовъ и жизнь, полная первобытной поэзіи:

«Робинъ-Гудъ и Джонъ
Встали съ утренней зарей
Для встрѣчи лѣта, встрѣчи мая.
Тѣнистъ и теменъ старый лѣсъ»...

Съ звуками пѣсни сливалось радостное щебетаніе птицъ, шелестъ листьевъ, ржаніе лошадей и возгласы веселой толпы, сопровождавшей шествіе. Все это услышалъ Пикерлингъ прежде, нежели увидѣлъ своихъ враговъ, потому что дорога отъ Чильдерлейскаго замка шла полукругомъ въ недалекомъ разстояніи отъ дуба. Но въ его воображеніи живо представлялась вся процессія, потому что въ прежнія времена онъ далеко не былъ такимъ благочестивымъ, какъ теперь. Въ молодости онъ ежегодно сопровождалъ майское шествіе; его голосъ въ хорѣ раздавался громче всѣхъ, и онъ всегда изъ первыхъ вступалъ въ хороводъ. Но съ тѣхъ поръ Пикерлингъ остепенился и сталъ другимъ человѣкомъ; это случилось въ тотъ день, когда Ганна Грингорнъ, краснощекая дочь трактирщика, отказалась выйти за него замужъ, а вслѣдъ затѣмъ владѣлецъ Чильдерлея пригрозилъ выгнать его съ мельницы за мошенническія продѣлки, которыя онъ позволялъ себѣ при продажѣ муки.

Съ этого времени онъ чувствовалъ глубокую ненависть къ баронету, къ трактирщику Грингорну, его дочери, влюбленной въ Мартина Бумпуса, и ко всѣмъ «дщерямъ и сынамъ Вельзевула». Онъ коротко обстригъ себѣ волосы, нахлобучилъ высокую остроконечную шапку и съ такимъ успѣхомъ сталъ подвизаться въ благочестіи, что между мѣстными сектантами прослылъ за «избранника Божія», тѣмъ болѣе, что подвергся несправедливому гоненію со стороны Чилдерлейскаго «Голіаѳа». Нерѣдко случалось, что набожный мельникъ ошибался относительно времени своего обращенія на путь истины и распространялся «о дняхъ своей скорби и сокрушенія о грѣхахъ» въ такомъ-то году, тогда какъ еще въ эту пору онъ плясалъ вмѣстѣ съ другими около воздвигнутаго ими «золотаго тельца».

Между тѣмъ шествіе выступило на дорогу, ведущую къ дубу.

— Вотъ онъ! воскликнулъ Пикерлингъ, указывая на человѣка, ѣхавшаго впереди всѣхъ на лошади, украшенной раковинами. Это былъ Мартинъ Бумпусъ въ костюмѣ отца Тука, одѣтый въ коричневое монашеское платье францисканскаго ордена; на плечѣ у него былъ большой посохъ, называемый «quarter staff», какой въ тѣ времена носили лѣсные стражи. Лицо его было выкрашено въ яркій красный цвѣтъ; онъ постоянно покачивалъ головой во время пѣнія, складывалъ руки на груди, трясъ палку и бормоталъ съ

опущенными глазами: «ora pro nobis», намекая этимъ на свою двойную роль монаха и браконьера.

По правую его руку ѣхала Ганна Гринторнъ, переодѣтая въ маленькаго Джона, въ курткѣ и шляпѣ съ перомъ; ее можно было узнать по безпрестанному хихиканью и щекамъ, которыя были, какъ всегда, багрово-краснаго цвѣта. За ними слѣдовала пара, составлявшая средоточіе майскаго праздника. Это былъ Робинъ-Гудъ, любимый герой англійской народной поэзіи, благородный бандитъ и защитникъ бѣдняковъ. Рядомъ съ нимъ ѣхала Маріана, королева лѣсовъ и невѣста Робинъ-Гуда. Роль перваго исполнялъ молодой баронетъ; подругу его изображала Оливія. Костюмъ Джона состоялъ изъ зеленой туники, обшитой золотой бахромой; шляпа и панталоны были бѣлые съ голубымъ; онъ держалъ въ рукахъ лукъ; у пояса висѣлъ пучекъ стрѣлъ и охотничій рожокъ. Оливія была въ блѣдно-голубомъ платьѣ; на плечахъ ея была накинута длинная мантія, вышитая серебромъ; серебряный кушакъ обхватывалъ стройную талію; длинные золотистые волосы падали локонами по плечамъ; на головѣ былъ одѣтъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ фіалокъ. Робинъ-Гудъ и его невѣста ѣхали на лошадяхъ, украшенныхъ гирляндами весеннихъ цвѣтовъ; по принятому обычаю, ихъ окружали шесть лѣсничихъ въ зеленыхъ туникахъ, зеленыхъ шляпахъ и панталонахъ; у каждаго висѣлъ рожокъ, привязанный къ поясу; за ними слѣдовали шесть молодыхъ дѣвушекъ въ голубыхъ платьяхъ и въ вѣнкахъ изъ желтыхъ скороспѣлокъ. Затѣмъ шли шесть молодыхъ людей въ кожаныхъ курткахъ, съ топорами на плечахъ; головы ихъ были убраны вѣнками изъ плюща и боярышника.

Но это было только начало шествія, остальная часть котораго была еще скрыта за деревьями. Кромѣ названныхъ лицъ, въ процессіи участвовалъ неизмѣнный Виллъ Стукели съ своими товарищами, принадлежащими къ доблестной шайкѣ Робинъ-Гуда Микъ, съ длиннымъ шестомъ, къ обоимъ концамъ котораго были привязаны пузыри. Затѣмъ шли подруги Маріаны, въ бѣлыхъ платьяхъ и оранжевыхъ кушакахъ, молочницы и, наконецъ, деревенскіе жители въ качествѣ зрителей. Многочисленная толпа людей съ бѣлымъ знаменемъ замыкала шествіе; они были вооружены палками, дубинами, косами и вилами, которыя просвѣчивали сквозь вѣтви деревьевъ.

Мартинъ Бумпусъ, выѣхавъ на открытую дорогу, увидѣлъ издали Пикерлинга и его приверженцевъ, занявшихъ позицію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дуба; ему нетрудно было догадаться, что они явились сюда съ непріязненными намѣреніями:

— Ora pro nobis! проговорилъ Бумпусъ громкимъ голосомъ и, осадивъ лошадь, крикнулъ мельнику:—Прочь съ дороги или я угощу тебя своей палкой!

Благочестивый мельникъ, увидя ненавистнаго Бумпуса и предметъ своей любви—Ганну Грингорнъ, воспламенился гнѣвомъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала битвы, такъ какъ разсчитывалъ на топоры своихъ союзниковъ. Въ это время Бумпусъ замѣтилъ повреждeніе, произведенное «вѣрующими» на старомъ дубѣ, къ которому направлялось шествіе.

Лицо молодаго парня поблѣднѣло, несмотря на густой слой краски. Сердце его усиленно билось, губы дрожали; онъ соскочилъ съ лошади и, размахивая по воздуху своей тяжелой палкой, бросился на мельника съ крикомъ:

— Негодяй, что ты сдѣлалъ съ деревомъ!

— Помогите, онъ задушитъ меня! завопилъ мельникъ, отбиваясь отъ своего противника, который схватилъ его за горло обѣими руками.

Пуритане, испуганные этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, остановились въ нерѣшимости, и только нѣсколько человѣкъ сдѣлали видъ, что хотятъ помочь своему предводителю, который ловко пользовался цитатами изъ Библіи, но плохо владѣлъ оружіемъ.

— Гнѣздо лицемѣровъ! кричалъ Бумпусъ не помня себя отъ ярости.—Я проучу васъ! Кто позволилъ вамъ распоряжаться здѣсь? Если кто изъ васъ подойдетъ ко мнѣ, то я такъ хвачу его моей палкой, что отобью охоту встать съ мѣста!

При этихъ словахъ Бумпусъ повалилъ мельника на землю, и замахнулся на него своимъ легендарнымъ посохомъ.

Когда первый испугъ прошелъ, пуритане выступили впередъ, чтобы освободить своего предводителя отъ неминуемой опасности. Но въ этотъ моментъ подъ сводомъ зеленыхъ вѣтвей выступила толпа людей съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ было написано большими черными буквами:

«Смерть всѣмъ, кто будетъ противиться намъ!»

Пуритане вторично остановились и съ безпокойствомъ смотрѣли на непріятеля, который быстро приближался къ нимъ подъ предводительствомъ Юргена.

— Отлично! крикнулъ послѣдній, увидя мельника, распростертаго у ногъ Мартина.—Придави хорошенько этотъ кожаный мѣшокъ; будь покоенъ, никто не заступится за него! Юргенъ проучитъ всякаго, кто посмѣетъ прикоснуться къ которому либо изъ его друзей.

Съ этими словами онъ пригрозилъ своей дубиной безмолвно стоящимъ пуританамъ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бумпуса, любуясь его сильной и мускулистой фигурой.

— Вотъ такъ! продолжалъ онъ, одобрительно кивая головой.— Не давай ему спуску! Чѣмъ онъ скорѣе издохнетъ, тѣмъ лучше.

— Это было бы для него слишкомъ легкимъ наказаніемъ! возразилъ Мартинъ, стиснувъ зубы отъ ярости,—мы будемъ колотить

его понемногу, ударъ за ударомъ, какъ онъ рубилъ дубъ. Пусть отвѣтитъ за каждую щепку, которая лежитъ тутъ. У насъ съ нимъ длинный счетъ; мы не оставимъ его въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не поколѣетъ на мѣстѣ.

Говоря это, Бумпусъ ударилъ ногой своего врага, чтобы заставить его подняться на ноги; затѣмъ изо всѣхъ силъ толкнулъ въ толпу поселянъ, которые, услыхавъ шумъ, выступили впередъ и, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Робинъ-Гуда и его невѣсты, съ глубокимъ огорченіемъ толковали о несчастіи, постигшемъ ихъ любимое дерево.

Странное впечатлѣніе производили пестрые фантастическіе костюмы участниковъ процессіи среди толпы людей съ опечаленными и взволнованными лицами, между тѣмъ какъ высоко надъ ними, почти неподвижно въ утреннемъ воздухѣ, виднѣлось бѣлое знамя съ крупными черными буквами.

Въ этотъ моментъ, когда всѣ были заняты своими мыслями и ощущеніями и никто не обращалъ вниманія на то, что дѣлалось около нихъ, высокій всадникъ подъѣхалъ къ прекрасной майской королевѣ, сидѣвшей на своемъ бѣломъ пони.

Это былъ Слингсби, одѣтый крестьяниномъ.

— Моя дорогая миссъ, сказалъ онъ,—наступила удобная минута; я долженъ разстаться съ вами. Если бы мы заранѣе все устраивали, то не могли бы придумать ничего лучшаго, какъ то, что случилось здѣсь помимо насъ. До свиданья; надѣюсь опять встрѣтиться съ вами... будущее неизвѣстно; быть можетъ, мнѣ удастся увидѣть васъ при дворѣ короля, гдѣ умѣютъ цѣнить красоту и быть благодарнымъ за вѣрность въ несчастьи... Поклонитесь вашему отцу отъ преданнаго друга. Вотъ и герцогъ; онъ желаетъ проститься съ вами.

Бокингеймъ былъ также въ крестьянскомъ платьѣ; онъ поцѣловалъ руку Оливіи и съ удивленіемъ замѣтилъ грустное выраженіе ея лица.

— Неправда ли, мы поступаемъ совершенно не по-рыцарски? сказалъ онъ, осаживая свою лошадь.—Намъ не слѣдовало бы оставлять васъ среди этой толпы работниковъ и крестьянъ, между ними легко можетъ произойти общая свалка...

— Нѣтъ, милордъ, возразила Оливія; — вашъ примѣръ убѣждаетъ меня, что и подъ крестьянской одеждой можетъ биться храброе сердце.

Молодой кавалеръ немного смутился, такъ какъ не зналъ, принять ли ея слова за любезность, или насмѣшку.

Но Оливія продолжала тѣмъ же тономъ:

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были уже въ безопасномъ мѣстѣ, милордъ; я боюсь за васъ обоихъ и за успѣхъ возложеннаго на васъ порученія.

— Не безпокойтесь, миссъ Кутсъ, возразилъ Бокингемъ съ веселой улыбкой.—Гдѣ опасность, тамъ настоящая жизнь. Мы ѣдемъ на службу короля, и на прощанье прелестные глаза привѣтствуютъ насъ!

Герцогъ сдѣлалъ знакъ своему пажу, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, и, пришпоривъ свою лошадь, еще разъ поклонился хорошенькой дочери баронета.

Бархатная одежда пажа была покрыта длиннымъ холщевымъ плащемъ. Онъ ловко сидѣлъ на сѣдлѣ и искусно правилъ вороной лошадью, повидимому еще совершенно невыѣзженной, такъ какъ она пугливо оглядывалась по сторонамъ и пѣна валила клубомъ изъ ея рта. Когда сѣдокъ немного ослабилъ поводья, она поѣхала крупной рысью, но скоро должна была замедлить шагъ отъ прибывавшей толпы, которая спѣшила къ дубу.

Оливія задумчиво смотрѣла вслѣдъ уѣзжающему мальчику. Она видѣла его прощальный взглядъ, обращенный на нее съ выраженіемъ благодарности и симпатіи, и отвѣтила ему ласковой улыбкой. Какое-то странное чувство, въ которомъ она не могла дать себѣ отчета, влекло ее къ нему: было ли это любопытство, состраданіе или своего рода предчувствіе близкой бѣды?

— Сюда! за мной! крикнулъ сэръ Гарри своимъ спутникамъ, указывая имъ на дорогу по правую сторону дуба.—Мы не должны терять ни одной минуты.

Между тѣмъ ярость поселянъ, увидѣвшихъ вблизи изуродованное дерево, все болѣе и болѣе возрастала. Огорченіе смѣшивалось у нихъ съ гнѣвомъ, они осыпали бранью и упреками пуританъ; всѣхъ больше досталось благочестивому мельнику, который еще не могъ опомниться отъ здоровыхъ кулаковъ Бумпуса и стоялъ молча, съ опущенными глазами. Но тутъ съ нимъ неожиданно произошла перемѣна; онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

— Они ѣдутъ сюда! воскликнулъ онъ.

Никто не обратилъ вниманія на это восклицаніе, потому что среди крика, брани толпы и ржанія лошадей, нетерпѣливо бившихъ копытами о землю, нельзя было различить отдѣльныхъ словъ.

Пикерлингъ, не спуская глазъ съ лѣса, прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ и черезъ минуту громко крикнулъ:

— Они ѣдутъ сюда! Что это значитъ?

Въ эту минуту уже можно было ясно разслышать протяжный, хотя довольно отдаленный звукъ трубы, сопровождаемый глухимъ шумомъ. Сначала шумъ походилъ на мѣрное паденіе воды, но мало-по-малу принялъ опредѣленную форму; звуки трубы долетали совершенно ясно.

Блѣдное лицо мельника просіяло отъ радостной увѣренности; онъ поспѣшно поднялъ съ земли свой топоръ, и прежде чѣмъ оза-

даченный Бумпусъ успѣлъ остановить его, онъ бросился к приверженцамъ съ громкимъ крикомъ:

— Радуйтесь, идутъ наши! Слышите... Это трубачъ К Леви Макъ Алистеръ. Да возликуютъ тѣ, которые могутъ себя сынами божьими!

Теперь можно было отчетливо различить топотъ при щейся конницы.

— Это «желѣзные панцырники» Кромвеля! воскликн ритане.

Сквозь свѣтлую зелень деревъ виднѣлись красные му сверкала сталь. Все громче и громче игралъ трубачъ; про нѣсколько секундъ и, въ тактъ мѣрныхъ ударовъ копыт лось пѣніе.

— Они поютъ пятьдесятъ первый псаломъ! воскликн керлингъ.—Преклоните колѣни и послѣдуйте ихъ примѣр

Пуритане сняли шляпы и, ставъ на колѣни у полур наго дерева, присоединили свои голоса къ голосамъ солдат и торжественно, полными аккордами, раздавалось по лѣ слова священной пѣсни, сливаясь съ звуками трубы, про потрясающее впечатлѣніе:

«..... Вѣчно буду славить Тебя за то, что Ты содѣлал вать на имя Твое, ибо оно благо передъ святыми Твоими!

Медленно замерли послѣднія слова въ тишинѣ весенн и вслѣдъ затѣмъ изъ зелени деревьевъ появилось черн ментское знамя, на которомъ были вышиты коричневымъ три книги Библіи и слова: «Господь за насъ!»

ГЛАВА X.

Стильтонскіе драгуны.

— Пришпорьте своихъ лошадей до крови и не отста меня! крикнулъ сэръ Гарри, обращаясь къ своимъ спут Если мы промедлимъ хотя одну минуту, то мы погибли!

Появленіе кавалеристовъ одинаково взволновало как никовъ ихъ, такъ и враговъ. Мельникъ и пуритане встрѣ братскими привѣтствіями, между тѣмъ какъ толпа, сопров веселое майское шествіе, стала замѣтно уменьшаться. В бросились назадъ въ деревню, чтобы сообщить своимъ шемся; другіе попрятались за деревьями, и только самая тельная часть собралась около молодыхъ господъ Чильдер которые спокойно оставались на прежнемъ мѣстѣ.

Юргенъ приказалъ своимъ людямъ выдвинуться впередъ.

— Пусть они видятъ ваши бѣлыя повязки на рукахъ! крикнулъ онъ. — Выкиньте также знамя мира. Они увидятъ два знамени: одно за войну, другое противъ нея, и могутъ выбрать любое! Маршъ!

Съ этими словами бывшій актеръ, потрясая своей дубиной, какъ маршалскимъ жезломъ, выступилъ первый; его маленькая армія оборванцевъ, для которой дневной свѣтъ не былъ особенно выгоденъ, безпрекословно послѣдовала за нимъ.

Между тѣмъ пуритане успѣли присоединиться къ прибывшимъ кавалеристамъ.

Это былъ небольшой передовой отрядъ конницы подъ начальствомъ широкоплечаго капрала, Зосима Розе, изъ Стильтонскаго округа въ Гунтингдонскомъ графствѣ, гдѣ онъ былъ богатымъ арендаторомъ. Вооруженіе его было оковано серебромъ; онъ твердо сидѣлъ на своей рослой лошади; выплюнувъ изъ рта табакъ, онъ крикнулъ сильнымъ басомъ: «Стройся!»

Кавалеристы сдвинулись въ каре подъ мѣрный топотъ копытъ. У всѣхъ были собственныя лошади и всѣ они вооружились и одѣлись на свой счетъ и служили безъ жалованья. Это были лучшія силы страны, представители ея цивилизаціи, богатства, торговли и промышленности; они добровольно предложили свои услуги для защиты родины, чтобы возвратить ей свободу, права и вѣру, на которыя посягнула святотатственная рука.

Они были такими же хорошими наѣздниками, какъ и строевыми людьми. Панцыри ихъ были изъ стали, одежда ярко-краснаго цвѣта, вооруженіе состояло изъ карабиновъ и драгунскихъ сабель. Блестящіе шлемы украшали ихъ головы; на рукѣ была зеленая повязка, служившая отличительнымъ знакомъ парламентской арміи.

Капралъ отдалъ приказъ трубачу быть на-готовѣ, чтобы, въ случаѣ надобности, протрубить атаку.

Неожиданное прибытіе кромвелевскаго отряда произвело такое смятеніе, что Слингсби, несмотря на всѣ свои старанія, все еще не могъ выбраться изъ толпы съ своими спутниками. Пока дорога по правую сторону дуба была свободна, онъ надѣялся благополучно доѣхать до нея, такъ какъ, по его соображеніямъ, стычка между пѣхотой Юргена и кавалеристами должна была произойти налѣво. Медленно, но вѣрно подвигался впередъ его сильный конь; его спутники слѣдовали за нимъ; еще нѣсколько шаговъ и они будутъ внѣ опасности.

Но тутъ увеличивающійся шумъ испугалъ черного коня, на которомъ ѣхала Мануэлла; ноздри его раздулись, глаза налились кровью, и онъ сталъ бросаться изъ стороны въ сторону. Слингсби и герцогъ въ это время уже выбрались на дорогу, осѣненную гу-

стой зеленью старыхъ деревьевъ; оба были настолько п
мыслью о собственной безопасности, что ни одинъ изъ
вспомнилъ о несчастной дѣвушкѣ, которая употребляла н
усилія, чтобы выбраться изъ толпы. Раздавшійся въ э
ментъ пистолетный выстрѣлъ, повторенный лѣснымъ э
шилъ ея судьбу. Лошадь поднялась на дыбы и сброс
всего размаху, умчалась въ лѣсъ.

Мануэлла лежала на землѣ, вся покрытая кровью и
лѣйшихъ признаковъ жизни; около нея тотчасъ же обр
толпа. Всѣ взоры были обращены на тропинку, по котор
вились Слингсби и герцогъ, такъ какъ лошадь безъ сѣдо
лась въ эту сторону.

— Несчастный! Что вы хотите дѣлать? воскликнулъ
видя, что его спутникъ поворачиваетъ свою лошадь. —
изъ-за этого мальчика вы рѣшитесь подвергнуть опаснос
и королевскую корону? Подумайте о письмѣ, которое я
доставить его величеству.

— Ну, уѣзжайте, я не держу васъ, а меня оставьте

— Тутъ вопросъ не въ вашей и не въ моей жизни,
каждый изъ насъ обязанъ умереть за короля. Но теперь м
остаться цѣлы, чтобы выполнить возложенное на насъ п

Съ этими словами онъ схватилъ за поводья лошадь
который сопротивлялся изо всѣхъ силъ.

— Оставите ли вы меня въ покоѣ! крикнулъ герцог
ножъ, спрятанный у него на груди.

— Еще этого не доставало! отвѣтилъ Слингсби, бл
гнѣва.—Видитъ Богъ, что я не задумался бы застрѣли
эту минуту, если бы меня не удерживалъ страхъ, чт
или живой вы можете навести бунтовщиковъ на мой с
Бога, не упрямьтесь, милордъ, — добавилъ онъ болѣе с
почти умоляющимъ голосомъ. — Что связываетъ васъ
мальчикомъ? Король долженъ быть для васъ дороже ег

— Это не мальчикъ, сказалъ Бокингемъ, — а дѣв
люблю ее!

— Что же изъ этого! воскликнулъ Слингби.—Неуж
лишится престола изъ-за какой нибудь любовной истори

Съ этими словами Слингсби, не дожидаясь отвѣта,
тилъ лошадь своего товарища и потащилъ ее за собой;
цогъ освободился отъ него, то уже не было возможности
назадъ, потому что кромвелевскіе драгуны и пуритан
тропинки и загородили имъ путь.

— Какъ вы смѣли употребить надо мной насиліе! в
съ негодованіемъ герцогъ, опечаленный потерей Ману
садуя на то, что Слингсби пересилилъ его. — Негодны
вамъ заплачу за это.

— Какой хотите монетой! отвѣтилъ Слингсби спокойнымъ голосомъ.—Вы назвали меня негоднымъ трусомъ; можете дать мнѣ еще какую нибудь оскорбительную кличку, я ничѣмъ не отвѣчу вамъ въ данный моментъ. Но я не знаю, какъ назвать человѣка, который обманулъ меня самымъ недостойнымъ образомъ и настолько забылъ свою честь и обязанности относительно короля и родины, что готовъ былъ пожертвовать ими изъ-за любовной интриги. Сердце мое обливается кровью при одной мысли объ этомъ. Если въ лагерѣ короля много такихъ господъ, какъ вы, милордъ, то Чильдерлейскій священникъ совершенно правъ: «мы можемъ считать себя побитыми прежде, чѣмъ вступимъ въ бой съ нашими врагами!»

Съ этими словами сэръ Гарри пришпорилъ свою лошадь, предоставляя герцогу слѣдовать за нимъ или вернуться къ своей возлюбленной.

ГЛАВА XI.

Франкъ Гербертъ.

Пистолетный выстрѣлъ, имѣвшій такія печальныя послѣдствія для Мануэллы, привелъ въ смущеніе обѣ враждующія стороны. Онѣ остановились въ нерѣшимости, и хотя многіе высказывали желаніе прійти на помощь несчастному окровавленному мальчику, но никто не двигался съ мѣста. Одна Оливія, подъ вліяніемъ великодушнаго порыва молодости, соскочила съ своего пони и поспѣшно подошла къ раненому, не обращая вниманія на широкія сабли драгуновъ, косы, дубины и палки, которыми была вооружена шайка Юргена. Она опустилась на колѣни, чтобы разстегнуть окровавленную куртку пажа; сдѣлала она это спокойно и нетороплпво; но тутъ слегка вскрикнула и закрыла лицо обѣими руками. Это продолжалось всего одну секунду; она опомнилась и, быстро отстегнувъ свою длинную мантію, покрыла ею раненаго, который все еще лежалъ безъ сознанія.

— Что, онъ умеръ? спросилъ Зосимъ Розе, выдвинувъ свою лошадь изъ фронта.

Юргенъ также счелъ нужнымъ подойти и наклонился, чтобы взглянуть на пажа, который еще наканунѣ привлекъ его вниманіе. Видъ блѣднаго лица съ длинными черными рѣсницами произвелъ потрясающее впечатлѣніе на этого сильнаго и здороваго человѣка. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и торопливо приподнялъ легкую ткань мантіи съ груди раненаго.

— Это она! воскликнулъ Юргенъ взволнованнымъ голосомъ.— Боже всемогущій! Какъ попала сюда еврейка изъ Амстердама?

Слова эти поразили Оливію, какъ ударъ грома; она отъ ужаса, но, пересиливъ свое волненіе, шепнула Юргену ради Бога! Никому не говорите объ этомъ. Сжальтесь на стной! Она еще дышетъ! Не губите ея. Никто не долже кто она!..

Но Пикерлингъ, глаза и уши котораго были всегда на гдѣ можно было навлечь на кого нибудь несчастіе, видѣл шалъ достаточно, чтобы догадаться о сущности тайны.

— Зосимъ, воскликнулъ онъ, обращаясь къ коренас пралу, — клянусь спасеніемъ моей души, что намъ изм мымъ низкимъ способомъ. Оба крестьянина, которые т проѣхали мимо насъ, ничто иное, какъ переодѣтые кавале тирана!

— Замолчишь ли ты, паршивая собака! сказалъ Б Если бы ты былъ поближе отъ меня, то я поколотилъ какъ слѣдуетъ моей палкой.

Мельникъ не удостоилъ его отвѣтомъ и продолжалъ, голосъ:

— Что же касается третьяго изъ этихъ нечестивцевъ лежитъ у вашихъ ногъ, пораженный судомъ Божіимъ, прасно считаете его мальчикомъ... Это дѣвушка!

Пикерлингъ нагнулся, чтобы сорвать мантію, пок Мануэллу; но Юргенъ съ негодованіемъ оттолкнулъ его.

— Прочь отсюда! если ты осмѣлишься прикоснутьс то я убью тебя!

Между тѣмъ слова мельника произвели свое дѣйствіе; пились, чтобы увидѣть загадочную дѣвушку.

— Взгляните на нее! ораторствовалъ мельникъ,—и тесь въ правдивости моихъ словъ. Кто можетъ сомнѣ томъ, что противъ насъ былъ составленъ заговоръ. Вѣ что прежде всего нужно разрушить Чильдерлейскій гнѣздо невѣрія! Мы должны сдѣлать это до заката солнц почему ты не рѣшаешься напасть на этихъ идолопокло торые подняли свои знамена противъ истиннаго Бога и тыхъ?

— Въ этомъ нѣтъ никакой надобности! возразилъ к невозмутимымъ спокойствіемъ, вынимая изъ кармана но токъ табаку для жеванія.—Они безъ того въ нашихъ р

Съ этими словами онъ указалъ на лѣсъ, гдѣ за плеч Юргена показался отрядъ кавалеріи, гораздо многочисле ваго. Затѣмъ Розе поправился на сѣдлѣ и, приказавъ т играть маршъ, выдвинулъ впередъ своихъ драгунъ.

Небольшая армія Юргена была со всѣхъ сторонъ ок пріятелями. Нечего было думать о бѣгствѣ и еще менѣ тивленіи. Если бы Юргенъ послѣдовалъ совѣту сэра

ждали почести и офицерскій чинъ! Вмѣсто этого его обезоружили и связали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ прійти въ себя отъ такой неожиданности.

— Sic transit gloria mundi! Право сильнаго!.. сегодня счастье на ихъ сторонѣ, завтра на нашей! — борматалъ онъ сквозь зубы. опустивъ печально голову.

Та же процедура была примѣнена къ людямъ, составлявшимъ его шайку. Ихъ связали, загнали какъ стадо въ одну кучу и окружили двойнымъ рядомъ красныхъ мундировъ и лошадей. Затѣмъ сорвано было бѣлое знамя съ грозной хвастливой надписью, а древко разломано на мелкіе куски. Все это было сдѣлано въ нѣсколько минутъ.

Не сегодня и не вчера отданъ былъ приказъ преслѣдовать нейтральныхъ. Цѣлыми недѣлями отрядъ парламентской арміи ходилъ за ними по пятамъ, подкарауливая ихъ. Они составляли тягость для страны и лишнюю помѣху при военныхъ дѣйствіяхъ.

Четыре недѣли тому назадъ, парламентская армія выступила изъ своей главной квартиры въ Виндзорѣ и направилась въ двѣ противоположныя стороны, подъ предводительствомъ двухъ военачальниковъ. Главнокомандующій всей арміи, генералъ Ферфаксъ, двинулся съ нею на западъ въ такъ называемыя «среднія графства», между тѣмъ какъ генералъ-лейтенантъ Кромвель, главный начальникъ кавалеріи, направилъ свое войско къ сѣверо-востоку, въ такъ называемые «семь соединенныхъ графствъ», гдѣ три года тому назадъ, въ началѣ междоусобной войны, впервые организовалось подъ его руководствомъ военное сопротивленіе королю. Этотъ человѣкъ, который былъ извѣстенъ какъ горячій приверженецъ ученія Пима и Гемпдена, неожиданно выказалъ себя въ новомъ свѣтѣ. Его военныя доблести не уступали его гражданскимъ добродѣтелямъ, такъ что въ непродолжительномъ времени имя Кромвеля затмило имена другихъ дѣятелей этой эпохи. Мѣстность, въ которой онъ теперь стоялъ съ войскомъ, была его родина. Кавалеристы, которыми онъ командовалъ, были большею частью его сосѣди, друзья или ихъ дѣти. Старшій и любимый его сынъ Оливеръ былъ недавно убитъ въ одномъ изъ сѣверныхъ графствъ; два младшихъ сына—Ричардъ и Генрихъ служили подъ его командой. Одинъ изъ нихъ, а именно Ричардъ, находился въ эскадронѣ, который Кромвель снарядилъ и обмундировалъ на свой счетъ, снабдилъ оружіемъ и лошадьми и назвалъ «драгунами Слипъ-Голля», отчасти по мѣсту ихъ родины и частью въ память своего долгаго пребыванія въ С.-Ивсѣ. Каждый взводъ назывался именемъ графства, округа или прихода, изъ котораго были навербованы люди. Такимъ образомъ, каждый воинъ носилъ имя земли, на которой онъ родился, и это дорогое для него имя среди шума битвъ невольно напоминало ему, что солдатъ

только защищаетъ права мирныхъ гражданъ и самъ онъ ни что иное, какъ вооруженный гражданинъ. Быть можетъ, благодаря этому сознанію, и еще болѣе вслѣдствіе строгой дисциплины, введенной Кромвелемъ, его солдаты не предавались разгулу, не грабили земель, по которымъ проходили, и не позволяли себѣ никакихъ жестокостей относительно беззащитныхъ жителей.

Но тѣмъ сильнѣе возбуждалъ противъ себя общее негодованіе принцъ Рупрехтъ, подъ начальствомъ котораго находились тогда королевскія войска. Отступивъ отъ честнаго способа веденія войны, принятаго обѣими партіями, онъ позволялъ своимъ кавалеристамъ убивать безъ пощады людей, грабить и разорять все, что имъ попадалось подъ руку. Тѣ же неистовства позволяла себѣ и третья такъ называемая, «нейтральная» партія, которая возбуждала противъ себя тѣмъ большее ожесточеніе, что никто не признавалъ ее за партію и всѣ считали ее шайкой грабителей и бродягъ, принадлежащей къ войску Рупрехта. Не разъ передовые отряды парламентской арміи были свидѣтелями разоренія, производимаго въ странѣ отдѣльными шайками «нейтральныхъ»; постоянно жаловались на нихъ мирные жители, умоляя парламентъ избавить ихъ отъ этого «бича страны». Наконецъ, Кромвель рѣшилъ отправить цѣлый эскадронъ «Стильтонскихъ драгунъ», чтобы по возможности переловить бродягъ, величавшихъ себя «нейтральной» партіей, и наказать надлежащимъ образомъ предводителей отдѣльныхъ шаекъ.

Посланный отрядъ, выслѣдивъ шайку Юргена до Чильдерлейскаго замка, захватилъ ее врасплохъ на другой день въ Лонгстовскомъ лѣсу и, окруживъ съ двухъ сторонъ, какъ мы видѣли выше, обезоружилъ безъ малѣйшаго труда.

— Проводите ихъ въ Гунтингдонъ! приказалъ капралу Розе начальникъ эскадрона, по имени Франкъ Гербертъ, молодой человѣкъ съ внушительной осанкой высшаго военнаго чина. Это была одна изъ симпатичныхъ личностей, которыя, даже исполняя по необходимости актъ насилія, остаются гуманными и не теряютъ своего достоинства. Несмотря на суровый тонъ, который онъ принялъ, говоря съ своимъ подчиненнымъ, и серьезное выраженіе лица, во всей его наружности была какая-то особенная привлекательность, чему до извѣстной степени способствовалъ блескъ его обстановки и эффектный нарядъ. Подъ стальнымъ панцыремъ былъ надѣтъ камзолъ изъ тонкаго краснаго сукна, богато вышитый золотомъ и серебромъ. На шлемѣ развѣвались черныя и зеленыя перья. Лошадь была покрыта до колѣнъ чепракомъ, обшитымъ золотой бахромой.

— Смотрите, чтобы никто изъ нихъ не сбѣжалъ дорогой, продолжалъ Францъ Гербертъ. — Держите ихъ въ Гунтингдонѣ до моего возвращенія. Тѣ изъ нихъ, которые выкажутъ раскаяніе и пожелаютъ вернуться въ свои семьи, могутъ быть отпущены на

родину. Но предводитель и двое его товарищей, руководившіе шайкой, должны быть во всякомъ случаѣ посажены въ тюрьму... ихъ будутъ судить военнымъ судомъ!

Зосимъ Розе молча выслушалъ приказъ и, отдавъ честь начальнику, тотчасъ же двинулся въ путь съ своимъ отрядомъ и военноплѣнными по дорогѣ въ Гунтингдонъ.

— Что это значитъ? воскликнулъ съ удивленіемъ Гербертъ,— такъ какъ только въ эту минуту онъ замѣтилъ группу людей, стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дуба.

Странное зрѣлище представилось его глазамъ. Онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета: снится ли ему сонъ, или онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ передъ собой эту дѣвушку съ длинными, золотистыми локонами, въ пестрой одеждѣ сказочной королевы. Она стояла на колѣняхъ около раненаго, обрызганнаго кровью, который лежалъ неподвижно на землѣ, покрытый легкой серебристой мантіей. Рядомъ съ нею стояли еще два не менѣе фантастическихъ существа: красивый мальчикъ въ зеленой туникѣ и съ золотымъ лукомъ и капуцинъ въ коричневой монашеской одеждѣ съ выкрашеннымъ лицомъ.

Одинъ только молодой баронетъ и вѣрный слуга Мартинъ Бумпусъ не покинули бѣдной лѣсной королевы. Всѣ остальные—подруги невѣсты, лѣсничіе, егеря, разбойники, актеры и зрители обратились въ бѣгство при появленіи эскадрона.

Гербертъ, несмотря на свою молодость, не разъ участвовалъ въ сраженіяхъ; глазъ его привыкъ издали оцѣнивать силы непріятеля; никакія случайности не приводили его въ смущеніе. Но теперь сердце его усиленно забилось; догадки одна другой невѣроятнѣе проносились въ его головѣ безсвязной вереницей. Откуда явились въ лѣсу эти личности старинной англійской легенды, которыя живо напоминали ему разсказы, слышанные въ дѣтствѣ? Живые ли это люди, или ихъ создала его фантазія и они исчезнутъ также внезапно, какъ появились?

Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что не замѣтилъ впечатлѣнія, произведеннаго имъ на участниковъ поразившей его сцены. Оливія подняла голову, и руки ея невольно протянулись къ нему съ мольбой. Могло ли быть иначе! Одно его присутствіе укротило необузданную толпу и избавило отъ поруганія несчастную дѣвушку, къ которой она чувствовала глубокое состраданіе. Среди всѣхъ этихъ чужихъ, суровыхъ или враждебныхъ лицъ, къ кому другому могла она обратиться съ просьбой о защитѣ и помощи! Развѣ онъ не былъ лучше и красивѣе всѣхъ? Рельефно выдѣлялась его рыцарская наружность, вся въ красномъ и золотѣ, на высокой лошади; все остальное блѣднѣло и стушевывалось передъ нимъ.

— Помогите! проговорила съ усиліемъ Оливія, указь рукой на безпомощное существо, лежавшее на землѣ.

Въ это время Пикерлингъ, пользуясь удобной минуто зывалъ молодому полковнику длинную исторію о владѣль который, по его словамъ, оскверняль день субботній, был злонамѣренныхъ людей и ярымъ непріятелемъ вѣрующ этомъ ораторъ въ подтвержденіе каждаго своего обвинен дилъ цитаты изъ Библіи; наконецъ, видя, что слушатель зываетъ нетерпѣніе, онъ сослался на своего пріятеля тру

— Сдѣлайте одолженіе, мой другъ Леви, засвидѣте справедливость моихъ словъ! Мы не можемъ долѣе остав властью этого нечестиваго кавалера! Онъ какъ невѣрны о которомъ упоминается въ писаніи...

— Прочь! крикнулъ Гербертъ, отстраняя рукою м Оставьте меня въ покоѣ, вы разскажете мнѣ это въ бол время!

Съ этими словами онъ соскочилъ съ лошади и, броси трубачу, поспѣшилъ къ Оливіи, такъ какъ замѣтилъ е щій жестъ, хотя не могъ разслышать ея словъ. Несмот желое вооруженіе, онъ шелъ легкой и граціозной посту ставляя собой олицетвореніе мужественной красоты и с отсвѣчивала на солнцѣ его шитая золотомъ одежда, кр вѣвались на шлемѣ черныя и зеленыя перья.

— Онъ мнѣ положительно не нравится! замѣтилъ съ ствіемъ Пикерлингъ, отходя въ сторону. — Волосы у не Авессалома!

— Но у него такое же доброе сердце, какъ у Давида! трубачъ, который счелъ нужнымъ вступиться за бимаго начальника.

Пикерлингъ былъ правъ съ своей точки зрѣнія. каштановые волосы окаймляли лицо красиваго юноши лись локонами изъ подъ стальнаго шлема.

Гербертъ подошелъ къ Оливіи. Глаза ихъ встрѣтил

— Чѣмъ могу я служить вамъ, миссъ? спросилъ чтительнымъ поклономъ; въ голосѣ его было столько участія и доброты, что Оливія была тронута до глуби

Сконфуженная, съ опущенной головой, стояла она передъ рыцаремъ, который съ такой готовностью явил на помощь и молча ждалъ ея отвѣта.

Краска стыдливости еще сильнѣе выступила на ея сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы отвѣтить ему, но г вались служить ей.

— Простите мой невольный вопросъ, миссъ; вѣрьт лаю его не изъ пустаго любопытства! продолжалъ Гер нялсь къ ней, чтобы помочь ей встать съ колѣнъ.

То, что она испытывала теперь, было такъ ново и непонятно ей; это былъ какой-то неопредѣленный страхъ и радостное сознаніе, что она можетъ вполнѣ довѣриться незнакомцу и что онъ, съ своей стороны, готовъ все сдѣлать для нея. Слезы, въ которыхъ она не могла отдать себѣ отчета, душили ее; наконецъ, овладѣвъ собой, она сказала взволнованнымъ голосомъ, указывая на Мануэллу:

— Спасите эту несчастную, умоляю васъ...

Вниманіе Герберта было настолько поглощено личностью Оливіи, что онъ только теперь замѣтилъ несчастную дѣвушку, лежавшую у его ногъ. Онъ поднялъ покрывавшую ее мантію и увидѣлъ блѣдное лицо безукоризненной правильности, которое не утратило своей прелести, несмотря на подобіе смерти. Но это была красота мраморныхъ статуй; глаза были закрыты длинными шелковистыми рѣсницами, которыя скрывали цѣлый миръ очарованія и любви; маленькія красивыя губы были полуоткрыты, за ними виднѣлся рядъ жемчужныхъ зубовъ. Съ перваго взгляда ее можно было принять за мертвую, если бы не кровь, которая, медленно просачиваясь на лѣвомъ плечѣ, текла на открытую грудь.

— Боже, она истекаетъ кровью! воскликнулъ почти съ упрекомъ Франкъ Гербертъ и, снявъ съ себя шелковый шарфъ, плотно перевязалъ рану. Затѣмъ онъ обратился къ одному изъ своихъ капраловъ и приказалъ ему принести воды.

Оливія, взволнованная различными ощущеніями, которыя она переживала въ эти минуты, смотрѣла съ благоговѣніемъ и благодарностью на молодаго незнакомца.

Лицо ея было настолько краснорѣчиво, что онъ невольно улыбнулся и сказалъ ласковымъ, успокоительнымъ тономъ:

— Она не умретъ! Я убѣжденъ, что намъ удастся возвратить ей жизнь.

Капралъ, отыскавъ ручей, протекавшій въ недалекомъ разстояніи отъ дуба, принесъ воды въ шлемѣ и подалъ своему начальнику.

Гербертъ взялъ горсть воды и брызнулъ ею въ безжизненное лицо Мануэллы. Затѣмъ онъ наклонился надъ нею и началъ тереть ей виски. Чуть слышно бился пульсъ въ тонкихъ жилахъ лба; медленно пробуждалась жизнь въ похолодѣвшемъ тѣлѣ подъ теплымъ прикосновеніемъ его руки.

Оливія задумчиво слѣдила за его движеніями. Тихое счастье, которое она никогда не испытывала прежде, наполняло ея сердце какъ бы солнечнымъ сіяніемъ. Въ этомъ чувствѣ было что-то набожное, мечтательное, благоговѣйное. Красивый незнакомецъ казался ей посланнымъ свыше, приносящимъ съ собой свѣтъ и жизнь.

Ощущеніе страха исчезло. Она была убѣждена, что все, что онъ предприметъ, должно удасться ему.

Дѣйствительно, старанія его не остались безуспѣшными. Безжизненное тѣло стало оживать, пульсъ бился сильнѣе; замѣтно было легкое движеніе мускуловъ. Медленно, но съ неудержимою силою возвращался потокъ жизни; мѣрно, какъ удары волны, приливала и отливала кровь. Гербертъ наклонился къ губамъ Мануэллы и, казалось, хотѣлъ вдохнуть въ нихъ свое дыханіе. На ея лицѣ появилась мимолѣтная краска вмѣстѣ съ улыбкой, которая подернула углы рта. Губы обоихъ невольно прикоснулись. Мануэлла открыла свои большіе темные глаза и въ ту же секунду опять закрыла ихъ; но на лицѣ осталась радостная улыбка.

Изъ груди Оливіи вырвался легкій подавленный крикъ.

— Она жива! сказалъ Франкъ Гербертъ, поднимаясь на ноги.

Но что случилось съ Оливіей! Странное волненіе овладѣло ея дѣвическимъ сердцемъ. Она чувствовала себя глубоко несчастной. Ей хотѣлось быть на мѣстѣ Мануэллы, которой онъ выказалъ такую нѣжную заботливость; ей казалось, что она готова умереть въ эту минуту, чтобы почувствовать прикосновеніе его губъ.

Гербертъ надѣлъ перчатку и поправилъ шлемъ на головѣ.

— Она возвращена къ жизни, сказалъ онъ, обращаясь къ Оливіи,—но необходимо доставить ей удобное помѣщеніе и оказать помощь болѣе дѣйствительными средствами.

Оливія боялась, что незнакомецъ спроситъ ее объ имени больной. Если бы она открыла ему тайну, то измѣнила бы довѣрію, которое оказалъ ей отецъ; но, съ другой стороны, ей казалось невозможнымъ солгать этому человѣку, къ которому она чувствовала безграничное довѣріе.

Но Франкъ Гербертъ не былъ способенъ сдѣлать нескромный вопросъ, который могъ привести въ замѣшательство его самого или другаго человѣка. Онъ замѣтилъ смущеніе Оливіи, когда обратился къ ней съ предложеніемъ отнести больную въ болѣе удобное помѣщеніе; отъ его глазъ не ускользнула нѣкоторая натянутость въ томъ участіи, какое она принимала въ больной. Но, считая любопытство неумѣстнымъ, онъ успокоилъ себя догадкой, что таинственная дѣвушка, одѣтая въ мужское платье, вѣроятно, участвовала въ майской процессіи въ числѣ другихъ лицъ, которыя такъ поразили его въ первый моментъ.

Въ виду этого онъ ограничился простымъ вопросомъ:

— Вы, кажется, сильно безпокоились о ней, миссъ?

— Да! отвѣтила совершенно искренно Оливія, подъ вліяніемъ пережитыхъ ею мучительныхъ ощущеній; ее тревожила мысль, что чужая дѣвушка осталась на ея рукахъ и что она должна взять ее на свою отвѣтственность, несмотря на предубѣжденіе отца противъ евреевъ.

— Куда прикажете отнести ее? спросилъ Гербертъ.

— Въ Чильдерлейскій замокъ! отвѣтила Оливія, на которую его присутствіе дѣйствовало успокоительнымъ образомъ. Черты его лица, обращеніе, тонъ голоса—все нравилось ей и увеличивало то довѣріе, которое она почувствовала къ нему съ первой минуты ихъ встрѣчи.

Гербертъ приказалъ двумъ кавалеристамъ приготовить носилки изъ вѣтвей и положить на нихъ шинели. Затѣмъ онъ осторожно поднялъ съ земли Мануэллу, прикрылъ мантіей и, отдавъ приказъ нести ее въ замокъ Чильдерлей, вернулся къ Оливіи, которая ласково протянула ему руку въ знакъ благодарности.

— Вы, вѣроятно, дочь почтеннаго баронета Кутсъ и родственница генѐрала Кромвеля? спросилъ онъ.

Оливія утвердительно кивнула головой вмѣсто отвѣта. Онъ помогъ ей сѣсть на лошадь; ему также подвели его коня, который нетерпѣливо билъ копытами о землю отъ долгаго ожиданія. Затѣмъ, по знаку Герберта, всѣ двинулись въ путь. Пикерлингъ былъ крайне недоволенъ поведеніемъ молодаго полковника, но счелъ нужнымъ присоединиться съ своими приверженцами къ кавалерійскому отряду, которому отданъ былъ приказъ идти въ Чильдерлей.

Братъ Оливіи и Мартинъ Бумпусъ слѣдовали издали за красными мундирами. Нѣкоторые изъ кавалеристовъ курили табакъ изъ глиняныхъ трубокъ; другіе пѣли псалмы и духовныя пѣсни на плясовые народные мотивы, находя, что послѣдніе слишкомъ хороши, чтобы тѣшить ими Вельзевула.

Оливія и Гербертъ замыкали шествіе. Онъ старался занять ее разговоромъ, такъ какъ видѣлъ, что глаза ея съ безпокойствомъ слѣдили за носилками и она становилась все болѣе и болѣе разсѣянной и грустной.

Онъ заговорилъ съ ней о своемъ прошломъ, о замкѣ Мертонъ-Голлѣ, близъ Стильтона, на сѣверѣ Гунтингдонскаго графства, въ которомъ онъ родился и гдѣ до сихъ поръ жилъ его отецъ. Замокъ былъ расположенъ среди огромнаго пустыннаго болота, съ безконечнымъ горизонтомъ, и только кое-гдѣ виднѣлись небольшіе холмы и лѣсъ; но мѣсто это такъ нравилось ему, что онъ не промѣнялъ бы его ни на какое другое. Затѣмъ, мало-по-малу, увлекаясь воспоминаніями, онъ разсказалъ ей о своемъ дѣтствѣ, нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ въ Лондонѣ, и счастливыхъ годахъ студенчества въ Кембриджѣ. Но тутъ ему неожиданно пришлось разстаться съ этой безмятежной жизнью, такъ какъ долгъ призывалъ всѣхъ на защиту отечества.

— Никакія сомнѣнія не тревожили меня, продолжалъ Гербертъ;—но мнѣ было тяжело покинуть высокія залы коллегіи, обширные дворы, зеленый садъ — это почтенное мѣсто учености и спокойствія. Я живо помню сентябрскій вечеръ, когда я въ по-

слѣдній разъ ходилъ подъ высокими липами и мысленн съ готическимъ зданіемъ, гдѣ я оставлялъ то, что мнѣ въ то время: мои книги и мечты юности. Глаза мо остановились на другомъ небольшомъ зданіи, стоявшем ству съ нашей коллегіей. Это былъ Sidney-Sussey; пе капеллы, окаймленныя осеннею зеленью, ярко блестѣли угасающей вечерней зари... Въ моемъ воображеніи пр человѣка, которые нѣкогда жили здѣсь рядомъ, ходил садахъ, не зная другъ друга, не предчувствуя будуща изъ нихъ—поэтъ Джонъ Мильтонъ, другой—Оливеръ Кр величайшихъ генія нашего столѣтія, которые рано или поз встрѣтиться на своемъ жизненномъ пути...

Франкъ Гербертъ замолчалъ; Оливія не рѣшалась с какой либо вопросъ, хотя смыслъ его послѣднихъ сло яcенъ для нея.

— Да, воскликнулъ онъ черезъ нѣсколько минут отвѣчая на собственную мысль,—теперь никто не види я глубоко вѣрю и предчувствую, что этимъ двумъ люд создать новое могущественное государство изъ нашей помощной страны, изнемогающей въ предсмертной бор въ настоящее время представляетъ собой ничто иное, к который бросаютъ изъ стороны въ сторону безъ опредѣл даже ея собственныя дѣти стыдятся произносить на ч своей родины! Но рано или поздно Кромвель и Мильт вятъ ее и заставятъ другія націи относиться къ ней ніемъ: одинъ возвратитъ ей свободу и утраченный бле возвеличитъ ея имя...

Гербертъ опять остановился, нѣмѣя передъ грандіозн нарисованной его воображеніемъ.

— Надежда на лучшую будущность поддержала ме жалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ;—я оставилъ К вернулся въ мой наслѣдственный замокъ съ твердой пожертвовать жизнью для родины и тотчасъ же име мента снарядилъ полкъ. Весь мой отрядъ, который вь редъ собой, состоитъ изъ моихъ прежнихъ арендаторов свободныхъ землепашцевъ, обработывавшихъ мою зе сѣдей. Сборы наши были непродолжительны; покончи отправился въ Лондонъ для полученія патента отъ Здѣсь я познакомился съ Мильтономъ; онъ жилъ тогд комъ домѣ, въ убогой комнатѣ; большіе шкапы съ кн роскошь, которую онъ позволялъ себѣ; игра на арф его единственное развлеченіе. Такой божественной му когда не приходилось слышать раньше и врядъ ли услышать когда нибудь. Изъ Лондона я вернулся дом своихъ драгунъ, немедленно выступилъ съ ними въ п

дѣлъ Кромвеля въ день сраженія при Марстонмурѣ. Былъ жаркій лѣтній день; но мало-по-малу тучи заволокли все небо. Передъ нами на обширномъ полѣ стояла рядами непріятельская армія. Долго Кромвель сдерживалъ своихъ солдатъ; между тѣмъ разразилась гроза, ежеминутно сверкала молнія и раздавались удары грома. Дождь и градъ били о наши панцыри; наконецъ, Кромвель подалъ знакъ къ битвѣ. Мы бросились впередъ; менѣе чѣмъ въ два часа все поле было усѣяно трупами; кавалерія Рупрехта и пѣхота Ньюкестля были разбиты на-голову...

Гербертъ говорилъ съ увлеченіемъ, хотя онъ зналъ, что Оливія дочь роялиста и, вѣроятно, раздѣляетъ образъ мыслей своего отца; но не считалъ нужнымъ стѣсняться этимъ въ виду ея близкаго родства съ Кромвелемъ. Оливія внимательно слушала молодаго незнакомца; уваженіе, съ какимъ онъ относился къ великому полководцу, не могло оскорблять ее; она сама невольно преклонялась передъ геніальнымъ человѣкомъ, одно появленіе котораго приводило въ ужасъ враговъ. Она не могла ненавидѣть Кромвеля уже потому, что искренно любила его въ дѣтствѣ; жена его замѣнила ей мать и самая нѣжная дружба связывала ее съ его дочерью Елизаветой. Но въ данную минуту ее не столько занимало то, что говорилъ Гербертъ, сколько онъ самъ; его голосъ, выраженіе лица, манеры—обаятельно дѣйствовали на нее и возбуждали въ ея сердцѣ болѣзненное и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное ощущеніе. Поэтическіе образы, вызванные очарованіемъ его словъ, ослѣпляли ее; роскошный, благоуханный лѣсъ, освѣщенный весеннимъ солнцемъ, закрывалъ пропасть, къ которой она приближалась.

ГЛАВА XII.

Обѣщаніе, данное владѣльцемъ Чильдерлейскаго замка.

Наступилъ полдень; солнце поднялось высоко надъ башней Чильдерлейскаго зàмка, по ступенямъ которой почтенный баронетъ всходилъ несчетное число разъ въ это утро. Несмотря на свою тяжеловѣсную фигуру, онъ взбирался на самую верхушку башни, окруженной землянымъ валомъ, и снова возвращался въ свою комнату. Башня вся поросла плющемъ отъ времени и составляла угловое зданіе между зàмкомъ и паркомъ.

Отсюда открывался великолѣпный видъ на солнечный весенній ландшафтъ. Мирно разстилались луга; на тучныхъ пастбищахъ паслись стада коровъ и овецъ, на-половину закрытыя травой. Низко наклонялись ольхи и ивы съ обѣихъ сторонъ рѣки; бряканье ко-

ронка, кружившагося въ высотѣ,—были единственные звуки, нарушавшіе утреннюю тишину. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что, несмотря на далекое разстояніе, можно было различить тонкія очертанія верхушекъ Лонгстовскаго лѣса и массу зелени, подернутую голубоватымъ туманомъ. Но не видно было ни малѣйшаго признака жизни на дорогѣ, ведущей къ зàмку; не слышно было ни человѣческаго голоса, ни шума шаговъ.

Добродушный баронетъ сильно безпокоился. Дѣти его давно уже должны были вернуться въ зàмокъ. Солнечные часы на башнѣ показывали одиннадцать на исходѣ; группы деревьевъ у рѣки и въ долинѣ бросали густую тѣнь; камни на площадкѣ башни, гдѣ стоялъ сэръ Товій, раскалились подъ отвѣсными лучами полуденнаго солнца. Ничто не защищало ихъ отъ зноя, такъ какъ широкій чильдерлейскій флагъ, который нѣкогда развѣвался на вершинѣ башни, былъ снятъ; одинокая палка стояла обнаженная, какъ дерево, преждевременно прибитое морозомъ. Флагъ исчезъ съ башни съ того дня, какъ баронетъ долженъ былъ опустить королевское знамя—бѣлое и голубое съ изображеніями льва, однорога, лилій и арфы.

Наконецъ, сэръ Товій, измученный долгимъ ожиданіемъ, приказалъ подать себѣ палку и, надвинувъ на голову шляпу съ бѣлымъ перомъ, отправился въ деревню Чильдерлей въ надеждѣ узнать что нибудь о своихъ дѣтяхъ.

Изгибы дороги, окаймленной холмами, деревьями и низкимъ кустарникомъ, скрывали отъ его глазъ группы бѣглецовъ, спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ изъ Лонгстовскаго лѣса, такъ что только при входѣ въ деревню и на площади, гдѣ со вчерашняго вечера красовалось майское дерево, онъ увидѣлъ нѣсколькихъ участниковъ процессіи. Они были первые, которые явились домой сообщить о случившемся—съ перепуганными лицами, покраснѣвшими отъ скорой ходьбы; но такъ какъ они обратились въ бѣгство при первой тревогѣ, то имъ приходилось дополнять принесенныя ими вѣсти вымыслами своей фантазіи.

Шумъ и суета, произведенные ихъ неожиданнымъ появленіемъ, прервали занятія священника, который сидѣлъ, окруженный книгами, въ своей уютной комнатѣ, освѣщенной лучами весенняго солнца. Боязнь, что въ деревнѣ случилось какое нибудь несчастіе, заставила его поспѣшно выбѣжать изъ дому, такъ что баронетъ засталъ его на площади среди бѣглецовъ, число которыхъ ежеминутно увеличивалось.

— Во всемъ виноватъ Пикерлингъ!.. воскликнулъ одинъ изъ прибѣжавшихъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Да, все этотъ негодяй мельникъ! кричалъ другой.—Онъ собралъ ханжей чуть ли не изъ цѣлаго графства...

людей по деревнямъ! добавилъ третій.

Священникъ старался успокоить взволнованныхъ разскащиковъ, прерывавшихъ другъ друга, но впродолженіе нѣсколькихъ минутъ ничего не могъ добиться отъ нихъ, кромѣ отрывочныхъ восклицаній.

— Скажите же, наконецъ, что̀ случилось съ вами? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Вы видите, я до сихъ поръ ничего не понялъ изъ вашихъ словъ и даже не могу себѣ представить, что̀ напугало васъ!

— Ахъ, если бы вы знали! воскликнула сквозь слезы молодая дѣвушка, исполнявшая роль подруги Маріанны.—Они срубили дубъ въ лѣсу.

— Всѣ они были вооружены топорами и разомъ набросились на насъ, сказалъ молодой парень, переодѣтый лѣсничимъ, который, несмотря на охватившій его страхъ, сильно покраснѣлъ при этихъ словахъ. — Къ несчастью, съ нами не было другаго оружія, кромѣ лука и стрѣлъ безъ наконечниковъ...

— Молчи и стыдись своей трусости! прервалъ его суровый мужской голосъ. Это былъ почтенный Грингорнъ, хозяинъ трактира подъ вывѣской «Свинья и Свистокъ», одѣтый въ бѣлый передникъ и праздничную ермолку съ кисточкой. Онъ нарядился по случаю праздника и стоялъ передъ дверями своего дома съ трубкой во рту, заложивъ руки за спину. Если онъ не отправился сегодня утромъ въ лѣсъ, то главная причина была та, что дома было много дѣла: пришлось откупорить бочки, приготовить кувшины, убрать комнаты и окна зеленью и цвѣтами для пріема посѣтителей. Но теперь все вышло иначе, нежели онъ предполагалъ. Ему было досадно, что онъ не попалъ въ лѣсъ и не участвовалъ въ свалкѣ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ сердцемъ любилъ Мартина Бумпуса и семью баронета. Къ этому примѣшивалась его давнишняя ненависть къ Пикерлингу,—для него было бы лучшимъ праздникомъ отомстить врагу. Мысль, что онъ упустилъ такой удобный случай проучить мельника, раздражала его; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ придрался къ словамъ молодаго парня, чтобы излить свое неудовольствіе.

— У васъ не хватаетъ храбрости даже на такіе пустяки! продолжалъ онъ съ досадой.—Это позоръ для нашей деревни! Ну, я постоялъ бы за себя, хотя и старше всѣхъ васъ; держу пари, что Бумпусъ не сдвинулся съ мѣста, если даже всѣ бросили его...

Рѣчь Грингорна была прервана неожиданнымъ появленіемъ его дочери, которая бросилась къ нему съ громкимъ плачемъ:

— Спасите его! Они убьютъ его!.. Одинъ уже умеръ... Всѣ бросили его. Нашъ молодой баронетъ и миссъ Оливія между ними... О Боже, что я видѣла тамъ!

Ганна была внѣ себя отъ горя и страха. Трудно б
что либо изъ ея безсвязныхъ словъ. Праздничный нар
сѣлъ въ лохмотьяхъ; она разорвала его въ нѣсколькиx
о терновникъ во время бѣгства; шляпа упала съ ея гол
ные густые волосы падали въ безпорядкѣ по ея плеча

Баронетъ до этого момента слушалъ молча и съ з
то, что говорилось вокругъ него. Никто почти не замѣти
сутствія. Теперь онъ подалъ знакъ, что хочетъ говори
немедленно разступилась. Хотя всѣ были заняты своим
дѣлами и интересами, но особа баронета имѣла въ себѣ
шительное для жителей деревни Чильдерлей, которые
къ нему съ искреннимъ уваженіемъ.

На площади водворилась мертвая тишина. Баронетъ
изъ толпы и сказалъ твердымъ голосомъ:—Очень рад
что дѣти мои остались въ лѣсу съ ними. Вотъ все, чт
нять изъ вашихъ разсказовъ и для меня этого довольн
жетъ мнѣ Господь и поддержитъ мои силы! Но я лу
видѣть дѣтей моихъ мертвыми, чѣмъ знать, что они
жизнь постыднымъ бѣгствомъ...

Сэръ Товій запнулся и замолчалъ. Онъ дышалъ с
отвернулся отъ толпы, чтобы скрыть слезы, которыя в
его глазахъ.

Священникъ Гевитъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Не безпокойтесь о вашихъ дѣтяхъ, другъ мой.
оставитъ ихъ. Ни одинъ волосъ не упадетъ съ вашей
мимо Его святой воли.

Подобное утѣшеніе не могло найти доступъ къ серд
и показалось ему совершенно неумѣстнымъ. Онъ холо
дарилъ священника и сказалъ:

— Дѣло не въ этомъ! Неужели вы думаете, что т
о дѣтяхъ безпокоитъ меня? Никогда еще безнадежност
ложенія не представлялась мнѣ съ такой ясностью,
Оказывается, что я уже не господинъ въ моемъ пом
также какъ нашъ король не властелинъ въ своемъ
Какое значеніе могутъ имѣть отдѣльныя личности т
шатаны основы государственнаго порядка, попрано дос
сти, осмѣяны божественные законы!..

— Вы отвергаете единственное утѣшеніе, которо
насъ, когда все исчезаетъ, единственную помощь, ко
спасти погибающаго! возразилъ священникъ.—Вы отта
Вседержителя, забывая, что Онъ выше королей и вла
міра и что царство Его вѣчное!..

Баронетъ молчалъ. Это былъ въ своемъ родѣ б
человѣкъ, но въ данный моментъ слова священника
дили на него никакого впечатлѣнія. Несмотря на сво

мягкость и добродушіе, онъ становился рѣзкимъ, упрямымъ и безпощаднымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчалъ противорѣчіе. Онъ выросъ и воспитывался въ строгихъ правилахъ своей церкви; не считалъ христіанами тѣхъ, которые стояли внѣ ея, и не допускалъ мысли, чтобы къ нимъ могли относиться слова Спасителя: «люби ближняго, какъ самого себя». Умственный кругозоръ баронета былъ довольно ограниченъ; онъ безусловно вѣрилъ въ непогрѣшимость англиканской церкви. Въ его понятіяхъ съ представленіемъ о Богѣ неразрывно связано было глубокое уваженіе къ королю; то и другое пустило глубокіе корни въ его душѣ.

Событія послѣднихъ лѣтъ тяжело поразили его, но пока еще онъ относился къ нимъ въ качествѣ безучастнаго зрителя и твердо вѣрилъ въ успѣхъ королевскаго дѣла. Только сегодня, въ мучительное пережитое имъ утро, онъ понялъ настоящее положеніе вещей и ужаснулся при видѣ той пропасти, какая открылась передъ нимъ. Въ сильномъ волненіи стоялъ онъ, окруженный толпой безпомощныхъ поселянъ, не зная, что сдѣлалось съ тремя уѣхавшими кавалерами и его собственными дѣтьми. Горе боролось въ немъ съ гнѣвомъ, чувство униженія съ гордостью.

— Дѣлать нечего, друзья мои! сказалъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительнаго молчанія.—Намъ не осталось другаго исхода! Они вооружились топорами, мы будемъ защищаться ружьями и саблями! Если они были настолько низки и малодушны, что осмѣлились напасть на беззащитныхъ людей, то мы имѣемъ право поступить съ ними, какъ съ безсмысленными животными. Идите за мной въ замокъ! Снимите оружіе со стѣнъ, захватите съ собой пороху и свинцу. Мы опять поднимемъ старое королевское знамя! Да здравствуетъ нашъ король Карлъ I-й!

Слова баронета подѣйствовали, какъ электрическая искра, на собравшихся поселянъ. Ему нетрудно было побудить ихъ на самое смѣлое предпріятіе, тѣмъ болѣе, что всѣ они находились подъ впечатлѣніемъ утреннихъ событій.

Но въ это время послышались громкіе крики и говоръ многочисленной толпы, которая быстро приближалась къ деревнѣ. Это былъ мельникъ Пикерлингъ; онъ шелъ изъ лѣсу въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, вооруженныхъ топорами, блестѣвшими на солнцѣ. Воодушевленные пѣніемъ и молитвой, отуманенные фанатизмомъ, они смѣло подвигались впередъ, разгоняя послѣднихъ бѣглецовъ, попадавшихся на пути. Позади ихъ виднѣлись красные мундиры кавалеристовъ; лѣвой рукой держали они поводья своихъ лошадей, въ правой обнаженныя шпаги.

Деревенскіе жители при видѣ ихъ обомлѣли отъ ужаса; ими овладѣлъ паническій страхъ, чему въ значительной мѣрѣ способствовали дикія крики бѣглецовъ:—Они идутъ! Спасайтесь!.. Они перебьютъ всѣхъ насъ!

Пикерлингъ, увидя баронета въ толпѣ, стоявшей
скаго дерева, кинулся къ нему съ поднятымъ топором
блестѣли, пѣна выступила изъ рта:—Проклятъ, про
чалъ онъ, не помня себя отъ бѣшенства.—Пошлетъ Гос
смятеніе и несчастіе, доколѣ не будешь истребленъ!..
трупъ твой пищей всѣмъ птицамъ и звѣрямъ...

Сэръ Товій стоялъ молча и не дѣлалъ ни малѣйша
чтобы отстранить грозившій ему ударъ. Окружавшіе
невольно попятились назадъ; но въ эту минуту Никола
бросился на изступленнаго человѣка и выхватилъ топ
рукъ. Священникъ съ своей стороны взялъ подъ ру
и увлекъ за собою въ церковь, которую тотчасъ же
ключъ.

Въ церкви царила тишина и полумракъ. Полуде
проникая сквозь раскрашенныя окна, освѣщало матов
пестрый мраморный полъ; толстыя каменныя стѣны
шумъ и говоръ толпы, стоявшей на площади.

Баронетъ въ изнеможеніи опустился на деревянну
долго сидѣлъ, молча опустивъ голову. Когда онъ за
голосъ его странно раздался среди уединенія и таинств
высокой церкви.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—меня не безпокоитъ ни моя
участь, ни участь моихъ дѣтей. Какое имѣетъ зна
всѣхъ насъ! Когда этотъ негодяй замахнулся на меня
я окаменѣлъ отъ ужаса, лишился всякой силы воли
что они не задумаются поднять святотатственную рук
замеръ въ груди почтеннаго кавалера, гнѣвъ душил
Бога, не держите меня! проговорилъ онъ съ усиліемъ,—
на-встрѣчу опасности, а не избѣгать ея. Оставаясь въ
мы не можемъ служить дѣлу; наши колебанія губятъ
доѣла вся эта комедія; война объявлена; я не намѣ
скрывать своихъ убѣжденій.

Сэръ Товій порывисто всталъ съ мѣста и, подойдя
нымъ дверямъ, хотѣлъ открыть ихъ, но священник
его.—Нѣтъ, сказалъ онъ,—вы не уйдете отсюда; вспомн
данное вами вашей покойной женѣ!..

Слова священника обезоружили баронета; онъ ма
слѣдовалъ за нимъ къ алтарю, покрытому по старому
нымъ сукномъ, съ богатой серебряной вышивкой, хот
ностяхъ Чильдерлея и почти во всей Англіи съ пере
тельства, церкви давно приняли иной видъ. На а
серебряные подсвѣчники и распятіе изъ слоновой к
въ числѣ другихъ вещей было принесено въ даръ бл
владѣльцами Чильдерлея. Въ небольшомъ деревянном
хранился еще весь блескъ и великолѣпіе англійских

ныхъ церквей: яркія краски, образа и статуэтки. На пестрой живописи оконъ, среди гербовъ и другихъ украшеній виднѣлись освѣщенныя солнечными лучами слова: «Beati pacifici» (Блаженны миротворцы), составлявшія любимое изреченіе короля Іакова I-го, въ царствованіе котораго была возобновлена церковь.

За алтаремъ висѣла небольшая золотая лампада; свѣтъ ея падалъ на одинъ изъ тѣхъ массивныхъ мраморныхъ саркофаговъ, которые встрѣчаются не только въ соборахъ, но и въ старыхъ приходскихъ церквахъ Англіи. Хотя они не всегда отличаются художественными достоинствами, но производятъ трогательное впечатлѣніе на посѣтителя, такъ какъ въ нихъ болѣе или менѣе живо выражено горе пережившихъ потерю дорогаго существа или надежда на будущую жизнь. На мраморной крышѣ памятника покоилась спящая фигура женщины въ натуральную величину, съ кроткимъ страдальческимъ лицомъ и руками, сложенными на груди. Волосы ея были подобраны чепчикомъ à la Stuart; голова лежала на подушкѣ; длинное платье покрывало ее широкими складками до самыхъ ногъ. Скульпторъ, сдѣлавшій эту статую, вѣроятно, изучилъ до тонкости наружность женщины, послужившей ему моделью, потому что всѣхъ поражало сходство этого мраморнаго лица, съ портретомъ, висѣвшимъ въ столовой Чильдерлейскаго замка, и Оливіей, дочерью баронета. На боковой доскѣ саркофага виднѣлась крупными золотыми буквами слѣдующая надпись:

«Подъ сводомъ этого памятника
покоится прахъ
Леди Екатерины Кутсъ,
супруги сэра Товія Кутсъ, кавалера и владѣльца Чильдерлея въ Кембриджѣ, урожденной Стюартъ, единственной дочери сэра Томаса Стюартъ въ упомянутомъ графствѣ.
«Она скончалась 25 сентября
1642,
38 лѣтъ отъ роду».

У изголовья саркофага былъ изображенъ фамильный гербъ Стюартовъ: рука въ желѣзной перчаткѣ, державшая сердце съ девизомъ: «Nil desperandum»; въ ногахъ на черной дощечкѣ красовался гербъ фамиліи Кутсъ: вѣтка плюща на красномъ щитѣ съ надписью: «je meurs où je m'attache».

Священникъ взялъ подъ руку баронета, подвелъ его къ памятнику и, указывая на безжизненную мраморную фигуру, сказалъ:— Вотъ конецъ всего земнаго! Этотъ конецъ—могила, она всегда готова принять насъ! Благо тому, кто, похоронивъ дорогое существо, слышитъ изъ его гроба слова предостереженія и любви...

Могильная тишина, таинственный полумракъ, воспоминаніе о горячо любимой женѣ и людяхъ, дорогихъ для нихъ обоихъ, съ которыми ему пришлось разстаться въ послѣднее время, благодѣтельно